O 72
2 91

O 22/291

291

PUBLII OVIDII NASONIS

METAMORPHOSEON

5
0-31

LIBRI XV.

ПУБЛІЯ ОВИДІЯ НАЗОНА

XV КНИГЪ

ПРЕВРАЩЕНІЙ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ И СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ

А. Фета.

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5
1887

Ин63696

Кр55

83801-46.

2010513665

Учащемуся юношеству.

Дорогіе юноши!

Одинъ изъ уважаемыхъ наставниковъ вашихъ, ознакомившись съ моимъ переводомъ „Филемона и Бавкиды“, который провѣрялъ съ своимъ воспитанникомъ по оригиналу, долго убѣждалъ меня приступить къ переводу всѣхъ Превращеній, поставляя на видъ полезность возможно близкаго стихотворнаго перевода поэтическаго произведенія, служащаго въ цѣломъ мірѣ первою ступенькою знакомства юношей съ римскими поэтами. Въ настоящее время трудъ мой оконченъ и, представляя его на общій судъ, не могу не выразить возбудившему во мнѣ охоту и вамъ моей искренней признательности за великое наслажденіе, испытанное мною въ теченіе всей борьбы съ блестящимъ поэтомъ.

Предполагая, что со времени моей школьной скамейки пріемы изученія древнихъ не измѣнились, и воображая себя сидящимъ рядомъ съ вами, я никакъ не могу понять, чѣмъ предварительное чтеніе дома вѣрнаго перевода могло бы помочь мнѣ, въ случаѣ незнанія отдѣльныхъ формъ словъ и неумѣнія объяснить ихъ общей связи, когда бы наставникъ вызвалъ меня съ этою цѣлью. Развѣ предположить, что я пришелъ на урокъ, выучивъ наизусть мѣсто по переводу. Но если у меня хватаетъ на это досуга и памяти, то почему же не употребить бы ихъ на удержаніе въ памяти самаго текста? И какъ можно въ правильной школѣ предположить чтеніе Овидія при совершенномъ незнаніи формъ латинскаго языка? Заучиваніе наизусть оригинальныхъ стиховъ всегда было любимымъ конькомъ наставниковъ классиковъ. Въ пользу его, дѣйствительно, говоритъ многое; тѣмъ не менѣе въ наше былое время случалось въ наказаніе говорить наизусть по сотни стиховъ изъ Виргилія, весьма плохо понимая ихъ содержаніе. Это, дѣйствительно, прекрасная карательная мѣра, напоминающая собою урны Данаидъ.

Что касается до моей работы, то я не только не желаю задобривать вашей снисходительности, а, напротивъ, распахиваю передъ вами на любомъ мѣстѣ листы моего перевода. Чѣмъ строже ваши наставники и вы сами къ нему отнесетесь, тѣмъ для меня будетъ пріятнѣе.

Слова человѣческой рѣчи, а тѣмъ болѣе латинской, какъ вамъ извѣстно, подобны звенящей струнѣ, которая въ силу своего сотрясенія, занимаетъ пространство, въ нѣсколько разъ превышающее ея объемъ. Держась первоначальнаго значенія слова, переводить поэта совершенно невозможно. Необходимо отыскать русское слово, которое соотвѣтствовало бы не только ясному смыслу даннаго реченія, но и общему строю всей предлежащей главы. Проникнуть въ этотъ строй возможно только при общемъ знакомствѣ съ текстомъ, руководствуясь трудами предшествующихъ объяснителей. Конечно, въ томъ и въ другомъ случаѣ ваши наставники подаютъ вамъ руку помощи, но такъ какъ объясненія древняго поэта представляютъ не плодъ личнаго труда современнаго человѣка, а многихъ послѣдовательныхъ усилій, то намъ кажется, что справка по книгѣ не можетъ идти въ разрѣзъ съ объясненіями наставника. Если я прошу васъ быть строгими къ моему труду, то лишь потому, что считаю эту строгость для меня увы! почти безполезною, но полезною для васъ. Я и самъ хорошо знаю недостатки моей работы, вамъ же весьма полезно было бы ихъ отыскать, строка въ строку, слово за словомъ. Надѣюсь, что нигдѣ не наведу васъ на неправильное пониманіе даннаго мѣста, но что оно выражено, то съ большею буквальностію, то съ меньшею, это я знаю. Невѣрное пониманіе извѣстнаго мѣста можетъ происходить изъ трехъ причинъ: во первыхъ, испорченный переписчиками текстъ можетъ, не взирая на многочисленныя усилія критики надъ его возстановленіемъ, оставаться безпорядочнымъ, а потому темнымъ. Во вторыхъ, частный случай, придавшій мыслямъ поэта извѣстный оттѣнокъ, остается неизвѣстнымъ, и потому самая мысль не выступаетъ во всей яркости. Въ третьихъ, иногда сама латинская рѣчь, при необычайной своей подвижности, сообщающей ей такую нѣжность, дозволяетъ нашему вниманію скользить въ противоположныя стороны. Въ силу этихъ причинъ совершенно ложное пониманіе текста нерѣдко встрѣчается у знаменитыхъ европейскихъ переводчиковъ, которыхъ менѣе всего можно заподозрить въ незнаніи латинской грамматики. Все сказанное относится только къ грамматическому и логическому пониманію текста; но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о стихотворномъ переводѣ поэта, нельзя умолчать еще о другомъ пониманіи. Переводить слово въ слово полный стихъ, коего смыслъ нерѣдко развязывается во второмъ или третьемъ стихѣ, съ одного языка на другой, вполнѣ ему чуждый, уже вслѣдствіе неравенства размѣровъ и ударенiй отдѣльныхъ словъ, представляетъ задачу трудную, порой неисполнимую. Поэтому переводчику приходится иногда выпускать, а иногда прибавлять какое либо слово. Вотъ гдѣ настоящiй оселокъ его способности къ подобному труду. Представимъ себѣ ожерелье, въ которомъ, въ видахъ наилучшаго выдѣленія жемчужинъ, онѣ нанизаны черезъ зерницу съ кораловыми или другими зернами одинаковой величины. И вотъ это ожерелье даютъ перенизать слѣпому на болѣе короткую нитку, принуждающую его тамъ и сямъ выбрасывать зерна. Не узнаетъ ли всякiй зрячiй при первомъ взглядѣ на новое ожерелье, что его перенизывалъ слѣпой, который не былъ въ состояніи отличить самаго драгоцѣннаго и существеннаго отъ второстепеннаго. Живописецъ, не понимающiй самобытныхъ прелестей своего оригинала, не долженъ браться за копію. Такая копія неминуемо окажется смертоубiйствомъ. При переводѣ прозою вы будете имѣть много преимуществъ передо мною, переводившимъ стихами. У васъ не будетъ той неподвижной оправы ожерелья, въ которую подходящiй цвѣтомъ камень не входитъ по своему объему; поэтому тамъ, гдѣ замѣтите тусклую стразу, вы можете употребить настоящiй алмазъ, не стѣсняясь его объемомъ. Во всякомъ случаѣ, позвольте мнѣ утѣшаться мыслью, что трудъ мой не будетъ вамъ безполезенъ при знакомствѣ съ Овидіевыми Превращеніями. Никакое съ моей стороны искательство не можетъ убѣдить вашихъ наставниковъ и васъ серіозно отнестись къ моему переводу, если въ немъ въ болѣе или менѣе гладкихъ стихахъ только приблизительно передана Овидіева фабула. Позволю себѣ въ оправданіе собственнаго взгляда привести слова знатока въ дѣлѣ поэзіи Якова Карловича Грота, которыми онъ обрадовалъ меня въ прошломъ году по поводу моихъ переводовъ Катулла и Тибулла. Онъ писалъ: „по моему, именно такъ надо переводить, добывая съ бою каждую мысль подлинника своему языку и своему народу; такъ называемые вольные переводы, я, вмѣстѣ съ вами, считаю ложнымъ родомъ, позволительнымъ только въ видѣ поэтической игры, между дѣломъ, оригинальному таланту“.

Теперь jacta alea esto: или настоящiй трудъ приближается къ моему идеалу перевода или же: oleum et operam perdidi. Судъ въ вашихъ рукахъ.

Переводчикъ.

Предисловіе.

Люди, отвергающіе жизненное значеніе поэзіи, только высказываютъ свою близорукость. Не говоримъ уже о безполезности такого враждебнаго отношенія къ основнымъ стремленіямъ человѣческаго духа. Подобныя проповѣди совершенно однородны съ соціальными планами, основанными на желательныхъ со стороны мечтателя человѣческихъ качествахъ, а не на дѣйствительныхъ. Люди дѣйствительно должны быть честны, любить другъ друга, обуздывать свои вредныя для общежитія страсти, но къ сожалѣнію, въ дѣйствительности обыкновенно бываетъ наоборотъ, и карточный домикъ, построенный на такомъ основаніи, падаетъ самъ собою.

Во времена самаго яраго у насъ гоненія на поэзію, она въ образѣ всѣхъ изящныхъ искусствъ, какъ нарочно все сильнѣе врывалась въ нашу общественную жизнь, и въ настоящее время на каждомъ шагу можно встрѣтить юношу, неспособнаго написать грамотнаго письма, но пишущаго безконечное множество стихотвореній. Онъ поэтъ. Можно сказать, нѣтъ дѣвушки, которая бы не сидѣла полдня за роялью, не писала бы масляныхъ картинъ и не лѣпила бы изъ глины. Развѣ это не гидра, у которой вмѣсто одной отрубленной головы, выростаютъ двѣ? Но такіе пріемы въ сущности имѣютъ мало общаго съ истинной поэзіей, съ тѣмъ непосредственнымъ, невольнымъ ясновидѣніемъ, которое привело древнихъ къ смѣшенію понятія поэта и пророка въ одномъ и томъ же словѣ vates. Поэтъ тотъ, кто въ предметѣ видитъ то, чего безъ его помощи другой не увидитъ, и вотъ это то открытіе, эта высшая правда насъ такъ радуетъ каждый разъ, когда мы съ ней встрѣчаемся. Сколько, можно сказать, милліоновъ людей, даже отчасти знакомыхъ съ прагматической исторіей Рима, съ печатными руководствами въ рукахъ, перебывало на развалинахъ Форума, Колизея, Ватикана и т. д., и старалось себя увѣрить, что наслаждается древнимъ Римомъ. Всѣмъ бы имъ слѣдовало убѣдиться, что, покуда они лично не ознакомятся съ безсмертными Римскими поэтами-пророками, къ нимъ всего лучше будутъ подходить слова Шиллера:

„Передъ нимъ на вѣкъ нѣмѣя,
Въ жизнь они вступить не смѣя,
Не покинутъ пьедесталъ.
Тотъ одинъ лишь близокъ Музамъ,
Кто лелѣемъ ихъ союзомъ;
Видитъ камень въ нихъ Вандалъ“.

Какая же сущность таится въ произведеніяхъ античнаго искусства, въ которыхъ Вандалъ видитъ только камень, но къ которымъ неудержимо стремится каждый человѣкъ, отъ колыбели котораго не отвернулись Музы? Драгоцѣнно въ этой сущности не одно только то, что ея выраженія стройны, могучи, благоуханны и потому нетлѣнны; но и то, что каждый изъ этихъ пышныхъ цвѣтковъ самобытно и органически возникъ именно на томъ клочкѣ земли, на которомъ разцвѣлъ, и только Вандалы воображаютъ, что весь этотъ нетлѣнный цвѣтникъ возможно, безъ ущерба для нашего собственнаго развитія, скосить на сѣно, сдавить посредствомъ пресса (или прессы) и перемѣщать куда угодно.

Судьба поэтическаго творца Превращеній чрезвычайно странная.

Роковая завѣса, скрывшая его еще при жизни отъ всего ему дорогаго, оставалась до конца опущенной, не взирая на многократныя его попытки ее расторгнуть. Какъ не удивляться, что такая тайна, если бы она была извѣстна современникамъ, не дошла до насъ изъ устъ многочисленныхъ его друзей писателей? Но роковая тайна его изгнанія остается навсегда неизвѣстной. Самая книга Превращеній, составляющая главный алмазъ его вѣнца, сохранилась, какъ мы увидимъ ниже, для насъ только случайно.

Еще до знакомства съ главными подробностями жизни Овидія, мы невольно останавливаемся на общеизвѣстномъ поразительномъ, но тѣмъ не менѣе мало объяснимомъ событіи. Общій любимецъ, поэтъ, приближенный къ Августу, вдругъ, безъ всякихъ объясненій и очевидно подъ вымышленнымъ предлогомъ, ссылается на отдаленный край имперіи и, не взирая на постоянныя мольбы о прощеніи, ни самимъ Августомъ, ни его преемникомъ не возращенъ изъ заточенія. Этого мало: въ шумной и нескромной столицѣ никто не знаетъ настоящей причины ссылки, и она по сегодняшній день составляетъ неразгаданную тайну. Долго искали мы точки зрѣнія, съ которой хоть сколько нибудь озарилась бы судьба поэта, и эту точку мы наконецъ нашли у нашего вѣщаго Пушкина.

Устами своего Алеко поэтъ восклицаетъ:

„Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ: что такое слава“?

и мы сразу подымаемся на ту высоту, съ которой судьба такой личности, какъ Овидій, для насъ уже не безразлична, и въ то же время намъ вручается ключъ, если не къ подробностямъ, то къ самымъ условіямъ трагической судьбы. Въ первыхъ уже двухъ стихахъ великій Римъ противополагается одному изъ славныхъ сыновъ своихъ. Въ этой противоположности и слѣдуетъ искать разгадки трагедіи. Что такое Римъ по началу и по своей природѣ? Разбойничье гнѣздо, на что указываетъ Ювеналъ въ своемъ раздраженіи К. III. Сат. 8. Стих. 272:

„И хоть въ древности ищешь и выводишь издревле
Имя, все же ведешь отъ притона ты гнуснаго родъ свой“:

Но далеко не съ оттѣнкомъ укоризны смотрѣлъ на это происхожденіе органически сложившійся и развивавшійся во всемірное владычество римскій народъ. Онъ гордился напротивъ хищной кормилицей Ромула и Рема. Надо быть слишкомъ добродушнымъ, чтобы повѣрить на слово, будто бы шаловливое перепрыгиваніе Рема черезъ канаву, которою его братъ обрылъ мѣсто для будущаго Рима, было достаточнымъ поводомъ къ братоубійству въ глазахъ такого практически смышленаго народа, какимъ былъ римскій. Очевидно Ремъ заслужилъ смерть своимъ невѣріемъ въ вѣчную будущность главы вселенной—Рима. Для римлянина Римъ былъ и средствомъ, и цѣлью, и представителемъ круга земнаго urbi et orbi. Онъ то и былъ тѣмъ общественнымъ интересомъ и дѣломъ res publica, которымъ оставался до конца и подъ императорскою властію. Въ тѣсныхъ предѣлахъ нашей замѣтки мы не можемъ да и не желаемъ предаваться риторическому суду надъ римскимъ колоссомъ. Это ужъ какъ то очень выходитъ смѣшно. Тонкіе діалектики — римляне смотрѣли на подобные запоздалые суды, какъ на полезное риторическое упражненіе и не переставали въ своихъ школахъ и при Адріанѣ давать Суллѣ благіе совѣты. Мы желаемъ не судить, а понять. Вся римская исторія, исторія самаго практическаго на земномъ шарѣ народа, со столицей, основанной на братоубійственной хищнической крови, представляетъ рядъ колебаній составныхъ частей этого народа, при всевозможныхъ практическихъ сноровкахъ для уравновѣшиванія государственныхъ силъ. Разнообразіе этихъ сноровокъ неисчислимо, но у всѣхъ у нихъ за спиною незыблемо втеченіе тысячи лѣтъ стоитъ единство и могущество Рима. Допускаются всякія уступки, сдѣлки и послабленія до тѣхъ поръ, пока онѣ не кидаютъ тѣни на римское величіе. Въ послѣднемъ случаѣ всѣ обходы забываются и вѣчный городъ прямолинейно, не входя ни въ какія соображенія, идетъ на своего врага. Тутъ нѣтъ ни плебеевъ, ни патриціевъ. Латины требуютъ римскихъ правъ и у Везувія, съ одной стороны, плебейскій консулъ Децій Мусъ добровольно обрекаетъ себя на жертву, а съ другой, патриціанскій консулъ Манлій Торкватъ отдаетъ роднаго сына — побѣдителя на казнь ликтору за то, что тотъ бросился на врага до приказа консула. Консульская казнь не мѣшаетъ войску почтить героя торжественнымъ погребеніемъ. Дѣлая всевозможныя уступки народамъ побѣжденнымъ, Римъ никогда не останавливался передъ казнію своихъ враговъ ихъ численностью. Достаточно указать на судьбу Сиракузъ, Карѳагена, полчища Спартака и суммарныя казни Суллы. Между тѣмъ въ духѣ римскаго народа является черта, невольно бросающаяся въ глаза наблюдателю. На двухъ противоположныхъ концахъ римской исторіи является самодержавіе; но въ первоначальной своей формѣ царей оно до того было нестерпимо римлянину, что ни одинъ поэтъ не осмѣливался обозвать именемъ *rex* той власти, которую, начиная съ Августа, признавать земнымъ богомъ стало внутренней потребностію каждаго римлянина. Всюду у нихъ слово *rex* замѣняется словомъ *dux*. Намъ кажется, что такое, повидимому, противорѣчіе слѣдуетъ объяснять инстинктивнымъ сознаніемъ римскаго гражданина, что *rex* былъ надъ *городомъ*, а излюбленный императоръ изъ города, какъ личный представитель его всемірнаго могущества.

Органическая причина такого обоготворенія совершенно ясно высказана Гораціемъ: Од. IV, 5, гдѣ между прочимъ ст. 33 слѣдуютъ стихи:

„Съ молитвой предъ тобой сливаетъ онъ фіалъ,
Твою божественность уподобляя Ларамъ:
35 Такъ точно древній Грекъ Кастора ублажалъ
И Геркулеса лучшимъ даромъ.
О добрый вождь! продли на долгіе года
Покой Гесперіи, и въ трезвомъ мы и въ пьяномъ
Сознаньи говоримъ, съ разсвѣтомъ и когда
40 Почіетъ Фебъ за океаномъ“.

Смѣшно увѣрять, что такія вещи плодъ лести, лишенной внутренняго убѣжденія. Пусть любой льстецъ преднамѣренно напишетъ что либо подобное, и мы охотно согласимся съ мнѣніемъ, что люди, о личномъ существованіи которыхъ Цезарь никогда и не узнаетъ, сговорились изъ лести строить ему алтари и заживо воздавать божескія почести. Не менѣе добродушна мысль, чтобы сердцевѣдецъ, какъ Августъ, допустилъ въ лице себѣ такую преувеличенную лесть, еслибы не чувствовалъ себя дѣйствительнымъ носителемъ всемірной римской власти. Судите, какъ хотите, о личностяхъ Гракховъ, Марія, Брута и Кассія и Катона Утическаго; называйте ихъ формально послѣдними республиканцами, это не мѣшаетъ Риму считать ихъ врагами республики. Это не помѣшало Сципіону Африканскому, узнавшему въ Испаніи о трагическомъ концѣ своего зятя Гракха, воскликнуть съ Гомеромъ:

„Такъ да погибнетъ и всякій, свершившій подобное дѣло“.

Вотъ, по нашему мнѣнію, указаніе на источникъ трагической судьбы нашего поэта, которую онъ въ поэтическомъ предвидѣніи такъ мастерски предсказалъ въ эпизодѣ Актеона. Все несчастіе прекраснаго царскаго сына, растерзаннаго его же собственными собаками произошло оттого, что онъ нечаянно въ лѣсной глуши набрелъ на пещеру, въ которой Діана обычно купалась послѣ охоты. Тѣмъ хуже для него, что онъ безъ всякаго намѣренія совершилъ неподобающее. Несчастный смертный видѣлъ божество въ его наготѣ, и богиня безпощадно казнитъ его превращеніемъ въ оленя. Самъ Овидій случайно видѣлъ духовную наготу земнаго бога, и Августъ, оставаясь вѣренъ своему служенію, не могъ ему простить этого несчастія. Но не будемъ забѣгать впередъ.

Жизнь Овидія.

Публій Овидій Назонъ родился 20-го марта въ 43 г. до Р. Х. 711 отъ О. Р. въ консульство Гирція и Панзы, погибшихъ въ апрѣлѣ того же года отъ ранъ, полученныхъ при Мутинѣ (Моденѣ) въ двухъ сраженіяхъ противъ Марка Антонія.

Родной городъ его Сульмонъ въ разстояніи 18 географическихъ миль на югъ отъ Рима въ области Пелигновъ, въ Неаполитанскихъ Абрутцахъ на рѣкѣ Пескарѣ, древнемъ Алтернѣ. О своемъ родномъ городѣ онъ постоянно отзывался съ большой любовью. Происходилъ онъ изъ фамиліи всадниковъ, которыхъ по древности и знаменитости ихъ рода называли equites splendidos, speciosos, illustres. Хоть домъ его и обладалъ по близости Сульмона землями, но имѣніе, по собственному признанію, не могло доставить ему той извѣстности, которую впослѣдствіи сообщило ему дарованіе. Тѣмъ не менѣе онъ не разъ съ гордостью указываетъ на то, что онъ всадникъ по происхожденію, а не жалованный въ послѣднее время. Со временемъ дѣла его родителей разстроились еще болѣе, однако отецъ, предназначавшій его на государственную службу, не жалѣлъ расходовъ на его воспитаніе. Рано поэтому отправилъ онъ его вмѣстѣ съ братомъ, старшимъ лишь на годъ, въ Римъ, чтобы по тогдашнему обычаю учиться у знаменитѣйшихъ тамошнихъ грамматиковъ и ораторовъ. Но у кого онъ первоначально обучался языкамъ, между прочимъ и греческому, неизвѣстно. Позднѣйшими его учителями въ наукахъ и, главнымъ образомъ, въ краснорѣчіи называютъ: Марка Ареллія Фуска и знаменитаго оратора Марка Порція Латрона, краснорѣчію котораго Овидій самъ удивлялся.

Насколько старшій братъ поэта съ особенной ревностію предавался упражненіямъ въ судебномъ краснорѣчіи, настолько его самого съ ранняго возраста неудержимо привлекала поэзія, какъ отецъ ни старался его отъ нея удержать, какъ отъ безполезнаго занятія, не представляющаго выгодъ. О своей невольной наклонности къ стихамъ онъ разсказываетъ въ Тристіяхъ VI. Эл. 10, 15—25. Между прочимъ, какъ изъ этого мѣста видно, онъ нѣкоторое время въ угоду отцу приготовлялся къ политическому поприщу и усердно занимался декламацiей. Тѣмъ временемъ Овидiй достигъ юношескаго возраста и на 15 или 16 году въ 27 г. до Р. Х. 17-го марта промѣнялъ свою дѣтскую toga praetexta на мужскую toga virilis. Но принадлежа къ одному изъ знатныхъ родовъ всадниковъ и готовясь къ государственнымъ должностямъ, онъ воспользовался правомъ, предоставляемымъ императорами, согласно просьбѣ такого рода, юношамъ какъ и сенаторскимъ дѣтямъ, носить подъ мужскою тогою тунику, отороченную широкою пурпурною каймой (tunica laticlavia). Въ 728—730 г. онъ, согласно обычаю тогдашней римской знати, отправился для окончанiя образованiя въ Аѳины, и по случаю такого путешествiя вмѣстѣ съ Мацеромъ, впослѣдствiи знаменитымъ поэтомъ и своимъ сердечнымъ другомъ, сперва заѣхалъ въ Сицилiю, а затѣмъ и въ Малую Азiю, гдѣ посѣтилъ знаменитѣйшiе города, и главнымъ образомъ, окрестности Трои. Самъ онъ говоритъ, что никогда не носилъ оружiя, и всѣ извѣстiя о мнимой его военной службѣ ложны. На 19 или 20 году Овидiй снова вернулся въ Римъ, за годъ передъ тѣмъ потерявши старшаго брата, и занялъ одну изъ низшихъ государственныхъ должностей. Онъ былъ, какъ кажется, сперва уголовнымъ трiумвиромъ (triumvir capitalis), разбиравшимъ людей низшаго сословiя, преимущественно рабовъ и преступниковъ, воровъ и т. д., будучи притомъ и смотрителемъ тюремъ. Въ качествѣ послѣдняго онъ принадлежалъ къ классу 20-ти мужей, изъ коихъ завѣдывавшiе въ числѣ 3-хъ человѣкъ отдѣльными вѣдомствами, напр., чеканенiемъ монеты, уличными постройками и т. д. назывались трiумвирами. Подвигаясь постепенно на служебномъ пути, онъ пользовался соотвѣтственными отличiями, почетнымъ мѣстомъ въ театрѣ рядомъ съ сенаторами у оркестра, такъ какъ на 14 ступеняхъ всадниковъ онъ имѣлъ право занимать мѣсто по своему происхожденiю. Вначалѣ своей службы онъ, вѣроятно, и былъ въ первый разъ женатъ, быть можетъ, по волѣ своихъ родителей, желавшихъ остепенить слишкомъ разсѣяннаго юношу. Онъ самъ разсказываетъ въ Тристiяхъ, что развелся съ совершенно неподходящей ему женою, которую ему чуть не съ малолѣтства навязали. Вступивши вслѣдъ затѣмъ вторично въ супружество съ дѣвушкой, которой онъ самъ въ тѣхъ же Тристiяхъ отдаетъ должную справедливость, онъ тѣмъ не менѣе развелся и съ нею. Въ третiй разъ женился онъ на вдовѣ, принадлежавшей къ роду Фабiя Максима и состоявшей въ тѣсномъ дружествѣ съ супругой послѣдняго, Марцiей, какъ и съ ея матерью, теткою Августа; была же она и сродственницей вышеупомянутаго Мацера.

Поэтъ часто восхваляетъ вѣрность и честность этой супруги. Она дѣйствительно была ему предана до того, что рѣшалась послѣдовать за нимъ въ изгнаніе; но по чувству справедливости, а быть можетъ и въ надеждѣ, что она по связямъ своимъ можетъ возвратить его изъ ссылки, онъ отклонилъ ея предложеніе. Она привела ему въ домъ дочь отъ перваго брака, вступившую въ супружество съ Суилліемъ, спутникомъ Германика Цезаря. Вѣроятно у него отъ прежнихъ браковъ была и родная дочь, такъ какъ онъ много разъ объ ней упоминаетъ. На 25 году отъ рожденія, въ то время, когда его могло ожидать званіе сенатора, онъ вдругъ промѣнялъ свою тунику съ широкой каймой (tunica laticlavia) на тунику съ болѣе узкою каймой (tunica angusticlavia), на которую онъ имѣлъ право по своему происхожденію какъ всадникъ, и тѣмъ показалъ, что отказывается отъ дальнѣйшаго стремленія къ служебному почету. Объ этомъ онъ самъ говоритъ въ Тристіяхъ IV, 10, 33, объясняя насколько это чуждое его душѣ дѣло ему прискучило, тогда какъ Музы его привлекали.

Всею душой предался онъ стремленію къ стихотворству и самымъ отраднымъ образомъ проводилъ время въ Римѣ, гдѣ у него вблизи Капитолія былъ домъ и сады на Фламинской дорогѣ, служа Музамъ и Граціямъ, въ числѣ которыхъ, безъ сомнѣнія, считалъ столь прославленную имъ Коринну. Въ то же время онъ былъ окруженъ лучшими поэтами и блестящими людьми этого цвѣтущаго времени. Мацеръ, Проперцій, Понтикъ, Бассъ, Горацій, Тибуллъ, Галлъ и многіе другіе были его знакомыми и друзьями, о которыхъ онъ позднѣе поминаетъ. Такъ провелъ онъ прекраснѣйшее время жизни своей, предаваясь любимымъ занятіямъ, всѣми уважаемый и любимый. На 50 году своей жизни онъ потерялъ своихъ престарѣлыхъ родителей, изъ коихъ отецъ умеръ на 90 году отъ рожденія. Вдругъ въ 762 году на 52 отъ рожденія надъ нимъ разразилась гроза. Онъ неожиданно впалъ у Августа въ немилость и былъ сосланъ въ Томи на берега Чернаго моря, недалеко отъ устьевъ Дуная. Такого рода ссылка только удаляла приговореннаго отъ столицы, не лишая его правъ состоянія и имущества. Всѣ усилія изслѣдователей хотя сколько нибудь разсѣять мракъ, скрывающій это событіе, остаются по сей день тщетными.

Побудительной причиной къ лично мурѣшенію, безъ обращенія къ сенату, Августъ выставилъ соблазнительный языкъ эротическихъ стихотвореній Овидія, особенно въ *Любовномъ искусствѣ*. Было выставлено, что произведенія поэта увлекаютъ другихъ къ любодѣянію и супружеской невѣрности, и потому поэтъ заслужилъ де самъ наказаніе, которое по Юліанскому закону, изданному самимъ Августомъ, назначено прелюбодѣямъ. Интересно въ этомъ отношеніи то, что самъ поэтъ въ своихъ Тристіяхъ К. II. ст. 207 говоритъ объ этомъ обвиненіи:

„Два проступка меня погубили и пѣснь и ошибка;
О второй то винѣ вынужденъ я умолчать.
Не подобаетъ же мнѣ обновлять твою рану, о Цезарь,
210 Было чрезмѣрно уже скорбь и однажды нанесть.
Часть остается лишь та, что будто бы пѣснею гнусной
Любодѣянья грѣхамъ вышелъ наставникомъ я.
Стало быть могутъ сердца и небесныя тожь ошибаться,
И извѣстія быть ниже гораздо тебя.
215 Какъ, охраняющему и боговъ и высокое небо,
Зевсу порой недосугъ до мелочей доходить,
Такъ при обзорѣ земли, отъ твоей зависящей власти,
Можетъ заботы твоей низшее что избѣжать“.

Если сообразить, что Овидій всѣ свои эротическія стихотворенія написалъ въ ранней молодости и окончательно издалъ болѣе чѣмъ за 10 лѣтъ до изгнанія, что во все это время самъ Августъ не только читалъ ихъ, но при цензурѣ и на смотрахъ всадниковъ не дѣлалъ никакихъ неблагопріятныхъ для нравственности Овидія замѣчаній, когда поэтъ, какъ самъ о томъ говоритъ, проѣзжалъ мимо Августа на подаренномъ имъ конѣ, то нельзя не видѣть, въ обвиненіи его Музы въ безнравственности, одного предлога.

Въ античномъ мірѣ, воспитанномъ на наготѣ, игривыя любовныя пѣсни Овидія не могли вдругъ ни съ того, ни съ сего явиться камнемъ преткновенія современной нравственности; что же касается до личнаго поведенія поэта въ этомъ отношеніи, то по множеству свидѣтельствъ оно было безупречно. Быть можетъ, что это формальное обвиненіе было подсказано недоброжелателями поэта Августу, вознегодовавшему на Овидія по другой причинѣ. Въ чемъ же состояло обстоятельство, такъ внезапно измѣнившее во гнѣвъ очевидное расположеніе Августа къ Овидію? Тутъ открывается широкое поле всевозможнымъ догадкамъ; и такъ какъ самъ поэтъ многократно признается въ невольно нанесенномъ имъ Августу оскорбленіи, тщательно избѣгая высказать, въ чемъ оно состояло, и въ этомъ случаѣ это повторяется, можно сказать, всею римскою литературой, то мы рѣшаемся предположить, что сущность обиды оставалась вполнѣ неизвѣстной для всего Рима, за исключеніемъ Овидія и самого Августа. Выше мы на основаніи словъ самого поэта говорили о тонкихъ, но тѣмъ не менѣе могучихъ причинахъ молчанія, какъ со стороны Овидія, такъ и со стороны семейства Августа; но возможно ли все римское общество счесть до того деликатнымъ, что оно, щадя того и другаго, навсегда умолчало объ общеизвѣстномъ событіи? Не найдемъ ли мы дальнѣйшее подтвержденіе нашей догадкѣ въ томъ, что, не взирая на постоянныя мольбы, доходившія изъ изгнанія до Августа и, по смерти его, до Тиверія, онъ не былъ прощенъ этими императорами. Они хорошо понимали, что постоянная надежда на помилованіе не дозволитъ Овидію проболтаться; но кто могъ поручиться, что и возвращенный на родину и забывшій выстраданную невзгоду, онъ никогда не проболтается даже за виномъ передъ близкимъ человѣкомъ и тѣмъ не уничтожитъ всей цѣли ссылки? Теперь обратимся къ нѣкоторымъ предположеніямъ критиковъ: таковыхъ предположеній главнымъ образомъ два. Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ допускающее, что Овидій случайно увидалъ въ семействѣ Августа сцену, навлекающую позоръ на Августѣйшій домъ: или до той поры считавшуюся непорочною Ливію, супругу Августа, съ сыномъ ея отъ перваго брака Тиверіемъ при купаньи или раздѣваньи, быть можетъ и съ кѣмъ-либо другимъ, или и самаго Августа въ неприличномъ отношеніи къ единственной его дочери отъ первой супруги Скрибоніи, безнравстенной Юліи старшей, а быть можетъ ко внучкѣ своей Юліи младшей. Что дѣйствительно случилось нѣчто въ этомъ родѣ, можно, кажется, усмотрѣть изъ слѣдующихъ позднѣйшихъ стиховъ его Тристій К. II. ст. 103.

„Видѣлъ я нѣчто зачѣмъ? Взоромъ преступенъ зачѣмъ?
И невзначай Актеонъ безъ одежды увидѣлъ Діану,
Тѣмъ не меньше своихъ сталъ онъ добычей собакъ“.

Изъ этихъ словъ самого поэта, какъ и изъ многихъ другихъ, явствуетъ, что онъ дѣйствительно имѣлъ несчастіе видѣть то, что ему видѣть не подобало. Подробность купанія или раздѣванія могла быть подсказана критикамъ сценою Актеона, а продолжавшаяся и по смерти Августа немилость Тиверія къ поэту заставляетъ скорѣе предположить, что дѣло идетъ тутъ о его матери Ливіи, а не о дочери и внучкѣ Скрибоніи, которыхъ такъ ненавидѣла Ливія, ревновавшая всѣхъ къ своему любимцу Тиверію. Возраженія, приводимыя противъ этого перваго предположенія, такъ шатки, что мы рѣшаемся пройти ихъ молчаніемъ.

Второе предположеніе, выставленное Ленцемъ, состоитъ въ томъ, будто Овидій дѣйствительно видѣлъ нѣчто неподобающее, но совершенно въ другомъ родѣ; что это могло случиться не въ Римѣ, а на какой-либо виллѣ, или въ кампанскомъ Суррентѣ (Сорренто) у сосланнаго туда Агриппы Постума. Тутъ, какъ онъ предполагаетъ, была разыграна сатирическая піеса самимъ Агриппою или его преслѣдуемыми Ливіею друзьями, къ чему былъ приглашенъ и Овидій, не подозрѣвавшій тутъ ничего дурнаго.

Быть можетъ, это была трагедія Медея, написанная самимъ Овидіемъ безъ всякой задней мысли, но посредствомъ которой кружокъ недоброжелателей Ливіи старался намекнуть на ея происки и убійства, обращенныя противъ ближайшихъ членовъ семьи. Это обстоятельство могло быть донесено Августу и быть причиною единовременной ссылки Овидія въ Томи, а Агриппы на островъ Планазію (Піаноза).

Спрашивается: похоже ли это на сцену Актеона, и почему же извиняясь такъ часто передъ Августомъ въ эротическихъ пѣсняхъ, поэтъ нигдѣ не говоритъ о Медеѣ? Во всякомъ случаѣ Овидій палъ жертвою придворной интриги, которая могла между прочимъ внушать Августу, будто воспѣтая Овидіемъ Коринна, есть никто иная, какъ его необузданная дочь Юлія. Свое путешествіе въ ссылку, послѣдовавшее такъ неожиданно и настоятельно, что онъ не имѣлъ времени къ нему приготовиться, самъ поэтъ описываетъ въ первой книгѣ Тристій. Тутъ онъ говоритъ о своемъ прощаніи съ домомъ, о случайностяхъ долгаго пути и невѣрности взятыхъ съ собою въ услуженіе рабовъ. Ѣхалъ онъ черезъ Адріатическое, Іонійское и Эгейское море до Ѳракіи, а оттуда сухимъ путемъ до Томи.

Какъ ни грустно описываетъ онъ свое мѣстопребываніе, тѣмъ не менѣе мягкій, уживчивый характеръ высоко образованнаго римлянина, такъ наивно просвѣчивающій въ разсказѣ полудикаго Пушкинскаго цыгана, стяжалъ Овидію общую любовь жителей Томи. Талантливый престарѣлый поэтъ до такой степени усвоилъ себѣ Гетскій мѣстный языкъ, что по смерти Августа, отравленнаго вѣроятно Ливіею въ 767 г. отъ О. Р. онъ написалъ въ честь императора стихотвореніе на этомъ языкѣ. Намъ кажется, что судя по отношенію Ливіи и Тиверія къ покойному императору, лесть не могла быть причиною такого хвалебнаго стихотворенія. Нѣкоторые утверждаютъ, будто бы у воротъ Томи былъ отысканъ великолѣпный памятникъ съ латинскимъ четверостишіемъ, указывающимъ на судьбу Овидія, но мы здѣсь этой надписи не приводимъ, такъ какъ во многихъ мѣстахъ указываютъ могилу нашего поэта.

Изъ немногаго сказаннаго нами уже выглядываетъ мягкій, уклончивый, чтобы не сказать слабый, личный характеръ Овидія. На его впечатлительной природѣ одинаково отразилась и блестящая игривость тогдашняго Рима, не брезгавшаго ни остротами ни каламбурами, и утонченная его испорченность. Образованность Овидія, его историческая и миѳологическая память по истинѣ изумительны. Читатели изъ повѣствованія о міротвореніи въ началѣ и о Пиѳагорѣ въ 15-й книгѣ Превращеній могутъ сами убѣдиться въ способности поэта не только къ цѣлостному міросозерцанію, но и къ отвлеченнымъ тонкостямъ, изумительнымъ въ римлянинѣ. Никому, быть можетъ, изъ римскихъ поэтовъ, обязательная тогда для всѣхъ образованныхъ людей, риторическая школа, не оказала такихъ услугъ, какъ Овидію. Внѣшняя отдѣлка его стиха и рѣчи, мастерство переходовъ отъ одного предмета къ другому, навсегда сохранятъ ему мѣсто перваго поэтическаго латинскаго стилиста. Мы и не думаемъ укорять его въ риторическомъ искусствѣ; лучше что нибудь знать и умѣть, чѣмъ ничего не знать и не умѣть. Мы даже не можемъ не считать Овидія истиннымъ художникомъ поэтомъ, такъ какъ каждый его стихъ, даже о самыхъ будничныхъ предметахъ, указываетъ на прирожденную способность видѣть красоту тамъ, гдѣ глазъ самаго опытнаго ритора ея не замѣтитъ. Не даромъ же втеченіе 2-хъ тысячъ лѣтъ его сочиненія читаются и перечитываются всѣмъ образованнымъ міромъ. Внимательный читатель убѣдится изъ примѣчаній что всѣ пятнадцать книгъ Превращеній представляютъ не одну длинную цѣпь ловко сцѣпленныхъ другъ съ другомъ анекдотовъ, но цѣлый миѳическій міръ, въ которомъ одно и то же лице, нерѣдко третьестепенное выступаетъ наружу во многихъ мѣстахъ, постоянно сохраняя свой характеръ, какъ это бываетъ съ переплетомъ и развѣтвленіями жилъ живаго организма. Но если, помимо образованія, поэтической зоркости и ловкости, отъ поэта требуется еще тотъ самобытный нравственный осадокъ, та прирожденная мощь, которая не зависитъ ни отъ содержанія его пѣсенъ, ни отъ современныхъ вѣяній, то въ этомъ смыслѣ мы должны сознаться, что Овидій уступаетъ другимъ своимъ современникамъ. Въ нихъ повторяется то же, что мы видимъ послѣдовательно въ произведеніяхъ древней скульптуры. Чѣмъ статуя ближе къ блестящему періоду искусства, тѣмъ оригинальнѣе, индивидуальнѣе общій ликъ и тѣмъ менѣе отдѣлки положено на подробности. Ухо и локонъ строго на своемъ мѣстѣ, но они не дерзаютъ своею тонкою отдѣлкой отвлекать вниманіе отъ цѣлаго. Чѣмъ ближе статуя къ періоду упадка, тѣмъ общѣе (если она не портретъ) ея выраженіе, но за то тѣмъ художественнѣе отдѣлка подробностей, доходящая до просверливанія локоновъ въ видѣ пулями изстрѣленнаго щита.

Никто съ нашей современной точки зрѣнія не вздумаетъ укорять Горація или Проперція, современниковъ нашего поэта, въ излишней скромности и сдержанности, но внимательный читатель съ первой строки слышитъ ихъ самобытный удѣльный вѣсъ. Слѣдовательно, сравнительную легкость вдохновенія Овидія надо приписать не современнымъ римскимъ нравамъ, а его личному характеру.

Впрочемъ это личное наше воззрѣніе, которое мы рѣшились высказать для успокоенія совѣсти; ибо, еслибы ближайшее знакомство съ Превращеніями не доставляло намъ истиннаго наслажденія, то и самый бы переводъ не существовалъ. Поэтическое поприще свое Овидій началъ на 22 году отъ рожденія любовными пѣснопѣніями, и Римъ познакомился съ нимъ по его обращеніямъ къ Кориннѣ. Эти произведенія писалъ онъ между 732 — 754 отъ О. Р. До 755 года написаны имъ героиды, трагедіи, искусство любви и т. д. Въ 755 г. онъ началъ свой праздничный календарь Fasti и Превращенія, которыя и были окончены еще до его изгнанія, но не получили окончательной отдѣлки. Поэтому первое изъ этихъ произведеній было обнародовано не ранѣе какъ за годъ или за два до его смерти (770 и 771 отъ О. Р.). Что же касается послѣдняго произведенія, то усматривая въ этой работѣ недостатки, онъ еще до изгнанія сжегъ рукопись, текстъ которой, сохранившись случайно въ спискахъ у его друзей, дошелъ и до насъ; и такимъ образомъ, вопреки желанію самого поэта, исполнились слова, которыми онъ оканчиваетъ свои Превращенія:

„Вотъ я и трудъ завершилъ; его ни гнѣвный Юпитеръ,
Ни желѣзо, ни огнь, ни давность изгладить не могутъ“.

Если народному самолюбію нѣкоторыхъ можно охотно извинить предположеніе, будто Овидій, написавшій, какъ мы видѣли, свой панегирикъ Августу на Гетскомъ языкѣ, писалъ его на Славянскомъ (древне-Болгарскомъ) и, такимъ образомъ, какъ бы самъ переводилъ себя съ латинскаго на славянскій языкъ, то почему же не извинить намъ той радости, съ которой мы предлагаемъ русскому читателю переводъ главнѣйшаго произведенія Овидія, доставившаго поэту вѣковѣчную славу?

Чувство справедливости вынуждаетъ насъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе вида, въ какомъ нашъ переводъ явится на судъ публики.

Когда мы однажды, слѣдя за коммерческой игрой извѣстнаго въ свое время игрока въ карты, спросили его, почему онъ на этотъ разъ начиналъ такъ, а въ предыдущую игру совершенно на оборотъ, онъ отвѣчалъ: „слѣдовать разъ навсегда одной, даже и наилучшей системѣ, значитъ превращать игру въ механическое дѣло Тутъ уже не будетъ игры; а я люблю играть“.

Нѣчто въ этомъ родѣ мы могли бы сказать и о своихъ переводахъ. Съ лѣтами собственное вдохновеніе все рѣже и рѣже оказываетъ свои ласки, а потребность этихъ ласкъ не скудѣетъ и вынуждаетъ искать ихъ у другихъ. Болѣе всего мы ихъ находимъ у древнихъ, этихъ величайшихъ мастеровъ слова. Борьба съ ними на народномъ языкѣ, еще мало готовомъ къ выраженію столь чуждой ему жизни, представляетъ великое наслажденіе, и, только надѣясь на знакомство съ простонароднымъ языкомъ и навыкъ управляться съ русскимъ стихомъ, мы на нее рѣшились. Въ эту сторону было по преимуществу обращено наше вниманіе какъ въ настоящемъ переводѣ, такъ и въ переводѣ Ювенала, которому мы, не безъ нѣкотораго основанія, предсказывали общее равнодушіе за малыми отрадными исключеніями.

Вдругъ, къ великому изумленію и радости, въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, появился, за подписью графа Олсуфьева, подробный, стоившій большаго труда, разборъ, которымъ, скажемъ кстати, мы уже воспользовались, чтобы исправить, согласно указаніямъ, относящимся преимущественно къ примѣчаніямъ, тѣ мѣста, съ разъясненіями которыхъ графомъ Олсуфьевымъ мы вполнѣ согласны. Что мы искренно признательны графу Олсуфьеву за его критику, видно изъ радости, съ какою мы приняли его любезное предложеніе, провѣрить настоящій переводъ *Превращеній*, совершенно готовый къ печати.

Но при этомъ не обошлось безъ затрудненій. Въ виду возможной близости перевода къ оригиналу, графъ Олсуфьевъ настоялъ на печатаніи книги съ латинскимъ оригиналомъ рядомъ. Когда мы согласились на такое усложненіе дѣла, графъ, найдя нашъ оригинальный текстъ отсталымъ отъ новѣйшихъ исправленій, настоялъ и на этихъ исправленіяхъ, хотя бы главнѣйшихъ. Конечно и съ этимъ нельзя было не согласиться, такъ какъ самый текстъ этимъ пріобрѣталъ самостоятельную цѣну въ глазахъ знатоковъ. За спѣшностью работы графъ не могъ принять на себя пересмотра сдѣланныхъ нами примѣчаній, относящихся къ содержанію. Но такія примѣчанія были и будутъ предметами споровъ. За то всѣ примѣчанія, касающіяся до формальности текста, принадлежатъ перу графа Олсуфьева, и мы, пользуясь чужой ученостью и трудами, не желаемъ въ глазахъ публики изъ скромнаго переводчика превращаться въ знатока филолога.

Содержаніе.

Книга первая.

1. Хаосъ и сотвореніе міра . . . . Ст. 5—88
2. Четыре вѣка . . . . „ 89—150
3. Гиганты . . . . „ 151—162
4. Ликаонъ . . . . „ 163—252
5. Потопъ. Девкаліонъ и Пирра . . . . „ 253—415
6. Пиѳонъ . . . . „ 416—451
7. Дафна . . . . „ 452—567
8. Іо. Аргусъ. Сиринга . . . . „ 568—750
9. Фаэтонъ . . . . „ 751—779

Книга вторая.

1. Фаэтонъ (продолженіе) . . . . Ст. 1—328
2. Геліады . . . . „ 340—366
3. Цигнъ . . . . „ 367—380
4. Каллисто . . . . „ 401—530
5. Воронъ. Коронида. Ворона. Никтимена . . . . „ 531—632
6. Оцироя. . . . . „ 633—675
7. Баттъ . . . . „ 676—707
8. Аглавра. Зависть . . . . „ 708—832
9. Европа . . . . „ 833—875

Книга третья.

1. Кадмъ . . . . Ст. 1—130
2. Актеонъ. . . . . „ 131—252
3. Семела . . . . „ 253—315
4. Тирезій . . . . „ 316—338
5. Нарциссъ. Эхо. „ 339—510
6. Пентей . . . . „ 511—733

Книга четвертая.

1. Дочери Минія . . . . Ст. 1—55
2. Пирамъ и Тизба . . . . „ 55—167
3. Венера и Марсъ . . . . „ 167—190
4. Левкотоя . . . . „ 190—255
5. Клитія . . . . „ 256—270
6. Салмацида . . . . „ 285—388
7. Атамантъ и Ино . . . . „ 416—562
8. Кадмъ и Гармонія . . . . „ 563—603

9. Персей и Атлантъ . . . . Ст. 604—662
10. Андромеда . . . . „ 663—764
11. Медуза . . . . „ 765—803

Книга пятая.

1. Финей. . . . . Ст. 1—235
2. Претъ . . . . „ 236—241
3. Полидектъ . . . . „ 242—249
4. Музы . . . . „ 250—273
5. Пиреній. . . . . „ 273—293
6 Піериды . . . . „ 294—378
7. Похищеніе Прозерпины . . . . „ 385—408
8. Ціана . . . . „ 409 - 437
9. Крапчатая ящерица . . . . „ 438—461
10. Аскалафъ . . . . „ 533—550
11. Сирены . . . . „ 551—563
12. Аретуза . . . . „ 572—641
13. Линкъ. . . . . „ 642—661

Книга шестая.

1. Арахна. . . . . Ст. 1—145
2. Ніобея . . . . „ 146—312
3. Ликійскіе поселяне . . . . „ 313—381
4. Марзіасъ . . . . „ 382—400
5. Пелопсъ. . . . . „ 401—411
6. Филомела и Прокна . . . . „ 412—676
7. Цетъ и Калай. . . . . „ 677—721

Книга седьмая.

1. Язонъ и Медея . . . . Ст. 1—158
2. Эзонъ . . . . „ 159—293
3. Кормилицы Либера . . . . „ 294—296
4. Пелій . . . . „ 297—349
5. Бѣгство Медеи . . . . „ 350—397
6. Тезей . . . . „ 398—452
7. Миносъ. . . . . „ 453—522
8. Чума. Мирмидоны . . . . „ 523—660
9. Цефалъ и Прокрида . . . . „ 661—865

Книга восьмая.

1. Нисъ и Сцилла . . . . Ст. 1—151
2. Корона Аріадны. . . . . „ 152—182
3. Дедалъ и Икаръ . . . . „ 183—235
4. Куропатка . . . . „ 236—259
5. Калидонскій вепрь. Мелеагръ. Мелеагриды . . . . . . „ 260—546
6. Ахелой. Эхинады. Перимелы . . . . . . „ 547—611
7. Филемонъ и Бавкида . . . . „ 612—725
8. Протей. Местра. Голодъ . . . . „ 726—885

Книга девятая.

1. Ахелой и Геркулесъ . . . . Ст. 1— 97
2. Нессъ . . . . „ 98—133
3. Неистовый Геркулесъ . . . . „ 134—238
4. Геркулесъ, вознесенный на небеса . . . . . „ 239—272
5. Алкмена въ родахъ. Галантида . . . . . . „ 273—323

6. Дріопа . . . . Ст. 324—393
7. Іолай . . . . „ 394—417
8. Библида . . . . „ 418—665
9. Ифида . . . . „ 666—797

Книга десятая.

1. Орфей и Эвридика. . . . . Ст. 1— 85
2. Движеніе деревьевъ . . . . „ 86—105
3. Кипарисъ . . . . „ 106—142
4. Ганимедъ . . . . „ 143—161
5. Гіацинтъ . . . . „ 162—219
6. Церасты и Пропетиды . . . . „ 220—242
7. Пигмаліонъ . . . . „ 243—297
8. Мѵрра . . . . „ 298—502
9. Адонисъ. . . . . „ 503—559
10. Аталанта . . . . „ 560—739

Книга одиннадцатая.

1. Смерть Орфея . . . . Ст. 1— 66
2. Наказаніе Вакханокъ . . . . „ 67— 84
3. Золотой Мидасъ . . . . „ 85—145
4. Уши Мидаса . . . . „ 146—193
5. Лаомедонъ . . . . „ 194—220
6. Пелей и Ѳетида . . . . „ 221—265
7. Пелей у Цеика. Хіона. Дэдаліонъ . . . . . „ 266—409
8. Цсикъ и Альціона. Сонъ . . . . „ 410—748
9. Эзакъ . . . . „ 749—795

Книга двѣнадцатая.

1. Греки въ Авлидѣ . . . . Ст. 1— 23
2. Ифигенія . . . . „ 24— 38
3. Молва . . . . „ 39— 63
4. Цигнъ . . . . „ 64—145
5. Ценей . . . . „ 146—209
6. Битвы Центавровъ. Гилларъ и Гилонома. . . „ 210—535
7. Периклименъ . . . . „ 536—579
8. Смерть Ахиллеса . . . . „ 580—628

Книга тринадцатая.

1. Споръ изъ за оружія. Аяксъ . . . . Ст. 1—398
2. Гекуба . . . . „ 399—575
3. Мемнонъ . . . . „ 576—622
4. Аній . . . . „ 623—704
5. Галатея и Ацисъ. Полифемъ. Главкъ . . . . „ 705—968

Книга четырнадцатая.

1. Главкъ и Сцилла . . . . Ст 1 – 74
2. Церкопы . . . . „ 75—153
3. Ахемениды . . . . „ 154—307
4. Пикъ. „ 308—444
5. Спутники Діомеда . . . . „ 445—511
6. Апулійскій пастухъ . . . . „ 512—526
7. Корабли Энея . . . . „ 527—565
8. Ардея . . . . „ 566—581
9. Обожествленіе Энея . . . . „ 582—608

10. Памона и Вертумнъ . . . . Ст. 609—697
11. Ифисъ и Анаксарета . . . . „ 698—771
12. Ромулъ и Герсилія . . . . „ 772—851

Книга пятнадцатая.

1. Мисцелъ . . . . Ст. 1— 59
2. Пиѳагоръ . . . . „ 60—478
3. Нума и Эгерія. Ипполитъ . . . . „ 479—546
4. Тагъ. Копье Ромула. Ципъ. . . . . „ 547—621
5. Эскулапій . . . . „ 622—744
6. Юлій Цезарь . . . . „ 745—870

P. OVIDII NASONIS

METAMORPHOSES

ОВИДІЕВЫ ПРЕВРАЩЕНІЯ

LIBER PRIMUS

INDEX

1. Chaos et creatio rerum.
2. Aetates.
3. Gigantes.
4. Lycaon.
5. Diluvium. Deucalion et Pyrrha.
6. Pythion.
7. Daphne.
8. Io. Argus. Syrinx.
9. Phaethon.

In nova fert animus mutatas dicere formas
Corpora. Di, coeptis—nam vos mutastis et illas,
Adspirate meis, primaque ab origine mundi
Ad mea perpetuum deducite tempora carmen.

CHAOS ET CREATIO RERUM.

Ante mare et terras et, quod tegit omnia, caelum
Unus erat toto naturae vultus in orbe,
Quem dixere Chaos; rudis indigestaque moles
Nec quicquam nisi pondus iners congestaque eodem
Non bene iunctarum discordia semina rerum.
Nullus adhuc mundo praebebat lumina Titan,

---

2 Въ настоящемъ видѣ смыслъ текста достаточно ясенъ: я намѣренъ воспѣть превращенія; помогите мнѣ въ этомъ боги, такъ какъ вы сами творцы этихъ превращеній. 10 *Титанъ*, *Уранъ* или Целусъ т. е. небо, какъ личное существо прижилъ съ *Геей*—(землею) двѣнадцать сыновей и многихъ дочерей, родъ исполинскихъ боговъ или по крайней мѣрѣ сверхъ человѣческихъ существъ подъ общимъ названіемъ

КНИГА ПЕРВАЯ

СОДЕРЖАНІЕ

1. Хаосъ и сотвореніе міра . . . . . Ст. 5—88
2. Четыре вѣка . . . . „ 89—150
3. Гиганты . . . . „ 151—162
4. Ликаонъ . . . . „ 163—252
5. Потопъ. Девкаліонъ и Пирра . . . „ 253—415
6. Пиѳонъ . . . . „ 416—451
7. Дафна . . . . „ 452—567
8. Іо. Аргусъ. Сиринга . . . . . . „ 568—750
9. Фаэтонъ . . . . „ 751—779

Духъ мой стремится воспѣть тѣла, облеченныя въ формы
Новыя. Боги—вы жь ихъ измѣнили—придите на помощь
Начинаньямъ моимъ, и прямо съ начала вселенной
Непрерывную пѣснь до нашихъ временъ доведите.

ХАОСЪ И СОТВОРЕНІЕ МІРА.

Море сперва и земля и все покрывшее небо
Было ликомъ однимъ природы по цѣлому міру.
То называлось хаосъ, сырая и грубая глыба,
Косная тяжесть одна, въ одно сведенные вмѣстѣ
Связанныхъ плохо вещей враждебные только зачатки.
Міру не посылалъ никакой Титанъ еще свѣта,

Титановъ; между ними былъ одинъ, по имени Гиперіонъ, собственно *сверху* (надъ землей и небомъ) *ходящій*, который съ сестрою своею Тіей родилъ бога солнца *Геліоса* или *Соля*, который въ свою очередь назывался Титаномъ, какъ онъ равнымъ образомъ, будучи сыномъ Гиперіона, самъ называется Гиперіономъ (напр. 8, 565). Наконецъ съ нимъ смѣшанъ былъ и Фебъ (Аполлонъ).

Nec nova crescendo reparabat cornua Phoebe,
Nec circumfuso pendebat in aëre tellus
Ponderibus librata suis, nec bracchia longo
Margine terrarum porrexerat Amphitrite.
Atque-ubi erat tellus, illic et pontus et aër.
Sic erat instabilis tellus, innabilis unda,
Lucis egens aër; nulli sua forma manebat,
Obstabatque aliis aliud, quia corpore in uno
Frigida pugnabant calidis, humentia siccis,
Mollia cum duris, sine pondere, habentia pondus.
Hanc deus et melior litem natura diremit;
Nam caelo terras et terris abscidit undas,
Et liquidum spisso secrevît ab aëre caelum.
Quae postquam evolvit caecoque exemit acervo,
Dissociata locis concordi pace ligavit.
Ignea convexi vis et sine pondere coeli
Emicuit summaque locum sibi legit in arce.
Proximus est aer illi levitate locoque.
Densior his tellus, elementaque grandia traxit
Et pressa est gravitate sui; circumfluus humor
Ultima possedit solidumque coërcuit orbem.
Sic ubi dispositam, quisquis fuit ille deorum,
Congeriem secuit, sectamque in membra redegit:
Principio terram, ne non aequalis ab omni
Parte foret, magni speciem glomeravit in orbis.
Tum freta diffudit rabidisque tumescere ventis
Iussit et ambitae circumdare litora terrae.
Addidit et fontes et stagna inmensa lacusque,
Fluminaque obliquis cinxit declivia ripis,
Quae, diversa locis, partim sorbentur ab ipsa,
In mare perveniunt partim, campoque recepta
Liberioris aquae pro ripis litora pulsant.
Iussit et extendi campos, subsidere valles,

---

11 *Феба*—богиня луны, сестра бога солнца—Феба; внѣ этого отношенія Луна и какъ богиня охоты—Діана.—*Рогами* древніе называли ту форму луны, которую мы называемъ теперь серпомъ. 13 По древнему представленію земля въ видѣ круга уравновѣшиваясь, подобно вѣсамъ, держалась на оси, продѣтой сквозь этотъ кругъ.

Не выправляла и новыхъ роговъ возрождаяся Феба,
Не повисала земля на воздухѣ все охватившемъ
Уравновѣшена ношей своей, и рукъ вдоль окраинъ
Протяженныхъ земель не простерла еще Амфитрита.
Гдѣ находилась земля, тамъ были и море и воздухъ,
Такъ была земля не тверда, вода не текуча,
Воздухъ свѣта лишенъ, и формы ничто не хранило,
И одно враждовало съ другимъ, ибо въ тѣлѣ единомъ
Холодъ боролся съ тепломъ, сухое спорило съ влажнымъ,
Мягкое съ твердымъ и то, что имѣло вѣсъ, съ невѣсомымъ.
Богъ и природа съ нимъ лучшая эту борьбу разрѣшили:
Небо онъ отдѣлилъ отъ земли и землю отъ влаги,
И надъ воздухомъ плотнымъ приподнялъ текучее небо.
Это, когда отдѣляя изъ груды извлекъ безразличной,
Что раздѣлилось по мѣсту связалъ онъ единствомъ согласья.
Сила огня безо всякаго вѣса на сводѣ небесномъ
Засверкала и мѣсто себѣ избрала на вершинѣ.
Воздухъ къ нему и по легкости, да и по мѣсту всѣхъ ближе;
Ихъ плотнѣе земля, привлекая стихіи погуще,
Собственной тяжестью ссѣлась; а вкругъ текущая влага
Даль захватила себѣ и кругъ земной обступила.
Какъ сложилось все такъ, то богъ, какой неизвѣстно,
Груду всю раздѣлилъ и развелъ, раздѣливши на части,
Землю сначала, чтобы не была отовсюду неровной,
Всю въ одно онъ сплотилъ на подобіе круга большаго.
Дальше разлилъ онъ моря, повелѣвъ имъ вздыматься отъ буйныхъ
Вѣтровъ, и огибать берега земли окруженной.
Тутъ прибавилъ потоковъ, озеръ и болотъ необъятныхъ,
И наклонныя рѣки обвелъ берегами кривыми,
Такъ что въ различныхъ мѣстахъ ихъ или земля поглощаетъ,
Или въ море онѣ бѣгутъ и, равниной раздольной
Приняты водъ, уже не въ берега, а въ прибрежія плещутъ.
Онъ повелѣлъ разметаться полямъ, углубиться долинамъ,

---

14 *Амфитрита* — дочь Титана Океана и Теѳеи (см. 2, 509), супруга владыки моря, Нептуна, и сама владычица и представительница моря. 26 *Сила огня* и т. д. это чистый неомрачаемый *эфиръ*, надъ обитаемымъ нами воздухомъ. 33 Какъ въ органическомъ тѣлѣ. 42 Не въ берега рѣкъ, а въ прибрежія морскія.

Fronde tegi silvas, lapidosos surgere montes.
45 Utque duae dextra caelum totidemque sinistra
Parte secant zonae, quinta est ardentior illis;
Sic onus inclusum numero distinxit eodem
Cura dei, totidemque plagae tellure premuntur.
Quarum quae media est, non est habitabilis aestu;
50 Nix tegit alta duas; totidem inter utramque locavit,
Temperiemque dedit mixta cum frigore flamma.
Imminet his aër; qui, quanto est pondere terrae
Pondus aquae levius, tanto est onerosior igni.
Illic et nebulas, illic consistere nubes
55 Iussit, et humanas motura tonitrua mentes,
Et cum fulminibus facientes frigora ventos.
His quoque non passim mundi fabricator habendum
Aera permisit. Vix nunc obsistitur illis,
Cum sua quisque regat diverso flamina tractu,
60 Quin lanient mundum; tanta est discordia fratrum.
Eurus ad Auroram Nabataeaque regna recessit
Persidaque et radiis iuga subdita matutinis.
Vesper et occiduo quae litora sole tepescunt,
Proxima sunt Zephyro: Scythiam septemque trionem
65 Horrifer invasit Boreas; contraria tellus
Nubibus assiduis pluvioque madescit ab Austro.
Haec super imposuit liquidum et gravitate carentem
Aethera nec quicquam terrenae faecis habentem.
Vix ita limitibus dissaepserat omnia certis,
70 Cum, quae pressa diu massa latuere sub illa,
Sidera coeperunt toto effervescere caelo.
Neu regio foret ulla suis animantibus orba,
Astra tenent caeleste solum formaeque deorum,
Cesserunt nitidis habitandae piscibus undae,
75 Terra feras cepit, volucres agitabilis aër.
Sanctius his animal mentisque capacius altae
Deerat adhuc, et quod dominari in cetera posset.
Natus homo est: sive hunc divino semine fecit

---

61 *Набатеи*—народъ Аравійскій, гдѣ царствуетъ *Эвръ* —юговосточный или восточный вѣтеръ. 62 Къ Индіи единственной странѣ, которую древній міръ считалъ

Рощамъ покрыться листвой, подняться горамъ каменистымъ.
И подобно тому какъ справа и столько же слѣва,
Небо два пояса дѣлятъ, а пятый ихъ всѣхъ горячѣе;
Тѣмъ же числомъ различилъ и всю окруженную тяжесть
Промыслъ божій, и столько же поясовъ врѣзано въ землю.
Необитаемъ изъ нихъ середній по сильному зною;
Два скрылъ снѣгъ глубоко; межъ ними двумя помѣстилъ онъ
Столько жь умѣренныхъ, гдѣ со пламенемъ смѣшана стужа.
Воздухъ надъ ними паритъ, который на сколько и воды
Легче земли, на столько огня тяжелѣе онъ вѣсомъ.
Тамъ туманамъ и тамъ облакамъ пребывать повелѣлъ онъ
И громамъ, чтобъ они потрясали души людскія,
И вѣтрамъ, которые съ молніей холодъ рождаютъ.
Имъ не дозволилъ однако строитель вселенной по волѣ
Воздухомъ цѣлымъ владѣть: и теперь, какъ ужъ каждый различно
Правилъ дыханьемъ своимъ, едва имъ противиться можно,
Чтобъ нерастерзанъ былъ свѣтъ: таковъ раздоръ между братьевъ.
Эвръ отошелъ къ Набатейскимъ предѣламъ и царству Авроры,
Къ Персіи и ко хребтамъ, лучамъ подверженнымъ утра.
Вечеръ и тѣ берега, что солнце садясь согрѣваетъ,
Ближе къ Зефиру лежатъ; а въ Скиѳію, въ край полуночный
Вторгнулся страшный Борей; земля же съ противнаго края
Отъ непрестанныхъ сыра облаковъ и дождливаго Австра.
Выше надъ этимъ текучій и безо всякаго вѣсу
Онъ эѳиръ распростеръ, неимѣющій праха земнаго.
Только что все раздѣлилъ онъ такъ въ неизмѣнныхъ границахъ,
Какъ, сокрытыя долго и тяжестью сдавлены этой,
Начали звѣзды сверкать по всему небесному своду.
Чтобы страны не нашлось безъ живыхъ существъ ей приличныхъ
Звѣзды и лики боговъ занимаютъ небесную почву;
Блещущимъ рыбамъ затѣмъ содѣлались воды жилищемъ.
Звѣри наполнили землю, а птицы колеблемый воздухъ.
Но благороднѣе ихъ и способнѣй къ высокому духу
Не было твари еще, чтобы властвовать ей надъ другими.
Тутъ родился человѣкъ: отъ сѣмянъ ли божественныхъ вывелъ

восточнѣе Персіи. 64 *Зефиръ*—западный вѣтеръ. 66 *Австеръ*—южный вѣтеръ.

Ille opifex rerum, mundi melioris origo,
80 Sive recens tellus seductaque nuper ab alto
Aethere cognati retinebat semina coeli.
Quam satus Iapeto, mixtam fluvialibus undis,
Finxit in effigiem moderantum cuncta deorum.
Pronaque cum spectent animalia cetera terram,
85 Os homini sublime dedit, coelumque tueri
Iussit et erectos ad sidera tollere vultus.
Sic, modo quae fuerat rudis et sine imagine, tellus
Induit ignotas hominum conversa figuras.

AETATES.

Aurea prima sata est aetas, quae vindice nullo
90 Sponte sua, sine lege fidem rectumque colebat.
Poena metusque aberant, nec verba minacia fixo
Aere legebantur, nec supplex turba timebat
Iudicis ora sui, sed erant sine iudice tuti.
Nondum caesa suis, peregrinum ut viseret orbem,
95 Montibus in liquidas pinus descenderat undas,
Nullaque mortales praeter sua litora norant.
Nondum praecipites cingebant oppida fossae:
Non tuba directi, non aeris cornua flexi,
Non galeae, non ensis erant. Sine militis usu
100 Mollia securae peragebant otia gentes.
Ipsa quoque immunis rastroque intacta nec ullis
Saucia vomeribus per se dabat omnia tellus:
Contentique cibis nullo cogente creatis,
Arbuteos fetus montanaque fraga legebant
105 Cornaque et in duris haerentia mora rubetis,
Et quae deciderant patula Iovis arbore glandes.

---

82 *Прометей*— сынъ Титана Япета (см. стих. 10) и самъ Титанъ похитилъ съ неба огонь, за что заслужилъ божеское поклоненіе, преимущественно со стороны горшечниковъ, столь нуждающихся въ огнѣ; откуда произошелъ миѳъ, будто Прометей по образу боговъ слѣпилъ первыхъ людей изъ воды и земли, сохранивши еще *сѣмена роднаго ей неба* т. е. дыханіе; или же, что одушевилъ ихъ похищеннымъ огнемъ. За это или вообще, какъ Титанъ Прометей былъ прикованъ къ Кавказской скалѣ, гдѣ орелъ клевалъ ему печень или сердце, пока черезъ 30 лѣтъ Геркулесъ

Самъ его зодчій вещей и лучшаго міра начало,
Иль молодая земля, разлучившись недавно съ эѳиромъ,
Удержала еще сѣмена роднаго ей неба,
Какъ рожденный Япетомъ, смѣсивъ ее съ влагой рѣчною,
Образъ слѣпилъ изъ нея боговъ, заправляющихъ міромъ.
Между тѣмъ какъ, понурясь всѣ смотрятъ животныя въ землю,
Далъ человѣку онъ ликъ возвышенный, далъ ему небо
Лицезрѣть и съ поднятымъ челомъ къ звѣздамъ обращаться.
Такъ земля, что недавно была и груба и безлична,
Восприняла, превратясь, людей незнакомые лики.

ЧЕТЫРЕ ВѢКА.

Первымъ вѣкъ золотой народился, который безъ кары,
Добровольно, не зная законовъ, блюлъ вѣрность и правду.
Казни и страха не вѣдали, грозныхъ словесъ не писали
На мѣди, и толпа молящихъ еще не боялась
Лика судьи своего, а всѣ безъ судей были цѣлы.
Срубленная на родимыхъ горахъ сосна, чтобъ увидѣть
Чуждыя страны, еще не спускалась въ текущія волны;
Смертные кромѣ своихъ береговъ никакихъ не знавали.
Не окружали еще городовъ глубокими рвами;
Тутъ ни трубъ изъ прямой, ни роговъ изъ мѣди загнутой
Не было, ни мечей, ни шеломовъ. Не зная солдата,
Люди сладкій досугъ безопасно тогда проводили.
Ни киркой не затронута, ни уязвленная плугомъ
Безъ принужденья, сама собою земля все давала;
Пищей довольные всѣ, ея выводить не стараясь,
По терновникамъ тернъ, по горамъ землянику сбирали,
И плоды дерена, и съ грубыхъ вѣтвей шелковицу,
Или упавшіе желуди, съ Зевсова пышнаго древа.

не убилъ орла и не освободилъ Прометея. 91 Законы были вырѣзаны на мѣдныхъ доскахъ и выставлены въ Римѣ въ капитоліи. 98 Прямая труба—tuba и загнутый рогъ — cornu, buccina, равно какъ и съ концемъ загнутымъ рожокъ lituus были военными инструментами Римлянъ. 104 *Arbutus* Unedo Linn.—земляничникъ или морская вишня, дерево, часто встрѣчаемое въ Италію, съ грубыми на землянику похожими плодами. 106 Дубъ, доставлявшій первобытнымъ людямъ пищу, считался деревомъ Зевеса.

Ver erat aeternum, placidique tepentibus auris
Mulcebant Zephyri natos sine semine flores.
Mox etiam fruges tellus inarata ferebat,
Nec renovatus ager gravidis canebat aristis:
Flumina iam lactis, iam flumina nectaris ibant,
Flavaque de viridi stillabant ilice mella.
Postquam Saturno tenebrosa in Tartara misso
Sub Iove mundus erat, subiit argentea proles,
Auro deterior, fulvo pretiosior aere.
Iuppiter antiqui contraxit tempora veris,
Perque hiemes aestusque et inaequales autumnos
Et breve ver spatiis exegit quattuor annum.
Tum primum siccis aër fervoribus ustus
Canduit, et ventis glacies adstricta pependit.
Tunc primum subiere domos; domus antra fuerunt
Et densi frutices et vinctae cortice virgae.
Semina tum primum longis Cerealia sulcis
Obruta sunt, pressique iugo gemuere iuvenci.
Tertia post illas successit aënea proles,
Saevior ingeniis et ad horrida promptior arma,
Non scelerata tamen. De duro est ultima ferro.
Protinus irrupit venae peioris in aevum
Omne nefas: fugere pudor verumque fidesque;
In quorum subiere locum fraudesque dolique
Insidiaeque et vis et amor sceleratus habendi.
Vela dabant ventis, nec adhuc bene noverat illos
Navita; quaeque diu steterant in montibus altis,
Fluctibus ignotis insultavere carinae.

---

111 Рѣки молока у древнихъ поэтовъ выражаютъ его обиліе при многочисленныхъ стадахъ. 113 Титаны подъ предводительствомъ старшаго своего брата *Сатурна*, послѣ того какъ послѣдній свергнулъ отца своего Урана, владѣли вселенной. Зная, что и его дѣти лишатъ его престола, Сатурнъ пожиралъ ихъ тотчасъ при рожденіи. Но супруга и сестра его Рея спасла своихъ дѣтей, между прочимъ и меньшаго—Юпитера, котораго воспитала на островѣ Критѣ. Она же изъ мести понудила этого сына свергнуть отца съ престола. Вслѣдствіе этого завязался упорный бой, въ которымъ Титаны сражались съ горы Отрій, а Юпитеръ съ братьями съ горы Олимпа въ Ѳессаліи, оставшагося затѣмъ вѣчнымъ мѣстомъ пребыванія боговъ. Побѣда была одержана Юпитеромъ только потому, что Юпитеръ призвалъ на помощь сторукихъ змѣеногихъ *Гигантовъ*, и кромѣ того Циклопы (см. 13. 755) выковали для него молнію. Побѣжденныхъ Титановъ Юпитеръ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ низвергнулъ въ Тартаръ.

Вѣчно стояла весна и нѣжно зефиры ласкали
Теплымъ дыханьемъ цвѣты, что безъ сѣмени сами родились.
Вскорѣ и безъ пахоты земля плодовъ приносила,
И безъ залежи поле сѣдѣло отъ тяжкихъ колосьевъ:
Рѣки текли молока и рѣки нектара тоже,
И желтѣющій медъ изъ зеленаго дуба струился.
Послѣ того, какъ Сатурнъ во мрачный былъ тартаръ отправленъ,
Міръ къ Зевесу попалъ: серебряный вѣкъ народился,
Хуже золота онъ, но желтой все мѣди цѣннѣе.
Время древней весны стянулъ въ границы Юпитеръ,
И посредствомъ зимы и лѣта и осени шаткой,
Да короткой весны, четыре далъ времени года.
Тутъ то воздухъ впервой, изсушающимъ жаромъ палимый,
Накалился, и ледъ, вѣтрами навѣянъ, повиснулъ.
Тутъ то укрылись въ домахъ: домами были пещеры
Да густые кусты и лозы, скрѣпленные лыкомъ.
Хлѣбныя тутъ сѣмена по бороздамъ длиннымъ впервые
Стали запахивать, и подъ ярмомъ закряхтѣли телицы.
Третьимъ мѣдное ужъ наступило затѣмъ поколѣнье,
Нравомъ суровѣй уже и склоннѣе къ страшнымъ доспѣхамъ,
Но не преступно еще. Послѣднимъ былъ вѣкомъ желѣзный·
Тотчасъ въ вѣкъ изъ руды наихудшей всѣ злодѣянья
Ворвались; удалились и стыдъ, и правда, и вѣрность;
Вмѣсто которыхъ явились обманы, коварства и козни,
И съ насиліемъ вмѣстѣ преступная алчность къ наживѣ.
Парусы ставилъ вѣтрамъ, но не зналъ ихъ еще хорошенько
Кормчій, и тѣ, что такъ долго въ горахъ стояли высокихъ,
По неизвѣстнымъ волнамъ качаться отправились лодки.

---

114 *Юпитеръ*—олицетвореніе грозныхъ силъ природы, *Дій* (δίω) *бояться*. У Латинцевъ Diespiter (Dis pater) отецъ боговъ, стоящій и надъ братьями своими, подземнымъ Плутономъ и морскимъ Нептуномъ. Подобно всѣмъ остальнымъ богамъ онъ подчиненъ только *Судьбѣ*, олицетворяемой *Парками* (см. 15, 781). Въ качествѣ отца боговъ и людей миѳологія изображаетъ его родоначальникомъ не только вещественныхъ земныхъ благъ, но и духовныхъ потребностей правды и правосудія. Въ этомъ смыслѣ онъ съ Церерою порождаетъ Прозерпину, пріобрѣтаетъ родную часть свѣта—Европу и является источникомъ всѣхъ предсказаній оракуловъ, и затѣмъ отъ Титаниды Ѳемиды, представительницы правды, Астрею, богиню правосудія, и Горы—богини порядка въ теченіе временъ года. 134 *Carinae* мы дозволили себѣ перевести словомъ лодки, вмѣсто иностраннаго слова: *Килъ*.

Communemque prius ceu lumina solis et auras
Cautus humum longo signavit limite mensor.
Nec tantum segetes alimentaque debita dives
Poscebatur humus, sed itum est in viscera terrae:
Quasque recondiderat Stygiisque admoverat umbris,
Effodiuntur opes, irritamenta malorum.
Iamque nocens ferrum, ferroque nocentius aurum
Prodierat: prodit bellum, quod pugnat utroque,
Sanguineaque manu crepitantia concutit arma.
Vivitur ex rapto; non hospes ab hospite tutus,
Non socer a genero; fratrum quoque gratia rara est.
Imminet exitio vir coniugis, illa mariti:
Lurida terribiles miscent aconita novercae;
Filius ante diem patrios inquirit in annos.
Victa iacet pietas; et virgo caede madentes
Ultima caelestum terras Astraea reliquit.

GIGANTES.

Neve foret terris securior arduus aether,
Affectasse ferunt regnum coeleste gigantas,
Altaque congestos struxisse ad sidera montes.
Tum pater omnipotens misso perfregit Olympum
Fulmine et excussit subiecto Pelion Ossae.
Obruta mole sua cum corpora dira iacerent,
Perfusam multo natorum sanguine Terram
Inmaduisse ferunt calidumque animasse cruorem;
Et, ne nulla suae stirpis monimenta manerent,
In faciem vertisse hominum. Sed et illa propago
Contemtrix superum saevaeque avidissima caedis
Et violenta fuit: scires e sanguine natos.

---

139 *Къ Стигійскимъ тѣнямъ*, находящимся въ подземномъ царствѣ, по ту сторону адской рѣки — Стикса. 147 *Аконитъ* у Римскихъ поэтовъ весьма часто употребляется вмѣсто яда. 148 Всякаго рода гадателей и предсказателей смертнаго часа, каковыхъ, во времена нашего поэта въ Римѣ разводилось все болѣе. 150 (см.

Общую до тѣхъ поръ, какъ солнечный свѣтъ или воздухъ,
Землю хитрецъ землемѣръ обозначилъ длинной границей.
Но не жатвы одной и не должной лишь пищи просили
У богатой земли; а сошли въ утробу земную,
И что скрыла она и къ Стигійскимъ запрятала тѣнямъ,
Всѣ тѣ роютъ богатства, одно возбужденіе злобы.
Вредное уже желѣзо, и вреднѣе желѣза
Золото вышло; явилась война, прибѣгая къ обоимъ,
И кровавой рукой потрясла загремѣвшимъ оружьемъ.
Все живетъ грабежемъ: хозяинъ ужь гостю не вѣритъ,
Зятю тесть, и любовь между братьями рѣдкостью стала.
Мужъ хочетъ смерти жены, а она ищетъ смерти супруга,
Грозныя мачихи ужь аконитъ мѣшаютъ смертельный,
О родительскихъ годахъ заранѣе сынъ вопрошаетъ,
Благочестье убито; послѣдней изъ жителей неба
Съ кровью залитой земли уносится дѣва Астрея.

ГИГАНТЫ.

Не безопаснѣй земли былъ и самый эфиръ вознесенный:
Говорятъ, восхотѣли небеснаго царства гиганты,
И къ высокому небу, содвинувъ, подстроили горы.
Тутъ всемогущій отецъ Олимпъ раскололъ, посылая
Молнію и Пеліонъ столкнулъ, наваленный на Оссу.
Какъ подъ собственной грудой ихъ страшные трупы лежали,
То, говорятъ, земля, обагренная кровью сыновней,
Пропиталась, и ихъ горячую кровь оживила.
И, чтобъ память какая нибудь ея рода осталась,
Въ образъ ея обратила людей. Но и это отродье
Презирало боговъ и, стремясь къ жестокимъ убійствамъ,
Было буйно: легко въ нихъ признать изъ крови рожденныхъ.

выше 114). 152 Гиганты (см. выше 113). Древніе представляли себѣ небо въ видѣ мѣднаго свода съ отверстіемъ надъ Ѳессалійскимъ Олимпомъ. Когда боги, тѣснимые Гигантами, взлѣзли на небо, то осаждающіе взгромоздили сосѣднюю гору Пеліонъ на Оссу, а Олимпъ, покинутый богами, на Пеліонъ.

LYCAON.

Quae pater ut summa vidit Saturnius arce
Ingemit et, facto nondum vulgata recenti,
165 Foeda Lycaoniae referens convivia mensae,
Ingentes animos dignas Iove concipit iras,
Conciliumque vocat; tenuit mora nulla vocatos.
Est via sublimis, coelo manifesta sereno:
Lactea nomen habet, candore notabilis ipso.
170 Hac iter est superis ad magni tecta Tonantis
Regalemque domum; dextra laevaque deorum
Atria nobilium valvis celebrantur apertis.
Plebs habitat diversa locis; a fronte potentes
Caelicolae clarique suos posuere penates.
175 Hic locus est, quem, si verbis audacia detur,
Haud timeam magni dixisse Palatia coeli.
Ergo ubi marmoreo superi sedere recessu,
Celsior ipse loco sceptroque innixus eburno
Terrificam capitis concussit terque quaterque
180 Caesariem, cum qua terram, mare, sidera movit.
Talibus inde modis ora indignantia solvit:
Non ego pro mundi regno magis anxius illa
Tempestate fui, qua centum qnisque parabant
Iniicere anguipedum captivo bracchia coelo.
185 Nam quamquam ferus hostis erat, tamen illud ab uno
Corpore et ex una pendebat origine bellum.
Nunc mihi qua totum Nereus circumsonat orbem,
Perdendum est mortale genus. Per flumina iuro
Infera sub terra Stygio labentia luco,
190 Cuncta prius tentata; seb inmedicabile vulnus
Ense recidendum est, ne pars sincera trahatur.

---

163 Юпитеръ, сынъ Сатурна поэтому Saturnius. 170 Образъ города Рима съ его знатью, живущей на главныхъ улицахъ, и чернью съ ея разбросанными жилищами перенесенъ и на небесный городъ. 176 Слово *Palatia* мы рѣшились перевести Палатами, ибо оно не только обозначаетъ Палатинъ, но и стоящій на немъ дворецъ. 179 *Трижды*, *четырежды*—вмѣсто многократно. 184 *Змѣеногихъ Гигантовъ;* Гиганты, родившіеся отъ земли, въ отличіе отъ Титановъ рожденныхъ самимъ Небомъ

ЛИКАОНЪ.

Какъ Сатурній—отецъ увидалъ это съ вышнихъ чертоговъ,
То вздохнулъ и, припомнивъ пока неизвѣстное дѣло
165 Гнуснаго пира недавняго за столомъ Ликаона,
Въ духѣ исполнился страшнаго, Зевса достойнаго, гнѣва,
И позвалъ онъ совѣтъ: ни что не замедлило званыхъ.
Есть возвышенный путь, на небѣ безоблачномъ видный;
Млечнымъ онъ называется, блескомъ своимъ онъ замѣтенъ:
170 Этотъ то путь для боговъ къ чертогамъ самимъ Громовержца,
Къ царскому дому идетъ. И справа и слѣва преддверья
Знатныхъ боговъ посѣщаются въ двери раскрытыя настежъ.
Чернь обитаетъ въ различныхъ мѣстахъ; а спереди только
Небожители властные въ рядъ размѣстили пенатовъ.
175 Вотъ то мѣсто, которое, если дозволено слово,
Не побоюсь я назвать Палатами вышняго неба.
Вотъ, какъ только во мраморномъ боги разсѣлись покоѣ,
Выше ихъ самъ, опершись на скипетръ изъ кости слоновой,
Трижды, четырежды онъ головой тотъ волосъ ужасный
180 Встрясъ, предъ которымъ дрожатъ земля и море и звѣзды,
И съ такими словами уста, негодуя, раскрылъ онъ:
„Я за владычество міромъ нисколько не больше страшился
Въ тѣ времена, какъ еще сто рукъ закинуть готовъ былъ
Каждый изъ змѣеногихъ на покоренное небо.
185 Ибо какъ ни свирѣпъ былъ врагъ, война тѣмъ не меньше
Исходила изъ шайки одной и изъ той же причины.
Нынѣ же я, по кругу всему, что Нерей обмываетъ,
Долженъ смертныхъ родъ погубить. Клянуся рѣками
Преисподними, что въ Стигійской рощѣ спадаютъ
190 Въ землю, я все испыталъ: но неизлѣчимую рану
Надо отрѣзать мечемъ, чтобъ здоровая часть не погибла.

имѣютъ символомъ Змѣю, выходящую изъ нутра земли. Но какъ они являются то сподвижниками, то противниками боговъ въ борьбѣ послѣднихъ съ Титанами, мы объяснить не беремся. 187 *Нерей* — морской богъ, сынъ Океана и Теѳеи (см. 2, 509), супругъ *Дориды* (см. 2, 11) и отецъ *Нереидъ* (см. 2, 302) морскихъ нимфъ.

189 Адскія рѣки: *Ахеронъ*, *Коцитъ*, *Стиксъ* и огненный *Флегетонъ*, коихъ Стиксъ является представителемъ, и клятва которымъ связываетъ дальнѣйшую волю боговъ.

Sunt mihi semidei, sunt rustica numina, Nymphae
Faunique Satyrique et monticolae Silvani:
Quos quoniam coeli nondum dignamur honore,
195 Quas dedimus, certe terras habitare sinamus.
An satis, o superi, tutos fore creditis illos,
Cum mihi, qui fulmen, qui vos habeoque regoque,
Struxerit insidias notus feritate Lycaon?
Conbremuere omnes, studiisque ardentibus ausum
200 Talia deposcunt. Sic, cum manus impia saevit
Sanguine Caesareo Romanum extinguere nomen,
Attonitum tanto subitae terrore ruinae
Humanum genus est totusque perhorruit orbis.
Nec tibi grata minus pietas, Auguste, tuorum est,
205 Quam fuit illa Iovi. qui postquam voce manuque
Murmura compressit, tenuere silentia cuncti.
Substitit ut clamor, pressus gravitate regentis,
Iuppiter hoc iterum sermone silentia rupit:
Ille quidem poenas, curam hanc dimittite, solvit.
210 Quod tamen admissum, quae sit vindicta, docebo.
Contigerat nostras infamia temporis aures:
Quam cupiens falsam, summo delabor Olympo
Et deus humana lustro sub imagine terras.
Longa mora est, quantum noxae sit ubique repertum,
215 Enumerare; minor fuit ipsa infamia vero.
Maenala transieram latebris horrenda ferarum
Et cum Cyllene gelidi pineta Lycaei.
Arcados hinc sedes et inhospita tecta tyranni
Ingredior, traherent cum sera crepuscula noctem.
220 Signa dedi, venisse deum, vulgusque precari
Coeperat. Irridet primo pia vota Lycaon,
Mox ait: experiar, deus hic, discrimine aperto,
An sit mortalis. nec erit dubitabile verum.
Nocte gravem somno necopina perdere morte
225 Me parat: haec illi placet experientia veri.
Nec contentus eo, missi de gente Mollossa

---

192 Полубоги—не въ позднѣйшемъ смыслѣ героевъ, а въ смыслѣ низшихъ земныхъ божествъ. 216 *Мэналъ*, *Цилленъ* или *Циллена* и *Ликей* — горы въ Аркадскомъ Пе-

Есть у меня полубоги и сельскіе боги, есть Нимфы,
Фавны есть и Сатиры, есть горные тоже Сильваны;
Хоть удостоить ихъ почестей мы не хотѣли небесныхъ,
Но на землѣ имъ дарованной жить безъ обидъ дозволяемъ.
Вы полагаете ль, боги, что жить имъ вполнѣ безопасно,
Ежели мнѣ, что держитъ и громъ и властвуетъ вами,
Ковы строить дерзнулъ Ликаонъ, по звѣрству извѣстный?“
Всѣ содрогнулись, и требовать стали того, распалившись,
Кто на такое дерзнулъ. Такъ точно, какъ руки нечестья
Вздумали Цезаря кровью изгладить Римское имя,
Ужасомъ былъ потрясенъ, въ виду разрушенья такого,
Весь человѣческій родъ, и кругъ весь земной содрогнулся;
Чувство любви не меньше въ своихъ тебѣ, Августъ, пріятно,
Чѣмъ въ тѣхъ было Зевесу, который, какъ голосомъ только
И рукой своей ропотъ унялъ, всѣ разомъ умолкли.
Только что гамъ позатихъ, вліяньемъ правителя сдержанъ,
Снова Юпитеръ прервалъ молчаніе рѣчью такою:
„Тотъ наказанье свое—ужь будьте покойны вы—принялъ,
Въ чемъ однако вина, и какъ онъ наказанъ, открою.
Слухъ до нашихъ ушей дошелъ о развратности вѣка:
Ложь въ немъ желая найти, съ высотъ нисхожу я Олимпа
И въ человѣческомъ образѣ богъ, озираю я землю.
Слишкомъ долго разсказывать, сколько нашелъ я повсюду
Гнуснаго. Слава худая далеко отстала отъ правды.
Я перешелъ чрезъ Мэналъ, свирѣпыхъ звѣрей логовища,
И съ Цилленой Ликей холодный, заросшій лѣсами.
Тутъ въ Аркадскую область подъ кровъ суровый тиранна
Я вхожу, какъ за сумракомъ позднимъ ужь ночь наступала.
Подалъ я знакъ, что богъ къ нимъ пришелъ, и народъ сталъ молиться.
Тутъ сперва Ликаонъ насмѣялся надъ ихъ благочестьемъ,
А потомъ говоритъ: испытаю я, богъ ли онъ точно,
Или смертный, чтобы не была сомнительна правда.
Ночью сномъ отягченнаго, онъ нежданной смертью
Вздумалъ меня погубить: въ томъ видѣлъ разгадку онъ правды.
Но недовольствуясь тѣмъ, одному изъ посланцевъ Молоссовъ,

лопонесѣ. 226 *Молоссы* — народъ въ Эпирѣ, въ западной Греціи.

Obsidis unius iugulum mucrone resolvit:
Atque ita semineces partim ferventibus artus
Mollit aquis, partim subiecto torruit igni.
Quos simul imposuit mensis, ego vindice flamma
In domino dignosque everti tecta Penates.
Territus ipse fugit, nactusque silentia ruris
Exululat, frustraque loqui conatur; ab ipso
Colligit os rabiem, solitaeque cupidine caedis
Vertitur in pecudes, et nunc quoque sanguine gaudet.
In villos abeunt vestes, in crura lacerti:
Fit lupus, et veteris servat vestigia formae.
Canities eadem est, eadem violentia vultus,
Idem oculi lucent, eadem feritatis imago.
Occidit una domus; sed non domus una perire
Digna fuit; qua terra patet, fera regnat Erinnys;
In facinus iurasse putes. Dent ocius omnes
Quas meruere pati, sic stat sententia, poenas.
Dicta Iovis pars voce probant stimulosque frementi
Adiiciunt, alii partes assensibus implent.
Est tamen humani generis iactura dolori
Omnibus, et, quae sit terrae mortalibus orbae
Forma futura, rogant: quis sit laturus in aras
Tura? ferisne paret populandas tradere terras?
Talia quaerentes, sibi enim fore cetera curae,
Rex superum trepidare vetat, subolemque priori
Dissimilem populo promittit origine mira.

DILUVIUM. DEUCALION ET PYRRHA.

Iamque erat in totas sparsurus fulmina terras:
Sed timuit, ne forte sacer tot ab ignibus aether
Conciperet flammas, longusque ardesceret axis.
Esse quoque in fatis reminiscitur, affore tempus,
Quo mare, quo tellus correptaque regia coeli

---

241 *Эриннія* (ἐριννύω, гнѣваюсь) одна изъ фурій, подстрекательницъ и карательницъ преступленій. 242 Можно подумать, что люди поклялись быть злыми. 245 Мы перевели *probant* и *assensibus* въ первомъ случаѣ *одобряютъ*, а во второмъ *со-*

Въ видѣ заложника, онъ перерѣзалъ горло кинжаломъ,
И полумертвые члены сварилъ отчасти въ горячей
Тутъ же водѣ, а отчасти огонь подложивши, изжарилъ.
Только поставилъ онъ ихъ на столъ, какъ пламенемъ мщенья
На достойныхъ владыки Пенатовъ обрушилъ я крышу.
Въ страхѣ онъ самъ убѣжалъ и, достигнувъ безмолвія поля,
Взвылъ и тщетно хотѣлъ говорить. Изъ него самого же
Ротъ всю злобу собралъ, и привычную жажду убійства
Онъ обратилъ на скотовъ, и кровь ему радость понынѣ.
Космами стали одежды, а руки стали ногами:
Сталъ онъ волкомъ, слѣды сохраняя и прежняго вида.
Та жь у него сѣдина и то же нахальство во взглядѣ,
Также сверкаютъ глаза и та же жестокость по виду.
Домъ разрушенъ одинъ. Но былъ достоинъ погибнуть
Домъ не одинъ; чтобъ Эринніи царствовать въ цѣлой вселенной.
Скажешь, быть злыми клялись. Пускай же скорѣй по заслугамъ
Всѣ, таковъ приговоръ, получатъ они наказанье“.
  Рѣчи Зевеса одни одобряютъ и грознаго больше
Подстрекаютъ, другіе жь свой долгъ исполняютъ согласьемъ.
Жаль однако же всѣмъ погибели рода людскаго,
И каковъ будетъ видъ, въ грядущемъ земли послѣ смертныхъ
Осиротѣлой, они вопрошаютъ. Кто ладону станетъ
На алтари приносить? Населитъ ли онъ землю звѣрями?
При вопросахъ такихъ,—ибо самъ уже все онъ устроитъ,—
Царь боговъ запретилъ имъ боязнь, и потомство народа,
Съ прежнимъ несходное, имъ обѣщалъ съ чудеснымъ началомъ.

ПОТОПЪ. ДЕВКАЛІОНЪ И ПИРРА.

Уже по всей землѣ собирался онъ молніи кинуть,
Но убоялся, чтобы священный эфиръ не зажегся
Пламенемъ столькихъ огней, и длинная ось не вспылала.
Да и рѣшенье судебъ онъ вспомнилъ, что время настанетъ,
Море когда и земля и неба чертогъ воспылавши

гласьемъ, въ томъ смыслѣ, что при одобреніи понятно и подстрекательство, согласіе же на приговоръ не требуетъ непремѣннаго сочувствія. 255 Небо, подобно землѣ, держится на оси, которая названа длинной, чтобы сказать вся.

Ardeat et mundi moles operosa laboret.
Tela reponuntur manibus fabricata Cyclopum.
Poena placet diversa, genus mortale sub undis
Perdere et ex omni nimbos demittere coelo.
Protinus Aeoliis Aquilonem claudit in antris
Et quaecumque fugant inductas flamina nubes,
Emittitque Notum; madidis Notus evolat alis,
Terribilem picea tectus caligine vultum:
Barba gravis nimbis, canis fluit unda capillis,
Fronte sedent nebulae, rorant pennaeque sinusque
Utque manu lata pendentia nubila pressit,
Fit fragor, inclusi funduntur ab aethere nimbi.
Nuntia Iunonis varios induta colores
Concipit Iris aquas, alimentaque nubibus affert.
Sternuntur segetes et deplorata coloni
Vota iacent, longique perit labor irritus anni.
Nec coelo contenta suo est Iovis ira, sed illum
Caeruleus frater iuvat auxiliaribus undis.
Convocat hic amnes; qui postquam tecta tyranni
Intravere sui: non est hortamine longo
Nunc ait utendum. vires effundite vestras,
Sic opus est; aperite domos, ac mole remota
Fluminibus vestris totas immittite habenas.
Iusserat; hi redeunt, ac fontibus ora relaxant,
Et defrenato volvuntur in aequora cursu.
Ipse tridente suo terram percussit; at illa
Intremuit motuque vias patefecit aquarum.
Exspatiata ruunt per apertos flumina campos,
Cumque satis arbusta simul pecudesque virosque
Tectaque, cumque suis rapiunt penetralia sacris.
Siqua domus mansit potuitque resistere tanto
Indeiecta malo, culmen tamen altior huius
Unda tegit, pressaeque latent sub gurgite turres.

---

262 Сѣверный вѣтеръ. *Пещеры Эола* (см. 4, 663). 264 *Нотъ*—южный вѣтеръ, въ Италіи дождливый. 270 *Ирида*—наперсница и предвѣстница Юноны. 275 Эпитетъ *caeruleus* — синій, голубой, всегда сопровождаетъ боговъ и богинь морскихъ

Вспыхнетъ, и будетъ бѣда искусной громадѣ вселенной.
Стрѣлы онъ отложилъ, что ковались руками Циклоповъ.
260 Выбралъ иную онъ казнь и родъ людской подъ волнами
Хочетъ сгубить и ливни пустить уже съ цѣлаго неба.
Тотчасъ въ пещеры Эола онъ заключилъ Авкилона
И всѣ вѣтры, что могутъ угнать сгущенныя тучи,
И лишь Нота спустилъ. Нотъ мокрыя крылья раскинулъ,
265 Страшный свой ликъ прикрывая, какъ смоль почернѣвшимъ туманомъ;
Виснетъ съ дождей борода, съ сѣдинъ его влага струится,
Тучи стоятъ на челѣ и съ груди и съ крыльевъ потоки.
Тамъ, гдѣ рукой онъ сожметъ широко простертыя тучи,
Слышится трескъ; и съ эфира спадаютъ сгущенные ливни.
270 Въ разноцвѣтной одеждѣ Ирида, предтеча Юноны,
Черпаетъ воду и тучамъ приноситъ питаніе снова.
Распростерты хлѣба, оплаканы всѣ упованья
Земледѣльца лежатъ, и годъ трудовой погибаетъ.
Гнѣвъ Зевеса своимъ недоволенъ небомъ, а синій
275 Братъ вспомогательными ему пособляетъ волнами.
Тотъ всѣ потоки созвалъ; какъ тѣ въ жилище владыки
Только вошли своего, „тутъ нечего тратить, сказалъ онъ,
На увѣщанья слова; изливайте могущество ваше;
Такъ это нужно; дома растворите и, снявши плотины
280 Со всѣхъ рѣкъ вы своихъ, совершенно возжи имъ бросьте“.
Отдалъ приказъ. Тѣ вернулись и устья ключамъ разрѣшили,
И въ необузданномъ бѣгѣ онѣ устремилися въ море.
Самъ онъ въ землю ударилъ трезубцемъ своимъ и, вздрогнувши
Отъ удара, она раскрыла дороги потокамъ.
285 Разливаясь бѣгутъ по полямъ открытымъ всѣ рѣки
И съ посѣвами вмѣстѣ деревья и скотъ весь уносятъ,
И людей, и дома, и храмы со всею святыней.
Ежели домъ остался какой и могъ устоять онъ
Передъ бѣдой, то всю его крышу волна покрываетъ
290 Сверху, и башни попрятались подъ давленіемъ бездны.

и рѣчныхъ; синій братъ — здѣсь Нептунъ. 280 Волны постоянно изображались въ видѣ коней. Трезубецъ Нептуна, вызывающій воду изъ земли, составляетъ принадлежность этого бога.

Iamque mare et tellus nullum discrimen habebant:
Omnia pontus erant; deerant quoque litora ponto.
Occupat hic collem: cumba sedet alter adunca
Et ducit remos illic ubi nuper ararat;
295 Ille super segetes aut mersae culmina villae
Navigat, hic summa piscem deprendit in ulmo;
Figitur in viridi, si fors tulit, ancora prato,
Aut subiecta terunt curvae vineta carinae.
Et, modo qua graciles gramen carpsere capellae,
300 Nunc ibi deformes ponunt sua corpora phocae.
Mirantur sub aqua lucos urbesque domosque
Nereïdes; silvasque tenent delphines, et altis
Incursant ramis; (agitataque robora pulsant).
Nat lupus inter oves, fulvos vehit unda leones,
305 Unda vehit tigres; nec vires fulminis apro
Crura nec ablato prosunt velocia cervo.
Quaesitisque diu terris, ubi sistere detur,
In mare lassatis volucris vaga decidit alis.
Obruerat tumulos immensa licentia ponti,
310 Pulsabantque novi montana cacumina fluctus.
Maxima pars unda rapitur: quibus unda pepercit,
Illos longa domant inopi ieiunia victu.
Separat Aonios Oetaeis Phocis ab arvis,
Terra ferax, dum terra fuit: sed tempore in illo
315 Pars maris et latus subitarum campus aquarum.
Mons ibi verticibus petit arduus astra duobus,
Nomine Parnasus, superantque cacumina nubes.
Hic ubi Deucalion, nam cetera texerat aequor,
Cum consorte tori parva rate vectus adhaesit,
320 Corycidas nymphas et numina montis adorant,
Fatidicamque Themin, quae tunc oracla tenebat.
Non illo melior quisquam nec amantior aequi
Vir fuit, aut illa metuentior ulla deorum.

---

313 Мы придержались чтенія Oetaeis вмѣсто Actaeis. 320 На Парнассѣ находилась Кориційская пещера, сообщившая свое имя и живущимъ въ ней нимфамъ, дочерямъ *Корицїи*. Боги Парнасса были Аполлонъ и Вакхъ, изъ коихъ каждый владѣлъ своею вершиной. 321 *Титанида Ѳемида* въ качествѣ богини правды, пре-

Уже не стало различія между землею и моремъ:
Моремъ все было и ужъ береговъ у моря не стало.
Тотъ взобрался на холмъ, другой на изогнутой лодкѣ
Тамъ налегаетъ на весла, гдѣ самъ пахалъ онъ недавно,
295 Тотъ надъ жатвою ѣдетъ или надъ дачею даже
Затонувшей, а этотъ поймалъ на ясени рыбу.
На зеленой долинѣ, быть можетъ, кидается якорь,
Или кривые челны виноградникъ залитый цѣпляютъ;
Тамъ, гдѣ траву недавно щипали поджарыя козы,
300 Нынѣ покоятъ свое безобразное тѣло тюлени.
Подъ водою дивятся на рощи, дома и посады
Нереиды; въ лѣсахъ очутились дельфины и въ вѣтви
Высоко забрались и толкаютъ дубы, сотрясая.
Плаваетъ волкъ средь овецъ, левъ желтой несется волною,
305 Тигра уноситъ волна; ни въ силѣ, съ молніей сходной,
Пользы нѣтъ кабану, ни оленю въ ногахъ его быстрыхъ.
Долго напрасно ища земли, чтобъ было присѣсть гдѣ,
Птица на крыльяхъ паря измученныхъ, падаетъ въ море.
Уже покрыла холмы безпредѣльная вольность стихіи,
310 И небывалыя воды плескались по горнымъ вершинамъ.
Большая часть потонула въ волнахъ, а кого пощадили
Волны, тѣхъ медленный голодъ гнететъ убогою пищей.
Отъ Этейскихъ полей Эонію дѣлитъ Фокида,
Тамъ земля, бывъ землей, плодоносна была; въ это жь время
315 Стала частію моря и полемъ нахлынувшей влаги.
Тамъ вершиной двойной гора подымается къ небу,
По прозванью Парнассъ, и она вознеслася за тучи.
Къ ней какъ Девкаліонъ,—ибо прочихъ всѣхъ море покрыло,—
Съ соучастницей ложа свой плотъ убогій причалилъ
320 Къ нимфамъ они Кориційскимъ и къ горнымъ богамъ замолились
И къ Ѳемидѣ вѣщающей, здѣсь содержавшей оракулъ.
Не было лучше его и къ правдѣ приверженнѣй мужа
Ни одного, и нигдѣ ей божіемъ страхомъ подобной.

имущественно вѣщая, изображалась съ вѣсами въ рукахъ. Какъ представительницѣ древнѣйшаго оракула, ей посвящено было прорицалище на рѣкѣ Цефизѣ, перешедшее со временемъ къ Аполлону Дельфійскому.

Iuppiter ut liquidis stagnare paludibus orbem,
Et superesse virum de tot modo milibus unum,
Et superesse videt de tot modo milibus unam,
Innocuos ambos, cultores numinis ambos,
Nubila disiecit, nimbisque aquilone remotis
Et coelo terras ostendit et aethera terris.
Nec maris ira manet, positoque tricuspide telo
Mulcet aquas rector pelagi, supraque profundum
Extantem atque humeros innato murice tectum
Caeruleum Tritona vocat, conchaeque sonanti
Inspirare iubet, fluctusque et flumina signo
Iam revocare dato. cava bucina sumitur illi
Tortilis, in latum quae turbine crescit ab imo,
Bucina, quae medio concepit ubi aëra ponto,
Litora voce replet sub utroque iacentia Phoebo.
Tunc quoque, ut ora dei madida rorantia barba
Contigit, et cecinit iussos inflata receptus,
Omnibus audita est telluris et aequoris undis,
Et quibus est undis audita, coërcuit omnes.
Flumina subsidunt, collesque exire videntur:
Iam mare litus habet, plenos capit alveus amnes:
Surgit humus; crescunt loca decrescentibus undis.
Postque diem longam nudata cacumina silvae
Ostendunt, limumque tenent in fronde relictum.
Redditus orbis erat; quem postquam vidit inanem
Et desolatas agere alta silentia terras,
Deucalion lacrimis ita Pyrrham affatur obortis:
O soror, o coniunx, o femina sola superstes,
Quam commune mihi genus et patruelis origo,
Deinde torus iunxit, nunc ipsa pericula iungunt:
Terrarum, quascumque vident occasus et ortus,
Nos duo turba sumus: possedit cetera pontus.

---

328 Сѣвернымъ вѣтромъ. 333 *Тритонъ* – морской богъ низшаго разряда, сынъ Нептуна и Амфитриты, въ должности герольда у Посейдона. Онъ помогалъ богамъ въ борьбѣ противъ Гигантовъ. Тѣло его по поясъ человѣческое оканчивается змѣиными или рыбьими хвостами вмѣсто ногъ, на головѣ у него вмѣсто волосъ морская трава, тѣло покрыто синею рыбьей чешуею, на которой водятся морскія улитки, какъ

Какъ Юпитеръ узрѣлъ, что землю покрыли болота,
325 И увидалъ, что изъ столькихъ тысячъ одинъ лишь остался,
И увидалъ, что изъ столькихъ тысячъ одна лишь осталась,
Оба праведные и оба поклонники неба,
Тучи онъ раздѣлилъ и, дожди разогнавъ Аквилономъ,
Землю онъ показалъ небесамъ и землѣ сводъ небесный.
330 Море не гнѣвно уже, и, свой отложивши трезубецъ,
Унялъ волны владыка морей и, грудью изъ бездны
Вышедшаго и всего по плечамъ въ родимыхъ улиткахъ,
Синяго онъ Тритона зоветъ и трубить заставляетъ
Въ звонкую раковину, и поданнымъ знакомъ закликать
335 Рѣки и токи назадъ. Взялъ этотъ трубу извитую,
Что начинаяся снизу, все шире идетъ загибаясь;
Ту трубу, что хотя набирается духу средь моря,
Звуки несетъ къ берегамъ, лежащимъ подъ двойственнымъ Фебомъ.
Также и тутъ, только устъ она бога коснулась при капляхъ
340 Мокрой его бороды, и отбой по приказу сыграла,
Всѣ услыхали ее потоки на сушѣ и въ морѣ
И, всѣ ее услыхавшія волны, она укротила.
Стали потоки спадать, и видно, какъ холмы выходятъ.
Берегъ у моря ужъ есть, къ руслу собираются рѣки,
345 Выплываетъ земля, и изъ волнъ выростаютъ лужайки;
Послѣ долгихъ дней обнаженныя кажутъ вершины
Рощи, оставшійся илъ еще сохраняя на вѣткахъ.
  Міръ возвращенъ былъ теперь; но, его увидавши порожнимъ
И запустѣвшую землю, лежащую въ мертвомъ молчаньи,
350 Девкаліонъ такъ сказалъ со слезами невольными Пиррѣ:
„О сестра, о супруга, о женщина ты остальная,
Общій которую родъ и по дядѣ родство и за этимъ
Ложе связало со мной, а нынѣ напасти связуютъ:
Вотъ по цѣлой землѣ съ восхода и до заката
355 Мы вдвоемъ весь народъ; остальныхъ поглотила пучина.

на китахъ. 338 Подъ двойственнымъ Фебомъ разумѣются два крайнихъ предѣла видимаго теченія солнца — востокъ и западъ, другими словами, вся лежащая между ними вселенная. 351 *Сестра*—собственно двоюродная, такъ какъ Девкаліонъ, сынъ Прометея, а Пирра дочь Эпиметея. Впрочемъ, браки у Грековъ между братьями и сестрами, также какъ у Египтянъ, въ подражаніе богамъ, были не рѣдкость.

Haec quoque adhuc vitae nonest fiducia nostrae
Certa satis; terrent etiamnunc nubila mentem.
Quis tibi, si sine me fatis erepta fuisses,
Nunc animus, miseranda, foret? quo sola timorem
Ferre modo posses? quo consolante doleres?
Namque ego, crede mihi, si te quoque pontus haberet,
Te sequerer, coniux, et me quoque pontus haberet.
O utinam possem populos reparare paternis
Artibus atque animas formatae infundere terrae!
Nunc genus in nobis restat mortale duobus;
Sic visum est superis: hominumque exempla manemus.
Dixerat, et flebant; placuit coeleste precari
Numen, et auxilium per sacras quaerere sortes.
Nulla mora est, adeunt pariter Cephisidas undas,
Ut nondum liquidas, sic iam vada nota secantes.
Inde ubi libatos inroravere liquores
Vestibus et capiti, flectunt vestigia sanctae
Ad delubra deae, quorum fastigia turpi
Pallebant musco stabantque sine ignibus arae.
Ut templi tetigere gradus, procumbit uterque
Pronus humi, gelidoque pavens dedit oscula saxo.
Atque ita si precibus dixerunt numina iustis
Victa remollescunt, si flectitur ira deorum,
Dic, Themi, qua generis damnum reparabile nostri
Arte sit, et mersis fer opem, mitissima, rebus.
Mota dea est sortemque dedit: discedite templo,
Et velate caput, cinctasque resolvite vestes,
Ossaque post tergum magnae iactate parentis.
Obstupuere diu, rumpitque silentia voce
Pyrrha prior, iussisque deae parere recusat,
Detque sibi veniam, pavido rogat ore, pavetque
Laedere iactatis maternas ossibus umbras.
Interea repetunt caecis obscura latebris
Verba datae sortis secum, inter seque volutant:

---

363 *Девкаліонъ*—сынъ Прометея, лѣпившаго людей изъ глины, женатъ на Пиррѣ, дочери Эпиметея, брата Прометея. 369 Упоминаемый здѣсь Цефизъ вытекалъ изъ Фокиды и изливался въ Беотіи въ озеро Копай; соименная ему рѣчка протекала

Да и понынѣ для насъ безопасность полная жизни
Не довольно вѣрна, и тучи все душу пугаютъ.
Что бы было, когда-бъ безъ меня ты спаслась отъ несчастья,
У бѣдняжки тебя на душѣ? Ну какъ бы одна ты
360 Страхъ могла перенесть? Кто въ горѣ тебя утѣшалъ бы?
Я то, повѣрь уже мнѣ, когда-бъ тебя море сокрыло,
Вслѣдъ за тобою, жена, и меня бы море сокрыло.
О, еслибъ могъ я народъ возродить отцовскимъ искусствомъ
И дыханьемъ своимъ оживить слѣпленную землю,
365 Нынѣ весь родъ человѣческій только въ насъ двухъ остается.
Такъ восхотѣлось богамъ. Образцами людей мы остались“.
Рекъ, и заплакали оба. Рѣшились богамъ помолиться
И совѣта искать, прибѣгая къ святымъ изреченьямъ.
Безъ замедленія вмѣстѣ идутъ они къ волнамъ Цефиза,
370 Хоть и несвѣтлымъ еще, но въ руслѣ ужь знакомомъ бѣгущимъ.
Тутъ, когда они воду черпнувъ, окропили одежды
И свои головы, то стопы обратили къ святому
Храму богини, на кровлѣ котораго гнусная тина
Все желтѣла, и самый алтарь безъ огня оставался.
375 Какъ достигли они ступеней храма, то оба
Пали ничкомъ, лобызая холодные камни въ смятеньи,
И сказали: коль боги молитвою праведной могутъ
Быть смягчаемы и отмѣнить свой гнѣвъ могутъ боги,
То скажи намъ, Ѳемида, чѣмъ гибель мы нашего рода
380 Можемъ исправить, и міръ потонувшій спаси милосердо.
Тронута этимъ, богиня рекла: „Ступайте изъ храма
И закройте вы головы, поясъ одеждъ развяжите,
И за спины бросайте великой матери кости“.
Долго стояли они изумясь, но, молчанье прервавши,
385 Пирра сперва богини приказъ исполнять отказалась.
Молитъ пощады себѣ устами дрожащими;—страшно
Ей такъ кости бросать и матери тѣнь потревожить.
Стали думать они о неясномъ значеніи темныхъ
Словъ прорицанья, и взвѣшивать начали ихъ межъ собою.

близь Аѳинъ. 371 Передъ приношеніемъ жертвы окрапляли себѣ руки, голову и платье водою въ знакъ очищенія.

Unde Promethiades placidis Epimethida dictis
Mulcet et: Aut fallax, ait, est sollertia nobis,
Aut pia sunt nullumque nefas oracula suadent.
Magna parens terra est, lapides in corpere terrae
Ossa reor dici: iacere hos post terga iubemur.
Coniugis augurio quamquam Titania mota est,
Spes tamen in dubio est. adeo coelestibus ambo
Diffidunt monitis. sed quid tentare nocebit?
Discedunt velantque caput tunicasque recingunt,
Et iussos lapides sua post vestigia mittunt.
Saxa—quis hoc credat, nisi sit pro teste vetustas?—
Ponere duritiem coepere suumque rigorem,
Mollirique mora, mollitaque ducere formam.
Mox ubi creverunt, naturaque mitior illis
Contigit, ut quaedam, sic non manifesta, videri
Forma potest hominis, sed uti est de marmore coeptis
Non exacta satis rudibusque simillima signis.
Quae tamen ex illis aliquo pars humida suco
Et terrena fuit, versa est in corporis usum:
Quod solidum est flectique nequit, mutatur in ossa:
Quae modo vena fuit, sub eodem nomine mansit:
Inque brevi spatio superorum numime saxa
Missa viri manibus faciem traxere virorum,
Et de femineo reparata est femina iactu.
Inde genus durum sumus experiensque laborum,
Et documenta damus, qua simus origine nati.

PYTHON.

Cetera diversis tellus animalia formis
Sponte sua peperit, postquam vetus humor ab igne
Percaluit solis, coenumque udaeque paludes
Intumuere aestu, fecundaque semina rerum
Vivaci nutrita solo, ceu matris in alvo,
Creverunt faciemque aliquam cepere morando.
Sic ubi deseruit madidos septemfluus agros

---

422 *Нилъ семиустный* — любимый эпитетъ Нила ради семи его рукавовъ.

Кроткою сынъ Прометея тутъ дочери Эпиметея
Рѣчью: „или“, сказалъ, „измѣняетъ мнѣ прозорливость,
Или оракулъ священнъ и не дастъ нечестивыхъ совѣтовъ?
Намъ земля вѣдь великая мать, полагаю, что камни
Значатъ тутъ кости земли: кидать ихъ за спины велятъ намъ“.
Хоть и склонили отчасти Титанію доводы мужа,
Но въ сомнѣньи еще надежда; не вѣрятъ и оба
Подлинной волѣ небесъ. Но чѣмъ повредитъ испытанье?
Разошлися и, головы скрывъ, распоясали платья,
И за собою во слѣдъ, какъ сказано, камни бросаютъ.
Камни,—кто-бы повѣрилъ, когда бъ не свидѣтельство древнихъ?—
Начали твердость свою покидать и свою загрубѣлость,
И, понемногу смягчаяся, формы затѣмъ воспріяли.
Скоро возросши они вещество получили нѣжнѣе,
Такъ что, хотя и не явно совсѣмъ, а форма людская
Стала видна, но какъ бы расчатая въ мраморѣ только
Безъ окончанья еще, лишь образамъ грубымъ подобна.
Но тѣ части у нихъ, въ которыхъ былъ сокъ или влага
Или земля, то онѣ обратились въ созданіе тѣла,
А что гнуться не можетъ, по твердости стало костями;
То, что жилами было, осталось при томъ же названьи;
Въ скоромъ времени по изволенью всевышнихъ всѣ камни,
Кинуты мужа рукой, мужскіе восприняли лики,
И отъ бросанія женскаго женщина снова явилась.
Вотъ почему мы столь твердый родъ и въ бѣдахъ терпѣливый
И доказательство въ насъ, изъ какого исходимъ начала.

ПИѲОНЪ.

Прочихъ различнаго вида животныхъ земля породила
Уже сама по себѣ, затѣмъ какъ прежнюю влагу
Солнечный жаръ прокалилъ, и илъ и полныя лужи
Стали отъ зноя густѣть, и сѣмя грядущихъ твореній
Жизнь набирая въ землѣ, у матери словно въ утробѣ,
Ростъ начало, принимая по малу извѣстные виды.
Такъ, коли съ влажныхъ полей удаляется Нилъ семиустный

Nilus et antiquo sua flumina reddidit alveo,
Aetherioque recens exarsit sidere limus,
Plurima cultores versis animalia glaebis
Inveniunt, et in his quaedam modo coepta, per ipsum
Nascendi spatium, quaedam inperfecta suisque
Trunca vident numeris, et eodem in corpore saepe
Altera pars vivit, rudis est pars altera tellus.
Quippe ubi temperiem sumsere humorque calorque,
Concipiunt, et ab his oriuntur cuncta duobus.
Cumque sit ignis aquae pugnax, vapor humidus omnes
Res creat, et discors concordia fetibus apta est.
Ergo ubi diluvio tellus lutulenta recenti
Solibus aetheriis altoque recanduit aestu,
Edidit innumeras species, partimque figuras
Rettulit antiquas, partim nova montsra creavit.
Illa quidem nollet, sed te quoque, maxime Python,
Tum genuit, populisque novis, incognite serpens,
Terror eras; tantum spatii de monte tenebas.
Hunc deus arcitenens, et numquam talibus armis
Ante nisi in damis capreisque fugacibus usus,
Mille gravem telis, exhausta paene pharetra,
Perdidit effuso per vulnera nigra veneno.
Neve operis famam posset delere vetustas,
Instituit sacros celebri certamine ludos
Pythia de domitae serpentis nomine dictos.
His iuvenum quicumque manu pedibusve rotave
Vicerat, aesculeae capiebat frondis honorem.
Nondum laurus erat, longoque decentia crine
Tempora cingebat de qualibet arbore Phoebus.

DAPHNE.

Primus amor Phoebi Daphne Peneïa, quem non
Fors ignara dedit, sed saeva Cupidinis ira.

---

447 Пиѳійскія игры были устроены на полѣ города Криссы, со временемъ получившаго названіе Пиѳона, позднѣе Дельфъ, первоначально каждыя 9 лѣтъ, а впослѣдствіи каждые 4 года. 450 Какъ ловко отъ первоначальной награды дубовою

И въ былое русло свое возвращаетъ теченье,
Да подъ созвѣздьемъ небеснымъ оставшійся илъ раскалится,
Пахари многихъ животныхъ находятъ, ворочая глыбы.
Часть ихъ только въ зачаткѣ, какъ разъ въ минуту рожденья
Самаго, а другая съ числомъ всѣхъ членовъ неполнымъ.
Видятъ, что въ тѣлѣ одномъ и томъ же нерѣдко жива ужъ
Часть одна, а другая все грубой землею осталась.
Ибо когда съ теплотой какъ должно смѣшается влага,
То зарождаютъ они, и отъ двухъ этихъ все происходитъ.
Какъ сразится съ водою огонь, то изъ влажнаго пара
Все создается и въ мирномъ раздорѣ зародышамъ любо.
Вотъ какъ съ потопа недавняго иломъ земля еще скрыта,
Силой эфирныхъ лучей и небеснаго жара нагрѣлась,
То родила она множество видовъ, отчасти вернувши
Старыя формы, отчасти рождая и новыхъ чудовищъ.
Хоть противъ воли, она и тебя громаду Пиѳона
Породила тогда, новымъ людямъ столь дивнаго змія.
Страшенъ ты былъ: такое горы ты занялъ пространство.
Лукомъ владѣющій богъ, который такое оружье
Прежде только на сернъ обращалъ да на козъ быстроногихъ,
Ранивши тысячью стрѣлъ и колчанъ почти истощивши,
Все же его умертвилъ, ядъ выливъ изъ ранъ его черный.
И чтобы подвига память за древностью лѣтъ не изчезла,
Онъ священныя игры со славной борьбою устроилъ.
Ихъ называютъ Пиѳійскими, именемъ павшаго змія.
Тутъ, кто изъ юношей всѣхъ побѣдилъ кулакомъ иль ногами,
Иль въ колесницѣ, тотъ бралъ въ награду дубовую вѣтку.
Не было лавра еще, красивые волосомъ длиннымъ
Фебъ виски украшалъ свои со древа любаго.

ДАФНА.

Первою Фебъ увлеченъ былъ Дафной, Пенеемъ рожденной;
Эту не случай любовь доровалъ, а гнѣвъ Купидона.

вѣткою подготовляется переходъ къ происхожденію лавроваго дерева. 452 *Пеней*— рѣка, рѣчной богъ въ Ѳессаліи (см. ниже ст. 569).

Delius hunc nuper, victo serpente superbus,
455 Viderat adducto flectentem cornua nervo,
Quid que tibi, lascive puer, cum fortibus armis?
Dixerat; ista decent humeros gestamina nostros,
Qui dare certa ferae, dare vulnera possumus hosti,
Qui modo pestifero tot iugera ventre prementem
460 Stravimus innumeris tumidum Pythona sagittis.
Tu face nescio quos esto contentus amores
Irritare tua, nec laudes assere nostras.
Filius huic Veneris: Figat tuus omnia, Phoebe,
Te meus arcus, ait; quantoque animalia cedunt
465 Cuncta deo, tanto minor est tua gloria nostra.
Dixit, et eliso percussis aëre pennis
Impiger umbrosa Parnasi constitit arce,
Eque sagittifera promsit duo tela pharetra
Diversorum operum; fugat hoc, facit illud amorem.
470 Quod facit, auratum est et cuspide fulget acuta:
Quod fugat, obtusum est et habet sub arundine plumbum.
Hoc deus in nympha Peneïde fixit; at illo
Laesit Apollineas traiecta per ossa medullas.
Protinus alter amat; fugit altera nomen amantis,
475 Silvarum tenebris captivarumque ferarum
Exuviis gaudens innuptaeque aemula Phoebes.
Vitta coërcebat positos sine lege capillos.
Multi illam petiere, illa aversata petentes
Impatiens expersque viri nemorum avia lustrat,
480 Nec quid Hymen, quid Amor, quid sint connubia, curat.
Saepe pater dixit: generum mihi, filia, debes.
Saepe pater dixit: debes mihi, nata, nepotes.
Illa, velut crimen, taedas exosa iugales
Pulchra verecundo suffunditur ora rubore,
485 Inque patris blandis haerens cervice lacertis:
Da mihi perpetua, genitor carissime, dixit:

---

465 *Богу* — здѣсь значитъ: тебѣ; въ нѣкоторыхъ рукописяхъ стоитъ даже *tibi* вмѣсто *deo*, здѣсь очевидно, болѣе красивое по антитезу, все живущее покорно тебѣ, божеству, а ты мнѣ. 467 Чтобы съ горной высоты было видно и возможно стрѣлять во всѣ стороны. 471 *Въ тростникѣ.* Стрѣлы дѣлались изъ тростника съ ме-

Делій недавно еще, гордяся побѣдой надъ зміемъ,
Видѣлъ, какъ тотъ, тетиву напрягая, свой лукъ выгибаетъ:
„Что тебѣ, мальчикъ шалунъ, оружія храбрыхъ касаться?
Молвилъ онъ; сбруя такая лишь нашимъ раме́намъ прилична,
Въ звѣря попасть навѣрнякъ и ранить врага мы лишь можемъ;
Брюхомъ заразнымъ своимъ, десятинъ придавившаго столько,
Мы безсчетными только свалили Пиѳона стрѣлами.
Будь доволенъ, не знаю какую любовь разжигать ты
Факеломъ тамъ, и нашихъ заслугъ не ищи добиваться“.
Сынъ Венеры ему отвѣчалъ: „пусть все поражаетъ
Лукъ твой, о Фебъ! но мой то тебя; на сколько отстали
Твари отъ бога, на столько ты славою мнѣ уступаешь“.
Такъ онъ сказалъ, и подвижными крыльями воздухъ разрѣзавъ,
Торопливо достигнулъ тѣнистыхъ высотъ онъ Парнасса,
И изъ тугаго колчана досталъ двѣ стрѣлы онъ немедля
Качествомъ разныхъ. Та гонитъ любовь, а эта внушаетъ.
Та, что внушаетъ, изъ золота острый конецъ ея блещетъ,
Та, что гонитъ, тупа, и свинецъ въ тростникѣ ея только.
Этой богъ въ Нимфу стрѣльнулъ Пенеиду, а той поразилъ онъ
Аполлона, его до мозга костей проницая.
Тотчасъ одинъ полюбилъ, а другая и слышать не хочетъ
Про любовника, радуясь тѣни лѣсовъ и добычѣ
Ею сраженныхъ звѣрей, равняяся съ Фебой безбрачной.
Волосы просто свернувши, она подбирала повязкой.
Часто сватались къ ней, но она отвергала просящихъ
И, чуждаяся мужа, искала лѣсовъ неприступныхъ,
А Гименея, Амура и всякую свадьбу забыла.
Часто отецъ говорилъ: „мой зять еще, дочь, за тобою“.
Часто отецъ говорилъ: „за тобою, дружокъ, мои внуки“.
Какъ преступленья она чуждалась факеловъ брачныхъ,
И въ прекрасномъ лицѣ разгоралась стыдливою краской,
Ласково шею отца обнимая своими руками,
Говорила: „дозволь, дражайшій родитель, мнѣ въ вѣчномъ

таллическими наконечниками съ закорючками. 477 (см. 3, 170). 480 *Гименей*— богъ бракосочетанія (см. 10, 1). 483 *Факеловъ брачныхъ*. Вечеромъ во время торжественнаго отвода невѣсты въ домъ жениха передъ нею несли факелы; поэтому у древнихъ слово факелъ часто употребляется вмѣсто бракосочетанія.

Virginitate frui; dedit hoc pater ante Dianae.
Ille quidem obsequitur. sed te decor iste quod optas,
Esse vetat, votoque tuo tua forma repugnat.
490 Phoebus amat, visaeque cupit connubia Daphnes,
Quodque cupit, sperat; suaque illum oracula fallunt.
Utque leves stipulae demtis adolentur aristis,
Ut facibus saepes ardent, quas forte viator
Vel nimis admovit, vel iam sub luce reliquit,
495 Sic deus in flammas abiit, sic pectore toto
Uritur et sterilem sperando nutrit amorem.
Spectat inornatos collo pendere capillos,
Et: quid, si comantur? ait; videt igne micantes
Sideribus similes oculos; videt oscula, quae non
500 Est vidisse satis; laudat digitosque manusque
Bracchiaque et nudos media plus parte lacertos:
Siqua latent, meliora putat; fugit ocior aura
Illa levi, neque ad haec revocantis verba resistit:
Nympha, precor, Peneï, mane! non insequor hostis:
505 Nympha, mane! sic agna lupum, sic cerva leonem,
Sic aquilam penna fugiunt trepidante columbae,
Hostes quaeque suos; amor est mihi causa sequendi.
Me miserum! ne prona cadas, indignave laedi
Crura notent sentes, et sim tibi causa doloris.
510 Aspera, qua properas, loca sunt; moderatius, oro,
Curre, fugamque inhibe; moderatius insequar ipse.
Cui placeas, inquire tamen; non incola montis,
Non ego sum pastor, non hic armenta gregesue
Horridus observo; nescis, temeraria, nescis,
515 Quem fugias, ideoque fugis; mihi Delphica tellus
Et Claros et Tenedos Patareaque regia servit.
Iuppiter est genitor. Per me quod eritque fuitque
Estque, patet: per me concordant carmina nervis.
Certa quidem nostra est, nostra tamen una sagitta
520 Certior, in vacuo quae vulnera pectore fecit.
Inventum medicina meum est, opiferque per orbem

---

492 Колосья отрѣзались съ весьма малою частью соломины, а остальное или срѣзалось послѣ или для утучненія полей сжигалось на корню, причемъ истреблялись и

Дѣвствѣ пребыть. Вѣдь древле отецъ то дозволилъ Діанѣ".
„Тотъ то согласіе далъ. Но твоя красота возбраняетъ
То чего просишь, и статность твоя враждебна желаньямъ".
490 Фебъ влюбленъ и, Дафну увидя, желаетъ съ ней брака,
И въ надеждѣ успѣть. Обманулъ его свой же оракулъ.
Какъ сожигается легкое жниво, по снятьи колосьевъ,
Какъ пылаетъ плетень отъ факела, если случайно
Близко его прохожій поднесъ или утромъ покинулъ,
495 Такъ и богъ воспылалъ, такъ все его сердце горѣло.
И напрасную онъ любовь упованьемъ питаетъ.
Видитъ висящіе онъ по плечамъ волоса въ безпорядкѣ
И: „что еслибы ихъ причесать?" говоритъ; видитъ взоры,
Что, какъ звѣзды блестятъ, и видитъ уста, что глядѣвши,
500 Не наглядишься; и хвалитъ онъ пальцы, и кисти, и руки,
И обнаженныя плечи болѣе, чѣмъ вполовину;
Кажется лучшимъ еще, что скрыто. Она же быстрѣе
Вѣтра бѣжитъ и никакъ постоять на зовъ не согласна.
„Нимфа, постой, Пенеева дочь! умоляю, не врагъ я:
505 Нимфа, постой! отъ волка такъ агнцы, отъ льва такъ олени,
Отъ орла такъ, спасаяся, голуби летомъ несутся,
Всякъ отъ врага своего. Бѣгу за тобой по любви я.
О, я несчастный! смотри не споткнись и ногъ ты безвинныхъ
Терномъ не рви, чтобы не былъ тебѣ я причиною боли.
510 Дики мѣста, гдѣ бѣжишь ты. Потише бѣги, умоляю,
Сдерживай бѣгъ, и самъ погонюсь за тобою я тише.
Но разбери, кому нравишься ты. Не житель я горный,
Не загрубѣлый какой я пастухъ гурты или стадо
Здѣсь стерегу; ты не знаешь, безумная дѣва, не знаешь,
515 Отъ кого ты бѣжишь; потому и бѣжишь. Мнѣ въ Дельфійской
Служатъ странѣ, мнѣ Кларосъ, Тенедосъ и Патара покорны.
Мнѣ Юпитеръ отецъ. Чрезъ меня, что было и будетъ,
Что и есть, узнаютъ. Чрезъ меня ладятъ съ пѣснями струны.
Вѣрны всѣ стрѣлы мои, но одна и моихъ то вѣрнѣе
520 Та, что мнѣ причинила въ груди не занятой рану.
Медицина мое изобрѣтенье, въ свѣтѣ слыву я

сорныя травы. Тоже самое лѣтъ за 40 тому назадъ дѣлалось и у насъ, когда почва не была еще такъ истощена.

Dicor, et herbarum subiecta potentia nobis.
Hei mihi, quod nullis amor est sanabilis herbis,
Nec prosunt domino, quae prosunt omnibus, artes!
525 Plura locuturum timido Peneïa cursu
Fugit, cumque ipso verba inperfecta reliquit:
Tunc quoque visa decens; nudabant corpora venti,
Obviaque adversas vibrabant flamina vestes,
Et levis inpulsos retro dabat aura capillos,
530 Aucta fuga forma est. Sed enim non sustinet ultra
Perdere blanditias iuvenis deus, utque movebat
Ipse amor, admisso sequitur vestigia passu.
Ut canis in vacuo leporem cum Gallicus arvo
Vidit, et hic praedam pedibus petit, ille salutem:
535 Alter inhaesuro similis iam iamque tenere
Sperat, et extento stringit vestigia rostro,
Alter in ambiguo est, an sit conprensus, et ipsis
Morsibus eripitur tangentiaque ora relinquit:
Sic deus et virgo, est hic spe celer, illa timore:
540 Qui tamen insequitur, pennis adiutus amoris
Ocior est, requiemque negat, tergoque fugacis
Imminet et crinem sparsum cervicibus afflat.
Viribus absumptis expalluit illa, citaeque
Victa labore fugae, spectans Peneïdas undas,
545 Fer, pater, inquit, opem, si flumina numen habetis!
547 Qua nimium placui, mutando perde figuram!
Vix prece finita, torpor gravis occupat artus,
Mollia cinguntur tenui praecordia libro,
550 In frondem crines, in ramos bracchia crescunt:
Pes, modo tam velox, pigris radicibus haeret,
Ora cacumen obit; remanet nitor unus in illa.
Hanc quoque Phoebus amat, positaque in stipite dextra
Sentit adhuc trepidare novo sub cortice pectus,
555 Complexusque suis ramos, ut membra, lacertis

---

533 Борзыя собаки Галліи, нынѣшней Франціи, славились у Римлянъ своею быстротою. 547 За 545 стихомъ въ обыкновенныхъ изданіяхъ стоятъ два слѣдующихъ:

Qua nimium placui, tellus, aut hisce, vel istam,
Quae facit, ut laedar, mutando perde figuram!»

Исцѣлителемъ, и покорствуетъ злаковъ мнѣ сила.
Но, увы мнѣ! любовь никакія не пользуютъ травы,
Не помогаетъ владыкѣ искусство, что всѣмъ помогаетъ!“
525 Отъ говорящаго далѣе дочь Пенея умчалась
Въ робкомъ побѣгѣ, его оставляя съ неконченнымъ словомъ.
Все же прелестна она. Обнажили все тѣло ей вѣтры,
И колебались одежды подъ ихъ дуновеніемъ встрѣчнымъ,
И слегка вѣтерокъ назадъ ей отбрасывалъ кудри,
530 Бѣгъ придавалъ красоты. Но юноша богъ не стерпѣлъ ужь
Дальше моленья терять и, насколько гонимъ былъ любовью
Самъ, на столько за ней спѣшилъ онъ, побѣгъ ускоряя.
Какъ собака изъ Галліи въ полѣ открытомъ увидитъ
Зайца, и ищетъ въ ногахъ добычи, а тотъ лишь спасенья:
535 Та, какъ будто поймавъ, вотъ вотъ схватить уповаетъ,
И растянувшися вся, щипцомъ прикасается къ лапамъ,
А другой не пойметъ, что будетъ ли пойманъ, но только
Рвется изъ хватокъ самихъ и бѣжитъ отъ коснувшейся морды,
Такъ то дѣва и богъ: тотъ быстръ отъ надеждъ, та отъ страха.
540 Но бѣгущій во слѣдъ, при помощи крыльевъ Амура,
Все же быстрѣй и не дастъ ей вздохнуть и къ тѣлу бѣгущей
Близокъ, и ей въ волоса, на плечи упавшіе, дышетъ.
Силы утратя свои, она поблѣднѣла, и быстрымъ
Бѣгомъ умучена, какъ завидѣла волны Пенея:
545 „О, помоги мнѣ, воззвала, отецъ, коль властны вы рѣки!
547 Ликъ, измѣня, погуби, которымъ не кстати я правлюсь!“
Только утихла мольба, онѣмѣнье объяла все тѣло,
Нѣжная грудь окружается тонкой древесной корою,
550 Листьями волосы стали, и руки подъемлются въ сучья,
Ноги, что были рѣзвы, недвижными стали корнями.
Скрыла вершина лице, одна красота въ ней осталась.
Но и такою ее Фебъ любитъ, къ стволу приложивши
Руку, онъ чувствуетъ все подъ корой трепетаніе сердца,
555 И, обнявши суки руками своими какъ члены,

изъ которыхъ Меркель, а за нимъ и Линдеманъ составили:
Qua nimium placui, mutando perde figuram!»
справедливо видя въ этомъ неумѣстномъ обращеніи къ землѣ съ деревянной затычкою *aut*, чуждый фабрикатъ, грубо выдѣляющійся изъ элегантной рѣчи Овидія.

Oscula dat ligno; refugit tamen oscula lignum.
Cui deus: at coniunx quoniam mea non potes esse,
Arbor eris certe, dixit, mea: semper habebunt
Te coma, te citharae, te nostrae, laure, pharetrae.
Tu ducibus Latiis aderis, cum laeta Triumphum
Vox canet et visent longas Capitolia pompas.
Postibus Augustis eadem fidissima custos
Ante fores stabis, mediamque tuebere quercum.
Utque meum intonsis caput est iuvenale capillis,
Tu quoque perpetuos semper gere frondis honores.
Finierat Paean. Factis modo laurea ramis
Annuit, utque caput visa est agitasse cacumen.

IO. ARGUS. SYRINX.

Est nemus Haemoniae, praerupta quod undique claudit
Silva, vocant Tempe; per quae Penēus ab imo
Effusus Pindo spumosis volvitur undis
Deiectuque gravi tenues agitantia fumos
Nubila conducit, summisque aspergine silvis
Impluit et sonitu plus quam vicina fatigat.
Haec domus, haec sedes, haec sunt penetralia magni
Amnis; in his residens facto de cautibus antro,
Undis iura dabat, nymphisque colentibus undas.
Conveniunt illuc popularia flumina primum,
Nescia gratentur consolenturne parentem,
Populifer Sperchios et irrequietus Enipeus
Apidanusque senex lenisque Amphrysos et Aeas:
Moxque amnes alii, qui, qua tulit impetus illos,
In mare deducunt fessas erroribus undas.

---

558 *Деревомъ будешь моимъ.* Все Аполлону принадлежащее или близкое украшалось лавромъ. 562 Лавръ, подобно оливѣ, былъ эмблемою мира и потому два лавра стояли по обѣ стороны воротъ Палатинскаго дворца. (Сажать лавры у домашнихъ дверей было уже въ обычаѣ Грековъ)—а въ серединѣ висѣлъ дубовой вѣнокъ—эмблема Римскаго гражданства. 564 Аполлонъ изображался съ неостриженными волосами, какъ подобаетъ подростку, не достигшему совершеннолѣтія, раздѣленными посерединѣ головы проборомъ и по женски расходящимися на двѣ стороны лба. 566 *Пэаномъ* или *Пеономъ* назывался Аполлонъ въ качествѣ врача, вѣроятно заимствуя такое

Къ древу лобзаньями льнетъ, но древо дичится лобзаній.
Богъ же сказалъ: „ты хотя не можешь моей быть супругой,
Деревомъ будешь моимъ ты вѣрно: и вѣчно на кудряхъ
Будешь ты лавръ, ты на цитрѣ и ты на моемъ же колчанѣ,
Ты Лаціума вождей не оставишь тогда, какъ веселый
Голосъ тріумфъ возвѣститъ и пойдетъ торжество въ Капитолій,
И у порога ты Августа тоже, какъ сторожъ вѣрнѣйшій,
Будешь стоять предъ дверями и дубъ охранять въ серединѣ.
Какъ юна все моя голова въ неостриженныхъ кудряхъ,
Такъ и ты навсегда сохраняй украшеніе листьевъ“.
Кончилъ Пэанъ. Молодыми вѣтвями кивнулъ въ подтвержденье
Лавръ, и казалось, какъ бы голова наклонилась къ макушкѣ.

10. АРГУСЪ. СИРИНГА.

Есть въ Гэмоніи роща, ее окружалъ со скалами
Лѣсъ, зовутъ ее Темпе, по ней изъ самаго Пинда
Изливаясь, Пеней проносится пѣнистой влагой;
И въ паденіи тяжкомъ легчайшій туманъ подымая,
Тучи сбираетъ кругомъ, кропитъ вершины лѣсныя,
И за окрестности даже далеко свой шумъ разсылаетъ.
Тутъ и домъ и престолъ и святыня великаго тока.
Здѣсь въ пещерѣ изъ скалъ сгроможденныхъ онъ возсѣдая,
Слалъ законы волнамъ и нимфамъ въ волнахъ тѣхъ живущимъ.
Тутъ впервые сошлись окрестныя рѣки, не зная
Поздравленья ль принесть, иль отцу подавать утѣшенье,
Сперхій среди тополей и съ нимъ Энипей безусталый,
И старикъ Апиданъ и съ тихимъ Амфризомъ и Эасъ;
Вскорѣ и рѣки иныя, что, какъ ихъ стремленіе гонитъ,
Такъ онѣ къ морю несутъ усталыя въ странствіяхъ волны.

прозваніе отъ имени древняго врача, также назывались и гимны въ честь Аполлона и другихъ боговъ. 568 *Гемонія*—древнее названіе Ѳессаліи. 569 *Темпе* или *Темпеи* по красотѣ своей много прославленая у древнихъ долина между Оссою и Олимпомъ. по Плинію въ 5000 шаговъ длины, что составляетъ болѣе нашихъ трехъ верстъ, съ протекающимъ вдоль ея Пенеемъ. Между Ѳессаліей, Македоніей и Эпиромъ съ сѣвера на югъ тянулся хребетъ *Пинда*. 580 Поэтъ, упоминая рѣки, впадающія въ Пеней, какъ отъ него зависящія, не стѣсняется упоминать и рѣки другихъ системъ. *Старикъ Апиданъ* (см. 2, 509).

Inachus unus abest, imoque reconditus antro
Fletibus auget aquas, natamque miserrimus Io
Luget ut amissam; nescit, vitane fruatur,
An sit apud manes; sed quam non invenit usquam,
Esse putat nusquam, atque animo peiora veretur.
Viderat a patrio redeuntem Iuppiter illam
Flumine, et: o virgo Iove digna, tuoque beatum
Nescio quem factura toro, pete, dixerat, umbras
Altorum nemorum, nemorum et monstraverat umbras,
Dum calet et medio sol est altissimus orbe.
Quodsi sola times latebras intrare ferarum,
Praeside tuta deo nemorum secreta subibis,
Nec de plebe deo, sed qui caelestia magna
Sceptra manu teneo, sed qui vaga fulmina mitto.
Ne fuge me! fugiebat enim. Iam pascua Lernae
Consitaque arboribus Lyrcea reliquerat arva,
Cum deus inducta latas caligine terras
Occuluit, tenuitque fugam, rapuitque pudorem.
Interea medios Iuno despexit in agros,
Et noctis faciem nebulas fecisse volucres
Sub nitido mirata die, non fluminis illas
Esse, nec humenti sensit tellure remitti,
Atque suus coniux ubi sit, circumspicit, ut quae
Deprensi toties iam nosset furta mariti.
Quem postquam caelo non repperit: aut ego fallor,
Aut ego laedor, ait, delapsaque ab aethere summo
Constitit in terris, nebulasque recedere iussit.
Coniugis adventum praesenserat, inque nitentem
Inachidos vultus mutaverat ille iuvencam.
Bos quoque formosa est. Speciem Saturnia vaccae,
Quamquam invita, probat, nec non et cuius, et unde,
Quove sit armento, veri quasi nescia quaerit.
Iuppiter e terra genitam mentitur, ut auctor
Desinat inquiri. Petit hanc Saturnia munus.
Quid faciat? crudele, suos addicere amores;

---

583 *Инахъ* — рѣка въ Арголидѣ въ Пелопонесѣ. 597 *Лерна* — было названіе рѣки и болота въ Арголидѣ, знаменитыхъ по Гидрѣ, убитой Геркулесомъ (см. 9,

Не было только Инáха, сокрывшись въ глубокой пещерѣ,
Множитъ онъ воды слезами и, бѣдный о дочери Іо
Плачетъ утраченной онъ. Жива ль она, самъ онъ не знаетъ,
Или у мановъ она. Но нигдѣ ея не нашедши,
Онъ считаетъ что нѣтъ ея, худшаго въ сердцѣ страшася.
Видѣлъ Юпитеръ ее, какъ она возвращалась съ отцовской
Рѣчки, и такъ ей сказалъ: „о дѣва, достойна Зевеса,
Ложемъ не знаю кого своимъ ты должна осчастливить;
Въ тѣнь лѣсную ступай,—и тѣнь указалъ онъ лѣсную,—
Тою порой, что солнце палитъ съ высочайшихъ предѣловъ.
Если одна ты боишься идти къ логовищамъ звѣринымъ,
То въ глубину ты лѣсовъ пойдешь подъ охраною бога.
И не изъ низкихъ боговъ; я тотъ, что скипетръ небесный
Властной рукою держу и молній лучи разсылаю.
Ты не бѣги отъ меня!“ Ибо та убѣгала. Ужь Лерны
Долы минула она и Лирцея поля съ деревами,
Какъ темнотой наведенною богъ пространное мѣсто
Скрылъ, задержалъ ея бѣгъ и похитилъ невинность.
Между тѣмъ въ середину полей Юнона взглянула,
И удивилась, что тонкій туманъ подобіе ночи
Придалъ ясному дню; что онъ изошелъ не изъ рѣчки
И не изъ влажной земли, она немедля узнала,
И осмотрѣлась кругомъ, гдѣ мужъ ея,—такъ какъ нерѣдко
Уже застигнутаго продѣлки узнала супруга.
Не найдя его въ небѣ, она сказала: „иль только
Я ошибаюсь, иль тутъ мнѣ обида“ и, съ неба спустившись,
Стала на землю она, и туману исчезнуть велѣла.
Предугадавши супруги приходъ, въ блестящую телку
Онъ Инаховой дочери видъ превращаетъ немедля.
Но и телицей прекрасна она. Хотя неохотно
Чудную телку Сатурнія хвалитъ, и чья, и откуда,
И изъ стада какого, какъ будто не зная, пытаетъ.
Лжетъ Зевесъ, что она изъ земли родилась, чтобъ владѣльца
Не искали уже. Сатурнія въ даръ ее проситъ.
Что ему дѣлать? Предать свою милую, слишкомъ жестоко,

---

69); *Лирцей*—гора въ той же области, изъ горы истекаетъ Инахъ.

Non dare, suspectum. Pudor est qui suadeat illinc,
Hinc dissuadet amor. Victus pudor esset amore:
620 Sed leve si munus sociae generisque torique
Vacca negaretur, poterat non vacca videri.
Paellice donata non protinus exuit omnem
Diva metum, timuitque Iovem et fuit anxia furti,
Donec Arestoridae servandam tradidit Argo.
625 Centum luminibus cinctum caput Argus habebat:
Inde suis vicibus capiebant bina quietem,
Cetera servabant atque in statione manebant.
Constiterat quocumque modo, spectabat ad Io:
Ante oculos Io, quamvis aversus habebat.
630 Luce sinit pasci; cum sol tellure sub alta est,
Claudit et indigno circumdat vincula collo.
Frondibus arboreis et amara pascitur herba,
Proque toro terrae non semper gramen habenti
Incubat infelix, limosaque flumina potat.
635 Illa etiam supplex Argo cum brachia vellet
Tendere, non habuit quae brachia tenderet Argo:
Et conata queri mugitus edidit ore,
Pertimuitque sonos, propriaque exterrita voce est.
Venit et ad patrias, ubi ludere saepe solebat,
640 Inachidas ripas; novaque ut conspexit in unda
Cornua, pertimuit, seque exsternata refugit.
Naides ignorant, ignorat et Inachus ipse,
Quae sit; at illa patrem sequitur, sequiturque sorores,
Et patitur tangi, seque admirantibus offert.
645 Decerptas senior porrexerat Inachus herbas:
Illa manus lambit, patriisque dat oscula palmis,
Nec retinet lacrimas et, si modo verba sequantur,
Oret opem, nomenque suum casusque loquatur.
Litera pro verbis, quam pes in pulvere duxit,
650 Corporis indicium mutati triste peregit.
Me miserum! exclamat pater Inachus, inque gementis
Cornibus et niveae pendens cervice iuvencae,

---

625 *Аргусъ* по мнѣнію однихъ сынъ *Арестора*, а по мнѣнію другихъ *землею рожденной*, сначала назывался просто *всезрящемъ*. Поэтому у древнѣйшихъ поэтовъ

Не отдавать, подозрительно. Стыдъ совѣтуетъ это,
А любовь разсовѣтуетъ. Стыдъ побѣдилъ бы навѣрно,
Но если въ дарѣ ничтожномъ, въ коровѣ откажетъ онъ близкой
И по родству и по ложу, то могутъ почесть не коровой.
Какъ подарилъ онъ любовницу, то не сейчасъ же богиня
Страхъ весь забыла, она Зевеса боялась и кражи,
Аресториду пока не сдала ее Аргусу стражу.
Сто вокругъ головы у Аргуса глазъ помѣщалось,
Пара только изъ нихъ въ свою очередь отдыхъ вкушала,
А другіе служили и все пребывали на стражѣ.
Какъ бы и гдѣ бы ни сталъ, а все же глядѣлъ онъ на Іо:
Іо была предъ глазами, хотя бы онъ самъ отвернулся.
Днемъ онъ даетъ ей пастись, но скроется солнце подъ землю,
Онъ запираетъ ее и цѣпь налагаетъ на шею.
Листья древесные пищею ей да горькія травы;
Вмѣсто постели бѣдняжка ложится на землю, гдѣ часто
Нѣтъ травы никакой, и пьетъ изъ мутныхъ потоковъ.
Еслибъ съ мольбою воздѣть и хотѣлось ей къ Аргусу руки,
Нѣтъ у ней рукъ, чтобъ воздѣть ихъ къ Аргусу было возможно,
И умолять собираясь, изъ устъ она ревъ испускаетъ,
И испугалъ ее звукъ и страшенъ ей собственный голосъ.
Вотъ приходитъ она къ берегамъ отцовскимъ Инáха,
Гдѣ она часто играла; но только рога разглядѣла
Новые въ рѣчкѣ она, убѣжала назадъ испугавшись.
Ни Наяды не знали, ни самъ Инáхъ то не вѣдалъ,
Кто она, но идетъ за отцемъ она и сестрами,
Въ руки дается и имъ дозволяетъ собой любоваться.
Старый Инáхъ, нарвавши травы, ее подаетъ ей,
Руку лижетъ она и цѣлуетъ отцовскія длани.
Слезъ не можетъ сдержать и, еслибъ слова выходили,
То, умоляя помочь, назвалась бы и все разсказала.
Буквами вмѣсто рѣчей, нога ихъ на прахѣ чертила,
Вывела грустную повѣсть она превращенія тѣла.
Горе мнѣ! воскликнулъ отецъ Инáхъ, обнимая
И рога и бѣлую шею вздыхающей телки,

онъ является съ тремя глазами, которые мало по малу разрослись въ 200. Представитель ревниваго надзора.

Me miserum! ingeminat, tune es quaesita per omnes,
Nata, mihi terras? tu non inventa reperta
Luctus eras levior. Retices, nec mutua nostris
Dicta refers, alto tantum suspiria ducis
Pectore, quodque unum potes, ad mea verba remugis.
At tibi ego ignarus thalamos taedasque parabam,
Spesque fuit generi mihi prima, secunda nepotum.
De grege nunc tibi vir, nunc de grege natus habendus.
Nec finire licet tantos mihi morte dolores,
Sed nocet esse deum, praeclusaque ianua leti
Aeternum nostros luctus extendit in aevum.
Talia maerentem stellatus submovet Argus,
Ereptamque patri diversa in pascua natam
Abstrahit; ipse procul montis sublime cacumen
Occupat, unde sedens partes speculatur in omnes.
  Nec superum rector mala tanta Phoronidos ultra
Ferre potest, natumque vocat, quem lucida partu
Pleas enixa est, letoque det imperat Argum.
Parva mora est alas pedibus virgamque potenti
Somniferam sumsisse manu, tegumenque capillis.
Haec ubi disposuit, patria Iove natus ab arce
Desilit in terras; illic tegumenque removit,
Et posuit pennas; tantummodo virga retenta est.
Hac agit ut pastor per devia rura capellas,
Dum venit, adductas, et structis cantat avenis.
Voce novae captus custos Iunonius artis:
Quisquis es, hoc poteras mecum considere saxo,
Argus ait, neque enim pecori fecundior ullo
Herba loco est, aptamque vides pastoribus umbram.
Sedit Atlantiades, et euntem multa loquendo
Detinuit sermone diem, iunctisque canendo
Vincere arundinibus servantia lumina tentat.

---

669 *Форонидою* Іо называется какъ внучка Форонея, отца Инаха; окончаніями *идъ* и *ида* въ древне классическихъ языкахъ обозначается происхожденіе. 670 *Свѣтлой Плеядой* — Маей, одной изъ плеядъ, старшей изъ семи дочерей Атланта и Плейоны. Въ Цилленской пещерѣ Мая родила Юпитеру сына Меркурія, Гермеса, ставшаго за-

Горе мнѣ! плачется онъ, ты ль дочь, которую всюду
Я искалъ по землѣ? Пока найдена не была ты,
655 Легче былъ плачъ по тебѣ. Молчишь и взаимно не можешь
Мнѣ отвѣчать, а вздохи одни изъ груди возсылаешь,
Только и въ силахъ еще отвѣчать на слова мои ревомъ.
Я же въ незнаньи тебѣ и спальню готовилъ и факелъ,
Зятя, во первыхъ, я ждалъ, во вторыхъ, ожидалъ я и внуковъ.
660 Нынѣ изъ стада твой мужъ и чада дождешься изъ стада.
Не дано мнѣ и смертью такихъ покончить мученій,
Я на бѣду свою богъ и врата затворенныя смерти
Распространяютъ нашъ плачъ на всю безпредѣльную вѣчность.
Такъ онъ стоналъ, а его удаляетъ Аргусъ звѣздистый,
665 И, оторвавъ отъ отца, влечетъ онъ дочь на иныя
Пастбища. Самъ же вдали на горѣ высокой вершину
Занялъ, откуда онъ, сидя, смотрѣлъ по всѣмъ направленьямъ.
Дальше властитель боговъ не въ силахъ подобныхъ страданій
Былъ Форониды стерпѣть, и сына зоветъ, что рожденъ былъ
670 Свѣтлой Плеядой ему, чтобъ предалъ тотъ Аргуса смерти.
Сборы недолгіе, крылья къ ногамъ и въ мощную руку
Посохъ снотворный схватить и волосы въ шапку упрятать.
Это приладивши все, сынъ Зевса съ отцовскихъ чертоговъ
На землю спрянулъ и тутъ немедленно шапку откинулъ,
675 Крылья свои положилъ и съ посохомъ только остался.
Имъ по окольнымъ путямъ, какъ пастухъ, онъ козъ приведенныхъ
Гонитъ, и самъ на приложенныхъ вмѣстѣ тростинкахъ играетъ.
Сторожъ Юноны искусствомъ звука плѣняяся новымъ,
Аргусъ сказалъ: „кто-бъ ты ни былъ, на камень сѣсть можешь со мною,
680 Ибо для стада нигдѣ травы не найдется обильнѣй,
Да и видишь ли, какъ пастухамъ въ тѣни тутъ привольно“.
Сѣлъ Атлантидъ и рѣчью обильною весь преходящій
День скороталъ, и старается онъ игрой на тростинкахъ,
Связанныхъ вмѣстѣ рядкомъ, побѣдить сторожащія очи.

тѣмъ прислужникомъ отца, подобно тому, какъ Ирида была у Юноны. 672 Кромѣ дорожной шапки, крылья на сандаліяхъ и чудотворный посохъ, лоза, кадуцей снотворный, составляютъ принадлежности Меркурія. 677 (см. ниже 711). 682 *Атлантидъ*—внукъ Атланта (см. выше 670).

Ille tamen pugnat molles evincere somnos
Et, quamvis sopor est oculorum parte receptus,
Parte tamen vigilat; quaerit quoque, namque reperta
Fistula nuper erat, qua sit ratione reperta.
  Tum deus: Arcadiae gelidis in montibus, inquit,
Inter hamadryadas celeberrima Nonacrinas
Naias una fuit, numphae Syringa vocabant.
Non semel et satyros eluserat illa sequentes,
Et quoscunque deos umbrosaque silva feraxque
Rus habet: Ortygiam studiis ipsaque colebat
Virginitate deam; ritu quoque cincta Dianae
Falleret, et credi posset Latonia, si non
Corneus huic arcus, si non foret aureus illi.
Sic quoque fallebat. Redeuntem colle Lycaeo
Pan videt hanc, pinuque caput praecinctus acuta
Talia verba refert... Restabat verba referre,
Et precibus spretis fugisse per avia nympham,
Donec arenosi placidum Ladonis ad amnem
Venerit, hic illam, cursum impedientibus undis,
Ut se mutarent, liquidas orasse sorores:
Panaque cum prensam sibi iam Syringa putaret,
Corpore pro nymphae calamos tenuisse palustres:
Dumque ibi suspirat, motos in arundine ventos
Effecisse sonum tenuem similemque querenti.
Arte nova vocisque deum dulcedine captum:
Hoc mihi concilium tecum, dixisse, manebit,
Atque ita disparibus calamis compagine cerae
Inter se iunctis nomen tenuisse puellae.
Talia dicturus vidit Cyllenius omnes
Succubuisse oculos, adopertaque lumina somno.
Supprimit extemplo vocem, firmatque soporem
Languida permulcens medicata lumina virga:
Nec mora, falcato nutantem vulnerat ense.

---

690 Гора *Нонакра*—въ Аркадіи. Не удивительно, что въ дружескомъ хорѣ Гамадріадъ — лѣсныхъ нимфъ, находится и водная нимфа, наяда Сиринга, такъ какъ эти божества были тѣсно связаны между собою. 695 Богиня *Ортигіи*—Діана (см. 5, 640, 6, 335 и 4, 304). 696 *Латона*—мать Діаны. 698 *Лицей* или *Ликей*—гора

685 Тотъ однако же силится мягкому сну не поддаться,
И хоть часть его глазъ подпала уже усыпленью,
Бодрствуетъ все онъ другой; и спрашиваетъ,—вѣдь недавно
Дудка была найдена,—какимъ найдена она родомъ.
Богъ на это сказалъ: „на Аркадскихъ высяхъ холодныхъ
690 Изъ Нонакрійскихъ гамадріадъ одна всѣхъ славнѣе
Только Наяда была, ее нимфы Сирингою звали.
Ускользала она не разъ отъ влюбленныхъ сатировъ
И отъ всякихъ боговъ, обитателей рощей тѣнистыхъ
И плодоносныхъ полей; сама оставаяся дѣвой,
695 Чтила богиню она Ортигіи, поясъ надѣтый
Какъ у Діаны ее за дочь Латоны могъ выдать,
Если бы не роговой у ней лукъ, золотой у богини.
Но ошибались и такъ. Ее на спускѣ съ Лицея
Панъ увидалъ, и съ челомъ, колючей сосною увитымъ,
700 Такъ ей сталъ говорить.... слова передать оставалось,
Да какъ нимфа, презрѣвши мольбы, по трущобамъ бѣжала,
И наконецъ до песчаной рѣки Ладона достигла
Тихаго; тутъ то, когда бѣжать помѣшали ей волны,
Стала она умолять сестеръ, чтобъ ее превратили.
705 И, когда уже Панъ считалъ, что хватаетъ Сирингу,
То вмѣсто тѣла онъ нимфы, схватилъ болотныя трости.
А при вздохахъ его, въ тростникѣ пробѣгающій вѣтеръ
Нѣжный звукъ произвелъ, и жалобамъ томнымъ подобный.
Будто бъ нежданнымъ искусствомъ плѣнясь и сладостью пѣнья,
710 Богъ сказалъ: „вотъ наше съ тобой примиреніе въ этомъ“,
И за тѣмъ межъ собой восковымъ слѣплены составомъ
Были тростинки неравныя названы именемъ дѣвы.
Это готовъ разсказать, Цилленій увидѣлъ, что всѣ ужъ
Очи сдались и глаза закрываяся, въ сонъ погрузились.
715 Голосъ онъ тотчасъ сдержалъ и сонъ укрѣпилъ еще больше,
Тронувъ волшебнымъ своимъ жезломъ, разслабляющимъ очи,
Быстро кривымъ тутъ мечемъ закивавшаго онъ поражаетъ

въ Аркадіи, покрытая сосновымъ лѣсомъ, считалась священнымъ мѣстомъ пребыванія пастушескаго бога Пона, изображаемаго въ сосновомъ вѣнкѣ, такъ какъ сосна была его священнымъ деревомъ. 702 *Ладонъ*—притокъ Алфея (см. 5, 600), въ Аркадіи. 713 *Цилленій*—Меркурій, рожденный на горѣ Цилленѣ (см. выше 217).

Qua collo est confine caput, saxoque cruentum
Deiicit et maculat praeruptam sanguine rupem.
720 Arge, iaces; quodque in tot lumina lumen habebas,
Exstinctum est, centumque oculos nox occupat una.
Excipit hos volucrisque suae Saturnia pennis
Collocat, et gemmis caudam stellantibus implet.
Protinus exarsit nec tempora distulit irae,
725 Horriferamque oculis animoque obiecit Erinnyn
Pellicis Argolicae, stimulosque in pectore caecos
Condidit, et profugam per totum terruit orbem.
Ultimus immenso restabas, Nile, labori.
Quem simul ac tetigit, positis in margine ripae
730 Procubuit genibus, resupinoque ardua collo,
Quos potuit solos, tollens ad sidera vultus
Et gemitu et lacrimis et luctisono mugitu
Cum Iove visa queri est, finemque orare malorum.
Coniugis ille suae complexus colla lacertis,
735 Finiat ut poenas tandem, rogat: Inque futurum
Pone metus, inquit, nunquam tibi causa doloris
Haec erit. et Stygias iubet hoc audire paludes.
Ut lenita dea est, vultus capit illa priores,
Fitque, quod ante fuit. fugiunt e corpore setae:
740 Cornua decrescunt. fit luminis artior orbis:
Contrahitur rictus. redeunt humerique manusque,
Ungulaque in quinos dilapsa absumitur ungues.
De bove nil superest, formae nisi candor, in illa.
Officioque pedum nymphe contenta duorum
745 Erigitur, metuitque loqui, ne more iuvencae
Mugiat, et timide verba intermissa retentat.
Nunc dea Niligena colitur celeberrima turba.

PHAETHON.

Huic Epaphus magni genitus de semine tandem
Creditur esse Iovis, perque urbes iuncta parenti

---

722 *Сатурнія* — Юнона сажаетъ глаза Аргуса на хвостъ любимой своей птицы павлина. 726 Арголійской наложницы — *Io* (см. выше 583). Юнона посредствомъ

Тамъ, гдѣ съ шеей сошлась голова, и бросаетъ съ утеса
Окровавленнаго и крутую скалу кровянитъ онъ.
Аргусъ, вотъ ты лежишь. Что въ столькихъ глазахъ было свѣту,
Весь онъ погасъ. На всѣ сто очей ночь та же спустилась.
Ихъ на перья Сатурнія птицы любимой сажаетъ
И наполняетъ ей хвостъ звѣздами, какъ камни цвѣтные.
Тотчасъ вспылила она и не стала откладывать гнѣва—
И Эриннію страшную въ душу и взоръ помѣщаетъ
Арголійской наложницы и побужденье слѣпое
Въ грудь влагаетъ и гонитъ ее по цѣлому свѣту.
Только ты, Нилъ, оставался послѣднимъ для муки безмѣрной.
Какъ достигла его, она въ край берега пала
На колѣна и, шею свою назадъ отгибая,—
Это она лишь могла,—къ звѣздамъ глаза обратила;
И слезами и стономъ и плачу подобнымъ мычаньемъ,
Точно на Зевса ропща, конца умоляла несчастьямъ.
Тотъ руками своими обнявши шею супруги,
Проситъ, чтобъ та наконецъ сняла наказанье, и молвилъ:
„Страхъ свой оставь, никогда вотъ эта не будетъ причиной
Горя тебѣ“, и Стигійскимъ то слышать велитъ онъ болотамъ.
Какъ смягчилась богиня, та снова свой ликъ воспріяла,
Стала чѣмъ прежде была, вся шерсть свалилася съ тѣла,
Стали рога уменьшаться, и глазъ поузилъ окружность,
Ротъ стянулся; опять вернулись и плечи и руки,
На пять пальцевъ съ ногтями одно раздѣлилось копыто.
Кромѣ ея бѣлизны ничего не осталось отъ телки.
И довольна услугою только двухъ ногъ, поднялася
Нимфа, боясь говорить, чтобы, какъ это свойственно телкѣ,
Не заревѣть, и съ опаской слова въ перевывъ начинаетъ.
Нынѣ славнѣйшей она богиней у Нильскаго люда.

ФАЭТОНЪ.

У нея то Эпафа отъ сѣмени мощнаго Зевса
Порожденнымъ сочли наконецъ, и съ матерью вмѣстѣ

богини безумнаго раздраженія, Эринніи отуманиваетъ и заставляетъ рыскать по свѣту Іо, которая наконецъ останавливается въ Египтѣ. 737 (см. выше 189).

Templa tenet. Fuit huic animis aequalis et annis
Sole satus Phaethon. quem quondam magna loquentem
Nec sibi cedentem, Phoeboque parente superbum
Non tulit Inachides: Matrique ait omnia demens
Credis, et es tumidus genitoris imagine falsi.
Erubuit Phaethon, iramque pudore repressit,
Et tulit ad Clymenen Epaphi convicia matrem:
Quoque magis doleas, genitrix, ait, ille ego liber,
Ille ferox tacui. Pudet haec opprobria nobis
Et dici potuisse, et non potuisse refelli.
At tu, si modo sum coelesti stirpe creatus,
Ede notam tanti generis, meque assere coelo.
Dixit, et implicuit materno brachia collo,
Perque suum Meropisque caput taedasque sororum,
Traderet, oravit, veri sibi signa parentis.
Ambiguum, Clymene, precibus Phaethontis, an ira
Mota magis dicti sibi criminis, utraque coelo
Brachia porrexit, spectansque ad lumina solis:
Per iubar hoc, inquit, radiis insigne coruscis,
Nate tibi iuro, quod nos auditque videtque,
Hoc te, quem spectas, hoc te, qui temperat orbem,
Sole satum. Si ficta loquor, neget ipse videndum
Semihi, sitque oculis lux ista novissima nostris.
Nec longus patrios labor est tibi nosse penates.
Unde oritur, domus est terrae contermina nostrae.
Si modo fert animus, gradere, et scitabere ab ipso.
Emicat extemplo laetus post talia matris
Dicta suae Phaethon et concipit aethera mente,
Aethiopasque suos, positosque sub ignibus Indos
Sidereis transit, patriosque adit impiger ortus.

---

750 Хотя здѣсь и представлена Іо какъ бы родоначальницей Египетской богини луны *Изиды*, но въ дѣйствительности самые рога Іо очевидно заимствованы у Египетской богини, изображавшейся съ рогами, точно также въ ея сынѣ Эпафѣ не трудно узнать Египетскаго Аписа (см. 9, 691). 753 Внукъ Инаха, отца Іо. 755 ***Фаэ-***

Храмы его въ городахъ. Съ нимъ, духомъ и годами равный,
Солнца былъ сынъ Фаэтонъ; котораго, какъ онъ однажды
Чванясь, тому не хотѣлъ уступить, то гордому Фебомъ,
Какъ отцемъ, не спустилъ Инахидъ: „все матери вѣришь
Ты глупецъ и родителя именемъ лживымъ гордишься“.
Покраснѣлъ Фаэтонъ и гнѣвъ стыдомъ укротилъ онъ,
И Клименѣ родной Эпафа донесъ поношенья:
„Чтобы, родительница; сказалъ онъ, ты больше крушилась,
Я отважный и злой промолчалъ. Намъ стыдно, что можно
Срамъ такой говорить и ничѣмъ нельзя опровергнуть.
Но коль подлинно я изошелъ изъ небеснаго рода,
То докажи этотъ родъ и меня сопричисли къ небеснымъ“.
Это сказалъ онъ и обнялъ руками у матери шею,
И головою своей и Меро́пса и сестринымъ бракомъ
Молитъ ее доказать, кто былъ настоящій родитель.
Неизвѣстно, Климена къ мольбѣ ли склонясь Фаэтона,
Или же въ гнѣвѣ скорѣй, что ей приписали проступокъ,
Руки воздѣвъ къ небесамъ и глядя на свѣтлое солнце:
Этимъ свѣтиломъ, сказала она, въ лучахъ столь блестящихъ,
Сынъ мой, тебѣ я клянусь,—и насъ оно видитъ и слышитъ,
Этимъ, которое видишь, вотъ этимъ, что правитъ вселенной,
Солнцемъ ты порожденъ. Если ложь говорю, мнѣ не дай онъ
Взвидѣть его и для глазъ пусть день этотъ будетъ послѣднимъ
Трудъ не великъ для тебя, отцовскихъ увидѣть Пенатовъ.
Близко къ границѣ нашей земли чертогъ, гдѣ онъ всходитъ.
Если желаніе есть, ступай, отъ него самъ узнаешь.
Разомъ воспрянулъ въ веселіи послѣ такихъ объясненій
Матери, Фаэтонъ и въ мысляхъ предчувствовалъ небо;
Онъ Эѳіоповъ своихъ прошелъ и Индѣйцевъ живущихъ
Подъ лучами свѣтила, къ восходу отца приближаясь.

тонъ — сынъ нимфы *Климены*, дочери Океана и Тиѳеи (см. 2, 590), отъ Феба (см. 4, 204), позднѣе супруги Меропса, царя Эѳіоповъ, котораго и считали отцемъ Фаэтона. — Дочери ея, сестры Фаэтона, по имени отца Геліоса назывались Геліадами.
763 То есть всѣмъ, для матери его дорогимъ.

LIBER SECUNDUS.

INDEX.

1. Phaethon.
2. Heliades.
3. Cygnus.
4. Callisto.
5. Corvus. Coronis. Cornix. Nyctimene.
6. Ocyrhoe.
7. Battus.
8. Aglauros. Invidia.
9. Europa.

PHAETHON.

Regia Solis erat sublimibus alta columnis,
Clara micante auro flammasque imitante pyropo:
Cuius ebur nitidum fastigia summa tegebat,
Argenti bifores radiabant lumine valvae.
Materiam superabat opus. nam Mulciber illic
Aequora caelarat medias cingentia terras,
Terrarumque orbem, coelumque, quod imminet orbi.
Caeruleos habet unda deos, Tritona canorum,
Proteaque ambiguum, balaenarumque prementem
Aegaeona suis immania terga lacertis,
Doridaque et natas, quarum pars nare videtur,
Pars in mole sedens virides siccare capillos,
Pisce vehi quaedam. facies non omnibus una,

---

2 *Пиропъ*—часто употреблявшаяся у древнихъ смѣсь трехъ частей мѣди и части золота. Имъ, вѣроятно, должна была быть покрыта крыша, у которой только конекъ былъ изъ слоновой кости. 5 *Мульциберъ*—одно изъ прозваній Вулкана. Отъ mul-

КНИГА ВТОРАЯ

СОДЕРЖАНIЕ

1. Фаэтонъ (продолженiе). . . . . Ст. 1—328
2. Гелiады . . . . „ 340—366
3. Цигнъ. . . . . „ 367—380
4. Каллиста. . . . . „ 401—530
5. Воронъ. Коронида. Ворона. Никтимена. „ 531—632
6. Оцироя . . . . „ 633—675
7. Баттъ. . . . . „ 676—707
8. Аглавра. Зависть . . . . „ 708—832
9. Европа. . . . . „ 833—875

ФАЭТОНЪ.

Солнца дворецъ, утвержденъ на высокихъ столпахъ, подымался,
Золотомъ яркимъ блестя и на пламень похожимъ пиропомъ;
Верхнiй гребень на немъ слоновая кость покрывала,
Створы двойные дверей сiяли серебрянымъ блескомъ.
Но матерьялъ отставалъ отъ работы; вѣдь Мульциберъ тутъ же
Выковалъ море, которое поясомъ землю объемлетъ,
Кругъ земной и надъ этимъ кругомъ стоящее небо.
Синихъ боговъ содержитъ волна, Тритона, что трубитъ,
Лживаго видомъ Протея и Эгеона, руками
Обнимающаго затылки китовъ преогромныхъ,
И Дориду съ ея дочерьми, изъ нихъ часть плаваетъ видно,
Часть же, сидя на камнѣ, осушаетъ свой волосъ зеленый,
Ѣдутъ на рыбахъ иныя. У всѣхъ ихъ лица не тѣ же,

сео=мягчить твердые металлы. 8 *Тритона* (см. 1, 333). 9 *Лживаго видомъ Протея* (см. 8, 733). *Эгеонъ*—одинъ изъ сторукихъ Гигантовъ (см. 1, 152) сынъ, а по другимъ зять, Нептуна, морское божество. 11 *Дорида* (см. 1, 187).

Nec diversa tamen. qualem decet esse sororum.
Terra viros urbesque gerit silvasque ferasque
Fluminaque et nymphas et cetera numina ruris.
Haec super imposita est coeli fulgentis imago,
Signaque sex foribus dextris totidemque sinistris.
Quo simul acclivo Clymeneia limite proles
Venit, et intravit dubitati tecta parentis,
Protinus ad patrios sua fert vestigia vultus,
Consistitque procul. neque enim propiora ferebat
Lumina. Purpurea velatus veste sedebat
In solio Phoebus claris lucente smaragdis.
A dextra laevaque Dies et Mensis et Annus
Saeculaque et positae spatiis aequalibus Horae,
Verque novum stabat, cinctum florente corona;
Stabat nuda Aestas et spicea serta gerebat;
Stabat et Autumnus, calcatis sordidus uvis,
Et glacialis Hiems, canos hirsuta capillos.
Inde loco medius, rerum novitate paventem
Sol oculis iuvenem, quibus aspicit omnia, vidit,
Quaeque viae tibi causa? quid hac, ait, arce petisti,
Progenies, Phaethon, haud infitianda parenti?
Ille refert: O lux immensi publica mundi,
Phoebe pater, si das usum mihi nominis huius,
Nec falsa Clymene culpam sub imagine celat:
Pignora da, genitor, per quae tua vera propago
Credar, et hunc animis errorem detrahe nostris.
Dixerat. At genitor circum caput omne micantes
Deposuit radios, propiusque accedere iussit,
Amplexuque dato: Nec tu meus esse negari
Dignus es, et Clymene veros, ait, edidit ortus.
Quoque minus dubites, quodvis pete munus, et illud
Me tribuente feres. promissi testis adesto
Dis iuranda palus, oculis incognita nostris.
Vix bene desierat, currus petit ille paternos
Inque diem alipedum ius et moderamen equorum.

---

16 *Сельскіе боги* (см. 1, 192). 26 *Горы*—богини по преимуществу прекрасныхъ

Да и не разныя, какъ у сестеръ тому быть подобаетъ.
15 Люди вездѣ по землѣ, города и дубровы и звѣри,
Рѣки и нимфы, а также и прочіе сельскіе боги.
Сверху всего простирается образъ блестящаго неба,
Шесть созвѣздій на правыхъ дверяхъ и столько жъ на лѣвыхъ.
Только что сынъ Климены взобрался по всходу крутому,
20 И подъ кровлю вошелъ отца, еще подъ сомнѣньемъ,
Тотчасъ стопы онъ свои направилъ къ отцовскому лику
И въ отдаленіи сталъ; не могъ выносить онъ поближе
Блеска. Фебъ возсѣдалъ, пурпурною ризой одѣянъ,
На престолѣ, который свѣтился отъ яркихъ смарагдовъ.
25 Справа и слѣва его День, Мѣсяцъ и Годъ находились
И Вѣка и кругомъ съ промежутками равными Горы,
Тутъ въ цвѣточномъ вѣнкѣ стояла весна молодая,
Лѣто стояло нагое и пукъ изъ колосьевъ держало;
Осень тоже стояла, запачкана сокомъ изъ гроздей,
30 И въ морозахъ Зима, волоса взъерошивъ сѣдые.
Изъ середины оттоль, новизной устрашеннаго всею,
Юношу Солнце глазами всевидящими увидавши:
„Ради чего, ты пришелъ?“ говоритъ; „во дворцѣ чего ищешь,
Сынъ Фаэтонъ, кого не признать не можетъ родитель?“
35 Тотъ отвѣчаетъ: „О свѣтъ всеобщій безмѣрной вселенной,
Фебъ мой отецъ, если мнѣ ты себя называть такъ дозволишь,
И не скрываетъ Климена вины подъ вымысломъ ложнымъ:
Дай залоги ты мнѣ, родитель, по коимъ считаться
Могъ бы я чадомъ твоимъ, и меня ты избавь отъ сомнѣнья.
40 Такъ онъ сказалъ. И родитель лучи, что блестя, окружали
Всю его голову, снялъ и велѣлъ подступить ему ближе
И, обнявши его, сказалъ: „Ты достоинъ быть признанъ
Сыномъ моимъ, и Климена твой родъ указала правдиво.
Чтобъ сомнѣвался ты меньше испрашивай дара любаго
45 Имъ я тебя надѣлю; свидѣтелемъ будь обѣщанья
Озеро, клятва боговъ, моимъ неизвѣстное взорамъ“.
Только онъ кончить успѣлъ, колесницы тотъ проситъ отцовской,
И крылоногими конями на день одинъ управленья.

временъ года (см. 1, 114). 35 Свѣтъ для боговъ и для людей. 46 Куда не проникаетъ лучъ солнца.

Poenituit iurasse patrem. qui terque quaterque
Concutiens illustre caput: Temeraria, dixit,
Vox mea facta tua est. utinam promissa liceret
Non dare! confiteor, solum hoc tibi, nate, negarem.
Dissuadere licet. Non est tua tuta voluntas.
Magna petis, Phaethon, et quae nec viribus istis
Munera conveniant, nec tam puerilibus annis.
Sors tua mortalis. non est mortale, quod optas.
Plus etiam, quam quod superis contingere fas sit,
Nescius affectas. Placeat sibi quisque licebit:
Non tamen ignifero quisquam consistere in axe
Me valet excepto. Vasti quoque rector Olympi,
Qui fera terribili iaculatur fulmina dextra,
Non agat hos currus. et quid Iove maius habetur?
Ardua prima via est, et qua vix mane recentes
Enitantur equi. medio est altissima coelo,
Unde mare et terras ipsi mihi saepe videre
Fit timor, et pavida trepidat formidine pectus:
Ultima prona via est et eget moderamine certo:
Tunc etiam quae me subiectis excipit undis,
Ne ferar in praeceps, Tethys solet ipsa vereri.
Adde quod assidua rapitur vertigine coelum,
Sideraque alta trahit celerique volumine torquet.
Nitor in adversum, nec me, qui cetera, vincit
Impetus, et rapido contrarius evehor orbi.
Finge datos currus. Quid ages? poterisne rotatis
Obvius ire polis, ne te citus auferat axis?
Forsitan et lucos illic urbesque deorum
Concipias animo, delubraque ditia donis
Esse? per insidias iter est formasque ferarum.
Utque viam teneas nulloque errore traharis,
Per tamen adversi gradieris cornua Tauri,

---

49 *Три и четыре раза* (см. 1, 179). 59 Разносящей огненное сіяніе по свѣту. Ось здѣсь вмѣсто всей колесницы. 68 *Теѳея* — дочь неба и земли или Урана и Геи, супруга брата Океана и поэтому старшая морская богиня, породившая отъ него Нилъ, Алфей и множество рѣкъ и Океанидъ; числомъ до трехъ тысячъ дѣтей, блиставшихъ небесной красою. 70 По наглядному представленію древнихъ небо со всѣми звѣздами, вращаясь съ востока на западъ, должно было быстро совершать

Жаль стало клятвы отцу; и три и четыре онъ раза,
Свѣтлой тряхнувъ головою, сказалъ: „Легкомыслены стали
Рѣчи мои отъ твоихъ; о, еслибъ не дать было можно,
Что обѣщалъ! признаюсь, только бъ этого, сынъ, тебѣ не далъ.
Должно тебя отклонять. То, чего захотѣлъ ты, опасно.
Многаго ты запросилъ, Фаэтонъ, этотъ даръ не подходитъ
Къ самымъ силамъ твоимъ и къ лѣтамъ еще недозрѣлымъ.
Жребіемъ смертный ты самъ, а ты безсмертнаго просишь.
Даже бóльшаго, чѣмъ домогаться прилично небеснымъ,
Просишь въ невѣдѣньи ты. Пусть каждый себѣ довѣряетъ:
Но не сможетъ никто устоять на оси огненосной
Кромѣ меня одного. Самъ даже владыка Олимпа,
Что жестокія молніи страшной кидаетъ рукою,
Пусть колесницею этой не правитъ; что жь больше Зевеса?
Съ мѣста дорога крута, и по ней едва только утромъ
Свѣжіе кони берутъ; средь неба она всего выше,
Видѣть и море и землю оттуда и мнѣ самому то
Жутко порою и грудь трепещетъ отъ робкаго страха;
Круто съѣзжать подъ конецъ и править тутъ нужно вѣрнѣе;
Даже Теѳія сама, что меня въ волнахъ принимаетъ,
Тутъ боится, чтобъ я стремглавъ не низвергся въ пучину.
Ты прибавь, что вертится кругомъ непрестанно все небо,
Звѣзды влача за собой, и крутя ихъ въ быстромъ вращаньи.
Я налегаю въ отпоръ и порывъ, увлекающій прочихъ,
Не побѣждаетъ меня, и ѣду я противъ круженья.
Дать колесницу тебѣ? Что дѣлать станешь? Пройдешь ли
Противъ вертящихся полюсовъ, чтобъ тебя ось не умчала?
Можетъ быть думаешь ты, что тамъ города или рощи
Ты увидишь боговъ, иль дарами богатые храмы?
Путь идетъ чрезъ опасности, да промежъ ликовъ звѣриныхъ.
Хоть и удержишь ты путь, ни въ какую не вдавшись ошибку,
Все жь тебѣ противъ роговъ Тельца направляться придется,

свое движеніе при исполненіи полнаго поворота въ одни сутки. 76 Не думай увидать и цвѣтущихъ мѣстностей, заселенныхъ богатыми людьми, обогащающими свои храмы *дарами*. 78 *Ликовъ звѣриныхъ*—древніе считали (см. 1, 72), знаки Зодіака и Созвѣздія вообще живыми существами. Съ отцовскою заботой Фебъ перечисляетъ въ теченіе дня всѣ знаки цѣлаго года, выбирая самые опасные. 80 Голова *Тельца* обращена на востокъ.

Haemoniosque arcus, violentique ora Leonis,
Saevaque circuitu curvantem brachia longo
Scorpion, atque aliter curvantem brachia Cancrum.
Nec tibi quadrupedes animosos ignibus illis,
Quos in pectore habent, quos ore et naribus efflant,
In promtu regere est. vix me patiuntur, ubi acres
Incaluere animi, cervixque repugnat habenis.
At tu, funesti ne sim tibi muneris auctor,
Nate, cave, dum resque sinit, tua corrige vota.
Scilicet ut nostro genitum te sanguine credas,
Pignora certa petis. do pignora certa timendo,
Et patrio pater esse metu probor. Aspice vultus
Ecce meos. utinamque oculos in pectora posses
Inserere, et patrias intus deprendere curas!
Denique quicquid habet dives, circumspice, mundus,
Eque tot ac tantis coeli terraeque marisque
Posce bonis aliquid. nullam patiere repulsam.
Deprecor hoc unum, quod vero nomine poena,
Non honor est. Poenam, Phaethon, pro munere poscis.
Quid mea colla tenes blandis, ignare, lacertis?
Ne dubita, dabitur, Stygias iuravimus undas,
Quodcunque optaris. sed tu sapientius opta.
  Finierat monitus. dictis tamen ille repugnat,
Propositumque premit, flagratque cupidine currus.
Ergo qua licuit, genitor cunctatus, ad altos
Deducit iuvenem, Vulcania munera, currus.
Aureus axis erat, temo aureus, aurea summae
Curvatura rotae, radiorum argenteus ordo.
Per iuga chrysolithi positaeque ex ordine gemmae
Clara repercusso reddebant lumina Phoebo.
Dumque ea magnanimus Phaethon miratur opusque
Perspicit, ecce vigil nitido patefecit ab ortu
Purpureas Aurora fores et plena rosarum
Atria. diffugiunt stellae, quarum agmina cogit

---

81 Лукъ Гемонца или Θессалійца упомянутъ потому, что знакъ Стрѣльца изображаетъ Центавра, коего родиной была Θессалія. 100 Не смысля—*ignare* (см. 1,658).

Противъ Гэмонскаго лука и Льва свирѣпаго зѣва,
Противъ загнувшаго клещи пространнымъ кольцомъ Скорпіона,
И съ другой стороны противъ клещи загнувшаго Рака.
Да и конями тебѣ, вдохновенными тѣми огнями,
Что въ груди ихъ живутъ, изо рта и ноздрей вырываясь,
Править не такъ то легко. Едва они мнѣ то покорны,
Какъ разгорится въ нихъ духъ и возжамъ не сдается затылокъ.
Ты жь берегися, мой сынъ, чтобъ не быть мнѣ въ губительномъ дарѣ
Виноватымъ; пока есть время, исправь пожеланья.
Ты, что отъ крови моей рожденъ, убѣдиться желая,
Признаковъ вѣрныхъ просилъ. Даю этотъ признакъ боязнью,
Страхомъ отцовскимъ отца указую. Взгляни ты въ лице мнѣ.
О, еслибъ могъ ты въ грудь лишь мою проникнуть очами
И въ ея глубинѣ всѣ отцовскія видѣть заботы!
Ты оглянись-ка на все, что есть только въ мірѣ богатомъ,
И изъ столькихъ сокровищъ неба, земли или моря,
Все, чего хочешь, проси; ты ни въ чемъ не получишь отказа.
Лишь не проси объ одномъ, что по правдѣ назвать надо карой,
А не почестью. Кары ты вмѣсто подарка желаешь.
Что же, не смысля, ты шею мнѣ ласково обнялъ руками?
Не сомнѣвайся, получишь, Стигійской я клялся волною,
Ты чего ни проси. Но ты проси поразумнѣй".
Кончилъ онъ увѣщать, но тотъ слова отвергаетъ,
Въ мысляхъ упоренъ своихъ, колесницы все жаждетъ онъ жарко.
Вотъ, на сколько возможно промедливъ, родитель подводитъ
Юношу къ колесницѣ высокой, подарку Вулкана.
Ось золотая была, золотое и дышло и ободъ
Вкругъ всего колеса, и серебрянныхъ спицъ весь порядокъ.
А на ярмѣ хризолиты и камни цвѣтные рядами
Отражали лучами блестящими Феба сіянье.
Какъ отважный дивится тому Фаэтонъ и искусству,
Вдругъ проснувшись, Аврора раскрыла на свѣтломъ востокѣ
Двери пурпурныя и всѣ розами полныя сѣни.
Звѣзды сбѣгаютъ долой, и ихъ замыкаетъ отряды

---

106 *Высокой* — какъ принадлежащей божеству. Вулкана (см. 4, 171). 109 *Хризолитъ*—по гречески—золотистый камень, съ золотистымъ отливомъ.

Lucifer, et coeli statione novissimus exit.
Quem petere ut terras, mundumque rubescere vidit,
Cornuaque extremae velut evanescere lunae:
Iungere equos Titan velocibus imperat Horis.
Iussa deae celeres peragunt, ignemque vomentes,
Ambrosiae succo saturos, praesepibus altis
Quadrupedes ducunt, adduntque sonantia frena.
Tum pater ora sui sacro medicamine nati
Contigit et rapidae fecit patientia flammae,
Imposuitque comae radios, praesagaque luctus
Pectore sollicito repetens suspiria dixit:
Si potes hic saltem monitis parere paternis,
Parce, puer, stimulis, et fortius utere loris.
Sponte sua properant. labor est inhibere volentes.
Nec tibi directos placeat via quinque per arcus;
Sectus in obliquum est lato curvamine limes,
Zonarumque trium contentus fine polumque
Effugit australem iunctamque aquilonibus Arcton:
Hac sit iter. manifesta rotae vestigia cernes.
Utque ferant aequos et coelum et terra calores,
Nec preme, nec summum molire per aethera currum.
Altius egressus coelestia tecta cremabis,
Inferius terras. medio tutissimus ibis.
Neu te dexterior tortum declinet ad Anguem,
Neve sinisterior pressam rota ducat ad Aram,
Inter utrumque tene. Fortunae cetera mando,
Quae iuvet et melius, quam tu tibi consulat opto.
Dum loquor, Hesperio positas in litore metas
Humida nox tetigit. non est mora libera nobis:
Poscimur. Effulget tenebris Aurora fugatis.
Corripe lora manu. vel, si mutabile pectus
Est tibi, consiliis, non curribus utere nostris,

---

115 *Люцеферъ* (свѣтоносецъ), имя утренней звѣзды; въ качествѣ вечерней звѣзды онъ носитъ названіе *Геспера.* 118 *Горы* (см. 1, 114). 120 Сокомъ амврозіи (см. 4, 215). 122 *Священною мазью* (см. 14, 605). 127 *Стрекало*—была палка съ остріемъ или колючками, употреблявшаяся, какъ и бичъ, для понужденія рабочаго скота. 129 *Пять продольныхъ дугъ* — пять параллельныхъ круговъ: экваторъ, два поворотныхъ и два полярныхъ круга. Наставленіе очевидно состоитъ въ томъ,

Люциферъ и удаляется онъ со стражи послѣднимъ.
Какъ увидалъ, что къ землѣ онъ идетъ и что міръ весь краснѣетъ,
Что и рога у луны на концахъ какъ бы исчезаютъ,
Горамъ проворнымъ велитъ Титанъ закладывать коней.
Быстро богини приказъ исполняютъ, и мечущихъ пламя,
Сокомъ амврозіи сытыхъ, ведутъ изъ высокой конюшни
Четвероногихъ, и имъ звенящія узды влагаютъ.
Сыну тутъ своему лице священною мазью
Смазалъ отецъ, чтобы могъ тотъ стерпѣть пожирающій пламень,
Голову всю окружилъ лучами ему, и въ заботѣ
Сердца, предчувствуя горе, сказалъ, многократно вздыхая:
„Ежели можешь хоть тутъ увѣщаній отцовскихъ послушать,
Не погоняй ты мой сынъ, а крѣпче натягивай возжи.
Сами они побѣгутъ и трудно сдержать ихъ летящихъ.
Не выбирай и пути черезъ пять себѣ дугъ ты продольныхъ;
Наискось стежка идетъ и съ великимъ она отклоненьемъ
Заключилась въ предѣлахъ трехъ поясовъ, и обѣгаетъ
Южный полюсъ она и Медвѣдицу близъ Аквилоновъ:
Вотъ тебѣ путь: ты явно слѣды колесъ тамъ увидишь.
И, чтобы жаръ равномѣрно земля и небо терпѣли,
Не спускай, и на верхъ эѳира не шли колесницу.
Выше забравшись, сожжешь небесные всѣ ты чертоги,
А опускаяся, землю; вѣрнѣйшій твой путь серединой.
Не уклоняйся ты вправо никакъ къ извитому Дракону,
И не давай колесу къ Алтарю уклоняться на лѣво,
Между обоихъ держи. Остальное ввѣряю Фортунѣ,
Пусть помогаетъ тебѣ и совѣтуетъ лучше, чѣмъ самъ ты.
Я говорю, а межъ тѣмъ ужь влажная ночь прикоснулась
На берегахъ Гесперскихъ столбовъ; невозможно намъ медлить:
Требуютъ насъ. Заблистала Аврора, прогнавши потемки.
Возжи руками сбери; иль, если податливъ ты сердцемъ,
То совѣтомъ воспользуйся, а не моей колесницей,

чтобы Фаэтонъ не выбралъ себѣ прямаго пути вдоль любаго пояса, пролегающаго между дугами. 130 Наглядное изображеніе эклиптики. 132 Созвѣздіе *Медвѣдица* у поэтовъ часто представительница сѣвера вообще. 136 *Чертоги* (см. 1, 170). 138 Созвѣздіе *Дракона* на сѣверѣ между Медвѣдицами, а созвѣздіе *Алтаря* на югѣ у хвоста Скорпіона. 142 Ночь видимо такъ же, какъ день или солнце, протекаетъ по небу съ востока на западъ и скрывается въ океанъ.

Dum potes, et solidis etiamnum sedibus astas,
Dumque male optatos nondum premis inscius axes.
Quae tutus spectes, sine me dare lumina terris.
150 Occupat ille levem iuvenili corpore currum,
Statque super, manibusque datas contingere habenas
Gaudet, et invito grates agit inde parenti.
Interea volucres Pyrois, Eous et Aethon,
Solis equi, quartusque Phlegon, hinnitibus auras
155 Flammiferis implent, pedibusque repagula pulsant.
Quae postquam Tethys, fatorum ignara nepotis,
Reppulit, et facta est immensi copia mundi,
Corripuere viam, pedibusque per aera motis
Obstantes scindunt nebulas, pennisque levati
160 Praetereunt ortos isdem de partibus Euros.
Sed leve pondus erat, nec quod cognoscere possent
Solis equi, solitaque iugum gravitate carebat.
Utque labant curvae iusto sine pondere naves
Perque mare instabiles nimia levitate feruntur,
165 Sic onere assueto vacuos dat in aere saltus
Succutiturque alte similisque est currus inani.
Quod simulac sensere, ruunt tritumque relinquunt
Quadriiugi spatium, nec, quo prius, ordine currunt.
Ipse pavet, nec qua commissas flectat habenas,
170 Nec scit, qua sit iter, nec, si sciat, imperet illis.
Tunc primum radiis gelidi caluere Triones,
Et vetito frustra tentarunt aequore tingui.
Quaeque polo posita est glaciali proxima Serpens,
Frigore pigra prius nec formidabilis ulli,
175 Incaluit sumsitque novas fervoribus iras.
Te quoque turbatum memorant fugisse, Boote,
Quamvis tardus eras et te tua plaustra tenebant.
Ut vero summo despexit ab aethere terras
Infelix Phaethon, penitus penitusque iacentes,

---

153 *Пироентъ*—огненный, *Эой*—ранній, *Этонъ*—сверкающій, *Флегонтъ*—пылающій. 156 *Теѳея* (см. выше 68 и 1, 756), 171 *Тріоны* или семи-Тріоны, семь звѣздъ въ созвѣздіи *Большой Медвѣдицы*, представлялись древнимъ тоже въ видѣ быковъ въ ярмахъ, такъ что двѣ звѣзды представляли пару быковъ, а пять — четыре колеса и

Что возможно, пока остаешься на твердой опорѣ,
И неумѣлый не сталъ въ колесницѣ на горе желанной.
Дай на землю пролить мнѣ свѣтъ, чтобъ ты зрѣлъ безопасно".
150 Тѣломъ юношескимъ колесницу онъ легкую занялъ,
Сталъ на нее онъ и радъ, что врученныя возжи руками
Держитъ, и недовольному шлетъ съ ней отцу благодарность.
Быстрые временемъ тѣмъ Пироентъ и Эой и Этонъ,
Солнцевы кони, четвертый Флегонтъ, наполнили ржаньемъ
155 Огнедышущимъ воздухъ и бьютъ объ засовы ногами.
Только что ихъ Теѳія, судьбы не вѣдая внука,
Отодвинула, и весь міръ необъятный открылся,
Кони пускаются въ путь и, воздухъ хватая ногами,
Встрѣчныя рвутъ облака и, возносяся на крыльяхъ,
160 Обгоняютъ и Эвръ, что изъ тѣхъ же предѣловъ исходитъ.
Легокъ однако былъ грузъ, не могли его чувствовать даже
Солнцевы кони, ярмо оказалось безъ тяжести прежней.
Какъ изогнутый корабль безъ должнаго груза въ шатаньи,
И чрезмѣрно легокъ несется вдоль моря не стойко,
165 Такъ безъ груза обычнаго скачетъ по воздуху сильно,
И прыжки задаетъ, подобно пустой, колесница.
Тотчасъ почувствовавъ это, четверка несясь, оставляетъ
Торный свой путь, и бѣжитъ не въ томъ, что прежде, порядкѣ.
Самъ заробѣлъ онъ, не знаетъ ужь, какъ управляться съ возжами,
170 Гдѣ дорога, а знай онъ, не зналъ бы, какъ справиться съ ними.
Тутъ Тріоны холодные прежде въ лучахъ раскалились,
И напрасно старались нырнуть въ запретное море.
И Драконъ, что лежитъ къ Ледовитому полюсу близко,
И, коченѣя отъ стужи, сперва никому не былъ страшенъ,
175 Разгорѣлся и ярости новой набрался отъ жара.
Говорятъ, что и ты, о Боотъ, бѣжалъ потревоженъ,
Хоть ты и медленъ всегда и съ своей колесницей возился.
Но какъ взглянулъ Фаэтонъ несчастный съ вершины эѳира
Лишь на землю, лежащую къ низу далеко, далеко,

дышло. У поэтовъ эта колесница *Боота* была представительницей сѣвера вмѣстѣ съ лежащею подъ нею Скиѳіей. То, что Боотъ никогда не заходитъ за горизонтъ, древніе считали наказаніемъ со стороны Юноны, чѣмъ поэтъ и воспользовался (см. ниже 527).

180 Palluit, et subito genua intremuere timore,
Suntque oculis tenebrae per tantum lumen obortae.
Et iam mallet equos nunquam tetigisse paternos:
Iam cognosse genus piget et valuisse rogando:
Iam Meropis dici cupiens, ita fertur, ut acta
185 Praecipiti pinus Borea, cui victa remisit
Frena suus rector, quam dis votisque reliquit.
Quid faciat? multum coeli post terga relictum,
Ante oculos plus est. animo metitur utrumque.
Et modo, quos illi fatum contingere non est,
190 Prospicit occasus, interdum respicit ortus.
Quidque agat, ignarus stupet et nec frena remittit,
Nec retinere valet, nec nomina novit equorum.
Sparsa quoque in vario passim miracula coelo
Vastarumque videt trepidus simulacra ferarum.
195 Est locus, in geminos ubi brachia concavat arcus
Scorpios, et cauda flexisque utrimque lacertis
Porrigit in spatium signorum membra duorum.
Hunc puer ut nigri madidum sudore veneni
Vulnera curvata minitantem cuspide vidit,
200 Mentis inops gelida formidine lora remisit.
Quae postquam summo sensere iacentia tergo,
Exspatiantur equi, nulloque inhibente per auras
Ignotae regionis eunt; quaque impetus egit,
Hac sine lege ruunt, altoque sub aethere fixis
205 Incursant stellis, rapiuntque per avia currum.
Et modo summa petunt, modo per declive viasque
Praecipites spatio terrae propiore feruntur,
Inferiusque suis fraternos currere Luna
Admiratur equos, ambustaque nubila fumant.
210 Corripitur flammis, ut quaeque altissima, tellus,
Fissaque agit rimas et succis aret ademtis.
Pabula canescunt, cum frondibus uritur arbor,
Materiamque suo praebet seges arida damno.
Parva queror; magnae pereunt cum moenibus urbes,
215 Cumque suis totas populis incendia gentes

---

196 Созвѣздіе Скорпіона.

То поблѣднѣлъ, и со страху колѣна его задрожали,
Мракъ сгустился въ глазахъ у него отъ подобнаго свѣта.
Онъ ужь желалъ бы коней никогда не касаться отцовскихъ,
Не узнавать и про родъ и не быть побѣдителемъ въ просьбѣ;
Радъ быть сыномъ Меропа, но тутъ его такъ всколыхало,
Какъ Бореемъ гонимый корабль, который ужь кормчій,
Съ лишнихъ причаловъ спустя, богамъ и судьбѣ предоставилъ.
Что ему дѣлать? Уже за спиной много пройдено неба,
А впереди еще больше; сличаетъ онъ то и другое.
То на закатъ поглядитъ, котораго только достигнуть
Видно ему не судьба, а то на востокъ обернется.
Что предпринять, становясь въ тупикъ, ни возжей не бросаетъ,
И не въ силахъ сдержать, и не знаетъ коней поименно.
Въ разныхъ мѣстахъ между тѣмъ онъ съ ужасомъ видитъ по небу
Всякихъ чудовищъ вразбросъ и громадныхъ звѣрей очертанья.
Мѣсто есть, гдѣ двойною дугою клещи сгибаетъ
Скорпіонъ, и свой хвостъ и лапы кругомъ запустивши,
Двухъ созвѣздій пространствъ касается, вытянувъ члены.
Отрокъ его лишь узрѣлъ, какъ потный отъ чернаго яду
Загнутымъ жаломъ своимъ его уязвить онъ грозится,
То, обезумѣвши въ страхѣ холодномъ, покинулъ онъ возжи.
Какъ лежащими ихъ на спинѣ почуяли кони,
То свернули съ пути и безъ удержи всякой помчались
По безвѣстнымъ воздушнымъ странáмъ; и куда захотѣлось,
Рвутся безъ правилъ они, и на неподвижныя звѣзды
Набѣгаютъ, и мчатъ колесницу безъ всякой дороги.
То они вверхъ заберутъ, то внизъ по дорогѣ наклонной
На разстояньи къ землѣ все болѣе близкомъ несутся,
И Луна изумляется, видя, что братніе кони
Ниже бѣгутъ, чѣмъ ея, и спаленныя тучи дымятся.
Пламя объемлетъ и землю на самыхъ возвышенныхъ точкахъ,
Рвется до трещинъ она и сохнетъ, утративши соки.
Пастбища блекнутъ совсѣмъ, горятъ съ листвою деревья,
И доставляютъ погибели пищу изсохшія жатвы.
Мало того, города большіе съ постройками гибнутъ,
Цѣлыя тамъ племена съ народами ихъ превращаетъ

In cinerem vertunt. Silvae cum montibus ardent:
Ardet Athos Taurusque Cilix et Tmolus et Oete
Et tunc sicca, prius celeberrima fontibus, Ide,
Virgineusque Helicon et nondum Oeagrius Haemos.
Ardet in immensum geminatis ignibus Aaetne,
Parnasusque biceps et Eryx Cynthus et Othrys,
Et tandem nivibus Rhodope caritura, Mimasque
Dindimaque et Mycale natusque ad sacra Cithaeron.
Nec prosunt Scythiae sua frigora: Caucasus ardet,
Ossaque cum Pindo, maiorque ambobus Olympus,
Aeriaeque Alpes, et nubifer Apenninus.
Tunc vero Phaethon cunctis e partibus orbem
Aspicit accensum, nec tantos sustinet aestus,
Ferventesque auras velut e fornace profunda
Ore trahit, currusque suos candescere sentit.
Et neque iam cineres eiectatamque favillam
Ferre potest, calidoque involvitur undique fumo,
Quoque eat, aut ubi sit, picea caligine tectus
Nescit, et arbitrio volucrum raptatur equorum.
Sanguine tunc credunt in corpora summa vocato
Aethiopum populos nigrum traxisse colorem.
Tunc facta est Libye raptis humoribus aestu
Arida. Tunc nymphae passis fontesque lacusque
Deflevere comis. quaerit Boeotia Dircen,
Argos Amymonen, Ephyre Pirenidas undas.
Nec sortita loco distantes flumina ripas
Tuta manent. mediis Tanais fumavit in undis,
Peneosque senex, Teuthranteusque Caicus,
Et celer Ismenos cum Psophiaco Erymantho,

---

217 *Эта* — горная цѣпь въ сѣверной Греціи, знаменитая смертію Геркулеса и Термопилами (см. 9, 229). *Тмолъ* — гора въ Лидіи (см. 11, 86 и 150). *Аѳонъ* — на южной оконечности Македоніи. *Ида*, у подножія которой стояла Троя. *Геликонъ* — родной дѣвамъ Музамъ. *Гемъ* еще не прославленный Эагровымъ сыномъ Орфеемъ (см. 10, 3). *Двуглавый Парнассъ* (см. 1, 320) *Эриксъ* (см. 5, 363). *Цинтъ* на островѣ Делосѣ (см. 6, 204). *Отрій* — въ Ѳессаліи (см. 1, 113). *Родопъ* (см. 6, 87), онъ былъ покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ. *Мимантъ* и *Микала* — Іонійскія горы въ Малой Азіи. *Диндима* во Фригіи. *Цитеронъ* — въ Беотіи, посвященный служенію Вакху (см. 3, 702). 229 *Печи* для выжиганія извести и кирпича, такъ какъ древніе знали въ домахъ только камины. 237 *Либія*—Африка. 239 *Беотія*. Три

Въ пепелъ пожаръ. И лѣса пылаютъ съ своими горами:
Эта и Тмолъ и Аѳонъ и Тавръ Киликійскій пылаютъ
И по ключамъ знаменитая, нынѣ засохшая Ида,
Дѣвамъ родной Геликонъ и Гэмъ еще не Эагровъ.
220 И безпредѣльно пылаетъ огнями сугубыми Этна,
И двуглавый Парнассъ и Эриксъ и Цинтъ, да и Отрій,
И Родопъ наконецъ обезснѣженный, также и Мимантъ,
Диндима и Микала съ рожденнымъ для жертвъ Цитерономъ.
Скиѳіи холодъ ея не въ пользу. Кавказъ загорѣлся,
225 Осса пылаетъ и Пиндъ и Олимпъ, что выше обоихъ,
И воздушныя Альпы и Апеннинъ тученосный.
Видитъ тутъ Фаэтонъ, что со всѣхъ сторонъ охватило
Землю огнемъ, и самъ не выноситъ такого онъ жара,
Знойнымъ воздухомъ онъ, какъ словно изъ печи глубокой,
230 Дышетъ и чувствуетъ, что колесница его накалилась,
И не можетъ ужь искръ выносить и летучаго пепла,
И отовсюду горячимъ онъ застилается дымомъ;
Ни куда онъ, ни гдѣ, покрытый густой темнотою,
Не разберетъ онъ, коней летящихъ влекомъ произволомъ.
235 Кровь, полагаютъ, тогда, на поверхность вызвана тѣла,
Эѳіоповъ народы окрасила цвѣтомъ ихъ чернымъ.
Тутъ и Либія стала, утративши влагу отъ жара,
Изсушеной. Тутъ нимфы озеръ и рѣкъ возопили,
Разметавъ волоса. Беотія ищетъ Дирцею,
240 Амимону Аргосъ, Эфира Пиренскія волны.
Не уцѣлѣли и рѣки, которымъ въ мѣстахъ отдаленныхъ
Были даны берега: Танаисъ задымилъ средь потока,
Старецъ Пеней и Каикъ, въ предѣлахъ Тевѳрана бѣгущій,
И проворный Исменъ съ Эримантомъ, рѣкою Псофійской.

у древнихъ поэтовъ знаменитыхъ ключа, *Дирцея* — близъ Ѳивъ въ Беотіи, *Амимона* — близъ Лерны въ Аргосѣ (см. 597) и *Пирена* въ Коринѳѣ (см. 7, 391). 241 Слѣдовательно широкія, большія рѣки. 242 *Танаисъ* — нынѣшній Донъ. 243 Старецъ *Пеней* (см. 1, 569). *Каикъ* рѣка въ Мизіи и Фригіи. Хотя Тевѳраномъ и называется рѣка или озеро въ Кампаніи (Проп. 1, 11, 12), но, очевидно, этотъ Тевѳранъ не имѣетъ никакого отношенія къ Каику, за то Тевѳранъ былъ царь Мизіи, отецъ Ѳестія, и Teuthranteus Caicus мы поняли какъ находящійся въ области Тевѳрана. 244 *Исменъ* — рѣка въ Беотіи близъ Ѳивъ, поэтому *Исменскій* — Ѳиванскій. *Эримантъ* — рѣка въ Аркадіи, на которой стоялъ городъ *Псофида*.

Arsurusque iterum Xanthus, flavusque Lycormas,
Quique recurvatis ludit Maeandros in undis,
Mygdoniusque Melas et Taenarius Eurotas.
Arsit et Euphrates Babylonius, arsit Orontes,
Thermodonque citus Gangesque et Phasis et Ister.
Aestuat Alpheos: ripae Spercheides ardent:
Quodque suo Tagus amne vehit, fluit ignibus, aurum:
Et quae Maeonias celebrabant carmine ripas,
Flumineae volucres medio caluere Caystro.
Nilus in extremum fugit perterritus orbem,
Occuluitque caput, quod adhuc latet. ostia septem
Pulverulenta vacant, septem sine flumine valles.
Sors eadem Ismarios Hebrum cum Strimone siccat,
Hesperiosque amnes, Rhenum Rhodanumque Padumque,
Cuique fuit rerum promissa potentia, Thybrin.
Dissilit omne solum, penetratque in Tarta rimis
Lumen et infernum terret cum coniuge regem.
Et mare contrahitur; siccaeque est campus arenae,
Quod modo pontus erat; quosque altum texerat aequor,
Exsistunt montes et sparsas Cycladas augent.
Ima petunt pisces, nec se super aequora curvi
Tollere consuetas audent delphines in auras.
Corpora phocarum summo resupina profundo
Exanimata natant. Ipsum quoque Nerea fama est
Doridaque et natas tepidis latuisse sub antris.
Ter Neptunus aquis cum torvo brachia vultu
Exserere ausus erat. ter non tulit aeris ignes.
Alma tamen Tellus, ut erat circumdata ponto,
Inter aquas pelagi contractosque undique fontes,
Qui se condiderant in opacae viscera matris,
Sustulit omniferos collo tenus arida vultus:

---

245 *Ксанѳъ*, которому суждено было еще разъ горѣть, когда его поджегъ Вулканъ, во время битвы его съ Ахиллесомъ. *Ликормъ* въ Этоліи золотоносная рѣка, позднѣе по латыни Эвенъ (см. 8, 528, 9, 104). 246 *Меандръ* во Фригіи и Іоніи (см. 8, 162). 247 *Мигдонскій*—т. е. Ѳракійскій, такъ называемый по Мигдонскому народу, вышедшему изъ Ѳракіи. *Эвротъ* — проходящій черезъ ущелье Тенара въ Спартѣ. 248 *Оронтъ* — въ Сиріи. 249 *Ѳермодонтъ* — рѣка въ Понтѣ (см. 15, 755), особенно въ Каппадокіи, странѣ Амазонокъ (см. 9, 189). *Фазисъ* см. 7, 6. *Истеръ*

245 Ксанөъ, что будетъ горѣть еще разъ, и Ликормъ желтоводный,
И Меандръ, что играетъ обратно текущей волною.
И Мигдонскій Меланъ и также Эвротъ при Тенарѣ.
Запылалъ Вавилонскій Эвфратъ и Оронтъ загорѣлся,
Быстрый тожъ Өермодонтъ и Гангъ н Фазисъ и Истеръ.
250 Закипаетъ Алфей и Сперхія берегъ пылаетъ.
Золото даже, что Тагъ содержитъ, несется огнями,
Также и птицы рѣчныя, что берега прославляютъ
Мэонійскіе пѣснею, въ самомъ Каистрѣ сгорѣли.
Нилъ, испугавшись, бѣжалъ къ предѣламъ земли отдаленнымъ,
255 Тамъ онъ и голову скрылъ, что и понынѣ сокрыта;
Семь его устьевъ семью долинами пыльными стали.
Та же судьба Исмарійскіе Гебръ и Стримонъ осушаетъ,
Также и Ренъ съ Роданомъ и Падъ, Гесперійскія рѣки
Вмѣстѣ съ Тибромъ, которому власть суждена надъ вселенной.
260 Вся поразсѣлась земля, по трещинамъ свѣтъ, въ самый Тартаръ
Проникая, царя преисподней съ супругой пугаетъ.
Убываетъ и море; сухое песчаное поле
Тамъ, гдѣ пучина была и, что скрывались водою,
Горы встаютъ и собою Цикладъ разбросанныхъ множатъ.
265 Рыбы прячутся въ глубь; не смѣютъ подняться изъ моря
По привычкѣ на воздухъ, сгибаяся круто, Дельфины.
На поверхности бездны плывутъ, лишенныя жизни,
Навзничь тюленей тѣла. Говорятъ, что Нерей и Дорида
И ихъ дочери тожъ скрывались въ нагрѣтыхъ пещерахъ.
270 Трижды Нептунъ изъ воды съ лицомъ разгнѣваннымъ, руки
Пробывалъ приподымать, и трижды не вынесъ онъ зноя.
Тутъ кормилица наша Земля, вся объятая влагой,
Между водъ морскихъ и отвсюду собравшихся рѣчекъ,
Что попрятались всѣ въ тѣнистое матери лоно,
275 Ликъ опечаленный свой подняла, по шею сухая;

нижняя часть Дуная, а у поэтовъ и весь Дунай. 250 *Алфей*—рѣка въ Пелопонесѣ, впадаетъ въ Іоническое море. *Сперхій* — рѣка въ Өессаліи, вытекающая изъ горы Пинда. 253 *Каистръ*—рѣка въ Лидіи, древней Мэоніи, былъ славенъ своими лебедями, сладкогласными преимущественно передъ кончиной. 257 *Исмарскія* или *Исмарійскія*—Өракійскія рѣки. 258 Гесперійскія рѣки (см. 5, 628): *Ренъ*—Рейнъ; *Роданъ*—Рона; Падъ—По. 264 *Циклады*—мелкіе острова на Эгейскомъ морѣ.

Opposuitque manum fronti, magnoque tremore
Omnia concutiens paulum subsedit, et infra,
Quam solet esse, fuit. sacraque ita voce locuta est:
Si placet hoc, meruique, quid o tua fulmina cessant,
Summe deum? liceat periturae viribus ignis
Igne perire tuo, clademque auctore levare.
Vix equidem fauces haec ipsa in verba resolvo...
Presserat ora vapor... tostos en aspice crines,
Inque oculis tantum, tantum super ora favillae!
Hosne mihi fructus, hunc fertilitatis honorem
Officiique refers, quod adunci vulnera aratri
Rastrorumque fero, totoque exerceor anno?
Quod pecori frondes alimentaque mitia, fruges
Humano generi, vobis quoque tura ministro?
Sed tamen exitium fac me meruisse, quid undae,
Quid meruit frater? cur illi tradita sorte
Aequora decrescunt et ab aethere longius absunt?
Quod si nec fratris, nec te mea gratia tangit,
At coeli miserere tui. Circumspice utrumque,
Fumat uterque polus. quos si violaverit ignis,
Atria vestra ruent. Atlas en ipse laborat,
Vixque suis humeris candentem sustinet axem.
Si freta, si terrae pereunt, si regia coeli,
In chaos antiquum confundimur. Eripe flammis,
Siquid adhuc superest, et rerum consule summae.
Dixerat haec Tellus. Neque enim tolerare vaporem
Ulterius potuit, nec dicere plura; suumque
Rettulit os in se propioraque manibus antra.
At pater omnipotens, superos testatus et ipsum,
Qui dederat currus, nisi opem ferat, omnia fato
Interitura gravi, summam petit arduus arcem,
Unde solet nubes latis inducere terris,
Unde movet tonitrus vibrataque fulmina iactat.
Sed neque quas posset terris inducere, nubes
Tunc habuit, nec, quos coelo dimitteret, imbres,

---

292 Владычество моря, полученное по жребію при раздѣлѣ власти между тремя

И прикрыла рукою свой лобъ и великою дрожью
Все сотрясая, немного осѣла и стала пониже,
Чѣмъ дотолѣ была, и гласомъ священнымъ сказала:
„Если угодно, и я заслужила, что жь громъ твой такъ медлитъ,
Богъ изъ боговъ? Если мнѣ суждено отъ пламени гибнуть,
Пусть отъ твоихъ бы огней, отъ тебя бы погибнуть мнѣ легче.
Даже съ трудомъ я уста и для этихъ то словъ разверзаю...
Паръ ей ротъ захватилъ... „взгляни на спаленный мой волосъ,
Сколько золы у меня на глазахъ, на лицѣ ея сколько!
Это ль награда моя, и въ этомъ ли шлешь воздаянье
Всѣмъ плодоноснымъ трудамъ, что кирки и криваго я плуга
Язвы терплю, и меня впродолженіи года терзаютъ?
Что листву я скотамъ, и питанье нѣжнѣе изъ зеренъ
Роду людскому, и вамъ при этомъ я ладонъ готовлю?
Но допустимъ, что гибель я заслужила, чѣмъ волны,
Братъ то чѣмъ виноватъ? За что его, жребіемъ данный,
Менѣетъ моря удѣлъ и далѣе сталъ отъ Эфира?
Если ни къ брату тебя, ни ко мнѣ любовь не смягчаетъ,
Сжалься надъ небомъ своимъ. Туда и сюда оглянися,
Полюсы оба въ дыму; и, если огонь повредитъ ихъ,
Ваши чертоги падутъ. Атлантъ самъ, ты видишь, страдаетъ
И едва на плечахъ раскаленную ось уже держитъ.
Если моря и земля пропадутъ и небесное царство,
Въ древній мы хаосъ впадемъ. Изъ пламени вырви, коль только
Что уцѣлѣло еще, и размысли о благѣ вселенной".
Такъ сказала Земля. Не могла выносить она больше
Пару, и больше еще говорить; и въ себя погрузила
Ликъ свой она и въ пещеры, которыя къ манамъ поближе.
Тутъ всемогущій отецъ, заявивши богамъ и тому же,
Кто колесницу давалъ, что если онъ самъ не поможетъ,
Все жестоко погибнетъ,—на верхъ дворца приподнялся,
Мѣсто, откуда обычно наводитъ онъ тучи на землю
И, откуда онъ громъ и дрожащія молніи мечетъ.
Но не нашелъ онъ ни тучъ, которыя могъ бы на землю
Онъ навести, ни дождей, чтобъ съ неба ихъ лить было можно.

главными божествами. 296 *Атлантъ* — поддерживающій небо (см. 4, 662).

Intonat, et dextra libratum fulmen ab aure
Misit in aurigam, pariterque animaque rotisque
Expulit, et saevis compescuit ignibus ignes.
Consternantur equi et saltu in contraria facto
315 Colla iugo eripiunt, abruptaque lora relinquunt.
Illic frena iacent, illic temone revulsus
Axis, in hac radii fractarum parte rotarum,
Sparsaque sunt late laceri vestigia currus.
At Phaethon, rutilos flamma populante capillos,
320 Volvitur in praeceps, longoque per aera tractu
Fertur, ut interdum de coelo stella sereno
Etsi non cecidit, potuit cecidisse videri.
Quem procul a patria diverso maximus orbe
Excipit Eridanus, fumantiaque abluit ora.
325 Naides Hesperiae trifida fumantia flamma
Corpora dant tumulo, signant quoque carmine saxum:
Hic. situs. est. Phaethon. currus. auriga. paterni.
Quem. si. non. tenuit. magnis. tamen. excidit. ausus.
Nam pater obductos, luctu miserabilis aegro,
330 Condiderat vultus. et si modo credimus, unum
Isse diem sine sole ferunt. Incendia lumen
Praebebant, aliquisque malo fuit usus in illo.
At Clymene postquam dixit, quaecunque fuerunt
In tantis dicenda malis, lugubris et amens
335 Et laniata sinus totum percensuit orbem:
Exanimesque artus primo, mox ossa requirens,
Repperit ossa tamen peregrina condita ripa,
Incubuitque loco. nomenque in marmore lectum
Perfudit lacrimis et aperto pectore fovit.

HELIADES.

340 Nec minus Heliades fletus et, inania morti
Munera, dant lacrimas, et caesae pectora palmis

---

324 Греческіе поэты считали *Эриданъ* рѣкою на крайнемъ западѣ Европы впадающей въ море на сѣверъ и богатой янтаремъ. 325 Trifida flamma—пламенный пукъ молній, которою сраженъ былъ Фаэтонъ, древніе представляли себѣ въ рукѣ

Грянулъ, и молнію онъ, занесши за правое ухо,
Прямо въ возницу метнулъ, и его съ колесницы и жизни
Разомъ изгналъ, и огонь огнемъ укротилъ онъ жестокимъ.
Испугалися кони и, въ сторону разомъ скакнувши,
Вырвались изъ ярма и бросили рваныя возжи.
Тутъ уздечки лежатъ, а тутъ съ оторваннымъ дышломъ
Ось, и на мѣстѣ другомъ колесъ раздробленныя спицы,
И разметаны врозь колесницы разбитой остатки.
А Фаэтонъ съ волосами, горящими пламенемъ краснымъ,
Падаетъ къ низу стремглавъ, и длиннымъ по воздуху слѣдомъ
Мчится, какъ иногда звѣзда со свѣтлаго неба
Хоть и не падаетъ, но упадающей можетъ казаться.
На чужой сторонѣ, вдалекѣ отъ отчизны, великій
Принялъ его Эриданъ и обмылъ лице, что дымилось.
И наяды Гесперскія члены съ огней трехконечныхъ
Дымные скрыли холмомъ и начертали на камнѣ:
Здѣсь погребенъ Фаэтонъ, колесницы отцовской возница,
Хоть не сдержалъ онъ ее, но погибъ, на большое отважась.
Ибо отецъ, удрученный великою скорбью, укутавъ,
Спряталъ свой ликъ, и одинъ, если только тому мы повѣримъ,
День безъ солнца прошелъ. Пожары свѣтъ сообщали
И, хоть какая нибудь была отъ несчастія польза.
А Климена, сказавъ все то, что въ подобныхъ несчастьяхъ
Можно было сказать, печали полна и безумна,
Грудь терзая, искала по цѣлому кругу земному
Членовъ бездушныхъ сперва, а за тѣмъ хоть костей домогаясь;
Кости нашла наконецъ, въ краю погребенныя чуждомъ.
Къ мѣсту припала тому и, читая на мраморѣ имя,
Мыла слезами его и грѣла открытою грудью.

ГЕЛІАДЫ.

И Геліады не менѣе плача и, мертвому въ тщетный
Даръ несутъ своихъ слезъ и, въ грудь ударяя руками,

Зевеса въ видѣ огненнаго пука съ тремя концами. 340 *Геліады* — сестры Фаэтона (см. 1, 10 и 755).

Non auditurum miseras Phaethonta querelas
Nocte dieque vocant, asternunturque sepulcro.
Luna quater iunctis implerat cornibus orbem:
Illae more suo, nam morem fecerat usus,
Plangorem dederant, e quis Phaethusa, sororum
Maxima, cum vellet terrae procumbere, questa est
Diriguisse pedes. ad quam conata venire
Candida Lampetie, subita radice retenta est.
Tertia, cum crinem manibus laniare pararet,
Avellit frondes. haec stipite crura teneri,
Illa dolet fieri longos sua brachia ramos.
Dumque ea mirantur, complectitur inguina cortex,
Perque gradus uterum pectusque humerosque manusque
Ambit, et exstabant tantum ora vocantia matrem.
Quid faciat mater, nisi, quo trahit impetus illam,
Huc eat atque illuc et, dum licet, oscula iungat?
Non satis est, truncis avellere corpora tentat,
Et teneros manibus ramos abrumpit. at inde
Sanguineae manant, tamquam de vulnere, guttae.
Parce, precor, mater, quaecunque est saucia, clamat,
Parce, precor! nostrum laceratur in arbore corpus.
Iamque vale... cortex in verba novissima venit.
Inde fluunt lacrimae, stillataque sole rigescunt
De ramis electra novis, quae lucidus amnis
Excipit et nuribus mittit gestanda Latinis.

CYGNUS.

Affuit huic monstro proles Stheneleia Cygnus,
Qui tibi materno quamvis a sanguine iunctus,
Mente tamen, Phaethon, propior fuit. Ille relicto,
Nam Ligurum populos et magnas rexerat urbes,
Imperio ripas virides, amnemque querelis
Eridanum implerat silvamque sororibus auctam:

---

367 Упоминаемаго здѣсь царя Лигуровъ *Сѳенела* не должно смѣшивать съ упоминаемымъ въ примѣчаніи (см. 9, 284); сынъ его Цигнъ (лебедь), находясь на берегахъ Эридана, былъ свидѣтелемъ паденія Фаэтона. Дальнѣйшее родство его по матери съ

Къ Фаэтону, не слышащему ихъ стенаній, взываютъ
Денно и нощно, и ницъ повергаются передъ могилой.
Кругъ восполняла Луна, рога ужь четырежды сливши,
А обычно онѣ, вѣдь привычка рождаетъ обычай,
Плачъ продолжали. И вотъ всѣхъ старше сестеръ Фаэтуза
Жалуется, что когда она пасть захотѣла на землю,
Оцѣпенѣли ноги у ней; когда къ ней на помощь
Прелесть Лампеція, шла, то корнемъ ее задержало.
Третья, какъ волоса растерзать собиралась руками,
Листья съ себя сорвала: та плачетъ, что стволъ охватилъ ей
Ноги, а эта, что руки у ней растянулися въ сучья.
Въ мигъ какъ дивятся онѣ, кора обнимаетъ ихъ чресла
И ползетъ на животъ, на грудь, на плечи и руки
Постепенно, остался лишь ротъ, призывающій матерь.
Что же тутъ матери дѣлать, какъ только предавшись влеченью,
Бѣгать туда и сюда, цѣлуя, покуда возможно?
Этого мало, тѣла изъ стволовъ извлечь она хочетъ,
Также и нѣжныя вѣтки руками рветъ, но оттуда,
Словно изъ раны какой, вытекаютъ кровавыя капли.
„Мать, пощади, я прошу“, поврежденная каждая стонетъ,
„Мать пощади, умоляю, ты въ деревѣ рвешь наше тѣло.
Такъ ужь прощай!“... Захватило корою послѣднее слово.
Слезы оттуда бѣгутъ и, сочася, отъ солнца твердѣютъ
На вѣтвяхъ молодыхъ янтари, что ясная рѣчка
Воспринимаетъ и шлетъ въ украшеніе женамъ Латинскимъ.

ЦИГНЪ.

Чуду такому свидѣтелемъ Цигнъ былъ, отродье Сѳенела,
Что съ тобою хотя и по матери связанный кровью,
Все по душѣ, Фаэтонъ, былъ роднѣе тебѣ. Онъ покинулъ
Царство,—народомъ Лигуровъ и ихъ городами онъ правилъ,
Злачные сталъ берега и воды рѣки Эридана
Плачемъ своимъ оглашать и отъ сестръ погустѣвшія рощи;

Клименой, матерью Фаэтона, неизвѣстно. 372 *Геліады*, превратившись въ деревья, умножили густоту рощи.

Cum vox est tenuata viro, canaeque capillos
Dissimulant plumae, collumque a pectore longe
375 Porrigitur, digitosque ligat iunctura rubentes,
Penna latus vela, tenet os sine acumine rostrum.
Fit nova Cygnus avis. nec se coeloque Iovique
Credit, ut iniuste missi memor ignis ab illo:
Stagna petit patulosque lacus, ignemque perosus,
380 Quae colat, elegit contraria flumina flammis.
Squalidus interea genitor Phaethontis et expers
Ipse sui decoris, qualis, cum deficit orbi,
Esse solet, lucemque odit seque ipse diemque,
Datque animum in luctus, et luctibus adiicit iram,
385 Officiumque negat mundo. Satis, inquit, ab aevi
Sors mea principiis fuit irrequieta, pigetque
Actorum sine fine mihi, sine honore laborum.
Quilibet alter agat portantes lumina currus.
Si nemo est, omnesque dei non posse fatentur,
390 Ipse agat, ut saltem, dum nostras tentat habenas,
Orbatura patres aliquando fulmina ponat.
Tunc sciet, ignipedum vires expertus equorum,
Non meruisse necem, qui non bene rexerit illos.
Talia dicentem circumstant omnia Solem
395 Numina, neve velit tenebras inducere rebus,
Supplice voce rogant. missos quoque Iuppiter ignes
Excusat, precibusque minas regaliter addit.
Colligit amentes et adhuc terrore paventes
Phoebus equos, stimuloque dolens et verbere saevit.
400 Saevit enim, natumque obiectat et imputat illis.

CALLISTO.

At pater omnipotens ingentia moenia coeli
Circuit, et ne quid labefactum viribus ignis
Corruat, explorat. Quae postquam firma suique
Roboris esse videt, terras hominumqee labores

---

377 Лебедемъ.

Тонокъ сталъ голосъ у мужа и бѣлыя перья смѣнили
Волосы на головѣ, изъ груди длинная шея
Приподнялась, покраснѣвшіе пальцы связались плевою,
Перья покрыли бока, и ротъ неострымъ сталъ клювомъ.
Цигнъ сталъ новою птицей, но небу и Зевсу не ввѣрилъ
Онъ себя, помня огонь, ниспосланный тѣмъ неправдиво;
Ищетъ болотъ и открытыхъ озеръ и, огонь ненавидя,
Онъ, враждебные пламени, выбралъ жилищемъ потоки.
Омраченный межъ тѣмъ отецъ Фаэтона и чуждый
Личнаго блеска, какимъ онъ бываетъ, какъ землю покинетъ,
Свѣтъ ненавидитъ и даже себя самаго да и день то,
Духомъ вдается онъ въ скорбь и, къ плачу и гнѣвъ прибавляя,
Міру не хочетъ служить. „Довольно сначала вѣковъ мнѣ
Жребій былъ, говоритъ, безпокоенъ; и мнѣ надоѣло,
Переносить всѣ труды безъ конца для меня и почета.
Пусть любой поведетъ приносящую свѣтъ колесницу,
Если же нѣтъ никого, и въ безсильи сознались всѣ боги,
Пусть ее самъ онъ ведетъ; пока мои возжи возьметъ онъ,
То хоть молніи, что отцевъ сиротятъ, онъ отложитъ.
Онъ узнаетъ, коней огненогихъ извѣдавши силу,
Что не заслуживалъ смерти, кто ими неловко управилъ“.
Солнце, такія слова говорящее, всѣ окружаютъ
Боги и, чтобы оно во мракъ не ввергало вселенной,
Молятъ покорно они. Извиняетъ бросаніе молній
Зевсъ, и просьбы свои восполняетъ онъ царской угрозой.
Собираетъ безумныхъ—и страхомъ доселѣ объятыхъ,
Фебъ коней и, съ горя бичемъ ихъ разитъ и стрекаломъ.
Потому онъ жестокъ, что сыномъ онъ ихъ упрекаетъ.

КАЛЛИСТА.

Но всемогущій отецъ обходитъ огромныя стѣны
Неба, и смотритъ не рухнуло бъ что, разшатавшись отъ силы
Пламени. Послѣ того, какъ крѣпкимъ и въ прочности должной
Все онъ нашелъ, оглядѣлъ работы людскія и землю.

Perspicit. Arcadiae tamen est impensior illi
Cura suae. fontes et nondum audentia labi
Flumina restituit, dat terrae gramina, frondes
Arboribus, laesasque iubet revirescere silvas.
Dum redit itque frequens, in virgine Nonacrina
Haesit, et accepti caluere sub ossibus ignes.
Non erat huius opus lanam mollire trahendo,
Nec positu variare comas. ubi fibula vestem,
Vitta coercebat neglectos alba capillos,
Et modo leve manu iaculum, modo sumpserat arcum;
Miles erat Phoebes. nec Maenalon attigit ulla
Gratior hac Triviae. Sed nulla potentia longa est.
Ulterius medio spatium sol altus habebat,
Cum subit illa nemus, quod nulla ceciderat aetas.
Exuit hic humero pharetram, lentosque retendit
Arcus. inque solo, quod texerat herba, iacebat,
Et pictam posita pharetram cervice premebat.
Iuppiter ut vidit fessam et custode vacantem:
Hoc certe furtum coniux mea nesciet, inquit;
Aut si rescierit... sunt o, sunt iurgia tanti?
Protinus induitur faciem cultumque Dianae,
Atque ait: O comitum, virgo, pars una mearum,
In quibus es venata iugis? De cespite virgo
Se levat et: Salve numen, me iudice, dixit,
Audiat ipse licet, maius Iove. Ridet et audit,
Et sibi praeferri se gaudet, et oscula iungit
Non moderata satis, nec sic a virgine danda.
Qua venata foret silva, narrare parantem
Impedit amplexu. nec se sine crimine prodit.
Illa quidem contra, quantum modo femina possit...
Aspiceres utinam, Saturnia, mitior esses!..
Illa quidem pugnat. sed quae superare puella,
Quisve Iovem poterat superum? petit aethera victor

---

405 *Своей Аркадіи.* Аркадія была главнымъ мѣстомъ пребыванія и поклоненія какъ Пана (см. 1, 698), такъ и Юпитера, преимущественно на горѣ Лицеѣ; на Парсійскихъ горахъ онъ самъ родился по одному изъ миѳовъ; имя Аркадіи сама страна, называвшаяся Парразіей, получила отъ Аркаса, сына Юпитера, какъ мы сейчасъ увидимъ. Поэтому и Каллиста названа Парразійской (см. ниже 460).

405 Но о своей то Аркадіи въ немъ сильнѣе забота.
Онъ ключи и еще протекать не дерзнувшія рѣки
Возстановляетъ, даетъ землѣ мураву и деревьямъ
Листья, и вновь зеленѣть указуетъ лѣсамъ пострадавшимъ.
Часто и взадъ и впередъ бродя, Нонакрійскою дѣвой
410 Былъ онъ плѣненъ, и въ членахъ его возгорѣлося пламя.
Не было дѣломъ ея разволакиватъ волну за пряжей,
Или прическу волосъ измѣнять, лишь пряжкой одежду,
Да волоса какъ нибудь закрѣпивши повязкою бѣлой,
Легкое только копье хватала она или лукъ свой;
415 Фебѣ служила она. На Мэналъ ни одна не вступала
Тривіи больше мила. Но всякая власть не надолго.
За половиной пути ужь высокое солнце стояло,
Какъ вошла она въ лѣсъ, никакимъ не подсѣченный вѣкомъ,
Съ плечъ колчанъ тутъ она сняла и лукъ отпустила
420 Строгій; сама же на землю легла, что трава покрывала,
И на колчанъ расписной своимъ оперлася затылкомъ.
Какъ Юпитеръ усталую и безъ охраны увидѣлъ,
То воскликнулъ: „Про эту то штуку ужь вѣрно супруга
Не узнаетъ, а еслибъ узнала.... иль ссоры такъ страшны?“
425 Тотчасъ воспринялъ онъ ликъ и все одѣянье Діаны,
Да и сказалъ: „О дѣва, одна изъ моихъ ты сопутницъ,
На какихъ ты вершинахъ охотилась?“ Съ дерна поднявшись,
Дѣва сказала: „Привѣтъ божеству, что въ душѣ я считаю,
Самъ хоть услышь онъ, превыше Зевеса“. Тотъ слыша, смѣется,
430 Радъ, что себѣ же онъ самъ предпочтенъ, и даетъ ей лобзанья,
Недостаточно сдержано, какъ бы ихъ дѣва давала.
Ей о мѣстѣ охоты въ лѣсу разсказать ужь готовой
Не далъ объятіемъ онъ, и себя преступленіемъ выдалъ.
Сопротивлялась она, на сколько лишь женщина можетъ....
435 Еслибъ Сатурнія, ты увидала, была бъ милосерднѣй!
Все отбивается та; но можетъ ли дѣва осилить,
Или какой изъ боговъ Зевеса? Съ побѣдой на небо

---

409 *Нонакра*—гора въ Аркадіи, близь которой городъ Нонакръ. 415 *Феба—Діана* (см. 1, 11). *Мэналъ* (см. 1, 216). 416 *Тривія*—собственно на трехъ путяхъ распутія, перекрестка находящаяся. Діана—луна, какъ небесное божество, называлась въ качествѣ подземной и волшебной власти Гекатою, и изваянія послѣдней стояли на перекресткахъ.

Iuppiter. huic odio nemus est et conscia silva.
Unde pedem referens paene est oblita pharetram
Tollere cum telis et, quem suspenderat, arcum.
Ecce, suo comitata choro Dictynna per altum
Maenalon ingrediens et caede superba ferarum
Aspicit hanc, visamque vocat. clamata refugit,
Et timuit primo, ne Iuppiter esset in illa.
Sed postquam pariter nymphas incedere vidit,
Sensit abesse dolos, numerumque accessit ad harum.
Heu quam difficile est, crimen non prodere vultu!
Vix oculos attolit humo, nec, ut ante solebat,
Iuncta deae lateri, nec toto est agmine prima:
Sed silet et laesi dat signa rubore pudoris.
Et, nisi quod virgo est, poterat sentire Diana
Mille notis culpam. nymphae sensisse feruntur.
Orbe resurgebant lunaria cornua nono,
Cum dea venatu et fraternis languida flammis,
Nacta nemus gelidum, de quo cum murmure labens
Ibat et attritas versabat rivus arenas.
Ut loca laudavit, summas pede contigit undas:
His quoque laudatis: Procul est, ait, arbiter omnis:
Nuda superfusis tinguamus corpora lymphis.
Parrhasis erubuit. Cunctae velamina ponunt:
Una moras quaerit. dubitanti vestis ademta est,
Qua posita nudo patuit cum corpore crimen.
Attonitae manibusque uterum celare volenti:
I procul hinc, dixit, nec sacros pollue fontes,
Cynthia. deque suo iussit secedere coetu.
Senserat hoc olim magni matrona Tonantis,
Distuleratque graves in idonea tempora poenas.
Causa morae nulla est, et iam puer Arcas... id ipsum
Indoluit Iuno.. fuerat de pellice natus.
Quo simul obvertit saevam cum lumine mentem:
Scilicet hoc etiam restabat, adultera, dixit,
Ut fecunda fores, fieretque iniuria partu

---

441 *Диктинна* (греч. носительница сѣтей), прозваніе Діаны охотницы; ее сопровождаетъ хороводъ нимфъ. 454 *Феба*—солнца. 460 Парразія — городъ въ Арка-

Всходитъ Зевесъ. Ненавистна той роща и лѣсъ какъ свидѣтель.
Тутъ, изъ него уходя, едва не забыла колчана
440 Взять со стрѣлами она и тотъ, что повѣсила лукъ свой.
Вотъ окруженная хоромъ, Диктинна, высокимъ Мэналомъ
Проходя и, гордясь пораженными ею звѣрями,
Видитъ ее и, увидя, зоветъ. Та на зовъ убѣжала,
И побоялась сперва, не Юпитеръ ли въ ней затаился.
445 Но, когда увидала она и нимфъ подходящихъ,
Чуя, что кова тутъ нѣтъ, и сама къ ихъ числу приступила.
Ахъ какъ трудно бываетъ не выдать лицемъ преступленья!
Еле съ земли подымая глаза, ужь она не какъ прежде,
О бокъ съ богиней самой не первой изъ всѣхъ провожатыхъ;
450 А молчитъ, и утрату стыда означаетъ румянцемъ.
Въ тысячѣ признаковъ чуять вину могла бы Діана,
Дѣвой не будь лишь она; говорятъ, что учуяли нимфы.
Кругъ восполняя девятый, рога у луны возникали,
Какъ съ охоты, уставъ отъ пламени брата, богиня
455 Въ свѣжую рощу зашла, откуда, катяся съ журчаньемъ,
Изливался ручей и песокъ подымалъ измельченный.
Мѣсто она похваливъ, къ волнамъ прикоснулась ногою;
Также хваля ихъ: „Далекъ“, говоритъ, „тутъ всякій свидѣтель:
Здѣсь мы нагія тѣла окунемъ въ набѣжавшія волны“.
460 Парразійка вся вспыхнула. Всѣ поснимали покровы,
Медлитъ только одна; съ нерѣшительной сняли одежду,
Лишь обнажили ее, вина объявилася съ тѣломъ.
Какъ въ смущеньи прикрыть животъ та хотѣла руками:
„Прочь отсюда“, сказала ей Цинтія, „токовъ священныхъ
465 Не оскверняй“; и велѣла изъ сонмища ей удалиться.
Чуяла это давно Громовержца владыки супруга,
И до удобнаго часа тяжелую казнь отлагала.
Нѣтъ замедленью причинъ, ужь Аркасъ мальчикъ—Юнона
Тѣмъ то самымъ скорбитъ—отъ наложницы этой родился.
470 Какъ обратила она со взоромъ и грозныя мысли:
„Недоставало еще любодѣйка“, она возопила,
„Чтобъ ты съ приплодомъ была и замѣтна бы стала родами

діи, поэтому Парразійка Каллиста Аркаденка. 465 Всѣ источники считались священными.

Nota, Iovisque mei testatum dedecus esset.
Haud impune feres. adimam tibi namque figuram,
475 Qua tibi, quaque places nostro, importuna, marito.
Dixit et adversa prensis a fronte capillis
Stravit humi pronam. Tendebat brachia supplex:
Brachia coeperunt nigris horrescere villis,
Curvarique manus et aduncos crescere in ungues,
480 Officioque pedum fungi, laudataque quondam
Ora Iovi lato fieri deformia rictu.
Neve preces animos et verba precantia flectant,
Posse loqui eripitur, vox iracunda minaxque
Plenaque terroris rauco de gutture fertur.
485 Mens antiqua tamen facta quoque mansit in ursa,
Assiduoque suos gemitu testata dolores
Qualescumque manus ad coelum et sidera tollit,
Ingratumque Iovem, nequeat cum dicere, sentit.
Ah quoties, sola non ausa quiescere silva,
490 Ante domum quondamque suis erravit in agris!
Ah quoties per saxa canum latratibus acta est,
Venatrixque metu venantum territa fugit!
Saepe feris latuit visis, oblita, quid esset,
Ursaque conspectos in montibus horruit ursos:
495 Pertimuitque lupos, quamvis pater esset in illis.
Ecce, Lycaoniae proles, ignara parentis,
Arcas adest, ter quinque fere natalibus actis:
Dumque feras sequitur, dum saltus eligit aptos,
Nexilibusque plagis silvas Erymanthidas ambit,
500 Incidit in matrem, quae restitit Arcade viso
Et cognoscenti similis fuit. Ille refugit,
Immotosque oculos in se sine fine tenentem
Nescius extimuit, propiusque accedere cernens
Vulnifico fuerat fixurus pectora telo.
505 Arcuit Omnipotens, pariterque ipsosque nefasque

---

495 Отецъ Каллисты *Ликаонъ* (см. 1, 218). 499 *Эримантъ* — лѣсистая гора въ Аркадіи, обильная звѣрями. 503 *Sine fine* мы буквально переводимъ *безъ конца*,

Эта обида, и явенъ позоръ моего сталъ Зевеса.
Даромъ тебѣ не пройдетъ; отниму несомнѣнно наружность,
Коей пріятна себѣ ты и, наглая, нашему мужу“.
Съ этимъ словомъ ее, въ волоса надо лбомъ ей вцѣпившись,
Сбросила на земь ничкомъ. Та руки съ мольбою простерла;
Руки тотчасъ махнатиться черными космами стали,
Кисти стали сгибаться, ростя въ изогнутыя кости
И какъ ноги служить, а хваленый когда то Зевесомъ
Обликъ ея, получать безобразіе пасти широкой.
Чтобы души не склоняли мольбы и просящія рѣчи,
Слово берется у ней, сердитый лишь голосъ и грозный
И вселяющій страхъ изъ охриплой гортани выходитъ.
Умъ же прежній у ней и медвѣдицей ставшей остался,
И, непрестанными стонами горе свое проявляя,
Руки, какія ни есть, къ небесамъ она все поднимаетъ;
Неблагодарность Зевеса у ней хоть не въ словѣ, а въ чувствѣ.
Ахъ какъ часто, одна отдыхать въ лѣсу не дерзая,
Передъ домомъ бродила она по былымъ своимъ нивамъ;
Ахъ какъ часто въ скалахъ, гонимая лаемъ собачьимъ,
Хоть охотница, въ страхѣ она предъ ловцами бѣжала:
Часто забывъ кто она, она скрывалась отъ звѣря,
И пугалась медвѣдица, въ горахъ завидя медвѣдей.
И страшилась волковъ, хоть была и отецъ между ними.
Вотъ, Ликаоніи сынъ, своей родимой не зная,
Аркасъ предсталъ, и ему подъ пятнадцать уже весенъ минуло.
Какъ слѣдитъ онъ звѣрей и долинъ поудобнѣе ищетъ
И, тенета связавъ, окружаетъ лѣса Эриманта,
Онъ наткнулся на мать, что, увидѣвши Аркаса, стала
И, какъ будто признала его. Но онъ отстранился,
И неподвижныхъ очей, къ нему безъ конца обратившей,
Онъ не знавъ, убоялся, и, видя, что та приступаетъ,
Уже готовился грудь ей пронзить остріемъ смертоноснымъ.
Но удержалъ Всемогущій, самихъ ихъ съ земли и проступокъ

находя, что это выраженіе незамѣнимо и понятно во всѣхъ отношеніяхъ.

Sustulit, et celeri raptos per inania vento
Imposuit coelo, vicinaque sidera fecit.
Intumuit Iuno, postquam inter sidera pellex
Fulsit, et ad canam descendit in aequora Tethyn
Oceanumque senem, quorum reverentia movit
Saepe deos, causamque viae scitantibus infit:
Quaeritis, aetheriis quare regina deorum
Sedibus huc assim? pro me tenet altera coelum.
Mentior, obscurum nisi nox cum fecerit orbem,
Nuper honoratas summo, mea vulnera, coelo
Videritis stellas illic, ubi circulus axem
Ultimus extremum spatioque brevissimus ambit.
Est vero, cur quis Iunonem laedere nolit
Offensamque tremat? quae prosum sola nocendo?
O, ego quantum egi! quam vasta potentia nostra est!
Esse hominem vetui, facta est dea. Sic ego poenas
Sontibus impono, sic est mea magna potestas.
Vindicet antiquam faciem vultusque ferinos
Detrahat, Argolica quod et ante Phoronide fecit...
Cur non et pulsa ducit Iunone, meoque
Collocat in thalamo, socerumque Lycaona sumit?
At vos si laesae tangit contemtus alumnae,
Gurgite caeruleo septem prohibete Triones,
Sideraque in coelum stupri mercede recepta
Pellite, ne puro tinguatur in aequore pellex.

CORVUS. CORONIS. CORNIX. NYCTIMENE.

Di maris annuerant. habili Saturnia curru
Ingreditur liquidum pavonibus aethera pictis:
Tam nuper pictis caeso pavonibus Argo,
Quam tu nuper eras, cum candidus ante fuisses,
Corve loquax, subito nigrantes versus in alas.

---

507 Мать Каллисту превратилъ въ Большую Медвѣдицу, а сына Аркаса въ поводыря (Боота). 509 Образы водныхъ боговъ появляются у поэтовъ всюду, въ видѣ старца тѣмъ болѣе Океанъ въ древнѣйшемъ представленіи громадный потокъ, обнимающій всю землю, являющійся съ супругою Теѳѳею родоначальникомъ всѣхъ

Снялъ и, умчавши ихъ вѣтромъ проворнымъ въ пустое пространство,
На небесахъ утвердилъ и созвѣздьями близкими сдѣлалъ.
Вздулась Юнона, когда наложница между звѣздами
Стала сіять, и къ сѣдой низошла она въ море Теѳеѣ
И къ старику Океану, къ которымъ почтенье склоняло
Часто боговъ, и пытавшимъ причину прихода, сказала:
„Вы спросили: зачѣмъ царица воздушныхъ чертоговъ
Божескихъ, здѣсь я теперь? за меня правитъ небомъ другая.
Лгу я, если какъ ночь покроетъ вселенную мракомъ,
Ранъ моихъ, звѣздъ недавно почтенныхъ, на выси небесной
Не узрите вы тамъ, гдѣ кругъ у конечности оси
Самый послѣдній и самый пространствомъ кратчайшій вертится.
Да и точно, зачѣмъ же кому не обидѣть Юноны,
Иль трепетать, оскорбивъ; коль вредя, я лишь помогаю?
О, какъ много я сдѣлала! Какъ моя власть то огромна!
Я воспретила ей быть человѣкомъ, вотъ стала богиней.
Такъ я виновныхъ караю, и такъ моя власть безпредѣльна.
Лучше бъ онъ прежній ей ликъ возвратилъ и образъ звѣриный
Снялъ, какъ нѣкогда то съ Форонидой Аргосскою сдѣлалъ...
Что же ее не ведетъ, отвергнувъ Юнону, въ мою же
Опочивальню, и тестемъ себѣ не беретъ Ликаона?
Вы жь, если стыдъ оскорбленной питомицы васъ задѣваетъ,
Не допускайте же въ синюю бездну семи вы Тріоновъ;
Звѣзды, что приняты въ небо цѣною лишь блуда, гоните,
Чтобъ не могла погрузиться наложница въ чистое море“.

ВОРОНЪ. КОРОНИДА. ВОРОНА. НИКТИМЕНА.

Боги морскіе кивнули ей. Въ легкой паритъ колесницѣ
На расписныхъ павлинахъ Сатурнія вверхъ по эфиру:
Такъ, со смерти лишь Аргоса, пестрыхъ недавно павлиновъ.
Какъ недавно и ты, хоть былъ еще бѣлымъ дотолѣ,
Воронъ болтунъ получилъ внезапно черныя крылья.

морскихъ божествъ и нимфъ, равно какъ и источникомъ всей плодотворной влаги, почему въ почетѣ у всѣхъ боговъ. 524 Форонидой Аргосскою (см. 1, 669). 528 Семи — Тріоновъ (см. выше 171).

Nam fuit haec quondam niveis argentea pennis
Ales, ut aequaret totas sine labe columbas,
Nec servaturis vigili Capitolia voce
Cederet anseribus, nec amanti flumina cygno.
Lingua fuit damno. lingua faciente loquaci
Qui color albus erat, nunc est contrarius albo.
  Pulchrior in tota, quam Larissaea Coronis,
Non fuit Haemonia. placuit tibi, Delphice, certe,
Dum vel casta fuit, vel inobservata. Sed ales
Sensit adulterium Phoebeius, utque latentem
Detegeret cuplam, non exorabilis index,
Ad dominum tendebat iter. Quem garrula motis
Consequitur pennis, scitetur ut omnia, cornix.
Auditaque viae causa: Non utile carpis,
Inquit, iter. ne sperne meae praesagia linguae.
Quid fuerim quid simque vide, meritumque require:
Invenies nocuisse fidem. Nam tempore quodam
Pallas Erichthonium, prolem sine matre creatam,
Clauserat Actaeo facta de vimine cista:
Virginibusque tribus gemino de Cecrope natis
Servandum dederat, sed non confessa, quid esset,
Et legem addiderat, sua ne secreta viderent.
Abdita fronde levi densa speculabar ab ulmo,
Quid facerent. Commissa duae sine fraude tuentur,
Pandrosos atque Herse. timidas vocat una sorores
Aglauros, nodosque manu diducit. et intus
Infantemque vident apporrectumque draconem.
Acta deae refero. Pro quo mihi gratia talis
Redditur, ut dicar tutela pulsa Minervae
Et ponar post noctis avem. Mea poena volucres

---

542 *Ларисса*—знаменитый городъ въ Ѳессаліи (Гемоніи). 545 *Фебова птица*—воронъ, предсказатель судебъ. 553 Вулканъ изъ мести къ матери своей, Юнонѣ, столкнувшей его за его безобразіе съ неба, выковалъ для нея кресло, съ котораго она не могла подняться. Это такъ обрадовало Зевеса, что онъ разрѣшилъ Вулкану просить его о чемъ либо. Искусный кузнецъ попросилъ у него въ замужство строго цѣломудрую дочь его Минерву Палладу Аѳину, вышедшую изъ головы Зевеса въ полномъ вооруженіи и представительницу всѣхъ искусствъ и ремеслъ, въ томъ числѣ и земледѣлія. Зевесъ послалъ къ Вулкану свою дочь, но у цѣломудрой богини съ Вулканомъ завязалась борьба, причемъ Вулканъ оплодотворилъ землю, а Паллада,

Ибо сребриста была съ бѣлоснѣжными перьями прежде
Эта птица подстать голубямъ безъ всякихъ отмѣтинъ,
Не уступала она ни гусямъ, что спасутъ Капитолій
Голосомъ чуткимъ, ни лебедю, этому другу потоковъ.
540 Гибель навлекъ тутъ языкъ; болтливый языкъ такъ устроилъ,
Что гдѣ бѣлый былъ цвѣтъ, тамъ бѣлому нынѣ обратный.
Не было никого Корониды Ларисской прекраснѣй
Въ цѣлой Гемоніи. Знать она тебѣ стала, Дельфіецъ,
Милой, покуда была чиста, иль была незамѣтна.
545 Но любодѣйство учуялъ Фебовъ пернатый, и, чтобы
Тайну вины обличить, непреклонный этотъ укащикъ
Ко владыкѣ отправился. Слѣдомъ за нимъ же, махая
Крыльями, все чтобъ узнать, неслась говорунья ворона.
Слыша причину пути, она сказала: „Въ недобрый
550 Путь ты летишь; моего языка предсказаній не презри.
Что я была и что есть, погляди и спроси ка, за что же:
И узнаешь, что гибель отъ вѣрности. Ибо когда то
Эрихтонія, —что безъ матери создано чадо,
Изъ Актейской лозы въ корзину Паллада замкнула,
555 И тремъ дѣвамъ его, двуличнаго Кекропса дщерямъ
На сохраненье дала, но что это, имъ не открыла,
И положила запретъ, чтобъ на тайну свою не глядѣли.
Скрыта подъ легкой листвой густаго ильма, гляжу я,
Что онѣ сдѣлаютъ. Двѣ безоблыжно хранили поклажу,
Гѐрза съ Пандрозой. Одна Аглавра къ себѣ подзываетъ
560 Робкихъ сестеръ, распускаетъ завязки руками, и видятъ
Въ серединѣ дитя и сопростерта дракона.
Все доношу я богинѣ. За что благодарность пріяла
Ту, что слыву исключенною я изъ опеки Минервы,
И стою ниже птицы ночной. Пусть мое наказанье

считая себя косвенной причиною порожденнаго землею чада Эрихтонія, представителя земледѣлія, какъ показываетъ самое имя χθονιος (отъ χθων земля) *земляной* озаботилась его сохраненіемъ и, положивъ въ корзинку, (554) изъ Актейской лозы (см. 1, 313), отдала тремъ дочерямъ. 555 *Двуличнаго Кекропса*, принимавшаго видъ то человѣка, то дракона или змѣя. Древніе объясняли такое преданіе тѣмъ, что Кекропсъ родомъ изъ Египта, прибывъ въ Аѳины, сдѣлался Грекомъ. 564 Болтливая ворона изъ опасенія навлечь дѣвственной Минервѣ стыдъ разсказомъ о непріятномъ для богини событіи, изгнана изъ ея штата, уступая любимой Минервою птицѣ, совѣ.

Admonuisse potest, ne voce pericula quaerant.
At, puto, non ultro nec quicquam tale rogantem
Me petiit. licet hoc ex ipsa Pallade quaeras:
Quamvis irata est, non hoc irata negabit.
Nam me Phocaica clarus tellure Coroneus,
Nota loquor, genuit. fueramque ego regia virgo:
Divitibusque procis, ne me contemne, petebar.
Forma mihi nocuit, nam cum per litora lentis
Passibus, ut soleo, summa spatiarer arena,
Vidit et incaluit pelagi deus. utque precando
Tempora cum blandis absumsit inania verbis,
Vim parat, et sequitur. Fugio, densumque relinquo
Litus, et in molli nequicquam lassor arena.
Inde deos hominesque voco. nec contigit ullum
Vox mea mortalem. mota est pro virgine virgo,
Auxiliumque tulit. Tendebam brachia coelo:
Brachia coeperunt levibus nigrescere pennis.
Reiicere ex humeris vestem molibar. at illa
Pluma erat, inque cutem radices fixerat imas.
Plangere nuda meis conabar pectora palmis:
Sed neque iam palmas, nec pectora nuda gerebam.
Currebam. nec, ut ante, pedes retinebat arena,
Sed summa tollebar humo. mox acta per auras
Evehor, et data sum comes inculpata Minervae.
Quid tamen hoc prodest, si diro facta volucris
Crimine Nyctimene nostro successit honori?
An quae per totam res est notissima Lesbon,
Non audita tibi est? patrium temerasse cubile
Nyctimenen? avis illa quidem, sed conscia culpae
Conspectum lucemque fugit, tenebrisque pudorem
Celat, et a cunctis expellitur aethere toto.
Talia dicenti: Tibi, ait, revocamina, corvus,
Sint precor ista malo. nos vanum spernimus omen;
Nec coeptum dimittit iter, dominoque iacentem
Cum iuvene Haemonio vidisse Coronida narrat.

---

590 *Никтимена*— какъ показываетъ имя, ночная птица сова. Извѣстно, что когда

Птицъ научитъ себѣ не накликивать голосомъ бѣдствій.
Не за свой, полагаю, починъ, не за то, что просила,
Ею взята я; спроси у Паллады самой, если хочешь.
Хоть и во гнѣвѣ она, но и въ гнѣвѣ она не запрется.
Ибо въ Фокейской землѣ Короней породилъ меня славный,
Я говорю, что извѣстно; была я царственной дѣвой:
И богачи,—не гнушайся ты мной,—увивались за мною.
Мнѣ повредила краса. Когда по берегу тихимъ
Шагомъ обычнымъ своимъ по ближнимъ пескамъ я гуляла,
Богъ морской увидалъ и ко мнѣ воспылалъ; и, когда онъ
Время въ мольбахъ понапрасну потратилъ на льстивыя рѣчи,
Бросился онъ, замышляя насилье. Бѣгу, покидаю,
Берегъ сыпучій, и тщетно на мягкомъ пескѣ утомляюсь.
Тамъ зову я боговъ и людей; не достигнулъ мой голосъ
Ни до единаго смертнаго; дѣвою тронулась дѣва,
И на помощь пришла. Простерла къ небу я руки!
Руки подъ легкими перьями стали чернѣть понемногу.
Съ плечъ стараюсь одежду я сбросить; но перьями стала
Тотчасъ она и впустила мнѣ въ кожу глубокіе корни,
Въ грудь обнаженную я хотѣла ударить руками:
Но ни рукъ у меня, ни груди нагой ужь не стало.
Я бѣжала; песокъ не задерживалъ ногъ мнѣ какъ прежде,
А поднимало меня надъ землей; по воздуху тотчасъ
Я понеслась и безвинной сопутницей стала Минервы.
Но какая въ томъ польза, когда преступленіемъ тяжкимъ
Въ птицы попавъ, Никтимена меня замѣстила въ почетѣ?
Или событія ты извѣстнаго въ цѣломъ Лесбосѣ
Не слыхалъ? Что ложе отца своего запятнала
Никтимена? Хоть птица она, но зная провинность,
Избѣгаетъ и взоровъ и свѣта, и стыдъ свой во мракѣ
Прячетъ, и всѣми она съ высотъ воздушныхъ гонима“.
Ей на такія слова: „Тебѣ будь“, воронъ промолвилъ.
„Проповѣдь эта къ бѣдѣ; презираю я всѣ предсказанья“.
Онъ продолжаетъ свой путь и уже разсказалъ господину,
Что съ Гемонскимъ онъ юношей видѣлъ его Корониду.

днемъ пролетаетъ сова, всѣ птицы на нее набрасываются.

Laurae delapsa est audito crimine amantis:
Et pariter vultusque deo plectrumque colorque
Excidit. utque animus tumida fervebat ab ira,
Arma assueta rapit, flexumque a cornibus arcum
Tendit, et illa suo toties cum pectore iuncta
Indevitato traiecit pectora telo.
Icta dedit gemitum, tractoque a vulnere ferro,
Candida puniceo perfudit membra cruore,
Et dixit: Potui poenas tibi, Phoebe, dedisse,
Sed peperisse prius. duo nunc moriemur in una.
Hactenus, et pariter vitam cum sanguine fudit.
Corpus inane animae frigus letale secutum est.
  Poenitet heu sero poenae crudelis amantem,
Seque, quod audierit, quod sic exarserit, odit:
Odit avem, per quam crimen causamque dolendi
Scire coactus erat, nec non arcumque manumque
Odit, cumque manu temeraria tela, sagittas:
Collapsamque fovet, seraque ope vincere fata
Nititur, et medicas exercet inaniter artes.
Quae postquam frustra tentata, rogumque parari
Vidit et arsuros supremis ignibus artus,
Tunc vero gemitus, neque enim coelestia tingui
Ora licet lacrimis, alto de corde petitos
Edidit. haud aliter, quam cum spectante juvenca
Lactentis vituli dextra libratus ab aure
Tempora discussit claro cava malleus ictu.
Ut tamen ingratos in pectora fudit odores,
Et dedit amplexus, iniustaque iusta peregit;
Non tulit in cineres labi sua Phoebus eosdem
Semina, sed natum flammis uteroque parentis
Eripuit geminique tulit Chironis in antrum.
Sperantemque sibi non falsae praemia linguae
Inter aves albas vetuit consistere corvum.

---

600 Лавръ свалился (см. 1, 558). 602 Плектъ или Плектронъ—большею частію изъ слоновой кости—зацѣпка, которой ударяли по струнамъ цитры. 626 *Благовонныя постылыя* потому что по обычаю изливаются при похоронахъ. 630 Двойному Хирону — gemini, получеловѣку и полуконю — Центавру, славившемуся своей мудростію и врачебнымъ знаніемъ; поэтому онъ былъ воспитателемъ многихъ героевъ

Лавръ свалился съ влюбленнаго, какъ про вину услыхалъ онъ:
И съ выраженьемъ лица и цвѣтъ измѣнился у бога;
Выронилъ также онъ плектронъ и, какъ весь гнѣвомъ вскипѣлъ онъ,
Такъ оружье схвативъ привычное, лукъ натянулъ свой,
Гибкій въ концахъ, и грудь, что такъ часто къ своей прижималъ онъ
Груди, насквозь прострѣлилъ своей неуклонной стрѣлою.
Стонетъ пронзенная и, желѣзо извлекши изъ раны,
Свѣтлые члены свои орошаетъ пурпурною кровью,
И говоритъ: „Пострадать отъ тебя, о Фебъ, я могла бы,
Но сперва бы родить; насъ двое въ одной умираютъ“.
Вслѣдъ за тѣмъ она вмѣстѣ и жизнь и кровь источила.
Тѣло, лишившись души, прониклось холодомъ смертнымъ.
Жалко, увы уже поздно, влюбленному кары жестокой,
И себя, что послушалъ, что такъ вскипѣлъ, ненавидитъ:
Ненавидитъ и птицу, которою вынужденъ былъ онъ
Свѣдать вину и причину скорбей, и лукъ свой и руку
Ненавидитъ, и вмѣстѣ съ рукой дерзновенныя стрѣлы.
Падшую онъ согрѣваетъ и силится помощью поздней
Припобѣдить судьбу и напрасно врачуетъ съ искусствомъ.
Послѣ тщетныхъ усилій, увидя костеръ, что готовятъ,
И послѣднимъ огнемъ сгорѣть обреченные члены,
Тутъ то вздохи, затѣмъ, что слезами небеснаго лика
Не подобаетъ кропить, со дна онъ самаго груди
Сталъ издавать; такъ точно, когда предъ коровой глядящей
У теленка сосущаго выпуклый черепъ проломитъ,
Изъ за уха взмахнутый, обухъ, упадающій гулко.
Какъ благовонья однако постылыя вылилъ на грудь ей
И, обнимая ее, онъ долгъ ей воздалъ какъ не должно.
Фебъ не стерпѣлъ, чтобы въ томъ же самомъ пеплѣ распалось
Сѣмя его, и изъ пламени онъ и родимой утробы
Вырвалъ сына и снесъ въ пещеру къ двойному Хирону.
И тому, что награды ждалъ за языкъ свой нелживый,
Ворону онъ между бѣлыми птицами быть не дозволилъ.

древности: Геркулеса, Тезея, Ахиллеса, ему же Аполлонъ поручилъ воспитаніе сына своего Эскулапія, ставшаго по смерти своей богомъ врачебнаго искусства.

OCYRHOE.

Semifer interea divinae stirpis alumno
Laetus erat, mixtoque oneri gaudebat honore.
Ecce venit rutilis humeros protecta capillis
Filia Centauri, quam quondam nympha Chariclo
Fluminis in rapidi ripis enixa vocavit
Ocyrhoen. Non haec artes contenta paternas
Edidicisse fuit. fatorum arcana canebat.
Ergo ubi vaticinos concepit mente furores
Incaluitque deo, quem clausum pectore habebat,
Aspicit infantem, Totique salutifer orbi
Cresce puer, dixit. tibi se mortalia saepe
Corpora debebunt. animas tibi reddere ademtas
Fas erit. idque semel dis indignantibus ausus,
Posse dare hoc iterum flamma prohibebere avita,
Eque deo corpus fies exsangue, deusque,
Qui modo corpus eras, et bis tua fata novabis.
Tu quoque, care pater, nunc immortalis et aevis
Omnibus ut maneas, nascendi lege creatus,
Posse mori cupies tum, cum cruciabere dirae
Sanguine serpentis per saucia membra recepto:
Teque ex aeterno patientem numina mortis
Efficient, triplicesque deae tua fila resolvent.
Restabat fatis aliquid. suspirat ab imis
Pectoribus, lacrimaeque genis labuntur obortae,
Atque ita: Praevertunt me, inquit, mea fata, vetorque
Plura loqui, vocisque meae praecluditur usus.
Non fuerant artes tanti, quae numinis iram
Contraxere mihi. mallem nescisse futura.
Iam mihi subduci facies humana videtur,
Iam cibus herba placet, iam latis currere campis

---

633 Полузвѣрь—semifer; въ нѣкоторыхъ рукописяхъ стоитъ semivir—полумужъ, что и по русски не измѣняетъ стиха, очевидно рѣчь о Хиронѣ. 646 Дѣдовскій пламень—молнія Юпитера. 650 Хиронъ по природѣ полубогъ, какъ сынъ Сатурна и нимфы Филиры, долженъ бы оставаться безсмертнымъ. Но когда Геркулесъ нечаянно

ОЦИРОЯ.

Полузвѣрь между тѣмъ питомцемъ отъ божеской крови
Былъ доволенъ, и радъ къ тяготѣ примѣшанной чести.
635 Вотъ пришла, волосами прикрывъ красноватыми плечи
Дочь Центавра, ее когда то нимфа Харикла
На берегу быстроводной рѣки родила и назвала
Оцироею. Ей изучить недостаточно было
Всѣ искусства отца, судебъ она тайны вѣщала.
640 Какъ воспріяла она въ душѣ пророчества ярость
И воспылала тѣмъ богомъ, котораго въ сердцѣ хранила,
То, на младенца взглянувъ, сказала: „Цѣлительный мальчикъ
Всей ты землѣ возрастай, тебѣ обязаны будутъ
Смертныя часто тѣла, возвращать отнятыя души,
645 Вотъ твой удѣлъ; но коль разъ то дерзнешь противъ божеской воли,
То въ другой это дать возбранитъ тебѣ дѣдовскій пламень,
Равный богамъ ты станешь безкровнымъ трупомъ, и богомъ,
Что недавно былъ трупъ, и жребій свой дважды обмѣнишь.
Также отецъ дорогой, безсмертный теперь и чтобъ вѣки
650 Всѣ оставаться такимъ, сотворенный закономъ рожденья,
Будешь возможности смерти желать, какъ мучиться станешь.
Крови жестокой змѣи воспріявъ въ пораженные члены;
Боги тебя обратятъ изъ вѣчнаго въ данника смерти;
И тройныя богини твои уже нити расторгнутъ“.
655 Нѣчто осталось вѣщать. Она всей грудью вздохнула,
И покатились у ней, по щекамъ проступившія, слезы,
И сказала она: „Упреждаютъ судьбы меня, дальше
Мнѣ возбраняютъ вѣщать, и даръ мой смыкается слова.
Не былъ столь важенъ мой даръ, который боговъ мнѣ накликалъ
660 Гнѣвъ; не вѣдать грядущаго я бы лучше желала.
Кажется, что у меня исчезаетъ лице человѣчье,
Нравится мнѣ ужъ трава, ужъ влечетъ меня въ полѣ широкомъ

уронилъ ему на ногу стрѣлу, напитанную ядомъ Лернейской змѣи (см. 9, 70), то въ страшныхъ мученіяхъ онъ испросилъ у боговъ смерти. 654 Парки расторгаютъ нити жизни.

Impetus est. in equam cognataque corpora vertor
Tota tamen quare? pater est mihi nempe biformis.
665 Talia dicenti pars est extrema querelae
Intellecta parum, confusaque verba fuerunt:
Mox nec verba quidem, nec equae sonus ille videtur,
Sed simulantis equam. parvoque in tempore certos
Edidit hinnitus et brachia movit in herbas.
670 Tum digiti coeunt et quinos alligat ungues
Perpetuo cornu levis ungula, crescit et oris
Et colli spatium. longae pars maxima pallae
Cauda fit. utque vagi crines per colla iacebant,
In dextras abiere iubas. pariterque novata est
675 Et vox et facies. nomen quoque monstra dederunt.

BATTUS.

Flebat, opemque tuam frustra Philyreius heros,
Delphice, poscebat. nam nec rescindere magni
Iussa Iovis poteras, nec, si rescindere posses,
Tunc aderas. Elin Messeniaque arva colebas.
680 Illud erat tempus, quo te pastoria pellis
Texit, onusque fuit dextrae silvestris oliva,
Alterius dispar septenis fistula cannis.
Dumque amor est curae, dum te tua fistula mulcet,
Incustoditae Pylios memorantur in argos
685 Processisse boves. Videt has Atlantide Maia
Natus, et arte sua silvis occultat abactas.
Senserat hoc furtum nemo, nisi notus in illo
Rure senex, Battum vicinia tota vocabat.
Divitis hic saltus herbosaque pascua Nelei
690 Nobiliumque greges custos servabat equarum.
Hunc timuit, blandaque manu seduxit, et illi:
Quisquis es, hospes, ait, si forte armenta requiret
Haec aliquis, vidisse nega. neu gratia facto

---

675 *Имя ей дали* съ тѣхъ поръ Гиппо или Гиппе—конь, кобыла, что и подало, вѣроятно, поводъ къ самому разсказу о превращеніи. 680 Шкурой покрытъ въ одной рукѣ посохъ, а въ другой свирѣль (см. 1, 710) — полная одежда пастуха.

Бѣгать. Въ кобылу ужъ я превращаюся сродственнымъ тѣломъ.
Но почему же вполнѣ? вѣдь все же двувиденъ отецъ мой“.
665 У говорящей такое послѣдняя часть ея жалобъ
Мало понятна была и рѣчи попутаны стали:
Скоро казалось ни рѣчь, ни голосъ какъ бы кобылицы,
Но кобылицѣ подобное; въ скоромъ времени чисто
Ржанье она издала и руки къ травѣ обратила.
670 Тутъ и пальцы сошлись, и пять ногтей сочетаетъ
Рогъ копыта сплошной и гладкій объемъ выростаетъ,
Какъ лица, такъ и шеи; и край самый долгой одежды
Сталъ хвостомъ, и тѣ волосы, что развѣвались по шеѣ,
Гривой повисли на право; равно у нея измѣнился
675 Голосъ и ликъ; и имя ей дали по самому чуду.

БАТТЪ.

Плакалъ, и тщетно тебя на помощь герой, сынъ Филиры
Звалъ, о Дельфіецъ, за тѣмъ, что мощнаго Зевса велѣній
Ты не могъ измѣнить, и еслибъ и могъ измѣнить ихъ,
Тутъ тебя не было. Былъ на Мессенскихъ поляхъ ты въ Элидѣ.
680 То было время, когда, какъ пастухъ, ты шкурой покрытъ былъ,
И рукою правой носилъ оливу лѣсную,
А другою свирѣль изъ семи тростинокъ неравныхъ.
Тутъ при заботахъ любви, покуда свирѣль тебя тѣшитъ,
Безъ призора коровы къ Пилійскимъ полямъ убѣжали,
685 Какъ говорятъ. Атлантиды Маи сынъ ихъ увидѣлъ
И, искусствомъ своимъ угнавши, въ лѣса ихъ запряталъ.
Не въ домёкъ никому воровство, не будь тутъ извѣстный
Мѣстный старикъ, все его называло Баттомъ сосѣдство.
Долы и злачныя пастбища богача онъ Нелея
690 Оберегалъ пастухомъ табуновъ, кобылицъ благородныхъ.
Тотъ побоялся его, рукой отвелъ его съ лаской
И говоритъ: „Кто бы ни былъ ты, другъ, коль часомъ кто спроситъ,
Про скотину, скажи, не видалъ; а чтобы услуга

---

685 Сынъ Атлантиды Маи (см. 1, 670) Меркурій. 689 *Богача онъ Нелея*—царя Пилосскаго (см. 12, 550).

Nulla rependatur, nitidam cape praemia vaccam;
Et dedit. Accepta voces has reddidit hospes:
Tutus eas. lapis iste prius tua furta loquetur,
Et lapidem ostendit. Simulat Iove natus abire.
Mox redit, et versa pariter cum voce figura:
Rustice, vidisti siquas hoc limite, dixit,
Ire boves, fer opem, furtoque silentia deme.
Iuncta suo pretium dabitur tibi femina tauro.
At senior, postquam merces geminata: Sub illis
Montibus, inquit, erunt. et erant sub montibus illis.
Risit Atlantiades, et: Me mihi, perfide, prodis?
Me mihi prodis? ait, periuraque pectora vertit
In durum silicem, qui nunc quoque dicitur Index:
Inque nihil merito vetus est infamia saxo.

AGLAUROS. INVIDIA.

Hinc se sustulerat paribus Caducifer alis:
Munychiosque volans agros gratamque Minervae
Despectabat humum cultique arbusta Lycei.
Illa forte die castae de more puellae
Vertice supposito festas in Palladis arces
Pura coronatis portabant sacra canistris.
Inde revertentes deus aspicit ales, iterque
Non agit in rectum, sed in orbem curvat eundem.
Ut volucris visis rapidissima miluus extis,
Dum timet et densi circumstant sacra ministri,
Flectitur in gyrum, nec longius audet abire,
Spemque suam motis avidus circumvolat alis:
Sic super Actaeas agilis Cyllenius arces
Inclinat cursus et easdem circinat auras.
Quanto splendidior quam cetera sidera fulget
Lucifer, et quanto te, Lucifer, aurea Phoebe:
Tanto virginibus praestantior omnibus Herse

---

709 Мунихійскія нивы — Аттическія. Аѳинамъ здѣсь приписываются учрежденія, появившіяся только впослѣдствіи, какъ, напр., мѣсто тѣлесныхъ и умственныхъ

Не безъ награды была, бери ты поглаже корову“.
695 И отдалъ. Получивъ, сказалъ ему такъ незнакомецъ:
„Смѣло ступай; этотъ камень скорѣй воровство твое выдастъ“,
И указалъ онъ на камень. Притворно ушелъ сынъ Зевеса.
Скоро вернулся онъ, видъ измѣнивши, равно какъ и голосъ:
„Эй, селянинъ“, онъ сказалъ, „коль видѣлъ какихъ по дорогѣ
700 Этой коровъ, помоги, не скрывай воровства ты молчаньемъ.
Дамъ въ награду тебѣ я быка съ его же подругой“.
А старикъ, какъ ему награду удвоили, молвилъ:
„Будутъ у тѣхъ онѣ горъ“, и тамъ же у горъ онѣ были.
Атлантидъ засмѣялся: „Меня предаешь ты, кяоарный,
705 Мнѣ же? Меня предаешь ты мнѣ?“ Сказалъ онъ, и въ камень
Грудь плута обратилъ, что понынѣ зовется Указчикъ:
И на невинномъ ни въ чемъ осталось камнѣ безчестье.

АГЛАВРА. ЗАВИСТЬ.

Тутъ жезлоносецъ на крыльяхъ своихъ равномѣрныхъ поднялся
И Мунихійскія нивы и милую землю Минервы
710 Онъ озираетъ, летя, и кустарникъ Лицейскаго сада.
Въ тотъ же случилося день, по обычаю чистыя дѣвы,
На макушкѣ поставя, несли въ чертоги Паллады
Къ празднику тайны святыя въ кошницахъ вѣнчанныхъ цвѣтами.
Какъ возвращались онѣ, ихъ богъ крылатый замѣтя,
715 Путь ужь избралъ не прямой, а сталъ все тутъ же кружиться.
Какъ хищнѣйшая птица коршунъ, взирая на потрохъ,
Въ страхѣ и тѣсно жрецы обступили священную жертву,
Все вертится кругомъ и вдаль отклониться не въ силахъ,
Алчно добычу свою облетаетъ, махая крылами:
720 Такъ надъ твердыней Актейской проворный Цилленій склоняетъ
Свой полетъ и по воздуху кружится все по тому же.
Тутъ, насколько пышнѣй средь звѣздъ всѣхъ прочихъ блистаетъ
Люциферъ и, ты, Люциферъ, Фебой затменъ золотою,
Великолѣпнѣй на столько же между всѣхъ дѣвушекъ Герза

упражненій, Лицей, празднество Панатенъ, въ которомъ дѣвы несли на головахъ корзины. 720 *Цилленій* —Меркурій (см. 1, 713).

725 Ibat, eratque decus pompae comitumque suarum.
Obstupuit forma Iove natus, et aethere pendens
Non secus exarsit, quam cum Balearica plumbum
Funda iacit. volat illud et incandescit eundo,
Et quos non habuit, sub nubibus invenit ignes.
730 Vertit iter, coeloque petit terrena relicto:
Nec se dissimulat. tanta est fiducia formae.
Quae quanquam iusta est, cura tamen adiuvat illam,
Permulcetque comas, chlamydemque, ut pendeat apte,
Collocat. ut limbus, totumque appareat aurum:
735 Ut teres in dextra, qua somnos ducit et arcet,
Virga sit. ut tersis niteant talaria plantis.
Pars secreta domus ebore et testudine cultos
Tres habuit thalamos, quorum tu, Pandrose, dextrum,
Aglauros laevum, medium possederat Herse.
740 Quae tenuit laevum, venientem prima notavit
Mercurium, nomenque dei scitarier ausa est
Et causam adventus. Cui sic respondit: Atlantis
Pleionesque nepos ego sum, qui iussa per auras
Verba patris porto. pater est mihi Iuppiter ipse.
745 Nec fingam causas. tu tantum fida sorori
Esse velis, prolisque meae matertera dici.
Herse causa viae. faveas oramus amanti.
Aspicit hunc oculis isdem. quibus abdita nuper
Viderat Aglauros flavae secreta Minervae,
750 Proque ministerio magni sibi ponderis aurum
Postulat. interea tectis excedere cogit.
Vertit ad hanc torvi dea bellica luminis orbem,
Et tanto penitus traxit suspiria motu,
Ut pariter pectus positamque in pectore forti
755 Aegida concuteret. Subit, hanc arcana profana
Detexisse manu tunc cum sine matre creatam
Lemnicolae stirpem contra data foedera vidit:
Et gratamque deo fore iam gratamque sorori
Et ditem sumto, quod avara poposcerat, auro.

---

728 Обитатели Балеарскихъ острововъ (Маіорки и Минорки) были въ древности самыми искусными метателями. О свинцѣ см. 7, 777. 752 *Суровый свой взоръ* (см.

Шла, и была красой торжества и своихъ приближенныхъ.
Изумился наружности сынъ Зевеса и, рѣя
Въ воздухѣ, онъ воспылалъ, не хуже свинца, что пращею
Балеарскою брошенъ, летитъ, накаляясь въ полетѣ,
И небывалый въ немъ жаръ подъ тучами онъ обрѣтаетъ.
Путь онъ мѣняетъ и, небо покинувъ, стремится на землю;
Самъ не скрывается онъ; настолько въ немъ вѣры въ наружность.
Но какъ та ни стройна, онъ ей помогаетъ уборомъ;
Онъ волоса оправляетъ и плащъ, чтобъ висѣлъ посвободнѣй,
Ладитъ, чтобы кайма и золото все выставлялось,
Чтобы гладкій въ рукѣ былъ жезлъ, что сны накликаетъ
И отгоняетъ, чтобъ ярки на пяткахъ сандаліи были.
Убраны въ домѣ, вдали черепахой и костью слоновой
Были три спальни; изъ нихъ жила, Пандроза, ты въ правой,
Въ лѣвой Аглавра жила, середнею Герза владѣла.
Та, что въ лѣвой жила, приходъ Меркурія первой
Увидала и имя спросить дерзнула у бога,
И о причинѣ прихода. Ей такъ онъ отвѣтилъ: „Атланта
И Плейоны я внукъ, который по воздуху рѣчи
Воли разноситъ отца; а самъ Юпитеръ отецъ мнѣ.
Я не солгу о причинѣ; лишь ты бы сестрѣ захотѣла
Вѣрною быть и теткой моихъ дѣтей называться.
Герза причина пути. Въ любви мнѣ прошу, помоги ты.
На него поглядѣла глазами тѣми жь, какими
Тайны недавно Аглавра увидѣла русой Минервы,
И за услугу свою великую золота груду
Проситъ; и нудитъ его пока удалиться изъ дома.
Къ ней суровый свой взоръ богиня войны обратила,
И испустила глубокій вздохъ съ такимъ напряженьемъ,
Что и грудь и Эгиду, на мощной лежавшую груди,
Разомъ она сотрясла. Припомнилось ей, какъ когда то
Тайну та вскрыла рукой преступной, и сына Лемносца,
Что безъ матери созданъ, въ противность зароку узрѣла:
И что быть ей угодной и богу, сестрѣ ужь угодной,
И богатой тѣмъ золотомъ, что по корысти спросила.

выше 553). 754 *Эгиду* (см. 4, 802). 756 *Лемносцу* (см. 4, 185).

Protinus Invidiae nigro squalentia tabo
Tecta petit. Domus est imis in vallibus antri
Abdita, sole carens, non ulli pervia vento,
Tristis et ignavi plenissima frigoris, et quae
Igne vacet semper, caligine semper abundet.
Huc ubi pervenit belli metuenda virago,
Constitit ante domum.. neque enim succedere tectis
Fas habet.. et postes extrema cuspide pulsat.
Concussae patuere fores. videt intus edentem
Vipereas carnes, vitiorum alimenta suorum,
Invidiam, visaque oculos avertit. at illa
Surgit humo pigre, semesarumque relinquit
Corpora serpentum, passuque incedit inerti.
Utque deam vidit formaque armisque decoram,
Ingemuit, vultumque ima ad suspiria duxit.
Pallor in ore sedet, macies in corpore toto,
Nusquam recta acies, livent rubigine dentes,
Pectora felle virent, lingua est suffusa veneno.
Risus abest, nisi quem visi movere dolores,
Nec fruitur somno, vigilacibus excita curis,
Sed videt ingratos, intabescitque videndo,
Successus hominum, carpitque et carpitur una,
Suppliciumque suum est. Quamvis tamen oderat illam,
Talibus affata est breviter Tritonia dictis:
Infice tabe tua natarum Cecropis unam.
Sic opus est. Aglauros ea est. Haud plura locuta
Fugit, et impressa tellurem reppulit hasta.
Illa deam obliquo fugientem lumine cernens
Murmura parva dedit, successurumque Minervae
Indoluit. baculumque capit, quod spinea totum
Vincula cingebant. adopertaque nubibus atris
Quacunque ingreditur, florentia proterit arva,
Exuritque herbas et summa cacumina carpit,
Afflatuque suo populos urbesque domosque
Polluit, et tandem Tritonida conspicit arcem,

---

760 Зависть олицетворяется. 783 У Грековъ Минерва прозывалась Тритоніею или отъ ручья Тритона въ Беотіи или отъ Либійскаго озера Тритона, близъ кото-

Тотчасъ къ жилью она Зависти, чернымъ покрытому ядомъ,
Поспѣшаетъ. Есть домъ въ пещерѣ глубокихъ ущелій
Скрытый, ни солнца тамъ нѣтъ, ни вѣтръ никакой тамъ не вѣетъ,
Мраченъ и холодомъ онъ цѣпенящимъ наполненъ, затѣмъ что
Вѣчно онъ безъ огня и вѣчно исполненъ онъ мрака.
Какъ достигла его, въ войнѣ столь грозная, дѣва,
Стала предъ домомъ она,—затѣмъ, что вступить ей подъ кровлю
Не дано,—и концомъ копья постучалась въ затворы.
Потрясенная вскрылася дверь; внутри она видитъ,
Зависть эхиднъ пожираетъ, пороковъ собственныхъ пищу,
И, увидавъ, отвратила глаза; а та то лѣниво
Съ земи встаетъ, полусъѣденныя тѣла оставляетъ
Змѣй, и медлительными шагами на встрѣчу подходитъ.
Какъ увидала богиню въ убранствѣ красы и оружья,
То застонала и ликъ измѣнила ко вздохамъ глубокимъ.
Блѣдность въ лицѣ у нея, сухощавость во всемъ ея тѣлѣ,
Взглядовъ прямыхъ никогда, желтѣютъ отъ ржавчины зубы,
Желчь ея грудь зеленитъ, языкъ наливается ядомъ.
Смѣхъ отсутствуетъ, если не видно кого, кто страдаетъ,
Сна не вкушаетъ она, предаваясь безсоннымъ заботамъ,
Но ненавистные зритъ и, увидавши, томится,
Лишь успѣхи людей и грызетъ и себя погрызаетъ,
И сама себѣ въ казнь. Хоть ненависть къ ней ощущала,
Но сказала Тритонія эти ей краткія рѣчи:
„Кекропса дочь одну своею напой ты отравой.
Такъ это нужно. Аглавра она“. Не прибавивъ ни слова,
Отлетѣла она, копьемъ отъ земли оттолкнувшись.
Та косыми глазами смотря за летящей богиней,
Пробормотала немного, и то, что удастся Минервѣ,
Стало ей больно. Взяла она палку, узлами изъ терній
Обвитую; и вотъ, сокрытая мрачною тучей,
Топчетъ, куда ни пойдетъ, она цвѣтущія нивы,
Выжигаетъ всѣ травы и всѣ обрываетъ макушки,
Оскверняетъ дыханьемъ своимъ города и народы
И жилища, и вотъ Тритонійскій завидѣла замокъ,

раго она по древнѣйшимъ преданіямъ родилась. 790 *Узлы изъ терній* — эмблема мукъ.

Ingeniis opibusque et festa pace nitentem
Vixque tenet lacrimas, quia nil lacrimabile cernit.
Sed postquam thalamos intravit Cecrope natae,
Iussa facit, pectusque manu ferrugine tincta
Tangit, et hamatis praecordia sentibus implet,
Inspiratque nocens virus, piceumque per ossa
Dissipat et medio spargit pulmone venenum.
Neve mali causae spatium per latius errent,
Germanam ante oculos fortunatumque sororis
Coniugium pulchraque deum sub imagine ponit,
Cunctaque magna facit. quibus irritata, dolore
Cecropis occulto mordetur, et anxia nocte,
Anxia luce gemit, lentaque miserrima tabe
Liquitur, ut glacies incerto saucia sole
Felicisque bonis non lenius uritur Herses,
Quam cum spinosis ignis supponitur herbis,
Quae neque dant flammas, lenique tepore cremantur.
Saepe mori voluit, ne quicquam tale videret:
Saepe velut crimen rigido narrare parenti:
Denique in adverso venientem limine sedit
Exclusura deum. Cui blandimenta precesque
Verbaque iactanti mitissima: Desine, dixit:
Hinc ego me non sum nisi te motura repulso.
Stemus, ait, pacto, velox Cyllenius, isto,
Caelatasque fores virga patefecit. at illi
Surgere conanti partes, quascunque sedendo
Flectimur, ignava nequeunt gravitate moveri.
Illa quidem pugnat recto se attollere trunco,
Sed genuum iunctura riget, frigusque per artus
Labitur, et pallent amisso sanguine venae.
Utque malum late solet immedicabile cancer
Serpere, et illaesas vitiatis addere partes;
Sic letalis hiems paulatim in pectora venit,
Vitalesque vias et respiramina clausit.
Nec conata loqui est, nec, si conata fuisset,
Vocis habebat iter. saxum iam colla tenebat,

Благами и искусствомъ и счастливымъ миромъ блестящій;
Чуть не плачетъ она, что плачевнаго вовсе не видитъ.
Но какъ только вошла она къ дочери Кекропса въ спальню,
То исполняетъ велѣнье и грудь ей рукой своей ржавой
Трогаетъ и наполняетъ ей сердце колючками терній,
Вредоноснымъ дыханьемъ ее обдаетъ и ей въ кости
Черный вливаетъ свой ядъ и въ самыя легкія брызжетъ.
Чтобы причина та зла не терялась въ дальнѣйшемъ пространствѣ,
Ставитъ она на глаза ей сестру и сестриной связи
Счастье и бога въ красивомъ обличьи, и все представляетъ
Великолѣпнымъ она; и всѣмъ раздражаясь, мученьемъ
Тайнымъ снѣдаема, дочь Кекропса ночью томится,
Воздыхаетъ томясь и днемъ, и въ медленномъ ядѣ
Таетъ бѣдняжка какъ ледъ, пожираемый солнцемъ бродячимъ.
И не легче горѣть отъ удачи счастливицы Герзы
Ей, чѣмъ и терню зеленому, если въ огнѣ подложенномъ
Не пламенѣетъ оно, а отъ тихаго жара сгораетъ.
Часто хотѣлось бы ей умереть, чтобъ такого не видѣть,
Часто родителю строгому, какъ о проступкѣ повѣдать;
Наконецъ для помѣхи входящему сѣла у входа,
Бога чтобы не впускать. Ему, какъ ласкаяся, просьбы
Онъ и слова расточалъ сладчайшія: „полно“, сказала;
„Я не тронусь отсюда, пока ты прогнанъ не будешь“.
„Станемъ на этомъ условьи“, отвѣтилъ проворный Цилленій,
И лозой растворилъ рѣзныя онъ двери; у ней же,
Какъ она вздумала встать, тѣ члены, что мы при сидѣньи
Гнемъ, отъ бездѣйственной вдругъ тяготы неподвижными стали.
Бьется однако она, поднявшися, выправить тѣло,
Но коснѣютъ суставы колѣнъ и холодъ по членамъ
Пробѣгаетъ, и жилы, лишаясь крови, твердѣютъ.
Какъ лихая болѣзнь неизлѣчимаго рака
Дальше идетъ къ поврежденнымъ прибавить здоровыя части,
Такъ понемногу зима смертельная въ грудь ей проникла
И всѣ жизни пути и дыханья исходъ захватила.
Не сбиралась она говорить, а хотя бы сбиралась,
Голосъ пути не имѣлъ, ужь камнемъ сдѣлалось горло,

Oraque duruerant, signumque exsangue sedebat.
Nec lapis albus erat. sua mens infecerat illam.

EUROPA.

Has ubi verborum poenas mentisque profanae
Cepit Atlantiades, dictas a Pallade terras
835 Linquit, et ingreditur iactatis aethera pennis.
Sevocat hunc genitor. nec causam fassus amoris:
Fide minister, ait, iussorum, nate, meorum,
Pelle moram, solitoque celer delabere cursu,
Quaeque tuam matrem tellus a parte sinistra
840 Suspicit, indigenae Sidonida nomine dicunt,
Hanc pete. quodque procul montano gramine pasci
Armentum regale vides, ad litora verte.
Dixit, et expulsi iamdudum monte iuvenci
Litora iussa petunt, ubi magni filia regis
845 Ludere virginibus Tyriis comitata solebat.
Non bene conveniunt nec una sede morantur
Maiestas et amor. Sceptri gravitate relicta
Ille pater rectorque deum, cui dextra trisulcis
Ignibus armata est, qui nutu concutit orbem,
850 Induitur faciem tauri, mixtusque iuvencis
Mugit, et in teneris formosus obambulat herbis.
Quippe color nivis est, quam nec vestigia duri
Calcavere pedis, nec solvit aquaticus auster.
Colla toris extant. armis palearia pendent:
855 Cornua parva quidem, sed quae contendere posses
Facta manu, puraque magis pellucida gemma.
Nullae in fronte minae, nec formidabile lumen:
Pacem vultus habet. Miratur Agenore nata,
Quod tam formosus, quod proelia nulla minetur.
860 Sed quamvis mitem, metuit contingere primo:
Mox adit, et flores ad candida porrigit ora.

---

835 По Палладѣ (см. 6, 70). 839 Меркурій возвращается съ юга изъ Аѳинъ на Олимпъ. Обращаясь къ нему лицемъ на югъ, Юпитеръ указываетъ на Сидонскую страну (Финикію), какъ на лежащую влѣво и оттуда взирающую на Плеядъ (*матерь*

Окаменѣло лице, сидитъ она образъ безкровный.
Да и камень не бѣлъ; затмилася собственнымъ нравомъ.

ЕВРОПА.

Какъ за слова и за нравъ нечестивый воздалъ наказанье
Атлантидъ, то покинулъ онъ землю, что всѣми зовется
По Палладѣ, и къ небу взлетѣлъ, размахнувши крылами.
Кличетъ его отецъ; и, любви не открывши причины,
Молвитъ: „Сынъ мой, моихъ исполнитель приказовъ надежный,
Не замедляйся, и быстрымъ, привычнымъ полетомъ спустися;
Въ землю, что на твою взираетъ матерь отсюда
Влѣво, туземцы ее называютъ Сидонской страною,
Ты скорѣе ступай; и то что, ты видишь, пасется
Царское стадо по горной травѣ, къ берегамъ поверни ты“.
Такъ онъ сказалъ, и уже, отъ горы отогнаны, телки
Къ берегу прямо идутъ, гдѣ дочь царя властелина,
Окруженная дѣвами Тира, играла обычно.
Не совсѣмъ то мирятся и сходятся въ мѣстѣ единомъ
И любовь и величество. Скипетръ державный оставя,
Тотъ отецъ и владыка боговъ, чью длань трехконечный
Вооружаетъ огонь, кто землю, кивнувъ, потрясаетъ,
Видъ принимаетъ быка и, примѣшавшись къ телицамъ,
Ревъ издаетъ, и по нѣжнымъ травамъ красивый гуляетъ.
Масть у него словно снѣгъ, котораго слѣдомъ тяжелымъ
Не попирали ни ноги, ни Австеръ не трогалъ дождливый;
Шея мясисто торчитъ; къ лопаткамъ повиснулъ подбрюдокъ;
Хоть не велики рога, но ты бы подумалъ, что это
Рукъ мастерство и свѣтлѣе они драгоцѣнныхъ каменьевъ.
Нѣтъ угрозы на лбу и страшнаго нѣтъ и во взорѣ:
Миръ у него на челѣ. И дочь Агенора дивится,
Что такъ красивъ онъ и что никакой не грозитъ онъ враждою.
Но хоть и кроткаго все же сперва она тронуть боится;
Вотъ подошла, и къ изящному рту цвѣтовъ простираетъ.

твою), такъ какъ мать Меркурія—Мая была одною изъ Плеядъ—(844). *Дочь царя* (см. ниже 858)—Агенора, Европа.

Gaudet amans, et dum veniat sperata voluptas,
Oscula dat manibus. vix ah, vix cetera differt.
Et nunc alludit, viridique exultat in herba,
865 Nunc latus in fulvis niveum deponit arenis:
Paulatimque metu demto modo pectora praebet
Virginea palpanda manu, modo cornua sertis
Impedienda novis. Ausa est quoque regia virgo,
Nescia quem premeret, tergo considere tauri:
870 Cum deus a terra siccoque a litore sensim
Falsa pedum primis vestigia ponit in undis;
Inde abit ulterius, mediique per aequora ponti
Fert praedam. Pavet haec, litusque ablata relictum
Respicit, et dextra cornum tenet, altera dorso
875 Imposita est. tremulae sinuantur flamine vestes.

Радъ влюбленный, пока не пришла вожделённая радость,
Руки цѣлуетъ; едва, едва отлагая другое.
Вотъ разыгравшися, онъ то скачетъ по зелени злаковъ,
865 То на желтый песокъ бѣлоснѣжнымъ бокомъ ложится.
Мало по малу разсѣявши страхъ, онъ то грудь подставляетъ
Ласкамъ дѣвичьей руки, то новыми роги вѣнками
Переплести допускаетъ. Рѣшилась и царская дѣва
Сѣсть на спину быка, не зная кого отягчаетъ.
870 Тутъ съ земли и съ сухаго берега богъ понемногу
Слѣдъ обманчивый ногъ до первыхъ волнъ пролагаетъ;
Дальше оттуда идетъ и, среди морскаго раздолья,
Мчитъ добычу. Въ испугѣ она, на покинутый берегъ
Смотритъ назадъ, уносясь; за рогъ ухватилась рукою,
875 Въ спину другой уперлась; волнуются вѣтромъ одежды.

LIBER TERTIUS.

INDEX

1. Cadmus.
2. Actaeon.
3. Semele.
4. Tiresias.
5. Narcissus. Echo.
6. Pentheus.

CADMUS.

Iamque deus posita fallacis imagine tauri
Se confessus erat, Dictaeque rura tenebat:
Cum pater ignarus raptam perquirere Cadmo
Imperat, et poenam, si non invenerit, addit
Exilium, facto pius et sceleratus eodem.
Orbe pererrato.. quis enim deprendere posset
Furta Iovis?.. profugus patriamque iramque parentis
Vitat Agenorides, Phoebique oracula supplex
Consulit et, quae sit tellus habitanda, requirit.
Bos tibi, Phoebus ait, solis occurret in arvis,
Nullum passa iugum, curvique immunis aratri.
Hac duce carpe vias, et qua requieverit herba,
Moenia fac condas, Boeotiaque illa vocato.
Vix bene Castalio Cadmus descenderat antro,

---

2 *Дикта*—гора въ восточной части Крита, гдѣ воспитанъ и послѣ имѣлъ храмъ Юпитеръ. 8 *Оракулъ Аполлона*—пребывалъ близь Дельфъ въ пещерѣ горы Парнасса, называвшейся, подобно истекающему изъ нея ключу, Кастальскою. 13 *Boeotia* отъ *Bos*—собственнаго *коровій городъ;* отсюда вся страна получила прозваніе Беотія, тогда какъ самый городъ получилъ названіе Ѳивъ, будто бы тоже на Сирій-

КНИГА ТРЕТЬЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Кадмъ.. . . . . Ст. 1—130
2. Актеонъ. . . . . „ 131—252
3. Семела. . . . . „ 253—315
4. Тирезій . . . . „ 316—338
5. Нарциссъ. Эхо. . . . . „ 339—510
6. Пентей . . . . „ 511—733

КАДМЪ.

Богъ, покинувъ уже быка вѣроломнаго обликъ,
Самъ обнаружилъ себя и занялъ Диктейскія нивы;
Какъ въ незнаньи отецъ велитъ похищенную Кадму
Розыскать, въ наказанье, коль тотъ не разыщетъ, прибавя
5 Ссылку, въ поступкѣ одномъ и нѣжнымъ явясь и преступнымъ.
Землю всю избродя.... да кто же открыть въ состояньи
Плутни Зевеса?... изгнанникъ отчизны и отчаго гнѣва
Сынъ Агенора бѣжитъ и, склонясь, оракула Феба
Вопрошаетъ, въ какой землѣ ему поселиться.
10 „Телка тебѣ, рекъ Фебъ, на пустынныхъ поляхъ попадется,
Что не носила ярма и криваго не вѣдала плуга.
Слѣдуй за ней по пути и, гдѣ на травѣ она ляжетъ,
Стѣны ты тамъ возводи, и Беотіи дай имъ названье.
Кадмъ, едва лишь успѣлъ отъ Кастальской пещеры спуститься,

скомъ языкѣ значущее—*коровій городъ*, такъ какъ Кадмъ и его спутники были Сирійскаго происхожденія. 14 Кадмъ вопрошалъ Аполлона Дельфійскаго въ Парнасской пещерѣ, прозывавшейся, подобно истекавшему изъ нея вдохновительному ключу, Кастальской.

Incustoditam lente videt ire iuvencam
Nullum servitii signum cervice gerentem.
Subsequitur, pressoque legit vestigia gressu,
Auctoremque viae Phoebum taciturnus adorat.
Iam vada Cephisi Panopesque evaserat arva:
Bos stetit et tollens speciosam cornibus altis
Ad coelum frontem mugitibus impulit auras.
Atque ita respiciens comites sua terga sequentes,
Procubuit teneraque latus summisit in herba.
Cadmus agit grates, peregrinaeque oscula terrae
Figit, et ignotos montes agrosque salutat.
Sacra Iovi facturus erat. iubet ire ministros
Et petere e vivis libandas fontibus undas.
Silva vetus stabat nulla violata securi,
Et specus in medio, virgis ac vimine densus,
Efficiens humilem lapidum compagibus arcum,
Uberibus fecundus aquis, ubi conditus antro
Martius anguis erat, cristis praesignis et auro:
Igne micant oculi. corpus tumet omne veneno:
Tresque vibrant linguae. triplici stant ordine dentes.
Quem postquam Tyria lucum de gente profecti
Infausto tetigere gradu, demissaque in undas
Urna dedit sonitum, longo caput extulit antro
Caeruleus serpens, horrendaque sibila misit.
Effluxere urnae manibus, sanguisque reliquit
Corpus, et attonitos subitus tremor occupat artus.
Ille volubilibus squamosos nexibus orbes
Torquet, et immensos saltu sinuatur in arcus,
Ac media plus parte leves erectus in auras
Despicit omne nemus, tantoque est corpore, quanto
Si totum spectes, geminas qui separat Arctos.
Nec mora, Phoenicas, sive illi tela parabant,

---

19 *Цефизъ*—рѣка въ Фокидѣ; *Панопея*—городъ тамъ же. 32 *Марсовъ драконъ*. Змѣи вообще въ древности представлялись громадныхъ размѣровъ, и служили у боговъ стражей извѣстной дорогой имъ мѣстности, а въ настоящемъ случаѣ Марсъ поручилъ дракону, котораго поэты даже считали сыномъ этого бога, охранять свой священный ключъ. 34 *Три... языка*. „У змѣинаго языка два конца, но, при колеба-

Какъ безъ надзора идущую медленно телку завидѣлъ,
И служебныхъ примѣтъ у нея не нашлось на затылкѣ.
Онъ за нею идетъ и тихо стопы направляетъ,
Молча Фебу молясь, указателю этой дороги.
Вбродъ ужъ Цефизъ перейдя и пашни минувъ Панопеи,
Стала телка и къ небу, въ высокомъ роговъ украшеньи,
Голову приподняла и ревомъ наполнила воздухъ.
И, озираясь на спутниковъ, шедшихъ у ней за спиною,
Возлегла, и бокъ свой склонила на нѣжную траву.
Кадмъ хвалу воздаетъ, и чуждую землю цѣлуетъ,
И неизвѣстнымъ горамъ и нивамъ привѣтъ посылаетъ.
Вздумалъ Зевесу онъ жертвовать; слугъ онъ идти посылаетъ
Принести изъ живыхъ ключей воды къ возліянью.
Лѣсъ старинный стоялъ, никакой не тревоженъ сѣкирой,
Въ немъ пещера была за густымъ ивнякомъ и лозою,
Представляя изъ камней содвинутыхъ сводъ невысокій,
Сильнымъ богатый источникомъ, гдѣ въ пещерѣ скрываясь,
Марсовъ драконъ проживалъ, золотымъ замѣчательный гребнемъ:
Очи блистаютъ огнемъ; все тѣло наполнено ядомъ;
Три дрожатъ языка, и зубы стоятъ въ три порядка.
Какъ изъ Тирскаго рода исшедшіе въ рощу вступили
Несчастливой стопой, и въ воду спущенная урна
Звукъ издала, то изъ длинной пещеры голову вынесъ
Голубоватый драконъ и страшное издалъ шипѣнье.
Урны упали изъ рукъ и кровь сокрылася въ тѣлѣ
И внезапная дрожь въ потрясенные члены вступила.
Тотъ подвижными изгибами вьетъ чешуйчатыя кольца,
И на прыжокъ выгибается весь непомѣрной дугою,
Больше чѣмъ вполовину поднявшись на воздухъ свободный,
Онъ озираетъ весь лѣсъ, и ростомъ таковъ же онъ, если
Видишь всего, какъ и тотъ, что Арктусовъ двойственныхъ дѣлитъ.
На Финикійцевъ сейчасъ, какъ тѣ готовили стрѣлы,

ніяхъ, онъ кажется тройнымъ, тройственнымъ“ говоритъ Плиній, но поэтъ могъ и преднамѣренно вступать въ область сказки. 35 *Тиръ*—здѣсь стоитъ какъ представитель Финикійской страны вообще, хотя Сидонъ и Тиръ возникли значительно позднѣе. 45 *Дѣлитъ*... драконъ (см. 2, 138).

Sive fugam, sive ipse timor prohibebat utrumque,
Occupat. hos morsu, longis amplexibus illos,
Hos necat afflati funesta tabe veneni.
50 Fecerat exiguas iam sol altissimus umbras:
Quae mora sit sociis, miratur Agenore natus,
Vestigatque viros. Tegumen direpta leoni
Pellis erat, telum splendenti lancea ferro
Et iaculum, teloque animus praestantior omni.
55 Ut nemus intravit, letataque corpora vidit,
Victoremque supra spatiosi corporis hostem
Tristia sanguinea lambentem vulnera lingua:
Aut ultor vestrae, fidissima corpora, mortis,
Aut comes, inquit, ero. Dixit, dextraque molarem
60 Sustulit et magnum magno conamine misit.
Illius impulsu cum turibus ardua celsis
Moenia mota forent. serpens sine vulnere mansit,
Loricaeque modo squamis defensus et atrae
Duritia pellis validos cute reppulit ictus.
65 At non duritia iaculum quoque vicit eadem,
Quod medio lentae spinae curvamine fixum
Constitit, et totum descendit in ilia ferrum.
Ille, dolore ferox, caput in sua terga retorsit,
Vulneraque aspexit, fixumque hastile momordit;
70 Idque ubi vi multa partem labefecit in omnem,
Vix tergo eripuit. ferrum tamen ossibus haesit.
Tunc vero postquam solitas accessit ad iras
Plaga recens, plenis tumuerunt guttura venis,
Spumaque pestiferos circumfluit albida rictus,
75 Terraque rasa sonat squamis, quique halitus exit
Ore niger Stygio, vitiatas inficit herbas.
Ipse modo immensum spiris facientibus orbem
Cingitur, interdum longa trabe rectior extat,
Impete nunc vasto ceu concitus imbribus amnis
80 Fertur, et obstantes proturbat pectore silvas.
Cedit Agenorides paulum, spolioque leonis

---

76 *Стигійскаго зѣва*—подземнаго адскаго и потому вредоноснаго.

Эти побѣгъ, этимъ страхъ возбранялъ и то и другое,
Ринулся; тѣхъ укушеньями, длинными свивами этихъ,
Тѣхъ, вредоносной слюны онъ ядомъ дыша, убиваетъ.
Солнце, стоя въ высотѣ, ужь малыя тѣни бросало;
Чѣмъ замедляются спутники, сынъ Агенора дивится;
Слѣдомъ идетъ онъ мужей. Со льва совлеченная шкура
Защищала его, и дротъ, желѣзомъ блестящій,
И копье, и отвага надежнѣе всякихъ доспѣховъ.
Только что въ рощу вступилъ, тѣла увидалъ онъ убитыхъ
И врага побѣдителя сверху огромнаго тѣломъ,
Какъ языкомъ окровавленнымъ лижетъ онъ скорбныя раны.
„Или, вѣрные слуги, я стану мстителемъ вашей
Смерти, иль“, онъ воскликнулъ, „товарищемъ“. Молвилъ и жерновъ
Правой поднялъ, и великій съ великимъ усиліемъ бросилъ.
Стѣны большія съ высокими башнями этимъ ударомъ
Были бы сотрясены; драконъ остался не раненъ;
Чешуями, какъ панцыремъ, онъ защищенный, и черной
Твердою шкурою, мощные кожей отводитъ удары.
Твердостью той же однако не такъ побѣждаетъ онъ дротикъ,
Что, въ середину извива спины изогнутой попавши,
Сталъ, и свое цѣликомъ запустилъ желѣзо въ утробу.
Тотъ, отъ боли бѣсясь, повернулъ свою голову къ тылу,
Рану свою увидалъ и кусаетъ торчащее древко.
Какъ во всѣ стороны онъ расшатавъ его съ силой великой,
Еле извлекъ изъ спины; въ костяхъ же застряло желѣзо.
Тутъ, какъ новый ударъ приспѣлъ къ обычному гнѣву,
Отъ напруженныхъ жилъ его напучилось горло,
И зачумленная пасть облилась бѣлѣющей пѣной;
Съ шумомъ землю гребутъ чешуи, и дыханіемъ чернымъ
Изъ Стигійскаго зѣва мрачатся попорчены травы.
Самъ же то въ кольца свивается онъ громаднѣйшимъ кругомъ,
То становится дыбомъ, бревна большаго прямѣе;
Вотъ огромнымъ скачкомъ, какъ потокъ, возбужденный дождями,
Мчится и грудью своей онъ встрѣчную поросль ломаетъ.
Сынъ Агенора слегка подается и львиною шкурой

Sustinet incursus, instantiaque ora retardat
Cuspide praetenta. Furit ille, et inania duro
Vulnera dat ferro, figitque in acuminae dentes.
Iamque venenifero sanguis manare palato
Coeperat et virides aspergine tinxerat herbas:
Sed leve vulnus erat, quia se retrahebat ab ictu
Laesaque colla dabat retro, plagamque sedere
Cedendo arcebat, nec longius ire sinebat:
Donec Agenorides coniectum in gutture ferrum
Usque sequens pressit, dum retro quercus eunti
Obstitit, et fixa est pariter cum robore cervix.
Pondere serpentis curvata est arbor, et imae
Parte flagellari gemuit sua robora caudae.
Dum spatium victor victi considerat hostis,
Vox subito audita est. neque erat cognoscere promtum,
Unde; sed audita est: Quid, Agenore nate, peremtum
Serpentem spectas? et tu spectabere serpens.
Ille diu pavidus pariter cum mente colorem
Perdiderat, gelidoque comae terrore rigebant.
Ecce viri fautrix, superas delapsa per auras,
Pallas adest, motaeque iubet supponere terrae
Vipereos dentes, populi incrementa futuri.
Paret et, ut presso sulcum patefecit aratro,
Spargit humi iussos, mortalia semina, dentes.
Inde, fide maius, glebae coepere moveri,
Primaque de sulcis acies apparuit hastae,
Tegmina mox capitum picto nutantia cono,
Mox humeri pectusque onerataque brachia telis
Existunt, crescitque seges clipeata virorum.
Sic ubi tolluntur festis aulaea theatris,
Surgere signa solent, primumque ostendere vultus,
Cetera paulatim. placidoque educta tenore
Tota patent, imoque pedes in margine ponunt.
Territus hoste novo Cadmus capere arma parabat:
Ne cape, de populo, quem terra creverat, unus

---

111 Театральный занавѣсъ у древнихъ не подымался, какъ у насъ передъ началомъ дѣйствія, а опускался, и люди, на немъ изображенные, при поднятіи зана-

Отражаетъ наскокъ, и, пику уставя навстрѣчу,
Зѣвъ замедляетъ. Тотъ злится и понапрасну кусаетъ
Твердость желѣза и зубы втыкаетъ въ его оконечность.
85 Изъ ядовитаго нёба и кровь начала ужь струиться
И, забрызгавъ, окрашивать стала зеленыя травы;
Но легка была рана, какъ тотъ отходилъ отъ напора
И пораненный шеей назадъ отступалъ, не давая
Пятясь, оружью засѣсть, и дальше влѣзать возбранялъ онъ.
90 Сынъ Агенора дотоль вонзенное въ горло желѣзо
Все вослѣдъ напиралъ, пока отступавшему встрѣчный
Дубъ не попался, и съ деревомъ вмѣстѣ пронзенъ былъ затылокъ.
Древо подъ тяжестью змѣя согнулось и нижнею частью
Начало стонъ издавать, что хвостъ по стволу его хлещетъ.
95 Какъ врага побѣжденнаго ростъ созерцалъ побѣдитель,
Голосъ заслышался вдругъ; но узнать немедля: откуда,
Было нельзя; а послышалось: „Что ты, сынъ Агенора,
Смотришь на змѣя убитаго? Самъ ты окажешься змѣемъ“.
Долго испуганный онъ терялъ съ сознаніемъ вмѣстѣ
100 Цвѣтъ лица, и дыбилъ волоса ему ужаса холодъ.
Вотъ, поборница мужа, съ высотъ эфира Паллада
Низошла, и велитъ положить въ разверстую землю
Зубы змѣиные, какъ приростъ грядущаго люда.
Онъ покоренъ и плугомъ нажатымъ бразды разверзая,
105 Сѣетъ въ землю, какъ велѣно, сѣмя людское—тѣ зубы.
Тутъ, повѣрить нельзя, шевелиться начали глыбы,
И сперва изъ бороздъ рядами явилися копья,
Вслѣдъ головные уборы, кивавшіе пестрой верхушкой,
Вслѣдъ и плечи и груди и руки съ ношей доспѣховъ
110 Возстаютъ, и посѣвъ щитоносныхъ мужей выростаетъ.
Такъ то въ праздникъ, когда подымаютъ въ театрѣ завѣсу,
Лики обычно встаютъ, сперва покажутся лица,
Остальное помалу, и, подняты тихимъ движеньемъ,
Всѣ на виду и на низъ окраины ноги становятъ.
115 Новымъ врагомъ устрашенъ, хватается Кадмъ за доспѣхи.
„Не берись“, одинъ изъ толпы, что земля породила,

вѣса, своимъ постепеннымъ возникновеніемъ, какъ бы изъ земли, навели поэта въ данномъ случаѣ на такое наглядное сравненіе.

Exclamat, nec te civilibus insere bellis.
Atque ita terrigenis rigido de fratribus unum
Cominus ense ferit. iaculo cadit eminus ipse.
Hunc quoque qui dederat leto, non longius illo
Vivit, et exspirat, modo quas acceperat auras.
Exemploque pari furit omnis turba, suoque
Marte cadunt subiti per mutua vulnera fratres.
Iamque brevis vitae spatium sortita iuventus
Sanguineam trepido plangebat pectore matrem,
Quinque superstitibus. quorum fuit unus Echion.
Is sua iecit humo monitu Tritonidis arma,
Fraternaeque fidem pacis petiitque deditque.
Hos operis comites habuit Sidonius hospes,
Cum posuit iussam Phoebeis sortibus urbem.

ACTAEON.

Iam stabant Thebae. poteras iam, Cadme, videri
Exilio felix. Soceri tibi Marsque Venusque
Contigerant. Huc adde genus de coniuge tanta,
Tot natos natasque et, pignora cara, nepotes:
Hos quoque iam iuvenes. Sed scilicet ultima semper
Expectanda dies homini, dicique beatus
Ante obitum nemo supremaque funera debet.
Prima nepos inter tot res tibi, Cadme, secundas
Causa fuit luctus, alienaque cornua fronti
Addita, vosque canes satiatae sanguine erili.
At bene si quaeras, fortunae crimen in illo,
Non scelus invenies. quod enim scelus error habebat?
Mons erat, infectus variarum caede ferarum;
Iamque dies medius rerum contraxerat umbras
Et sol ex aequo meta distabat utraque:
Cum iuvenis placido per devia lustra vagantes

---

125 *Мать*—землю. 127 Тритоніи (см. 2, 783). Все это преданіе могло возникнуть по поводу междоусобныхъ войнъ Өиванскихъ князей, изъ которыхъ пятеро главнѣйшихъ примкнули къ храброму пришельцу Кадму; изъ нихъ упоминается Эхіонъ,

Крикнулъ „въ междоусобныя войны ты самъ не мѣшайся“.
И изъ братьевъ, рожденныхъ землей одного поражаетъ
Вблизь онъ суровымъ мечемъ; отъ пики самъ падаетъ дальной;
120 Кто того смерти предалъ и самъ не дольше его же
Прожилъ, и духъ испустилъ, который только что принялъ.
Точно также ярится и вся толпа, и въ раздорѣ
Собственномъ гибнутъ отъ ранъ взаимныхъ внезапные братья.
Ужъ молодежь, одаренная жизни короткимъ предѣломъ,
125 Окровавленную мать поражала трепещущей грудью;
Оставалося пять; изъ нихъ одинъ былъ Эхіонъ.
Онъ по приказу Тритоніи бросилъ на землю доспѣхи
И взялъ слово и далъ въ безопасности братскаго мира.
Ихъ въ трудахъ, какъ помощниковъ, взялъ Сидонскій пришелецъ,
130 Городъ когда заложилъ по волѣ оракула Феба.

АКТЕОНЪ.

Ѳивы стояли уже. Ты могъ уже, Кадмъ, быть счастливымъ
Названъ изгнаньемъ своимъ. Тесть съ тещею, Марсъ и Венера
Стали тебѣ. Да прибавь отъ такой супруги потомковъ,
Столько сыновъ, дочерей и внуковъ, заложниковъ цѣнныхъ;
135 Юноши тожъ и они. Но знай, человѣкъ дожидаться
Долженъ послѣдняго дня, и никто не долженъ счастливымъ
До кончины своей называться и дня погребенья.
Плача причиною, Кадмъ, былъ первой средь счастья такого
Внукъ для тебя, и рога ко лбу прикрѣпленные странно,
140 Да собаки и вы, что насытились кровью хозяйской.
Но разобравъ хорошо, вину въ немъ найдешь ты судьбины,
А не проступокъ; какой же таился проступокъ въ ошибкѣ?
Кровью различныхъ звѣрей гора залитая стояла;
У предметовъ уже укорачивалъ тѣни всѣ полдень,
145 И отъ граней обѣихъ солнце равно отстояло,
Какъ къ участникамъ дѣла, бродящимъ по дебрямъ безвѣстнымъ,

ставшій со временемъ зятемъ Кадма. 132 Тесть съ тещею по Гармоніи, Герміонѣ (см. 4, 531).

Participes operum compellat Hyantius ore:
Lina madent, comites, ferrumque cruore ferarum,
Fortunamque dies habuit satis. Altera lucem
Cum croceis invecta rotis Aurora reducet,
Propositum repetemus opus. Nunc Phoebus utraque
Distat idem terra, finditque vaporibus arva.
Sistite opus praesens, nodosaque tollite lina.
Iussa viri faciunt, intermittuntque laborem.
  Vallis erat, piceis et acuta densa cupressu,
Nomine Gargaphie, succinctae sacra Dianae,
Cuius in extremo est antrum nemorale recessu,
Arte laboratum nulla. simulaverat artem
Ingenio natura suo. nam pumice vivo
Et levibus tofis nativum duxerat arcum.
Fons sonat a dextra, tenui pellucidus unda,
Margine gramineo patulos incinctus hiatus.
Hic dea silvarum venatu fessa solebat
Virgineos artus liquido perfundere rore.
Quo postquam subiit, nympharum tradidit uni
Armigerae iaculum pharetramque arcusque retentos.
Altera depositae subiecit brachia pallae:
Vincla duae pedibus demunt. nam doctior illis
Ismenis Crocale sparsos per colla capillos
Colligit in nodum, quamvis erat ipsa solutis.
Excipiunt laticem Nepheleque Hyaleque Rhanisque
Et Psecas et Phiale, funduntque capacibus urnis.
Dumque ibi pelluitur solita Titania lympha,
Ecce nepos Cadmi dilata parte laborum
Per nemus ignotum non certis passibus errans
Pervenit in lucum. sic illum fata ferebant.
Qui simul intravit rorantia fontibus antra,
Sicut erant, nudae viso sua pectora nymphae

---

147 Актеонъ называется Гіантійскимъ юношей по древнимъ обитателямъ Беотіи, Гіантамъ. 156 При работахъ женщины до колѣнъ подсучивали свои длинныя платья, чтобы они имъ не мѣшали; Діана же, бродящая по лѣсамъ и кустамъ, подсучивала свое платье выше колѣнъ. 167 *Palla* — накидка, то представляется, какъ здѣсь, не очень длинною у женщинъ, то весьма длинной у мущинъ, то длинною и подпоясываемою у женщинъ; охотничьи сандаліи были полу-сапожки до половины

Юноша Гіантійскій взываетъ съ ликомъ покойнымъ:
„Сѣти, друзья, и желѣзо намокли отъ крови звѣриной,
Счастья день даровалъ довольно. Только что снова
Свѣтъ Аврора внесетъ, выѣзжая на желтыхъ колесахъ,
Дѣло начатое мы повторимъ. Ужь Фебъ въ томъ же самомъ
Отъ обѣихъ земель разстояньи, и нивы рветъ зноемъ.
Дѣло оставьте теперь, соберите плетеныя сѣти“.
Мужи приказу покорствуютъ и прекращаютъ работу.
  Называлась долина Гаргафіей, полная острыхъ
Кипарисовъ и пихтъ, подсученой Діаны святыня,
Гдѣ въ отдаленномъ убѣжищѣ есть пещера лѣсная,
Не творенье искусства; природа лишь силой своею
Подражала искусству, затѣмъ что изъ пемзы чистѣйшей,
Да изъ легкаго туфа природные вывела своды.
Справа источникъ журчитъ, сверкая прозрачной волною
И травяною каймой водоемъ опоясавъ открытый.
Здѣсь богиня лѣсовъ, утомясь на охотѣ, привыкла
Дѣвственные орошать текучею влагою члены.
Какъ вступила туда, то одной отдала она нимфѣ,
Оруженосицѣ пику, колчанъ и лукъ, что спущенъ былъ.
Сброшенной паллѣ другая свои подставляетъ объятья,
Двѣ снимаютъ сандаліи съ ногъ, но искуснѣе прочихъ
Исменида Крокала, власы что по шеѣ распались,
Въ узелъ вяжетъ, хотя сама и простоволоса.
Черпаютъ воду Нефела, Гіала, Ранида, Псекада
И Фіала и льютъ ее изъ ёмкихъ сосудовъ.
Временемъ тѣмъ, что Титанія моется влагой обычной,
Глядь, а Кадмовъ внукъ, труды отложивши на время,
По незнакомому лѣсу безцѣльной стопою блуждая,
Въ рощу зашелъ. Уже такъ его судьба направляла.
Какъ онъ только вошелъ въ пещеру съ живыми ключами,
Нимфы нагія, какъ были, себя ударили въ груди,

берца затягиваемые снурками подобно котурнамъ. 170 Древнія женщины высоко цѣнили въ служанкахъ умѣніе устраивать прическу, почему такія мастерицы первенствовали среди прислужницъ. *Крокала* — Исменида, т. е. Ѳиванка (см. 2, 244). Крокала завязываетъ на охотѣ Діанѣ волосы узломъ, сама же, какъ безпечная артистка, съ неприбранными волосами.

Percussere viro, subitisque ululatibus omne
Implevere nemus, circumfusaeque Dianam
Corporibus texere suis. tamen altior illis
Ipsa dea est, colloque tenus supereminet omnes.
Qui color infectis adversi solis ab ictu
Nubibus esse solet aut purpureae aurorae,
Is fuit in vultu visae sine veste Dianae.
Quae quanquam comitum turba stipata suarum,
In latus obliquum tamen astitit, oraque retro
Flexit. et ut vellet promtas habuisse sagittas,
Quas habuit, sic hausit aquas, vultumque virilem
Perfudit, spargensque comas ultricibus undis
Addidit haec cladis praenuntia verba futurae:
Nunc tibi me posito visam velamine narres,
Si poteris narrare, licet. Nec plura minata
Dat sparso capiti vivacis cornua cervi,
Dat spatium collo, summasque cacuminat aures,
Cum pedibusque manus, cum longis brachia mutat
Cruribus, et velat maculoso vellere corpus.
Additus et pavor est. Fugit Autonoeius heros
Et se tam celerem cursu miratur in ipso.
Ut vero vultus et cornua vidit in unda:
Me miserum! dicturus erat, vox nulla secuta est:
Ingemuit. vox illa fuit. lacrimaeque per ora
Non sua fluxerunt. mens tantum pristina mansit.
Quid faciat? repetatne domum et regalia tecta?
An lateat silvis? pudor hoc, timor impedit illud.
Dum dubitat, videre canes. primumque Melampus
Ichnobatesque sagax latratu signa dederunt,
Gnosius Ichnobates, Spartana gente Melampus.
Inde ruunt alii rapida velocius aura,
Pamphagus et Dorceus et Oribasus, Arcades omnes,
Nebrophonosque valens et trux cum Laelape Theron,

---

182 *Больше богиня сама* (см. 4, 450). 194 *Оленя живучаго.* Древность приписывала оленю долголѣтіе, вчетверо превышающее человѣческій вѣкъ, когда оно въ дѣйствительности едва его достигаетъ. 206 *Увидали собаки.* Считаютъ, что у Актеона было 50 гончихъ собакъ на пуску замѣчательнѣйшихъ породъ. Критской

Увидавши мущину, и крикомъ внезапнымъ всю рощу
Огласили, а сами, прижавшись тѣлами, Діану
Скрыли своими; однако изъ всѣхъ является ростомъ
Больше богиня сама и по шею ихъ всѣхъ превышаетъ.
Цвѣтъ, какой въ облакахъ окрашенныхъ солнца лучами,
Бьющими встрѣчу бываетъ, иль у пурпурной Авроры,
Былъ таковъ на лицѣ у Діаны зримой безъ платья?
Хоть и спутницъ своихъ окруженная тѣсной толпою,
Въ бокъ повернувшись стояла она и назадъ обратила
Ликъ свой, и какъ имѣть подъ рукою хотѣлось ей стрѣлы,
То подручной воды она зачерпнувъ, оплеснула
Ликъ мущины, и кудри обрызнувъ мстительной влагой,
Эти прибавила рѣчи, предвѣстники будущихъ бѣдствій:
„Сказывай вотъ, какъ меня ты одежды сложившую видѣлъ,
Если разсказывать будешь ты въ силахъ“. Безъ дальняго гнѣва,
Голову вспрыснувъ, даетъ ей оленя живучаго роги,
Шею даетъ подлиннѣй, и уши къ концамъ заостряетъ,
Ноги вмѣстѣ съ руками, и въ тонкія голени руки
Превращаетъ, и тѣло скрываетъ пятнистою шерстью.
Приданъ также и страхъ. Бѣжитъ Автоноей рожденный,
И при побѣгѣ самомъ, что быстръ онъ на столько, дивится.
Но какъ только въ водѣ свой ликъ и рога увидалъ онъ,
Горе! воскликнуть хотѣлъ, но голоса вовсе не вышло,
Только вздохнулъ, въ томъ голосъ и былъ. По лицу, по чужому
Слезы его потекли; лишь прежній разсудокъ остался.
Что ему дѣлать? Вернуться ль домой и къ царскимъ чертогамъ?
Иль скрываться въ лѣсахъ? То стыдъ, это страхъ возбраняетъ.
Какъ онъ въ раздумьи, его увидали собаки; и съ чуткимъ
Ихнобатомъ Мелампъ знакъ первый подали лаемъ,
Гносскій былъ Ихнобатъ, Мелампъ Спартанской породы:
Тутъ и другіе несутся проворнѣе быстраго вѣтра,
И Памфагъ и Дорцей съ Орибазомъ, всѣ трое Аркадцы,
Неброфонъ здоровенный и Лелапсъ съ лютымъ Ѳерономъ,

(Гносской, по имени города Гноса на Критѣ), Спартанской, Аркадской и Молосской изъ восточнаго Эпира. Всѣ имена собакъ Греческія, обозначающія качества: *черноногъ, слѣдоходъ, всеѣдъ* и т. д.

Et pedibus Pterelas, et naribus utilis Agre,
Hylaeusque ferox nuper percussus ab apro,
Deque lupo concepta Nape, pecudesque secuta
215 Poemenis, et natis comitata Harpyia duobus,
Et substricta gerens Sicyonius ilia Ladon,
Et Dromas et Canace Sticteque et Tigris et Alce,
Et niveis Leucon, et villis Asbolus atris,
Praevalidusque Lacon et cursu fortis Aello,
220 Et Thous et Cyprio velox cum fratre Lycisce,
Et nigram medio frontem distinctus ab albo
Harpalos et Melaneus hirsutaque corpore Lachne,
Et patre Dictaeo, sed matre Laconide nati
Labros et Agriodos, et acutae vocis Hylactor,
225 Quosque referre mora est. Ea turba cupidine praedae
Per rupes scopulosque adituque carentia saxa
Quaque est difficilis, quaque est via nulla, feruntur.
Ille fugit per quae fuerat loca saepe secutus.
Heu famulos fugit ipse suos! Clamare libebat:
230 Actaeon ego sum, dominum cognoscite vestrum!
Verba animo desunt. resonat latratibus aether.
Prima Melanchaetes in tergo vulnera fecit,
Proxima Theridamas: Oresitrophus haesit in armo.
Tardius exierant, sed per compendia montis
235 Anticipata via est. Dominum retinentibus illis,
Cetera turba coit confertque in corpore dentes.
Iam loca vulneribus desunt. gemit ille, sonumque,
Etsi non hominis, quem non tamen edere possit
Cervus, habet, maestisque replet iuga nota querelis:
240 Et genibus pronis supplex similisque roganti
Circumfert tacitos tanquam sua brachia vultus.
At comites rapidum solitis hortatibus agmen
Ignari instigant, oculisque Actaeona quaerunt,
Et velut absentem certatim Actaeona clamant..
245 Ad nomen caput ille refert.. et abesse queruntur,
Nec capere oblatae segnem spectacula praedae.

---

223 *Диктейцы* (см. вышѐ стихъ 2).

И ногами Птерелъ и Агра, полезная носомъ,
И жестокій Гилей, недавно пораненный вепремъ,
И отъ волка рожденная Напа, и стадъ караульщикъ
215 Тутъ Пэменида, и Гарпія съ парой дѣтей за собою,
И съ пахами поджарыми тутъ же Ладонъ Сикіонскій,
Стикта, Дромада, Канака и Тигръ и Алка за ними,
И бѣлоснѣжный Левконъ и съ шерстію черною Азболъ,
Сильный межъ всѣми Лаконъ и крѣпкая въ бѣгѣ Аэлла,
220 Ѳой и Лициска проворная вмѣстѣ съ братомъ изъ Кипра,
И средь чернаго лба по отмѣтинѣ бѣлой отличенъ,
Съ Меланеемъ Гарпалъ и тѣломъ шершавая Лахна,
И по отцу Диктейцы отъ матери только Лаконской,
Лабръ и съ нимъ Агріодъ и съ голосомъ звонкимъ Гилакторъ,
225 Да и всѣхъ не сочтешь. Вся стая, алкая добычи,
По скаламъ и утесамъ, по камнямъ, къ которымъ нѣтъ ходу,
Гдѣ затруднителенъ путь и гдѣ нѣтъ его вовсе, несутся.
Тотъ бѣжитъ по мѣстамъ, гдѣ часто слѣдилъ онъ за ними.
Горе, бѣжитъ онъ отъ собственныхъ слугъ! Хотѣлъ бы онъ крикнуть:
230 „Я Актеонъ, своего признайте во мнѣ господина!“
Словъ у желанія нѣтъ; по воздуху лай раздается.
Прежде другихъ Меланхэтъ нанесъ ему раны въ загривокъ,
Слѣдомъ Теридамантъ; Орезитрофъ повисъ на лопаткѣ.
Бросились позже онѣ, но, путь сократя черезъ гору,
235 Раньше доспѣли другихъ. И къ нимъ, господина схватившимъ,
Прочая стая бѣжитъ и зубы въ тѣло вонзаетъ.
Уже нѣтъ мѣста для ранъ; вздыхаетъ тотъ, испуская
Если не человѣческій звукъ, то такой, что оленю
Не испустить и знакомыя выси мольбой наполняетъ.
240 И колѣна склоня, подобно просящему, взоры
Молчаливые онъ кругомъ обращаетъ какъ руки.
А товарищи злую обычнымъ люлюканьемъ стаю
Подстрекаютъ, не знавши, и взоромъ ища Актеона,
И какъ заочнаго взапуски кличатъ къ себѣ Актеона—
245 Голову онъ на зовъ обращаетъ—имъ жаль, что не здѣсь онъ,
И опоздаетъ на зрѣлищѣ быть предстоящей добычи.

Vellet abesse quidem, sed adest. velletque videre
Non etiam sentire canum fera facta suorum.
Undique circumstant, mersisque in corpore rostris
Dilacerant falsi dominum sub imagine cervi.
Nec nisi finita per plurima vulnera vita
Ira pharetratae fertur satiata Dianae.

SEMELE.

Rumor in ambiguo est. aliis violentior aequo
Visa dea est, alii laudant dignamque severa
Virginitate vocant. pars invenit utraque causas.
Sola Iovis coniux non tam culpetne probetne
Eloquitur, quam clade domus ab Agenore ductae
Gaudet, et a Tyria collectum pellice transfert
In generis socios odium. Subit, ecce, priori
Causa recens, gravidamque dolet de semine magni
Esse Iovis Semelen. Tum linguam ad iurgia solvit:
Profeci quid enim toties per iurgia? dixit:
Ipsa petenda mihi est. ipsam, si maxima Iuno
Rite vocor, perdam, si me gemmantia dextra
Sceptra tenere decet, si sum regina Iovisque
Et soror et coniux, certe soror. At, puto, furto est
Contenta, et thalami brevis est iniuria nostri.
Concipit! id deerat! manifestaque crimina pleno
Fert utero, et mater, quod vix mihi contigit uni,
De Iove vult fieri. tanta est fiducia formae.
Fallat eam faxo. nec sum Saturnia, si non
Ab Iove mersa suo Stygias penetrabit ad undas.
Surgit ab his solio, fulvaque recondita nube
Limen adit Semeles. nec nubes ante removit,
Quam simulavit anum, posuitque ad tempora canos,
Sulcavitque cutem rugis, et curva trementi

---

258 *Тирской наложницы*. Юнона, раздраженная противъ дома Тирскаго царя Агенора изъ за его дочери Европы, увезенной быкомъ Зевесомъ, переноситъ гнѣвъ и на сына Агенора, Кадма, и весь его родъ, между прочимъ и на дочь Кадма, Семелу.

Онъ бы желалъ тутъ не быть, но онъ тутъ; хотѣлъ бы онъ видѣть,
Но не чувствовать тоже собакъ своихъ лютую доблесть.
Тѣ столпились вокругъ и мордами въ тѣло воткнувшись,
Разрываютъ владѣльца подъ видомъ ложнымъ оленя.
Только когда отъ множества ранъ и жизнь прекратилась,
Гнѣвъ, говорятъ, утолился колчаноносной Діаны.

СЕМЕЛА.

Говоръ двоякій идетъ. Однимъ суровѣй богиня
Кажется, чѣмъ бы тутъ слѣдъ, другіе же хвалятъ, и строгость
Дѣвства достойной зовутъ. Съ обѣихъ сторонъ есть свой доводъ.
Только супруга Зевеса, что хвалитъ и что порицаетъ,
Не говоритъ, хоть горю она Агенорова дома
Рада, и съ Тирской наложницы ненависть всю переноситъ
На однодомцевъ семьи. Вотъ къ старымъ причинамъ приходитъ
Новая. Больно ей, что Семела беременна стала
Отъ Зевеса великаго сѣмени. Тутъ она, къ брани
Распуская языкъ, говоритъ: „Чтожь частой я бранью
Сдѣлала? Лично до ней доберусь и ее, коль великой
Съ правомъ Юноной слыву, погублю, коль прилично въ десницѣ
Скиптръ мнѣ блестящій держать, коль я царица и Зевса
Я и сестра и супруга, безспорно сестра. Но считаю
Шашней довольно съ нея и срамъ нашей спальни лишь краткій.
Зачала! Только этого не доставало! И полнымъ
Брюхомъ кажетъ проступокъ, и матерью, чѣмъ лишь одна я
Стала едва, отъ Зевеса быть хочетъ; въ красу столько вѣры.
Пусть та обманетъ ее; не будь я Сатурнія, если
Зевсъ то, ее окунувъ, не спуститъ въ Стигійскія волны“.
Съ этимъ со трона встаетъ и, желтою тучкою скрыта,
Къ двери Семелы идетъ; но сбросила тучку не раньше,
Чѣмъ превратилась въ старуху, сѣдинъ на виски наложила,
Кожу изрыла морщинами и, согнувшися тѣломъ,

Membra tulit passu. vocem quoque fecit anilem,
Ipsaque erat Beroe, Semeles Epidauria nutrix.
Ergo ubi captato sermone diuque loquendo
Ad nomen venere Iovis, suspirat et: Opto
Iuppiter ut sit, ait. metuo tamen omnia. multi
Nomine divorum thalamos iniere pudicos.
Nec tamen esse Iovem satis est. det pignus amoris,
Si modo verus is est. quantusque et qualis ab alta
Iunone excipitur, tantus talisque, rogato,
Det tibi complexus, suaque ante insignia sumat.
Talibus ignaram Iuno Cadmeida dictis
Formarat. Rogat illa Iovem sine nomine munus.
Cui deus: Elige, ait, nullam patiere repulsam.
Quoque magis credas, Stygii quoque conscia sunto
Numina torrentis, timor et deus ille deorum.
Laeta malo nimiumque potens perituraque amantis
Obsequio Semele: Qualem Saturnia, dixit,
Te solet amplecti, Veneris cum foedus initis,
Da mihi te talem. Voluit deus ora loquentis
Opprimere. exierat iam vox properata sub auras.
Ingemuit. neque enim non haec optasse, neque ille
Non iurasse potest. Ergo maestissimus altum
Aethera conscendit, vultuque sequentia traxit
Nubila, quis nimbos immixtaque fulgura ventis
Addidit et tonitrus et inevitabile fulmen.
Qua tamen usque potest, vires sibi demere tentat.
Nec, quo centimanum deiecerat igne Typhoea,
Nunc armatur eo. nimium feritatis in illo est.
Est aliud levius fulmen, cui dextra Cyclopum
Saevitiae flammaeque minus, minus addidit irae:
Tela secunda vocant superi. capit illa, domumque
Intrat Agenoream. Corpus mortale tumultus
Non tulit aetherios, donisque iugalibus arsit.
Imperfectus adhuc infans genitricis ab alvo

---

303 *Тифея* (см. 5, 321). 308 *Тѣло смертное.* Вакха поэты называли *огнерожденнымъ* (см. 4, 12) по причинѣ огненной силы вина; это качество миѳъ во-

Шагомъ дрожащимъ пошла; старушечьимъ сдѣлавши голосъ,
Стала Бероей она, Эпидаврской кормилкой Семелы.
Вотъ какъ, рѣчи начавъ и поболтавши довольно,
Къ имени Зевса онѣ пришли, та вздохнувши, сказала:
„Я бы желала, чтобъ то былъ Зевесъ, но всего я страшуся;
Именемъ божіимъ многіе въ честныя спальни вступаютъ.
Не довольно межъ тѣмъ быть Зевсомъ; любовь пусть докажетъ,
Если то подлинно онъ; въ томъ видѣ, въ какомъ онъ высокой
Воспринимаемъ Юноной, въ томъ видѣ, такимъ же, проси ты,
Пусть онъ обниметъ тебя, взявъ прежде и знаки величья“.
Рѣчью такою незнающую дочь Кадма Юнона
Подучила. У Зевса та проситъ, чего, не сказавши.
Богъ ей въ отвѣтъ: „Выбирай, говоритъ, отказа не будетъ.
Чтобъ ты повѣрила лучше, то пусть свидѣтелемъ станетъ
Богъ Стигійской рѣки, богамъ тотъ богъ даже страшенъ“.
Рада успѣху къ бѣдѣ и на гибель ея послушанью
Милаго, молвила тутъ Семела: „Какимъ обнимаемъ
Ты Юноной всегда, какъ въ союзъ вы войдете Венеры,
Мнѣ ты отдайся такимъ“. Зажать уста говорящей
Богъ хотѣлъ; но ужъ голосъ исшедшій разнесся на вѣтеръ.
Онъ вздохнулъ; потому что нельзя ни просьбы вернуть ей,
Ни ему своихъ клятвъ. Поэтому грустенъ восшелъ онъ
На высокое небо и слѣдомъ увлекъ онъ за ликомъ
Тучи, къ которымъ дождей и зарницъ примѣшанныхъ къ вѣтрамъ
Придалъ и ко громамъ неизбѣжно разительныхъ молній.
Но, насколько возможно, онъ силъ въ себѣ ищетъ убавить.
Не огнемъ тѣмъ, какимъ сторукаго свергъ онъ Тифея,
Вооружается нынѣ; въ томъ слишкомъ жестокаго много.
Молнія легче тамъ есть, которой десница Циклоповъ
Меньше суровыхъ огней придала и менѣе гнѣва:
Боги вторыми ее зовутъ доспѣхами; взявши
Эту, входитъ онъ въ домъ Агенора. Не вынесло тѣло
Смертное бури небесъ и сгорѣло въ супружескомъ дарѣ.
Недозрѣвшее же дитя изъ родимой утробы

площаетъ въ огненной смерти Семелы, изъ пылающаго лона которой Зевесъ исхищаетъ самого Вакха.

Eripitur patrioque tener.. si credere dignum est..
Insuitur femori, maternaque tempora complet.
Furtim illum primis Ino matertera cunis
Educat. inde datum nymphae Nyseides àntris
Occuluere suis, lactisque alimenta dedere.

TIRESIAS.

Dumque ea per terras fatali lege geruntur,
Tutaque bis geniti sunt incunabula Bacchi:
Forte Iovem memorant, diffusum nectare, curas
Seposuisse graves, vacuaque agitasse remissos
Cum Iunone iocos, et: Maior vestra profecto est,
Quam, quae contingit maribus, dixisse, voluptas.
Illa negat. placuit, quae sit sententia docti
Quaerere Tiresiae. Venus huic erat utraque nota.
Nam duo magnorum viridi coeuntia silva
Corpora serpentum baculi violaverat ictu:
Deque viro factus, mirabile, femina, septem
Egerat autumnos. octavo rursus eosdem
Vidit, et: Est vestrae si tanta potentia plagae,
Dixit, ut auctoris sortem in contraria mutet,
Nunc quoque vos feriam. Percussis anguibus isdem
Forma prior rediit, genitivaque venit imago.
Arbiter hic igitur sumtus de lite iocosa
Dicta Iovis firmat. Gravius Saturnia iusto,
Nec pro materia fertur doluisse, suique
Iudicis aeterna damnavit lumina nocte.
At pater omnipotens, neque enim licet irrita cuiquam
Facta dei fecisse deo, pro lumine ademto
Scire futura dedit, poenamque levavit honore.

---

313 *Тетка Ино* — дочь Кадма, сестра Семелы (см. 4, 418). 314 *Гора Низа въ Индіи*, такъ какъ Вакху надлежало потомъ побѣдоносно шествовать изъ Индіи. 318 Нектаромъ (см. 4, 250). 336 *вѣдь богъ не можетъ дѣяній бога въ ничто обра-*

Исторгается и отцу—если можно повѣрить—
Нѣжное, въ ляжку зашито, чтобъ матери время исполнить.
Тетка Ино его съ колыбели первой тихонько
Воспитала; оттуда пріявъ, Низейскія нимфы
315 Скрыли въ пещерѣ его, молока давая на пищу.

ТИРЕЗІЙ.

Временемъ тѣмъ, что велось на землѣ это волею рока,
И колыбель безопасна два раза рожденнаго Вакха:
Какъ-то Зевесъ, говорятъ, утѣшенный нектаромъ, бремя
Всѣхъ заботъ отложилъ, и съ праздной Юноною шутки
320 Вновь затѣвая, сказалъ: „По истинѣ больше гораздо
Ваше чѣмъ то, что намъ дается мужьямъ, наслажденье“.
Та отрицаетъ; рѣшили спросить, какого тутъ мнѣнья
Мудрый Тирезій. Познал тотъ любовь и ту и другую.
Ибо двухъ змѣй пребольшихъ, тѣла межъ собой сочетавшихъ,
325 Онъ потревожилъ въ лѣсу зеленомъ, жезломъ поразивши:
И изъ мужа, онъ, чудно, содѣлавшись женщиной, прожилъ
Семь осеней; на восьмую, опять ихъ увидя, сказалъ онъ:
„Если въ побояхъ у васъ такое могущество скрыто,
Что виновника ихъ они жребій мѣняютъ обратно,
330 Нынѣ ударю васъ вновь“. Какъ змѣй онъ ударилъ, вернулся
Видъ его прежній и ликъ нашелъ на него первобытный.
Избранный этотъ судья для рѣшенья шутливаго спора
Зевса слова подтвердилъ. Сатурнія больше чѣмъ должно,
Не сообразно съ предметомъ скорбя, говорятъ, въ тоже время
335 Очи судьи своего на вѣчную ночь осудила.
Но всемогущій отецъ,—вѣдь богъ не можетъ дѣяній
Бога въ ничто обращать,—ему за отъятое зрѣнье
Вѣдать грядущее далъ, и честью смягчилъ наказанье.

щать. Эту мысль Овидій вслѣдъ за Эврипидомъ высказываетъ много разъ (2, 677; 14, 784), хотя у другихъ поэтовъ древности она не встрѣчается.

NARCISSUS. ECHO.

Ille per Aonias fama celeberrimus urbes
Irreprehensa dabat populo responsa petenti.
Prima fide vocisque ratae tentamina sumsit
Caerula Liriope. quam quondam flumine curvo
Implicuit, clausaeque suis Cephisos in undis
Vim tulit. Enixa est utero pulcherrima pleno
Infantem nymphe, iam tunc qui posset amari,
Narcissumque vocat. De quo consultus, an esset
Tempora maturae visurus longa senectae,
Fatidicus vates: Si se non vîderit, inquit.
Vana diu visa est vox auguris. exitus illam
Resque probat letique genus novitasque furoris.
Namque ter ad quinos unum Cephisius annum
Addiderat, poteratque puer iuvenisque videri:
Multi illum iuvenes, multae cupiere puellae,
Sed fuit in tenera tam dura superbia forma,
Nulli illum iuvenes, nullae tetigere puellae.
Aspicit hunc trepidos agitantem in retia cervos
Vocalis nymphe, quae nec reticere loquenti,
Nec prior ipsa loqui didicit, resonabilis Echo.
Corpus adhuc Echo, non vox erat. et tamen usum
Garrula non alium, quam nunc habet, oris habebat,
Reddere de multis ut verba novissima posset.
Fecerat hoc Iuno, quia, cum deprendere posset
Cum Iove saepe suo nymphas in monte iacentes,
Illa deam longo prudens sermone tenebat,
Dum fugerent nymphae. Postquam Saturnia sensit:
Huius, ait, linguae, qua sum delusa, potestas
Parva tibi dabitur, vocisque brevissimus usus.
Reque minas firmat. tamen haec in fine loquendi
Ingeminat voces, auditaque verba reportat.

---

339 *Аонійскимъ* (см. 1, 313). 342 Ліріопа въ качествѣ богини ручья прозвана голубой. 343 Богъ рѣки Цефиза (см. 1, 369), окружаетъ Ліріопу какъ бы сво-

НАРЦИССЪ. ЭХО.

Онъ возвеличенный славою по городамъ Аонійскимъ
Безупречно отвѣты давалъ вопрошавшему люду.
Первый опытъ правдивости вѣрнаго слова воспринятъ
Былъ голубой Лиріопой, которую въ сводахъ потока
Раньше Цефизъ захватилъ, и въ своихъ волнахъ запертую
Обезчестилъ. Изъ полнаго чрева прелестная нимфа
Мальчика произвела, что тогда же бы могъ быть любимымъ,
И Нарциссомъ его назвала. О немъ вопрошенный,
Долгіе годы увидитъ ли онъ на старости зрѣлой,
Прорицатель вѣщалъ: „Если только себя не увидитъ“.
Долго считали пустыми слова Авгура; исходъ же
Подтвердилъ все на дѣлѣ, родъ смерти и новость безумства;
Ибо одинъ уже годъ къ пятнадцати придалъ Цефизій,
И ужь мальчикомъ также, какъ юношей могъ бы считаться,
Многіе юноши имъ и многія дѣвы плѣнялись,
Но въ наружности нѣжной была такъ упорна гордыня,
Что никѣмъ онъ изъ юношей или изъ дѣвъ не былъ тронутъ.
Видитъ его, загоняющимъ въ сѣти пугливыхъ оленей,
Голосистая нимфа, что ни смолчать говорящимъ,
Ни самой рѣчь начать не умѣетъ, отвѣтная Эхо.
Тѣломъ Эхо была дотоль, а не голосомъ; все же,
Не иначе, какъ нынѣ болтливая рѣчью владѣла,
Въ силахъ, изъ многихъ словъ отвѣчать на послѣднія только.
Сдѣлала это Юнона за то, что, когда захватить ей
Можно бъ съ Зевесомъ своимъ возлегающихъ нимфъ на вершинахъ,
Та замедляла искусно богиню длинною рѣчью
Такъ, чтобы нимфы ушли. Сатурнія это замѣтивъ:
„Языка, что меня, сказала, обманывалъ, дастся
Малость владѣнья тебѣ и голосъ для службы кратчайшей“.
Дѣломъ угрозы крѣпитъ; но та въ концѣ изреченья
Удвоивъ голоса, возвращаетъ слова, что услышитъ.

дами своихъ волнъ.

Ergo ubi Narcissum per devia rura vagantem
Vidit et incaluit, sequitur vestigia furtim;
Quoque magis sequitur, flamma propiore calescit,
Non aliter, quam cum summis circumlita taedis
Admotam rapiunt vivacia sulfura flammam.
O quoties voluit blandis accedere dictis
Et molles adhibere preces! natura repugnat,
Nec sinit incipiat. sed, quod sinit, illa parata est
Expectare sonos, ad quos sua verba remittat.
Forte puer, comitum seductus ab agmine fido,
Dixerat: Ecquis adest? et: Adest, responderat Echo.
Hic stupet, atque aciem partes dimittit in omnes:
Voce: Veni, magna clamat. vocat illa vocantem.
Respicit, et rursus nullo veniente: Quid, inquit,
Me fugis? et totidem, quot dixit, verba recepit.
Perstat, et alternae deceptus imagine vocis:
Huc coeamus, ait, nullique libentius umquam
Responsura sono: Coeamus, rettulit Echo,
Et verbis favet ipsa suis, egressaque silva
Ibat, ut iniiceret sperato brachia collo.
Ille fugit, fugiensque manus complexibus aufert:
Ante, ait, emoriar, quam sit tibi copia nostri.
Rettulit illa nihil, nisi: Sit tibi copia nostri.
Spreta latet silvis, pudibundaque frondibus ora
Protegit, et solis ex illo vivit in antris.
Sed tamen haeret amor, crescitque dolore repulsae,
Attenuant vigiles corpus miserabile curae,
Adducitque cutem macies, et in aera succus
Corporis omnis abit. vox tantum atque ossa supersunt.
Vox manet. ossa ferunt lapidis traxisse figuram.
Inde latet silvis, nulloque in monte videtur:
Omnibus auditur. sonus est, qui vivit in illa.
  Sic hanc, sic alias undis aut montibus ortas
Luserat hic nymphas, sic coetus ante viriles.

---

372 flamma propiore calescit — черезчуръ смѣлое, но потому самому поэтически тонкое выраженіе возрастающаго пламени по мѣрѣ приближенія къ любимому юношѣ;

Вотъ, какъ Нарцисса она по дикимъ бродящаго до́ламъ
Увидавъ, воспылала, пошла по слѣдамъ она тайно;
И чѣмъ больше слѣдитъ, тѣмъ пламя въ ней пуще пылаетъ,
Точно такъ налита́я на кончикѣ факеловъ сѣра
Живо хватается тутъ же за поднесенное пламя.
О, какъ часто хотѣлось ей съ милой приблизиться рѣчью,
Нѣжныхъ прибавивши просьбъ! но ей возбраняетъ природа,
Не дозволяетъ начать; но, что ей дано, та готова—
Звуковъ ждать, на которые словомъ отвѣтить ей можно.
Юноша какъ то, съ толпой разойдяся товарищей вѣрныхъ,
Рекъ: „Кто-нибудь тутъ есть?“ „Тутъ есть“ отвѣтила Эхо.
Тотъ изумленъ, и во всѣ обращаетъ онъ стороны взгляды;
Громко кричитъ онъ: „Иди!“ Зовущаго та призываетъ.
Онъ оглянулся, и вновь, какъ никто не шелъ, онъ воскликнулъ:
„Ты бѣжишь отъ меня?“ И слова, всѣ, что вымолвилъ, слышитъ.
Сталъ онъ, и отвѣтнаго голоса звукомъ обманутъ:
„Здѣсь сойдемся“ сказалъ; никакаго съ такою охотой
Звука не повторяя: „Сойдемся“ отвѣтила Эхо,
И словамъ она рада своимъ и, выйдя изъ лѣсу,
Подошла, чтобъ руками обнять желанную шею.
Онъ побѣжалъ, и изъ рукъ обнимающихъ вырвался бѣгствомъ:
„Прежде“, сказалъ, „я умру, чѣмъ тебѣ бы насытиться мною“.
Та же отвѣтствуетъ лишь: „Тебѣ бы насытиться мною“.
Скрылась та, что отвергнута, въ лѣсъ, и въ вѣтвяхъ укрываетъ
Стыдъ на лицѣ, и съ тѣхъ поръ живетъ по пустынннымъ пещерамъ.
Все жь въ ней таится любовь, и растетъ отъ боли отказа.
Истощаютъ заботы безсонныя бѣдное тѣло,
Морщитъ кожу ея худоба, на воздухъ уходитъ
Сокъ весь тѣла, осталися кости только да голосъ.
Голосъ остался; а кости, какъ слышно, видъ приняли камня.
Вотъ и таится въ лѣсахъ, а на высяхъ ея не замѣтно;
Всѣ ее слышатъ; и звукъ единственно живъ въ ней остался.
Такъ-то эту, и такъ-то другихъ рѣчныхъ или горныхъ
Нимфъ отводилъ онъ, такъ въ прежнее время мужскія сближенья.

выраженіе тотчасъ же поясняемое примѣромъ факела.

Inde manus aliquis despectus ad aethera tollens:
Sic amet ipse licet, sic non potiatur amato!
Dixerat. assensit precibus Rhamnusia iustis.
Fons erat illimis, nitidis argenteus undis,
Quem neque pastores, nec pastae monte capellae
Contigerant, aliudve pecus. quem nulla volucris,
Nec fera turbarat, nec lapsus ab arbore ramus.
Gramen erat circa, quod proximus humor alebat,
Silvaque sole locum passura tepescere nullo.
Hic puer et studio venandi lassus et aestu
Procubuit, faciemque loci fontemque secutus.
Dumque sitim sedare cupit, sitis altera crevit:
Dumque bibit, visae correptus imagine formae,
Spem sine corpore amat, corpus putat esse, quod umbra est.
Astupet ipse sibi, vultuque immotus eodem
Haeret ut e Pario formatum marmore signum.
Spectat humi positus geminum ceu lumina sidus,
Et dignos Baccho, dignos et Apolline crines,
Impubesque genas, et eburnea colla, decusque
Oris, et in niveo mixtum candore ruborem:
Cunctaque miratur, quibus est mirabilis ipse.
Se cupit imprudens, et qui probat, ipse probatur,
Dumque petit, petitur, pariterque incendit et ardet.
Irrita fallaci quoties dedit oscula fonti!
In medias quoties visum captantia collum
Brachia mersit aquas, nec se deprendit in illis!
Quid videat, nescit. sed quod videt, uritur illo,
Atque oculos idem, qui decipit, incitat error.
Credule, quid frustra simulacra fugacia captas?
Quod petis, est nusquam. quod amas, avertere, perdes.
Ista repercussae, quam cernis, imaginis umbra est:
Nil habet ista sui. tecum venitque manetque:
Tecum discedet, si tu discedere possis.
Non illum Cereris, non illum cura quietis
Abstrahere inde potest. sed opaca fusus in herba

---

406 *Рамнузія*. Въ Рамнѣ, въ Аттикѣ, особенно почиталась Немезида, богиня воз-

Руки однажды воздѣвъ какой-то отверженный къ небу:
„Пусть онъ полюбитъ такъ самъ и такъ не владѣетъ любимымъ!“
Провозгласилъ; согласилась Рамнузія съ правою просьбой.
Чистый источникъ бѣжалъ, серебристой сверкая струею;
Ни пастухъ до него, ни козы съ пастбищъ нагорныхъ
Не касались, ни скотъ никакой; его никакая
Птица иль звѣрь не мутилъ, иль съ дерева павшая вѣтка.
Дернъ его окружалъ, питаемый близкою влагой,
Да и лѣсъ не давалъ нагрѣваться мѣсту отъ солнца.
Здѣсь-то юноша легъ, утомясь отъ охоты и зноя,
Привлекаемый видомъ ключа и самаго мѣста.
Жажду хотѣлъ онъ унять, но жажда возникла другая:
И покуда онъ пилъ, плѣнилъ его образъ прелестный,
Любитъ мечту онъ безплотную, тѣломъ считая, что тѣнь лишь.
Самъ онъ дивится себѣ; со взоромъ недвижнымъ стоитъ онъ,
Какъ изъ Паросскаго мрамора дивно изваянный образъ.
Видитъ, простертъ на землѣ, звѣздамъ двумъ подобныя очи,
И волоса, что Вакха достойны или Аполлона,
Дѣтскія щеки и шею, какъ будто изъ кости слоновой,
Ликъ прелестный и смѣсь съ бѣлизною снѣжной румянца:
И всему изумляется, чѣмъ изумителенъ самъ онъ.
Алчетъ безумецъ себя, и кто хвалитъ, тотъ самъ восхваляемъ,
Тотъ, кто любитъ, любимъ, распаляетъ равно и пылаетъ.
Сколько разъ цѣловалъ напрасно онъ лживый источникъ!
Сколько разъ въ глубину, хватая ту шею, что видѣлъ,
Руки онъ погружалъ, но себя то въ водѣ не поймалъ онъ!
Что онъ видитъ, не знаетъ, но жжетъ его то, что онъ видитъ.
И глаза тотъ обманъ, что морочитъ его, раздражаетъ.
Легковѣрный, зачѣмъ ты бѣгущіе призраки ловишь?
Нѣтъ, чего ищешь, нигдѣ; отвернись и, что любишь, утратишь.
Что ты видишь не больше, какъ тѣнь отраженнаго лика:
Въ ней ничего своего; съ тобой она вмѣстѣ приходитъ,
Вмѣстѣ съ тобою уйдетъ, если ты уйти только можешь.
Ни Цереры его, ни покоя потребность оттуда
Не въ состояньи отвлечь; а на темной зелени лежа,

мездія. 437 *Цереры*—зерна, хлѣба, вообще пищи.

Spectat inexpleto mendacem lumine formam,
440 Perque oculos perit ipse suos. paulumque levatus,
Ad circumstantes tendens sua brachia silvas:
Ecquis, io silvae, crudelius, inquit, amavit?
Scitis enim, et multis latebra opportuna fuistis.
Ecquem, cum vestrae tot agantur saecula vitae,
445 Qui sic tabuerit, longo meministis in aevo?
Et placet, et video. sed quod videoque placetque,
Non tamen invenio. tantus tenet error amantem.
Quoque magis doleam, nec nos mare separat ingens,
Nec via, nec montes, nec clausis moenia portis.
450 Exigua prohibemur aqua. Cupit ipse teneri.
Nam quoties liquidis porreximus oscula lymphis,
Hic toties ad me resupino nititur ore.
Posse putes tangi. minimum est, quod amantibus obstat.
Quisquis es, huc exi! quid me, puer unice, fallis,
455 Quove petitus abis? certe nec forma, nec aetas
Est mea, quam fugias, et amarunt me quoque nymphae.
Spem mihi nescio quam vultu promittis amico:
Cumque ego porrexi tibi brachia, porrigis ultro:
Cum risi, arrides. lacrimas quoque saepe notavi
460 Me lacrimante tuas. nutu quoque signa remittis:
Et, quantum motu formosi suspicor oris,
Verba refers, aures non pervenientia nostras...
Ipse ego sum! sensi. nec me mea fallit imago.
Uror amore mei, flammas moveoque feroque.
465 Quid faciam? roger, anne rogem? quid deinde rogabo?
Quod cupio, mecum est. inopem me copia fecit.
O utinam a nostro secedere corpore possem!
Votum in amante novum, vellem quod amamus, abesset!..
Iamque dolor vires adimit, nec tempora vitae
470 Longa meae superant, primoque extinguor in aevo.
Nec mihi mors gravis est, posituro morte dolores:
Hic, qui diligitur, vellem diuturnior esset.
Nunc duo concordes anima moriemur in una.
Dixit, et ad faciem rediit male sanus eandem,
475 Et lacrimis turbavit aquas, obscuraque moto

Смотритъ взоромъ несытымъ онъ на обманчивый образъ,
И погибаетъ отъ собственныхъ глазъ; приподнявшись немного
И къ лѣсамъ окружающимъ руки свои простирая,
Онъ восклицаетъ: „Кто могъ, о лѣса, полюбить такъ жестоко?
Вамъ вѣдь извѣстно, и многимъ вы были пріютомъ отраднымъ,
И кого, хоть тянется жизнь ваша столько столѣтій,
Кто бы мучился такъ, вы помните въ долгіе вѣки?
Нравится мнѣ и я вижу; но что я люблю и что вижу,
Все я обрѣсть не могу; обманъ завладѣлъ такъ влюбленнымъ.
Чтобы я больше страдалъ, не моря насъ ширь раздѣляетъ,
Ни дороги, ни горы, ни стѣны при запертой двери,
Малость насъ дѣлитъ воды. Онъ самъ готовъ бы отдаться.
Ибо сколько я клалъ лобзаній на свѣтлую влагу,
Столько же разъ и ко мнѣ приближался устами онъ навзничь.
Думаешь, можно схватить; ничтожна для страстныхъ преграда.
Кто бы ты ни былъ, сюда выходи! Что дразнишь ты мальчикъ!
Званый куда же бѣжишь? Навѣрно не видъ мой и годы
То, чего бъ ты бѣжалъ; меня вѣдь любили и нимфы.
Милымъ лицемъ мнѣ сулишь, не знаю какую надежду:
Руки ль къ тебѣ я простру, ко мнѣ ты оттоль простираешь;
Если смѣюсь, ты смѣешься; твои нерѣдко и слезы
Плачущій я замѣчалъ; кивкомъ, ты на знакъ отвѣчаешь,
И насколько въ движеньи прекраснаго рта замѣчаю,
Ты слова говоришь, что къ ушамъ то моимъ не доходятъ...
Это я самъ! Я узналъ; и меня не обманетъ мой образъ.
Таю въ любви я къ себѣ, огонь и бужу и терплю я.
Какъ поступить? Просимымъ ли быть, иль просить? И о чемъ же?
Что мнѣ желанно, со мной; и бѣденъ я сталъ отъ богатства.
О, когда бы я могъ раздѣлиться съ собственнымъ тѣломъ!
Ново влюбленнымъ желать, чтобъ милаго не было съ нами!
Скорбь отнимаетъ уже и силы, недолгое время
Жизни осталось моей, и въ первомъ я возрастѣ, гасну.
Смерть для меня не тяжка, сложу я мученія въ смерти.
Тотъ, кто мною любимъ, желаю, чтобъ былъ долговѣчнѣй.
Связанныхъ двое теперь въ одной мы душѣ умираемъ“.
Такъ онъ сказалъ, и больной къ тому же все лику вернулся,
И слезами онъ воду смутилъ; на затронутой влагѣ

Reddita forma lacu est. Quam cum vidisset abire:
Quone fugis? remane, nec me, crudelis, amantem
Desere, clamavit; liceat, quod tangere non est,
Aspicere, et misero praebere alimenta furori.
Dumque dolet, summa vestem diduxit ab ora,
Nudaque marmoreis percussit pectora palmis.
Pectora traxerunt tenuem percussa ruborem,
Non aliter quam poma solent, quae candida parte
Parte rubent, aut ut variis solet uva racemis
Ducere purpureum, nondum matura, colorem.
Quae simul aspexit liquefacta rursus in unda,
Non tulit ulterius. sed ut intabescere flavae
Igne levi cerae, matutinaeque pruinae
Sole tepente solent, sic attenuatus amore
Liquitur et caeco paulatim carpitur igni.
Et neque iam color est mixto candore rubori,
Nec vigor et vires et quae modo visa placebant,
Nec corpus remanet, quondam quod amaverat Echo.
Quae tamen ut vidit, quamvis irata memorque,
Indoluit, quotiesque puer miserabilis Eheu!
Dixerat, haec resonis iterabat vocibus Eheu.
Cumque suos manibus percusserat ille lacertos,
Haec quoque reddebat sonitum plangoris eundem.
Ultima vox solitam fuit haec spectantis in undam:
Heu frustra dilecte puer! totidemque remisit
Verba locus. dictoque vale, vale inquit et Echo.
Ille caput viridi fessum summisit in herba,
Lumina mors clausit domini mirantia formam.
Tunc quoque se, postquam est inferna sede receptus,
In Stygia spectabat aqua. Planxere sorores
Naides et sectos fratri imposuere capillos,
Planxerunt dryades. plangentibus assonat Echo.
Iamque rogum quassasque faces feretrumque parabant;
Nusquam corpus erat. croceum pro corpore florem
Inveniunt, foliis medium cingentibus albis.

---

506 Наяды названы сестрами Нарцисса, такъ какъ онъ самъ сынъ потока и наяды. При погребенiи древнiя женщины отрѣзали пряди волосъ и бросали ихъ на

Ликъ затмился. Когда увидалъ онъ его удаленье:
„Что же бѣжишь ты? Побудь, и меня влюбленнаго, злобный,
Не покидай, онъ вскричалъ; на то, до чего не коснешься
Дай посмотрѣть, и несчастному пищи доставить безумству“.
Такъ онъ скорбя, разодралъ одежду отъ верхняго края,
И въ обнаженную грудь билъ мраморными онъ руками.
Нѣжную красноту пораженная грудь воспріяла,
Какъ бываетъ у яблокъ, которыя частію бѣлы,
Частью же стали краснѣть, иль какъ на гроздіяхъ пестрыхъ
Ягоды все недозрѣлыя, пурпурный цвѣтъ принимаютъ.
Только ее увидалъ онъ во влагѣ опять просвѣтлѣвшей,
Дальше и вынесть не могъ; а какъ распускается желтый
Воскъ на легкомъ огнѣ, или какъ утренній иней
Таетъ на солнцѣ порой, такъ онъ любовью томимый,
Таетъ и понемногу въ огнѣ сокровенномъ сгараетъ.
И ужь не цвѣтъ у него смѣшенія бѣлаго съ краснымъ,
И не избытокъ тотъ силъ и видъ, что плѣнялъ такъ недавно,
Даже и тѣло не то, что нѣкогда Эхо любила.
Та какъ увидѣла это, хоть все еще помнила въ гнѣвѣ,
Загрустила, и какъ только юноша бѣдный: „увы мнѣ!“
Крикнетъ, она въ отвѣтъ опять повторяетъ, увы мнѣ!
Какъ своими руками себя по плечамъ ударялъ онъ,
И она повторяла тѣ самые звуки ударовъ.
Возгласомъ было послѣднимъ его глядящаго въ воду:
„О, напрасно любимый!“ и столько же словъ долетѣло
Съ мѣста; на слово: прощай! прощай, отвѣчала и Эхо.
Онъ къ зеленой травѣ усталой приникъ головою,
Смерть сомкнула глаза, что красѣ господина дивятся.
Послѣ даже смотрѣлъ, въ подземную принятъ обитель,
Онъ въ Стигійской водѣ на себя. Рыдали Наяды
Сестры и, срѣзавъ съ себя волоса, приносили въ честь брата,
И Дріады рыдали; рыдающимъ вторила Эхо.
Уже готовили факелы и костеръ и носилки;
Не было тѣла нигдѣ; а вмѣсто тѣла цвѣтокъ лишь
Желтый нашли посреди, и кругомъ въ лепесткахъ бѣлоснѣжныхъ.

огонь и затѣмъ на могилу дорогихъ усопшихъ.

PENTHEUS.

Cognita res meritam vati per Achaidas urbes
Attulerat famam, nomenque erat auguris ingens.
Spernit Echionides tamen hunc ex omnibus unus
Contemtor superum Pentheus, praesagaque ridet
Verba senis, tenebrasque et cladem lucis ademtae
Obiicit. Ille movens albentia tempora canis:
Quam felix esses, si tu quoque luminis huius
Orbus, ait, fieres, nec Bacchia sacra videres!
Namque dies aderit, quam non procul auguror esse,
Qua novus huc veniet, proles Semeleia, Liber.
Quem nisi templorum fueris dignatus honore,
Mille lacer spargere locis, et sauguine silvas
Foedabis, matremque tuam matrisque sorores.
Eveniet. neque enim dignabere numen honore,
Meque sub his tenebris nimium vidisse quereris.
Talia dicentem proturbat Echione natus.
Dicta fides sequitur, responsaque vatis aguntur.
Liber adest, festisque fremunt ululatibus agri:
Turba ruit, mixtaeque viris matresque nurusque
Vulgusque proceresque ignota ad sacra feruntur.
Quis furor, anguigenae, proles Mavortia, vestras
Attonuit mentes? Pentheus ait, aerane tantum
Aere repulsa valent et adunco tibia cornu
Et magicae fraudes, ut, quos non bellicus ensis,
Non tuba terruerit, non strictis agmina telis,
Femineae voces et mota insania vino
Obscoenique greges et inania tympana vincant?
Vosne, senes, mirer, qui longa per aequora vecti
Hac Tyron, hac profugos posuistis sede Penates,
Nunc sinitis sine marte capi? vosne, acrior aetas,
O iuvenes, propiorque meae, quos arma tenere,

---

511 *Ахайя* — здѣсь по примѣру Гомера поставлено вмѣсто всей Греціи. 513 *Сынъ Эхіона* (см. выше 127). Пентей по матери своей Агавѣ родной внукъ Кадма и наслѣдникъ его престола. 520 *Либеръ* — переводъ съ греческаго Ліей (см. 4, 11).

ПЕНТЕЙ.

Дѣла молва заслуженную славу пророка Ахейскимъ
Разнесла городамъ, возвеличивши имя авгура.
Но отвергаетъ одинъ изо всѣхъ его сынъ Эхіона,
Не признающій всевышнихъ, Пентей, и смѣется надъ вѣщей
515 Рѣчію старца, и мракомъ и горемъ лишенія свѣта
Упрекаетъ. Тотъ бѣлыхъ волосъ тряхнувъ сѣдинами:
„Какъ бы счастливъ ты былъ, говоритъ, когда бы лишеннымъ
Этого свѣта сталъ тожъ и Вакха торжествъ не увидѣлъ.
Ибо приблизится день, и онъ недалекъ, я предвижу,
520 Что придетъ сюда новый, чадо Семелино, Либеръ.
Ежели почестей храмовъ ему не воздашь ты, то будешь
Ты на тысячу клочьевъ растерзанъ, и кровью измажешь
И лѣса, и родимую мать, и сестеръ материнскихъ.
Сбудется это; вѣдь ты божеству не окажешь почета,
525 И, что во мракѣ такомъ такъ зорко я видѣлъ, потужишь“.
За такія слова прогналъ его сынъ Эхіона.
Дѣло за словомъ идетъ; сбываются вѣщія рѣчи.
Либеръ пришелъ, загудѣли поля отъ праздничныхъ воплей:
Валитъ толпа, и съ мущинами матери тутъ же и снохи,
530 Чернь и почетные люди на праздникъ невѣдомый мчатся.
„Что за безумство въ васъ, змѣемъ рожденные, Марсово сѣмя,
Умъ оглушило?“ Пентей говоритъ, “ужель вамъ такъ важны
Мѣди бряцаніе въ мѣдь и въ рогъ изогнутая дудка
И обманъ колдовства, что тѣхъ, кого не пугаетъ
535 Ни труба, ни воинственный мечъ, ни ряды копьеносцевъ,
Женскіе вопли теперь и виномъ поднятое безумство
И безстыдная сволочь съ тимпаномъ пустымъ побѣждаютъ?
Старцы, дивиться ли мнѣ на васъ, что моря переплывши
Тиръ сюда и сюда изгнанныхъ сложивши Пенатовъ,
540 Рады безъ боя ихъ сдать? Не вамъ ли, сильнѣйшимъ повѣку,
О, молодые, и сверстники мнѣ, которымъ оружье,

---

531 Пентей съ гордостью указываетъ Ѳиванцамъ на ихъ высокое происхожденіе изъ разсѣянныхъ зубовъ пораженнаго Кадмомъ Марсова дракона. 539 Старцы, которые соорудили здѣсь въ Ѳивахъ новый Тиръ, прибывши черезъ море изъ стараго.

Non thyrsos, galeaque tegi, non fronde, decebat?
Este, precor, memores, qua sitis stirpe creati,
Illiusque animos, qui multos perdidit unus,
Sumite serpentis! Pro fontibus ille lacuque
Interiit. at vos pro fama vincite vestra!
Ille dedit leto fortes, vos pellite molles,
Et patrium retinete decus. Si fata vetabant
Stare diu Thebas, utinam tormenta virique
Moenia diruerent, ferrumque ignisque sonarent!
Essemus miseri sine crimine. sorsque querenda,
Non celanda foret, lacrimaeque pudore carerent.
At nunc a puero Thebae capientur inermi,
Quem neque bella iuvant, nec tela, nec usus equorum,
Sed madidi myrrha crines mollesque coronae
Purpuraque et pictis intextum vestibus aurum.
Quem quidem ego actutum, modo vos absistite, cogam
Assumtumque patrem commentaque sacra fateri.
An satis Acrisio est animi, contemnere vanum
Numen et Argolicas venienti claudere portas,
Penthea terrebit cum totis advena Thebis?...
Ite citi, famulis hoc imperat, ite, ducemque
Attrahite huc vinctum! iussis mora segnis abesto.
Hunc avus, hunc Athamas, hunc cetera turba suorum
Corripiunt dictis, frustraque inhibere laborant.
Acrior admonitu est, irritaturque retenta
Et crescit rabies. remoraminaque ipsa nocebant.
Sic ego torrentem, qua nil obstabat eunti,
Lenius et modico strepitu decurrere vidi:
At quacunque trabes obstructaque saxa tenebant,
Spumeus et fervens et ab obiice saevior ibat.
Ecce cruentati redeunt et, Bacchus ubi esset,
Quaerenti domino Bacchum vidisse negarunt,
Hunc, dixere, tamen comitem famulumque sacrorum

---

559 *Иль у Акризія духа хватаетъ;* то, о чемъ здѣсь кратко упоминается, подробно разсказано (см. 4, 606). 564 *Дѣдъ его и Атамантъ;* Кадмъ и мужъ другой

А не тирсы держать, въ шишакахъ, не въ вѣтвяхъ, быть пристало?
Вспомните, я васъ прошу, какого вы рода потомки,
И наберитесь вы духа того дракона, что многихъ,
Бывши одинъ, погубилъ! Ключей да озеръ только ради
Онъ погибъ; побѣдите же вы ради собственной чести!
Храбрыхъ онъ въ смерть отсылалъ, а вы прогоните трусливыхъ
И отцовскую честь поддержите. Коль рокъ возбраняетъ
Ѳивамъ надолго стоять, то пусть бы осады и мужи
Стѣны разрушили ихъ, и огнь и желѣзо звучали!
Пусть мы безвинно несчастны; чтобы оплакивать жребій,
А не скрывать намъ пришлось, и слезы не вѣдали срама.
Нынѣ же Ѳивы возьметъ безоружный мальчикъ, который
Не возлюбилъ ни войны, ни доспѣховъ, ни конныхъ ристалищъ,
Только волосы миррой улилъ, да украсилъ вѣнками,
Въ пурпурѣ и въ цвѣтномъ, расшитомъ золотомъ платьѣ.
Я немедля его, только вы отстранитесь, заставлю
И въ измышленномъ отцѣ и въ лживой святынѣ сознаться.
Иль у Акризія духа хватаетъ, отвергнуть пустаго
Бога и запереть передъ шедшимъ ворота Аргоса,
А Пентея пришлецъ запугаетъ и съ Ѳивами всѣми?
Вы ступайте, велитъ онъ слугамъ, ступайте влеките
Связаннаго сюда вы вождя! Исполняйте немедля".
Дѣдъ его и Атамантъ и толпа остальная домашнихъ
Стали его увѣщать и сдержать лишь напрасно трудились.
Отъ увѣщаній онъ злѣй, и препятствіемъ лишь раздражаясь,
Ярость все больше ростетъ; преграды то сами вредили.
Такъ я видалъ, что потокъ, ничѣмъ не задержанный въ бѣгѣ
Изливался покойнѣе и съ умѣреннымъ шумомъ.
Но гдѣ бревна его, иль камни сплотившись держали,
Тамъ кипя онъ и пѣнясь, свирѣпѣе шелъ отъ преграды.
Вотъ тѣ вернулись въ крови, и въ отвѣтъ на вопросъ господина,
Гдѣ же Вакхъ, объявили, что Вакха они не видали.
Этого впрочемъ, сказали, слугу мы и спутника таинствъ

дочери Кадма—Ино, ставшій по смерти Пентея Ѳивскимъ царемъ (см. 4, 420).

575 Cepimus. et tradunt manibus post terga ligatis
Sacra dei quendam Tyrrhena gente secutum.
Aspicit hunc Pentheus oculis, quos ira tremendos
Fecerat. et quanquam poenae vix tempora differt,
O periture tuaque aliis documenta dature
580 Morte, ait, ede tuum nomen nomenque parentum
Et patriam, morisque novi cur sacra frequentes.
Ille metu vacuus: Nomen mihi, dixit, Acoetes,
Patria Maeonia est. humili de plebe parentes.
Non mihi quae duri colerent, pater, arva iuvenci,
585 Lanigerosve greges, non ulla armenta reliquit.
Pauper et ipse fuit, linoque solebat et hamis
Decipere, et calamo salientes ducere pisces.
Ars illi sua census erat. Cum traderet artem:
Accipe quas habeo, studii successor et heres,
590 Dixit, opes. moriensque mihi nihil ille reliquit
Praeter aquas. unum hoc possum appellare paternum.
Mox ego, ne scopulis haererem semper in isdem,
Addidici regimen dextra moderante carinae
Flectere, et Oleniae sidus pluviale capellae,
595 Taygetenque hyadasque oculis Arctonque notavi,
Ventorumque domos et portus puppibus aptos.
Forte petens Delon Chia telluris ad oras
Applicor, et dextris adducor litora remis,
Doque leves saltus udaeque immittor arenae.
600 Nox ubi consumta est... Aurora rubescere primo
Coeperat... exsurgo, laticesque inferre recentes
Admoneo, monstroque viam, quae ducat ad undas.
Ipse, quid aura mihi tumulo promittat ab alto,
Prospicio, comitesque voco, repetoque carinam.
605 Adsumus en! inquit sociorum primus Opheltes,
Utque putat, praedam deserto nactus in agro,

---

576 *Тирренскаго рода*; Тирренцы — Лидійцы; по древнему преданію отъ нихъ происходили Этрусски, Туски и Тирренцы въ Италіи, а такъ какъ Лидія называлась и Мэоніей, то всѣ эти имена однозначущи. 594 Древніе, не знавшіе компаса, руководствовались въ морѣ по преимуществу звѣздами и созвѣздіями: *Оленійской козы* — той козы, молокомъ которой по одному преданію дочери Олена, а по

Взяли, и тутъ же даютъ съ руками скрученными сзади,
Изъ Тирренскаго рода кого то, что шелъ за святыней.
Глянулъ Пентей на него глазами, что стали ужасны
Въ гнѣвѣ; и хоть онъ съ трудомъ длитъ время еще наказанья:
„Ты обреченный и смертью своей предназначенный прочимъ
Дать примѣръ, говоритъ, скажи свое имя и имя
Родины и родныхъ, и зачѣмъ ты новымъ обрядамъ
Преданъ“. Тотъ смѣло въ отвѣтъ: „Ацетъ, говоритъ, мое имя
И Мэонія родина; низкой родители черни.
Ни полей ихъ пахать на дюжихъ волахъ не оставилъ
Мнѣ отецъ, никакого скота, ни стадъ руноносныхъ.
Самъ онъ былъ бѣденъ и неводомъ только привыкъ, да крючками,
Уловлять и вытаскивать тростію рыбу скакунью.
Всѣмъ богатствомъ его былъ промыслъ. Ему обучая,
Онъ сказалъ мнѣ: бери, наслѣдникъ труда и преемникъ,
Все богатство мое; умирая, онъ мнѣ не оставилъ,
Кромѣ воды, ничего; могъ звать я ее лишь отцовской.
Скоро, чтобы не торчать постоянно въ скалахъ мнѣ все тѣхъ же,
Я научился правой рукой измѣнять направленье
Киля, и Оленійской Козы дождливыя звѣзды
И Гіадъ и Тайгету и Арктуса взоромъ замѣтилъ,
Также исходы вѣтровъ и удобныя пристани кормчимъ.
Разъ, отправляясь въ Делосъ, присталъ въ землѣ я Хіосской
Къ берегу, и къ нему подтянувшись веслами справа,
Легкимъ прыжкомъ соскочилъ и сталъ на песокъ подмоченый.
Только окончилась ночь.... Аврора краснѣть начинала
Чуть.... Я вскочилъ, и велю идти за свѣжей водою,
И указую тотъ путь, который ко влагѣ приводитъ.
Самъ съ холма я высокаго наблюдаю, что воздухъ
Мнѣ обѣщаетъ, и кликнувъ друзей, къ кораблю возвращаюсь.
Вотъ же и мы! восклицаетъ Офелтъ изъ товарищей первый,
И, полагая, что въ полѣ пустомъ напалъ на добычу,

другому Амальтея выкормили новорожденнаго Зевеса, и изъ благодарности вознесена имъ на небо. 595 *Гіады*, тоже семь, шесть или пять звѣздъ на головѣ быка, слывшія у древнихъ дождливыми, какъ обозначаетъ ихъ греческое имя отъ ὕειν,—дождить. *Тайгета*—одна изъ плеядъ, поставленная вмѣсто всѣхъ семи звѣздъ (см. 1, 670); *Арктусъ* (см. 2, 171). 597 Островъ Хіосъ.

Virginea puerum ducit per litora forma.
Ille mero somnoque gravis titubare videtur,
Vixque sequi. Specto cultum faciemque gradumque:
Nil ibi quod posset credi mortale, videbam.
Et sensi, et dixi sociis: Quod numen in isto
Corpore sit, dubito. sed corpore numen in isto est.
Quisquis es, o faveas, nostrisque laboribus assis:
His quoque des veniam. Pro nobis mitte precari,
Dictys ait, quo non alius conscendere summas
Ocior antenmas, prensoque rudente relabi.
Hoc Libys, hoc flavus, prorae tutela, Melanthus,
Hoc probat Alcimedon, et qui requiemque modumque
Voce dabat remis, animorum hortator Epopeus:
Hoc omnes alii. praedae tam caeca cupido est.
Non tamen hanc sacro violari pondere pinum
Perpetiar, dixi. pars hic mihi maxima iuris.
Inque aditu obsisto. Furit audacissimus omni
De numero Lycabas, qui Tusca pulsus ab urbe
Exilium dira poenam pro caede luebat.
Is mihi, dum resto, iuvenili guttura pugno
Rupit, et excussum misisset in aequora, si non
Haesissem, quamvis amens, in fune retentus.
Impia turba probat factum. Tunc denique Bacchus,
Bacchus enim fuerat, veluti clamore solutus
Sit sopor, aque mero redeant in pectora sensus:
Quid facitis? quis clamor? ait, qua, dicite, nautae,
Huc ope perveni? quo me deferre paratis?
Pone metum, Proreus, et quos contingere portus
Ede velis, dixit. terra sistere petita.
Naxon, ait Liber, cursus advertite vestros.
Illa mihi domus est. vobis erit hospita tellus.
Per mare fallaces perque omnia numina iurant
Sic fore, meque iubent pictae dare vela carinae.
Dextera Naxos erat. dextra mihi lintea danti:

---

619 *Голосомъ*—на корабляхъ у древнихъ одинъ изъ гребцовъ, вродѣ нашихъ запѣвалъ, подавалъ голосомъ знакъ разомъ налечь на весла, а во время волненія и

По берегу онъ подводитъ мальчика съ дѣвичьимъ ликомъ.
Тотъ, отягченный и сномъ и виномъ, шатаясь, какъ видно,
Поспѣваетъ едва. Вижу поступь, лице и осанку;
Ничего, чтобы счесть я смертнымъ могъ, не замѣтилъ.
И призналъ и сказалъ я товарищамъ: Въ тѣлѣ вотъ этомъ,
Что за богъ, я не знаю, но богъ въ этомъ тѣлѣ навѣрно.
Кто бы ты ни былъ, будь добръ и нашимъ трудамъ помоги ты.
Этихъ ты тоже прости. Объ насъ оставь умолять ты,
Диктисъ сказалъ, проворнѣй котораго къ реямъ подняться
Вверхъ не сумѣлъ бы другой и внизъ соскользнуть по канату.
Этому Либисъ и русый Мелантъ, на носу караульщикъ
Вторятъ съ Альцимедонтомъ, и тотъ, что размѣръ съ передышкой
Голосомъ весламъ даетъ возбуждающій бодрость, Эпопей;
Тоже и прочіе всѣ; такъ жадность слѣпа въ нихъ добычи.
Все же однако не дамъ, сказалъ я, священною ношей
Обременять корабля. Здѣсь главная власть то за мною.
И становлюсь передъ входомъ. Ярится нахальнѣе прочихъ
Всѣхъ Ликобантъ, который изъ города Тусковъ въ изгнанье
Высланный, кару терпѣлъ за звѣрское смертоубійство.
Этотъ, какъ сдерживалъ я, рукой молодою сдавилъ мнѣ
Горло и въ море, встряхнувши бы, сбросилъ, когда бы вцѣпившись,
Хоть и лишенный сознанія, я не повисъ на канатѣ.
Злая толпа одобряетъ поступокъ. Тутъ Вакхъ наконецъ-то,
Такъ какъ это былъ Вакхъ, какъ будто бы крики и сонъ въ немъ
Разогнали, и въ грудь хмѣльную вернулось сознанье:
Что вы творите? сказалъ, что за шумъ? Скажите пловцы мнѣ,
Какъ сюда я попалъ? куда меня свезть вы хотите?
Ты не бойся, сказалъ Прорей, и въ какую ты пристань
Хочешь войти, говори; въ желанную землю свеземъ мы.
Вы къ Наксосу, сказалъ имъ Либеръ, свой бѣгъ направляйте.
Тамъ мой домъ; и тамъ васъ земля восприметъ радушно.
И обманщики моремъ и всѣми богами клянутся,
Такъ поступить, и велятъ мнѣ поднять корабля расписнаго
Парусъ. Былъ вправо Наксосъ; какъ вправо я сладилъ вѣтрила,

шума морскаго трубилъ, ударяя на извѣстные звуки. 620 Это были, вѣроятно, морскіе разбойники, желавшіе захваченнаго мальчика продать въ рабство.

Quid facis, o demens? quis te furor, inquit, Acoete,
Pro se quisque, tenet? laevam pete. Maxima nutu
Pars mihi significat, pars, quid velit, aure susurrat.
Obstupui, Capiatque aliquis moderamina, dixi,
Meque ministerio scelerisque artisque removi.
Increpor a cunctis, totumque immurmurat agmen.
E quibus Aethalion: Te scilicet omnis in uno
Nostra salus posita est! ait, et subit ipse meumque
Explet opus, Naxoque petit diversa relicta.
Tunc deus illudens, tanquam modo denique fraudem
Senserit, e puppi pontum prospectat adunca
Et flenti similis: Non haec mihi litora, nautae,
Promisistis, ait, non haec mihi terra rogata est.
Quo merui poenam facto? quae gloria vestra est,
Si puerum iuvenes, si multi fallitis unum?
Iamdudum flebam. lacrimas manus impia nostras
Ridet, et impellit properantibus aequora remis.
Per tibi nunc ipsum, neque enim praesentior illo
Est deus, adiuro, tam me tibi vera referre,
Quam veri maiora fide. stetit aequore puppis
Haud aliter, quam si siccum navale teneret.
Illi admirantes remorum in verbere perstant,
Velaque deducunt, geminaque ope currere tentant.
Impediunt hederae remos, nexuque recurvo
Serpunt et gravidis distringunt vela corymbis.
Ipse racemiferis frontem circumdatus uvis
Pampineis agitat velatam frondibus hastam.
Quem circa tigres simulacraque inania lyncum
Pictarumque iacent fera corpora pantherarum.
Exsiluere viri, sive hoc insania fecit,
Sive timor. primusque Medon nigrescere pinnis
Corpore depresso et spinae curvamine flecti
Incipit. Huic Lycabas: In quae miracula, dixit,
Verteris? et lati rictus et panda loquenti
Naris erat, squamamque cutis durata trahebat.

---

668 Вакхъ только предъявляетъ лживые образы покорныхъ ему звѣрей, кото-

Что, о безумецъ, Ацэтъ, ты творишь? Знать бѣшенъ ты? молвилъ
Всякъ про себя. Ты влѣво держи. Часть большая кажетъ
Знаками мнѣ, а другая желанія въ ухо мнѣ шепчетъ.
Я, изумившись, сказалъ: за руль пусть другой кто берется,
И себя отстранилъ я отъ службы и дѣлу и злобѣ.
Стали меня всѣ бранить и вся заворчала ватага.
Эѳаліонъ изо всѣхъ промолвилъ: конечно спасенье
Наше въ тебѣ лишь одномъ. И самъ подходитъ, и дѣло
Исполняя мое, направляется прочь отъ Наксоса.
Тутъ насмѣшливо богъ, какъ бы наконецъ замѣчая
Все коварство, на море глядитъ съ кормы изогнутой
И говоритъ, какъ бы плача: не этотъ вы берегъ сулили
Мнѣ корабельщики, и не объ этой землѣ я просилъ васъ.
Чѣмъ заслужилъ наказаніе я? Какая вамъ слава,
Если вы мальчика юноши, всѣ одного проведете?
Самъ я плакалъ давно. Толпа нечестивцевъ смѣется
Нашимъ слезамъ, и спѣша, налегаетъ на весла по влагѣ.
Нынѣ самимъ имъ тебѣ, затѣмъ, что нѣтъ ближе другаго
Бога, чѣмъ онъ, я клянусь, говорю тебѣ правду настолько жъ,
Какъ сверхъ вѣры она; сталъ въ морѣ корабль неподвижно,
Точно какъ будто засѣлъ на сухое мѣсто онъ верфи.
Тѣ изумленные все продолжаютъ гресть веслами, тянутъ
Внизъ паруса и стараются двинуться силой двойною.
Весламъ препятствуетъ плющъ, онъ крадется связью извивовъ
И кистями раскошными всѣ оплетаетъ вѣтрила.
Самъ гроздоносным своe увивши чело виноградомъ,
Жезлъ, оплетенный листвой виноградною, онъ потрясаетъ.
Тигры его окружаютъ и лживые образы рысей,
Страшныя тутъ же лежатъ тѣла пантеръ испещренныхъ.
Выскочили пловцы, побудило ль къ тому ихъ безумство,
Или страхъ; и первый Медонтъ сталъ въ сплющенномъ тѣлѣ
Плавниками чернѣть, и горбясь спиною, сгибаться.
Въ чудо какое, ему Ликабантъ говоритъ, превратился
Ты? И широкій ужъ ротъ у сказавшаго сталъ, и задрался
Носъ, и тѣло его, огрубѣвъ, чешуями покрылось.

рыхъ въ дѣйствительности не могло быть среди моря.

At Libys obstantes dum vult obvertere remos,
In spatium resilire manus breve vidit, et illas
Iam non esse manus, iam pinnas posse vocari.
Alter ad intortos cupiens dare brachia funes
680 Brachia non habuit, truncoque repandus in undas
Corpore desiluit. falcata novissima cauda est,
Qualia dimidiae sinuantur cornua lunae.
Undique dant saltus, multaque aspergine rorant,
Emerguntque iterum, redeuntque sub aequora rursus,
685 Inque chori ludunt speciem, lascivaque iactant
Corpora et acceptum patulis mare naribus efflant.
De modo viginti, tot enim ratis illa ferebat,
Restabam solus. Pavidum gelidumque trementi
Corpore vixque meum firmat deus: Excute, dicens,
690 Corde metum, Diamque tene. Delatus in illam
Accessi sacris, Baccheaque festa frequento.
  Praebuimus longis, Pentheus, ambagibus aures,
Inquit, ut ira mora vires absumere posset.
Praecipitem famuli rapite hunc, cruciataque diris
695 Corpora tormentis Stygiae demittite nocti.
Protinus abstractus solidis Tyrrhenus Acoetes
Clauditur in tectis. et dum crudelia iussae
Instrumenta necis, ferrumque ignesque parantur,
Sponte sua patuisse fores, lapsasque lacertis
700 Sponte sua fama est nullo solvente catenas.
  Perstat Echionides. nec iam iubet ire, sed ipse
Vadit, ubi festus facienda ad sacra Cithaeron
Cantibus el clara bacchantum voce sonabat
Ut fremit acer equus, cum bellicus aere canoro
705 Signa dedit tubicen, pugnaeque assumit amorem;
Penthea sic ictus longis ululatibus aether
Movit, et audito clamore recanduit ira.
Monte fere medio est, cingentibus ultima silvis,
Purus ab arboribus, spectabilis undique campus.

---

690 *Дія*—старое и священное имя Наксоса, бывшаго главнѣйшимъ мѣстопребываніемъ поклоненія Вакху. 703 *Цитеронъ*—гора въ югозападной Беотіи, посвящен-

Либисъ, когда пожелалъ убрать мѣшавшія весла,
Видитъ, что руки его втянулись въ короткую мѣру
И ужь не руки, уже назвать плавниками ихъ можно.
Руки другой, протянуть хотѣвшій къ витому канату,
Уже остался безъ рукъ, и навзничь онъ тѣломъ увѣчнымъ
Въ воду юркнулъ; къ концу его хвостъ серпомъ изогнулся,
Какъ изгибаются роги луны половинной въ объемѣ.
Скачутъ вокругъ всѣ они и каплями взбрызговъ покрыты,
Вынырнутъ вновь, и опять уйдутъ укрыться во влагѣ,
Какъ въ хороводѣ шалятъ и, вскинувшись тѣломъ игриво,
Поглощенное море изъ емкихъ ноздрей выдуваютъ.
Изо всѣхъ двадцати,—вѣдь столько ихъ судно носило,
Я оставался одинъ. Со страху дрожавшаго въ стужѣ,
Тѣло едва ощущавшаго, богъ ободрилъ меня. Выкинь
Страхъ изъ души, онъ сказалъ, и къ Діи держи. Къ ней прибывши,
Я къ обрядамъ присталъ, и праздники Вакха справляю“.
„Къ долгимъ сплетеньямъ, воскликнулъ Пентей, мы уши склоняли,
Такъ что могло бъ замедленіе силы и гнѣва ослабить.
Слуги, схватите его и, подвергнувши пыткамъ жестокимъ,
Тѣло въ Стигійскую ночь стремглавъ вы егониспошлите“.
Тотчасъ оттоль уведя Тирренца Ацэта въ постройку
Заперли крѣпкую и, покуда орудья жестокой
Смерти, какъ велѣно, изготовлялись—огонь и желѣзо,—
Сами собою отверзлися двери и, съ рукъ безъ сторонней
Помощи, сами собой, есть молва, свалилися цѣпи.
Эхіонидъ все стоитъ на своемъ; не велитъ ужь, а самъ онъ
Прямо идетъ туда, гдѣ, жертвенный праздникъ готовя,
Пѣньемъ звучалъ Цитеронъ и голосомъ яркимъ Вакханокъ.
Какъ ржетъ конь боевой, когда трубачемъ данъ военнымъ
Мѣдію звонкій сигналъ, и къ битвѣ вскипаетъ онъ страстью;
Такъ и Пентея потрясъ, завываньями долгими полный,
Воздухъ и, крикъ услыхавъ, распаляется гнѣвомъ онъ снова.
Есть почти посрединѣ горы, опоясанной лѣсомъ,
Чистая, вся безъ деревъ, отвсюду виднѣясь, поляна.

нан Вакху и музамъ.

710 Hic oculis illum cernentem sacra profanis
Prima videt, prima est insano concita motu,
Prima suum misso violavit Penthea thyrso
Mater. Io, geminae, clamavit, adeste sorores!
Ille aper, in nostris errat qui maximus agris,
715 Ille mihi feriendus aper. Ruit omnis in unum
Turba furens. cunctae coeunt, trepidumque sequuntur,
Iam trepidum, iam verba minus violenta loquentem,
Iam se damnantem, iam se peccasse fatentem.
Saucius ille tamen: Fer opem, matertera, dixit,
720 Autonoe! moveant animos Actaeonis umbrae.
Illa, quid Actaeon, nescit, dextramque precantis
Abstulit: Inoo lacerata est altera raptu.
Non habet infelix, quae matri brachia tendat:
Trunca sed ostendens disiectis corpora membris:
725 Aspice, mater, ait. Visis ululavit Agaue,
Collaque iactavit, movitque per aera crinem:
Avulsumque caput digitis complexa cruentis
Clamat: Io comites, opus haec victoria nostrum est!
Non citius frondes autumno frigore tactas
730 Iamque male haerentes alta rapit arbore ventus,
Quam sunt membra viri manibus direpta nefandis.
Talibus exemplis monitae nova sacra frequentant
Turaque dant sanctasque colunt Ismenides aras.

---

721 Обезумѣвшія отъ Вакхической оргіи, подобно матери Пентея — Агавѣ, обѣ ея сестры Автоноя и Ино, забывъ дѣйствительность, преслѣдуютъ мнимаго кабана.

Тутъ какъ на жертву смотрѣть нечестивыми сталъ онъ глазами,
Первой его увидала, и первая въ ярость вступила,
Первая, тирсомъ своимъ швырнувъ, его поразила
Мать. Сюда, возопила, вы обѣ Пентея сестрицы!
Вонъ кабанъ, что по нашимъ лугамъ тутъ бродитъ огромный,
Этого я убью кабана. Толпа вся стремится
На одного; всѣ вмѣстѣ сошлись и за трепетнымъ мчатся,
Онъ уже трепетенъ, уже слова его менѣе рѣзки,
Онъ себя ужь клянетъ, ужь онъ во грѣхѣ сознается.
Но онъ раненъ, кричитъ: Помоги мнѣ родимая тетка,
Автоноя! Пусть душу смягчитъ тебѣ тѣнь Актеона.
Та же, кто былъ Актеонъ, не знаетъ, и правую руку
Оторвала у молящаго, вырвала Ино другую.
Нѣтъ у несчастнаго рукъ, чтобъ къ матери могъ протянуть ихъ;
Но представляя увѣчное тѣло отъ вырванныхъ членовъ:
„Мать, погляди, онъ сказалъ“. При видѣ завыла Агава,
Шеей своей замотавъ, волоса растрепала на вѣтеръ;
И, кровавыми пальцами голову взявъ, что сорвала,
Крикнула: „Гей, вы подружки, побѣда тутъ въ дѣлѣ за нами!“
Не скорѣе листву, что осеннею стужей убита,
И уже держится плохо, съ высокаго древа рветъ вѣтеръ,
Чѣмъ руками ужасными члены растерзаны мужа.
Предупрежденныя этимъ примѣромъ льнутъ къ таинствамъ новымъ
И ко святымъ алтарямъ Исмениды ладанъ приносятъ.

---

733 *Исменъ*—Ѳиванская рѣка, *Исмениды*—Ѳиванки.

LIBER QUARTUS.

INDEX.

1. Minyeides.
2. Pyramus et Thisbe.
3. Veneris adulterium.
4. Leucothoe.
5. Clytie.
6. Salmacis.
7. Athamas et Ino.
8. Cadmus et Harmonia.
9. Perseus et Atlas.
10. Andromeda.
11. Medusa.

MINYEIDES.

At non Alcithoe Minyeias orgia censet
Accipienda dei, sed adhuc temeraria Bacchum
Progeniem negat esse Iovis, sociasque sorores
Impietatis habet. Festum celebrare sacerdos,
Immunesque operum famulas dominasque suorum
Pectora pelle tegi, crinales solvere vittas,
Serta coma, manibus frondentes sumere thyrsos
Iusserat. et saevam laesi fore numinis iram
Vaticinatus erat. Parent matresque nurusque,
Telasque et calathos infectaque pensa reponunt,

---

1 Въ древности считалось три Минія. Одинъ изъ нихъ былъ Θессалійскимъ царемъ, котораго не должно смѣшивать съ Беотійскимъ, славившимся своимъ богатствомъ; послѣдній былъ отцемъ Орхомена, основателя города того же названія, и дѣдомъ того Минія, о дочеряхъ котораго здѣсь идетъ рѣчь. 4 Жрецъ—(см. 2, 323 и 511)

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

СОДЕРЖАНIЕ

1. Дочери Минiя . . . . Ст. 1— 55
2. Пирамъ и Тизба . . . . „ 55—167
3. Венера и Марсъ . . . . „ 167—190
4. Левкотоя . . . . „ 190—255
5. Клитiя . . . . „ 256—270
6. Салмацида . . . . „ 285—388
7. Атамантъ и Ино . . . . „ 416—562
8. Кадмъ и Гармонiя . . . . „ 563—603
9. Персей и Атлантъ . . . . „ 604—662
10. Андромеда . . . . „ 663—764
11. Медуза . . . . „ 765—803

ДОЧЕРИ МИНIЯ.

Но Альцитоя, дочь Минiя, не полагаетъ, что должно
Бога принять торжества и все дерзновенная Вакха
Не признаетъ за чадо Зевеса; причастны и сестры
Неблагочестью ея. Вотъ жрецъ на торжественный праздникъ,
5 Всѣ дѣла побросавши, велѣлъ госпожамъ и служанкамъ
Шкурами груди покрыть, волосъ расторгнуть повязки,
Да съ волосами въ вѣнкахъ взять въ руки зеленые тирсы.
И предсказалъ, что гнѣвъ божества оскорбленнаго будетъ
Страшенъ. Ему повинуются матери и молодицы,
10 Ткань и корзины съ работой, не кончивъ ея покидаютъ,

упоминаемый Тирезiй. 6 Такова была одежда Вакханокъ, шкуры оленя или дикой козы, распущенные волосы, переплетенные виноградными и плющевыми вѣнками и жезлы въ рукахъ изъ побѣговъ тѣхъ же деревьевъ.

Turaque dant, Bacchumque vocant Bromiumque Lyaeumque
Ignigenamque satumque iterum solumque bimatrem:
Additur his Nyseus indetonsusque Thyoneus,
Et cum Lenaeo genialis consitor uvae,
Nycteliusque Eleleusque parens et Iacchus et Euan.
Et quae praeterea per Graias plurima gentes
Nomina, Liber, habes. Tibi enim inconsumta iuventa est,
Tu puer aeternus, tu formosissimus alto
Conspiceris coelo. tibi, cum sine cornibus astas,
Virgineum caput est: Oriens tibi victus adusque
Decolor extremo qua tinguitur India Gange.
Penthea tu, venerande, bipenniferumque Lycurgum
Sacrilegos mactas, Tyrrhenaque mittis in aequor
Corpora. Tu biiugum pictis insignia frenis
Colla premis lyncum. bacchae satyrique sequuntur,
Quique senex ferula titubantes ebrius artus
Sustinet, et pando non fortiter haeret asello.
Quacunque ingrederis, clamor iuvenilis et una
Femineae voces impulsaque tympana palmis
Concavaque aera sonant, longoque foramine buxus.
Placatus mitisque, rogant Ismenides, assis,
Iussaque sacra colunt. Solae Minyeides intus
Intempestiva turbantes festa Minerva
Aut ducunt lanas, aut stamina pollice versant,
Aut haerent telae, famulasque laboribus urgent.
E quibus una levi deducens pollice filum:

---

11 *Лiей*—главнѣйшее Греческое прозванiе Вакха, *Лiей*—разрѣшитель заботъ. *Бромiй*—шумящiй. *Огнерожденный* (см. 3, 308). *Низей*—отъ Индѣйской горы Низы (см. 3, 314) *Тiоней*—отъ θυοσ, *неистовство*, или *Тiоны*—другой матери Вакха, которую смѣшиваютъ съ Семелой; *indetonsus*—неостриженный, небритый, долговласый, такъ какъ у Грековъ и у Римлянъ было въ обычаѣ при вступленiи отрока въ юношескiй возрастъ 16—17 лѣтъ обрѣзать волосы и обривать бороду; почему эпитетъ intonsus или indetonsus прибавлялся къ божествамъ, изображаемымъ въ отроческомъ возрастѣ, напр. Аполлону и Вакху. *Линей* отъ Ληνοσ, корыто для выжиманiя винограда. *Никтелiй*—ночной; его оргiи совершались по ночамъ. *Элелей*, *Iаккъ* и *Эванъ* — отъ пиршественныхъ восклицанiй *Эвой*, *эвое* вродѣ нашихъ: *люли*, *эво*. *Либеръ* (см. 3, 520). 18 На небѣ, куда онъ былъ принятъ по утвержденiи на землѣ своего владычества (см. ниже 614). 19 Рога эмблема силы и достоинства (сличи разсказъ оЦипѣ 15, 565); съ рогами преимущественно изображались боги потоковъ, у Вакха были небольшие

Ладонъ несутъ и взываютъ: „о Вакхъ, о Ліей ты, о Бромій,
Огнерожденный и дважды зачатый, о двухъ матеряхъ ты;
Прибавляютъ къ тому, и Низей, Тіоней долговласый
И съ Ленеемъ еще насадитель сладостныхъ гроздей,
И Никтелій, отецъ, Элелей и Іакхъ и Эванъ ты;
И какія еще у народовъ ты Греческихъ кромѣ,
Либеръ, несешь имена. Вѣдь твоя нескончаема юность,
Вѣчнымъ отрокомъ ты, красивѣе всѣхъ ты на небѣ
Видомъ своимъ; у тебя, когда безъ роговъ предстоишь ты,
Дѣвичья вся голова; Востокъ ты смирилъ до предѣловъ,
Гдѣ потемнѣвшую Индію Гангъ орошаетъ далекій.
Досточтимый, Пентея ты и Ликурга съ сѣкирой,
Святотатцевъ, разишь, и Тирренцевъ тѣла повергаешь
Въ море. Блестящія ты въ поводьяхъ писаныхъ шеи
Рысей двуярмныхъ гнетешь; Вакханки съ сатирами слѣдомъ,
И старикъ, что, подвыпивши, палкою шаткіе члены
Подпираетъ, и плохо сидитъ на ослѣ, что согнулся.
Ты куда ни пойдешь, тамъ юношей крики, и съ ними
Женскіе возгласы и удары руками въ тимпаны
Съ вогнутой мѣдью звучатъ, и съ длиннымъ отверстіемъ флейта.
„Миренъ и кротокъ приди“, къ тебѣ Исмениды взываютъ,
Должный свершая обрядъ. Однѣ Минеиды лишь дома
Не своевременной службой Минервѣ праздникъ смущая,
Волну щиплютъ, или засучаютъ пальцами пряжу,
Или сидятъ за станкомъ и рабынь отягчаютъ работой.
Нитку одна, изъ нихъ отводя своимъ пальцемъ проворнымъ:

рога на головномъ уборѣ или повязкѣ, такъ что по произволу могли быть снимаемы. 25 *Вакханки* или *Мэнады* — пьяныя и неистовствующія женщины; *Сатиры* — (римскіе *Фавны*) — боги горъ, лѣсовъ и полей съ козьими ногами и рогами, которыхъ впрочемъ у Фавновъ нѣтъ, и съ хвостами, въ красноватой шерсти, съ безобразными лицами и съ дудками, въ которыя они дули при пляскѣ, постоянные спутники Вакха; какъ и старый Силенъ, воспитатель и наставникъ бога, всегда его сопровождающій, но постоянно выпившій или отсталый, на ослѣ, или опирающійся на палку. 29 *Тимпаны* — не были вогнуты, а состояли только изъ кольца, обтянутаго кожей, но кимвалы или тарелки были выгнутые мѣдные. Дудки, употребляемыя при жертвоприношеніяхъ, дѣлались изъ бука. Были болѣе совершенныя со многими скважинами, какъ здѣсь, и простыя только съ одною или двумя скважинами; послѣдній родъ назывался Фригійскимъ, приписываемый Фригійцу Мидасу (см. 11, 92) или Березентійскимъ отъ Березентійской богини т. е. Цибелы (см. 11, 106).

Dum cessant aliae, commentaque sacra frequentant,
Nos quoque, quas Pallas, melior dea, detinet, inquit,
Utile opus manuum vario sermone levemus:
Perque vices aliquid, quod tempora longa videri
Non sinat, in medium vacuas referamus ad aures.
Dicta probant, primamque iubent narrare sorores.
Illa, quid e multis referat, nam plurima norat,
Cogitat. et dubia est, de te, Babylonia, narret,
Derceti, quam versa squamis velantibus artus
Stagna Palaestini credunt motasse figura:
An magis, ut sumtis illius filia pennis
Extremos altis in turribus egerit annos:
Nais an ut cantu nimiumque potentibus herbis
Verterit in tacitos iuvenilia corpora pisces,
Donec idem passa est. an, quae poma alba ferebat,
Ut nunc nigra ferat contactu sanguinis arbor.
Haec placet, hanc quoniam vulgaris fabula non est,
Talibus orsa modis, lana sua fila sequente.

PYRAMUS ET THISBE.

Pyramus et Thisbe, iuvenum pulcherrimus alter,
Altera, quas oriens habuit, praelata puellis,
Contiguas tenuere domos, ubi dicitur altam
Coctilibus muris cinxisse Semiramis urbem.
Notitiam primosque gradus vicinia fecit:
Tempore crevit amor. taedae quoque iure coissent,
Sed vetuere patres. Quod non potuere vetare,
Ex aequo captis ardebant mentibus ambo.
Conscius omnis abest. nutu signisque loquuntur.
Quoque magis tegitur, tectus magis aestuat ignis.
Fissus erat tenui rima, quam duxerat olim,
Cum fieret, paries domui communis utrique.

---

44 *Дерцетида* или *Дерцета Вавилонская*, (у Сирійцевъ Астарта) увлечена мстящей за оскорбленіе Венерой; послѣдняя изъ мести внушила ей любовь къ юношѣ, отъ котораго стала матерью Семирамиды. Со стыда Дерцета бросилась въ Аскалонское озеро и превратилась въ рыбу. Сирійцы, — Палестинцы на берегу озера

„Станемъ, сказала, пока другія безъ дѣла и правятъ
Лживыя тайны, и мы, Палладою лучшей богиней
Сдержаны, трудъ облегчать полезный, о разномъ толкуя;
40 И въ чередъ что нибудь, что времени долгимъ казаться
Не дало бы, доведемъ до праздныхъ ушей межъ собою“
Всѣ одобряютъ, и первой велятъ ей разсказывать сестры.
Та, о чемъ разсказать изъ многаго, знала то много,
Думаетъ; и въ сомнѣніи, не о тебѣ ль Дерцетида
45 Вавилонская, ей разсказать, что ликъ измѣнивши,
Какъ Палестинцы гласятъ, въ чешуѣ въ пруды соскочила;
Или скорѣй, какъ дочь то ея, одѣвшися въ перья,
На возвышенныхъ башняхъ послѣдній свой вѣкъ доживала;
Иль о Наядѣ, что пѣньемъ и травъ излишнею силой
50 Юношей цѣлой толпою въ рыбъ превращала безмолвныхъ,
Тоже позднѣе сама претерпѣвъ; иль какъ дерево прежде“
Бывшее въ бѣлыхъ плодахъ, нынѣ въ черныхъ, затронуто кровью.
Нравится эта, затѣмъ что эта не пошлая сказка;
Такъ она начала, а шерсть все тянулась за ниткой.

ПИРАМЪ И ТИЗБА.

55 Жили Пирамъ и Тизба, онъ былъ всѣхъ юношей краше,
А она изо всѣхъ на Востокѣ дѣвъ выдавалась.
Были ихъ рядомъ дома тамъ, гдѣ, по преданію, городъ
Семирамида стѣнами кирпичными весь окружила.
Первыхъ знакомства шаговъ причиною было сосѣдство.
60 Дальше любовь возрасла; И факелы ихъ бы связали,
Но запрещали отцы. Чего жь не могли воспретить имъ,
Оба плѣненной душой равномѣрною страстью пылали.
Преданныхъ нѣтъ никого; разговоры по знакамъ да взглядамъ,
И чѣмъ болѣе скрытъ, огонь все сильнѣе подъ спудомъ.
65 Съ трещиной тонкой была, которую встарь получила,
Какъ возводилась, стѣна домовъ двухъ бывшая общей.

воздавали ей божескія почести, какъ полуженщинѣ и полурыбѣ. Мермель предполагаетъ, что дочь *Дерцеты*, *Семирамида* была воспитана голубями и причислена къ божествамъ въ образѣ голубя. Поэтому нашъ поэтъ заставляетъ ее въ видѣ голубя проживать на высокихъ башняхъ.

Id vitium nulli per saecula longa notatum...
Quid non sentit amor?... primi vidistis amantes,
Et vocis fecistis iter. tutaeque per illud
Murmure blanditiae minimo transire solebant.
Saepe, ubi constiterant, hinc Thisbe, Pyramus illinc,
Inque vicem fuerat captatus anhelitus oris:
Invide, dicebant, paries, quid amantibus obstas?
Quantum erat, ut sineres nos toto corpore iungi,
Aut hoc si nimium, vel ad oscula danda pateres!
Nec sumus ingrati. tibi nos debere fatemur,
Quod datus est verbis ad amicas transitus aures.
Talia diversa nequiquam sede locuti,
Sub noctem dixere vale, partique dedere
Oscula quisque suae non pervenientia contra.
Postera nocturnos aurora removerat ignes,
Solque pruinosas radiis siccaverat herbas:
Ad solitum coiere locum. tum murmure parvo
Multa prius questi, statuunt, ut nocte silenti
Fallere custodes foribusque excedere tentent,
Cumque domo exierint, urbis quoque tecta relinquant:
Neve sit errandum lato spatiantibus arvo,
Conveniant ad busta Nini, lateantque sub umbra
Arboris. arbor ibi niveis uberrima pomis
Ardua morus erat, gelido contermina fonti.
Pacta placent. et lux, tarde discedere visa,
Praecipitatur aquis, et aquis, nox surgit ab isdem.
Callida per tenebras versato cardine Thisbe
Egreditur fallitque suos, adopertaque vultum
Pervenit ad tumulum, dictaque sub arbore sedit.
Audacem faciebat amor. Venit ecce recenti
Caede leaena boum spumantes oblita rictus,
Depositura sitim vicini fontis in unda.
Quam procul ad lunae radios Babylonia Thisbe
Vidit, et obscurum trepido pede fugit in antrum,
Dumque fugit, tergo velamina lapsa reliquit.
Ut lea saeva sitim multa compescuit unda,

Этотъ въ теченьи вѣковъ изъянъ никому незамѣтный...
Что не учуетъ любовь?... влюбленные, вы увидали,
И обратили въ путь голоса; и по немъ безопасно
Тихимъ шепотомъ нѣжныя ласки ходили обычно.
Часто, когда тутъ Пирамъ, а напротивъ Тизба стояли,
И устами взаимное пили дыханье, бывало:
„Что же, завистница, скажутъ, стѣна разлучаешь влюбленныхъ?
Какъ бы тебѣ допустить, чтобы мы сочетались другъ съ другомъ.
Если же много того, хотя бъ для лобзаній разверзлась!
Не непризнательны мы; сознаемъ свой долгъ предъ тобою,
Что дается словамъ до слуха любезнаго доступъ“.
Такъ съ различныхъ мѣстъ обмѣнявшись напрасно словами,
Къ ночи они говорили: прощай, и лобзанія каждый
Клалъ съ своей стороны, не властныя выйти напротивъ.
Только Аврора опять огни удалила ночные
Да осушило и солнце лучами росистыя травы,
На обычномъ сошлись они мѣстѣ; тутъ шепотомъ тихимъ
Вдоволь сперва потуживъ, они положили стараться,
Стражей въ молчаньи ночномъ обмануть и выйти за двери,
А какъ выдутъ изъ дома, покинуть и стѣны градскія;
Чтобы не сбиться однако, бродя по широкому полю,
Имъ у гробницы Нина сойтись и сокрыться подъ тѣнью
Дерева; дерево тамъ плодомъ все бѣлымъ покрыто,
Шелковица была большая близь рѣчки холодной.
Рады условью; и день, что казалось медлитъ, уходомъ,
Въ волны склонился, и ночь изъ тѣхъ же волнъ поднялася.
Хитрая Тизба, въ потьмахъ повернувши петли, прокралась.
И обманувши своихъ, и лице покрываломъ завѣсивъ,
До могилы дошла, и подъ сказаннымъ деревомъ сѣла.
Храброй содѣлала страсть. Вотъ львица идетъ, и недавнымъ
Умерщвленьемъ быковъ опѣненную пасть измаравши,
Ищетъ жажду унять въ волнахъ сосѣдняго тока.
Издали въ лунныхъ лучахъ ее Вавилонская Тизба
Видя, пугливой стопой побѣжала къ темной пещерѣ,
Но при побѣгѣ оставила плащъ, со спины соскользнувшій.
Львица свирѣпая, жажду струей утоливши обильно,

Dum redit in silvas, inventos forte sine ipsa
Ore cruentato tenues laniavit amictus.
Serius egressus vestigia vidit in alto
Pulvere certa ferae, totoque expalluit ore
Pyramus. Ut vero vestem quoque sanguine tinctam
Repperit: Una duos, inquit, nox perdet amantes:
E quibus illa fuit longa dignissima vita,
Nostra nocens anima est. ego te, miseranda, peremi,
In loca plena metus qui iussi nocte venires,
Nec prior huc veni. Nostrum divellite corpus,
Et scelerata fero consumite viscera morsu,
O quicunque sub hac habitatis rupe, leones.
Sed timidi est optare necem... Velamina Thisbes
Tollit, et ad pactae secum fert arboris umbram.
Utque dedit notae lacrimas, dedit oscula vesti:
Accipe nunc, inquit, nostri quoquo sanguinis haustus!
Quoque erat accinctus, demisit in ilia ferrum.
Nec mora, ferventi moriens e vulnere traxit,
Et iacuit resupinus humo. cruor emicat alte,
Non aliter, quam cum vitiato fistula plumbo
Scinditur, et tenui stridente foramine longas
Eiaculatur aquas, atque ictibus aera rumpit.
Arborei fetus aspergine caedis in atram
Vertuntur faciem, madefactaque sanguine radix
Puniceo tinguit pendentia mora colore.
Ecce metu nondum posito, ne fallat amantem
Illa redit, iuvenemque oculis animoque requirit,
Quantaque vitarit narrare pericula gestit.
Utque locum et visam cognoscit in arbore formam,
Sic facit incertam pomi color, haeret, an haec sit.
Dum dubitat, tremebunda videt pulsare cruentum
Membra solum, retroque pedem tulit, oraque buxo
Pallidiora gerens exhorruit aequoris instar,
Quod tremit, exigua cum summum stringitnr aura.
Sed postquam remorata suos cognovit amores,

---

122 *Трубка*—водопровода.

Какъ возвращалася въ лѣсъ, случайно безъ ней повстрѣчавши
Нѣжный покровъ своимъ окровавленнымъ ртомъ истерзала.
Вышедшій позже Пирамъ, на пескѣ глубокомъ увидѣлъ
Явные звѣря слѣды, и лице его все поблѣднѣло.
А когда онъ нашелъ одежду, смоченную кровью,
То воскликнулъ: „одна двухъ любящихъ ночь да погубитъ.
Жизни изъ двухъ насъ была она достойнѣйшей долгой,
Я тутъ душой виноватъ; я самъ твой губитель, бѣдняжка,
Тѣмъ, что ночью послалъ къ мѣстамъ, исполненнымъ страховъ,
Самъ же не первымъ пришелъ. Мое разорвите вы тѣло
И укушеньемъ свирѣпымъ преступное сердце пожрите
Вы, всѣ львы, что здѣсь подъ этой скалою живете.
Но лишь трусъ зоветъ къ себѣ смерть“... Покрывало онъ Тизбы
Поднялъ, и къ тѣни условнаго дерева снесъ онъ съ собою.
Какъ слезами смочилъ, знакомый покровъ онъ лобзая,
То воскликнулъ: „прими и моей ты крови потоки!“
И мечемъ, коимъ былъ подпоясанъ, пронзилъ онъ утробу.
Тотчасъ его, умирая, извлекъ онъ изъ раны горючей;
Навзничь лежалъ на землѣ онъ; а кровь заструилась высоко,
Точно будто, когда съ свинцомъ попорченнымъ трубка
Лопнетъ, и скважиной тонкой шипя, извергаетъ высоко
Воду, и разсѣкаетъ ея устремленіемъ воздухъ.
Окропленные кровью плоды древесные, въ черный
Обращаются видъ, и кровью упитанный корень
Шелковицу висящую краситъ пурпуровымъ цвѣтомъ.
Вотъ еще страха полна, чтобъ милаго не обмануть ей,
Та вернулась и юношу ищетъ и взоромъ и сердцемъ,
И разсказать ему хочетъ, какихъ она бѣдъ избѣжала.
Какъ она мѣсто признала и дерева видъ ей знакомый,
То смутилъ ее цвѣтъ плодовъ, и не знаетъ ужь то ли.
Какъ сомнѣвается, видитъ она, что бьются о землю
Окровавленную члены, и вспять отступила, блѣднѣе
Бука ставши въ лицѣ, и сама задрожала, какъ море,
Что затрепещетъ, чуть вѣтеръ легкій затронетъ поверхность.
Но когда обождавъ, своего она друга узнала,

Percutit indignos claro plangore lacertos,
Et laniata comas amplexaque corpus amatum
140 Vulnera supplevit lacrimis, fletumque cruori
Miscuit, et gelidis in vultibus oscula figens:
Pyrame, clamavit, quis te mihi casus ademit?
Pyrame, responde. tua te carissima Thisbe
Nominat. exaudi, vultusque attolle iacentes!
145 Ad nomen Thisbes oculos iam morte gravatos
Pyramus erexit, visaque recondidit illa.
Quae postquam vestemque suam cognovit, et ense
Vidit ebur vacuum: Tua te manus, inquit, amorque
Perdidit, infelix. Est et mihi fortis in unum
150 Hoc manus. est et amor. dabit hic in vulnera vires.
Persequar extinctum, letique miserrima dicar
Causa comesque tui. quique a me morte revelli
Heu sola poteras, poteris nec morte revelli.
Hoc tamen amborum verbis estote rogati,
155 O multum miseri meus illiusque parentes,
Ut quos certus amor, quos hora novissima iunxit,
Componi tumulo non invideatis eodem.
At tu, quae ramis arbor miserabile corpus
Nunc tegis unius, mox es tectura duorum,
160 Signa tene caedis, pullosque et luctibus aptos
Semper habe fetus, gemini monumenta cruoris.
Dixit, et aptato pectus mucrone sub imum
Incubuit ferro, quod adhuc a caede tepebat.
Vota tamen tetigere deos, tetigere parentes.
165 Nam color in pomo est, ubi permaturuit, ater:
Quodque rogis superest, una requiescit in urna.

VENERIS ADULTERIUM.

Desierat. mediumque fuit breve tempus, et orsa est
Dicere Leuconoe. vocem tenuere sorores.
Hunc quoque, siderea qui temperat omnia luce,
170 Cepit amor Solem: Solis referemus amores.

То неповинныя плечи свои ударила громко,
И растерзавъ волоса и милое тѣло обнявши,
Рану слезами наполнила, и со слезами смѣшала
Кровь, и съ лобзаньемъ припавши къ холодному лику, вскричала:
„О Пирамъ, какой у меня тебя случай похитилъ?
Отвѣчай мнѣ Пирамъ. Тебя твоя милая Тизба
Кличетъ; услышь, и лице лежащее приподыми ты!“
Имя Тизбы внемля, глаза уже тяжкіе смертью
Поднялъ Пирамъ и, взглянувъ на нее, онъ тутъ же закрылъ ихъ.
Та, какъ узнала свою одежду и видитъ ножны то
Безъ меча: „Отъ своей же, вскричала, руки, несчастливецъ,
Ты изъ любви и погибъ. И въ моей рукѣ есть на тоже
Сила; есть и любовь; даетъ она и силу на раны.
Вслѣдъ за угасшимъ пойду и буду считаться, бѣдняжка,
Смерти причиной твоей и спутницей. Ты, что лишь смертью
Могъ у меня быть исторгнутъ, пустъ смертью исторгнутъ не будешь.
Но о томъ умоляю я васъ словами обоихъ,
О премного несчастные, мой и его вы родные,
Чтобы такой очевидной любовью и часомъ послѣднимъ
Связанныхъ не отказали въ одной положить вы могилѣ.
Ты же, дерево, что несчастное тѣло вѣтвями
Нынѣ одно укрываешь, а скоро и двухъ ты укроешь,
Признаки смерти храни, и трауръ, къ рыданьямъ идущій,
Вѣчно носи на себѣ, какъ памятникъ крови сугубой.“
Молвила и, остріе она подставивши, грудью
Бросилась прямо на сталь, что еще теплѣлась отъ крови.
Но мольбы дошли до боговъ, до родителей тоже.
Ибо цвѣтъ на плодахъ, когда они вызрѣютъ, черный;
И останки съ костра въ одной покоятся урнѣ.

ВЕНЕРА И МАРСЪ.

Кончила; былъ перерывъ на короткое время, и стала
Левконоя разсказывать; сестры же голосъ сдержали.
Даже и то, что своимъ лучемъ проникаетъ все небо,
Солнце любви поддалось; любовь повѣствуемъ мы Солнца.

Primus adulterium Veneris cum Marte putatur
Hic vidisse deus. videt hic deus omnia primus.
Indoluit facto, Iunonigenaeque marito
Furta tori furtique locum monstravit. at illi
Et mens, et quod opus fabrilis dextra tenebat,
Excidit. Extemplo graciles ex aere catenas
Retiaque et laqueos, quae lumina fallere possent,
Elimat, non illud opus tenuissima vincant
Stamina, non summo quae pendet aranea tigno:
Utque leves tactus momentaque parva sequantur,
Efficit, et lecto circumdata collocat apte.
Ut venere torum coniunx et adulter in unum,
Arte viri vinclisque nova ratione paratis
In mediis ambo deprensi amplexibus haerent.
Lemnius extemplo valvas patefecit eburnas,
Admisitque deos. Illi iacuere ligati
Turpiter. atque aliquis de dis non tristibus optat
Sic fieri turpis. superi risere, diuque
Haec fuit in toto notissima fabula coelo.

LEUCOTHOE.

Exigit indicii memorem Cythereia poenam,
Inque vices illum, tectos qui laesit amores,
Laedit amore pari. Quid nunc, Hyperione nate,
Forma colorque tibi radiataque lumina prosunt?
Nempe tuis omnes qui terras ignibus uris,
Ureris igne novo. quique omnia cernere debes,
Leucothoen spectas, et virgine figis in una,
Quos mundo debes, oculos. modo surgis eoo
Temperius coelo, modo serius incidis undis,
Spectandique mora brumales porrigis horas:

---

185 *Лемносецъ*. На островѣ Лемносѣ, куда вѣроятно Финикійцами занесена была обработка металловъ, преимущественно чтили Вулкана, Лемносскаго бога. По сродству явленій искусственнаго горна съ огнедышущей горою имя бога было позднѣе переносимо на нихъ. 187 По Гомеру насмѣшливая выходка эта принадлежитъ Меркурію. 190 *Цитерея* — Венера, получившая свое названіе отъ Эгейскаго острова

Богъ этотъ первый, какъ думаютъ, любодѣянье Венеры
Съ Марсомъ узрѣлъ; этотъ богъ постоянно первый все видитъ:
Онъ, о поступкѣ скорбя, Юноной рожденному мужу
Ложа обманъ указалъ и мѣсто обмана, а тотъ то
Умъ и работу кузнечную, что держалъ онъ десницей,
Растерялъ. Немедля изъ мѣди онъ цѣпи и сѣти
Также и петли, такія, что глазъ обмануть въ состояньи,
Выпилилъ; не могли бы работы его тончайшія нити
Превзойти, ни паукъ подъ брусомъ верхнимъ висящій.
Чтобъ онѣ легкимъ давленьямъ при маломъ движеньи сдавались,
Сдѣлалъ онъ и собравъ, окружилъ ими ловко постелю.
Какъ на ложѣ одномъ сошлись любодѣй и супруга,
Мужа искусствомъ они и новыхъ оковъ ухищреньемъ
Оба среди объятій захвачены, такъ и остались.
Тотчасъ Лемносецъ, раскрывши двери изъ кости слоновой,
Созываетъ боговъ. Тѣ связаны вмѣстѣ лежали
Срамно; а изъ боговъ иной не печальный желаетъ
Самъ быть срамнымъ такимъ; смѣются владыки, и долго
Это сказкой извѣстнѣйшей было по цѣлому небу.

ЛЕВКОТОЯ.

За извѣтъ воздала Цитерея памятной карой,
И обратно тому, кто вреденъ любви былъ сокрытой,
Также любовью вредитъ. Къ чему жъ, Гиперіона чадо,
Служатъ тебѣ красота и цвѣтъ и лучистыя очи?
Вотъ ты, который своимъ огнемъ сожигаешь всю землю,
Новымъ сжигаемъ огнемъ; и все долженствующій видѣть,
На Левкотою глядишь и въ дѣву одну лишь вперяешь
Очи, которыми ты повиненъ міру; то всходишь
Ты на востокѣ скорѣй, то позже спускаешься въ волны,
И заглядѣвшись, и медля, часы ты зимой удлиняешь.

Цитеры у южнаго конца Пелопонеса (см. 10, 529). 192 *Гиперіона чадо* (см. 1, 10). 196 *Левкотоя*, а не *Левкотея*, каковое имя принадлежитъ Ино, ставшей морскою богиней. 199 *Часы ты зимой удлиняешь.* У древнихъ съ восхода и до заката солнца считалось двѣнадцать часовъ и столько же въ ночи, т. е. понятно, что часы ночнаго отсутствія солнца зимою удлинялись.

Deficis interdum, vitiumque in lumina mentis
Transit, et obscurus mortalia pectora terres,
Nec, tibi quod lunae terris propioris imago
Obstiterit, palles. facit hunc amor iste colorem.
Diligis hanc unam. nec te Clymeneque Rhodosque,
Nec tenet Aeaeae genitrix pulcherrima Circes,
Quaeque tuos Clytie quamvis despecta petebat
Concubitus, ipsoque illo grave vulnus habebat
Tempore. Leucothoe multarum oblivia fecit,
Gentis odoriferae quam formosissima partu
Edidit Eurynome. sed postquam filia crevit,
Quam mater cunctas, tam matrem filia vicit.
Rexit Achaemenias urbes pater Orchamus, isque
Septimus a prisco numeratur origine Belo.
Axe sub Hesperio sunt pascua Solis equorum:
Ambrosiam pro gramine habent. ea fessa diurnis
Membra ministeriis nutrit reparatque labori.
Dumque ibi quadrupedes coelestia pabula carpunt,
Noxque vicem peragit, thalamos deus intrat amatos,
Versus in Eurynomes faciem genitricis, et inter
Bis sex Leucothoen famulas ad lumina cernit
Levia versato ducentem stamina fuso.
Ergo ubi, ceu mater, carae dedit oscula natae:
Res, ait, arcana est. famulae, discedite, neve
Eripite arbitrium matri secreta loquendi.
Paruerant. thalamoque deus sine teste relicto:
Ille ego sum, dixit, qui longum metior annum,
Omnia qui video, per quem videt omnia tellus,
Mundi oculus. Mihi, crede, places. Pavet illa, metuque

---

204 *Климена*—прежній предметъ любви Солнца, мать Фаэтона (см. 1, 756). *Рода*—дочь Нептуна, для которой влюбленный въ нее Соль, какъ говорятъ, осушилъ островъ Родосъ, бывшій до того времени подъ водою. 205 *Прекрасная матъ Цирцеи*—Перса или Перссія не названа здѣсь потому, что обозначена болѣе извѣстнымъ въ миѳологіи именемъ дочери своей. 206 *Клитія* — морская нимфа, дочь Океана и Теѳеи (см. 2, 509), судьба которой описана ниже 256. 209 *Въ странѣ ароматной*—Персіи, вслѣдъ затѣмъ называемой Ахеменейской, по имени перваго, по преданію царя, Ахемена. 213 *Древняго Бела*; миѳологія называетъ многихъ царей этимъ именемъ. Извѣстнѣйшій изъ нихъ Египетскій Белъ, дѣдъ Данаидъ, которыя вслѣдствіе этого назы-

200 Нѣтъ тебя вовсе порой: душевный изъянъ переходитъ
Въ очи, и омрачась, ты смертныхъ сердца устрашаешь.
Не потому, что ближайшей къ землѣ луны тебя образъ
Заслоняетъ, блѣднѣешь, любовь этотъ цвѣтъ производитъ.
Любишь ее ты одну; тебя ни Климена, ни Рода
205 Не влекутъ; ни прекрасная мать Ээйской Цирцеи
И не Клитія, что, хоть отвергнута, все же стремилась
Въ ложе твое и въ то же самое время терпѣла
Тяжкую рану. Заставила многихъ забыть Левкотоя
Та, которую, диво красы въ странѣ ароматной,
210 Родила Эвринома; но послѣ, лишь дочь поднялася,
Какъ всѣхъ мать побѣждала, такъ дочь свою мать побѣдила.
Ахеменейскій Орхамъ, отецъ ея, правилъ страною,
Онъ считался седьмымъ въ потомствѣ древняго Бела.
Въ Гесперійской странѣ есть пастбища Солнцевыхъ коней:
215 Вмѣсто травы, имъ дается амврозія; эта питаетъ
Члены, на службѣ дневной усталые, къ новой работѣ.
Четвероногіе тамъ какъ щиплютъ небесную пищу,
И замѣняетъ ихъ ночь, богъ входитъ къ возлюбленной въ спальню,
Матери ликъ Эвриномы принявши, и тамъ Левкотою
220 Видитъ: двѣнадцать служанокъ вокругъ, а она при лампадѣ
Ровныя нити выводитъ, веретено запуская.
Облобызавши затѣмъ, какъ матерь дочь дорогую,
„Тайна, промолвила, есть, уйдите служанки, и права
Не отнимайте у матери вымолвить скрытное слово“.
225 Тѣ повинуются; богъ, безъ свидѣтелей въ спальнѣ оставшись:
„Я тотъ самый, сказалъ, что долгій годъ измѣряю,
Кто все видитъ, при комъ сама и земля то все видитъ.
Око я міра. Ты нравишься мнѣ, повѣрь“. Та съ испуга

ваются и Белидами (см. тутъ же 403). — Его считаютъ основателемъ Вавилона. 215 На западномъ краю неба, пара или четвертка коней, склоняющагося въ море солнца отпрягаются и пускаются на пастбище, гдѣ они вмѣсто травы питаются божественной амврозіей. Утромъ мы снова встрѣчаемъ ихъ на краю восточнаго моря въ стойлахъ солнечнаго дворца (см. 2, 1) у высокихъ ясель, готовыми для новаго пути. *Амврозія* — божественная пища, сладкій, бальзамическій сокъ, приносимый орлами и голубями богамъ; обычно въ видѣ пищи, но также и напитка, и кромѣ того какъ чудодѣйственный бальзамъ (см. 2, 122).

Et colus et fusus digitis cecidere remissis.
Ipse timor decuit. Nec longius ille moratus,
In veram redit faciem, solitumque nitorem.
At virgo, quamvis inopino territa visu,
Victa nitore dei posita vim passa querela est.
Invidit Clytie. neque enim moderatus in illa
Solis amor fuerat. stimulataque pellicis ira
Vulgat adulterium, diffamatumque parenti
Indicat. Ille ferox immansuetusque precantem
Tendentemque manus ad lumina Solis et: Ille
Vim tulit invitae, dicentem defodit alta
Crudus humo, tumulumque super gravis addit arenae.
Dissipat hunc radiis Hyperione natus, iterque
Dat tibi, quo possis defossos promere vultus.
Nec tu iam poteras enectum pondere terrae
Tollere, nympha, caput, corpusque exsangue iacebas.
Nil illo fertur volucrum moderator equorum
Post Phaethonteos vidisse dolentius ignes.
Ille quidem gelidos radiorum viribus artus,
Si queat, in vivum tentat revocare calorem.
Sed quoniam tantis fatum conatibus obstat,
Nectare odorato sparsit corpusque locumque,
Multaque praequestus: Tanges tamen aethera, dixit.
Protinus imbutum coelesti nectare corpus
Delicuit terramque suo madefecit odore,
Virgaque per glebas sensim radicibus actis
Turea surrexit, tumulumque cacumine rupit.

CLYTIE.

At Clytien, quamvis amor excusare dolorem,
Indiciumque dolor poterat, non amplius auctor
Lucis adit, Venerisque modum sibi fecit in illa.
Tabuit ex illo dementer amoribus usa,

---

250 Какъ амврозія была пищей, такъ нектаръ былъ виномъ, напиткомъ боговъ. но подобно первой, въ тоже время служилъ и чудотворнымъ сокомъ; нектаръ и амврозія мѣняются качествами, становясь то пищей, то напиткомъ. 251 *Неба ко-*

Прялку съ веретономъ уронила изъ пальцевъ ослабшихъ.
Самый и страхъ ей къ лицу. А тотъ, ужь дольше не медля,
Истинный принялъ свой видъ съ обычнымъ сіяніемъ вмѣстѣ.
Дѣва же, хоть и напугана этимъ нежданнымъ видѣньемъ,
Блеску бога покорна, оставивши ропотъ, смирилась.
Клитію зависть взяла. Безмѣрная въ ней сохранялась
Къ Солнцу любовь; подстрекаема противъ разлучницы гнѣвомъ,
Любодѣянье она раскрываетъ и срамъ указуетъ
Тотчасъ отцу. Тотъ дикъ и свирѣпъ, хоть она умоляла
И говорила, къ сіянію Солнца руки простерши:
„Онъ мнѣ насилье нанесъ“, ее безпощадный глубоко
Въ землю зарылъ и тяжелымъ холмомъ песчанымъ засыпалъ.
Раскрываетъ лучами его Гиперіона чадо,
И даетъ тебѣ путь погребеннымъ лицемъ приподняться.
Но уже голову ты, убитую насыпи грудой,
Нимфа, поднять не могла и безжизненнымъ трупомъ лежала.
Ничего, говорятъ, укротитель коней окрыленныхъ
Не видалъ грустнѣйшаго съ самыхъ огней Фаэтона.
Все же членамъ холоднымъ онъ силой лучей своихъ ищетъ,
Не удастся ль ему возвратить теплоту имъ живую.
Но какъ судьба возбраняетъ подобнымъ замысламъ сбыться,
Благоухающимъ нектаромъ тѣло кропитъ онъ и мѣсто
И, настонавшись довольно: „Все жь неба коснешься“, промолвилъ.
Тотчасъ пропитанное небеснымъ нектаромъ тѣло
Распустилось и запахомъ землю своимъ напоило,
И понемногу лоза, приносящая ладонъ, по глыбамъ
Корни пуская, взошла и пробила вершиною насыпь.

КЛИТІЯ.

Но уже къ Клитіи, хоть бы любовь извиняла въ ней горе,
Горе и самый доносъ, не приходитъ больше виновникъ
Свѣта, и къ ней онъ любви своей предѣлъ полагаетъ.
Стала таять съ тѣхъ поръ она, отъ любви обезумѣвъ

снешься—такъ какъ ладонъ,—въ древо коего она превращается, своимъ благовоніемъ съ алтаря восходитъ до неба.

Nympharum impatiens, et sub Iove nocte dieque
Sedit humo nuda, nudis incomta capillis.
Perque novem luces expers undaeque cibique
Rore mero lacrimisque suis ieiunia pavit:
Nec se movit humo. tantum spectabat euntis
Ora dei, vultusque suos flectebat ad illum.
Membra ferunt haesisse solo, partemque coloris
Luridus exsangues pallor convertit in herbas,
Est in parte rubor, violaeque simillimus ora
Flos tegit. Illa suum, quamvis radice tenetur
Vertitur ad Solem, mutataque servat amorem.
Dixerat, et factum mirabile ceperat aures.
Pars fieri potuisse negant. pars omnia veros
Posse deos memorant. sed non est Bacchus in illis.
Poscitur Alcithoe, postquam siluere sorores.
Quae radio stantis percurrens stamina telae:
Vulgatos taceo, dixit, pastoris amores
Daphnidis Idaei, quem nymphe pellicis ira
Contulit in saxum. tantus dolor urit amantes.
Nec loquor, ut quondam naturae iure novato
Ambiguus fuerit modo vir, modo femina Sithon.
Te quoque, nunc adamas, quondam fidissime parvo,
Celmi, Iovi, largoque satos Curetas ab imbri,
Et Crocon in parvos versum cum Smilace flores
Praetereo, dulcique animos novitate tenebo.

SALMACIS.

Unde sit infamis, quare male fortibus undis
Salmacis enervet, tactosque remolliat artus,
Discite. Causa latet. vis est notissima fontis.

---

261 *Съ головой непокрытой.* Въ знакъ пренебреженія внѣшностію, горя и печали, такъ какъ обычно на головѣ долженъ быть родъ чепца или сѣтки. 270 Въ этомъ описаніи не трудно угадать подсолнечникъ. 277 Сицелійскій пастухъ Дафнисъ извѣстенъ какъ изобрѣтатель пастушеской поэзіи. Хотя объ исторіи его превращенія Овидій и говоритъ какъ объ общеизвѣстной, мы о ней ничего не знаемъ. 280 Настолько же мало извѣстенъ и упоминаемый здѣсь Ситонъ. 282 *Сельмъ*—одинъ изъ Куретовъ, служившихъ малолѣтнему Юпитеру на островѣ Критѣ (см. 1, 114), былъ

И, удаляясь отъ Нимфъ, подъ небомъ и денно и нощно
На непокрытой землѣ сидитъ съ головой непокрытой.
И, не касаяся девять дней ни влаги ни пищи,
Чистой росою она да слезами свой голодъ питала;
Не подымалась съ земли, а только идущему богу
Все глядѣла въ лице и къ нему обращалася взоромъ.
Члены въ землю вросли, говорятъ, и желтая блѣдность
Обратила часть цвѣта у ней въ безцвѣтную траву,
Въ части другой краснота, и цвѣтъ, подобный фіалкѣ,
Скрылъ ей лице. Къ своему она, хоть и сдержана корнемъ,
Солнцу все обращается, и превращенная любитъ.
Кончила, и удивительный случай занялъ ихъ уши.
Быть не можетъ, однѣ говорятъ, а другія считаютъ
Все возможнымъ богамъ; но Бахуса нѣтъ между ними.
Просятъ затѣмъ Альцитою, когда умолкнули сестры.
Та, въ отвѣсномъ станкѣ челнокъ запуская по ниткамъ,
Я умолчу, говоритъ, о любви пастуха всѣмъ извѣстной
Дафниса съ Этны, котораго нимфа, разлучницы ради,
Камнемъ содѣлала; такъ печаль распаляетъ влюбленныхъ.
Не разскажу я, какъ нѣкогда противъ закона природы,
Попеременно, то мужемъ, то женщиной дѣлался Ситонъ.
И о тебѣ, что нынѣ алмазъ, умолчу, хоть Зевесу
Юному, Сельмъ, ты служилъ, о куретахъ, дождемъ порожденныхъ,
И о Смилаксѣ, что съ Крокосомъ въ пару цвѣтковъ превратились,
А новизною отрадною ваше займу я вниманье.

САЛМАЦИДА.

Чѣмъ заслужила хулы, почему вредоносной волною
Слабость членамъ даетъ Салмацида и ихъ разслабляетъ,
Слушайте. Скрыта причина; но сила ключа всѣмъ извѣстна.

особенно преданъ своему богу, но позднѣе, проболтавшись о его смертности, — вѣроятно въ смыслѣ воплощенія природы,—былъ въ наказанье превращенъ въ алмазъ. Куреты, о которыхъ здѣсь говорится (Куреты были и въ Этоліи см. 7, 382), древнѣйшіе обитатели Крита и произошли отъ дождя. Очевидно все рожденіе Юпитера есть олицетвореніе весны. 283 *Крокосъ* и *Смилакса* влюбленная пара, превращенная въ растенія: Крокосъ въ шафранъ, а Смилакса въ тисъ.

Mercurio puerum diva Cythereide natum
Naides Idaeis enutrivere sub antris,
290 Cuius erat facies, in qua materque paterque
Cognosci possent. nomen quoque traxit ab illis.
Is tria cum primum fecit quinquennia, montes
Deseruit patrios, Idaque altrice relicta
Ignotis errare locis, ignota videre
295 Flumina gaudebat, studio minuente laborem.
Ille etiam Lycias urbes Lyciaeque propinquos
Caras adit. Videt hic stagnum lucentis ad imum
Usque solum lymphae. non illic canna palustris,
Nec steriles ulvae, nec acuta cuspide iunci:
300 Perspicuus liquor est. stagni tamen ultima vivo
Cespite cinguntur semperque virentibus herbis.
Nympha colit, sed nec venatibus apta, nec arcus
Flectere quae soleat, nec quae contendere cursu,
Solaque Naiadum celeri non nota Dianae.
305 Saepe suas illi fama est dixisse sorores:
Salmaci, vel iaculum, vel pictas sume pharetras,
Et tua cum duris venatibus otia misce.
Nec iaculum sumit, nec pictas illa pharetras,
Nec sua cum duris venatibus otia miscet:
310 Sed modo fonde suo formosos pelluit artus,
Saepe Cytoriaco deducit pectine crines,
Et quid se deceat, spectatas consulit undas:
Nunc pellucenti circumdata corpus amictu
Mollibus aut foliis, aut mollibus incubat herbis:
315 Saepe legit flores. Et tunc quoque forte legebat,
Cum puerum vidit, visumque optavit habere.
Nec tamen ante adiit, etsi properabat adire,
Quam se composuit, quam circumspexit amictus,
Et finxit vultum, et meruit formosa videri.
320 Tum sic orsa loqui: Puer o dignissime credi
Esse deus, seu tu deus es, potes esse Cupido:
Sive es mortalis, qui te genuere, beati,

---

291 Гермафродитъ отъ Греческаго имени Меркурія, — Гермеса и Афродиты — Венеры. 302 Хотя всѣ нимфы, безъ различія видовъ, охотницы. 311 Гора Циторъ

Мальчика, что отъ Меркурія у Цитереи родился,
Подъ навѣсомъ пещеръ Идейскихъ вскормили наяды;
290 Было лице у него, по которому мать и отца бы
Можно признать; и отъ нихъ воспріялъ онъ и самое имя.
Онъ, какъ только ему пятнадцать лѣтъ миновало,
Съ горъ родныхъ убѣжалъ и, забывъ кормилицу Иду,
По незнакомымъ бродить мѣстамъ, незнакомыя видѣть
295 Рѣки былъ радъ; любопытство его уменьшало усталость.
Шелъ въ Ликейскіе онъ города и къ Ликіи также
Близкую Карію. Тутъ онъ озеро видитъ съ прозрачной
До глубокаго дна водой; ни трости болотной,
Ни безплодной въ немъ поросли, ни камышей островерхихъ.
300 Влага видна вся насквозь; края же у озера дерномъ
Опоясаны свѣжимъ и вѣчно зеленой травою.
Нимфа живетъ тутъ, однако она неспособна къ охотѣ,
Непривычна ни лукъ изогнуть, ни въ бѣгѣ поспорить,
Между наядъ одна неизвѣстная быстрой Діанѣ.
305 Часто, какъ говорятъ, ей сестры твердили ея же:
„Салмацида, возьми копье или пестрый колчанъ ты
И къ суровой охотѣ свое примѣшай ты бездѣлье“.
Не беретъ ни копья, ни пестраго также колчана
И къ суровой охотѣ она не мѣшаетъ бездѣлья;
310 А въ ключѣ лишь своемъ омываетъ красивые члены,
Часто по волосамъ Циторскимъ гребнемъ проводитъ
И о томъ, что къ лицу ей, глядя въ струи, вопрошаетъ;
То прозрачной одеждою тѣло свое облачивши,
На листвѣ она мягкой иль мягкой травѣ возлегаетъ;
315 Часто срываетъ цвѣты, какъ разъ и тогда ихъ срывала,
Какъ завидѣла юношу и, увидавъ, возжелала.
Но не прежде къ нему подошла, хоть идти порывалась,
Чѣмъ сама прибралась и свою оглядѣла одежду
И улыбку сложивъ, заслужила казаться прекрасной.
320 Тутъ она такъ начала: „О юноша, богомъ считаться
Быть достойный, коль богъ ты, то можешь быть Купидономъ,
Если ты смертный, то счастливы тѣ, что тебя породили,

на берегу Чернаго моря славилась своими буковымя лѣсами, доставлявшими матеріалъ, между прочимъ для гребней и дудокъ.

Et frater felix, et fortunata profecto
Siqua tibi soror est, et quae dedit ubera, nutrix.
Sed longe cunctis longeque potentior illa,
Siqua tibi sponsa est, siquam dignabere taeda.
Haec tibi sive aliqua est, mea sit furtiva voluptas:
Seu nulla est, ego sim, thalamumque ineamus eundem.
Nais ab his tacuit. Pueri rubor ora notavit,
Nescit enim quid amor. sed et erubuisse decebat.
Hic color aprica pendentibus arbore pomis,
Aut ebori tincto est, aut sub candore rubenti,
Cum frustra resonant aera auxiliaria, lunae.
Poscenti nymphae sine fine sororia saltem
Oscula, iamque manus ad eburnea colla ferenti:
Desinis? aut fugio, tecumque, ait, ista relinquo.
Salmacis extimuit, Locaque haec tibi libera trado,
Hospes, ait. simulatque gradu discedere verso,
Tum quoque respiciens, fruticumque recondita silva
Delituit, flexumque genu summisit. At ille,
Scilicet ut vacuis et inobservatus in herbis,
Huc it et hinc illuc, et in alludentibus undis
Summa pedum taloque tenus vestigia tinguit.
Nec mora, temperie blandarum captus aquarum,
Mollia de tenero velamina corpore ponit.
Tunc vero ostupuit, nudaeque cupidine formae
Salmacis exarsit. flagrant quoque lumina nymphae,
Non aliter, quam cum puro nitidissimus orbe
Opposita speculi referitur imagine Phoebus.
Vixque moram patitur, vix iam sua gaudia differt,
Iam cupit amplecti, iam se male continet amens.
Ille cavis velox applauso corpore palmis
Desilit in latices, alternaque brachia ducens
In liquidis translucet aquis, ut eburnea si quis
Signa tegat claro vel candida lilia vitro.
Vicimus et meus est! exclamat nais, et omni

---

333 При лунныхъ затменіяхъ луна начинаетъ просвѣчивать краснотою изъ подъ своей обычной бѣлизны. Суевѣріе предполагало, что луна краснѣетъ тогда въ борьбѣ съ Ѳессалійскими волшебницами, старающимися совлечь ее съ неба, и полагало, что

Счастливъ также твой братъ и воистину счастлива, если
Есть сестра у тебя и кормилица та, что питала
Но далеко́ изо всѣхъ далеко́ богаче блаженствомъ,
Если найдется невѣста, что факела ты удостоишь.
Если такая ужь есть, то будь я блаженна украдкой;
Если же нѣтъ, то ею будь я и войдемъ въ почивальню“.
Тутъ наяда умолкла. У юноши ликъ закраснѣлся;
Что за любовь онъ не зналъ; но все же къ лицу и краснѣетъ.
Цвѣтъ у яблокъ такой, висящихъ съ вѣтвей на припекѣ,
Иль у подкрашенной кости слоновой, или подъ бѣлымъ
Краска луны, какъ ей мѣдь помогая, звенитъ понапрасну.
Нимфѣ, упорно его просящей хотя о лобзаньи
Сестринскомъ, и уже руку на бѣлую шею занесшей:
„Стой! или я убѣгу, онъ сказалъ, отъ тебя и отсюда“.
Салмацида въ испугѣ сказала: „тебѣ уступаю
Мѣсто я, гость“, и обратно пошла притворясь, что уходитъ;
Но оглянувшись потомъ, лѣснымъ кустарникомъ скрыта,
Спряталась и на колѣна присѣла, а онъ полагая,
Что въ травѣ никого и онъ никѣмъ незамѣченъ,
То туда пойдетъ, то сюда и въ игривыя волны
Вверхъ по щиколотки ступни онъ ногъ погружаетъ.
Безъ замедленія ласковыхъ струй теплотой увлеченный,
Мягкія онъ одежды снимаетъ съ нѣжнаго тѣла.
Тутъ Салмацида вполнѣ изумилась, и тѣла нагаго
Воспылала желаньемъ; глаза засвѣтились у нимфы
Точно также, какъ Фебъ проясненнымъ кругомъ блистая,
Ликомъ своимъ отражается въ зеркалѣ прямо напротивъ.
Только едва она терпитъ, едва свой восторгъ отлагаетъ,
Уже алкаетъ обнять, и себя чуть держитъ въ безумствѣ.
Тотъ, проворно похлопавъ ладонями полыми тѣло,
Прыгаетъ въ воду и руки поперемѣнно швыряя,
Самъ сквозитъ въ прозрачныхъ струяхъ, какъ изъ кости слоновой
Статуя или лилея, стекломъ прикрытая яснымъ.
„Вотъ и побѣда: онъ мой!“ восклицаетъ наяда, и кинувъ

металлическимъ звукомъ трубъ, роговъ и мѣдныхъ тарелокъ можно, отгоняя волшебницъ, подать помощь лунѣ.

Veste procul iacta medis immittitur undis,
Pugnantemque tenet, luctantiaque oscula carpit,
Subiectatque manus, invitaque pectora tangit,
Et nunc hac iuveni, nunc circumfunditur illac.
Denique nitentem contra elabique volentem
Implicat, ut serpens, quam regia sustinet ales
Sublimemque rapit. pendens caput illa pedesque
Alligat, et cauda spatiantes implicat alas:
Utve solent hederae longos intexere truncos:
Utque sub aequoribus deprensum polypus hostem
Continet, ex omni dimissis parte flagellis.
Perstat Atlantiades, sperataque gaudia nymphae
Denegat. Illa premit, commissaque corpore toto
Sicut inhaerebat: Pugnes licet, improbe, dixit,
Non tamen effugies. ita di iubeatis, et istum
Nulla dies a me, nec me diducat ab isto.
Vota suos habuere deos. nam mixta duorum
Corpora iunguntur, faciesque inducitur illis
Una, velut si quis conducat cortice ramos,
Crescendo iungi pariterque adolescere cernit,
Sic ubi complexu coierunt membra tenaci,
Nec duo sunt, sed forma duplex, nec femina dici,
Nec puer ut possit. neutrumque et utrumque videntur.
Ergo ubi se liquidas, quo vir descenderat, undas
Semimarem fecisse videt, mollitaque in illis
Membra, manus tendens, sed iam non voce virili,
Hermaphroditus ait: Nato date munera vestro,
Et pater et genitrix, amborum nomen habenti:
Quisquis in hos fontes vir venerit, exeat inde
Semivir, et tactis subito mollescat in undis.
Motus uterque parens nati rata verba biformis
Fecit, et incesto fontem medicamine tinxit.
Finis erat dictis. sed adhuc Minyeia proles
Urguet opus, spernitque deum, festumque profanat:
Tympana cum subito non apparentia raucis

---

385 Вѣроятно это былъ горячій источникъ, возбуждавшій въ истому и любострастіе.

Прочь всю одежду, пускается въ самыя волны
И, поймавъ супротивнаго, силой срываетъ лобзанья,
Руки поддѣвъ подъ него насильно касается груди;
Юношу уже то такъ, то этакъ она обвиваетъ.
Напослѣдокъ упорнаго и готоваго къ бѣгству
Охватила, какъ змѣй, котораго царская птица
Подняла и по воздуху мчитъ; и вися, онъ ей вяжетъ
Ноги и голову, хвостъ же опуталъ простертыя крылья;
Или какъ плющъ оплетаетъ обычно стволы подлиннѣе
Или же какъ подъ водою полипъ, врага изловивши,
Держитъ щупальцами, со всѣхъ ихъ сторонъ выпуская.
Атлантіадъ все упрямъ, желанной радости нимфѣ
Онъ не даетъ. Она все тѣснитъ, и какъ она тѣломъ
Всѣмъ какъ будто впилась, сказала: „Ты бейся, жестокій,
Все не уйдешь; пошлите же боги, чтобы ни единый
День ни его отъ меня, ни меня отъ него не отторгнулъ“.
Боги для этихъ моленій нашлись; ибо вмѣстѣ смѣшавшись,
Соединились обоихъ тѣла, и единый облекъ ихъ
Ликъ. Какъ, ежели кто сближаетъ вѣтки корою,
То увидитъ ихъ ростъ совокупный и равную зрѣлость,
Такъ, лишь только сошлись въ объятіяхъ цѣпкихъ ихъ члены,
Ихъ не двое, а образъ двойной, назвать ни мущиной
Невозможно, ни женщиной; среднее то и другое.
Вотъ какъ онъ увидалъ, что волны, въ которыя сшелъ онъ
Мужемъ, его полумужемъ содѣлали, члены разслабивъ,
Руки воздѣлъ и уже не мужескимъ голосомъ молвилъ
Гермафродитъ: „Отецъ мой и мать, окажите вы милость
Сыну, который отъ васъ обоихъ пріемлетъ и имя:
Всякій мужъ, что войдетъ въ источникъ этотъ, пусть выйдетъ
Полумужемъ отсюда и, водъ лишь коснувшись, ослабнетъ“.
Тронуты оба родителя, сына двуликаго просьбу
Сдѣлали правдой, и въ ключъ любовнаго влили лѣкарства.
Кончились этимъ слова. Но все еще Минія чада
Спѣшны въ трудѣ и, бога презрѣвъ, торжество оскверняютъ;
Какъ внезапно тимпаны незримые голосомъ зычнымъ

Obstrepuere sonis, et adunco tibia cornu
Tinnulaque aera sonant. redolent myrrhaeque crocique:
Resque fide maior, coepere virescere telae,
395 Inque hederae faciem pendens frondescere vestis.
Pars abit in vites, et quae modo fila fuerunt,
Palmite mutantur. de stamine pampinus exit:
Purpura fulgorem pictis accommodat uvis.
Iamque dies exactus erat, tempusque subibat,
400 Quod tu nec tenebras, nec possis dicere lucem,
Sed cum luce tamen dubiae confinia noctis.
Tecta repente quati, pinguesque ardere videntur
Lampades et rutilis collucere ignibus aedes,
Falsaque saevarum simulacra ululare ferarum.
405 Fumida iamdudum latitant per tecta sorores,
Diversaeque locis ignes ac lumina vitant.
Dumque petunt latebras, parvos membrana per artus
Porrigitur, tenuique includit brachia penna.
Nec qua perdiderint veterem ratione figuram,
410 Scire sinunt tenebrae. Non illas pluma levavit:
Sustinuere tamen se pellucentibus alis.
Conataeque loqui, minimam pro corpore vocem
Emittunt, peraguntque levi stridore querelas.
Tectaque, non silvas, celebrant. lucemque perosae
415 Nocte volant, seroque trahunt a vespere nomen.

ATHAMAS ET INO.

Tum vero totis Bacchi memorabile Thebis
Numen erat. magnasque novi matertera vires
Narrat ubique dei, de totque sororibus expers
Una doloris erat, nisi quem fecere sorores.
420 Aspicit hanc, natis thalamoque Athamantis habentem
Sublimes animos et alumno numine, Iuno.

---

395 Всѣ упоминаемыя здѣсь Вакхическія превращенія происходятъ надъ ткацкими станками, на которыхъ работали дочери Минія, приготовляя ткани съ пурпурными полосками. 404 *Лживые лики* (см. 3, 668). 415 Отъ слова Vesper — вечеръ, vespertilio — нетопырь. 418 *Тетка* — Ино, родная сестра матери Вакха — Семелы,

Зазвучали вокругъ и изъ рога согнутая флейта;
Грянула звонкая мѣдь, и крокомъ и миррой запахло.
Невѣроятная вещь, станки зеленѣть начинаютъ.
395 И подобно плющу, висящая ткань зеленѣетъ.
Часть лозами становится; недавно бывшія нитки
Превращаются въ плети, изъ пряжи выходятъ побѣги;
Пурпуръ передаетъ свой блескъ кистямъ разноцвѣтнымъ.
Уже закончился день, и время уже наставало,
400 Что ни мракомъ еще, ни свѣтомъ назвать невозможно,
А со свѣтомъ однако сближенье сомнительной ночи.
Вдругъ показалось, что домъ весь дрожитъ и смолистые пышатъ
Свѣточи и засвѣтилось огнями красными зданье,
И свирѣпыхъ звѣрей завыли лживые лики.
405 Уже давно подъ дымною крышею спряталися сестры,
И въ разбродъ по мѣстамъ бѣгутъ отъ огней и отъ свѣта.
Но пока онѣ мрака искали, по маленькимъ членамъ
Перепонка пошла и связала имъ крыльями руки.
Но какимъ онѣ образомъ прежняго вида лишились,
410 Мракъ не даетъ распознать. Подымались онѣ не на перьяхъ,
Но держались однако же все на крыльяхъ прозрачныхъ.
Говорить собираясь, малѣйшій по тѣлу и голосъ
Испускаютъ, и жалобы легкимъ выводятъ лишь пискомъ.
Любятъ крыши онѣ, не лѣса; и свѣтъ ненавидя,
415 Ночью летаютъ, принявъ отъ поздняго вечера имя.

АТАМАНТЪ И ИНО.

Тутъ во всѣхъ уже Ѳивахъ Вакхово стало почетно
Божество, и о силѣ великой новаго бога
Тетка повсюду твердитъ; изо всѣхъ сестеръ она горя
Только не знала одна, исключая что вызвали сестры.
420 Видитъ, что эта дѣтьми и спальней своей съ Атамантомъ
И божествомъ питомца душою надменна,—Юнона

первая воспитательница Вакха (см. 3, 313) супруга Ѳивскаго царя Атаманта. Сестры ея, Семела, Агава—мать Пентея, и Автоноя—мать Актеона были поражены страшными несчастіями (см. 3, 131, 309, 720, 725).

Nec tulit, et secum: Potuit de pellice natus
Vertere Maeonios, pelagoque immergere nautas,
Et laceranda suae nati dare viscera matri,
Et triplices operire novis Minyeidas alis:
Nil poterit Iuno nisi inultos flere dolores?
Idque mihi satis est? haec una potentia nostra est?
Ipse docet, quid agam. fas est et ab hoste doceri:
Quidque furor valeat, Penthea caede satisque
Ac super ostendit. cur non stimuletur eatque
Per cognata suis exempla furoribus Ino?
  Est via declivis, funesta nubila taxo;
Ducit ad infernas per muta silentia sedes.
Styx nebulas exhalat iners. umbraeque recentes
Descendunt illac simulacraque functa sepulcris.
Pallor hiemsque tenent late loca senta. novique,
Qua sit iter, manes, Stygiam qua ducat ad urbem,
Ignorant, ubi sit nigri fera regia Ditis.
Mille capax aditus et apertas undique portas
Urbs habet. utque fretum de tota flumina terra,
Sic omnes animas locus accipit ille, nec ulli
Exiguus populo est, turbamve accedere sentit.
Errant exsangues sine corpore et ossibus umbrae,
Parsque forum celebrant, pars imi tecta tyranni;
Pars aliquas artes, antiquae imitamina vitae,
Exercent; aliam partem sua poena coercet.
Sustinet ire illuc coelesti sede relicta,
Tantum odiis iraeque dabat, Saturnia Iuno.
Quo simul intravit, sacroque a corpore pressum
Ingemuit limen, tria Cerberus extulit ora
Et tres latratus simul edidit. illa sorores
Nocte vocat genitas, grave et implacabile numen.
Carceris ante fores clausas adamante sedebant,
Deque suis atros pectebant crinibus angues.
Quam simul agnorunt inter caliginis umbras,

---

423 Меонійскихъ гребцовъ, названныхъ выше (ст. 23) Тирренцами (см. 3, 576). 424 (см. 3, 721). 425 Предшествующій разсказъ — 407. 432 Не только ягоды и дерево тиса считалось ядовитымъ и вредоноснымъ, но и самая его тѣнь. 435 За-

Не стерпѣла и такъ про себя: „наложницы могъ же
Сынъ Мэонійскихъ гребцовъ превратить и въ море повергнуть,
И утробу сыновнюю матери дать въ растерзанье
425 И Минеидъ всѣхъ трехъ покрыть нежданно крылами;
Иль только плакать Юнонѣ о неотмщенной печали?
Этого ль будетъ съ меня? И въ этомъ ли вся моя сила?
Самъ онъ мнѣ въ дѣлѣ примѣръ; у врага подобаетъ учиться:
Онъ убійствомъ Пентея довольно и даже чрезмѣрно
430 Силу выказалъ бѣшенства, и отчего жь по примѣру
Родичей яростію не быть подстрекаемой Ино?“
Есть покатистый путь, вредоноснымъ скрываемый тисомъ;
Онъ къ подземнымъ жилищамъ ведетъ по нѣмому молчанью.
Мертвенный Стиксъ тамъ дышетъ туманомъ, и новыя тѣни
435 Сходятъ по немъ и образы тѣхъ, что зарыты въ могилахъ.
Блѣдность съ зимою широко объемлетъ все дикое мѣсто;
Новыя тѣни еще въ Стигійскій городъ дороги
Сами не знаютъ, гдѣ страшный чертогъ у мрачнаго Диса.
Тысяча входовъ у города всюду вороты расперты;
440 И, какъ море со всей земли текущія рѣки,
Такъ всѣ души пріемлетъ то мѣсто, оно не бываетъ
Мало для люда, наплыва толпы ему не замѣтно.
Бродятъ тамъ безъ костей и безъ плоти безкровныя тѣни,
Часть на площадь идетъ, часть въ домъ самаго же владыки;
445 Часть предана ремесламъ, по образу жизни давнишней;
А извѣстная часть пріемлетъ свое наказанье.
Терпитъ сюда низойти, чертогъ покидая небесный,
Дочь Сатурна, Юнона, такъ злу уступая и гнѣву.
Какъ вступила сюда и, тѣломъ священнымъ придавленъ,
440 Лишь порогъ застоналъ, тройную пасть свою Церберъ
Поднялъ, и трижды брехнулъ; она же сестеръ вызываетъ,
Ночи родимыхъ дѣтей, богинь безпощадныхъ и грозныхъ.
Передъ дверями темницы, запертой сталью усѣвшись,
Черныхъ змѣй изъ своихъ волосъ онѣ тутъ чесали.
455 Но лишь только признали ее въ туманѣ потемокъ,

рыты въ могилахъ (см. 10, 14). 450 Боги представлялись гораздо рослѣе, а потому и тяжеловѣснѣе людей. 451 Сестеръ не своихъ, а между собою трехъ фурій, греч. Эвменидъ или Эринній: Тизифону, Алекто и Мегеру (см. 1, 241).

Surrexere deae. sedes scelerata vocatur.
Viscera praebebat Tityos lanianda, novemque
Iugeribus distentus erat. Tibi, Tantale, nullae
Deprenduntur aquae, quaeque imminet, effugit arbos
Aut petis, aut urgues ruiturum, Sisyphe, saxum.
Volvitur Ixion et se sequiturque fugitque.
Moliri que suis letum patruelibus ausae
Assiduae repetunt, quas perdant, Belides undas.
Quos omnes acie postquam Saturnia torva
Vidit, et ante omnes Ixiona, rursus ab illo
Sisyphon aspiciens: Cur hic e fratribus, inquit,
Perpetuas patitur poenas, Athamanta superbum
Regia dives habet, qui me cum coniuge semper
Sprevit? et exponit causas odiique viaeque,
Quidque velit. Quod vellet, erat, ne regia Cadmi
Staret, et in facinus traherent Athamanta sorores.
Imperium, promissa, preces confundit in unum,
Sollicitatque deas. Sic haec Iunone locuta,
Tisiphone canos, ut erat, turbata capillos
Movit et obstantes reiecit ab ore colubras,
Atque ita: Non longis opus est ambagibus, inquit:
Facta puta, quaecunque iubes. inamabile regnum
Desere, teque refer coeli melioris ad auras.
Laeta redit Iuno, quam coelum intrare parantem
Roratis lustravit aquis Thaumantias Iris.
Nec mora, Tisiphone madefactam sanguine sumit

---

457 *Титій*—исполинъ, сынъ земли, обратился съ неприличнымъ требованіемъ къ Латонѣ и былъ пораженъ Аполлономъ и Діаною, къ которымъ мать воззвала о помощи; по другимъ онъ изъ ревности убитъ молніей Зевеса. Въ наказаніе онъ въ Тартарѣ распростертый занимаетъ 9 десятинъ и два коршуна терзаютъ его печень, въ каждое новолуніе возрастающую снова. 458 *Танталъ* за свои преступленія (см. 6, 404) долженъ былъ въ адской рѣкѣ Эриданѣ стоять по горло въ водѣ, которая убѣгала отъ его жажды; равнымъ образомъ вѣтръ отгонялъ отъ голодныхъ устъ его свѣсившіеся плоды. 460 *Сизифъ*—сынъ Эола, извѣстный своею хитростію и разбоями, Коринѳскій царь, мучилъ попадавшихся ему въ руки путниковъ взваливая на нихъ тяжелый камень; за что въ Тартарѣ онъ долженъ вѣчно на гору валить каменную глыбу, которая съ вершины снова срывается. 461 *Иксіонъ*—царь Ѳессаллійскихъ Лапитовъ, пресловутый, подобно своему отцу Пслегію и сыну Пиритою (см. 8, 612), какъ непочитатель боговъ, кромѣ всего оскорбилъ еще Юнону своимъ нахальствомъ; но въ это время Юпитеръ или она сама подсунула ему облако, изъ котораго про-

Поднялися богини; то мѣсто зовется преступнымъ.
Титій тутъ отдавалъ свою на терзаніе печень,
На девяти десятинахъ простертъ. Никакой тебѣ Танталъ
Вѣкъ воды не черпнуть, и хоть дерево близко—уходитъ.
Или ты ловишь, Сизифъ, иль толкаешь тотъ камень, что рухнетъ.
Кружится все Иксіонъ, за собою бѣжитъ отъ себя же,
И, дерзнувшія смерть причинить двоюроднымъ братьямъ,
Непрестанно идутъ за водой, что теряютъ, Белиды.
Какъ ихъ всѣхъ увидала Сатурнія сумрачнымъ взглядомъ,
Прежде же всѣхъ Иксіома, то отъ него же обратно
На Сизифа взглянувъ, сказала: „зачѣмъ же изъ братьевъ
Терпитъ вѣчныя муки лишь этотъ, а въ царскихъ чертогахъ
Гордый живетъ Атамантъ, хоть вѣчно съ супругой меня онъ
Презиралъ?“ И причину пути объяснила и гнѣва,
И чего она хочетъ. Хотѣла, чтобъ Кадма чертоги
Пали, и Атаманта къ злодѣйству понудили сестры.
Тутъ обѣщанья, велѣнья и просьбы смѣшавъ во едино,
Стала богинь умолять. Какъ это Юнона сказала,
Тизифона, какая была, сѣдиной въ безпорядкѣ
Потрясла и мѣшающихъ змѣй отъ лица отстраняя,
Проговорила: не нужно тутъ околичностей долгихъ,
Сдѣланнымъ все ты сочти, что велишь; непривѣтное царство
Ты покинь и въ лучшій воздухъ небесный вернися.
    Рада вернулась Юнона; и предъ восходомъ на небо
Чистой водой окропила ее Тавматида Ирида.
Тотчасъ взяла Тизифона сердитая кровью облитый

изошли Центавры, прозываемые тучеродными. Въ наказаніе за это онъ въ Тартарѣ привязанъ на колесо, которое вмѣстѣ съ нимъ непрестанно кружится. 463 *Белиды* числомъ 50, хотя въ Тартарѣ ихъ только 49, внучки Бела (см. выше 213), дочери Даная (поэтому обыкновенно называемыя Данаидами), бѣжавшаго отъ брата своего Египта изъ Либіи или Египта въ Пелопонесскій Аргосъ. 50 сыновей этого Египта отправились въ Аргосъ просить замужъ своихъ 50 двоюродныхъ сестеръ, считая этотъ бракъ наилучшимъ способомъ примиренія. Данай, или сомнѣваясь въ ихъ чистосердечности или мстя за прежнее, исполнилъ ихъ просьбу, но приказалъ каждой дочери убить въ первую ночь своего мужа, что онѣ и исполнили за исключеніемъ одной; за что въ Тартарѣ онѣ присуждены наливать бездонную бочку, нося воду урнами, а по другимъ рѣшетами. Наказаніе это перешло въ поговорку: бочка Данаидъ. 471 *Сестры* (см. выше 451). 480 *Тавматида*, набиравшая радугою воды на небо (см. 1, 270), очищаетъ Юнону отъ подземной нечистоты.

Importuna facem, fluidoque cruore rubentem
Induitur pallam, tortoque incingitur angue,
Egrediturque domo. Luctus comitatur euntem
Et Pavor et Terror trepidoque Insania vultu.
Limine constiterat. postes tremuisse feruntur
Aeolii, pallorque fores infecit acernas,
Solque locum fugit. Monstris est territa coniux,
Territus est Athamas. tectoque exire parabant:
Obstitit infelix aditumque obsedit Erinnys,
Nexaque vipereis distendens brachia nodis
Caesariem excussit. motae sonuere colubrae:
Parsque iacent humeris, pars circum pectora lapsae
Sibila dant, saniemque vomunt, linguaque coruscant,
Inde duos mediis abrupit crinibus angues,
Pestiferaque manu raptos immisit. at illi
Inoosque sinus Athamanteosque pererrant,
Inspirantque graves animas. nec vulnera membris
Ulla ferunt. mens est, quae diros sentiat ictus.
Attulerat secum liquidi quoque monstra veneni,
Oris Cerberei spumas et virus Echidnae,
Erroresque vagos, caecaeque oblivia mentis,
Et scelus et lacrimas rabiemque et caedis amorem,
Omnia trita simul. quae sanguine mixta recenti
Coxerat aere cavo, viridi versata cicuta.
Dumque pavent illi, vertit furiale venenum
Pectus in amborum, praecordiaque intima movit.
Tum face iactata per eundem saepius orbem
Consequitur motis velociter ignibus ignes.
Sic victrix iussique potens ad inania magni
Regna redit Ditis, sumtumque recingitur anguem.
  Protinus Aeolides media furibundus in aula
Clamat: Io, comites, his retia tendite silvis:
Hic modo cum gemina visa est mihi prole leaena,
Utque ferae sequitur vestigia coniugis amens:
Deque sinu matris ridentem et parva Learchum

---

486 *Эолійскія*—по имени отца Атаманта Эола. 511 *Мощнаго Диса*—греческаго Плутона, получившаго при раздѣлѣ власти по сверженіи Сатурна въ удѣлъ подзем-

Факелъ и, кровью текущей краснѣющій тоже, надѣла
Плащъ и, себя опоясавъ перевитою змѣею,
Изъ дому вышла. Сопутствовать стали во слѣдъ за идущей
485 Плачъ и Испугъ и Страхъ и съ лицемъ потрясеннымъ Безумство.
Стала она на порогъ; Эолійскія дрогнули стойки,
Какъ говорятъ, и кленовыя двери подернула блѣдность;
Солнце съ мѣста ушло. Испугалась страшилищъ супруга,
Тоже и самъ Атамантъ; хотѣли уйти ужь изъ дома;
490 Но Эриннія грозная стала и заняла выходъ,
И узлами изъ змѣй увитыя руки простерши,
Волосами тряхнула; затронуты шикнули змѣи:
Тѣ лежатъ на плечахъ, а тѣ, на грудь соскользнувши,
Свищутъ и ядъ изрыгаютъ и языками сверкаютъ.
495 Тутъ изъ средины волосъ двухъ змѣй она оторвавши,
Зачумленной рукой въ тѣхъ бросила; эти немедля
Въ грудь Атаманта и Ино ползутъ и внушаютъ
Тяжкія думы умамъ; никакихъ онѣ язвъ не наносятъ
Членамъ, только душѣ почувствовать зло укушеній.
500 Ужасы тоже съ собой принесла и жидкаго яда,
Пѣны изъ пасти Цербера и слюны отъ Эхидны,
Заблужденій бродящихъ, самозабвенья слѣпаго,
И преступленій и слезъ и злобы и страсти убійства,
Все перетерто въ одно; смѣшавъ это съ свѣжею кровью,
505 Въ полой сварила мѣди, мѣшая зеленой цикутой.
Тѣ покуда въ испугѣ обоимъ имъ въ грудь она адскій
Ядъ выливаетъ и всю глубину сердецъ возмутила.
Тутъ все въ томъ же кругу, почаще вращая свой факелъ,
Быстрымъ движеньемъ огня огонь она производитъ.
510 Такъ съ побѣдой исполнивъ приказъ, въ пустынное царство
Мощнаго Диса идетъ и поясъ снимаетъ змѣиный.
Тотчасъ по серединѣ двора Эолидъ разъяренный
Восклицаетъ: „гей! други, въ лѣсу тутъ разсыпьте тенета!
Только сейчасъ я при двухъ дѣтенышахъ львицу тутъ видѣлъ“,
515 И безумецъ во слѣдъ за женой идетъ, какъ за звѣремъ.
Тутъ отъ груди материнской Леарха, который съ улыбкой

ное царство. 512 *Эолидъ* (см. выше 486).

Brachia tendentem rapit et bis terque per auras
More rotat fundae, rigidoque infantia saxo
Discutit ora ferox. Tunc denique concita mater,
Seu dolor hoc fecit, seu sparsi causa veneni,
Exululat passisque fugit male sana capillis:
Teque ferens parvum nudis, Melicerta, lacertis:
Euhoe, Bacche! sonat. Bacchi sub nomine Iuno
Risit et: Hos usus praestet tibi, dixit, alumnus.
  Imminet aequoribus scopulus, pars ima cavatur
Fluctibus et tectas defendit ab imbribus undas,
Summa riget frontemque in apertum porrigit aequor.
Occupat hunc.. vires insania fecerat.. Ino,
Seque super pontum nullo tardata timore
Mittit onusque suum. percussa recanduit unda.
  At Venus immeritae neptis miserata labores
Sic patruo blandita suo est: O numen aquarum,
Proxima cui coelo cessit, Neptune, potestas:
Magna quidem posco, sed tu miserere meorum,
Iactari quos cernis in Ionio immenso,
Et dis adde tuis. aliqua et mihi gratia ponto est,
Si tamen in medio quondam concreta profundo
Spuma fui, Graiumque manet mihi nomen ab illa.
Annuit oranti Neptunus et abstulit illis,
Quod mortale fuit. maiestatemque verendam
Imposuit, nomenque simul faciemque novavit:
Leucotheeque deum cum matre Palaemona dixit.
  Sidoniae comites, quantum valuere, secutae
Signa pedum, primo videre novissima saxo:
Nec dubium de morte ratae, Cadmeida palmis
Deplanxere domum, scissae cum veste capillos,
Utque parum iustae nimiumque in pellice saevae,
Invidiam fecere deae. Convicia Iuno
Non tulit et: Faciam vos ipsas maxima, dixit,

---

522 Мелицертъ — второй ребенокъ, котораго схватила мать въ то время, какъ грудной Леархъ (см. выше 516) уже былъ убитъ обезумѣвшимъ Атамантомъ. 531 *Внучки*—мать Ино, супруга Кадма, Гармонія или Герміона была плодомъ (выше стихъ 171) разсказанной любви между Марсомъ и Венерой. 532 *Къ дядѣ*. Хотя Ве-

Руки къ нему простиралъ, онъ схватилъ и дважды иль трижды,
Какъ пращею по воздуху имъ повертѣвши, свирѣпо
Ликъ младенца о камень разбилъ. Взбѣшенная тутъ ужь
Мать, привело ли къ тому ее горе, иль ядъ, что разлился,
Взвыла и, волосы врозь раскидавъ, несется въ припадкѣ,
И тебя, дитя Мелицертъ, на рукахъ обнаженныхъ
Мча, восклицаетъ: Эвоэ, о Вакхъ! При имени Вакха
Въ смѣхѣ сказала Юнона: „Пусть этимъ воздаетъ твой питомецъ“.
Высится въ морѣ утесъ; часть нижняя вся въ немъ изрыта
Всплесками и отъ дождей защищаетъ укрытыя волны,
Верхъ поднялся и челомъ вдался въ открытое море.
Взлѣзла туда—придавало силы безуміе—Ино
И себя, никакимъ не сдержана страхомъ, и ношу
Въ море низвергла свою; забѣлѣла волна подъ ударомъ.
Но Венера, разжалобясь внучки безвиннымъ страданьемъ,
Къ дядѣ такъ своему приласкалась: „О, моря владыка,
Ты, чья сила, Нептунъ, всѣхъ ближе подходитъ къ небесной,
Многаго точно прошу, но сжалься же ты надъ моими,
Коихъ ты видишь теперь Іонійское море кидаетъ,
И сопричисли къ своимъ ихъ богамъ. Вѣдь я не чужая
Морю, коль нѣкогда я посрединѣ пучины сгущенной
Пѣной была, отъ которой мое у Грековъ и имя“.
Въ знакъ согласья Нептунъ просящей кивнулъ, и что было
Смертнаго, снялъ съ нихъ и имъ почетнаго придалъ величья.
И обновляя ихъ лики, онъ далъ имена имъ другія.
И съ Левкотоею матерью бога назвалъ Палемономъ.
А Сидонскія спутницы, сколько могли, за слѣдами
Ногъ торопясь, у скалы послѣдними ихъ увидали.
Не сомнѣваяся въ смерти, онѣ всплеснули руками,
Кадмовъ жалѣючи домъ, одежду и волосы рвали
И возъимѣли вражду къ богинѣ мало правдивой,
И чрезмѣрно жестокой къ соперницѣ. Брани Юнона
Не снесла и сказала: самихъ васъ большимъ примѣромъ

нера, какъ она сама ниже о томъ разсказываетъ, произошла изъ морской пѣны, все же Юпитеръ создалъ ее изъ оной, и потому приходится ей отцемъ, а Нептунъ дядею.

538 *Афродити* отъ Αφρος—пѣна.

550 Saevitiae monimenta meae. Res dicta secuta est.
Nam quae praecipue fuerat pia: Persequar, inquit,
In freta reginam, saltumque datura moveri
Haud usquam potuit, scopuloque affixa cohaesit.
Altera dum solito tentat plangore ferire
555 Pectora, tentatos sensit riguisse lacertos.
Illa, manus ut forte tetenderat in maris undas,
Saxea facta manus in easdem porrigit undas.
Huius, ut arreptum laniabat vertice crinem,
Duratos subito digitos in crine videres.
560 Quo quaeque in gestu deprensa est, haesit in illo.
Pars volucres factae. quae nunc quoque gurgite in illo
Aequora destringunt summis Ismenides alis.

CADMUS ET HARMONIA.

Nescit Agenorides natam parvumque nepotem
Aequoris esse deos. Luctu serieque malorum
565 Victus et ostentis, quae plurima viderat, exit
Conditor urbe sua, tanquam fortuna locorum,
Non sua se premeret, longisque erratibus actus
Contigit Illyricos profuga cum coniuge fines.
Iamque malis annisque graves, dum prima retractant
570 Fata domus, releguntque suos sermone labores:
Num sacer ille mea traiectus cuspide serpens,
Cadmus ait, fuerat, tunc, cum Sidone profectus
Vipereos sparsi per humum, nova semina, dentes?
Quem si cura deum tam certa vindicat ira
575 Ipse precor serpens in longam porrigar alvum.
Dixit, et, ut serpens, in longam tenditur alvum,
Durataeque cuti squamas increscere sentit,
Nigraque caeruleis variari corpora guttis:
In pectusque cadit pronus, commissaque in unum
580 Paulatim tereti tenuantur acumine crura.

---

562 Кадмеиды—Минеиды или Исмениды; все тѣ же Өиванки; послѣднее прозваніе отъ рѣки и горы Исмена близь Өивъ. 605 Внукъ—Вакхъ по Семелѣ.

550 Злобы моей я поставлю. За словомъ слѣдуетъ дѣло.
Ибо та, что была всѣхъ усерднѣй, сказала: я въ море
За царицей послѣдую, и ужь прыгнуть собираясь,
Тронуться силъ не нашла и осталась къ скалѣ прикрѣпленной;
А другая, желавшая въ перси ударить, какъ должно,
555 Услыхала, что члены у ней коченѣютъ въ попыткѣ.
Та, лишь руки свои къ морскимъ волнамъ протянула,
Камнемъ содѣлавшись, руки все къ тѣмъ же волнамъ простираетъ.
А у той, что на темени рвать волоса начинала,
Ты увидалъ бы, какъ вдругъ въ волосахъ стали косными пальцы.
560 Какъ захватила какую, въ томъ видѣ она и осталась.
Часть превратилася въ птицъ и онѣ по этой пучинѣ
Крыльевъ концами легко касаются волнъ Исмениды.

КАДМЪ И ГАРМОНІЯ.

Сынъ Агенора не знаетъ, что дочь и внукъ малолѣтній
Стали богами морей. Печалью и рядомъ несчастій
565 Побѣжденъ и чудесъ, которыхъ видѣлъ довольно,
Городъ свой основатель покинулъ, какъ будто бы мѣстомъ,
А не своею судьбой утѣсненъ, и по долгомъ скитаньи
Вмѣстѣ съ бѣгущей супругой достигнулъ границъ Иллирійскихъ.
Какъ, ужъ годами и зломъ удрученные, всѣ перебрали
570 Жребіи дома они и свои помянули кручины:
„Не священный ли былъ драконъ, что копьемъ поразилъ я,
Кадмъ воскликнулъ, въ то время, когда прибывъ изъ Сидона,
Зубы змѣя на землю, какъ новое сѣмя, я кинулъ?
Если забота о немъ боговъ такъ гнѣвомъ караетъ,
575 Самъ молю, чтобъ змѣей я простерся продолженнымъ чревомъ“.
Молвилъ, и какъ змѣя, простерся продолженнымъ чревомъ,
И по твердѣющей кожѣ чешуй проростанье замѣтилъ,
И по черному тѣлу изъ синихъ крапинъ узоры;
Грудью упалъ онъ впередъ и, во едино сливаясь,
580 Понемногу все тоньше къ концу округляются ноги,

Brachia iam restant. quae restant, brachia tendit,
Et lacrimis per adhuc humana fluentibus ora:
Accede, o coniux, accede, miserrima, dixit,
Dumque aliquid superest de me, me tange, manumque
585 Accipe, dum manus est, dum non totum occupat anguis.
Ille quidem vult plura loqui, sed lingua repente
In partes est fissa duas, nec verba volenti
Sufficiunt, quotiesque aliquos parat edere questus,
Sibilat. hanc illi vocem natura reliquit.
590 Nuda manu feriens exclamat pectora coniux:
Cadme, mane, teque, infelix, his exue monstris!
Cadme, quid hoc? ubi pes? ubi sunt humerique manusque
Et color et facies et, dum loquor, omnia? cur non
Me quoque, coelestes, in eundem vertitis anguem?
595 Dixerat. ille suae lambebat coniugis ora,
Inque sinus caros, veluti cognosceret, ibat,
Et dabat amplexus, assuetaque colla petebat.
Quisquis adest.. aderant comites.. terretur. at illa
Lubrica permulcet cristati colla draconis:
600 Et subito duo sunt iunctoque volumine serpunt,
Donec in appositi nemoris subiere latebras.
Nunc quoque nec fugiunt hominem, nec vulnere laedunt:
Quidque prius fuerint, placidi meminere dracones.

PERSEUS ET ATLAS.

Sed tamen ambobus versae solacia formae
605 Magna nepos fuerat, quem debellata colebat
India, quem positis celebrabat Achaia templis.
Solus Abantiades ab origine cretus eadem
Acrisius superest, qui moenibus arceat urbis
Argolicae, contraque deum ferat arma, genusque
610 Non putet esse Iovis. Neque enim Iovis esse putabat

---

607 *Абантіадъ*; окончаніе *іадъ*, равно какъ и *идъ*, *ида* (см. 1, 669) обозначаетъ происхожденіе; здѣсь подразумѣвается Акризій — сынъ Абаса, внукъ Линцея, пра-

Руки остались однѣ; и ихъ что остались, простеръ онъ
И, со слезами текущими все жь по лицу человѣка:
„О, подойди, возопилъ, супруга несчастная ближе,
Тронь ты меня, пока отъ меня что осталось, возьми ты
Руку мою, пока есть рука, и не весь я змѣей сталъ“.
Онъ хотѣлъ бы и больше сказать, но языкъ его тотчасъ
На двѣ части разсѣлся, и словъ не находитъ желанье;
И какъ жалобы онъ издать какія захочетъ,
То зашипитъ: вотъ звукъ, что ему оставленъ природой.
Въ голую грудь ударяя рукой, восклицаетъ супруга:
„Кадмъ, останься, несчастный, и это чудовище свергни!
Кадмъ, что это? Гдѣ ноги? Гдѣ плечи твои, гдѣ же руки,
Цвѣтъ и обликъ, пока говорю я и все? Отчего же
Вы и меня, небожители, не обратите въ змѣю же?“
Такъ сказала она; лизалъ у супруги лицо онъ
И на милую грудь поползъ, какъ бы признавая,
И ее обвивалъ, къ знакомой ласкаяся шеѣ.
Кто былъ притомъ... были спутники... тотъ испугался, она же
Гладитъ гребнемъ покрытую, скользкую шею дракона.
Вдругъ ужь стало ихъ два и ползутъ они въ общемъ движеньи,
Такъ покуда ушли въ логовище ближайшаго лѣса.
И понынѣ они не бѣгутъ отъ людей и не ранятъ:
Чѣмъ они были когда то, кроткіе помнятъ драконы.

ПЕРСЕЙ И АТЛАНТЪ.

Но обоимъ однако былъ въ превращеніи вида
Сильной отрадою внукъ, котораго чтила побѣду
Индія и прославляла Ахайя, ему воздвигнувши храмы.
Абантіадъ лишь одинъ, изъ того же возникнувшій рода,
Оставался Акризій, который къ стѣнамъ Арголійскимъ
Не допускалъ, и на бога съ оружіемъ шелъ, не считая
Сыномъ Зевеса его. Не считалъ онъ также отъ Зевса

внукъ Даная, рожденнаго отъ Бела, брата Агенора. Послѣдніе были дѣти Нептуна.

Persea, quem pluvio Danae conceperat auro.
Mox tamen Acrisium, tanta est praesentia veri,
Tam violasse deum, quam non agnosse nepotem
Poenitet. Impositus iam coelo est alter. at alter
615 Viperei referens spolium memorabile monstri
Aera carpebat tenerum stridentibus alis.
Cumque super Libycas victor penderet arenas,
Gorgonei capitis guttae cecidere cruentae,
Quas humus exceptas varios animavit in angues:
620 Unde frequens illa est infestaque terra colubris.
Inde per immensum ventis discordibus actus
Nunc huc, nunc illuc, exemplo nubis aquosae
Fertur, et ex alto seductas aethere longe
Despectat terras, totumque supervolat orbem.
625 Ter gelidas Arctos, ter Cancri brachia vidit:
Saepe sub occasus, saepe est ablatus in ortus.
Iamque cadente die veritus se credere nocti,
Constitit Hesperio, regnis Atlantis, in orbe:
Exiguamque petit requiem, dum Lucifer ignes
630 Evocet Aurorae, currus Aurora diurnos.
Hic hominum cunctos ingenti corpore praestans
Iapetionides Atlas fuit. Ultima tellus
Rege sub hoc et pontus erat. qui Solis anhelis
Aequora subdit equis et fessos excipit axes.
635 Mille greges illi totidemque armenta per herbas
Errabant, et humum vicinia nulla premebant.
Arboreae frondes auro radiante nitentes
Ex auro ramos, ex auro poma tegebant.
Hospes, ait Perseus illi, seu gloria tangit
640 Te generis magni, generis mihi Iuppiter auctor:
Sive es mirator rerum, mirabere nostras.
Hospitium requiemque peto. Memor ille vetustae

---

611 Акризію оракулъ предсказалъ, что онъ будетъ лишенъ престола внукомъ своимъ; чтобы уберечь свою дочь Данаю, онъ заперъ ее въ каменную башню, по другимъ даже въ мѣдную. Но Юпитеръ, плѣнясь ея красотою, проникнулъ къ ней въ видѣ золотаго дождя (см. ниже 698) и произвелъ Персея. Акризій, не повѣривши дочери, что Юпитеръ, отецъ Персея, бросилъ дочь и внука въ ящикѣ въ море. Ящикъ приплылъ къ острову Серифу, гдѣ Персей былъ воспитанъ царемъ Полидектомъ или

И Персея, въ дождѣ золотомъ прижитаго Данаей.
Скоро однако Акризій, такъ правда себя заявляетъ,
Пожалѣлъ, что и богу противился онъ, да и внука
Не призналъ. Одинъ вознесенъ ужь на небо; другой же,
Унося змѣевласаго чуда на память добычу,
На шумящихъ крылахъ разсѣкалъ уступающій воздухъ.
Но, когда надъ Ливійскимъ пескомъ летѣлъ побѣдитель,
Изъ головы Горгоны кровавыя падали капли.
И земля воспріявъ, ихъ въ пестрыхъ змѣй оживила;
Отчего въ той странѣ и много такъ змѣй вредоносныхъ.
По безбрежности онъ оттуда при вѣтрахъ враждебныхъ
То туда, то сюда, дождливой тучѣ подобно,
Носится, и съ высоты эфира взираетъ далеко
Внизъ на ушедшую землю, и всю онъ ее облетаетъ.
Трижды Медвѣдицы льды, и Рака клешни онъ увидѣлъ;
Къ западу часто его и часто носило къ востоку.
При закатѣ ужь дня, боясь довѣриться ночи,
Онъ въ Гесперійской странѣ присталъ въ Атлантовомъ царствѣ.
И покоя просилъ до поры, чтобы Люциферъ вызвалъ
Пламень Авроры, затѣмъ и Аврора дня колесницу.
Тутъ между всѣми людьми выдаваясь огромнѣйшимъ тѣломъ,
Жилъ сынъ Япета, Атлантъ. Въ его состояли владѣньи
Крайнія земли, и море, которое стелетъ пучину
Солнца сопящимъ конямъ, и тяжкія оси пріемлетъ.
Тысячи стадъ у него овечьихъ и столько жь коровьихъ
Тамъ бродили въ травѣ, земли не стѣсняло сосѣдство.
Листья древесные, всѣ сіяя золотомъ яркимъ,
На вѣтвяхъ золотыхъ прикрывали плоды золотые.
„Другъ, обратился къ нему Персей, если цѣнишь ты славу
Знатнаго рода, то знай, мнѣ Юпитеръ начальникомъ рода;
Если жь дивишься дѣламъ, то ты и моимъ подивишься.
Я пріюта прошу и отдыха“. Тотъ же припомнилъ

братомъ его Диктіемъ. 615 Объясняется ниже стих. 772. 617 Либійскихъ — Африканскихъ. 628 *Гесперійской странѣ* — западной, получившей названіе отъ Геспера, вечерней звѣзды. Понятіе весьма широкое, такъ какъ изъ Греціи западной страною, Гесперіей, обзывалась и Италія, преимущественно же Перенейскій полуостровъ, а иногда и западная Африка. 629 *Люциферъ* (см. 2, 115). 632 Сынъ Япета (см. 1, 82)

Sortis erat: Themis hanc dederat Parnasia sortem:
Tempus, Atla, veniet, tua quo spoliabitur auro
645 Arbor, et hunc praedae titulum Iove natus habebit.
Id metuens solidis pomaria clauserat Atlas
Moenibus et vasto dederat servanda draconi,
Arcebatque suis externos finibus omnes.
Huic quoque: Vade procul, ne longe gloria rerum,
650 Quam mentiris, ait, longe tibi Iuppiter absit,
Vimque minis addit, manibusque expellere tentat
Cunctantem et placidis miscentem fortia dictis.
Viribus inferior... quis enim par esset Atlanti
Viribus?.. At quoniam parvi tibi gratia nostra est,
655 Accipe munus, ait. laevaque a parte Medusae
Ipse retroversus squalentia prodidit ora.
Quantus erat, mons factus Atlas. nam barba comaeque
In silvas abeunt, iuga sunt humerique manusque:
Quod caput ante fuit, summo est in monte cacumen:
660 Ossa lapis fiunt. Tum partes auctus in omnes
Crevit in immensum... sic di statuistis... et omne
Cum tot sideribus coelum requievit in illo.

ANDROMEDA.

Clauserat Hippotades aeterno carcere ventos,
Admonitorque operum coelo clarissimus alto
665 Lucifer ortus erat. Pennis ligat ille resumtis
Parte ab utraque pedes, teloque accingitur unco,
Et liquidum motis talaribus aera findit.
Gentibus innumeris circumque infraque relictis
Aethiopum populos, Cepheaque conspicit arva.

---

657 Такъ какъ гора Атласъ (Атлантъ) при большой высотѣ часто покрыта тучами, то образовалось представленіе, что на немъ небо опирается какъ на столбѣ, отсюда басня, по которой Атлантъ, одинъ изъ Титановъ (см. 1, 10), сопротивлявшихся власти Юпитера (см. 1, 113), былъ осужденъ поддерживать небо. Овидій въ пользу своихъ превращеній представляетъ его исполинскимъ человѣкомъ, превра-

Жребій старинный; Ѳемидой Парнасской предсказанъ тотъ жребій:
Время настанетъ, Атлантъ, когда твое золото схватитъ
Съ древа и славу добычи сынъ воспріемлетъ Зевеса:
Полонъ боязни такой, Атлантъ покрѣпче стѣнами
Садъ обнесъ и стеречь поручилъ большому дракону,
И чужеземцевъ всѣхъ отъ границъ своихъ удалялъ онъ.
И ему онъ сказалъ: „ступай ка ты прочь, чтобы слава
Дѣлъ, о которыхъ ты лжешь и Юпитеръ, пропали не даромъ,
И угрозы насильемъ верша, онъ вытолкать хочетъ
Медлящаго, что слова задора мѣшаетъ къ просящимъ.
Силами ниже того—кто жъ можетъ быть равенъ съ Атлантомъ
Силами—онъ говоритъ: „коль наша тебѣ благосклонность
Ни по чемъ, прими этотъ даръ“. И лѣвой рукою,
Самъ отвернувшись, уставилъ онъ ликъ застывшей Медузы.
Какъ онъ былъ, сталъ горою Атлантъ. Борода съ волосами
Превратились въ лѣса, въ отроги и руки и плечи;
Гдѣ была голова, тамъ горная встала вершина.
Кости каменьями стали. Во всѣ тутъ стороны ширясь,
Онъ въ безпредѣльность возросъ—такъ боги судили—и все то
Небо со всѣми своими звѣздами на немъ опочило.

АНДРОМЕДА.

Заключилъ Гиппотадъ въ темницу вѣчную вѣтры
И возбудитель работъ уже на высокое небо
Люциферъ ясный взошелъ. Тотъ крыльями вновь обвязавши
Ноги съ обѣихъ сторонъ и взявши доспѣхъ изогнутый,
Воздухъ текучій дробить пустился на легкихъ подошвахъ.
И вокругъ и внизу безчисленный людъ покидая,
Эѳіоповъ народы онъ видитъ и нивы Цефея.

щающимся въ гору. 663 *Гиппотадъ*—потомокъ Троянца Гиппота, сынъ дочери его Сегесты, Эолъ—богъ вѣтровъ.—*Въ темницу вѣчную* только обозначаетъ, что вѣтры, выпускаемые на работу, постоянно возвращаются затѣмъ въ ту же темницу. 665 Съ восхожденіемъ утренней звѣзды, Люцифера, у людей начинаются работы. 669 *Цефей*—царь Эѳіоповъ.

670 Illic immeritam maternae pendere linguae
Andromeden poenas immitis iusserat Ammon.
Quam simul ad duras religatam brachia cautes
Vidit Abantiades,... nisi quod levis aura capillos
Moverat, et tepido manabant lumina fletu,
675 Marmoreum ratus esset opus... trahit inscius ignes,
Et stupet et visae correptus imagine formae
Paene suas quatere est oblitus in aere pennas.
Ut stetit: O, dixit, non istis digna catenis,
Sed quibus inter se cupidi iunguntur amantes,
680 Pande requirenti nomen terraeque tuumque,
Et cur vincla geras. Primo silet illa, nec audet
Appellare virum virgo. manibusque modestos
Celasset vultus, si non religata fuisset.
Lumina, quod potuit, lacrimis implevit obortis.
685 Saepius instanti, sua ne delicta fateri
Nolle videretur, nomen terraeque suumque,
Quantaque maternae fuerit fiducia formae,
Indicat. Et nondum memoratis omnibus unda
Insonuit, veniensque immenso bellua ponto
690 Eminet et latum sub pectore possidet aequor.
Conclamat virgo. genitor lugubris et una
Mater adest, ambo miseri, sed iustius illa.
Nec secum auxilium, sed dignos tempore fletus
Plangoremque ferunt, vinctoque in corpore adhaerent:
695 Cum sic hospes ait: Lacrimarum longa manere
Tempora vos poterunt. ad opem brevis hora ferendam est.
Hanc ego si peterem Perseus Iove natus et illa,
Quam clausam implevit foecundo Iuppiter auro,
Gorgonis anguicomae Perseus superator, et alis
700 Aetherias ausus iactatis ire per auras,
Praeferrer cunctis certe gener. Addere tantis
Dotibus et meritum, faveant modo numina, tento.

---

670 Супруга Цефея, Кассіопа или Кассіопея, прославляла свою красоту или красоту дочери Андромеды превыше красоты Нереидъ (см. 1, 187); послѣднія пожаловались Нептуну, который наказалъ страну Цефея наводненіемъ и страшнымъ чудовищемъ. Оракулъ бога Аммона (см. 5, 327) сказалъ, что для примиренія Нептуна

Тамъ за нескромный языкъ материнскій терпѣть наказанье
Беззаконно Аммонъ присудилъ Андромеду напрасно.
Какъ ее за руки къ грубой скалѣ прикованной только
Абантіадъ увидалъ,—еслибъ легкій вѣтеръ волосъ ей
Не развѣвалъ и глаза горючихъ слезъ не точили,
Онъ бы счелъ ее мраморной—пламенемъ вспыхнулъ невольно
И изумленъ и плѣненъ красотою той, что увидѣлъ,
Чуть не забылъ помавать крылами своими въ эфирѣ.
Остановясь, онъ сказалъ: „О ты, что дойстойна не этихъ
Узъ, а такихъ, какія связуютъ страстно влюбленныхъ,
Передай вопросившему имя свое и отчизны,
И за что ты въ цѣпяхъ“. Сперва она промолчала,
Рѣчь съ мущиною дѣвѣ страшна, и она бы руками
Скромное скрыла чело, когда не была бы въ оковахъ.
Только слезами могла наполнить невольными очи
По настоянью его, чтобы не казаться, что хочетъ
Скрыть проступки, она свое и родины имя,
И насколько ея увлекалася мать красотою,
Передала. Но еще не все разсказала, какъ волны
Зашумѣли, и чудище изъ просторнаго моря
Поднялось и пучину широко надвинуло грудью.
Вскрикнула дѣва. Печальный отецъ и единая тутъ же
Мать, несчастные оба, но эта скорѣй по заслугамъ.
И не помощь съ собой, а слезы, приличныя дѣлу,
Да завыванья несутъ, и къ скованной жертвѣ прильнули.
Какъ пришелецъ сказалъ: останется времени много
Вамъ для слезъ, а чтобъ помощь подать часъ только короткій.
Еслибъ я сватался къ ней, Персей, сынъ Зевса, и той, что
Запертую наполнилъ золотомъ Зевсъ плодоноснымъ,
Змѣеволосой Горгоны Персей побѣдитель, дерзнувшій
На распростертыхъ крылахъ нестись въ дуновеньи эфира,
Былъ бы всѣмъ предпочтенъ зятьямъ. Прибавить стремлюся
Къ столькимъ брачнымъ дарамъ, если боги помогутъ, заслугу.

царская дочь должна быть принесена въ жертву чудовищу. Народъ принудилъ царя къ этой жертвѣ, и Андромеда была прикована къ приморской скалѣ въ добычу чудовищу. Тутъ увидалъ ее Персей.

Ut mea sit servata mea virtute, paciscor.
Accipiunt legem... quis enim dubitaret?.. et orant,
Promittuntque super regnum dotale parentes.
Ecce, velut navis praefixo concita rostro
Sulcat aquas, iuvenum sudantibus acta lacertis,
Sic fera dimotis impulsu pectoris undis
Tantum aberat scopulis, quantum Balearica torto
Funda potest plumbo medii transmittere coeli:
Cum subito iuvenis pedibus tellure repulsa
Arduus in nubes abiit. Ut in aequore summo
Umbra viri visa est, visam fera saevit in umbram.
Utque Iovis praepes, vacuo cum vidit in arvo
Praebentem Phoebo liventia terga draconem,
Occupat aversum. neu saeva retorqueat ora,
Squamigeris avidos figit cervicibus ungues:
Sic celeri missus praeceps per inane volatu
Terga ferae pressit, dextroque frementis in armo
Inachides ferrum curvo tenus abdidit hamo,
Vulnere laesa gravi modo se sublimis in auras
Attollit, modo subdit aquis, modo more ferocis
Versat apri, quem turba canum circumsona terret.
Ille avidos morsus velocibus effugit alis:
Quaque patent, nunc terga cavis super obsita conchis,
Nunc laterum costas, nunc qua tenuissima cauda
Desinit in piscem, falcato verberat ense.
Bellua puniceo mixtos cum sanguine fluctus
Ore vomit, maduere graves aspergine pennae.
Nec bibulis ultra Perseus talaribus ausus
Credere conspexit scopulum, qui vertice summo
Stantibus exstat aquis, operitur ab aequore moto.
Nixus eo rupisque tenens iuga prima sinistra
Ter quater exegit repetita per ilia ferrum.
Litora cum plausu clamor superasque deorum
Implevere domos. Gaudent, generumque salutant
Auxiliumque domus servatoremque fatentur

---

709 *Балеарскій* (см. 2, 728). 714 *Орелъ*. 719 *Инахидомъ*—Персей могъ быть

Чтобы спасенная мной мнѣ досталась, таковъ уговоръ мой.
Приняли тотчасъ условье—кто жь могъ колебаться?—И молятъ
И сверхъ того обѣщаютъ родители царство въ придачу.
Вотъ, какъ будто корабль, несущійся кованнымъ носомъ
Рѣжетъ волну, подгоняемъ руками юношей потныхъ,
Такъ чудовище волны напоромъ груди сдвигая,
Уже настолько отъ скалъ, насколько пращей Балеарской
Кинутый можетъ свинецъ нестись по открытому небу.
Тутъ оттолкнувши внезапно землю ногами, высоко
Юноша къ тучамъ взлетѣлъ. Едва на поверхности моря
Мужа завидѣвши тѣнь, звѣрь ринулся къ видимой тѣни.
Но какъ Зевсова птица, завидѣвъ въ полѣ открытомъ,
Что драконъ выставляетъ на солнцѣ сизую спину,
Сзади хватаетъ его; чтобъ злой не закинулъ тотъ пасти,
Онъ въ затылокъ чешуйчатый жадные когти вонзаетъ;
Такъ, по воздуху внизъ бросаясь проворнымъ полетомъ,
На спину звѣря засѣлъ Инахидъ и желѣзо въ лопатку
Правую злому всадилъ на сколько оно изгибалось.
Тяжкою раной пронзенъ, тотъ то высоко на воздухъ
Встанетъ, то въ воду нырнетъ, то кружится, словно свирѣпый
Вепрь, который страшится собакъ, обступающихъ съ лаемъ.
Тотъ отъ злыхъ укушеній спасаясь на крыльяхъ проворныхъ,
Что открыто, то спину, гдѣ липнутъ пустыя ракушки,
То подъ ребрами бокъ, то тамъ, гдѣ хвостъ утончаясь
Сходитъ на рыбій, кривымъ мечемъ своимъ поражаетъ.
Звѣрь потоки воды, перемѣшанной съ алою кровью
Мечетъ изъ пасти; тягчаютъ отъ брызгъ намоченныя крылья.
Дальше Персей, не дерзая ввѣряться сандаліямъ мокрымъ,
Запримѣтилъ скалу, которая острой вершиной
Изъ покойнаго моря встаетъ, но скрывается въ бурномъ.
Къ ней прильнувъ и за край ея верхній хватаяся лѣвой,
Трижды, четырежды онъ желѣзо вонзаетъ во чрево.
Рукоплесканья и возгласы берегъ покрыли и даже
Въ домы проникли боговъ. Въ восторгѣ привѣтствуютъ зятя
И называютъ оплотомъ его и спасителемъ дома

названъ только въ томъ смыслѣ, что былъ родомъ изъ Аргоса, города, построеннаго царемъ Инахомъ.

Cassiope Cepheusque pater. Resoluta catenis
Incedit virgo, pretiumque et causa laboris.
740 Ipse manus hausta victrices abluit unda:
Anguiferumque caput dura ne laedat arena,
Mollit humum foliis, natasque sub aequore virgas
Sternit, et imponit Phorcynidos ora Medusae.
Virga recens bibulaque etiamnum viva medulla
745 Vim rapuit monstri, tactuque induruit huius,
Percepitque novum ramis et fronde rigorem.
At pelagi nymphae factum mirabile tentant
Pluribus in virgis, et idem contingere gaudent.
Seminaque ex illis iterant iactata per undas.
750 Nunc quoque curaliis eadem natura remansit,
Duritiam tacto capiant ut ab aere, quodque
Vimen in aequore erat, fiat super aequora saxum.
Dis tribus ille focos totidem de cespite ponit,
Laevum Mercurio, dextrum tibi, bellica virgo:
755 Ara Iovis media est. mactatur vacca Minervae,
Alipedi vitulus, taurus tibi, summe deorum.
Protinus Andromeden et tanti praemia facti
Indotata rapit. Taedas Hymenaeus Amorque
Praecutiunt. largis satiantur odoribus ignes,
760 Sertaque dependent tectis, et ubique lyraeque
Tibiaque et cantus, animi felicia laeti
Argumenta, sonant. Reseratis aurea valvis
Atria tota patent, pulchroque instructa paratu
Cepheni proceres ineunt convivia regis.

MEDUSA.

765 Postquam epulis functi generosi munere Bacchi
Diffudere animos, cultusque genusque locorum

---

741 (см. ниже 772 и далѣе). 748 *Форкиниды* (см. ниже 774). 753 *Слагаетъ изъ дерна.* Алтари воздвигались иногда, по мѣрѣ надобности, или передъ дверями храмовъ изъ груды камней, или изъ дерна, причемъ полъ приносимаго животнаго соотвѣтствуетъ полу божества;—*воинственная дѣва*—Минерва (см. 2, 553), которую

Кассіопа съ Цефеемъ отцемъ. Свободна отъ цѣпи
Дѣва подходитъ, награда она и причина усилій.
740 Самъ, воды зачерпнувъ, омылъ онъ побѣдныя руки
И змѣеносную голову чтобы пескомъ не запачкать,
Землю мягчитъ онъ листвой и настлалъ рожденныхъ подъ моремъ
Лозъ, и на нихъ положилъ главу Форкиниды Медузы.
Свѣжая съ сокомъ лоза еще съ живой сердцевиной
745 Силы отъ чуда забравъ, къ нему прикоснувшись, застыла
И листвой и вѣтвями пріяла ей чуждую косность.
Нимфы морскія межъ тѣмъ нежданное пробуютъ диво,
И надъ другими лозами, и рады, достигнувъ того же.
И отъ нихъ сѣмена многократно въ волны кидаютъ.
750 И теперь у ĸораллов все таже природа осталась,
Такъ что на воздухѣ твердость они получаютъ, и то, что
Было въ морѣ лозой, надъ моремъ становится камнемъ.
Тремъ божествамъ алтарей онъ столько жъ слагаетъ изъ дерна,
Лѣвый Меркурію, правый тебѣ воинственной дѣвѣ,
755 Средній Зевесу алтарь. Корову приноситъ Минервѣ,
Крылоногому телку, быка же владыкѣ безсмертныхъ:
Тотчасъ беретъ Андромеду, награду такого дѣянья,
Безъ приданаго онъ. Гименей съ Амуромъ предносятъ
Факелы имъ; и огни благовоньями пышатъ обильно,
760 Домъ вѣнками увитъ и всюду лиры и флейты
И напѣвы звучатъ, счастливой веселости духа
Доказательствомъ явнымъ. Стоятъ, раскинувши двери,
Золотые чертоги и, къ пышной дивнымъ убранствомъ
Царской трапезѣ идутъ знатнѣйшіе родомъ Цефены.

МЕДУЗА.

765 Послѣ пира, когда благородными Вакха дарами
Духъ оживили они, о мѣстномъ родѣ занятій

онъ ублажаетъ не только за помощь въ сраженіи съ чудовищемъ, но и за врученный ему (см. ниже 782) мѣдный щитъ; а Меркурія за снабженіе его крылатыми сандаліями, Зевеса же какъ верховное божество   764 *Цефены* или *Кефены*—Эѳіопскій народъ.

767 Quaerit Lyncides moresque animumque virorum.
769 Qui simul edocuit: Nunc, o fortissime, dixit,
770 Fare precor, Perseu, quanta virtute, quibusque
Artibus abstuleris crinita draconibus ora.
Narrat Agenorides, gelido sub Atlante iacentem
Esse locum solidae tutum munimine molis,
Cuius in introitu geminas habitasse sorores
775 Phorcidas, unius partitas luminis usum:
Id se sollerti furtim, dum traditur, astu
Supposita cepisse manu. perque abdita longe
Deviaque et silvis horrentia saxa fragosis
Gorgoneas tetigisse domos. passimque per agros
780 Perque vias vidisse hominum simulacra ferarumque
In silicem ex ipsis visa conversa Medusa:
Se tamen horrendae clipei, quod laeva gerebat,
Aere repercusso formam aspexisse Medusae:
Dumque gravis somnus colubrasque ipsamque tenebat,
785 Eripuisse caput collo. pennisque fugacem
Pegason et fratrem matris de sanguine natos.
Addidit et longi non falsa pericula cursus:
Quae freta, quas terras sub se vidisset ab alto,
Et quae iactatis tetigisset sidera pennis.
790 Ante expectatum tacuit tamen. Excipit unus
Ex numero procerum, quaerens, cur sola sororum
Gesserit alternis immixtos crinibus angues.
Hospes ait: Quoniam scitaris digna relatu,

---

767 Quaerit Abantiades...

или:

Narrat, Lyncides...

одинъ и тотъ же Персей (см. выше 607). 772 *Агеноридомъ*, какъ видно изъ того же примѣчанія (см. 607), прозванъ Персей по брату родоначальника Бела Агенору, если только не слѣдуетъ вмѣсто *Agenorides* читать *Abantiades*; но у Овидія встрѣчаются такія вольности, какъ напр. замѣченное нами выше 719 прозваніе того же Персея Инахидомъ. 774 *Форкиды*. Форкъ или Форкій былъ царемъ по близости Тритонскаго озера въ Африкѣ и погибъ въ войнѣ съ Атлантомъ (см. выше 628) и затѣмъ превратился въ морскаго бога. Онъ былъ отцемъ двухъ группъ дочерей (старухъ) *Грай* и *Горгонъ*. Первыя охраняли входъ ко вторымъ, онѣ, какъ самое ихъ имя показываетъ, родились старухами, и у двухъ или даже четырехъ былъ одинъ общеупотребительный зубъ и глазъ. Принимая пищу, онѣ первымъ пользова-

767 Вопрошаетъ Линцидъ, о нравахъ и духѣ народа.
769 Тотъ, кто ему отвѣчалъ, воскликнулъ: Теперь ты, храбрѣйшій,
770 Самъ повѣдай, мы просимъ, Персей, какою ты силой
И искусствомъ какимъ снесъ ликъ, окруженный змѣями.
 Агеноридъ разсказалъ, что подъ самымъ Атлантомъ холоднымъ
Мѣсто есть, защищенное прочною грудой твердыни;
Тамъ у входа его двѣ сестры проживали Форкиды,
775 И въ обиходѣ своемъ однимъ онѣ глазомъ дѣлились;
Вотъ его то онъ ловко, при передачѣ, тихонько
Руку подставивъ, схватилъ; и долго бродя по пустыннымъ
Дикимъ мѣстамъ и утесамъ, покрытымъ лѣсомъ дремучимъ
Дома Горгонъ онъ достигъ; и кругомъ по полямъ и дорогамъ
780 Видѣлъ образы онъ людей и животныхъ, которымъ
Окаменѣть всѣмъ пришлось какъ есть при видѣ Медузы.
Онъ же въ мѣдномъ щитѣ, что былъ на рукѣ его лѣвой,
На отражаемый ликъ смотрѣлъ ужасной Медузы.
А какъ тяжкій сонъ овладѣлъ змѣями и ею,
785 Голову съ шеи сорвалъ онъ. Пегасъ проворный крылами
Съ братомъ своимъ родились изъ крови матери тотчасъ.
И о неложныхъ опасностяхъ долгихъ путей онъ прибавилъ:
Что за моря, что за земли онъ видѣлъ съ высотъ подъ собою,
И до какихъ онъ звѣздъ прикасался размахами крыльевъ.
700 Но нежданно онъ смолкъ. Одинъ изъ числа благородныхъ
Спрашивать сталъ, почему одна сестра лишь носила
Волосы, между которыхъ мѣшаются также и змѣи.
Гость сказалъ: Такъ какъ ты спросилъ о достойномъ разсказа,

лись поочередно, а чтобы смотрѣть, по очереди, клали глазъ себѣ на голову. Такимъ образомъ Персей могъ овладѣть имъ и заставить ихъ указать входъ къ Горгонамъ. Между Горгонами, которыхъ отцемъ нѣкоторые считали Горгона, знаменита одна Медуза, преимущественно называемая Горгоною. Видъ ея, послѣ того какъ она была изъ мести обезображена Минервой, былъ такъ ужасенъ, что отъ его лицезрѣнія все живое каменѣло. Качество это сохранила и ея отрубленная голова. Персей былъ посланъ за этой головою Серифскимъ царемъ Полидектомъ, который, желая овладѣть матерью его (Данаей), старался такимъ образомъ отъ него избавиться (см. выше 611 и сличи 5, 242); но при помощи подарковъ брата Меркурія и сестры Минервы (по Зевесу) онъ благополучно исполнилъ порученіе. Минерва дала ему мѣдный щитъ, въ который онъ могъ, видя Медузу, избѣжать гибели непосредственнаго ея лицезрѣнія и такимъ образомъ убить ее. 785 *Пегасъ.* Изъ крови Медузы возникъ Пегасъ, крылатый конь Музъ, и Хризооръ, отецъ Геріона (см. 9, 184).

Accipe quaesiti causam. Clarissima forma
795 Multorumque fuit spes invidiosa procorum
Illa. nec in tota conspectior ulla capillis
Pars fuit. Inveni, quis se vidisse referret.
Hanc pelagi rector templo vitiasse Minervae
Dicitur. Aversa est et castos aegide vultus
800 Nata Iovis texit. neve hoc impune fuisset,
Gorgoneum crinem turpes mutavit in hydros.
Nunc quoque, ut attonitos formidine terreat hostes,
Pectore in adverso, quos fecit, sustinet angues.

Слушай причину того, о чемъ вопросилъ. Красотою
795 Свѣтлой была жениховъ премногихъ она упованьемъ.
Не было въ ней во всей ни одной пригляднѣе части
Чудныхъ волосъ. Говорили мнѣ тѣ, что видѣли сами.
Вотъ ее, говорятъ, во храмѣ Минервы богъ моря
Обезчестилъ. Зевесова дочь отвернулась и скрыла
800 Дѣвственный ликъ за щитомъ, но чтобъ не было это безъ кары,
Волосъ Горгоны она въ чудовищныхъ змѣй превратила;
И понынѣ пугать враговъ страшилища видомъ,
Носитъ она на груди тѣхъ змѣй, что сама сотворила.

LIBER QUINTUS.

INDEX

1. Phineus.
2. Proetus.
3. Polydectes.
4. Musae.
5. Pyreneus.
6. Pierides.
7. Raptus Proserpinae.
8. Cyane.
9. Stellio.
10. Ascalaphus.
11. Sirenes.
12. Arethusa.
13. Lyncus.

PHINEUS.

Dumque ea Cephenum medio Danaeius heros
Agmine commemorat, fremida regalia turba
Atria complentur. nec coniugialia festa
Qui canat, est clamor, sed qui fera nuntiet arma:
Inque repentinos convivia versa tumultus
Assimilare freto possis, quod saeva quietum
Ventorum rabies motis exasperat undis.
Primus in his Phineus, belli temerarius auctor,
Fraxineam quatiens aeratae cuspidis hastam:
En, ait, en assum praereptae coniugis ultor.
Nec mihi te pennae, nec falsum versus in aurum
Iuppiter eripiet. Conanti mittere Cepheus:

КНИГА ПЯТАЯ

СОДЕРЖАНІЕ

1. Финей. . . . . Ст. 1—235
2. Прэтъ. . . . . „ 236—241
3. Полидектъ . . . . „ 242—249
4. Музы . . . . „ 250—272
5. Пиреній. . . . . „ 273—293
6. Піериды. . . . . „ 294—678
7. Похищеніе Прозерпины . . . . . . „ 385—408
8. Ціана. . . . . „ 409—437
9. Крапчатая ящерица. . . . . „ 438—461
10. Аскалафъ . . . . „ 533—550
11. Сирены . . . . „ 551—563
12. Аретуза. . . . . „ 572—641
13. Линкъ. . . . . „ 642—661

ФИНЕЙ.

Временемъ тѣмъ, что объ этомъ въ кругу Цефенъ, сынъ Данаи,
Повѣствуетъ герой, толпою шумной покои
Наполняются царскіе; и не брачнаго пира
Пѣснью звучитъ этотъ гамъ, а вѣстью суровыхъ доспѣховъ:
И въ смятенье внезапное пиръ превращенный ты могъ бы
Съ моремъ сравнить, какъ его во время спокойствія, волны
Подымая на немъ, свирѣпость вѣтровъ возмущаетъ.
Первый межъ ними Финей, вражды дерзновенный зачинщикъ,
Ясеневою пикой тряся съ наконечникомъ мѣднымъ:
„Вотъ, воскликнулъ, я здѣсь супруги исторгнутой мститель.
Не спасутъ отъ меня ни крылья, ни Зевсъ обращенный
Въ ложное злато, тебя“. Готовому дротикомъ кинуть:

Quid facis? exclamat, quae te, germane, furentem
Mens agit in facinus? meritisne haec gratia tantis
Redditur? hac vitam servatae dote rependis?
Quam tibi non Perseus, verum si quaeris, ademit,
Sed grave Nereidum numen, sed corniger Ammon,
Sed quae visceribus veniebat bellua ponti
Exsaturanda meis. Illo tibi tempore rapta est,
Quo peritura fuit. Nisi si, crudelis, id ipsum
Exigis, ut pereat, luctuque levabere nostro.
Scilicet haud satis est, quod te spectante revincta est,
Et nullam quod opem patruus sponsusve tulisti:
Insuper, a quoquam quod sit servata, dolebis,
Praemiaque eripies? Quae si tibi magna videntur,
Ex illis scopulis, ubi erant affixa, petisses.
Nunc sine, qui petiit, per quem haec non orba senectus,
Ferre, quod et meritis et voce est pactus. eumque
Non tibi, sed certae praelatum intellige morti.
Ille nihil contra. sed et hunc et Persea vultu
Alterno spectans, petat hunc, ignorat, an illum:
Cunctatusque brevi contortam viribus hastam,
Quantas ira dabat, nequicquam in Persea misit.
Et stetit illa toro. Stratis tunc denique Perseus
Exiluit, teloque ferox inimica remisso
Pectora rupisset, nisi post altaria Phineus
Isset. et, indignum! scelerato profuit ara.
Fronte tamen Rhoeti non irrita cuspis adhaesit.
Qui postquam cecidit, ferrumque ex osse revulsum est,
Calcitrat et positas aspergit sanguine mensas.
Tunc vero indomitas ardescit vulgus in iras,
Telaque coniciunt, et sunt qui Cephea dicant
Cum genero debere mori. Sed limine tecti
Exierat Cepheus, testatus iusque fidemque
Hospitiique deos, ea se prohibente moveri.

---

17 *Нереидъ* (см. 4, 670), *Аммонъ рогоносный*—онъ изображался Греками въ видѣ мужа или только въ видѣ четырехграннаго камня (Гермы) съ бараньей головою (сличи ниже 327). 36 *За алтарь.* Очагъ, въ то же время и алтарь домашнихъ боговъ, стоялъ посреди притвора—атріума; въ прежнія времена тутъ же и обѣдали, отдѣляя богамъ

„Что творишь ты? воскликнулъ Цефей, съ какою, братъ, мыслью,
Ты на злодѣйство идешь? Такая ль воздастся награда
Столькимъ заслугамъ? За жизнь спасенной ты этимъ ли платишь?
Не Персей, если правду сказать, у тебя ее отнялъ,
Но Нереидъ божественный гнѣвъ, но Аммонъ рогоносный,
Но морское чудовище, что напитаться утробой
Шло моей. У тебя похищена въ то она время,
Какъ погибать ей пришлось. Ужь развѣ жестокій, ты хочешь
Самъ, чтобъ сгибла она и плачъ нашъ тебя бы утѣшилъ.
Подлинно мало того, что ее при тебѣ же вязали,
Ты же дядя женихъ никакой ей помощи не далъ:
Кромѣ того, если кто ее и спасетъ, ты осудишь,
И награду исторгнешь? Считая ее столь высокой,
Ты бъ на скалахъ ее бралъ, на которыхъ ее приковали.
Нынѣ тому, кто добылъ, кто не далъ мнѣ старцу быть сирымъ,
То предоставь, что ему заслугой дано и обѣтомъ.
Знай, его предпочли не тебѣ, а вѣрной лишь смерти“.
Тотъ въ отвѣтъ ничего; но въ лице то ему, то Персею
Попеременно глядя, бить того иль другаго, не знаетъ.
Малость помедля, копье замахнувши всей силой, какую
Гнѣвъ ему сообщалъ, вотще онъ бросилъ въ Персея.
Въ ложе воткнулось оно. Съ ковровъ Персей тутъ воспрянулъ,
И свирѣпо прошибъ бы онъ вражью грудь, отвѣчая
Тѣмъ же копьемъ, когда бы Финей за алтарь не укрылся
И, какой же позоръ! нечестивцу алтарь во спасенье.
Но безъ ошибки копье во лбу у Рэта засѣло.
Тотъ, какъ только упалъ, и желѣзо изъ раны исторгли,
Биться сталъ, и столы накрытые кровью забрызгалъ.
Тутъ однако народъ воспылалъ необузданнымъ гнѣвомъ,
Стали копья бросать, а иные сказали, что надо
И Цефея и зятя убить. Но изъ дома въ двери
Вышелъ Цефей, завѣряя закономъ честнымъ и богами
Гостепріимства, что все вопреки его волѣ творится.

частицу всякаго кушанья, какъ это и теперь дѣлаютъ наши кочевники для своихъ бурхановъ. 40 *Столы* — въ древнѣйшія времена ставились или для каждаго гостя отдѣльно или для группы гостей, соединенной на скамейкѣ (сличи 8, 571 и далѣе 661).

Bellic Pallasa adest et protegit aegide fratrem,
Datque animos. Erat Indus Athis, quem flumine Gange
Edita Limnate vitreis peperisse sub undis
Creditur, egregius forma, quam divite cultu
Augebat, bis adhuc octonis integer annis,
Indutus chlamydem Tyriam, quam limbus obibat
Aureus. ornabant aurata monilia collum,
Et madidos myrrha curvum crinale capillos.
Ille quidem iaculo quamvis distantia misso
Figere doctus erat, sed tendere doctior arcus.
Tunc quoque lenta manu flectentem cornua Perseus
Stipite, qui media positus fumabat in ara,
Perculit et fractis confudit in ossibus ora.
    Hunc ubi laudatos iactantem in sanguine vultus
Assyrius vidit Lycabas, iunctissimus illi
Et comes et veri non dissimulator amoris,
Postquam exhalantem sub acerbo vulnere vitam
Deploravit Athin, quos ille tetenderat arcus
Arripit et Mecum tibi sint certamina dixit,
Nec longum pueri fato laetabere, quo plus
Invidiae, quam laudis habes. Haec omnia nondum
Dixerat, emicuit nervo penetrabile telum,
Vitatumque tamen sinuosa veste pependit.
Verti in hunc harpen spectatam caede Medusae
Acrisioniades, adigitque in pectus. At ille
Iam moriens, oculis sub nocte natantibus atra,
Circumspexit Athin, seque acclinavit in illum,
Et tulit ad manes iunctae solatia mortis.
Ecce Syenites, genitus Metione, Phorbas
Et Libys Amphimedon, avidi committere pugnam,
Sanguine, quo late tellus madefacta tepebat,
Conciderant lapsi. surgentibus obstitit ensis,
Alterius costis, iugulo Phorbantis adactus.

---

47 *Брата* — Персея (см. 2, 553). 51 *Въ Тирской хламидѣ*—близъ Тира ловились лучшія пурпурныя раковины, и Тирскій пурпуръ считался наилучшимъ. 74 *Сіенитъ* изъ Сіены, Египетскаго города, славившагося своимъ мраморомъ; далѣе слѣ-

Боевая Паллада, представъ, осѣнила эгидой
Брата, и духъ сообщила ему. Былъ индусъ тутъ Атисъ
Что рожденъ, говорятъ, Лимнатой, дочерью Ганга,
Подъ кристальной волной, красавецъ собой, умножавшій
Прелесть богатымъ убранствомъ, шестнадцати лѣтъ на разцвѣтѣ,
Въ Тирской хламидѣ одѣтъ, каймой золотой обведенной;
Украшало шею ему золотое монисто,
И волоса, облитые миррой, поддерживалъ обручъ.
Хоть и искусенъ онъ былъ поражать на любомъ отдаленьи
Пикой, однако жъ лукъ напрягалъ еще съ большимъ искусствомъ.
Тою порой, какъ упористый рогъ рукою сгибалъ онъ,
Коломъ его, что лежалъ посреди алтаря и дымился,
Сшибъ Персей и лице превратилъ въ раздробленныя кости.
Но когда его тутъ лежащаго съ ликомъ кровавымъ
Ассиріецъ узрѣлъ, Ликабантъ къ нему самый близкій
И сопутникъ, и чистой любви своей не скрывавшій,
Атиса онъ, выдыхавшаго жизнь подъ жестокою раной,
Прежде оплакавши, выхватилъ лукъ, что тотъ напрягать сталъ,
И воскликнулъ: „Теперь со мною ты долженъ сразиться,
Юноша, жребій тебѣ не на долго на радость, въ немъ больше
Зла для тебя, чѣмъ хвалы“. Всего еще не сказалъ онъ,
Какъ пронзительная стрѣла съ тетивы промелькнула,
Но, какъ тотъ уклонился, засѣла въ складкахъ одежды.
Мечъ обратилъ свой, испытанный на убійствѣ Медузы,
Противъ него, и пронзилъ ему грудь Акризія отпрыскъ.
Тотъ, уже умирая, глазами, гдѣ ночь разливалась,
Оглянувшись на Атиса, самъ къ нему же склонился
И къ тѣнямъ утѣшенье унесъ сочетавшей ихъ смерти.
Вотъ Сіенитъ Форбантъ, Метіона отродье, и также
Амфимедонтъ Либіецъ, вступить алкавшіе въ битву,
Поскользнувшись въ крови, что дымясь, покрывала широко
Землю, упали. Подняться имъ мечъ помѣшалъ, устремленный
Одному между ребръ, другому, Форбанту то, въ горло.

дуютъ имена неизвѣстныхъ лицъ. — Надо извинить нашему поэту, что онъ, дорожа только описаніемъ побоищъ, приходившихся по вкусу Римлянамъ, не объясняетъ ни появленія отдаленныхъ гостей, ни внезапныхъ притязаній Финея.

At non Actoriden Erytum, cui lata bipennis
Telum erat, hamato Perseus petit ense, sed altis
Extantem signis multaeque in pondere massae
Ingentem manibus tollit cratera duabus,
Infligitque viro. Rutilum vomit ille cruorem,
Et resupinus humum moribundo vertice pulsat.
Inde Semiramio Polydaemona sanguine cretum.
Caucasiumque Abarin, Spercheiadenque Lycetum,
Intonsumque comas Helicen, Phlegyanque Clytumque
Sternit, et extructos morientum calcat acervos.
Nec Phineus ausus concurrere cominus hosti,
Intorquet iaculum. quod detulit error in Idan,
Expertem frustra belli et neutra arma secutum,
Ille tuens oculis immitem Phinea torvis:
Quandoquidem in partes, ait, attrahor, accipe, Phineu,
Quem fecisti hostem, pensaque hoc vulnere vulnus..
Iamque remissurus tractum de corpore telum
Sanguine defectos cecidit collapsus in artus.
Tum quoque Cephenum post regem primul Hodites
Ense iacet Clymeni: Prothoenora percutit Hypseus:
Hypsea Lyncides. Fuit et grandaevus in illis
Emathion, aequi cultor, timidusque deorum:
Quem quoniam prohibent anni bellare, loquendo
Pugnat et incessit, sceleratque devovet arma.
Huic Chromis amplexo tremulis altaria palmis
Decutit ense caput. quod protinus incidit arae
Atque ibi semianimi verba exsecrantia lingua
Edidit, et medios animam expiravit in ignes
Hinc gemini fratres Broteasque et caestibus Ammon
Invictus, vinci si possent caestibus enses,
Phinea cecidere manu, Cererisque sacerdos
Ampycus, albenti velatus tempora vitta.
Tu quoque, Iapetide, non hos adhibendus ad usus,

---

81 *Огромную чашу.* Древніе пили свое крѣпкое вино, разбавляя его водою, даже въ размѣрахъ одной четверти вина къ тремъ четвертямъ воды; для этого смѣшенія употреблялась большая чаша изъ металла или глины, покрытая рельефными узорами или изображеніями. 99 *Линцидъ* — вѣроятно, самъ Персей. 108 На кулачномъ бою

Но Акторида Эрита, доспѣхамъ котораго только
80 Былъ широкій топоръ, Персей не мечемъ поражаетъ,
А огромную чашу съ разводами крупныхъ узоровъ,
Вѣса большаго, руками обѣими онъ приподнявши,
Въ мужа ею швырнулъ. Тотъ красную кровь изрыгая,
Навзничь на землю упалъ и бьется затылкомъ, кончаясь.
85 Тутъ Полидемона онъ, Семирамской крови потомка,
И Абариса Кавказца и Сперхеяда Лицета
И нестриженнаго Гелика и Флегія съ Клитомъ
Повергаетъ и топчетъ, сваливъ умирающихъ груды.
Но Финей не дерзнулъ со врагомъ грудь съ грудью сойтися,
90 А копье запустилъ, что ошибкой попало въ Идаса.
Даромъ что битвѣ тотъ чуждъ, ни къ одной изъ сторонъ не склонялся.
Онъ на Финея жестокаго мрачными глянувъ глазами:
„Если, сказалъ, я въ бой вовлеченъ, то Финей, ты извѣдай,
Въ комъ пробудилъ ты врага, и рану прими ты за рану“.
95 И ужь хотѣлъ онъ копьемъ, что изъ тѣла исторгнулъ, отвѣтить,
Но упалъ отъ разслабленныхъ кровотеченіемъ членовъ.
Первый послѣ царя Цефеновъ мечемъ тутъ Климена
Былъ поверженъ Одитъ, Гипсей поразилъ Протенора,
А Гипсея Линцидъ. Былъ съ ними и древній лѣтами
100 Эматіонъ; слуга правоты и боговъ почитатель:
Такъ какъ годы ему возбраняютъ войну, онъ воюетъ
Словомъ и, выйдя, преступное онъ проклинаетъ оружье.
Вотъ Хромидъ у него, алтарь обнимавшаго съ дрожью,
Голову срѣзалъ мечемъ; на алтарь она прямо упала.
105 И полумертвый изрекъ языкомъ слова тамъ проклятья,
И затѣмъ по срединѣ огней онъ выдохнулъ душу.
Братья тутъ близнецы: Бротей и Аммонъ, побѣдитель
На кулачномъ бою, еслибъ наручнемъ побѣждался,
Пали, рукою Финея сраженные, палъ въ то же время
110 Жрецъ Цереры, Ампикъ, на вискахъ съ повязкою бѣлой.
Да и ты, Япетидъ, не къ такому дѣлу сподручный,

Римляне обертывали руки и кулаки широкимъ ремнемъ изъ сырой бычьей кожи съ пришитыми къ нему кусками свинцу или желѣза. Такой наручень назывался цестомъ. 110 (см. 11, 279).

Sed qui, pacis opus, citharam cum voce moveres;
Iussus eras celebrare dapes, festumque canendo.
Cui procul astanti plectrumque imbelle tenenti
Pettalus irridens: Stygiis cane cetera, dixit,
Manibus, et laevo mucronem tempore fixit.
Concidit, et digitis morientibus ille retentat
Fila lyrae. casuque fuit miserabile carmen.
Nec sinit hunc impune ferox cecidisse Lycormas,
Raptaque de dextro robusta repagula posti
Ossibus illisit mediae cervicis. At ille
Procubuit terrae mactati more iuvenci.
Demere tentabat laevi quoque robora postis
Cinyphius Pelates. tentanti dextera fixa est
Cuspide Marmaridae Corythi, lignoque cohaesit.
Haerenti latus hausit Abas. nec corruit ille,
Sed retinente manum moriens e poste pependit.
Sternitur et Menaleus, Perseia castra secutus,
Et Nasamoniaci Dorylas ditissimus agri:
Dives agri Dorylas, quo non possederat alter
Latius, aut totidem tollebat farris acervos.
Huius in obliquo missum stetit inguine ferrum:
Letifer ille locus. Quem postquam vulneris auctor
Singultantem animam et versantem lumina vidit
Bactrius Halcyoneus: Hoc, quod premis, inquit, habeto
De tot agris terrae, corpusque exsangue reliquit.
Torquet in hunc hastam calido de vulnere raptam
Ultor Abantiades, media quae nare recepta
Cervice exacta est, in partesque eminet ambas.
Dumque manum Fortuna iuvat, Clytiumque Claninque,
Matre satos una, diverso vulnere fudit.
Nam Clytii per utrumque gravi librata lacerto
Fraxinus acta femur. iaculum Clanis ore momordit.
Occidit et Celadon Mendesius. occidit Astreus,
Matre Palaestina, dubio genitore creatus:

---

124 *Цинифійскій* или *Цинифскій* отъ Африканской, Либійской рѣки *Цинипса*.
125 *Мармарида* изъ лежащей тамъ же, противъ острова Крита, мѣстности Мар-

А въ занятіи мира, игравшій подъ голосъ на цитрѣ,
Призванъ ты былъ пиры прославлять и голосомъ праздникъ.
Какъ онъ одаль стоялъ съ невоинственнымъ плектрономъ, крикнулъ
115 Петталъ на̀ смѣхъ ему: „Стигійскимъ манамъ допой ты
Остальное“, и въ лѣвый високъ всадилъ ему мечъ свой.
Падаетъ тотъ, и все, умирающій, держитъ перстами
Струны лиры; и грустная пѣсня раздалась при паденьи.
Но безнаказанно пасть ему ярый Ликормъ не дозволилъ,
120 И, дубовый запоръ отъ правой двери схвативши,
Сунулъ онъ имъ въ середину затылочной кости. И тутъ же
Тотъ на землю упалъ, какъ телецъ заколанный въ жертву.
Также вытащить дубъ изъ лѣвыхъ дверей собирался
Цинифійскій Пелатъ; но правую руку пробило
125 Мармарида Корита копье, и къ древу пришило.
Пригвожденному бокъ пронзаетъ Абантъ; не свалился
Тотъ, но рукою прильнувъ къ косяку, умирая, повиснулъ.
И Миналей былъ сраженъ, вступившій въ лагерь Персея,
И Дорилай, богатѣйшій изъ всѣхъ въ Назамонской округѣ:
130 Полемъ богатъ Дорилай, какого не было больше
Ни у кого, и никто не сбиралъ вороховъ себѣ столько.
Стало въ паху у него желѣзо пущено съ боку:
Мѣсто это смертельное. Какъ его, раны виновникъ,
Изрыгающимъ душу и вращающимъ очи,
135 Гальціоней Бактріецъ узрѣлъ: „что прикрылъ, онъ воскликнулъ,
Тѣмъ и владѣй изо всѣхъ ты земель“, и трупъ тутъ покинулъ.
Пику изъ раны горячей исторгнувъ, въ него запускаетъ
Мститель Абантіадъ и, въ носъ угодивши, въ затылокъ
Вышла она и торчитъ, съ обѣихъ сторонъ выступая.
140 Клитія онъ и Кланиса, пока помогаетъ Фортуна,
Матери той же дѣтей свергаетъ, отдѣльно поранивъ.
Ибо у Клитія ясень, могучею брошенъ рукою,
Въ оба вонзился бедра, Кланисъ ртомъ пику кусаетъ.
Также палъ Целадонтъ Мендезецъ; убитъ и Астрей былъ,
145 Матерью онъ Палестинкой рожденъ, но отецъ подъ сомнѣньемъ;

марики. 129 *Назамоны*—Африканскій народъ близь большаго Сырта. 144 *Мендезецъ* изъ Мендеза, Египетскаго города у устьевъ Нила.

Aethionque sagax quondam ventura videre,
Tunc ave deceptus falsa. regisque Thoactes
Armiger, et caeso genitore infamis Agyrtes.

Plus tamen exhausto superest. namque omnibus unum
150 Opprimere est animus. Coniurata undique pugnant
Agmina pro causa meritum impugnante fidemque.
Hac pro parte socer frustra pius et nova coniunx
Cum genitrice favent, ululatuque atria complent.
Sed sonus armorum superat gemitusque cadentum,
155 Pollutosque semel multo Bellona penates
Sanguine perfundit, renovataque proelia miscet.
Circueunt unum Phineus et mille secuti
Phinea. Tela volant hiberna grandine plura
Praeter utrumque latus, praeterque et lumen et aures.
160 Applicat hinc humeros ad magnae saxa columnae,
Tutaque terga gerens adversaque in agmina versus
Sustinet instantes. Instabat parte sinistra
Chaonius Molpeus, dextra Nabataeus Ethemon.
Tigris ut auditis diversa valle duorum
165 Extimulata fame mugitibus armentorum
Nescit, utro potius ruat, et ruere ardet utroque:
Sic dubius Perseus, dextra laevane feratur,
Molpea traiecti summovit vulnere cruris,
Contentusque fuga est. neque enim dat tempus Ethemon:
170 Sed furit et, cupiens alto dare vulnera collo,
Non circumspectis exactum viribus ensem
Fregit, et extrema percussae parte columnae
Lamina dissiluit, dominique in gutture fixa est.
Non tamen ad letum causas satis illa valentes
175 Plaga dedit. Trepidum Perseus et inermia frustra
Brachia tendentem Cyllenide confodit harpe.

Verum ubi virtutem turbae succumbere vidit:
Auxilium, Perseus, quoniam sic cogitis ipsi,
Dixit, ab hoste petam. Vultus avertite vestros,
180 Siquis amicus adest! et Gorgonis extulit ora.

---

155 *Беллона* — вообще богиня войны. 162 *Хаонійцы* или Хаонцы были народъ въ Эпирѣ (сравни 13, 717 какъ и 720). *Набатейцы* или *Набатеи*—народъ, живущій

И Этіонъ съ нимъ, когда то смышленъ грядущее видѣть,
Нынѣ птицею лживой обманутый; и броненосецъ
Царскій—Тоантъ, и Агиртъ, убійствомъ отца пресловутый.
Больше однако-жь осталось чѣмъ сдѣлано; всѣмъ одного то
Хочется имъ одолѣть. Отвсюду полчища дружно
Бьются за дѣло, что противъ заслугъ и вѣрныхъ обѣтовъ.
Тѣмъ желаютъ успѣха и тесть, вотще справедливый,
И молодая и мать, наполняя воплемъ притворы.
Но громогласнѣй оружія звонъ и стоны сраженныхъ
И оскверненныхъ пенатовъ Беллона обильною кровью
Орошаетъ опять и новыя битвы готовитъ.
Вотъ одного окружаютъ Финей и тысячи пришлыхъ
За Финеемъ. Оружье летитъ пуще бурнаго града
Мимо его съ двухъ сторонъ, мимо глазъ и ушей проносяся.
Тотъ плечами къ каменьямъ прильнулъ огромной колонны
И, свой тылъ защитивъ, обратясь къ противниковъ строю,
Противъ напора стоитъ. На него полѣвѣй нападаетъ
Хаоніецъ Мольпей, поправѣй Набатеецъ Эѳемонъ,
Какъ тигрица, когда, подстрекаема голодомъ, разомъ
Ревъ заслыша двухъ стадъ въ различныхъ долинахъ, не знаетъ,
На какое бросаться, и броситься хочетъ на оба;
Такъ въ сомнѣньи Персей, обратиться ли вправо иль влѣво,
Устранилъ Мольпея, ему поранивши голень,
Бѣгствомъ довольный однимъ; не даетъ ему срока Эѳемонъ;
Но ярится и, ранить шею желая повыше,
Съ неосторожною силой ударивши, мечъ перешибъ онъ,
И клинокъ, какъ задѣлъ по верхней части колонны,
Разлетѣлся и прямо хозяину въ горло воткнулся.
Но недовольно причинъ въ той ранѣ было для смерти
И Персей задрожавшаго и безоружныя руки
Тщетно простершаго тутъ поразилъ мечемъ Килленейскимъ.
Но когда увидалъ, что доблесть толпѣ уступаетъ:
„Помощи, молвилъ Персей, коль вы принуждаете сами,
Стану искать у врага. Вы лица свои отверните,
Кто изъ друзей моихъ тутъ!“ И ликъ вознесъ онъ Горгоны.

въ Аравіи (см. 1, 61). 176 *Мечемъ Килленейца* (см. 1, 713). 179 У *врага* — убитой имъ Медузы.

Quaere alium, tua quem moveant miracula, dixit
Thescelus. utque manu iaculum fatale parabat
Mittere, in hoc haesit signum de marmore gestu
Proximus huic Ampyx animi plenissima magni
Pectora Lyncidae gladio petit. inque petendo
Dextera diriguit, nec citra mota nec ultra.
At Nileus, qui se genitum septemplice Nilo
Ementitus erat, clipeo quoque flumina septem
Argento partim, partim caelaverat auro:
Aspice, ait, Perseu, nostrae primordia gentis:
Magna feres tacitas solatia mortis ad umbras,
A tanto cecidisse viro... pars ultima vocis
In medio suppressa sono est. adapertaque velle
Ora loqui credas, nec sunt ea pervia verbis.
Increpat hos Vitioque animi, non viribus, inquit,
Gorgoneis torpetis, Eryx. incurrite mecum
Et prosternite humi iuvenem magica arma moventem!
Incursurus erat. tenuit vestigia tellus,
Immotusque silex armataque mansit imago.
Hi tamen ex merito poenas subiere. sed unus
Miles erat Persei, pro quo dum pugnat, Aconteus,
Gorgone conspecta saxo concrevit oborto.
Quem ratus Astyages etiamnum vivere, longo
Ense ferit. sonuit tinnitibus ensis acutis.
Dum stupet Astyages, naturam traxit eandem,
Marmoreoque manet vultus mirantis in ore.
Nomina longa mora est media de plebe virorum
Dicere. Bis centum restabant corpora pugnae:
Gorgone bis centum riguerunt corpora visa.
Poenitet iniusti tunc denique Phinea belli.
Sed quid agat? simulacra videt diversa figuris,
Agnoscitque suos, et nomine quemque vocatum
Poscit opem, credensque parum, sibi proxima tangit
Corpora. marmora erant. Avertitur, atque ita supplex

„Поищи ка другаго, кого бы могъ тронуть ты чудомъ“,
Молвилъ Ѳесцелъ; и когда заносилъ онъ рукой роковую
Пику, такъ и застылъ въ движеніи мраморнымъ ликомъ.
Бывшій съ нимъ рядомъ Ампикъ замахнулся мечемъ противъ груди,
185 У Линцида наполненной мощной душой; но въ размахѣ
Правая стынетъ рука, и ни взадъ, ни впередъ недвижима.
Но Нилей, что себя семиустнаго Нила потомкомъ
Ложно считалъ и въ щитѣ у себя семь рѣкъ начеканилъ,
Частію изъ серебра и изъ чистаго золота частью,
190 Молвилъ: „Взгляни ка, Персей, откуда мой родъ происходитъ:
Ты къ безмолвнымъ тѣнямъ унесешь утѣшенье большое,
Мужемъ убитый такимъ“... Послѣдняя часть изреченья
Гаснетъ средь звуковъ самихъ; ты могъ бы ждать, что раскрывшись разверсты
Станутъ уста говорить, но ужь нѣтъ въ нихъ пропуска слову.
195 Ихъ ругая, Эрикъ имъ кричитъ: „Отъ безсилія духа,
Не отъ Горгоны коснѣете вы; накиньтесь со мною
И свалите юнца, что оружіемъ бьется волшебнымъ!“
Броситься онъ собрался; но земля стопы заковала,
Неподвижнымъ онъ камнемъ и ликомъ въ доспѣхахъ остался.
200 Эти за дѣло лишь тѣмъ наказаны были; но воинъ
Былъ тутъ Персея одинъ, его защищавшій, Аконтій;
Онъ на Горгону взглянулъ, и замеръ, содѣлавшись камнемъ.
Думая все, что онъ живъ, его Астіадъ поражаетъ
Длиннымъ мечемъ; но мечъ зазвенѣлъ дребезжаніемъ острымъ.
205 Какъ Астіагъ изумлялся, все тоже принялъ онъ свойство,
И на мраморномъ ликѣ остались черты изумленья.
Долго всѣ имена мужей изъ средняго люда
Перечислять. Для битвы еще оставалось ихъ двѣсти
Годныхъ, и двѣсти же тѣлъ застыли при видѣ Горгоны.
210 Несправедливой войны наконецъ стало жалко Финею.
Но что дѣлать ему? Различные видитъ онъ лики
И своихъ узнаетъ и, по имени каждаго клича,
Помощи проситъ, и съ малой надеждой касается ближнихъ
Тѣлъ; но мраморъ они. Отвернулся и въ чувствѣ безсилья,

Confessasque manus oblique brachia tendens:
Vincis, ait, Perseu. remove tua monstra, tuaeque
Saxificos vultus, quaecunque ea, tolle Medusae:
Tolle, precor. Non nos odium regnive cupido
Compulit ad bellum. pro coniuge movimus arma.
Causa fuit meritis melior tua, tempore nostra.
Non cessisse piget. Nihil, o fortissime, praeter
Hanc animam concede mihi, tua cetera sunto.
Talia dicenti neque eum, quem voce rogabat,
Respicere audenti: Quod, ait, timidissime Phineu,
Et possum tribuisse, et magnum est munus inerti,
Pone metum, tribuam. nullo violabere ferro.
Quin etiam mansura dabo monimenta per aevum:
Inque domo soceri semper spectabere nostri,
Ut mea se sponsi soletur imagine coniux.
Dixit, et in partem Phorcynida transtulit illam,
Ad quam se trepido Phineus obverterat ore.
Tunc quoque conanti sua flectere lumina cervix
Diriguit, saxoque oculorum induruit humor.
Sed tamen os timidum vultusque in marmore supplex
Summissaeque manus faciesque obnoxia mansit.

PROETUS.

Victor Abantiades partios cum coniuge muros
Intrat, et immeriti vindex ultorque parentis
Aggreditur Proetum. nam fratre per arma fugato
Acrisioneas Proetus possederat arces.
Sed nec ope armorum, nec, quam male ceperat, arce
Torva colubriferi superavit lumina monstri.

---

215 *Наискось руки.* Воздѣваніемъ рукъ древніе выражали покорность и мольбу какъ передъ побѣдителемъ, такъ и передъ богами (см. 9, 293). Отвернувшійся отъ держащаго голову Медузы Персея, Финей, воздѣвая руки къ побѣдителю, вынужденъ обращать ихъ наискось. 236 *Абантіадъ.* Персей уводитъ свою новобрачную су-

215 Въ сторону руки свои простирая, съ мольбою покорно:
„Ты побѣждаешь, Персей, онъ сказалъ: Убери свое чудо,
Скрой, чѣмъ она бъ ни была, ликъ Медузы своей каменящій,
Спрячь, умоляю. Не ненависть и не желаніе царства
Вызвали къ битвѣ меня; за невѣсту я поднялъ оружье.
220 Право твое по заслугѣ, мое же по времени лучше.
Жаль, что не я уступилъ. Ничего, о храбрѣйшій, мнѣ кромѣ
Этой души не даруй; да будетъ твоимъ остальное“.
Такъ говорящему и на того, кого умолялъ онъ,
Не дерзавшему глянуть тотъ отвѣчалъ: „Что могу я,
225 Малодушный Финей, и даръ то великій для труса,
Страхъ отложи ты, я дамъ; тебя не поранитъ желѣзо.
Ибо даже тебѣ я устрою памятникъ вѣчный:
И въ дому моего ты тестя всегда будешь виденъ,
Чтобы супруга моя жениха утѣшалася ликомъ“.
230 Такъ сказалъ, и въ ту сторону онъ перенесъ Форкиниду,
Трепетнымъ взоромъ въ которую самъ Финей обращался.
Тутъ у желавшаго вновь отвернуться глазами, затылокъ
Окостенѣлъ, и влага очей превратилася въ камень.
Но боязливъ его взглядъ и во мраморѣ проситъ пощады,
235 Руки воздѣты къ мольбѣ, и ликъ покорнымъ остался.

ПРЭТЪ.

Абантіадъ побѣдитель въ отцовскія стѣны съ супругой
Входитъ, и неповиннаго мститель отца и защитникъ
Противъ Прэта идетъ; потому что, брата прогнавши,
Силой оружія Прэтъ захватилъ Акризія крѣпость.
240 Но ни оружіемъ онъ, ни крѣпостью взятой зазорно,
Косныхъ не побѣдилъ очей змѣеноснаго чуда.

пругу въ свой родной Аргосъ, гдѣ отца не его собственно, а матери его Данаи, Акризія, прогналъ родной братъ его Прэтъ, превращенный за это головою Медузы въ камень.

POLYDECTES.

Te tamen, o parvae rector, Polydecta, Seriphi,
Nec iuvenis virtus per tot spectata labores,
Nec mala mollierant. sed inexorabile durus
Exerces odium, nec iniqua finis in ira est.
Detrectas etiam laudes, fictamque Medusae
Arguis esse necem. Dabimus tibi pignora veri.
Parcite luminibus! Perseus ait, oraque regis
Ore Medusaeo silicem sine sanguine fecit.

MUSAE.

Hactenus aurigenae comitem Tritonia fratri
Se dedit. Inde cava circumdata nube Seriphon
Deserit, a dextra Cythno Gyaroque relictis:
Quaque super pontum via visa brevissima, Thebas
Virgineumque Helicona petit. quo monte potita
Constitit, et doctas sic est affata sorores:
Fama novi fontis nostras pervenit ad aures,
Dura Medusaei quem praepetis ungula rupit.
Is mihi causa viae. volui mirabile factum
Cernere. vidi ipsum materno sanguine nasci.
Excipit Uranie: Quaecunque est causa videndi
Has tibi, diva, domos, animo gratissima nostro est.
Vera tamen fama est, et Pegasus huius origo
Fontis, et ad latices deduxit Pallada sacros.
Quae mirata diu factas pedis ictibus undas,
Silvarum lucos circumspicit antiquarum
Antraque et innumeris distinctas floribus herbas:
Felicesque vocat pariter studioque locoque
Mnemonidas. Quam sic affata est una sororum:
O, nisi te virtus opera ad maiora tulisset,

---

242 Полидектъ (см. 4, 774 до конца). 252 *Цитнъ* и *Гіаръ*, подобно Серифу, небольшіе острова изъ числа Цикладъ (см. 2, 264). 254 Дѣвственный Геликонъ (см. 2, 217). 257 (см. 4, 785) Ключъ, прибитый крылатымъ конемъ, отчего и по-

ПОЛИДЕКТЪ.

Но тебя, Полидектъ, небольшаго Серифа правитель,
Не смягчили ни доблесть въ усиліяхъ юноши столькихъ,
Ни напасти его; неумолимо жестокій
245 Все ты враждуешь, и нѣтъ конца неправому гнѣву.
Ты отрицаешь хвалы, и даже твердишь, что Медузы
Гибель сочинена. Прими жъ доказательство правды.
„Поберигите глаза!“ Персей воскликнулъ, и царскій
Ликъ Медузинымъ ликомъ содѣлалъ онъ камнемъ безкровнымъ.

МУЗЫ.

250 До сихъ поръ лишь Тритонія золотородному брату
Спутницей шла. Но теперь, окруженная тучей, съ Серифа
Удалилась, и Цитнъ и Гіаръ, оставивши вправо:
Да, гдѣ путь черезъ море казался кратчайшимъ ей, въ Ѳивы
И на дѣвственный Геликонъ поспѣшила. И ставши
255 Тамъ на горѣ, она такъ ученымъ молвила сестрамъ:
„Слава дошла до ушей моихъ о новомъ потокѣ,
Что Медузинъ Летунъ прошибъ копытомъ упорнымъ.
Онъ мнѣ цѣлью пути; захотѣла я чудное дѣло
Видѣть; при мнѣ же онъ самъ изъ крови рожденъ материнской“.
260 Тутъ Уранія ей: „Каковъ бы твой поводъ, богиня,
Ни былъ увидѣть нашъ домъ, онъ нашему сердцу отраденъ.
Слава однако жь вѣрна, Пегасъ ключу далъ начало“; —
И Палладу она ведетъ ко влагѣ священной.
Та подивившися долго струѣ, добытой копытомъ,
265 Оглядѣла кругомъ старинныя рощи лѣсныя
И пещеры и травы въ убранствѣ цвѣтовъ безпредѣльномъ;
И возгласила счастливыми по занятьямъ и мѣсту
Мнемонидъ. Но одна къ ней такъ изъ сестеръ обратилась:
„О, когда бъ не влекла тебя къ высшимъ подвигамъ доблесть,

лучилъ названіе Гиппокрены, истекалъ, подобно другому ключу Аганиппѣ, изъ той же горы, посвященной Музамъ; вода его порождала поэтическій восторгъ.
268 *Мнемонидъ*—прозваніе Музъ по матери ихъ Мнемѣ или Мнемозинѣ.

In partem ventura chori Tritonia nostri,
Vera refers, meritoque probas artesque locumque:
Et gratam sortem, tutae modo simus, habemus.
Sed.. vetitum est adeo sceleri nihil.. omnia terrent
Virgineas mentes, dirusque ante ora Pyreneus
Vertitur, et nondum tota me mente recepi.
Daulia Threicio Phoceaque milite rura
Ceperat ille ferox, iniustaque regna tenebat.
Templa petebamus Parnasia. vidit euntes,
Nostraque fallaci veneratus numina vultu:
Mnemonides, cognorat enim, consistite, dixit,
Nec dubitate, precor, tecto grave sidus et imbrem.,
Imber erat.. vitare meo. subiere minores
Saepe casas superi. Dictis et tempore motae
Annuimusque viro, primasque intravimus aedes.
Desierant imbres, victoque Aquilonibus Austro
Fusca repurgato fugiebant nubila coelo.
Impetus ire fuit. claudit sua tecta Pyreneus,
Vimque parat. quam nos sumtis effugimus alis.
Ipse secuturo similis stetit arduus arce,
Quaque via est vobis, erit et mihi, dixit, eadem,
Seque iacit vecors e summae culmine turris,
Et cadit in vultus, discussique ossibus oris
Tundit humum moriens scelerato sanguine tinctam.

PIERIDES.

Musa loquebatur: pennae sonuere per auras:
Voxque salutantum ramis veniebat ab altis.
Suspicit, et linguae quaerit tam certa loquentes
Unde sonent, hominemque putat Iove nata locutum.
Ales erat. numeroque novem, sua fata querentes,
Institerant ramis imitantes omnia picae.
Miranti sic orsa deae dea: Nuper et istae
Auxerunt volucrum victae certamine turbam.

---

276 *Давлія*—городъ въ Фокидѣ, странѣ средней Греціи. 285 Сѣверный и южный

Членомъ достойная быть, Тритонія, нашего хора,
Правду ты говоришь, восхваляя искусства и мѣстность:
Жребій отрадный у насъ, когда бъ безопасны мы были.
Но вѣдь злодѣйству то нѣтъ запрещеннаго—все устрашаетъ
Дѣвичьи души, въ глазахъ у меня жестокій Пиреній
Все вертится, и я не совсѣмъ собралась еще съ духомъ.
Давлію съ войскомъ Ѳракійскимъ и Фокейскія нивы
Онъ свирѣпый забралъ и держалъ во власти пеправой.
Шли мы къ Парнасскому храму; тутъ насъ увидалъ онъ идущихъ,
И съ притворнымъ лицемъ божествамъ поклоняяся нашимъ:
„Мнемониды, затѣмъ, что узналъ насъ,—постойте, сказалъ онъ,
Не смущайтесь, прошу, дождя и такой непогоды...
Дождикъ шелъ... избѣжать подъ кровлей моею; нерѣдко
Боги въ лачуги вступали“. Словамъ и погодѣ послушны,
Мы прикивнули ему и вошли въ преддверіе зданья.
Дождикъ прошелъ, и когда Аквилономъ осиленъ былъ Австеръ,
Съ просвѣтленнаго неба бѣжали темныя тучи.
Мы собрались уходить; чертогъ свой заперъ Пиреній
И насильемъ грозитъ; но мы улетѣли, взявъ крылья.
Онъ, какъ будто преслѣдуя, сталъ, возвышаясь, на замкѣ,
И сказалъ: „гдѣ дорога для васъ, для меня она тамъ же“;
Да въ безумствѣ низринулся съ самой вершины онъ башни,
И упалъ на лице, и костями разбитаго лика
На смерть грянулъ о землю, облитую кровью злодѣйской.

ПІЭРИДЫ.

Муза еще говорила, а въ воздухѣ слышались крылья,
И привѣтственный голосъ съ вѣтвей высокихъ раздался.
Вскинувъ глаза, она ищетъ, отколь языки раздаются,
Коихъ рѣчь такъ вѣрна, дочь Зевса сочла ихъ людскими.
То были птицы; и девять числомъ, на судьбу свою плачась,
По вѣтвямъ возсѣдали, всему подражая, сороки.
Изумленной богинѣ богиня сказала: „недавно
Стаи птицъ и онѣ пріумножили, въ спорѣ разбиты.

вѣтры; послѣдній особенно Римлянамъ приносилъ дожди.

Pieros has genuit Pellaeis dives in arvis:
Paeonis Euippe mater fuit. Illa potentem
Lucinam novies, novies paritura, vocavit.
305 Intumuit numero stolidarum turba sororum,
Perque tot Haemonias et per tot Achaidas urbes
Huc venit, et tali committit proelia voce:
Desinite indoctum vana dulcedine vulgus
Fallere. nobiscum, siqua est fiducia vobis,
310 Thespiades, certate, deae. nec voce, nec arte
Vincemur. totidemque sumus. Vel cedite victae
Fonte Medusaeo et Hyantea Aganippe,
Vel nos Emathiis ad Paeonas usque nivosos
Cedamus campis. dirimant certamina nymphae.
315 Turpe quidem contendere erat, sed cedere visum
Turpius. Electae iurant per flumina nymphae,
Factaque de vivo pressere sedilia saxo.
Tunc sine sorte prior quae se certare professa est,
Bella canit superum, falsoque in honore Gigantas
320 Ponit, et extenuat magnorum facta deorum:
Emissumque ima de sede Typhoea terrae
Coelitibus fecisse metum, cunctosque dedisse
Terga fugae, donec fessos Aegyptia tellus
Ceperit et septem discretus in ostia Nilus.
325 Huc quoque terrigenam venisse Typhoea narrat,
Et se mentitis superos celasse figuris:
Duxque gregis, dixit, fit Iuppiter. unde recurvis

---

302 *Піэръ*—здѣсь очевидно не Эматійскій царь, а просто Македонянинъ изъ Пеллы, родины Александра Македонскаго, отецъ нашихъ Піэридъ, побѣжденныхъ въ состязаніи съ Музами и превращенныхъ въ сорокъ. Кромѣ того, въ Ѳессаліи находилась гора Піэръ, на которой родились Музы, которыя сами потому назывались Піэридами 303 *Пэонійка* изъ Пэоніи, области на сѣверѣ Македоніи. 306 *Гемонскіе* (см. 1, 568); *Ахейскіе* (см. 3, 511). 310 Теспіадами названы Музы отъ города Теспіи, лежащаго у подошвы Геликона, гдѣ ихъ особенно чтили. 312 *Аганиппы Гіантской* (см. выше 257 и 3, 147). 313 *Эматскихъ полей*—древнее названіе Македоніи, а въ широкомъ смыслѣ всей Ѳессаліи. 316 *Избранныя нимфы* устроили формальное засѣданіе третейскаго суда, разсѣвшись на камняхъ и поклявшись своей основною стихіей. 320 Замѣчателенъ весь характеръ заносчивой представительницы Піэридъ, рѣшившихся такъ беззастѣнчиво вступать въ состязаніе съ несомнѣнными богинями Музами. Ихъ представительница, не соблюдая обычая третейскаго суда, начинаетъ состязаніе, не дож-

Ихъ Піэръ породилъ богатый въ Пеллѣ землями,
Мать Пэонійка Эвиппа. Она девять разъ разрѣшалась,
И Люцину могучую девять разъ призывала.
Возгордилась числомъ сестеръ неразумныхъ ватага,
И чрезъ Гемонскіе всѣ города и Ахейскіе тоже
Къ намъ приходитъ и споръ затѣваетъ такими словами:
Бросьте вы темный народъ обманывать сладостью вздорной;
Состязайтесь, когда въ себѣ вы увѣрены, съ нами,
Теспіады богини; ни голосомъ мы ни искусствомъ
Не уступимъ; и столько же насъ. Иль сдавшись, уйдите
Отъ потока Медузы и Аганиппы Гіантской,
Или съ Эматскихъ полей мы уйдемъ до самыхъ Пэоновъ
Снѣжныхъ; пусть въ состязаніи будутъ судьями нимфы".
Стыдно было сразиться, но намъ показалось стыднѣе
Уступить. Поклялись избранныя нимфы рѣками,
И сидѣнія заняли изъ природнаго камня.
Тутъ безъ жребія первая, что состязанья искала,
Войны запѣла боговъ, и лживой хвалою гигантовъ
Превознесла и умалила подвиги высшихъ безсмертныхъ:
Какъ Тифоей, исходя изъ нѣдра земнаго, исполнилъ
Небожителей страхомъ и всѣ они тылъ обратили
Въ бѣгствѣ, пока земля Египта ихъ утомленныхъ
Не воспріяла и Нилъ, на семь раздѣлившійся устьевъ.
И туда, говоритъ, Тифоей земнородный проникнулъ,
И что будто бы боги попрятались въ лживые лики:
Стада вождемъ, говоритъ, сталъ Зевесъ; потому то изваянъ

давшись жребія, кому начинать, и затѣмъ превозноситъ Гигантовъ, возмутившихся противъ боговъ, и старается унизить послѣднихъ. 321 *Тифей* или *Тифонъ*, порожденный землею отъ Тартара (см. 1, 113) изъ мести за наказаніе Гигантовъ (см. 1, 152), былъ исполинское чудище, стоявшее на ногахъ превыше горъ и достигавшее головою до звѣздъ. Вышедши изъ подъ земли, онъ сталъ кидать на небо раскаленными каменьями, извергая изъ пасти пламя, такъ что боги, испугавшись, бѣжали въ Египетъ, но и тамъ, чтобы скрыться, превратились въ различныхъ звѣрей, Египетскаго культа. Юпитеру удалось сразить чудовище молніею и, какъ ниже разсказано (ст. 346), навалить на него островъ Сицилію, гдѣ онъ продолжаетъ изъ жерла Этны изрыгать пламя. 327 Весьма ловкое объединеніе Зевеса съ Египетскимъ Аммономъ. 329 *Делій вороном*ъ (см. 2, 545 и 6, 204); Козелъ, огладывающій виноградную лозу, былъ посвященъ Вакху, сыну Семелы.

Nunc quoque formatus Libys est cum cornibus Ammon:
Delius in corvo, proles Semeleia capro,
330 Fele soror Phoebi, nivea Saturnia vacca,
Pisce Venus latuit, Cyllenius ibidis alis.
Hactenus ad citharam vocalia moverat ora.
Poscimur Aonides.. Sed forsitan otia non sint,
Nec nostris praebere vacet tibi cantibus aures?
335 Ne dubita, vestrumque mihi refer ordine carmen,
Pallas ait, nemorisque levi consedit in umbra.
Musa refert: Dedimus summam certaminis uni.
Surgit, et immissos hedera collecta capillos
Calliope querulas praetentat pollice chordas,
340 Atque haec percussis subiungit carmina nervis.
Prima Ceres unco glebam dimovit aratro,
Prima dedit fruges alimentaque mitia terris,
Prima dedit leges: Cereris sunt omnia munus.
Illa canenda mihi est. Utinam modo dicere possem
345 Carmina digna dea. certe dea carmine digna est.
Vasta giganteis ingesta est insula membris
Trinacris, et magnis subiectum molibus urguet
Aetherias ausum sperare Typhoea sedes.
Nititur ille quidem, pugnatque resurgere saepe:
350 Dextra sed Ausonio manus est subiecta Peloro,
Laeva, Pachyne, tibi: Lilybaeo crura premuntur:
Degravat Aetna caput. sub qua resupinus arenas
Eiectat, flammamque fero vomit ore Typhoeus.
Saepe remoliri luctatur pondera terrae
355 Oppidaque et magnos devolvere corpore montes.
Inde tremit tellus. et rex pavet ipse silentum,
Ne pateat latoque solum retegatur hiatu,
Immissusque dies trepidantes terreat umbras.
Hanc metuens cladem tenebrosa sede tyrannus
360 Exierat, curruque atrorum vectus equorum

---

330 *Кошкою Феба сестра* (см. 1, 11 и 9, 691); *Сатурнія*—Юнона, смѣшиваемая съ Цидою, которая представлялась съ лунными или коровьими рогами (сравни 1, 750).
331 *Въ рыбу Венера ушла.* Венера смѣшивалась съ Сирійскою Дерцетой или Астартой (см. 4, 44), а Цилленій Меркурій съ Египетскимъ Тотомъ, у котораго Ибисъ,

И по нынѣ Либійскій Аммонъ съ крутыми рогами.
Делій ворономъ сталъ, козломъ Семелой рожденный,
Кошкою Феба сестра, Сатурнія бѣлой коровой,
Въ рыбу Венера ушла, Цилленій сталъ ибисъ крылатый.
До сихъ поръ она голосомъ устнымъ пѣла подъ цитру.
Просятъ и насъ Аонидъ... Однако быть можетъ не время
И недосугъ тебѣ слухомъ склоняться къ нашимъ напѣвамъ?
„Не сомнѣвайся, и мнѣ передай вашу пѣснь попорядку“.
Ей Паллада въ отвѣтъ, и сѣла подъ сѣнію рощи;
Муза, сказала: „Одной мы все состязанье вручили.
Поднялась и, плющемъ охвативъ волоса въ безпорядкѣ,
Калліопа перстомъ прикоснулась къ струнамъ говорливымъ
И къ задрожавшимъ струнамъ прибавила пѣнье такое.
Первая глыбу разрѣзала загнутымъ плугомъ Церера,
Первая зе́млямъ дала сѣмена и кроткую пищу,
Первый законъ отъ нея и все даянье Цереры.
Должно ее мнѣ воспѣть. О, еслибы пѣснью достойной
Мнѣ о богинѣ вѣщать; богиня такъ пѣсни достойна.
Островъ просторный Тринакріи былъ на гигантовы члены
Наваленъ, и своей громадной тяжестью давитъ
Онъ Тифоея, дерзнувшаго мѣсто искать средь эфира,
Все жъ упирается онъ и силится часто подняться:
Но десную его Авзонскій Пелоръ прикрываетъ,
Лѣвую ты вотъ Пахинъ: Лилибеемъ придавлены ноги,
Голову Этна тѣснитъ; подъ коею навзничь лежащій,
Тифоей изрыгаетъ песокъ и пламя изъ пасти.
Часто старается онъ содвинуть ношу земную,
Съ тѣла свалить своего города и громадныя горы.
Тутъ то земля и дрожитъ и царь самъ безмолвныхъ боится,
Чтобъ не разверзлась земля, раскрывшись широкою пастью,
И проникнувшій день не встревожилъ бы трепетныхъ тѣней.
Этой страшася бѣды, изъ мрачнаго царства владыка
Вышелъ, и въ колесницѣ на темныхъ коняхъ выѣзжая,

истребитель змѣй, былъ священною птицею. 337 *Поднялась...* Этими словами Муза Уранія продолжаетъ свой разсказъ. 338 *Калліопа*—Муза героической пѣсни. 346 *Тринакрія* — собственно трехконечный островъ Сицилія, на концахъ котораго выходятъ три горныхъ цѣпи: Пелоръ, Похинъ и Лилибей.

Ambibat Siculae cautus fundamina terrae.
Postquam exploratum satis est, loca nulla labare,
Depositoque metu, videt hunc Erycina vagantem
Monte suo residens, natumque amplexa volucrem:
365 Arma manusque meae, mea, nate, potentia, dixit,
Illa, quibus superas omnes, cape tela, Cupido,
Inque dei pectus celeres molire sagittas,
Cui triplicis cessit fortuna novissima regni.
Tu superos ipsumque Iovem, tu numina ponti
370 Victa domas ipsumque, regit qui numina ponti.
Tartara quid cessant? cur non matrisque tuumque
Imperium profers? agitur pars tertia mundi.
Et tamen in coelo, quae iam patientia nostra est,
Spernimur, ac mecum vires minuuntur Amoris.
375 Pallada nonne vides iaculatricemque Dianam
Abscessisse mihi? Cereris quoque filia virgo,
Si patiemur, erit. nam spes affectat easdem.
At tu pro socio, siqua est ea gratia, regno
Iunge deam patruo. Dixit Venus. ille pharetram
380 Solvit et arbitrio matris de mille sagittis
Unam seposuit, sed qua nec acutior ulla,
Nec minus incerta est, nec quae magis audiat arcus.
Oppositoque genu curvavit flexile cornu:
Inque cor hamata percussit arundine Ditem.
385 Haud procul Hennaeis lacus est a moenibus altae,
Nomine Pergus, aquae. Non illo plura Caystros
Carmina cycnorum labentibus audit in undis.
Silva coronat aquas cingens latus omne, suisque
Frondibus ut velo Phoebeos summovet ignes.
390 Frigora dant rami, Tyrios humus humida flores:
Perpetuum ver est. Quo dum Proserpina luco
Ludit, et aut violas aut candida lilia carpit,
Dumque puellari studio calathosque sinumque

---

363 *Эрикъ* — высокая гора на западномъ берегу Сициліи, съ городомъ того же имени и славнымъ храмомъ Венеры, по которому она прозывалась Эрициной. 368 *Жребій* (см. 2, 292). 371 *Тартаръ* (см. 1, 113). 384 *Тростникомъ* (см. 1, 471); Дисово (см. 4, 511). 385 *Генна* или *Энна*—городъ въ самой серединѣ Сици-

Онъ огибалъ осторожно владѣнья земли Сикулійской.
Какъ обозрѣлъ онъ вполнѣ, что нигдѣ нѣтъ шаткаго мѣста,
И отбросилъ свой страхъ, увидала его Эрицина,
Сидя на выси своей и, крылатаго сына обнявши:
365 „Ты моя длань и оплотъ, сказала, ты, сынъ, моя сила,
Стрѣлы, которыми всѣхъ, Купидонъ, побѣждаешь, возьми ты
И проворныя стрѣлы вонзи ты въ грудь тому богу,
Коему жребій послѣдній достался трояваго царства.
Ты побѣждаешь боговъ, самого Зевеса и власти
370 Моря, и самого, кто царитъ надъ владыками моря.
Тартару чтожь отставать? Чего не расширишь владѣній
Матери ты и своихъ? Тутъ дѣло о трети вселенной.
И на небѣ меня,—виною терпѣніе наше,—
Менѣе чтутъ, и со мной умаляются силы Амура.
375 Или не видишь, Паллада, съ копіеносной Діаной
Отошли отъ меня? И дочь Церерина въ дѣвахъ
Будетъ, коль стерпимъ мы то; таитъ она ту же надежду.
Но для общаго царства, коль это желательно точно,
Съ дядей богиню сведи“. Рекла Венера. Раскрылъ онъ
380 Свой колчанъ, и оттуда изъ тысячи стрѣлъ, въ угожденье
Матери, выбралъ одну, какой не нашлось ни острѣе,
Ни вѣрнѣй ни одной, ни одной послушнѣе луку.
И, колѣномъ упершись, податливый рогъ изогнулъ онъ,
И тростникомъ съ закорючками въ Дисово сердце ударилъ.
385 Недалеко отъ стѣнъ Геннейскихъ съ глубокой водою
Озеро именемъ Пергъ. Не больше его лебединыхъ
Пѣсенъ слышитъ Каистръ, бѣгущій волной безмятежной.
Лѣсъ вѣнчаетъ струи, окружая весь берегъ и, словно
Занавѣсью, листвой онъ Феба огни отражаетъ.
390 Вѣтви прохладу даютъ, а Тирскихъ цвѣтовъ влага почвы:
Вѣчная тутъ и весна. Когда Прозерпина играла
Въ этой рощѣ, фіалокъ ища и лилей серебристыхъ,
И когда и корзины и пазуху съ рвеньемъ дѣвичьимъ

ліи. Въ немъ все было до того предано Церерѣ, что, по словамъ Цицерона, городъ казался не городомъ, а святилищемъ Цереры и жители ея жрецами. 386 *Каистръ* (см. 2, 253).

Implet, et aequales certat superare legendo,
Paene simul visa est dilectaque raptaque Diti:
Usque adeo est properatus amor. Dea territa maesto
Et matrem et comites, sed matrem saepius, ore
Clamat. et ut summa vestem laniarat ab ora,
Collecti flores tunicis cecidere remissis.
Tantaque simplicitas puerilibus affuit annis:
Haec quoque virgineum movit iactura dolorem.
Raptor agit currus, et nomine quemque vocatos
Exhortatur equos, quorum per colla iubasque
Excutit obscura tinctas ferrugine habenas.
Perque lacus altos et olentia sulphure fertur
Stagna Palicorum, rupta ferventia terra:
Et qua Bacchiadae, bimari gens orta Corintho,
Inter inaequales posuerunt moenia portus.

CYANE.

Est medium Cyanes et Pisaeae Arethusae,
Quod coit angustis inclusum cornibus aequor.
Hic fuit, a cuius stagnum quoque nomine dictum est,
Inter Sicelidas Cyane celeberrima nymphas.
Gurgite quae medio summa tenus extitit alvo,
Agnovitque deam. Nec longius ibitis, inquit:
Non potes invitae Cereris gener esse. roganda,
Non rapienda fuit. Quod si componere magnis
Parva mihi fas est, et me dilexit Anapis:
Exorata tamen, nec, ut haec, exterrita nupsi.
Dixit, et in partes diversas brachia tendens
Obstitit. Haud ultra tenuit Saturnius iram,
Terribilesque hortatus equos in gurgitis ima

---

404 *Темною ржавчиною*—всѣ принадлежности преисподней черны. 406 *Паликовъ*—двухъ сыновей Юпитера, сообщившихъ Сицилійскому городу Паликѣ свое имя и сосѣднему съ нимъ озеру, издававшему сѣрный запахъ. 407 *Бакхиды* — потомки знаменитой Кориноской фамиліи, изгнанные изъ отечества, прибыли въ Сицилію и промежду двухъ гаваней, изъ которыхъ одна болѣе другой, основали Сиракузы. 409 *Между Ціаной*; — близь Сиракузъ находится заливъ, образуемый двумя ко-

Наполняла, стараясь подругъ превзойти въ собираньи,
395 Только что увидалъ, полюбилъ ее Дисъ и похитилъ.
Такъ торопила его любовь. Испугавшись, богиня
Мать зоветъ и подругъ, но чаще мать, восклицая
Скорбно; и, какъ растерзала у самаго горла одежду,
Бывшіе въ сборѣ цвѣты изъ вскрытой туники упали.
400 И такова простота еще дѣтскихъ лѣтъ въ ней таилась,
Что и такая утрата дѣвичію скорбь возбуждала.
Хищникъ погналъ колесницу и, всѣхъ зовя поименно,
Онъ подстрекаетъ коней, и ихъ по шеямъ и гривамъ
Треплетъ возжами, которыя ржавчиной смазаны темной.
405 По озерамъ онъ глубокимъ и пахнущимъ сѣрой несется
Паликовъ мутнымъ водамъ, кипящимъ изъ треснувшей почвы:
И туда, гдѣ Бакхиды, Коринѳа двуморскаго чада,
Посрединѣ неравныхъ гаваней стѣны сложили.

ЦІАНА.

Между Ціаной врывается и Аретузой Пизейской
410 Море, которое тутъ отрогами тѣсно объято.
Здѣсь находилась, и имя свое водамъ сообщила
Межъ Сицилійскими нимфами всѣхъ славнѣе, Ціана.
Изъ середины потока она поднялася по поясъ
И, богиню узнавъ: „Ни шагу дальше, вскричала,
415 Ты не можешь насильно стать зятемъ Цереры; просить бы
Долженъ ее, а не красть. И если съ великимъ прилично
Малое сравнивать мнѣ, и мною плѣнился Анаписъ;
Но изъ за просьбъ, не изъ страха, какъ эта, пошла я въ замужество“.
Это сказавъ, она, руки раскинувши врозь, преградила
420 Путь. Не сдержалъ Сатурній далѣе гнѣва:
Страшныхъ погналъ онъ коней и въ глубь пучины съ размаху,

сами, завивающимися вокругъ въ видѣ роговъ и почти его закрывающими. На каждой изъ этихъ косъ пробивается ключъ. На одной, представляющей островъ, бѣжитъ *Аретуза*, прозывавшаяся прежде *Ортигіей*, а на другой *Ціана*; поэтому казалось, что море между ними врывается. Въ какомъ смыслѣ Аретуза называется *Пизейской* см. ниже 494 какъ и вообще дальнѣйшій разсказъ 577—641. 416 Ціана воспротивилась только потому, что узнала богиню, съ которою играла вмѣстѣ въ хороводахъ.

Contortum valido sceptrum regale lacerto
Condidit. Icta viam tellus in Tartara fecit,
Et pronos currus medio cratere recepit.
425 At Cyane raptamque deam contemtaque fontis
Iura sui maerens, inconsolabile vulnus
Mente gerit tacita, lacrimisque absumitur omnis:
Et quarum fuerat magnum modo numen, in illas
Extenuatur aquas. Molliri membra videres,
430 Ossa pati flexus, ungues posuisse rigorem:
Primaque de tota tenuissima quaeque liquescunt,
Caerulei crine, digitique et crura pedesque:
Nam brevis in gelidas membris exilibus undas
Transitus est. post haec humeri tergumque latusque
435 Pectoraque in tenues abeunt evanida rivos.
Denique pro vivo vitiatas sanguine venas
Lympha subit. restatque nihil, quod prendere possis.
  Interea pavidae nequicquam filia matri
Omnibus est terris, omni quaesita profundo.
440 Illam non udis veniens Aurora capillis
Cessantem vidit, non Hesperus. illa duabus
Flammiferas pinus manibus succendit ab Aetna,
Perque pruinosas tulit irrequieta tenebras.
Rursus ubi alma dies hebetarat sidera, natam
445 Solis ab occasu solis quaerebat ad ortus.

STELLIO.

  Fessa labore sitim collegerat, oraque nulli
Colluerant fontes. cum tectam stramine vidit
Forte casam, parvasque fores pulsavit. at inde
Prodit anus, divamque videt, lymphamque roganti
450 Dulce dedit, tosta quod coxerat ante polenta.
Dum bibit illa datum, duri puer oris et audax
Constitit ante deam, risitque, avidamque vocavit.
Offensa est. neque adhuc epota parte loquentem
Cum liquido mixta perfudit diva polenta.
455 Combibit os maculas, et quae modo brachia gessit,

Сильною мышцею онъ вонзилъ свой царственный скипетръ.
Бывъ пробита, земля открыла въ Тартаръ дорогу,
И въ средину жерла стремглавъ приняла колесницу.
425 Но Ціана, грустя объ увозѣ богини, о правѣ
Попранномъ рѣчки своей, приняла неутѣшную рану
Молчаливо въ душѣ, и вся извелася слезами:
И въ тѣ воды, которыхъ была лишь недавно великимъ
Божествомъ, разлилась. Замѣтно смягчалися члены,
430 Кости сдалися на сгибъ и ногти утратили твердость:
Первымъ изо всего нѣжнѣйшее сдѣлалось жидкимъ,
Голубоватые волосы, пальцы, голени, ноги:
Ибо членамъ некрупнымъ легко въ холодную воду
Превращенье; затѣмъ уже плечи, бока и затылокъ,
435 Также и грудь, расходясь, превращаются въ тонкія струйки.
Вмѣсто крови живой наконецъ въ измѣнившихся жилахъ
Только вода; ничего не осталось, что могъ бы схватить ты.
Временемъ тѣмъ боязливая мать напрасно искала
Дочь по цѣлой землѣ, по всѣмъ справляяся безднамъ.
440 Ни возникающая съ волосами во влагѣ Аврора
Не видала ее отдыхавшей, ни Гесперъ. Руками
Двѣ огненосныхъ сосны она засвѣтила у Этны
И по мраку росистому ихъ неустанно носила.
Снова, лишь радостный день заставлялъ угаснуть созвѣздья,
445 Дочь съ восхода она до заката солнца искала.

КРАПЧАТАЯ ЯЩЕРИЦА.

Утомленной трудомъ, захотѣлось ей пить, не увлажилъ
Устъ ни одинъ ей потокъ; какъ вдругъ съ соломенной крышей
Хижину видитъ она, и въ низкую дверь постучалась;
Вышла старуха оттоль и, влаги просившей, богинѣ
450 Сладкаго пойла дала, что ячмень поджаря, сварила.
Какъ пила она данное, передъ богиней сталъ мальчикъ
Съ бойкимъ, нахальнымъ лицемъ, смѣялся и звалъ ее жадной.
Та оскорбилась; и часть ячменемъ замѣшанной влаги,
Не допивъ, въ говорившаго прямо богиня плеснула.
455 Пятнами стало лице, и чѣмъ онъ владѣлъ какъ руками,

Crura gerit. cauda est mutatis addita membris:
Inque brevem formam, ne sit vis magna nocendi,
Contrahitur, parvaque minor mensura lacerta est.
Mirantem flentemque et tangere monstra parantem
460 Fugit anum, latebramque petit. aptumque colori
Nomen habet, variis stellatus corpora guttis.
Quas dea per terras et quas erraverit undas,
Dicere longa mora est. Quaerenti defuit orbis.
Sicaniam repetit. Dumque omnia lustrat eundo,
465 Venit et ad Cyanen. Ea ni mutata fuisset,
Omnia narrasset. sed et os et lingua volenti
Dicere non aderant, nec quo loqueretur, habebat.
Signa tamen manifesta dedit, notamque parenti,
Illo forte loco delapsam in gurgite sacro
470 Persephones zonam summis ostendit in undis.
Quam simul agnovit, tanquam tunc denique raptam
Scisset, inornatos laniavit diva capillos,
Et repetita suis percussit pectora palmis.
Nescit adhuc, ubi sit. terras tamen increpat omnes,
475 Ingratasque vocat nec frugum munere dignas:
Trinacriam ante alias, in qua vestigia damni
Repperit. Ergo illic saeva vertentia glebas
Fregit aratra manu, parilique irata colonos
Ruricolasque boves leto dedit, arvaque iussit
480 Fallere depositum, vitiataque semina fecit.
Fertilitas terrae latum vulgata per orbem
Falsa iacet. primis segetes moriuntur in herbis,
Et modo sol nimius, nimius modo corripit imber:
Sideraque ventique nocent, avidaeque volucres
485 Semina iacta legunt. lolium tribulique fatigant
Triticeas messes et inexpugnabile gramen.
Tunc caput Eleis Alpheias extulit undis,
Rorantesque comas a fronte removit ad aures,
Atque ait: O toto quaesitae virginis orbe
490 Et frugum genitrix, immensos siste labores,

---

464 *Сиканія* — Сицилія, прозванная такъ по Сиканамъ, переселившимся туда изъ

Стало ногами; и хвостъ приросъ къ измѣнившимся членамъ:
И въ невеликій объемъ, вредительства меньшаго ради,
Ежится онъ и ящерицей становится малой.
Отъ изумленной и плачущей, тронуть желающей чудо,
Онъ старухи бѣжитъ и прячется въ щели; по цвѣту
Имя его, потому что тѣло все въ краплинахъ разныхъ.
Земли какія и воды, бродя, исходила богиня,
Долго бъ пришлось исчислять. Земли не хватало искавшей.
Воротилась въ Сиканію. Все на ходу озирая,
И къ Ціанѣ пришла.—А та, не будь превращенной,
Все разсказала бы ей; но рта съ языкомъ у желавшей
Повѣствовать не нашлось и не было чѣмъ говорить ей.
Явные признаки все же дала и знакомый родимой,
Въ этомъ мѣстѣ какъ разъ въ потокъ священный упавшій,
Поясокъ Персефоны, по сверху воды указала.
Только признала богиня его, то словно впервые
О похищеньи узнавъ, истерзала распущенный волосъ,
И ударила въ грудь себя многократно руками.
Все же не знаетъ, гдѣ та, но зѐмли всѣ проклинаетъ,
Неблагодарными ихъ зоветъ, недостойными хлѣба:
А Тринакрію раньше другихъ, какъ слѣдъ въ ней утраты
Разыскала. Поэтому грозной рукой сокрушила
Глыбовращающіе плуги она, смерти предавши
Пахарей и рабочихъ воловъ, и полямъ повелѣла
Обмануть довѣряющихъ имъ, и испортила сѣмя.
Плодородье земли, далеко извѣстное въ мірѣ,
Ложью явилося; чахнутъ посѣвы ужь въ зелени первой,
То чрезмѣрное солнце, то дождь чрезмѣрный ихъ портятъ:
И созвѣздья и вѣтры вредятъ, а жадныя птицы
Сѣвъ подбираютъ въ зернѣ, татарникъ и куколь пшеничный
Одолѣваютъ посѣвъ, отъ травъ невозможно отбиться.
Голову тутъ подняла изъ волнъ Эгейскихъ Алфейка,
И, откинувъ съ чела къ ушамъ орошенныя косы,
Такъ сказала: „О ты, искомой по цѣлому свѣту
Дѣвы и сѣмени, мать, безмѣрныя брось ты усилья,

Испаніи. 487 *Алфейка*, т. е. соединенная съ рѣчнымъ богомъ Алфеемъ, нимфа источника, Аретуза (см. ниже 577).

Neve tibi fidae violenta irascere terrae.
Terra nihil meruit, patuitque invita rapinae.
Noc sum pro patria. supplex. huc hospita veni.
Pisa mihi patria est, et ab Elide ducimus ortus.
Sicaniam peregrina colo. sed gratior omni
Haec mihi terra solo est. Hos nunc Arethusa penates,
Hanc habeo sedem. quam tu, mitissima, serva.
Mota loco cur sim tantique per aequoris undas
Advehar Ortygiam, veniet narratibus hora
Tempestiva meis, cum tu curaque levata
Et vultus melioris eris. Mihi pervia tellus
Praebet iter, subterque imas ablata cavernas
Hic caput attollo, desuetaque sidera cerno.
Ergo dum Stygio sub terris gurgite labor,
Visa tua est oculis illic Proserpina nostris:
Illa quidem tristis, neque adhuc interrita vultu,
Sed regina tamen, sed opaci maxima mundi,
Sed tamen inferni pollens matrona tyranni.
Mater ad auditas stupuit ceu saxea voces,
Attonitaeque diu similis fuit. Utque dolore
Pulsa gravi gravis est amentia, curribus auras
Exit in aetherias, ibi toto nubila vultu
Ante Iovem passis stetit invidiosa capillis:
Proque meo veni supplex tibi, Iuppiter, inquit,
Sanguine, proque tuo. Si nulla est gratia matris,
Nata patrem moveat. neu sit tibi cura, precamur,
Vilior illius, quod nostro est edita partu.
En quaesita diu tandem mihi nata reperta est:
Si reperire vocas amittere certius, aut si
Scire, ubi sit, reperire vocas. Quod rapta, feremus:
Dummodo reddat eam. neque enim praedone marito
Filia digna tua est... si iam mea filia non est.
Iuppiter excepit: Commune est pignus onusque
Nata mihi tecum. sed si modo nomina rebus
Addere vera placet, non hoc iniuria factum,

---

494 *Пиза*—городъ въ Пелопонезской Элидѣ на сейчасъ упомянутой рѣкѣ Алфеѣ. 499 *Ортигія* (см. выше 409 и ниже 640). 522 Если она, какъ моя дочь, должна

И насильно не злись на свою неизмѣнную землю.
Тутъ неповинна земля и разверзлась хищенью невольно.
Не за отчизну молю; сюда появилась я чуждой.
Пиза родимый мой край и я исхожу изъ Элиды.
Гостьей въ Сициліи я; но эта земля мнѣ милѣе
Всякой страны. И вотъ тутъ у меня, Аретузы пенаты,
Здѣсь и обитель моя; добрѣйшая, ихъ соблюди ты.
Съ мѣста зачѣмъ я ушла и чрезъ волны толикія моря
Здѣсь въ Ортигіи вышла, настанетъ часъ подходящій
Для разсказовъ моихъ, когда ты, сбросивъ заботу,
Будешь лицемъ веселѣй. Сквозной земля открываетъ
Путь мнѣ, внизу пронесясь по самымъ глубокимъ пещерамъ,
Голову здѣсь возношу, и вижу забытыя звѣзды.
Вотъ когда подъ землей пробиралась Стигійской пучиной,
Видѣла тамъ я твою Прозерпину своими глазами:
Хоть и печальна еще и покуда съ испуганнымъ взглядомъ,
Все же царица она, все первая въ сумрачномъ мірѣ,
И владыки подземнаго властная все же подруга“.
Мать, заслыша слова такія, застыла какъ камень,
И какъ громомъ ударена долго была. Но какъ только
Тажкая скорбь прогнала тяжелый столбнякъ, въ колесницѣ
Въ легкій эфиръ поднялась; съ лицемъ тамъ, тучей сокрытымъ,
И волоса разметавъ, передъ Зевесомъ во гнѣвѣ предстала:
„Я за свою тебя кровь, Юпитеръ, молить здѣсь явилась,
Возопила она, и твою. Коль мать не жалѣешь,
Дочь пусть тронетъ отца; да не будетъ, молю я, заботы
Меньше въ тебѣ потому, что плодъ моего она лона.
Вотъ наконецъ то ту дочь я нашла, что долго искала:
Если найти назовешь ты вѣрнѣй потерять, или если
Знать гдѣ она, назовешь ты найти. Что похитилъ, прощу я,
Пусть лишь отдастъ онъ ее, а замужемъ быть ей за воромъ
Дочь недостойна твоя, коль дочь ужь моя недостойна“.
Ей Зевесъ отвѣчалъ: „Нашъ общій залогъ и забота,
Дочь твоя и моя, но ежели только угодно,
Вещи по имени звать, то въ дѣлѣ тутъ нѣтъ оскорбленья,

быть ограждена отъ такого срама, то тѣмъ болѣе какъ твоя.

Verum amor est. Neque erit nobis gener ille pudori,
Tu modo, diva, velis. Ut desint cetera, quantum est
Esse Iovis fratrem! Quid quod nec cetera desunt,
Nec cedit nisi sorte mihi. Sed tanta cupido
530 Si tibi discidii est, repetet Proserpina coelum,
Lege tamen certa, si nullos contigit illic
Ore cibos. nam sic Parcarum foedere cautum est.

ASCALAPHUS.

Dixerat. At Cereri certum est educere natam.
Non ita fata sinunt, quoniam ieiunia virgo
535 Solverat et, cultis dum simplex errat in hortis,
Poeniceum curva decerpserat arbore pomum,
Sumtaque pallenti septem de cortice grana
Presserat ore suo. Solusque ex omnibus illud
Ascalaphus vidit, quem quondam dicitur Orphne,
540 Inter Avernales haud ignotissima nymphas,
Ex Acheronte suo furvis peperisse sub antris:
Vidit, et indicio reditum crudelis ademit.
Ingemuit regina Erebi, testemque profanam
Fecit avem, sparsumque caput Phlegethontide lympha
545 In rostrum et plumas et grandia lumina vertit.
Ille sibi ablatus fulvis amicitur ab alis,
Inque caput crescit, longosque reflectitur ungues,
Vixque movet natas per inertia brachia pennas:
Foedaque fit volucris, venturi nuntia luctus,
550 Ignavus bubo, dirum mortalibus omen.

---

535 *По прекрасному саду.* Въ пустынной и печальной преисподней, тѣмъ не менѣе находился прекрасный садъ. Говоря о казни Тантала, Гомеръ въ Одиссеѣ XI, 588 Жуковскаго говоритъ:

„Много росло плодоносныхъ деревъ надъ его головою,
Яблонь и грушъ и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ,
Также и сладкихъ смоковницъ и маслинъ роскошно цвѣтущихъ“.

536 *Карѳагенское яблоко* — гранатъ. Прозерпина здѣсь вкушаетъ его, вѣроятно, по-

Прямо любовь тутъ одна. Къ стыду намъ тотъ зять не послужитъ;
Сдайся, богиня, лишь ты. Не будь остальнаго, не малость
Братомъ Юпитера быть! А что, какъ при всемъ отъ меня онъ
Жребіемъ только отсталъ. Но если желаешь такъ страстно
530 Ты развода, пускай Прозерпина вернется на небо,
Но съ условьемъ прямымъ, коль тамъ никакой она пищи
Не допустила къ устамъ; ибо такъ узаконили Парки“.

АСКАЛАФЪ.

Такъ онъ сказалъ, но дочь свою вывесть рѣшилась Церера.
Воля иная судебъ, затѣмъ, что нарушила дѣва
535 Постъ и, бродя въ простотѣ по прекрасному саду, достала
Красноватое яблоко съ наклоненнаго древа.
И, добывъ изъ коры его желтоватой семь зеренъ,
Раздавила во рту. Одинъ изо всѣхъ это видѣлъ
Аскалафъ, а его, говорятъ, будто нѣкогда Орфна
540 Средь Авернскихъ сама не неизвѣстная нимфа,
Отъ своего Ахерона во мракѣ пещеръ породила;
Онъ увидалъ и, доносомъ, жестокій, отнялъ возвращенье.
Тяжко вздохнула царица Эрева и сдѣлала птицей
Нечестивой свидѣтеля, и волной Флегетона
545 Голову сбрызнувъ, дала и клювъ и глазища и перья.
Онъ, лишенный себя, одѣлся въ рыжія крылья,
Въ голову весь раздался и выгнулъ длинные когти,
И на лѣнивыхъ плечахъ чуть новыми крыльями движетъ.
Гадкою птицею сталъ, вѣщуньей грядущаго плача,
550 Неповоротливымъ филиномъ, грознымъ для смертныхъ предвѣстьемъ.

тому, что гранатное яблоко—эмблема супружеской любви. 539 *Аскалафъ. Авернъ* своею мрачною окрестностью и вредоносными испареніями пресловутое озеро въ Кампаніи (см. 14, 103) со входомъ въ подземное царство; поэтому самъ его представитель, подобно *Орку*, *Тартару* и *Эребу*. *Ахеронъ* и огненный *Флегетонъ*—адскія рѣки (см. 1, 113). Подземныя воды, подобно земнымъ, были обитаемы нимфами. 550 Появленіе филина днемъ считалось у древнихъ зловѣщимъ предсказаніемъ (см. 6, 433).

SIRENES.

Hic tamen indicio poenam linguaque videri
Commeruisse potest. Vobis, Acheloides, unde
Pluma pedesque avium, cum virginis ora geratis?
An quia, cum legeret vernos Proserpina flores,
555 In comitum numero, doctae Sirenes, eratis?
Quam postquam toto frustra quaesistis in orbe,
Protinus ut vestram sentirent aequora curam,
Posse super fluctus alarum insistere remis
Optastis. facilesque deos habuistis, et artus
560 Vidistis vestros subitis flavescere pennis.
Ne tamen ille canor mulcendas natus ad aures
Tantaque dos oris linguae deperderet usum,
Virginei vultus et vox humana remansit.
At medius fratrisque sui maestaeque sororis
565 Iuppiter ex aequo volventem dividit annum.
Nunc dea, regnorum numen commune duorum,
Cum matre est totidem, totidem cum coniuge menses.
Vertitur extemplo facies et mentis et oris:
Nam modo quae poterat Diti quoque maesta videri,
570 Laeta deae frons est, ut sol, qui tectus aquosis
Nubibus ante fuit, victis e nubibus exit.

ARETHUSA.

Exigit alma Ceres, nata secura recepta,
Quae tibi causa fugae, cur sis, Arethusa, sacer fons.
Conticuere undae. quarum dea sustulit alto
575 Fonte caput, viridesque manu siccata capillos
Fluminis Elei veteres narravit amores.
Pars ego nympharum, quae sunt in Achaide, dixit,

---

552 *Сирены* были дочери рѣчнаго бога Ахелоя (см. 8, 549) и Музы. Если ихъ музыкальность легко объясняетъ послѣднее обстоятельство, то тѣмъ труднѣе объяснить первое и еще болѣе, какъ онѣ могли очутиться въ Сициліи въ числѣ сверстницъ

СИРЕНЫ.

Этотъ однако, казалось бы, могъ языкомъ и доносомъ
Кару свою заслужить. Вамъ, Ахелоиды, откуда
Птичьи перья и ноги даны при дѣвственныхъ лицахъ?
Иль потому, что когда цвѣты Прозерпина сбирала,
555 Были въ числѣ вы подругъ искусныя въ пѣньи сирены?
И напрасно ее прорыскавъ по цѣлому свѣту,
Чтобы и море затѣмъ узнало о вашей заботѣ,
Вы надъ водами стоять на крыльяхъ, словно на веслахъ,
Стали молить; и нашли благосклонныхъ боговъ, и немедля
560 Увидали, какъ члены отъ перьевъ у васъ пожелтѣли.
Но чтобы пѣніе то, рожденное нравиться уху,
Даръ плѣнительный устъ, языка не утратилъ владѣнья,
Ликъ дѣвичій и съ нимъ человѣческій голосъ остался.
Но середину избравъ межъ братомъ и грустной сестрою,
565 Поровну годъ раздѣлилъ въ его обращеньи Юпитеръ.
Нынѣ богиня двухъ царствъ божествомъ является общимъ,
Съ матерью сколько проводитъ она, столько мѣсяцевъ тоже съ супругомъ.
Измѣняется вдругъ и лице и души настроенье:
Ибо чело, что могло показаться и Дису печальнымъ,
570 Тотчасъ весело вновь, какъ солнце, что было покрыто
Влагой недавнею тучъ, выходитъ изъ тучъ всепобѣдно.

АРЕТУЗА.

Хочетъ благая Церера, спокойна, что дочь воротилась,
Знать, отчего ты ушла, Аретуза, ключемъ ставъ священнымъ.
Волны притихли; изъ ихъ глубины богиня, поднявши
575 Голову и, волоса зеленые выжавъ рукою,
Про былую любовь Элейской рѣки разсказала.
„Я одною была изъ нимфъ, живущихъ въ Ахайѣ,

Прозерпины. 569 *Дису* (см. 4, 511). 570 Прелестное олицетвореніе перехода темнаго разлагающагося зерна въ яркозеленое растеніе.

Una fui. nec me studiosius altera saltus
Legit, nec posuit studiosius altera casses.
580 Sed quamvis formae nunquam mihi fama petita est,
Quamvis fortis eram, formosae nomen habebam.
Nec mea me facies nimium laudata iuvabat:
Quaque aliae gaudere solent, ego rustica dote
Corporis erubui, crimenque placere putavi.
585 Lassa revertebar, memini, Stymphalide silva:
Aestus erat, magnumque labor geminaverat aestum.
Invenio sine vertice aquas, sine murmure euntes,
Perspicuas ad humum, per quas numerabilis alte
Calculus omnis erat, quas tu vix ire putares.
590 Cana salicta dabant nutritaque populus unda
Sponte sua natas ripis declivibus umbras.
Accessi, primumque pedis vestigia tinxi,
Poplite deinde tenus. neque eo contenta, recingor,
Molliaque impono salici velamina curvae,
595 Nudaque mergor aquis. quas dum ferioque trahoque
Mille modis labens, excussaque brachia iacto,
Nescio quod medio sensi sub gurgite murmur,
Territaque insisto propioris margine ripae.
Quo properas, Arethusa? suis Alpheus ab undis,
600 Quo properas? iterum rauco mihi dixerat ore.
Sicut eram, fugio sine vestibus. altera vestes
Ripa meas habuit. Tanto magis instat, et ardet·
Et quia nuda fui, sum visa paratior illi.
Sic ego currebam, sic me ferus ille premebat,
605 Ut fugere accipitrem penna trepidante columbae,
Ut solet accipiter trepidas urguere columbas.
Usque sub Orchomenon, Psophidaque, Cyllenenque,
Maenaliosque sinus, gelidumque Erymanthon, et Elin
Currere sustinui. nec me velocior ille.
610 Sed tolerare diu cursus ego, viribus impar,
Non poteram. longi patiens erat ille laboris.

---

585 *Стимфалъ* — гора, рѣка и озеро въ Аркадіи (см. 9, 187). 591 Тѣни отъ

Молвила; и ни одна прилежнѣй меня не искала
Горныхъ долинъ, ни одна прилежнѣй не ставила сѣти.
580 Но хотя, никогда я славы красы не искала,
Хоть и дюжа я была, носила названье прекрасной.
Не веселило меня лице, что хвалили чрезмѣрно:
Это восторгъ для другихъ, но я, поселянка, краснѣла
Изъ за тѣлесныхъ даровъ и нравиться въ грѣхъ поставляла.
585 Помню, усталая шла я изъ Стимфалійскаго лѣса;
Было жарко, а трудъ прибавилъ несноснаго жара,
Воду нашла я текущую безъ завоевъ, безъ шума,
Всю сквозную до дна, въ ея глубинѣ было можно
Камешки всѣ перечесть, на видъ она еле струилась.
590 Сѣрая ива и тополь, вспоенный водою, кидали
На покатые здѣсь берега самородныя тѣни.
Я подошла и сперва подошву ноги омочила
И по колѣно затѣмъ; но и тѣмъ недовольна, раздѣлась
И, накинувши мягкій покровъ на склоненную иву,
595 Въ воду нагая ушла; но какъ, гребя и врѣзаясь,
Тысячи я измѣняла ладовъ и швыряла руками,
То не знаю, какой подъ водою я шумъ услыхала,
И въ испугѣ вскочила на берегъ, краемъ ближайшій.
Ты куда, Аретуза? Изъ собственныхъ волнъ тутъ Алфей мнѣ,
600 Ты куда? Онъ опять воскликнулъ голосомъ хриплымъ.
Какъ я была, бѣгу безъ одеждъ. Находились одежды
На другомъ берегу. Тѣмъ пуще стремясь, онъ пылаетъ:
И, какъ была я нага, ему и казалась готовѣй,
Такъ я бѣжала, и такъ за мною гнался онъ свирѣпый,
605 Какъ на трепетныхъ крыльяхъ отъ ястреба мчатся голубки,
Какъ за голубками робкими ястребъ порою несется.
До Орхомена, Псофиды, Килленъ и извивовъ Мэнала,
До Эриманта холоднаго и до Элиды смогла я
Выдержать бѣгъ; и меня нисколько онъ не былъ проворнѣй.
610 Но выносить уже далѣе бѣга, неравная силой,
Я не могла. Выносливъ онъ при долгомъ трудѣ оказался.

самородныхъ деревьевъ. 607 *Орхомена* (см. 6 416). — *Псофида... Эримантъ* (см. 2, 244). *Киллена*, *Мэналъ* (см. 1, 216).

Per tamen et campos, per opertos arbore montes,
Saxa quoque et rupes, qua via nulla, cucurri.
Sol erat a tergo. vidi praecedere longam
615 Ante pedes umbram... nisi si timor illa videbat...
Sed certe sonitusque pedum terrebat, et ingens
Crinales vittas afflabat anhelitus oris.
Fessa labore fugae: Fer opem, deprendimur, inquam,
Armigerae, Dictynna, tuae, cui saepe dedisti
620 Ferre tuos arcus inclusaque tela pharetra.
Mota dea est, spissisque ferens e nubibus unam
Me super iniecit. Lustrat caligine tectam
Amnis, et ignarus circum cava nubila quaerit:
Bisque locum, quo me dea texerat, inscius ambit,
625 Et bis: Io Arethusa, io Arethusa! vocavit.
Quid mihi tunc animi miserae fuit? anne quod agnae,
Siqua lupos audit circum stabula alta frementes?
Aut lepori, qui vepre latens hostilia cernit
Ora canum, nullosque audet dare corpore motus?
630 Non tamen abscedit. neque enim vestigia cernit
Longius ulla pedum. servat nubemque locumque.
Occupat obsessos sudor mihi frigidus artus,
Caeruleaeque cadunt toto de corpore guttae.
Quaque pedem movi, manat lacus, eque capillis
635 Ros cadit. et citius, quam nunc tibi facta renarro,
In latices mutor. Sed enim cognoscit amatas
Amnis aquas, positoque viri, quod sumserat, ore
Vertitur in proprias, ut se mihi misceat, undas.
Delia rupit humum, caecisque ego mersa cavernis
640 Advehor Ortygiam, quae me cognomine divae
Grata meae superas eduxit prima sub auras.

---

619 *Диктинна* (см. 2, 441). 639 *Делія* — Діана по родному острову Делосу. 640 Какъ Ортигія есть въ то же время и прозваніе Діаны, то Овидій представляетъ дѣло такъ, будто островъ изъ почтенія къ божественной соименницѣ вызвалъ изъ подземнаго царства ея нимфу, другими словами: ключъ Аретузы истекаетъ на островѣ

Все же я по полямъ, по горамъ, покрытымъ лѣсами,
По каменьямъ въ скалахъ безъ всякой дороги, бѣжала.
Солнце стояло мнѣ въ тылъ. Бѣгущую передъ ногами
615 Вижу большую я тѣнь, коль только не страхъ ее видѣлъ...
Но безспорно меня шумъ ногъ устрашалъ, и повязку
На волосахъ раздувало изъ устъ могучихъ дыханье.
Бѣга измучась трудомъ: Помоги, онъ догналъ, я вскричала,
Оруженосицѣ ты, Диктинна, своей, коей часто
620 Несть ты давала свой лукъ и колчанъ, набитый стрѣлами.
И богиня вняла, и изъ тучъ набросила темныхъ
На меня тутъ одну. Потокъ на скрытую мракомъ
Смотритъ и ищетъ вокругъ сгущенной тучи въ смущеньи.
Дважды онъ мѣсто, гдѣ я богинею скрыта, обходитъ,
625 Сбившись, и дважды: Ау, Аретуза, Ау! восклицаетъ.
Что у бѣдной меня было тутъ на душѣ? Ужь не то ли,
Что у овечки, когда она слышитъ волковъ вкругъ загона?
Или у зайца, когда, залегши въ кустѣ, онъ увидитъ
Вражьи морды собакъ, не смѣя и тронуться тѣломъ?
630 Но не отходитъ онъ прочь, потому что дальше не видитъ
Ногъ никакого слѣда; сторожитъ онъ и тучу и мѣсто.
Потъ холодный объялъ мои окруженные члены,
Съ тѣла всего у меня синеватыя падаютъ капли.
Гдѣ я ногу поставлю, тамъ озеро льется, спадаютъ
635 Росы съ волосъ у меня; и скорѣй, чѣмъ тутъ повѣствую,
Влагою я становлюсь. Потокъ же любимыя воды
Уже призналъ и, мужское лице, что принялъ, покинувъ,
Превратился въ свои, чтобъ слиться со мною, онъ воды.
Делія почву разверзла, и, въ темныя скрывшись пещеры,
640 Я дотекла до Ортигіи; что за прозванье богини,
Мнѣ пріятна моей извлекла меня къ верху на воздухъ.

Ортигіи; но какимъ образомъ Алфей, соединившись съ Аретузой, по подземнымъ пропастямъ подъ моремъ проходитъ изъ Элиды въ Сицилію, объяснить трудно, хотя увѣряютъ, будто бы этому вѣрятъ и нынѣ.

LYNCUS.

Hac Arethusa tenus. Geminos dea fertilis angues
Curribus admovit, frenisque coercuit ora,
Et medium coeli terraeque per aera vecta est,
Atque levem currum Tritonida misit in urbem
Triptolemo. partimque rudi data semina iussit
Spargere humo, partim post tempora longa recultae.
Iam super Europen sublimis et Asida terram
Vectus erat iuvenis: Scythicas avertitur oras.
Rex ibi Lyncus erat. Regis subit ille penates.
Qua veniat, causamque viae nomenque rogatus
Et patriam: Patria est clarae mihi, dixit, Athenae:
Triptolemus nomen. Veni nec puppe per undas,
Nec pede per terras. patuit mihi pervius aether.
Dona fero Cereris, latos quae sparsa per agros
Frugiferas messes alimentaque mitia reddant.
Barbarus invidit. tantique ut muneris auctor
Ipse sit, hospitio recipit, somnoque gravatum
Aggreditur ferro. Conantem figere pectus
Lynca Ceres fecit. rursusque per aera iussit
Mopsopium iuvenem sacros agitare iugales.
Finierat dictos e nobis maxima cantus.
At nymphae vicisse deas Helicona colentes
Concordi dixere sono. Convicia victae
Cum iacerent: Quoniam, dixit, certamine vobis
Supplicium meruisse parum est, maledictaque culpae
Additis, et non est patientia libera nobis:
Ibimus in poenas, et, qua vocat ira, sequemur.
Rident Emathides, spernuntque minantia verba:
Conataeque loqui et magno clamore protervas
Intentare manus, pennas exire per ungues

---

645 *Градъ Тритонійскій* (см. 2, 783). *Триптолемъ*, хотя и былъ сыномъ Элевзинскаго царя въ Аттикѣ, но Овидій, желая, вѣроятно, еще болѣе почтить Аѳины, дѣлаетъ его Аѳиняниномъ, о чемъ онъ самъ ниже 652 заявляетъ, какъ первый учре-

ЛИНКЪ.

Смолкъ Аретузы разсказъ. Двухъ змѣй плодородья богиня
Въ колесницу впрягла, имъ рты удилами смирила,
И межъ небомъ она и землей пролетѣвъ по эфиру,
645 Легкую упряжь свою спустила во градъ Тритонійскій
Къ Триптолему; и, давши сѣмянъ, приказала ихъ кинуть
Частью въ дикую землю и частью въ давнишнюю залежь.
Чрезъ Европейскую всю въ высотѣ и Азійскую землю
Юноша ужъ пролетѣлъ и къ Скиѳскому берегу прибылъ.
650 Линкъ царемъ былъ страны. Тотъ къ царскимъ входитъ пенатамъ.
На вопросъ, какъ пришелъ и зачѣмъ, объ отчизнѣ и самомъ
Имени, онъ отвѣчалъ: „Родился я въ славныхъ Аѳинахъ;
Триптолемомъ зовусь. Не по морю въ суднѣ я прибылъ,
Не по землѣ на ногахъ. Разверзся эфиръ мнѣ дорогой,
655 Даръ я Цереры несу, который разбросанъ по нивамъ,
Плодоносною жатвой воздастъ и кроткою пищей“.
Варвара зависть взяла; и чтобы подобнаго дара
Быть творцемъ самому, онъ гостя принялъ, и въ крѣпко
Спящаго мѣтитъ мечемъ. Какъ въ грудь онъ нацѣлилъ, Церера
660 Въ рысь превратила его, и вспять по эфиру велѣла
Мопсопійскому юношѣ гнать священную пару.
Кончила пѣснь по заказу старѣйшая тутъ между нами.
Но признали всѣ нимфы, что побѣдили богини,
На Геликонѣ живущія; голосъ былъ общій. Когда же
665 Побѣжденныя стали браниться, богиня сказала:
„Такъ какъ вамъ заслужить состязаніемъ казнь не довольно,
И къ винѣ вы мѣшаете брань, и терпѣть мы не въ правѣ,
Будемъ карать и пойдемъ, куда насъ гнѣвъ призываетъ.
Эматиды смѣются и грозную рѣчь презираютъ;
670 И, говорить собираясь и съ шумомъ большимъ дерзновенно
Руки на насъ наложить, онѣ увидали, что перья

дитель земледѣлія. 661 *Мопсопійскому юношѣ* по имени древняго Аѳинскаго царя Мопсопія, слѣдовательно—Аѳинскому. 667 *Терпѣть мы не въ правѣ.* Въ силу божескаго достоинства, говоритъ Минерва. 669 *Эматиды* (см. выше 313).

Aspexere suos, operiri brachia plumis:
Alteraque alterius rigido concrescere rostro
Ora videt, volucresque novas accedere silvis.
675 Dumque volunt plangi, per brachia mota levatae
Aere pendebant, nemorum convicia, picae.
Nunc quoque in alitibus facundia prisca remansit
Raucaque garrulitas studiumque immane loquendi.

---

675 Въ грудь желая себя поразить.

Изъ ногтей ихъ ростутъ и руки ихъ пухомъ покрылись:
Другъ у дружки онѣ увидали, какъ выросли лица
Жесткимъ клювомъ, и въ лѣсъ прибавились новыя птицы.
675 Въ грудь желая себя поразить, взмахнувши руками,
Въ воздухѣ виснутъ онѣ, лѣсныя бранчуги, сороки.
И осталась понынѣ у птицъ былая рѣчистость,
Хрипота болтовни и безмѣрная страсть къ разговорамъ.

LIBER SEXTUS.

INDEX.

1. Arachne.
2. Niobe.
3. Agrestes Lycii.
4. Marsyas.
5. Pelops.
6. Philomela et Progne.
7. Zetes et Calais.

ARACHNE.

Praebuerat dictis Tritonia talibus aures,
Carminaque Aonidum iustamque probaverat iram.
Tum secum: Laudare parum est. laudemur et ipsae,
Numina nec sperni sine poena nostra sinamus:
Maeoniaeque animum fatis intendit Arachnes,
Quam sibi lanificae non cedere laudibus artis
Audierat. Non illa loco nec origine gentis
Clara, sed arte fuit. Pater huic Colophonius Idmon
Phocaico bibulas tinguebat murice lanas.
Occiderat mater. sed et haec de plebe suoque
Aequa viro fuerat. Lydas tamen illa per urbes
Quaesierat studio nomen memorabile, quamvis
Orta domo parva parvis habitabat Hypaepis.
Huius ut aspicerent opus admirabile, saepe

---

5 *Мэонійской* (см. 3, 576). 8 *Колофонъ*—значительный городъ Іоніи въ Малой Азіи, еще по нынѣ дающій названіе чистой смолѣ, каковое изъ колофони извращено

КНИГА ШЕСТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Арахна	Ст.	1—145
2. Ніобея	„	146—312
3. Ликійскіе поселяне	„	313—381
4. Марзіасъ	„	382—400
5. Пелопсъ	„	401—411
6. Филомела и Прогна	„	412—676
7. Цэтъ и Калай	„	677—721

АРАХНА.

Преклонила Тритонія слухъ свой къ этимъ разсказамъ,
И одобрила пѣснь Аонидъ и праведный гнѣвъ ихъ.
Тутъ про себя она молвила: Мало хвалить; быть хвалимой
Я хочу, и безъ каръ презирать свою власть не дозволю;
Про судьбу Мэонійской Арахны она вспомянула,
Такъ какъ слышала, что въ похвалахъ за искусную пряжу
Ей не уступитъ она. Ни мѣстомъ она, ни породой,
Только искусствомъ славна. Отецъ Идмонъ Колофонскій
Красилъ шерсть для нея, въ Фокейскій пурпуръ ввергая;
Мать у нея умерла; но и та изъ народа, и мужу
Ровней была своему. Арахна однако жь въ Лидійскихъ
Всѣхъ городахъ заслужила стараньемъ почетное имя,
Хоть и изъ малаго дома жила она въ малыхъ Гипэпахъ.
Часто, работу ея увидѣть дивную, нимфы

въ канифоль; въ той же мѣстности, у залива Средиземнаго моря находилась и *Фокея*, близь коей ловились пурпурныя раковины. 13 *Гипэпы*—небольшой городокъ.

15 Deseruere sui nymphae vineta Timoli,
Deseruere suas nymphae Pactolides undas.
Nec factas solum vestes spectare iuvabat:
Tunc quoque, cum fierent. tantus decor affuit arti:
Sive rudem primos lanam glomerabat in orbes,
20 Seu digitis subigebat opus, repetitaque longo
Vellera mollibat nebulas aequantia tractu,
Sive levi teretem versabat pollice fusum,
Seu pingebat acu. scires a Pallade doctam.
Quod tamen ipsa negat, tantaque offensa magistra:
25 Certet, ait, mecum. nihil est, quod victa recusem.
Pallas anum simulat, falsosque in tempora canos
Addit, et infirmos baculo quoque sustinet artus.
Tum sic orsa loqui: Non omnia grandior aetas,
Quae fugiamus, habet. seris venit usus ab annis.
30 Consilium ne sperne meum. Tibi fama petatur
Inter mortales faciendae maxima lanae.
Cede deae, veniamque tuis, temeraria, dictis
Supplice voce roga. veniam dabit illa roganti.
Aspicit hanc torvis, inceptaque fila relinquit:
35 Vixque manum retinens, confessaque vultibus iram
Talibus obscuram resecuta est Pallada dictis:
Mentis inops longaque venis confecta senecta:
Et nimium vixisse diu nocet. Audiat istas,
Siqua tibi nurus est, siqua est tibi filia, voces.
40 Consilii satis est in me mihi. neve monendo
Profecisse putes, eadem est sententia nobis.
Cur non ipsa venit? cur haec certamina vitat?
Tum dea: Venit! ait, formamque removit anilem,
Palladaque exhibuit. Venerantur numina nymphae
45 Mygdonidesque nurus. Sola est non territa virgo.
Sed tamen erubuit, subitusque invita notavit
Ora rubor, rursusque evanuit. ut solet aer
Purpureus fieri, cum primum aurora movetur,
Et breve post tempus candescere solis ab ortu.

---

15 *Тимолъ*, чаще *Тмолъ*—гора (см. 11, 86). 16 *Пактолъ*—Лидійская рѣка (см. 11,

15 Съ виноградныхъ своихъ Тимола холмовъ убѣгали,
Убѣгали отъ водъ своихъ и нимфы Пактола.
Былъ ни одинъ лишь видъ готоваго платья отраденъ,
Но и работа надъ нимъ; изящно такъ было искусство:
Волну ль сырую она сначала вертѣла въ кудели,
20 Или персты прилагала къ работѣ, и шерсть многократно
Разволочкою долгой уподобляла туманамъ,
Или веретено проворнымъ пальцемъ вращала,
Иль вышивала иглой; у Паллады училась, какъ видно.
Что отрицаетъ она и наставницы этой стыдится:
25 „Съ нею поспоримъ, твердитъ; на все проигравъ, я согласна“.
Преобразившись въ старуху, Паллада въ виски запустила
Ложныхъ сѣдинъ, и клюкой подпирала дрожащіе члены.
Тутъ сказала она: „Не все вѣкъ поздній приноситъ
То, чего бъ намъ бѣжать; со старостью опытъ приходитъ.
30 Выслушай мой ты совѣтъ. Ты славы себѣ добивайся,
Между смертными слыть искусною самой ткачихой,
Но предъ богиней смирись, проси униженно прощенья
За дерзновенную рѣчь; проститъ она, если попросишь“.
Та исподлобья взглянувъ, начатую оставила нитку;
35 Еле руку сдержавъ и гнѣвъ выражая во взорѣ,
Отвѣчала сокрытой Палладѣ такими словами:
„Ты пришла, оскудѣвши умомъ отъ старости долгой:
Жить слишкомъ долго, вредитъ. Пусть лучше рѣчи такія,
Если какая сноха у тебя, или дочь есть, услышитъ.
40 У меня своего довольно разсудка; не думай
Ты въ увѣщаньи успѣть, я все такого же мнѣнья.
Что же сама то нейдетъ? Чего жь состязанья боится?“
Тутъ богиня: „Пришла!“ говоритъ и, сбросивъ старуху,
Появилась Палладой. Предъ мощной склонилися нимфы
45 И Мигдонскія жены. Одна не испугана дѣва.
Но покраснѣла она, и вдругъ невольная краска
Ей вступила въ лице и вновь исчезла; такъ воздухъ
Пурпуромъ станетъ горѣть при первомъ движеньи Авроры,
И чрезъ краткое время блѣднѣетъ за солнечнымъ всходомъ.

---

142), ставшая золотоносной отъ омывшаго въ ней свое увлеченіе золотаго Мидаса.
45 *Мигдонскія жены*—Фригійскія=Лидійскія (см. 2, 247).

Perstat in incepto, stolidaeque cupidine palmae
In sua fata ruit. Neque enim Iove nata recusat,
Nec monet ulterius, nec iam certamina differt.
Haud mora, consistunt diversis partibus ambae,
Et gracili geminas intendunt stamine telas.
Tela iugo vincta est, stamen secernit arundo,
Inseritur medium radiis subtemen acutis,
Quod digiti expediunt, atque inter stamina ductum
Percusso feriunt insecti pectine dentes.
Utraque festinant, cinctaeque ad pectora vestes
Brachia docta movent, studio fallente laborem.
Illic et Tyrium quae purpura sensit aenum
Texitur, et tenues parvi discriminis umbrae:
Qualis ab imbre solet percussis solibus arcus
Inficere ingenti longum curvamine coelum:
In quo diversi niteant cum mille colores,
Transitus ipse tamen spectantia lumina fallit:
Usque adeo quod tangit idem est. tamen ultima distant.
Illic et lentum filis immittitur aurum,
Et vetus in tela deducitur argumentum.
Cecropia Pallas scopulum Mavortis in arce
Pingit, et antiquam de terrae nomine litem.
Bis sex coelestes medio Iove sedibus altis
Augusta gravitate sedent. Sua quemque deorum
Inscribit facies. Iovis est regalis imago.
Stare deum pelagi, longoque ferire tridente
Aspera saxa facit, medioque e vulnere saxi
Exsiluisse fretum. quo pignore vindicet urbem.
At sibi dat clipeum, dat acutae cuspidis hastam,
Dat galeam capiti, defenditur aegide pectus:
Percussamque sua simulat de cuspide terram

---

61 Тирскій пурпуръ варился въ котлѣ съ солью на слабомъ огнѣ втеченіе десяти дней. 70 Близь Аѳинскаго замка, носившаго имя основателя Кекропса (см. 2, 555), находился Марсовъ утесъ Ареопагъ (отъ греческаго ’Αρης — Марсъ), на которомъ впослѣдствіи засѣдало знаменитое судилище. Здѣсь же разрѣшился и споръ между Нептуномъ и Минервою, изъ за обладанія городомъ. Нептунъ считалъ, что облагодѣтельствовалъ городъ близостью моря, а Минерва, ссылалась на маслич-

Стала она на своемъ и, пальмы безумной алкая,
Къ собственной мчится бѣдѣ. Не возражаетъ дочь Зевса,
Не отклоняетъ еще и состязаньемъ не медлитъ.
Безотлагательно обѣ отдѣльно становятся къ мѣсту,
И на оба станка основу тончайшую тянутъ.
Къ скалкѣ привязана ткань, и тросгь раздѣляетъ основу,
И въ заостренный челнокъ утокъ въ середину заправленъ;
Пальцы кидаютъ его и, чуть онъ пройдетъ по основѣ,
Дрогнувшій гребень прорѣзами частыхъ зубовъ ударяетъ.
Оба спѣшатъ и, подъ грудь свою подобравши одежду,
Движутъ руками умѣло, охота имъ трудъ облегчаетъ.
Тутъ точётся и пурпуръ, съ котломъ ознакомленный Тирскимъ,
И тончайшія тѣни съ замѣтнымъ едва переходомъ.
Какъ въ дождѣ отражая солнца лучи, расцвѣчаетъ
Радуга неба просторъ своимъ изгибомъ огромнымъ,
И хоть тысячи въ немъ блистаютъ красокъ различныхъ,
Самый же ихъ переходъ смотрящему оку обманчивъ:
Такъ что смежно—одно; края между тѣмъ отличаютъ.
Мягкое золото тутъ припускается къ нитямъ основы
И содержанье старинное изображается въ тканяхъ.
Марсовъ выводитъ утесъ Паллада у Кекропса въ замкѣ
И о прозваньи земли старинную самую распрю.
Въ креслахъ высокихъ двѣнадцать боговъ, въ серединѣ Юпитеръ
Съ важностью власти сидятъ. Отличаетъ каждаго бога
Выраженье его. У Зевса царственный обликъ.
Богъ морской у нея стоитъ и длиннымъ трезубцемъ
Твердый пронзаетъ утесъ, и изъ раны каменной море
Вырывается; городъ стяжаетъ онъ знаменемъ этимъ.
Но себѣ она щитъ придаетъ съ копьемъ заостреннымъ,
Шлемъ придаетъ головѣ и грудь защищаетъ эгидой;
Землю выводитъ притомъ, какъ пикой ея же пробита,

ное дерево и образованность. Судъ боговъ опредѣлилъ Минервѣ владѣть городомъ, прозваннымъ ея греческимъ именемъ: *Аѳина*. 79 *Эгида*—панцырь Минервы изъ кожи убитаго ею чудовища, носившаго такое имя (по гречески *козѝ*) и опустошавшаго землю изрыгаемымъ имъ огнемъ; впрочемъ и другія божества носили Эгиду, особенно Юпитеръ, и Эгида всегда изображалась чешуйчатой, какъ бы содранной змѣиной кожей.

Edere cum baccis foetum canentis olivae:
Mirarique deos. Operis victoria finis.
Ut tamen exemplis intelligat aemula laudis,
Quod pretium speret pro tam furialibus ausis,
Quattuor in partes certamina quattuor addit
Clara colore suo, brevibus distincta sigillis.
Threiciam Rhodopen habet angulus unus et Haemon,
Nunc gelidos montes, mortalia corpora quondam,
Nomina summorum sibi qui tribuere deorum.
Altera Pygmaeae fatum miserabile matris
Pars habet. Hanc Iuno victam certamine iussit
Esse gruem, populisque suis indicere bellum.
Pinxit et Antigonen ausam contendere quondam
Cum magni consorte Iovis. quam regia Iuno
In volucrem vertit. nec profuit Ilion illi,
Laomedonve pater, sumtis quin candida pennis
Ipsa sibi plaudat crepitante ciconia rostro.
Qui superest solus Cinyran habet angulus orbum:
Isque gradus templi, natarum membra suarum,
Amplectens saxoque iacens lacrimare videtur.
Circuit extremas oleis pacalibus oras.
Is modus est, operisque sua facit arbore finem.
Maeonis elusam designat imagine tauri
Europam. verum taurum, freta vera putares.
Ipsa videbatur terras spectare relictas
Et comites clamare suas, tactumque vereri
Assilientis aquae, timidasque reducere plantas.
Fecit et Asterien aquila luctante teneri:
Fecit olorinis Ledam recubare sub alis:

---

87 *Гемъ* и *Родопа* были братъ и сестра, любили другъ друга какъ мужъ и жена (сличи 1, 351). Онъ называлъ ее Юноной, а она его Юпитеромъ. 90 По Гомеру на верхнемъ Нилѣ существовалъ народъ карликовъ—*Пигмеевъ* (кулачковъ) постоянно воевавшихъ съ журавлями. Царица Пигмеевъ *Эноя*, по другимъ *Герана*, считала себѣ прекраснѣе Юноны и за то послѣднею была превращена въ журавля, и въ такомъ видѣ должна была воевать противъ собственнаго народа. 93 *Антигона*—дочь Троянскаго царя Лаоме́дона, дерзнула считать свои волоса прекраснѣе Юнониныхъ. 98 Равнымъ образомъ дочери Ассирійскаго царя Цинира считали себя прекраснѣе Юноны и были превращены въ ступени ея храма. 103 *Мэонійка* (см. 3, 576). *Европы* (см. 2, 844). 108 *Астерія*—дочь Титана Цея, сестра Латоны, избѣгая преслѣдованій Юпитера,

Порождаетъ она въ плодахъ сѣроватыхъ оливу;
Такъ что на диво богамъ. Побѣда, конецъ и работѣ.
Но чтобъ въ примѣрахъ понять могла соперница славы
Ждать ей въ награду чего за дерзость такого безумства,
85 На четырехъ сторонахъ четыре она состязанья
Вставила въ яркихъ цвѣтахъ и въ мелкихъ картинкахъ замѣтно.
Уголъ одинъ представлялъ Родопу Ѳракійскую съ Гемомъ,
Горы холодныя нынѣ, тѣла когда то людскія,
Что себѣ имена приписали боговъ высочайшихъ.
90 Въ мѣстѣ представленъ другомъ Пигмейской матери жребій;
Въ состязаніи ей побѣжденной Юнона велѣла
Быть журавлемъ, и войну объявить своимъ же народамъ.
Вывела и Антигону, дерзнувшую спорить съ супругой
Зевса великаго, но ее царица Юнона
95 Въ птицу преобразила; и тутъ Иліонъ не помогъ ей
Съ Лаомедономъ отцемъ, чтобъ въ бѣлыхъ перьяхъ себѣ ей
Не довелось стрекотать какъ аисту носомъ трескучимъ.
На послѣднемъ углѣ Циниръ появляется сирый
На ступеняхъ во храмъ, тѣлахъ дочерей своихъ милыхъ;
100 Видно, какъ тамъ онъ лежитъ въ слезахъ обнимающій камень.
Мирной оливой она обвела край самой одежды.
Тутъ и предѣлъ, своимъ она деревомъ дѣло кончаетъ.
Мэонійка Европу, быка завлеченную видомъ,
Вывела; истиннымъ быкъ и истиннымъ море ты счелъ бы;
105 Та на покинутую, казалося, землю глядѣла
И призывала подругъ и, плещущихъ волнъ опасаясь
Прикосновенья, свои пугливо ступни подбирала.
Изобразила Астерію, какъ съ орломъ она бьется;
Изобразила крылами лебяжьими скрытую Леду;

принявшаго видъ орла, была превращена въ перепелку, а когда полетѣла черезъ море, въ камень и, упавши въ море появилась въ немъ какъ островъ Ортигія (перепелиный островъ), но не въ соименный островъ у Сицилійскаго берега (см. 5, 640), а въ островъ Делосъ въ Эгейскомъ морѣ, носящій то же названіе. 109 *Леда*—супруга Лакедемонскаго царя Тиндара или Тиндарея, родила отъ Юпитера, принявшаго образъ лебедя, Елену и Поллука (греч. Полидевка); а отъ своего супруга—Кастора. Оба брата, связанные взаимной любовью, были, въ качествѣ близнецовъ, вознесены Юпитеромъ на небо и почитались у Грековъ и у Римлянъ, преимущественно между мореходцами (см. 8, 372).

110 Addidit, ut Satyri celatus imagine pulchram
Iuppiter implerit gemino Nycteida foetu,
Amphitryon fuerit, cum te, Tirynthia, cepit,
Aureus ut Danaen, Asopida luserit ignis,
Mnemosynen pastor, varius Deoida serpens.
115 Te quoque mutatum torvo, Neptune, iuvenco
Virgine in Aeolia posuit. Tu visus Enipeus
Gignis Aloidas, aries Bisaltida fallis,
Et te flava comas frugum mitissima mater
Sensit equum, sensit volucrem crinita colubris
120 Mater equi volucris, sensit delphina Melantho.
Omnibus his faciemque suam faciemque locorum
Reddidit. Est illic agrestis imagine Phoebus,
Utque modo accipitris pennas, modo terga leonis
Gesserit, ut pastor Macareida luserit Issen.
125 Liber ut Erigonen falsa deceperit uva,
Ut Saturnus equo geminum Chirona crearit.
Ultima pars telae tenui circumdata limbo
Nexilibus flores hederis habet intertextos.
Non illud Pallas, non illud carpere Livor

---

110 *Въ личинѣ Сатира* (см. 4, 25). *Дочь* Беотійскаго царя Никтея — *Антіопа* родила отъ Юпитера двойню, изъ коихъ одинъ братъ былъ знаменитый пѣвецъ Амфіонъ (см. ниже 152). 112 *Тиринтіею* названа здѣсь Алкмена, мать Геркулеса, носившаго прозваніе Тиринтія отъ города Тиринта, въ которомъ онъ воспитывался, или по имени Тиринты — сестры Амфитріона, мужа Алкмены, образъ котораго принялъ Зевесъ, чтобы ее обмануть. 113 *Данаей* (см. 4, 611). *Эгина*—дочь царя Азопа, превращеннаго въ соименный потокъ, была посѣщена Юпитеромъ въ образѣ огня и унесена на островъ *Энону*, которому сообщила свое имя Эгины, и стала матерью Эака и, слѣдовательно, бабкою Ахиллеса (см. 7, 472). 114 Титанида *Мнемозина* стала матерью Музъ отъ Зевеса. *Деоида*—дочь Деои или Цереры—Прозерпина, но нигдѣ не упоминается въ древности, чтобы Юпитеръ преслѣдовалъ своей любовью свою же дочь Прозерпину, поэтому самый стихъ едва ли не искаженъ. 116 *Дѣва* дочь Эола, Арна или Канака. Въ послѣднемъ слѣчаѣ слѣдующій любовный эпизодъ относился бы къ супругѣ сына Эола, Алоея, такъ какъ Алоей былъ сынъ Канаки. Когда Энипей, возлюбленный Ифимедіи—супруги Алоея, былъ превращенъ въ Ѳессалійскій потокъ, Нептунъ, принявши видъ Энипея, породилъ съ Ифимедіею Гигантовъ близнецовъ (Одис. Жук. к. XI, 308):

„*Отосъ божественный съ славнымъ вездѣ на землѣ Эфіалтомъ*“.

которыхъ Овидій по законному супругу ихъ матери называетъ Алоидами. *Бизальтида Теофана*—дочь Ѳракійскаго царя Бизальта, родила вслѣдствіе такаго событія знаменитаго золоторуннаго овна, коего руно было причиною похода Аргонавтовъ (см. ниже 720 и 7, 1). 118 *Бѣлокурая, кроткая матерь колосьевъ*—Церера, странствуя по землѣ, чтобы избѣжать преслѣдованія Нептуна, приняла видъ лошади, но Нептунъ,

И прибавила, какъ затаясь въ личинѣ сатира,
Никтеиду двойнымъ плодомъ преисполнилъ Юпитеръ.
Амфитріономъ являлся, Тиринтію онъ увлекая,
И золотымъ предъ Данаей, огнемъ чтобъ увлечь Азопиду,
Пастыремъ предъ Мнемозиной и змѣемъ предъ Деоидой.
Также она и тебя, Нептунъ, въ быка превращеннымъ
Съ дѣвой Эола свела. Ты, видъ воспріявъ Энипея,
Породилъ Алоидъ, овномъ ты увлекъ Бизальтиду,
И тебя, бѣлокурая, добрая матерь колосьевъ,
Какъ бы коня приняла, змѣевласая птицей познала
Матерь коня летуна, дельфиномъ познала Меланта.
Всѣмъ имъ собственный ихъ придала она видъ, да и виды
Самыхъ мѣстъ. Тамъ и Фебъ, носящій ликъ селянина,
Какъ, то ястреба крылья, то вдругъ онъ львиную шкуру
Воспринималъ, и увлекъ какъ пастухъ Макарееву Иссу.
Какъ соблазнилъ Эригану Либеръ обманчивымъ гроздомъ,
Какъ Сатурнъ, ставъ конемъ, породилъ двойнаго Хирона.
Ткани крайняя часть, охвачена тонкой каймою,
Заткана вся цвѣтами была въ перемежку съ плющами.
  Этой работы хулить не могла ни Паллада, ни даже

превратясь тоже въ коня, произвелъ съ нею славнаго даромъ пророчества коня Аріона, служившаго многимъ героямъ, въ особенности Геркулесу, а потому у древнихъ знаменитаго. *Змѣевласая*—Медуза. Ея трагическое приключеніе въ качествѣ красавицы разсказано поэтомъ (кн. 4, 795). 120 *Меланта*—дочь Девкаліона, мать Дельфа, отъ котораго городъ Дельфы получилъ свое названіе. 122 Когда Юпитеръ сразилъ молніею Аполлонова сына Эскулапія за его искусство воскрешать мертвыхъ (см. 15, 533), озлобленный отецъ перестрѣлялъ Циклоповъ, ковавшихъ молніи, но долженъ былъ въ наказаніе долгое время пасти близь рѣки Амфриза скотину Ѳессалійскаго царя Адмета. Въ теченіи этого времени онъ предавался различнымъ любовнымъ похожденіямъ. 124 *Макарееву Иссу* дальнѣйшихъ подробностей объ этомъ событіи неизвѣстно; *Макарей* былъ Іоніецъ изъ Ахайи, заведшій колонію на островѣ Лесбосѣ, гдѣ онъ основалъ два города и назвалъ ихъ по имени двухъ дочерей, Митиленой и Метимной. 125 *Эригона*. При царѣ Пандіонѣ въ Аттикѣ проживалъ Икаріонъ съ дочерью Эригоной. Вакхъ подарилъ ему виноградную лозу и научилъ дѣлать вино, а Эригона, вкусивши отъ предложеннаго ей грозда, стала матерью сына, котораго назвала Стафилъ (лоза). Икаріонъ захотѣлъ сдѣлать соучастниками божественнаго дара и окружающихъ его Аттическихъ пастуховъ, которые, охмѣлѣвъ, сочли себя отравленными, и убили своего благодѣтеля; но на другой день, раскаявшись, они похоронили Икаріона. Эригона долго искала своего отца, пока вѣрная собака ея не отыскала его могилы. Тогда Эригона съ отчаянія повѣсилась; но боги вмѣстѣ съ вѣрной собакой вознесли ее къ звѣздамъ, гдѣ она между знаками Зодіака находится въ видѣ дѣвы, а ея собака недалеко отъ Оріона. 126 (См. 2, 630 и 650, и 7, 352).

Possit opus. Doluit successu flava virago,
Et rupit pictas, coelestia crimina, vestes:
Utque Cytoriaco radium de monte tenebat,
Ter quater Idmoniae frontem percussit Arachnes.
Non tulit infelix, laqueoque animosa ligavit
Guttura. Pendentem Pallas miserata levavit,
Atque ita: Vive quidem, pende tamen, improba, dixit:
Lexque eadem poenae, ne sis secura futuri,
Dicta tuo generi serisque nepotibus esto.
Post ea discedens succis Hecateidos herbae
Sparsit. et extemplo tristi medicamine tactae
Defluxere comae, cum quis et naris et aures,
Fitque caput minimum. toto quoque corpore parva est:
In latere exiles digiti pro cruribus haerent,
Cetera venter habet. de quo tamen illa remittit
Stamen, et antiquas exercet aranea telas.

NIOBE.

Lydia tota fremit: Phrygiaeque per oppida facti
Rumor it, et magnum sermonibus occupat orbem.
Ante suos Niobe thalamos cognoverat illam,
Tunc cum Maeoniam virgo Sipylumque colebat:
Nec tamen admonita est poena popularis Arachnes
Cedere coelitibus, verbisque minoribus uti.
Multa dabant animos. Sed enim nec coniugis artes,
Nec genus amborum magnique potentia regni
Sic placuere illi, quamvis ea cuncta placerent,
Ut sua progenies. et felicissima matrum
Dicta foret Niobe, si non sibi visa fuisset.
Nam sata Tiresia venturi praescia Manto
Per medias fuerat, divino concita motu,
Vaticinata vias: Ismenides, ite frequentes,

---

132 *Челнокъ съ вершины Циторской* (см. 4, 311). 139 *Травы Гекатовой*—волшебной (см. 7, 74). 145 *Какъ паукъ*. По гречески Арахна, отъ чего произошло и самое сказаніе. 149 *Сипилъ*—городъ въ Лидіи у горы того же имени. 151 *Ни искусство супруга*—Амфіона (см. ниже 178). 153 *Ни обоихъ ихъ родъ* (см. ниже 172). *Дер-*

Зависть. Тяжелъ былъ успѣхъ для дѣвственницы бѣлокурой,
Порвала она ткань, гдѣ пестрѣли проступки безсмертныхъ;
Да, какъ держала въ рукѣ челнокъ съ вершины Циторской,
Трижды, четырежды въ лобъ угодила Идмонской Арахны.
Не стерпѣла бѣдняжка, и смѣло петлей захватила
Глотку себѣ. Надъ висящею сжалясь, Паллада сказала
Въ облегченье: „Живи, но все же виси ты, злодѣйка;
И наказанье все то жь, чтобъ и впредь не жила ты безъ страха,
Сказано роду всему твоему и позднѣйшимъ потомкамъ“.
Тутъ она, уходя, травы Гекатовой сокомъ
Окропила ее; и тотчасъ отъ горькаго яда
Выпали волосы всѣ у нея, а съ носомъ и уши,
Стала мала голова; и тѣло то все невелико;
По бокамъ вмѣсто ногъ торчатъ худощавые пальцы,
Все остальное животъ; изъ котораго все же основу
Испускаетъ она, какъ паукъ все также надъ тканью.

НІОБЕЯ.

Говоръ по Лидіи всей: по всѣмъ городамъ во Фригіи
Рѣчь о событіи томъ, и по цѣлому свѣту все толки.
Передъ бракомъ своимъ узнала о томъ Ніобея,
Какъ въ Сипилѣ жила еще и въ Мэоніи дѣвой.
Но не внушила ей казнь ея землячки Арахны
Неба властямъ уступать и держаться рѣчей поскромнѣе.
Многимъ кичится въ ней духъ. Но все жь ни искусство супруга,
Ни обоихъ ихъ родъ, ни мощь державнаго царства
Такъ не нравились ей, хоть ей все нравилось это,
Какъ потомство ея; счастливѣйшей матерью слыть бы
Ніобея могла, лишь такой бы себя не считала.
  Ибо Тирезія дочь, грядущаго вѣстница, Манто,
Вдоль по улицамъ всѣмъ, божественнымъ движима духомъ,
Провозглашая, прошла: „Спѣшите толпой, Исмениды,

жавное царство, основанное Кадмомъ, *Ѳивы*. 157 *Тирезій*, потомокъ одного изъ оставшихся пяти земнородныхъ (см. 3, 126), извѣстный въ Ѳивахъ прорицатель, заслужившій почетъ даже у боговъ ранѣе того, что здѣсь говорится. Дочь его Манто обладала тоже даромъ пророчества. 159 *Исмениды* (см. 2, 244).

Et date Latonae Latonigenisque duobus
Cum prece tura pia, lauroque innectite crinem:
Ore meo Latona iubet. Paretur, et omnes
Thebaides iussis sua tempora frondibus ornant,
Turaque dant sanctis et verba precantia flammis.
Ecce venit comitum Niobe celeberrima turba,
Vestibus intexto Phrygiis spectabilis auro
Et, quantum ira sinit, formosa movensque decoro
Cum capite immissos humerum per utrumque capillos.
Constitit. utque oculos circumtulit alta superbos:
Quis furor, auditos, inquit, praeponere visis
Coelestes? aut cur colitur Latona per aras,
Numen adhuc sine ture meum est? Mihi Tantalus auctor,
Cui licuit soli superorum tangere mensas.
Pleiadum soror est genitrix mea. maximus Atlas
Est avus, aetherium qui fert cervicibus axem:
Iuppiter alter avus. socero quoque glorior illo.
Me gentes metuunt Phrygiae, me regia Cadmi
Sub domina est, fidibusque mei commissa mariti
Moenia cum populis a meque viroque reguntur.
In quamcunque domus adverti lumina partem,
Immensae spectantur opes. Accedit eodem
Digna dea facies. Huc natas adiice septem
Et totidem iuvenes, et mox generosque nurusque.
Quaerite nunc, habeat quam nostra superbia causam,
Nescio quoque audete satam Titanida Coeo
Latonam praeferre mihi, cui maxima quondam
Exiguam sedem pariturae terra negavit.
Nec coelo, nec humo, nec aquis dea vestra recepta est.
Exsul erat mundi, donec miserata vagantem:
Hospita tu terris erras, ego, dixit, in undis,

---

160 Аполлону и Діанѣ. 172 *Танталъ*—богатый Лидійскій царь въ качествѣ сына Юпитера (почему Юпитеръ доводится Ніобеѣ дѣдомъ). 174 Ея мать *Діона* была одною изъ Гіадъ, которыя, подобно Плеядамъ, были дочери Атланта. 176 Свекоромъ, потому что супругъ ея Амфіонъ тоже былъ сынъ Юпитера и Антіопы (см. выше 110). 178 Стѣны Ѳивъ, для которыхъ камни сами складывались подъ звуки Амфіоновой цитры. 185 *Цей* или *Кой*—одинъ изъ Титановъ (см. 1, 10), будто бы породилъ съ

И несите Латонѣ и двумъ отъ Латоны рожденнымъ,
Ладона съ теплой мольбой и волосы лавромъ увейте.
Такъ Латона велитъ моими устами“. Покорны
Всѣ Ѳивянки, украсивши сказанной зеленью кудри,
Ладонъ несутъ и слова мольбы на священное пламя.
  Вотъ съ великой толпой провожатыхъ идетъ Ніобея,
Въ платьяхъ Фригійскихъ пышна изъ смѣшанной съ золотомъ ткани,
И, насколько ей гнѣвъ дозволяетъ, прекрасна, движеньемъ
Чудной своей головы по плечамъ волоса распустила.
Стала она; и горда, обведши надменные взоры:
„Что за безумство, рекла, боговъ предпочесть лишь по слуху
Тѣмъ, что видишь? Чего жь алтари воздвигаютъ Латонѣ,
А мое божество все безъ ладона? Танталъ отецъ мнѣ,
А вѣдь онъ лишь одинъ къ столамъ прикоснулся безсмертныхъ.
Я сестрою Плеядъ рождена и Атлантъ величайшій
Дѣдъ мнѣ, который несетъ небесную ось на затылкѣ;
Дѣдъ другой мнѣ Зевесъ и, какъ свекоромъ, имъ я горжуся.
Чтутъ Фригійцы меня, подъ моимъ управленьемъ чертоги
Кадма, и возведенныя мужа струнами тѣ стѣны
Вмѣстѣ съ народомъ покорствуютъ мнѣ, равно какъ супругу.
Въ часть какую бы дома ни обратила я взоры,
Вижу богатства несчетныя. Съ этимъ богини достойный
Ликъ у меня. Ко всему прибавьте и семь дочерей вы,
Да и юношей столько жь, а скоро зятьевъ и невѣстокъ.
Вотъ и спросите, какая моей гордыни причина,
И не знаю, какъ смѣть предпочесть мнѣ рожденную Цеемъ
Титаниду Латону, которой въ ничтожномъ мѣстечкѣ,
Чтобъ разрѣшиться когда то, громада земли отказала.
Небо, земля и вода не приняли вашей богини,
Міръ для нея былъ чужимъ, пока надъ странницей сжалясь,
Не сказалъ ей Делосъ: Ты бродишь по сушѣ, я въ морѣ,

Фебой (конечно не той, о которой говорится 1, 11) Латону, которая такимъ образомъ выходитъ Титанида. 186 Далѣе говорится о томъ, какъ Юнона, раздраженная беременностью Латоны отъ Зевеса, взяла зарокъ съ земли не давать родильницѣ мѣста подъ солнцемъ. Тогда Нептунъ приказалъ бродящему до той поры по морю, острову Делосу, обсохнуть и принять странницу.

Instabilemque locum Delos dedit. Illa duorum
Facta parens. uteri pars haec est septima nostri.
Sum felix. quis enim neget hoc? felixque manebo:
Hoc quoque quis dubitet? tutam me copia fecit.
Maior sum, quam cui possit Fortuna nocere:
Multaque ut eripiat, multo mihi plura relinquet.
Excessere metum mea iam bona. Fingite demi
Huic aliquid populo natorum posse meorum,
Non tamen ad numerum redigar spoliata duorum,
Latonae turbam. quae quantum distat ab orba?
Ite, satisque superque sacri. laurumque capillis
Ponite. Deponunt, et sacra infecta relinquunt,
Quodque licet, tacito venerantur murmure numen.
  Indignata dea est. summoque in vertice Cynthi
Talibus est dictis gemina cum prole locuta:
  En ego vestra parens, vobis animosa creatis,
Et, nisi Iunoni, nulli cessura dearum,
An dea sim, dubitor, perque omnia saecula cultis
Arceor, o nati, nisi vos succurritis, aris.
Nec dolor hic solus. diro convicia facto
Tantalis adiecit, vosque est postponere natis
Ausa suis, et me, quod in ipsam recidat, orbam
Dixit, et exhibuit linguam scelerata paternam.
Adiectura preces erat his Latona relatis:
Desine, Phoebus ait, poenae mora longa querela est.
Dixit idem Phoebe. celerique per aera lapsu
Contigerant tecti Cadmeida nubibus arcem.
  Planus erat lateque patens prope moenia campus,
Assiduis pulsatus equis, ubi turba rotarum
Duraque mollierat subiectas ungula glebas.
Pars ibi de septem genitis Amphione fortes
Conscendunt in equos, Tyrioque rubentia succo
Terga premunt, auroque graves moderantur habenas.
E quibus Ismenos, qui matri sarcina quondam

---

204 *Цинтъ*—гора на островѣ Делосѣ, на которой родила Латона и отъ которой Аполлонъ и Діана получили названіе Цинтіевъ, равно какъ отъ самаго острова Делійскихъ божествъ (н. пр. ниже 250). *Родные близнецы*—Аполлонъ и Діана. 213 *Языкъ*

И подвижной даровалъ ей пріютъ. Тутъ матерью стала
Двойни она; седьмая то часть моего порожденья.
Счастлива я. Кто бъ могъ отрицать? И останусь счастливой:
Кто усумнился бы въ томъ? При избыткѣ я безопасна.
Выше того я, чтобы повредить могла мнѣ Фортуна.
Много похититъ пускай, но больше того мнѣ оставитъ.
Счастье мое уже внѣ опасеній. Допустимъ, что можетъ
Нѣчто отторгнутымъ быть изъ числа порожденнаго мною,
Всетаки и при утратѣ не низойду на двоихъ я,
Какъ у Латоны, дѣтей. И долго ли стать ей бездѣтной?
Расходитесь, довольно съ избыткомъ, тутъ жертвъ; и снимите
Лавры съ волосъ вы". Снимаютъ, и, жертвъ не докончивъ, уходятъ,
Но, что дозволено, чтутъ божество лепетаніемъ тайнымъ.
Возмутилась богиня; и тотчасъ на темени самомъ
Цинта къ роднымъ близнецамъ обратилась съ такими словами:
„Вотъ породившая васъ и гордая вашимъ рожденьемъ,
Та, что Юнону изъявъ, ни одной не уступитъ богинѣ,
Сомнѣваюсь, богиня ли я; и если, вы дѣти
Не поможете, то я лишусь алтарей вѣковѣчныхъ.
Эта мнѣ скорбь не одна; къ жестокости брань прибавляетъ
Тантала дочь, и дерзнула унизить и васъ предъ своими
Чадами, да и меня,—на нее пусть обрушится это,—
Сирой она назвала, и языкъ заявила отцовскій".
Просьбъ хотѣла прибавить Латона, о томъ разсказавши:
„Стой!" промолвилъ ей Фебъ, „тутъ, жалобы—карѣ задержка".
То же сказала и Феба и, быстро скатясь по эфиру,
Облакомъ скрыты они, достигли крѣпости Кадма.
Равное поле у стѣнъ широко лежало открыто,
Непрестанно конями истоптано, бѣгомъ колеснымъ
И копытомъ тяжелымъ дробило прибитыя глыбы.
Часть тамъ семи сыновей Амфіона, взобравшись на дюжихъ
Коней, у нихъ на спинахъ, отъ Тирскаго пурпура красныхъ,
Возсѣдала, а поводомъ въ золотѣ ихъ направляла.
Между ними Исменъ, что матери ношею первой

заявила отцевскій. Танталъ, допущенный къ трапезѣ боговъ, разсказалъ ихъ тайны; за что между прочимъ онъ терпитъ въ преисподней наказаніе (см. 4, 458).

Prima suae fuerat, dum certum flectit in orbem
Quadrupedis cursus, spumantiaque ora coercet,
Ei mihi! conclamat, medioque in pectore fixa
Tela gerit, frenisque manu moriente remissis
In latus a dextro paulatim defluit armo.
Proximus, audito sonitu per inane pharetrae,
Frena dabat Sipylus. veluti cum praescius imbris
Nube fugit visa pendentiaque undique rector
Carbasa deducit, ne qua levis effluat aura.
Frena tamen dantem non evitabile telum
Consequitur. summaque tremens cervice sagitta
Haesit, et exstabat nudum de gutture ferrum,
Ille, ut erat pronus, per colla admissa iubasque
Volvitur, et calido tellurem sanguine foedat.
Phaedimus infelix et aviti nominis heres
Tantalus, ut solito finem imposuere labori,
Transierant ad opus nitidae iuvenile palaestrae:
Et iam contulerant arto luctantia nexu
Pectora pectoribus. cum tento concita nervo,
Sicut erant iuncti, traiecit utrumque sagitta.
Ingemuere simul. simul incurvata dolore
Membra solo posuere. simul suprema iacentes
Lumina versarunt. animam simul exhalarunt.
Aspicit Alphenor, laniataque pectora plangens
Advolat, ut gelidos complexibus allevet artus:
Inque pio cadit officio. nam Delius illi
Intima fatifero rupit praecordia ferro.
Quod simul eductum, pars est pulmonis in hamis
Eruta, cumque anima cruor est effusus in auras.
At non intonsum simplex Damasichthona vulnus
Afficit. Ictus erat, qua crus esse incipit, et qua
Mollia nervosus facit internodia poples.
Dumque manu tentat trahere exitiabile telum,
Altera per iugulum pennis tenus acta sagitta est.
Expulit hanc sanguis, seque eiaculatus in altum
Emicat, et longe terebrata prosilit aura.

Нѣкогда былъ, а теперь направлялъ по вѣрному кругу
Четвероногаго бѣгъ и сдерживалъ ротъ опѣненный,
„Горе мнѣ!“ онъ возопилъ, и стрѣлой пораженъ въ середину
Груди, и поводъ уже рукой полумертвой роняя,
На бокъ къ правой лопаткѣ скатился мало по малу.
Тутъ, заслыша на воздухѣ лязгъ колчана, ближайшій
Волю браздамъ далъ Сипилъ; такъ точно въ предчувствіи ливня,
Тучи завидя, спасается кормчій и напрягаетъ
Парусы вислые, чтобъ вѣтерокъ не минулъ и малѣйшій.
Давшаго волю браздамъ однако доспѣхъ неизбѣжный
Разомъ догналъ, и стрѣла, задрожавъ, вонзилась въ затылокъ
Сверху, и остріе гольемъ заторчало изъ горла.
Онъ, какъ былъ наклоненъ, чрезъ поникшую шею и гриву
Покатился, и жаркою кровію землю увлажилъ.
Несчастливецъ Фэдимъ и, имени дѣда наслѣдникъ,
Танталъ, какъ положили конецъ обычному дѣлу,
Къ юношескимъ перешли дѣламъ умащенной палестры.
И ужъ въ объятіяхъ тѣсныхъ они въ борьбѣ примыкали
Грудью на грудь; когда, наддана тетивою тугою,
Какъ обнимались они, обоихъ стрѣла ихъ пронзила.
Вмѣстѣ вздохнули они, и вмѣстѣ, корчась отъ боли,
Пали тѣлами на землю; вмѣстѣ послѣдніе взоры,
Лёжа, кругомъ обвели; да вмѣстѣ и духъ испустили.
Алфеноръ увидалъ и, съ терзаніемъ въ грудь ударяя,
Подлетѣлъ, чтобъ обнять и поднять ихъ холодные члены;
И въ занятьи сердечномъ самъ падаетъ онъ. Ибо Делій
Въ грудь глубоко ему запустилъ роковое желѣзо.
Какъ его извлекли, то легкаго часть на зацѣпахъ
Вырвалась вмѣстѣ, и кровь съ душой излилася на воздухъ.
Но Дамазихтона отрока рана разитъ не простая.
Былъ онъ въ томъ мѣстѣ пронзенъ, гдѣ около голени мягкимъ
Междоузліемъ сходятся жилы тугаго колѣна.
Но какъ старался рукой онъ орудіе смерти исторгнуть,
Въ горло другая стрѣла засѣла по самыя перья.
Кровь извергла ее и сама, вырываясь высоко,
Засверкала и, вдаль заструяся, прорѣзала воздухъ.

Ultimus Ilioneus non profecura precando
Brachia sustulerat, Dique o communiter omnes,
Dixerat, ignarus non omnes esse rogandos,
Parcite! Motus erat, cum iam revocabile telum
265 Non fuit, Arcitenens. minimo tamen occidit ille
Vulnere, non alte percusso corde sagitta.
Fama mali populique dolor lacrimaeque suorum
Tam subitae matrem certam fecere ruinae,
Mirantem potuisse, irascentemque, quod ausi
270 Hoc essent superi, quod tantum iuris haberent,
Nam pater Amphion ferro per pectus adacto
Finierat moriens pariter cum luce dolorem.
Heu quantum haec Niobe Niobe distabat ab illa,
Quae modo Latois populum summoverat aris,
275 Et mediam tulerat gressus resupina per urbem,
Invidiosa suis, at nunc miseranda vel hosti.
Corporibus gelidis incumbit, et ordine nullo
Oscula dispensat natos suprema per omnes.
A quibus ad coelum liventia brachia tollens:
280 Pascere, crudelis, nostro, Latona, dolore,
282 Corque ferum satia, dixit, per funera septem
Efferor. exulta, victrixque inimica triumpha.
Cur autem victrix? miserae mihi plura supersunt,
285 Quam tibi felici. Post tot quoque funera vinco.
Dixerat, et sonuit contento nervus ab arcu:
Qui praeter Nioben unam conterruit omnes.
Illa malo est audax. Stabant cum vestibus atris
Ante toros fratrum demisso crine sorores.
290 E quibus una trahens haerentia viscere tela
Imposito fratri moribunda relanguit ore.
Altera solari miseram conata parentem
Conticuit subito, duplicataque vulnero caeco est.
Oraque compressit, nisi postquam spiritus ibat.

---

281 Стихъ=*Pascere ait, satiaque meo tua pectora luctu*
„Тотъ, говоритъ, насыщай свою грудь ты моими слезами“ выкинутъ критиками.

Иліоней ужь послѣдній съ мольбой безуспѣшною руки
Поднялъ и возопилъ: „О боги, всѣ вы совмѣстно—
Онъ не вѣдалъ, что всѣхъ молить ихъ вмѣстѣ не должно—
Пощадите!“ Былъ тронутъ, когда задержать ужь доспѣха
265 Было нельзя, Луконосецъ; но тотъ былъ убитъ и слабѣйшей
Раной, не глубоко проникнувшей въ сердце стрѣлою.
Слухъ о бѣдѣ и народная скорбь и слезы домашнихъ
Матери подали вѣсть о такой нежданной напасти;
Изумлялась она и сердилась, что боги рѣшились
270 На такія дѣла, и право такое имѣли.
Ибо отецъ Амфіонъ, желѣзомъ грудь поразивши,
Умирая, и жизнь и печаль за едино покончилъ.
Какъ Ніобея теперь непохожа на ту Ніобею,
Что недавно народъ къ алтарямъ не пускала Латоны,
275 И откинувшись шла, средь города шагъ направляя,
Зависть вселяя въ своихъ, а нынѣ врагу то на жалость.
Наклоняясь къ холоднымъ тѣламъ, безъ разбора лобзанья
На послѣдѣ всѣмъ дѣтямъ своимъ она расточаетъ.
И отъ нихъ къ небесамъ воздѣвъ поблѣднѣвшія руки:
280 „Упивайся, Латона жестокая, нашею скорбью,
282 И свирѣпое сердце насыть, сказала; хоронятъ
Въ трупахъ меня семерыхъ; ликуй, торжествуя побѣды.
Но побѣдила ли ты? У меня у несчастной все жь больше,
285 Чѣмъ у счастливой тебя. Средь столькихъ я труповъ въ побѣдѣ“.
Молвила, и тетива загудѣла согнутаго лука;
Кромѣ одной Ніобеи, всѣхъ прочихъ она напугала.
Та отважна въ бѣдѣ. Стояли въ черныхъ одеждахъ,
Распустивъ волоса, предъ одрами братскими сестры.
290 Тутъ одна, извлекая стрѣлу, что въ грудь ей засѣла,
Къ брату устами прильнувъ, оцѣпенѣвши, скончалась;
А другая, несчастную мать порываясь утѣшить,
Вдругъ умолкла, и скорчилась вся отъ невидимой раны.
Рта не сомкнула она, пока ея духъ не умчался.

---

282 *Хоронятъ въ трупахъ меня семерыхъ* въ лицѣ семи убитыхъ ея дѣтей, ее самое семь разъ несутъ хоронить. 286 *И тетива*. Діана стрѣляетъ ея дочерей.

295 Haec frustra fugiens collabitur. illa sorori
Immoritur. latet haec. illam trepidare videres.
Sexque datis leto diversaque vulnera passis
Ultima restabat. quam toto corpore mater,
Tota veste tegens: Unam minimamque relinque!
300 De multis minimam posco, clamavit, et unam.
Dumque rogat, pro qua rogat, occidit. Orba resedit
Exanimes inter natos natasque virumque,
Diriguitque malis. Nullos movet aura capillos,
In vultu color est sine sanguine, lumina maestis
305 Stant immota genis. nihil est in imagine vivum.
Ipsa quoque interius cum duro lingua palato
Congelat, et venae desistunt posse moveri.
Nec flecti cervix, nec brachia reddere motus,
Nec pes ire potest. intra quoque viscera saxum est.
310 Flet tamen, et validi circumdata turbine venti
In patriam rapta est. Ibi fixa cacumine montis
Liquitur, et lacrimas etiam nunc marmora manant.

AGRESTES LYCII.

Tunc vero cuncti manifestam numinis iram
Femina virque timent, cultuque impensius omnes
315 Magna gemelliparae venerantur numina divae.
Utque fit, a facto propiore priora renarrant.
E quibus unus ait: Lyciae quoque fertilis agris
Non impune deam veteres sprevere coloni.
Res obscura quidem est ignobilitate virorum,
320 Mira tamen. Vidi praesens stagnumque locumque
Prodigio notum. nam me iam grandior aevo
Impatiensque viae genitor deducere lectos
Iusserat inde boves, gentisque illius eunti
Ipse ducem dederat. cum quo dum pascua lustro,
325 Ecce lacu medio sacrorum nigra favilla
Ara vetus stabat, tremulis circumdata cannis.
Restitit, et pavido: Faveas mihi! murmure dixit
Dux meus. et simili: Faveas! ego murmure dixi.

Эта, напрасно спасаяся, падаетъ. Та надъ сестрою
Умираетъ; та прячется, эта трепещетъ, какъ видно.
Послѣ преданныхъ смерти шести пораненныхъ разно,
Оставалась послѣдняя; мать, прикрывая и тѣломъ
Всю, и одеждой ее, воскликнула: „Ты, хоть одну то
Мнѣ меньшую оставь! Прошу изо всѣхъ хоть меньшую“.
Молитъ, но пала и та, о которой молилась. И сѣла
Сирой она средь почившихъ сыновъ, дочерей и супруга,
И застыла отъ горя. Ни волосъ не дрогнетъ при вѣтрѣ,
Въ цвѣтѣ лица у нея ни кровинки, недвижныя очи
Надъ печалью ланитъ; ничего въ ея ликѣ живаго.
Самый языкъ у нея внутри съ цѣпенѣющимъ нёбомъ
Застываетъ, и жилы не въ силахъ двигаться болѣ,
Ни согнуться не можетъ шея, ни тронуться руки,
Ни нога наступить; въ серединѣ вся внутренность камень.
Все же плачетъ она, и мощнымъ подъятую вихремъ,
Мчитъ въ отчизну ее. Тамъ, сидя на горной вершинѣ,
Плачетъ она, и досель изъ мрамора слезы струятся.

ЛИКІЙСКІЕ ПОСЕЛЯНЕ.

Тутъ то страхъ охватилъ передъ видимымъ божескимъ гнѣвомъ
Женщинъ всѣхъ и мущинъ, и всѣ усерднѣе стали
Чтить великій алтарь близнецовъ породившей богини.
И какъ бываетъ, отъ новаго къ старому сводятъ разсказы.
Тутъ одинъ говоритъ: „И въ Ликіи, хлѣбомъ обильной,
Не безнаказанно жители древле отвергли богиню.
Дѣло это хоть темное изъ-за людей неизвѣстныхъ,
Но изумительно. Самъ я озеро видѣлъ и мѣсто,
Чудомъ извѣстное; ибо меня уже старый лѣтами
И убоявшись пути родитель послалъ, чтобъ оттуда
Вывесть отборныхъ быковъ, и въ путь изъ того же народа
Самъ провожатаго далъ; какъ съ нимъ осматривалъ пастьбы,
Вижу средь озера я, стоитъ, покрытый золою
Жертвъ, старинный алтарь, охваченный зыбкою тростью.
Остановился и въ страхѣ: „Помилуй меня!“ прошепталъ тутъ
Мой проводникъ, и за нимъ: „Помилуй меня!“ прошепталъ я.

Naiadum Faunine foret tamen ara rogabam,
Indigenaeve dei. cum talia rettulit hospes:
Non hac, o iuvenis, montanum numen in ara est.
Illa suam vocat hanc, cui quondam regia coniux
Orbem interdixit, quam vix erratica Delos
Errantem accepit, tunc cum levis insula nabat.
Illic incumbens cum Palladis arbore palmae
Edidit invita geminos Latona noverca.
Hinc quoque Iunonem fugisse puerpera fertur,
Inque suo portasse sinu, duo numina, natos.
Iamque Chimaeriferae, cum sol gravis ureret arva,
Finibus in Lyciae longo dea fessa labore
Sidereo siccata sitim collegit ab aestu:
Uberaque ebiberant avidi lactantia nati.
Forte lacum mediocris aquae prospexit in imis
Vallibus. agrestes illic fruticosa legebant
Vimina cum iuncis gratamque paludibus ulvam.
Accessit, positoque genu Titania terram
Pressit, ut hauriret gelidos potura liquores.
Rustica turba vetat. Dea sic affata vetantes:
Quid prohibetis aquis? usus communis aquarum est.
Nec solem proprium natura, nec aera fecit,
Nec tenues undas. ad publica munera veni.
Quae tamen ut detis, supplex peto. Non ego nostros
Abluere hic artus, lassataque membra parabam,
Sed relevare sitim. Caret os humore loquentis,
Et fauces arent, vixque est via vocis in illis.
Haustus aquae mihi nectar erit, vitamque fatebor
Accepisse simul. vitam dederitis in undis.
Hi quoque vos moveant, qui nostro brachia tendunt
Parva sinu. et casu tendebant brachia nati.
Quem non blanda deae potuissent verba movere?
Hi tamen orantem perstant prohibere, minasque,
Ni procul abscedat, conviciaque insuper addunt.

---

335 *Древомъ Паллады*—маслиною. 336 Дѣтямъ Зевса отъ Латоны Юнона доводится мачихой. 339 *Химера*—собственно находящаяся въ постоянномъ изверженіи огнедышущая гора Крогъ, которую сказочное преданіе превратило въ чудовище со

Но спросилъ, посвященъ ли Фавну алтарь иль Наядамъ,
Или туземному богу; на это отвѣтствовалъ спутникъ:
„Этотъ алтарь, о юноша, не нагорнаго бога.
Онъ достояніе той, которой супруга владыки
Древле земли не дала, которую Делосъ бродящій
Принялъ бродящую тожь, какъ легкій и островъ самъ плавалъ.
Тамъ, склонясь между пальмою и межь древомъ Паллады,
Произвела близнецовъ Латона, ихъ мачихѣ на зло.
Но говорятъ и оттоль отъ Юноны родильница въ бѣгствѣ,
Двухъ на груди у себя унесла безсмертныхъ младенцевъ.
Вотъ въ Ликійской странѣ, породившей Химеру, какъ солнце
Тяжко поля припекло, богинѣ, трудами измучась,
Жаждой томиться пришлось подъ раскаленнымъ созвѣздьемъ.
Все молоко изъ груди повыпили жадныя дѣти.
Вдругъ съ невеликой водой она озеро видитъ въ долинѣ
Низменной; тамъ поселяне сбирали вѣтвистыя лозы
Съ тростниками и порослью тою, что любятъ болота.
Подошла и, колѣна Титанія на земь склоняя,
Опустилась черпнуть, чтобъ напиться ей влаги холодной.
Не дозволяетъ толпа. Запрещавшимъ богиня сказала:
„Что не даете воды? На пользу всеобщую воды.
Въ собственность не создала ни солнца, ни неба природа,
Ни текучей волны; пришла я къ всеобщему дару.
Но и того, чтобъ вы дали, прошу. Вѣдь здѣсь не сбиралась
Члены я омывать свои и усталое тѣло,
Но лишь жажду унять. Во рту нѣтъ влаги для слова,
Высохла глотка, изъ ней едва прорывается голосъ.
Нектаромъ будетъ глотокъ мнѣ воды; признаюсь, что снова
Жизнь обрѣту я; меня одарите вы жизнью съ водою.
Также пусть тронутъ васъ тѣ, что здѣсь у груди простираютъ
Ручки свои“; какъ нарочно младенцы и руки простерли.
Кто бы не тронуться могъ ласкательной рѣчью богини?
Тѣ просящей, стоя на своемъ, запрещаютъ, грозятъ ей,
Если она не уйдетъ, и брань прибавляютъ вдобавокъ.

львиной головою, тѣломъ козы и змѣинымъ хвостомъ, изрыгающая пламя (см. 9, 647). Ликія славилась этимъ явленіемъ.

Nec satis est. ipsos etiam pedibusque manuque
Turbavere lacus, imoque e gurgite mollem
Huc illuc limum saltu movere maligno.
Distulit ira sitim. neque enim iam filia Coei
Supplicat indignis, nec dicere sustinet ultra
Verba minora dea. tollensque ad sidera palmas:
Aeternum stagno, dixit, vivatis in isto.
Eveniunt optata deae. iuvat esse sub undis,
Et modo tota cava submergere membra palude,
Nunc proferre caput, summo modo gurgite nare,
Saepe super ripam stagni consistere, saepe
In gelidos resilire lacus. Sed nunc quoque turpes
Litibus exercent linguas, pulsoque pudore,
Quamvis sint sub aqua, sub aqua maledicere tentant.
Vox quoque iam rauca est, inflataque colla tumescunt,
Ipsaque dilatant patulos convicia rictus.
Terga caput tangunt. colla intercepta videntur:
Spina viret. venter, pars maxima corporis, albet:
Limosoque novae saliunt in gurgite ranae.

MARSYAS.

Sic ubi nescio quis Lycia de gente virorum
Rettulit exitium, satyri reminiscitur alter,
Quem Tritoniaca Latous arundine victum
Affecit poena. Quid me mihi detrahis? inquit:
Ah! piget, ah! non est, clamabat, tibia tanti!
Clamanti cutis est summos direpta per artus:
Nec quicquam nisi vulnus erat. cruor undique manat,
Detectique patent nervi, trepidaeque sine ulla
Pelle micant venae. salientia viscera posses

---

376 Этотъ, знаменитый своимъ звукоподражаніемъ, стихъ слѣдовало бы перевести:
„Хоть онѣ подъ водой, подъ водой продолжаютъ браниться“,
но мы позволили представить его въ томъ видѣ какъ онъ у насъ въ текстѣ, во первыхъ, стараясь по возможности сохранить звукоподражаніе, а во вторыхъ потому, что, какъ извѣстно, лягушки производятъ звуки, раздувая на поверхности воды свои пузыри, а ни на сухомъ, ни подъ водою *sub aqua* кричать не могутъ. 383 *О сатиръ*—подразумѣвается *Морзіасъ*, пастухъ изъ рода Сатировъ (см. 4, 25), который

Этого мало; ногами они и руками взмутили
Озеро все и, скача туда и сюда въ озлобленьи,
365 Съ самаго днища воды всю мягкую грязь подымають.
Гнѣвъ и жажду прогналъ; и Цеева дочь недостойныхъ
Не умоляетъ уже, не выноситъ рѣчей, для богини
Низкихъ еще продолжать; и, руки къ небу воздѣвши:
„Вѣкъ, сказала она, живите вы въ этомъ болотѣ“.
370 Воля богини сбылась; ихъ радуетъ быть подъ водою,
То всѣмъ тѣломъ нырять, на дно опускаясь болота,
То, лишь выставя голову, сверху по омуту плавать,
Часто садиться по берегу озера, часто обратно
Прыгать въ холодную глубь. Но гнусные даже по нынѣ
375 Точатъ свои языки, бранясь и стыдъ позабывши,
Какъ вода ни мелка, но пока, какъ въ водѣ, такъ бранятся.
Уже ихъ голосъ охрипъ, напряженныя вздулися шеи,
И расширяютъ ругательства ихъ отверстыя глотки.
Спины слились съ головой, и шеи нѣтъ словно бы вовсе:
380 Зелены спины; а животъ, часть большая тѣла, бѣлѣетъ:
Стали по грязному омуту новыя прядать лягушки.

МАРЗІАСЪ.

Какъ, не знаю какой изъ мужей народа Ликійцевъ
Гибель успѣлъ разсказать, другой вспомянулъ о сатирѣ
Тамъ, кого, побѣдивъ на свирѣли Тритоніи, строго
385 Сынъ Латоны казнилъ. „Что меня съ меня ты сдираешь?
О виноватъ! онъ вопилъ, не стоитъ этого флейта!“
У кричащаго кожа была вся содрана съ членовъ:
Былъ онъ весь раной одной; и кровь отовсюду струилась,
Нервы открыты кругомъ, и трепетно жилы безъ всякой
390 Кожи бьются, ты могъ бы нутра движеніе видѣть

поднялъ изобрѣтенную Минервой (Тритоніей) свирѣль и брошенную ею за искаженіе лица при надуваніи. 385 Сынъ Латоны Аполлонъ, побѣдивши Марзіаса въ игрѣ на свирѣли, содралъ съ него кожу. Считая это преданіе общеизвѣстнымъ, Овидій безъ дальнѣйшихъ объясненій заставляетъ вопить Марзіаса. Считаютъ, что этотъ миѳъ воплощаетъ торжество въ Аѳинахъ лиры надъ флейтой, потому что первая не искажаетъ лица и даетъ возможность сопровождать игру голосомъ.

Et pellucentes numerare in pectore fibras.
Illum ruricolae, silvarum numina, Fauni
Et satyri fratres et tunc quoque clarus Olympus
Et nymphae flerunt, et quisquis montibus illis
395 Lanigerosque greges armentaque bucera pavit.
Fertilis immaduit, madefactaque terra caducas
Concepit lacrimas ac venis perbibit imis.
Quas ubi fecit aquam, vacuas emisit in auras.
Inde petens rapidum ripis declivibus aequor
400 Marsya nomen habet, Phrygiae liquidissimus amnis.

PELOPS.

Talibus extemplo redit ad praesentia dictis
Vulgus, et extinctum cum stirpe Amphiona luget.
Mater in invidia est. Hanc tum quoque dicitur unus
Flesse Pelops, humeroque, suas a pectore postquam
405 Deduxit vestes, ebur ostendisse sinistro.
Concolor hic humerus nascendi tempore dextro
Corporeusque fuit. Manibus mox caesa paternis
Membra ferunt iunxisse deos. aliisque repertis
Qui locus est iuguli medius summique lacerti,
410 Defuit. Impositum est non comparentis in usum
Partis ebur. factoque Pelops fuit integer illo.

PHILOMELA ET PROGNE.

Finitimi proceres coeunt. urbesque propinquae
Oravere suos ire ad solacia reges,
Argosque et Sparte Pelopeiadesque Mycenae,
415 Et nondum torvae Calydon invisa Dianae,

---

403 Мать Ніобея. 404 *Пелопсъ.—Танталъ* (см. выше 173) сотрапезникъ боговъ, отецъ Ніобеи и Пелопса, захотѣлъ однажды. угощая боговъ у себя, испытать ихъ всевѣдѣніе. Поэтому онъ зарѣзалъ сына своего Пелопса, разрубилъ его на части и, изготовивъ, подалъ на столъ; но онъ не обманулъ боговъ. Только Церера съѣла

И перечислить въ груди всѣ ясно замѣтныя фибры.
Боги полей и лѣсовъ, и Фавны и братья сатиры
И тогда уже славный Олимпъ и нимфы о бѣдномъ
Плакали, также и всякъ, кто только на этихъ пригорьяхъ
Пасъ руноносныхъ стада или воловью скотину.
Плодоносно увлажилась почва и павшія слезы
Всѣ въ себя приняла и въ жилы впитала глубоко;
Въ воду ихъ тамъ превратя, на воздухъ выслала снова.
И въ кривыхъ берегахъ несясь стремительно къ морю,
Марзія имя пріялъ чистѣйшій потокъ во Фригіи.

ПЕЛОПСЪ.

Отъ разсказовъ такихъ сейчасъ, какъ народъ возвратился
Къ новому, и пожалѣлъ Амфіона погибшаго съ родомъ.
Мать ненавидѣли всѣ. Однако, какъ слышно, и эту
Пелопсъ оплакалъ одинъ, и въ лѣвомъ плечѣ, какъ одежду
Снялъ съ груди у себя, слоновую кость показалъ онъ.
Цвѣта того же плечо при рожденьи какъ правое было
И тѣлесно какъ то. Но какъ разсѣчены были
Члены руками отца, говорятъ, сложили ихъ боги.
Всѣ нашлись, не хватало лишь мѣста съ плеча и до глотки,
Вмѣсто ненайденной части вложили изъ кости слоновой;
И когда это сдѣлали, Пелопсъ, какъ прежде, сталъ цѣльнымъ.

ФИЛОМЕЛА И ПРОГНА.

Власти ближайшія всѣ собрались; города по сосѣдству
Всѣ просили своихъ царей идти съ утѣшеньемъ,
Спарта, Аргосъ и Микены Пелопсово достоянье
И Калидонъ, что еще ненавистенъ не былъ Діанѣ,

свою порцію—лѣвое плечо. Когда боги, соединяя разнятыя части, захотѣли оживить Пелопса, то вставили ему слоновую кость вмѣсто недостающаго лѣваго плеча. 414 Потомки Пелопса владѣли Микенами. 415 *Калидонъ* (см. 8, 270 и далѣе).

Orchomenosque ferox et nobilis aere Corinthus,
Messeneque ferox Patraeque humilesque Cleonae
Et Nelea Pylos, neque adhuc Pittheia Troezen,
Quaeque urbes aliae bimari clauduntur ab Isthmo,
Exteriusque sitae bimari spectantur ab Isthmo.
Credere quis posset? solae cessastis Athenae.
Obstitit officio bellum, subvectaque ponto
Barbara Morsopios terrebant agmina muros.
Threicius Tereus haec auxiliaribus armis
Fuderat, et clarum vincendo nomen habebat.
Quem sibi Pandion opibusque virisque potentem
Et genus a magno ducentem forte Gradivo
Connubio Prognes iunxit. Non pronuba Iuno,
Non Hymenaeus adest, non illi Gratia lecto.
Eumenides tenuere faces de funere raptas,
Eumenides stravere torum. tectoque profanus
Incubuit bubo, thalamique in culmine sedit.
Hac ave coniuncti Progne Tereusque, parentes
Hac ave sunt facti. Gratata est scilicet illis
Thracia. disque ipsi grates egere. diemque,
Quaque data est claro Pandione nata tyranno,
Quaque erat ortus Itys, festum iussere vocari.
Usque adeo latet utilitas. Iam tempora Titan
Quinque per autumnos repetiti duxerat anni:
Cum blandita viro Progne: Si gratia, dixit,
Ulla mea est, vel me visendam mitte sorori,
Vel soror huc veniat. Redituram tempore parvo
Promittes socero. magni mihi muneris instar
Germanam vidisse dabis. Iubet ille carinas
In freta deduci, veloque et remige portus
Cecropios intrat Piraeaque litora tangit.
Ut primum soceri data copia, dextera dextrae

---

416 *Орхоменъ*. Кромѣ Беотійскаго города Орхомена (см. 4, 1), былъ соименный ему городъ въ Аркадіи (см. 5, 607). Здѣсь очевидно подразумѣвается послѣдній. Богатство его стадъ прославлено уже Гомеромъ. Знаменитая Коринѳская бронза безъ сомнѣнія изобрѣтена была и существовала до римскаго владычества. 417 *И Мессена*. Мессенцы долго сражались съ своими притѣснителями Спартанцами, пока большею частію не выселились въ Сицилію, гдѣ основали Мессану (Мессину). *Патра*—нынѣшняя *Pat*-

Орхоменъ плодоносный съ Коринѳомъ, мѣдью извѣстнымъ,
И Мессена суровая, Патра и крошка Клеоны,
И Нелеевъ Пилосъ и Трезены еще не Питтея,
Также и всѣ города, что двуморскимъ смыкаются Истмомъ,
И лежащіе внѣ на виду у двуморскаго Истма.
Кто повѣрить бы могъ? Вы только отстали, Аѳины.
Долгу мѣшала война, затѣмъ, что подплывшія моремъ
Полчища варваровъ стали грозить стѣнамъ Мопсопійскимъ.
Но Ѳракійскій Терей со своимъ вспомогательнымъ войскомъ
Ихъ разбилъ и стяжалъ побѣдою славное имя.
И его Пандіонъ, владыку богатствъ и народа,
И ведущаго родъ отъ славнаго силой Градива,
Прогну отдавши, привлекъ къ себѣ. Ни свахи Юноны,
Ни Гименея, ни Грацій не было къ ложу прибывшихъ.
Эвмениды держали имъ факелы, съ гроба схватя ихъ,
Эвмениды и стлали постель; на кровлю спустился
Филинъ зловѣщій и сѣлъ на конькѣ надъ самою спальней.
Знаменьемъ этимъ Терей былъ съ Прогною связанъ и съ этимъ
Знаменьемъ сталъ и отцемъ. Конечно, счастья желала
Имъ Ѳракія; и сами боговъ они славили; день же
Тотъ, въ который владыкѣ вручили дочь Пандіона
Также и Итисъ рожденъ былъ, праздничнымъ звать повелѣли.
Такъ то сокрыто благое. Уже Титанъ, повторяя
Годы, опять проводилъ времена черезъ пятую осень,
Какъ ласкаяся къ мужу, Прогна сказала: „Коль малость
Я угодила, то или меня къ сестрѣ отпусти ты,
Иль пусть пріѣдетъ сестра. Обѣщай ты тестю, что скоро
Возвратится она; мнѣ словно великій подарокъ
Дашь, коль увижу сестру. Содвинуть суда повелѣлъ онъ
На воду, пристани Кекропса на парусахъ и на веслахъ
Онъ достигъ, и уже къ берегамъ причалилъ Пирея.
Только что къ тестю пришелъ, то, правую руку пожавши

---

rasso. *Клеоны*—небольшой городокъ между Коринѳомъ и Аргосомъ. 418 *И Нелеевъ Пилосъ* (см. 12, 549 и 2, 689). *Трезены еще*; этотъ городъ позднѣе былъ завоеванъ Питтеемъ, сыномъ Пелопса (см. 8, 623). 423 *Мопсопійскимъ*—Аѳинскимъ (см 5, 661). 426 *Пандіонъ*—тогдашній Аѳинскій царь, отецъ двухъ дочерей, Прогны и Филомелы. 427 *Градивъ*—прозваніе Марса (см. 14, 819). 438 *Титанъ* (см. 1, 10).

Iungitur, et fausto committitur omine sermo.
Coeperat adventus causam, mandata referre
450 Coniugis, et celeres missae spondere recursus:
Ecce venit magno dives Philomela paratu,
Divitior forma: quales audire solemus
Naidas et Dryadas mediis incedere silvis,
Si modo des illis cultus similesque paratus.
455 Non secus exarsit conspecta virgine Tereus,
Quam siquis canis ignem supponat aristis,
Aut frondem positasque cremet foenilibus herbas.
Digna quidem facies. sed et hunc innata libido
Exstimulat, pronumque genus regionibus illis
460 In Venerem est, flagrat vitio gentisque suoque.
Impetus est illi comitum corrumpere curam
Nutricisque fidem, nec non ingentibus ipsam
Sollicitare datis, totumque impendere regnum:
Aut rapere, et saevo raptam defendere bello:
465 Et nihil est, quod non effreno captus amore
Ausit. nec capiunt inclusas pectora flammas.
Iamque moras male fert, cupidoque revertitur ore
Ad mandata Prognes, et agit sua vota sub illa.
Facundum faciebat amor. quotiesque rogabat
470 Ulterius iusto, Prognen ita velle ferebat.
Addidit et lacrimas, tanquam mandasset et illas.
Pro superi, quantum mortalia pectora caecae
Noctis habent! ipso sceleris molimine Tereus
Creditur esse pius, laudemque a crimine sumit.
475 Quid, quod idem Philomela cupit, patrisque lacertis
Blanda tenens humeros, ut eat visura sororem,
Perque suam contraque suam petit ipsa salutem.
Spectat eam Tereus, praecontrectatque videndo,
Osculaque et collo circumdata brachia cernens
480 Omnia pro stimulis facibusque ciboque furoris
Accipit, et quoties amplectitur illa parentem,

---

453 Н*аяды* — хороводы водящія, низшія земныя божества, прелестныя дѣвы, называвшіяся, смотря по мѣсту пребыванія, горными нимфами — *Ореадами*, лѣсными —

Правою, начали рѣчь они пожеланіемъ счастья.
Сталъ причину пріѣзда и порученье супруги
Онъ объяснять, и возвратъ обѣщать отпущенной вскорѣ;
Вотъ появилась пышна въ нарядѣ большомъ Филомела,
Но пышнѣй красотой, съ какою обычно мы слышимъ,
Выступаютъ въ лѣсахъ Наяды или Дріады,
Еслибъ только придать имъ это богатство одежды.
Точно такъ воспылалъ Терей, увидѣвши дѣву,
Какъ, если бъ кто подложилъ огня подъ зрѣлую ниву,
Или поджогъ листвы иль сѣна запасы въ сараѣ.
Стоитъ того ея ликъ; но также врожденная похоть
Подстрекаетъ его: Въ странѣ той ко службѣ Венеры
Склоненъ народъ; племеннымъ и своимъ онъ пылаетъ порокомъ.
Въ немъ зародился позывъ подкупить провожатыхъ вниманье
И кормилицы честь, и ее соблазнить самое то
Множествомъ всякимъ даровъ, хоть стоило бъ цѣлаго царства.
Или умчать и войной защищать жестокой добычу:
Нѣтъ такого, чего бы, объятъ необузданной страстью,
Онъ не посмѣлъ, и сокрытаго пламени грудь не вмѣщаетъ.
Ждать ужъ несносно ему, устами жадными снова
Прогны твердитъ онъ наказъ и въ немъ свое кроетъ желанье.
Сталъ онъ рѣчистъ отъ любви; и какъ о чемъ умолялъ онъ
Болѣе должнаго, то говорилъ: такъ Прогна велѣла.
Прибавлялъ онъ и слезъ, какъ бы по ея жъ приказанью.
О, вы боги, какіе ночные мраки скрываютъ
Смертныхъ сердца! И Терей стремленіемъ самымъ къ злодѣйству
Кажетъ лишь вѣрность свою и хвалы достигаетъ порокомъ.
Вѣдь Филомела желаетъ того жъ и съ лаской руками
Плечи объемлетъ отца, чтобъ далъ повидаться съ сестрою,
И спасеньемъ своимъ умоляетъ, себѣ же на гибель.
Смотритъ Терей на нее и ее предвкушаетъ очами,
Видъ лобзаній и рукъ, которыя шею объемлютъ,—
Все поощренье ему, все факелъ и пища безумству.
Каждый разъ, какъ она своего отца обнимала,

Дріадами, отдѣльныхъ деревьевъ — *Гомадріадами*, морскими — *Нереидами*, ключей и рѣчекъ — *Наядами*.

Esse parens vellet... neque enim minus impius esset.
Vincitur ambarum genitor prece. Gaudet agitque
Illa patri grates, et successisse duabus
Id putat infelix, quod erit lugubre duabus.
Iam labor exiguus Phoebo restabat, equique
Pulsabant pedibus spatium declivis olympi.
Regales epulae mensis et Bacchus in auro
Ponitur. hinc placido dantur sua corpora somno.
At rex Odrysius quamvis secessit, in illa
Aestuat. et repetens faciem motusque manusque,
Qualia vult fingit, quae nondum vidit. et ignes
Ipse suos nutrit, cura removente soporem.
Lux erat, et generi dextram complexus euntis
Pandion comitem lacrimis commendat obortis:
Hanc ego, care gener, quoniam pia causa coegit,
Et voluere ambae, voluisti tu quoque, Tereu,
Do tibi. perque fidem cognataque pectora supplex,
Per superos oro, patrio ut tuearis amore,
Et mihi sollicitae lenimen dulce senectae
Quamprimum... omnis erit nobis mora longa... remittas.
Tu quoque quam primum... satis est procul esse sororem...
Si pietas ulla est, ad me, Philomela, redito.
Mandabat, pariterque suae dabat oscula natae,
Et lacrimae mites inter mandata cadebant.
Utque fide pignus dextras utriusque poposcit,
Inter seque datas iunxit, natamque nepotemque
Absentes pro se memori rogat ore salutent:
Supremumque vale pleno singultibus ore
Vix dixit, timuitque suae praesagia mentis.
    Ut semel imposita est pictae Philomela carinae,
Admotumque fretum remis, tellusque repulsa:
Vicimus! exclamat, mecum mea vota feruntur!
Exsultatque et vix animo sua gaudia differt

---

487 *Наклонное мѣсто Олимпа*... Олимпъ въ древнѣйшихъ сказаніяхъ обозначалъ Θессалійскую гору, врѣзающуюся вершиною въ небо и служащую мѣстомъ пребыванія боговъ (см. 1, 152), въ настоящемъ же случаѣ подразумѣвается вебесный сводъ, и кони Феба, пробѣжавши болѣе плоское мѣсто, къ концу дня бѣгутъ по на-

Быть онъ желалъ бы отцемъ… хоть былъ нечестивъ бы не меньше.
Просьбой обѣихъ отецъ побѣжденъ. Та рада, являетъ
Благодаренье отцу; и полагаетъ, бѣдняжка,
485 Что удача обѣимъ имъ въ томъ, что на гибель обѣимъ.
Трудъ оставался уже невеликій Фебу, и кони,
Стали ногами топтать отвѣсные склоны Олимпа;
Царскія яства на столъ и Вакхъ въ сосудахъ изъ злата
Ставится; тутъ и тѣла они въ мирный сонъ погружаютъ.
490 Но Одризіевъ царь, хотя удалился, пылаетъ
Все по ней; и въ душѣ лице и движенья и руки,
И чего не видалъ представляетъ какъ хочетъ; и пламя
Самъ питаетъ свое, и сонъ отгоняетъ заботой.
Разсвѣло и, сжимая правую руку у зятя,
495 Пандіонъ ему спутницу, слезы лія, поручаетъ:
„Вотъ ее я, зять дорогой, побуждаемъ любовью,
Какъ захотѣлось обѣимъ, и самъ, Терей, захотѣлъ ты,
Поручаю тебѣ; и честью, родствомъ и богами
Умоляю, блюди ты ее съ отцовской любовью,
500 И заботливой старости сладкую эту отраду,
Какъ возможно скорѣй… мнѣ все будетъ долго… верни ты.
Ты же, какъ можно скорѣй… довольно съ сестрой мнѣ быть розно…
Ежели любишь меня, ко мнѣ возвратись, Филомела.
Такъ наставлялъ, и при этомъ дочь свою цѣловалъ онъ,
505 И среди наставленій катилися тихія слезы,
И залогомъ онъ вѣрности, руки спрося у обоихъ,
Соединилъ, восприявъ, и сталъ просить, чтобъ заочныхъ
Дочь и внука они не забыли словами привѣтствій;
И насилу прости послѣднее молвя устами
510 Полными всхлипываній, испугался своихъ онъ предчувствій.
Какъ была взведена на корабль расписной Филомела,
И ударила въ весла волна и земля побѣжала,
Варваръ воскликнулъ въ душѣ: „Побѣда! Со мной уѣзжаетъ
То, чего я желалъ“; ликуетъ въ душѣ, и восторги

клонному къ морю. 490 *Одризіи* — Ѳракійскій народъ и потому у поэтовъ вмѣсто Ѳракійцевъ.

Barbarus, et nusquam lumen detorquet ab illa.
Non aliter, quam cum pedibus praedator obuncis
Deposuit nido leporem Iovis ales in alto:
Nulla fuga est capto. spectat sua praemia raptor.
Iamque iter effectum, iamque in sua litora fessis
Puppibus exierant. cum rex Pandione natam
In stabula alta trahit silvis obscura vetustis,
Atque ibi pallentem trepidamque et cuncta timentem
Et iam cum lacrimis, ubi sit germana, rogantem
Includit, fassusque nefas et virginem et unam
Vi superat, frustra clamato saepe parente,
Saepe sorore sua, magnis super omnia divis.
Illa tremit, velut agna pavens, quae saucia cani
Ore excussa lupi nondum sibi tuta videtur:
Utque columba suo madefactis sanguine plumis
Horret adhuc, avidosque timet, quibus haeserat, ungues.
Mox ubi mens rediit, passos laniata capillos,
Lugenti similis, caesis plangore lacertis,
Intendens palmas: O diris barbare factis!
O crudelis! ait, nec te mandata parentis
Cum lacrimis movere piis, nec cura sororis,
Nec mea virginitas, nec coniugialia iura?
Omnia turbasti. pellex ego facta sororis.
Tu geminus coniux. hostis mihi debita poena est.
Quin animam hanc, ne quod facinus tibi, perfide, restet,
Eripis? atque utinam fecisses ante nefandos
Concubitus! vacuas habuissem criminis umbras.
Si tamen haec superi cernunt, si numina divum
Sunt aliquid, si non perierunt omnia mecum,
Quandocunque mihi poenas dabis. Ipsa pudore
Proiecto tua facta loquar. Si copia detur,
In populos veniam. si silvis clausa tenebor,
Implebo silvas, et conscia saxa movebo.
Audiat haec aether, et si deus ullus in illo est.

---

521 На зимнее время для скота строились загоны преимущественно изъ нетесанныхъ камней, чтобы оградить скотину отъ ночныхъ нападеній волковъ; тутъ же было и помѣщеніе для пастуховъ и домашней утвари, между прочимъ нашлись (см. ниже

Отлагая едва, очей отъ нея не отводитъ.
Точно также, когда кривыми когтями схвативши,
Зевсовъ пернатый въ гнѣздо на вершинѣ зайца положитъ:
Плѣнному выхода нѣтъ и хищникъ глядитъ на добычу.
Уже оконченъ былъ путь, уже съ кораблей утомленныхъ
Вышли на берегъ родной; царь дочь Пандіона внезапно
Мчитъ въ высокій загонъ во мракѣ стариннаго лѣса,
И ее поблѣднѣвшую, трепетную и въ испугѣ
Со слезами уже вопрошавшую, гдѣ же сестра то,
Запираетъ и, грѣхъ свой открывъ, одинокую дѣву
Силой беретъ, хоть она напрасно отца призываетъ,
Часто также сестру, но больше всѣхъ прочихъ всевышнихъ.
Та дрожитъ какъ овца боязливая, что лишь изъ пасти
Сѣраго волка исторгнута, ранена все не очнется;
Или голубка, у коей въ крови ея собственной перья,
Въ страхѣ еще, и боится когтей, въ которыхъ томилась.
Но лишь вернулся къ ней умъ, волоса она растерзала,
Словно о мертвомъ вопя, и, въ плечи себя ударяя,
Руки простерла, вскричавъ: „О варваръ, по страшнымъ поступкамъ!
О злодѣй! Иль тебя ни отца нетронули просьбы
Со слезами любовными, ни о сестрѣ помышленья,
Также ни дѣвство мое, ни твои супружнія клятвы?
Все извратилъ ты; и я предъ сестрою наложницей стала,
Ты же супругомъ двойнымъ; какъ врагъ я кары достойна.
Что жь эту душу, злодѣй, вдобавокъ къ тому злодѣянью
Не исторгнешь? О еслибъ ты сдѣлалъ такъ до проступка
Любодѣянья! Была бъ я тогда неповинною тѣнью.
Но если видятъ всевышніе это, и божія сила
Что нибудь значитъ еще, и со мною все не погибло,
Ты когда нибудь мною наказанъ будешь. Откинувъ
Самый стыдъ, разскажу, что ты сдѣлалъ. Если возможно,
Выйду къ народу сама; а буду въ лѣсахъ запертою,
Воплемъ наполню лѣса и трону въ свидѣтели камни.
Небо пусть слышитъ меня и богъ, если есть онъ на небѣ“.

---

556) клещи; поэтому неудивительно, что въ такомъ крѣпкомъ помѣщеніи Филомела могла провести цѣлый годъ.

Talibus ira feri postquam commota tyranni,
550 Nec minor hac metus est, causa stimulatus utraque,
Quo fuit accinctus, vagina liberat ensem,
Arreptamque coma flexis post terga lacertis
Vincla pati cogit. Iugulum Philomela parabat,
Spemque suae mortis viso conceperat ense.
555 Ille indignantem et nomen patris usque vocantem
Luctantemque loqui compressam forcipe linguam
Abstulit ense fero. Radix micat ultima linguae,
Ipsa iacet, terraeque tremens immurmurat atrae.
Utque salire solet mutilatae cauda colubrae,
560 Palpitat, et moriens dominae vestigia quaerit.
Hoc quoque post facinus... vix ausim credere... fertur
Saepe sua lacerum repetisse libidine corpus.
Sustinet ad Prognen post talia facta reverti,
Coniuge quae viso germanam quaerit. at ille
565 Dat gemitus fictos, commentaque funera narrat.
Et lacrimae fecere fidem. Velamina Progne
Diripit ex humeris auro fulgentia lato,
Induiturque atras vestes, et inane sepulchrum
Constituit, falsisque piacula manibus infert,
570 Et luget non sic lugendae fata sororis.
Signa deus bis sex acto lustraverat anno.
Quid faciat Philomela? fugam custodia claudit:
Structa rigent solido stabulorum moenia saxo:
Os mutum facti caret indice. Grande doloris
575 Ingenium est, miserisque venit sollertia rebus.
Stamina barbarica suspendit callida tela,
Purpureasque notas filis intexuit albis,
Indicium sceleris, perfectaque tradidit uni,
Utque ferat dominae, gestu rogat illa. Rogata
580 Pertulit ad Prognen, nec scit, quid tradat in illis.
Evolvit vestes saevi matrona tyranni,
Germanaeque suae carmen miserabile legit,
Et... mirum potuisse... silet. Dolor ora repressit,

---

570 Не такъ какъ бы должно, не въ надлежащемъ смыслѣ.

Какъ у тирана жестокаго гнѣвъ этой рѣчью былъ поднятъ,
Да не меньше и страхъ, подстрекаемъ двойною причиной,
Мечъ изъ ноженъ онъ извлекъ, которымъ былъ опоясанъ,
И, схвативъ ее за косы, за спину руки завелъ ей
И насильно сковалъ. Филомела подставила горло,
И, завидѣвши мечъ, надежду на смерть возымѣла.
У негодующей и отца выкликающей имя,
Все говорить продолжавшій языкъ, ухвативши клещами,
Онъ отрѣзалъ мечемъ. Мелькнулъ оставшійся корень,
Самъ же языкъ на землѣ лежитъ, дрожитъ и бормочетъ.
Такъ обычно трепещетъ хвостъ у змѣи, что разрубятъ,
И, замирая, все ищетъ слѣдовъ владѣлицы прежней.
Послѣ такого злодѣйства... едва дерзаю я вѣрить...
Похоти много онъ разъ предавался надъ тѣломъ увѣчнымъ.
Послѣ подобныхъ онъ дѣлъ дерзаетъ къ Прогнѣ вернуться;
Та лишь мужа завидѣла, про сестру вопрошаетъ;
Онъ, притворно вздыхая, придумалъ разсказы о смерти.
Слезы внушили довѣріе. Съ тѣла Прогна срываетъ
Одѣянье, широко обшитое золотомъ яркимъ,
И облекается въ черное, и пустую гробницу
Сооруди, ублажаетъ подложныя маны дарами,
И о судьбинѣ сестры горюетъ не такъ какъ бы должно.
Богъ двѣнадцать ужь знаковъ прошелъ въ движеніи года.
Что Филомелѣ начать? Побѣгу препятствуетъ стража;
Стѣны загона стоятъ изъ крѣпкаго сложены камня;
Дѣло повѣдать уста нѣмыя не могутъ. Великій
Умъ у бѣды, и въ несчастныхъ дѣлахъ является сметка.
На чужеземный станокъ хитро натянувши основу,
Въ бѣлыя нити она пурпурные знаки воткала,
О злодѣйствѣ разсказъ, и затѣмъ одному поручила,
Чтобъ онъ отнесъ къ госпожѣ, прося его знаками; къ Прогнѣ
Тотъ, что просили, отнесъ, не зная, что тутъ онъ вручаетъ.
Развернула покровы злодѣя тирана супруга
И своей въ нихъ сестры прочла несчастную повѣсть,
И подивись ты... смогла умолчать. Уста ей смыкаетъ

Verbaque quaerenti satis indignantia linguae
Defuerunt. nec flere vacat, sed fasque nefasque
Confusura ruit, poenaeque in imagine tota est.
 Tempus erat, quo sacra solent trieterica Bacchi
Sithoniae celebrare nurus. Nox conscia sacris.
Nocte sonat Rhodope tinnitibus aeris acuti:
Nocte sua est egressa domo regina, deique
Ritibus instruitur, furialiaque accipit arma:
Vite caput tegitur, lateri cervina sinistro
Vellera dependent, humero levis incubat hasta.
Concita per silvas turba comitante suarum
Terribilis Progne, furiisque agitata doloris,
Bacche, tuas simulat. Venit ad stabula avia tandem,
Exululatque, Euhoeque sonat, portasque refringit
Germanamque rapit, raptaeque insignia Bacchi
Induit, et vultus hederarum frondibus abdit,
Attonitamque trahens intra sua moenia ducit.
 Ut sensit tetigisse domum Philomela nefandam,
Horruit infelix, totoque expalluit ore.
Nacta locum Progne sacrorum pignora demit,
Oraque develat miserae pudibunda sororis,
Amplexumque petit. Sed non attollere contra
Sustinet haec oculos, pellex sibi visa sororis:
Deiectoque in humum vultu iurare volenti,
Testarique deos, per vim sibi dedecus illud
Illatum, pro voce manus fuit. Ardet, et iram
Non capit ipsa suam Progne. fletumque sororis
Corripiens: Non est lacrimis hoc, inquit, agendum,
Sed ferro, sed siquid habes, quod vincere ferrum
Possit. in omne nefas ego me, germana, paravi.
Aut ego cum facibus regalia tecta cremabo
Artificem et mediis immittam Terea flammis:
Aut linguam, aut oculos, et quae tibi membra pudorem
Abstulerunt, ferro rapiam. aut per vulnera mille

---

587 *Ситонскія жены*— Ѳракійскія совершали трехгодичное торжество Вакха во всей сѣверной Греціи особенно въ Беотіи (см. 3, 518) различное отъ Аѳинскаго праздника Діонисія (см. 4, 25). 589 (См. выше 87). 591 *Орудія* Вакхическихъ *неистовствъ*

Скорбь, и языкъ, чтобъ достаточно негодованье сказалось,
Словъ не находитъ, и плакать нѣтъ силъ, но правду и кривду
Чтобы смѣшать, вся она устремляется къ мысли о карѣ.
Время настало, когда совершали Ситонскія жены
Трехгодичныя празднества Вакха. Ночь вѣдала тайны.
Ночью Родопъ загудѣлъ бряцаньемъ пронзительной мѣди;
Ночью изъ дома вышла царица, и все по обряду
Бога устроивъ, взяла и орудья неистовствъ съ собою:
Голову скрыла лозой, оленья кожа повисла
Съ лѣваго бока; легко на плечѣ покоился дротикъ.
Мчится съ толпою своихъ по лѣсамъ ужасная Прогна,
И похожа она, свирѣпостью скорби томима,
Вакхъ, на прислужницъ твоихъ. Дошла до пустыннаго стойла
И вопитъ и эвое кричитъ и ломится въ двери;
Вырываетъ сестру и, вырвавъ, ее облекаетъ
Въ признаки Вакха и ей лицо закрываетъ плющами,
И пораженную всѣмъ увлекаетъ въ свой домъ за собою.
Какъ Филомела признала, что въ домъ проклятый вступила,
Содрогнулась несчастная и въ лицѣ поблѣднѣла.
Мѣста достигнувши, Прогна слагаетъ священные знаки,
И застыдившійся ликъ у несчастной сестры раскрываетъ,
Хочетъ ее и обнять. Но та не дерзаетъ на встрѣчу
Вскинуть очей и себя разлучницей сестриной ставитъ.
И, когда она взоры склоня, хотѣла поклясться,
Ставя боговъ во свидѣтели, что причиненъ ей позоръ былъ
Силой, то руки замѣною были ей словъ. Воспылала
Прогна и гнѣвомъ владѣть не смогла и, сестру за рыданья
Упрекая, вскричала: „Тутъ дѣйствовать долгъ не слезами,
А желѣзомъ, иль чѣмъ, коли есть у тебя, что сильнѣе
Даже желѣза; на всякую злобу, сестра, я готова.
Или я факелами подожгу царевы палаты,
И Тирея притворщика въ самое пламя повергну,
Или языкъ, иль глаза, или что тебѣ причинило
Стыдъ, желѣзомъ отторгну, иль тысячью ранъ изгоню я

поименованы въ слѣдующихъ стихахъ (сличи 4, 6). 596 *На прислужницъ твоихъ...* (см. 4, 25). 597 *Эвое* (см. 4, 11).

Sontem animam expellam. Magnum est quodcunque paravi:
Quid sit, adhuc dubito. Peragit dum talia Progne,
Ad matrem veniebat Itys. Quid possit, ab illo
Admonita est. oculisque tuens immitibus: Ah, quam
Es similis patri! dixit. Nec plura locuta
Triste parat facinus, tacitaque exaestuat ira.
Ut tamen accessit natus, matrique salutem
Attulit, et parvis adduxit colla lacertis,
Mixtaque blanditiis puerilibus oscula iunxit,
Mota quidem est genitrix, infractaque constitit ira:
Invitique oculi lacrimis maduere coactis.
Sed simul ex nimia mentem pietate labare
Sensit, ab hoc iterum est ad vultus versa sororis:
Inque vicem spectans ambos: Cur admovet, inquit,
Alter blanditias, rapta silet altera lingua?
Quam vocat hic matrem, cur non vocat illa sororem?
Cui sis nupta, vide, Pandione nata, marito.
Degeneras. scelus est pietas in coniuge Tereo.
Nec mora. traxit Ityn, veluti Gangetica cervae
Lactentem foetum per silvas tigris opacas.
Utque domus altae partem tenuere remotam,
Tendentemque manus et iam sua fata videntem
Et: Mater, mater! clamantem et colla petentem
Ense ferit Progne, lateri qua pectus adhaeret,
Nec vultum vertit. Satis illi ad fata vel unum
Vulnus erat. iugulum ferro Philomela resolvit.
Vivaque adhuc animaeque aliquid retinentia membra
Dilaniant. Pars inde cavis exultat aenis,
Pars verubus stridet. manant penetralia tabo.
His adhibet coniux ignarum Terea mensis,
Et patrii moris sacrum mentita, quod uni
Fas sit adire viro, comites famulosque removit.
Ipse sedens solio Tereus sublimis avito
Vescitur inque suam sua viscera congerit alvum.
Tantaque nox animi est: Ityn huc arcessite, dixit.

Злобную душу его. Ужасное я замышляю:
Что, я не знаю еще“. Пока говорила такъ Прогна,
Къ матери Итисъ пришелъ. Что можно бъ, она догадалась,
Видя его; и, вперивши въ него свирѣпыя очи:
„О, воскликнула, какъ на отца онъ похожъ!“ И ни слова
Не сказавъ, замышляетъ злодѣйство и гнѣвомъ пылаетъ.
Но какъ сынъ подошелъ и матери отдалъ привѣтъ свой,
Да ручонками малыми сталъ тянуть къ себѣ шею,
И къ ребяческимъ ласкамъ еще прибавилъ лобзанья,
Всетаки тронулась мать, и прерванный гнѣвъ въ ней замолкнулъ.
Стали невольно глаза отъ слезъ проступающихъ влажны.
Но какъ только она отъ любви колебанье разсудка
Чувствовать стала, съ него на сестру она оглянулась;
И смотря въ перемежку на нихъ, воскликнула: „что же
Тотъ ласкаться идетъ; а эта молчитъ безъязычна?
Ту, что онъ матерью звалъ, зачѣмъ не зоветъ та сестрою?
Пандіонова дочь, посмотри за кѣмъ ты въ замужствѣ.
Родъ свой срамишь; состраданье позоръ въ супругѣ Терея“.
Тотчасъ Итиса мчитъ она, какъ тигрица у Ганга
Тащитъ по темнымъ лѣсамъ молодаго у лани подсоска.
Только что въ домѣ онѣ отдаленныхъ покоевъ достигли,
Простиравшаго руки и свой угадавшаго жребій
И вопившаго: мать моя, мать! стремясь къ ней на шею,
Прогна пронзаетъ мечемъ, гдѣ грудь прикасается къ боку.
Не отвернула и глазъ. Его бы покончить хватило
Раны одной; перерѣзала горло мечемъ Филомела.
Все живые и часть хоть души сохранившіе члены
Разсѣкаютъ онѣ. Часть въ емкомъ котлѣ шевелилась,
Часть шипѣла на вертелѣ; въ горницѣ кровь разливалась.
Къ этой трапезѣ зоветъ она чуждаго дѣлу Терея,
И солгавшись на жертву въ отеческихъ нравахъ, гдѣ только
Можетъ присутствовать мужъ, приближенныхъ и слугъ высылаетъ.
Самъ Терей, возсѣдая высоко на отчемъ престолѣ,
Ѣстъ, и въ желудокъ къ себѣ забираетъ свою же утробу.
Такъ онъ слѣпъ, что сказалъ: „Вы Итиса мнѣ позовите“.

Dissimulare nequit crudelia gaudia Progne:
Iamque suae cupiens existere nuntia cladis:
Intus habes, quem poscis, ait. Circumspicit ille,
Atque ubi sit, quaerit. Quaerenti iterumque vocanti,
Sicut erat sparsis furiali caede capillis,
Prosiluit, Ityosque caput Philomela cruentum
Misit in ora patris. nec tempore maluit ullo
Posse loqui et meritis testari gaudia dictis.
Thracius ingenti mensas clamore repellit,
Vipereasque ciet Stygia de valle sorores:
Et modo, si posset, reserato pectore diras
Egerere inde dapes emmersaque viscera gestit:
Flet modo, seque vocat bustum miserabile nati:
Nunc sequitur nudo genitas Pandione ferro.
Corpora Cecropidum pennis pendere putares:
Pendebant pennis. Quarum petit altera silvas:
Altera tecta subit, neque adhuc de pectore caedis
Excessere notae, signataque sanguine pluma est.
Ille dolore suo poenaeque cupidine velox
Vertitur in volucrem, cui stant in vertice cristae,
Prominet immodicum pro longa cuspide rostrum.
Nomen Epops volucri. facies armata videtur.
Hic dolor ante diem longaeque extrema senectae
Tempora Tartareas Pandiona misit ad umbras.

ZETES ET CALAIS.

Sceptra loci rerumque capit moderamen Erechtheus,
Iustitia dubium, validisne potentior armis.
Quattuor ille quidem iuvenes totidemque crearat
Femineae sortis. sed erat par forma duarum,
E quibus Aeolides Cephalus te coniuge felix,

---

661 *Столъ отъ себя толкаетъ* (см. 5, 40). 662 *Змѣеносныхъ сестеръ* (см. 4, 451). *Стигійской долины*—подземное царство (см. 1, ст. 139). 667 *Кекропидъ* (см. 1, 669 и 2, 555). 668 *Филомела*, превратившись въ соловья, полетѣла въ лѣсъ, а *Прокна*, превращенная въ ласточку, подъ кровли домовъ. Прелестно пользуется поэтъ крас-

Скрыть не силахъ уже жестокой радости Прогна,
И своего же несчастья желая быть вѣстницей первой:
655 „Тотъ, кого просишь, въ тебѣ“ говоритъ. Тотъ, вкругъ озираясь,
Вопрошаетъ, гдѣ жь онъ. Съ вопросомъ зовущему снова,
Какъ растрепавъ волоса, была при ужасномъ убійствѣ,
Ворвалась и кровавую голову Итиса прямо
Филомела въ лице отцу швырнула; ни разу
660 Такъ не хотѣлося ей говорить и высказать радость.
Съ воплемъ ужаса столъ отъ себя толкаетъ Ѳракіецъ
И змѣеносныхъ сестеръ зоветъ изъ Стигійской долины;
И, лишь было бъ возможно, изъ груди разверзтой извергнуть
Силится страшную пищу, туда опущенные члены;
665 Плачетъ затѣмъ и зоветъ себя гробомъ несчастнѣйшимъ сына.
Тутъ стремится съ мечемъ на голо онъ на чадъ Пандіона.
Но тѣла Кекропидъ казалось парили на крыльяхъ;
Да и парили на крыльяхъ; одна такъ въ лѣсъ полетѣла,
А другая подъ кровлю; досель примѣта убійства
670 Съ груди у ней не сошла, и кровью отмѣчены перья.
Тотъ своею тоской окрыленъ и жаждою мщенья
Обращается въ птицу съ хохломъ на макушкѣ стоящимъ
И съ непомѣрно протянутымъ клювомъ какъ длинная пика.
Птицу Удодомъ зовутъ, въ оружіи точно онъ съ виду.
675 Эта печаль преждевременно, и далеко до срока
Крайней старости въ Тартаръ свела къ тѣнямъ Пандіона.

ЦЭТЪ И КАЛАЙ.

Скипетръ страны Эрехтей стяжалъ съ управленьемъ дѣлами
Правымъ ли точно судомъ, иль болѣе силой оружья.
Всѣжъ четырехъ породилъ онъ юношей, да и не меньше
680 Женскаго пола, но двѣ красотой только были подобны,
Изъ которыхъ Кефалъ Эолитъ тобой былъ, Прокрида

ными перьями надъ бѣлою грудью ласточки. У другихъ поэтовъ обратно Прокна превращена въ соловья, а Филомела въ ласточку. 677 *Страны*—Аѳинъ. 681 Цефалъ—былъ сынъ Діона, царя Фокейскаго, одного изъ сыновей Эола. Судьба Прокриды описана въ кн. 7, начиная съ ст. 690.

Procri, fuit: Boreae Tereus Thracesque nocebant:
Dilectaque diu caruit deus Orithyia,
Dum rogat et precibus mavult, quam viribus, uti.
685 Ast ubi blanditiis agitur nihil, horridus ira,
Quae solita est illi nimiumque domestica vento:
Et merito, dixit. quid enim mea tela reliqui,
Saevitiam et vires iramque animosque minaces,
Admovique preces, quarum me dedecet usus?
690 Apta mihi vis est. hac tristia nubila pello:
Hac freta concutio, nodosaque robora verto,
Induroque nives, et terras grandine pulso.
Idem ego cum fratres coelo sum nactus aperto...
Nam mihi campus is est... tanto molimine luctor,
695 Ut medius nostris concursibus insonet aether,
Exsiliantque cavis elisi nubibus ignes.
Idem ego cum subii convexa foramina terrae,
Supposuique ferox imis mea terga cavernis,
Sollicito manes totumque tremoribus orbem.
700 Hac ope debueram thalamos petiisse. socerque
Non orandus erat mihi, sed faciendus Erechtheus.
Haec Boreas aut his non inferiora locutus
Excussit pennas. quarum iactatibus omnis
Afflata est tellus, latumque perhorruit aequor.
705 Pulvereamque trahens per summa cacumina pallam
Verrit humum, pavidamque metu caligine tectus
Orithyian amans fulvis amplectitur alis.
Dum volat, arserunt agitati fortius ignes.
Nec prius aerii cursus suppressit habenas,
710 Quam Ciconum tenuit populos et moenia raptor.
Illic et gelidi coniux Actaea tyranni
Et genitrix facta est, partus enixa gemellos,
Cetera qui matris, pennas genitoris haberent.
Non tamen has una memorant cum corpore natas:

---

682 *Борею*—сѣверному вѣтру, сыну Эола, въ его ухаживаніяхъ за Оритіей мѣшали воспоминанія о преступленіи Терея и его Ѳракійскихъ помощниковъ, которыхъ онъ, самъ живя въ пещерѣ горнаго хребта Гема въ области Циконовъ (см.

Счастливъ въ бракѣ: Борею Терей и Ѳракійцы мѣшали.
Долго богъ дожидался вотще Оритіи избранной,
Такъ какъ молилъ и хотѣлъ лучше дѣйствовать просьбой чѣмъ силой,
685 Но какъ ласками онъ ничего не достигъ, то въ гнѣвѣ
Страшномъ, какой черезъ чуръ въ обычаѣ этого вѣтра:
„И подѣломъ мнѣ“, сказалъ; зачѣмъ я оружіе бросилъ,
Ярость и силу и гнѣвъ и вѣянье грознаго духа,
И пустился на просьбы, которыя мнѣ неприличны?
690 Сила свойственна мнѣ; гоню ею мрачныя тучи,
Ею вздымаю моря, дубы узловатые рушу,
Въ ледъ превращаю снѣга и градъ низвергаю на землю.
Также когда въ небесахъ открытыхъ застигну я братьевъ...
Тутъ то вѣдь поле мое... съ такимъ я сражаюсь усильемъ,
695 Что отъ схватокъ подобныхъ межъ нами эфиръ завываетъ,
И изъ наполненныхъ тучъ огни исторгаясь сверкаютъ.
Также, когда я войду въ пустыя ущелья подъ землю
И подъ пещеры на днѣ подложу въ раздраженіи спину,
Манъ я тревожу покой и кругъ весь земной сотрясаю.
700 Вотъ какъ брака искать бы я долженъ, и сдѣлаться тестемъ
Нечего было просить Эрехтея, а надо бъ заставить“.
Это сказавши Борей, иль рѣчи ничуть не слабѣе,
Крылья раскинулъ свои; отъ ихъ размаховъ на землю
Дунуло всю, и кругомъ широко всколыхалося море.
705 Пыльную ризу свою волоча по горнымъ вершинамъ,
Землю мететъ, и полную страха, во мглѣ укрываясь,
Оритію съ любовью онъ рыжими обнялъ крылами.
При полетѣ сильнѣй загорались огни отъ движенья.
Возжи не ранѣе онъ сдержалъ воздушнаго бѣга,
710 Чѣмъ похититель достигъ городовъ и народа Циконовъ.
Тутъ Актеянка стала владыки морозовъ супругой,
Матерью стала она, и двухъ близнецовъ породила,
Съ матерью сходныхъ въ иномъ, но лишь какъ родитель съ крылами.
Но говорятъ, что такія не съ тѣломъ вмѣстѣ родились:

ниже 710), считалъ своими земляками. 710 *Циконы* или *Циконцы*—Ѳракійскій народъ близь устьевъ Гебра.

715 Barbaque dum rutilis aberat subnixa capillis,
Implumes Calaisque puer Zetesque fuerunt.
Mox pariter pennae ritu coepere volucrum
Cingere utrumque latus, pariter flavescere malae.
Ergo ubi concessit tempus puerile iuventae,
720 Vellera cum Minyis nitido radiantia villo
Per mare non notum prima petiere carina.

---

720 Минійцами названы Аргонавты по имени Θессалійскагó царя Минія (см. 4, 1).

715 И пока къ волосамъ рыжеватымъ бородъ не хватало,
Мальчики Цэтъ и Калай еще безкрылыми были.
Скоро по образу птицъ имъ оба бока покрыли
Перья, и также пушкомъ рыжеватымъ одѣлися щеки.
Такъ, лишь юношеству уступилъ ребяческій возрастъ,
720 Ярко блестящаго шерстью руна съ Минійцами вмѣстѣ
На кораблѣ они первомъ искать черезъ море пустились.

LIBER SEPTIMUS.

INDEX.

1. Iason et Medea.
2. Aeson.
3. Liberi nutrices.
4. Pelias.
5. Medeae fuga.
6. Theseus.
7. Minos.
8. Pestilentia. Myrmidones.
9. Cephalus et Procris.

IASON ET MEDEA.

Iamque fretum Minyae Pagasaea puppe secabant:
Perpetuaque trahens inopem sub nocte senectam
Phineus visus erat, iuvenesque Aquilone creati
Virgineas volucres miseri senis ore fugarant:
5 Multaque perpessi claro sub Iasone tandem

---

1 *Уже Пагазскимъ килемъ...* Знаменитый въ Греческой древности походъ Аргонавтовъ служилъ какъ бы вступленіемъ къ ряду взаимной борьбы между юговосточной Европой и западной Азіей. Сказаніе говоритъ: *Фриксъ* и *Гелла*—дѣти отъ перваго брака Атаманта (см. 3, 564 и 4, 420) съ Нефелою, бѣжали отъ преслѣдованій своей мачихи Ино по морю на золоторунномъ баранѣ (см. 6, 116), при чемъ однако нельзя упустить изъ вида, что упоминаемый въ этомъ мѣстѣ баранъ порожденъ не Нефелой, а Бизальтидой, Теофаной, хотя мы нигдѣ не нашли, чтобы эти два лица были одно и то же. При переѣздѣ по морю въ Колхиду Гелла упала въ море, которому сообщила названіе моря Геллы *Геллеспонта*; братъ же ея благополучно прибылъ въ Колхиду и былъ радушно принятъ тамошнимъ царемъ Ээтомъ. Фриксъ принесъ барана въ жертву Марсу, а по другимъ Юпитеру, и повѣсилъ его руно въ рощѣ Марса, какъ приношеніе. По изреченію оракула жизнь и царство царя Ээта зависѣли отъ обладанія этимъ руномъ, и потому царь тщательно его оберегалъ; тѣмъ временемъ *Пелій*, Ѳессалійскій владыка Іолка, свергнувшій старшаго брата своего Эзона

КНИГА СЕДЬМАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ

1. Язонъ и Медея. . . . . Ст. 1—158
2. Эзонъ. . . . . „ 159—293
3. Кормилицы Либера . . . . „ 294—296
4. Пелій. . . . . „ 297—349
5. Бѣгство Медеи. . . . . „ 350—397
6. Тезей. . . . . „ 398—452
7. Миносъ . . . . „ 453—522
8. Чума. Мирмидоны . . . . „ 523—660
9. Цефалъ и Прокрида. . . . . . . „ 661—865

ЯЗОНЪ И МЕДЕЯ.

Уже Пагазскимъ килемъ взрѣзали море Минійцы:
И безотрадную старость влачащій подъ вѣчною ночью
Былъ Финей посѣщенъ, и тутъ сыновья Аквилона
Птицъ дѣвицъ отъ лица убогаго старца прогнали.
И, натерпѣвшись довольно, ведомые славнымъ Язономъ,

съ престола, и боясь мести сына послѣдняго Язона, приказалъ послѣднему добыть золотое руно изъ Колхиды, въ надеждѣ, что онъ погибнетъ въ этомъ походѣ. Язонъ съ радостію согласился, и въ *Пагазѣ*, приморскомъ городѣ у подножія Пеліона, выстроилъ первый корабль *Арго*. Знаменитѣйшіе герои присоединились къ походу: болѣе 50 человѣкъ. Наибольшее участіе приняли ближайшіе жители, происходившіе отъ знаменитаго дома Миніевъ (см. 4, 1); ибо и мать Язона была сама внучка Минія, такъ что это прозваніе перешло на всѣхъ Аргонавтовъ. 3 Когда Аргонавты пристали къ Ѳракійскому берегу, то посѣтили предсказателя Финея, чтобы узнать о будущемъ своего предпріятія. Финей—царь Салмидесса, зять Борея: слѣдовательно Калай и Цетъ были его шурьями. За сообщеніе людямъ божескихъ опредѣленій, онъ былъ ослѣпленъ богами. Кромѣ того его мучали Гарпіи, баснословныя и зловонныя птицы. Шурья избавили слѣпца, прогнавши чудовищныхъ птицъ на Строфадскіе острова (см. 13, 9). *Аквилонъ*—латинское названіе сѣвернаго вѣтра Борея.

Contigerant rapidas limosi Phasidos undas.
Dumque adeunt regem, Phrixeaque vellera poscunt,
Lexque datur Minyis magnorum horrenda laborum,
Concipit interea validos Aeetias ignes:
Et luctata diu, postquam ratione furorem
Vincere non poterat: Frustra, Medea, repugnas;
Nescio quis deus obstat, ait, mirumque, nisi hoc est
Aut aliquid certe simile huic, quod amare vocatur.
Nam cur iussa patris nimium mihi dura videntur?
Sunt quoque dura nimis. Cur, quem modo denique vidi,
Ne pereat, timeo? quae tanti causa timoris?
Excute virgineo conceptas pectore flammas,
Si potes, infelix. Si possem, sanior essem.
Sed trahit invitam nova vis. aliudque cupido,
Mens aliud suadet. Video meliora, proboque:
Deteriora sequor. Quid in hospite, regia virgo,
Ureris, et thalamos alieni concipis orbis?
Haec quoque terra potest, quod ames, dare. Vivat, an ille
Occidat, in dis est. Vivat tamen. idque precari
Vel sine amore licet. Quid enim commisit Iason?
Quem, nisi crudelem, non tangat Iasonis aetas
Et genus et virtus? quem non, ut cetera desint,
Forma movere potest? certe mea pectora movit.
At nisi opem tulero, taurorum afflabitur igne,
Concurretque suae segeti, tellure creatis
Hostibus, aut avido dabitur fera praeda draconi.
Hoc ego si patiar, tum me de tigride natam,
Tum ferrum et scopulos gestare in corde fatebor.
Cur non et specto pereuntem oculosque videndo
Conscelero? cur non tauros exhortor in illum,
Terrigenasque feros, insopitumque draconem?
Di meliora velint. Quamquam non ista precanda,
Sed facienda mihi. Prodamne ego regna parentis,
Atque ope nescio quis servabitur advena nostra,
Ut per me sospes sine me det lintea ventis,

---

6 *Фазисъ*—рѣка Ріонъ въ Колхидѣ, впадающая въ Черное море. 9. *Дочь Ээта*—

Иловатаго Фазиса волнъ они быстрыхъ достигли.
Какъ ко владыкѣ пришли, просили Фриксова руна,
И Минійцамъ былъ данъ отвѣтъ о страшныхъ работахъ,
Сильнымъ огнемъ между тѣмъ Ээтова дочь воспылала;
Послѣ же долгой борьбы, когда изступленья разсудкомъ
Не могла побѣдить: „Напрасно, Медея, ты бьешься,
Молвила, богъ тутъ какой то мѣшаетъ, и было бы странно,
Если не то тутъ иль сходное съ тѣмъ, что любить называютъ.
Чтожь бы въ приказахъ отца мнѣ лишнюю видѣть суровость?
Да и суровы они. Чего жь, кого видѣла мелькомъ,
Чтобъ не погибъ онъ, боюсь? Въ чемъ этой боязни причина?
Ежели можешь, бѣдняжка, исторгни изъ дѣвственной груди
Жаркое пламя. Когда бъ я могла, была бы умнѣе.
Но поневолѣ влечетъ меня новая сила; внушаетъ
Страсть мнѣ одно, а другое мой умъ. Вижу лучше, знаю,
А за худшимъ иду. Мнѣ ль царственной дѣвѣ къ пришельцу
Такъ воспылать и мечтать о бракѣ въ странѣ отдаленной?
Можетъ и эта земля дать то, что полюбишь. Власть божья,
Жить ли ему или пасть. Но пусть онъ живетъ. Вѣдь молиться
Можно о томъ безъ любви. Ну чѣмъ же Язонъ провинился?
Кто, если онъ не жестокъ, не тронется вѣкомъ Язона,
Доблестью, родомъ его? Кого, хоть не будь остальнаго,
Въ немъ не затронетъ краса? Конечно, мнѣ сердце онъ тронулъ.
Если жь не выручу я, быковъ онъ огнемъ опалится,
Биться придется ему съ посѣвомъ своимъ, со врагами,
Что поднялись изъ земли, иль станетъ онъ жертвой дракона.
Если я это стерплю, признаюсь, что отъ тигрицы
Я рождена и въ сердцѣ ношу и желѣзо и скалы.
Что же на гибель его не гляжу, и очей созерцаньемъ
Зла не скверню? почему жь на него быковъ не травлю я,
Злаго отродья земли и безсоннаго вѣчно дракона?
Боги меня да спасутъ. Однако же тутъ не молиться,
А подвизаться мой долгъ. Предамъ ли отцовское царство,
И какой то пришелецъ моею подмогой спасется,
Чтобъ чрезъ меня уцѣлѣвъ, безъ меня паруса распустивши,

Колхійскаго царя—Медея (см. выше 1).

Virque sit alterius, poenae Medea relinquar?
Si facere hoc, aliamve potest praeponere nobis,
Occidat ingratus. Sed non is vultus in illo,
Non ea nobilitas animo est, ea gratia formae,
Ut timeam fraudem meritique oblivia nostri.
Et dabit ante fidem. cogamque in foedera testes
Esse deos. Quid tuta times? Accingere, et omnem
Pelle moram. Tibi se semper debebit Iason,
Te face sollemni iunget sibi. perque Pelasgas
Servatrix urbes matrum celebrabere turba.
Ergo ego germanam fratremque patremque deosque
Et natale solum, ventis ablata, relinquam?
Nempe pater saevus, nempe est mea barbara tellus,
Frater adhuc infans. stant mecum vota sororis:
Maximus intra me deus est. Non magna relinquam,
Magna sequar, titulum servatae pubis Achivae,
Notitiamque loci melioris, et oppida, quorum
Hic quoque fama viget, cultusque artesque virorum:
Quemque ego cum rebus, quas totus possidet orbis,
Aesoniden mutasse velim. quo coniuge felix
Et dis cara ferar, et vertice sidera tangam.
Quid, quod nescio qui mediis concurrere in undis
Dicuntur montes, ratibusque inimica Charybdis
Nunc sorbere fretum, nunc reddere, cinctaque saevis
Scylla rapax canibus Siculo latrare profundo?
Nempe tenens quod amo, gremioque in Iasonis haerens
Per freta longa ferar. Nihil illum amplexa timebo:
Aut, siquid metuam, metuam de coniuge solo.
Coniugiumne vocas, speciosaque nomina culpae
Imponis, Medea, tuae? quin aspice, quantum
Aggrediare nefas, et dum licet, effuge crimen.
Dixit. et ante oculos rectum pietasque pudorque
Constiterant, et victa dabat iam terga Cupido.

---

49 *Пелазги* — древнѣйшіе обитатели Греціи. 63 *Горы какія то* — *Ціанскіе острова* двѣ скалы у самаго входа въ Босфоръ; по преданію, какъ скоро между ними попадалъ какой либо предметъ, онѣ сдвигались другъ съ другомъ и его сокрушали, поэтому назывались *Симплегадами* сдвигающимися. Аргонавты счастливо про-

Мужемъ сталъ онъ другой, а на казнь я, Медея, осталась?
Ежели такъ поступить, предпочтя мнѣ другую, онъ можетъ,
Неблагодарный пусть гибнетъ. Но не таковъ онъ по виду,
Не таково въ немъ души благородство, не той красоты онъ,
Чтобъ я обмана могла и забвенья услуги бояться.
Дастъ онъ и клятву сперва; въ свидѣтели вызову клятвы
Самыхъ боговъ. Такъ чего жь ты боишься? Мужайся и всю ты
Медленность сбрось! За себя вѣкъ будетъ Язонъ тебѣ долженъ,
Факеломъ брачнымъ тебя онъ свяжетъ съ собой; у Пелазговъ
Будешь спасительницей въ кругу матерей прославляться.
Стало быть тутъ и сестру, и брата, отца и боговъ я
И родную страну, уносимая вѣтромъ, покину?
Правда, отецъ мой суровъ и груба моя родина очень,
Братъ мой ребенокъ еще, сестра же въ согласьи со мною:
Мощный въ груди моей богъ. Не великое я оставляю,
Но къ большому иду, къ прозванію спасшей Ахейцовъ,
Къ знанію лучшей страны съ городами, о коихъ сіяетъ
Слава даже и здѣсь наукой мужей и искусствомъ;
И къ Эзониду затѣмъ, котораго я не смѣняю
На всѣ блага земли; его я блаженной супругой
Буду, любезна богамъ и челомъ до звѣздъ вознесуся.
Что же, пусть говорятъ, что сшибаются между волнами
Горы какія то тамъ, что судамъ роковая Харибда
То поглощаетъ волну, то вновь изрыгаетъ, и, злыми
Псами охвачена, лаетъ въ пучинѣ Сициліи Сцилла?
Все же объявъ, что люблю, и на грудь припадая Язона,
Вдоль по морямъ понесусь. Ничего съ нимъ обнявшись не страшно.
Иль, хоть чего убоюсь, убоюсь я супруга лишь ради.
Не прикрываешь ли ты, Медея, толкуя о бракѣ,
Именемъ пышнымъ вину? Взгляни, къ какому проступку
Ты идешь и, пока возможно, бѣги преступленья.
Молвила, и предъ глазами и право и стыдъ съ благочестьемъ
Стали у ней, и ужь тылъ обращалъ Купидонъ побѣжденный.

плыли между ними, пустивши по совѣту Финея впередъ голубя. *Харибда... Сцилла.*— два знаменитыхъ въ древности мѣста въ Сицилійскомъ проливѣ по опасности своей для мореплавателей.

Ibat ad antiquas Hecates Perseidos aras,
Quas nemus umbrosum secretaque silva tegebat.
Et iam fortis erat, pulsusque recesserat ardor:
Cum videt Aesoniden, extinctaque flamma reluxit,
Et rubuere genae, totoque recanduit ore.
Utque solet ab ventis alimenta assumere, quaeque
Parva sub inducta latuit scintilla favilla,
Crescere et in veteres agitata resurgere vires:
Sic iam lentus amor, iam quem languere putares
Ut vidit iuvenem, specie praesentis inarsit.
Et casu solito formosior Aesone natus
Illa luce fuit. posses ignoscere amanti.
Spectat, et in vultu veluti tum denique viso
Lumina fixa tenet, nec se mortalia demens
Ora videre putat, nec se declinat ab illo.
Ut vero coepitque loqui, dextramque prehendit
Hospes, et auxilium summissa voce rogavit,
Promisitque torum, lacrimis ait illa profusis:
Quid faciam, video. nec me ignorantia veri
Decipiet, sed amor. Servabere munere nostro:
Servatus promissa dato. Per sacra triformis
Ille deae, lucoque foret quod numen in illo,
Perque patrem soceri cernentem cuncta futuri,
Eventusque suos et tanta pericula iurat.
Creditus accepit cantatas protinus herbas,
Edidicitque usum, laetusque in tecta recessit.
Postera depulerat stellas Aurora micantes:
Conveniunt populi sacrum Mavortis in arvum,
Consistuntque iugis. Medio rex ipse resedit
Agmine purpureus sceptroque insignis eburno.
Ecce adamanteis vulcanum naribus efflant
Aeripedes tauri. tactaeque vaporibus herbae
Ardent. Utque solent pleni resonare camini,

---

74 *Геката*—дочь Титана (см. 1, 10). Персія, отравившая своего отца, вышла замужъ за брата его Ээта; она была богинею и владычицей колдовства, изображалась она змѣеногой и змѣевласой обыкновенно съ тремя головами, лошадиною, собачьею и свиною, вѣроятно, для указанія на власть ея во всѣхъ трехъ мірахъ — небес-

Къ древнимъ она алтарямъ пошла Персеиды Гекаты
Тѣмъ, что тайно въ лѣсу тѣнистая роща скрывала.
Стала сильнѣй ужь она, въ ней сдержанный пылъ унимался.
Тутъ Эзонида узрѣвъ, огнемъ она вспыхнула стухшимъ,
Щеки зардѣлись у ней, въ лицѣ она всемъ разгорѣлась,
Какъ получаетъ обычно отъ вѣтра питанье малютка
Искра, которая все таилась, покрыта золою,
И раздуваясь, ростетъ, воскреснувъ съ силой давнишней.
Такъ ужь въ ущербѣ любовь, что можно бы счесть ослабѣлой,
Юноша только предсталъ, въ близи красоты воспылала.
И случайно прекраснѣй обычнаго сынъ былъ Эзона
Въ самый тотъ день; ты бы могъ оказать снисхожденье влюбленной.
Смотритъ и, словно его лице увидавши впервые,
Глазъ не сводитъ съ него и въ безумствѣ не смертнаго обликъ,
Мнится ей, видитъ она, и сама отвернуться не можетъ.
Но какъ сталъ говорить и взялъ ея руку пришелецъ
И о помощи сталъ умолять покорною рѣчью,
Бракъ при томъ обѣщалъ, она со слезами сказала:
„Вижу я то, что творю; меня не невѣдѣнье правды
Вводитъ въ обманъ, а любовь. Спасешься моимъ одолженьемъ;
Спасшись воздай, что сулилъ“. Богинею тотъ троеликой
И святыней ея, что въ рощѣ той находилась,
И всезрящимъ отцемъ своего нареченнаго тестя,
И успѣхомъ своимъ и опасностей сонмомъ клянется.
Вѣру внуша, получилъ сейчасъ онъ волшебныя травы,
Ихъ примѣненье узналъ, и веселъ домой возвратился.
Какъ Аврора затѣмъ прогнала блестящія звѣзды,
Весь сошелся народъ на священное Марсово поле,
Чтобы занять высоты. Самъ царь возсѣлъ средь собранья
Въ пурпурѣ, скипетромъ замѣтенъ изъ кости слоновой.
Вотъ изъ булатныхъ ноздрей быки мѣдноногіе пышутъ
Пламенемъ; травы горятъ, затронуты жаркимъ дыханьемъ.
Какъ обычно трещатъ горны набитые плотно,

номъ, земномъ и подземномъ. Статуи ея стояли у перекрестковъ, съ чѣмъ связывалась и ея троевидность. 96 *Ээтъ*—отецъ Медеи, какъ мы замѣтили выше, былъ сынъ Титана, Геліоса (солнца всезрящаго).

Aut ubi terrena silices fornace soluti
Concipiunt ignem liquidarum aspergine aquarum:
Pectora sic intus clausas volventia flammas
Gutturaque usta sonant. Tamen illis Aesone natus
Obvius it. Vertere truces venientis ad ora
Terribiles vultus praefixaque cornua ferro,
Pulvereumque solum pede pulsavere bisulco,
Fumificisque locum mugitibus impleverunt.
Diriguere metu Minyae. Subit ille, nec ignes
Sentit anhelatos... tantum medicamina possunt...
Pendulaque audaci mulcet palearia dextra,
Suppositosque iugo pondus grave cogit aratri
Ducere, et insuetum ferro proscindere campum.
Mirantur Colchi: Minyae clamoribus augent,
Adiiciuntque animos. Galea tum sumit aena
Vipereos dentes, et aratos spargit in agros.
Semina mollit humus valido praetincta veneno,
Et crescunt, fiuntque sati nova corpora dentes.
Utque hominis speciem materna sumit in alvo,
Perque suos intus numeros componitur infans,
Nec nisi maturus communes exit in auras:
Sic ubi visceribus gravidae telluris imago
Effecta est hominis, feto consurgit in arvo,
Quodque magis mirum est, simul edita concutit arma.
Quos ubi viderunt praeacutae cuspidis hastas
In caput Haemonii iuvenis torquere parantes,
Demisere metu vultumque animumque Pelasgi.
Ipsa quoque extimuit, quae tutum fecerat illum:
Utque peti vidit iuvenem tot ab hostibus unum,
Palluit, et subito sine sanguine frigida sedit:
Neve parum valeant a se data gramina, carmen
Auxiliare canit, secretasque advocat artes.
Ille gravem medios silicem iaculatus in hostes
A se depulsum Martem convertit in ipsos.

---

119 *Несвычное поле* — можетъ быть понято какъ священное Марсово поле, не вѣдающее пахоты, или, что гораздо правдоподобнѣе, несвычное дикимъ быкамъ, почему укрощеніе ихъ было еще затруднительнѣе. 122 *Зубы онъ змѣя*—остатки зу-

Или какъ известняки, разрѣшившись въ глиняной печи,
Станутъ огнемъ закипать, струями воды политые,
Такъ ихъ груди, внутри вращая сокрытое пламя,
И горящіе зѣвы звучатъ. Но ихъ сынъ Эзона
Встрѣтить идетъ. Обратили они къ идущему прямо
Грóзные взоры свои и рога съ желѣзной насадкой,
И раздвоеннымъ копытомъ зарыли пыльную землю,
И дымящимся ревомъ своимъ огласили окрестность.
Страхъ Минійцевъ сковалъ. Но онъ подошелъ и не слышитъ
Жгучихъ дыханій... на столько въ тѣхъ снадобьяхъ силы хранилось...
Вислые треплетъ у нихъ подбрюдки онъ смѣлой рукою,
И подводя подъ ярмо, принуждаетъ ихъ тяжесть большую
Плуга тащить и желѣзомъ чертить несвычное поле.
Диву Колхійцы дались; Минійцы восторженнымъ кликомъ
Духу ему поддаютъ. Тогда изъ мѣднаго шлема
Зубы онъ змѣя беретъ и сѣетъ на вспаханномъ полѣ.
Сѣмя, смоченная ядомъ сперва, земля размягчаетъ,
И ростутъ и тѣлами становятся новыми зубы.
Какъ человѣческій ликъ въ материнской утробѣ пріемлетъ
И слагаетъ внутри свои всѣ части ребенокъ,
И, созрѣвъ лишь вполнѣ, на общій воздухъ выходитъ,
Такъ въ утробѣ чреватой земли человѣческій обликъ
Весь оконченъ возсталъ изъ его зародившаго поля,
Что же страннѣе еще, потрясаетъ возникшимъ оружьемъ.
Какъ увидѣли тѣхъ, что пики съ концемъ заостреннымъ
Въ голову прямо метнуть Гемонскаго юноши рады,
Въ страхѣ склонили и взоръ и духомъ поникли Пелазги.
Да испугалась и та, отъ которой онъ сталъ невредимымъ,
Видя, что столько враговъ на единаго юношу вышло,
Поблѣднѣла она, и сидѣла, застывъ, безъ кровинки;
Да чтобы въ данной травѣ было силы не мало, то въ помощь
Пѣсню запѣла она, взывая къ тайнымъ искусствамъ.
Онъ, въ середину враговъ швырнувши камень огромный,
Битву отвлекъ отъ себя и на нихъ обратилъ на самихъ же.

бовъ убитаго Кадмомъ дракона (см. 3, 31), которые Минерва подарила Ээту, а послѣдній передалъ Язону съ цѣлью его погубить.

Terrigenae pereunt per mutua vulnera fratres,
Civilique cadunt acie. Gratantur Achivi,
Victoremque tenent, avidisque amplexibus haerent.
Tu quoque victorem complecti, barbara, velles:
Obstitit incoepto pudor. at complexa fuisses:
Sed te, ne faceres, tenuit reverentia famae.
Quod licet, affectu tacito laetaris, agisque
Carminibus grates et dis auctoribus horum.
Pervigilem superest herbis sopire draconem,
Qui crista linguisque tribus praesignis et uncis
Dentibus horrendus custos erat arietis aureae.
Hunc postquam sparsit Lethaei gramine succi,
Verbaque ter dixit placidos facientia somnos,
Quae mare turbatum, quae concita flumina sistant:
Somnus in ignotos oculos sibi venit, et auro
Heros Aesonius potitur. spolioque superbus
Muneris auctorem secum, spolia altera, portans
Victor Iolciacos tetigit cum coniuge portus.

AESON.

Haemoniae matres pro natis dona receptis
Grandaevique ferunt patres, congestaque flamma
Tura liquefaciunt, inductaque cornibus aurum
Victima vota cadit. Sed abest gratantibus Aeson,
Iam proprior leto fessusque senilibus annis.
Cum sic Aesonides: O cui debere salutem
Confiteor, coniux, quanquam mihi cuncta dedisti,
Excessitque fidem meritorum summa tuorum:
Si tamen hoc possunt... quid enim non carmina possint?...
Deme meis annis, et demtos adde parenti.
Nec tenuit lacrimas. Mota est pietate rogantis,
Dissimilemque animum subiit Aeeta relictus.
Nec tamen affectus tales confessa: Quod, inquit,
Excidit ore tuo, coniux scelus? ergo ego cuiquam

---

150 *Тріязыкій* (см. 3, 34). 152 Вновь прибывающія души, выпивъ воды изъ подземной рѣки Леты, забывали всю прошлую жизнь, и слово Летейскій здѣсь зна-

Погибаютъ, другъ друга разя, земнородные братья
Въ междусобной борьбѣ. Восклицаютъ въ восторгѣ Ахейцы
И, обнявъ побѣдителя, въ жадныхъ сжимаютъ объятьяхъ.
Ты, чужестранка, обнять побѣдителя тоже бъ хотѣла;
Помыслы сдерживалъ стыдъ; и обняла бы ты точно,
Но не дѣлать того, удержало къ молвѣ уваженье.
Что возможно, въ молчаньи ты рада душею, и пѣснямъ
Шлешь благодарность и тѣмъ богамъ, что ихъ даровали.
Бдительнаго усыпить остается травами дракона,
Что при гребнѣ большомъ, тріязыкій съ кривыми зубами
Страхъ внушающимъ сторожемъ былъ руна золотаго.
Какъ его окропилъ травы Летейской онъ сокомъ
И трикраты слова произнесъ, наводящія спячку,
Тѣ, что волненье морей и стремленіе рѣкъ унимаютъ;
Сонъ на глаза ему чуждые спелъ, и герой Эзонійскій
Золото принялъ во власть; и гордый своею добычей,
И даровавшую кладъ, другую добычу, съ собою
Взявши, достигъ какъ герой, съ супругой Іолкскаго порта.

ЭЗОНЪ.

За возвращенье сыновъ Гемонскія матери вмѣстѣ
Со стариками отцами дары приносятъ, топится
Ладона много въ огнѣ, и падаетъ жертва обѣта
Въ раззолоченныхъ рогахъ. Но нѣтъ средь веселыхъ Эзона,
Близкаго къ смерти уже, томимаго старческимъ вѣкомъ.
Тутъ сказалъ Эзонидъ: „О ты, которой обязанъ
Я спасеньемъ, супруга, хотя ты мнѣ все даровала,
И услугъ мнѣ твоихъ число превзошло вѣроятность:
Ежели могутъ лишь то… а что невозможно для пѣсенъ?…
Лѣтъ у меня отыми, и отцу, что отымешь, прибавь ты“.
Слезъ онъ не могъ удержать. Мольбы она тронулась чувствомъ,
И въ несходной душѣ Ээтъ возникнулъ покинутъ.
Но не созналась она въ этихъ чувствахъ: „Какое, сказала,
Ты, преступленье, супругъ, изъ устъ испустилъ? Или въ силахъ

читъ усыпляющій. 162 Въ торжественныхъ случаяхъ жертвеннымъ животнымъ золотили рога.

Posse tuae videor spatium transcribere vitae?
Nec sinat hoc Hecate, nec tu petis aequa. sed isto,
Quod petis, experiar maius dare munus, Iason.
Arte mea soceri longum tentabimus aevum,
Non annis revocare tuis. modo diva triformis
Adiuvet, et praesens ingentibus annuat ausis.
Tres aberant noctes, ut cornua tota coirent
Efficerentque orbem. Postquam plenissima fulsit,
Ac solida terras spectavit imagine luna,
Egreditur tectis vestes induta recinctas,
Nuda pedem, nudos humeris infusa capillos,
Fertque vagos mediae per muta silentia noctis
Incomitata gradus. Homines volucresque ferasque
Solverat alta quies. nullo cum murmure sepes,
Immotaeque silent frondes. silet humidus aer:
Sidera sola micant. Ad quae sua brachia tendens
Ter se convertit, ter sumtis flumine crinem
Irroravit aquis, ternisque ululatibus ora
Solvit. et in dura summisso poplite terra:
Nox, ait arcanis fidissima, quaeque diurnis
Aurea cum luna succeditis ignibus, astra,
Tuque triceps Hecate, quae coeptis conscia nostris
Adiutrixque venis, cantusque artesque magorum,
Quaeque magos, Tellus, pollentibus instruis herbis,
Auraeque et venti montesque amnesque lacusque,
Dique omnes nemorum, dique omnes noctis, adeste:
Quorum ope, cum volui, ripis mirantibus amnes
In fontes rediere suos, concussaque sisto,
Stantia concutio cantu freta, nubila pello,
Nubilaque induco, ventos abigoque vocoque,
Vipereas rumpo verbis et carmine fauces,
Vivaque saxa, sua convulsaque robora terra
Et silvas moveo, iubeo tremescere montes
Et mugire solum, manesque exire sepulchris.
Te quoque, Luna, traho, quamvis Temesaea labores

---

177 *Богиня триликая*—Геката. 207 Городъ *Темеса* въ нижней Италіи (см. 15, 707) былъ уже во времена Гомера славенъ своею мѣдью. *Колесница дѣда*—Солнца

Я, по твоему, часть твоей жизни свести на другаго?
Не допуститъ Геката того, и не должнаго просишь.
175 Но пусть такъ, постараюсь, Язонъ, дать даръ еще большій.
Я потщусь искусствомъ своимъ вѣкъ тестя продолжить,
Лѣтъ не отъемля твоихъ; богиня бъ триликая только
Мнѣ помогла, низойдя благосклонно къ отважному дѣлу".
Трехъ не хватало ночей, чтобъ роги сошлись совершенно
180 И восполнили кругъ. Когда же сполна засіяла
И округлымъ лицемъ луна поглядѣла на землю,
Изъ дому вышла она, надѣвши безъ пояса платья,
На босу ногу, и на плечи волосы просто раскинувъ,
И направляетъ стопы въ безмолвномъ молчаніи ночи
185 Безъ провожатыхъ она. И люди и птицы и звѣри
Въ крѣпкомъ покоились снѣ; въ кустарникахъ не было шуму,
Листъ неподвижный молчалъ; молчалъ и увлаженный воздухъ,
Звѣзды сверкаютъ однѣ. И къ нимъ свои руки воздѣвши,
Обернулася трижды она, и волосы трижды
190 Оросила водой изъ рѣки и трижды завыла;
И на твердую землю склоняя колѣна, сказала;
„Ночь, ты, хранящая тайны, и вы съ луной золотою
За дневными лучами во слѣдъ идущія звѣзды,
Ты, Геката треглавая, мнѣ приходящая въ помощь,
195 Замыслъ вѣдая мой, вы пѣсни и маговъ искусства,
Ты, Земля, что даришь травами могучими маговъ,
Тяги вы и вѣтры, вы, горы озёра и рѣки,
Вы, всѣ боги лѣсовъ и боги ночные, явитесь:
Съ помощью вашей, когда захочу, въ берегахъ изумленныхъ
200 Рѣки къ истокамъ текутъ, своей унимаю я пѣсней
Бурю въ моряхъ, и волную покой ихъ и тучи сгоняю,
Тучи опять навожу и вѣтръ угоняю и кличу,
И словами и пѣснями змѣй расторгаю я пасти,
Скалы живыя и, вырвавъ дубы изъ родимой ихъ почвы,
205 И лѣса увожу, заставляю дрожать я и горы,
Самую почву ревѣть и манъ выходить изъ могилы.
И тебя, о луна, я влеку, хоть борьбу уменьшаетъ

(см. выше 96). Силу дѣйствовать не только на земныя тѣла, но и на небесныя, древность приписывала своимъ волшебницамъ, преимущественно Ѳессалійскимъ.

Aera tuos minuant. currus quoque carmine nostro
Pallet avi. pallet nostris Aurora venenis.
Vos mihi taurorum flammas hebetastis, et unco
Inpatiens oneris collum pressistis aratro.
Vos serpentigenis in se fera bella dedistis:
Custodemque rudem somni sopistis. et aurum
Vindice decepto Graias misistis in urbes.
Nunc opus est succis, per quos renovata senectus
In florem redeat primosque recolligat annos.
Et dabitis. neque enim micuerunt sidera frustra,
Nec frustra volucrum tractus cervice draconum
Currus adest. Aderat demissus ab aethere currus.
Quo simul ascendit, frenataque colla draconum
Permulsit, manibusque leves agitavit habenas:
Sublimis rapitur, subiectaque Thessala Tempe
Despicit, et certis regionibus applicat angues:
Et quas Ossa tulit, quas altum Pelion herbas,
Othrysque Pindusque et Pindo maior Olympus,
Perspicit, et placitas partim radice revellit,
Partim succidit curvamine falcis aenae.
Multa quoque Apidani placuerunt gramina ripis,
Multa quoque Amphrysi. neque eras immunis, Enipeu:
Nec non Peneus, nec non Spercheides undae
Contribuere aliquid, iuncosaque litora Boebes.
Carpsit et Euboica vivax Anthedone gramen,
Nondum vulgatum mutato corpore Glauci.
Et iam nona dies curru pennisque draconum,
Nonaque nox omnes lustrantem viderat agros,
Cum rediit. neque erant tacti nisi odore dracones,
Et tamen annosae pellem posuere senectae.
Constitit adveniens citra limenque foresque,
Et tantum coelo tegitur. refugitque viriles
Contactus. statuitque aras e cespite binas,
Dexteriore Hecates, ast laeva parte Iuventae.

---

214 *Мстителя* — дракона, предназначавшагося мстить за попытки похищенія золотаго руна. 222 *Ѳессалійскія Темпы* (см. 1, 569). 225 О названныхъ здѣсь горахъ (см. 1, 152 и 569 и также 2, 217), а о рѣкахъ (1, 580). 231 *Бе́бы*—Ѳессалій-

Мѣдь Темесы тебѣ; отъ пѣсни моей колесница
Дѣда блѣднѣетъ; мой ядъ заставляетъ блѣднѣть и Аврору.
210 Для меня вы, ослабивши пламя быковъ, отягчили
Шеи ихъ, нетерпящія тяжести загнутымъ плугомъ.
Вы змѣеродным вступить въ жестокую битву велѣли,
И безсоннаго стража вы въ сонъ погрузили; и злато
Мстителя перехитря, къ городамъ вы Грековъ услали.
215 Нынѣ мнѣ соки нужны, чтобъ въ нихъ обновленная старость
Вновь разцвѣла и опять собрала первобытные годы.
Вы и дадите мнѣ ихъ; не напрасно свѣтилися звѣзды,
Не вотще колесница съ запряжкой крылатыхъ драконовъ
Здѣсь предо мною". Предстала, съ эфира спустясь, колесница.
220 Какъ вступила въ нее, драконовъ погладивъ по шеямъ
Взнузданнымъ, въ руки она приняла покорныя вожжи.
Кверху взлетаетъ она и Ѳессалійскія Темпы
Подъ собой увидавъ, змѣй правитъ къ мѣстамъ ей извѣстнымъ:
И всѣ травы, ростущія на Пеліонѣ и Оссѣ,
225 На Отріи, на Пиндѣ, на высшемъ предъ Пиндомъ Олимпѣ
Пересмотрѣла и частью, что нравилось, вырвала съ корнемъ,
Частью мѣднымъ серпомъ изогнутымъ срѣзала только.
Многія на берегахъ Апидана ей нравились травы
И у Амфриза; и ты Энипей не былъ безоброченъ:
230 Да не меньше Пеней и во̀лны Сперхея служили
Чѣмъ либо тожь, и равно берега тростниковые Бёбы.
Травъ живительныхъ тожь нарвала въ Антедонѣ Эвбейскомъ,
Неизвѣстныхъ еще превращеніемъ Главкова тѣла.
День ужь девятый ее въ колесницѣ на крыльяхъ драконовъ
235 И девятая ночь всё видѣли ищущей въ полѣ;
Тутъ вернулась она. Хоть запахъ лишь трогалъ драконовъ,
Все же спустили они свою престарѣлую шкуру.
Стала прибывши она, не дойдя до порога и двери,
Небомъ покрыта однимъ; коснуться мущинъ избѣгая,
240 Два она алтаря изъ дерна сложила: правѣе
Для Гекаты самой, а лѣвѣе для Юности тоже.

скій городъ при соименномъ озерѣ. 232 *Антедонъ* — городъ въ Беотіи у Эвбейскаго морскаго пролива, поэтому названный Эвбейскимъ (см. 13, 905). 233 О превращеніи Главка (см. 13, 900—965).

Has ubi verbenis silvaque incinxit agresti,
Haud procul egesta scrobibus tellure duabus
Sacra facit, cultrosque in guttura velleris atri
245 Coniicit, et patulas perfundit sanguine fossas.
Tum super invergens liquidi carchesia mellis
Aeneaque invergens tepidi carchesia lactis
Verba simul fundit, terrenaque numina poscit,
Umbrarumque rogat rapta cum coniuge regem,
250 Ne properent artus anima fraudare senili.
Quos ubi placavit precibusque et murmure longo,
Aesonis effetum proferri corpus ad auras
Iussit, et in plenos resolutum carmine somnos,
Exanimi similem stratis porrexit in herbis.
255 Hinc procul Aesoniden, procul hinc iubet ire ministros,
Et monet arcanis oculos removere profanos.
Diffugiunt iussi. Sparsis Medea capillis,
Bacchantum ritu, flagrantes circuit aras:
Multifidasque faces in fossa sanguinis atra
260 Tinguit, et intinctas geminis accendit in aris:
Terque senem flamma, ter aqua, ter sulfure lustrat.
  Interea validum posito medicamen aeno
Fervet et exsultat spumisque tumentibus albet.
Illic Haemonia radices valle resectas
265 Seminaque et flores et succos incoquit acres.
Adiicit extremo lapides oriente petitos
Et, quas Oceani refluum mare lavit, arenas.
Addit et exceptas luna pernocte pruinas
Et strigis infames ipsis cum carnibus alas,
270 Inque virum soliti vultus mutare ferinos
Ambigui prosecta lupi. Nec defuit illic
Squamea Cinyphii tenuis membrana chelydri
Vivacisque iecur cervi, quibus insuper addit
Ora caputque novem cornicis saecula passae.
275 His et mille aliis postquam sine nomine rebus

---

249 Плутона съ Прозерпиной. 266 Нѣкоторые камни и понынѣ употребляются какъ врачебное средство; а востокъ, какъ мало извѣстная страна, считалась волшебною. 269 Мясо и въ особенности крылья сыча—принадлежности колдовства.

Какъ увѣнчала она ихъ травой и лѣсными вѣтвями,
То ископавъ въ землѣ недалеко двѣ ямки, немедля,
Жертву устроила, черной овцѣ ножъ въ горло вонзая,
245 И полила ея кровію тѣ разверзтыя ямы.
Тутъ, выливая туда жъ сосудъ текучаго меду,
Мѣдный тоже сосудъ молока выливая парнаго,
Вмѣстѣ слова говоритъ и боговъ земли умоляетъ,
И владыку тѣней съ похищенной проситъ супругой,
250 Чтобъ они душу изъять не спѣшили изъ дряхлаго тѣла.
Какъ склонила она ихъ мольбой и шепотомъ долгимъ,
Слабое тѣло Эзона нести повелѣла на воздухъ
И его, погруженнаго пѣніемъ въ сонъ глубочайшій,
И какъ бы бездыханнаго, травъ подославъ, распростерла.
255 Эзониду велитъ и слугамъ удалиться оттуда,
И увѣщаетъ отвесть мірскія очи отъ таинствъ.
Разбѣжались по слову. Медея, власы распустивши,
Какъ то Вакханокъ обрядъ, обошла алтари, что пылали,
Окунула лучины въ кровавыя черныя ямы,
260 И омоченныя тамъ, на двухъ алтаряхъ возжигая,
Трижды старца огнемъ и водой освящаетъ и сѣрой.
Между тѣмъ и въ котелъ положенное сильное средство
Закипаетъ и плещетъ и пѣной всходящей бѣлѣетъ.
Тутъ коренья она, что въ Гемонской долинѣ сбирала,
265 И сѣмена и цвѣты варитъ и ѣдкіе соки.
Камней туда же кладетъ, на крайнемъ востокѣ найденныхъ,
И песковъ, что въ отливѣ своемъ Океанъ намываетъ.
Подбавляетъ росы, что въ лунную ночь собиралась,
Да самого и противнаго филина крылья и мясо,
270 Также части, привычнаго ликъ принимать человѣчій,
Волка оборотня. Не была при этомъ забыта
Тонкая и чешуйчатая шкурка змѣи Цинифійской
И оленя живучаго печень; прибавила къ нимъ же
Клювъ она съ головой девятисотлѣтней вороны.
275 Послѣ того какъ она изъ всего и изъ тысячи разныхъ

---

271 Волкъ оборотень играетъ не малую роль и въ нашихъ народныхъ сказаніяхъ. 272 *Цинифійскій* (см. 5, 124). 273 *Живучаго оленя* (см. 3, 194). 274 Древніе вѣрили въ долголѣтіе вороны.

Propositum instruxit mortali barbara munus,
Arenti ramo iampridem mitis olivae
Omnia confudit, summisque immiscuit ima.
Ecce vetus calido versatus stipes aeno
280 Fit viridis primo, nec longo tempore frondes
Induit, et subito gravidis oneratur olivis.
At quacunque cavo spumas eiecit aeno
Ignis, et in terram guttae cecidere calentes,
Vernat humus, floresque et mollia pabula surgunt.
285 Quae simul ac vidit, stricto Medea recludit
Ense senis iugulum, veteremque exire cruorem
Passa, replet succis. Quos postquam combibit Aeson
Aut ore acceptos, aut vulnere, barba comaeque
Canitie posita nigrum rapuere colorem,
290 Pulsa fugit macies, abeunt pallorque citusque,
Adiectoque cavae supplentur corpore rugae,
Membraque luxuriant. Aeson miratur, et olim
Ante quater denos hunc se reminiscitur annos.

LIBERI NUTRICES.

Viderat ex alto tanti miracula monstri
295 Liber. et admonitus iuvenes nutricibus annos
Posse suis reddi, capit hoc a Colchide munus.

PELIAS.

Neve doli cessent, odium cum coniuge falsum
Phasias assimulat, Peliaeque ad limina supplex
Confugit. atque illam, quoniam gravis ipse senecta est,
300 Excipiunt natae. Quas tempore callida parvo
Colchis amicitiae mendacis imagine cepit.
Dumque refert inter meritorum maxima, demtos
Aesonis esse situs, atque hac in parte moratur,
Spes est virginibus Pelia subiecta creatis,

---

295 *Кормилицамъ* Вакха—нимфамъ горы Низы (см. 3, 314). 297 Продолжая свои хитрости, Фазиса дочь—Медея (см. выше 6), желая отмстить брату Эзона, Пелію,

Безыменныхъ вещей для смертнаго даръ свой сложила,
Вѣткою кроткой оливы она, давно ужь засохшей,
Все смѣшала и все исподнее вверхъ обернула.
Вдругъ тотъ старый сучекъ, въ котлѣ вращаясь кипящемъ,
Сталъ сперва зеленѣть, по времени маломъ одѣлся
Листьями и сейчасъ покрылся избыткомъ оливокъ.
И куда лишь огонь изъ котла пузатаго пѣну
Ни кидалъ, и на землю ни падали жаркія капли,
Зеленѣетъ земля, цвѣты и корма возникаютъ.
Это все увидавъ, Медея мечемъ обнаженнымъ
Горло вскрыла сейчасъ у старца, и давши излиться
Старой крови, влила въ него сокъ. Когда же напился,
Ртомъ принимая, его Эзонъ, или раной, то сбросивъ
Сѣдины, борода и волосы черными стали,
Вся худощавость прошла, исчезли и блѣдность и дряблость,
Тѣло, набравъ полноты, прорѣзы морщинъ восполняетъ;
Члены роскошны вполнѣ. Эзонъ удивленъ, и себя онъ
За сорокъ лѣтъ назадъ тому такимъ только помнитъ.

КОРМИЛИЦЫ ЛИБЕРА.

Съ высоты увидалъ такое великое чудо
Либеръ; и убѣжденъ, что его кормилицамъ можно
Юные годы вернуть, отъ Колхидянки даръ сей пріемлетъ.

ПЕЛІЙ.

Чтобы козни не кончились, Фазиса дочь притворилась
Злобной на мужа, и вотъ къ порогу Пелія съ просьбой
Прибѣгаетъ; и какъ онъ старостью самъ удрученъ былъ,
Принимаютъ ее его дочери. Вскорости лживымъ
Образомъ дружбы плѣнить Колхидянка ихъ ухитрилась.
И какъ считаетъ она величайшей заслугой, что дряхлость
Ею съ Эзона снята и на этомъ все медлитъ предметѣ,
У нарожденныхъ отъ Пелія дѣвъ возникаетъ надежда,

(см. выше 1), притворно стала жаловаться царю на мужа своего.

Arte suum parili revirescere posse parentem.
Idque petunt, pretiumque iubent sine fine pacisci.
Illa brevi spatio silet, et dubitare videtur,
Suspenditque animos ficta gravitate rogantum.
Mox ubi pollicita est: Quo sit fidutia maior
Muneris huius, ait, qui vestras maximus aevo est
Dux gregis inter oves, agnus medicamine fiet.
Protinus innumeris effetus laniger annis
Attrahitur flexo circum cava tempora cornu:
Cuius ut Haemonio marcentia guttura cultro
Fodit, et exiguo maculavit sanguine ferrum,
Membra simul pecudis validosque venefica succos
Mergit in aere cavo. Minuunt ea corporis artus,
Cornuaque exurunt, nec non cum cornibus annos:
Et tener auditur medio balatus aeno.
Nec mora, balatum mirantibus exilit agnus,
Lascivitque fuga, lactantiaque ubera quaerit.
Obstupuere satae Pelia. promissaque postquam
Exhibuere fidem, tum vero impensius instant.
Ter iuga Phoebus equis in Ibero flumine mersis
Demserat, et quarta radiantia nocte micabant
Sidera: cum rapido fallax Aeetias igni
Imponit purum laticem et sine viribus herbas.
Iamque neci similis resoluto corpore regem
Et cum rege suo custodes somnus habebat,
Quem dederant cantus magicaeque potentia linguae.
Intrarant iussae cum Colchide limina natae,
Ambierantque torum. Quid nunc dubitatis inertes?
Stringite, ait, gladios, veteremque haurite cruorem,
Ut repleam vacuas iuvenili sanguine venas.
In manibus vestris vita est aetasque parentis.
Si pietas ulla est, nec spes agitatis inanes,
Officium praestate patri, telisque senectam
Exigite, et saniem coniecto emittite ferro.

---

314 *Гемонскимъ* (см. 1, 568)—Өессалійскимъ ножемъ, не потому, что это совершалось въ Өессаліи, а потому, что колдовство должно быть произведено извѣстнымъ

305 Что обновить ихъ отца такимъ же искусствомъ ей можно.
Просятъ о томъ, и велятъ безъ конца предназначить награду.
Малое время она молчитъ и какъ будто въ раздумьи,
И притворною важностью души томитъ у просящихъ.
Но когда обѣщала: „Чтобъ вѣрили лучше, сказала,
310 Въ этотъ мой даръ, то пускай вожакъ, лѣтами старѣйшій,
Въ вашемъ стадѣ овецъ отъ снадобій станетъ ягненкомъ“.
Тотчасъ, изнеможеннаго вѣкомъ несчетнымъ, барана
Тащутъ съ рогами, загнутыми ниже висковъ закругленныхъ;
Какъ Гемонскимъ ножемъ ему дряхлую глотку пронзила
315 И желѣзо едва запачкала скудною кровью,
Члены животнаго всѣ и сокъ чародѣйка могучій
Въ емкій спустила котелъ. Тѣлесные менѣютъ члены
И скидаютъ рога, а также съ рогами и годы:
И блеяніе нѣжное вдругъ изъ котла раздается.
320 Тутъ къ удивленнымъ блеяніемъ выскочилъ разомъ ягненокъ,
И убѣгая шалитъ и ищетъ сосцовъ онъ молочныхъ.
Пелія дочери диву дались; и когда обѣщанья
Вѣрными вышли вполнѣ, то стали настаивать больше.
Фебъ уже трижды съ коней, въ Иберійской рѣкѣ погруженныхъ,
325 Ярма снималъ, и въ четвертую ясную ночь загорались
Звѣзды; тогда на огонь летучій ставитъ Медея
Лживо лишь воду одну и въ ней безсильныя травы.
Уже съ разслабленнымъ тѣломъ царя и съ царемъ его стражу
Сходный со смертію сонъ обуялъ, который послали
330 Пѣсни и власть языка съ его магической рѣчью.
Дочери, какъ повелѣла Колхидянка, въ дверь съ ней вступили
И окружили постель. „Чего жь малодушныя ждете?
Выньте мечи, говоритъ, и старую кровь испустите,
Чтобы я жилы могла наполнить юною кровью.
335 Въ вашихъ рукахъ и жизнь и старость родителя нынѣ.
Коль благочестье въ васъ есть и надеждъ не питаете тщетныхъ,
То послужите отцу, оружіемъ выньте вы старость
И ударомъ желѣза спустите соки дурные.

опредѣленнымъ ножемъ. 324 Сама Испанія получила названіе Иберіи отъ рѣки Ибера (Эбро) (см. 4, 215 и 628).

His, ut quaeque pia est, hortatibus impia prima est,
Et ne sit scelerata, facit scelus. Haud tamen ictus
Ulla suos spectare potest, oculosque reflectunt,
Caecaque dant saevis aversae vulnera dextris.
Ille, cruore fluens, cubito tamen allevat artus,
Semilacerque toro tentat consurgere, et inter
Tot medius gladios pallentia brachia tendens:
Quid facitis, natae? quid vos in fata parentis
Armat? ait. Cecidere illis animique manusque.
Plura locuturo cum verbis guttura Colchis
Abstulit, et calidis laniatum mersit in undis.

MEDEAE FUGA.

Quod nisi pennatis serpentibus isset in auras,
Non exemta foret poenae. Fugit alta superque
Pelion umbrosumque Philyreiaque tecta, superque
Othryn et eventu veteris loca nota Cerambi.
Hic ope nympharum sublatus in aera pennis
Cum gravis infuso tellus foret obruta ponto,
Deucalioneas effugit inobrutus undas.
Aeoliam Pitanen a laeva parte relinquit,
Factaque de saxo longi simulacra draconis:
Idaeumque nemus, quo nati furta, iuvencum
Occuluit Liber falsi sub imagine cervi:
Quaque pater Corythi parva tumulatus arena:
Et quos Maera novo latratu terruit agros:
Eurypylique urbem, qua Coae cornua matres

---

352 Въ лѣсу горы *Пеліона* находилось мѣсто свиданій Сатурна съ нимфою *Филирой*, плодомъ которыхъ былъ Хиронъ (см. 2, 630, 650 и 675). Лѣсъ этотъ былъ ея жилищемъ. 353 Во время Девкаліонова потопа *Церамбъ*, навлекшій гнѣвъ на горныхъ нимфъ Отриса, былъ превращенъ въ рогатаго жука и, поднявшись на крыльяхъ, избѣжалъ общаго потопа. 357 *Питана*—небольшой Эолійскій городокъ. 360 Въ рощѣ на горѣ Идѣ близь Трои по личной догадкѣ одного изъ переписчиковъ, не основанной ни на какомъ сказаніи, Вакхъ, когда сынъ его Тіоней (хотя онъ и самъ носитъ это названіе, см. 4, 11) укралъ у Фригійскаго пастуха быка, на время превратилъ быка въ оленя, а сына въ охотника. 361 *Корита отецъ*. Этрусскій городъ Коритъ (Кортона), коего миѳическимъ основателемъ былъ сынъ Париса и Эноны; въ настящемъ же случаѣ поэтъ дозволяетъ себѣ обзывать Коритомъ

От увѣщаній такихъ, изъ усердья, впервой безсердечной
Каждая стала, изъ страха злодѣйства творя злодѣянье.
Но ни одна посмотрѣть на ударъ свой не въ силахъ, и взоры
Отводя, отвратясь, онѣ ранятъ жестокой рукою.
Онъ, межъ тѣмъ, истекающій кровью, поднялся на локоть
И истерзанъ пытается встать съ постели, и, между
Столькихъ мечей, поднявъ поблѣднѣвшія руки, воскликнулъ:
„Что творите вы, дочери? Что на отцовскую гибель
Вооружаетъ васъ тутъ?“ Ослабли сердца въ нихъ и руки.
Больше сказать захотѣвшему горло Медея и рѣчи
Перервала и, разрѣзавъ его, въ кипятокъ погрузила.

БѢГСТВО МЕДЕИ.

Еслибъ на воздухъ она не взвилась на крылатыхъ драконахъ,
Не избѣжала бы кары тогда. Она полетѣла
Черезъ лѣса Пеліона и кровли Филиры, чрезъ Отрисъ
И мѣста, что извѣстны судьбою старинной Церамба.
Онъ при помощи нимфъ подъятъ крылами на воздухъ
Тою порой, какъ земля заливалась нахлынувшимъ моремъ,
Девкаліоновыхъ волнъ одинъ избѣжалъ незатопленъ.
Миновала она Эолійскую слѣва Питану
И изваяніе длиннаго въ ней изъ камня дракона;
И Идейскую рощу, въ которой сыновнюю кражу
Тайно припряталъ Либеръ подъ ложнымъ видомъ оленя;
Гдѣ Корита отецъ пескомъ лишь скудно засыпанъ,
И поля устрашенныя Меры неслыханнымъ лаемъ;
Городъ тожъ Эврипила, въ которомъ женщины Коса

самого Париса, чтобы сказать, что знаменитый и могущественный отецъ его Пріамъ, въ числѣ другихъ игралищъ неумолимой судьбы, едва лишь скудно засыпанъ пескомъ. 362 Содержаніе предшествующаго стиха склоняетъ принять лай за издаваемый, согласно 13, 406 Гекубою, превращенною въ собаку, но имя *Меры*, непримѣнимое къ Гекубѣ, заставляетъ предположить неизвѣстное намъ превращеніе дѣвушки этого имени въ собаку. 363 Городъ Эврипила *Косъ*, на островѣ того же имени, былъ при возвращеніи Геркулеса изъ Трои (см. 9, 232), когда жители онаго препятствовали ему войти въ пристань отъ бури, взятъ Геркулесомъ и отданъ сыну своему Эврипилу. Женщины этого острова считали себя прекраснѣе Венеры, за что нѣкоторое время, превращенныя богинею въ коровъ, носили рога.

Gesserunt tunc cum discederet Herculis agmen:
365 Phoebeamque Rhodon et Ialysios Telchinas,
Quorum oculos ipso vitiantes omnia visu
Iuppiter exosus fraternis subdidit undis.
Transit et antiquae Cartheia moenia Ceae,
Qua pater Alcidamas placidam de corpore natae
370 Miraturus erat nasci potuisse columbam.
Inde lacus Hyries videt et Cygneia Tempe,
Quae subitus celebravit olor. Nam Phyllius illic
Imperio pueri volucresque ferumque leonem
Tradiderat domitos. taurum quoque vincere iussus
375 Vicerat, et spreto toties iratus amore
Praemia poscenti taurum suprema negabat.
Ille indignatus: Cupies dare, dixit, et alto
Desiluit saxo. Cuncti cecidisse putabant:
Factus olor niveis pendebat in aere pennis.
380 At genitrix Hyrie, servati nescia, flendo
Delicuit, stagnumque suo de nomine fecit.
Adiacet his Pleuron, in qua trepidantibus alis
Ophias effugit natorum vulnera Combe.
Inde Calaureae Letoidos aspicit arva,
385 In volucrem versi cum coniuge conscia regis.
Dextra Cyllene est, in qua cum matre Menephron
Concubiturus erat saevarum more ferarum.
Cephison procul hinc deflentem fata nepotis

---

365 Не знающій тумановъ Родосъ слылъ любимымъ мѣстомъ пребыванія Феба и впослѣдствіи былъ извѣстенъ своею исполинской статуей Аполлона. Кромѣ города Іалиса былъ и островъ этого названія по имени внука солнца. Тамъ обиталъ народъ Тельхиновъ, славившійся своимъ зловреднымъ колдовствомъ, за что Юпитеръ повелѣлъ брату своему Нептуну истребить его наводненіемъ. 369 Здѣсь о жителѣ города Картеи на островѣ Кеѣ или Косѣ *Альцидамантѣ* разсказано слѣдующее: Дочь его Стезилла на Пиѳійскомъ праздникѣ (см. 1, 447) влюбилась въ Аѳинскаго юношу Гермохара. Онъ признался ей въ любви на яблокѣ, которое подбросилъ въ храмъ Діаны. Оба поклялись въ вѣрности; но нашелся богатый женихъ, котораго предпочелъ отецъ. *Стезилла* бѣжала съ своею кормилицей въ Аѳины къ возлюбленному, но умерла при первыхъ родахъ, а при ея погребеніи отъ нея поднялся голубь, а самое тѣло исчезло. 371 Упоминаемаго здѣсь Цигна (лебедя) не должно смѣшивать съ приводимыми 2, 367 и 12, 72; онъ былъ рожденъ Гиріею отъ Аполлона. 372 Неизвѣстный намъ Филлій, во исполненіе причудъ любимаго мальчика, готовитъ ему всякаго рода игрушки

Роги носили, когда удалялся отрядъ Геркулеса;
Фебомъ любимый Родосъ и съ нимъ Іалисскихъ Тельхиновъ,
Коихъ, взглядомъ однимъ всему вредоносныя, очи
Возненавидя Зевесъ, сокрылъ подъ братней волною.
Перелетѣла чрезъ древнія стѣны и Кейской Картеи,
Гдѣ Альцидаму отцу придется дивиться надъ тѣломъ
Дочери, что изъ него могла народиться голубка.
Видѣла озеро Гиріи тожъ и Цигновы Темпы,
Что прославилъ онъ вдругъ какъ лебедь. Ибо тамъ Филлій,
Мальчика слыша приказъ, и птицъ и дикаго тоже
Льва укротилъ ему въ даръ; и быка, приказъ получивши
Усмирить, усмирилъ; но взбѣшенъ презрѣньемъ любимца,
Въ просьбѣ послѣдней ему, въ быкѣ отказалъ, какъ наградѣ.
Тотъ возмущенный вскричалъ: „Пожелаешь его подарить ты“,
И соскочилъ со скалы. Всѣ думали, что онъ убился,
Но на бѣлыхъ крылахъ повисъ онъ въ эфирѣ какъ лебедь.
Мать же Гирія вся разлилась слезами, не зная
Что онъ спасенъ, и свое сообщила озеру имя.
Тутъ прилегаетъ Плевронъ, въ которомъ на трепетныхъ крыльяхъ
Комба, Офія дочь, отъ дѣтей угрожавшихъ спаслася.
Дальше она увидала Калавріи берегъ Латонской,
Видѣвшій какъ превратился самъ царь съ супругою въ птицу.
Вправо Циллена отъ ней, въ которой былъ долженъ Менефронъ
Съ матерью, уподобясь суровому звѣрю, связаться.
Видитъ вдали за собой она и Цефиза, какъ плачетъ.

и забавы; но при послѣднемъ отказѣ въ укрощенномъ быкѣ, мальчикъ посягаетъ на самоубійство и превращается въ лебедя. 382 *Плевронъ*—Этолійскій городъ, насильственно перенесенный поэтомъ въ Аттику словомъ *прилегаетъ*, что, какъ мы видѣли 1, 313, онъ не разъ дозволяетъ себѣ, гоняясь за превращеніями. Сказаніе приписываетъ Комбѣ 50 сыновей Куретъ, посягавшихъ на ея жизнь, и боги спасли ее, превративши въ птицу (см. 4, 282). 384 *Калаврія*—небольшой островокъ въ Саронскомъ заливѣ противъ Трезены, древле посвященный Аполлону или самой Латонѣ, но со временемъ уступленный Нептуну, у котораго тутъ былъ знаменитый храмъ, гдѣ Демосѳенъ лишилъ себя жизни. 386 *Циллена* — городъ въ Элидѣ у Іонійскаго моря. 388 *Цефизъ* (см. 1, 369)—многократно уже упоминаемый богъ потока. Дочь его *Праксител* была замужемъ за Аѳинскимъ царемъ Эрехтеемъ и родила четырехъ дочерей и четырехъ сыновей (сличи 6, 679). Съ однимъ изъ нихъ случилось здѣсь приводимое, но подробности намъ неизвѣстны, равно какъ о превращеніи дочери Эвмела въ птицу.

Respicit in tumidam phocen ab Apolline versi:
Eumelique domum lugentis in aere natam.
Tandem vipereis Ephyren Pirenida pennis
Contigit. Hic aevo veteres mortalia primo
Corpora vulgarunt pluvialibus edita fungis.
Sed postquam Colchis arsit nova nupta venenis,
Flagrantemque domum regis mare vidit utrumque,
Sanguine natorum perfunditur impius ensis,
Ultaque se mater male Iasonis effugit arma.

THESEUS.

Hinc Titaniacis ablata draconibus intrat
Palladias arces. quae te, iustissima Phene,
Teque, senex Peripha, pariter videre volantes,
Innixamque novis neptem Polypemonis alis.
Excipit hanc Aegeus, facto damnandus in uno:
Nec satis hospitium est, thalami quoque foedere iungit.
Iamque aderat Theseus, proles ignara parenti,
Qui virtute sua bimarem pacaverat Isthmon.
Huius in exitium miscet Medea, quod olim
Attulerat secum Scythicis aconiton ab oris.
Illud Echidneae memorant e dentibus ortum

---

391 *Эѳира*—древнее имя Коринѳа, названнаго Пиренскимъ отъ посвященнаго Мурамъ ключа *Пирены*, текущаго въ самой крѣпости. 395 Десять лѣтъ, говорятъ, Медея счастливо прожила съ Язономъ въ Коринѳѣ и родила ему нѣсколько сыновей. Слыша упреки, что онъ женился на иностранкѣ и колдуньѣ, Язонъ отторгнулъ Медею и женился на дочери царя Креона Главкѣ или Креузѣ. Озлобленная Медея послала черезъ своихъ дѣтей новобрачной въ падарокъ отравленную золотую корону и великолѣпное покрывало, вслѣдствіе чего Креуза сгорѣла вмѣстѣ съ отцемъ своимъ и всѣмъ дверцомъ. Изъ мести къ Язону она сама убила своихъ дѣтей и улетѣла въ Аѳины, какъ далѣе разсказано. 395 Оба моря Коринѳскаго перешейка на востокъ Эгейское и на западъ Іонійское. 399 Замокъ Паллады (см. 6, 70 и 2, 555). *Фена*—имя отъ греческаго φήνη птицы изъ породы орловъ. 400 *Перифъ* — былъ въ древнія времена Аттическимъ царемъ, заставившій народъ своими благодѣяніями воздавать ему божескія почести. Разгнѣванный Юпитеръ превратилъ его въ орла, а осиротѣвшую супругу, по ея же просьбѣ, въ птицу той же породы. 401 Подразумѣваемая здѣсь Гальціона ничего общаго не имѣетъ съ упоминаемой 11, 416. По преданію она за дурное поведеніе свергнута въ море отцемъ и превратилась въ чайку. Она была внучка упоминаемаго ниже 438 Прокуста или Полипемона. 402 *Эгей*—

Онъ о внукѣ, что былъ превращенъ Аполлономъ въ тюленя;
И Евмела пріютъ, что по дочери въ воздухѣ стонетъ.
Вотъ на змѣиныхъ крылахъ наконецъ до Эѳиры Пиренской
Долетѣла она. Въ старину, по преданіямъ древнихъ,
Здѣсь людскія тѣла изъ грибовъ дождевыхъ зародились.
Но когда новобрачную ядомъ Колхійскимъ спалило,
И пылающимъ видѣли царскій дворецъ оба моря,
Кровью дѣтей оросился тогда и мечъ нечестивый,
И отомщенная мать спаслась отъ оружья Язона

ТЕЗЕЙ.

Уносима оттуда Титана драконами, входитъ
Въ замокъ Паллады она, гдѣ видѣли,—нѣжная Фена,
И тебя и Перифа маститаго вмѣстѣ летѣвшихъ,
И на новыхъ крылахъ еще Полипемона внучку.
Принялъ ее тамъ Эгей, въ одномъ лишь дѣлѣ виновный:
Что не пріютъ только далъ, но съ ней сочетался и ложемъ.
Былъ уже тамъ и Тезей, отцу неизвѣстное чадо:
Успокоившій Истмъ двуморскій своею отвагой.
На погибель ему акониту смѣшала Медея,
Что когда то съ собой принесла изъ Скиѳскихъ предѣловъ.
Онъ, говорятъ, изъ зубовъ собаки, рожденной Эхидной,

тогдашній царь Аѳинскій. 404 *Тезей отцу неизвѣстный.* Когда у Эгея отъ двухъ женъ не было дѣтей, то, не получивъ яснаго отвѣта оракула, онъ на обратномъ пути заѣхалъ къ царю Трезены, Питтею, чтобы выслушать его мнѣніе. Здѣсь онъ ухаживалъ за царскою дочерью Этрой и сказалъ ей, что если она родитъ сына, то не присылала бы его въ Аѳины ранѣе чѣмъ онъ будетъ въ состояніи достать мечъ, положенный подъ тяжелый камень. Рожденный ею Тезей воспитывался у дѣда и, когда возмужалъ до возможности поднять камень, мать сообщила ему тайну его рожденія и, доставъ мечъ, онъ отправился къ отцу въ Аѳины. Мужественный подражатель Геркулесу рядомъ описанныхъ ниже, начиная съ 435, подвиговъ, успѣлъ очистить перешеекъ отъ разбойниковъ. Въ Аѳинахъ онъ, не объявляясь отцу, нашелъ радушный пріемъ. Почему Медея желала его устранить съ пути, намекается ниже 420. Она боялась за владычество Эгея, безъ того угрожаемаго племянниками (см. ниже 456). 406 *Аконитъ* (см. ниже 419). 407 *Скиѳскихъ предѣловъ...* въ широкомъ смыслѣ подразумѣвая и Колхиду. 408 Собака, рожденная страшною эхидной (прекрасною дѣвою по поясъ и далѣе кончающеюся огромною змѣею), есть адскій стражъ Церберъ. Привести на цѣпи Цербера изъ ада было однимъ изъ 12 трудовъ Геркулсса.

Esse canis. Specus est tenebroso caecus hiatu
410 Et via declivis, per quam Tirynthius heros
Restantem contraque diem radiosque micantes
Obliquantem oculos nexis adamante catenis
Cerberon abstraxit, rabida qui concitus ira
Implevit pariter ternis latratibus auras,
415 Et sparsit virides spumis albentibus agros.
Has concresse putant, nactasque alimenta feracis
Foecundique soli, vires cepisse nocendi.
Quae quia nascuntur dura vivacia caute,
Agrestes aconita vocant. Ea coniugis astu
420 Ipse parens Aegeus nato porrexit, ut hosti.
Sumserat ignara Theseus data pocula dextra,
Cum pater in capulo gladii cognovit eburno
Signa sui generis, facinusque excussit ab ore.
Effugit illa necem, nebulis per carmina motis.
425 At genitor, quanquam laetatur sospite nato,
Attonitus tamen est ingens discrimine parvo
Committi potuisse nefas. fovet ignibus aras,
Muneribusque deos implet, feriuntque secures
Colla torosa boum vinctorum cornua vittis.
430 Nullus Erechthidis fertur celebratior illo
Illuxisse dies. Agitant convivia patres
Et medium vulgus. nec non et carmina vino
Ingenium faciente canunt: Te, maxime Theseu
Mirata est Marathon Cretaei sanguine tauri:
435 Quodque suis securus arat Cromyona colonus,
Munus opusque tuum est. Tellus Epidauria per te
Clavigeram vidit Vulcani occumbere prolem,
Vidit et immitem Cephisias ora Procusten:

---

410 *Тиринтъ* — городъ въ Арголидѣ, гдѣ воспитался Геркулесъ. 419. Острые камни бруски по гречески Ἀκονη. 431 Подъ *Эрехтидами* подразумѣваются не одни потомки царя Эрехтея, но Аѳиняне вообще. 434 Эвристей приказалъ Геркулесу привести съ острова Крита изъ стада царя Миноса свирѣпаго быка. Геркулесъ привелъ его, но Эвристей выпустилъ его снова на Мараѳонскія поля и причинилъ тѣмъ Аттикѣ много вреда. Тезей убилъ страшнаго быка. 435 Нивы Краміона опустошалъ въ Коринѳской области дикій кабанъ, нападавшій даже на людей. Геркулесъ, убивъ его, сдѣлалъ хлѣбопашество безопаснымъ. 436 *Перифетъ*--сынъ Вулкана и Антикліи, пресловутый разбойникъ, вооруженный желѣзною булавою работы

Произошелъ. Есть вертепъ сокрытый и съ сумрачнымъ входомъ
И уклономъ въ немъ путь; по немъ герой то Тиринтскій,
Несмотря на упорство и взоръ отвращенный отъ свѣта
И мерцанья лучей, на крѣпкой цѣпи изъ алмазовъ
Цербера вытащилъ вонъ, который, яряся во гнѣвѣ,
Воздухъ своимъ огласилъ тройнымъ одновременно лаемъ,
И зеленыя пажити бѣлой забрызгалъ слюною.
Та, затвердѣвъ, говорятъ, въ природномъ питаніи тучной
И плодородной земли нашла вредоносныя силы;
И растенье зато, что изъ твердаго камня родится,
Аконитомъ зовутъ поселяне. Его, по лукавству
Женину, самъ Эгей протянулъ, какъ недругу, сыну.
Бралъ уже въ руки Тезей, ничего не вѣдая, кубокъ,
Какъ отецъ увидалъ родовой свой знакъ на слоновой
Рукояткѣ меча и отшибъ отъ устъ его ужасъ.
Та отъ смерти спаслась въ облакахъ, чародѣйствомъ сведенныхъ.
Но родитель, хотя восхищенъ спасеніемъ сына,
Между тѣмъ пораженъ, что—лишь малость—моглобъ совершиться
Это ужасное зло; алтари озаряетъ огнями,
И не щадитъ приношеній богамъ, поражаютъ сѣкиры
Тучныя шеи быковъ съ рогами въ красивыхъ повязкахъ.
Говорятъ, никогда торжественнѣй дня не свѣтило
Для Эрехтидовъ чѣмъ тутъ. Отцы составляютъ трапезы
Какъ и попроще народъ; и духъ, виномъ возбуждая,
Воспѣваютъ они: „Тебя, Тезей нашъ великій,
Зрѣлъ Мараѳонъ, что быка ты Критскаго кровію славенъ.
Что безопасно пахать Кроміонъ свой можетъ оратай,
Даръ и заслуга твоя. Чрезъ тебя земля Эпидавра
Палиценоснаго сына Вулканова видѣла падшимъ,
Берегъ Цефиза увидѣлъ злобнаго также Прокуста,

Вулкана. Тезей убилъ его въ окрестностяхъ Эпидавра и вооружился его булавою. 438 Проживавшій на берегу Цефиза Прокустъ клалъ плѣнника на кровать и ровнялъ съ послѣднею его тѣло, или обрубая ноги, или вытягивая оное, отчего и получилъ прозваніе προκρουστης (вытягиватель), тогда какъ собственное его имя Полипемонъ.

Cercyonis letum vidit Cerealis Eleusin.
440 Occidit ille Sinis, magnis male viribus usus,
Qui poterat curvare trabes, et agebat ab alto
Ad terram late sparsuras corpora pinus.
Tutus ad Alcathoen, Lelegeia moenia, limes
Composito Scirone patet. sparsisque latronis
445 Terra negat sedem, sedem negat ossibus unda:
Quae iactata diu fertur durasse vetustas
In scopulos. scopulis nomen Scironis inhaeret.
Si titulos annosque tuos numerare velimus,
Facta premant annos. Pro te, fortissime, vota
450 Publica suscipimus. Bacchi tibi sumimus haustus.
Consonat assensu populi precibusque faventum
Regia. nec tota tristis locus ullus in urbe est.

MINOS.

Nec tamen... usque adeo nulla est sincera voluptas,
Sollicitumque aliquid laetis intervenit... Aegeus
455 Gaudia percepit nato secura recepto.
Bella parat Minos. qui quanquam milite, quanquam
Classe valet, patria tamen est firmissimus ira,
Androgeique necem iustis ulciscitur armis.
Ante tamen bello vires acquirit amicas,
460 Quaque potens habitus, volucri freta classe pererrat.
Hinc Anaphen sibi iungit et Astypaleia regna,
Promissis Anaphen, regna Astypaleia bello:
Hinc humilem Myconon, cretosaque rura Cimoli,
Florentemque Syron, Cythnon, planamque Seriphon,

---

439 Церціонъ заставлялъ проходящихъ бороться съ нимъ и убивалъ побѣжденныхъ; онъ жилъ близь Элевзиса, посвященнаго таинствамъ Цереры (см. 10, 431). 440 *Синисъ*—достойнный сынъ Полипемона, пригибалъ двѣ ели и, привязавши между ними жертву, пускалъ деревья, которыя подскочивъ, раздирали тѣло. Тезей предалъ его той же смерти. 443 Городъ *Мегара* на перешейкѣ, построенный и обитаемый народомъ Лелеговъ, названъ тутъ по имени одного изъ сыновей Пелопса *Алкатоя*. 444 *Скиронъ*—тоже сынъ Полипемона сидѣлъ въ скалахъ между Аттикою и Мегарой и принуждалъ прохожихъ мыть ему ноги, при чемъ ступнею сбрасывалъ ихъ въ море. Тезей поступилъ съ нимъ также; и скалы получили отъ него названіе Скиронскихъ, послѣ того какъ, по разсказу нашего поэта, его кости, долго носившіяся по

Церціонову смерть Элевзисъ Цереринъ увидѣлъ.
440 Имъ же сраженъ и Синисъ, зло силой большой совершавшій,
Могъ онъ балки сгибать и къ землѣ приклонялъ онъ вершины
Сосенъ, чтобы онѣ далеко тѣла разносили.
Къ Лелегейскимъ стѣнамъ Алькатои пути безопасны,
Какъ умервщленъ былъ Скиронъ; костямъ разбойника порознь
445 Отказала въ пріютѣ земля, отказали и волны.
Долго носились онѣ, говорятъ, пока затвердѣли
Позже въ скалы, и скаламъ присвоено имя Скирона.
Еслибъ заслуги твои и лѣта мы исчислить рѣшились,
Дѣлъ было бъ больше чѣмъ лѣтъ. За тебя, храбрѣйшій, возносимъ
450 Общія нынѣ мольбы. Кубокъ Вакха тебѣ мы подносимъ“.
Отвѣчаетъ народному клику и жаркимъ молитвамъ
Царскій дворецъ; и нигдѣ нѣтъ въ городѣ грустнаго мѣста.

МИНОСЪ.

Между тѣмъ... никогда не бываетъ радости чистой,
И забота всегда къ веселью привходитъ... Эгею
455 Радости не довелось спокойной при найденномъ сынѣ.
Шелъ войною Миносъ; хоть онъ и войсками и флотомъ
Очень силенъ, но еще сильнѣй отеческимъ гнѣвомъ,
Чтобы оружьемъ какъ слѣдъ отмстить за смерть Андрогея.
Но сперва для войны онъ дружескихъ силъ набираетъ,
460 Гдѣ найдетъ, по морямъ со флотомъ летучимъ блуждая.
Такъ привлекъ онъ съ Анафомъ Астипалейское царство,
Обѣщаньемъ Анафъ и Астипалейцевъ войною;
Тамъ невысокій Миконъ, поля мѣловыя Цимола
И цвѣтущій Сиронъ и Цитнъ и равнины Серифа,

волнамъ, превратились въ скалы. 450) *Вакха* т. е. вино. 456 *Миносъ.* Второй этого имени царь Гноса на Критѣ, внукъ того Миноса, который, будучи сыномъ Юпитера и Европы (см. конецъ 2-ой и начало 3-й книги), какъ мудрый законодатель, былъ послѣ смерти назначенъ однимъ изъ судей преисподней, съ которымъ этого нерѣдко смѣшиваютъ (см. 8, 23 и 120). Онъ былъ могучій царь особенно своимъ флотомъ, такъ какъ Критяне славились тогда мореплаваніемъ. Въ настоящемъ случаѣ онъ вооружался противъ Аѳинъ, чтобы отмстить за смерть сына своего Андрогея, который, одержавши побѣды на праздникѣ Панатеней, былъ убитъ на пути въ Ѳивы, какъ полагали, по проискамъ самого Эгея.

Marmoreamque Paron, quamque impia prodidit Arne
Siphnon, et accepto, quod avara poposcerat, auro
Mutata est in avem, quae nunc quoque diligit aurum,
Nigra pedes, nigris velata monedula pennis.
At non Oliaros Didymaeque et Tenos et Andros
Et Gyaros nitidaeque ferax Peparethos olivae
Gnosiacas iuvere rates. Latere inde sinistro
Oenopiam Minos petit, Aeacideia regna.
Oenopiam veteres appellavere. sed ipse
Aeacus Aeginam genitricis nomine dixit.
Turba ruit, tantaeque virum cognoscere famae
Expetit. Occurrunt illi Telamonque minorque,
Quam Telamon, Peleus et proles tertia Phocus.
Ipse quoque egreditur tardus gravitate senili
Aeacus et, quae sit veniendi causa, requirit.
Admonitus patrii luctus suspirat, et illi
Dicta refert rector populorum talia centum:
Arma iuves oro pro nato sumta, piaeque
Pars sis militiae. tumulo solatia posco.
Huic Asopiades: Petis irrita, dixit, et urbi
Non facienda meae. neque enim coniunctior ulla
Cecropidis hac est tellus. ea foedera nobis.
Tristis abit, Stabuntque tibi tua foedera magno,
Dixit, et utilius bellum putat esse minari,
Quam gerere, atque suas ibi praeconsumere vires.
  Classis ab Oenopiis etiamnum Lyctia muris
Spectari poterat, cum pleno concita velo
Attica puppis adest in portusque intrat amicos,
Quae Cephalum patriaeque simul mandata ferebat.
Aeacidae longo iuvenes post tempore visum
Agnovere tamen Cephalum, dextrasque dedere,

---

466 Неизвѣстная намъ *Арна*, предавшая за золото свой родной островъ *Сифнъ*, превратилась въ галку. Извѣстно, что галки, сороки и вороны падки на все блестящее. 472 *Энопіей* н. пр. называетъ городъ *Энону* поэтъ Пиндаръ. *Эакъ* былъ сынъ Юпитера и Эгины, дочери потока Азопа (см. 6, 113). поэтому ниже 484 онъ названъ *Азопіадъ*. На этомъ островѣ Эгина родила отъ Юпитера Эака, который въ преклонныхъ уже годахъ владѣлъ въ настоящее время городомъ и островомъ и былъ от-

465 Мраморомъ славный Паросъ и Сифнъ, который безчестно
Арна рѣшилась предать, и, принявъ по алчности злато,
Сдѣлана птицей, которая золото любитъ понынѣ,
Черныя лапы у ней и черныя перья у галки.
Но Оліаръ и Теносъ и Андросъ и также Диндимы
470 И Гіаръ съ Пепаретомъ, обильнымъ ясной оливой,
Къ Гносскимъ не шли кораблямъ. Оттуда въ лѣвую руку
Въ Эакійское царство Миносъ поплылъ въ Энопію.
Энопіей ее называли древніе, самъ же
Звалъ Эгиной ее Эакъ, какъ мать называли.
475 Мчится толпа, и мужа увидѣть съ подобною славой
Жаждетъ. На встрѣчу ему бѣгутъ Теламонъ и моложе
Теламона Пелей и Фокъ изъ наслѣдниковъ третій.
Медленно вышелъ и самъ Эакъ, удрученный годами,
И спросилъ, по какой сюда причинѣ онъ прибылъ.
480 И про горе отцовское вспомнивъ, вздыхаетъ и этой
Рѣчью ста городовъ предводитель ему отвѣчаетъ:
„Я прошу, чтобъ помогъ моему ты оружью за сына!
Стань за святую войну; я прошу утѣшенья могилѣ“.
Азопіадъ отвѣчалъ: „Не должнаго просишь и дѣлать
485 Не подобаетъ намъ такъ, и нѣтъ Кекропидамъ дружнѣе
Противу нашей страны; таковъ союзъ между нами“.
Съ грустью тотъ отошелъ и сказалъ: „За союзъ свой заплатишь
Дорого ты“, и подумалъ: Грозить войною полезнѣй,
Чѣмъ войну начинать и до времени тратить въ ней силы.
490 Флотъ Ликтійскій еще виднѣлся со стѣнъ Энопійскихъ,
Какъ, на всѣхъ парусахъ поспѣшая, Аѳинское судно
Въ портъ дружелюбный вошло, принося съ собою Цефала
И одновременно съ нимъ порученья родимой отчизны.
Хоть Эакиды его и съ давней поры не видали,
495 Но признали Цефала и подали руки немедля,

цемъ трехъ сыновей *Эакидовъ*: *Теламона, Пелея и Фока.* 481 Уже Гомеръ называетъ островъ Критъ стограднымъ, чего, конечно, нельзя, принимать буквально въ смыслѣ настоящихъ городовъ. 490 *Ликтъ*—былъ одинъ изъ замѣчательныхъ городовъ Крита;—поэтому имя его перенесено на всю страну, также и имена другихъ городовъ (см. ниже 778 и 8, 22). 492 *Цефалъ*—зять бывшаго Аѳинскаго царя Эрехтея (см. 6, 681), похищенный Авророю, какъ онъ самъ разсказываетъ ниже 690.

Inque patris duxere domum. Spectabilis heros
Et veteris retinens etiamnum pignora formae
Ingreditur, ramumque tenens popularis olivae
A dextra laevaque duos aetate minores
Maior habet, Clyton et Buten, Pallante creatos.
Postquam congressus primi sua verba tulerunt,
Cecropidae Cephalus peragit mandata, rogatque
Auxilium, foedusque refert et iura parentum,
Imperiumque peti totius Achaidos addit.
Sic ubi mandatam iuvit facundia causam,
Aeacus, in capulo sceptri nitente sinistra:
Ne petite auxilium, sed sumite, dixit, Athenae:
Nec dubie vires, quas haec habet insula, vestras
Ducite, et omnis eat: rerum status iste mearum.
Robora non desunt. superat mihi miles et hosti.
Gratia dis, felix et inexcusabile tempus.
Immo ita sit, Cephalus, crescat tua civibus opto
Urbs, ait. Adveniens equidem modo gaudia cepi,
Cum tam pulchra mihi, tam par aetate iuventus
Obvia processit. Multos tamen inde requiro,
Quos quondam vidi vestra prius urbe receptus.
Aeacus ingemuit, tristique ita voce locutus:
Flebile principium melior fortuna secuta est.
Hanc utinam possem vobis memorare sine illo!
Ordine nunc repetam. Neu longa ambage morer vos:
Ossa cinisque iacent, memori quos mente requiris.
Et quota pars illi rerum periere mearum!

PESTILENTIA. MYRMIDONES.

Dira lues ira populis Iunonis iniquae
Incidit, exosae dictas a pellice terras.
Dum visum mortale malum, tantaeque latebat
Causa nocens cladit, pugnatum est arte medendi.
Exitium superabat opem, quae victa iacebat.

---

498 *Вѣтку оливы* (см. 11, 279). 500 *Паллантъ*—братъ Эгея.

И въ отцовскій чертогъ повели. Герой сановитый
И понынѣ еще красоты примѣты хранящій,
Входитъ и, вѣтку держа своей родимой оливы,
Справа и слѣва ведетъ съ собою старѣйшимъ двухъ юныхъ:
Бута и Клитоса тожъ, какъ онъ, порожденныхъ Паллантомъ.
Лишь обмѣнялись они словами впервые при встрѣчѣ,
То сообщаетъ Цефалъ наказъ Кекропида и проситъ
Помощи, и про союзъ и право отцовъ вспоминая,
Прибавляетъ, что тамъ овладѣть всей Ахайей стремятся.
Какъ съ краснорѣчіемъ онъ причину изрекъ порученья
Съ лѣвой рукою Эакъ на верхъ опертою скиптра:
„Вы не просите, сказалъ, а берите Аѳиняне помощь:
Безъ сомнѣнія всѣ, что на островѣ силъ есть, считайте
Вы своими, всѣ къ вамъ: въ такомъ я теперь положеньи.
Нѣтъ недостатка въ войскахъ, на врага еще воиновъ хватитъ.
Слава богамъ, и нельзя извиняться въ счастливое время“.
„Подлинно пусть будетъ такъ, промолвилъ Цефалъ, пусть твой городъ.
Множится гражданъ числомъ. Входя я почувствовалъ радость,
Какъ въ такой красотѣ, лѣтами столь равная юность
Стала встрѣчаться со мной. Но многихъ ищу между ними
Что когда то видалъ я въ городѣ принятый вашемъ“.
Вздохъ Эакъ испустилъ, и голосомъ молвилъ печальнымъ:
„За годиною слезъ послѣдовалъ жребій получше.
Если бы могъ безъ нея я вамъ передать о послѣднемъ!
Все по порядку скажу. Чтобъ васъ не задерживать долго:
Прахомъ лежатъ и костьми, которыхъ запомнивъ ты ищешь;
И какая въ нихъ часть моего достоянья погибла!

ЧУМА. МИРМИДОНЫ.

Злая напала чума на народъ по гнѣву Юноны,
Злобной за то, что страна приняла отъ наложницы имя.
Какъ еще видѣли тутъ людскую бѣду, и причина
Гибели скрыта была, боролись врачебнымъ искусствомъ.
Зло превышало усиліе, что побѣжденное пало.

Principio coelum spissa caligine terras
Pressit, et ignavos inclusit nubibus aestus.
Dumque quater iunctis explevit cornibus orbem
Luna, quater plenum tenuata retexuit orbem,
Letiferis calidi spirarunt flatibus austri.
Constat et in fontes vitium venisse lacusque,
Miliaque incultos serpentum multa per agros
Errasse, atque suis fluvios temerasse venenis.
Strage canum primo volucrumque oviumque boumque
Inque feris subiti deprensa potentia morbi.
Concidere infelix validos miratur arator
Inter opus tauros, medioque recumbere sulco.
Lanigeris gregibus balatus dantibus aegros
Sponte sua lanaeque cadunt et corpora tabent.
Acer equus quondam magnaeque in pulvere famae,
Degenerat palmas, veterumque oblitus honorum
Ad praesepe gemit leto moriturus inerti.
Non aper irasci meminit, non fidere cursu
Cerva, nec armentis incurrere fortibus ursi.
Omnia languor habet. silvisque agrisque viisque
Corpora foeda iacent. vitiantur odoribus aurae.
Mira loquor. non illa canes avidaeque volucres,
Non cani tetigere lupi. dilapsa liquescunt,
Afflatuque nocent, et agunt contagia late.
Pervenit ad miseros damno graviore colonos
Pestis, et in magnae dominatur moenibus urbis.
Viscera torrentur primo, flammaeque latentis:
Indicium rubor est et adustus anhelitus igni.
Aspera lingua tumet, tepidisque arentia ventis
Ora patent, auraeque graves captantur hiatu.
Non stratum, non ulla pati velamina possunt,
Dura sed in terra ponunt praecordia. nec fit
Corpus humo gelidum, sed humus de corpore fervet.
Nec moderator adest. inque ipsos saeva medentes
Erumpit clades, obsuntque auctoribus artes.
Quo propior quisque est servitque fidelius aegro,
In partem leti citius venit. Utque salutis

Небо покрыло сперва густымъ туманомъ всю землю,
И разслабляющій жаръ въ своихъ облакахъ заключало,
Какъ четырежды кругъ, содвинувъ рога, завершила
Въ небѣ луна, и четырежды таяла, кругъ уменьшая,
Жаръ смертоносный летѣлъ въ дыханіи южнаго вѣтра.
Несомнѣнно отрава вошла въ озера и потоки,
И по полямъ невоздѣланнымъ тысячи змѣй пресмыкались,
Ядомъ рѣки онѣ своимъ притомъ оскверняли.
Моръ сперва на собакъ, на птицъ, на овецъ, на скотину
Крупную и на звѣрей проявилъ жестокость болѣзни.
Пахарь бѣднякъ удивленъ, что волы во время работы
Мощные падаютъ вдругъ и лежатъ въ бороздѣ растянувшись.
На руноносныхъ стадахъ, блеянье едва издающихъ,
Падаетъ волна сама и все изводится тѣло.
Бойкій нѣкогда конь, великая слава арены,
Пальмы не въ силахъ стяжать и, прежнюю почесть забывши,
Около ясель кряхтитъ въ ожиданіи смерти безславной.
Злиться кабанъ позабылъ и лань быстротѣ довѣряться,
И на отважныхъ быковъ нападать забыли медвѣди.
Слабость напала на все; въ лѣсахъ, по полямъ и дорогамъ
Смрадные трупы лежатъ; зловоніемъ воздухъ отравленъ.
Чудо скажу; не трогали ихъ ни собаки, ни птицы,
Жадныя всѣ, ни сѣрые волки; гніютъ распадаясь,
Запахомъ только вредя, и широко разносятъ заразу.
Болѣе тяжкой бѣдой чума до сельчанъ злополучныхъ
Добралась, и въ стѣнахъ воцарилась великой столицы.
Внутренность прежде палитъ, ее огнемъ изсушаетъ.
Признаки лишь краснота, да жаркое пламя дыханья.
Пухнетъ изсохшій языкъ, и отъ теплаго вѣтра пылаетъ
Ротъ открытъ и разверзтъ впиваетъ губительный воздухъ.
Ни постели нельзя выносить, ни малѣйшей одежды,
А ложатся лишь грудью на твердую землю; не тѣло
Отъ земли холоднѣй, а земля накалится отъ тѣла.
Тутъ помогающихъ нѣтъ; на самихъ врачующихъ гибель
Устремилась, вредятъ рачителямъ ихъ же искусства.
Чѣмъ кто ближе стоитъ и усерднѣй служитъ больному,
Тѣмъ скорѣе дойдетъ онъ до смерти. Съ потерей надежды

Spes abiit, finemque vident in funere morbi,
Indulgent animis et nulla, quid utile, cura est:
Utile enim nihil est. Passim positoque pudore
Fontibus et fluviis puteisque capacibus haerent:
Nec prius est extincta sitis, quam vita, bibendo.
Inde graves multi nequeunt consurgere, et ipsis
Immoriuntur aquis. aliquis tamen haurit et illas.
Tantaque sunt miseris invisi taedia lecti:
Prosiliunt, aut si prohibent consistere vires,
Corpora devolvunt in humum. fugiuntque penates
Quisque suos. sua cuique domus funesta videtur:
Et quia causa latet, locus est in crimine notus.
Semianimes errare viis, dum stare valebant,
Aspiceres, flentes alios, terraque iacentes,
Lassaque versantes supremo lumina motu.
Membraque pendentis tendunt ad sidera coeli,
Hic, illic, ubi mors deprenderat, exhalantes.
Quid mihi tunc animi fuit? an quod debuit esse,
Ut vitam odissem et cuperem pars esse meorum?
Quo se cunque acies oculorum flexerat, illic
Vulgus erat stratum, veluti cum putria motis
Poma cadunt ramis, agitataeque ilice glandes.
Templa vides contra gradibus sublimia longis:
Iuppiter illa tulit. Quis non altaribus illis
Irrita tura dedit? quoties pro coniuge coniux,
Pro nato genitor, dum verba precantia dicit,
Non exoratis animam finivit in aris,
Inque manu turis pars inconsumta reperta est!
Admoti quoties templis, dum vota sacerdos
Concipit, et fundit purum inter cornua vinum,
Haud exspectato ceciderunt vulnere tauri!
Ipse ego sacra Iovi pro me patriaque tribusque
Cum facerem natis, mugitus victima diros
Edidit, et subito collapsa sine ictibus ullis
Exiguo tinxit subiectos sanguine cultros.
Fibra quoque aegra notas veri monitusque deorum
Perdiderat. tristes penetrant ad viscera morbi.

565 На спасенье, узнавъ, что конецъ болѣзни въ могилѣ,
Похотямъ волю даютъ и о полезномъ не тужатъ:
Вѣдь не полезно ничто. Кругомъ, весь стыдъ забывая,
Всѣ къ ручьямъ и рѣкамъ и колодцамъ большимъ припадаютъ,
И не раньше чѣмъ жизнь потухаетъ и жажда отъ пойла.
570 Многіе, влаги полны, не въ силахъ подняться, и въ самой
Здѣсь умираютъ водѣ; другой ее черпаетъ тутъ же.
И настолько постель несчастнымъ страдальцамъ несносна,
Что повскочутъ, или, какъ стоять нѣтъ силы, катятся
Тѣломъ они по землѣ; и каждый отъ отчихъ пенатовъ
575 Прочь убѣгаетъ; свой домъ для всякаго кажется вреднымъ.
Такъ какъ причина темна, винятъ извѣстное мѣсто.
Полу-живыми по улицамъ тѣхъ, что встать въ состояньи,
Встрѣтилъ бы ты, тѣ плачутъ, да на земи лежа,
Утомленные взоры вращаютъ съ послѣднимъ усильемъ.
580 Руки они простираютъ свои къ нависшему небу,
Тамъ и сямъ, гдѣ смерть захватила ихъ, духъ испуская.
Что на душѣ моей было? Не толь, чему быть надлежало,
Что ненавидѣлъ я жизнь и желалъ быть вмѣстѣ съ моими.
Всюду, куда только взоръ очей обращался, лежалъ тамъ
585 Распростертый народъ, какъ яблоки съ сучьевъ гнилыя
Падаютъ, лишь потрясти, и желуди съ дуба, что тронутъ.
Видишь насупротивъ храмъ высокій на длинныхъ ступеняхъ:
Зевсу онъ посвященъ. Кто тутъ къ алтарю понапрасну
Ладона не приносилъ? Какъ часто за мужа супруга,
590 За ребенка отецъ, пока изрекали молитву,
Предъ алтаремъ испускали духъ съ безуспѣшной мольбою,
А въ рукѣ еще часть находилася ладона цѣлой!
Приведенные въ храмѣ какъ часто, лишь жрецъ возмолился,
И вино выливалъ чистѣйшее между рогами,
595 Падали сами быки, еще не дождавшись удара!
Какъ за себя самого, за отчизну и трехъ сыновей я
Жертву Зевесу свершалъ, жестокій ревъ испустила
Жертва и вдругъ повалилася безо всякихъ ударовъ,
И подставленный ножъ окрасила скудною кровью.
600 Тоже больное нутро утратило признаки правды
И указанья боговъ, болѣзнь проникла и въ сердце.

Ante sacros vidi proiecta cadavera postes:
Ante ipsas, quo mors foret invidiosior, aras.
Pars animam laqueo claudunt, mortisque timorem
Morte fugant, ultroque vocant venientia fata.
Corpora missa neci nullis de more feruntur
Funeribus. neque enim capiebant funera portae.
Aut inhumata premunt terras, aut dantur in altos
Indotata rogos. Et iam reverentia nulla est,
Deque rogis pugnant, alienisque ignibus ardent.
Qui lacriment, desunt. indefletaeque vagantur
Natorumque virumque animae, iuvenumque senumque:
Nec locus in tumulos, nec sufficit arbor in ignes.
  Attonitus tanto miserarum turbine rerum:
Iuppiter, o, dixi, si te non falsa loquuntur
Dicta sub amplexus Aeginae Asopidos isse,
Nec te, magne pater, nostri pudet esse parentem:
Aut mihi redde meos, aut me quoque conde sepulchro.
Ille notam fulgore dedit tonitruque secundo.
Accipio, sintque ista precor felicia mentis
Signa tuae, dixi. quod das mihi, pigneror omen.
  Forte fuit iuxta patulis rarissima ramis
Sacra Iovi quercus de semine Dodonaeo.
Hic nos frugilegas aspeximus agmine longo
Grande onus exiguo formicas ore gerentes,
Rugosoque suum servantes cortice callem.
Dum numerum miror: Totidem, pater optime, dixi,
Tu mihi da cives, et inania moenia supple.
Intremuit ramisque sonum sine flamine motis
Alta dedit quercus. Pavido mihi membra timore
Horruerant, stabantque comae. Tamen oscula terrae
Roboribusque dedi. nec me sperare fatebar:
Sperabam tamen atque animo mea vota fovebam.
Nox subit, et curis exercita corpora somnus

---

616 *Азопидѣ* (см. 6, 113). 623 *Додонскаго сѣмени.* Въ Додонѣ—въ Эпирѣ, древней Хаоніи, былъ храмъ Юпитера, знаменитый своимъ оракуломъ, окруженный древнею дубравой. Въ древнѣйшія времена до сооруженія храма оракулъ раздавался съ

У священныхъ воротъ я видѣлъ лежащими трупы:
У самихъ алтарей, чтобъ смерть ненавистнѣй казалась.
Часть задушилась петлей, отъ страха спасаются смерти
605 Смертью они, и сами зовутъ грядущій свой жребій.
Не по обычью несутъ хоронить тѣла, что достались
Смерти, и всѣхъ похоронъ уже не вмѣщали ворота.
Иль не зарыты лежатъ они на землѣ, иль бросаютъ
Ихъ безъ даровъ на костры. И ужъ никакого приличья,
610 Спорятъ они о кострахъ и на чуждомъ огнѣ погораютъ.
Плачущихъ нѣтъ никого; никѣмъ не оплаканы бродятъ
Души дѣтей и мужей и юношей также какъ старцевъ:
Мѣста ужъ нѣтъ для могилъ и дерева нѣтъ для сожженій.
  Вихремъ бѣдствій такихъ совсѣмъ оглушенный воззвалъ я:
615 „О, Юпитеръ, когда неложно преданье, что древле,
Какъ говорятъ, ты низшелъ къ Азопидѣ Эгинѣ въ объятья
И не стыдишься, великій отецъ, быть нашимъ ты предкомъ.
Иль мнѣ моихъ возврати, иль скрой и меня ты въ могилѣ“.
Подалъ молніей знакъ и громомъ онъ тутъ благовѣстнымъ:
620 „Принимаю, вскричалъ я, и знакомъ счастья да будетъ
Помысловъ это твоихъ; что шлешь, принимаю залогомъ“.
  Около храма Зевеса стоялъ необычно широко
Вѣтви раскинувшій дубъ, Додонскаго сѣмени родомъ.
Тутъ плоды собирающихъ, мы муравьевъ увидали,
625 Тащущихъ въ длинномъ строю ртомъ крошечнымъ бремя большое,
И по морщлявой корѣ свою соблюдающихъ стежку.
Ихъ дивяся числу, я сказалъ: „вотъ столько жь, отецъ нашъ,
Ты мнѣ и гражданъ пошли и стѣны восполни пустыя“.
Дрогнулъ и, закачавъ безъ вѣтра вѣтвями, высокій
630 Дубъ зашумѣлъ. У меня отъ испуга и страха всѣ члены
Похолодѣли, и сталъ мой волосъ дыбомъ. Однако
Землю я сталъ цѣловать и дубъ; и хотя безъ сознанья,
Все же надѣялся я и въ душѣ упованье лелѣялъ.
Ночь спустилась, и сонъ тѣла въ истомѣ заботы

вершины дуба (сличи 13, 716), т. е. жрецы прислушивались къ шуму листьевъ и изрекали судьбу. Додонское сѣмя здѣсь обозначаетъ не только достоинство дуба по его происхожденію, но содержитъ въ себѣ и понятіе святости и чудодѣйства.

Occupat. Ante oculos eadem mihi quercus adesse
Et ramos totidem totidemque animalia ramis
Ferre suis visa est, pariterque tremiscere motu,
Graniferumque agmen subiectis spargere in arvis:
Crescere quod subito et maius maiusque videri,
Ac se tollere humo rectoque assistere trunco,
Et maciem numerumque pedum nigrumque colorem
Ponere, et humanam membris inducere formam.
Somnus abit. Damno vigilans mea visa, querorque
In superis opis esse nihil. At in aedibus ingens
Murmur erat, vocesque hominum exaudire videbar
Iam mihi desuetas. Dum suspicor has quoque somni,
Ecce venit Telamon properus. foribusque reclusis:
Speque fideque, pater, dixit, maiora videbis.
Egredere! Egredior. qualesque in imagine somni
Visus eram vidisse viros, ex ordine tales
Aspicio noscoque. Adeunt, regemque salutant.
Vota Iovi solvo, populisque recentibus urbem
Partior et vacuos priscis cultoribus agros:
Myrmidonasque voco, nec origine nomina fraudo.
Corpora vidisti. Mores, quos ante gerebant,
Nunc quoque habent, parcum genus est patiensque laborum,
Quaesitique tenax, et quod quaesita reservet.
Hi te ad bella pares annis animisque sequentur,
Cum primum qui te feliciter attulit, eurus...
Eurus enim attulerat... fuerit mutatus in austros.

CEPHALUS ET PROCRIS.

Talibus atque aliis longum sermonibus illi
Implevere diem. Lucis pars ultima mensae
Est data, nox somnis. Iubar aureus extulerat sol:
Flabat adhuc eurus, redituraque vela tenebat.

---

654 Μυρμηξ, муравей. Мирмидоны позднѣе послѣдовали за бѣгущимъ Пелеемъ въ Ѳессалію (см. 11, 266, особенно 407), гдѣ мы этотъ народъ находимъ во Фтіи

635 Обнялъ. Тутъ дубъ у меня тотъ самый предсталъ предъ глазами,
Столько жь на немъ и вѣтвей и столько жь на вѣткахъ животныхъ
Я увидалъ, и опять такимъ же дрожалъ онъ движеньемъ,
И сѣмена собирающій строй распускалъ онъ по нивамъ.
Тотъ будто вдругъ сталъ рости все больше и больше по виду,
640 И, подымаясь съ земли, рядъ туловищъ ставилъ ужь прямо,
И худощавость и ножекъ число и цвѣтъ даже черный
Сбрасывалъ, и облекалъ человѣческимъ образомъ члены.
Сонъ отошелъ. Я кляну на яву всѣ видѣнья и плачусь,
Что отъ боговъ нѣтъ помощи намъ. Но въ домѣ великій
645 Шумъ поднялся и говоръ людской, казалось, я слышу,
Мнѣ непривычный уже. За сонъ принимаю и это.
Вдругъ спѣшитъ Теламонъ и, дверь отворя, говоритъ онъ:
„Ты увидишь, отецъ, что превыше надежды и вѣры.
Выходи! Выхожу; и какъ я въ сонномъ видѣньи
650 Видѣлъ казалось мужей, такихъ и въ такомъ же порядкѣ
Я увидалъ и узналъ. Подошли и царю поклонились.
Я исполняю Зевесу обѣтъ, и дѣлю межъ народомъ
Новымъ городъ и нивы безъ прежнихъ рабочихъ пустыя:
Ихъ зову Мирмидонами, именемъ рода не скрывши.
655 Видѣлъ наружность ты ихъ. А нравы, какіе и прежде
Были, у нихъ и теперь, бережливый народъ, работящій,
Цѣпкій къ наживѣ притомъ, а что наживетъ, то припрячетъ.
Эти пойдутъ за тобой на войну, годами и духомъ
Равные, только что Эвръ, съ которымъ ты счастливо прибылъ...
660 Съ Эвромъ онъ прибылъ дѣйствительно... Австеру силу уступитъ“.

ЦЕФАЛЪ И ПРОКРИДА.

Рѣчью такой и другими день они наполняли
Долгій. Послѣдняя часть дня отдавалась трапезѣ,
Отдыху ночь. Золотое сіяніе вынесло солнце:
Все еще Эвръ подувалъ, парусамъ возвращаться мѣшая.

подъ властію знаменитаго его сына Ахилла. 659 *Эвръ*—восточный вѣтеръ.

665 Ad Cephalum Pallante sati, cui grandior aetas,
Ad regem Cephalus simul et Pallante creati
Conveniunt. Sed adhuc regem sopor altus habebat.
Excipit Aeacides illos in limine Phocus:
Nam Telamon fraterque viros ad bella legebant.
670 Phocus in interius spatium pulchrosque recessus
Cecropidas ducit, cum quis simul ipse resedit.
Aspicit Aeoliden ignota ex arbore factum
Ferre manu iaculum, cuius fuit aurea cuspis.
Pauca prius mediis sermonibus ille locutus:
675 Sum nemorum studiosus, ait, caedisque ferinae:
Qua tamen e silva teneas hastile recisum,
Iamdudum dubito. certe si fraxinus esset,
Fulva colore foret. si cornus, nodus inesset.
Unde sit, ignoro. sed non formosius isto
680 Viderunt oculi telum iaculabile nostri.
Excipit Actaeis e fratribus alter, et: Usum
Maiorem specie mirabere, dixit, in isto.
Consequitur, quodcunque petit, fortunaque missum
Non regit. et revolat nullo referente cruentum.
685 Tum vero iuvenis Nereius omnia quaerit,
Cur sit et unde datum, quis tanti muneris auctor.
Quae petit, ille, refert, sed enim narrare, pudori est,
Qua tulerit mercede, silet: tactusque dolore
Coniugis amissae lacrimis ita fatur obortis:
690   Hoc me, nate dea,.. quis possit credere?.. telum
Flere facit, facietque diu, si vivere nobis
Fata diu dederint. Hoc me cum coniuge cara
Perdidit. hoc utinam caruissem munere semper!
Procris erat, si forte magis pervenit ad aures
695 Orithyia tuas, raptae soror Orithyiae:
Si faciem moresque velis conferre duarum,
Dignior ipsa rapi. Pater hanc mihi iunxit Erechtheus,

---

672 *Эолида* (см. 6, 681). 681 *Актейскихъ* (см. 1, 313). 685 *Нерейскій юноша*— Фокъ, рожденный отъ другой матери, чѣмъ Теламонъ и Пелей, именно отъ Нереиды Псаматы (см. ниже 690 названной богинею); почему позднѣе онъ сталъ жертвою

Идутъ къ Цефалу Палланта сыны, онъ старшій лѣтами,
А къ царю самъ Цефалъ, а съ нимъ и дѣти Палланта.
Царь однако еще въ глубокій сонъ погруженъ былъ.
Принялъ Фокъ Эакидъ поэтому ихъ на порогѣ:
Ибо мужей на войну Теламонъ и братъ выбирали.
Фокъ въ середину дворца, въ пріютъ красивый убранствомъ
Ввелъ Кекропидовъ, и самъ усѣлся съ ними тутъ вмѣстѣ.
Изъ неизвѣстнаго дерева видитъ въ рукѣ Эолида
Онъ копье, у котораго былъ золотой наконечникъ.
Поговоривши немногое въ общихъ словахъ, онъ промолвилъ:
„Я любитель большой лѣсовъ и звѣриной охоты,
Но изъ лѣсу какаго срублено древко, что держишь,
Я размышляю давно; навѣрное, будь это ясень,
Желтый бы цвѣтомъ онъ былъ; дерёнъ, такъ былъ бы въ горбинахъ.
Что это, я не пойму, но мои глаза не видали
Для метанья копья ни разу красивѣй, чѣмъ это“.
Тутъ одинъ отвѣчалъ изъ братьевъ Актейскихъ: „Дивиться
Болѣе свойству его чѣмъ виду красивому будешь.
Бьетъ оно все, куда ни летитъ, не правитъ полетомъ
Случай; безъ сыску оно назадъ прилетаетъ кровавымъ“.
Спрашивать тутъ обо всемъ Нерейскій юноша началъ,
Для чего и откуда оно, кто вручитель подарка?
Тотъ на вопросъ отвѣчалъ; но какъ разсказывать стыдно,
Куплено было какой цѣною, смолчалъ, и затронутъ
Горемъ потери жены, сказалъ въ слезахъ проступившихъ:
  „Сынъ богини! копье меня это, кто бы повѣрилъ?..
Плакать заставило и еще долго заставитъ, какъ долго
Жить мнѣ судьбой суждено. Меня съ дорогою супругой
Погубило оно; о, лучше бъ не знать мнѣ подарка!
Если до слуха скорѣй дошла твоего Оритія,
То Прокрида сестра похищенной той Оритіи.
Еслибъ лицемъ ты хотѣлъ и нравомъ сличить ихъ обѣихъ,
То достойнѣй она похищенья была. Эрехтей насъ

зависти мачихи и ея дѣтей, такъ какъ отецъ любилъ его болѣе другихъ дѣтей (сличи 11, 267).

Hanc mihi iunxit amor. Felix dicebar eramque.
Non ita dis visum est, aut nunc quoque forsitan essem.
Alter agebatur post sacra iugalia mensis:
Cum me cornigeris tendentem retia cervis
Vertice de summo semper florentis Hymetti
Lutea mane videt pulsis Aurora tenebris,
Invitumque rapit. Liceat mihi vera referre
Pace deae. Quod sit roseo spectabilis ore,
Quod teneat lucis, teneat confinia noctis,
Nectareis quod alatur aquis... ego Procrin amabam:
Pectore Procris erat, Procris mihi semper in ore.
Sacra tori, coitusque novos, thalamosque recentes,
Primaque deserti referebam foedera lecti.
Mota dea est et: Siste tuas, ingrate, querelas:
Procrin habe! dixit. Quod si mea provida mens est,
Non habuisse voles. meque illi irata remisit.
Dum redeo, mecumque deae memorata retracto,
Esse metus coepit, ne iura iugalia coniux
Non bene servasset. Facies aetasque iubebant
Credere adulterium. prohibebant credere mores.
Sed tamen abfueram. sed et haec erat, unde redibam,
Criminis exemplum. sed cuncta timemus amantes.
Quaerere, quod doleam, statuo, donisque pudicam
Sollicitare fidem. Favet huic Aurora timori,
Immutatque meam... videor sensisse... figuram.
Palladias ineo non cognoscendus Athenas,
Ingrediorque domum. Culpa domus ipsa carebat,
Castaque signa dabat, dominoque erat anxia rapto:
Vix aditu per mille dolos ad Erechthida facto
Ut vidi, obstupui, meditataque paene reliqui
Tentamenta fide. male me, quin vera faterer,
Continui, malequin, ut oportuit, oscula ferrem.
Tristis erat. sed nulla tamen formosior illa
Esse potest tristi. desiderioque calebat

---

694 *Оритія* (сличи 6, 682). 702 *Гиметтъ* — гора близъ Аѳинъ, покрытая деревьями и благовонными растеніями преимущественно тминомъ, изъ котораго пчелы

Съ нею отецъ сочеталъ и любовь сочетала. Счастливцемъ
Слылъ я и былъ, будь воля боговъ, я бъ былъ имъ понынѣ.
700 Мѣсяцъ второй проходилъ со времени брачнаго пира,
Какъ меня разставлявшаго сѣти рогатымъ оленямъ
Съ самой вершины всегда цвѣтущаго пышно Гиметта,
Рано прогнавъ темноту, узрѣла, сіяя, Аврора
И насильно похитила. Да позволитъ богиня
705 Правду мнѣ всю разсказать. Хоть розовымъ ликомъ прекрасна,
Хоть и дня у нея, у нея же ночи границы,
Хоть и нектаръ ее питаетъ... любилъ я Прокриду.
Лишь Прокрида была въ груди, на устахъ все Прокрида.
Святость брака, недавнюю связь и супружества новость
710 Я выставлялъ и первое право остывшаго ложа.
Въ гнѣвѣ богиня рекла: „Неблагодарный, не плачься:
Будь Прокрида твоей! Но будешь, коль вѣрно предвижу,
Радъ бы ты ей не владѣть; и въ гнѣвѣ меня къ ней пустила.
Какъ пошелъ я назадъ, о словахъ размышляя богини,
715 Страхъ меня обуялъ, быть можетъ, супружняго долга
Не хранитъ хорошо супруга. Наружность и юность
Вѣрить склоняли во блудъ, но нравы мѣшали повѣрить.
Вѣдь отлучился же я; вѣдь та, отъ которой иду я,
Тожь преступленья примѣръ; вѣдь все устрашаетъ влюбленныхъ.
720 Вывѣдать, чѣмъ мнѣ страдать, рѣшилъ я, смущая дарами
Скромную вѣрность ея. Тотъ страхъ поддержала Аврора
И измѣнила мою... я чувствовалъ это... наружность.
Не узнаваемъ вхожу въ Палладинъ городъ Аѳины,
И проникаю я въ домъ. Но домъ не внушалъ подозрѣнья,
725 Видъ цѣломудрія въ немъ и грусти, что нѣтъ господина.
Тысячью хитростей лишь къ Эрехтидѣ устроивши доступъ,
Какъ увидалъ я ее, изумился, и чуть не оставилъ
Замыслъ соблазна совсѣмъ. Едва удержался сознаться
Въ правдѣ, едва не покрылъ поцѣлуями, какъ бы и должно.
730 Грусть въ ней была: но за то ни одна прекраснѣй не можетъ
Быть, чѣмъ въ грусти она; сгорала она вожделѣньемъ

носили знаменитый медъ (см. 15, 80).

Coniugis abrepti. Tu collige, qualis in illa,
Phoce, decor fuerit, quam sic dolor ipse decebat.
Quid referam, quoties tentamina nostra pudici
Reppulerint mores? quoties: Ego, dixerit, uni
Servor. ubicunque est, uni mea gaudia servo?
Cui non ista fide satis experientia sano
Magna foret? Non sum contentus, et in mea pugno
Vulnera, dum census dare me pro nocte loquendo
Muneraque augendo tandem dubitare coegi.
Exclamo: manifesta rea est, ego fictus adulter
Verus eram coniux. me, perfida, teste teneris.
Illa nihil. tacito tantummodo victa pudore
Insidiosa malo cum coniuge limina fugit:
Offensaque mei genus omne perosa virorum
Montibus errabat, studiis operata Dianae.
Tum mihi deserto violentior ignis ad ossa
Pervenit. orabam veniam et peccasse fatebar,
Et potuisse datis simili succumbere culpae
Me quoque muneribus, si munera tanta darentur.
Haec mihi confesso, laesum prius ulta pudorem,
Redditur, et dulces concorditer exigit annos.
Dat mihi praeterea, tanquam se parva dedisset
Dona, canem munus, quem cum sua traderet illi
Cynthia: Currendo superabit, dixerat, omnes.
Dat simul et iaculum, manibus quod, cernis, habemus.
Muneris alterius quae sit fortuna requiris?
Accipe mirandum. novitate movebere facti.
  Carmina Laiades non intellecta priorum
Solverat ingeniis, et praecipitata iacebat
Immemor ambagum vates obscura suarum.

---

755 *Цинтія*—Діана (см. 6, 204). 759 Раздраженная противъ Ѳивъ Юнона (см. 3, 258) (а по другимъ Вакхъ) наслала на Ѳиванцевъ страшное чудовище Сфингу съ женскимъ лицемъ, львинымъ тѣломъ и орлиными крыльями. Чудовище засѣло на верху крѣпости и задавало проходящимъ слѣдующую загадку:

„Двѣ ноги у него и четыре при томъ же строеньи,
Но и три, и оно одно измѣняетъ свой голосъ
Изо всѣхъ на землѣ, въ поднебесьи и въ морѣ живущихъ.

Къ мужу, что былъ похищенъ. Пойми же ты, Фокъ, сколько было
Прелести въ ней, если такъ ее и печаль украшала.
Что говорить, сколько разъ соблазны мои отвергала
Нравомъ стыдливымъ она? Какъ часто твердила: живу я
Для одного, гдѣ ни будь онъ, храню одному я всю радость?
Кто бы разумный такимъ искусомъ вѣрности не былъ
Слишкомъ доволенъ? Но я доволенъ не былъ, и бился
Ранить себя же, пока за ночь предложеньями платы
И умноженьемъ даровъ ее не довелъ до раздумья.
Восклицаю: она очевидно виновна, любовникъ
Лживый былъ истинный мужъ, преступная, я и свидѣтель.
Та ничего; но, стыду безмолвно покорная, тотчасъ
Отъ порога коварства и злобнаго мужа бѣжала:
И оскорбленная мной, весь родъ мужской ненавидя,
Стала скитаться въ горахъ, предаваясь занятьямъ Діаны.
Тутъ сильнѣй у меня, покинутаго, устремился
Въ кости огонь; я прощенья просилъ и въ грѣхѣ сознавался,
И что могъ бы и самъ винѣ подпасть я подобной
Изъ за подарковъ, когда бъ подарковъ давали мнѣ столько.
Какъ покаялся я, сперва за стыдъ отомстивши,
Снова вернулась она, и счастливо жили мы годы.
Кромѣ того мнѣ она, какъ будто дарила въ себѣ то
Малымъ, подарокъ дала, собаку, что ей подарила
Цинтія, молвя притомъ: Она перегонитъ всѣхъ прочихъ.
Вмѣстѣ дала и копье, которое, видишь, держу я.
Что случилось съ другимъ подаркомъ, знать ты желаешь?
Слушай про чудо; тебя изумитъ неожиданный случай.
　Изреченья Лайядъ, непонятныя мудрости прочихъ,
Разрѣшилъ, и пророчица темная сброшена на земь,
И загадокъ своихъ уже и не помня, лежала.

Но когда оно движется ногъ числомъ наибольшимъ,
То быстроту наименьшую членовъ оно заявляетъ“.

Кто не разгадывалъ загадки, былъ раздираемъ Сфингою. Только сынъ прежняго царя Лая—Эдипъ разгадалъ эту загадку, сказавши, что это человѣкъ, почему онъ и названъ Лаядомъ. Пѣвецъ, поэтъ, пророкъ сливались въ понятіяхъ древнихъ, а потому слово *carmen—пѣсня* здѣсь переведено нами какъ изреченіе Сфинги, почему также и самая Сфинга названа *Vates—пророчицей*.

Scilicet alma Themis non talia linquit inulta.
Protinus Aoniis immittitur altera Thebis
Pestis, et exitio multi pecorumque suoque
765 Rurigenae pavere feram. Vicina iuventus
Venimus, et latos indagine cinximus agros.
Illa levi velox superabat retia saltu,
Summaque transibat positarum lina plagarum.
Copula detrahitur canibus, quas illa sequentes
770 Effugit, et coetum non segnior alite ludit.
Poscor et ipse meum consensu Laelapa magno.
Muneris hoc nomen. Iamdudum vincula pugnat
Exuere ipse sibi, colloque morantia tendit.
Vix bene missus erat, nec iam poteramus, ubi esset,
775 Scire. pedum calidus vestigia pulvis habebat:
Ipse oculis ereptus erat. Non ocior illo
Hasta, nec excussae contorto verbere glandes,
Nec Gortyniaco calamus levis exit ab arcu.
Collis apex medii subiectis imminet arvis:
780 Tollor eo, capioque novi spectacula cursus,
Quo modo deprendi, modo se subducere ab ipso
Vulnere visa fera est. Nec limite callida recto,
In spatiumque fugit, sed decipit ora sequentis
Et redit in gyrum, ne sit suus impetus hosti.
785 Imminet hic, sequiturque parem, similisque tenenti
Non tenet, et vanos exercet in aera morsus.
Ad iaculi vertebar opem. quod dextera librat
Dum mea, dum digitos amentis indere tento,
Lumina deflexi. revocataque rursus eodem
790 Rettuleram, et medio, mirum! duo marmora campo
Aspicio. fugere hoc, illud latrare putares.
Scilicet invictos ambo certamine cursus
Esse deus voluit, si quis deus affuit illis.

---

762 Этотъ стихъ, указывающій словомъ *этого* на связь Ѳемиды съ самымъ событіемъ, приводитъ объяснителей въ недоумѣніе; иные даже вычеркиваютъ его, какъ вставочный, лишая такимъ образомъ дальнѣйшее всякой связи съ предыдущимъ. Наилучшимъ объясненіемъ можетъ быть то, что Ѳемида, ограждающая правду какъ среди людей, такъ и среди боговъ, не допускаетъ, чтобы Ѳиванцы человѣческими усиліями избавлялись отъ назначенной имъ божеской кары, а потому насылаетъ на

Но не оставила этого неотомщеннымъ Ѳемида.
Скоро иная сошла на Аонійскія Ѳивы
Кара, и много сельчанъ кормили звѣря утратой
И у себя и въ скотѣ. Молодежь по сосѣдству сошлись мы
И облавой большой окружили пространныя пашни.
Онъ же проворный легко прыжкомъ побѣждалъ всѣ тенета;
И черезъ пряжу сѣтей разставленныхъ переносился.
Сняли съ собакъ мы смычки, но онъ отъ несущихся слѣдомъ
Убѣгаетъ, и стаю морочитъ проворенъ какъ птица.
Просятъ и у меня моего Лелапа всѣ дружно.
Такъ подарокъ звался. Давно онъ бьется, ошейникъ
Самъ съ себя же скопать и шеею тащитъ задержку.
Только что спущенъ онъ былъ, мнѣ стало и знать невозможно,
Гдѣ онъ; лишь жаркая пыль слѣды его ногъ сохраняла:
Скрылся онъ даже изъ глазъ. Его ни копье не быстрѣе
Ни размахомъ ремня летѣть принужденныя пули,
Ни летучая трость, срываясь съ Гортинскаго лука.
Холмъ островерхній встаетъ посрединѣ полей распростертыхъ;
Я на него восхожу и вижу предивную травлю,
Какъ то казалось, что звѣрь былъ пойманъ, то будто отъ самой
Хватки онъ ускользалъ. Хитрецъ убѣгаетъ не прямо
Передъ собой, а въ обманъ вводя ловящаго зубы,
Водитъ его на кругахъ, чтобъ врагъ своего не добился.
Тотъ напираетъ, и слѣдомъ за нимъ и словно поймалъ ужъ,
Но не поймалъ и даетъ на вѣтеръ напрасныя хватки.
Я обратился къ копью, пока его правой хватаю
На перевѣсъ, и пока вдѣть пальцы въ ремень уловчаюсь,
Я глаза отвернулъ; но лишь обратилъ ихъ туда же,
Снова, о чудеса! Средь поля два мрамора вижу.
Ты бы подумалъ, что тотъ бѣжитъ, а этотъ вонъ лаетъ.
Знать въ состязаніи имъ обоимъ не быть побѣжденнымъ
Въ бѣгѣ богъ повелѣлъ, если богъ какой помогалъ имъ“.

нихъ новую. 763 *Аонія* — часть вмѣсто цѣлой Беотіи. 764 Надо подразумѣвать волка. 777 Праци. 778 *Гортина*, подобно (выше 490) *Ликту*, городъ на островѣ Критѣ, перенесенъ на всю страну, и *Гортинскій* тоже что *Критскій*. Критяне были не только превосходными стрѣлками, но приготовляли наилучшее оружіе: луки, колчаны и стрѣлы (сравни 8, 22). 788 *вдѣть пальцы*. Копья для болѣе сильнаго бросанія захватывались ремнемъ, который послѣ метанія оставался въ рукѣ.

Hactenus, et tacuit. Iaculo quod crimen in ipso est?
Phocus ait. Iaculi sic crimina reddidit ille.
Gaudia principium nostri sunt, Phoce, doloris.
Illa prius referam. Iuvat o meminisse beati
Temporis, Aeacide, quo primos rite per annos
Coniuge eram felix, felix erat illa marito.
Mutua cura duos et amor socialis habebat.
Nec Iovis illa meo thalamos praeferret amori,
Nec, me quae caperet, non si Venus ipsa veniret,
Ulla erat. aequales urebant pectora flammae.
Sole fere radiis feriente cacumina primis,
Venatum in silvas iuveniliter ire solebam:
Nec mecum famulos, nec equos, nec naribus acres
Ire canes, nec lina sequi nodosa sinebam:
Tutus eram iaculo. Sed cum satiata ferinae
Dextera caedis erat, repetebam frigus et umbras,
Et quae de gelidis exhalat vallibus, auram.
Aura petebatur medio mihi lenis in aestu:
Auram expectabam. requies erat illa labori.
Aura, recordor enim, venias, cantare solebam,
Meque iuves, intresque sinus, gratissima, nostros:
Utque facis, relevare velis, quibus urimur, aestus.
Forsitan addiderim... sic me mea fata trahebant...
Blanditias plures et: Tu mihi magna voluptas,
Dicere sim solitus, tu me reficisque fovesque:
Tu facis, ut silvas, ut amem loca sola. meoque
Spiritus iste tuus semper captatur ab ore.
Vocibus ambiguis deceptam praebuit aurem
Nescio quis. nomenque aurae tam saepe vocatum
Esse putat nymphae, nympham mihi credit amari.
Criminis extemplo ficti temerarius index
Procrin adit, linguaque refert audita susurra.

---

810 Благозвучное *aura* — легкій вѣтерокъ, будучи женскаго рода, могло весьма легко быть при обстоятельствахъ, описанныхъ ниже, быть принятымъ влюбленной женщиной за имя своей соперницы. Найти въ русскомъ языкѣ слово, подходящее къ этимъ двумъ различнымъ понятіямъ, составляетъ непреоборимую трудность. Зная по

Такъ досказалъ онъ и смолкъ. „А въ чемъ же копье то виновно?“
Фокъ спросилъ. Про вину копья разсказалъ онъ такое:
„Наши радости, Фокъ, начало нашихъ страданій.
Прежде о нихъ разскажу. Отрадно о времени вспомнить
Радостномъ, мой Эацидъ, въ которомъ первые годы
Счастливъ супругой я былъ, она блаженна супругомъ.
Общія были у двухъ заботы съ любовью взаимной.
Не предпочла бы моей любви она ложе Зевеса,
Не было той, чтобъ меня, приходи сама хоть Венера,
Увлекла, одинаковымъ пламенемъ груди горѣли.
Чуть лишь солнце впервой поражало лучами вершины,
Я обычно ходилъ какъ юноша въ лѣсъ на охоту.
Не допускалъ я ни слугъ, ни коней, ни чуткихъ ноздрями
Слѣдомъ собакъ за собой, ни несть тенетъ узловатыхъ.
Я довѣрялся копью. Но когда звѣринымъ убійствомъ
Насыщалась рука, искалъ я прохлады и тѣни,
И изъ свѣжихъ долинъ дыханья несущейся тяги,
Кроткой тяги среди полдневнаго зноя искалъ я.
Тяги я жаждалъ; она была трудовъ облегченьемъ.
Тяга, скорѣй приходи, я помню, пѣвалъ я обычно,
Ты меня приласкай, заберись мнѣ за пазуху, радость:
Какъ обычно, тотъ пылъ укроти, которымъ горю я.
Можетъ быть я прибавлялъ... знать такъ ужь судьба увлекала...
Много ласкательствъ еще; быть можетъ говаривалъ часто:
Ты мой великій восторгъ, ты меня укрѣпляешь и нѣжишь.
Ты причиной, что лѣсъ, что мѣста мнѣ пустынныя милы,
И дыханье твое всегда я впиваю устами.
Кто обманутый слухъ склонилъ къ двусмысленной рѣчи,
Я не знаю; но столь многократно звучавшую тягу
Именемъ нимфы онъ счелъ и вздумалъ, что нимфу люблю я.
Тотчасъ мнимой вины доносчикъ напрасный къ Прокридѣ
Съ вѣстью идетъ, передать ей шепотомъ то, что услышалъ.

опыту, какъ отрадна въ зной бываетъ тяга вдоль большихъ прогалинъ, долинъ и просѣкъ, при которыхъ только и мыслима *aura* въ лѣсной глуши, мы рѣшились перевести этимъ словомъ: *aura*, чтобы, хотя отчасти, намекнуть русскому читателю на прелестную игру имъ у Овидія.

Credula res amor est. Subito collapsa dolore,
Ut sibi narratur, cecidit. longoque refecta
Tempore se miseram, se fati dixit iniqui:
Deque fide questa est, et crimine concita vano
830 Quod nihil est, metuit, metuit sine corpore nomen,
Et dolet infelix veluti de pellice vera.
Saepe tamen dubitat, speratque miserrima falli,
Indicioque fidem negat, et, nisi viderit ipsa,
Damnatura sui non est delicta mariti.
835 Postera depulerant Aurorae lumina noctem:
Egredior, silvamque peto. victorque per herbas:
Aura veni, dixi, nostroque medere labori...
Et subito gemitus inter mea verba videbar
Nescio quos audisse. Veni, tamen, optima! dixi.
840 Fronde levem rursus strepitum faciente caduca,
Sum ratus esse feram, telumque volatile misi.
Procris erat. medioque tenens in pectore vulnus,
Hei mihi! conclamat. Vox est ubi cognita fidae
Coniugis, ad vocem praeceps amensque cucurri.
845 Semianimem et sparsas foedantem sanguine vestes
Et sua, me miserum! de vulnere dona trahentem
Invenio, corpusque meo mihi carius ulnis
Mollibus attollo, scissaque a pectore veste
Vulnera saeva ligo, conorque inhibere cruorem,
850 Neu me morte sua sceleratum deserat, oro.
Viribus illa carens et iam moribunda coegit
Haec se pauca loqui: Per nostri foedera lecti,
Perque deos supplex oro superosque meosque,
Per siquid merui de te bene, perque manentem
855 Nunc quoque, cum pereo, causam mihi mortis, amorem,
Ne thalamis Auram patiare innubere nostris.
Dixit. et errorem tum denique nominis esse
Et sensi, et docui. Sed quid docuisse iuvabat?
Labitur, et parvae fugiunt cum sanguine vires.

---

853 *Своихъ боговъ* — въ противоположность небеснымъ; здѣсь намекъ на боговъ преисподней, куда ей немедля предстоитъ вступить.

Легковѣрна любовь. Охвачена горемъ внезапнымъ,
Какъ услыхала она, такъ пала; по времени долгомъ
Отдохнувъ, назвала себя бѣдною и злополучной.
Ропщетъ на вѣрность она и, мучима мнимой виною,
830 Лишь боится того, чего нѣтъ, названья безъ тѣла,
И бѣдняжка въ тоскѣ какъ бы отъ разлучницы вправду.
Часто въ сомнѣньи всежъ несчастная ждетъ, что ошиблась,
Вѣрить не хочетъ она въ доносъ и, сама не увидя,
Не обвинитъ ни за что своего въ преступленіи мужа.
835 Чуть Авроры лучи разогнали сумраки ночи,
Я подымаюсь и въ лѣсъ; и лежа на травкѣ съ побѣдой:
„Тяга, приди, говорю, мою исцѣли ты усталость...
И сейчасъ, будто слышу, я вздохъ межъ своими словами,
Самъ не знаю какой. Но, приди, дорогая! сказалъ я.
840 Какъ упадшимъ листомъ опять слегка зашумѣло,
Счелъ я, что звѣрь тамъ какой, и бросилъ копье роковое.
То Прокрида была; и ранена въ грудь посрединѣ,
Горе! вскричала она. Лишь голосъ вѣрной супруги
Я призналъ, побѣжалъ я стремглавъ и безуменъ на голосъ.
845 Полуживую въ одеждѣ разбросанной, залитой кровью,
И изъ раны, о я несчастный, влекущую даръ свой
Я нахожу тамъ, и мнѣ, своего драгоцѣннѣе, тѣло
Тихой подъемлю рукой, и съ груди сорвавъ свое платье,
Страшную рану вяжу и кровь замедлить стараюсь,
850 И молю, чтобъ меня не бросала виновника смерти:
Силъ лишаясь и при смерти, все же себя принуждаетъ
Вымолвить кратко она: „Во имя супружняго ложа
И во имя боговъ умоляю своихъ и небесныхъ,
И во имя всего, чѣмъ могла я тебѣ быть угодной,
855 И во имя любви все живой, хоть причина въ ней смерти,
Тягѣ не дозволяй ты въ спальнѣ у насъ помѣщаться“.
Молвила. Тутъ наконецъ, что ошибка отъ имени вышла,
Я ей, узнавъ, сообщилъ. Но чѣмъ помогло сообщенье?
Падаетъ, и изсякаютъ въ ней съ кровью немногія силы.

860 Dumque aliquid spectare potest, me spectat. et in me
Infelicem animam nostroque exhalat in ore.
Sed vultu meliore mori secura videtur.
Flentibus haec lacrimans heros memorabat. et ecce
Aeacus ingreditur duplici cum prole, novoque
865 Milite, quem Cephalus cum fortibus accipit armis.

860 Смотритъ она на меня, покуда смотрѣть еще можетъ;
И несчастную душу въ мои уста испускаетъ.
Но съ просвѣтленнымъ лицемъ умираетъ, какъ видно, спокойна."
Плачущимъ сказывалъ это герой, рыдая; но вотъ же
Входитъ Эакъ съ двумя сыновьями и воинствомъ новымъ,
865 И его и съ оружіемъ мощнымъ Цефалъ принимаетъ.

LIBER OCTAVUS.

INDEX.

1. Nisus et Scylla.
2. Ariadnae corona.
3. Daedalus et Icarus.
4. Perdix.
5. Aper Calydonius. Meleager. Meleagrides.
6. Theseus apud Acheloum. Echinades. Perimele.
7. Philemon et Baucis.
8. Proteus. Mestra. Fames.

NISUS ET SCYLLA.

Iam nitidum retegente diem noctisque fugante
Tempora Lucifero cadit eurus, et humida surgunt
Nubila. dant placidi cursum redeuntibus austri
Aeacidis Cephaloque. quibus feliciter acti
Ante expectatum portus tenuere petitos.
Interea Minos Lelegeia litora vastat,
Praetentatque sui vires Mavortis in urbe
Alcathoi, quam Nisus habet, cui splendidus ostro
Inter honoratos medioque in vertice canos
Crinis inhaerebat, magni fiducia regni.
Sexta resurgebant orientis cornua Lunae,
Et pendebat adhuc belli fortuna. diuque
Inter utrumque volat dubiis Victoria pennis.

---

1 *Люциферъ* (см. 2, 115). 2 *Эвръ* (см. 7, 659). 6 *Лелеговъ*—съ городомъ Мегарою (стѣнами Алкатои см. 7, 443). 8 *Нисъ*—сынъ прежняго Аѳинскаго царя Пандіона (см. 6, 426). 13 Побѣда изображалась въ видѣ крылатой богини съ пальмою

КНИГА ВОСЬМАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Нисъ и Сцилла. . . . . Ст. 1—151
2. Корона Аріадны. . . . . „ 152—182
3. Дедалъ и Икаръ . . . . „ 183—235
4. Куропатка. . . . . „ 236—259
5. Калидонскій вепрь. Мелеагръ. Мелеагриды. . . . . „ 260—546
6. Ахелой. Эхинады. Перимела . . . „ 547—611
7. Филемонъ и Бавкида . . . . . . „ 612—725
8. Протей. Местра. Голодъ . . . . „ 726—885

НИСЪ И СЦИЛЛА.

Какъ уже Люциферъ вскрылъ блистающій день и ночное
Время прогналъ, затихнулъ и Эвръ, и влажныя всплыли
Тучи, и Австеръ послалъ возвращавшимся путь безмятежный
Эакидамъ съ Цефаломъ: они имъ счастливо несомы,
Раньше чѣмъ ждали того, достигли желаннаго порта.
Опустошаетъ межъ тѣмъ Миносъ весь берегъ Лелеговъ;
Пробуетъ силы свои военныя онъ надъ стѣнами
Алкатои, гдѣ властвуетъ Нисъ, у котораго яркій
Пурпуромъ между почетныхъ сѣдинъ на самой макушкѣ
Волосъ сидѣлъ, какъ залогъ надежный великаго царства.
Восходящей Луны въ шестой разъ высились роги,
И колебалось доселѣ военное счастье; и долго
Все летала межъ двухъ Побѣда на крыльяхъ невѣрныхъ.

въ рукѣ, слетающею съ небесъ или стоящей на шарѣ, а при побѣдѣ на морѣ, на носу корабля.

Regia turris erat vocalibus addita muris,
In quibus auratam proles Letoia fertur
Deposuisse lyram. saxo sonus eius inhaesit.
Saepe illuc solita est ascendere filia Nisi,
Et petere exiguo resonantia saxa lapillo,
Tunc cum pax esset. Bello quoque saepe solebat
Spectare ex illa rigidi certamina Martis.
Iamque mora belli procerum quoque nomina norat,
Armaque equosque habitusque Cydoneasque pharetras.
Noverat ante alios faciem ducis Europaei,
Plus etiam, quam nosse sat est. Hac iudice Minos,
Seu caput abdiderat cristata casside pennis,
In galea formosus erat. seu sumserat aere
Fulgentem clipeum, clipeum sumsisse decebat.
Torserat adductis hastilia lenta lacertis:
Laudabat virgo iunctam cum viribus artem.
Imposito calamo patulos sinuaverat arcus:
Sic Phoebum sumtis iurabat stare sagittis.
Cum vero faciem demto nudaverat aere,
Purpureusque albi stratis insignia pictis
Terga premebat equi, spumantiaque ora regebat,
Vix sua, vix sanae virgo Niseia compos
Mentis erat. Felix iaculum, quod tangeret ille,
Quaeque manu premeret, felicia frena vocabat.
Impetus est illi, liceat modo, ferre per agmen
Virgineos hostile gradus. est impetus illi
Turribus e summis in Gnosia mittere corpus
Castra, vel aeratas hosti recludere portas,
Vel siquid Minos aliud velit. Utque sedebat
Candida Dictaei spectans tentoria regis:
Laeter, ait, doleamne geri lacrimabile bellum,
In dubio est. Doleo, quod Minos hostis amanti est.
Sed nisi bella forent, numquam mihi cognitus esset?

---

14 При построеніи стѣнъ Мегары Алкатою помогалъ Аполлонъ; при этомъ онъ клалъ свою лиру на камни, принимавшіе качество самого инструмента, такъ что при ударѣ они издавали лирные звуки. 22 *Цидоніи тулы.* Цидонія, городъ на Критѣ, славилась выдѣлкой оружія. 23 Воинственный Миносъ, супругъ Пазифаи отецъ

Царская башня была къ стѣнамъ примкнута пѣвучимъ,
На которыя сынъ Латоны свою золотую
Лиру сложилъ, говорятъ, и въ камнѣ тѣ звуки остались.
Часто туда подыматься имѣла обычай дочь Ниса,
И небольшимъ голышемъ кидать въ тотъ камень звончатый,
Въ мирное время еще. Въ военное тоже нерѣдко
Смотритъ оттуда она на битвы суроваго Марса.
Уже при долгой войнѣ вождей имена она знала,
Вооруженье, коней, нарядъ и Цидоніи тулы;
Прежде всего же лице предводителя, сына Европы,
Болѣе даже чѣмъ знать подобало. Миносъ ей казалось,
Пряталъ ли голову онъ подъ каску съ султаномъ изъ перьевъ,
Былъ и въ шлемѣ красивъ. Блестящій ли мѣдію щитъ онъ
Бралъ, то щитъ избирать ему все также пристало.
Если копье заносилъ послушное мощной рукою,
Дѣва искусство его совокупное съ силой хвалила.
Ежели, трость наложивъ, выгибалъ свой лукъ онъ широкій
Фебъ, клялась она, такъ стоялъ съ избранной стрѣлою.
Но когда обнажалъ онъ лице, шлемъ мѣдный снимая,
И садился весь въ пурпурѣ на спину бѣлаго, въ пестромъ
Покрывалѣ, коня, и пѣнистымъ правилъ оскаломъ,
Еле своимъ, еле здравымъ умомъ тогда обладала
Дѣва Низея. Счастливымъ копье, что хваталъ онъ, счастливой
И узду, что держалъ онъ рукахъ, она называла.
Въ ней желанье стопы дѣвичьи направить, коль можно,
Чрезъ непріятельскій строй. И есть въ ней желанье съ вершины
Башни тѣло свое во Гносскій лагерь низвергнуть,
Или врагу растворить врата, покрытыя мѣдью,
Или чего Миносъ еще пожелаетъ. Какъ сидя,
Видѣла бѣлый шатеръ она владыки Диктеи,
То сказала: „Съ весельемъ иль съ горемъ войну принимать мнѣ,
Я въ сомнѣньи. Горюю, что врагъ Миносъ мнѣ влюбленной.
Но не было бъ войны, когда бы его я узнала?

многихъ дѣтей, между прочимъ Андрогея и Аріадны, не долженъ быть смѣшиваемъ съ дѣдомъ своимъ Миносомъ (см. 7, 456), сыномъ Юпитера и Европы; между тѣмъ Овидій прямо называетъ тутъ Миноса сыномъ Европы, очевидно преднамѣренно. 40 *Во Гносскій* (см. 7, 456 и 490). 43 *Диктеи* (см. 3, 2).

Me tamen accepta poterat deponere bellum
Obside. me comitem, me pacis pignus haberet.
Si quae te genuit, talis, pulcherrime rerum,
50 Qualis es ipse, fuit, merito deus arsit in illa.
O ego ter felix, si pennis lapsa per auras
Gnosiaci possem castris insistere regis:
Fassaque me flammasque meas, qua dote, rogarem,
Vellet emi. tantum patrias ne posceret arces.
55 Nam pereant potius sperata cubilia, quam sim
Proditione potens. quamvis saepe utile vinci
Victoris placidi fecit clementia multis.
Iusta gerit certe pro nato bella peremto,
In causaque valet, causamque tuentibus armis,
60 Ut puto vincemur. Qui si manet exitus urbem,
Cur suus haec illi reseret mea moenia Mavors,
Et non noster amor? melius sine caede moraque
Impensaque sui poterit superare cruoris.
Non metuam certe, ne quis tua pectora, Minos,
65 Vulneret imprudens. quis enim tam durus, ut in te
Dirigere immitem non inscius audeat hastam?
Coepta placent, et stat sententia tradere mecum
Dotalem patriam, finemque imponere bello.
Verum velle parum est. Aditus custodia servat,
70 Claustraque portarum genitor tenet. Hunc ego solum
Infelix timeo. solus mea vota moratur.
Di facerent, sine patre forem! Sibi quisque profecto
Est deus. ignavis precibus Fortuna repugnat.
Altera iamdudum succensa cupidine tanto
75 Perdere gauderet, quodcunque obstaret amori.
Et cur ulla foret me fortior? ire per ignes
Et gladios ausim. Nec in hoc tamen ignibus ullis
Aut gladiis opus est, opus est mihi crine paterno.
Illa mihi est auro pretiosior, illa beatam
80 Purpura me votique mei factura potentem est.
Talia dicenti, curarum maxima nutrix,
Nox intervenit, tenebrisque audacia crevit.

Могъ бы однако войну онъ кончить, заложницей взявши
Только меня; онъ спутницей взялъ бы меня и порукой.
Ежели та, что тебя породила, красавецъ межъ всѣми,
Такова жь какъ ты самъ, то богъ воспылалъ къ ней недаромъ.
О, я трикраты была бъ блаженна, еслибъ на крыльяхъ
Въ вѣтрѣ спуститься къ царю могла бы Гносскому въ лагерь:
И, открывшись въ любви, спросить какимъ онъ приданымъ
Хочетъ быть купленъ. Лишь пусть роднаго не требуетъ замка.
Ибо да гибнетъ скорѣй желанное ложе, чѣмъ буду
Властной предательствомъ я. Хоть быть побѣжденнымъ нерѣдко
Многихъ къ пользѣ вела побѣдителя кроткаго милость.
Правую явно войну онъ ведетъ за убитаго сына,
Силенъ тѣмъ поводомъ онъ и, если оружье за право,
Думаю насъ побѣдятъ. Коль участи этой ждетъ городъ,
То почему же ему растворятся стѣны войною,
А не любовью моей? Вѣдь лучше сейчасъ безъ убійства
И безъ пролитья своей онъ крови достигнетъ побѣды.
Развѣ я впрямь не боюсь, Миносъ, чтобъ какой ненарокомъ
Грудь не поранилъ твою; ибо кто такъ жестокъ, чтобъ направить
Дерзновенно копье на тебя рѣшился въ сознаньи?
Замыслъ хорошъ и намѣренье твердо, городъ приданый
Вмѣстѣ съ собой передать и войну привести къ окончанью.
Но недовольно желать. Охраняетъ выходы стража,
А затворы воротъ самъ родитель. Только его то
Я, бѣдняжка, боюсь; лишь онъ мнѣ въ желаньяхъ помѣха.
Дали бы боги мнѣ быть безъ отца! Воистину каждый
Богъ для себя, и мольбы малодушной не любитъ Фортуна.
Уже другая давно бъ, подобною страстью сгорая,
Рада бы все погубить была, что любви помѣшало.
И почему же какой быть смѣлѣе меня? Я бъ дерзнула
Противъ огня и мечей. Но огней никакихъ мнѣ не нужно,
Ни мечей, а одинъ лишь волосъ отцовскій мнѣ нуженъ.
Золота онъ для меня драгоцѣннѣе, онъ то пурпурный,
Счастье составя мое, мои исполнитъ желанья.
На подобныхъ рѣчахъ, кормилица мощная думы,
Ночь сошла на нее, и во тьмѣ разрослася отвага.

Prima quies aderat, qua curis fessa diurnis
Pectora somnus habet. Thalamos taciturna paternos
Intrat, et... heu facinus!.. fatali nata parentem
Crine suum spoliat. praedaque potita nefanda
Fert secum spolium sceleris, progressaque porta
Per medios hostes... meriti fiducia tanta est...
Pervenit ad regem. quem sic affata paventem est:
Suasit amor facinus. Proles ego regia Nisi
Scylla tibi trado patriaeque meosque penates.
Praemia nulla peto nisi te. Cape pignus amoris
Purpureum crinem. nec me nunc tradere crinem,
Sed patrium tibi crede caput. scelerataque dextra
Munera porrexit. Minos porrecta refugit,
Turbatusque novi respondit imagine facti:
Di te summoveant, o nostri infamia saecli,
Orbe suo. tellusque tibi pontusque negetur.
Certe ego non patiar, Iovis incunabula, Creten,
Qui meus est orbis, tantum contingere monstrum.
Dixit. et ut leges captis iustissimus auctor
Hostibus imposuit, classis retinacula solvi
Iussit, et aeratas impelli remige puppes.
Scylla, freto postquam deductas nare carinas,
Nec praestare ducem sceleris sibi praemia vidit,
Consumtis precibus violentam transit in iram,
Intendensque manus, passis furibunda capillis:
Quo fugis, exclamat, meritorum auctore relicta,
O patriae praelate meae, praelate parenti?
Quo fugis, immitis, cuius victoria nostrum
Et scelus et meritum est? Nec te data munera, nec te
Noster amor movit, nec quod spes omnis in unum
Te mea congesta est? Nam quo deserta revertar?
In patriam? superata iacet. Sed finge manere:
Proditione mea clausa est mihi. Patris ad ora,

---

91 *Своихъ и родимыхъ пенатовъ*—домашнихъ и государственныхъ, такъ какъ съ краснымъ волосомъ отца связана была его государственная власть. 97 Сильнѣйшее проклятіе. 102 *Отвязать всѣ канаты*. Глубокая древность не знала якорей, а корабли причаливались къ землѣ или къ каменьямъ канатами, или же совершенно

Первый покой наступилъ, когда истому заботы
Сонъ унимаетъ въ груди. Безмолва въ отцовскую спальню
Входитъ она, и... о стыдъ!... у отца роковой этотъ волосъ
Дочь похищаетъ; затѣмъ, овладѣвъ нечестивою кражей,
Злодѣянья она добычу уноситъ, и выйдя
Изъ воротъ въ середину враговъ... такъ вѣритъ той силѣ...
Добралась до царя; и испуганному такъ сказала:
„Зло мнѣ внушила любовь. Отродіе царское Ниса,
Сцилла, тебѣ предаю я своихъ и родимыхъ пенатовъ.
Кромѣ тебя не ищу я наградъ. Залогомъ любви ты
Волосъ пурпурный прими; не думай, что волосъ, а также
Голову я отца тебѣ предаю“; и простерла
Даръ злодѣйской рукой. Миносъ отклонилъ приношенье,
И возмущенный явленьемъ неслыханной вещи, отвѣтилъ:
„Боги пусть сгонятъ тебя, о стыдъ ты нашего вѣка,
Со свѣту; пусть ни земля тебя не приметъ, ни море.
Не допущу я никакъ, чтобъ Критъ, колыбель эта Зевса,
Нынѣ владѣнье мое, такое чудовище принялъ“.
Молвилъ; и только что мужъ правосудный подвелъ подъ законы
Имъ покоренныхъ враговъ, какъ велѣлъ отвязать всѣ канаты
Флота и мѣдью суда покрытыя стронуть гребцами.
Сцилла, когда увидала, что флотъ былъ на воду сдвинутъ
И что вождь не даетъ награды ея злодѣянью;
Всѣ мольбы истощивъ, въ ужаснѣйшій гнѣвъ переходитъ;
Простоволоса она въ изступленьи и, руки простерши,
Восклицаетъ: „Куда ты бѣжишь отъ виновницы счастья,
О предпочтенный отцу, предпочтенный мною отчизнѣ?
Ты куда же, злодѣй, чья побѣда мое злодѣянье
И заслуга моя? Ужель ты не тронутъ ни жертвой,
Ни любовью моей, ни тѣмъ, что все упованье
Я свела на тебя? Куда жь обратиться мнѣ сирой?
Къ родинѣ? покорена. Но скажемъ, она уцѣлѣла,
Мнѣ закрыта она предательствомъ. Ужь не къ отцу ли,

вытаскивались на берегъ. Мы по Гейнзіусу и Лерсу оставили impelli, вмѣсто новѣйшаго implеri, такъ какъ выше отвязаны канаты, а затѣмъ флотъ на водѣ—и въ этотъ промежутокъ времени нельзя *наполнять* корабля.

Quae tibi donavi? Cives odere merentem:
Finitimi exemplum metuunt. Obstruximus orbem
Terrarum nobis, ut Crete sola pateret.
Hac quoque si prohibes, et nos, ingrate, relinquis,
120 Non genitrix Europa tibi est, sed inhospita Syrtis,
Armeniae tigres austroque agitata Charybdis.
Nec Iove tu natus, nec mater imagine tauri
Lusa tua est. generis falsa est ea fabula. verus
Et ferus et captus nullius amore iuvencae
125 Qui te progenuit, taurus fuit. Exige poenas,
Nise pater! Gaudete malis, modo prodita nostris
Moenia! nam fateor, merui et sum digna perire.
Sed tamen ex illis aliquis, quos impia laesi,
Me perimat. Cur, qui vicisti crimine nostro,
130 Insequeris crimen? scelus hoc patriaeque patrique,
Officium tibi sit. Te vere coniuge digna est,
Quae torvum ligno decepit adultera taurum,
Discordemque utero foetum tulit. Ecquid ad aures
Perveniunt mea dicta tuas? an inania venti
135 Verba ferunt, idemque tuas, ingrate, carinas?
Iam iam Pasiphaen non est mirabile taurum
Praeposuisse tibi. tu plus feritatis habebas.
Me miseram! properare iuvat, divulsaque remis
Unda sonat, mecum simul a! mea terra recedit.
140 Nil agis, o frustra meritorum oblite meorum.
Insequar invitum, puppimque amplexa recurvam
Per freta longa trahar. Vix dixerat, insilit undis,
Consequiturque rates, faciente cupidine vires,
Gnosiacaeque haeret comes invidiosa carinae.
145 Quam pater ut vidit... nam iam pendebat in auras,
Et modo factus erat fulvis haliaeetos alis...
Ibat, ut haerentem rostro laceraret adunco.

---

120 *Сыртъ.* Сырты были сухія и безплодныя песчаныя пространства въ Африканскихъ пустыняхъ; также назывались двѣ опасныя для плавателей отмели у сѣверныхъ береговъ Африки. 121 *Харибда* (см. 7, 63). Южный вѣтеръ по преимуществу возмущаетъ Сицилійское море. 132 Супруга Миноса *Пазифая* воспылала страстію къ красивому быку, созданному Нептуномъ, къ тому самому, который подъ

Что я тебѣ предала? Заслужила я ненависть гражданъ;
А сосѣдей пугаетъ примѣръ. Весь кругъ заградила
Я земной для себя, чтобъ Критъ мнѣ единый открылся.
Если не пустишь въ него, и меня, непризнательный, кинешь,
То не Европа тебя родила, а Сыртъ непривѣтный,
Тигры Арменіи иль смущенная Австромъ Харибда.
Ты не Зевесомъ рожденъ, не была твоя мать обольщенной
Образомъ лживымъ быка; о рожденіи сказка та лжива,
Истинный былъ тотъ и злой, и любви не знававшій къ телицѣ
Быкъ, что тебя породилъ. Теперь исполняй наказанье,
Нисъ, мой отецъ! И моимъ мученіямъ радуйтесь стѣны,
Что предала я! Я ихъ заслужила и смерти достойна.
Но изъ тѣхъ кто нибудь, кто мной ущербленъ нечестиво,
Пусть меня и убьетъ. Что жь ты, чрезъ вину, побѣдитель,
Будешь казнить за вину? Злодѣйство къ отцу и отчизнѣ
Только на пользу тебѣ. Тебя жь, какъ супруга достойна,
Та, что злаго быка обманула деревомъ блудно
И во чревѣ уродливый плодъ понесла. Попадутъ ли
Въ слухъ твой рѣчи мои? Иль вѣтры слова безъ значенья
Вмѣстѣ съ твоими умчатъ, неблагодарный, судами?
Такъ, такъ, дива то нѣтъ, что быка тебѣ Пазифая
Предпочла, вѣдь въ тебѣ еще больше свирѣпости было.
О я несчастная! Радъ онъ бѣжать и, веслами взрыты,
Волны шумятъ, и моя, ахъ! земля со мной отступаетъ.
Нѣтъ въ томъ пользы тебѣ, ты, забывшій мои всѣ заслуги.
На зло пойду за тобой и, выгибъ кормы обнимая,
Поволокусь по водамъ. Сказала, прядаетъ въ волны,
И достигаетъ судовъ, любовь сообщаетъ ей силу,
И на Гносской кормѣ ненавистною спутницей виснетъ.
Только отецъ увидалъ ее,.. онъ ужь въ воздухѣ плавалъ,
Сталъ передъ тѣмъ морскимъ онъ орломъ на крылахъ желтоватыхъ...
Какъ набросился рвать висящую загнутымъ клювомъ.

именемъ *Критскаго* былъ убитъ Тезеемъ (см. 7, 434) и удовлетворила этому влеченію въ деревянной коровѣ, изготовленной художникомъ Дедаломъ (см. ниже 160), вслѣдствіе чего родился *Минотавръ*— (Миносовъ быкъ) — чудовище, получеловѣкъ и полубыкъ.

Illa metu puppim dimisit, et aura cadentem
Sustinuisse levis, ne tangeret aequora, visa est.
150 Pluma fuit. plumis in avem mutata vocatur
Ciris, et a tonso est hoc nomen adepta capillo.

ARIADNAE CORONA.

Vota Iovi Minos taurorum corpora centum
Solvit, ut egressus ratibus Curetida terram
Contigit. et spoliis decorata est regia fixis.
155 Creverat opprobrium generis, foedumque patebat
Matris adulterium monstri novitate biformis.
Destinat hunc Minos thalamis removere pudorem,
Multiplicique domo caecisque includere tectis.
Daedalus ingenio fabrae celeberrimus artis
160 Ponit opus. turbatque notas, et lumina flexum
Ducit in errorem variarum ambage viarum.
Non secus ac liquidus Phrygiis Maeandros in arvis
Ludit, et ambiguo lapsu refluitque fluitque,
Occurrensque sibi venturas aspicit undas,
165 Et nunc ad fontes, nunc ad mare versus apertum
Incertas exercet aquas. ita Daedalus implet
Innumeras errore vias. vixque ipse reverti
Ad limen potuit. tanta est fallacia tecti.
Quo postquam geminam tauri iuvenisque figuram
170 Clausit, et Actaeo bis pastum sanguine monstrum
Tertia sors annis domuit repetita novenis:

---

151 *Нисъ*, какъ мы видѣли выше, въ видѣ морскаго орла, по свидѣтельству Виргилія, гоняется постоянно за другою морскою хищною птицей Циридой, ciris, κείρις. А такъ какъ κείρω значитъ срѣзаю, отрѣзаю и у этой птицы на головѣ красный хохолъ, то, вѣроятно, вся повѣсть составилась для объясненія послѣдняго явленія; и если въ дѣйствительности отъ имени Цириды произошелъ разсказъ о срѣзаніи, то въ миѳѣ, наоборотъ, *срѣзанный волосъ* даетъ названіе птицѣ. 153 *Куретскую* — Критскую, по имени первыхъ обитателей (см. 4, 282). 155 *Срамъ всему роду* — Минотавръ (см. выше 132). 160 *Дедалъ* — изъ Аѳинскаго царскаго дома Эрехтидовъ, былъ великій художникъ и изобрѣтатель; онъ не лишенъ былъ и обычной у художниковъ ревности къ соперникамъ, заставившей его совершить разсказанное ниже 236 убійство, вслѣдствіе котораго ему пришлось бѣжать изъ отечества. Принятый Миносомъ, онъ, между прочимъ, устроилъ знаменитый лабиринтъ съ однимъ

Та со страху корму упустила и, легкій въ паденьи
Вѣтеръ ее поддержалъ, чтобъ моря она не коснулась.
150 Въ перьяхъ стала она; и, по перьямъ птицей зовется
Уже Циридой она, ей срѣзанный волосъ далъ имя.

КОРОНА АРІАДНЫ.

Сто Зевесу быковъ Миносъ закололъ по обѣту,
Какъ сойдя съ кораблей, ступилъ на Куретскую землю;
И украшенъ дворецъ развѣшанной всею добычей.
155 Срамъ всему роду взросталъ и гнусное любодѣянье
Матери въ чудѣ такомъ двувидномъ сдѣлалось явно.
Этотъ ложа позоръ Миносъ удалить полагаетъ,
И въ многосложной его запереть и темной постройкѣ.
Славный искусствомъ своимъ въ строительномъ знаньи исполнилъ
160 Дѣло Дедалъ; замѣшавъ примѣты, онъ взоры уводитъ
По изгибамъ въ обманъ сплетеньемъ путей разнородныхъ.
Вродѣ того какъ Меандръ прозрачный играетъ въ равнинахъ
Фригіи, взадъ и впередъ изливаясь въ невѣрномъ теченьи,
И глядитъ на свои на встрѣчу бѣгущія волны,
165 То къ истокамъ своимъ, то прямо къ открытому морю
Воды въ сомнѣньи несетъ; такъ всѣми безъ счету путями
Множитъ обманы Дедалъ; и самъ едва возвратиться
Могъ къ себѣ на порогъ; такова обманчивость зданья.
Послѣ того какъ двойной быка онъ и юноши обликъ
170 Заперъ туда, и чудовище, дважды Актейскою кровью
Сытое, чрезъ девять лѣтъ смирилось при жребіи третьемъ:

входомъ и безчисленными сбивчивыми путями въ серединѣ, съ тѣмъ, чтобы ни посаженный въ него Минотавръ, ни отдаваемые ему въ жертву враги не могли оттуда уйти. 162 *Меандръ* (см. 2, 246) понынѣ служитъ поговоркой по случаю причудливыхъ извивовъ своего теченія. 170 Побѣдитель Миносъ возложилъ на Аѳинянъ (Актейцевъ) (см. 1, 313) жестокое условіе мира: каждыя девять лѣтъ, по другимъ ежегодно въ теченіе 9 лѣтъ доставлять за убитаго ими Миносова сына (см. 7, 456) по семи юношей и такое же количество дѣвицъ въ Критъ, на съѣденіе Миносу. Назначеніе жертвъ производилось по жребію, но герой Тезей устроилъ такъ, чтобы послѣ двукратныхъ выборовъ въ третій разъ самому достался подобный жребій. Дочь Миноса — Аріадна, влюбившись въ Тезея, снабдила его мечемъ и клубкомъ нити, привязавъ которую у входа, онъ могъ выйти изъ лабиринта.

Utque ope virginea nullis iterata priorum
Ianua difficilis filo est inventa relecto:
Protinus Aegides rapta Minoide Diam
175 Vela dedit, comitemque suam crudelis in illo
Litore destituit. Desertae et multa querenti
Amplexus et opem Liber tulit. utque perenni
Sidere clara foret, sumtam de fronte coronam
Immisit coelo. Tenues volat illa per auras:
180 Dumque volat, gemmae nitidos vertuntur in ignes:
Consistuntque loco, specie remanente coronae,
Qui medius Nixique genu est Anguemque tenentis.

DAEDALUS ET ICARUS.

Daedalus interea Creten longumque perosus
Exilium, tactusque loci natalis amore,
185 Clausus erat pelago. Terras licet, inquit, et undas
Obstruat, at coelum certe patet. ibimus illac.
Omnia possideat, non possidet aera Minos.
Dixit. et ignotas animum dimittit in artes,
Naturamque novat. Nam ponit in ordine pennas,
190 A minima coeptas, longam breviore sequente,
Ut clivo crevisse putes. Sic rustica quondam
Fistula disparibus paulatim surgit avenis.
Tum lino medias et ceris alligat imas,
Atque ita compositas parvo curvamine flectit,
195 Ut veras imitetur aves. Puer Icarus una
Stabat, et, ignarus sua se tractare pericla,
Ore renidenti modo quas vaga moverat aura,
Captabat plumas, flavam modo pollice ceram
Mollibat, lusuque suo mirabile patris
200 Impediebat opus. Postquam manus ultima coeptis
Imposita est, geminas opifex libravit in alas
Ipse suum corpus, motaque pependit in aura.

---

174 Дія (см. 3, 690). 177 *Либеръ* (см. 3, 520) возвелъ Аріадну въ собственныя супруги и поднесъ ей, какъ брачный подарокъ, корону. 182 Ἐνγονασι созвѣздіе, изображающее мужа, склонившаго колѣна, по мнѣнію иныхъ Геркулеса, сражающагося

И при помощи дѣвы никѣмъ не найденная прежде
Трудная дверь найдена была съ указующей нитью:
Тотчасъ похитивъ Эгидъ Миноиду, къ Діи направилъ
175 Бѣгъ корабля и свою сопутницу бросилъ жестокій
На ея берегу. Но оставленной и возопившей
Либеръ объятья принесъ и помощь; а чтобъ вѣковѣчно
Славной созвѣздьемъ ей быть, съ чела ея взявши корону,
Взбросилъ на небо ее. Летитъ она въ воздухѣ тонкомъ:
180 И какъ летитъ, то въ огни обратились блестящіе камни.
Стали на мѣстѣ они и видъ сохранили короны
Между склонившимъ свои колѣна и Змѣя держащимъ.

ДЕДАЛЪ И ИКАРЪ.

Временемъ этимъ и Критъ и долгая ссылка Дедалу
Надоѣли, и, полный любви къ мѣстамъ, гдѣ родился,
185 Моремъ онъ былъ заключенъ. Пусть землю запретъ онъ и море,
Онъ воскликнулъ, но все жь открыто небо; въ немъ путь нашъ.
Пусть всѣмъ владѣетъ Миносъ, но воздухомъ онъ не владѣетъ.
Рёкъ; и духъ погрузилъ въ неизвѣстныя прочимъ искусства,
И измѣнилъ естество. Ибо рядомъ приладилъ онъ пёрья,
190 Самымъ малымъ зачавъ и большее ставя за меньшимъ,
Точно на склонѣ росли. Такъ часомъ и сельская дудка
Изъ неравныхъ тростинъ возникаетъ мало по малу.
Тутъ въ серединѣ связалъ ихъ нитками, въ носикахъ воскомъ,
И устроивши такъ, согнулъ онъ ихъ легкимъ нагибомъ,
195 Словно у истинныхъ птицъ. А мальчикъ Икаръ, тутъ же стоя
И не вѣдая, что своей онъ играетъ напастью,
Улыбаясь хваталъ тѣ перья, что вѣтеръ случайный
Разносилъ, либо пальцемъ большимъ мялъ воскъ желтоватый,
И игрою своей отца предивной работѣ
200 Только мѣшалъ. Но когда вполнѣ оконченнымъ вышло
Дѣло изъ рукъ, въ равновѣсье привелъ межъ парою крыльевъ
Тѣло искусникъ свое, и повисъ въ потрясенномъ эфирѣ.

со змѣемъ. *Змѣя держащимъ* является другое созвѣздіе, изображающее человѣка со змѣемъ въ рукѣ, того же Геркулеса, поразившаго змѣя или бога врачеванія Эскулапа, воскресившаго Миносова сына—Главка по указанію змѣя.

Instruit et natum, Medioque ut limite curras,
Icare, ait, moneo, ne, si demissior ibis,
Unda gravet pennas, si celsior, ignis adurat.
Inter utrumque vola. Nec te spectare Booten
Aut Helicen iubeo, strictumque Orionis ensem:
Me duce carpe viam. Pariter praecepta volandi
Tradit, et ignotas humeris accommodat alas.
Inter opus monitusque genae maduere seniles,
Et patriae tremuere manus. Dedit oscula nato
Non iterum repetenda suo. pennisque levatus
Ante volat, comitique timet, velut ales, ab alto
Quae teneram prolem produxit in aera nido:
Hortaturque sequi, damnosasque erudit artes,
Et movet ipse suas et nati respicit alas.
Hos aliquis tremula dum captat arundine pisces,
Aut pastor baculo, stivave innixus arator,
Vidit, et obstupuit, quique aethera carpere possent,
Credidit esse deos. Et iam Iunonia laeva
Parte Samos, fuerant Delosque Parosque relictae,
Dextra Lebinthos erat foecundaque melle Calymne:
Cum puer audaci coepit gaudere volatu,
Deseruitque ducem, coelique cupidine tractus
Altius egit iter. Rapidi vicinia solis
Mollit odoratas, pennarum vincula, ceras.
Tabuerant cerae. nudos quatit ille lacertos,
Remigioque carens non ullas percipit auras.
Oraque caerulea patrium clamantia nomen
Excipiuntur aqua. quae nomen traxit ab illo.
At pater infelix, nec iam pater: Icare, dixit,
Icare, dixit, ubi es? qua te regione requiram?
Icare, dicebat. pennas conspexit in undis:
Devovitque suas artes, corpusque sepulchro
Condidit. et tellus a nomine dicta sepulti.

---

205 Древніе твердо были увѣрены, что чѣмъ выше и ближе къ солнцу, тѣмъ жарче. 206 *Боота* (см. 2, 171)—не приближайся слишкомъ къ сѣверу. 207 *Гелику* (вертящуюся) Большую Медвѣдицу (см. 2, 171). Южное созвѣздіе *Оріона* представляетъ юношу съ однимъ или тремя мечами; онъ застрѣленъ Діаной за дерзость, но по ея же просьбѣ вознесенъ на небо, гдѣ ярче всѣхъ звѣздъ. 221 На островѣ Са-

Сына наставилъ онъ тожь и сказалъ: „Держись ты дороги
Средней, прошу я, Икаръ, чтобъ если ты спустишься ниже,
Крылъ не тягчила волна, а выше огонь не спалилъ бы.
По серединѣ лети. Не велю тебѣ видѣть Боота
Или Гелику иль угрожающій мечъ Оріона:
Слѣдомъ за мною лети“. При этомъ пріемы летанья
Передаетъ и къ плечамъ непривычныя крылья онъ ладитъ.
Межъ наставленій и дѣлъ у старца увлажились щеки,
И дрожали отцовскія руки. Цѣлуетъ онъ сына
Какъ не придется ужъ вновь; поднявшись на крыльяхъ летитъ онъ
Первымъ, съ боязнью за спутника, словно птица, что нѣжныхъ,
Юныхъ птенцовъ съ гнѣзда высокаго сводитъ на воздухъ;
Слѣдовать проситъ его и опасному учитъ искусству;
Крыльями машетъ онъ самъ и ихъ озираетъ у сына.
Ихъ завидя иной, ловящій удочкой рыбу,
Или на посохъ пастухъ, иль на плугъ опираяся пахарь,
Изумлялся и, такъ какъ могли они по небу мчаться,
Ихъ считалъ за боговъ. Уже оставленъ Юнонинъ
Слѣва Самосъ былъ, они Делосъ и Паросъ миновали,
Справа же былъ Лебинтъ и обильная медомъ Калимна;
Тутъ уже мальчикъ сталъ веселиться отважнымъ полетомъ
И, отдѣлясь отъ вождя, увлекаемъ стремленіемъ къ небу,
Выше сталъ путь забирать. Сосѣдство палящаго солнца
Перьевъ нѣжную связь, душистый воскъ размягчило.
Воскъ растаялъ, и онъ лишь голыми машетъ руками,
И безъ веселъ ему захватить уже воздуха нечѣмъ,
И уста, восклицавшія имя родителя, влага
Синяя восприняла, отъ него получившая имя.
А несчастный отецъ, не отецъ уже, кликалъ: „Икаръ мой,
Гдѣ ты Икаръ? И въ какихъ тебя отыщу я предѣлахъ?“
Повторялъ все: Икаръ! и перья въ волнахъ увидалъ онъ;
Проклялъ искусство свое, и тѣло онъ погребенью
Предалъ; и стала земля погребеннаго именемъ зваться.

мосѣ особенно чтили Юнону. 228 Представляя себѣ Икара воздухоплавателемъ, поэтъ обзываетъ его искусственныя крылья веслами. 230 Часть Эгейскаго моря называется Икарскимъ.

PERDIX.

Hunc miseri tumulo ponentem corpora nati
Garrula limoso prospexit ab elice perdix,
Et plausit pennis, testataque gaudia cantu est:
Unica tunc volucris, nec visa prioribus annis,
Factaque nuper avis, longum tibi, Daedale, crimen.
Namque huic tradiderat, fatorum ignara, docendam
Progeniem germana suam, natalibus actis
Bis puerum senis, animi ad praecepta capacis.
Ille etiam medio spinas in pisce notatas
Traxit in exemplum, ferroque incidit acuto
Perpetuos dentes, et serrae repperit usum.
Primus et ex uno duo ferrea brachia nodo
Vinxit, ut aequali spatio distantibus illis
Altera pars staret, pars altera duceret orbem.
Daedalus invidit, sacraque ex arce Minervae
Praecipitem misit, lapsum mentitus. At illum,
Quae favet ingeniis, excepit Pallas, avemque
Reddidit, et medio velavit in aere pennis.
Sed vigor ingenii quondam velocis in alas
Inque pedes abiit. nomen, quod et ante, remansit.
Non tamen haec alte volucris sua corpora tollit,
Nec facit in ramis altoque cacumine nidos:
Propter humum volitat, ponitque in sepibus ova,
Antiquique memor metuit sublimia casus.

---

237 Въ прежнихъ изданіяхъ стояло *ramoso ab ilice съ вѣтвистаго дуба* все видѣла куропатка, что противорѣчитъ нравамъ этой птицы и собственнымъ словамъ поэта ниже начинаясъ ст. 256. Гауптъ разыскалъ несомнѣнно вѣрное: *garrula limoso prospicit elice perdix*. Переписчики, незнакомые ни со спеціальнымъ земледѣльческимъ

КУРОПАТКА.

Какъ въ могилу слагалъ онъ тѣло несчастнаго сына,
Изъ канавки сырой куропатка хрипунья завидя,
Крыльями стала плескать и крикомъ высказывать радость:
Птица единой была; невѣдана въ прежніе годы,
240 Птицей недавно она, Дедалъ, на позоръ тебѣ вѣчный.
Ибо ему отдала, не вѣдая рока, въ науку
Сына родная сестра, какъ мальчику только двѣнадцать
Минуло лѣтъ; онъ былъ въ душѣ способенъ къ ученью.
Даже онъ взялъ въ образецъ, замѣтивъ у рыбы въ середкѣ
245 Спицы въ хребтѣ, и рядкомъ въ желѣзѣостромъ нарѣзалъ
Зубьевъ, и изобрѣлъ пилу для ея назначенья.
Онъ же первый связалъ колѣномъ двѣ ручки желѣзныхъ,
Съ тѣмъ чтобы между собой находясь въ отдаленіи ровномъ,
Часть стояла одна, а другая кругъ обводила.
250 Въ зависть пришедши Дедалъ, со священнаго храма Минервы
Сбросилъ его, и солгалъ, что упалъ. Но къ способнымъ привѣтна
Подхватила его Паллада и сдѣлала птицей,
И одѣла его еще на воздухѣ въ перья.
Но вся сила его способностей быстрыхъ когда то
255 Въ крылья и ноги ушла; а имя, что было, осталось.
Но не высоко межъ тѣмъ та птица возносится тѣломъ
И не вьетъ гнѣзда на вѣтвяхъ и высокихъ вершинахъ:
Близко летаетъ къ землѣ и яйца кладетъ по оградамъ,
И боится высотъ, про древнее помня паденье.

словомъ *elix—канавка*, поставили знакомый имъ *ilex* дубъ и измѣнили *limoso* въ *ramosa*. — Охотники, знакомые съ позывомъ куропатки, похожимъ на шумъ работающей пилы, оцѣнятъ прелесть метаморфозы, заставляющей превращеннаго въ куропатку мальчика быть (ниже ст. 246) изобрѣтателемъ пилы.

APER CALYDONIUS.

260 Iamque fatigatum tellus Aetnaea tenebat
Daedalon. et sumtis pro supplice Cocalus armis
Mitis habebatur. Iam lamentabile Athenae
Pendere desierant Thesea laude tributum.
Templa coronantur, bellatricemque Minervam
265 Cum Iove disque vocant aliis, quos sanguine voto
Muneribusque datis et acerris turis honorant.
Sparserat Argolicas nomen vaga fama per urbes
Theseos. et populi, quos dives Achaia cepit,
Huius opem magnis imploravere periclis.
270 Huius opem Calydon, quamvis Meleagron haberet,
Sollicita supplex petiit prece. Causa petendi
Sus erat, infestae famulus vindexque Dianae.
Oenea namque ferunt pleni successibus anni
Primitias frugum Cereri, sua vina Lyaeo,
275 Palladios flavae latices libasse Minervae.
Coeptus ab agricolis superos pervenit ad omnes
Ambitiosus honor. solas sine ture relictas
Praeteritae cessasse ferunt Latoidos aras.
Tangit et ira deos. At non impune feremus,
280 Quaeque inhonoratae, non et dicemur inultae,
Inquit. et Oeneos ultorem spreta per agros
Misit aprum, quanto maiores herbida tauros
Non habet Epiros, sed habent Sicula arva minores.
Sanguine et igne micant oculi, riget horrida cervix,
285 Et setae similes rigidis hastilibus horrent:
287 Fervida cum rauco latos stridore per armos
Spuma fluit. dentes aequantur dentibus Indis:
Fulmen ab ore venit. frondes afflatibus ardent.

---

260 Утомленный Дедалъ уже попалъ въ Сицилію въ Этнейскую область къ царю Кокалу, который взялся за оружіе противъ Миноса, требовавшаго выдачи Дедала; Кокалъ, однако, успѣлъ склонить Миноса къ миру и даже пригласилъ его къ себѣ въ гости, гдѣ онъ предательски погибъ. 270 *Калидонъ* (на Эвенѣ въ Этоліи)—столица царя Энея, обладалъ знаменитымъ героемъ въ лицѣ Мелеагра, сына Энея.

КАЛИДОНСКІЙ ВЕПРЬ. МЕЛЕАГРЪ. МЕЛЕАГРИДЫ.

260 Уже въ въ Этнейской землѣ усталый Дедалъ находился,
И, въ защиту молящаго милостивый, за оружье
Брался Кокалъ. Уже платить печальную подать
Перестали Аѳины по славной заслугѣ Тезея.
Убраны храмы въ вѣнкахъ, съ воинственной вмѣстѣ Минервой
265 Зевса и прочихъ боговъ призываютъ, ихъ кровью обѣтовъ
Чтутъ и приносятъ дары, и съ ними въ кадильницахъ ладонъ.
Распространяла летучая слава Тезеева имя
По городамъ Арголійскимъ; о помощи молятъ народы,
Сколько въ Ахайѣ ихъ есть, его въ великахъ напастяхъ.
270 Молитъ его Калидонъ, хотя обладалъ Мелеагромъ,
Слезно защиты прося. Причиною былъ тѣхъ моленій
Вепрь, являясь слугой и мстителемъ гнѣвной Діаны.
Какъ говорили, Эней посвятилъ за обиліе года
Перваго сбора плоды Церерѣ, вино же Лiею,
275 А Палладой дарованный сокъ бѣлокурой Минервѣ.
Съ сельскихъ начавши боговъ, до всѣхъ небожителей та же
Лестная почесть дошла; говорятъ, что безъ ладона только
Алтари у одной Латоной рожденной остались.
Трогаетъ гнѣвъ и боговъ“. Не останется это безъ кары,
280 Пусть непочтенной меня назовутъ, но не неотмщенной,
Возгласила она, и послала отмстить за презрѣнье
Вепря Энею въ поля, какого Эпиръ травянистый
Большихъ не знаетъ быковъ, въ Сициліи жь ростъ ихъ и меньшій.
Свѣтятся кровью глаза и огнемъ, напрягся затылокъ,
285 И щетина торчитъ, подобно уставленнымъ копьямъ.
287 По широкимъ его лопаткамъ съ хриплымъ шипѣньемъ
Пѣна течетъ; а клыки зубамъ Индійскимъ подобны:
Молніи пасть издаетъ, и листья горятъ отъ дыханья.

Этотъ царь по латыни пишется *Oeneus* и ничего общаго съ героемъ Энеиды *Aeneas* не имѣетъ. 275 Оливковое масло. 278 Латоной рожденная Діана. 285 Слѣдующій затѣмъ стихъ Stantque velut vallum, velut alta hastilia setae находится во многихъ рукописяхъ на поляхъ и очевидно подложенъ. 288 Индѣйская слоновая кость.

Is modo crescentes segetes proculcat in herba,
Nunc matura metit fleturi vota coloni,
Et Cererem in spicis intercipit. Area frustra,
Et frustra exspectant promissas horrea messes.
Sternuntur gravidi longo cum palmite foetus,
Baccaque cum ramis semper frondentis olivae.
Saevit et in pecudes. Non has pastorve canesve,
Non armenta truces possunt defendere tauri.
Diffugiunt populi, nec se nisi moenibus urbis
Esse putant tutos. donec Meleagros et una
Lecta manus iuvenum coiere cupidine laudis:
Tyndaridae gemini, spectatus caestibus alter,
Alter equo, primaque ratis molitor Iason,
Et cum Pirithoo, felix concordia, Theseus,
Et duo Thestiadae, prolesque Aphareia, Lynceus,
Et velox Idas, et iam non femina Caeneus,
Leucippusque ferox, iaculoque insignis Acastus,
Hippothousque, Dryasque, et cretus Amyntore Phoenix,
Actoridaeque pares, et missus ab Elide Phyleus.
Nec Telamon aberat, magnique creator Achillis,
Cumque Pheretiade et Hyanteo Iolao
Impiger Eurytion, et cursu invictus Echion,
Naryciusque Lelex, Panopeusque, Hyleusque, feroxque

---

301 *Тиндара близнецы* (см. 6, 109). Кулачный боецъ — Поллуксъ, конникъ — Касторъ. 302 *Язонъ* (см. 7, 1). 303 *Съ Пиритоемъ Тезей* — въ древней миѳологіи, образецъ дружества, коего трогательный примѣръ Тезей, высказываетъ ниже ст. 405. Пиритой—предводитель Лапитовъ въ Ѳессаліи; въ его домѣ возникъ описанный въ 12 к. ст. 210 кровавый бой между Лапитами и Центаврами. 304 Два Тестіада — *Плексиппъ* и *Токсей*, сыновья Этолійскаго царя Тестія, братья Алтеи, супруги Энея и матери Мелеагра. *Афарей*—Мессенскій царь, знаменитый своими двумя сыновьями—Линцеемъ и Идасомъ; первый славился своимъ зоркимъ зрѣніемъ и былъ кормчимъ Аргонавтовъ, а второй вступилъ въ побѣдоносное состязаніе въ борьбѣ съ самимъ Аполлономъ, пока Зевесъ ударомъ молніи не разлучилъ борцовъ. 305 *Ценей*, коего баснословныя приключенія описаны въ к. 12, 189 и д. 306 *Левкиппъ*—братъ Тиндарея и Афарея. *Акастъ* (см. 7, 349 и 11, 409). 307 *Гиппотой*—Аркадскій князь.—Дріанта считаютъ братомъ Ѳракійскаго царя Терея (см. 6, 424), коимъ онъ впослѣдствіи убитъ.—*Фениксъ*—сынъ царя Долоповъ—Аминтора, внукъ Орхомена (см 4, 1), другъ Пелея, который сдѣлалъ его наставникомъ сына своего Ахиллеса, въ качествѣ чего онъ съ послѣднимъ отправился и въ Троянскій походъ. 308 *И Акториды вдвоемъ*... Эвритъ и Ктеатъ, сыновья Актора, царствовавшаго въ Элидѣ послѣ Авгія, которому они дѣятельно помогали противъ Геркулеса, но позднѣе были за это убиты

То онъ посѣвы едва подросшіе мнетъ еще въ травахъ,
То у сельчанъ горемыкъ надежды созрѣвшія коситъ,
И вырываетъ ихъ хлѣбъ въ колосьяхъ еще. Понапрасну
Токъ, понапрасну амбаръ ожидаютъ обѣщанной жатвы.
Низвергается плодъ виноградный съ раскидистой вѣтвью,
Ягоды вмѣстѣ съ сукомъ постоянно зеленой оливы.
Страшенъ онъ также скоту. Отъ него ни пастухъ, ни собаки,
Ни свирѣпость быковъ гурта защитить ужь не могутъ.
Врозь убѣгаетъ народъ, и себя безопаснымъ считаетъ
Только въ стѣнахъ городскихъ; пока съ Мелеагромъ не спелся
Избранныхъ юношей сонмъ, желаньемъ похвалъ возбужденный:
Тиндара тутъ близнецы, тотъ славенъ боемъ кулачнымъ,
Этотъ верхомъ на конѣ, и Язонъ, первой барки строитель,
И съ Пиритоемъ Тезей, взаимнымъ согласіемъ счастливъ,
Два Тестіада, затѣмъ сыновья Афарея, Линцей тутъ
И проворный Идасъ, и Ценей, ужь не женщина болѣ,
И отважный Левкиппъ и Акастъ, копьемъ знаменитый,
Гиппотой и Дріантъ и рожденный Аминторомъ Фениксъ,
И Акториды вдвоемъ и Филей, посланецъ Элиды,
Былъ тутъ и Теламонъ и родитель героя Ахилла,
Съ Феретіадомъ, притомъ съ Іолаемъ, потомкомъ Гіантовъ,
Бойкій Эвритіонъ съ Эхіономъ, побѣднымъ при бѣгѣ,
И Нариційскій Лелегъ, Панопей, Гилей и свирѣпый

послѣднимъ. Другой Акторъ былъ царемъ во Фтіи, Ѳессаліи (ниже стр. 311).—*Филей*—сынъ вышеупомянутаго Авгія. 309 (см. 7,472) 310 *Феретіадъ* — Адметъ, сынъ Ферета; Феретъ, братъ Эзона и Пеліаса (см. 7, 1), царствовалъ въ основанныхъ имъ Перахъ въ Ѳессаліи. Адметъ, супругъ Алцесты, дочери Пелія, любившей его такъ нѣжно, что, когда время жизни его окончилось и Парки по просьбѣ Аполлона согласились продлить его жизнь съ условіемъ, чтобы кто либо добровольно принялъ за него смерть, она приняла это условіе, но выведена снова Геркулесомъ изъ ада на землю.—*Іолай*—сынъ своднаго брата Геркулеса Ификла, *потомокъ Гіантовъ* (т. е. Беотійцевъ см. 3, 147), знаменитъ какъ спутникъ и возница Геркулеса, который вымолилъ у Гебы ему возвращеніе молодости (см. 9, 397). 311 *Эвритіонъ* — сынъ Ѳессалійскаго Актора, другъ Пелея, которому онъ уступилъ часть собственнаго царства, Фтію (см. 7, 654).—*Эхіонъ*, о которомъ извѣстно только, что онъ участвовалъ въ походѣ Аргонавтовъ. 312 *Лелегъ* изъ Локрійскаго города Нариціи (см. ниже 619) въ числѣ провожатыхъ Тезея разсказываетъ у Ахелоя прелестную исторію Филемона и Бавкиды, причемъ поэтъ говоритъ, что онъ *созрѣвшій умомъ и годами.*—*Панопей*—сынъ Фока (см. 7, 472), слѣдовательно, племянникъ Пелея и Теламона, отецъ Эпея, строителя Троянскаго коня. Объ упоминаемыхъ здѣсь Гилеѣ и Гиппазѣ дальнѣйшихъ подробностей неизвѣстно.

Hippasus, et primis etiamnum Nestor in annis,
Et quos Hippocoon antiquis misit Amyclis,
Penelopesque socer cum Parrhasio Ancaeo,
Ampycidesque sagax, et adhuc a coniuge tutus
Oeclides, nemorisque decus Tegeaea Lycaei.
Rasilis huic summam mordebat fibula vestem:
Crinis erat simplex, nodum collectus in unum:
Ex humero pendens resonabat eburnea laevo
Telorum custos. arcum quoque laeva tenebat.
Talis erat cultu. facies, quam dicere vere
Virgineam in puero, puerilem in virgine posses.
Hanc pariter vidit, pariter Calydonius heros
Optavit, renuente deo, flammasque latentes
Hausit, et: O felix, siquem dignabitur, inquit,
Ista virum! Nec plura sinit tempusque pudorque
Dicere. maius opus magni certaminis urguet.
Silva frequens trabibus, quam nulla ceciderat aetas,
Incipit a plano, devexaque prospicit arva.
Quo postquam venere viri, pars retia tendunt,
Vincula pars adimunt canibus, pars pressa sequuntur
Signa pedum, cupiuntque suum reperire periclum.
Concava vallis erat, quo se demittere rivi
Assuerant pluvialis aquae. tenet ima lacunae
Lenta salix ulvaeque leves iuncique palustres
Viminaque et longa parvae sub arundine cannae.
Hinc aper excitus medios violentus in hostes

---

313 *Несторъ* (см. 12, 178). 314 Подробности о Гиппокоонѣ и его трехъ сыновьяхъ: Алкѣ, Дексиппѣ и Энезимѣ, убитомъ (ниже ст. 362) кабаномъ, неизвѣстны.— Лаконскій городъ Амиклы недалеко отъ Спарты былъ извѣстенъ въ глубокой древности. 315 *Пенелопинъ тесть*—отецъ Одиссея Лаэртъ.—*Анцей изъ Парразіи родомъ* (см. 2, 460)—ниже 401, онъ дорого расплачивается за неумѣстное хвастовство. 316 *Ампицидъ Мопсъ* (см. 12, 455) — жрецъ Аполлона, у котораго онъ научился искусству пророчества.—*Амфріарей*—сынъ Эклія, супругъ Эрифилы, которая дважды его предала. Во-первыхъ, она присудила Аргосское царство, на которое онъ расчитывалъ и сослался на ея рѣшеніе, не ему, а брату своему Адрасту; во-вторыхъ, затѣмъ, когда будучи самъ предсказателемъ и зная, что въ Ѳиванскомъ походѣ онъ найдетъ смерть, онъ спрятался отъ Полиника, шедшаго войною на брата своего Этеокла, изгнавшаго его изъ Ѳивъ, она указала Полинику мѣсто, въ которомъ онъ скрывался и, такимъ образомъ, выдала его. О послѣднемъ событіи

Гиппазъ, и въ тѣ времена въ лѣтахъ еще юности Несторъ,
Тѣ, что Гиппокоонъ прислалъ изъ Амиклъ стародавнихъ,
И Пенелопинъ тесть и Анцей изъ Парразіи родомъ,
Вѣщій тожъ Ампицидъ, и, еще не погубленъ супругой,
Эклія сынъ, и, краса Лицейскаго лѣса, Тегейка.
Сверху въ одежду ея впивалась гладкая пряжка,
Простъ волосъ былъ уборъ, въ одинъ завязанный узелъ:
Съ лѣваго свѣшенъ плеча звенѣлъ изъ кости слоновой,
Стрѣлъ хранитель, колчанъ, а лукъ она въ лѣвой держала.
Вотъ и весь тутъ нарядъ; лице же ты могъ бы по правдѣ
Въ мальчикѣ дѣвичьимъ счесть, а въ дѣвушкѣ мальчика ликомъ.
 Эту едва увидалъ, сейчасъ же герой Калидонскій
И возжелалъ, вопреки божеству, и скрытое пламя
Воспріялъ и вскричалъ: „О счастливъ, кого удостоитъ
Выбрать мужемъ она!“ Но больше ни время, ни совѣсть
Не дали проговорить; великое дѣло тѣснило.
 Лѣсъ изъ частыхъ стволовъ, ни разу не тронутъ вѣками,
Начался отъ равнинъ и сверху взираетъ на нивы.
Какъ собрались тутъ ловцы, одни разсыпаютъ тенета,
А другіе смычки снимаютъ съ собакъ, часть уходитъ
По отпечаткамъ слѣдовъ, отыскать свою гибель желая.
Шелъ углубленіемъ долъ, куда обычно сливались
Воды ручьевъ дождевыхъ; сидѣли на днѣ углубленья
Гибкія ивы, камышъ подвижной и болотная поросль,
Лозы и вкругъ тростниковъ высокихъ низменный ситникъ.
Вепрь оттоль поднятой въ средину враговъ раздраженный

говоритъ Овидій. 317 *Тегейка* — Аталанта Аркадская, которая то, какъ здѣсь, прозывается по Аркадскому городу Тегеѣ, то, какъ ниже ст. 426, по имени тоже Аркадскаго города Нонакра. Ее не должно смѣшивать съ Беотійскою Аталантой, что тѣмъ не менѣе дѣлаютъ поэты, тѣмъ болѣе, что обѣ сходны красотою, образомъ жизни, ловкостью и цѣломудріемъ. Беотійская Аталанта была дочерью Схенея (см. 10. 660), отцемъ Аркадской былъ Іезонъ или Іезіонъ, который, негодуя на рожденіе дѣвочки вмѣсто мальчика, приказалъ ее извести (см. 9, 679). Тѣмъ не менѣе она, быть можетъ найденная въ лѣсу пастухами или охотниками, возмужала, привыкла къ оружію и стала красавицей. Ненависть ея къ мущинамъ произошла отъ нападенія двухъ центавровъ, которыхъ она обоихъ застрѣлила, но когда раздался по Греціи зовъ на охоту на Калидонскаго вепря, она и появилась въ числѣ охотниковъ. 324 *Герой Калидонскій* (см. ниже 437) 325 *Вопреки божеству* — должно подразумѣвать судьбу, по рѣшенію которой Мелеагру не суждено было владѣть Аталантой.

Fertur, ut excussis elisi nubibus ignes.
Sternitur incursu nemus, et propulsa fragorem
Silva dat. Exclamant iuvenes, praetentaque forti
Tela tenent dextra lato vibrantia ferro.
Ille ruit spargitque canes, ut quisque furenti
Obstat, et obliquo latrantes dissipat ictu.
Cuspis Echionio primum contorta lacerto
Vana fuit, truncoque dedit leve vulnus acerno.
Proxima, si nimiis mittentis viribus usa
Non foret, in tergo visa est haesura petito:
Longius it. auctor teli Pagasaeus Iason.
Phoebe, ait Ampycides, si te coluique coloque,
Da mihi, quod petitur, certo contingere telo!
Qua potuit, precibus deus annuit. Ictus ab illo est,
Sed sine vulnere, aper. ferrum Diana volanti
Abstulerat iaculo. lignum sine acumine venit.
Ira feri mota est, nec fulmine lenius arsit:
Emicat ex oculis, spirat quoque pectore flamma.
Utque volat moles adducto concita nervo,
Cum petit aut muros aut plenas milite turres,
In iuvenes vasto sic impete vulnificus sus
Fertur, et Eupalamon Pelagonaque, dextra tuentes
Cornua, prosternit. Socii rapuere iacentes.
At non letiferos effugit Enaesimus ictus
Hippocoonte satus. Trepidantem et terga parantem
Vertere succiso liquerunt poplite nervi.
Forsitan et Pylius citra Troiana perisset
Tempora. sed sumto posita conamine ab hasta
Arboris insiluit, quae stabat proxima, ramis,
Despexitque, loco tutus, quem fugerat hostem.
Dentibus ille ferox in querno stipite tritis
Imminet exitio, fidensque recentibus armis
Eurytidae magni rostro femur hausit adunco.

---

345 *Эхіонъ* (см. выше 311). 349 *Пагазскій Язонъ* (см. 7, 1). 350 *Ампицидъ* (см. выше 316), 360 *Эвпаламонъ* и *Пелагонъ* среди извѣстныхъ героевъ неизвѣстны. 361 *Пилієцъ*—Несторъ (см. выше 313). *Раньше Троянскихъ временъ*—Троянскаго похода, въ которомъ онъ игралъ значительную роль. 366 *Съ подставленной пики*

Мчится, словно огонь извергнутъ изъ тучъ сотрясенныхъ,
Въ бѣгѣ онъ рощу крушитъ и лѣсъ, проломленный слѣдомъ,
Трескъ издаетъ. Молодежь восклицаетъ, и храброю дланью
Держитъ, уставя копье, широкою грозное сталью.
Мчится тотъ и собакъ швыряетъ, какая мѣшаетъ
Бѣшеному, и разя ихъ съ боку лающихъ, гонитъ.
Первая пика рукой Эхіона направлена тщетной
Только была и слегка поранила пень лишь кленовый.
А вторая, когда бъ не съ излишнею силой была бы
Брошена, то бы въ хребтѣ намѣченномъ вѣрно засѣла;
Дальше она унеслась; Пагазскій Язонъ ее кинулъ.
Фебъ, возопилъ Ампицидъ, коль тебя почиталъ, да и чту я,
Дай мнѣ вѣрнымъ копьемъ достигнуть намѣченной цѣли:“
Богъ посильно склонился къ мольбамъ. И имъ былъ настигнутъ,
Но не пораненъ кабанъ; желѣзо Діана съ летѣвшей
Пики сняла, и древко одно безъ верхушки попало.
Гнѣвомъ звѣрь задрожалъ, и не менѣе молніи вспыхнулъ;
Засверкало изъ глазъ, изъ груди повѣяло пламя.
И какъ камень большой летитъ, тетивою подкинутъ,
Въ стѣны стремяся попасть, иль башню полную войскомъ,
Такъ на юношей вепрь несется въ мощномъ стремленьи,
Эвпаламона и съ нимъ Пелагона, крыло охранявшихъ
Правое, онъ распростеръ. Друзья подхватили лежащихъ.
Но Гиппокоона сынъ Энезимъ смертельныхъ ударовъ
Не избѣгнулъ. Когда онъ дрожалъ и уже собирался
Тылъ обратить, то въ колѣнѣ подрѣзанномъ жилы ослабли.
Можетъ быть и Пиліецъ погибъ бы раньше Троянскихъ
Тоже временъ; но, собравъ всѣ силы, съ подставленной пики,
Онъ подскочилъ на суки стоявшаго дерева рядомъ
И безопасенъ взглянулъ, какого врага избѣжалъ онъ.
Тотъ свирѣпый, объ пень дубовый клыки наточивши,
Гибелью снова грозитъ, и въ новомъ оружьи увѣренъ,
Эвритиду бедро распоролъ закорюченнымъ зубомъ.

какъ это понынѣ дѣлаютъ, садясь на коня, вооруженные пикою всадники. 370 *Новомъ оружьи*—вновь наточенномъ. 371 Въ прежнихъ изданіяхъ стоитъ Actoridae magni, а въ нашемъ стоитъ Thestiadae magni. Объясненія того и другаго прозванія, т. е. Акторида равно какъ и Тестіада, см. выше 304 и 308.

At gemini, nondum coelestia sidera, fratres,
Ambo conspicui, nive candidioribus ambo
Vectabantur equis, ambo vibrata per auras
375 Hastarum tremulo quatiebant spicula motu.
Vulnera fecissent, nisi setiger inter opacas,
Nec iaculis isset nec equo loca pervia, silvas.
Persequitur Telamon, studioque incautus eundi
Pronus ab arborea cecidit radice retentus.
380 Dum levat hunc Peleus, celerem Tegeaea sagittam
Imposuit nervo, sinuatoque expulit arcu.
Fixa sub aure feri summum destrinxit arundo
Corpus, et exiguo rubefecit sanguine setas.
Nec tamen illa sui successu laetior ictus,
385 Quam Meleagros erat. Primus vidisse putatur,
Et primus sociis visum ostendisse cruorem,
Et: Meritum, dixisse, feres virtutis honorem.
Erubuere viri, seque exhortantur, et addunt
Cum clamore animos, iaciuntque sine ordine tela.
390 Turba nocet iactis, et quos petit, impedit ictus.
Ecce furens contra sua fata bipennifer Arcas:
Discite, femineis quid tela virilia praestent,
O iuvenes, operique meo concedite, dixit.
Ipsa suis licet hunc Latonia protegat armis,
395 Invita tamen hunc perimet mea dextra Diana.
Talia magniloquo tumidus memoraverat ore,
Ancipitemque manu tollens utraque securim
Institerat digitis, primos suspensus in artus.
Occupat audentem, quaque est via proxima leto,
400 Summa ferus geminos direxit ad inguina dentes.
Concidit Ancaeus. glomerataque sanguine multo
Viscera lapsa fluunt, madefactaque terra cruore est.
Ibat in adversum proles Ixionis hostem
Pirithous, valida quatiens venabula dextra.
405 Cui: Procul, Aegides, o me mihi carior, inquit,
Pars animae, consiste, meae! licet eminus esse

---

372 Касторъ и Поллуксъ. 378 Теламонъ (см. 7, 472). 380 Тегейка (см. выше 317). 391 *Аркадецъ Анцей* (см. выше 315). *Не къ часу свирѣпый* — такъ какъ

Братья межъ тѣмъ близнецы, еще не созвѣздія въ небѣ,
Оба красавцы собой, на коняхъ носясь бѣлоснѣжныхъ
Оба, и занося свои по воздуху копья,
Древко оба на нихъ потрясали дрожащимъ движеньемъ.
Ранили бъ вѣрно они, когда бы кабанъ не чащею
Шелъ лѣсной, по мѣстамъ ни копью, ни коню недоступнымъ.
Слѣдомъ за нимъ Теламонъ, но ходьбой увлеченъ безъ опаски,
Онъ свалился ничкомъ, задержанный корнемъ древеснымъ.
Какъ Пелей его подымалъ, Тегейка напрягши
Быстрой стрѣлой тетиву, спустила свой лукъ изогнутый.
Звѣрю подъ ухо попавъ, по тѣлу черкнула лишь сверху
Трость, и щетину ему окрасила малостью крови.
Но не столько была своему она рада успѣху,
Какъ былъ радъ Мелеагръ. По слухамъ, онъ первый увидѣлъ
И будто первый друзьямъ указалъ на кровь, что замѣтилъ,
И сказалъ: „Получить тебѣ должную почесть за доблесть“.
Покраснѣвъ, поощряютъ другъ друга мущины и духу
Крикомъ себѣ придаютъ, и безъ толку копья кидаютъ.
Рой ихъ полету вредитъ и цѣли достигнуть мѣшаетъ.
Вотъ Аркадецъ съ двойной сѣкирой, не къ часу свирѣпый,
Крикнулъ: „О юноши знайте жъ, насколько доспѣхи мужскіе
Женскихъ превыше стоятъ, и дайте мнѣ мѣсто для дѣла,
Хоть бы Латонина дочь его защищала оружьемъ,
Все жъ отъ десницы моей, вопреки онъ Діанѣ погибнетъ“.
Такъ напыщенно онъ говорилъ изъ устъ многословныхъ,
И въ обѣихъ рукахъ двойную подъемля сѣкиру,
Самъ на цыпочки всталъ и повисъ на переднихъ суставахъ.
Предупредилъ смѣльчака, и кратчайшей дорогою, къ смерти
Звѣрь двойные клыки вверхъ самаго паха направилъ.
Повалился Анцей и комомъ съ потоками крови
Выпала внутренность вся и кровью увлажила землю.
Прямо на встрѣчу врагу пошелъ Иксіона потомокъ,
Пиритой, потрясая рогатину мощной рукою.
„Дальше! воскликнулъ Эгидъ,—ты жизни моей мнѣ дражайшій,
Часть моей ты души! не ходи. Ѣыть издали можно

гибнетъ не по рѣшенію судьбы, а по собственной заносчивости. 403 *Иксіона потомокъ*—Пиритой (см. выше 303). 405 *Эгидъ*—сынъ Эгея, Тезей (см. выше 303).

Fortibus: Ancaeo nocuit temeraria virtus.
Dixit, et aerata torsit grave cuspide cornum:
Quo bene librato votique potente futuro
410 Obstitit aesculea frondosus ab arbore ramus.
Misit et Aesonides iaculum, quod casus ab illo
Vertit in immeriti fatum latrantis, et inter
Ilia coniectum tellure per ilia fixum est.
At manus Oenidae variat. missisque duabus
415 Hasta prior terra, medio stetit altera tergo.
Nec mora. dum saevit, dum corpora versat in orbem,
Stridentemque novo spumam cum sanguine fundit,
Vulneris auctor adest, hostemque irritat ad iram,
Splendidaque adversos venabula condit in armos.
420 Gaudia testantur socii clamore secundo,
Victricemque petunt dextrae coniungere dextram.
Immanemque ferum multa tellure iacentem
Mirantes spectant. neque adhuc contingere tutum
Esse putant. sed tela tamen sua quisque cruentat.
425 Ipse pede imposito caput exitiabile pressit,
Atque ita: Sume mei spolium, Nonacria, iuris,
Dixit, et in partem veniat mea gloria tecum.
Protinus exuvias, rigidis horrentia setis
Terga dat et magnis insignia dentibus ora.
430 Illi laetitiae est cum munere muneris auctor.
Invidere alii, totoque erat agmine murmur.
E quibus ingenti tendentes brachia voce:
Pone age, nec titulos intercipe, femina, nostros,
Thestiadae clamant, nec te fiducia formae
435 Decipiat, neu sit longo tibi captus amore
Auctor, et huic adimunt munus, ius muneris illi.
Non tulit, et tumida frendens Mavortius ira:
Discite, raptores alieni, dixit, honoris
Facta minis quantum distent, hausitque nefando
440 Pectora Plexippi, nil tale timentia, ferro.
Toxea, quid faciat, dubium, pariterque volentem

---

411 *Эзонидъ*—Язонъ (см. 7, 1). 414 *Энида*—Мелеагра (см. выше 270). 426 *Нонакрійка* (см. выше 317). 434 *Тестіады*—(см. выше 304). 437 *Сынъ Марса.* Ме-

Храбрымъ: Анцею была во вредъ дерзновенная доблесть“.
Рекъ, и мѣднымъ концемъ отягченную пику швырнулъ онъ;
Ей отлично направленной, могшей достигнуть желанья,
Сукъ въ пути помѣшалъ густолистый съ дубоваго древа.
И Эзонидъ запустилъ копье, но случай со звѣря
Свелъ его на бѣду невинной собаки, и между
Самыхъ попавши черевъ, изъ черевъ оно въ землю вонзилось.
Разное счастье рукѣ Энида; изъ кинутыхъ двухъ имъ
Первое въ землю копье, другое же въ спину засѣло.
Тотчасъ, пока тотъ, ярясь, кругомъ вертится всѣмъ тѣломъ
И окровавленный вновь пускаетъ шипящую пѣну,
Раны виновникъ приспѣлъ, и къ злобѣ врага возбуждаетъ,
И подъ лопатки ему вонзаетъ блестящую пику.
Радость товарищи всѣ, воскликнувъ, сейчасъ выражаютъ,
И руками пожать спѣшатъ побѣдителя руку.
Всѣ на огромнаго звѣря, земли захватившаго много,
Съ удивленьемъ глядя, не считаютъ еще безопаснымъ
Трогать его; но всежъ кровянитъ въ немъ каждый оружье.
Самъ, ногой наступя, придавилъ онъ голову звѣря,
И произнесъ: „Ты прими, Нонакрійка, добычу, что право
Мнѣ отдаетъ, и съ тобой да будетъ совмѣстна мнѣ слава“.
Тотчасъ добычу свою—съ торчащею жесткой щетиной
Шкуру—онъ ей подаетъ, и съ клыками огромными морду.
Радость вселяетъ въ нее съ подаркомъ виновникъ подарка.
Зависть возникла въ другихъ, въ толпѣ всей ропотъ поднялся,
Между ними во всѣ голоса и руки простерши:
„Это оставь, и у насъ не отъемли, женщина, славы,
Тестіады кричатъ, на красу не надѣйся чрезмѣрно,
Какъ бы не бросилъ тебя влюбленный виновникъ почета“,
И отнимаютъ у ней его даръ, у него его право.
Не стерпѣлъ сынъ Марса того и со скрежетомъ гнѣвнымъ
Молвилъ: „Узнайте же вы, чужой похитители славы,
Какъ далеки дѣла отъ угрозъ, и преступнымъ желѣзомъ
Грудь Плексиппа пронзилъ, не ждавшаго вовсе такого.
Токсею, какъ поступить не знавшему, ибо хотѣлъ онъ

леагра нѣкоторые считаютъ сыномъ Марса, и Энея его отцемъ только по имени, подобно тому какъ Геркулесъ по имени былъ сынъ Амфитріона.

Ulcisci fratrem fraternaque fata timentem,
Haud patitur dubitare diu, calidumque priori
Caede recalfecit consorti sanguine telum.
Dona deum templis, nato victore, ferebat,
Cum videt extinctos fratres Althaea referri.
Quae plangore dato moestis clamoribus urbem
Implet, et auratis mutavit vestibus atras.
At simul est auctor necis editus, excidit omnis
Luctus, et a lacrimis in poenae versus amorem est.
Stipes erat, quem, cum partus enixa iaceret
Thestias, in flammam triplices posuere sorores:
Staminaque impresso fatalia pollice nentes:
Tempora, dixerunt, eadem lignoque tibique,
O modo nate, damus. Quo postquam carmine dicto
Excessere deae, flagrantem mater ab igne
Eripuit ramum sparsitque liquentibus undis.
Ille diu fuerat penetralibus abditus imis,
Servatusque tuos, iuvenis, servaverat annos.
Protulit hunc genitrix, taedasque et fragmina poni
Imperat, et positis inimicos admovet ignes.
Tum conata quater flammis imponere ramum,
Coepta quater tenuit. Pugnant materque sororque.
Et diversa trahunt unum duo nomina pectus.
Saepe metu sceleris pallebant ora futuri:
Saepe suum fervens oculis dabat ira ruborem.
Et modo nescio quid similis crudele minanti
Vultus erat, modo quem misereri credere posses.
Cumque ferus lacrimas animi siccaverat ardor,
Inveniebantur lacrimae tamen. Utque carina,
Quam ventus, ventoque rapit contrarius aestus,
Vim geminam sentit, paretque incerta duobus:
Thestias haud aliter dubiis affectibus errat,
Inque vices ponit, positamque resuscitat iram.
Incipit esse tamen melior germana parente,
Et consanguineas ut sanguine leniat umbras,

---

446 *Алтея*—Тестіада (см. выше 304); мать Мелеагра увидала своихъ убитыхъ братьевъ.

И за брата отмстить и участи брата страшился,
Не далъ онъ долго рѣшать, и теплую первымъ убійствомъ
Сталь онъ опять подогрѣлъ его сотоварища кровью.
445 За побѣду сыновнюю въ храмахъ боговъ приносила
Жертвы Алтея, когда вносили безжизненныхъ братьевъ.
Тутъ ударивши въ грудь, она наполнила городъ
Скорбнымъ воплемъ, нарядъ золотой обмѣнивши на черный.
Какъ извѣстенъ ей сталъ виновникъ смерти, замолкнулъ
450 Всякій плачъ, и изъ слезъ обратился въ желаніе кары.
Было полѣно, его, какъ, окончивши роды, лежала
Тестіада, въ огонь тройныя повергнули сестры;
И нажатымъ перстомъ роковую нить выпрядая,
Молвили: „Время одно и дереву да и тебѣ мы,
455 Новорожденный, даемъ“. Когда за такимъ изреченьемъ
Прочь богини ушли, то мать съ огня ухватила
Ярко пылающій сукъ и смочила текучей водою.
Долго онъ спрятанъ лежалъ въ покояхъ самыхъ далекихъ
И сохранный твои охранялъ онъ, юноша, годы.
460 Вынесла мать тутъ его, и велѣла растопокъ и щепокъ
Сласть, и къ сложеннымъ такъ поднесла враждебное пламя,
Тутъ четырежды сукъ наложить на огонь собираясь,
Мысль отклоняла она четырежды. Мать въ ней съ сестрою
Были въ борьбѣ, и влекли два имени сердце все тоже.
465 Часто блѣднѣло лице изъ страха свершить злодѣянье;
Часто глазамъ сообщалъ красноту свою гнѣвъ закипавшій.
То не зная съ какой жестокой угрозою сходны
Были черты у нея, то казалось, что къ жалости склонны.
И лишь яростный пылъ души осушалъ ея слезы,
470 Слезы являлись опять. Какъ лодка, которую вѣтеръ
Мчитъ и уноситъ межъ тѣмъ противное вѣтру теченье,
Чувствуетъ силу вдвойнѣ и обѣимъ безсильно покорна;
Такъ Тестіада межъ двухъ влеченій въ сомнѣніи бродитъ,
То отвергнетъ свой гнѣвъ, то снова отвергнутый будитъ.
475 Вотъ она лучшей сестрой чѣмъ матерью быть начинаетъ,
И, чтобъ кровныхъ своихъ успокоить тѣни ей кровью,

Impietate pia est. Nam postquam pestifer ignis
Convaluit: Rogus iste cremet mea viscera, dixit.
Utque manu dira lignum fatale tenebat,
Ante sepulchrales infelix astitit aras,
Poenarumque deae triplices, furialibus, inquit,
Eumenides, sacris vultus advertite vestros.
Ulciscor, facioque nefas. mors morte pianda est:
In scelus addendum scelus est, in funera funus:
Per coacervatos pereat domus impia luctus.
An felix Oeneus nato victore fruetur,
Thestius orbus erit? Melius lugebitis ambo.
Vos modo, fraterni manes, animaeque recentes,
Officium sentite meum. magnoque paratas
Accipite inferias, uteri mala pignora nostri.
Hei mihi! quo rapior? fratres ignoscite matri!
Deficiunt ad coepta manus. Meruisse fatemur
Illum, cur pereat. mortis mihi displicet auctor.
Ergo impune feret, vivusque et victor et ipso
Successu tumidus regnum Calydonis habebit?
Vos cinis exiguus gelidaeque iacebitis umbrae?
Haud equidem patiar. Pereat sceleratus et ille,
Spemque patris regnumque trahat patriaeque ruinam.
Mens ubi materna est? ubi sunt pia iura parentum?
Et quos sustinui bis mensum quinque labores?
O utinam primis arsisses ignibus infans,
Idque ego passa forem! Vixisti munere nostro:
Nunc merito moriere tuo. Cape praemia facti,
Bisque datam, primum partu, mox stipite rapto,
Redde animam. vel me fraternis adde sepulchris.
Et cupio, et nequeo. Quid agam? modo vulnera fratrum
Ante oculos mihi sunt et tantae caedis imago:
Nunc animum pietas maternaque nomina frangunt.
Me miseram! male vincetis, sed vincite, fratres:
Dummodo, quae dedero vobis, solacia vosque
Ipsa sequar. Dixit, dextraque aversa trementi
Funereum torrem medios coniecit in ignes.
Aut dedit, aut visus gemitus est ille dedisse

Благочестива она въ нечестьи. И только что пламя
Злобы взросло: „Костеръ да спалитъ мою плоть, возопила“.
И жестокой рукой держа роковое полѣно,
480 Предъ погребальнымъ такимъ алтаремъ несчастная стала
И воскликнула: „Вы, наказаній тройныя богини,
Эвмениды, свой взоръ обратите на страшную жертву.
Грѣхъ я отмщая, грѣшу, смерть смертью должна искупиться.
Надо къ злодѣйству придать злодѣйство, къ могиламъ могилу:
485 Пусть подъ напоромъ скорбей погибнетъ домъ нечестивый.
Или счастливцу глядѣть на сына героя Энею,
Тестею жь сирому быть? Такъ лучше рыдайте вы оба.
Вы же, братскія тѣни, недавно отшедшія души,
Дѣло цѣните мое; примите великихъ поминокъ
490 Жертву, утробы моей залогъ такой злополучный.
Горе! куда меня мчитъ? Простите вы матери, братья!
Слабнетъ на подвигъ рука. Сознаюсь сама, заслужилъ онъ,
Чтобы погибнуть ему; противенъ мнѣ смерти виновникъ.
Такъ безнаказанно жить онъ долженъ и, какъ побѣдитель,
495 Самымъ успѣхомъ гордясь, Калидонское приметъ онъ царство?
Вамъ же холоднымъ тѣнямъ лежать лишь прахомъ ничтожнымъ?
Этого я не стерплю. Преступный и онъ да погибнетъ,
И надежду отца и царства влечетъ къ разрушенью.
Чувства тутъ матери гдѣ? Гдѣ чувства родителей нѣжныхъ?
500 Бремя мое, что несла я дважды пять мѣсяцевъ къ ряду?
О когда бы сгорѣлъ на первомъ огнѣ ты ребенкомъ,
И допустила бъ я то! Ты жилъ по моей лишь заслугѣ;
Нынѣ умрешь по своей ты винѣ. Получай воздаянье;
Данную дважды, сперва рожденьемъ, тутъ схваченной плахой,
505 Душу отдай, иль меня пріобщи ты къ братнимъ гробницамъ.
Хочется и не могу. Что дѣлать? То предъ очами
Язвы братьевъ моихъ и эта картина убійства;
То вотъ любовь и матери имя мнѣ духъ сокрушаютъ.
Горе мнѣ! братья, вы зло побѣдите, но вы побѣждайте.
510 Лишь бы, за жертвою той, что вамъ приношу, и за вами
Слѣдовать мнѣ. Изрекла, и сама отвернувшись, швырнула
Задрожавшей рукой головню гробовую на пламя.
Издала-ль, иль казалось, что вздохъ издала эта плаха,

Stipes, ut invitis correptus ab ignibus arsit.
Inscius atque absens flamma Meleagros ab illa
Uritur, et caecis torreri viscera sentit
Ignibus, ac magnos superat virtute dolores.
Quod tamen ignavo cadat et sine sanguine leto,
Maeret, et Ancaei felicia vulnera dicit:
Grandaevumque patrem fratresque piasque sorores
Cum gemitu, sociamque tori vocat ore supremo:
Forsitan et matrem. Crescunt ignisque dolorque,
Languescuntqne iterum. simul est extinctus uterque,
Inque leves abiit paulatim spiritus auras,
Paulatim cana prunam velante favilla.
Alta iacet Calydon. lugent iuvenesque senesque,
Vulgusque proceresque gemunt, scissaeque capillos
Planguntur matres Calydonides Eueninae.
Pulvere canitiem genitor vultusque seniles
Foedat humi fusus, spatiosumque increpat aevum.
Nam de matre manus diri sibi conscia facti
Exegit poenas, acto per viscera ferro.
Non mihi si centum deus ora sonantia linguis,
Ingeniumque capax, totumque Helicona dedisset,
Tristia persequerer miserarum dicta sororum.
Immemores decoris liventia pectora tundunt:
Dumque manet corpus, corpus refoventque foventque.
Oscula dant ipsi, posito dant oscula lecto.
Post cinerem cineres haustos ad pectora pressant:
Affusaeque iacent tumulo, signataque saxo
Nomina complexae lacrimas in nomina fundunt.
Quas Parthaoniae tandem Latonia clade
Exsatiata domus, praeter Gorgenque nurumque
Nobilis Alcmenae, natis in corpore pennis
Allevat, et longas per brachia porrigit alas,
Corneaque ora facit, versasque per aera mittit.

---

521 *Супругу* — Клеопатру; говорятъ, что она съ горя о смерти мужа повѣсилась. 543 *Портаонъ* — отецъ Энея. — *Помимо Горгеи съ невѣсткой Благородной Алкмены*“, которыя, подобно другимъ сестрамъ Мелеагра, не были превращены въ птицъ, ибо Горгея стала супругою Андремона, — наслѣдовавшаго престолъ тестя, и отъ него матерью знаменитаго въ Троянской войнѣ Тоанта. Невѣстка Алкмены,

Какъ неохотнымъ огнемъ объята она запылала.
515 Самъ не зная того и заочно пламенемъ этимъ
Воспылалъ Мелеагръ и почувствовалъ скрытый въ утробѣ
Огненный пылъ, но великую боль побѣждаетъ онъ мощью.
Но, что смертью безвѣстной пришлось погибать и безкровной
Скорбно ему, и раны Анцея считаетъ онъ счастьемъ:
520 Престарѣлаго онъ отца и братьевъ и нѣжныхъ
Призываетъ сестеръ и супругу предсмертнымъ моленьемъ;
Можетъ быть, также и мать. Растутъ и огонь и мученья
И затихаютъ потомъ; и то и другое угасло,
И понемногу душа отходила на воздухъ летучій,
525 Какъ понемногу зола, убѣляя, ложилась на уголь.
Въ прахѣ лежитъ Калидонъ; и юноши плачутъ и старцы,
Стонетъ и знать и народъ; власы распустя, ударяютъ
Въ груди себя Калидонскія матери вдоль по Эвену.
Прахомъ сѣдины свои и старческій ликъ свой родитель,
530 На земь упавши, грязнитъ и клянетъ продолжительность вѣка.
Ибо надъ матерью, весь сознавшею ужасъ, самою
Кару свершила рука, пронзивъ ей утробу желѣзомъ.
Если бы богъ даровалъ стоязычныхъ мнѣ устъ громогласье,
И всеобъемлющій духъ и дары со всего Геликона,
535 Я несчастныхъ сестеръ никогда не исчерпалъ бы жалобъ.
О красотѣ позабывъ, посинѣвшія бьютъ онѣ груди;
Тѣло пока оно тутъ, все тѣло грѣютъ да грѣютъ,
Брата цѣлуютъ онѣ, цѣлуютъ и одръ принесенный,
Золу съ костра захвативъ, онѣ ко груди прижимаютъ,
540 И къ могилѣ припавъ, лежатъ, и на камнѣ рѣзное
Имя объемлютъ онѣ и слезами кропятъ это имя.
Дочь Латоны, въ конецъ насытясь гибелью дома
Партаона, ихъ всѣхъ, помимо Горгеи съ невѣсткой
Благородной Алкмены, подъемлетъ, на тѣлѣ ихъ перья
545 Породя, и вдоль рукъ выпускаетъ длинныя крылья,
Ротъ даетъ роговой, и пускаетъ въ эфиръ превращенныхъ.

прелестная жена Геркулеса—Діанира. 545 *Numida Meleagris* у Римлянъ называлась курица цесарка, каковое названіе, вѣроятно, и подало поводъ Овидію къ этому превращенію сестеръ Мелеагра въ птицъ, хотя его описаніе самой птицы не соотвѣтствуетъ ея формамъ.

ACHELOUS. ECHINADES. PERIMELE.

Interea Theseus, sociati parte laboris
Functus, Erechtheas Tritonidos ibat ad arces.
Clausit iter fecitque moras Achelous eunti
Imbre tumens. Succede meis, ait, inclite, tectis,
Cecropida, nec te committe rapacibus undis.
Ferre trabes solidas, obliquaque volvere magno
Murmure saxa solent. Vidi contermina ripae
Cum gregibus stabula alta trahi. nec fortibus illic
Profuit armentis, nec equis velocibus esse.
Multa quoque hic torrens nivibus de monte solutis
Corpora turbineo iuvenilia vertice mersit.
Tutior est requies, solito dum flumina currant
Limite, dum tenues capiat suus alveus undas.
Annuit Aegides, Utarque, Acheloe, domoque
Consilioque tuo, respondit. et usus utroque est.
Pumice multicavo nec levibus atria tophis
Structa subit. molli tellus erat humida musco:
Summa lacunabant alterno murice conchae.
Iamque duas lucis partes Hyperione menso,
Discubuere toris Theseus comitesque laborum:
Hac Ixionides, illa Troezenius heros
Parte Lelex, raris iam sparsus tempora canis,
Quosque alios parili fuerat dignatus honore
Amnis Acarnanum, laetissimus hospite tanto.
Protinus appositas nudae vestigia nymphae
Instruxere epulis mensas, dapibusque remotis
In gemma posuere merum. Tum maximus heros,
Aequora prospiciens oculis subiecta: Quis, inquit,
Ille locus? digitoque ostendit, et: Insula nomen

---

547 Съ общественнымъ предпріятіемъ поразить кабана. 548 Аѳины здѣсь обзываются вдвойнѣ: во-первыхъ, по своему основателю и древнему владыкѣ (см. 6, 677), а во во-вторыхъ, по богинѣ покровительницѣ, сообщившей городу свое имя (см. 2, 783). 549 Конечно Ахелой, котораго самъ же поэтъ ниже 570 называетъ Акарнанскимъ потокомъ, не могъ преградить Тезею пути изъ Калидона въ Аѳины,

АХЕЛОЙ. ЭХИНАДЫ. ПЕРИМЕЛА.

Въ это время Тезей, съ трудомъ общественнымъ справясь,
Къ Эрехтееву шелъ и Тритонійскому замку.
Путь преградилъ Ахелой и шедшаго медлить заставилъ,
550 Вздувшись отъ ливней. „Взойди, онъ сказалъ, Кекропидъ знаменитый,
Въ домъ мой, и не ввѣряй ты себя волнамъ безпощаднымъ.
Цѣлыя бревна нести и вращать наклоненные камни
Съ шумомъ великимъ—ихъ нравъ. Я видѣлъ, прибрежныя стойла
Прямо и со скотомъ мчались; не помогала
555 Сила при этомъ стадамъ, равно и конямъ ихъ проворство.
Множество этотъ потокъ, какъ таялъ снѣгъ на вершинахъ,
Тѣлъ молодыхъ утопилъ, въ водоворотъ закруживши.
Отдыхъ будетъ вѣрнѣй, покуда рѣка въ свой обычный
Вступитъ предѣлъ, и русло обрѣтетъ уменьшенныя волны“.
560 Прикивнувши, Эгидъ отвѣчалъ: „Ахелой, я пріемлю
И совѣтъ твой и домъ“; и принялъ и то и другое.
Входитъ въ преддверіе онъ, что изъ пемзы и грубаго туфа
Сложено; мягкимъ была земля увлажена мохомъ:
Раковины потолокъ украшали съ пурпурными рядомъ.
565 И какъ Гиперіонъ двѣ части дня ужь отмѣрилъ,
Возлегли и Тезей и дѣлившіе трудъ съ нимъ на ложа:
Иксіонидъ съ одной стороны, а съ другой изъ Трезены
Мощный Лелегъ, съ сѣдиной на вискахъ мѣстами замѣтной,
И другіе, кого удостоивалъ почести равной
570 Акарнанскій потокъ, обрадованъ гостемъ подобнымъ.
Тотчасъ принесши столы, босоногія нимфы покрыли
Яствами ихъ, а когда убрали блюда, въ сосудахъ
Драгоцѣнныхъ вина принесли. Тутъ, взоръ устремляя
На простертое море, герой великій воскликнулъ:
575 „Что тамъ за мѣсто? и онъ перстомъ указалъ,—сообщи мнѣ,

такъ какъ при самомъ выступленіи былъ у него ужь въ тылу, но увлекаясь превращеніями, Овидій, какъ мы видѣли, не стѣсняется географическими условіями. 550 *Кекропидъ*—Аѳинянинъ. 567 *Иксіонидъ*—Пиритой—Лелегъ, хотя (см. выше 312) родомъ изъ Нариціи, давно, какъ видно ниже 625, проживалъ у Питтея въ Трезенѣ.

Quod gerat illa, doce, quanquam non una videtur.
Amnis ad haec: Non est, inquit, quod cernimus, unum.
Quinque iacent terrae. spatium discrimina fallit.
Quoque minus spretae factum mirere Dianae,
Naides hae fuerant. quae cum bis quinque iuvencos
Mactassent, rurisque deos ad sacra vocassent,
Immemores nostri festas duxere choreas.
Intumui, quantusque feror, cum plurimus unquam,
Tantus eram, pariterque animis immanis et undis
A silvis silvas et ab arvis arva revelli,
Cumque loco nymphas, memores tum denique nostri,
In freta provolvi. Fluctus nosterque marisque
Continuam diduxit humum, partesque revellit
In totidem, mediis quot cernis Echinadas undis.
  Ut tamen ipse vides, procul en, procul una recessit
Insula grata mihi: Perimelen navita dicit.
Huic ego virgineum dilectae nomen ademi.
Quod pater Hippodamas aegre tulit, inque profundum
Propulit e scopulo pariturae corpora natae.
Excepi, nantemque ferens: O proxima mundi

---

589 Эхинадами называлась группа острововъ передъ устьемъ Ахелоя, впадающаго въ Іонійское море. Оторвавшійся отъ этой группы отдѣльный островъ назывался Перимелой, коей баснословное происхожденіе разсказывается далѣе. 594 Вопреки чтеніямъ новѣйшихъ комментаторовъ: Merckel, Haupt, Riese и даже старѣйшаго Loers, на основаніи которыхъ составлялся какъ текстъ, такъ и переводъ, мы предпочли оставить по первоначальному чтенію Heinsius'a, опиравшагося на 4-хъ кодексахъ: *pariturae* вмѣсто *periturae*, рѣшительно предполагая это чтеніе согласнѣе съ духомъ Овидія. Вѣдь предъидущее propulit e scopula in profundum достаточно указуетъ судьбу ожидавшую дочь Гипподама.

596 При выборѣ между различными чтеніями текста Metamorphoseon, мы преимущественно руководствовались новѣйшимъ, и въ ученой Германіи наиболѣе распространеннымъ изданіемъ Merkel 1885, только изрѣдка для удобства перевода предпочитая ему текстъ Haupt 1881 — 1885. Оба эти текста заслуженно пользуются въ филологическомъ мірѣ Запада большимъ авторитетомъ, такъ какъ въ основаніи ихъ положенъ Codex Marcianus, одинъ изъ лучше сохранившихся кодексовъ Metamorphoseon (въ немъ недостаетъ только нѣсколькихъ стиховъ XIII и XIV книгъ и конца XV), который, хотя конца XI столѣтія, тѣмъ не менѣе долженъ считаться старѣйшимъ изъ полныхъ кодексовъ, такъ какъ превосходящіе его древностью Codices Bernensis VIII и Londinensis X столѣтія представляютъ только отрывки. Всѣ остальныя многочисленныя изданія Metamorphoseon, изъ которыхъ слѣдуетъ считать лучшими: Christian Jahn 1821 и Loers 1843, не удовлетворяютъ нынѣ требованіямъ филологической критики, такъ какъ появились въ то время, когда Cod. Marcianus не

Какъ тотъ островъ зовутъ, хотя не одинъ онъ, какъ видно.
И потокъ отвѣчалъ: „Что видимъ мы, не едино.
Пять лежатъ тамъ земель; но даль скрываетъ отдѣльность.
И обойденной Діаны чтобъ ты не дивился поступку,
Были наядами тѣ; онѣ когда приносили
Въ жертву десять быковъ и сельскихъ боговъ приглашали,
Позабывши меня, повели въ празднествѣ хороводы.
Вздулся я тутъ, и какимъ я несусь, какъ въ самой я силѣ,
Сталъ я такимъ, и, свирѣпый равно душой и волнами,
Я лѣса отъ лѣсовъ отрывалъ и пашни отъ пашней,
Съ мѣстомъ самымъ и нимфъ, обо мнѣ наконецъ вспомянувшихъ,
Въ море выкатилъ я. Мое и морское теченье,
Цѣлость земли изорвавъ, на столько частей ее рознятъ,
Сколько теперь Эхинадъ ты видишь въ срединѣ волненья.
Но какъ видишь ты самъ, далеко, далеко отслонился
Мнѣ дорогой островокъ: У пловцевъ онъ слыветъ Перимелой.
Я у возлюбленной этой дѣвичье имя похитилъ.
Этимъ сильно отецъ Гипподамъ огорчася, въ пучину
Дочь съ утеса низвергъ, какъ время родить ей настало.
Принялъ ее я и вплавь унося: „О, ближнимъ къ земному

былъ еще вполнѣ разработанъ и сравненъ съ другими, въ особенности съ Laurentianus, Amplianus и съ Heinsianii; въ сущности можно сказать, что всѣ изданія до разработки (т. е. Collatio), Cod. Marciani, только перепечатки трудовъ первыхъ издателей и комментаторовъ Овидія, Италіанца Hercules Ciofano 1580 и въ особенности голландскихъ филологовъ: ученѣйшаго Heinsius'а (лучшее изданіе котораго появилось въ 1659) и его послѣдователя Burmannus († 1741).

Въ нѣмецкой классической филологіи пользуется также большимъ уваженіемъ изданіе Riese, впрочемъ преимущественно за его praefatio; но не смотря на то, что Riese издалъ свой текстъ въ 1872, когда несомнѣнное превосходство Cod. Marcianus надъ всѣми остальными было вполнѣ признано (хотя въ то время Consensum Codicum BMλε еще не появлялся), онъ мало пользовался этою драгоцѣнною рукописью, рѣшающее значеніе которой въ спорныхъ мѣстахъ Овидія имъ не было, намъ кажется, вполнѣ оцѣнено, только вслѣдствіе нѣкотораго нерасположенія къ Merkel, первому изъ комментаторовъ, указавшему на всю важность флорентійскаго манускрипта. Поэтому текстъ Riese мало чѣмъ отличается отъ предшествовавшаго ему почти на тридцать лѣтъ текста Loers.

Но въ отношеніи VIII книги мы сочли необходимымъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно отступить какъ отъ Merkel, такъ и отъ Haupt, отринувшихъ безъ всякаго, по нашему мнѣнію, повода стихи, носящіе чисто Овидіевскій отпечатокъ. Мы тѣмъ болѣе полагали себя вправѣ это сдѣлать, что стихи эти, за исключеніемъ двухъ названныхъ, находятся во всѣхъ, намъ по крайней мѣрѣ извѣстныхъ, изданіяхъ, и

603 Regna vagae, dixi, sortite Tridentifer undae,
Affer opem, mersaeque, precor, feritate paterna
Da, Neptune, locum, vel sit locus ipsa licebit.
611 Dum loquor, amplexa est artus nova terra natantes,
Et gravis increvit mutatis insula membris.

PHILEMON ET BAUCIS.

Amnis ab his tacuit. Factum mirabile cunctos
Moverat. Irridet credentes, utque deorum
615 Spretor erat mentisque ferox Ixione natus:
Ficta refers, nimiumque putas, Acheloe, potentes
Esse deos, dixit, si dant adimuntque figuras.
Obstupuere omnes, nec talia dicta probarunt:
Ante omnesque Lelex, animo maturus et aevo,
620 Sic ait: Immensa est finemque potentia coeli
Non habet, et quicquid superi voluere, peractum est.
Quoque minus dubites, tiliae contermina quercus

что какъ Haupt, такъ и Merkel не даютъ въ своихъ критическихъ приложеніяхъ никакихъ объясненій ихъ непонятнаго остракизма, основаннаго, какъ намъ кажется, единственно на отсутствіи означенныхъ стиховъ въ Cod. Marcianus, несмотря на то, что они несомнѣнно находятся во всѣхъ кодексахъ, которыми пользовался Heinsius.

Точно также не видимъ достаточныхъ причинъ измѣнить стихъ нашего текста 657-й на: «Concutiunt torum de molli fluminis ullae», какъ это дѣлаютъ Merkel и Haupt.

Изъ уваженія къ авторитету нѣмецкой критики мы, къ сожалѣнію, должны были пропустить стихи по Heinsius изд. 1659 г., 596—600 и 603—608, такъ какъ, кромѣ Merkel и Haupt, они отвергнуты всѣми современными нѣмецкими филологами, въ числѣ которыхъ находятся столь замѣчательные по эрудиціи комментаторы и критики Овидіева текста, какъ Otto Korn и J. H. Müller, хотя лично признаемъ ихъ прелестными по образности несомнѣнно Овидіевскаго пошиба. Французская филологиче-

596 In quo desinimus, quo sacri currimus amnes,
Huc ades, atque audi placidus Neptune precantem.
Huic ego, quam porto nocui. Si mitis et aequus,
Si pater Hippodamas, aut si minus impius esset;
Debuit illius misereri; ignoscere nobis.
603 Hanc quoque complectar. Movit caput aequoreus rex:
Concussitque suis omnes assensibus undas.
Extimuit Nymphe: nabat tamen, ipse natantis
Pectora tangebam trepido salientia motu:
Dumque ea contrecto, totum durescere sensi
Corpus et inducta condi praecordia terra.

603 Царствомъ воды, я возвалъ, надѣленный носитель трезубца!
Помощь подай и, молю, потопленной гнѣвомъ отцовскимъ,
Дай ты мѣсто, Нептунъ, иль будь ужь сама она мѣстомъ“.
611 Тутъ же, пока говорилъ я, ужь члены плывущей объяло
Новой землей, и взрасло превращенное тѣло какъ островъ.

ФИЛЕМОНЪ И БАВКИДА.

Смолкнулъ на этомъ потокъ. Всѣхъ бывшихъ тронуло чудо.
На смѣхъ поднялъ довѣрчивыхъ только боговъ поноситель
615 И необузданный въ сердцѣ своемъ, Иксіономъ рожденный:
„Сказки плетешь и чрезмѣрно боговъ, Ахелой, ты считаешь
Мощными, рекъ онъ, коль формы и дать и отнять они могутъ.
Всѣ изумились; никто подобныхъ рѣчей не одобрилъ:
Но Лелегъ изо всѣхъ созрѣвшій умомъ и годами,
620 Такъ сказалъ: безмѣрна власть неба и нѣтъ ей предѣла,
И чего пожелаютъ небесные, то совершится.
Чтобъ ты не былъ въ сомнѣньи, такъ есть, недалеко отъ липы,

ская школа — впрочемъ, далеко не авторитетъ въ нашихъ глазахъ — равно какъ и болѣе серьозныя англійская и италіанская школы никогда не отвергали ихъ подлинности. Loers, одинъ изъ основательнѣйшихъ комментаторовъ Metarmorphoseon, просмотрѣвшій 127 кодексовъ, работая надъ своимъ изданіемъ текста 1843 г., не усомнился включить эти стихи безъ всякой оговорки, присовокупивъ даже въ примѣчаніи на ст. 606—611: «Verborum autem abundantia et transformationis per partes enarratio vere Ovidiana est.». Точно также и до него Ciofano, Heinsius, Christian Jahn, Nicolas Bach, Bothe и многіе другіе коментаторы никогда не считали ихъ подложными, хотя послѣдніе два названные и полагали необходимымъ допустить нѣкоторые варіанты въ ихъ чтеніи, сохраняя, впрочемъ, какъ число, такъ и распредѣленіе стиховъ, безпощадно нынѣ вычеркнутыхъ изъ Метармофозъ новѣйшей нѣмецкой критикой.

Не удѣляя означеннымъ стихамъ мѣста въ текстѣ, мы не хотимъ лишить себя удовольствія привести ихъ здѣсь, въ примѣчаніи.

596. Въ коемъ исходъ нашъ, къ кому мы священныя рѣки стремимся,
Здѣсь появись и внемли, Нептунъ, мольбамъ благосклонно.
Ту, что несу, оскорбилъ я. Еслибъ правдивъ былъ и кротокъ,
Ежели былъ бы отцомъ Гипподамъ, иль меньше безчувственъ,
Сжалиться бъ долженъ надъ нею, и даровать намъ прощенье.
603. Всежъ ее обнимать буду. Владыка пучины
Прикивнулъ и своимъ всколебалъ согласьемъ всѣ волны.
Нимфа въ страхѣ: но всеже плыла, я самъ у плывущей
Персей касался, вздымавшихся подъ возбужденьемъ испуга:
Тутъ какъ держалъ я ее, почувствовалъ, какъ все твердѣло
Тѣло ея, и грудь нароставшей землей прикрывалась.

615 *Пиритой*—сынъ Иксіона, необузданный (см. 4, 461). 617 Превращать.

Collibus est Phrygiis, modico circumdata muro...
Ipse locum vidi. nam me Pelopeia Pittheus
Misit in arva, suo quondam regnata parenti...
Haud procul hinc stagnum est, tellus habitabilis olim,
Nunc celebres mergis fulicisque palustribus undae.
Iuppiter huc specie mortali, cumque parente
Venit Atlantiades positis caducifer alis.
Mille domos adiere, locum requiemque petentes:
Mille domos clausere serae. Tamen una recepit,
Parva quidem, stipulis et canna tecta palustri:
Sed pia Baucis anus parilique aetate Philemon
Illa sunt annis iuncti iuvenilibus, illa
Consenuere casa. paupertatemque fatendo
Effecere levem nec iniqua mente ferendam.
Nec refert, dominos illic famulosne requiras:
Tota domus duo sunt, idem parentque iubentque.
Ergo ubi coelicolae parvos tetigere penates
Summissoque humiles intrarunt vertice postes,
Membra senex posito iussit relevare sedili,
Quo super iniecit textum rude sedula Baucis.
Inde foco tepidum cinerem dimovit, et ignes
Suscitat hesternos, foliisque et cortice sicco
Nutrit, et ad flammas anima producit anili:
Multifidasque faces ramaliaque arida tecto
Detulit, et minuit, parvoque admovit aeno.
Quodque suus coniux riguo collegerat horto,
Truncat olus foliis. Furca levat ille bicorni
Sordida terga suis nigro pendentia tigno:
Servatoque diu resecat de tergore partem
Exiguam, sectamque domat ferventibus undis.
Interea medias fallunt sermonibus horas,
Sentirique moram prohibent. Erat alveus illic
Fagineus, dura clavo suspensus ab ansa.

---

625 *Въ Пелопса землю.* Здѣсь разумѣется полученная отъ отца Тантала область Пелопса во Фригіи, откуда послѣдній, изгнанный, переселился въ названный по имени его Пелопонесъ, гдѣ онъ и наслѣдники его (о сынѣ его Питтеѣ см. выше 567, а также 7, 404) были могучими властителями 629 *Вмѣстѣ съ отцомъ* (см.

Дубъ на Фригійскихъ холмахъ, обнесенъ небольшою стѣною...
Видѣлъ то мѣсто я самъ, потому что былъ посланъ Питтеемъ
Въ Пелопса землю, которой отецъ его правилъ когда-то.
Есть тамъ болото вблизи, что нѣкогда было селеньемъ,
Нынѣ тѣ воды ныркамъ, да болотнымъ курочкамъ любы.
Въ образѣ смертномъ туда явился Юпитеръ и также,
Вмѣстѣ съ отцомъ, Атлантидъ жезлоносецъ, покинувши крылья;
Въ тысячѣ цѣлой домовъ они добивались ночлега:
Тысячи были домовъ на замкѣ. Въ одинъ ихъ впустили,
Маленькій, крытый однимъ камышемъ изъ болотъ, да соломой.
Но старушка Бавкида, и ей лѣтами подъ пару,
Филемонъ, сочетавшися въ немъ въ дни юности, въ той же
Хатѣ состарились. Бѣдность они сознали, имъ легкой
Стала она и ее они добродушно сносили.
Что ни дѣлай, господъ или слугъ ты здѣсь не отыщешь:
Домъ то весь только двое, служить и приказывать—тѣже.
Вотъ когда небожители бѣднаго крова достигли,
И, головами нагнувшись, вошли черезъ низкія двери,
Членамъ дать отдыхъ старикъ пригласилъ ихъ, придвинувши кресла,
А суровою тканью его покрыла Бавкида.
Теплую тотчасъ золу разгребла, и разрыла вчерашній
Жаръ, подложила листвы съ сухою корою, и пламя
Старческимъ дуновеньемъ своимъ заставила вспыхнуть.
Мелкой лучины снесла съ чердака, да высохшихъ сучьевъ,
И, нарубивши, придвинула ихъ къ котелку небольшому.
Листья срубила съ кочна, принесеннаго мужемъ изъ саду,
Орошеннаго. Онъ же двурогою вилой снимаетъ
Съ черной жерди затылокъ свиной, висящій, копченый.
Отъ хранимой давно ветчины отрѣзаетъ онъ малость,
И отрѣзокъ спѣшитъ размягчить въ клокочущей влагѣ.
Между тѣмъ сокращаютъ часы разговоромъ, мѣшая
Замедленіе чувствовать. Буковый тутъ же и чанъ былъ
На костылѣ деревянномъ за прочное ухо привѣшенъ.

1, 669 и 670). 649 Эпитетъ *орошенный* весьма часто у латинскихъ поэтовъ прибавляется къ саду.

Is tepidis impletur aquis, artusque fovendos
Accipit. In medio torus est de mollibus ulvis,
Impositus lecto sponda pedibusque salignis.
Vestibus hunc velant, quas non nisi tempore festo
Sternere consuerant. sed et haec vilisque vetusque
Vestis erat, lecto non indignanda saligno.
Accubuere dei. Mensam succincta tremensque
Ponit anus. mensae sed erat pes tertius impar:
Testa parem fecit. Quae postquam subdita clivum
Sustulit, aequatam mentae tersere virentes.
Ponitur hic bicolor sincerae bacca Minervae,
Conditaque in liquida corna autumnalia faece,
Intubaque, et radix, et lactis massa coacti,
Ovaque non acri leviter versata favilla:
Omnia fictilibus. Post haec caelatus eodem
Sistitur argento crater, fabricataque fago
Pocula, qua cava sunt, flaventibus illita ceris.
Parva mora est, epulasque foci misere calentes:
Nec longae rursus referuntur vina senectae,
Dantque locum mensis paulum seducta secundis.
Hic nux, hic mixta est rugosis carica palmis,
Prunaque, et in patulis redolentia mala canistris,
Et de purpureis collectae vitibus uvae.
Candidus in medio favus est. Super omnia vultus
Accessere boni, nec iners pauperque voluntas.
Interea toties haustum cratera repleri
Sponte sua, per seque vident succrescere vina.
Attoniti novitate pavent; manibusque supinis
Concipiunt Baucisque preces timidusque Philemon,
Et veniam dapibus nullisque paratibus orant.
Unicus anser erat, minimae custodia villae,
Quem dis hospitibus domini mactare parabant.
Ille celer penna tardos aetate fatigat,
Eluditque diu, tandemque est visus ad ipsos
Confugisse deos. Superi vetuere necari:

---

666 Оливокъ. 675 По нашему десертъ, которымъ заключалась римская трапеза.

Теплой наполненъ водой, онъ принялъ члены ихъ, грѣя.
По срединѣ была постель изъ мягкихъ растеній
Положена на кровать; изъ ивы бока въ ней и ножки.
Эту покрыли ковромъ, которымъ по праздникамъ только
Покрывали ее, но и тѣмъ,—дешевый и старый
Былъ онъ коверъ,—на кровати изъ ивы, не слѣдъ было брезгать.
Боги на ней возлегли. Подсучась, дрожащая, ставитъ
Старица столъ; но третья въ столѣ неравна была ножка.
Ножку сравнялъ черепокъ. Когда же приподняло крышу,
То зеленою мятой она его тотчасъ протерла.
Тутъ поставили свѣжихъ, пестрыхъ ягодъ Минервы,
Также вишень осеннихъ, въ соку приготовленныхъ жидкомъ,
Рѣдьки, индивія, къ нимъ молока сгущеннаго въ творогъ,
Да яицъ, что слегка лишь ворочаны въ пеплѣ не пылкомъ.
Все въ посудѣ изъ глины. Затѣмъ расписной былъ поставленъ
Кубокъ того жь серебра и стаканъ, сработанъ изъ бука,
Внутренность къ немъ была желтоватымъ промазана воскомъ
Долго ли ждать; съ очага появились горячія яства.
Вотъ убрали вино незначительной старости, чтобы
Мѣсто очистить на время вторичной чредѣ угощенья.
Тутъ орѣхъ, въ перемежку тутъ финикъ морщинистый съ фигой,
Сливы въ корзинахъ и съ ними душистыя яблоки рядомъ.
Также и гроздья, что съ лозъ, разукрашенныхъ пурпуромъ, сняты.
Сотъ посреди золотой. Ко всему жь добродушныя лица,
И при этомъ хлопотъ и вмѣстѣ радушья не мало.
Видятъ они между тѣмъ, что сколько ни черпаютъ, чаша
Все наполняется,—тотчасъ вино прибываетъ.
Чудо приводитъ ихъ въ страхъ; и руки воздѣвши взываютъ
И Бавкида съ мольбой и самъ Филемонъ устрашенный.
Просятъ прощенья за столъ и скудное все угощенье.
Былъ единственный гусь, двора ихъ убогаго сторожъ,
Въ жертву гостящимъ богамъ заклать его старцы рѣшили.
Онъ, проворенъ крыломъ, изморилъ удрученныхъ годами,
Долго шнырялъ онъ отъ нихъ, и словно ушелъ подъ защиту
Къ самымъ богамъ. Его убивать запретили владыки.

Dique sumus, meritasque luet vicinia poenas
Impia, dixerunt. vobis immunibus huius
Esse mali dabitur. modo vestra relinquite tecta,
Ac nostros comitate gradus, et in ardua montis
Ite simul. Parent ambo, baculisque levati
Nituntur longo vestigia ponere clivo.
Tantum aberant summo, quantum semel ire sagitta
Missa potest. flexere oculos, et mersa palude
Cetera prospiciunt, tantum sua tecta manere.
Dumque ea mirantur, dum deflent fata suorum,
Illa vetus, dominis etiam casa parva duobus
Vertitur in templum. furcas subiere columnae:
Stramina flavescunt, aurataque tecta videntur,
Caelataeque fores, adopertaque marmore tellus.
Talia tum placido Saturnius edidit ore:
Dicite, iuste senex, et femina coniuge iusto
Digna, quid optetis. Cum Baucide pauca locutus,
Iudicium superis aperit commune Philemon:
Esse sacerdotes, delubraque vestra tueri
Poscimus. et quoniam concordes egimus annos,
Auferat hora duos eadem. nec coniugis unquam
Busta meae videam, neu sim tumulandus ab illa.
Vota fides sequitur. templi tutela fuere,
Donec vita data est. Annis aevoque soluti
Ante gradus sacros dum starent forte, locique
Narrarent casus, frondere Philemona Baucis,
Baucida conspexit senior frondere Philemon.
Iamque super geminos crescente cacumine vultus,
Mutua, dum licuit, reddebant dicta Valeque
O coniux, dixere simul, simul abdita texit
Ora frutex. Ostendit adhuc Tyaneius illic
Incola de gemino vicinos corpore truncos.
Haec mihi non vani, neque erat, cur fallere vellent,
Narravere senes. Equidem pendentia vidi
Serta super ramos. ponensque recentia dixi:
Cura deum pii sunt, et qui coluere, coluntur.

---

721 Хотя собственно городъ Тіана находится въ Каппадокіи, а не во Фригіи, но

Боги мы, сказали они, оплатятъ сосѣди
Карой заслуженной грѣхъ, но дастся вамъ быть непричастнымъ
Этому злу; только вы свой кровъ немедля покиньте,
Да ступайте за нами и слѣдомъ въ гору идите
695 Вмѣстѣ. Послушались оба и стали, опершись на палки,
Долгій подъемъ проходить по дорогѣ, взбираяся къ верху.
Не дошли до вершины настолько, насколько доразу
Можетъ стрѣла пролетѣть. Оглянулись и все увидали
Погруженнымъ въ болото, а ихъ только кровля осталась.
700 Вотъ, покуда дивились они, о сосѣдяхъ жалѣя,
Хижина старая ихъ, въ которой двоимъ было тѣсно,
Превратилася въ храмъ; колоннами стали подпорки,
Зажелтѣла солома, и крыша стоитъ золотая.
Двери стали рѣзныя, и мраморомъ землю покрыло.
705 Тутъ Сатурній сказалъ, обращая къ нимъ ликъ благосклонный:
„Праведный старецъ и ты, жена достойная, ваши
Изреките желанья“. Съ Бавкидой сказавши два слова,
Передалъ самъ Филемонъ ихъ общія мысли безсмертнымъ:
„Быть жрецами и стражами вашего храма желаемъ
710 Мы, а такъ какъ въ согласьи мы прожили годы, то пусть насъ
Часъ все тотъ же уноситъ, пускай не увижу могилы
Жениной я, и она пускай меня не хоронитъ“.
Какъ просили, сбылось; покуда жизнь длилася, были
Стражами храма они. Когда жь, ослабѣвши отъ вѣка,
715 Разъ у священныхъ ступеней стояли они, повѣствуя,
Что тутъ на мѣстѣ сбылось, увидалъ Филемонъ, что Бавкида,
А Бавкида, что сталъ Филемонъ покрываться листвою.
Вотъ ужь надъ парою лицъ поднялися макушки, тутъ оба
Какъ могли, такъ другъ другу вмѣстѣ сказали: „прощай же
720 О супругъ“, „о супруга“, и вѣтви закрыли имъ лица.
Кажетъ прохожимъ по нынѣ еще Тіаніи житель
Два сосѣднихъ ствола исходящихъ отъ корня двойнаго.
Мнѣ старики достовѣрные, не было лгать имъ причины,
Такъ разсказали. При томъ и самъ я видѣлъ, висѣли
725 На вѣтвяхъ тѣхъ вѣнки; и свѣжихъ повѣсивъ сказалъ я:
„Кроткіе милы богамъ, кто чтилъ ихъ самъ будетъ въ почетѣ“.

такія географическія неточности не должны насъ удивлять у Овидія.

PROTEUS. MESTRA. FAMES.

Desierat. cunctosque et res et moverat auctor:
Thesea praecipue. quem facta audire volentem
Mira deum innixus cubito Calydonius amnis
Talibus alloquitur: Sunt, o fortissime, quorum
Forma semel mota est, et in hoc renovamine mansit.
Sunt, quibus in plures ius est transire figuras,
Ut tibi, complexi terram maris incola, Proteu.
Nam modo te iuvenem, modo te videre leonem:
Nunc violentus aper, nunc, quem tetigisse timerent,
Anguis eras. modo te faciebant cornua taurum.
Saepe lapis poteras, arbor quoque saepe videri:
Interdum, faciem liquidarum imitatus aquarum,
Flumen eras. interdum undis contrarius ignis.
Nec minus Autolyci coniux, Erysichthone nata,
Iuris habet. Pater huius erat, qui numina divum
Sperneret, et nullos aris adoleret honores.
Ille etiam Cereale nemus violasse securi
Dicitur, et lucos ferro temerasse vetustos.
Stabat in his ingens annoso robore quercus,
Una nemus. vittae mediam memoresque tabellae
Sertaque cingebant, voti argumenta potentis.
Saepe sub hac dryades festas duxere choreas:
Saepe etiam manibus nexis ex ordine trunci
Circuiere modum, mensuraque roboris ulnas
Quinque ter implebat. nec non et cetera tantum
Silva sub hac omnis, quantum fuit herba sub illa.
Non tamen idcirco ferrum Triopeius illa
Abstinuit, famulosque iubet succidere sacrum

---

738 *Протей*—по старому греческому миѳу обоготворенный фокусникъ изъ Ѳракійской или Македонской Паллены, бѣжавшій отъ преступныхъ своихъ сыновей моремъ въ Египетъ; позднѣе морской богъ, поэтому у Гомера всего чаще называющійся *старцемъ моря*, слуга Нептуна, коего телятъ (тюленей) онъ стережетъ въ Египетскомъ или Карпатскомъ (по имени острова Карпата) морѣ; поэтому 11, 249 онъ названъ Карпатскимъ пророкомъ. Онъ, подобно другимъ воднымъ божествамъ, обладалъ

ПРОТЕЙ. МЕСТРА. ГОЛОДЪ.

Кончилъ; тронули всѣхъ и случай и самый разскащикъ,
И Тезея особенно; къ столь желавшему слышать
Про чудодѣйства боговъ потокъ Калидонскій, подпершись
730 Локтемъ, рѣчь обратилъ: „О храбрый, бываютъ такіе,
Что измѣненные разъ, остались при образѣ новомъ.
Есть и власть у иныхъ измѣняться во многіе виды,
Какъ, Протей, у тебя, жильца пучины, объявшей
Землю; то юношею тебя, то львомъ тебя видятъ;
735 То ты злымъ кабаномъ, то змѣемъ, котораго тронуть
Всѣ страшилися, былъ, то рогами въ быка превращался.
Часто и камнемъ ты могъ и деревомъ часто казаться;
Иногда, воспріявъ текучей влаги наружность,
Былъ ты рѣкой; иногда огнемъ, волнамъ столь враждебнымъ.
740 И у супруги Автолика, Эризихтономъ рожденной,
Сила такая же есть. Отецъ у нея, презиравшій
Святость боговъ, никакихъ алтарей не чтилъ возжиганьемъ.
Онъ и въ лѣсъ, говорятъ, Цереринъ вторгся съ сѣкирой,
И дерзнулъ осквернить желѣзомъ старинныя рощи.
745 Въ нихъ стоялъ въ многолѣтней окрѣплости дубъ превеликій
Самъ какъ лѣсъ; насрединѣ его окружали таблички
Памятныя и вѣнки и ленты въ знакъ сбывшейся просьбы,
Часто дріады подъ нимъ хороводы въ праздникъ водили,
Часто, руки сплетя, онѣ вкругъ ствола чередою
750 Обходили кругомъ; пятнадцать локтей занимала
Дуба окружность; и лѣсъ остальной подъ нимъ находился
Весь, подобно тому, какъ подъ тѣмъ растущія травы.
Ради этого все жь Тріопей передъ нимъ и желѣза
Не воздержалъ, и слугамъ приказалъ подрубить тотъ священный

даромъ пророчества и способностію превращаться во всевозможные виды. 740 Объ Автоликѣ, о которомъ здѣсь далѣе не говорится см. 11, 312; имя супруги его было, по мнѣнію нѣкоторыхъ: Местра. Эризихтонъ, какъ видно ниже 753 и 769, сынъ Өессалійскаго царя Тріопа. 746 *Таблички*, съ обозначеніемъ исполненныхъ молитвъ и имени посвящающаго, вѣшались въ храмахъ и вообще священныхъ мѣстахъ, къ какимъ, какъ видно, принадлежалъ и священный дубъ Цереры.

755 Robur. et ut iussos cunctari vidit, ab uno
Edidit haec rapta sceleratus verba securi:
Non delicta deae solum, sed et ipsa licebit
Sit dea, iam tanget frondente cacumine terram.
Dixit. et obliquos dum telum librat in ictus,
760 Contremuit, gemitumque dedit Deoia quercus:
Et pariter frondes, pariter pallescere glandes
Coepere, ac longi pallorem ducere rami.
Cuius ut in trunco fecit manus impia vulnus,
Haud aliter fluxit discusso cortice sanguis,
765 Quam solet, ante aras ingens ubi victima taurus
Concidit, abrupta cruor e cervice profundi.
Obstupuere omnes. aliquisque ex omnibus audet
Deterrere nefas, saevamque inhibere bipennem.
Aspicit hunc, Mentisque piae cape praemia, dixit
770 Thessalus, inque virum convertit ab arbore ferrum,
Detruncatque caput. repetitaque robora caedit,
Editus e medio sonus est cum robore talis:
Nympha sub hoc ego sum Cereri gratissima ligno:
Quae tibi factorum poenas instare tuorum
775 Vaticinor moriens, nostri solatia leti.
Persequitur scelus ille suum. labefactaque tandem
Ictibus innumeris, adductaque funibus arbor
Corruit, et multam prostravit pondere silvam.
Attonitae dryades damno nemorumque suoque,
780 Omnes germanae, Cererem cum vestibus atris
Maerentes adeunt, poenamque Erysichthonis orant.
Annuit his, capitisque sui pulcherrima motu
Concussit gravidis oneratos messibus agros:
Moliturque genus poenae miserabile, si non
785 Ille suis esset nulli miserabilis actis,
Pestifera lacerare Fame. Quae quatenus ipsi
Non adeunda deae est... neque enim Cereremque Famemque
Fata coire sinunt... montani numinis unam
Talibus agrestem compellat oreada dictis:

---

760 *Деойскій дубъ* (см. 6, 114).

755 Дубъ; и когда увидалъ, что тѣ медлятъ, приказъ получивши,
У одного вырывая топоръ, преступный воскликнулъ:
„Не любимецъ одинъ богини, сама будь богиня
Тутъ, все жь тронетъ она густолистой вершиною землю“.
Рекъ и, пока заносилъ для ударовъ онъ съ боку сѣкиру,
760 Дрогнулъ и испустилъ Деойскій дубъ воздыханья;
И когда ужъ листы блѣднѣть и желуди стали,
Стала блѣдность затѣмъ покрывать и длинныя вѣтви.
Какъ нечестивой рукой стволу содѣлалъ онъ рану,
То казалось, что кровь потекла изъ коры уязвленной,
765 Какъ когда къ алтарю огромный быкъ въ видѣ жертвы,
Падаетъ, кровь у него изъ отрубленной шеи струится.
Всѣ обомлѣли кругомъ; и нѣкто изъ всѣхъ ихъ рѣшился
Это злодѣйство унять, помѣшать свирѣпой сѣкирѣ.
Ѳессалъ взглянулъ на него и, сказавъ: „Получай же награду
770 За благочестья души“, и къ мужу вернувши отъ древа
Сталь, онъ голову снесъ; и дубъ онъ рубить продолжаетъ;
Стонъ при этомъ такой изъ средины дуба раздался:
„Въ этомъ деревѣ я, Цереры любимая нимфа;
И умирая, тебѣ предвѣщу, за свой ты поступокъ
775 Кару долженъ стерпѣть, моей утѣшеніе смерти“.
Тотъ злодѣйство свое продолжаетъ; отъ частыхъ ударовъ
Подъ конецъ ослабѣвъ и влекомо канатами, древо
Рухнуло, вѣсомъ своимъ придавивши множество лѣсу.
Поражены и лѣсной и своею бѣдою дріады,
780 Сестры къ Церерѣ идутъ всѣ въ черныхъ одеждахъ, и скорбно
Молятъ, чтобы она наказала Эризихтона.
Имъ прикивнула она, головы прекраснымъ движеньемъ
Сотрясая поля, отягченныя жатвой обильной:
И придумала родъ наказанія жалкій, когда бы
785 Былъ поступкомъ своимъ онъ хотя кому нибудь жалокъ.
Голодомъ мрачнымъ томить. Но какъ къ нему то богинѣ
Доступа нѣтъ къ самому, потому что судьбами сближенье
Голода возбранено съ Церерой, то межъ божествами
Горными, выбравъ одну Ореаду, она ей сказала:

Est locus extremis Scythiae glacialis in oris,
Triste solum, sterilis, sine fruge, sine arbore tellus:
Frigus iners illic habitant Pallorque Tremorque
Et ieiuna Fames. Ea se in praecordia condat
Sacrilegi scelerata, iube. nec copia rerum
Vincat eam, superetque meas certamine vires.
Neve viae spatium te terreat, accipe currus,
Accipe, quos frenis alte moderere, dracones.
Et dedit. Illa dato subvecta per aera curru
Devenit in Scythiam, rigidique cacumine montis,
Caucason appellant, serpentum colla levavit:
Quaesitamque Famen lapidoso vidit in agro,
Unguibus et raris vellentem dentibus herbas.
Hirtus erat crinis, cava lumina, pallor in ore,
Labra incana situ, scabri rubigine dentes,
Dura cutis, per quam spectari viscera possent:
Ossa sub incurvis exstabant arida lumbis:
Ventris erat pro ventre locus, pendere putares
Pectus et a spinae tantummodo crate teneri.
Auxerat articulos macies, genuumque tumebat
Orbis, et immodico prodibant tubere tali.
Hanc procul ut vidit... neque enim est accedere iuxta
Ausa... refert mandata deae. paulumque morata,
Quanquam aberat longe, quanquam modo venerat illuc,
Visa tamen sensisse famem. retroque dracones
Egit in Haemoniam, versis sublimis habenis.
   Dicta Fames Cereris, quamvis contraria semper
Illius est operi, peragit. perque aera vento
Ad iussam delata domum est, et protinus intrat
Sacrilegi thalamos, altoque sopore solutum...
Noctis erat tempus... geminis amplectitur ulnis:
Seque viro inspirat, faucesque et pectus et ora
Afflat, et in vacuis spargit ieiunia venis.
Functaque mandato foecundum deserit orbem
Inque domos inopes, assueta revertitur antra.
Lenis adhuc somnus placidis Erysichthona pennis

„Есть въ отдаленномъ краю холодной Скиѳіи мѣсто,
Грустная почва безъ всякихъ плодовъ, земля безъ деревьевъ;
Холодъ недвижный живетъ, да Бѣдность и Дрожь тамъ и тощій
Голодъ; ты прикажи, чтобъ въ преступной вселился утробѣ
Онъ святотатца того; чтобъ обилье даровъ никакое
Не побѣждало его, и мои поборолъ бы онъ силы.
Дальняго чтобы пути не бояться, возьми колесницу
И драконовъ возьми, чтобъ въ высь ихъ направить браздами“.
И дала ихъ. А та, полетъ соверша въ колесницѣ,
Въ Скиѳской спустилась странѣ, на суровой горной вершинѣ,
Что Кавказомъ зовутъ, и шеи тамъ змѣй облегчила.
Голодъ искомый она въ поляхъ каменистыхъ узрѣла,
Какъ ногтями онъ рвалъ и зубами рѣдкими травы.
Волосы встали копромъ, глаза ввалились, ликъ блѣденъ,
Губы засохли въ грязи, и ржавчиной зубы покрыты,
Кожа тверда и насквозь увидѣть внутренность можно;
Подъ искривленными бедрами кости сухія торчали;
Тамъ, гдѣ брюху бы быть, осталось лишь мѣсто для брюха,
Грудь, какъ будто вися, держалась лишь связью спинною.
Вздулись отъ худобы суставы, вспухли колѣней
Чашки, и щиколотки, не въ мѣру припухнувъ, торчали.
Какъ увидала она его издали... близь не дерзнула
Подступиться... она сообщаетъ приказъ; и промедля
Малость, хотя вдалекѣ, хотя прибыла и недавно,
Словно голодъ она уже чувствуетъ; и, ужь обратно
Повернувши бразды, къ Гемоніи правитъ драконовъ.
  Голодъ Цереринъ приказъ исполняетъ, хотя постоянно
Онъ противъ дѣла ея, и по воздуху съ вѣтромъ примчался
Въ сказанный домъ и вступилъ къ святотатцу въ спальню немедля,
И погруженнаго въ сонъ... а время то было ночное...
Онъ руками обнялъ обѣими: спящему мужу
Онъ вдыхаетъ себя, и въ ротъ и въ грудь да и въ горло
Дуетъ, и въ жилы ему пустыя вливаетъ несытость.
Тутъ исполнивъ приказъ, оставляетъ онъ край плодоносный
И въ убогій свой домъ возвращается къ скаламъ привычнымъ.
Кроткій сонъ все еще Эризихтона мирно крылами

Mulcebat. Petit ille dapes sub imagine somni:
Oraque vana movet, dentemque in dente fatigat:
Exercetque cibo delusum guttur inani:
Proque epulis tenues nequicquam devorat auras.
Ut vero est expulsa quies, furit ardor edendi,
Perque avidas fauces immensaque viscera regnat.
Nec mora. quod pontus, quod terra, quod educat aer,
Poscit. et appositis queritur ieiunia mensis:
Inque epulis epulas quaerit. quodque urbibus esse,
Quodque satis populo poterat, non sufficit uni:
Plusque cupit, quo plura suam demittit in alvum.
Utque fretum recipit de tota flumina terra,
Nec satiatur aquis, peregrinosque ebibit amnes:
Utque rapax ignis non unquam alimenta recusat,
Innumerasque trabes cremat, et quo copia maior
Est data, plura petit, turbaque voracior ipsa est:
Sic epulas omnes Erysichthonis ora profani
Accipiunt, poscuntque simul. Cibus omnis in illo
Causa cibi est. semperque locus fit inanis edendo.
Iamque fame patrias altaque voragine ventris
Attenuarat opes. sed inattenuata manebat
Tum quoque dira fames, implacataeque vigebat
Flamma gulae. Tandem, demisso in viscera censu,
Filia restabat, non illo digna parente.
Hanc quoque vendit inops. Dominum generosa recusat:
Et vicina suas tendens super aequora palmas;
Eripe me domino, qui raptae praemia nobis
Virginitatis habes, ait. haec Neptunus habebat.
Qui prece non spreta, quamvis modo visa sequenti
Esset hero, formamque novat, vultumque virilem
Induit, et cultus pisces capientibus aptos.
Hanc dominus spectans: O qui pendentia parvo
Aera cibo celas, moderator arundinis, inquit,
Sic mare compositum, sic sit tibi piscis in unda
Credulus, et nullos, nisi fixus, sentiat hamos!
Quae modo cum vili turbatis veste capillis

Овѣвалъ. Онъ яствъ все искалъ въ видѣніяхъ сонныхъ:
Движетъ напрасно онъ ртомъ и третъ лишь зубы зубами;
Горло, въ обманъ приводя, томитъ небывалою пищей:
И на мѣсто всѣхъ яствъ глотаетъ лишь воздухъ текучій.
Но лишь покой миновалъ, вспылала безумная алчность,
Жадной глоткой она и чревомъ огромнымъ владѣетъ.
Тотчасъ, всего, что моря, что земля порождаютъ иль воздухъ,
Требуетъ онъ, за столомъ покрытымъ плачась на голодъ:
И за яствами требуетъ яствъ; что городу впору,
Чѣмъ бы цѣлый народъ былъ сытъ, одному не хватаетъ:
Тѣмъ въ немъ алчность сильнѣй, чѣмъ больше спустилъ онъ въ желудокъ.
Словно какъ море со всей земли принимаетъ потоки,
Не насыщаясь водой, выпиваетъ и дальнія рѣки,
Или какъ жадный огонь никакою не брезгаетъ пищей,
Жжетъ безъ числа онъ деревъ, и чѣмъ изобилія больше
Дашь, все будетъ просить, становясь все жаднѣй отъ избытка;
Также и кушанья всѣ Эризихтона злодѣя
Воспринимаютъ уста, алкая. Всякая пища
Пищи приманкой ему; ѣда въ немъ готовитъ лишь мѣсто.
Уже и голодомъ онъ и пропастью чрева ослабилъ,
Что получилъ отъ отца, а все не ослабъ и при этомъ
Злой его голодъ, и все еще не нашелъ утоленья
Пламень глотки. Когда жь состоянье ушло все въ утробу,
Дочь оставалась еще, отца не такого достойна.
Продалъ и ту онъ въ нуждѣ. Надменно чуждаясь владыки,
Къ близкому морю она воскликнула, руки простерши.
„У владѣльца меня исхить, ты, который исхитилъ
Ранѣе дѣвство мое“; оно вѣдь досталось Нептуну.
Тотъ не отвергнувъ мольбы, хоть только что слѣдомъ идущій
Видѣлъ хозяинъ ее, ее превратилъ, и мужское
Далъ ей лице и одежду, что носятъ ловящіе рыбу.
Видя ее, господинъ сказалъ: „О ты, что скрываешь
Малымъ прикормомъ крючекъ опущенный, трости правитель,
Море да будетъ тебѣ спокойно, довѣрчива рыба,
И не чуетъ въ волнѣ никакого крючка, не попавшись!
Та, что въ одеждѣ простой, волоса растрепавши, стояла

Litore in hoc steterat, nam stantem in litore vidi,
Dic ubi sit. neque enim vestigia longius exstant.
Illa dei munus bene cedere sensit, et a se
Se quaeri gaudens, his est resecuta rogantem:
Quisquis es, ignoscas. in nullam lumina partem
Gurgite ab hoc flexi, studioque operatus inhaesi.
Quoque minus dubites, sic has deus aequoris artes
Adiuvet, ut nemo iamdudum litore in isto,
Me tamen excepto, nec femina constitit ulla.
Credidit, et verso dominus pede pressit arenam,
Elususque abiit. Illi sua reddita forma est.
Ast ubi habere suam transformia corpora sensit,
Saepe pater dominis Triopeida tradit. At illa
Nunc equa, nunc ales, modo bos, modo cervus abibat:
Praebebatque avido non iusta alimenta parenti.
Vis tamen illa mali postquam consumserat omnem
Materiam, dederatque gravi nova pabula morbo,
Ipse suos artus lacero divellere morsu
Coepit, et infelix minuendo corpus alebat.
Quid moror externis? etiam mihi saepe novandi est
Corporis, o iuvenes, numero finita potestas.
Nam modo qui nunc sum videor. modo flector in anguem:
Armenti modo dux vires in cornua sumo:
Cornua, dum potui. nunc pars caret altera telo
Frontis, ut ipse vides. Gemitus sunt verba secuti.

---

864 Даръ превращенія.

На берегу тутъ сейчасъ—ее я стоящею видѣлъ—
Гдѣ же она? Мнѣ скажи; вѣдь дальше слѣдовъ то не видно“.
Та поняла, что богъ милость послалъ и рада вопросу
865 Про нее же у ней, вопросившему такъ отвѣчала:
„Кто бы ты ни былъ, прости; ни въ какую я сторону взоровъ
Съ этихъ пучинъ не сводилъ и дѣлу былъ преданъ усердно.
Чтобы ты вѣрилъ сильнѣй, богъ моря пусть такъ помогаетъ
Въ промыслѣ этомъ, какъ здѣсь на прирбежьи давно не стояло
870 Кромѣ меня никого; и женщины не было тоже.
Ей повѣривъ, песокъ протопталъ обратно хозяинъ,
И обманутъ ушелъ. Тутъ видъ возвращенъ ей былъ прежній.
Какъ узналъ, что она къ перемѣнамъ тѣла способна,
Тріопеиду отецъ хозяевамъ часто сдавать сталъ.
875 Птицей, кобылой, быкомъ иль оленемъ она уходила,
И родителя алчнаго такъ непохвально питала.
Но какъ весь ужъ запасъ истощила сила недуга
И доставила только новую пищу болѣзни,
Самъ онъ члены свои сталъ рвать сокрушающимъ зубомъ,
880 И несчастный питать свое тѣло его уменьшеньемъ.
Но зачѣмъ говорить про другихъ? И самъ я владѣю
Силою тѣло мѣнять, (о юноши!) въ данныхъ предѣлахъ.
Ибо, то видомъ таковъ я, какъ есть, то вскинусь змѣею,
То полагаю въ рогахъ я силу, какъ стадъ предводитель;
885 Были покуда рога; теперь не хватаетъ у части
Лба острія, видишь самъ“. За рѣчью послышались вздохи.

LIBER NONUS.

INDEX.

1. Achelous et Hercules.
2. Nessus.
3. Hercules furens.
4. Hercules inter deos relatus.
5. Alcmene parturiens. Galanthis.
6. Dryope.
7. Iolaus.
8. Byblis.
9. Iphis.

ACHELOUS ET HERCULES.

Quae gemitus truncaeque deo Neptunius heros
Causa rogat frontis. cum sic Calydonius amnis
Coepit inornatos redimitus arundine crines:
Triste petis munus. quis enim sua proelia victus
Commemorare velit? referam tamen ordine. Nec tam
Turpe fuit vinci, quam contendisse decorum est:
Magnaque dat nobis tantus solatia victor.
Nomine siqua suo tandem pervenit ad aures
Deianira tuas, quondam pulcherrima virgo,
Multorumque fuit spes invidiosa procorum.
Cum quibus ut soceri domus est intrata petiti:
Accipe me generum, dixi, Parthaone nate:
Dixit et Alcides. Alii cessere duobus.

---

2 *Сынъ Нептуна*: Эрта, мать Тезея (см. 7, 404), какъ говорятъ, дѣлила любовь между Эгеемъ и Нептуномъ, почему здѣсь Тезей названъ сыномъ Нептуна. 3 *Тростникомъ укрывающій*; въ качествѣ воднаго божества (см. 13, 894) въ тростниковомъ

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Ахелой и Геркулесъ . . . . Ст. 1— 97
2. Нессъ . . . . „ 98—133
3. Неистовый Геркулесъ . . . . „ 134—238
4. Геркулесъ, вознесенный на небеса . „ 239—272
5. Алкмена въ родахъ. Галантида . . . „ 273—323
6. Дріопа . . . . „ 324—393
7. Іолай . . . . „ 394—417
8. Библида . . . . „ 418—665
9. Ифида . . . . „ 666—797

АХЕЛОЙ И ГЕРКУЛЕСЪ.

Что за причина вздыхать, чѣмъ лобъ изувѣченъ такъ бога,
Сынъ Нептуна спросилъ; на это потокъ Калидонскій,
Безпорядокъ волосъ тростникомъ укрывающій, молвилъ:
„Грустныхъ ты просишь услугъ; о своемъ пораженіи въ битвѣ
Кто же разсказывать радъ? Передалъ по порядку однако.
Сдаться было не такъ стыдно, какъ славно схватиться:
И утѣшеніе мнѣ большое такой побѣдитель.
Если порой до ушей доходило можетъ быть имя
Деяниры твоихъ; когда то прелестная дѣва
Эта многихъ была жениховъ завидной надеждой.
Вмѣстѣ съ ними явившись въ домъ желаннаго тестя,
Молвилъ я: Зятемъ прими меня ты, сынъ Партаона;
Тоже сказалъ и Алкидъ. Намъ двумъ уступили другіе.

вѣнкѣ. 9 *Деянира* (см. 8, 543). 12 *Партаонъ*—сынъ Агенора и Эпикасты; отецъ нашего Энея. 13 *Алкидъ*, Геркулесъ по Алкею, отцу Амфитріона.

Ille Iovem socerum dare se, famamque laborum,
Et superata suae referebat iussa novercae.
Contra ego: Turpe deum mortali cedere, dixi...
Nondum erat ille deus... Dominum me cernis aquarum
Cursibus obliquis inter tua regna fluentem.
Nec gener externis hospes tibi missus ab oris.
Sed popularis ero et rerum pars una tuarum.
Tantum ne noceat, quod me nec regia Iuno
Odit, et omnis abest iussorum poena laborum.
Nam, quo te iactas, Alcmena nate, creatum,
Iuppiter aut falsus pater est, aut crimine verus.
Matris adulterio patrem petis. Elige, fictum
Esse Iovem malis, an te per dedecus ortum.
Talia dicentem iamdudum lumine torvo
Spectat, et accensae non fortiter imperat irae,
Verbaque tot reddit: Melior mihi dextera lingua.
Dummodo pugnando superem, tu vince loquendo,
Congrediturque ferox. Puduit modo magna locutum
Cedere. Reieci viridem de corpore vestem,
Brachiaque opposui, tenuique a pectore varas
In statione manus, et pugnae membra paravi.
Ille cavis hausto spargit me pulvere palmis,
Inque vicem fulvae tactu flavescit arenae.
Et modo cervicem, modo crura micantia captat,
Aut captare putes, omnique a parte lacessit.
Me mea defendit gravitas. frustraque petebar;
Haud secus ac moles, magno quam murmure fluctus
Oppugnant. manet illa, suoque est pondere tuta.
Digredimur paulum, rursusque ad bella coimus,
Inque gradu stetimus, certi non cedere. eratque
Cum pede pes iunctus, totoque ego pectore pronus,
Et digitos digitis, et frontem fronte premebam.
Non aliter vidi fortes concurrere tauros,
Cum pretium pugnae toto nitidissima saltu

---

19 *Изъ странъ отдаленныхъ*, подобно Геркулесу, шедшему изъ Тиринта, гдѣ оракулъ указалъ ему мѣстопребываніе. 32 *Зеленую сбросилъ одежду*—тѣло у морскихъ божествъ голубое или синее (сравн. 13, 895 и 962) а одежда, также какъ волоса

Тотъ говорилъ, что онъ дастъ Юпитера въ свекры и славу
Подвиговъ, и разсказалъ, что̀ по волѣ онъ мачихи сдѣлалъ.
Я же напротивъ сказалъ: Стыдъ богу сдаваться предъ смертнымъ...
Богомъ онъ не былъ еще... Во мнѣ ты видишь рѣчнаго
Бога, который, віясь, твои пробѣгаетъ предѣлы.
Зятемъ не пришлымъ тебѣ я, гостемъ изъ странъ отдаленныхъ,
Буду, а здѣшнимъ жильцомъ и частью твоихъ же владѣній.
Лишь не вредило бы мнѣ, что меня царица Юнона
Не ненавидитъ и чуждъ я кары трудовъ подневольныхъ.
Ибо Зевесъ, отъ кого ты, сынъ Алкмены, гордишься
Родомъ, иль ложный отецъ, иль истинный лишь преступленьемъ.
Любодѣяніемъ матери ищешь отца. Избирай же
Ложнымъ Зевеса ли быть сыномъ, родиться ль отъ срама.
На говорящаго такъ давно уже взоромъ сердитымъ
Онъ взиралъ и едва удерживалъ гнѣвъ воспылавшій,
Да лишь молвилъ: „Десница моя языка превосходнѣй.
Только бы мнѣ побѣдить въ бою, побѣждай ты рѣчами“.
И наступаетъ свирѣпъ. За рѣчью надменной мнѣ стыдно
Было отстать. Я съ себя зеленую сбросилъ одежду,
Выставилъ руки впередъ и поднялъ, согнувъ передъ грудью
Длани, какъ то, надлежитъ и члены на бой изготовилъ.
Пыли въ пригоршни черпнувъ, меня онъ ею осыпалъ,
Также покрылся и самъ, обдавшись песка желтизною.
То за затылокъ хваталъ онъ, то за мелькавшія ноги,
Или, какъ будто хваталъ, со всѣхъ сторонъ задирая.
Вѣсъ мой меня охранялъ; напрасно ко мнѣ подступалъ онъ.
Такъ то плотина порой, въ которую съ шумомъ великимъ
Волны бьютъ; а она стоитъ своей тяжестью прочно.
То разойдемся мы чуть, то снова сойдемся для боя,
Вотъ и стали потомъ, порѣшивъ, что никто не отступитъ,
Жались ступней мы къ ступнѣ и всею грудью подавшись,
Пальцами пальцы сжималъ и лбомъ ему въ лобъ напиралъ я.
Сильные такъ, я видалъ, сходились быки межъ собою,
Если въ награду борьбы нѣжнѣйшую въ пастбищѣ цѣломъ

и борода, зеленые. Первое соотвѣтствуетъ внѣшнему цвѣту воды, а второе прибрежныхъ растеній.

Expetitur coniux. spectant armenta, paventque
Nescia, quem maneat tanti victoria regni.
Ter sine profectu voluit nitentia contra
Reiicere Alcides a se mea pectora. quarto
Excutit amplexus, adductaque brachia solvit:
Impulsumque manu... certum est mihi vera fateri...
Protinus avertit, tergoque onerosus inhaesit.
Siqua fides,.. neque enim ficta mihi gloria voce
Quaeritur... imposito pressus mihi monte videbar.
Vix tamen inserui sudore fluentia multo
Brachia, vix solvi duros a pectore nexus.
Instat anhelanti, prohibetque resumere vires,
Et cervice mea potitur. Tum denique tellus
Pressa genu nostro est, et arenas ore momordi.
Inferior virtute, meas divertor ad artes,
Elaborque viro, longum formatus in anguem.
Qui postquam flexos sinuavi corpus in orbes,
Cumque fero movi linguam stridore bisulcam,
Risit, et illudens nostras Tirynthius artes:
Cunarum labor est angues superare mearum,
Dixit, et ut vincas alios, Acheloe, dracones,
Pars quota Lernaeae serpens eris unus echidnae?
Vulneribus foecunda suis erat illa, nec ullum
De centum numero caput est impune recisum,
Quin gemino cervix herede valentior esset.
Hanc ego ramosam natis e caede colubris
Crescentemque malo domui, domitamque subegi.
Quid fore te credas, falsum qui versus in anguem
Arma aliena moves? quem forma precaria celat?
Dixerat. et summo digitorum vincula collo
Iniicit. Angebar, ceu guttura forcipe pressus:

---

67 Извѣстно, что Геркулесъ еще въ колыбели задушилъ двухъ змѣй, подосланныхъ ему Юноною. 69 *Частью малой какой....* Въ Лернейскомъ болотѣ близь Арголійскаго города Лерны водилась водяная змѣя, Гидра, по древнему миѳу происходя отъ Тифона (см. 5, 321) и Эхидны (см. 7, 408); у нея было отъ 7 до 100 головъ, и она опустошала окрестности. Убить ее былъ одинъ изъ трудовъ возложенныхъ Эвристеемъ на Геркулеса. Бой былъ тѣмъ ужаснѣе, что на мѣстѣ срубленной головы

Ждутъ супругу они; глядитъ все стадо, не зная
Въ страхѣ, за кѣмъ изъ нихъ останется царство побѣды.
Трижды напрасно хотѣлъ Алкидъ мою грудь упертую
Отъ своей оторвать, въ четвертый разъ изъ объятій
Вырвался онъ и свои притянувши выхватилъ руки:
И ударомъ руки... повѣтствую я сущую правду...
Перевернулъ онъ меня и повисъ на спинѣ всею ношей.
Ты мнѣ повѣрь... не ищу я себѣ облыжною рѣчью
Славы... казалося мнѣ, горою меня придавило.
Только едва протѣснилъ я руки, покрытыя потомъ,
И едва разрѣшилъ на груди тяжелыя узы,
На задыхавшагося онъ насѣлъ, вздохнуть не давая,
И за затылокъ схватилъ. Пришлось наконецъ мнѣ колѣна
Въ землю совсѣмъ упереть, и ртомъ я песку нахватался.
Силою меньше его, къ своему обращаюсь искусству
И ускользнувъ у него, превращаюсь я въ длиннаго змѣя.
Тутъ, какъ только извилъ кругами я мягкими тѣло
И двуконечный языкъ испустилъ со страшнымъ шипѣньемъ,
Захохоталъ и, въ смѣхъ обратя мой даръ, Тиринтіецъ
Молвилъ: „Я змѣй побѣждать привыченъ уже съ колыбели,
И, хотя бъ, Ахелой, и всѣхъ превзошелъ ты драконовъ,
Частью малой какой ты былъ бы Лернейской эхидны?
Плодотворны у ней были раны, изъ сотни по счету
Ни одна голова у нея не срубалась безслѣдно,
Чтобы наслѣдникъ двойной могущества шеѣ не придалъ.
Вотъ ее то въ отросткахъ изъ змѣй отъ ударовъ рожденныхъ
И отъ изъяна ростущую, я усмирилъ и осилилъ.
Что же случится съ тобой, который сталъ ложной змѣею
Только въ доспѣхахъ чужихъ? И цѣлъ лишь по милости вида?
Такъ онъ сказалъ; и вверху мнѣ пальцами шею сковалъ онъ.
Я задыхался, какъ бы мнѣ горло клещами сдавили:

возникали двѣ новыхъ, которыхъ поэтъ называетъ *двойнымъ наслѣдникомъ.* Геркулесъ не въ силахъ былъ одинъ побѣдить чудовища. Онъ долженъ былъ призвать на помощь своего товарища Іолая (см. 8, 310), который, зажегши ближайшій лѣсъ, тотчасъ какъ Геркулесъ срубалъ голову, прижигалъ рану пылающимъ деревомъ, чѣмъ возбранялось возрожденіе головы. Въ ядовитую кровь змѣи Геркулесъ окунулъ свои стрѣлы, что было потомъ причиною его ужасной смерти, какъ видно ниже 131 и 153.

Pollicibusque meas pugnabam evellere fauces.
Sic quoque devicto restabat tertia tauri
Forma trucis. tauro mutatus membra rebello.
Induit ille toris a laeva parte lacertos,
Admissumque trahens sequitur, depressaque dura
Cornua figit humo, meque alta sternit arena.
Nec satis hoc fuerat. rigidum fera dextera cornu
Dum tenet, infregit, truncaque a fronte revellit.
Naides hoc, pomis et odoro flore repletum,
Sacrarunt. divesque meo Bona Copia cornu est.
Dixerat. et nymphe, ritu succincta Dianae,
Una ministrarum, fusis utrimque capillis,
Incessit, totumque tulit praedivite cornu
Autumnum et mensas, felicia poma, secundas.
Lux subit. et primo feriente cacumina sole
Discedunt iuvenes. neque enim, dum flumina pacem
Et placidos habeant lapsus, totaeque residant
Opperiuntur aquae. Vultus Achelous agrestes
Et lacerum cornu mediis caput abdidit undis.

NESSUS.

Hunc tamen ablati domuit iactura decoris,
Cetera sospes habet. capitis quoque fronde saligna
Aut super imposita celatur arundine damnum.
At te, Nesse ferox, eiusdem virginis ardor
Perdiderat, volucri traiectum terga sagitta.
Namque nova repetens patrios cum coniuge muros,
Venerat Eueni rapidas Iove natus ad undas.
Uberior solito, nimbis hiemalibus auctus,
Verticibusque frequens erat atque impervius amnis.
Intrepidum pro se, curam de coniuge agentem
Nessus adit, membrisque valens, scitusque vadorum,

---

88 *Обилью*; богиня Обилія и Благословенія изображается съ рогомъ, наполненнымъ плодами и цвѣтами, *рогомъ изобилія*, который и есть рогъ Ахелоя, а по другимъ рогъ Амальтеи (см. 3, 594). 89 *Подсучивши*. (см. 3, 156). 92 *Трапезъ вторичной* (см. 8, 675). 102 *Несъ*; другой сынъ Иксіона (см. 4, 461) исполнялъ на

И старался мой зѣвъ изъ пальцевъ съ усиліемъ вырвать.
80 Такъ побѣжденному вновь оставался третій мнѣ образъ
Злобный быка; превратясь въ быка, я снова сражаюсь.
Съ лѣвой онъ стороны у подбрюдка закинувши руки,
Вслѣдъ замедляетъ мой бѣгъ. И, креня рога мнѣ тугіе,
Въ землю воткнулъ, и меня на песокъ повергнулъ сыпучій.
85 Этого мало еще; жестокой рукой ухвативши,
Ломитъ крѣпкій онъ рогъ и съ камолаго лба его сноситъ.
Тутъ наяды его плодами и цвѣтомъ наполня,
Посвятили. Обиліе рогомъ моимъ богатѣетъ.
Такъ онъ сказалъ; и одна изъ прислужницъ нимфъ, подвязавшись
90 Какъ Діана, вошла, распустя въ обѣ стороны косу
И съ собой принесла въ благодатномъ рогѣ всю осень
И прекрасныхъ плодовъ, чтобъ подать при трапезѣ вторичной.
День вставалъ; и лишь солнце ударило вдоль по вершинамъ,
Юноши въ путь собрались; и ждать не стали, покуда
95 Мирно потоки пойдутъ въ теченіи тихомъ, и воды
Всѣ спадутъ. Ахелой свой сельскій ликъ и съ отбитымъ
Рогомъ чело погрузилъ въ середину самой пучины.

НЕССЪ.

Этотъ былъ только смиренъ утратой красы горделивой,
Въ прочемъ остался онъ цѣлъ; изъянъ головы онъ листвою
100 Ивовой сталъ прикрывать иль сверху вѣнкомъ тростниковымъ.
Но тебя погубилъ, свирѣпый Нессъ, къ той же дѣвѣ
Пламень, спина пронзена у тебя пернатой стрѣлою.
Ибо, съ женой молодой возвращаяся въ городъ родимый,
Сынъ Зевеса пришелъ къ волнамъ быстротечнымъ Эвена.
105 Былъ полнѣй, чѣмъ всегда, отъ зимнихъ дождей увеличенъ
Въ водоворотахъ потокъ и не давалъ перехода.
Къ полному вѣры въ себя, смущенному ради супруги,
Нессъ подходитъ могучій тѣломъ и знающій броды.

рѣкѣ Эвенѣ должность перевозчика, къ чему въ качествѣ центавра былъ весьма способенъ, такъ какъ въ то время пароновъ и мостовъ не существовало. 103 *Городъ родимый* (см. выше 19).

Officioque meo ripa sistetur in illa
Haec, ait, Alcide. tu viribus utere nando:
Tradidit Aonius pavidam Calydonida Nesso,
Pallentemque metu, fluviumque ipsumque timentem;
Mox, ut erat, pharetraque gravis spolioque leonis..
Nam clavam et curvos trans ripam miserat arcus...
Quandoquidem coepi, superentur flumina, dixit,
Nec dubitat, nec, qua sit clementissimus amnis
Quaerit, et obsequio deferri spernit aquarum.
Iamque tenens ripam, missos cum tolleret arcus,
Coniugis agnovit vocem; Nessoque paranti
Fallere depositum: Quo te fiducia, clamat,
Vana pedum, violente, rapit? tibi, Nesse biformis,
Dicimus. exaudi, nec res intercipe nostras.
Si te nulla mei reverentia movit, at orbes
Concubitus vetitos poterant inhibere paterni.
Haud tamen effugies, quamvis ope fidis equina.
Vulnere, non pedibus te consequar. Ultima dicta
Re probat, et missa fugientia terga sagitta
Traiicit. Exstabat ferrum de pectore aduncum.
Quod simul evulsum est, sanguis per utrumque foramen
Emicuit, mixtus Lernaei tabe veneni.
Excipit hunc Nessus: Neque enim moriemur inulti,
Secum ait. et calido velamina tincta cruore
Dat munus raptae velut irritamen amoris.

HERCULES FURENS.

Longa fuit medii mora temporis. actaque magni
Herculis implerant terras, odiumque novercae.
Victor ab Oechalia Cenaeo sacra parabat
Vota Iovi, cum fama loquax praecessit ad aures,

---

111 Аоніецъ (см. 1, 313) Алкмена жила въ Θивахъ, когда родила Геркулеса. 117 Онъ не допускаетъ мнѣнія, чтобы его сносило теченіемъ, а перерѣзаетъ рѣку въ прямомъ направленіи. 124 *Колесо отца* Иксіона (см. 4, 461). 125 *Въ конской прыти*, нижней части тѣла Центавра. 136 *Побѣдитель Эхаліи* Эвритъ, сынъ Менелая, правитель Эхаліи (о мѣстѣ положенія которой спорятъ), будучи самъ превосходнымъ стрѣл-

При услугѣ моей, говоритъ онъ, Алкидъ, ступитъ эта
Вонъ на томъ берегу; ты вплавь понатужь свою силу;
Аоніецъ вручилъ Калидонянку робкую Нессу,
Блѣдную въ страхѣ: она и его потока боялась;
Скоро, какъ былъ отягченъ и колчаномъ и львиною шкурой...
Палицу вѣдь и кривой онъ свой лукъ перекинулъ на берегъ...
„Если рѣшился, сказалъ онъ, то одолѣю я волны“,
И, не смутясь, не ища, гдѣ будетъ рѣка посмирнѣе,
Онъ презираетъ и плыть по теченію угодливой влаги.
Уже на берегъ ступя и брошенный лукъ поднимая,
Женинъ онъ голосъ узналъ и Нессу, который довѣрье
Былъ нарушить готовъ, онъ крикнулъ: „куда увлекаетъ,
Буйный, пустая тебя надежда на ноги? Тебѣ—я
Двойственный Нессъ, говорю. Услышь, моего не касайся.
Если почтенье ко мнѣ не могло тебя тронуть, должно бы
Хоть колесо то отца удержать отъ запретнаго блуда.
Все-жь отъ меня не уйдешь, хоть въ конской ты прыти увѣренъ,
Не ногами, а раной тебя догоню“. Эти рѣчи
Дѣломъ онъ подтвердилъ, и у бѣгущаго спину
Быстрой пронзилъ онъ стрѣлой. Изъ груди желѣзо торчало.
По извлеченьи его кровь брызнула въ оба отверстья,
Съ примѣсью въ ней и слюны Лернейской змѣи ядовитой.
Нессъ ту кровь подхватилъ: „Не умру же я неотмщеннымъ“,
Молвилъ онъ про себя; и покровъ жаркой кровью насытя,
Плѣнницѣ отдалъ какъ даръ, любви возбуждающій силу.

НЕИСТОВЫЙ ГЕРКУЛЕСЪ.

Долгое время межъ тѣмъ прошло; и дѣянья героя
Геркулеса насытили землю и мачихи злобу.
Побѣдитель Эхаліи, онъ на Ценеѣ готовилъ
Зевсу обѣщанный даръ, какъ вкралась въ твои, Деянира,

комъ изъ лука, обѣщалъ отдать свою дочь Іолу за того, кто его побѣдитъ въ стрѣльбѣ изъ лука. Геркулесъ побѣдилъ его, но онъ отказалъ въ обѣщанной наградѣ. Геркулесъ овладѣлъ Эхаліею, убилъ вѣроломнаго правителя и его сыновей и увезъ въ плѣнъ Іолу. Въ благодарность за побѣду онъ приготовился принести Юпитеру торжественную жертву у горы Ценея на Эвбеѣ.

Deianira, tuas, quae veris addere falsa
Gaudet, et e minimo sua per mendacia crescit,
140 Amphitryoniaden Ioles ardore teneri.
Credit amans, venerisque novae perterrita fama
Indulsit primo lacrimis, flendoque dolorem
Diffudit miseranda suum. mox deinde: Quid autem
Flemus? ait. pellex lacrimis laetabitur istis.
145 Quae quoniam adveniet, properandum, aliquidque novandum est,
Dum licet, et nondum thalamos tenet altera nostros.
Conquerar, an sileam? repetam Calydona, morerne?
Excedam tectis? an, si nihil amplius, obstem?
Quid si me, Meleagre, tuam memor esse sororem
150 Forte paro facinus, quantumque iniuria possit
Femineusque dolor, iugulata pellice testor?
Incursus animus varios habet. omnibus illis
Praetulit, imbutam Nesseo sanguine vestem
Mittere, quae vires defecto reddat amori.
155 Ignaroque Lichae, quid tradat nescia, luctus
Ipsa suos tradit. blandisque miserrima verbis,
Dona det illa viro, mandat. Capit inscius heros,
Induiturque humeris Lernaeae virus echidnae.
Tura dabat primis et verba precantia flammis,
160 Vinaque marmoreas patera fundebat in aras:
Incaluit vis illa mali, resolutaque flammis
Herculeos abiit late diffusa per artus.
Dum potuit, solita gemitum virtute repressit.
Victa malis postquam est patientia, reppulit aras,
165 Implevitque suis nemorosum vocibus Oeten.
Nec mora, letiferam conatur scindere vestem:
Qua trahitur, trahit illa cutem, foedumque relatu,
Aut haeret membris frustra tentata revelli,
Aut laceros artus et grandia detegit ossa.

---

165 Здѣсь, повидимому, поэтъ, торопясь къ развязкѣ, дозволяетъ себѣ громадный скачекъ, не упоминая о томъ, что Геркулесъ, почуствовавъ дѣйствіе яда, переправился черезъ море въ Трахилъ, гдѣ его близкіе въ то время проживали у тамошняго царя Цеика, и оттуда взошелъ на Эту. Линдеманъ отвергаетъ объясненіе Зу-

Уши болтливая вѣсть, что къ правдѣ прибавить неправду
Рада, и изъ пустяка отъ собственной лжи возрастаетъ,
Будто Амфитріонидъ воспылалъ любовью къ Іолѣ.
Вѣритъ влюбленная и, испугана слухомъ о новой
Милой, рыдаетъ сперва, и плачемъ, бѣдная, горе
Все изливаетъ свое, но скоро затѣмъ восклицаетъ:
„Что-же я плачу? Мой плачъ соперницѣ будетъ на радость,
Такъ какъ подходитъ ужь та; надо дѣйствовать, что либо вздумать,
Время пока не ушло и не властвуетъ въ спальнѣ другая.
Плакаться ль мнѣ, иль молчать? Въ Калидонъ ли уйти иль остаться?
Изъ дому ль выдти? Или не пускать коль инаго нѣтъ средства?
Что если вспомнивъ тебя, Мелеагръ, какъ сестра подготовлю
Мощное дѣло и вдругъ покажу, что̀ въ силахъ обида
Также и женская скорбь совершить, задушивъ любодѣйку?“
Много порывовъ у ней въ душѣ; предпочла изо всѣхъ ихъ
Отослать напоенную Нессовой кровью одежду,
Чтобы силу любви угасшей она возвратила.
И, не вѣдая что, незнавшему тоже Лихасу
Горе вручаетъ свое, и его умоляетъ, чтобъ мужу
Онъ подарокъ отнесъ. Герой его принялъ, не зная,
И надѣлъ на плеча онъ ядъ Лернейской эхидны.
Ладонъ съ словами мольбы приносилъ на первое пламя
И на мраморный лилъ алтарь вино онъ изъ чаши;
Разгорѣлся тогда злой ядъ и, огнемъ растворенный,
Разлился широко по всѣмъ Геркулесовскимъ членамъ.
Сколько былъ въ силахъ, сдержалъ обычнымъ онъ мужествомъ стоны.
Но какъ зло побѣдило терпѣнье, алтарь оттолкнулъ онъ,
И стенаньемъ своимъ лѣсистую Эту наполнилъ.
Тотчасъ онъ раздирать смертоносную началъ одежду:
Гдѣ ни потащитъ, та кожу тащитъ и, вымолвить страшно!
Или ко членамъ она пристаетъ, срываема тщетно,
Или издраные члены и мощныя кости вскрываетъ.

хера, переносящаго и жертву и смерть Геркулеса прямо на Эту, лежащую противъ Кенеона.

Ipse cruor, gelido ceu quondam lamina candens
Tincta lacu, stridit coquiturque ardente veneno.
Nec modus est, sorbent avidae praecordia flammae,
Caeruleusque fluit toto de corpore sudor,
Ambustique sonant nervi, caecaque medullis
Tabe liquefactis tollens ad sidera palmas:
Cladibus, exclamat, Saturnia, pascere nostris:
Pascere, et hanc pestem specta, crudelis, ab alto,
Corque ferum satia. vel si miserandus et hosti,
Hoc est si tibi sum, diris cruciatibus aegram
Invisamque animam natamque laboribus aufer.
Mors mihi munus erit. decet haec dare dona novercam.
Ergo ego foedantem peregrino templa cruore
Busirin domui? saevoque alimenta parentis
Antaeo eripui? nec me pastoris Iberi
Forma triplex, nec forma triplex tua, Cerbere, movit?
Vosne, manus, validi pressistis cornua tauri?
Vestrum opus Elis habet, vestrum Stymphalides undae,
Partheniumque nemus? vestra virtute relatus
Thermodontiaco caelatus balteus auro,
Pomaque ab insomni concustodita dracone?

---

182 *Ради того ль Бузириса.* Овидій пользуется случаемъ перечислить всѣ подвиги Геркулеса. Бузирисъ, царь Египетскій, приносилъ своему божеству всѣхъ пришельцевъ въ жертву и хотѣлъ тоже исполнить и надъ Геркулесомъ, уже связаннымъ, но послѣдній, разорвавши оковы, убилъ безчеловѣчнаго царя вмѣстѣ съ сыномъ и прислужниками и положилъ въ Египтѣ конецъ человѣческимъ жертвамъ. 183 Антей страшный великанъ въ Либіи или Африкѣ, подобно Церціону (см. 7, 438), заставлялъ всѣхъ съ собою бороться и душилъ побѣжденныхъ. При этомъ силы его возобновлялись каждый разъ, какъ онъ прикасался къ своей матери, землѣ, ибо, подобно всѣмъ великанамъ, онъ былъ сыномъ земли. Въ этомъ смыслѣ Овидій говоритъ *alimenta*—пища матери, ибо Геркулесъ, не будучи въ состояніи убить его лежащаго на землѣ, приподнялъ на воздухъ и тамъ задушилъ. 184 *Пастырь Иберскій* (Испанскій) собственно на Иберскомъ островѣ Эритеѣ (Кадиксѣ) жилъ царь Геріонъ, сынъ Хризаера (см. 4, 785), извѣстный своимъ богатствомъ, состоявшимъ по старинѣ въ превосходномъ рогатомъ скотѣ. Этотъ скотъ Геркулесъ долженъ былъ похитить по приказанію Эвристея; при этомъ гибель героя казалась тѣмъ неизбѣжнѣе, что скотину стерегъ исполинъ Эвритіонъ съ двухглавою собакою и самъ Геріонъ былъ силачемъ, о трехъ туловищахъ, трехъ головахъ, съ шестью руками и столькими же ногами, лишь посереди сливавшимися въ одно. Геркулесъ исполнилъ и эту задачу успѣшно и привелъ скотину въ Микены. По этому случаю онъ поставилъ два столба на Гиб-

170 Самая кровь какъ желѣзо каленое, что окунаютъ
Въ кадку съ холодной водой, шипитъ закипающимъ ядомъ.
Нѣтъ предѣловъ, дошло до сердца жадное пламя,
И синеватый ужь потъ со всего его тѣла струится,
Жилы, сгорая, трещатъ, и скрытый ядъ растворяетъ
175 Мозгъ въ костяхъ, и, воздѣвъ къ небесамъ тотъ руки, воскликнулъ:
Услаждайся, Сатурнія, гибелью нынѣ моею;
„Услаждайся и, видя, жестокая, зло это съ неба,
Лютое сердце насыть; иль если врага пожалѣешь,
Такъ, коль тебѣ я таковъ, исторгни жестоко больную
180 И ненавистную душу, рожденную лишь на страданья.
Смерть для меня будетъ даръ, отъ мачихи даръ мнѣ приличный.
Ради ль того Бузириса, пришельцевъ пятнавшаго кровью
Храмы, я укротилъ? У Антея свирѣпаго пищу
Матери вырвать успѣлъ? И меня ни пастырь Иберскій
185 Видомъ тройнымъ не смутилъ, ни ты меня, тройственный Церберъ!
Вы ль, эти руки, роговъ быка не пригнули могучихъ?
Нѣтъ ли вашихъ трудовъ въ Элидѣ, у волнъ Стимфалійскихъ
И въ Партенійскомъ лѣсу? Не вашей ли силой добыта
Изъ Термодонскаго золота перевязь пышная, или
190 Яблоки, что охранялъ постоянно драконъ неусыпный?

ралтарскомъ проливѣ, прозванныхъ его именемъ. 186 *Роговъ быка* (см. 7, 434). 187 Въ Элидѣ у царя Авгія Геркулесъ вычистилъ запущенный въ стойлахъ изъ подъ трехъ тысячъ быковъ навозъ въ одинъ день, проведя туда рѣку, которая все смыла. На Стиморалійскомъ озерѣ въ Аркадіи проживали огромныя птицы съ желѣзными крыльями, когтями и носами, хватавшія и пожиравшія людей и животныхъ; при этомъ онѣ сами испускали свои перья, подобно стрѣламъ; тѣмъ не менѣе Геркулесъ перестрѣлялъ ихъ. 188 Въ Партенійскомъ лѣсу проживала лань Діаны съ золотыми рогами и мѣдными ногами, которую Геркулесъ поймалъ. 189 *Перевязь*. У царицы Амазонокъ, жившихъ въ Каппадокіи на рѣкѣ Термодонѣ, Ипполиты, по другимъ Меналиппы, дочери Марса, была подаренная ей отцемъ драгоцѣнная золотая перевязь; эту перевязь пожелала имѣть дочь Эвристея, и Геркулесъ принужденъ былъ за нею отправиться. Тутъ между его спутниками и Амазонками произошелъ кровавый бой, въ которомъ большая часть послѣднихъ пала, а Ипполита послѣдовала, какъ супруга, за Тезеемъ. 190 *Яблоки* Гесперійскихъ садовъ, охраняемыя безсоннымъ дракономъ. Овидій, не говоря объ убійствѣ дракона, пользуется далѣе въ ст. 198 преданіемъ, по которому Геркулесъ посылалъ за яблоками Атланта (см. 4,627), а самъ тѣмъ временемъ за него продержалъ на плечахъ небесный сводъ.

Nec mihi Centauri potuere rcsistere, nec mi
Arcadiae vastator aper. nec profuit hydrae
Crescere per damnum, geminasque resumere vires.
Quid, quod Thracis equos humano sanguine pingues
Plenaque corporibus laceris praesepia vidi,
Visaque deieci, dominumque ipsosque peremi?
His elisa iacet moles Nemeaea lacetris:
Hac coelum cervice tuli. Defessa iubendo est
Saeva Iovis coniux. ego sum indefessus agendo.
Sed nova pestis adest, cui nec virtute resisti,
Nec telis armisque potest. Pulmonibus errat
Ignis edax imis, perque omnes pascitur artus.
At valet Eurystheus! Et sunt, qui credere possint
Esse deos? Dixit, perque altam saucius Oeten
Haud aliter graditur, quam si venabula taurus
Corpore fixa gerat, factique refugerit auctor.
Saepe illum gemitus edentem, saepe frementem,
Saepe retentantem totas refringere vestes,
Sternentemque trabes, irascentemque videres
Montibus, aut patrio tendentem brachia coelo.
Ecce Lichan trepidum latitantem rupe cavata
Aspicit. utque dolor rabiem collegerat omnem:
Tune, Licha, dixit, feralia dona dedisti?
Tune meae necis auctor eris? Tremit ille, pavetque
Pallidus, et timide verba excusantia dicit.
Dicentem genibusque manus adhibere parantem
Corripit Alcides, et terque quaterque rotatum
Mittit in Euboicas tormento fortius undas.
Ille per aerias pendens induruit auras.
Utque ferunt imbres gelidis concrescere ventis,
Inde nives fieri, nivibus quoque mole rotatis

---

191 Отправляясь за Эримантскимъ вепремъ, опустошавшимъ Аркадію, Геркулесъ наткнулся на Центавровъ, швырявшихъ цѣлыми деревьями, каменьями и горящими головнями, и опрокинулъ ихъ, убивши многихъ изъ нихъ; Эримантскаго вепря Эвристей приказалъ Геркулесу принести живьемъ и, когда Геркулесъ дѣйствительно принесъ его на плечахъ, Эвристей до того перепугался, что залѣзъ въ мѣдную бочку. 192 *И не было Гидрѣ* (см. выше 69). 194 Ѳракійскій царь Діомедъ, во всякомъ случаѣ не тотъ знаменитый Троянскій герой, о которомъ говорится и въ нашей 13-ой книгѣ,

Воспротивиться мнѣ не могли ни Центавры, ни грозный
Для Аркадіи вепрь; и не было гидрѣ спасеньемъ
Отъ изъяновъ рости и силы двойной набираться.
Даже Ѳракійскихъ коней, отъ крови людской ожирѣвшихъ,
И тѣлами въ клокахъ набитыя ясли я видѣлъ,
И, увидавъ ихъ, низвергъ, и коней истребилъ и владыку?
Сдавлена въ этихъ рукахъ, Немейская пала громада;
Этимъ затылкомъ держалъ я небо. Супруга Зевеса
Злая устала приказывать; я не усталъ въ исполненьи.
Новая гибель пришла; противиться ей ни отвагой,
Ни оружьемъ какимъ нельзя. Стремится по легкимъ
Ѣдкій огонь въ глубинѣ и всѣ пожираетъ онъ члены.
А Эвристей все здоровъ! И есть же такіе, что вѣрятъ
Въ существованье боговъ?“ Сказалъ, и по Этѣ высокой
Мучась, пошелъ онъ какъ быкъ, который воткнутую пику
Въ тѣлѣ уноситъ своемъ, и скрылся виновникъ удара.
Часто бъ ты видѣлъ его вздыхающимъ, часто дрожащимъ,
Часто въ попыткахъ опять на себѣ порвать всю одежду,
И деревья ломящимъ и противъ горъ раздраженнымъ,
Или къ отцовскому небу свои воздѣвающимъ руки.
Вотъ Лихаса дрожащаго, скрытаго въ трещинѣ горной,
Онъ увидалъ; и, какъ въ немъ страданье весь гнѣвъ накопляло:
„Ты ли, Лихасъ, онъ сказалъ, смертельный мнѣ подалъ подарокъ?
Ты-ль причиняешь мнѣ смерть?“ Тотъ дрогнулъ и въ страхѣ блѣднѣетъ
И въ извиненье свое говоритъ боязливыя рѣчи.
Тутъ говорящаго и простершаго руки къ колѣнямъ,
Вдругъ ухвативши Алкидъ и раза три иль четыре
Имъ покруживъ какъ пращей, швырнулъ въ Эвбейскія волны.
Тотъ покуда летѣлъ, затвердѣлъ въ воздушномъ пространствѣ:
Какъ полагаютъ, что дождь густѣетъ на вѣтрѣ холодномъ,
Такъ что выходитъ ужь снѣгъ, и снѣгъ, комкомъ завиваясь,

сынъ Тидея и внукъ Энея, а лишь его соименникъ кормилъ своихъ лошадей кровью и мясомъ пришельцевъ, которыхъ онъ для этого убивалъ. Геркулесъ поступилъ съ ними, какъ самъ говоритъ; по другому сказанію онъ привелъ лошадей живьемъ въ Микены.

Astringi et spissa glomerari grandine corpus:
Sic illum validis actum per inane lacertis
Exsanguemque metu nec quicquam humoris habentem,
In rigidos versum silices prior edidit aetas.
Nunc quoque in Euboico scopulus brevis emicat alto
Gurgite, et humanae servat vestigia formae,
Quem, quasi sensurum, nautae calcare verentur,
Appellantque Lichan. At tu, Iovis inclita proles,
Arboribus caesis, quas ardua gesserat Oete,
Inque pyram structis, arcum pharetramque capacem
Regnaque visuras iterum Troiana sagittas
Ferre iubes Poeante satum, quo flamma ministro
Subdita. dumque avidis comprenditur ignibus agger,
Congeriem silvae Nemeaeo vellere summam
Sternis, et imposita clavae cervice recumbis,
Haud alio vultu, quam si conviva iaceres
Inter plena meri redimitus pocula sertis.

HERCULES INTER DEOS RELATUS.

Iamque valens et in omne latus diffusa sonabat,
Securosque artus contentoremque petebat
Flamma suum. Timuere dei pro vindice terrae.
Quos ita, sensit enim, laeto Saturnius ore
Iuppiter alloquitur: Nostra est timor iste voluptas,
O superi. totoque libens mihi pectore grator,
Quod memoris populi dicor rectorque paterque,
Et mea progenies vestro quoque tuta favore est.
Nam quanquam ipsius datur hoc immanibus actis,
Obligor ipse tamen. Sed enim, ne pectora vano
Fida metu paveant, Oetaeas spernite flammas.
Omnia qui vicit, vincet, quos cernitis, ignes:

---

232 *Обреченная вновь.* Въ первый разъ стрѣлы Геркулеса видѣли Трою, когда онъ, возвращаясь съ бою съ Амазонками, овладѣлъ этимъ городомъ, но, по изреченію оракула, Троя не могла быть взята Греками безъ стрѣлъ Геркулеса, почему за ними нужно было посылать къ высаженному на островъ Лемносъ Пеантову сыну,

Жмется и, въ градъ обратясь, сбирается въ твердое тѣло;
Такъ то по воздуху тотъ могучими брошенъ руками,
Въ страхѣ и кровь потерявъ и всякую влагу утратя,
225 Въ жесткій утесъ превращенъ, повѣствуетъ намъ древнее время.
И понынѣ торчитъ высоко изъ Эвбейской пучины.
Небольшая скала и хранитъ человѣческій образъ,
И ее попирать, какъ живую, пловцы избѣгаютъ,
И Лихасомъ зовутъ. Ты жь славный потомокъ Зевеса,
230 Много деревьевъ сломивъ, возросшихъ на Этѣ высокой,
Ихъ костромъ навалилъ, а лукъ, и колчанъ свой и стрѣлы,
Обреченныя вновь увидать Троянское царство,
Ты велишь унести Пеантову сыну, что пламя
Подложилъ; и когда огнемъ охватило всю груду,
235 Сверхъ дровянаго костра, разослалъ ты Немейскую шкуру
И возлегъ, булаву себѣ подложивъ подъ затылокъ,
Точно съ такимъ же лицемъ, какъ бы собесѣдникъ лежалъ ты,
Самъ вѣнками увитъ посреди наполненныхъ кубковъ.

ГЕРКУЛЕСЪ, ВОЗНЕСЕННЫЙ НА НЕБЕСА.

Уже гудѣло со всѣхъ сторонъ, разливаяся, пламя
240 И до членовъ того, кто къ нему относился съ презрѣньемъ,
Добралось. За радѣльца земли испугалися боги.
Къ нимъ почувствовавъ то, Сатурній съ ликомъ веселымъ
Такъ обратился Зевесъ: „Этотъ страхъ наслажденіе наше,
О небожители; и отъ всего восхищаюсь я сердца,
245 Что въ благодарномъ слыву я народѣ отцомъ и владыкой
И порожденье мое у васъ подъ покровомъ участья.
Ибо хоть самъ онъ того заслужилъ величьемъ дѣяній,
Все вамъ признателенъ я. Но чтобъ вѣрные сердцемъ не знали
Страха пустаго, такъ вы презирайте Этейское пламя.
250 Тотъ, кто все побѣдилъ, побѣдитъ и огонь вами зримый:

Филоктету (см. 13, 54 и 320), которому Геркулесъ передаетъ эти стрѣлы за оказанную ему услугу. 245 *Въ благодарномъ слыву я народѣ.* Зевесъ говоритъ о подвластныхъ богахъ, какъ земной царь о своемъ народѣ.

Nec nisi materna Vulcanum parte potentem
Sentiet. Aeternum est a me quod traxit, et expers
Atque immune necis nullaque domabile flamma.
Idque ego defunctum terra coelestibus oris
Accipiam, cunctisque meum laetabile factum
Dis fore confido. Siquis tamen Hercule, siquis
Forte deo doliturus erit; data praemia nolet,
Sed meruisse dari sciet, invitusque probabit.
Assensere dei. coniux quoque regia visa est
Cetera non duro, duro tamen ultima vultu
Dicta tulisse Iovis, seque indoluisse notatam.
Interea quodcunque fuit populabile flammae,
Mulciber abstulerat. nec cognoscenda remansit
Herculis effigies, nec quicquam ab imagine ductum
Matris habet, tantumque Iovis vestigia servat.
Utque novus serpens posita cum pelle senecta
Luxuriare solet, squamaque virere recenti:
Sic ubi mortales Tirynthius exuit artus,
Parte sui meliore viget, maiorque videri
Coepit, et augusta fieri gravitate verendus.
Quem pater omnipotens inter cava nubila raptum
Quadriiugo curru radiantibus intulit astris.

ALCMENE PARTURIENS. GALANTHIS.

Sensit Atlas pondus. Neque adhuc Stheneleius iras
Solverat Eurystheus, odiumque in prole paternum
Exercebat atrox. At longis anxia curis
Argolis Alcmene, questus ubi ponat aniles,
Cui referat nati testatos orbe labores,
Cuive suos casus, Iolen habet. Herculis illam
Imperiis thalamoque animoque receperat Hyllus,
Impleratque uterum generoso germine. Cui sic
Incipit Alcmene: Faveant tibi numina saltem,

---

262 *Мульциберъ* (см. 2, 5). 269 *Большимъ* (см. 4, 450). 272 *Къ блестящимъ звѣздамъ* (см. 1, 72). 276 *Микены*—родина Алкмены, были въ Арголидѣ. 279 *Гиллу*—

Лишь материнская часть въ немъ почувствуетъ силу Вулкана.
Что отъ меня получилъ онъ, вѣчно и чуждое смерти
Ей не подвластно; того никакой не осилитъ и пламень.
Этого я по отбытьи съ земли въ небесное царство
Восприму, и мое это дѣло всѣмъ будетъ отрадно,
Какъ я увѣренъ, богамъ. Но если бъ кому было скорбно
Богомъ Алкида узрѣть, пусть будетъ онъ противъ почета,
Все же заслуги пойметъ, и его противъ воли одобритъ.
Боги одобрили всѣ; на видъ и супруга владыки
Все не со строгимъ лицемъ приняла, а только со строгимъ
Слово Зевеса къ концу, сердясь, что о ней намекаютъ.
Мульциберъ все между тѣмъ, что пламенемъ лишь разрушимо
Было, успѣлъ унести; неузнаваемъ остался
Ликъ Геркулеса затѣмъ, и все, въ чемъ матери образъ
Былъ, онъ утратилъ уже, хранитъ лишь черты онъ Зевеса.
Какъ, обновившись, змѣя и, старость откинувъ со шкурой,
Жизни бываетъ полна и новой блеститъ чешуею,
Такъ и члены уже Тиринтіецъ смертные сбросивъ,
Лучшею частью своею разцвѣлъ и бо́льшимъ казаться
Началъ и важностью сталъ священной достоинъ почета.
Тутъ всемогущій отецъ его скрывъ облакомъ емкимъ,
Въ четвероконной вознесъ къ блестящимъ звѣздамъ колесницѣ.

АЛКМЕНА ВЪ РОДАХЪ. ГАЛАНТИДА.

Бремя почуялъ Атлантъ. Еще Эвристей, сынъ Стенела,
Гнѣва въ себѣ не унялъ и жестокій съ отца онъ на сына
Злобу свою перенесъ. Но долгой заботой томима,
Арголійка Алкмена нашла въ Іолѣ, кому ей
Ввѣрить свой старческій плачъ, разсказать про дѣянія сына,
Міру извѣстныя, и про свою судьбу. Ту по волѣ
Геркулесовой Гилъ воспріялъ и въ спальню и въ душу,
И благороднымъ у ней зачаткомъ наполнилъ онъ лоно.
Ей Алкмена рекла: „Къ тебѣ то хоть боги да будутъ

сыну своему отъ Деяниры Геркулесъ передъ смертію наказалъ жениться на Іолѣ.

Corripiantque moras tum cum matura vocabis
Praepositam timidis parientibus Ilithyiam,
Quam mihi difficilem Iunonis gratia fecit.
Namque laboriferi cum iam natalis adesset
Herculis, et decimum premeretur sidere signum,
Tendebat gravitas uterum mihi, quodque ferebam,
Tantum erat, ut posses auctorem dicere tecti
Ponderis esse Iovem. Nec iam tolerare labores
Ulterius poteram. quin nunc quoque frigidus artus,
Dum loquor, horror habet, parsque est meminisse doloris.
Septem ego per noctes, totidem cruciata diebus,
Fessa malis, tendensque ad coelum brachia, magno
Lucinam Nixosque patres clamore vocabam.
Illa quidem venit, sed praecorrupta, meumque
Quae donare caput Iunoni vellet iniquae.
Utque meos audit gemitus, subsedit in illa
Ante fores ara. dextroque a poplite laevum
Pressa genu et digitis inter se pectine iunctis
Sustinuit partus. Tacita quoque carmina voce
Dixit, et incoeptos tenuerunt carmina partus.
Nitor, et ingrato facio convicia demens
Vana Iovi, cupioque mori, moturaque duros
Verba queror silices. Matres Cadmeides assunt,
Votaque suscipiunt, exhortanturque dolentem.
Una ministrarum, media de plebe, Galanthis,
Flava comas, aderat, faciendis strenua iussis,
Officiis dilecta suis. Ea sensit iniqua
Nescio quid Iunone geri. dumque exit et intrat
Saepe fores, divam residentem vidit in ara
Brachiaque in genibus digitis connexa tenentem,

---

283 *Илитія* греческое имя Люцины, родовспомогательной богини. 284 *Угождая Юнонѣ.* Быть можетъ мстившей Алкменѣ какъ соперницѣ тѣмъ болѣе, что: 286 *Десятый ужъ знакъ накаляться.* По понятіямъ древнихъ, по мѣрѣ вступленія солнца въ данный знакъ Зодіака, послѣдній накалялся отъ его приближенія; другими словами: *Когда сравнялось девять мѣсяцевъ моей беременности.* 292 Число *семь* считалось значительнымъ и притомъ въ дурномъ смыслѣ, т. е. какъ выраженіе необычайнаго и сомнительнаго положенія вещей (сличи 10, 73 и 5, 537). 293 *Воздѣвши.* Древніе Греки и Римляне на молитвѣ подымали руки съ обѣихъ сторонъ головы и отклоняли

Милостивы, сократя задержки, какъ станешь на сносѣ
Ты боязливыхъ родильницъ помощницу звать, Илитію,
Ту, что ко мнѣ не добра была, угождая Юнонѣ.
Ибо когда наступалъ рожденія день трудоносца
Геркулеса, и сталъ десятый ужъ знакъ накаляться,
Тягость раздула мою утробу, носимое мною
Стало такимъ, что сказать приходилось, что тяжести скрытой
Былъ виновникъ Зевесъ. Ужъ дальше никакъ не могла я
Мукъ выносить; до сихъ поръ, когда говорю, то холодный
Ужасъ по членамъ бѣжитъ и больно по нынѣ припомнить.
Цѣлыхъ семь я ночей и столько же дней протерзалась,
Мукой томясь, и воздѣвши къ небу руки, звала я
И Люцину и Никсовъ отцовъ съ ужаснѣйшимъ воплемъ.
Хоть появилась она, заранѣ подкуплена, рада
Прямо моей головой пожертвовать злобной Юнонѣ.
Какъ услыхала она мой стонъ, то сѣла на тотъ вонъ
Жертвенникъ противъ дверей и, правымъ колѣномъ накрывши
Лѣвое, и межъ собой связавши пальцы какъ гребень,
Роды сдержала мои; и стала шептать еле слышно,
И наступленье родовъ задерживать стали присловья.
Съ силами я собралась и стала въ безумствѣ укоры
Дѣлать Зевесу вотще и смерти молить и стенаньемъ
Камни могла бъ потрясти. Кадмейскія матери тутъ же
И обѣщанья творятъ и страждущей бодрость внушаютъ.
Средь прислужницъ одна, изъ народной среды Галантида
Бѣлокурая тутъ же была, проворна на службѣ
И услугой своей мнѣ мила. Она догадалась,
Что Юнона тутъ что то творитъ. И въ дверь, да изъ двери
Часто снуя, увидала она богиню сидящей
На алтарѣ, какъ пальцы она на колѣнахъ связала

тѣло назадъ, такъ что запрокинутыя ладони находились почти въ горизонтальномъ къ небу положеніи; то же тѣлодвиженіе употреблялось и при мольбѣ о пощадѣ (см. 5, 215). 294 Три изваянныхъ человѣка, стоящихъ на колѣнахъ передъ Капитолійскою Минервою, считались Никсами, богами помощниками въ родахъ, подобно Люцинѣ; изображались они въ такомъ положеніи потому, что древнія женщины разрѣшались отъ бремени, стоя на колѣнахъ. 298 *Правымъ кольномъ*. Неприличное выраженіе безучастія, проявляемое такимъ положеніемъ, могло подать поводъ къ выше сказанному мнѣнію. 310 Люцину.

Et: Quaecunque es, ait, dominae gratare. levata est
Argolis Alcmene, potiturque puerpera voto.
Exsiluit, iunctasque manus pavefacta remisit
Diva potens uteri. Vinclis levor ipsa remissis.
Numine decepto risisse Galanthida fama est.
Ridentem, prensamque ipsis dea saeva capillis
Traxit, et e terra corpus relevare volentem
Arcuit, inque pedes mutavit brachia primos.
Strenuitas antiqua manet. nec terga colorem
Amisere suum. forma est diversa priori.
Quae quia mendaci parientem iuverat ore,
Ore parit, nostrasque domos, ut et ante, frequentat.

DRYOPE.

Dixit, et admonitu veteris commota ministrae
Ingemuit. Quam sic nurus est affata dolentem:
Te tamen, o genitrix, alienae sanguine nostro
Rapta movet facies. Quid si tibi mira sororis
Fata meae referam? quanquam lacrimaeque dolorque
Impediunt, prohibentque loqui. Fuit unica matri...
Me pater ex alia genuit... notissima forma
Oechalidum Dryope. quam virginitate carentem,
Vimque dei passam Delphos Delonque tenentis,
Excipit Andraemon, et habetur coniuge felix.
Est lacus acclivis, devexo margine formam
Litoris efficiens. summum myrteta coronant.
Venerat huc Dryope fatorum nescia, quoque
Indignere magis, nymphis latura coronas:
Inque sinu puerum, qui nondum impleverat annum,
Dulce ferebat onus, tepidique ope lactis alebat.

---

320 Γαλέη—звѣрокъ ласочка или ласточка водится по преимуществу около жилья, гдѣ охотится за мышами и даже домашней птицей. Очевидно, что служанка Галантида получила и имя отъ этого звѣрка, и самый разсказъ могъ возникнуть отъ случайности, вслѣдствіе которой Алкмена, испугавшись нежданно пробѣжавшей ласточки, разрѣшилась отъ мучительнаго бремени. Ласточка за оказанную ей при рожденіи Геркулеса услугу была въ великомъ почетѣ у Ѳиванцевъ; что касается до повѣрья, будто лас-

И: „Кто бъ ты ни была, говоритъ, госпожу попривѣтствуй;
У Арголійской Алкмены съ родами сбылись упованья“.
Подпрыгнула и руки свои распустила въ испугѣ
315 Родовъ богиня. И я отъ бремени тутъ разрѣшилась:
Слухъ есть, что обманувъ Галантида смѣялась богинѣ.
Взявши за волоса, насмѣшницу тотчасъ богиня
Повлекла, и, когда съ земли та подняться хотѣла,
Придержала ее и изъ рукъ ей сдѣлала ноги.
320 Прежняя юркость у ней; и спина первобытнаго цвѣта
Не измѣнила; лишь видъ различенъ отъ прежняго нынѣ.
Такъ какъ лживымъ она родильницѣ ртомъ помогала,
Ртомъ она и родитъ, и въ дома къ намъ ходитъ какъ прежде.

ДРІОПА.

Высказавъ это, она о прежней вспомня служанкѣ,
325 Вздохъ испустила. И ей огорченной невѣстка сказала:
„Трогаетъ все же, о мать, тебя намъ по крови чужая,
Свой утративши ликъ. Что если тебѣ передамъ я
Чудный жребій своей же сестры? Хоть слезы и горе
Мнѣ не даютъ говорить. У матери только и было...
330 Я у отца отъ другой родилась... среди Эхаліекъ
Всѣхъ прекраснѣй Дріопа; ее, потерявшую дѣвство
Отъ насилія бога, властителя Дельфъ и Делоса,
Взялъ за себя Андремонъ и слылъ счастливымъ супругомъ.
Горное озеро есть, сообщаютъ отвѣсныя скалы
335 Видъ прибрежья ему, вершины увѣнчаны миртомъ.
Къ этому мѣсту пришла Дріопа, не зная событій,
Да что обиднѣй еще, чтобъ нимфамъ вѣнковъ изготовить:
Мальчика къ груди прижавъ, которому не было году,
Милую ношу свою молокомъ она теплымъ питала.

точка родитъ ртомъ, то оно могло произойти потому, что ласточка, подобно кошкамъ, переноситъ ртомъ съ мѣста на мѣсто своихъ дѣтенышей. 330 *Эхаліекъ* (см. выше 136). 333 *Андремонъ*—неизвѣстный; во всякомъ случаѣ не тотъ, о которомъ говорится въ к. 8, 543. 335 *Прибрежья* — морскаго, гдѣ преимущественно растутъ мирты. 336 *Не зная событій* (см. ниже стихъ 346)

Haud procul a stagno Tyrios imitata colores
In spem baccarum florebat aquatica lotos.
Carpserat hinc Dryope, quos oblectamina nato
Porrigeret, flores. et idem factura videbar...
Namque aderam... vidi guttas e flore cruentas
Decidere, et tremulo ramos horrore moveri.
Scilicet, ut referunt tardi nunc denique agrestes,
Lotis in hanc nymphe, fugiens obscoena Priapi,
Contulerat versos, servato nomine, vultus.
Nescierat soror hoc. quae cum perterrita retro
Ire, et adoratis vellet discedere nymphis,
Haeserunt radice pedes. Convellere pugnat:
Nec quicquam, nisi summa movet. Succrescit ab imo,
Totaque paulatim lentus premit inguina cortex.
Ut vidit, conata manu laniare capillos;
Fronde manum implevit. frondes caput omne tenebant.
At puer Amphisos, namque hoc avus Eurytus illi
Addiderat nomen, materna rigescere sentit
Ubera. nec sequitur ducentem lacteus humor.
Spectatrix aderam fati crudelis, opemque
Non poteram tibi ferre, soror. quantumque valebam,
Crescentem truncum ramosque amplexa morabar:
Et, fateor, volui sub eodem cortice condi.
Ecce vir Andraemon genitorque miserrimus assunt,
Et quaerunt Dryopen: Dryopen quaerentibus illis
Ostendi loton. Tepido dant oscula ligno,
Affusique suae radicibus arboris haerent.
Nil nisi iam faciem, quod non foret arbor, habebat
Cara soror. Lacrimae misero de corpore factis
Irrorant foliis. ac dum licet, oraque praestant
Vocis iter, tales effundit in aera questus:
Si qua fides miseris, hoc me per numina iuro
Non meruisse nefas. patior sine crimine poenam.
Viximus innocuae. si mentior, arida perdam
Quas habeo frondes, et caesa securibus urar.

---

347 Божество низшаго разряда Пріапъ, богъ садовъ и виноградниковъ, отличался своею плотскою страстностью.

340 Недалеко отъ воды какъ будто бы въ Тирской окраскѣ
Лотосъ цвѣлъ водяной въ надеждѣ будущихъ ягодъ.
Вотъ цвѣтовъ сорвала съ него Дріопа, чтобъ сыну
Ихъ на забаву отдать; я тоже сбиралася сдѣлать...
Ибо я тутъ же была... и вижу, кровавыя капли
345 Изъ цвѣтка потекли и въ ужасѣ вздрогнули вѣтви.
Подлинно, какъ говорятъ наконецъ уже поздно сельчане,
Нимфа Лотида въ тотъ цвѣтъ, убѣгая нахальства Пріапа,
Скрылась, лицомъ превратясь, но имя свое сохраняя.
Этого вовсе сестра не знала и, какъ захотѣла,
350 Въ страхѣ вернуться, и нимфъ, которымъ молилась, оставить,
Ноги впились у нея корнями. Напрасно ихъ вырвать,
Бьется она: только верхъ у нея подвиженъ. Ужь снизу,
Медленно къ ней по бедрамъ кора по немногу всползаетъ,
Видя это, она рукой рвать волосы хочетъ,
355 А въ рукѣ то листва; листва ей всю голову скрыла.
Мальчикъ Амфисъ между тѣмъ,—такое отъ дѣда Эврита
Имя онъ получилъ,—почуялъ, что матери груди,
Стали твердѣть и уже молока насосать онъ не можетъ.
Будучи зрительницей жестокой судьбы, не могла я
360 Помощи дать, сестра, тебѣ никакой, но старалась
Стволъ и сучья обнявъ, какъ въ силахъ, задерживать въ ростѣ;
И, признаюсь, подъ одной желала я скрыться корою.
Вотъ и супругъ Андремонъ и бѣдный отецъ появились,
Ищутъ Дріопу они; на вопросъ о Дріопѣ, на лотосъ
365 Я указала. Они еще теплое древо цѣлуютъ
И къ корнямъ своего они дерева вплоть припадаютъ.
Кромѣ лица ничего у милой сестры не осталось,
Деревомъ стала она. Съ возникшихъ изъ бѣднаго тѣла
Листьевъ росится слеза; пока еще можно и голосъ
370 Путь находитъ изъ устъ, такой она плачъ изливаетъ:
„Ежели вѣру даютъ несчастнымъ, клянусь я богами,
Что неповинна въ бѣдѣ; безъ проступка терплю наказанье.
Я непорочно жила; пусть, ежели лгу, то засохнувъ,
Всю потеряю листву и сгорю, какъ топоръ меня срубитъ.

375 Hunc tamen infantem maternis demite ramis,
Et date nutrici. nostraque sub arbore saepe
Lac facitote bibat, nostraque sub arbore ludat.
Cumque loqui poterit, matrem facitote salutet,
Et tristis dicat: Latet hoc in stipite mater.
380 Stagna tamen timeat, nec carpat ab arbore flores:
Et frutices omnes corpus putet esse dearum.
Care vale coniux, et tu germana, paterque!
Qui siqua est pietas, ab acutae vulnere falcis,
A pecoris morsu frondes defendite nostras.
385 Et quoniam mihi fas ad vos incumbere non est,
Erigite huc artus, et ad oscula nostra venite,
Dum tangi possum, parvumque attollite natum.
Plura loqui nequeo. nam iam per candida mollis
Colla liber serpit, summoque cacumine condor.
390 Ex oculis removete manus. Sine munere vestro
Contegat inductus morientia lumina cortex.
Desierant simul ora loqui, simul esse. diuque
Corpore mutato rami caluere recentes.

IOLAUS.

Dumque refert Iole factum mirabile, dumque
395 Eurytidos lacrimas admoto pollice siccat
Alcmene, flet et ipsa tamen; compescuit omnem
Res nova tristitiam. Nam limine constitit alto
Paene puer, dubiaque tegens lanugine malas,
Ora reformatus primos Iolaus in annos.
400 Hoc illi dederat Iunonia muneris Hebe,
Victa viri precibus. Quae cum iurare pararet,
Dona tributuram post hunc se talia nulli,
Non est passa Themis. Nam iam discordia Thebae
Bella movent, dixit, Capaneusque nisi ab Iove vinci

---

395 *Эвритидины* (см. выше 136). 403 Вѣщая Өемида не дозволила такой въ будущемъ несостоятельной клятвы; при этомъ она въ общихъ очертаніяхъ и неясностью оракула намекаетъ на дальнѣйшій ходъ событій, которыхъ рядъ уже начинается Өиванскимъ походомъ семи (соединенныхъ князей) противъ Өивъ. Выдаю-

375 Это однако дитя съ вѣтвей материнскихъ снимите,
Чтобы кормилицѣ сдать; подъ деревомъ нашимъ давайте
Часто ему молока, подъ деревомъ пусть тутъ играетъ,
А какъ начнетъ говорить, привѣтствовать мать заставляйте,
Съ грустью пускай говоритъ: „Здѣсь въ деревѣ матушка скрыта“.
380 Озёра только бъ бѣжалъ и не рвалъ цвѣтовъ онъ съ деревьевъ.
И кустарники всѣ тѣлами богинь почиталъ бы.
Милый супругъ мой, прощай и ты, сестра и родитель!
Если я вамъ дорога, то вы отъ порѣзовъ серпами
И укушеній скота мою листву охраняйте.
385 Такъ какъ мнѣ не дано возможности вамъ поклониться,
Вверхъ потянитеся вы ко мнѣ и къ лобзаньямъ идите,
И подымите малютку, покуда я къ чувствамъ способна.
Дальше нѣтъ силъ говорить; ужь мягкое лыко по бѣлой
Шеѣ ползетъ и меня макушкою всю прикрываетъ.
390 Руки снимите свои мнѣ съ глазъ. И безъ помощи вашей
Набѣгая, кора умирающей очи закроетъ“.
Какъ перестали уста говорить, такъ исчезли; и долго
Измѣненнаго тѣла теплѣлись новыя вѣтки.

ІОЛАЙ.

Какъ сообщала объ этомъ событіи чудномъ Іола
395 И утирала перстомъ Эвритидины слезы Алкмена,
Плача однако сама, событіе новое стерло
Всю ихъ печаль. Потому что стоялъ на высокомъ порогѣ
Мальчикъ почти, со щеками покрытыми пухомъ чуть виднымъ,
Іолай, измѣнившись лицемъ на юные годы.
400 Этотъ подарокъ ему даровала Юнонина Геба,
Мужнинымъ сдавшись мольбамъ. Когда жь та поклясться хотѣла,
Никому ужь затѣмъ не давать подобныхъ подарковъ,
То Ѳемида того не дозволила, молвя, что Ѳивы
Ужь изъ раздора войну завели, Капаней же Зевесомъ

щееся мѣсто въ этой войнѣ занимаетъ: 404 *Капаней*, который, когда Ѳиванцы были отбиты назадъ въ городъ, противу воли Зевеса, взлѣзъ на стѣну и былъ убитъ молніей.

405 Haud poterit. fientque pares in vulnere fratres:
Subductaque suos manes tellure videbit
Vivus adhuc vates. ultusque parente parentem
Natus erit facto pius et sceleratus eodem:
Attonitusque malis, exul mentisque domusque,
410 Vultibus Eumenidum matrisque agitabitur umbris,
Donec eum coniux fatale poposcerit aurum,
Cognatumque latus Phegeius hauserit ensis.
Tum demum magno petet hos Acheloia supplex
Ab Iove Callirhoe, natis infantibus annos
415 Neve necem sinat esse diu ultoris inultam.
Iuppiter his motus, privignae dona nurusque
Praecipiet, facietque viros impubibus annis.

BYBLIS.

Haec ubi faticano venturi praescia dixit
Ore Themis, vario superi sermone fremebant,
420 Et, cur non aliis eadem dare dona liceret,
Murmur erat. Queritur veteres Pallantias annos

---

405 Оба сына Эдипа (см. 7, 759) Этеоклъ и Полиникъ убили другъ друга въ единоборствѣ изъ за престола. 406 Что предсказатель *Амфіарай* будетъ предвидѣть смерть свою въ этой войнѣ, выражено торжественнымъ языкомъ Ѳемиды, такъ что будто онъ духовными очами увидитъ подъ разверзтою землею свою собственную посмертную тѣнь. 407 *И матери сынъ отомщая.* На свадьбѣ основателя Ѳивъ, Кадма, и дочери Марса и Венеры, Гармоніи, негодующій на новобрачную, Вулканъ, въ числѣ прочихъ боговъ, подарилъ ей великолѣпное, но приносящее бѣдствіе, ожерелье. Храбрый и одаренный даромъ пророчества, Амфіарай женился на дочери Аргосскаго царя, сперва врага, а затѣмъ друга Адраста, Эрифилѣ. Когда проживавшій у Адраста, изгнанный братомъ Этеокломъ, Полиникъ сталъ звать Амфіара, въ походъ противъ Ѳивъ, послѣдній, предвидя свою судьбу, отказался и спрятался; тогда Полиникъ подкупилъ Эрифилу ожерельемъ Гармоніи, и она не только выдала мужа, но и рѣшила дѣло въ пользу войны. Уходя въ походъ, Амфіарай возложилъ на сына своего Алкмеона обязанность отмстить своей матери за смерть отца. Сынъ исполнилъ завѣтъ, становясь и *святъ и преступенъ.* Гонимый Фуріями, Алкмеонъ, прибылъ въ Аркадскую Псофиду, гдѣ царь Фелей выдалъ за него дочь, но, продолжая испытывать терзанія, онъ по совѣту оракула, отправился искать земли еще небывалой въ то время, когда умирающая мать его прокляла всякую страну, которая его приметъ. Тогда онъ отправился на одинъ изъ созданныхъ Ахелоемъ острововъ

405 Только быть можетъ сраженъ; и братьевъ все тѣ же сравняютъ
Раны; и при землѣ разверстой живой предсказатель
Маны увидитъ свои; и матери сынъ отомщая
За отца, потому жь станетъ дѣлу и святъ и преступенъ.
И пораженный бѣдой, утративъ и домъ и разсудокъ,
410 Ликами будетъ гонимъ Эвменидъ онъ и матери тѣнью,
До тѣхъ поръ, что жена роковое выпроситъ злато
И Фегейскій мечь въ родное сердце вонзится.
Тутъ то запроситъ склонясь Ахелоева дочь Каллироя
У Зевеса тѣхъ лѣтъ для своихъ дѣтей малолѣтныхъ,
415 Долго что бъ недалъ пребыть не отомщенной онъ мстителя смерти.
Тронутый этимъ, Зевесъ даръ падчерицѣ и невѣсткѣ
Ускоритъ и въ мужей превратить малолѣтныхъ годами.

БИБЛИДА.

Какъ изъ пророческихъ устъ, грядущее зная, Ѳемида
Молвила это, смутились боги различною рѣчью,
420 И почему и другихъ нельзя одарить тѣмъ же самымъ,
Ропотъ возникъ. На лѣта Паллантія стараго мужа

(см. 8, 576 и слѣдующ.), но и тутъ онъ воспылалъ любовію къ дочери Ахелоя, Каллироѣ, которая выпросила у него (*злато*) золотое ожерелье, доставшееся ему по смерти. Но такъ какъ онъ уже подарилъ его свой женѣ, то онъ вернулся въ Псофиду, чтобы взять его подъ предлогомъ посвященія Дельфійскому богу. Завладѣвши имъ снова, онъ опять отправился къ Каллироѣ. Между тѣмъ тесть его Пелей узналъ объ этихъ дѣлахъ и послалъ за нимъ его сыновей. Эти нагнали и убили его. Чтобы отмстить за это убійство, Каллироя испросила у Юпитера своимъ еще маленькимъ сыновьямъ зрѣлую юность для того, чтобы они были въ состояніи отмстить за смерть того, кто былъ мстителемъ за смерть своего отца; Зевесъ, въ видахъ справедливости просьбы, исполнилъ ее, не дожидаясь дара Гебы, о которомъ говорится выше стих. 400.
416 *Геба*—дочь Юпитера и Юноны, по другому преданію была только дочерью Юноны безъ всякаго мужскаго начала, почему и занимала въ небѣ служебное положеніе; поэтому Овидій называетъ ее падчерицей Зевеса и невѣсткой по Геркулесу. Чудомъ возмужавшія дѣти Каллирои отмстили за отца, убивши Фегея и истребивъ весь его родъ. 421 *Паллантія* дочь (Титана) Палланта, Аврора, которая выпросила у боговъ супругу своему Тиѳону, сыну Троянскаго царя Лаомедона (см. 11, 200), безсмертіе, но не выпросила въ то же самое время вѣчной юности, вслѣдствіе чего онъ превратился въ дряхлаго старца, впавшаго въ ребячество.

Coniugis esse sui. queritur canescere mitis
Iasiona Ceres. repetitum Mulciber aevum
Poscit Erichthonio: Venerem quoque cura futuri
Tangit, et Anchisae renovare paciscitur annos.
Cui studeat, deus omnis habet. crescitque favor
Turbida seditio. donec sua Iuppiter ora
Solvit, et: O! nostri siqua est reverentia dixit,
Quo ruitis? tantumne aliquis sibi posse videtur,
Fata quoque ut superet? Fatis Iolaus in annos,
Quos egit, rediit. fatis iuvenescere debent
Callirhoe geniti, non ambitione, nec armis.
Vos etiam, quoque hoc animo meliore feratis,
Me quoque fata regunt. quae si mutare valerem,
Nec nostrum seri curvarent Aeacon anni,
Perpetuumque aevi florem Rhadamanthus haberet
Cum Minoe meo, qui propter amara senectae
Pondera despicitur, nec quo prius ordine regnat.

Dicta Iovis movere deos. nec sustinet ullus,
Cum videant fessos Rhadamanthon et Aeacon annis
Et Minoa, queri. Qui, dum fuit integer aevi,
Terruerat magnas ipso quoque nomine gentes,
Tunc erat invalidus, Deionidenque iuventae
Robore Miletum Phoeboque parente superbum
Pertimuit, credensque suis insurgere regnis,
Haud tamen est patriis arcere penatibus ausus.
Sponte fugis, Milete, tua. celerique carina
Aegaeas metiris aquas, et in Aside terra
Moenia constituis positoris habentia nomen.

Hic tibi, dum sequitur patriae curvamina ripae,
Filia Maeandri toties redeuntis eodem

---

422 Снабжающая людей пищею, Церера, какъ общая благодѣтельница постоянно называется *доброю* (см. 5, 497; 6, 118), въ какомъ смыслѣ мы и переводимъ слово *mitis*, значущее собственно кроткая. *Язіонъ*, *Іезіонъ*, или *Іазій*,—котораго не должно смѣшивать съ поименованнымъ (см. 8, 317) отцемъ Аталанты,—сынъ Юпитера и Электры, братъ Дардана, любимецъ Цереры, хотя и былъ принятъ на небо, но подвергся вліянію старости. 423 *Мульциберъ*—Вулканъ проситъ о сохраненіи жизни сына своего Эрихтонія, произведеннаго имъ на свѣтъ при обстоятельствахъ, объясненныхъ въ кн. 2, 553. 425 *Анхиза* (см. 13, 624). 435 *Эакъ*,.. *Радамантъ*,.. *Миносъ*,—всѣ три сыновья Юпитера. О первомъ и послѣднемъ см. 7, 472, 456 и сличи съ примѣч. 8, 23.

Жалуется своего; и добрая тоже Церера
Жалуется на сѣдины Язіона; Мульциберъ проситъ,
Чтобъ Эрихтоній былъ живъ; и Венеру забота тревожитъ
Будущимъ, и обновить лѣта у Анхиза склоняетъ.
Есть за кого порадѣть у каждаго бога; съ пристрастьемъ
Шумъ возстанья растетъ; пока, уста разверзая,
Имъ Зевесъ не сказалъ: „О, если ко мнѣ въ васъ почтенье
Есть какое нибудь, куда вы стремитесь? Иль мыслитъ
Кто, быть выше судьбы? Судьба Іолая вернула
Къ годамъ, что пережилъ онъ; судьбой рѣшено возмужанье
Каллирои дѣтей, но не въ силу просьбъ иль оружья.
Вами же,—да чтобы вы выносили смиряяся духомъ,
Тоже и мною судьбы правятъ; будь только я въ силахъ,
То бы бремя годовъ моего не сгибало Эака,
И во цвѣтѣ бы лѣтъ всегда Радамантъ оставался
Вмѣстѣ съ Миносомъ моимъ, который за горькое бремя
Старости презрѣнъ, царитъ не съ тѣмъ какъ прежде порядкомъ“.
Рѣчи Зевеса боговъ устрашили; никто не рѣшился
Жаловаться, увидавъ преклонныхъ отъ лѣтъ Радаманта
И Эака съ Миносомъ. Послѣдній, какъ былъ еще молодъ,
Именемъ даже своимъ устрашалъ великихъ народовъ,
Нынѣ безсиленъ онъ сталъ и Дейонида Милета,
Гордаго силой своей молодой и родителемъ Фебомъ,
Онъ убоялся, и хоть полагалъ возстающимъ на царство,
Не дерзнулъ удалить его отъ отчихъ пенатовъ.
Самъ бѣжишь ты, Милетъ, по собственной волѣ; и мѣришь
Килемъ проворнымъ волну Эгейскую и на Азійской
Почвѣ ты стѣны кладешь, строителя давъ имъ прозванье.
Тутъ, какъ извивами шла за отцовскимъ берегомъ слѣдомъ
Дочь Меандра, который такъ часто приходитъ обратно,

Радамантъ, подобно Миносу, рожденъ Юпитеромъ отъ Европы и властвовалъ различными островами Эгейскаго моря, которыми управлялъ мудро и справедливо. Всѣ три стали по смерти судьями въ преисподней. 443 *Дейонида Милета*. Въ доказательство слабости могучаго нѣкогда Миноса приводится то обстоятельство, что, подозрѣвая нѣкоего Милета, сына Феба и Дейона всѣми любимаго за его красоту, въ стремленіи лишить его жизни и царства, онъ всетаки не рѣшился его схватить; такъ представляетъ дѣло Овидій, а другіе иначе: Милетъ, чтобы разсѣять подозрѣніе, переселился съ своими приверженцами съ Крита на Азіатскій берегъ и основалъ Милетъ, получившій такую громкую извѣстность. 451 *Меандра* (см. 8, 162).

Cognita Cyanee, praestantia corpora forma,
Byblida cum Cauno, prolem est enixa gemellam.
Byblis in exemplo est, ut ament concessa puellae:
455 Byblis Apollinei correpta cupidine fratris
Non soror ut fratrem, nec qua debebat, amavit.
Illa quidem primo nullos intelligit ignes,
Nec peccare putat, quod saepius oscula iungat,
Quod sur fraterno circumdet brachia collo:
460 Mendacique diu pietatis fallitur umbra.
Paulatim declinat amor. visuraque fratrem
Culta venit, nimiumque cupit formosa videri:
Et siqua est illic formosior, invidet illi.
Sed nondum manifesta sibi est, nullumque sub illo
465 Igne facit votum. verum tamen aestuat intus.
Iam dominum appellat, iam nomina sanguinis odit:
Byblida iam mavult, quam se vocet ille sororem.
Spes tamen obscenas animo demittere non est
Ausa suo vigilans. Placida resoluta quiete
470 Saepe videt, quod amat. Visa est quoque iungere fratri
Corpus. et erubuit, quamvis sopita iacebat.
Somnus abit. silet illa diu, repetitque quietis
Ipsa suae speciem, dubiaque ita mente profatur:
Me miseram! tacitae quid vult sibi noctis imago,
475 Quam nolim rata sit? cur haec ego somnia vidi?
Ille quidem est oculis quamvis formosus iniquis,
Et placet, et possim, si non sit frater, amare,
Et me dignus erat. Verum nocet esse sororem...
Dummodo tale nihil vigilans committere tentem,
480 Saepe licet simili redeat sub imagine somnus.
Testis abest somno, nec abest imitata voluptas.
Pro Venus et tenera volucer cum matre Cupido,
Gaudia quanta tuli! quam me manifesta libido
Contigit! ut iacui totis resoluta medullis!
485 Ut meminisse iuvat! quamvis brevis illa voluptas,

---

452 *Ты Ціанею позналъ. Ты* обращается къ Милету. 455 *Къ Аполлоновой отрасли.* Такъ какъ отецъ Библиды и Кавна простой смертный Милетъ, а самъ отецъ Ціанеи потокъ Меандръ, сынъ Океана и Геи, то мы не могли найти указаній, на ка-

Ты Ціанею позналъ, и она прекрасную тѣломъ
Двойню тебѣ родила дѣтей, Библиду и Кавна.
И Библида примѣръ, чтобы дѣвы любили, что должно.
Страстью Библида вспылавъ, къ Аполлономъ рожденному брату,
Не какъ брата сестра и не какъ должно любила.
Правда, сначала она никакого огня и не знала,
И не считала грѣхомъ, что съ нимъ цѣлуется часто,
Что руками она обнимаетъ братнину шею:
Лживой тѣнью она пріязни обманута долго.
Мало по малу любовь увлеклась; и какъ свидѣться съ братомъ,
Ходитъ нарядна она и желаетъ казаться прекрасной;
И, коль другая ея прекраснѣй, питаетъ къ ней зависть.
Но въ самой то еще ей не ясно, подъ пламенемъ этимъ
Нѣтъ желанья у ней: внутри же однако бушуетъ.
Ужь господиномъ зоветъ, ей кровное имя противно:
Ей Библидой милѣй быть названной имъ, чѣмъ сестрою.
Все же не смѣла она надеждъ соблазнительныхъ въ душу
На яву допускать. Но мирнымъ объята покоемъ,
Часто видитъ, что любитъ. Увидѣла, что сочеталась
Съ братомъ вполнѣ; и, хотя лежала во снѣ, покраснѣла.
Сонъ исчезъ; и долго она молчитъ и видѣнье
Сна призываетъ назадъ и въ шаткомъ умѣ произноситъ:
„Горе мнѣ! Что означаетъ ночи безмолвной видѣнье,
Мнѣ нежеланное въявь? Къ чему этотъ сонъ мнѣ приснился?
Правда, онъ на глаза враждебные даже прекрасенъ,
Нравится мнѣ, и могла бъ я любить его, будь онъ не братомъ,
Онъ бы и стоилъ меня. Но быть сестрою вредитъ мнѣ...
Лишь бы я на яву ничего не искала такого,
Пусть возвращается сонъ почаще съ подобнымъ видѣньемъ.
Безъ свидѣтелей сонъ, не безъ подражанья восторгу.
О, Венерой клянусь и летучимъ при ней Купидономъ,
Радость какая была! Какъ ясно меня сладострастье
Тронуло! какъ я спала, до мозга костей разрѣшившись!
Сладостно вспомнить о томъ! Хоть былъ восторгъ тотъ коротокъ

комъ основаніи Овидій называетъ брата Библиды Аполлоновой отраслью. Не желалъ ли онъ указать этимъ на юношескую красоту Кавна.

Noxque fuit praeceps, et coeptis invida nostris.
O! ego, si liceat mutato nomine iungi,
Quam bene, Caune, tuo poteram nurus esse parenti!
Quam bene, Caune, meo poteras gener esse parenti!
Omnia, di facerent, essent communia nobis,
Praeter avos. Tu me vellem generosior esses.
Nescio quam facies igitur, pulcherrime, matrem:
At mihi, quae male sum, quos tu, sortita parentes,
Nil nisi frater eris. Quod obest, id habebimus unum.
Quid mihi significant ergo mea visa?... Quod autem
Somnia pondus habent?... An habent et somnia pondus?
Di melius!... Di nempe suas habuere sorores.
Sic Saturnus Opem, iunctam sibi sanguine, duxit:
Oceanus Tethyn, Iunonem rector Olympi...
Sunt superis sua iura. Quid ad coelestia ritus
Exigere humanos diversaque foedera tento?
Aut nostro vetitus de corde fugabitur ardor,
Aut hoc si nequeo, peream precor ipsa, toroque
Mortua componar, positaeque det oscula frater...
Et tamen arbitrium quaerit res ista duorum.
Finge placere mihi, scelus esse videbitur illi.
At non Aeolidae thalamos timuere sororum.
Unde sed hos novi? sur haec exempla paravi?
Quo feror? obscenae procul hinc discedite flammae,
Nec, nisi qua fas est germanae, frater ametur...
Si tamen ipse meo captus prior esset amore,
Forsitan illius possem indulgere furori.
Ergo ego, quae fueram non reiectura petentem,
Ipsa petam? Poterisne loqui? poterisne fateri?
Coget amor, potero. Vel, si pudor ora tenebit,
Littera celatos arcana fatebitur ignes.
Hoc placet, haec dubiam vicit sententia mentem.
In latus erigitur, cubitoque innixa sinistro:
Viderit. insanos, inquit, fateamur amores.
Hei mihi! quo labor? quem mens mea concipit ignem?

---

498 (см. 1, 113; 2, 509). 507 *Но Эолиды.* У Эола, по преданію, было шесть сыновей и шесть дочерей, которыхъ онъ сочеталъ бракомъ между собою.

И кратковременна ночь и завистлива къ замысламъ нашимъ.
О! еслибъ имя смѣнивъ, сочетаться намъ было возможно,
Какъ хорошо бы мнѣ, Кавнъ, твоему отцу быть снохою!
Какъ хорошо бъ тебѣ, Кавнъ, моему быть родителю зятемъ!
490 Еслибъ богами дано все было съ тобой у насъ общимъ
Кромѣ дѣдовъ. О когда бъ ты родомъ меня былъ знатнѣе;
Сдѣлаешь матерью ты неизвѣстно кого, мой красавецъ:
А для меня, что, увы, отъ родителей общихъ съ тобою,
Будешь ничто ты какъ братъ. Препятствіе, вотъ что намъ обще.
495 Что же видѣнья мои означаютъ? Какой же быть можетъ
Въ сновидѣніяхъ вѣсъ? Иль вѣсъ въ сновидѣньяхъ бываетъ?
Боги, спасите меня, но боги владѣли жь сестрами.
Такъ Сатурнъ за себя взялъ Опсъ, родную по крови,
Богъ Океанъ Теѳису, Юнону—властитель Олимпа...
500 Право свое у боговъ. Чего жь подъ обычаи неба
Я стараюсь подвесть столь разные браки людскіе?
Иль запрещенный огонь у себя прогоню я изъ сердца,
Или, когда не смогу, то молю, да погибну и лягу
Мертвой на одръ, и меня лежащую братъ поцѣлуетъ.
505 Да и согласіе двухъ само это требуетъ дѣло.
Можетъ и нравиться мнѣ, ему же казаться преступнымъ.
Но Эолиды сестеръ своихъ не страшилися спаленъ.
Какъ я узнала про нихъ? И къ чему привела ихъ примѣры?
И куда я стремлюсь? Уходи, непотребное пламя,
510 Буду я брата любить какъ только сестрѣ подобаетъ.
Еслибы первымъ онъ самъ ко мнѣ увлекся любовью,
Можетъ быть я бы могла къ его низойти увлеченью.
Неужели же я, что сама бъ не отвергла моленья,
Стану сама умолять? Какъ тебѣ говорить? Какъ признаться?
515 Если заставитъ любовь, то смогу. Иль если удержитъ
Стыдъ мнѣ уста, то письмо про тайное пламя разскажетъ".
Нравится это, тутъ мысль сомнѣнья ума побѣдила.
Бокомъ она поднялась и, лѣвымъ подпершися локтемъ,
Вскликнула: „Пусть видитъ онъ; въ безумной я страсти признаюсь.
520 Горе! куда я иду? Какое въ мечтѣ моей пламя?"

Et meditata manu componit verba trementi.
Dextra tenet ferrum, vacuam tenet altera ceram.
Incipit, et dubitat. scribit, damnatque tabellas:
Et notat, et delet. mutat, culpatque, probatque:
525 Inque vicem sumtas ponit, positasque resumit.
Quid velit, ignorat. quicquid factura videtur,
Displicet. In vultu est audacia mixtra pudori.
Scripta soror fuerat. visum est delere sororem,
Verbaque correctis incidere talia ceris:
530 Quam, nisi tu dederis, non est habitura salutem,
Hanc tibi mittit amans. pudet, ah! pudet edere nomen,
Et si, quid cupiam, quaeris, sine nomine vellem
Posset agi mea causa meo, nec cognita Byblis
Ante forem, quam spes votorum certa fuisset.
535 Esse quidem laesi poterat tibi pectoris index
Et color, et macies, et vultus, et humida saepe
Lumina, nec causa suspiria mota patenti,
Et crebri amplexus, et quae, si forte notasti,
Oscula sentiri non esse sororia possent.
540 Ipsa tamen, quamvis animo grave vulnus habebam,
Quamvis intus erat furor igneus, omnia feci,
Sunt mihi di testes, ut tandem sanior essem:
Pugnavique diu violenta Cupidinis arma
Effugere infelix. et plus, quam ferre puellam
545 Posse putes, ego dura tuli. Superata fateri
Cogor, opemque tuam timidis exposcere votis.
Tu servare potes, tu perdere solus amantem.
Elige, utrum facias. Non hoc inimica precatur,
Sed quae, cum tibi sit iunctissima, iunctior esse
550 Expetit, et vinclo tecum propiore ligari.
Iura senes norint, et quid liceatque, nefasque
Fasque sit, inquirant, legumque examina servent.
Conveniens Venus est annis temeraria nostris.
Quid liceat, nescimus adhuc, et cuncta licere

---

522 *Держитъ правою.* Извѣстно, что древніе выдавливали буквы желѣзною палочкой на покрытой воскомъ табличкѣ. Палочка, или грифель, была для этого съ

И дрожащей рукой слова она чертитъ, обдумавъ.
Держитъ правою сталь, другою пустую восчанку.
Лишь начнетъ, смущена; напишетъ письмо и осудитъ:
Чертитъ и тотчасъ затретъ; мѣняетъ, хулитъ или хвалитъ;
Взявши табличку, кладетъ; положивши, беретъ ее снова.
Хочетъ чего, не пойметъ; а что собирается сдѣлать,
То не по ней. На лицѣ у нея и стыдъ и отвага.
Вотъ написала: сестра; но сестру затереть порѣшила,
И такія слова начертать на исправленномъ воскѣ:
„Счастья, какого самой не имѣть, коль не ты его дашь ей,
Съ этимъ желаетъ влюбленная; стыдно ей высказать имя.
И, коль спросишь, чего я хочу, я бъ желала, чтобъ дѣло
Сталося безъ моего даже имени, чтобы Библида
Стала извѣстна, когда увѣрена будетъ въ надеждѣ.
Хоть указаньемъ тебѣ на страданіе сердца могли бы
Быть исхудалость лица и блѣдность и влажныя часто
Очи, и вздохи порой безъ всякой явной причины
И объятія частыя и, коль замѣтилъ ты только,
Тѣ поцѣлуи, въ какихъ не сестрино могъ бы заслышать.
Я же сама, хоть въ душѣ тяжелую рану носила,
Хоть и жестокій огонь былъ внутри, ко всему прибѣгала,
Боги свидѣтели мнѣ, чтобъ только быть мнѣ здоровой:
Долго боролася я, чтобъ страшныхъ доспѣховъ Амура
Мнѣ несчастной бѣжать; и больше, чѣмъ ты полагаешь,
Дѣвушкѣ можно терпѣть, я снесла; побѣжденная нынѣ,
Мыслю признаться, прося твоей помощи робкой мольбою.
Ты одинъ и спасти и сгубить ты возлюбленную можешь.
Какъ поступить, выбирай. Объ этомъ не врагъ умоляетъ,
А лишь та, что съ тобой ужь связана, проситъ чтобъ ближе
Быть ей къ тебѣ и съ тобой звеномъ ближайшимъ связаться.
Старцы пусть знаютъ права и изучаютъ, что можно,
Что недозволено и, разобравши законъ, соблюдаютъ.
Свойственна нашимъ лѣтамъ любовь съ могучей отвагой.
Что подабаетъ, того мы не знаемъ еще, полагая,

одного конца остра, а съ другаго въ видѣ лопаточки, чтобы, въ случаѣ перемарокъ или уничтоженія написаннаго, заглаживать воскъ.

Credimus, et sequimur magnorum exempla deorum.
Nec nos aut durus pater, aut reverentia famae,
Aut timor impediet. tantum sit causa timendi.
Dulcia fraterno sub nomine furta tegemus.
Est mihi libertas tecum secreta loquendi,
Et damus amplexus, et iungimus oscula coram.
Quantum est. quod desit? Miserere fatentis amorem,
Et non fassurae, nisi cogeret ultimus ardor:
Neve merere meo subscribi causa sepulchro.
Talia nequicquam perarantem plena reliquit
Cera manum, summusque in margine versus adhaesit.
Protinus impressa signat sua crimina gemma,
Quam tinxit lacrimis. linguam defecerat humor.
Deque suis unum famulis pudibunda vocavit,
Et pavidum blandita: Fer has, fidissime, nostro...
Dixit, et adiecit longo post tempore... fratri.
Cum daret, elapsae manibus cecidere tabellae.
Omine turbata est, misit tamen. Apta minister
Tempora nactus adit, traditque latentia verba.
Attonitus subita iuvenis Maeandrius ira
Proiicit acceptas lecta sibi parte tabellas,
Vixque manus retinens trepidantis ab ore ministri:
Dum licet, o! vetitae scelerate libidinis auctor,
Effuge, ait. qui, si nostrum tua fata pudorem
Non traherent secum, poenas mihi morte dedisses.
Ille fugit pavidus, dominaeque ferocia Cauni
Dicta refert. Palles audita, Bybli, repulsa,
Et pavet obsessum glaciali frigore corpus.
Mens tamen ut rediit, pariter rediere furores:
Linguaque vix tales icto dedit aere voces:
Et merito! quid enim temeraria vulneris huius
Indicium feci? quid, quae celanda fuerunt,
Tam cito commisi properatis verba tabellis?
Ante erat ambiguis animi sententia dictis
Praetentanda mihi. Ne non sequeretur euntem,
Parte aliqua veli, qualis foret aura, notare
Debueram, tutoque mari decurrere, quae nunc

Что дозволено все, и великимъ богамъ подражаемъ.
Насъ ни суровый отецъ, ни уваженіе къ мнѣньямъ
Не удержитъ, ни страхъ; будь только причина боязни.
Братнинымъ именемъ мы отрадную тайну прикроемъ.
Мнѣ свобода дана съ тобою бесѣдовать скрытно,
И обнимаемся мы и цѣлуемся явно предъ всѣми.
Многаго ль недостаетъ? Надъ страстнымъ признаніемъ сжалься;
Я бъ не призналась, когда бъ не нудило крайнее пламя:
Надписи не заслужи ты на камнѣ моемъ, какъ виновникъ“.
Подъ чертящей напрасно все это рукою восчанка
Вся изошла, и въ край прилѣпилась послѣдняя строчка.
Тотчасъ виновность свою она закрѣпила печатью,
Что оросила слезой, языкъ оказался безъ влаги.
И одного изъ своихъ она слугъ позвала, застыдившись,
И пугливо привѣтлива: Это, мой вѣрный, снеси ка
Ты къ моему... изрекла, и ужь послѣ прибавила... брату.
Какъ сдавала, изъ рукъ ускользнувши, упали таблички.
Признакомъ тѣмъ смущена, послала однако. Служитель,
Время найдя, подошелъ и передалъ тайныя строки.
Гнѣвомъ тогда пораженъ внезапнымъ, Меандра потомокъ
Бросилъ, отчасти прочтя таблички, которыя принялъ,
И, едва удержавъ отъ лица служителя руки,
Крикнулъ: „Пока еще цѣлъ, преступной ты похоти вѣстникъ,
Прочь убѣгай! И когда бъ твоя казнь не влекла за собою
И стыда моего, ты смертью былъ бы наказанъ“.
Тотъ испуганъ бѣжитъ, и свирѣпыя Кавновы рѣчи
Передаетъ госпожѣ. Блѣдна ты Библида при вѣсти,
Что ты отвергнута; дрожь ледянящая тѣло объемлетъ,
Только къ ней память вернулась, вернулося къ ней и безумство;
Еле языкъ испустилъ на воздухъ рѣчи такія:
„И по дѣломъ! Для чего такъ заносчиво рану такую
Я открыла? Зачѣмъ же тѣ, что скрывать надлежало,
Рѣчи довѣрила такъ я скоро поспѣшнымъ таблицамъ?
Надо бъ двусмысленными словами сперва испытать мнѣ
Настроенье души. Для того, чтобъ пошелъ онъ за мною,
Я по части одной парусовъ замѣтить должна бы,
Что за вѣтеръ подулъ, и въ море навѣрно пускаться;

Non exploratis implevi lintea ventis.
Auferor in scopulos igitur, submersaque toto
Obruor oceano. neque habent mea vela recursus.
Quid quod et ominibus certis prohibebar amori
Indulgere meo, tum cum mihi ferre iubenti
Excidit et fecit spes nostras cera caducas?
Nonne vel illa dies fuerat, vel tota voluntas,
Sed potius mutanda dies? Deus ipse monebat,
Signaque certa dabat, si non male sana fuissem.
Et tamen ipsa loqui, nec me committere cerae
Debueram, praesensque meos aperire furores.
Vidisset lacrimas, vultum vidisset amantis.
Plura loqui poteram, quam quae cepere tabellae.
Invito potui circumdare brachia collo,
Et, si reiicerer, potui moritura videri
Amplectique pedes, affusaque poscere vitam.
Omnia fecissem, quorum si singula duram
Flectere non poterant, potuissent omnia mentem.
Forsitan et missi sit quaedam culpa ministri.
Non adiit apte, non legit idonea, credo,
Tempora, nec petiit horamque animumque vacantem,
Haec nocuere mihi. Neque enim est de tigride natus:
Nec rigidos silices, solidumve in pectore ferrum,
Aut adamanta gerit, nec lac bibit ille leaenae.
Vincetur. Repetendus erit. nec taedia coepti
Ulla mei capiam, dum spiritus iste manebit.
Nam primum, si facta mihi revocare liceret,
Non coepisse fuit. coepta expugnare secundum est.
Quippe nec ille potest, ut iam mea vota relinquam,
Non tamen ausorum semper memor esse meorum.
Et, quia desierim, leviter voluisse videbor,
Aut etiam tentasse illum, insidiisque petisse:
Vel certe non hoc, qui plurimus urget et urit
Pectora nostra, deo, sed victa libidine credar.
Denique iam nequeo nil commisisse nefandum.
Et scripsi, et petii. temerata est nostra voluntas.

А теперь я вѣтрамъ не испытаннымъ холстъ развернула,
Вотъ и несусь на скалы, тону, и меня заливаетъ
Весь океанъ; и моимъ парусамъ ужь не будетъ возврата.
Что жь, что примѣтами вѣрными мнѣ запрещалось сдаваться
Передъ любовью моей, когда отнести посылала
Я письмо, что упавъ, уронило мою и надежду?
Не надлежало ль тогда этотъ день или самую волю,
Нѣтъ, лучше день измѣнить? Самъ богъ подавалъ упрежденье,
Вѣрный мнѣ знакъ онъ являлъ, когда бъ не была я безумна.
Мнѣ бы самой говорить и не должно бы воску ввѣряться,
А явясь на лице, свое исповѣдать безумство.
Слезы бы онъ увидалъ, лице увидалъ бы влюбленной;
Больше могла бъ я сказать того, что вмѣстили таблицы.
Не захоти онъ, могла бъ я руками обнять его шею
И, отвергнутой ставъ, могла бъ съ умирающимъ видомъ
Ноги обнять у него и, приникнувъ, испрашивать жизни.
Все бы сдѣлала я, что, еслибъ и не было въ силахъ
По одиночкѣ склонить его сердца, склонило бы вмѣстѣ.
Можетъ быть частію тутъ вина была и посланца,
Онъ не умѣлъ подойти, удобнаго времени, вѣрно,
Не подобралъ, не нашелъ ни часу, ни ясности духа.
Это мнѣ вредъ принесло. Вѣдь онъ не тигрицей рожденъ же;
Не кремни у него, не желѣзо крѣпкое въ сердцѣ.
И не твердый алмазъ, не сосалъ молока онъ у львицы.
Сдастся. Опять подступлюсь, не буду въ своемъ предпріятьи
Я тяготиться ничѣмъ, пока сохранится дыханье.
Ибо во первыхъ, когда бъ мнѣ отъ собственныхъ дѣлъ отпираться,
Должно бы не начинать; во вторыхъ, что ужь начато, кончить.
Вѣдь не можетъ же онъ, хотя бъ я оставила замыслъ,
Не вспоминать навсегда отважныхъ моихъ покушеній;
И, если я отступлюсь, покажу, что слегка я хотѣла,
Или только его искушала и ставила ковы:
Или подумаетъ онъ, что не богъ, который всѣхъ больше,
Жжетъ и стѣсняетъ намъ грудь, меня побѣдилъ, а лишь похоть.
Сдѣлать нельзя наконецъ, чтобы я срама совсѣмъ не творила.
Тутъ и письмо и мольба; дерзновенная воля сказалась.

Ut nihil adiiciam, non possum innoxia dici.
Quod superest, multum est in vota, in crimina parvum.
630 Dixit. et incertae tanta est discordia mentis,
Cum pigeat tentasse, libet tentare. modumque
Exit, et infelix committit saepe repelli.
Mox ubi finis abest, patriam fugit ille nefasque,
Inque peregrina ponit nova moenia terra.
635 Tum vero maestam tota Miletida mente
Defecisse ferunt. tum vero a pectore vestem
Diripuit, planxitque suos furibunda lacertos.
Iamque palam est demens, inconcessamque fatetur
Spem Veneris, sine qua patriam invisosque penates
640 Deserit, et profugi sequitur vestigia fratris.
Utque tuo motae, proles Semeleia, thyrso
Ismariae celebrant repetita triennia bacchae,
Byblida non aliter latos ululasse per agros
Bubasides videre nurus. quibus illa relictis
645 Caras et armiferos Lelegas Lyciamque pererrat.
Iam Cragon et Limyren Xanthique reliquerat undas,
Quoque Chimaera iugo mediis in partibus ignem,
Pectus et ora leae, caudam serpentis habebat.
Deficiunt silvae, cum tu lassata sequendo
650 Concidis, et dura positis tellure capillis
Bybli, iaces, frondesque tuo premis ore caducas.
Saepe etiam nymphae teneris Lelegeides ulnis
Tollere conantur. saepe, ut moderetur amori,
Praecipiunt, surdaeque adhibent solatia menti.
655 Muta iacet, viridesque suis tenet unguibus herbas
Byblis, et humectat lacrimarum gramina rivo.
Naidas his venam, quae nunquam arescere posset,
Supposuisse ferunt. quit enim dare maius habebant?
Protinus, ut secto piceae de cortice guttae,

---

642 *Измаръ* — гора и городъ во Ѳракіи, *Измарійскія* — Ѳракійскія. 644 *Бубасъ*—городъ и область въ Каріи; но Овидій какъ будто раздѣляетъ ихъ, упоминая отдѣльно Карію и Каровъ. Изъ желанія назвать множество извѣстныхъ именъ и въ особенности Химеру, Овидій и здѣсь впадаетъ въ географическую запутанность пути, проходимаго Библидой. Воинственные Лелеги были не только въ Греціи, гдѣ

Хоть не прибавлю чего, не могу я невинной назваться.
Много въ оставшемся мнѣ для надеждъ, для провинности мало“.
Молвила; и до того разладъ овладѣлъ ея сердцемъ,
Что на попытку сердясь, попытать она рада; и мѣру
Переступая, бѣдняжка идетъ къ многократнымъ отказамъ.
Тотъ, не предвидя конца, бѣжитъ отъ грѣха и отчизны,
И на чуждой землѣ воздвигаетъ новыя стѣны.
Тутъ говорятъ, что совсѣмъ умомъ помрачилась отъ грусти
Милетида, и впрямь съ груди сорвала она платье,
И въ изступленьи своемъ себѣ всѣ руки избила;
Уже безумная въявь, она, признаваясь въ надеждѣ
Воспрещенной любви, безъ нея отъ противныхъ пенатовъ
И отъ отчизны бѣжитъ, слѣдя за скрывшимся братомъ.
Какъ затронуты тирсомъ твоимъ, потомокъ Семелы,
Измарійскія празднуютъ день трехгодичный вакханки,
По широкимъ полямъ завывавшую также Библиду
Бубазійскія видѣли жены, отъ коихъ ушедши,
Бродитъ средь Каровъ она, Лелеговъ въ бронѣ и въ Ликіи.
Уже покинула Крагъ и волны Лимира и Ксанѳа,
И хребетъ, гдѣ въ себѣ Химера пламя таила,
Съ грудью и пастію льва змѣиный хвостъ сохраняя.
Кончились даже лѣса; когда по слѣдамъ истомяся,
Ты склонилася ницъ н на жестокую землю Библида
Волосами легла, лицемъ на опавшіе листья.
Нѣжными часто ее Лелегійскія нимфы руками
Силились приподымать; и часто онѣ ей внушали
Силу любви укротить, утѣшая глухую въ ней душу.
Безглагольна лежитъ, и зеленыя травы ногтями
Держитъ Библида, кропя былинки ихъ слезнымъ потокомъ.
Этимъ, какъ говорятъ, наяды придали жилу,
Чтобъ не изсякла уже; что жь большее дать то имъ было?
Тотчасъ, какъ изъ коры на ели надрѣзанной капли,

мы съ ними уже во многихъ мѣстахъ (см. 7, 443 и 8, 6) встрѣчались, но и въ различныхъ мѣстахъ Малой Азіи. 646 *Крагъ*—гора; *Лимиръ* — рѣка и городъ въ Ликіи; *Ксанѳъ*—рѣка въ той же странѣ, не должно смѣшивать ее съ соименной рѣкой въ Троадѣ. 647 *Химера* (см. 6, 339). 655 *Ногтями... Держитъ*, въ судорожномъ припадкѣ сумашествія.

660 Utve tenax gravida manat tellure bitumen:
Utve sub adventu spirantis lene favoni
Sole remollescit quae frigore constitit unda:
Sic lacrimis consumta suis Phoebeia Byblis
Vertitur in fontem, qui nunc quoque vallibus illis
665 Nomen habet dominae, nigraqua sub ilice manat.

IPHIS.

Fama novi centum Cretaeas forsitan urbes
Implesset monstri, si non miracula nuper
Iphide mutata Crete propiora tulisset.
Proxima Gnosiaco nam quondam Phaestia regno
670 Progenuit tellus ignotum nomine Ligdum,
Ingenua de plebe virum. Nec census in illo
Nobilitate sua maior, sed vita fidesque
Inculpata fuit. Gravidae qui coniugis aures
Vocibus his monuit, cum iam prope partus adesset:
675 Quae voveam, duo sunt. minimo ut relevere labore,
Utque marem parias. Onerosior altera sors est,
Et vires fortuna negat. Quod abominor, ergo
Edita forte tuo fuerit si femina partu...
Invitus mando. pietas, ignosce!... necetur.
680 Dixerat. et lacrimis vultum lavere profusis
Tam qui mandabat, quam cui mandata dabantur.
Sed tamen usque suum vanis Telethusa maritum
Sollicitat precibus, ne spem sibi ponat in arto.
Certa sua est Ligdo sententia. Iamque ferendo
685 Vix erat illa gravem maturo pondere ventrem,
Cum medio noctis spatio sub imagine somni

---

661 *Фавоній* или зефиръ — западный вѣтеръ. 665 По одному древнему свидѣтельству ручей этотъ носилъ названіе слезъ Библиды, и это могло вызвать весь разсказъ. 669 *Фестовомъ царствѣ.* Городъ Фестъ съ окружающимъ его владѣніемъ того же имени сосѣдній съ Гносской областью на островѣ Критѣ. 676 *Другой то*

660 Или какъ липкая нефть изъ тучной земли вытекаетъ,
Или съ приходомъ Фавонія, нѣжно дышащаго вѣтра,
Таетъ на солнцѣ вода, которая стала отъ стужи,
Такъ Фебея Библида, своими слезами растаявъ,
Превратилась въ ручей, который по нынѣ въ долинѣ
665 Имя хранитъ госпожи и бьетъ изъ подъ темнаго дуба.

ИФИДА.

Можетъ быть сто городовъ бы Критскихъ про новое чудо
Слава наполнить могла, когда бы ближайшее диво
О превращеньи Ифиды не разнеслось лишь недавно.
Ибо когда то, въ ближайшемъ ко Гносскому, Фестовомъ царствѣ
670 Породила земля не громкаго именемъ Лигда,
Изъ свободныхъ гражданъ. Богатствомъ онъ благородства
Не провышалъ своего, но были и жизнь и поступки
Безупречны его. Супругѣ беременной въ уши
Эти предрекъ онъ слова, когда прпближались ужь роды:
675 „На двое я бы желалъ; чтобъ съ меньшимъ трудомъ ты родила,
И мущину притомъ. Другой то жребій тяжеле,
И судьбина намъ средствъ не даетъ. Да помилуютъ боги,
Ежели въ родахъ твоихъ случайно дѣвочка будетъ...
Противъ себя я велю; прочь чувство!... пусть будетъ убита“.
680 Такъ онъ сказалъ; и лице омыли обильно слезами
Кто приказанье давалъ и кто получилъ приказанье.
Все жь Телетуза затѣмъ супруга напрасною просьбой
Умоляетъ, чтобъ онъ надеждъ не стѣснялъ ей такъ тяжко.
Лигдъ въ задуманномъ твердъ. Ужь еле была она въ силахъ
685 Свой животъ выносить, созрѣвшею тяжестью грузный,
Какъ средь ночи у ней во образѣ сна передъ ложемъ

жребій — посылаемый судьбою: быть женщиной тяжеле. 683 Не стѣснялъ ей надеждъ на сохраненіе жизни дѣвочки, если таковая родится.

Inachis ante torum, pompa comitata suorum,
Aut stetit, aut visa est. Inerant lunaria fronti
Cornua cum spicis nitido flaventibus auro,
Et regale decus. cum qua latrator Anubis,
Sanctaque Bubastis, variusque coloribus Apis,
Quique premit vocem digitoque silentia suadet:
Sistraque erant, nunquamque satis quaesitus Osiris,
Plenaque somniferis serpens peregrina venenis.
Tum velut excussam somno et manifesta videntem
Sic affata dea est: Pars o Telethusa mearum,
Pone graves curas, mandataque falle mariti.
Nec dubites, cum te partu Lucina levarit,
Tollere quicquid erit. Dea sum auxiliaris, opemque
Exorata fero. Nec te coluisse quereris
Ingratum numen. Monuit, thalamoque recessit.
  Laeta toro surgit, purasque ad sidera supplex
Cressa manus tollens, rata sint sua visa, precatur.
  Ut dolor increvit, seque ipsum pondus in auras
Expulit, et nata est ignaro femina patre,
Iussit ali puerum mater mentita. fidemque
Res habuit. neque erat ficti nisi conscia nutrix.
Vota pater solvit. nomenque imponit avitum:
Iphis avus fuerat. Gavisa est nomine mater,
Quod commune foret, ne quenquam falleret illo.
Impercepta pia mendacia fraude latebant.

---

687 *Дочь Инаха*—Изида, въ которую по мнѣнію древнихъ была превращена дочь Инаха—Іо (см. 1, 750). Поклоненіе этой Египетской богинѣ во времена Овидія уже проникло въ Римъ, и въ ней соединились качества богини луны—Діаны и богини плодородія—Цереры (*желтѣвшіе ярко колосья*). *Подъ окружающимъ людомъ* надо подразумѣвать къ культу ея принадлежащія второстепенныя божества и служителей. Къ этому культу принадлежалъ во первыхъ упомянутый послѣднимъ, супругъ ея *Озирисъ*, вѣроятно обоготворенный впослѣдствіи Египетскій царь. Озирисъ былъ убитъ братомъ своимъ *Тифономъ* (см. 5, 321), который, разрубивъ его на части, по всюду раскидалъ послѣднія. Изида отыскивала его, и въ этомъ помогла ей бывшая собака Озириса—*Анубисъ. Анубисъ* сначала отыскалъ спрятаннаго царскаго сына Гора (солнце) и сталъ постояннымъ спутникомъ Озириса; по другимъ этимъ царскимъ сыномъ былъ самъ Анубисъ и по смерти изображался съ символомъ преданности—собачьей головою. Въ ознаменованіе этого событія Изида учредила ежегодный обрядъ, *постоянно искомаго* Озириса. 691 *Бубаста*—богиня, особенно чтимая въ городѣ Бубастѣ, состояла въ числѣ окружающихъ Изиду, соотвѣтствуя сестрѣ Феба—Римской Діанѣ, почему по-

Дочь Инаха со всѣмъ ее окружающимъ людомъ
Стала, иль такъ показалось. На лбу ея лунные роги
Были и золотомъ тожь желтѣвшіе ярко колосья,
690 Также и царскій уборъ; съ ней лай издающій Анубисъ
И Бубаста священная и въ отмѣтинахъ Аписъ,
Также, кто голосъ таитъ и пальцемъ молчанье внушаетъ,
Систры притомъ и затѣмъ Озирисъ постоянно искомый,
И змѣя чужеземная, полная ядомъ снотворнымъ.
695 Къ ней, какъ бы ото сна пробужденной и видящей ясно,
Такъ богиня рекла: „О, близкая мнѣ, Телетуза,
Тяжкія думы оставь и мужнинъ приказъ обойди ты.
Не сомнѣвайся, какъ примешь въ родахъ ты помощь Люцины,
Что тамъ ни будетъ принять. Сама я, богиня спасенья,
700 Помощь молящимъ несу. Не будешь пенять, что молилась
Неблагодарнымъ богамъ“. Сказала и вышла изъ спальни.
Та поднялась весела и чистыя руки смиренно
Къ яснымъ воздѣла звѣздамъ, молясь, чтобъ сбылося видѣнье.
Какъ увеличилась боль и ноша сама попросилась
705 Къ свѣту, и дочь родилась у отца, не смекнувшаго дѣла,
Мать приказала кормить ее, лживо за мальчика выдавъ.
Дѣлу повѣрили; лишь кормилицѣ свѣдомъ обманъ былъ.
Сдалъ обѣщанье отецъ; и мальчику имя далъ дѣда;
Дѣдъ у него былъ Ифидъ. И мать тому имени рада,
710 Общее было оно, никому въ немъ не будетъ соблазна.
Незамѣтная ложь милосердымъ скрывалась обманомъ.

слѣдняя (см. 5, 330), превращается въ кошку, священное животное Бубасты. *Аписъ*— Египетскій богъ, высоко почитаемый въ городѣ Мемфисѣ во образѣ охраняемаго въ храмѣ чернаго съ извѣстными бѣлыми отмѣтинами быка, носившаго названіе самого божества, какъ эмблема плодородія. 692 *Также, кто голосъ таитъ.* Уже по смерти своей Озирисъ произвелъ на свѣтъ съ Изидою Гарпократа, который въ образѣ мальчика съ перстомъ на устахъ въ качествѣ бога молчанія, находился въ провожатыхъ Изиды. 693 *Систры.* Систръ — изогнутая мѣдная пластинка съ привѣшанными къ ней металлическими прутьями, которые при сотрясеніи инструмента извлекали звонъ. При богослуженіи Изиды систры употреблялись для того, чтобы отогнать Тифона. 694 *Змѣя чужеземная.* Египетская змѣя — Аспидъ пользовалась почетомъ при поклоненіи Изидѣ за силу своего яда, повергавшаго въ смертный сонъ какъ, напр., Клеопатру; на островѣ же Критѣ вовсе не было змѣй. 698 *Люцины* (см. выше 283). 702 Чистыя руки (см. 1, 371). 710 Латинское *Iphis* дѣйствительно общее имя, какъ мужское, такъ и женское, но, къ сожалѣнію, русская форма не дозволила намъ удержать этой милой игры двусмысліемъ.

Cultus erat pueri. facies, quam sive puellae,
Sive dares puero, fieret formosus uterque.
Tertius interea decimo successerat annus:
715 Cum pater, Iphi, tibi flavam despondet Ianthen,
Inter Phaestiadas quae laudatissima formae
Dote fuit virgo, Dictaeo nata Teleste.
Par aetas, par forma fuit, primasque magistris
Accepere artes, elementa aetatis, ab isdem.
720 Hinc amor ambarum tetigit rude pectus, et aequum
Vulnus utrique dedit. sed erat fiducia dispar.
Coniugium pactaeque exspectat tempora taedae,
Quamque virum putat esse, suum fore credit Ianthe.
Iphis amat, qua posse frui desperat, et auget
725 Hoc ipsum flammas. ardetque in virgine virgo.
Vixque tenens lacrimas: Quis me manet exitus, inquit,
Cognita quam nulli, quam prodigiosa, novaeque
Cura tenet Veneris? Si di mihi parcere vellent,
Perdere debuerant; si non et perdere vellent,
730 Naturale malum saltem et de more dedissent.
Nec vaccam vaccae, nec equas amor urit equarum.
Urit oves aries. sequitur sua femina cervum.
Sic et aves coeunt. interque animalia cuncta
Femina femineo correpta cupidine nulla est.
735 Vellem nulla forem. Ne non tamen omnia Crete
Monstra ferat, taurum dilexit filia Solis.
Femina nempe marem. Meus est furiosior illo,
Si verum profitemur, amor. Tamen illa secuta est
Spem Veneris. tamen illa dolis et imagine vaccae
740 Passa bovem est. et erat, qui deciperetur adulter.
Huc licet ex toto sollertia confluat orbe,
Ipse licet revolet ceratis Daedalus alis,
Quid faciet? num me puerum de virgine doctis
Artibus efficiet? num te mutabit, Ianthe?
745 Quin animum firmas, teque ipsa recolligis, Iphi,

---

714 Неудобныя для стиховъ числительныя латинскія имена заставляютъ нерѣдко Римскихъ поэтовъ прибѣгать къ уловкамъ какъ, напр., здѣсь для выраженія 13 года. 716 *Диктейца* (см. 3, 2). 717 *Фестіада* — жительница Критскаго города Феста.

Мальчикъ по платью она; лицо хоть дѣвочки дай ты,
Хоть и мальчику дай, прекрасно бы было обоимъ.
Третій годъ между тѣмъ уже перешелъ за десятый,
Какъ Ифиду отецъ бѣлокурую выбралъ Іанту,
Что изо всѣхъ Фестіадъ была одареннѣйшей дѣвой
Дивной своей красотою, дочь Диктейца Телеста.
Лѣтъ однихъ и красою равны, онѣ обучались
У того же наставника первымъ наукамъ для жизни.
Тронула тутъ же любовь у обѣихъ юныя груди,
Ранены обѣ равно; но были неравны надежды.
Брака и факела ждетъ ко времени срока Іанта
И почитаетъ своимъ ту, что считаетъ мужчиной.
Ту, которой владѣть нѣтъ надеждъ, полюбила Ифида,
Это лишь множитъ огонь; и дѣвушка къ дѣвѣ пылаетъ.
Слезы едва затая, она восклицаетъ: „Какой же
Будетъ исходъ для меня, когда небывалымъ, ужаснымъ
Горемъ любви я больна? Хотѣли бъ щадить меня боги,
Имъ бы меня погубить, а еслибъ губить не хотѣли,
То ужъ послали бы зло мнѣ должнымъ природнымъ порядкомъ.
Нѣтъ въ коровѣ любви къ коровѣ, въ кобылахъ къ кобыламъ.
Къ овцамъ пылаетъ баранъ; и лань идетъ за оленемъ.
Тотъ и у птицъ обиходъ; межъ всѣми животными самка
Ни одна не бываетъ охвачена страстію къ самкѣ.
Лучше бъ мнѣ вовсе не быть. Но чтобы на Критѣ водились
Всякія чуда, быка для себя дочь Солнца избрала.
Женщина все же самца. Моя вѣдь любовь безразсуднѣй,
Ежели правду сказать. Вѣдь все же та увлекалась
Хоть надеждой любви, хоть уловкой и въ видѣ коровы
Страсть испытала быка, и обманутый былъ ей любовникъ.
Тутъ, хотя бы стеклось остроуміе съ цѣлаго свѣта,
Самъ бы пускай прилетѣлъ Дедалъ на крыльяхъ изъ воска,
Чтобы онъ сдѣлалъ? Ужель бы онъ мудрымъ искусствомъ изъ дѣвы
Мальчикомъ сдѣлалъ меня? Тебя бъ превратилъ ли Іанта?
Что жь не окрѣпнешь душой, съ собою не сладишь Ифида?

---

729 У Меркеля и Гаупта этотъ стихъ выкинутъ, но мы тѣмъ болѣе считаемъ себя вправѣ возстановить его по Гейнзіусу, что стихъ этотъ находится во всѣхъ кодексахъ и даже у Марціануса in margine. 736 *Дочь Солнца* (см. 8, 132). 742 (см. 8, 183).

Consiliique inopes et stultos excutis ignes?
Quid sis nata, vide, nisi te quoque decipis ipsam,
Et pete quod fas est, et ama, quod femina debes.
Spes est, quae capiat, spes est, quae pascat amorem.
Hanc tibi res adimit. Non te custodia caro
Arcet ab amplexu, nec cauti cura mariti,
Non patris asperitas, non se negat ipsa roganti.
Nec tamen est potiunda tibi. nec, ut omnia fiant,
Esse potes felix, ut dique hominesque laborent.
Nunc quoque votorum nulla est pars vana meorum,
Dique mihi faciles, quicquid valuere, dederunt:
Quodque ego, vult genitor, vult ipsa, socerque futurus.
At non vult natura, potentior omnibus istis,
Quae mihi sola nocet. Venit ecce optabile tempus,
Luxque iugalis adest, et iam mea fiet Ianthe:
Nec mihi continget. Mediis sitiemus in undis.
Pronuba quid Iuno, quid ad haec, Hymenaee, venitis
Sacra, quibus qui ducat abest, ubi nubimus ambae?
    Pressit ab his vocem. Nec lenius altera virgo
Aestuat, utque celer venias, Hymenaee, precatur.
Quod petit haec, Telethusa timens modo tempora differt,
Nunc ficto languore moram trahit, omina saepe
Visaque causatur. Sed iam consumserat omnem
Materiam ficti, dilataque tempora taedae
Institerant, unusque dies restabat. At illa
Crinalem capiti vittam nataeque sibique
Detrahit, et passis aram complexa capillis:
Isi, Paraetonium Mareoticaque arva Pharonque
Quae colis, et septem digestum in cornua Nilum:
Fer, precor, inquit, opem, nostroque medere timori.
Te, dea, te quondam tuaque haec insignia vidi,
Cunctaque cognovi, sonitum comitantiaque aera
Sistrorum, memorique animo tua iussa notavi.

---

755 Ифида приступаетъ къ перечисленію всѣхъ своихъ пожеланій и не находитъ въ нихъ ни одной части напрасной, т. е. несогласной съ рѣшеніями боговъ. 771 *Повязку снявши* (См. 4, 261). 772 *Алтарь обнимая*: пришедши съ дочерью во храмъ. 773 *Паретоній и Марея* — города въ области Мармарикѣ на границахъ

И безразсудствъ изъ себя и глупыхъ огней не изгонишь?
Чѣмъ рождена ты, взгляни, ужь если не лжешь предъ собою,
Требуй законнаго ты и люби, что женщинѣ должно.
Только надежда влечетъ любовь и надежда питаетъ.
Отнята свойствомъ она у тебя. Отъ сладкихъ объятій
Гонитъ тебя не надзоръ, не бережь хитраго мужа,
Не суровость отца, не та отвергаетъ моленья,
Все жь недоступна она для тебя; пусть все бы сбылося,
Счастья тебѣ не узнать, хоть люди и боги бъ трудились.
Нынѣ напрасной еще нѣтъ доли въ моихъ пожеланьяхъ,
Боги по благости мнѣ, что только могли, даровали:
Хочетъ какъ я и отецъ и она и будущій зять мой.
Только природа одна, что всѣхъ ихъ сильнѣе, не хочетъ,
Только она мнѣ вредитъ. Вотъ время желанное близко,
Свадебный день предо мной и будетъ моею Іанта,
Но недоступная мнѣ. Средь волнъ мы возчувствуемъ жажду.
Брачная Гера зачѣмъ, Гименей, зачѣмъ вы идете
Къ празднику, гдѣ жениха не найдешь, а двѣ лишь невѣсты?“
Тутъ прервалà она рѣчь. Не меньшимъ и дѣва другая
Пламенемъ пышетъ, моля, чтобъ шелъ, Гименей, ты, скорѣе.
Что той желанно, того страшась Телетуза, то время
Тянетъ, то мнимой больной замедляетъ; примѣты, видѣнья
Часто предлогомъ у ней. Но вотъ ужь она истощила
Весь притворства запасъ, ужь время отсроченной свадьбы
Наступало, одинъ лишь день оставался. Она же
Тутъ повязку съ волосъ у себя и у дочери снявши,
И распустя волоса, возопила, алтарь обнимая:
„Ты, что царишь въ Парэтоніи, близь Мареи, въ Фаросѣ
И на Нилѣ, на семь рукавовъ раздѣленномъ, Изида,
Помощь пошли, я молю, и насъ избавь ты отъ страха.
Видѣла нѣкогда я тебя, о богиня, въ убранствѣ
Этомъ, признала я все и мѣдь провожатыхъ и звуки
Систровъ, и въ памяти всѣ повелѣнья твои начертала.

Египта или въ самомъ Египтѣ. *Фаросъ* или *Фаръ* островъ въ устьяхъ Нила, городъ и маякъ, построенный Птоломеемъ Филадельфомъ. 774 *Семь рукавовъ* (см. 1, 422), подразумѣвается въ Египтѣ.

Quod videt haec lucem, quod non ego punior, ecce
Consilium munusque tuum est. Miserere duarum,
Auxilioque iuva. Lacrimae sunt verba secutae.
Visa dea est movisse suas, et moverat, aras:
Et templi tremuere fores, imitataque lunam
Cornua fulserunt, crepuitque sonabile sistrum.
Non secura quidem, fausto tamen omine laeta
Mater abit templo. Sequitur comes Iphis euntem,
Quam solita est, maiore gradu. nec candor in ore
Permanet, et vires augentur, et acrior ipse est
Vultus, et incomtis brevior mensura capillis:
Plusque vigoris adest, habuit quam femina. Nam quae
Femina nuper eras, puer es. Date munera templis,
Nec timida gaudete fide! Dant munera templis:
Addunt et titulum. titulus breve carmen habebat:
Dona puer solvit, quae femina voverat Iphis.
  Postera lux radiis latum patefecerat orbem,
Cum Venus, et Iuno, sociosque Hymenaeus ad ignes
Conveniunt, potiturque sua puer Iphis Ianthe.

---

779 *Вотъ она видитъ свѣтъ*: что дочь не убита по приказанію отца, а мать не

Что вотъ она видитъ свѣтъ, что я не терплю наказанья,
Это совѣтъ твой и даръ. Теперь надъ обѣими сжалься,
Помощь свою намъ даруй“. За рѣчью явились и слезы.
Свой богиня алтарь словно тронула, тронула точно:
И задрожали врата у храма, и съ лунными сходно
Засверкали рога, и систръ зазвенѣлъ многозвучный.
Не безъ тревоги еще, но радуясь доброй примѣтѣ,
Мать изъ храма идетъ. Во слѣдъ за идущей Ифида,
Противъ обычнаго шагъ ея больше. Въ лицѣ не осталось
Той бѣлизны, и прибавилось силъ, и взоръ сталъ острѣе,
И распущенныхъ волосъ уже размѣръ покороче.
Болѣе жизни теперь, чѣмъ было у женщины. Ибо
Бывшая женщина, ты уже мальчикъ. Вы жертвуйте въ храмы
И возрадуйтесь съ вѣрой неробкою! Жертвуютъ въ храмы;
Надпись дарамъ придаютъ; и краткая надпись гласила:
„Мальчикъ принесъ тѣ дары, что обѣщаны дѣвой Ифидой“.
Новый день широко открывалъ всю землю лучами,
Какъ Венера съ Юноной и самъ Гименей собралися
Къ общимъ огнямъ, и свою взялъ мальчикъ Ифидъ тутъ Іанту.

наказана за непослушаніе. 788 Лунообразные рога статуи Изиды. 797 *Къ общимъ огнямъ*— свадебныхъ факеловъ.

LIBER DECIMUS.

INDEX.

1. Orpheus et Eurydice.
2. Arbores motae.
3. Cyparissus.
4. Ganymedes.
5. Hyacinthus.
6. Cerastae et Propoetides.
7. Pygmalion.
8. Myrrha.
9. Adonis.
10. Atalanta.

ORPHEUS ET EURYDICE.

Inde per immensum croceo velatus amictu
Aethera digreditur, Ciconumque Hymenaeus ad oras
Tendit, et Orphea nequiquam voce vocatur.
Affuit ille quidem. sed nec sollemnia verba,
5 Nec laetos vultus, nec felix attulit omen.
Fax quoque, quam tenuit, lacrimoso stridula fumo
Usque fuit, nullosque invenit motibus ignes.
Exitus auspicio gravior. nam nupta per herbas

---

1 *Шафраннаго цвѣта.* Шафранъ служилъ у древнихъ обозначеніемъ вообще свѣтлаго цвѣта, такъ же какъ все темное обозначалось словомъ *пурпурный*; поэтому шафранный или желтый цвѣтъ былъ цвѣтомъ радости и счастія, подобно нашему розовому. Гименей изображенъ нашимъ поэтомъ въ желтой одеждѣ, тогда какъ обычно онъ изображался,—какъ у Катулла (61 ст. 9), только въ желтой обуви въ видѣ крылатаго мальчика или юноши въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ и майорана съ факеломъ въ правой рукѣ и съ покрываломъ въ лѣвой; такъ какъ на невѣсту при бракосочетаніи накидывался желтый покровъ. 2 *Циконовъ* (см. 6, 710). 3 *Орфей*—знаме-

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Орфей и Эвридика . . . . Ст. 1— 85
2. Движенье деревьевъ . . . . „ 86—105
3. Кипарисъ . . . . „ 106—142
4. Ганимедъ . . . . „ 143—161
5. Гіацинтъ . . . . „ 162—219
6. Керасты и Пропетиды . . . . . „ 220—242
7. Пигмаліонъ . . . . „ 243—297
8. Мѵрра . . . . „ 298—502
9. Адонисъ . . . . „ 503—559
10. Аталанта . . . . „ 560—739

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА.

По эѳиру безбрежному въ одѣяньи шафранномъ
Сходитъ съ высотъ Гименей и къ берегу мчится Циконовъ,
И напрасно его Орфей своимъ голосомъ кличетъ.
Правда, онъ все жъ приходилъ; но онъ ни словъ освященья,
Ни веселья въ лицѣ не принесъ, ни примѣты счастливой.
Факелъ, который въ рукѣ держалъ онъ, дымомъ слезливымъ
Все шипѣлъ и огня изъ себя не давалъ при размахахъ.
Хуже предвѣстья исходъ; когда новобрачная съ сонмомъ

нитый пѣвецъ Греческой древности, сынъ Музы Калліопы и Аполлона (см. ниже ст. 167) или Ѳракійскаго царя или рѣчнаго бога Эагра, почему родина его Ѳракія, увлекалъ своими пѣснями не только боговъ и людей, но деревья и камни и укрощалъ бури. Этимъ дивнымъ искусствомъ онъ, участвуя въ походѣ Аргонавтовъ, оказывалъ имъ спасительную помощь въ опасностяхъ (см. 7, 63). Равнымъ образомъ онъ прославился своею вѣрною и несчастною любовью, равно какъ и жалкою смертью, изображенною нашимъ поэтомъ въ этой и въ началѣ слѣдующей книги. 6 Какъ дурное предзнаменованіе *факелъ* Гименея слезливо шипѣлъ на подобіе сыраго дерева.

Dum nova naiadum turba comitata vagatur,
10 Occidit, in talum serpentis dente recepto.
Quam satis ad superas postquam Rhodopeius auras
Deflevit vates, ne non tentaret et umbras,
Ad Styga Taenaria est ausus descendere porta:
Perque leves populos simulacraque functa sepulchro
15 Persephonen adiit, inamoenaque regna tenentem
Umbrarum dominum. pulsisque ad carmina nervis
Sic ait: O positi sub terra numina mundi,
In quem reccidimus, quicquid mortale creamur:
Si licet et falsi positis ambagibus oris
20 Vera loqui sinitis, non huc, ut opaca viderem
Tartara, descendi. nec uti villosa colubris
Terna Medusaei vincirem guttura monstri.
Causa viae est coniux, in quam calcata venenum
Vipera diffudit, crescentesque abstulit annos.
25 Posse pati volui, nec me tentasse negabo.
Vicit Amor. Supera deus hic bene notus in ora est:
An sit et hic, dubito. sed et hic tamen auguror esse.
Famaque si veteris non est mentita rapinae,
Vos quoque iunxit amor. Per ego haec loca plena timoris,
30 Per Chaos hoc ingens vastique silentia regni,
Eurydices, oro, properata retexite fata.
Omnia debentur vobis, paulumque morati
Serius aut citius sedem properamus ad unam.
Tendimus huc omnes, haec est domus ultima. vosque
35 Humani generis longissima regna tenetis.
Haec quoque, cum iustos matura peregerit annos,
Iuris erit vestri. Pro munere poscimus usum.
Quod si fata negant veniam pro coniuge, certum est
Nolle redire mihi, leto gaudete duorum.

---

9 Эвридика сама была наяда, а по другимъ дріада. 12 *Родопейскій* (см. 6, 87). 13 *Чрезъ врата Тенара.* На мысѣ *Тенарѣ* на южномъ берегу Пелопонеса въ аконикѣ была глубокая пещера, которая считалась входомъ въ подземное царство (см. 14, 103), по которому спускался и Геркулесъ, чтобы увести Цербера (см. 7, 408). 14 *И черезъ легкій народъ.* По мнѣнію древнихъ души непогребенныхъ не были допускаемы въ мирную обитель подземнаго царства, почему погребенію усопшихъ при-

Близкихъ наядъ по травѣ бродила, то мертвой упала,
10 Получа укушеніе зуба змѣинаго въ пятку.
Какъ проплакалъ о ней достаточно къ высшему небу
Родопейскій пѣвецъ, чтобъ у тѣней попытаться,
Низойти чрезъ врата Тенара, рѣшился до Стикса:
И чрезъ воздушный народъ и видѣнья почившихъ въ могилѣ,
15 Онъ къ Персефонѣ пришелъ и къ владыкѣ грустнаго царства,
Въ область тѣней; и, ударивъ подъ пѣснопѣніе въ струны,
Молвилъ: „О, божества подземнаго царства, куда мы
Всѣ низвергаемся вновь, насколько насъ смертныхъ родится.
Если возможно и, все отложивши двусмысліе рѣчи,
20 Правду дозволите мнѣ говорить, то не сумракъ увидѣть
Тартара я низошелъ, не съ тѣмъ, чтобы въ космахъ змѣиныхъ
Чуда Медузина мнѣ оковать троякое горло.
Въ путь за супругой иду; въ нее наступившую ядъ свой
Испустила змѣя и цвѣтущіе годы пресѣкла.
25 Это стерпѣть я хотѣлъ, и не стану скрывать, я пытался.
Но Амуръ побѣдилъ. Этотъ богъ на землѣ всѣмъ извѣстенъ;
Я не знаю, какъ тутъ; полагаю однако, что также.
Ежели не солгала Молва о древнемъ хищеньи,
Васъ же связала любовь. Васъ именемъ мѣстъ сихъ ужасныхъ,
30 Хаосомъ этимъ окрестъ и ширью безмолвнаго царства
Я молю обновить Эвридики безвременный жребій.
Всѣ побываемъ у васъ и, только помедля немного,
Ранѣе или позднѣй къ одному мы направимся мѣсту.
Всѣ мы стремимся сюда, здѣсь домъ послѣдній, и самымъ
35 Долгимъ царствомъ изъ всѣхъ вы правите рода людскаго
Также она, какъ, созрѣвъ, проведетъ законные годы,
Къ вамъ поступитъ во власть. Прошу лишь на время, какъ милость.
Если жъ откажутъ судьбы возвратить мнѣ супругу, то твердо
Я не вернуться рѣшилъ, и двухъ возрадуйтесь смерти“.

давалось такое важное значеніе. 15 *Персефона*, похищенная Плутономъ—Прозерпина (см. 5, ст. 470). 22 *Чуда Медузина*. Треглавый Церберъ названъ чудомъ Медузы потому, что мать его Эхидна была, по мнѣнію нѣкоторыхъ, рождена Горгоной Медузою (см. 4, 774). 28 *О древнемъ хищеніи*, разсказано 5, 391 и слѣдующ. 13 *Безвременный жребій*—преждевременно прерванная нить жизни.

Talia dicentem nervosque ad verba moventem
Exsangues flebant animae. nec Tantalus undam
Captavit refugam, stupuitque Ixionis orbis,
Nec carpsere iecur volucres, urnisque vacarunt
Belides, inque tuo sedisti, Sisyphe, saxo.
Tunc primum lacrimis victarum carmine fama est
Eumenidum maduisse genas. Nec regia coniux
Sustinet oranti, nec qui regit ima, negare:
Eurydicenque vocant. Umbras erat illa recentes
Inter, et incessit passu de vulnere tardo.
Hanc simul et legem Rhodopeius accipit heros,
Ne flectat retro sua lumina, donec Avernas
Exierit valles. aut irrita dona futura.
   Carpitur acclivis per muta silentia trames,
Arduus, obscurus, caligine densus opaca.
Nec procul afuerunt telluris margine summae:
Hic, ne deficeret, metuens, avidusque videndi,
Flexit amans oculos. et protinus illa relapsa est:
Bracchiaque intendens prendique et prendere captans
Nil nisi cedentes infelix arripit auras.
Iamque iterum moriens non est de coniuge quicquam
Questa suo. quid enim nisi se quereretur amatam?
Supremumque vale, quod iam vix auribus ille
Acciperet, dixit. revolutaque rursus eodem est.
   Non aliter stupuit gemina nece coniugis Orpheus,
Quam tria qui timidus, medio portante catenas,
Colla canis vidit. quem non pavor ante reliquit,
Quam natura prior, saxo per corpus oborto:
Quique in se crimen traxit voluitque videri

---

41 *Волны не ловилъ.* Описывается впечатлѣніе, произведенное пѣніемъ Орфея на всѣхъ казнимыхъ въ Тартарѣ. 49 *Изъ за раны своей.* У древнихъ тѣни сохраняли кромѣ душевныхъ качествъ и тѣлесныя, такъ же какъ и случайныя раны. 51 Близь Авернскаго озера въ Кампаніи при Кумахъ и Баіяхъ, по мнѣнію Римлянъ былъ входъ въ преисподнюю; поэтому прилагательное *Авернскихъ* здѣсь, безъ всякаго соотношенія къ отдаленному входу у Тенара, о которомъ говорено выше ст. 13, просто значитъ *адскихъ.* 58. Въ Marcianus u Heinsianii: certans, которое Merkel не счелъ возможнымъ оставить и предпочелъ: certus. Соглашаясь вполнѣ съ Loers, что въ настоящемъ случаѣ „non erat certandi tempus“, мы тѣмъ не менѣе въ

40 Такъ говоря, онъ къ словамъ струнами бряцалъ и рыдали
Души безкровныя всѣ. Волны не ловилъ уже Танталъ
Отбѣгающей, и колесо Иксіона запнулось,
Коршуны печень терзать перестали, прервали работу
Урны Белидъ и присѣлъ ты, Сизифъ, на собственномъ камнѣ.
45 Тутъ, молва говоритъ, впервые у тронутыхъ пѣньемъ
Эвменидъ на щекахъ явилися слезы. Не въ силахъ
Ни супруга царя, ни самъ царь отвергнуть моленій:
И Эвридику зовутъ. Средь новыхъ тѣней обрѣтаясь,
Тихой стопою она, изъ за раны своей, подступила.
50 Принялъ ее, а при томъ и наказъ герой Родопейскій,
Чтобы онъ взоровъ назадъ не бросалъ, пока изъ Авернскихъ
Вовсе не выйдетъ долинъ; иль даръ его станетъ напраснымъ.
  Идутъ, тропинкой всходя, они по нѣмому молчанью,
Круто по ней и темно и мракомъ густымъ все сокрыто.
55 Недалеко уже имъ до края земли оставалось,
Тутъ, не отстала ль, боясь, а также алкая увидѣть,
Любящій взоръ обратилъ; и тотчасъ она ускользнула;
Руки простерши свои и обнять и обнятымъ быть силясь,
Бѣдный только одинъ уступающій воздухъ хватаетъ.
60 Вновь умирая она, никакихъ на супруга и жалобъ
Не издала; и на что ей роптать кромѣ нѣжности къ ней же?
Проговорила: прости послѣднее, что долетѣло
Еле до слуха его; и снова скатилась туда же.
  Также Орфей оглушенъ былъ смертью вторичной супруги,
65 Какъ испуганный тотъ, что видѣлъ три шеи собаки
Съ средней, носящею цѣпь. Тотъ только разстался со страхомъ
Вмѣстѣ съ природой своей: въ немъ тѣло содѣлалось камнемъ;
И какъ Оленъ, что, весь грѣхъ на себя принимая, казаться

„certus“ видимъ только гипотезу Merkel, имъ самимъ непоясненную, и потому оставляемъ captans, имѣющее основаніе въ лучшихъ, за исключеніемъ названныхъ, рукописяхъ. 65 *Испуганный тотъ.* Неизвѣстный, который приведенъ, съ одной стороны, какъ образецъ испуга, а съ другой, какъ новое превращеніе Самый случай могъ произойти при внезапномъ появленіи Геркулеса на свѣтъ со страшнымъ Церберомъ на цѣпи. 68 *И какъ Оленъ.* Тоже неизвѣстное превращеніе, но изъ словъ Овидія можно заключить, что красавица Летея сравнила себя съ какою-либо богиней, а супругъ ея Оленъ рѣшился принять вину на себя. Вслѣдствіе чего оба были превращены въ камни.

Olenos esse nocens, tuque o confisa figurae,
Infelix Lethaea, tuae, iunctissima quondam
Pectora, nunc lapides, quos humida sustinet Ide.
Orantem frustraque iterum transire volentem
Portitor arcuerat. Septem tamen ille diebus
Squalidus in ripa Cereris sine munere sedit.
Cura dolorque animi lacrimaeque alimenta fuere.
Esse deos Erebi crudeles questus, in altam
Se recipit Rhodopen pulsumque aquilonibus Haemum.
Tertius aequoreis inclusum Piscibus annum
Finierat Titan, omnemque refugerat Orpheus
Femineam Venerem, seu quod male cesserat illi,
Sive fidem dederat. Multas tamen ardor habebat
Iungere se vati. multae doluere repulsae.
Ille etiam Thracum populis fuit auctor, amorem
In teneros transferre mares, citraque iuventam
Aetatis breve ver et primos carpere flores.

ARBORES MOTAE.

Collis erat, collemque super planissima campi
Area, quam viridem faciebant graminis herbae.
Umbra loco deerat. Qua postquam parte resedit
Dis genitus vates et fila sonantia movit,
Umbra loco venit. Non Chaonis afuit arbor,
Non nemus Heliadum, non frondibus aesculus altis,
Nec tiliae molles, nec fagus et innuba laurus,
Nec coryli fragiles et fraxinus utilis hastis,
Enodisque abies curvataque glandibus ilex,
Et platanus genialis acerque coloribus impar,

---

71 На влажной покоитесь Идѣ (см. 2, 217). 72 Черезъ Стиксъ, девять разъ обтекающій подземное царство (см. 1, 139). 73 *Семь дней* (см. 9, 292). 74 *Безъ Церерина дара*, т. е. безъ хлѣба и пищи вообще. 76 *Эребъ* — собственно богъ мрака, обозначаетъ мрачный міръ тѣней. 77 *Родопа и Гемъ* (см. 6, 87). Гемъ названъ разимымъ сѣвернымъ вѣтромъ — Аквилономъ, такъ какъ онъ находился отъ Грековъ на сѣверѣ. 78 *Обозначенный Рыбами моря*, указываетъ на Рыбы последній знакъ Зодіака. Совершенно неидущій къ дѣлу эпитетъ *моря*. Прелестный образчикъ поэтической необузданности древнихъ: „рыбы—слѣдовательно: изъ моря“. 79

Самъ же виновнымъ хотѣлъ, и ты, Летея, бѣдняжка
Съ вѣрой въ свою красоту, когда то двѣ преданныхъ груди,
Нынѣ лишь камнями вы на влажной покоитесь Идѣ.
Какъ онъ напрасно молилъ и снова хотѣлъ переѣхать,
То перевозчикъ его отстранилъ. Семь дней онъ однако
Грустный на берегу просидѣлъ безъ Цереріна дара.
Горе, душевная скорбь и слезы пищею были.
На жестокость боговъ Эреба ропща, онъ вернулся
На вершины Родопы, на Гемъ, Аквилономъ разимый.
Третій годъ, при концѣ обозначенный Рыбами моря,
Уже Титанъ завершилъ и Орфей избѣгалъ еще всякой
Женской любви, потому ль, что въ ней не имѣлъ онъ удачи,
Или же вѣрность храня. Но многихъ томило желанье
Жребій съ поэтомъ связать; и многихъ отказъ опечалилъ.
Онъ же наставникомъ былъ у Ѳракійскихъ народовъ, мужскому
Полу любовь отдавать, и въ краткое вешнее время
Юность предупредя, срывать разцвѣтъ самый первый.

ДВИЖЕНЬЕ ДЕРЕВЬЕВЪ.

Холмъ стоялъ и на немъ была ровнѣйшая площадь
Поля, которая вся зеленѣла отъ стеблей травяныхъ.
Тѣни лишь не было тамъ. Но только рожденный богами
Здѣсь опустился пѣвецъ и въ звонкія струны ударилъ,
Тѣнь туда низошла. Явилось Хаонское древо,
Роща сестеръ Геліадъ и дубъ величавый вѣтвями,
Нѣжная липа и букъ и лавръ, избѣгнувшій брака,
Также и ломкій орѣхъ и ясень, пригодный на копья,
Гладкая елка и каменный дубъ, согбенъ желудями,
Праздничный также платанъ и кленъ съ разноцвѣтной листвою,

Титанъ (см. 1, 10). 90 *Хаонское древо*. Хаонія—земля въ сѣверо-западномъ Эпирѣ, богатомъ дубами. Подразумѣвается одна изъ породъ каменнаго дуба. 91 *Роща сестеръ Геліадъ* (см. 2, 340 и 366). 92 Любовь Феба къ Дафнѣ, превращенной въ лавровое дерево, описана 1, 452 и далѣе; къ сожалѣнію, женское *laurus* по русски лавръ мужскаго рода, нарушающій полноту образа. 95 *Платанъ*—восточный кленъ, по густотѣ своей зелени избирался для пировъ подъ открытымъ небомъ, почему и названъ *genialis* - радостный или праздничный. Кленъ осенью, представляетъ смѣшеніе всевозможныхъ яркихъ цвѣтовъ.

Amnicolaeque simul salices et aquatica lotos,
Perpetuoque virens buxum tenuesque myricae,
Et bicolor myrtus, et baccis caerula tinus.
Vos quoque, flexipedes hederae, venistis, et una
100 Pampineae vites et amictae vitibus ulmi:
Ornique et piceae pomoque onerata rubenti
Arbutus, et lentae, victoris praemia, palmae,
Et succincta comas hirsutaque vertice pinus,
Grata deum matri. siquidem Cybeleius Attis
105 Exuit hac hominem, truncoque induruit illo.

CYPARISSUS.

Affuit huic turbae metas imitata cupressus,
Nunc arbor, puer ante deo dilectus ab illo,
Qui citharam nervis et nervis temperat arcum.
Namque sacer nymphis Carthaea tenentibus arva
110 Ingens cervus erat, lateque patentibus altas
Ipse suo capiti praebebat cornibus umbras.
Cornua fulgebant auro, demissaque in armos
Pendebant tereti gemmata monilia collo.
Bulla super frontem parvis argentea loris
115 Vincta movebatur, parilesque ex aere nitebant
Auribus iu geminis circum cava tempora baccae.
Isque metu vacuus naturalique pavore
Deposito celebrare domos, mulcendaque colla
Quamlibet ignotis manibus praebere solebat.

---

97 Букъ (см. 4, 311). Хотя *myrica*, тамарискъ, переводится въ нашихъ словаряхъ названіемъ *гребенщикъ*, мы рѣшились поставить болѣе употребительное, хотя бы и иностранное названіе. 103 Подобно тому какъ при подобранномъ къ поясу платьѣ ноги обнажаются, и сосна, какъ бы подбирающая снизу свои волоса, становится косматой кверху въ ущербъ нижней части ствола. 104 *Матери вышнихъ—Цибелѣ. Цибела*—была дочь Фригійскаго царя, по приказанію коего оставленная въ лѣсу, она сперва выкормлена была пантерами, а затѣмъ воспитана пастушескими семействами. При красотѣ и мудрости она прославилась врачеваніемъ скота и людей и въ качествѣ благодѣтельницы страны ей въ Пессинунтѣ былъ выстроенъ храмъ, откуда поклоненіе ей распространилось сперва въ Азіи, затѣмъ въ Греціи и наконецъ въ Римѣ. Влюбившись въ прекраснаго царскаго сына Аттиса, она сдѣлала его своимъ жрецомъ, но за его измѣну она повергла его въ неистовство, подъ вліяніемъ котораго онъ окалѣчилъ себя, какъ о томъ разсказываетъ Катуллъ въ 63 пѣснѣ,

Ивы, что жмутся къ рѣкамъ, а также и лотосъ прибрежный,
Вѣкъ зеленѣющій букъ, да тамарискъ низкорослый,
Миртъ двухцвѣтный и тиссъ, синѣющій въ ягодахъ спѣлыхъ.
Плющъ крючконогій и ты явился туда, и съ тобою
Вся въ виноградѣ лоза и ильмъ, лозами покрытый,
Дикій ясень средь пихтъ и, въ ягодахъ зрѣлыхъ краснѣя,
Земляничникъ, и ты,—краса побѣдителя,—пальма,
И сосна съ волосами въ подборъ и съ косматой макушкой,
Матери вышнихъ мила; Цибелинъ же Аттисъ когда то
Сбылъ человѣка въ нее и сталъ въ стволѣ ея твердымъ.

КИПАРИСЪ.

Былъ средь этой толпы кипарисъ, пирамидѣ подобный,
Дерево нынѣ, но встарь былъ мальчикъ любимый тѣмъ богомъ
Онъ, что цитры струной и лука струною владѣетъ.
Ибо нимфамъ полей Картейскихъ былъ посвященный
Ростомъ огромный олень, и своими рогами широко
Развѣтвленными тѣнь надъ своей головой наводилъ онъ.
Златомъ сверкали рога и, на лопатки спускаясь,
Висло на шеѣ крутой изъ яркихъ каменьевъ монисто.
Шарикъ изъ серебра, привязанный ко лбу, качался
На короткихъ ремняхъ, и парныя мѣдныя зерна
Близь округлыхъ висковъ въ обѣихъ ушахъ красовались.
Онъ, оставивши страхъ и забывъ прирожденную дикость,
Самъ дома навѣщалъ, и привыкъ подставлять свою шею,
Гладить даваясь рукамъ, хотя бы совсѣмъ незнакомымъ.

и былъ превращенъ богинею въ сосну. Въ память событія учреждены ея неистовые жрецы Корибанты, и сосна стала ея священнымъ деревомъ. Въ качествѣ общей благодѣтельницы она была прозвана всематерью, великой матерью и матерью боговъ, и затѣмъ смѣшана съ Реею или Опсъ, съ которою Сатурнъ породилъ главныхъ боговъ (см. 1, 113). Въ качествѣ покровительницы городовъ она изображалась съ зубчатою башнею на головѣ. 107 *Богомъ* (ст. 1, 518). 109 *Картейскихъ* (см. 7, 369). 114 Шарикъ *bulla* или ладонка, какія привѣшивались на шею богатымъ дѣтямъ, у бѣдныхъ же были кожаныя. Ладонки эти снимались по достиженіи юношескаго возраста и посвящались ларамъ. 115 У Merkel и Haupt: parilique aetate, безъ должнаго основанія, и къ которому цитата изъ Плинія (Nat. hist. VIII, 119), приводимая Haupt, не совсѣмъ, по нашему мнѣнію, подходитъ. Вопреки Marcianus pariles s. parilique exaere во всѣхъ почти кодексахъ.

Sed tamen ante alios, Ceae pulcherrime gentis,
Gratus erat, Cyparisse, tibi. Tu pabula cervum
Ad nova, tu liquidi ducebas fontis ad undam:
Tu modo texebas varios per cornua flores,
Nunc eques in tergo residens huc laetus et illuc
Mollia purpureis frenabas ora capistris.
  Aestus erat, mediusque dies. solisque vapore
Concava litorei fervebant brachia Cancri.
Fessus in herbosa posuit sua corpora terra
Cervus, et arborea frigus ducebat ab umbra.
Hunc puer imprudens iaculo Cyparissus acuto
Fixit. et ut saevo morientem vulnere vidit,
Velle mori statuit. Quae non solatia Phoebus
Dixit, et ut leviter pro materiaque doleret,
Admonuit! Gemit ille tamen, munusque supremum
Hoc petit a superis, ut tempore lugeat omni.
Iamque, per immensos egesto sanguine fletus,
In viridem verti coeperunt membra colorem,
Et modo qui nivea pendebant fronte capilli,
Horrida caesaries fieri, sumtoque rigore
Sidereum gracili spectare cacumine coelum.
Ingemuit, tristisque deus: Lugebere nobis,
Lugebisque alios, aderisque dolentibus, inquit.

GANYMEDES.

  Tale nemus vates attraxerat. inque ferarum
Concilio medius turba volucrumque sedebat.
Ut satis impulsas tentavit pollice chordas,
Et sensit varios, quamvis diversa sonarent,
Concordare modos, hoc vocem carmine movit:
  Ab Iove, Musa parens... cedunt Iovis omnia regno...
Carmina nostra move. Iovis est mihi saepe potestas
Dicta prius. Cecini plectro graviore Gigantas

---

120 *Кеа* или *Кея* — Цикладскій островъ. 127 И здѣсь, такъ же какъ въ указанномъ нами выше ст. 78, поэтъ, говоря о четвертомъ знакѣ Зодіака, приво-

Но передъ всѣми онъ былъ,—красавецъ ты первый изъ Кеянъ!
Дорогъ тебѣ, Кипарисъ. Ты къ пастбищамъ новымъ оленя,
Ты его провожалъ къ волнамъ прозрачнаго тока;
То въ рога ты ему вплеталъ цвѣтовъ разнородныхъ,
То, засѣвъ на спинѣ, туда и сюда направлялъ ты,
Мягкую морду его игриво пурпурной уздою.
  Зной стоялъ, и насталъ уже полдень; солнечнымъ жаромъ
Разгорѣлись клешни кривыя прибрежнаго Рака,
Члены усталый олень склонилъ на травяную землю
И прохладу вдыхалъ, низводимую тѣнью древесной.
Неосторожный его Кипарисъ пронзилъ своей острой
Пикой; и видя, что онъ умираетъ отъ раны жестокой,
Самъ пожелалъ умереть. Чего только Фебъ въ утѣшенье
Не говорилъ и, чтобъ онъ горевалъ о событіи легче,
Какъ ни внушалъ! Только тотъ вздыхаетъ и проситъ какъ милость
Высшую въ даръ отъ боговъ, чтобъ плакать во всякое время.
Уже всю кровь источивъ посредствомъ слезъ безпредѣльныхъ,
Стали члены его въ зеленый цвѣтъ превращаться,
И волоса, что со лба бѣлоснѣжнаго висли недавно,
Страшнымъ копромъ поднялись и, отвердѣвши внезапно,
Въ звѣдное небо глядѣть направились тонкой вершиной.
Тутъ вздохнувши, сказалъ опечаленный богъ: „О тебѣ мнѣ
Вѣчно плакать, и ты о другихъ будешь плакать печальныхъ“.

ГАНИМЕДЪ.

Рощу такую пѣвецъ приманилъ; и между звѣринымъ
Сборищемъ онъ возсѣдалъ и среди пернатаго стада.
Какъ испробовалъ онъ перстомъ всѣ струны довольно,
И услыхалъ, что онѣ, хотя и различно звучали,
Но въ согласьи тоновъ, то началъ такую онъ пѣсню:
Муза родная, начни съ Зевса... все Зевесу покорно...
Пѣсню мою. Я пѣвалъ нерѣдко и въ прежнее время
Власть Зевеса. Пѣвалъ я плектрономъ важнымъ Гигантовъ,

дящемъ лѣтній зной, увлекается описаніемъ живаго рака. 142 Кипарисъ, какъ темное дерево печали, сажался у могилъ.

Sparsaque Phlegraeis victricia fulmina campis.
Nunc opus est leviore lyra. puerosque canamus
Dilectos superis, inconcessisque puellas
Ignibus attonitas meruisse libidine poenam.
Rex superum Phrygii quondam Ganymedis amore
Arsit. et inventum est aliquid, quod Iuppiter esse,
Quam quod erat, mallet. Nulla tamen alite verti
Dignatur, nisi quae posset sua fulmina ferre.
Nec mora. percusso mendacibus aere pennis
Abripit Iliaden, qui nunc quoque pocula miscet,
Invitaque Iovi nectar Iunone ministrat.

HYACINTHUS.

Te quoque, Amyclide, posuisset in aethere Phoebus,
Tristia si spatium ponendi fata dedissent.
Qua licet, aeternus tamen es. quotiesque repellit
Ver hiemem, Piscique Aries succedit aquoso,
Tu toties oreris, viridique in cespite flores.
Te meus ante omnes genitor dilexit. et orbe
In medio positi caruerunt praeside Delphi,
Dum deus Eurotan immunitamque frequentat
Sparten. nec citharae, nec sunt in honore sagittae.
Immemor ipse sui non retia ferre recusat,
Non tenuisse canes, non per iuga montis iniqui
Ire comes. longaque alit assuetudine flammas.
Iamque fere medius Titan venientis et actae
Noctis erat, spatioque pari distabat utrimque:
Corpora veste levant, et succo pinguis olivi

---

151 *И по Флегрейскимъ полямъ* — въ Македоніи, гдѣ (см. 1, 152) Юпитеръ молніями поразилъ Гигантовъ. 155 *Ганимедъ* — сынъ Троянскаго или Иліонскаго царя по однимъ Троса, по другимъ Ассарака, по третьимъ Лаомедона, былъ необыкновенно красивый юноша, такъ что Юпитеръ, превратившись въ орла, похитилъ его на небо, вручивши за это его отцу запряжку безсмертныхъ коней (см. 11, 213). На небѣ же Юпитеръ заставилъ его исполнять должность Гебы, т. е. разливать нектаръ богамъ. 162 Вѣроятно Гіацинтъ считалъ Амикла, равно какъ и Эбала, своими предками, такъ какъ Овидій здѣсь обзываетъ его Амиклидомъ, а ниже ст. 196 Эба-

И по Флегрейскимъ полямъ побѣдныхъ молній удары;
Легкая лира нужна мнѣ теперь; любимыхъ богами
Мальчиковъ я воспою, да дѣвъ, что запретною страстью
Воспламенясь, за свое сладострастіе приняли кару.
Нѣкогда царь всѣхъ боговъ къ Ганимеду Фригійскому страстью
Воспылалъ; и нашлось, чѣмъ быть пожелалъ и Юпитеръ
Лучше того, чѣмъ онъ былъ. Но въ птицу ему обратиться
Онъ удостоилъ лишь ту, что несть его молніи можетъ.
Безъ замедленья, дробя облыжными крыльями воздухъ,
Онъ Илійца схватилъ, который мѣшая бокалы,
Нектаръ Юнонѣ на зло понынѣ Зевесу подноситъ.

ГІАЦИНТЪ.

Да и тебя, Амиклидъ, Аполлонъ помѣстилъ бы въ эѳирѣ,
Если бы время дала помѣщенію грустная доля.
Все же ты вѣченъ и такъ. Какъ только весна прогоняетъ
Зиму, и слѣдомъ Овенъ придетъ за дождливою Рыбой,
Каждый возстанешь ты разъ и цвѣтешь на дернѣ зеленомъ.
Между всѣми тебя избралъ мой родитель, и были
Безъ владыки, среди вселенной стоящіе Дельфы,
Какъ Эвротъ посѣщалъ и неукрѣпленную Спарту
Богъ; уже у него не въ чести ни цитра, ни стрѣлы;
Самъ забывая кто онъ, носить онъ не брезгаетъ сѣти,
Брать на своры собакъ, провожатымъ идти по суровымъ
Горнымъ хребтамъ; и огонь онъ долгой привычкой питаетъ.
Уже Титанъ былъ почти посрединѣ межъ ночью грядущей
И минувшей, отъ нихъ почти въ разстояніи равномъ:
Сняли одежды они и, сокомъ жирной оливы

лидомъ. 163 Аполлонъ помѣстилъ бы Гіацинта на небо, если бы печальная судьба послѣдняго этому не помѣшала. 165 Со знакомъ Овна (Марта) наступала весна. 167 *Мой родитель.* Не должно забывать, что настоящія повѣсти о Ганимедѣ и Гіацинтѣ вложены въ уста Орфея, коего родителемъ былъ Аполлонъ (см. выше 3). 169. *Эвротъ*—значительнѣйшая рѣка въ Лаконіи, на берегу которой стояла Спарта. Послѣдняя по закону Ликурга не должна была имѣть укрѣпленій, такъ какъ, по его мнѣнію, мужество гражданъ должно быть наилучшей защитой города. 171) Прислуживая на охотѣ своему любимцу.

Splendescunt, latique ineunt certamina disci.
Quem prius aerias libratum Phoebus in auras
Misit, et oppositas disiecit pondere nubes.
Recidit in solidam longo post tempore terram
Pondus, et exhibuit iunctam cum viribus artem.
Protinus imprudens actusque cupidine ludi
Tollere Taenarides orbem properabat. at illum
Dura repercussum subiecit in aera tellus
In vultus, Hyacinthe, tuos. Expalluit aeque,
Quam puer, ipse deus. collapsosque excipit artus,
Et modo te refovet, modo tristia vulnera siccat,
Nunc animam admotis fugientem sustinet herbis.
Nil prosunt artes. erat immedicabile vulnus.
Ut si quis violas riguoque papavera in horto,
Liliaque infringat fulvis haerentia virgis,
Marcida demittant subito caput illa gravatum,
Nec se sustineant, spectentque cacumine terram:
Sic vultus moriens iacet, et defecta vigore
Ipsa sibi est oneri cervix humeroque recumbit.
Laberis, Oebalide, prima fraudate iuventa,
Phoebus ait, videoque tuum, mea crimina, vulnus.
Tu dolor es, facinusque meum. mea dextera leto
Inscribenda tuo est. ego sum tibi funeris auctor.
Quae mea culpa tamen? nisi si lusisse vocari
Culpa potest, nisi culpa potest et amasse vocari.
Atque utinam pro te vitam, tecumve liceret
Reddere! Quod quoniam fatali lege tenemur,
Semper eris mecum, memorique haerebis in ore.
Te lyra pulsa manu, te carmina nostra sonabunt:
Flosque novus scripto gemitus imitabere nostros.
Tempus et illud erit, quo se fortissimus heros
Addat in hunc florem, folioque legatur eodem.
Talia dum vero memorantur Apollinis ore,
Ecce cruor, qui fusus humo signaverat herbam,

---

177 *Дискъ* былъ первоначально каменный, затѣмъ мѣдный, желѣзный и даже деревянный кругъ въ видѣ тарелки съ отверстіемъ по срединѣ, куда брались рукой, чтобы сообщить диску при метаніи его вверхъ вращательное движеніе. 182 *Тена-*

Засіявши, вдались въ состязаніе дискомъ широкимъ.
Первый, швырнувъ, запустилъ его въ пространство эѳира
Фебъ, и вѣсомъ его разрѣзалъ встрѣчныя тучи.
Долгое время спустя, на твердую землю упала
Тяжесть опять, доказавъ сочетанье искусства и силы.
Неосторожный сейчасъ Тенаридъ, игрой увлеченный,
Дискъ поспѣшилъ подхватить; но, его отразивъ, подшвырнула
Твердая почва наверхъ, и тебѣ, Гіацинтъ, угодила
Прямо въ лице. Поблѣднѣлъ не менѣе мальчика также
Самъ и богъ; приподнялъ онъ твое ослабѣвшее тѣло,
То согрѣваетъ тебя, то сушитъ печальную рану,
То при помощи травъ замедляетъ бѣгущую душу.
Все искусство не впрокъ. Исцѣлить невозможно той раны.
Такъ, если кто либо макъ иль фіалки въ саду орошенномъ,
Или на желтыхъ стебляхъ висящія лиліи сломитъ,
Вдругъ увянувъ, онѣ отягченную голову склонятъ,
Сами не держатъ себя и смотрятъ макушками въ землю:
Такъ умирающая лежитъ голова, и безсильна
Шея въ тягость самой для себя на плечо упадаетъ.
„Ты падешь, Эбалидъ, обманутый юностью первой,
Фебъ воскликнулъ, и я виноватъ въ твоей ранѣ, я вижу.
Ты мое горе, мой грѣхъ; твою рукѣ моей должно
Смерть приписать; я одинъ твоей кончины виновникъ.
Въ чемъ же моя тутъ вина? Ужь развѣ игра называться
Можетъ виной, и любовь виною можетъ назваться?
О, еслибъ могъ за тебя я жизнь отдать, иль съ тобою
Вмѣстѣ! Но такъ какъ насъ связуютъ законы судьбины,
Вѣчно ты будешь со мной и въ устахъ у меня сохранишься.
Лирные звуки тебя, тебя мои пѣсни восхвалятъ:
Новый цвѣтокъ, ты письмомъ напомнишь мои воздыханья.
Время тоже придетъ, когда межъ героевъ храбрѣйшій
Въ этотъ цвѣтокъ низойдетъ и на томъ же листочкѣ прочтется“.
Какъ такія слова исходятъ изъ устъ Аполлона,
Вотъ и кровь, что, струясь на землю, закапала траву,

ридъ — Лаконецъ или Спартанецъ (см. выше 13). 190 *Въ саду орошенномъ* (см. 8, 649). 207 *Межъ героевъ храбрѣйшій*—Аяксъ, который тоже былъ превращенъ въ этотъ цвѣтокъ (см. 13, 394).

Desinit esse cruor, Tyrioque nitentior ostro
Flos oritur, formamque capit quam lilia, si non
Purpureus color his, argenteus esset in illis.
Non satis hoc Phoebo est... is enim fuit auctor honoris...
Ipse suos gemitus foliis inscribit, et AI AI
Flos habet inscriptum, funestaque littera ducta est.
Nec genuisse pudet Sparten Hyacinthon. honorque
Durat in hoc aevi. celebrandaque more priorum
Annua praelata redeunt Hyacinthia pompa.

CERASTAE ET PROPOETIDES.

At si forte roges foecundam Amathunta metallis,
An genuisse velit Propoetidas? abnuet aeque,
Atque illos, gemino quondam quibus aspera cornu
Frons erat. unde etiam nomen traxere Cerastae.
Ante fores horum stabat Iovis Hospitis ara,
Lugubris sceleris. quam si quis sanguine tinctam
Advena vidisset, mactatos crederet illic
Lactantes vitulos Amathusiacasque bidentes:
Hospes erat caesus. Sacris offensa nefandis,
Ipsa suas urbes Ophiusiaque arva parabat
Deserere alma Venus. Sed quid loca grata, quid urbes
Peccavere meae? quod crimen, dixit, in illis?
Exilio poenam potius gens impia pendat,
Vel nece, vel siquid medium mortisque fugaeque.
Idque quid esse potest, nisi versae poena figurae?
Dum dubitat, quo mutet eos, ad cornua vultum
Flexit, et admonita est haec illis posse relinqui
Gandiaque in torvos transformat membra iuvencos.

---

216 Конечно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о нашемъ гіацинтѣ, такъ какъ въ немъ нѣтъ ни сходства съ лиліей, ни начертаній буквъ AI AI, выражающихъ по гречески одновременно и горе и служащихъ началомъ имени Аякса. 220 *Аматъ* или *Аматунтъ* — городъ на островѣ Кипрѣ славился подобно всему острову богатствомъ руды; равнымъ образомъ славился этотъ островъ, какъ главное мѣсто поклоненія Венерѣ, гдѣ въ двухъ городахъ — Пафосѣ и Аматунтѣ были ея великолѣпные храмы.

Стала не кровью уже, но краски роскошнѣе Тирской
Цвѣтъ возникаетъ и видъ принимаетъ лилеи, но только
Пурпурный отблескъ на немъ, тогда какъ на тѣхъ серебристый.
Фебу все мало того... онъ былъ устроитель почета...
Вздохи свои на листахъ тѣхъ самъ начерталъ онъ, и AI AI
Вписано въ этомъ цвѣткѣ, и скорбныя вставлены буквы.
Спартѣ не стыдно, что въ ней родился Гіацинтъ; и понынѣ
Длится почтенье къ нему; и праздникъ въ обычаѣ предковъ
Каждый является годъ—Гіацинтій съ торжественнымъ ходомъ.

ЦЕРАСТЫ И ПРОПЕТИДЫ.

Ежели у Аматунта, металломъ богатаго, спросишь,
Признается ли онъ, что родилъ Пропетидъ? то онъ также
Станетъ и ихъ отрицать какъ тѣхъ, что когда то съ рогами
Были на лбу; почему получили и имя Церастовъ.
Былъ противъ вратъ ихъ алтарь Юпитера Странопріимца,
Страшный злодѣйствомъ своимъ; его упитаннымъ кровью
Видя, пришелецъ бы счелъ, что тутъ телятъ изъ подъ матокъ
Закалаютъ для жертвъ, не то и овецъ Аматунтскихъ.
Но убивали гостей. Обидясь преступною жертвой,
Кинуть свои города и поля Офіузы хотѣла
Мать Венера совсѣмъ. Но сказала: „въ чемъ милое мѣсто,
Въ чемъ мои города виновны? И въ чемъ ихъ проступокъ?
Лучше изгнаніе пусть народъ нечестивый постигнетъ
Или смерть, или то, что средина межъ смертью и бѣгствомъ.
Чѣмъ это быть бы могло кромѣ каръ превращеній тѣлесныхъ“?
Сомнѣваясь, во что обратить ихъ, она обратила
Взоръ на рога и рѣшила, что ихъ то оставить имъ можно:
И въ свирѣпыхъ быковъ превратила ихъ плотные члены.

---

223 Островъ Кипръ, со стороны поражая взоры остріями горныхъ вершинъ наподобіе роговъ (κέρασ), могъ подать поводъ къ преданію о первобытныхъ своихъ обитателяхъ рогатыхъ Церастахъ, которые къ тому же были и людоѣдами.

229 *Офіуза* — древнее названіе острова Кипра, вѣроятно, отъ водившихся на немъ во множествѣ змѣй: Οφισ (змѣя).

Sunt tamen obscoenae Venerem Propoetides ausae
Esse negare deam. pro quo sua, numinis ira,
Corpora cum forma primae vulgasse feruntur:
Utque pudor cessit, sanguisque induruit oris,
In rigidum parvo silicem discrimine versae.

PYGMALION.

Quas quia Pygmalion aevum per crimen agentes
Viderat, offensus vitiis, quae plurima menti
Femineae natura dedit, sine coniuge caelebs
Vivebat, thalamique diu consorte carebat.
Interea niveum mira feliciter arte
Sculpsit ebur, formamque dedit, qua femina nasci
Nulla potest. operisque sui concepit amorem.
Virginis est verae facies, quam vivere credas,
Et, si non obstet reverentia, velle moveri.
Ars adeo latet arte sua. Miratur, et haurit
Pectore Pygmalion simulati corporis ignes.
Saepe manus operi tentantes admovet, an sit
Corpus, an illud ebur. nec adhuc ebur esse fatetur.
Oscula dat, reddique putat. loquiturque, tenetque.
Et credit tactis digitos insidere membris:
Et metuit, pressos veniat ne livor in artus.
Et modo blanditias adhibet, modo grata puellis
Munera fert illi, conchas teretesque lapillos,
Et parvas volucres, et flores mille colorum
Liliaque pictasque pilas et ab arbore lapsas
Heliadum lacrimas. ornat quoque vestibus artus:
Dat digitis gemmas, dat longa monilia collo.

---

238 Кто были эти Пропетиды и откуда получили свое названіе, неизвѣстно. Здѣсь только повѣствуется, что за непочтеніе Венеры эта богиня внушила имъ безстыдное излишество и тѣмъ изсушивъ ихъ тѣла, обратила ихъ въ камни, отъ которыхъ онѣ уже при жизни мало отличались своею безчувственностью. 251 *двигаться даже*, подразумѣвать надо въ танцахъ, неприличныхъ свободно рожденной женщинѣ. Кромѣ того самая косность въ изваяніи невинной дѣвушки гармонируетъ со свойственной ей стыдливостью. 252 *Такъ искусство.* — Обычная у Овидія игра

Но Пропетиды распутныя смѣли Венеру богиней
Не признавать; и за то, говорятъ, по гнѣву богини,
240 Первыя тѣло свое и красу толпѣ расточали:
Какъ пропалъ у нихъ стыдъ, и кровь въ лицѣ загрубѣла,
Въ твердые камни онѣ, отличаясь едва, обратились.

ПИГМАЛІОНЪ.

Ихъ то Пигмаліонъ, проводящихъ въ нечестіи вѣкъ свой,
Какъ увидалъ, оскорбясь пороками, коихъ такъ много
245 Женскимъ природа сердцамъ даровала, одинъ безъ супруги
Проживалъ, и лишенъ былъ въ спальнѣ долго подруги.
Вырѣзалъ бѣлую онъ слоновую кость въ это время
Съ дивнымъ искусствомъ, придавъ ей форму, съ какой не родиться
Женщинѣ вѣкъ ни одной? и въ свое онъ влюбился творенье.
250 Дѣвы былъ истинной ликъ, ее ты почелъ бы живою,
И, еслибъ стыдъ не мѣшалъ, готовою двигаться даже.
Такъ искусство своимъ сокрыто искусствомъ. Дивится
Пигмаліонъ, и въ груди къ подражанію тѣла пылаетъ.
Часто созданье рукой онъ пытаетъ, тѣло ли это
255 Или слоновая кость; но костью признать ужь не можетъ.
На поцѣлуи какъ бы онъ слышитъ отвѣтъ, говоритъ съ ней,
Обнимаетъ и мнитъ, что тѣло подъ пальцемъ сдается,
И боится нажать синяковъ на сдавленныхъ членахъ.
То любезности ей говоритъ, то дѣвамъ пріятныхъ
260 Ей подарковъ несетъ, ракушекъ, да камешковъ круглыхъ,
Маленькихъ птицъ и цвѣтовъ, блистающихъ тысячью красокъ,
Лилій, мячиковъ пестрыхъ и упавшихъ съ деревьевъ
Слезъ Геліадъ; онъ у ней украшаетъ одеждами члены:
Камней на пальцы несетъ, на шею большое монисто.

словъ, выражающая мысль Квинтиліана, что искусство исполненія должно заставить забыть, что передъ нами созданіе не природы, а искусства. 260 *Ракушекъ да камешковъ круглыхъ*, находимыхъ на берегахъ моря и рѣкъ и красиво выглаженныхъ волнами. Всѣ упомянутые здѣсь предметы были обычными подарками влюбленныхъ молодымъ дѣвушкамъ. 262 Мячикомъ уже въ Одиссеѣ (6, 115) играетъ Навзикая. Слезы Геліадъ, сестеръ Фаэтона (см. 2, 340), превращенныхъ въ тополя, суть янтарь, высоко цѣнившійся у древнихъ.

Aure leves baccae, redimicula pectore pendent.
Cuncta decent. nec nuda minus formosa videtur.
Collocat hanc stratis concha Sidonide tinctis,
Appellatque tori sociam, acclinataque colla
Mollibus in plumis, tanquam sensura, reponit.
Festa dies Veneris tota celeberrima Cypro
Venerat, et pandis inductae cornibus aurum
Conciderant ictae nivea cervice iuvencae,
Turaque fumabant. cum munere functus ad aras
Constitit et timide: Si di dare cuncta potestis,
Sit coniux, opto, non ausus eburnea virgo
Dicere Pygmalion, similis mea, dixit, eburnae.
Sensit, ut ipsa suis aderat Venus aurea festis,
Vota quid illa velint. et, amici numinis omen,
Flamma ter accensa est, apicemque per aera dixit.
Ut rediit, simulacra suae petit ille puellae,
Incumbensque toro dedit oscula. Visa tepere est.
Admovet os iterum, manibus quoque pectora tentat:
Tentatum mollescit ebur, positoque rigore
Subsidit digitis, ceditque, ut Hymettia sole
Cera remollescit, tractataque pollice multas
Flectitur in facies, ipsoque fit utilis usu.
Dum stupet, et dubie gaudet, fallique veretur,
Rursus amans rursusque manu sua vota retractat.
Corpus erat. saliunt tentatae pollice venae.
Tum vero Paphius plenissima concipit heros
Verba, quibus Veneri grates agit. oraque tandem
Ore suo non falsa premit. dataque oscula virgo
Sensit, et erubuit, timidumque ad lumina lumen
Attollens pariter cum coelo vidit amantem.
Coniugio, quod fecit, adest dea. Iamque coactis
Cornibus in plenum novies lunaribus orbem,
Illa Paphon genuit, de quo tenet insula nomen.

---

277 *Золотая Венера.* Такъ она прозывается уже у Гомера, потому что поэты все прекрасное называютъ золотымъ. 285 Воскъ Гиметтскій (см. 7, 702). 290 Героемъ назывался всякій потомокъ извѣстнаго рода, жившій въ героическое время и выдававшійся какимъ-либо доблестнымъ дѣяніемъ. Овидій нерѣдко придаетъ своимъ

265 Жемчугъ въ ушахъ у нея, на грудь спустилися ленты,
Все къ ней идетъ; но она не меньше красива нагая.
На постель положивъ блестящую краской Сидонской,
Онъ подругой ее называетъ своею, и, шеей
Къ мягкому пуху склоня, кладетъ, словно та ощущаетъ.
270 Праздникъ Венеры насталъ, славнѣйшій по цѣлому Кипру
День; съ наведенными золотомъ и крутыми рогами
Падали, поражены въ затылокъ бѣлый, телицы;
Ладонъ курился кругомъ; съ своимъ къ алтарю приношеньемъ
Сталъ онъ и робко сказалъ: „Коль все даровать вы всесильны,
275 Будь мнѣ супругой, молю,—не смѣлъ изъ кости слоновой
Дѣву Пигмаліонъ произнесть, а сказалъ,—на подобье
Той моей костяной“. Бывъ тутъ, золотая Венера
Смыслъ разгадала мольбы. И, въ знакъ пріязни богини,
Трижды пламя вспылавъ, вздымалось на воздухъ верхушкой.
280 Какъ вернулся, пошелъ къ изваянью своей онъ дѣвицы;
Къ ложу склонясь онъ ее цѣлуетъ. Та словно согрѣлась.
Вновь онъ устами припалъ, и руками ей грудь испытуетъ:
Мякнетъ слоновая кость подъ давленьемъ и, твердость покинувъ,
Стала перстамъ уступать, сдаваясь, какъ мякнетъ на солнцѣ
285 Воскъ Гиметтскій, и, множество формъ принимая подъ пальцемъ,
Гнется и, въ дѣло пойдя, становится годенъ на дѣло.
Изумленъ, и въ сомнѣніи радъ и, боясь обмануться,
Вновь влюбленный и вновь рукою касается милой.
Тѣломъ стала она; трепещутъ подъ пальцами жилы.
290 Тутъ Пафосскій герой въ живѣйшихъ словахъ благодарность
Передъ Венерой излилъ; уста онъ свои прижимаетъ
Ужъ не къ подложнымъ устамъ; лобзанья тѣ чувствуетъ дѣва
И краснѣетъ отъ нихъ, и, очи ко свѣту пугливо
Приподнявъ, заодно и любовника видитъ и небо.
295 Къ свадьбѣ, устроенной ею, сама появилась богиня.
Уже съ девятой луной, рогами восполнившей кругъ свой,
Тою Пафосъ былъ рожденъ, названіе острову давшій.

героямъ эпитеты, предваряющіе будущія событія, какъ напр., 2, 709. Онъ вѣроятно употребляетъ здѣсь слово Пафосскій въ смыслѣ Кипрскій, ибо въ концѣ онъ разсказываетъ, что сынъ Пигмаліона Пафосъ далъ названіе острову.

MYRRHA.

Editus hac ille est, qui, si sine prole fuisset,
Inter felices Cinyras potuisset haberi.
Dira canam. procul hinc natae, procul este parentes!
Aut, mea si vestras mulcebunt carmina mentes,
Desit in hac mihi parte fides, nec credite factum.
Vel, si credetis, facti quoque credite poenam.
Si tamen admissum sinit hoc natura videri,
Gentibus Ismariis et nostro gratulor orbi,
Gratulor huic terrae, quod abest regionibus illis,
Quae tantum genuere nefas. Sit dives amomo,
Cinnamaque costumque suum sudataque ligno
Tura ferat floresque alios Panchaia tellus,
Dum ferat et myrrham. tanti nova non fuit arbor.
Ipse negat nocuisse tibi sua tela Cupido,
Myrrha, facesque suas a crimine vindicat isto.
Stipite te Stygio tumidisque afflavit echidnis
E tribus una soror. Scelus est odisse parentem:
Hic amor est odio maius scelus. Undique lecti
Te cupiunt proceres, totoque oriente iuventus
Ad thalami certamen adest. Ex omnibus unum
Elige, Myrrha, virum, dum ne sit in omnibus unus.
Illa quidem sentit, foedoque repugnat amori.
Et secum: Quo mente feror? quid molior? inquit:
Di, precor, et Pietas, sacrataque iura parentum,
Hoc prohibete nefas, scelerique resistite nostro:
Si tamen hoc scelus est. Sed enim damnare negatur

---

298 Въ предшествующемъ стихѣ два женскихъ слова illa, т. е. жена Пигмаліона и insula, т. е. Кипръ или Пафосъ, почему Editus hac одинаково могло бы быть переведено и *Ею рожденъ былъ*, но такъ какъ нигдѣ нѣтъ указанія на то, чтобы рожденный на островѣ Кипрѣ миѳическій Ассирійскій царь Циниръ былъ сыномъ Пигмаліона, то мы перевели мѣстоименіемъ *Имъ*, относящимся къ острову. 305 *Исмарійскій народъ*— Ѳракійцевъ (см. 2, 257), которымъ Орфей это поетъ. Заподозрѣвать подлинность этого стиха нѣтъ достаточнаго основанія. 307 *Амомъ* и *костъ* — восточныя благовонныя растенія, изъ которыхъ Римляне дѣлали благовонныя масти. *Киннамонъ* — корица. 309 *Панхайской*: Панхая, первоначально баснословный островъ у восточнаго Аравійскаго берега, впослѣдствіи часть Аравіи, считалась у Римлянъ мѣстомъ рожденія

МѴРРА.

Имъ порожденъ былъ Циниръ, который, будь онъ бездѣтенъ,
Могъ по себѣ бы однимъ изъ самыхъ счастливыхъ считаться.
300 Ужасъ пою. Прочь дочери! Прочь и родители тоже!
Или, коль вашихъ сердецъ коснется мое пѣснопѣнье,
Не полагайтеся тутъ на меня и не вѣрьте событю.
Или, повѣривъ ему, повѣрьте заслуженной карѣ.
Если природа порой дозволяетъ подобное видѣть,
305 Я Исмарійскій народъ и нашу страну поздравляю,
Поздравляю нашъ край, что такъ онъ далекъ отъ предѣловъ,
Ужасъ родившихъ такой. Пусть будетъ богата амомомъ,
Киннамономъ и Костомъ своимъ и изъ древа истекшимъ
Ладономъ, много цвѣтовъ будь прочихъ на почвѣ Панхайской,
310 Разъ что мѵрра на ней; не стоило этого древо.
Самъ отрицаетъ Амуръ, чтобъ тебѣ его стрѣлы вредили,
Мѵрра, и факелъ онъ свой отъ этой вины очищаетъ.
Коломъ Стигійскимъ тебя да духомъ эхиднъ раздувала
Въ тройнѣ одна изъ сестеръ. Отца ненавидѣть преступно;
315 Эта преступнѣй любовь даже ненависти. Отовсюду
Льнетъ отборная знать къ тебѣ, добивается брака
Юность восточная вся. Изо всѣхъ одного избери ты,
Мѵрра, въ мужья, одного только не было бы между всѣми.
Чувствуетъ это она и борется съ гнусной любовью,
320 И про себя говоритъ: „Куда я? и что замышляю?
Боги, молю васъ, и ты, Благочестье, съ святыней отцовской,
Грѣхъ отведите такой, моему воспротивьтесь злодѣйству,
Если злодѣйство тутъ есть. Но вотъ, говорятъ, Благочестье,

всевозможныхъ пряностей; поэтому Орфей у нашего поэта говоритъ, что онъ не станетъ завидовать Панхаѣ съ условіемъ, чтобы среди другихъ растительныхъ богатствъ на ней росла и мѵрра, такъ какъ само дерево, не смотря на свою драгоцѣнность, не стоитъ, чтобы ради появленія его совершено было ниже описанное преступленіе. 310 *Разъ что мѵрра на ней*, она своимъ постыднымъ происхожденіемъ перевѣситъ всѣ богатства. 313 *Коломъ Стигійскимъ*—въ противоположность небесному факелу. Факелы были — рѣзные куски дерева; таковъ былъ и факелъ Амура, который отказывается отъ возбужденія мѵрры къ чудовищной любви. Грубымъ *коломъ Стигійскимъ* (см. 3, 76); *духомъ эхиднъ* (см. 4, 451).

Hanc Venerem pietas. Coeuntque animalia nullo
Cetera delectu. nec habetur turpe iuvencae
Ferre patrem tergo, fit equo sua filia coniux;
Quasque creavit, init pecudes caper; ipsaque, cuius
Semine concepta est, ex illo concipit ales.
Felices, quibus ista licent! humana malignas
Cura dedit leges, et quod natura remittit,
Invida iura negant. Gentes tamen esse feruntur,
In quibus et nato genitrix, et nata parenti
Iungitur, et pietas geminato crescit amore.
Me miseram, quod non nasci mihi contigit illic,
Fortunaque loci laedor!.. Quid in ista revolvor?
Spes interdictae discedite! Dignus amari
Ille, sed ut pater, est... Ergo si filia magni
Non essem Cinyrae, Cinyrae concumbere possem.
Nunc quia iam meus est, non est meus, ipsaque damno
Est mihi proximitas. aliena potentior essem.
Ire libet procul hinc, patriaeque relinquere fines,
Dum scelus effugiam. Retinet malus ardor amantem,
Ut praesens spectem Cinyram, tangamque, loquarque,
Osculaque admoveam, si nil conceditur ultra...
Ultra aut expectare aliquid potes, impia virgo
Et quot confundas et iura et nomina, sentis?
Tune eris et matris pellex, et adultera patris?
Tune soror nati, genitrixque vocabere fratris?
Nec metues atro crinitas angue sorores,
Quas facibus saevis oculos atque ora petentes
Noxia corda vident! At tu, dum corpore non es
Passa nefas, animo ne concipe, neve potentis
Concubitu vetito naturae pollue foedus.
Velle puta, res ipsa vetat. Pius ille, memorque
Moris..., et o vellem similis furor esset in illo!
Dixerat. At Cinyras, quem copia digna procorum,
Quid faciat, dubitare facit, scitatur ab ipsa,
Nominibus dictis, cuius velit esse mariti.

Этой любви не хулитъ. И сходятся прочія твари
325 Безъ разбора совсѣмъ; дурнымъ не считается телкѣ
Несть отца на спинѣ, коню его дочь и супруга,
Вяжется съ тѣми козелъ, что родилъ, и птица сама же,
Отъ кого рождена, отъ того пріемлетъ и сѣмя.
Счастливы вольные въ томъ! Одно измышленье людское
330 Злые законы творитъ, и что дозволяетъ природа,
Алчно отъемлютъ права. Но слышно, что есть и народы,
Съ сыномъ мать у которыхъ, и дочь съ отцемъ посягаютъ,
И родная пріязнь въ сугубой любви возрастаетъ.
Горе мнѣ бѣдной, зачѣмъ мнѣ тамъ не случилось родиться.
335 Жертва я мѣстной судьбы! Чего же верчусь все на этомъ?
Прочь запретныя вы надежды! Любви онъ достоинъ
Подлинно, но какъ отецъ... Итакъ не будь я Цинира
Мощнаго дочь, то могла бъ въ объятья склониться Цинира.
Нынѣ, какъ онъ уже мой, не мой онъ, и самая близость
340 Только приноситъ мнѣ вредъ; чужая была бъ я счастливѣй.
Надо отсюда уйти, оставить родные предѣлы,
Чтобъ отъ злодѣйства бѣжать. Влюбленную держитъ злой пламень,
Чтобъ на Цинира смотрѣть, касаться его, говорить съ нимъ
И его цѣловать, коль дальше ничто не возможно...
345 Можешь ли дальше на что ты надѣяться, грѣшная дѣва;
Понимаешь ли сколько и правъ и именъ ты мѣшаешь?
Или матери врагъ, отцу ты наложницей станешь?
Сына ли станешь сестрой и матерью брата считаться?
Иль не боишься сестеръ ты грозно косматыхъ змѣями,
350 Коихъ, какъ съ факелами въ лице и въ глаза онѣ лѣзутъ,
Видятъ виновныхъ сердца! А ты, пока еще тѣломъ
Не совершила грѣха, не бери его въ душу, и мощныхъ
Ты природы связей не марай запретной любовью.
Вздумай желать, такъ на дѣлѣ запретъ. Онъ нравственъ и помнитъ
355 Твердо законъ... О когда бы и въ немъ то жь было безумство!"
Кончила. А Циниръ въ виду жениховъ столь достойныхъ,
Какъ поступить затруднясь, отъ самой ея сталъ добиваться,
Всѣ перебравъ имена, кого бы хотѣлось ей мужемъ.

Illa silet primo. patriisque in vultibus haerens
Aestuat. et tepido suffundit lumina rore.
Virginei Cinyras haec credens esse timoris,
Flere vetat, siccatque genas, atque oscula iungit.
Myrrha datis nimium gaudet. consultaque, qualem
Optet habere virum: Similem tibi, dixit. At ille
Non intellectam vocem collaudat et: Esto
Tam pia semper, ait. Pietatis nomine dicto
Demisit vultus sceleris sibi conscia virgo.

Noctis erat medium, curasque et corpora somnus
Solverat. At virgo Cinyreia pervigil igni
Carpitur indomito, furiosaque vota retractat.
Et modo desperat, modo vult tentare. pudetque,
Et cupit, et, quid agat, non invenit. Utque securi
Saucia trabs ingens, ubi plaga novissima restat,
Quo cadat, in dubio est, omnique a parte timetur:
Sic animus vario labefactus vulnere nutat
Huc levis atque illuc, momentaque sumit utroque.
Nec modus et requies, nisi mors, reperitur amoris.
Mors placet. Erigitur, laqueoque innectere fauces
Destinat. et zona summo de poste revincta:
Care vale Cinyra, causamque intellige mortis,
Dixit, et aptabat pallenti vincula collo.
Murmura verborum fidas nutricis ad aures
Pervenisse ferunt, limen servantis alumnae.
Surgit anus, reseratque fores. mortisque paratae
Instrumenta videns, spatio conclamat eodem
Seque ferit scinditque sinus, ereptaque collo
Vincula dilaniat. Tum denique flere vacavit,
Tum dare complexus, laqueique requirere causam.
Muta silet virgo, terramque immota tuetur:
Et deprensa dolet tardae conamina mortis.
Instat anus. canosque suos et inania nudans
Ubera, per cunas alimentaque prima precatur,
Ut sibi committat, quicquid dolet. Illa rogantem
Aversata gemit. Certa est exquirere nutrix,

Та сначала молчитъ; и, взора съ отца не спуская,
Вся горитъ; и глаза обдаетъ росою горючей.
Это страхомъ Циниръ однимъ считая дѣвичьимъ,
Плакать ей не велитъ, отираетъ ей щеки, цѣлуетъ.
Въ Мѵррѣ излишній восторгъ; и на спросы, какого бъ хотѣла
Мужа она, говоритъ: „На тебя похожаго“. Онъ же,
Словъ не понявши ея, похвалилъ и промолвилъ: „Всегда ты
Чливой останься такой“. Когда помянулъ онъ про чливость,
Взоры склонила свои, преступность сознавшая, дѣва.
Полночь была, и тѣла и заботы во снѣ разрѣшались.
Только Цинирова дочь не уснула еще и, объята
Неудержимымъ огнемъ, безумныя мысли вращаетъ.
То безнадежна она, то хочетъ попытки; и стыдно
И желательно ей, и что ей дѣлать, не знаетъ.
Словно громаднѣйшій стволъ съ послѣднимъ ударомъ сѣкиры
Неизвѣстно куда упадетъ и отвсюду опасенъ;
Такъ въ ней колеблется духъ, расшатанъ отъ ранъ разнородныхъ,
То туда, то сюда, и въ оба готовъ направленья.
Нѣтъ предѣла любви, нѣтъ покоя нигдѣ кромѣ смерти.
Смерть ей мила. Поднялась, и рѣшилась накинуть на шею
Петлю и, привязавъ къ перекладинѣ верхней свой поясъ,
Молвила: “Милый Циниръ мой, прощай и пойми ты причину
Смерти“; и петлю вязать начала на блѣдную шею.
Ропотъ тѣхъ словъ, говорятъ, кормилицѣ въ вѣрныя уши
Долетѣлъ, какъ она порогъ охраняла питомки.
Встала старуха и, дверь отворя, увидала сняряды
Смерти, и тотчасъ же она завопила и стала
Бить себя и терзать свою грудь и отпутывать съ шеи
Петлю. Лишь тутъ наконецъ ей стало свободно заплакать,
Тутъ и ее то обнять и спросить, что петли причиной.
Дѣва молчитъ, онѣмѣвъ, и смотритъ недвижная въ землю:
Жаль открытой ей быть въ попыткѣ отсроченной смерти.
Но старуха тверда; и, свои обнажая сѣдины
И изсохшую грудь, колыбелью и первою пищей
Молитъ ее сообщить свою ей скорбь. Отвернувшись,
Та вздыхаетъ предъ ней. Кормилица вывѣдать хочетъ,

Nec solam spondere fidem. Dic, inquit, opemque
Me sine ferre tibi. non est mea pigra senectus.
Seu furor est, habeo, quae carmine sanet et herbis:
Sive aliquis nocuit, magico lustrabere ritu.
Ira deum sive est, sacris placabilis ira.
Quid rear ulterius? certe fortuna domusque
Sospes et in cursu est. vivunt genitrixque, paterque.
Myrrha, patre audito, suspiria duxit ab imo
Pectore. Nec nutrix etiamnum concipit ullum
Mente nefas, aliquemque tamen praesentit amorem.
Propositique tenax, quodcunque est, orat, ut ipsi
Indicet, et gremio lacrimantem tollit anili,
Atque ita complectens infirmis membra lacertis:
Sensimus, inquit, amas. et in hoc mea, pone timorem,
Sedulitas erit apta tibi. nec sentiet unquam
Hoc pater. Exsiluit gremio furibunda, torumque
Ore premens: Discede, precor, miseroque pudori
Parce, ait. Instanti: Discede, aut desine, dixit,
Quaerere, quid doleam. Scelus est, quod scire laboras.
Horret anus, tremulasque manus annisque metuque
Tendit, et ante pedes supplex procumbit alumnae,
Et modo blanditur, modo, si non conscia fiat,
Terret, et indicium laquei coeptaeque minatur
Mortis, et officium commisso spondet amori.
Extulit illa caput, lacrimisque implevit obortis
Pectora nutricis. conataque saepe fateri,
Saepe tenet vocem, pudibundaque vestibus ora
Texit et: O, dixit, felicem coniuge matrem!
Hactenus, et gemuit. Gelidos nutricis in artus
Ossaque, sensit enim, penetrat tremor, albaque toto
Vertice canities rigidis stetit hirta capillis.
Multaque, ut excuteret diros, si posset, amores,
Addidit. At virgo scit se non falsa moneri,
Certa mori tamen est, si non potiatur amore.
Vive, ait haec, potiere tuo... et, non ausa parente
Dicere, conticuit. promissaque numine firmat.
Festa piae Cereris celebrabant annua matres

Мало что вѣрной ей быть. „Скажи, восклицаетъ, позволь мнѣ
Помощь тебѣ принести; моя не бездѣйственна старость.
Если то страсть, у меня исцѣлить есть пѣсни и травы;
Если испорчена кѣмъ, очищу волшебнымъ обрядомъ.
Если боговъ это гнѣвъ, то гнѣвъ ублажитъ приношенье.
Дальше подумать на что жъ? Безспорно и домъ и достатокъ
Прочнымъ порядкомъ идутъ; и мать и отецъ еще живы“.
Мурра, отецъ услыхавъ, всей грудью глубоко вздохнула.
Даже и тутъ ничего кормилица въ сердцѣ худаго
Не провидитъ у ней, но любовь какую то чуетъ.
И, упорна въ своемъ, умоляетъ ее сообщить ей
Все, что ни есть; и ее всю въ слезахъ на колѣна принявши,
И руками обнявъ безсильными, такъ восклицаетъ:
„Чувствую, ты влюблена; и въ этомъ, ты ужь не бойся,
Будетъ усердье мое полезно; отецъ то во вѣки
Не узнаетъ“. Она съ колѣнъ изступленно вскочила
И, приникнувъ лицемъ къ одру, вскричала: „Уйди ты,
Жалкій мой стыдъ пощади“. Неотступной: „Уйди, повторила,
Иль перестань вопрошать. Преступно, что знать ты желаешь“.
Страшно старухѣ; она дрожащія руки съ испугу,
И отъ лѣтъ подняла и къ ногамъ питомки упала,
То ласкаетъ ее, то, если не будетъ довѣрья,
Устрашая, грозитъ указать на петлю и замыслъ
Смерти, и помощь сулитъ въ любви на случай признанья.
Голову та подняла и кормилицы грудь орошаетъ
Слезъ потокомъ; и тутъ, не разъ начиная признанье,
Вдругъ умолкаетъ не разъ и, лице со стыда прикрывая
Платьемъ, той говоритъ: „Какъ счастлива мать то супругомъ!“
Смолкнувъ, вздохнула она. У кормилицы, слышно ей, холодъ
Въ члены и кости проникъ со дрожью, и всѣ на макушкѣ
Бѣлой ея головы приподнялись дыбомъ сѣдины.
Много твердила она, чтобъ та, если можетъ, отъ гнусной
Отреклася любви. Но дѣва совѣтъ хоть и цѣнитъ,
Но собралась умереть, коль владѣть не будетъ любимымъ.
Та говоритъ: „такъ живи и владѣй ты своимъ“... и замолкла,
Молвить не смѣя: „отцемъ“, и божбой обѣщанья скрѣпила.

Праздникъ Цереры благой годичный справляли матроны,

Illa, quibus nivea velatae corpora veste
Primitias frugum dant spicea serta suarum,
Perque novem noctes Venerem tactusque viriles
435 In vetitis numerant. Turba Cenchreis in illa
Regis adest coniux, arcanaque sacra frequentat.
Ergo legitima vacuus dum coniuge lectus,
Nacta gravem vino Cinyram male sedula nutrix,
Nomine mentito, veros exponit amores,
440 Et faciem laudat. Quaesitis virginis annis:
Par, ait, est Myrrhae. Quam postquam adducere iussa est,
Utque domum rediit: Gaude mea, dixit, alumna:
Vicimus. Infelix non toto pectore sentit
Laetitiam virgo, praesagaque pectora maerent,
445 Sed tamen et gaudet. tanta est discordia mentis.
Tempus erat, quo cuncta silent, interque Triones
Flexerat obliquo plaustrum temone Bootes.
Ad facinus venit illa suum. Fugit aurea coelo
Luna. tegunt nigrae latitantia sidera nubes:
450 Nox caret igne suo. primus tegis, Icare, vultus,
Erigoneque pio sacrata parentis amore.
Ter pedis offensi signo est revocata, ter omen
Funereus bubo letali carmine fecit.
It tamen. et tenebrae minuunt noxque atra pudorem:
455 Nutricisque manum laeva tenet, altera motu
Caecum iter explorat. Thalami iam limina tangit,
Iamque fores aperit, iam ducitur intus. at illi
Poplite succiduo genua intremuere, fugitque
Et color et sanguis, animusque relinquit euntem.
460 Quoque suo propior sceleri est, magis horret, et ausi
Poenitet, et vellet non cognita posse reverti.
Cunctantem longaeva manu deducit, et alto

---

446 *между быками* (см. 2, 171). Пока созвѣздіе не достигаетъ зенита, дышло стоитъ въ направленіи колесницы, въѣзжающей на гору, но когда оно снова склоняется къ горизонту, дышло опускается, какъ у колесницы, спускающейся подъ гору.

450 *Икаръ* или *Икарій*, котораго не должно смѣшивать съ сыномъ Дедала (см. 8, 196), когда то вмѣстѣ съ дочерью *Эригоной* угощалъ Вакха, за что послѣдній оставилъ ему бочку вина и наказалъ дальнѣйшее винодѣліе. Икаръ угостилъ Аттическихъ пастуховъ, которые, напившись пьяны и, полагая, что они отравлены, убили его и

Тотъ, въ который тѣла увивъ одеждою бѣлой,
Первою данью хлѣбовъ приносятъ вѣнки изъ колосьевъ,
И на девять ночей, и любовь и близость мущины
435 Чтутъ запретнымъ онѣ. Въ толпѣ Ценхреида, супруга
Царская, тоже была, участвуя въ тайнахъ священныхъ.
Вотъ покуда постель была безъ супруги законной,
Видя Цинира хмѣльнымъ, кормилица съ злостнымъ усердьемъ,
Имя одно измѣнивъ, любви излагаетъ всю правду,
440 И выхваляетъ лице. О возрастѣ спрошена дѣвы,
Молвитъ: Мѵрриныхъ лѣтъ. Приказъ получивъ о приводѣ,
Какъ вернулась домой, сказала: „Ликуй же, питомка:
Наша взяла“, но восторгъ ощущаетъ несчастная дѣва
Не всей грудью своей и грудь ея вѣщая ноетъ,
445 Но и ликуетъ межъ тѣмъ; въ такомъ она съ сердцемъ разладѣ.
Было время, когда все молчитъ, и между Быками
Велъ колесницу свою Боотъ съ опущеннымъ дышломъ.
На злодѣянье она идетъ. Луна золотая
Съ неба бѣжитъ, и покрылись черными тучами звѣзды:
450 Ночь безъ обычныхъ огней; Икаръ, ты первый сокрылся,
Да Эригона и ты, любовью къ отцу освятившись.
Трижды споткнувшись, нога подавала ей знакъ воротиться,
Трижды былъ признакомъ сычъ съ своей погребальною пѣсней.
Все же пошла; темнота и ночь ея стыдъ уменьшаютъ;
455 Руку кормилицы держитъ лѣвая, ищетъ другая
Путь въ потьмахъ разобрать. Ужъ спальни порога коснулась,
Ужъ отворила и дверь, уже введена и въ покои;
Но колѣна дрожатъ на слабыхъ поджилкахъ, и быстро
Цвѣтъ отливаетъ и кровь, и духъ измѣняетъ идущей.
460 И, чѣмъ ближе она къ преступленью, тѣмъ все ей страшнѣе,
Жаль, что дерзнула она и желала бъ уйти неизвѣстной.
Медлящую старуха рукой подводитъ и, ставя

закопали. Дочь его Эригона при помощи собаки своей Мэры отыскала трупъ отца и съ горя повѣсилась, почему она у древнихъ почитается примѣромъ дѣтской любви. Всѣ три богами помѣщены были на звѣздное небо. Икаръ какъ поводырь медвѣдей или возница Боотъ, Эригона, какъ дѣва, и собака Мэра, какъ созвѣздіе собаки (не слѣдуетъ смѣшивать съ звѣздою собаки Сиріусомъ). Излишнее прибавлять, что Эригона приведена здѣсь въ противоположность Мѵррѣ.

Admotam lecto cum traderet: Accipe, dixit:
Ista tua est, Cinyra. devotaque corpora iunxit.
465 Accipit obscoeno genitor sua viscera lecto,
Virgineosque metus levat, hortaturque timentem.
Forsitan aetatis quoque nomine Filia dixit,
Dixit et illa Pater, sceleri ne nomina desint.
Plena patris thalamis excedit, et impia diro
470 Semina fert utero, conceptaque crimina portat.
Postera nox facinus geminat. nec finis in illa est:
Cum tandem Cinyras, avidus cognoscere amantem
Post tot concubitus, illato lumine vidit
Et scelus et natam. verbisque dolore retentis
475 Pendenti nitidum vagina deripit ensem.
Myrrha fugit, tenebrisque et caecae munere noctis
Intercepta neci est. latosque vagata per agros
Palmiferos Arabas Panchaeaque rura relinquit.
Perque novem erravit redeuntis cornua lunae:
480 Cum tandem terra requievit fessa Sabaea.
Vixque uteri portabat onus. Tum nescia voti
Atque inter mortisque metus et taedia vitae
Est tales complexa preces: O siqua patetis
Numina confessis, merui, nec triste recuso
485 Supplicium. Sed ne violem vivosque superstes
Mortuaque extinctos, ambobus pellite regnis,
Mutataeque mihi vitamque necemque negate.
Numen confessis aliquod patet. Ultima certe
Vota suos habuere deos. nam crura loquentis
490 Terra supervenit, ruptosque obliqua per ungues
Porrigitur radix, longi firmamina trunci:
Ossaque robur agunt, mediaque manente medulla
Sanguis it in succos, in magnos brachia ramos,
In parvos digiti. duratur cortice pellis.
495 Iamque gravem crescens uterum perstrinxerat arbor,
Pectoraque obruerat, collumque operire parabat:
Non tulit illa moram, venientique obvia ligno

---

480 Городъ *Саба* — въ Аравіи.

Къ пышному ложу, сдаетъ и такъ говоритъ: „получай же;
Это Циниръ, вотъ твоя“; и союзъ нечестивый связуетъ.
465 Принялъ утробу свою родитель на срамное ложе,
Дѣвичій трепетъ унять пугливую онъ увѣщаетъ.
Можетъ быть дочерью онъ ее по возрасту назвалъ,
Названъ и онъ былъ отцемъ, чтобъ быть съ именами злодѣйству.
Вышла изъ спальни она отъ отца тяжела, и въ утробѣ
470 Грѣшное сѣмя хранитъ, и несетъ преступленья зачатокъ.
Ночь вторая еще грѣхъ множитъ, его не кончая.
Но, когда ужъ Циниръ, желая любовницу видѣть
Послѣ стольких ночей, узналъ при свѣтѣ внесенномъ
И преступленье и дочь; то горе слова задержало,
475 А изъ висящихъ ноженъ онъ выхватилъ мечъ свой блестящій.
Мѵрра бѣжитъ, и подъ мракомъ ночнымъ, темнотою укрыта,
Смерти избѣгла она; въ широкихъ поляхъ проблуждавши,
Пальмы Арабовъ она и Панхейскія кинула нивы.
Девять лунныхъ роговъ возрожденій она проскиталась.
480 Какъ ослабнувъ совсѣмъ, въ землѣ отдохнула Сабейской,
Тяжесть едва вынося живота. Не прибравши молитвы,
И между страхомъ смерти колеблясь и тягостью жизни,
Такъ рѣшилась молить: „О, ежели боги какіе
Внемлютъ раскаяннымъ намъ, заслужила я и не отвергну
485 Грозной казни. Но чтобъ не смущать мнѣ живущихъ на свѣтѣ
И мертвецовъ, все меня изъ обоихъ царствъ изгоните,
И превращенной вы мнѣ откажите и въ жизни и въ смерти“.
Слышитъ какой либо богъ раскаянныхъ. Вѣрно нашлися
Для послѣднихъ молитвъ божества; ибо тутъ говорящей
490 Голени скрыла земля и, прорвавши ногти, кривые
Корни стали рости, чтобъ стволъ поддерживать длинный:
Въ дерево кости идутъ, и мозгъ сердцевиной остался,
Кровь обращается въ сокъ, а руки въ пространныя вѣтви,
Въ малыя—пальцы идутъ; и кожа твердѣетъ корою.
495 Дерево ростомъ уже тяжелый животъ утѣсняло,
И стремилось на грудь, готовясь закрыть ей и шею;
Стало не сносно ей ждать и, дерева росту на встрѣчу

Subsedit, mersitque suos in cortice vultus.
Quae quanquam amisit veteres cum corpore sensus,
Flet tamen, et tepidae manant ex arbore guttae.
Est honor et lacrimis. stillataque cortice myrrha
Nomen herile tenet, nulloque tacebitur aevo.

ADONIS.

At male conceptus sub robore creverat infans,
Quaerebatque viam, qua se genitrice relicta
Exsereret. Media gravidus tumet arbore venter:
Tendit onus matrem. nec habent sua verba dolores:
Nec Lucina potest parientis voce vocari.
Nitenti tamen est similis, curvataque crebros
Dat gemitus arbor, lacrimisque cadentibus humet.
Constitit ad ramos mitis Lucina dolentes,
Admovitque manus et verba puerpera dixit.
Arbor agit rimas et fisso cortice vivum
Reddit onus. vagitque puer. quem mollibus herbis
Naides impositum lacrimis unxere parentis.
Laudaret faciem Livor quoque. Qualia namque
Corpora nudorum tabula pinguntur Amorum,
Talis erat. sed, ne faciat discrimina cultus,
Aut huic adde leves, aut illi deme pharetras.
Labitur occulte fallitque volatilis aetas,
Et nihil est annis velocius. Ille sorore
Natus avoque suo, qui conditus arbore nuper,
Nuper erat genitus, modo formosissimus infans,
Iam iuvenis, iam vir, iam se formosior ipso est:
Iam placet et Veneri, matrisque ulciscitur ignes.
Namque pharetratus dum dat puer oscula matri,
Inscius exstanti distrinxit arundine pectus.
Laesa manu natum dea reppulit. altius actum
Vulnus erat specie, primoque fefellerat ipsam.
Capta viri forma non iam Cythereia curat

---

507 *Люцину* (см. 9, 283). 529 *Цитерскихъ* (см. 4, 190).

Поприсѣла она, и лицемъ въ кору погрузилась.
Тутъ хоть съ тѣломъ уже утратила прежнее чувство,
500 Плачетъ межъ тѣмъ и текутъ изъ дерева теплыя капли.
Почесть есть и слезамъ; изъ коры текущая мурра
Имя хранитъ госпожи, которое ввѣкъ не умолкнетъ.

АДОНИСЪ.

Но зачатый въ грѣхѣ, ужь въ деревѣ выросъ ребенокъ
И исхода просилъ, чтобъ, мать покинувши, могъ онъ
505 Выйти. Чреватый животъ на срединѣ дерева вздулся;
Тяжестью расперло мать; но рѣчей не хватаетъ у боли:
И Люцину молить не въ силахъ родильницы голосъ.
Дерево, сходно межъ тѣмъ съ родильницей, часто вздыхаетъ
И, согнувшись оно, отъ слезъ упадающихъ влажно.
510 Кроткая къ страждущимъ вѣтвямъ явилась Люцина;
Помощь руками даетъ и шепчетъ въ родахъ заклинанья.
Дерево трещинъ дало и тяжесть извергло живую
Изъ разрыва коры; заплакалъ мальчикъ; наяды,
Въ травы его положивъ, слезами родной умастили.
515 Зависть его похвалила бъ лице. Потому что, какими
На картинахъ тѣла нагихъ рисуютъ Амуровъ,
Былъ онъ такимъ же; но чтобъ уборъ ихъ не былъ различенъ,
Дайте только ему иль у тѣхъ отнимите колчаны.
Сокровенно течетъ и съ обманомъ летучее время.
520 Нѣтъ ничего быстрѣе годовъ. Ужь тотъ, что сестрою
Отъ своего былъ дѣда рожденъ, былъ въ древѣ недавно,
Еле родиться успѣлъ, красивымъ былъ мальчикомъ только,
Юношей, мужемъ уже и сталъ красивѣй чѣмъ прежде:
Уже Венерѣ онъ милъ, и мститъ за пылъ материнскій.
525 Ибо когда свою мать обнималъ тулоносный ребенокъ,
Неосторожно стрѣлой торчавшей онъ грудь ей поранилъ.
Ранена, сына рукой богиня отводитъ; но глубже
Рана была чѣмъ на видъ, сначала и ей не въ примѣту.
Мужа красою плѣнясь, она не хочетъ Цитерскихъ

Litora, non alto repetit Paphon aequore cinctam
Piscosamque Gnidon, gravidamve Amathunta metallis:
Abstinet et coelo. coelo praefertur Adonis.
Hunc tenet, huic comes est. assuetaque semper in umbra
Indulgere sibi, formamque augere colendo,
Per iuga, per silvas dumosaque saxa vagatur
Fine genus vestem ritu succincta Dianae:
Hortaturque canes, tutaeque animalia praedae,
Aut pronos lepores, aut celsum in cornua cervum,
Aut agitat damas. a fortibus abstinet apris,
Raptoresque lupos armatosque unguibus ursos
Vitat, et armenti saturatos caede leones,
Te quoque, ut hos timeas, si quid prodesse monendo
Posset, Adoni, monet, Fortisque fugacibus esto,
Inquit. in audaces non est audacia tuta.
Parce meo, iuvenis, temerarius esse periclo:
Neve feras, quibus arma dedit natura, lacesse.
Stet mihi ne magno tua gloria. Non movet aetas,
Nec facies, nec quae Venerem movere, leones
Saetigerosque sues, oculosque animosque ferarum.
Fulmen habent acres in aduncis dentibus apri:
Impetus est fulvis et vasta leonibus ira:
Invisumque mihi genus est. Quae causa, roganti:
Dicam, ait. et veteris monstrum mirabere culpae.
Sed labor insolitus iam me lassavit. et ecce
Opportuna sua blanditur populus umbra:
Datque torum caespes. Libet hac requiescere tecum:
Et requievit humo, pressitque et gramen et ipsum,
Inque sinu iuvenis posita cervice reclinis
Sic ait, ac mediis interserit oscula verbis:

---

530 *Пафосъ* (см. выше 220 и 290). 531 *Гнидосъ* приморскій городъ въ Греческой колоній Каріи, славный особеннымъ почитаніемъ Венеры, равно какъ и Ама-

530 Знать береговъ, не спѣшитъ въ Пафосъ, опоясанный моремъ,
Въ рыбный Гнидосъ или въ Аматунтъ, металломъ чреватый,
Даже на небо нейдетъ; Адонисъ ей и неба милѣе.
Съ нимъ она, всюду за нимъ; привычная вѣчно подъ тѣнью
Быть собой занята, красоту умножать украшеньемъ,
535 По хребтамъ и лѣсамъ да заросшимъ скаламъ она бродитъ,
До колѣнъ подобравъ одѣянье, Діанѣ подобно;
И возбуждаетъ собакъ, и безвредныхъ къ ловитвѣ животныхъ,
Быстрыхъ зайцевъ слѣдитъ, да статныхъ рогами оленей,
Или же сернъ; но она кабановъ не касается храбрыхъ,
540 Также и хищныхъ волковъ и когтями снабженныхъ медвѣдей
Избѣгаетъ, и львовъ, убоемъ скота насыщенныхъ.
Да и тебя, Адонисъ, коль есть въ поученіяхъ польза,
Поучаетъ она ихъ бояться: „Будь храбръ надъ бѣгущимъ,
Восклицаетъ она; на храбрыхъ храбрость опасна.
545 Удержись на бѣду ты мою быть, юноша, дерзкимъ.
Не раздражай ты звѣрей, оружьемъ снабженныхъ природой,
Чтобъ не пришлась дорога для меня твоя слава. Не тронетъ
Юность лице, да и все, что тронуть успѣло Венеру,
Львовъ и въ щетинѣ свиней и глазъ и сердецъ у животныхъ.
550 Молніи въ согнутыхъ есть зубахъ у вепрей свирѣпыхъ,
Ярый гнѣвъ и порывъ стремительный въ львахъ желтошерстыхъ.
Мнѣ ненавистенъ ихъ родъ“. На вопросъ, по какой же причинѣ:
„Я разскажу, говоритъ; подивись наказанью проступка.
Но непривычный мнѣ трудъ и меня утомилъ; и вонъ видишь,
555 Какъ желанную тѣнь предлагаетъ намъ ласково тополь;
Дернъ намъ ложе сулитъ, съ тобой отдохнуть тутъ отрадно“;
И, склоняясь къ землѣ, на него прилегла и на траву,
И у юноши въ грудь затылкомъ своимъ упираясь,
Молвила такъ, и слова прерывать поцѣлуями стала.

тунтъ (см. выше 220). 539 Не должно забывать, что эту повѣсть Венера разсказываетъ Адонису.

ATALANTA.

560 Forsitan audieris aliquam certamine cursus
Veloces superasse viros. Non fabula rumor
Ille fuit. superabat enim. nec dicere posses,
Laude pedum, formaene bono praestantior esset.
Scitanti deus huic de coniuge: Coniuge, dixit,
565 Nil opus est, Atalanta, tibi. fuge coniugis usum:
Nec tamen effugies, teque ipsa viva carebis.
Territa sorte dei per opacas innuba silvas
Vivit, et instantem turbam violenta procorum
Condicione fugat, nec sum potiunda, nisi, inquit,
570 Victa prius cursu. pedibus contendite mecum.
Praemia veloci coniux thalamique dabuntur,
Mors pretium tardis. ea lex certaminis esto.
Illa quidem immitis. sed tanta potentia formae est,
Venit ad hanc legem temeraria turba procorum.
575 Sederat Hippomenes cursus spectator iniqui,
Et: Petitur cuiquam per tanta pericula coniux?
Dixerat, ac nimios iuvenum damnarat amores.
Ut faciem et posito corpus velamine vidit,
Quale meum, vel quale tuum, si femina fias,
580 Obstupuit, tollensque manus: Ignoscite, dixit,
Quos modo culpavi. nondum mihi praemia nota,
Quae peteretis, erant. Laudando concipit ignes,
Et ne quis iuvenum currat velocius, optat
Invidiaque timet. Sed cur certaminis huis
585 Intentata mihi fortuna relinquitur? inquit.
Audentes deus ipse iuvat. Dum talia secum
Exigit Hippomenes, passu volat alite virgo.
Quae quanquam Scythica non secius ire sagitta
Aonio visa est iuveni, tamen ille decoris
590 Miratur magis et cursus facit ipse decorem.
Aura refert ablata citis talaria plantis:
Tergaque iactantur crines per eburnea, quaeque
Poplitibus suberant picto genualia limbo:

АТАЛАНТА.

560 „Можетъ быть слыхивалъ ты о той, что поспоривши въ бѣгѣ,
Самыхъ проворныхъ мужей побѣждала. Молва не была та
Сказкою; точно она побѣждала; и ты не сказалъ бы,
Больше ли славою ногъ, красотой ли она отличалась;
На вопросъ о супругѣ, ей богъ отвѣтилъ: „Не нужно,
565 Аталанта, тебѣ супруга: чуждайся супруга,
Но не избѣгнешь его и себя ты живая лишишься“.
Божескихъ словъ устрашаясь, она проживаетъ безбрачна
Въ темныхъ лѣсахъ, жениховъ навязчивыхъ сонмъ безпощадно
Гонитъ условіемъ прочь; „нельзя обладать мной, взываетъ,
570 Въ бѣгѣ не побѣдивъ, состязайтесь ногами со мною.
Быстрому брачный чертогъ съ супругой дадутся въ награду,
Медленнымъ смерти удѣлъ; таковъ будь законъ состязанья“.
Онъ хотя и жестокъ, но такъ красота всемогуща,
Что подъ законъ тотъ идетъ толпа жениховъ дерзновенныхъ.
575 Тутъ же сидѣлъ Гиппоменъ, какъ зритель неправаго бѣга.
„Кто же съ такой добывать опасностью станетъ супругу?“
Такъ говоря, порицалъ онъ у юношей страсть черезъ мѣру.
Какъ лице увидалъ, а за снятой одеждою тѣло,
Вотъ какъ мое иль твое, когда бы женщиной былъ ты,
580 Остолбенѣлъ и, воздѣвъ онъ руки, воскликнулъ: „Простите
Мнѣ, что я васъ обвинялъ; еще я не вѣдалъ награды,
Что добиваетесь вы“. Хваля, онъ огнемъ разгорался
И желалъ, чтобъ никто не бѣжалъ изъ юношей шибче,
И ревновалъ, убоясь. „Но почему жь, онъ воскликнулъ,
585 Счастья не попытавъ въ состязаньи мнѣ этомъ остаться?
Смѣлымъ на помощь самъ богъ“. Пока Гиппоменъ такъ съ собою
Самъ разсуждаетъ, летитъ стопой окрыленною дѣва.
Хоть и не тише стрѣлы она Скиѳской стремленьемъ казалась
Аонійскому юношѣ, онъ красотѣ ея все же
590 Больше дивится, самъ бѣгъ ея красоту возвышаетъ.
Вѣтеръ относитъ назадъ завязки къ быстрымъ подошвамъ.
Волосы бьютъ по спинѣ, какъ кость слоновая, бѣлой,
А подвязки, что были съ узорной каймой, въ подколѣнья.

Inque puellari corpus candore ruborem
Traxerat, haud aliter, quam cum super atria velum
Candida purpureum simulatas inficit umbras.
Dum notat haec hospes, decursa novissima meta est,
Et tegitur festa victrix Atalanta corona.
Dant gemitum victi, penduntque ex foedere poenas.
Non tamen eventu iuvenis deterritus horum
Constitit in medio, vultuque in virgine fixo:
Quid facilem titulum superando quaeris inertes?
Mecum confer! ait. Seu me fortuna potentem
Fecerit, a tanto non indignabere vinci.
Namque mihi genitor Megareus Onchestius, illi
Est Neptunus avus. pronepos ego regis aquarum.
Nec virtus citra genus est. Seu vincar, habebis
Hippomene victo magnum et memorabile nomen.
Talia dicentem molli Schoeneia vultu
Aspicit, et dubitat, superari an vincere malit.
Atque ita: Quis deus hunc formosis, inquit, iniquus
Perdere vult, caraeque iubet discrimine vitae
Coniugium petere hoc? non sum, me iudice, tanti.
Nec forma tangor, poteram tamen hac quoque tangi,
Sed quod adhuc puer est. non me movet ipse, sed aetas.
Quid, quod inest virtus, et mens interrita leti?
Quid, quod ab aequorea numeratur origine quartus?
Quid, quod amat, tantique putat connubia nostra,
Ut pereat, si me fors illi dura negarit?
Dum licet, hospes, abi, thalamosque relinque cruentos.
Coniugium crudele meum est. Tibi nubere nulla
Nollet. et optari potes a sapiente puella.
Cur tamen est mihi cura tui, tot iam ante peremtis?
Viderit! intereat, quoniam tot caede procorum
Admonitus non est, agiturque in taedia vitae.
Occidet hic igitur, voluit quia vivere mecum?
Indignamque necem pretium patietur amoris?

---

605 *Мегарей* такъ же какъ и отецъ Аталанты — Схеней былъ Беотійскій властитель и притомъ въ Онхестѣ, построенномъ отцемъ Мегарея Онхестомъ, сыномъ Нептуна. Мегарей, какъ говорятъ, пошелъ на помощь Низу противъ Миноса (см.

Бѣлое тѣло ея дѣвичье слегка краснотою
595 Было подернуто, какъ когда надъ бѣлымъ притворомъ
Пурпурный занавѣсъ лишь подобіе тѣни наводитъ.
Гость покуда смотрѣлъ, послѣдній предѣлъ пробѣжали
И побѣднымъ вѣнкомъ въ торжествѣ Аталанта покрылась.
Стонъ испускаютъ и казнь побѣжденные тутъ принимаютъ.
600 Но не запуганный ихъ судьбой, на средину выходитъ
Юноша и говоритъ, въ лице уставившись дѣвы:
„Легкой славы зачѣмъ ты побѣдой надъ вялыми ищешь?
Вотъ состязайся со мной! И ежели счастье даруетъ
Власть мнѣ, не будетъ стыда тебѣ покориться такому.
605 Ибо отецъ у меня Мегарей Онхестій, ему же
Дѣдомъ роднымъ былъ Нептунъ; и правнукъ я бога пучины.
Доблесть тоже моя не отстала отъ рода. Побѣдой
Гиппомена себѣ ты великое имя составишь“.
На говорящаго такъ Схенея привѣтно взглянула
610 И не рѣшитъ, побѣдить ли ей лучше иль быть побѣжденной.
И затѣмъ говоритъ: „что за богъ, красавцамъ враждебный,
Хочетъ его погубить и шлетъ съ опасностью милой
Жизни здѣсь брака искать? Не стою того, я считаю.
Тронута я не красой, хоть тронуться ею могла бы,
615 А что онъ мальчикъ еще; смущена я не имъ, а лѣтами.
Развѣ нѣтъ доблести въ немъ и сердца безъ страха предъ смертью?
Развѣ въ роду онъ стоитъ не четвертымъ отъ бога морскаго?
Развѣ же онъ не влюбленъ и брака со мною не цѣнитъ
Такъ, что погибнетъ, коль рокъ во мнѣ ему злобный откажетъ?
620 Во время гость уходи, отступись отъ кроваваго ложа.
Бракъ со мною жестокъ. Для тебя не будетъ отказа
Ни у какой. Можешь быть ты желаннымъ у дѣвы разумной.
Чтожь озабочена я тобой, погубившая столькихъ?
Пусть же его! и умретъ, если онъ упрежденъ быть не можетъ
625 Смертію всѣхъ жениховъ и направленъ скукою жизни.
Такъ онъ погибнетъ за то, что жить пожелалъ онъ со мною?
И ненавистную смерть за любовь получитъ въ награду?

8, 6), палъ въ битвѣ и погребенъ близъ города Низы. Отъ него и самая Низа получила названіе Мегары.

Non erit invidiae victoria nostra ferendae.
Sed non culpa mea est. Utinam desistere velles!
630 Aut, quoniam es demens, utinam velocior esses!...
At, quam virgineus puerili vultus in ore est!
Ah, miser Hippomene, nollem tibi visa fuissem!
Vivere dignus eras. Quod si felicior essem,
Nec mihi coniugium fata importuna negarent,
635 Unus eras, cum quo sociare cubilia vellem.
Dixerat. utque rudis, primoque Cupidine tacta,
Quid facit, ignorans, amat, et non sentit amorem.
Iam solitos poscunt cursus populusque paterque,
Cum me sollicita proles Neptunia voce
640 Invocat Hippomenes, Cythereaque, comprecor ausis
Assit, ait, nostris et, quos dedit, adiuvet ignes.
Detulit aura preces ad me non invida blandas:
Motaque sum, fateor. Nec opis mora longa dabatur.
Est ager, indigenae Tamasenum nomine dicunt,
645 Telluris Cypriae pars optima, quam mihi prisci
Sacravere senes, templisque accedere dotem
Hanc iussere meis. Medio nitet arbor in arvo,
Fulva comam, fulvo ramis crepitantibus auro.
Hinc tria forte mea veniens decerpta ferebam
650 Aurea poma manu. nullique videnda, nisi ipsi,
Hippomenen adii, docuique, quis usus in illis.
Signa tubae dederant, cum carcere pronus uterque
Emicat, et summam celeri pede libat arenam.
Posse putes illos sicco freta radere passu,
655 Et segetis canae stantes percurrere aristas.
Adiiciunt animos iuveni clamorque favorque,
Verbaque dicentum: Nunc, nunc incumbere tempus,
Hippomene, propera! nunc viribus utere totis.
Pelle moram, vinces. Dubium, Megareius heros
660 Gaudeat, an virgo magis his Schoeneia dictis.
O quoties, cum iam posset transire, morata est,
Spectatosque diu vultus invita reliquit!

---

644 По имени города Тамаза на Кипрѣ. 662 Неохотно задержавши бѣгъ свой, чтобы имѣть возможность заглянуть ему въ лице, снова пускалась бѣжать.

Не придется терпѣть отъ зависти нашей побѣдѣ.
Но не моя въ томъ вина. О, если бъ ты могъ отступиться!
Иль хоть безуменъ ты такъ, о еслибы былъ ты быстрѣе!
Ахъ, какой на лицѣ у мальчика обликъ дѣвичій!
Но, бѣднякъ Гиппоменъ, ужь лучше бъ меня не видалъ ты!
Ты достоинъ былъ жить. И, еслибъ была я счастливѣй
И въ супружествѣ мнѣ не отказано было судьбами,
Ты бы единственнымъ былъ, съ кѣмъ ложе дѣлить бы желала".
Молвила; и новичекъ, Купидона коснувшись впервые,
Не разобравъ ничего, она любитъ, любви не примѣтивъ.
Уже народъ и отецъ обычнаго требуютъ бѣга,
Какъ взмолившись ко мнѣ Гиппоменъ, потомокъ Нептуна
Молвилъ: „прошу я тебя, Цитерея, въ моемъ дерзновеньи
Ты помоги, и огню пособи, что сама даровала".
Нѣжныя вѣтеръ мольбы ко мнѣ перенесъ благосклонно:
Тронулась я, сознаюсь. И не медлила помощью долго.
Есть равнина, зовутъ ее Тамазейской туземцы,
Кипра то лучшая часть, которую древніе старцы
Мнѣ посвятили, велѣвъ, чтобъ это приданымъ примкнуло
Къ собственнымъ храмамъ моимъ. Тамъ дерево блещетъ средь поля,
Желтой листвою суки шумятъ всѣ въ золотѣ желтомъ.
Идя случайно оттоль три яблока, сорванныхъ мною,
Я несла золотыхъ; никому изъ прочихъ незримо,
Я къ Гиппомену прошла и какъ съ ними быть научила.
Трубы лишь подали знакъ, и оба склонясь, промелькнули
Изъ оградъ, и песка чуть касаются быстрой ногою.
По водамъ бы, кажись, стопой имъ сухой проноситься,
Или вдоль зрѣлыхъ полей пробѣгать по стоячимъ колосьямъ.
Юношѣ крикъ поддаетъ и ропотъ привѣтственный духу,
Да восклицанья толпы: „Вотъ, вотъ налегни хорошенько,
Гиппоменъ, поспѣши! Изо всей постарайся ка силы.
Не полѣнись, побѣдишь". Неизвѣстно, герой Мегарейскій
Больше ли радъ тѣмъ словамъ, иль сама Схенейская дѣва.
О, какъ часто, когда ужь могла обѣжать, замедлялась
И неохотно лице, на него заглядясь, покидала!

Aridus e lasso veniebat anhelitus ore,
Metaque erat longe. Tum denique de tribus unum
Foetibus arboreis proles Neptunia misit.
Obstupuit virgo, nitidique cupidine pomi
Declinat cursus, aurumque volubile tollit.
Praeterit Hippomenes. Resonant spectacula plausu.
Illa moram celeri cessataque tempora cursu
Corrigit, atque iterum iuvenem post terga relinquit.
Et rursus pomi iactu remorata secundi,
Consequitur transitque virum. Pars ultima cursus
Restabat. Nunc, inquit, ades, dea muneris auctor!
Inque latus campi, quo tardius illa rediret,
Iecit ab obliquo nitidum iuveniliter aurum.
An peteret, virgo visa est dubitare. coegi
Tollere, et adieci sublato pondera malo,
Impediique oneris pariter gravitate moraque.
Neve meus sermo cursu sit tardior ipso,
Praeterita est virgo. duxit sua praemia victor.
 Dignane, cui grates ageret, cui turis honorem
Ferret, Adoni, fui? Nec grates immemor egit,
Nec mihi tura dedit. Subitam convertor in iram:
Contemtuque dolens, ne sim spernenda futuris,
Exemplo caveo, meque ipsa exhortor in ambos.
Templa deum Matri, quae quondam clarus Echion
Fecerat ex voto, nemorosis abdita silvis,
Transibant, et iter longum requiescere suasit.
Illic concubitus intempestiva cupido
Occupat Hippomenen, a numine concita nostro.
Luminis exigui fuerat prope templa recessus,
Speluncae similis, nativo pumice tectus,
Religione sacer prisca, quo multa sacerdos
Lignea contulerat veterum simulacra deorum.
Hunc init, et vetito temerat sacraria probro.
Sacra retorserunt oculos. turritaque Mater,
An Stygia sontes, dubitavit, mergeret unda.

---

686 *Цибелы* (см. выше 104). *Эхіонъ* (см. 3, 127). 696 *Башней вѣнчанная* (см. выше 104).

Изъ обезсиленныхъ устъ выходило сухое дыханье,
Цѣль все была далеко. Наконецъ то потомокъ Нептуна
Кинулъ одинъ изъ трехъ древесныхъ плодовъ предъ собою.
Дѣва въ смущенье пришла и блестящаго яблока ради
Бѣсъ уклоняетъ, поднять проворное золото съ земи.
Вмигъ обогналъ Гиппоменъ. Раздались по зрѣлищу плески.
Та задержку свою и утрату времени быстрымъ
Бѣгомъ исправивъ, опять оставила юношу сзади.
И, замедляясь опять надъ брошеннымъ яблокомъ новымъ,
Мужа догнавъ, обѣжала она. Бѣга малость осталось.
„Вотъ помоги, онъ вскричалъ, богиня вручившая даръ свой!“
Въ сторону поля затѣмъ, чтобъ она позднѣй воротилась,
Съ силою юноши вкось онъ блестящее золото кинулъ.
Дѣва не знала, кажись, поднять ли его. Подстрекнула
Я ее подымать, и прибавила яблоку вѣсу,
Тяжестью столько же ей помѣшала я, сколько задержкой.
Но чтобы не былъ разсказъ мой медленнѣй самого бѣга,
Дѣву онъ обогналъ; и награду забралъ побѣдитель.
Развѣ не стоила я, Адонисъ, чтобы мнѣ благодарность
Онъ воздалъ и почтилъ меня ладономъ? Онъ же забылъ мнѣ
И благодарность воздать и ладонъ. Я въ гнѣвъ обратилась:
Отъ невниманья скорбя, чтобъ не быть у грядущихъ въ презрѣньи,
Я имъ примѣромъ грожу и насильно сержусь на обоихъ.
Матери общей боговъ тотъ храмъ, что когда то Эхіонъ
Выстроилъ какъ обѣщалъ, укрывшійся лѣсомъ тѣнистымъ,
Проходили они, и склонялъ путь долгій на отдыхъ.
Тутъ безвременное желанье объятій вселилось
Въ Гиппомена; оно моею внушалося властью.
Былъ уголокъ небольшой со свѣтомъ лишь малымъ близь храма,
Вродѣ пещеры, и былъ прикрытъ онъ природною пемзой,
Изстари былъ онъ почтенъ, и въ него уже было жрецами
Множество статуй боговъ снесено деревянныхъ, старинныхъ.
Онъ, вошедши туда, оскверняетъ святыню нечестьемъ.
Лики глаза отвели; а башней вѣнчапная Матерь,
Думая ужъ погрузить въ Стигійскія волны виновныхъ,

Poena levis visa est. Ergo modo levia fulvae
Colla iubae velant, digiti curvantur in ungues,
700 Ex humeris armi fiunt, in pectora totum
Pondus abit, summae cauda verruntur arenae.
Iram vultus habet. pro verbis murmura reddunt:
Pro thalamis celebrant silvas. aliisque timendi
Dente premunt domito Cybeleia frena leones.
705 Hos tu, care mihi, cumque his genus omne ferarum,
Quod non terga fugae, sed pugnae pectora praebet,
Effuge, ne virtus tua sit damnosa duobus.
Illa quidem monuit, iunctisque per aera cygnis
Carpit iter. sed stat monitis contraria virtus.
710 Forte suem latebris vestigia certa secuti
Excivere canes, silvisque exire parantem
Fixerat obliquo iuvenis Cinyreius ictu.
Protinus excussit pando venabula rostro
Sanguine tincta suo, trepidumque et tuta petentem
715 Trux aper insequitur, totosque sub inguine dentes
Abdidit, et fulva moribundum stravit arena.
Vecta levi curru medias Cytherea per auras
Cypron olorinis nondum pervenerat alis:
Agnovit longe gemitum morientis, et albas
720 Flexit aves illuc. Utque aethere vidit ab alto
Exanimem inque suo iactantem sanguine corpus,
Desiluit, pariterque sinum, pariterque capillos
Rupit, et indignis percussit pectora palmis.
Questaque cum fatis: At non tamen omnia vestri
725 Iuris erunt, dixit. luctus monimenta manebunt
Semper, Adoni, mei. repetitaque mortis imago
Annua plangoris peraget simulamina nostri.
At cruor in florem mutabitur. An tibi quondam
Femineos artus in olentes vertere menthas,
730 Persephone, licuit? nobis Cinyreius heros
Invidiae mutatus erit? Sic fata cruorem

---

704 *Въ удилахъ они ходятъ*, подобно тому какъ Церера ѣдетъ на драконахъ или змѣяхъ (см. 5, 642), Венера (см. ниже 708) на лебедяхъ или голубяхъ (см. 14, 597), Юнона на павлинахъ (см. 2, 532); такъ Цибела разъѣзжаетъ въ колесницѣ, запряженной

Легкой ту кару сочла. Вотъ съ шеи ихъ гладкой недавно
Рыжія гривы растутъ, а пальцы сгибаются въ когти,
Плечи въ лопатки пошли и въ грудь вся тяжесть свалилась,
А поверхность песка хвостомъ заметается длиннымъ.
Гнѣвъ на лицахъ у нихъ, слова замѣнились рычаньемъ,
Служитъ имъ спальнею лѣсъ; и страшные сами всѣмъ прочимъ,
Зубомъ покорнымъ, какъ львы, въ удилахъ они ходятъ Цибелы.
Ихъ то, мой дорогой, и всего звѣринаго рода,
Что не къ побѣгу свой тылъ, а грудь обращаетъ на битву,
Ты избѣгай, чтобъ твоя не губила насъ доблесть обоихъ“.
Такъ увѣщала она, и затѣмъ на лебяжьей запряжкѣ
Въ высь поднялась; но влечетъ вопреки увѣщаніямъ доблесть.
Вѣрнымъ слѣдомъ свинью собаки случайно сыскавши,
Съ логова гнали и, какъ она выбиралась изъ лѣсу,
Юноша ранилъ ее Цинирей, ударивши сбоку.
Рыло понуривъ сейчасъ, кабанъ орошенную кровью
Собственной пику исторгъ; и за дрожащимъ, искавшимъ
Безопасность найти, бѣжитъ, и всѣ зубы вонзаетъ
Въ пахъ, и на желтый песокъ его умирающимъ ринулъ.
Въ легкой по воздуху мчась колесницѣ своей Цитерея
На лебединыхъ крылахъ, еще не достигнула Кипра;
Издали стонъ узнаетъ она предсмертный, и бѣлыхъ
Птицъ направляетъ туда. Когда жь увидала съ эѳира
Трупъ бездыханный его въ своей же крови распростертый,
То соскочила, и тутъ и одежду и волосы стала
Рвать, и въ грудь ударять безвинными въ этомъ руками.
И, ропща на судьбу, говорила: „Однако не все же
Будетъ во власти твоей; останется памятникъ вѣчный
Грусти моей, Адонисъ; повторенная смерти картина
Ежегодно моихъ терзаній подобіемъ будетъ.
Кровь же твоя въ цвѣтокъ обратится. Или же древле
Женское тѣло тебѣ, Прозерпина, въ душистую мяту
Было дано обратить? Ужель Цинирея героя
Мнѣ превратить не дадутъ?“ Такъ молвя, она благовоннымъ

львами. 729 Овидій пользуется случаемъ сказать еще о новомъ превращеніи нимфы Менты (Мяты), въ которую влюбленъ былъ Нептунъ, Прозерпиною изъ ревности въ душистую траву того же имени.

Nectare odorato spargit. qui tactus ab illo
Intumuit sic, ut pluvio pellucida coelo
Surgere bulla solet. Nec plena longior hora
735 Facta mora est, cum flos de sanguine concolor ortus,
Qualem, quae lento celant sub cortice granum,
Punica ferre solent. Brevis est tamen usus in illo.
Namque male haerentem et nimia levitate caducum
Excutiunt idem, qui praestant nomina, venti.

---

739 Адонисъ былъ превращенъ въ цвѣтокъ Анемону, по русски Вѣтренницу, коей лепестки легко осыпаются при дуновеніи вѣтра.

Нектаромъ кровь полила; что имъ лишь затронута, тотчасъ
Вздулась словно пузырь прозрачный, какой подъ дождливымъ
Небомъ обычно встаетъ. Еще не продлилось и часу,
735 Уже возникнулъ цвѣтокъ, окраскою крови подобный,
Какъ у Пунійскаго яблока, что подъ тягучей корою
Кроетъ свои сѣмена, онъ обыченъ. Но вѣкъ его кратокъ.
Ибо, какъ держится онъ некрѣпко и легокъ чрезмѣрно,
Отрясаютъ его названье дающіе, вѣтры.

LIBER UNDECIMUS.

INDEX.

1. Orphei mors.
2. Baccharum poena.
3. Midas aureus.
4. Midae aures.
5. Laomedon.
6. Peleus et Thetis.
7. Peleus apud Ceycem. Chione. Daedalion.
8. Ceyx et Halcyone. Somnus.
9. Aesacus.

ORPHEI MORS.

Carmine dum tali silvas animosque ferarum
Threicius vates et saxa sequentia ducit,
Ecce nurus Ciconum, tectae lymphata ferinis
Pectora velleribus, tumuli de vertice cernunt
Orphea percussis sociantem carmina nervis.
E quibus una, levem iactato crine per auram:
En, ait, en hic est nostri contemtor! et hastam
Vatis Apollinei vocalia misit in ora:
Quae foliis praesuta notam sine vulnere fecit.
Alterius telum lapis est. qui missus, in ipso
Aere concentu victus vocisque lyraeque est,
Ac veluti supplex pro tam furialibus ausis
Ante pedes iacuit. Sed enim temeraria crescunt
Bella, modusque abiit, insanaque regnat Erinnys.

---

3 *Жены Циконскія* (см. 6, 710). 4 *Шкурою дикихъ звѣрей* (см. 4, 6). 7 *насъ*

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Смерть Орфея . . . . Ст. 1— 66
2. Наказаніе Вакханокъ. . . . . . . „ 67— 84
3. Золотой Мидасъ. . . . . „ 85—145
4. Уши Мидаса . . . . „ 146—193
5. Лаомедонъ . . . . „ 194—220
6. Пелей и Ѳетида. . . . . „ 221—265
7. Пелей у Цеика. Хіона. Дэдаліонъ. „ 266—409
8. Цеикъ и Гальціона. Сонъ . . . „ 410—748
9. Эзакъ . . . . „ 749—795

СМЕРТЬ ОРФЕЯ.

Временемъ тѣмъ, что лѣса, и души звѣрей, и каменья
За собою во слѣдъ увлекалъ пѣснопѣвецъ Ѳракійскій,
Жены Циконскія вдругъ, прикрывши безумныя груди
Шкурою дикихъ звѣрей, съ вершины холма увидали,
Какъ съ сотрясеніемъ струнъ Орфей сочетаетъ напѣвы.
Тутъ между ними одна, волоса раскидавши на вѣтеръ:
„Вонъ онъ, вскричала, вонъ тотъ, что насъ презираетъ!“ и пику
Въ звучныя прямо уста пѣвца Аполлона швырнула;
Та перевита листвой, причинила лишь мѣтку безъ раны.
Камень оружіемъ сталъ у другой; но брошенный, даже
Въ воздухѣ бывъ побѣжденъ согласіемъ пѣнья и лиры,
Какъ бы прощенья прося за такую свирѣпую дерзость,
Онъ у ногъ его палъ. Но вражда возрастая безумно,
Вышла изъ мѣры, и вотъ Эриннія властвуетъ дико.

презираетъ (см. 10, 79). 9 Тирсъ. 14 *Эриннія* (см. 1, 241).

15 Cunctaque tela forent cantu mollita. sed ingens
Clamor et infracto Berecyntia tibia cornu
Tympanaque et plausus et Bacchei ululatus
Obstrepuere sono citharae. Tunc denique saxa
Non exauditi rubuerunt sanguine vatis.
20 Ac primum attonitas etiamnum voce canentis
Innumeras volucres anguesque agmenque ferarum
Maenades Orphei titulum rapuere triumphi.
Inde cruentatis vertuntur in Orphea dextris
Et coeunt, ut aves, si quando luce vagantem
25 Noctis avem cernunt, structoque utrimque theatro
Ceu matutina cervus periturus arena
Praeda canum est, vatemque petunt et fronde virentes
Coniiciunt thyrsos, non haec in munera factos.
Hae glebas, illae direptos arbore ramos,
30 Pars torquent silices. Neu desint tela furori,
Forte boves presso subigebant vomere terram,
Nec procul hinc multo fructum sudore parantes
Dura lacertosi fodiebant arva coloni.
Agmine qui viso fugiunt, operisque relinquunt
35 Arma sui. vacuosque iacent dispersa per agros
Sarculaque rastrique graves longique ligones.
Quae postquam rapuere ferae, cornuque minaces
Divellere boves, ad vatis fata recurrunt,
Tendentemque manus atque illo tempore primum
40 Irrita dicentem nec quicquam voce moventem
Sacrilegae perimunt. perque os, pro Iuppiter! illud
Auditum saxis intellectumque ferarum
Sensibus in ventos anima exhalata recessit.
Te maestae volucres, Orpheu, te turba ferarum,
45 Te rigidi silices, te carmina saepe secutae
Fleverunt silvae. positis te frondibus arbos

---

18 Звуки цитры, покрытые Вакхическимъ гамомъ, не могли производить своего волшебнаго дѣйствія. 22 *Мэнады лишили Орфея тріумфа* — растерзавши животныхъ, средь которыхъ пѣвецъ находился, подобно тріумфатору, окруженному покоренными народами. 25 Какъ днемъ птицы нападаютъ на пролетающую сову или

Все жъ бы оружье сдалось передъ пѣньемъ; но страшные крики,
Да перегнувшійся рогъ съ Берецентійскою флейтой,
И тимпаны и плескъ, да завыванье Вакханокъ,
Цитры осилили звонъ. Тогда наконецъ то и скалы
Недослушаннаго пѣвца закраснѣлися кровью.
И сперва изумленныхъ поющаго голосомъ сладкимъ
Многочисленныхъ птицъ, и змѣй, и дикихъ животныхъ
Растерзавши, Мэнады лишили Орфея тріумфа.
Слѣдомъ затѣмъ обратя на Орфея кровавыя руки,
Сбились какъ птицы онѣ, которыя днемъ увидали
Птицы ночной перелетъ и, какъ въ двустороннемъ театрѣ,
Гдѣ поутру на пескѣ олень предназначенъ погибнуть,
Ставъ добычей собакъ, онѣ на пѣвца нападаютъ,
Тирсы швыряя съ листвой, несродные къ дѣлу такому.
Глыбами эти; а тѣ суками сломленными съ древа
Мечутъ, и камнями часть. Чтобъ бѣшенство было съ оружьемъ,
Плугъ нажимая быки, пахали случайно тутъ землю
И недалеко оттоль, чтобъ плодъ подготовить, копали
Твердое поле, въ поту великомъ трудясь, поселяне.
Всю толпу увидавъ, они убѣжали, орудья
Бросивъ труда своего; и лежатъ раскиданы въ полѣ
Вѣскія грабли, кирки и заступы съ длинною ручкой.
Ихъ схвативши себѣ, изступленныя, грозныхъ рогами
Растерзавши быковъ, пѣвца добивать возвратились,
И простиравшаго руки и въ первый разъ понапрасну
Восклицавшаго и никого не плѣнившаго рѣчью
На смерть безбожницы бьютъ; и въ тѣ уста, о Юпитеръ:
Что говорили скаламъ и были понятны звѣринымъ
Чувствамъ, на воздухъ теперь со вздохомъ душа отлетѣла.
Плачутъ, Орфей, по тебѣ печальныя птицъ и звѣри,
Твердыя скалы, и лѣсъ, столь часто за пѣсней твоею
Шедшій во слѣдъ; по тебѣ съ листвой оброненною плачетъ

какъ въ амфитеатрѣ, состоящемъ какъ бы изъ двухъ одинаковыхъ дугъ (*въ двустороннемъ театрѣ*), съ утра производятъ оленью травлю (такъ какъ позднѣе начинается гладіаторскій бой).

Tonsa comas luxit. lacrimis quoque flumina dicunt
Increvisse suis. obscuraque carbasa pullo
Naides et dryades passosque habuere capillos.
Membra iacent diversa locis. Caput, Hebre, lyramque
Excipis. et... mirum!.. medio dum labitur amne,
Flebile nescio quid queritur lyra, flebile lingua
Murmurat exanimis, respondent flebile ripae.
Iamque mare invectae flumen populare relinquunt,
Et Methymnaeae potiuntur litore Lesbi.
Hic ferus expositum peregrinis anguis arenis
Os petit et sparsos stillanti rore capillos.
Tandem Phoebus adest, morsusque inferre parantem
Arcet, et in lapidem rictus serpentis apertos
Congelat, et patulos, ut erant indurat hiatus.
Umbra subit terras, et quae loca viderat ante,
Cuncta recognoscit. quaerensque per arva piorum
Invenit Eurydicen, cupidisque amplectitur ulnis.
Hic modo coniunctis spatiantur passibus ambo,
Nunc praecedentem sequitur, nunc praevius anteit,
Eurydicenque suam iam tuto respicit Orpheus.

BACCHARUM POENA.

Non impune tamen scelus hoc sinit esse Lyaeus:
Amissoque dolens sacrorum vate suorum,
Protinus in silvis matres Edonidas omnes,
Quae videre nefas, torta radice ligavit.
Quippe pedum digitos, in quantum quaeque secuta est,
Traxit, et in solidam detrusit acumine terram.
Utque suum laqueis, quos callidus abdidit auceps,
Crus ubi commisit volucris, sensitque teneri,
Plangitur, ac trepidans astringit vincula motu:

---

47 На языкѣ поэтовъ древесная листва часто обзывается волосами. Дерево обнажается на подобіе скорбящихъ близкихъ, срѣзающихъ и жертвующихъ свои волоса дорогому усопшему (см. 3, 506). Божества рѣкъ уже неоднократно (см. 1, 584 и 8, 553) изображались отдѣльными отъ своихъ потоковъ; поэтому неудивительно, что они слезами умножаютъ собственныя воды. 48 *Наяды* и *Дріады* (см. 6, 453).

Дерево, снявъ волоса. Говорятъ, что и рѣки полнѣе
Стали отъ собственныхъ слезъ; и въ черныхъ одеждахъ наяды
И дріады свои волоса по плечамъ распустили.
50 Члены въ различныхъ мѣстахъ разбросаны: Голову съ лирой,
Гебръ, ты принялъ къ себѣ; и... диво!... несяся въ потокѣ,
Грустно, не знаю о чемъ то стонетъ лира, и грустно
Мертвый лепечетъ языкъ и отвѣтствуетъ грустью прибрежье.
Къ морю доплывъ, ужь они покидаютъ родимую рѣку
55 И въ Метимнѣ затѣмъ береговъ достигаютъ Лесбоса.
Здѣсь, какъ лежали уста на пескѣ чужеземномъ, свирѣпый
Змѣй устремился на нихъ и на волосы въ капляхъ росистыхъ.
Фебъ однако жь предсталъ, и того, что кусать собирался,
Онъ задержалъ, превратя змѣю съ разинутымъ зѣвомъ
60 Въ камень, и такъ какъ была, раскрытая пасть и застыла.
Тѣнь подъ землю сошла, и мѣста, что прежде видала,
Снова признала она; ища по полямъ средь блаженныхъ,
Онъ Эвридику нашелъ и жадными обнялъ руками.
Скоро сближая шаги, они загуляли тамъ оба,
65 То онъ слѣдомъ за ней, то самъ впереди, безъ опаски
На Эвридику свою Орфей обернувшись, взираетъ.

НАКАЗАНІЕ ВАКХАНОКЪ.

Все жь злодѣйству Ліей безнаказаннымъ быть не дозволилъ:
И объ утратѣ скорбя своихъ святынь пѣснопѣвца,
Тотчасъ женщинъ онъ всѣхъ Эдонскихъ, причастныхъ нечестью,
70 Тутъ же въ лѣсу прикрѣпилъ узлами корней перевитыхъ.
Ибо всѣ пальцы въ ногахъ, насколько какая гналася,
Вытянулъ онъ и вонзилъ концами въ упругую землю.
Какъ порою въ петлю, ловцемъ прикрытую хитрымъ,
Птица ногой попадетъ и чувствуетъ, что ее держитъ,
75 Бьется и, вся трепеща, лишь узы затягивать станетъ,

---

51 Ѳракійская рѣка *Гебръ*, вытекающая изъ Гема и бѣгущая къ Эгейскому морю. 55 Городъ *Метимна* на Лесбосѣ знаменитый своимъ виномъ. 60 Скалы весьма часто имѣютъ сходство съ тѣмъ или другимъ животнымъ, почему и подавали каждый разъ поводъ, согласно извѣстной формѣ, къ извѣстному преданію. 67 *Лієй* (см. 4, 11).

Sic, ut quaeque solo defixa cohaeserat harum,
Exsternata fugam frustra tentabat. at illam
Lenta tenet radix, exsultantemque coercet.
Dumque ubi sint digiti, dum pes ubi quaerit et ungues,
80 Aspicit in teretes lignum succedere suras.
Et conata femur maerenti plangere dextra,
Robora percussit. Pectus quoque robora fiunt:
Robora sunt humeri, porrectaque brachia veros
Esse putes ramos, et non fallare putando.

MIDAS AUREUS.

85 Nec satis hoc Baccho est. ipsos quoque deserit agros,
Cumque choro meliore sui vineta Timoli
Pactolonque petit. quamvis non aureus illo
Tempore, nec caris erat invidiosus arenis.
Hunc assueta cohors satyri bacchaeque frequentant.
90 At Silenus abest. Titubantem annisque meroque
Ruricolae cepere Phryges, vinctumque coronis
Ad regem duxere Midan, cui Thracius Orpheus
Orgia tradiderat cum Cecropio Eumolpo.
Qui simul agnovit socium comitemque sacrorum,
95 Hospitis adventu festum genialiter egit
Per bis quinque dies et iunctas ordine noctes.
Et iam stellarum sublime coegerat agmen
Licifer undecimus, Lydos cum laetus in agros
Rex venit, et iuveni Silenum reddit alumno,
100 Huic deus optandi gratum, sed inutile, fecit
Muneris arbitrium, gaudens altore recepto.
Ille, male usurus donis, ait: Effice, quicquid
Corpore contigero, fulvum vertatur in aurum.
Annuit optatis, nocituraque munera solvit
105 Liber, et indoluit, quod non meliora petisset.
Laetus abit, gaudetque malo Berecyntius heros:

---

86 *Тимолъ* или *Тмолъ* — Лидійская гора, знаменитая своими виноградниками; изъ нея истекала золотоносная рѣка Пактолъ. 90 *Силенъ* (см. 4, 25). 91 Въ качествѣ пьющаго Силенъ увѣнчанъ былъ вѣнками изъ плюща и виноградной лозы и

Каждая такъ то изъ нихъ, какъ только къ землѣ прилипала,
Въ страхѣ напрасно бѣжать старалась; но корень тягучій
Держитъ на мѣстѣ ее и скачущей мчаться мѣшаетъ.
Только пальцевъ, да ногъ и ногтей разыскивать станетъ,
Видитъ, что дерево ей на упругія икры взлѣзаетъ.
И, желая рукой по лядвіи съ горя ударить,
По стволу она бьетъ. Да въ стволъ то и грудь превратилась:
Плечи стали стволомъ; простертыя руки ты могъ бы
Счесть за сучья скорѣй, и ты не ошибся бы мнѣньемъ.

ЗОЛОТОЙ МИДАСЪ.

Вакхъ недоволенъ и тѣмъ; поля онъ тѣ самыя кинулъ,
И къ вертоградамъ своимъ на Тимолѣ съ отборнѣйшимъ хоромъ,
И къ Пактолу спѣшитъ; хоть тотъ золотымъ въ это время
Не былъ еще, и пескомъ драгоцѣннымъ не былъ завиденъ.
Съ нимъ обычный его вакханокъ хоръ и сатировъ.
Но Силена тутъ нѣтъ. Отъ лѣтъ и вина онъ шатался;
Взяли Фригійцы его и свели, связавши вѣнками,
Прямо къ Мидасу царю, который Ѳракійскимъ Орфеемъ
Въ оргіи былъ посвященъ заодно съ Кекропійскимъ Эвмолпомъ.
Тотъ, какъ только узналъ товарища, спутника таинствъ,
Гостя встрѣчая приходъ, веселый праздникъ устроилъ,
Десять длившійся дней и съ ними ночей по порядку.
И одиннадцатый ужъ горнее стадо созвѣздій
Люциферъ сталъ загонять, когда на Лидійскія нивы
Вышелъ царь и отдалъ молодому питомцу Силена.
Богъ предоставилъ ему при просьбѣ пріятный, но вредный
Выборъ награды, самъ радъ принять воспитателя снова.
Царь, прося ко вреду себѣ дара, сказалъ: „Сдѣлай, чтобы,
Лишь я къ чему прикоснусь, то стало бы золотомъ желтымъ“.
Либеръ услышалъ мольбу и вреднымъ снабдилъ его даромъ,
И опечалился, что не нашелъ тотъ просьбы получше.
Берецинтійскій герой, худымъ восхищаясь, уходитъ

Фригійцы вяжутъ шатающагося старика снятыми съ него же вѣнками. 106 *Берецинтійскій герой.*— Такъ названъ Мидасъ по матери своей Цибелѣ (Берецинтіи). Оба получили свое прозваніе отъ Фригійской горы Берецинта. О Цибелѣ (см. 10, 104).

Pollicitique fidem tangendo singula tentat.
Vixque sibi credens, non alta fronde virentem
Ilice detraxit virgam. virga aurea facta est.
110 Tollit humo saxum. saxum quoque palluit auro.
Contigit et glebam. contactu gleba potenti
Massa fit. Arentis Cereris decerpsit aristas:
Aurea messis erat. Demtum tenet arbore pomum:
Hesperidas donasse putes. Si postibus altis
115 Admovit digitos, postes radiare videntur.
Ille etiam liquidis palmas ubi laverat undis,
Unda fluens palmis Danaen eludere posset.
Vix spes ipse suas animo capit, aurea fingens
Omnia. Gaudenti mensas posuere ministri
120 Exstructas dapibus, nec tostae frugis egentes.
Tum vero, sive ille sua Cerealia dextra
Munera contigerat, Cerealia dona rigebant:
Sive dapes avido convellere dente parabat,
Lamina fulva dapes, admoto dente, premebat.
125 Miscuerat puris auctorem muneris undis:
Fusile per rictus aurum fluitare videres.
Attonitus novitate mali, divesque miserque,
Effugere optat opes, et quae modo voverat, odit.
Copia nulla famen relevat. sitis arida guttur
130 Urit, et inviso meritus torquetur ab auro.
Ad coelumque manus et splendida brachia tollens:
Da veniam, Lenaee pater! peccavimus, inquit,
Sed miserere, precor, speciosoque eripe damno.
Mite deum numen Bacchus peccasse fatentem
135 Restituit, factaque fide data munera solvit.
Neve male optato maneas circumlitus auro,
Vade, ait, ad magnis vicinum Sardibus amnem,
Perque iugum ripae labentibus obvius undis

---

117 *Данаю* (см. 4, 611). 125 *виновника дара*—превращать все въ золото, т. е. Вакха, который поставленъ здѣсь вмѣсто дарованнаго имъ вина. 131 *ясныя руки*. Самая одежда отъ его прикосновенія превращалась въ золото. 137 *Сардъ*. Въ знаменитой столицѣ Лидійскихъ царей, Сардахъ, протекала золотоносная рѣка Пактолъ. 138 У Merkel *montis*, а у Haupt — Phrygiae; намъ казалось, что первый варьянтъ требовалъ бы, по причинѣ нѣкотораго противорѣчія съ остальнымъ разсказомъ, особаго

И, касаясь всего, провѣрить спѣшитъ обѣщанье.
Еле вѣря себѣ, съ невысокаго зеленью дуба,
Вѣтку онъ тутъ же сломилъ; золотою содѣлалась вѣтка.
110 Камень съ земли онъ поднялъ; и золотомъ желтымъ сталъ камень.
Тронулъ глыбу; и вотъ, затронута силою, глыба
Стала комкомъ золотымъ. Колосьевъ сорвалъ онъ Цереры:
Золото—жатва его. Взялъ яблоко, съ дерева снявши:
Словно бы даръ Гесперидъ. Коснется ли стоекъ высокихъ
115 Пальцемъ онъ, и сейчасъ воочію стойки сіяютъ.
Также, когда умывалъ онъ руки текучей водою,
Съ рукъ стекая, струя могла обмануть бы Данаю.
Въ духѣ надежды свои едва вмѣщая, все видитъ
Онъ золотымъ. Передъ нимъ довольнымъ становитъ прислуга
120 Съ пищей обильной столы, и съ хлѣбомъ поджареннымъ тоже.
Тутъ лишь своею рукой даровъ онъ Цереры касался,
Какъ Цереры дары немедля при этомъ твердѣли;
Или коль пищу жевать онъ жадно сбирался зубами,
Желтый пластъ отягчалъ подъ зубъ попадавшую пищу.
125 Ежели съ чистой водой мѣшалъ онъ виновника дара,
Видимо было, что въ ротъ ему жидкое золото льется.
Новостью зла потрясенъ, богатый и вмѣстѣ убогій,
Радъ онъ бѣжать отъ богатствъ, недавно желаннымъ гнушаясь.
Голодъ не легче томитъ въ изобильи и жажда сухая
130 Жжетъ, и его подѣломъ ненавистное золото мучитъ.
И, воздѣвъ къ небесамъ ладони и ясныя руки,
Онъ воскликнулъ: „прости мнѣ, отецъ Леней! согрѣшилъ я;
Все же ты сжалься, прошу, и избавь отъ блестящаго худа“.
Вакхъ, кротчайшій изъ всѣхъ боговъ, сознавшаго грѣхъ свой
135 Возстановилъ и отъ всѣхъ проявленій дара избавилъ.
„Чтобъ не остался залитъ ты на горе испрошеннымъ златомъ,
Такъ ступай, онъ сказалъ, къ рѣкѣ близь Сардъ знаменитыхъ
И по прибрежнымъ горамъ, волнамъ нисходящимъ навстрѣчу

подтвержденія, котораго Merkel не даетъ. Впрочемъ *montis* и у Heinsius; чтеніе Haupt совершенно единоличное не основанное ни на одномъ извѣстномъ кодексѣ, и не можетъ потому оправдать смѣшеніе Фригіи съ Лидіей, гдѣ протекаетъ Сардисъ; потому мы и предпочли ripae, предложенное Jahn и Loers, которое встрѣчается во многихъ надежныхъ кодексахъ.

Carpe viam, donec venias ad fluminis ortus.
Spumigeroque tuum fonti, qua plurimus exit,
Subde caput, corpusque simul, simul elue crimen.
Rex iussae succedit aquae. Vis aurea tinxit
Flumen, et humano de corpore cessit in amnem.
Nunc quoque iam veteris percepto semine venae
Arva rigent auro madidis pallentia glebis.

MIDAE AURES.

Ille, perosus opes, silvas et rura colebat
Panaque montanis habitantem semper in antris.
Pingue sed ingenium mansit. nocituraque, ut ante,
Rursus erant domino stolidae praecordia mentis.
Nam freta prospiciens late riget arduus alto
Tmolus in ascensu, clivoque extensus utroque
Sardibus hinc, illinc parvis finitur Hypaepis.
Pan ibi dum teneris iactat sua carmina nymphis
Et leve cerata modulatur arundine carmen,
Ausus Apollineos prae se contemnere cantus,
Iudice sub Tmolo certamen venit ad impar.
Monte suo senior iudex consedit, et aures
Liberat arboribus. quercu coma caerula tantum
Cingitur, et pendent circum cava tempora glandes.
Isque deum pecoris spectans: In iudice, dixit,
Nulla mora est. Calamis agrestibus insonat ille:
Barbaricoque Midan... aderat nam forte canenti...
Carmine delenit. Post hunc sacer ora retorsit
Tmolus ad os Phoebi. vultum sua silva secuta est.
Ille caput flavum lauro Parnaside vinctus
Verrit humum Tyrio saturata murice palla:
Instrictamque fidem gemmis et dentibus Indis

---

147 *Панъ* — богъ стадъ и пастуховъ (см. 14, 515). 150 *на море глядя* тѣмъ съ большимъ удобствомъ могло здѣсь быть сказано о горѣ Тмолѣ, который далѣе по особой прихоти поэта является вполнѣ олицетвореннымъ, подобно тому, какъ это бываетъ съ божествами рѣкъ и потоковъ. 152 *малыхъ Гипепахъ* (см. 6, 13). 158 Горный богъ — Тмолъ, слитый съ своею горою, оправляетъ *уши свои отъ деревъ*, такъ какъ гора до самой вершины покрыта лѣсомъ, представляющимъ волосы

Прямо отправься, пока не дойдешь до рѣчнаго истока.
И въ опѣненный тамъ ключъ, гдѣ бьетъ съ наибольшей онъ силой,
Голову ты окуни, и съ тѣломъ омой и проступокъ",
Царь, какъ приказано, въ воду вошелъ. Тутъ золота сила
Рѣку окрасивъ, въ потокъ ушла изъ тѣла людскаго.
И по нынѣ еще тѣмъ сѣменемъ жилы старинной
Золотомъ твердымъ въ поляхъ желтѣютъ пропитаны глыбы.

УШИ МИДАСА.

Онъ, богатства презрѣвъ, возлюбилъ лѣса и равнины,
Да живущаго вѣкъ въ пещерахъ, нагорнаго Пана.
Умъ же остался въ немъ тупъ, и опять по прежнему глупость
Помысловъ сердца была во вредъ своему же владыкѣ.
Ибо на море глядя широко, воздымается круто
Тмолъ въ подъемѣ своемъ и, скатомъ двойнымъ разбѣгаясь,
Здѣсь онъ въ Сардахъ, а тамъ кончается въ малыхъ Гипепахъ.
Тутъ какъ хвастался Панъ передъ нѣжными нимфами пѣньемъ
И наигрывалъ пѣснь на слѣпленныхъ воскомъ тростинкахъ,
Онъ дерзнулъ предъ своимъ унижать Аполлоново пѣнье,
Къ Тмолу пришедши на судъ съ такимъ состязаньемъ неравнымъ.
Старый судья на своей усѣлся горѣ и оправилъ
Уши свои отъ деревъ; а сизые волосы только
Дубомъ увиты; къ вискамъ спускаются желуди впалымъ.
Онъ на бога скотовъ взглянувши, сказалъ: „За судьею
Дѣло не стало". Играть тотъ началъ на сельской свирѣли.
Варварскою онъ своей Мидасу... тотъ былъ тутъ случайно...
Пѣснью доставилъ восторгъ. Затѣмъ священные взоры
Къ Фебу Тмолъ обратилъ; послѣдовалъ лѣсъ за взглянувшимъ.
Тотъ, вѣнчавши главу бѣлокурую лавромъ Парнасскимъ,
Землю покровомъ мететъ, насыщеннымъ Тирскою краской,
И въ Индѣйской кости, да въ каменьяхъ нарядную лиру.

на головѣ *сизые* (caerula), потому что лѣсная горная вершина подернута сизымъ или голубоватымъ туманомъ. 164 Конечно за поворотомъ головы слѣдуетъ и лѣсъ, представляющій ея волоса.

Sustinet a laeva. tenuit manus altera plectrum.
Artificis status ipse fuit. Tum stamina docto
Pollice sollicitat. quorum dulcedine captus
Pana iubet Tmolus citharae summittere cannas.
Iudicium sanctique placet sententia montis
Omnibus. Arguitur tamen, atque iniusta vocatur
Unius sermone Midae. Nec Delius aures
Humanam stolidas patitur retinere figuram:
Sed trahit in spatium, villisque albentibus implet,
Instabilesque imas facit et dat posse moveri.
Cetera sunt hominis. partem damnatur in unam,
Induiturque aures lente gradientis aselli.
Ille quidem celat, turpique onerata pudore
Tempora purpureis tentat velare tiaris.
Sed solitus longos ferro resecare capillos
Viderat hoc famulus. Qui, cum nec prodere visum
Dedecus auderet, cupiens efferre sub auras.
Nec posset reticere tamen, secedit, humumque
Effodit, et, domini quales aspexerit aures,
Voce refert parva, terraeque immurmurat haustae:
Indiciumque suae vocit tellure regesta
Obruit, et scrobibus tacitus discedit opertis.
Creber arundinibus tremulis ibi surgere lucus
Coepit, et, ut primum pleno maturuit anno,
Prodidit agricolam. Leni nam motus ab austro
Obruta verba refert, dominique coarguit aures.

LAOMEDON.

Ultus abit Tmolo, liquidumque per aera vectus
Angustum citra pontum Nepheleidos Helles
Laomedonteis Latonius astitit arvis.
Dextera Sigei, Rhoetei laeva profundi

---

168 *Илектронъ* (см. 2, 602). 195 Утонувшая дочь Атама и Нефелы — *Гелла* сообщила свое названіе Геллеспонту (Дарданельскому проливу). *Съ этой еще стороны*, т. е. съ Азіатской, отправившись съ Тмола. 196 *въ поляхъ Лаомедонскихъ Латоній*. Фебъ — сынъ Латоны въ поляхъ Фригійскаго царя Лаомедона, сына Ила и

Держитъ лѣвой рукой, а другою держитъ онъ плектронъ.
Самый видъ у него былъ артиста. Тутъ пальцемъ искуснымъ
Онъ касается струнъ и, сладостью ихъ увлеченный,
Пану Тмолъ приказалъ свирѣль преклонить передъ лирой.
Судъ и затѣмъ приговоръ священной горы полюбился
Всѣмъ. Возстаетъ на него и его называетъ неправымъ
Только рѣчистый Мидасъ. Не дозволилъ Делій, чтобъ уши
Глупыя эти могли съ человѣческой формой остаться.
Онъ ихъ тянетъ длиннѣй, наполняя бѣлесою шерстью,
Дѣлаетъ шаткими ихъ и даетъ имъ возможность движенья,
Все человѣчье затѣмъ; въ одной онъ лишь части наказанъ,
Уши надѣвши теперь бредущаго тихо осленка.
Все скрываетъ ихъ тотъ, и виски, отягченные срамомъ,
Пурпурными прикрывать головными уборами ищетъ.
Но, желѣзомъ ему стричь волосы длинные свычный,
Это слуга увидалъ. Боясь безобразье, что видѣлъ,
Выдать, а самъ разгласить его желая по свѣту,
Да и не въ силахъ смолчать, отошелъ и выкопалъ яму,
И про уши, какія онъ самъ увидалъ у владыки,
Голосомъ тихимъ сказалъ, шепча въ разрытую землю;
И показанье свое землею присыпанной снова
Онъ завалилъ, и ушелъ молчкомъ отъ ямы зарытой.
Лѣсъ густой тростниковъ дрожащихъ тамъ подыматься
Сталъ, и только что онъ созрѣлъ къ окончанію года,
Выдалъ того, кто сажалъ. Колеблемый Австеромъ кроткимъ,
Скрытую рѣчь онъ ведетъ, объ ушахъ господина болтая.

ЛАОМЕДОНЪ.

Отомстивъ за себя и съ Тмола промчавшись въ эѳирѣ,
Съ этой еще стороны пролива Нефелиной Геллы
Остановился въ поляхъ Лаомедонскихъ Латоній.
Отъ Сигейской правѣй и лѣвѣй отъ Ретейской пучины

внука Троса, по имени которыхъ названъ построенный ими городъ Иліономъ или Троей.

197 Прибрежіе обнимаютъ два предгорія, *Сигейское* и *Ретейское*; первое, прославившееся могилой Ахилла, а второе могилой Аякса (см. 13, 395).

Ara Panomphaeo vetus est sacrata Tonanti:
Inde novae primum moliri moenia Troiae
Laomedonta videt, susceptaque magna labore
Crescere difficili, nec opes exposcere parvas:
Cumque tridentigero tumidi genitore profundi
Mortalem induitur formam, Phrygioque tyranno
Aedificant muros, pacti pro moenibus aurum.
Stabat opus. pretium rex inficiatur, et addit
Perfidiae cumulum, falsis periuria verbis.
Non impune feres, rector maris inquit. et omnes
Inclinavit aquas ad avarae litora Troiae.
Inque freti formam terras convertit, opesque
Abstulit agricolis, et fluctibus obruit agros.
Poena neque haec satis est. regis quoque filia monstro
Poscitur aequoreo. Quam dura ad saxa revinctam
Vindicat Alcides, promissaque munera, dictos
Poscit equos. tantique operis mercede negata
Bis periura capit superatae moenia Troiae.
Nec pars militiae, Telamon, sine honore recessit,
Hesioneque data potitur. Nam coniuge Peleus
Clarus erat diva. nec avi magis ille superbit
Nomine, quam soceri. Siquidem Iovis esse nepoti
Contigit haud uni, coniux dea contigit uni.

PELEUS ET THETIS.

Namque senex Thetidi Proteus: Dea, dixerat, undae,
Concipe. mater eris invenis, qui fortibus actis
Acta patris vincet, maiorque vocabitur illo.
Ergo, ne quicquam mundus Iove maius haberet,
Quamvis haud tepidos sub pectore senserat ignes,

---

198 *Паномфея* (Πανομφαῖος) всевозвѣститель, всепредсказатель—эпитетъ Зевеса Громовержца. 204 Это чтеніе вмѣсто pactus aurum (Haupt и Merkel) на основаніи всѣхъ почти Heinsianii. 212 *для Чуда потребовалъ онъ.* Нептунъ потребовалъ отъ обманувшаго его Лаомедона дочь его Гезіону въ жертву морскому чудовищу, подобно тому, какъ нѣкогда потребовалъ (4, 670) Андромеду. 213 Возвращавшійся съ товарищами изъ похода противъ Амазонокъ, Алкидъ взялся спасти Гезіону, если Лаомедонъ подаритъ ему безсмертныхъ коней, подаренныхъ ему Юпитеромъ за Га-

Паномфея стоитъ старинный алтарь Громовержца.
Здѣсь впервой увидалъ онъ, какъ Троянскія стѣны
200 Лаомедонъ возводилъ и начатое дѣло большое
Высилось съ тяжкимъ трудомъ, и нуждалось въ немалыхъ усильяхъ.
И съ держащимъ въ рукѣ трезубецъ отцемъ онъ пучины
Смертнаго образъ пріялъ, и царю Фригійскому строятъ
Стѣны они, уговоромъ золото было за стѣны.
205 Выросло дѣло, но царь, отказавшись отъ платы, прибавилъ
Верхъ коварства, къ словамъ невѣрнымъ и лживую клятву.
„Даромъ это тебѣ не пройдетъ“, царь моря воскликнулъ,
И у Трои скупой къ берегамъ онъ всѣ воды направилъ.
Моря видъ сообщилъ землѣ и все достоянье
210 Сельскаго люда унесъ и залилъ потоками нивы.
Мало, что такъ наказалъ; и царскую дочь для морскаго
Чуда потребовалъ онъ. Ее, прицѣпленную къ твердымъ
Камнямъ, спасаетъ Алкидъ и прежде обѣщанныхъ въ плату
Проситъ коней; но, отказъ получа въ наградѣ за подвигъ,
215 Силою стѣны забралъ онъ Трои вдвойнѣ вѣроломной.
И соратникъ его Теламонъ не ушелъ безъ награды,
Гезіону онъ въ даръ получилъ. Ибо славенъ супругой
Былъ богиней Пелей; и не меньше онъ именемъ дѣда,
Чѣмъ и тестя былъ гордъ. Потому что быть внукомъ Зевеса
220 Не одному довелось, одинъ взялъ въ супруги богиню.

ПЕЛЕЙ И ѲЕТИДА.

Ибо старецъ Протей сказалъ: „Ѳетида богиня
Волнъ зачни. Будешь матерью ты того, кто дѣлами
Доблесть отца превзойдетъ и выше его назовется“.
Вотъ, чтобы міръ никого не зналъ превыше Зевеса,
225 Хоть и не слабое самъ въ груди онъ чувствуетъ пламя,

нимеда (см. 10, 155). 216 *Теламонъ* (см. 7, 472) могъ получить въ супружество Гезіону, но не братъ его Пелей, уже женатый на богинѣ Ѳетидѣ. 218 Юпитеръ, породившій Эака, отца Пелея, приходился послѣднему дѣдомъ, а тестемъ Пелея былъ отецъ Ѳетиды — Нептунъ. 221 *Протей* (см 8, 733). 224 Въ силу такого предсказанія Зевесъ, не желая, чтобы сынъ его превзошелъ доблестію его самого, не взирая на пламенное влеченіе къ Ѳетидѣ, уступилъ ее Пелею.

Iuppiter aequoreae Thetidis connubia vitat,
In suaque Aeaciden succedere vota nepotem
Iussit, et amplexus in virginis ire marinae.
Est sinus Haemoniae curvos falcatus in arcus,
230 Brachia procurrunt. ubi, si foret altior unda,
Portus erat. summis inductum est aequor arenis.
Litus habet solidum, quod nec vestigia servet,
Nec remoretur iter, nec opertum pendeat alga.
Myrtea silva subest, bicoloribus obsita baccis.
235 Est specus in medio; natura factus, an arte,
Ambiguum, magis arte tamen. quo saepe venire
Frenato delphine sedens, Theti, nuda solebas.
Illic te Peleus, ut somno vincta iacebas,
Occupat. et quoniam precibus tentata repugnas,
240 Vim parat, innectens ambobus colla lacertis,
Quod nisi venisses, variatis saepe figuris,
Ad solitas artes, auso foret ille potitus.
Sed modo tu volucris... volucrem tamen ille tenebat:
Nunc gravis arbor eras. haerebat in arbore Peleus.
245 Tertia forma fuit maculosae tigridis. illa
Territus Aeacides a corpore brachia solvit.
Isque deos pelagi vino super aequora fuso
Et pecoris fibris et fumo turis adorat.
Donec Carpathius medio de gurgite vates:
250 Aeacide, dixit, thalamis potiere petitis.
Tu modo, cum gelido sopita quiescet in antro,
Ignaram laqueis vincloque innecte tenaci.
Nec te decipiat centum mentita figuras,
Sed preme, quicquid erit, dum quod fuit ante, reformet.
255 Dixerat haec Proteus et condidit aequore vultum,
Admisitque suos in verba novissima fluctus.
Pronus erat Titan inclinatoque tenebat
Hesperium temone fretum, cum pulchra relicto
Nereis ingreditur consueta cubilia ponto.
260 Vix bene virgineos Peleus invaserat artus,

---

229 *Гемонія* (см. 1, 568). 249 *Карпатскій* отъ острова *Карпата.* — Эгейскаго моря пророкъ, Протей. 257 *Къ морю Гесперскому* (ст. 4, 628). *Дышло* (см. 10, 446),

Избѣгаетъ Зевесъ сочетаться съ морскою Ѳетидой,
И преемникомъ быть своихъ пожеланій онъ внуку
Эакиду велитъ, чтобы обнялъ онъ дѣву морскую.
Бухта въ Гемоніи есть, какъ серпъ кривой изогнута,
Руки простерты впередъ, и будь вода въ ней поглубже,
Пристань была бы; вода слегка лишь песокъ покрываетъ.
Берегъ крѣпкій у ней, слѣдовъ никакихъ не хранитъ онъ,
Не замедляетъ пути и скрытый травою не виснетъ.
Миртовый близко лѣсокъ въ уборѣ ягодъ двуцвѣтныхъ.
Въ немъ есть пещера, какъ знать, она созданье ль природы
Или искусства, скорѣй искусства, куда ты привыкла,
На дельфина возсѣвъ, пріѣзжать, Ѳетида нагая.
Здѣсь то Пелей тебя, какъ сномъ ты объята лежала,
Захватилъ; и какъ ты на просьбы его не сдавалась,
Силой намѣренъ былъ взять, охвативъ твою шею руками.
И не прибѣгни лишь ты, мѣняя свой видъ непрестанно,
Къ чарамъ обычнымъ своимъ, то дерзостью онъ бы осилилъ.
Но лишь птицею ты... онъ все еще держитъ и птицу,
Деревомъ плотнымъ ты вотъ; Пелей и къ дереву жмется.
Третій является видъ пятнистой тигрицы; и ею
Устрашенъ Эакидъ, изъ объятій выпустилъ тѣло.
Онъ же морскимъ божествамъ, вино изливая на море,
И утробу скотовъ и ладона дымъ посвящаетъ.
Тутъ Карпатскій пророкъ вѣщалъ изъ средины пучины:
„Эакидъ, все же ты желаннаго брака достигнешь;
Только, когда она сномъ успокоится въ гротѣ прохладномъ,
Ты незамѣтно ее петлями и узами спутай.
Но не давайся въ обманъ, хоть сто она образовъ приметъ,
А во всѣхъ ихъ держи, пока не придетъ въ первобытный“.
Это Протей произнесъ и ликъ погрузилъ свой въ пучину,
И волнѣ далъ залить свои послѣднія рѣчи.
Уже спускался Титанъ и къ морю Гесперскому дышло
Онъ, наклоня, направлялъ, когда покинувши море,
Нереида краса подходила къ обычному ложу.
Чуть лишь Пелей хорошо дѣвичьи члены опуталъ,

только тамъ это относится къ Бооту, а здѣсь къ Титану-Солнцу.

Illa novat formas, donec sua membra teneri
Sentit, et in partes diversas brachia tendi.
Tum demum ingemuit. Neque ait sine numine vincis.
Exhibita estque Thetis. Confessam amplectitur heros,
Et potitur votis, ingentique implet Achille.

PELEUS APUD CEYCEM. CHIONE. DAEDALION.

Felix et nato, felix et coniuge Peleus,
Et cui, si demas iugulati crimina Phoci,
Omnia contigerant. Fraterno sanguine sontem
Expulsumque domo patria Trachinia tellus
Accipit. Hic regnum sine vi, sine caede, tenebat
Lucifero genitore satus, patriumque nitorem
Ore ferens Ceyx. illo qui tempore maestus
Dissimilisque sui fratrem lugebat ademtum.
Quo postquam Aeacides fessus curaque viaque
Venit, et intravit paucis comitantibus urbem,
Quosque greges pecorum, quae secum armenta trahebat,
Haud procul a muris sub opaca valle reliquit;
Copia cum facta est adeundi prima tyranni,
Velamenta manu praetendens supplice, qui sit,
Quoque satus, memorat. tantum sua crimina celat,
Mentiturque fugae causam. petit, urbe vel agro
Se iuvet. Hunc contra placido Trachinius ore
Talibus alloquitur: Mediae quoque commoda plebi
Nostra patent, Peleu, nec inhospita regna tenemus.
Adiicis huic animo momenta potentia, clarum
Nomen avumque Iovem. Ne tempora perde precando:
Quod petis, omne feres. tuaque haec pro parte vocato,
Qualiacunque vides. Utinam meliora videres!

---

267 Кромѣ Пелея и Теламона отъ дочери Центавра Хирона Эндеи у Эака былъ третій сынъ Фокъ отъ Нереиды Псаамты. При игрѣ бросанія диска (см. 10. 177) Теламонъ, по уговору съ Пелеемъ, пустивъ дискъ въ голову брата Фока, убилъ его (см. 7, 685). 269 Городъ *Трахинъ* въ Ѳессаліи близъ горы Эты, у Эвбейскаго пролива (см. 9, 165). 271 *Цеикъ* — сынъ Люцифера (см. 2, 115). 273 *утрату*,

Формы та стала мѣнять, пока не признала, что держит
Крѣпко онъ члены ея и врозь распялилъ ей руки.
Тутъ ужь вздохнувши она: „Не безъ бога ты силенъ“, сказала.
Стала Ѳетидой она. Герой побѣжденную обнялъ;
265 Онъ желанья достигъ и великаго далъ ей Ахилла.

ПЕЛЕЙ У ЦЕИКА. ХІОНА. ДЭДАЛІОНЪ.

Счастливъ сыномъ своимъ Пелей и супругою счастливъ,
И ему, коль отнять убійство преступное Фока,
Все довелось получить. Повиннаго въ братниной крови
Изъ отчизны и дома изгнанника земли Трахина
270 Приняли. Царствовалъ тутъ безъ насилья и буйства,
Люциферомъ порожденный Цеикъ, что отцовскую ясность
На лицѣ сохранялъ; но въ это время печальный,
Самъ на себя не похожъ, утрату оплакивалъ брата.
Какъ туда Эакидъ, измученъ путемъ и заботой,
275 Прибылъ, и въ городъ вошелъ съ числомъ небольшимъ провожатыхъ,
И всѣхъ тѣхъ, что привелъ за собой онъ овецъ и скотину,
Недалеко отъ стѣнъ въ тѣнистой долинѣ оставилъ;
Только что получилъ дозволенье явиться къ владыкѣ,
То простирая рукой молящей повязку, повѣдалъ,
280 Кто онъ и кѣмъ порожденъ; но смолчалъ о своемъ преступленьи;
И, солгавъ, почему онъ бѣжалъ, сталъ просить себѣ въ помощь
Города или земли. Ему дружелюбно Трахинецъ
Такъ отвѣтствовалъ: „Нашъ достатокъ, Пелей, и попроще
Даже народу открытъ и царимъ мы гостепріимно.
285 Къ этому съ мощнымъ вліяньемъ на духъ прибавь ты и имя
Славное съ дѣдомъ такимъ какъ Зевесъ. Не проси же такъ долго:
Все ты получишь отъ насъ. Называй во всемъ, что завидишь,
Часть одну ты своей. О, еслибъ ты лучшее видѣлъ!“

которую онъ самъ описываетъ ниже, начиная съ 291 ст. 279 *повязку.* Молящіе защиты простирали руки, держа оливковую вѣтвь, обвязанную бѣлой шерстяною повязкой, коей концы спускались на руки. Такая повязка была эмблемой неприкосновенности. Подобную повязку носили на головахъ жрецы и накрывали даже ею голову жертвеннаго животнаго. 292 *Птицъ всѣхъ пугаетъ*—ястребъ (см. ниже 344).

Et flebat. Moveat tantos quae causa dolores,
Peleusque comitesque rogant. Quibus ille profatur:
Forsitan hanc volucrem, rapto quae vivit et omnes
Terret aves, semper pennas habuisse putatis.
Vir fuit. et tanta est animi constantia, quantum
Acer erat belloque ferox ad vimque paratus,
Nomine Daedalion, illo genitore creatus,
Qui vocat Auroram, coeloque novissimus exit.
Culta mihi pax est, pacis mihi cura tenendae
Coniugiique fuit. fratri fera bella placebant.
Illius virtus reges gentesque subegit,
Quae nunc Thisbaeas agitat mutata columbas.
Nata erat huic Chione. quae dotatissima forma
Mille procos habuit, bis septem nubilis annis.
Forte revertentes Phoebus Maiaque creatus,
Ille suis Delphis, hic vertice Cylleneo,
Videre hanc pariter, pariter traxere calorem.
Spem Veneris differt in tempora noctis Apollo:
Non fert ille moras, virgaque movente soporem
Virginis os tangit. Tactu iacet illa potenti,
Vimque dei patitur. Nox coelum sparserat astris:
Phoebus anum simulat, praereptaque gaudia sumit.
Ut sua maturus complevit tempora venter,
Alipedis de stirpe dei, versuta propago,
Nascitur Autolycus, furtum ingeniosus ad omne:
Qui facere assuerat, patriae non degener artis,
Candida de nigris, et de candentibus atra.
Nascitur e Phoebo... namque est enixa gemellos...
Carmine vocali clarus citharaque Philammon.
Quid peperisse duos, et dis placuisse duobus,
Et forti genitore, et progenitore tonanti
Esse satam prodest? An obest quoque gloria multis?

---

296 Утренняя звѣзда Люциферъ послѣднею исчезаетъ на небѣ, вызывая за собою Аврору. 300 *Тизба* — городъ въ Беотіи уже у Гомера названъ обильнымъ голубями. 303 *Маей рожденный* — Меркурій (см. 1, 670). 304 *изъ Дельфовъ* (см. 3, 8); *съ вершины Циллены* (см. 1, 713) 313 *Автоликъ* (см. 8, 740). Лукавый въ отца Меркурія съ успѣхомъ велъ свои подлоги и воровства, но попался не менѣе

И заплакалъ. Такой печали какая причина,
Вопрошаютъ Пелей и товарищи. Тотъ имъ отвѣтилъ:
Можетъ быть думаешь ты, что птица, которая въ жизни
Птицъ всѣхъ пугаетъ, была покрыта перьями вѣчно.
Это былъ мужъ; и въ душѣ у него все твердости столько жь
Сколько былъ храбръ онъ и лихъ на войнѣ и наклоненъ къ насилью,
Именемъ Дэдаліонъ, отцемъ порожденный тѣмъ самымъ,
Что Аврору зоветъ и уходитъ съ неба послѣднимъ.
Міръ меня привлекалъ, охранять былъ міръ озабоченъ,
Да и супружество я; а брату все нравились войны.
Храбрость того той порой побѣждала царей и народы,
Кто теперь, превратясь, голубей гоняетъ Тизбейскихъ.
Отъ него родилась Хіона; къ богатой красою,
Тысячи шли жениховъ, какъ стало четырнадцать лѣтъ ей.
Разъ возвращавшійся Фебъ, а съ нимъ и Маей рожденный,
Первый изъ Дельфовъ своихъ, а другой съ вершины Циллены,
Оба ее увидавъ, воспылали желаніемъ оба.
Страсть свою Аполлонъ отложилъ до времени ночи;
Тотъ же не думаетъ ждать и въ сонъ приводящей лозою
Дѣвы коснулся лица. Лежитъ она тронута мощью,
И позналъ ее богъ. Ночь сѣяла по небу звѣзды:
Фебъ, старухой явясь, воспріялъ предвкушенную радость.
Какъ исполнило срокъ уже свой созрѣвшее чрево,
Крылоногаго бога являяся хитрымъ потомкомъ,
Родился Автоликъ, на всякія ловкій лукавства:
Онъ привычку хранилъ, искусству отцевскому вѣренъ,
Бѣлымъ дѣлать легко все черное, черное бѣлымъ.
И отъ Феба у ней родился... принесла она двойню...
Голосомъ славный своимъ и цитрою также Филаммонъ.
Что же за польза была, ей двухъ породить, полюбиться
Двумъ божествамъ и самой родиться отъ храбраго мужа,
Дѣдомъ блистая такимъ? Не вредъ ли и слава для многихъ?

хитрому разбойнику Сизифу (вращающему въ Тартарѣ камень), у котораго онъ укралъ стадо овецъ. Но Сизифъ перемѣтилъ у нихъ подошвы и, уличивъ вора, обезчестилъ дочь его Антиклею, рожденную имъ отъ Местры (см. 8, 738). Впрочемъ Антиклея вскорости стала супругою Лаэрта и матерью Одиссея.

Obfuit huic certe. quae se praeferre Dianae
Sustinuit, faciemque deae culpavit. At illi
Ira ferox mota est: Factisque placebimus, inquit.
Nec mora, curvavit cornu, nervoque sagittam
Impulit, et meritam traiecit arundine linguam.
Lingua tacet, nec vox tentataque verba sequuntur:
Conantemque loqui cum sanguine vita reliquit.
Quam misero—o pietas!—ego tunc patruoque dolorem
Corde tuli, fratrique pio solatia dixi.
Quae pater haud aliter, quam cautes murmura ponti
Accipit, et natam delamentatur ademtam.
Ut vero ardentem vidit, quater impetus illi
In medios fuit ire rogos. quater inde repulsus
Concita membra fugae mandat, similisque iuvenco
Spicula crabronum pressa cervice gerenti,
Qua via nulla, ruit. Iam tum mihi currere visus
Plus homine est, alasque pedes sumsisse putares.
Effugit ergo omnes, veloxque cupidine leti
Vertice Parnasi potitur. Miseratus Apollo,
Cum se Daedalion saxo misisset ab alto,
Fecit avem et subitis pendentem sustulit alis,
Oraque adunca dedit, curvos dedit unguibus hamos,
Virtutem antiquam, maiores corpore vires.
Et nunc accipiter, nulli satis aequus, in omnes
Saevit aves, aliisque dolens fit causa dolendi.
  Quae dum Lucifero genitus miracula narrat
De consorte suo, cursu festinus anhelo
Advolat armenti custos Phoceus Anetor,
Et: Peleu, Peleu! magnae tibi nuntius assum
Cladis, ait. Quodcunque ferat, iubet edere Peleus.
Pendet et ipse metu trepidat Trachinius heros.
Ille refert: Fessos ad litora curva iuvencos
Appuleram, medio cum Sol altissimus orbe

---

324 Луки и понынѣ дѣлаются съ роговою подкладкою. 328 Нѣтъ, кажется, стиха, подвергавшагося болѣе разнообразнымъ чтеніямъ, нежели этотъ. Heinsius, Iahn, Bach, Lörs, Riese, Haupt, Merkel имѣютъ каждый свое.—Такъ какъ Merkel въ

Ей безъ сомнѣнія вредъ; она дерзнула Діану
Ниже поставить себя и видъ порицала богини.
Гнѣвомъ взволнована та, сказала: „Понравлюсь ей дѣломъ“.
Тотчасъ же, рогъ изогнувъ и стрѣлу съ тетивы запустивши,
Прострѣлила она тростникомъ языкъ виноватый.
Замеръ языкъ, за усиліемъ словъ не слѣдуетъ голосъ,
И говорить пожелавшую съ кровью и жизнь покидаетъ.
Съ сердцемъ грустнымъ какимъ... о любовь!... я горе какъ дядя
Самъ выносилъ и твердилъ утѣшенія милому брату.
Ихъ отецъ принималъ, какъ скала принимаетъ ворчанье
Моря, и самъ продолжалъ объ исторгнутой дочери плакать.
Но какъ увидѣлъ ее пылавшей, четыре онъ раза
Прянуть рвался въ середину костра и четыре же раза
Отклоненный, сбирался бѣжать и, быку уподобясь,
Что несетъ на спинѣ вонзенное овода жало,
Мчится безъ всякихъ путей. Тогда жь мнѣ казалось, быстрѣе
Онъ человѣка бѣжитъ, у ногъ словно крылья явились.
Такъ онъ отъ всѣхъ убѣжалъ и, быстрый въ желаніи смерти,
Верха Парнасса достигъ. Но сталъ Аполлону онъ жалокъ,
Только что Дэдаліонъ съ высокаго камня низвергся,
Сдѣлалъ тотъ птицей его, вознесши на крыльяхъ внезапныхъ,
Ротъ кривой ему далъ, кривые на пальцахъ далъ когти,
Прежнюю храбрость притомъ и большую силу, чѣмъ тѣло.
Нынѣ ястребомъ ставъ, никого не щадя, сокрушаетъ
Всѣхъ онъ птицъ, пострадавъ отъ другихъ, онъ причиной страданій.

Какъ сынъ Люцифера разсказывалъ всѣ эти чуда
Съ братомъ своимъ, прибѣжалъ, задыхаясь отъ быстраго бѣга,
Сторожъ Фокейскій скота Анеторъ, и тотчасъ воскликнулъ:
„О Пелей, Пелей! Тебѣ я большаго несчастья
Вѣстникъ“. Что ни на есть разсказать далъ Пелей приказанье.
Ждетъ Трахинскій герой и самъ отъ страха трепещетъ.
Тотъ говоритъ: „Къ берегамъ кривымъ истомленное стадо
Я ужь пригналъ къ той порѣ, какъ Солнце на самой вершинѣ

критическомъ приложеніи не указываетъ, что избранное имъ чтеніе «quam miser amplexans ego tum patruoque dolorem» находится въ Marcianus, то мы сочли себя вправѣ избрать чтеніе Iahn, къ которому всего ближе подходитъ чтеніе Lörs.

Tantum respiceret, quantum superesse videret.
355 Parsque boum fulvis genua inclinarat arenis,
Latarumque iacens campos spectabat aquarum:
Pars gradibus tardis illuc errabat et illuc:
Nant alii, celsoque instant super aequora collo.
Templa mari subsunt, nec marmore clara nec auro
360 Sed trabibus densis lucoque umbrosa vetusto.
Nereides Nereusque tenent. Hos navita templi
Edidit esse deos, dum retia litore siccat.
Iuncta palus huic est, densis obsessa salictis,
Quam restagnantis fecit maris unda paludem.
365 Inde fragore gravi strepitus loca proxima terret,
Bellua vasta, lupus. ulvisque palustribus exit
Oblitus et spumis et spisso sanguine rictus,
Fulmineos, rubra suffusus lumina flamma.
Qui quanquam saevit pariter rabieque fameque,
370 Acrior est rabie. Neque enim ieiunia curat
Caede boum diramque famem finire, sed omne
Vulnerat armentum, sternitque hostiliter omnes.
Pars quoque de nobis funesto saucia morsu,
Dum defensamus, leto est data. Sanguine litus
375 Undaque prima rubet demugitaeque paludes.
Sed mora damnosa est, nec res dubitare remittit.
Dum superest aliquid, cuncti coeamus, et arma,
Arma capessamus, coniunctaque tela feramus.
Dixerat agrestis. Nec Pelea damna movebant:
380 Sed, memor admissi, Nereida colligit orbam
Damna sua inferias extincto mittere Phoco.
Induere arma viros, violentaque sumere tela
Rex iubet Oetaeus. cum quis simul ipse parabat
Ire. Sed Alcyone coniux excita tumultu
385 Prosilit, et, nondum totos ornata capillos,
Disiicit hos ipsos, colloque infusa mariti,
Mittat ut auxilium sine se, verbisque precatur
Et lacrimis, animasque duas ut servet in una.

---

380 *шлетъ Нереида* Псамата (см. выше 267).

Столько же видитъ назадъ, какъ видѣть впередъ остается.
Часть быковъ на пескѣ желтоватомъ склонила колѣна
И, разлегшись, на гладь пространнаго моря глядѣла,
Часть туда и сюда бродила медленнымъ шагомъ,
А иные плывя, изъ моря лишь шеей торчали.
Храмъ близь моря; на немъ не блещетъ ни мраморъ, ни злато,
Но средь частыхъ стволовъ овѣянъ онъ лѣсомъ стариннымъ.
Въ честь Нереидъ онъ стоитъ и Нерея. Они то и боги
Храма, пловецъ говоритъ, суша у берега сѣти.
Тутъ болото прошло, заросшее частою ивой;
Отъ разлива морской волны то явилось болото.
Шумомъ и трескомъ большимъ изъ него напугалъ всю окрестность
Звѣрь ужасающій, волкъ; изъ тростника озернаго
Съ пастью является онъ, покрытою пѣной и кровью;
Зубы блестятъ, и глаза огнемъ красноватымъ залиты.
И, хотя онъ свирѣпъ отъ голода, какъ и отъ злобы,
Все же въ немъ злоба сильнѣй. На тощакъ онъ ни мало не хочетъ
Голодъ свирѣпый унять убійствомъ быковъ, а скотину
Ранитъ всю, и ее враждебно онъ всю повергаетъ.
Часть и изъ насъ же самихъ поранена гибельнымъ зѣвомъ,
Какъ отбивалися мы, смерть приняли. Кровью весь берегъ
Закраснѣлъ и прибой и гулкое ревомъ болото.
Медлить опасно теперь и дѣло не терпитъ раздумья.
Всѣ сойдемся, пока что осталось, и тотчасъ оружье,
Тотчасъ оружье возьмемъ и, пики сомкнувши, ударимъ".
Такъ селянинъ имъ сказалъ. Пелей не смутился убыткомъ,
А припомня вину, онъ думалъ, что шлетъ Нереида
Жертвою эту напасть въ честь Фока, погибшаго сына.
Вооружиться мужамъ и взять боевые доспѣхи,
Царь Этейскій велитъ, и съ ними и самъ онъ собрался.
Но Гальціона супруга, испугана этимъ смятеньемъ,
Выскочила и, еще не всѣ волоса пріубравши,
Ихъ разметала кругомъ и, шею объемля супруга,
Чтобы онъ помощь послалъ безъ себя, умоляетъ словами
И слезами, чтобъ двѣ онъ души сохранилъ во единой.

Aeacides illi: Pulchros, regina, piosque
Pone metus. plena est promissi gratia vestri.
Non placet arma mihi contra nova monstra moveri:
Numen adorandum pelagi est. Erat ardua turris,
Arce loci summa, fessis lux grata carinis.
Ascendunt illuc, stratosque in litore tauros
Cum gemitu aspiciunt vastatoremque cruento
Ore ferum, longos infectum sanguine villos.
Inde manus tendens in aperti litora ponti,
Caeruleam Peleus Psamathen, ut finiat iram,
Orat, opemque ferat. Nec vocibus illa rogantis
Flectitur Aeacidae. Thetis hanc pro coniuge supplex
Accepit veniam. Sed enim revocatus in acri
Caede lupus perstat, dulcedine sanguinis asper:
Donec inhaerentem lacerae cervice iuvencae
Marmore mutavit. Corpus, praeterque colorem
Omnia servavit. lapidis color indicat, illum
Iam non esse lupum, iam non debere timeri.
Nec tamen hac profugum consistere Pelea terra
Fata sinunt: Magnetas adit vagus exul, et illic
Sumit ab Haemonio purgamina caedis Acasto.

CEYX ET HALCYONE. SOMNUS.

Interea fratrisque sui fratremque secutis
Anxia prodigiis turbatus pectora Ceyx,
Consulat ut sacras, hominum oblectamina, sortes,
Ad Clarium parat ire deum. nam templa profanus
Invia cum Phlegyis faciebat Delphica Phorbas.
Consilii tamen ante sui, fidissima, certam
Te facit, Alcyone. Cui protinus intima frigus
Ossa receperunt, buxoque simillimus ora
Pallor obit, lacrimisque genae maduere profusis.

---

408 *Магнезія*—область въ Ѳессаліи. 409 Отягченные тяжкимъ преступленіемъ не могли участвовать въ жертвоприношеніяхъ, ни вступать въ храмъ до формальнаго очищенія кѣмъ либо власть на то имѣющимъ. 412 *Кларосъ* = близъ Колофона въ Іоніи на Малоазіатскомъ берегу, гдѣ у Аполлона былъ знаменитый храмъ

Ей Эакидъ говоритъ: „Прекрасный, царица, и нѣжный
390 Страхъ отложи; я вполнѣ признателенъ вамъ за готовность.
Противъ чудовища я не хотѣлъ подымать бы оружья.
Надо морское молить божество. На башнѣ высокой
Былъ на вершинѣ маякъ, свѣтъ милый судамъ утомленнымъ.
Всходятъ туда и быковъ, распростертыхъ по берегу моря,
395 Видятъ, вздыхая, они, и ихъ истребителя звѣря
Съ пастью кровавой и всѣ покрывшаго кровію космы.
Руки простерши тогда къ берегамъ открытаго моря,
Голубую Пелей умоляетъ Псамату оставить
Гнѣвъ свой, и помощь подать. Но та не сдается на голосъ
400 Просьбъ Эакида. Тогда получила прощенье Ѳетида,
За супруга моля. Но отъ злобныхъ убійствъ не отозванъ,
Волкъ стоитъ на своемъ, свирѣпъ отъ сладости крови.
Ею, лишь только впился въ затылокъ сраженной коровы,
Въ мраморъ онъ былъ превращенъ. И тѣло и все кромѣ цвѣта
405 Онъ сохранилъ; только цвѣтъ такой какъ у камня, вѣщаетъ,
Что онъ теперь ужъ не волкъ, и его не должно бояться.
Но не судили судьбы Пелею изгнаннику прочно
Стать на этой землѣ: въ Магнезію прибылъ скиталецъ,
И отъ убійства его Гемонскій Акастъ тамъ очистилъ.

ЦЕИКЪ И ГАЛЬЦІОНА. СОНЪ.

410 Между тѣмъ чудесами, надъ братомъ и послѣ ужъ брата
Бывшими, Цеикъ смущенъ въ груди стѣсненной боязнью,
Вздумалъ къ богу идти Кларійскому, жребій извѣдать,
Эту усладу людей; затѣмъ что къ Дельфійскому храму
Путь нечестивый Форбасъ преграждалъ съ Флегійцами вмѣстѣ.
415 Но сообщаетъ сперва про намѣренье это вѣрнѣйшей
Онъ, Гальціона, тебѣ. Ее немедленный холодъ
Всю проникъ до костей, и лице покрыла ей блѣдность,
Буку подобно, и слезъ потоки смочили ланиты.

и оракулъ. *Флегійцы*—народъ извѣстный уже Гомеру своею дикою воинственностью подъ предводительствомъ нечестиваго (profanus) Форбаса, вѣроятно, того самаго, что принимаетъ (12, 322) участіе въ битвѣ Центавровъ, часто нападали на путниковъ отправлявшихся въ Дельфы съ богатыми приношеніями.

Ter conata loqui, ter fletibus ora rigavit:
420 Singultuque pias interrumpente querelas:
Quae mea culpa tuam, dixit, carissime, mentem
Vertit? ubi est quae cura mei prior esse solebat?
Iam potes Alcyone securus abesse relicta?
Iam via longa placet? iam sum tibi carior absens?
425 At, puto, per terras iter est, tantumque dolebo,
Non etiam metuam, curaeque timore carebunt.
Aequora me terrent, et ponti tristis imago.
Et laceras nuper tabulas in litore vidi:
Et saepe in tumulis sine corpore nomina legi.
430 Neve tuum fallax animum fiducia tangat,
Quod socer Hippotades tibi sit, qui carcere fortes
Contineat ventos, et, cum velit, aequora placet.
Cum semel emissi tenuerunt aequora venti,
Nil illis vetitum est, incommendataque tellus
435 Omnis, et omne fretum. coeli quoque nubila vexant,
Excutiuntque feris rutilos concursibus ignes.
Quo magis hos novi... nam novi, et saepe paterna
Parva domo vidi... magis hoc reor esse timendos.
Quod tua si flecti precibus sententia nullis,
440 Care, potest, coniux, nimiumque es certus eundi,
Me quoque tolle simul. Certe iactabimur una,
Nec, nisi quae patiar, metuam. pariterque feremus,
Quicquid erit. pariter super aequora lata feremur.
Talibus Aeolidis dictis lacrimisque movetur
445 Sidereus coniux. neque enim minor ignis in ipso est.
Sed neque propositos pelagi dimittere cursus,
Nec vult Alcyonen in partem adhibere pericli:
Multaque respondit, timidum solantia pectus.
Non tamen idcirco causam probat. Addidit illis
450 Hoc quoque lenimen, quo solo flexit amantem:
Longa quidem est nobis omnis mora. sed tibi iuro
Per patrios ignes, si me modo fata remittent,
Ante reversurum, quam luna bis impleat orbem.

---

431 *Гиппотадъ*; Гальціона была дочь Эола (см. 4, 663). 445 *Звѣздородный* относится къ выше 271.

Трижды начавъ говорить, заливалась рыданьями трижды;
Всхлипываньемъ у нея прерывались любовныя пени.
„Милый, сказала она, какой я виной отвратила
Чувства твои? Гдѣ любовь, какою меня окружалъ ты?
Быть ужь спокойнымъ вдали, Гальціону покинувъ, ты можешь?
Долгій ужь нравится путь? Тебѣ ужь милѣй я заочно?
Но, какъ помыслю, что путь по землѣ, лишь грустно мнѣ будетъ,
Но не страшно притомъ, въ заботѣ не будетъ боязни.
Бездна пугаетъ меня и образъ печальнаго моря.
На берегу я недавно разбитыя видѣла доски
И на гробницахъ безъ тѣхъ порой имена я читала.
Пусть не коснется твоей души вѣроломно надежда,
Что твой тесть Гиппотадъ, который держитъ въ темницѣ
Мощные вѣтры, и самъ по желанію море смиряетъ;
Только что выпущены, какъ ринутся вѣтры на море,
Нѣтъ запретнаго имъ ничего, беззащитны предъ ними
Вся земля, всѣ моря, и рвутъ они тучи на небѣ,
И красноватый огонь въ столкновеніяхъ злыхъ выбиваютъ.
Чѣмъ мнѣ знакомѣй они,... а я ихъ знаю, и въ дѣтствѣ
Видѣла въ домѣ отца... тѣмъ ихъ считаю страшнѣе.
Если жь рѣшимость твою склонить никакія моленья,
Милый, не могутъ, супругъ, и все жь уходить ты намѣренъ,
Такъ ужь возьми и меня. Заодно хоть будемъ носиться,
Страшно мнѣ будетъ лишь то, что терплю; претерпимъ мы равно,
Что тамъ ни будь; заодно по широкому морю помчимся“.
Тронулся рѣчью такой и слезами дщери Эола
Звѣздородный супругъ; да и въ немъ то огонь былъ не меньшій.
Но ни пути отложить, какъ рѣшилъ, онъ морскаго не хочетъ,
Ни Гальціонѣ давать въ опасности этой участья:
Многое онъ возражалъ, чтобъ пугливое сердце утѣшить.
Этимъ однако не могъ убѣдить. Но къ тому же прибавилъ
И утѣшенье одно, преклонившее душу влюбленной.
„Долгимъ покажется намъ замедленье. Но отчимъ сіяньемъ
Я предъ тобою клянусь, коль мнѣ суждено воротиться,
Раньше вернусь, чѣмъ луна свой кругъ восполнитъ вторично“.

His ubi promissis spes est admota recursus,
455 Protinus eductam navalibus aequore tingui,
Aptarique suis pinum iubet armamentis.
Qua rursus visa, veluti praesaga futuri,
Horruit Alcyone, lacrimasque emisit obortas,
Amplexusque dedit, tristique miserrima tandem
460 Ore vale dixit, collapsaque corpore toto est.
At iuvenes, quaerente moras Ceyce, reducunt
Ordinibus geminis ad fortia pectora remos,
Aequalique ictu scindunt freta. Sustulit illa
Humentes oculos, stantemque in puppe recurva
465 Concussaque manu dantem sibi signa maritum
Prima videt, redditque notas. Ubi terra recessit
Longius, atque oculi nequeunt cognoscere vultus,
Dum licet, insequitur fugientem lumine pinum.
Haec quoque ut haud poterat, spatio summota, videri,
470 Vela tamen spectat summo fluitantia malo.
Ut nec vela videt, vacuum petit anxia lectum,
Seque toro ponit. Renovat lectusque locusque
Alcyones lacrimas, et quae pars admonet absit.
Portibus exierant, et moverat aura rudentes:
475 Obvertit lateri pendentes navita remos,
Cornuaque in summa locat arbore, totaque malo
Carbasa deducit, venientesque accipit auras.
Aut minus, aut certe medium non amplius aequor
Puppe secabatur, longeque erat utraque tellus:
480 Cum mare sub noctem tumidis albescere coepit
Fluctibus, et praeceps spirare valentius eurus.
Ardua iamdudum demittite cornua, rector
Clamat, et antemnis totum subnectite velum.
Hic iubet. impediunt adversae iussa procellae,
485 Nec sinit audiri vocem fragor aequoris ullam.
Sponte tamen properant alii subducere remos,
Pars munire latus, pars ventis vela negare.
Egerit hic fluctus, aequorque refundit in aequor:

---

475 Гребецъ, переставая гресть, кладетъ свое весло вдоль борта. 481 *Эвръ*— восточный вѣтеръ.

Какъ съ обѣщаньемъ такимъ возникла надежда возврата,
Тотчасъ онъ судно велитъ изъ затона вывесть и, въ море
Проводя, снарядить его подобающей снастью.
Это опять увидавъ, какъ будто грядущее чуя,
Гальціона дрожитъ и роняетъ вскипѣвшія слезы,
Мужа прижала къ груди и, несчастная, голосомъ грустнымъ
Проговорила: „Прости“ и, ослабнувъ всѣмъ тѣломъ, упала.
Но молодые гребцы, хоть Цеикъ желалъ бы помедлить,
Къ грудямъ могучимъ влекутъ, въ два ряда разсѣвшися, весла,
И равномѣрно гребя, разсѣкаютъ влагу. Та слезный
Взоръ подняла и стоящаго тамъ на кормѣ изогнутой
Видитъ мужа, какъ онъ, махая руками, ей первый
Знакъ подаетъ, и она отвѣчаетъ. Когда отступила
Дальше земля, и глаза узнавать лица ужь не могутъ,
Сколько возможно, слѣдитъ она взоромъ за судномъ бѣгущимъ.
Какъ и это уже за пространствомъ стало не видно,
Все же смотритъ она на парусъ летучій на мачтѣ.
Какъ и парусъ исчезъ, идетъ къ опустѣвшему ложу
И ложится въ постель. Обновляетъ и ложе и мѣсто
Плачъ Гальціоны и ей говоритъ, кого не хватаетъ.
Вышли изъ порта они, и вѣтеръ затронулъ ихъ снасти:
Подвернулъ по бортамъ пловецъ висящія весла,
Ставитъ и реи на верхъ высокой мачты и, всѣ онъ
Опустивъ паруса, уловляетъ встающіе вѣтры.
Меньше или никакъ не больше уже половины
Моря корабль разсѣкалъ; вдалекѣ были берега оба,
Какъ подъ вечеръ бѣлѣть, волнами напучившись, стало
Море и Эвръ задышалъ, накинувшись съ силой внезапной.
Поскорѣе спускайте высокія реи, взываетъ
Кормчій и, всѣ паруса подобравъ, подвяжите на рейнахъ,
Онъ же велитъ; но приказъ заглушается встрѣчною бурей,
И не даетъ шумъ волнъ услыхать ни единаго слова.
Сами однако одни убрать стараются весла,
Тѣ бока защитить, тѣ снять паруса изъ подъ вѣтра.
Воду черпаетъ тотъ и море льетъ въ море обратно;

Hic rapit antemnas. Quae dum sine lege geruntur,
Aspera crescit hiems, omnique e parte feroces
Bella gerunt venti, fretaque indignantia miscent.
Ipse pavet, nec se, qui sit status, ipse fatetur
Scire ratis rector, nec quid iubeatve, vetetve:
Tanta mali moles, tantoque potentior arte est.
Quippe sonant clamore viri, stridore rudentes,
Undarum incursu gravis unda, tonitribus aether.
Fluctibus erigitur, coelumque aequare videtur
Pontus, et inductas aspergine tangere nubes.
Et modo, cum fulvas ex imo verrit arenas,
Concolor est illis, Stygia modo nigrior unda:
Sternitur interdum, spumisque sonantibus albet.
Ipsa quoque his agitur vicibus Trachinia puppis:
Et nunc sublimis, veluti de vertice montis,
Despicere in valles imumque Acheronta videtur:
Nunc, ubi demissam curvum circumstetit aequor,
Suspicere inferno summum de gurgite coelum.
Saepe dat ingentem fluctu latus icta fragorem:
Nec levius pulsata sonat, quam ferreus olim
Cum laceras aries ballistave concutit arces.
Utque solent sumtis incursu viribus ire
Pectore in arma feri protentaque tela leones:
Sic ubi se ventis admiserat unda coortis,
Ibat in arma ratis, multoque erat altior illis.
Iamque labant cunei, spoliataque tegmine cerae
Rima patet, praebetque viam letalibus undis.
Ecce cadunt largi resolutis nubibus imbres:
Inque fretum credas totum descendere coelum,
Inque plagas coeli tumefactum ascendere pontum.
Vela madent nimbis, et cum coelestibus undis
Aequoreae miscentur aquae. Caret ignibus aether,
Caecaque nox premitur tenebris hiemisque suisque.
Discutiunt tamen has praebentque micantia lumen
Fulmina. fulmineis ardescunt ignibus undae.

---

514 Болты, прихватывающіе обшивку, которая покрывалась воскомъ, какъ у

Реи срываетъ другой. Пока все ведется безъ толку,
490 Рѣзкая буря ростетъ, и лютые вѣтры отвсюду
Въ бой продолжаютъ идти и злобное море взрываютъ.
Кормчій, запуганный самъ, признается, что уже не знаетъ,
Какъ ему быть съ кораблемъ, что приказывать, что ему дѣлать:
Бѣдствіе такъ тяжело и настолько сильнѣе искусства.
495 Ибо гулъ отъ людскихъ всѣхъ криковъ, отъ свиста канатовъ
И отъ напора волны поднялся и отъ грома въ эѳирѣ;
Громоздится волной и, кажется, просится въ небо
Море, и всплескомъ достать стремится нависшія тучи.
То, какъ желтый песокъ оно со дна загребаетъ,
500 Цвѣтъ принимаетъ его, то волнъ Стигійскихъ чернѣе:
И осѣдаетъ порой и пѣною шумной бѣлѣетъ.
Самъ Трахинскій корабль подвергнутъ такой перемѣнѣ:
То онъ вдругъ съ высоты, какъ будто бы съ горной вершины,
Словно въ долины глядитъ и въ самое дно Ахерона;
505 То, какъ встанетъ вокругъ уникшаго вздутое море,
Словно изъ адской глядитъ онъ пропасти въ вышнее небо.
Часто съ удара волной, его бокъ необычно застонетъ,
И не легче звучитъ пораженъ, чѣмъ, когда, разрушая
Крѣпость, ударитъ таранъ желѣзный или баллиста.
510 Также какъ силъ почерпнувъ въ разбѣгѣ, нестися привычны
Грудью, львы, разъярясь, на оружье и прямо на копья,
Такъ и встающимъ вѣтрамъ волна, отдаваясь на волю,
Шла на края корабля и на много стояла ихъ выше.
Ужь расшатались болты и, лишась покрышки восчатой,
515 Пазъ открытъ и въ себя впускаетъ смертельныя волны.
Вотъ изъ раскрывшихся тучъ низвергся ливень обильный:
Можно подумать, что все тутъ въ море спускается небо,
И до небесныхъ пространствъ вздымаясь, пучина восходитъ.
Парусы всѣ отъ дождя промокли, и съ влагой небесной
520 Воды морскія слились. Огней не замѣтно въ эѳирѣ,
Темная ночь все чернѣй отъ собственной мглы и отъ бури.
Но разсѣкаютъ ее и свѣтъ разсылаютъ сверкая
Молніи; волны въ огняхъ блеснувшихъ зарницъ пламенѣютъ.

насъ смолой. 520 *Огней*—звѣздъ.

Dat quoque iam saltus intra cava texta carinae
Fluctus. et ut miles, numero praestantior omni,
Cum saepe assiluit defensae moenibus urbis,
Spe potitur tandem, laudisque accensus amore
Inter mille viros murum tamen occupat unus:
Sic ubi pulsarunt novies latera ardua fluctus,
Vastius insurgens decimae ruit impetus undae:
Nec prius absistit fessam oppugnare carinam,
Quam velut in captae descendat moenia navis.
Pars igitur tentabat adhuc invadere pinum,
Pars maris intus erat. Trepidant haud secius omnes,
Quam solet urbs aliis murum fodientibus extra
Atque aliis murum trepidare tenentibus intus.
Deficit ars, animique cadunt. totidemque videntur,
Quot veniant fluctus, ruere atque irrumpere mortes.
Non tenet hic lacrimas. stupet hic. vocat ille beatos,
Funera quos maneant. hic votis numen adorat,
Brachiaque ad coelum, quod non videt, irrita tollens
Poscit opem. subeunt illi fratresque parensque,
Huic cum pignoribus domus, et quod cuique relictum est
Alcyone Ceyca movet: Ceycis in ore
Nulla nisi Alcyone est. et cum desideret unam,
Gaudet abesse tamen. Patriae quoque vellet ad oras
Respicere, inque domum supremos vertere vultus.
Verum, ubi sit, nescit. tanta vertigine pontus
Fervet, et inducta piceis e nubibus umbra
Omne latet coelum, duplicataque noctis imago est.
Frangitur incursu nimbosi turbinis arbor:
Frangitur et regimen. spoliisque animosa superstes
Unda, velut victrix, sinuataque despicit undas:
Nec levius, quam si quis Athon Pindumve revulsos
Sede sua totos in apertum everterit aequor,
Praecipitata cadit, pariterque et pondere et ictu
Mergit in ima ratem. cum qua pars magna virorum
Gurgite pressa gravi, neque in aera reddita, fato
Functa suo est. Alii partes et membra carinae
Trunca tenent. Tenet ipse manu, qua sceptra solebat,

Уже скачки задаютъ въ пустой переплетъ корабельный
Волны; и словно одинъ изо всѣхъ выдающійся воинъ,
Что уже часто рвался къ стѣнамъ городскимъ защищеннымъ,
Цѣли достигъ наконецъ и, славы любовью пылая,
Изъ всѣхъ тысячъ одинъ беретъ окончательно стѣну;
Такъ и, когда девять волнъ въ бока ударяли крутые,
Выше возставшей волны ударъ ниспадаетъ десятый,
И не раньше въ бою покидаетъ усталое судно,
Чѣмъ когда низойдетъ черезъ стѣны въ корабль побѣжденный.
Такъ часть моря еще въ корабль стремилась ворваться,
Часть была ужь внутри. Всѣхъ трепетъ объемлетъ не хуже,
Чѣмъ и городъ дрожитъ, когда одни подрываютъ
Стѣну извнѣ, а внутри захватили ужь стѣну другіе.
Тщетно искусство, и духъ утраченъ; и кажется, столько жъ,
Сколько близится волнъ, несется смертей, чтобъ вломиться.
Тотъ то слезъ не сдержалъ, тотъ обмеръ, иной почитаетъ
Тѣхъ, что похоронъ ждутъ, счастливыми, молится этотъ,
Руки напрасно воздѣвъ къ небесамъ, которыхъ не видитъ,
Молитъ о помощи онъ; тотъ вспомнилъ родителей, братьевъ,
Этотъ и домъ и дѣтей и все, что каждый оставилъ.
Гальціона въ душѣ у Цеика, въ устахъ у Цеика
Гальціона одна и, ее хоть одну онъ желаетъ,
Радъ онъ, что нѣтъ ея тутъ. Хотѣлъ бы на край свой родимый
Вновь онъ взглянуть и на домъ обратить въ послѣднее очи.
Но онъ не знаетъ, гдѣ тотъ; такимъ завоемъ вскипѣло
Море, и тѣнь, набѣжавъ отъ тучъ, какъ смоль почернѣлыхъ,
Скрыла всѣ небеса и ночи удвоился образъ.
Подъ напоромъ дождя и вихря ломится мачта,
Ломится также и руль; надменно дыбясь надъ добычей,
Какъ побѣдительница, волна на волненье взираетъ:
И не легче тогда, чѣмъ еслибъ Аѳонъ или Пиндъ кто,
Вырвавши съ мѣстъ ихъ, швырнулъ цѣликомъ въ открытое море,
Рухнувъ сразу она заодно и ударомъ и вѣсомъ
Въ хлябь погрузила корабль. Съ нимъ большая часть и дружины
Вдавлена въ бездну и, вновь не вернувшись на воздухъ, скончала
Жребій свой. А иной все держитъ обломки и части
Судна разбитаго. Самъ рукою своею, привычной

Fragmina navigii Ceyx. socerumque patremque
Invocat heu! frustra. Sed plurima nantis in ore
Alcyone coniux. Illam meminitque refertque:
Illius ante oculos ut agant sua corpora fluctus,
Optat, et exanimis manibus tumuletur amicis.
Dum natat, absentem, quoties sinit hiscere fluctus,
Nominat Alcyonen ipsisque immurmurat undis.
Ecce super medios fluctus niger arcus aquarum
Frangitur, et rupta mersum caput obruit unda.
Lucifer obscurus, nec quem cognoscere posses,
Illa nocte fuit. quoniamque excedere coelo
Non licuit, densis texit sua nubibus ora.
  Aeolis interea tantorum ignara malorum
Dinumerat noctes. et iam, quas induat ille,
Festinat vestes, iam quas, ubi venerit ille,
Ipsa gerat, reditusque sibi promittit inanes.
Omnibus illa quidem superis pia tura ferebat:
Ante tamen cunctos Iunonis templa colebat,
Proque viro, qui nullus erat, veniebat ad aras,
Utque foret sospes coniux suus, utque rediret,
Optabat, nullamque sibi praeferret. At illi
Hoc de tot votis poterat contingere solum.
  At dea non ultra pro functo morte rogari
Sustinet. utque manus funestas arceat aris:
Iri, meae, dixit, fidissima nuntia vocis,
Vise soporiferam Somni velociter aulam,
Exstinctique iube Ceycis imagine mittat
Somnia ad Alcyonen veros narrantia casus.
Dixerat. Induitur velamina mille colorum
Iris, et arcuato coelum curvamine signans
Tecta petit iussi sub nube latentia regis.
  Est prope Cimmerios longo spelunca recessu,
Mons cavus, ignavi domus et penetralia Somni:
Quo nunquam radiis oriens mediusve cadensve
Phoebus adire potest. Nebulae caligine mixtae
Exhalantur humo dubiaeque crepuscula lucis.

Къ скипетру, держитъ Цеикъ корабельнный обломокъ; и тестя
И отца онъ, увы! напрасно зоветъ. Но подруга
Гальціона въ устахъ у плывущаго чаще. Съ ней мысли.
Онъ желаетъ, чтобъ къ ней на глаза унесли его тѣло
565 Волны, и мертвый онъ былъ схороненъ любимой рукою.
Плаваетъ онъ и, когда говорить дозволяетъ волненье,
Все Гальціону зоветъ и волнамъ ея имя лепечетъ.
Вотъ надъ срединою волнъ водяной сокрушается черный
Сводъ, и его съ головой, сломившись, волна заливаетъ.
570 Теменъ Люциферъ былъ, и никѣмъ признаваемъ бы не былъ
Въ эту самую ночь. Но какъ сойти ему съ неба
Было нельзя, то закрылъ онъ плотными тучами ликъ свой.
Эолида межъ тѣмъ, не вѣдая столькихъ несчастій,
Ночи считаетъ, уже и то, что самъ онъ надѣнетъ,
575 Платье готовитъ и то, какое, когда онъ вернется,
Ей надѣвать, и себѣ напрасно возвратъ обѣщаетъ.
Все жь она всѣмъ божествамъ принесла почтительно ладонъ:
Прежде однако ихъ всѣхъ Юнонинъ храмъ посѣщала
И изъ за мужа, въ живыхъ ужь не бывшаго, предъ алтарями
580 Умоляла, чтобъ цѣлъ былъ супругъ и чтобы вернулся,
Не предпочелъ бы онъ ей и другой. Но изъ всѣхъ пожеланій
Этого лишь одного достигнуть ей было возможно.
Но богиня мольбы о преданномъ смерти ужь дальше
Не выноситъ; и, чтобъ отклонить эти скорбныя руки
585 Отъ алтаря, говоритъ: „Мой вѣрный глашатай, Ирида,
Быстро стремись ты ко Сну во дворъ, наводящій дремоту,
И прикажи, чтобы сны, принявшіе образъ Цеика
Мертваго, онъ послалъ къ Гальціонѣ повѣдать ей правду“.
Молвила. И облеклась ужь въ тысячецвѣтное платье
590 И, дугою кривой небеса осѣняя, Ирида
По указанью спѣшитъ въ домъ царскій, за тучею скрытый.
Близь Киммерійцевъ есть сводъ въ горѣ и длинный есть выходъ
Изъ пещеры, тамъ домъ и лѣниваго сна тамъ жилище:
Ни встающимъ лучемъ туда, ни полдневнымъ, ни позднимъ
595 Фебъ не можетъ пройти. Туманы, со тьмою мѣшая,
Тамъ испускаетъ земля, да сумракъ сомнительный свѣта.

Non vigil ales ibi cristati cantibus oris
Evocat Auroram, nec voce silentia rumpunt
Sollicitive canes canibusve sagacior anser.
600 Non fera, non pecudes, non moti flamine rami,
Humanaeve sonum reddunt convicia linguae.
Muta quies habitat. Saxo tamen exit ab imo
Rivus aquae Lethes, per quem cum murmure labens
Invitat somnos crepitantibus unda lapillis.
605 Ante fores antri foecunda papavera florent
Innumeraeque herbae, quarum de lacte soporem
Nox legit, et spargit per opacas humida terras.
Ianua, ne verso stridorem cardine reddat,
Nulla domo tota. custos in limine nullus.
610 At medio torus est, ebeno sublimis in atra,
Plumeus, unicolor, pullo velamine tectus:
Quo cubat ipse deus membris languore solutis.
Hunc circa passim varias imitantia formas
Somnia vana iacent totidem, quot messis aristas,
615 Silva gerit frondes, eiectas litus arenas.
Quo simul intravit manibusque obstantia virgo
Somnia dimovit, vestis fulgore reluxit
Sacra domus. tardaque deus gravitate iacentes
Vix oculos tollens, iterumque iterumque relabens
620 Summaque percutiens nutanti pectora mento,
Excussit tandem sibi se. cubitoque levatus,
Quid veniat... cognovit enim... scitatur. At illa:
Somne, quies rerum, placidissime, Somne, deorum,
Pax animi, quem cura fugit, qui corpora duris
625 Fessa ministeriis mulces reparasque labori!
Somnia, quae veras aequent imitamine formas,
Herculea Trachine iube sub imagine regis
Alcyonen adeant, simulacraque naufraga fingant.
Imperat hoc Iuno. Postquam mandata peregit,
630 Iris abit. neque enim ulterius tolerare vaporis

---

598 *Стражъ пернатый*—пѣтухъ. 603 *Летейской* (см. 7, 152). 608 Съ при-

Тамъ ни пѣньемъ изъ устъ гребнистыхъ не кличетъ Авроры
Стражъ пернатый, ни чуткіе псы молчанія лаемъ
Не прерываютъ, ни гусь, что самыхъ и псовъ прозорливѣй.
Ни скотина, ни звѣрь, ни вѣтви, колеблясь отъ вѣтра,
Звука не издаютъ, ни рѣчь языковъ человѣчьихъ.
Миръ тамъ безмолвный живетъ. Но изъ подъ камня исходитъ
Рѣчка Летейской воды, въ которой стекая съ журчаньемъ
По шелестящимъ хрящамъ, волна приглашаетъ къ дремотѣ.
Противъ пещерныхъ дверей цвѣтутъ обильные маки,
Травы при томъ безъ числа, изъ сока которыхъ дремоту
Ночь извлекая, росой кропитъ омраченную землю.
Двери, чтобы крюки не скрипѣли у ней въ поворотѣ,
Въ домѣ нѣтъ ни одной; и сторожа нѣтъ у порога,
Ложе стоитъ посреди, поддержано деревомъ чернымъ
Все на пуху и подъ цвѣтъ накрытое темнымъ покровомъ;
Тутъ возлегаетъ самъ богъ, въ томленіи члены раскинувъ.
Тутъ же кругомъ и въ разбродъ, подражая формамъ различнымъ,
Лживыхъ сновъ улеглось не меньше, чѣмъ въ жатвѣ колосьевъ,
Листьевъ въ лѣсу и песку, что выброшенъ моремъ на берегъ.
Только что дѣва взошла и руками сны, что мѣшали
Ей, развела, весь домъ священный блескомъ одежды
Вдругъ озарился; и богъ смеженные тяжкою лѣнью
Еле поднявши глаза и, снова и снова склоняясь,
И подбородкомъ вверху кивающимъ въ грудь ударяя,
Все же вытрясъ себя изъ себя; и оперши локтемъ,
Вопрошаетъ... ее онъ узналъ... зачѣмъ появилась.
„Сонъ, говоритъ она, отдыхъ для всѣхъ, изъ боговъ всѣхъ кротчайшій,
Миръ ты души, ты, чуждый заботъ, тѣламъ ослабѣвшимъ,
Отъ трудовъ ты покой подаешь, возрождая къ работѣ!
Сновидѣніямъ ты, подражающимъ истиннымъ формамъ,
Образъ пріявши царя, вели къ Гальціонѣ въ Трахинѣ
Геркулеса предстать, корабля подражая крушенью.
Такъ Юнона велитъ“. Затѣмъ передавъ приказанье,
Вышла Ирида: она не могла уже силъ испареній

толками и половинками, во избѣжаніе звука при поворотахъ, не существовало.

Vim poterat, labique ut somnum sensit in artus,
Effugit, et remeat per quos modo venerat arcus.
At pater e populo natorum mille suorum
Excitat artificem simulatoremque figurae
635 Morphea. Non illo iussos sollertius alter
Exprimit incessus vultumque sonumque loquendi:
Adiicit et vestes et consuetissima cuique
Verba. Sed hic solos homines imitatur. at alter
Fit fera, fit volucris, fit longo corpore serpens.
640 Hunc Icelon superi, mortale Phobetora vulgus
Nominat. Est etiam diversae tertius artis
Phantasos. Ille in humum saxumque undamque trabemque,
Quaeque vacant anima, fallaciter omnia transit.
Regibus hi ducibusque suos ostendere vultus
645 Nocte solent, populos alii plebemque pererrant.
Praeterit hos senior, cunctisque e fratribus unum
Morphea, qui peragat Thaumantidos edita, Somnus
Eligit. et rursus molli languore solutus
Deposuitque caput stratoque recondidit alto.
650 Ille volat nullos strepitus facientibus alis
Per tenebras, intraque morae breve tempus in urbem
Pervenit Haemoniam, positisque e corpore pennis
In faciem Ceycis abit. sumtaque figura
Luridus, exanimi similis, sine vestibus ullis,
655 Coniugis ante torum miserae stetit. Uda videtur
Barba viri, madidisque gravis fluere unda capillis.
Tum lecto incumbens, fletu super ora profuso,
Haec ait: Agnoscis Ceyca, miserrima coniux?
An mea mutata est facies nece? Respice! nosces,
660 Inveniesque tuo pro coniuge coniugis umbram.
Nil opis, Alcyone, nobis tua vota tulerunt.
Occidimus. falso tibi me promittere noli.
Nubilus Aegaeo deprendit in aequore navem
Auster, et ingenti iactatam flamine solvit:
665 Oraque nostra, tuum frustra clamantia nomen,

---

647 Дочь Тавманта—Ирида.

Больше сносить и, сонъ, проникающій въ члены, учуя,
Бросилась вонъ, и по той же дугѣ, какъ пришла, возвратилась.
А изъ тысячъ своихъ дѣтей отецъ призываетъ
Мастера и подражателя образамъ разнымъ, Морфея.
635 По указанью никто искуснѣй его не съумѣетъ
Подражать и лицу и походкѣ и звуку реченій;
Онъ прибавляетъ къ тому одежды и каждому ближе
Къ употребленью слова. Но однимъ подражаетъ онъ людямъ;
Птицей становится тотъ иль звѣремъ иль длинной змѣею;
640 Онъ у боговъ Ицелонъ, у смертнаго люда Фобеторъ
Имя ему. Но къ тому же съ отдѣльнымъ искусствомъ и третій
Есть Фантазъ. Онъ въ камень и въ лѣсъ и въ землю и въ воду
И во все, что ни есть безъ души, превращается лживо.
Эти царямъ да вождямъ однимъ являть свой привычны
645 Ликъ по ночамъ, а идутъ по народу и черни другіе.
Старый сонъ, миновавъ ихъ, избралъ изо всѣхъ этихъ братьевъ
Только Морфея, чтобъ тотъ исполнилъ приказъ Тавмантиды;
И опять разрѣшась въ томленіи мягкомъ, склонилъ онъ
Голову, и погрузилъ ее въ изголовьи высокомъ.
650 Тотъ на крыльяхъ летитъ, никакого не знающихъ шума,
Черезъ мракъ, и въ кратчайшее время безъ всякой задержки
Въ городъ Гемонскій вошелъ и, перья откинувши съ тѣла,
Принялъ Цеика лице; и, образъ его воспріявши,
Блѣдный, на мертвеца похожій, безъ всякой одежды
655 Передъ ложе предсталъ несчастной супруги; съ измокшей,
Кажется, мужъ бородой, и съ волосъ льетъ токами влага.
Тутъ надъ ложемъ склонясь и, лія надъ лицемъ ея слезы,
Такъ онъ сказалъ: „Узнаешь ли Цеика, бѣдняжка, супруга?
Или же смерть мнѣ лицо измѣнила? Взгляни! и узнаешь,
660 И супруга лишь тѣнь найдешь ты вмѣсто супруга.
Помощи не принесли мнѣ молитвы твои, Гальціона.
Я погибъ; и себѣ не сули ты меня по напрасну.
Въ морѣ Эгейскомъ застигъ корабль нашъ Австеръ туманный,
И, кидая его, ужаснымъ дыханьемъ разрушилъ;
665 И уста, что твои возглашали имя напрасно,

Implerunt fluctus. Non haec tibi nuntiat auctor
Ambiguus, non ista vagis rumoribus audis:
Ipse ego fata tibi praesens mea naufragus edo.
Surge, age, da lacrimas, lugubriaque indue, nec me
670 Indeploratum sub inania Tartara mitte.
Adiicit his vocem Morpheus, quam coniugis illa
Crederet esse sui. Fletus quoque fundere veros
Visus erat, gestumque manus Ceycis habebat.
Ingemit Alcyone lacrimans, movet atque lacertos
675 Per somnum, corpusque petens amplectitur auras,
Exclamatque: Mane! Quo te rapis? ibimus una.
Voce sua specieque viri turbata soporem
Excutit. et primo si sit circumspicit illic,
Qui modo visus erat. nam moti voce ministri
680 Intulerant lumen. Postquam non invenit usquam,
Percutit ora manu, laniatque a pectore vestes,
Pectoraque ipsa ferit. Nec crines solvere curat:
Scindit. et altrici, quae luctus causa, roganti:
Nulla est Alcyone, nulla est, ait. occidit una
685 Cum Ceyce suo. Solantia tollite verba.
Naufragus interiit. Vidi, agnovique, manusque
Ad discedentem, cupiens retinere, tetendi.
Umbra fuit. sed et umbra tamen manifesta virique
Vera mei. Non ille quidem, si quaeris, habebat
690 Assuetos vultus, nec, quo prius, ore nitebat.
Pallentem nudumque et adhuc humente capillo
Infelix vidi. Stetit hoc miserabilis ipso,
Ecce, loco... et quaerit, vestigia si qua supersint...
Hoc erat, hoc, animo quod divinante timebam,
695 Et ne, me fugiens, ventos sequerere rogabam.
At certe vellem, quoniam periturus abibas,
Me quoque duxisses. Multum, fuit utile, tecum
Ire mihi! Neque enim de vitae tempore quicquam
Non simul egissem, nec mors discreta fuisset.
700 Nunc absens perii, iactor quoque fluctibus absens:
Et sine me me pontus habet. Crudelior ipso

Мнѣ волна залила. Не сомнительный вѣстникъ все это
Открываетъ тебѣ и не смутные слышишь ты толки,
Самъ я здѣсь на лице, претерпѣвшій, судьбу излагаю.
Встань и заплачь обо мнѣ, одѣнься въ печальное платье,
670 Не отсылай ты меня не оплаканнымъ въ Тартаръ пустынный“.
Къ этому голосъ Морфей прибавилъ, въ которомъ признала
Голосъ супруга она. Онъ явно правдивыя слезы
Лилъ, и жестъ у его руки былъ Цеика.
Гальціона въ слезахъ вздохнула во снѣ и простерла
675 Руки, чтобъ тѣло схватить и воздухъ одинъ обнимаетъ,
И восклицаетъ: „Постой! куда ты? отправимся вмѣстѣ“.
Собственнымъ крикомъ своимъ смущена и видѣніемъ мужа,
Сонъ прервала она свой; и сперва осмотрѣлась, не тутъ ли
Тотъ, что сейчасъ былъ предъ ней. Потому что, встревожены крикомъ,
680 Слуги огня принесли. Тогда, никого не нашедши,
Стала лице она бить, на груди растерзала одежду,
Бьетъ и самую грудь. Волосъ распускать ужь не хочетъ,
А деретъ; и кормилицѣ на распросы о плачѣ:
„Нѣтъ Гальціоны теперь, говоритъ, нѣтъ больше; погибла
685 Съ Цеикомъ вмѣстѣ она. Оставьте слова утѣшенья.
Онъ погибъ съ кораблемъ. Его увидавъ, я признала
И простирала руки къ нему, удержать при уходѣ стараясь.
Тѣнь то была, но и тѣнь настоящая, это такъ явно,
Мужа была моего. Но былъ у него необычный,
690 Ежели спросишь, и взоръ, и лице не сіяло какъ прежде.
Блѣднымъ его и нагимъ со влажными все жь волосами
Видѣла бѣдная я. Вотъ тутъ и стоялъ онъ несчастный,
Вотъ то мѣсто“... и нѣтъ ли какихъ слѣдовъ, она ищетъ.
„Этого, этого я душою вѣщей боялась
695 И молила, чтобъ онъ не бѣжалъ, вѣтрамъ отдаваясь.
Точно хотѣлося мнѣ, коль самъ уходишь на гибель,
Чтобъ и меня ты увезъ; было бы очень полезно
Мнѣ съ тобою уйти! Никакого бы времени жизни
Я безъ тебя не была, и смерть не была бы различна.
700 Нынѣ заочно мертва, ношусь по волнамъ я заочно:
И безъ меня меня море взяло. Суровѣй пучины

Sit mihi mens pelago, si vitam ducere nitar
Longius, et tanto pugnem superesse dolori.
Sed neque pugnabo, nec te, miserande, relinquam:
Et tibi nunc saltem veniam comes. inque sepulchro,
Si non urna, tamen iunget nos littera. si non
Ossibus ossa meis, at nomen nomine tangam.
Plura dolor prohibet, verboque intervenit omni
Plangor, et attonito gemitus e corde trahuntur.
Mane erat. egreditur tectis ad litus, et illum
Maesta locum repetit, de quo spectarat euntem.
Dumque moratur ibi, dumque: Hic retinacula solvit,
Hoc mihi discedens dedit oscula litore, dicit,
Dumque notata oculis reminiscitur acta, fretumque
Prospicit: in liquida, spatio distante, tuetur
Nescio quid quasi corpus aqua. primoque, quid illud
Esset, erat dubium. Postquam paulum appulit unda,
Et, quamvis aberat, corpus tamen esse liquebat,
Qui foret, ignorans, quia naufragus, omine mota est:
Et, tanquam ignoto lacrimam daret: Heu! miser, inquit,
Quisquis es, et siqua est coniux tibi! Fluctibus actum
Fit propius corpus. Quod quo magis illa tuetur,
Hoc minus et minus est mentis. Iam iamque propinquae
Admotum terrae, iam quod cognoscere posset,
Cernit. erat coniux. Ille est! exclamat, et una
Ora, comas, vestem lacerat, tendensque trementes
Ad Ceyca manus: Sic, o carissime coniux,
Sic ad me, miserande, redis? ait. Adiacet undis
Facta manu moles, quae primas aequoris iras
Frangit, et incursus quae praedelassat aquarum.
Insilit huc. mirumque fuit potuisse: volabat;
Percutiensque levem modo natis aera pennis,
Stringebat summas ales miserabilis undas.
Dumque volat, maesto similem plenumque querelae
Ora dedere sonum tenui crepitantia rostro.

---

708 Ударомъ руки въ грудь, по тогдашнему обычаю скорбящихъ. 714 Возстановляемъ этотъ стихъ вопреки Merkel — Haupt, такъ какъ онъ находится въ Cod. Marcianus и во всѣхъ, намъ извѣстныхъ, изданіяхъ. 719 Хотя сонъ ей принесъ

Было бы сердце мое, когда бы рѣшилася долѣ
Жизнь проводить и скорбь пережить такую старалась.
Но ни стремлюсь я къ тому, ни тебя, горемычный, не кину:
705 Все же теперь я пойду тебѣ въ товарищи; если
Въ погребеніи насъ не урна сблизитъ, такъ буква;
Если не кости къ костямъ, коснуся я имени имя“.
Дальше мѣшаетъ ей скорбь, и каждое слово ударомъ
Прервано, и изъ груди сотрясенной исходятъ стенанья
710 Утро настало; она изъ дома выходитъ на берегъ,
И печально идетъ на мѣсто, гдѣ съ нимъ разставалась.
Какъ стоитъ она тамъ, говоря: „Здѣсь снялъ онъ причалы,
Здѣсь онъ на берегу меня цѣловалъ, разставаясь“,
И, пока она все, что тутъ было, припоминая, смотрѣла
715 На море: видитъ она въ далекомъ пространствѣ, на влагѣ
Неизвѣстно ужь что, а будто бы тѣло. Сначала,
Что это, трудно понять. Затѣмъ, какъ сближалось волною,
Хоть еще вдалекѣ, но видимо стало, что тѣло;
Кто онъ, не зная она, въ потонувшемъ зазнала примѣту.
720 И, надъ безвѣстнымъ она заплакавъ, воскликнула: „бѣдный,
Кто бы ты ни былъ и есть жена у тебя!“ Приближалось
Тѣло прибито волной. На него чѣмъ болѣе смотритъ,
Тѣмъ она меньше въ умѣ. Вотъ, вотъ къ землѣ онъ прибился
Близко такъ, что узнать она ужь могла,—поглядѣла:
725 Это супругъ. „Это онъ!“ она восклицаетъ и вмѣстѣ
Волосы, платье, лице раздираетъ и, трепетно руки
Простирая къ Цеику, взываетъ: „О, такъ ли, несчастный
Мой супругъ, ты, ко мнѣ возвращаешься?“ Созданъ руками,
Молъ прилегаетъ къ волнамъ, который первую ярость
730 Воспринимаетъ зыбей, разбѣги воды утомляя.
Скачетъ она на него; не диво ль, смогла, полетѣла:
Легкій воздухъ дробя возникшими только крылами,
По верхушкамъ волны чертитъ горемычная птица.
И, покуда летитъ, подобный печальному стону,
735 Ротъ ея звукъ издаетъ трескучимъ и маленькимъ клювомъ.

почти увѣренность, тѣмъ не менѣе встрѣча съ утопленникомъ могла для нея быть дурною примѣтой.

Ut vero tetigit mutum et sine sanguine corpus,
Dilectos artus amplexa recentibus alis,
Frigida nequicquam duro dedit oscula rostro.
Senserit hoc Ceyx, an vultum motibus undae
740 Tollere sit visus, populus dubitabat. at ille
Senserat. Et tandem, superis miserantibus, ambo
Alite mutantur. Fatis obnoxius isdem
Tunc quoque mansit amor, nec coniugiale solutum
Foedus in alitibus. Coeunt, fiuntque parentes:
745 Perque dies placidos hiberno tempore septem
Incubat Alcyone pendentibus aequore nidis.
Tum via tuta maris. ventos custodit et arcet
Aeolus egressu, praestatque nepotibus aequor.

AESACUS.

Hos aliquis senior circum freta lata volantes
750 Spectat, et ad finem servatos laudat amores.
Proximus, aut idem, si fors tulit: Hic quoque, dixit,
Quem mare carpentem substrictaque crura gerentem
Aspicis,... ostendens spatiosum in guttura mergum...
Regia progenies. et si descendere ad ipsum
755 Ordine perpetuo quaeris, sunt huius origo
Ilus et Assaracus, raptusque Iovi Ganymedes,
Laomedonque senex, Priamusque novissima Troiae
Tempora sortitus. Frater fuit Hectoris iste:
Qui nisi sensisset prima nova fata iuventa,
760 Forsitan inferius non Hectore nomen haberet,
Quamvis est illum proles enixa Dymantis,
Aesacon umbrosa furtim peperisse sub Ida
Fertur Alexirhoe, Granico nata bicorni.
Oderat hic urbes, nitidaque remotus ab aula

---

743 По мнѣнію древнихъ, зимородки, въ которыхъ превратились Цеикъ и Гальціона, были примѣромъ супружеской вѣрности, такъ что, потерявшая супруга, птица уже на всю жизнь оставалась одинокой; равнымъ образомъ Овидій воспользовался мнѣніемъ древнихъ, будто періодъ затиханія зимнихъ бурь на нѣкоторое время въ Сицилійскомъ морѣ было въ связи съ высиживаніемъ Гальціоной птенцовъ въ пло-

Какъ достигла она нѣмаго, безкровнаго тѣла,
Драгоцѣнные члены обнявъ молодыми крылами,
Стала напрасно лобзать холоднымъ клювомъ и твердымъ.
Услыхалъ ли Цеикъ, иль движимъ волною, казалось,
740 Онъ приподнялъ лице, народъ не рѣшалъ; но онъ слышалъ.
Все жь напослѣдокъ, когда всевышніе сжалились, оба
Въ птицъ превратились они. Одной судьбинѣ покорна,
Та же осталась любовь, супружній союзъ не расторгся
Даже у птицъ. Парятся онѣ и дѣтей порождаютъ:
745 Цѣлыхъ семь дней сидитъ покойно въ зимнее время
Гальціона въ гнѣздѣ, которое бездна колышетъ.
Моремъ надеженъ тутъ путь; Эолъ на стражѣ и вѣтрамъ
Выхода онъ не даетъ и море блюдетъ онъ для внуковъ.

ЭЗАКЪ.

Нѣкій старецъ на нихъ надъ моремъ широкимъ летящихъ
750 Смотритъ, и хвалитъ любовь, что тѣ до конца сохранили.
Рядомъ стоящій, иль самъ онъ случайно сказалъ: „Да и этотъ,
Что на голеняхъ вонъ подбористыхъ рвется въ пучину,
Какъ ты видишь... а самъ на нырка долгошеяго кажетъ...
Царская отрасль; когда жь въ непрерывномъ порядкѣ добраться
755 Ты до него самого желаешь, то родъ его будетъ:
Илъ, затѣмъ Ассаракъ, Ганимедъ, унесенный Зевесомъ,
Старецъ Лаомедонъ и Пріамъ, обреченный увидѣть
Трои послѣдніе дни. Былъ Гектора братомъ вотъ этотъ.
Еслибы странной судьбы онъ въ юныхъ лѣтахъ не изведалъ,
760 Можетъ быть было бъ его не ниже чѣмъ Гектора имя;
Хоть и Димантова дочь того на свѣтъ породила,
Эзака жь, какъ говорятъ, родила на Идѣ тѣнистой
Алексироя тайкомъ, двурогаго Граника дочка.
Онъ презиралъ города и, вдали отъ придворнаго блеска,

вучемъ гнѣздѣ, такъ какъ Эолъ въ это время старался не помѣшать появленію внуковъ на свѣтъ. 761 Димова дочь — Гекуба, законная жена царя Пріама. 763 Тогда какъ Эзакъ былъ рожденъ нимфою Алексироею, дочерью рѣки Граника въ Мизіи, *двурогаго* — эпитетъ рѣкъ (см. 2. 509). *Граникъ* — былъ сынъ Теѳисы, которая изъ жалости превращаетъ его ниже въ ст. 784.

765 Secretos montes et inambitiosa colebat
Rura, nec Iliacos coetus nisi rarus adibat.
Non agreste tamen, nec inexpugnabile Amori
Pectus habens, silvas captatam saepe per omnes
Aspicit Hesperien patria Cebrenida ripa,
770 Iniectos humeris siccantem sole capillos.
Visa fugit nymphe, veluti perterrita fulvum
Cerva lupum, longeque lacu deprensa relicto
Accipitrem fluvialis anas. Quam Troius heros
Insequitur, celeremque metu celer urget amore.
775 Ecce latens herba coluber fugientis adunco
Dente pedem strinxit, virusque in corpore liquit.
Cum vita suppressa fuga est. Amplectitur amens
Exanimem, clamatque: Piget, piget esse secutum:
Sed non hoc timui, nec erat mihi vincere tanti.
780 Perdidimus miseram nos te duo. vulnus ab angue,
A me causa data est. ego sum sceleratior illo:
Qui tibi morte mea mortis solatia mittam.
Dixit, et e scopulo, quem rauca subederat unda,
Se dedit in pontum. Tethys miserata cadentem
785 Molliter excepit, nantemque per aequora pennis
Texit. et optatae non est data copia mortis.
Indignatur amans invitum vivere cogi,
Obstarique animae, misera de sede volenti
Exire. Utque novas humeris assumserat alas,
790 Subvolat, atque iterum corpus super aequora mittit.
Pluma levat casus. Furit Aesacus, inque profundum
Pronus abit, letique viam sine fine retentat.
Fecit amor maciem. longa internodia crurum,
Longa manet cervix. caput est a corpore longe.
795 Aequor amat, nomenque tenet, quia mergitur, illo.

---

769 *Цебренъ* равнымъ образомъ рѣка въ Троадѣ. 795 *Mergus* —нырокъ, водя-

Жилъ безъ тщеславія все по полямъ да горамъ отдаленнымъ,
И въ толпы Иліонскія онъ только хаживалъ рѣдко.
Но не съ грубымъ межъ тѣмъ и любви неуступчивымъ сердцемъ.
Ту, что часто ему по лѣсамъ попадалась, увидѣлъ
Цебрениду Гесперію на берегу онъ отцовскомъ,
Какъ волоса разметавъ по плечамъ, та ихъ солнцемъ сушила.
Глянулъ, а нимфа бѣжитъ, какъ будто гонимая бурымъ
Волкомъ, лань, иль вдали отъ озера утка рѣчная,
Ястребомъ найдена вдругъ. Герой Троянскій пустился
Слѣдомъ, и быстръ отъ любви, рѣзвѣе онъ быстрой отъ страха.
Вотъ, укрываясь въ травѣ, у бѣгущей ранила ногу
Согнутымъ зубомъ змѣя и ядъ оставила въ тѣлѣ.
Съ жизнью и бѣгъ прервался. Обезумѣвъ совсѣмъ, обнимаетъ
Бездыханную онъ и вопитъ: „Жаль, жаль, что гнался я:
Но не страшился того, не желалъ я подобной побѣды.
Бѣдная, мы погубили вдвоемъ тебя: рана змѣею,
Мною причина дана, и я гораздо преступнѣй,
Хоть и смерти твоей принесу своей смертью отраду“.
Такъ онъ сказавъ, со скалы, что суровыя волны точили,
Ринулся въ море. Надъ нимъ, какъ падалъ онъ, сжалясь, Теѳиса
Мягко его приняла и плывущаго въ морѣ покрыла
Перьями; и не дано ему было смерти желанной.
Но влюбленный сердитъ, что жить принужденъ онъ насильно,
И мѣшаютъ душѣ, хотящей изъ скорбной юдоли
Выйти. И лишь на плеча надѣлъ онъ новыя крылья,
То подлетѣлъ, и опять низвергнулся тѣломъ на море.
Перья смягчили ударъ. Эзакъ раздраженный въ пучину
Прямо спѣшитъ, безъ конца путь смерти все ищетъ онъ снова.
Высохъ онъ отъ любви; суставы у голеней длинны,
Длиненъ затылокъ его; головка далеко отъ тѣла;
Любитъ струи и хранитъ свое отъ ырянія имя.

ная птица изъ породы утокъ.

LIBER DUODECIMUS.

INDEX.

1. Graeci in Aulide.
2. Iphigenia.
3. Fama.
4. Cygnus.
5. Caeneus.
6. Pugna Centaurorum. Hyllaros et Hylonome.
7. Periclymenus.
8. Achillis mors.

GRAECI IN AULIDE.

Nescius assumtis Priamus pater Aesacon alis
Vivere, lugebat. tumulo quoque nomen habenti
Inferias dederat cum fratribus Hector inanes.
Defuit officio Paridis praesentia tristi,
Postmodo qui rapta longum cum coniuge bellum
Attulit in patriam. coniurataque sequuntur
Mille rates, gentisque simul commune Pelasgae.
Nec dilata foret vindicta, nisi aequora saevi
Invia fecissent venti, Boeotaque tellus
Aulide piscosa puppes tenuisset ituras.
Hic patrio de more Iovi cum sacra parassent,
Ut vetus accensis incanduit ignibus ara,
Serpere caeruleum Danai videre draconem
In platanum, coeptis quae stabat proxima sacris.

---

9 Въ Авлидѣ Беотійской былъ, какъ извѣстно, задержанъ флотъ, шедшій противъ Трои.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Греки въ Авлидѣ. . . . . Ст. 1— 23
2. Ифигенія. . . . . „ 24— 38
3. Молва.. . . . . „ 39— 63
4. Цигнъ.. . . . . „ 64—145
5. Ценей . . . . „ 146—209
6. Битва Центавровъ. Гилларъ и Гилонѳма. . . . . „ 210—535
7. Периклименъ . . . . „ 536—579
8. Смерть Ахиллеса . . . . „ 580—628

ГРЕКИ ВЪ АВЛИДѢ.

Плакалъ родитель Пріамъ, не зная, что крылья добывши,
Живъ Эзакъ; и на холмъ, единственно имя хранящій,
Гекторъ съ братьями несъ напрасные только поминки.
Не былъ Парисъ на лице одинъ при печальномъ обрядѣ,
Онъ, который затѣмъ, похитивъ супругу, въ отчизну
Долгую внесъ войну; сговорившись, тысяча слѣдомъ
Тронулась въ путь кораблей, вся сила народа Пелазговъ;
И не отсрочили бъ мести, когда бы злобные вѣтры
Путь не прервали морской, и Беотійская почва
Не задержала судовъ на походѣ изъ рыбной Авлиды.
Тутъ, какъ по чину отцевъ, готовили жертвы Зевесу,
И старинный алтарь отъ зажженныхъ огней разгорѣлся,
Видятъ Данаи, віясь всползаетъ драконъ синеватый
На платанъ, что стоялъ недалеко отъ жертвъ приносимыхъ.

Nidus erat volucrum bis quattuor arbore summa,
Quas simul et matrem circum sua damna volantem
Corripuit serpens, avidaque recondidit alvo.
Obstupuere omnes. At veri providus augur
Thestorides: Vincemus, ait. gaudete, Pelasgi.
Troia cadet. sed erit nostri mora longa laboris.
Atque novem volucres in belli digerit annos.
Ille, ut erat, virides amplexus in arbore ramos
Fit lapis, et servat serpentis imagine saxum.

IPHIGENIA.

Permanet Aoniis Nereus violentus in undis,
Bellaque non transfert. et sunt, qui parcere Troiae
Neptunum credant, quia moenia fecerat urbi.
At non Thestorides. Nec enim nescitve tacetve,
Sanguine virgineo placandam virginis iram
Esse deae. Postquam pietatem publica causa,
Rexque patrem vicit, castumque datura cruorem
Flentibus ante aram stetit Iphigenia ministris,
Victa dea est, nubemque oculis obiecit, et inter
Officium turbamque sacri vocesque precantum
Supposita fertur mutasse Mycenida cerva.
Ergo ubi, qua decuit, lenita est caede Diana,
Et pariter Phoebes, pariter maris ira recessit,
Accipiunt ventos a tergo mille carinae,
Multaque perpessae Phrygia potiuntur arena.

FAMA.

Orbe locus medio est inter terrasque fretumque
Coelestesque plagas, triplicis confinia mundi:
Unde quod est usquam, quamvis regionibus absit,

---

19 Сынъ Аргонавта Тестора, знаменитый въ ополченіи Агамемнона, прорицатель *Калхасъ*. 24 *Аонія* (см. 1, 313). *Нерей* (см. 1, 187). 28 По изреченію Калхаса, переѣздъ флота задерживался гнѣвомъ Діаны противъ Микенскаго царя Агамемнона, предводителя союзнаго войска, за то, что онъ убилъ священнаго оленя богини. По изреченію этого прорицателя гнѣвъ дѣвственной богини могъ быть укро-

15 Было въ гнѣздѣ восемь птицъ на самой древесной вершинѣ;
Всѣхъ и съ матерью ихъ, вокругъ обреченныхъ летавшей,
Змѣй схватилъ и сейчасъ въ ненасытное чрево отправилъ.
Всѣ изумились тому, но правды провидецъ, гадатель
Тесторидъ возгласилъ: „Побѣдимъ, возликуйте Пелазги:
20 Троя падетъ; но трудамъ будетъ долгая нашимъ задержка“.
И всѣ девять онъ птицъ на годы войны разлагаетъ.
Тотъ же, какъ былъ, охватя зеленыя дерева вѣтви,
Камнемъ сталъ, и хранитъ змѣиный образъ и камень.

ИФИГЕНІЯ.

Все въ Аонійскихъ волнахъ свирѣпый Нерей пребываетъ,
25 Нѣтъ переправы войнѣ и предполагаютъ иные,
Трою жалѣетъ Нептунъ, потому что строилъ въ ней стѣны.
Мыслитъ не такъ Тесторидъ. Онъ знаетъ и самъ не скрываетъ,
Что лишь кровью унять дѣвичьей гнѣвъ дѣвы богини
Можно. Послѣ того какъ жалость общественной пользой,
30 И царемъ былъ отецъ побѣжденъ, при жрецахъ зарыдавшихъ,
Чистую кровь принести къ алтарю Ифигенія стала.
Побѣжденная мракъ на глаза напустила богиня,
И межъ толпою жрецовъ и подъ говоръ творящихъ молитвы,
Лань подмѣнивъ, говорятъ, поставила вмѣсто Микенки.
35 Тутъ, когда смягчена стала жертвою должной Діана,
Фебы равно, какъ равно и моря гнѣвъ утолился,
Тысячи тотчасъ судовъ восприняли вѣянье съ тылу,
И Фригійскихъ песковъ, натерпѣвшись премного, достигли.

МОЛВА.

Есть между моремъ, землей и между равнинами неба
40 Мѣсто какъ разъ посреди, съ тремя гранича мірами;
Все, гдѣ бъ ни было что, въ какихъ бы далекихъ предѣлахъ,

щенъ только принесеніемъ ей въ жертву, дочери Агамненона, Ифигеніи. 32 Діана, удовлетворенная твердою рѣшимостію Грековъ купить ея благосклонность такою дорогою жертвою, окружила облакомъ алтарь и подмѣнила ланью Ифигенію, которую перенесла въ Тавриду (Крымъ) къ главному своему святилищу и поставила тамъ жрицей.

Inspicitur, penetratque cavas vox omnis ad aures.
Fama tenet, summaque domum sibi legit in arce:
Innumerosque aditus ac mille foramina tectis
45 Addidit, et nullis inclusit limina portis.
Nocte dieque patet. Tota est ex aere sonanti:
Tota fremit, vocesque refert, iteratque, quod audit.
Nulla quies intus, nullaque silentia parte.
Nec tamen est clamor, sed parvae murmura vocis:
50 Qualia de pelagi, si quis procul audiat, undis
Esse solent, qualemve sonum, cum Iuppiter atras
Increpuit nubes, extrema tonitrua reddunt.
Atria turba tenet. veniunt leve vulgus, euntque:
Mixtaque cum veris passim commenta vagantur
55 Milia rumorum, confusaque verba volutant.
E quibus hi vacuas implent sermonibus aures,
Hi narrata ferunt alio, mensuraque ficti
Crescit, et auditis aliquid novus adiicit auctor.
Illic Credulitas, illic temerarius Error,
60 Vanaque Laetitia est, consternatique Timores,
Seditioque recens, dubioque auctore Susurri.
Ipsa quid in coelo rerum pelagoque geratur
Et tellure, videt, totumque inquirit in orbem.

CYGNUS.

Fecerat haec notum, Graias cum milite forti
65 Adventare rates. neque inexspectatus in armis
Hostis adest. Prohibent aditus, litusque tuentur
Troes. et Hectorea primus fataliter hasta,
Protesilae, cadis. commissaque proelia magno
Stant Danais, fortisque animae nece cognitus Hector
70 Nec Phryges exiguo, quid Achaica dextera posset,
Sanguine senserunt. Et iam Sigea rubebant

---

68 *Протезилай* собственно: передній изъ народа; оракулъ возвѣстилъ, что первый, вступившій на Троянскую землю, будетъ убитъ. Участь эта постигла Протезилая, получившаго очевидно свое прозваніе уже отъ самаго случая. Знавши самое изреченіе, онъ надѣялся, что пасть придется Улиссу, раньше его спрыгнувшему на землю,

Видно оттуда, и звукъ тамъ каждый доходитъ до уха.
Тамъ обитаетъ Молва и домъ на вершинѣ избрала,
Входовъ она безъ числа и тысячи въ домѣ отверстій
45 Сдѣлала, и нигдѣ не замкнула дверями пороговъ.
Настежь все ночью и днемъ. Онъ весь изъ мѣди звенящей,
Весь онъ дрожитъ; голоса воспріявъ, удвояетъ, что слышитъ.
Нѣтъ внутри тишины, ни въ какой нѣтъ части молчанья.
Но и шуму тамъ нѣтъ, а тихаго голоса говоръ:
50 Какъ съ морскою волной, коль издали слушать кто станетъ,
Это бываетъ; такой, когда сотрясаетъ Юпитеръ
Тучи черныя, звукъ издаютъ отдаленные громы.
Полонъ толпою притворъ; приходитъ народъ и уходитъ;
Смѣшаны съ правдою тутъ и лживыхъ тысячи слуховъ,
55 Бродятъ одинъ за другимъ и смутныя рѣчи вращаютъ.
Тѣ изъ нихъ болтовней наполняютъ праздныя уши,
Тѣ сообщаютъ чужой разсказъ, возрастаютъ размѣры
Выдумки, и къ вѣстямъ что нибудь да прибавитъ разскащикъ.
Тамъ Легковѣрье живетъ, отважное тамъ Заблужденье,
60 Радость напрасная тамъ и удрученные Страхи,
Вновь возстающій Мятежъ и съ невѣрнымъ источникомъ Шепотъ.
А сама она, что на небѣ творится, на морѣ
И на землѣ, видитъ все и все поразыщетъ на свѣтѣ.

ЦИГНЪ.

Вотъ возвѣстила она, что съ храбрымъ близятся войскомъ
65 Греческіе корабли; и не врасплохъ появился
Во всеоружіи врагъ. Защищаютъ подходъ, охраняютъ
Берегъ Троянцы; и ты отъ копья пасть Гектора первымъ
Долженъ Протезилай; и дорого стоятъ Данаямъ
Битвы, и храбрый душей, въ бояхъ извѣданный Гекторъ,
70 И Фригійцамъ узнать, что можетъ десница Ахейцевъ,
Кровью не малой пришлось. И вотъ уже берегъ Сигейскій

но хитрый Улиссъ сталъ не на Троянскую землю, а на выкинутый имъ впередъ собственный щитъ. 71 *Сигей* –мысъ въ Троадѣ съ городомъ того же имени, гдѣ находится могила Ахилла.

Litora. iam leto proles Neptunia, Cygnus,
Mille viros dederat. iam curru instabat Achilles,
Totaque Peliacae sternebat cuspidis ictu
Agmina, perque acies aut Cygnum aut Hectora quaerens
Congreditur Cygno. decimum dilatus in annum
Hector erat. Tum colla iugo canentia pressos
Exhortatus equos, currum direxit in hostem,
Concutiensque suis vibrantia tela lacertis:
Quisquis es, o iuvenis, dixit, solamen habeto
Mortis, ab Haemonio quod sis iugulatus Achille.
Hactenus Aeacides. Vocem gravis hasta secuta est.
Sed quanquam certa nullus fuit error in hasta,
Nil tamen emissi profecit acumine ferri,
Utque hebeti pectus tantummodo contudit ictu.
Nate dea, nam te fama praenovimus, inquit
Ille, quid a nobis vulnus miraris abesse?...
Mirabatur enim... Non haec, quam cernis, equinis
Fulva iubis cassis, neque onus cava parma sinistrae
Auxilio mihi sunt. decor est quaesitus ab istis.
Mars quoque ob hoc capere arma solet. Removebitur huius
Tegminis officium. tamen indestrictus abibo.
Est aliquid, non esse satum Nereide, sed qui
Nereaque et natas et totum temperet aequor.
Dixit, et haesurum clipei curvamine telum
Misit in Aeaciden, quod et aes et proxima rupit
Terga novena boum, decimo tamen orbe moratum est.
Excutit hoc heros, rursusque trementia forti
Tela manu torsit. rursus sine vulnere corpus
Sincerumque fuit. nec tertia cuspis apertum
Et se praebentem valuit destringere Cygnum.
Haud secus exarsit, quam circo taurus aperto,
Cum sua terribili petit irritamina cornu,
Puniceas vestes, elusaque vulnera sentit.

---

72 *Цигнъ, Нептуновъ сынъ* не долженъ быть смѣшиваемъ съ Цигномъ, упоминаемымъ въ 2, 367, сыномъ Стенела; хотя оба, согласно имени, превращаются въ лебедей. Нептунъ сообщилъ сыну своему Цигну (см. ниже 602) неуязвимое тѣло. 74 Воспитатель Ахилла—*Хиронъ* (см. 2, ст. 630) вырѣзалъ своему питомцу на горѣ Пеліонѣ копье, которымъ никто не могъ владѣть кромѣ Ахиллеса. 93 *Не Нереиды*

Весь покраснѣлъ; уже Цигнъ Нептуновъ сынъ предалъ смерти
Тысяча ратныхъ; уже Ахиллесъ стоялъ въ колесницѣ
И ударомъ копья Пелейскаго цѣлыя рати
Ницъ повергалъ и, ища иль Цигна иль Гектора въ битвѣ,
Съ Цигномъ встрѣтился онъ, а Гекторъ былъ на десятый
Годъ припасенъ. Тутъ подзадоривъ коней, что бѣлою шеей
Мчали ярмо, на врага онъ свою колесницу направилъ,
И потрясая копьемъ дрожащимъ въ рукѣ, онъ воскликнулъ:
„Кто бы ты ни былъ, о юноша, пусть тебѣ будетъ отрадой
Въ смерти, что будешь убитъ Гемонскимъ ты Ахиллесомъ“.
Такъ сказалъ Эакидъ. За словомъ копье полетѣло.
Но хоть вѣрнымъ копьемъ никакого онъ промаху не далъ,
Ринутымъ все жь ничего остріемъ онъ желѣза не сдѣлалъ,
А какъ будто тупымъ попалъ ему въ грудь онъ ударомъ.
„Сынъ богини, тебя по молвѣ я ужь знаю, тотъ крикнулъ,
Что ты дивишься тому, что раны на мнѣ не находишь?“...
Онъ и былъ удивленъ... Не этотъ, что видишь ты, съ конской
Желтою гривою шлемъ, не щитъ на рукѣ моей лѣвой
Помощь мнѣ подаютъ; съ нихъ спросу одно лишь убранство.
Ради того же и Марсъ оружіе носитъ. Оставь я
Эту защиту совсѣмъ, я все же уйду не затронутъ.
Стоитъ чего же нибудь не Нереиды быть сыномъ,
А владыки Нерея съ дѣтьми и со всею пучиной“.
Рекъ и швырнулъ онъ копье въ Эакида, чтобъ въ изогнутый
Щитъ имъ попасть, и оно и мѣдь и ближайшія девять
Бычьихъ кожъ прорвало, но въ десятомъ кругу и засѣло.
Вытряхнулъ пику герой и снова могучей рукою
Трепетный дротъ запустилъ, и опять не поранено тѣло
Цѣло осталось совсѣмъ; и третье копье прикоснуться
Не смогло до открыто себя выставлявшаго Цигна.
Тутъ не хуже вспылилъ онъ быка, что въ циркѣ открытомъ
Рогомъ ужаснымъ своимъ ударилъ въ красныя ткани,
Что раздражаютъ его, и чувствуетъ промахъ удара.

быть сыномъ какъ ты, Ахиллесъ, сынъ Нереиды Ѳетиды. 96 *девять Бычьихъ кожъ*. Щиты дѣлались обычно изъ многихъ одну на другую наложенныхъ бычьихъ кожъ, покрытыхъ съ наружной стороны мѣдною пластиной. По Овидію щитъ Ахиллеса былъ изъ десяти кожъ, а щитъ Аякса (13, 2) изъ семи.

Num tamen exciderit ferrum, considerat, hastae:
Haerebat ligno. Manus est mea debilis ergo,
Quasque, ait, ante habuit vires, effudit in uno?
Nam certe valuit, vel cum Lyrnesia primus
Moenia deieci, vel cum Tenedonque suoque
Eetioneas implevi sanguine Thebas,
Vel cum purpureus populari caede Caicus
Fluxit, opusque meae bis sensit Telephus hastae.
Hic quoque tot caesis, quorum per litus acervos
Et feci et video, valuit mea dextra valetque.
Dixit, et, ante actis veluti male crederet, hastam
Misit in adversum Lycia de plebe Menoeten:
Loricamque simul subiectaque pectora rupit.
Quo plangente gravem moribundo vertice terram,
Extrahit illud idem calido de vulnere telum,
Atque ait: Haec manus est, haec, qua modo vicimus, hasta.
Utar in hoc isdem. sit in hoc precor exitus idem.
Sic fatur Cygnumque petit, nec fraxinus errat,
Inque humero sonuit non evitata sinistro.
Inde velut muro solidaque a caute repulsa est.
Qua tamen ictus erat, signatum sanguine Cygnum
Viderat, et frustra fuerat gavisus Achilles.
Vulnus erat nullum, sanguis erat ille Menoetae.
Tunc vero praeceps curru fremebundus ab alto
Desilit, et nitido securum cominus hostem
Ense petens parmam gladio galeamque cavari
Cernit, et in duro laedi quoque corpore ferrum.
Haud tulit ulterius, clipeoque adversa reducto
Ter quater ora viri, capulo cava tempora pulsat:
Cedentemque sequens instat, turbatque, ruitque,
Attonitoque negat requiem. Pavor occupat illum:
Ante oculosque natant tenebrae. retroque ferenti

---

109 *Лирнезъ*—городъ въ Мизіи; равнымъ образомъ не Греческія или Египетскія, а Мизійскія Ѳивы, въ которыхъ царствовалъ Ээтіонъ, отецъ супруги Гектора, Андромахи. 111 *Каикъ*—тоже рѣка въ Мизіи (см. 2, 243). Близь этой рѣки Ахиллесъ ранилъ Мизійскаго царя Телефа въ ляжку своимъ копьемъ. *Телефъ*—(выкормленный ланью) сынъ Геркулеса и Авги, случайно попавшій къ Мизійскому царю Тевтрасу

Смотритъ онъ, уже съ копья не соскочило ль желѣзо;
Но на древкѣ оно; „рука знать моя ослабѣла,
Вымолвилъ, что надъ однимъ потратила прежнюю силу?
Вѣдь сильна же была, когда я первый низвергнулъ
Стѣны Лирнеза, или когда Тенедосъ я наполнилъ
Кровью гражданъ его, да Ээтійскія Ѳивы,
Или, какъ пурпурнымъ текъ Каикъ отъ убійства народа,
Силу жь копья моего восчувствовалъ Телефъ два раза.
Тоже и здѣсь надъ убитыми, коихъ по берегу столько
Вижу я кучъ и свалилъ, не слабла рука и не слабнетъ“.
Рекъ, и словно дѣламъ своимъ прежнимъ не вѣря, копье онъ
Прямо въ Менета пустилъ изъ народа Ликійскаго родомъ;
И съ броней заодно пронзилъ и грудь, что подъ нею.
Какъ ударился тотъ, замирая, о землю затылкомъ,
Выдернулъ онъ у него копье изъ раны горячей,
И говоритъ: „Вотъ рука, вотъ копье, что сейчасъ побѣдили.
Съ ними пойду на него; и исходъ да будетъ все тотъ же“.
Такъ говоря, онъ идетъ на Цигна; безъ промаха ясень
Звякнулъ на лѣвомъ плечѣ, избѣгнуть его не искавшемъ.
Но оттуда, какъ бы отъ стѣны иль скалы былъ отброшенъ.
Но куда онъ попалъ, тамъ знакъ кровавый на Цигнѣ
Увидалъ и обрадованъ былъ Ахиллесъ понапрасну.
Раны не было тамъ, то кровь оказалась Менета.
Тутъ гремя соскочилъ съ колесницы высокой онъ быстро
И блестящемъ мечемъ на врага, что былъ безъ опаски,
Близко напавъ, увидалъ, что и щитъ и шеломъ изрубилъ всѣ
Мечъ, а желѣзо его тупится о твердое тѣло.
Дальше не могъ онъ стерпѣть, и три и четыре онъ раза
Мужа щитомъ по лицу и въ високъ рукояткой ударилъ:
На отступающаго напираетъ, сбиваетъ, толкаетъ
И вздохнуть не даетъ отъ смятенья. Тотъ чувствуетъ ужасъ:
Сумракъ заплавалъ въ глазахъ у него; отступавшему задомъ

въ зятья и наслѣдники, будучи затѣмъ признанъ Грекомъ по рожденію, вслѣдствіе отвѣта оракула, что мучительная язва его можетъ быть исцѣлена только тѣмъ, кто ее нанесъ, просилъ Ахиллеса исцѣлить его ржавчиной съ своего копья; вотъ почему Телефъ восчувствовалъ два раза силу копья Ахиллеса. 116 Въ неизвѣстнаго Менета для пробы.

Aversos passus medio lapis obstitit arvo.
Quem super impulsum resupino corpore Cygnum
Vi multa vertit, terraeque afflixit Achilles.
Tum clipeo genibusque premens praecordia duris,
Vincla trahit galeae. quae presso subdita mento
Elidunt fauces, et respiramen iterque
Eripiunt animae. Victum spoliare parabat:
Arma relicta videt. corpus deus aequoris albam
Contulit in volucrem, cuius modo nomen habebat.

CAENEUS.

Hic labor, haec requiem multorum pugna dierum
Attulit, et positis pars utraque substitit armis.
Dumque vigil Phrygios servat custodia muros,
Et vigil Argolicas servat custodia fossas,
Festa dies aderat, qua Cygni victor Achilles
Pallada mactatae placabat sanguine vaccae.
Cuius ut imposuit prosecta calentibus aris,
Et dis acceptus penetravit in aethera nidor,
Sacra tulere suam, pars est data cetera mensis.
Discubuere toris proceres, et corpora tosta
Carne replent, vinoque levant curasque sitimque.
Non illos citharae, non illos carmina vocum,
Longave multifori delectat tibia buxi,
Sed noctem sermone trahunt, virtusque loquendi
Materia est. Pugnam referunt hostisque suamque,
Inque vices adita atque exhausta pericula saepe
Commemorare iuvat. Quid enim loqueretur Achilles?
Aut quid apud magnum potius loquerentur Achillem?
Proxima praecipue domito victoria Cygno
In sermone fuit. Visum mirabile cunctis,
Quod iuveni corpus nullo penetrabile telo,
Invictumque a vulnere erat, ferrumque terebat.
Hoc ipse Aeacides, hoc mirabantur Achivi.

---

149 *Арголійскіе рвы* – окопы Греческаго лагеря.

Камень попался въ пути, посрединѣ поля лежавшій.
На него то толкнувъ съ великою силою Цигна
Тѣломъ навзничь, его Ахиллесъ къ землѣ прижимаетъ.
140 Тутъ нагнетая на грудь щитомъ и твердымъ колѣномъ,
Шлема застежки къ себѣ онъ тянетъ, а тѣ подбородокъ
Съ горломъ сдавили ему и вмѣстѣ съ дыханьемъ и жизни
Путь преграждаютъ. Тогда раздѣть онъ сраженнаго хочетъ.
Видитъ доспѣхи одни; богъ моря тѣло во птицу,
145 Бѣлую ту превратилъ, чье имя носилъ онъ недавно.

ЦЕНЕЙ.

Эта битва и трудъ повлекли за собой многодневный
Отдыхъ, и та сторона и другая сложили доспѣхи.
Бдительно стража пока охраняетъ Фригійскія стѣны
И Арголійскіе рвы охраняются бдительной стражей.
150 Праздничный день подошелъ, въ который Ахиллъ, побѣдитель
Цигна, Палладу смягчалъ коровы жертвенной кровью.
Какъ изъ нея возложилъ на алтарь воспылавшій онъ части,
И пріятный богамъ до эѳира запахъ проникнулъ,
Приняли часть алтари и сдано на столы остальное.
155 Знать на коврахъ возлегла и, тѣло жаренымъ мясомъ
Наполняя, виномъ укрощаетъ заботы и жажду.
Ихъ услаждаетъ не звонъ цитры, не голосъ поющихъ,
Или изъ бука и вся просверлена длинная флейта,
А проводятъ они въ разговорахъ ночь, и предметомъ
160 Рѣчи доблесть у нихъ. Свои и вражія битвы,
Какъ на опасности шли, или какъ ихъ выносили,
Сладостно имъ вспоминать. Да о чемъ говорить то Ахиллу?
Или о чемъ же другомъ говорить при великомъ Ахиллѣ?
О недавней межъ тѣмъ все больше побѣдѣ надъ Цигномъ
165 Припоминалось въ рѣчахъ. Для всѣхъ казалося дивнымъ,
Что никакимъ остріямъ не сдавалось у юноши тѣло
И не вѣдало ранъ и притупляло желѣзо.
Этому самъ Эакидъ и также Ахейцы дивились.

Cum sic Nestor ait: Vestro fuit unicus aevo
Contemtor ferri, nulloque forabilis ictu
Cygnus. At ipse olim patientem vulnera mille
Corpore non laeso Perrhaebum Caenea vidi:
Caenea Perrhaebum, qui factis inclitus Othryn
Incoluit. Quoque id mirum magis esset in illo,
Femina natus erat. Monstri novitate moventur
Quisquis adest, narretque rogant. Quos inter Achilles:
Dic age, nam cunctis eadem est audire voluntas,
O facunde senex, aevi prudentia nostri,
Quis fuerit Caeneus, cur in contraria versus:
Qua tibi militia, cuius certamine pugnae
Cognitus, a quo sit victus, si victus ab ullo est.
Tum senior: Quamvis obstet mihi longa vetustas,
Multaque me fugiant primis spectata sub annis,
Plura tamen memini. nec quae magis haereat ulla
Pectore res nostro est inter bellique domique
Acta tot. Ac si quem potuit spatiosa senectus
Spectatorem operum multorum reddere, vixi
Annos bis centum. nunc tertia vivitur aetas.
Clara decore fuit proles Elateia Caenis,
Thessalidum virgo pulcherrima, perque propinquas,
Perque tuas urbes, tibi enim popularis, Achille,
Multorum frustra votis optata procorum.
Tentasset Peleus thalamos quoque forsitan illos.
Sed iam aut contigerant illi connubia matris,
Aut fuerant promissa, tuae. Nec Caenis in ullos
Denupsit thalamos. secretaque litora carpens
Aequorei vim passa dei est. ita fama ferebat.
Utque novae Veneris Neptunus gaudia cepit:
Sint tua vota licet, dixit, secura repulsae:
Elige, quid voveas. eadem hoc quoque fama ferebat.
Magnum, Caenis ait, facit haec iniuria votum,

---

172 Отъ города Перреба въ Ѳесали у Отрія въ области Лапитовъ. 182 Мы даемъ предпочтеніе *longa* надъ tarda (у Merkel и Haupt), такъ какъ первое прилагательное болѣе подходитъ къ высказанному въ 188 ст. и, по изысканіямъ Lörs,

Тутъ имъ Несторъ сказалъ: „Въ вашъ вѣкъ, конечно, желѣзо
Только одинъ презиралъ, никакимъ не сдаваясь ударамъ,
Цигнъ. Но нѣкогда самъ выносящаго тѣломъ безвредно
Тысячи всяческихъ ранъ я Перребскаго видѣлъ Ценея,
Такъ, Ценея Перребскаго, что дѣлами прославленъ,
Около Отрія жилъ. Но что изумительнѣй было,
Женщиной онъ родился“. Неслыханнымъ тронуты чудомъ,
Всѣ, кто тутъ былъ, разсказать попросили. Ахиллъ же воскликнулъ:
„Ты разскажи, ибо всѣмъ одинаково хочется слышать,
О рѣчистый старикъ, премудрость нашего вѣка,
Кто былъ этотъ Ценей, почему измѣненъ такъ превратно,
На какой и войнѣ, въ какомъ сраженьи извѣстнымъ
Сталъ онъ тебѣ, кѣмъ былъ побѣжденъ, если былъ побѣжденъ кѣмъ“.
Старецъ промолвилъ: „Хоть мнѣ и мѣшаетъ долгая древность,
Многое я и забылъ, что видѣлъ въ первые годы,
Больше все жь помню еще; но нѣтъ ничего, чтобъ осталось
Въ памяти лучше моей изъ всего, что въ полѣ и въ домѣ
Произошло. И когда способна долгая старость
Зрителемъ сдѣлать кого премногихъ событій, то прожилъ
Двѣсти я лѣтъ, и теперь проживаю третье столѣтье.
Дивна была красотою своей Элатея, Ценида,
Всѣхъ прекраснѣе дѣвъ Ѳессалійскихъ и по ближайшимъ
И по твоимъ городамъ, Ахиллесъ, твоя же землячка;
Многихъ она жениховъ вотще возбуждала исканья.
Можетъ быть и Пелей склонялся къ супружеству съ нею,
Но или связанъ былъ онъ съ твоей уже матерью бракомъ,
Или обѣщанъ тотъ былъ. Ценида же не выходила
Ни за кого; но, бродя вдоль берега, силѣ подпала
Бога морскаго она; про это молва говорила.
Какъ насладился Нептунъ любовной отрадою новой,
То сказалъ: „Пожелай, и не будетъ желаньямъ отказа.
Выбери, что по душѣ“; и это молва повторяла.
„Стоитъ“ (Ценида на то) „подобной обиды желанье,

находится въ семи надежныхъ кодексахъ. 191 *И по твоимъ городамъ, Ахиллесъ*
[illegible] 654).

Tale pati nil posse mihi. da, femina ne sim,
Omnia praestiteris. Graviore novissima dixit
Verba sono, poteratque viri vox illa videri,
205 Sicut erat. Nam iam voto deus aequoris alti
Annuerat. dederatque super, ne saucius ullis
Vulneribus fieri, ferrove occumbere posset.
Munere laetus abit, studiisque virilibus aevum
Exigit Atracides, Peneiaque arva pererrat.

PUGNA CENTAURORUM. HYLLAROS ET HYLONOME.

210 Duxerat Hippodamen audaci Ixione natus,
Nubigenasqne feros positis ex ordine mensis
Arboribus tecto discumbere iusserat antro.
Haemonii proceres aderant, aderamus et ipsi:
Festaque confusa resonabat regia turba.
215 Ecce canunt Hymenaeon, et ignibus atria fumant,
Cinctaque adest virgo matrum nuruumque caterva,
Praesignis facie. Felicem diximus illa
Coniuge Pirithoum. quod paene fefellimus omen.
Nam tibi, saevorum saevissime Centaurorum,
220 Euryte, quam vino, pectus tam virgine visa
Ardet, et ebrietas geminata libidine regnat.
Protinus eversae turbant convivia mensae,
Raptaturque comis per vim nova nupta prehensis.
Eurytus Hippodamen, alii, quam quisque probabant
225 Aut poterat, rapiunt. captaeque erat urbis imago.
Femineo clamore sonat domus. Ocius omnes
Surgimus, et primus: Quae te vecordia, Theseus,
Euryte, pulsat, ait, qui me vivente lacessas

---

209 *Атракидъ*—вѣроятно отъ Перребскаго города Атракса въ смыслѣ: Өракіецъ.
210 Окрестности Пелиона въ Өессаліи занимало племя Лапитовъ; часть онаго Центавры занимали злачныя долины самыхъ горъ, а какъ послѣднія часто стояли въ туманѣ, то составилась басня о порожденіи Центавровъ изъ облаковъ (см. 4, 461). Будучи первыми всадниками они прослыли полулюдьми и полуконями. Какъ родственниковъ и сосѣдей, наслѣдникъ царя Лапитовъ Иксіона, Пиритой, пригласилъ ихъ

Чтобъ не терпѣть мнѣ того жъ, пусть стану не женщиной, дай мнѣ,
Этимъ исполнишь ты все“. Послѣднія рѣчи грубѣе
Проговорила она, мужскимъ бы казаться могъ голосъ,
Какъ то и было. Затѣмъ, что уже богъ моря желанье
Утвердилъ, и къ тому прибавилъ, чтобы не могъ онъ
Быть ничѣмъ уязвленъ и не могъ сраженъ быть желѣзомъ.
Радуясь дару, ушелъ, и вѣкъ надъ мужскими трудами
Проводилъ Атракидъ, бродя по долинамъ Пенея.

БИТВА ЦЕНТАВРОВЪ. ГИЛЛАРЪ И ГИЛОНОМА.

Гипподамію привелъ Иксіономъ отважнымъ рожденный,
И свирѣпыхъ просилъ тучеродныхъ къ столамъ, чередою
Размѣщеннымъ, возлечь въ пещерѣ, деревьями скрытой.
Тутъ и Гемонская знать находилась и сами мы были.
Праздничный царскій дворецъ былъ шумною полонъ толпою.
Вотъ Гименея поютъ, огни дымятся въ притворѣ,
И среди матерей и женъ появляется дѣва,
Чудная свѣтлымъ лицемъ. Счастливцемъ зовемъ Пиритоя
Мы по супругѣ такой; но чуть не ошиблись примѣтой.
Ибо грудь у тебя, лютѣйшій изъ лютыхъ Центавровъ,
Пышетъ, Эвритъ, отъ вина и также отъ взглядовъ на дѣву,
И опьянѣнье тобой заодно съ любострастьемъ владѣетъ.
Опрокинувъ столы, сейчасъ смутили трапезу,
Тащутъ, за волоса схвативъ, новобрачную силой.
Гипподамію Эвритъ, другіе, какую по нраву,
Или подъ силу, влекутъ; на видъ это взятый былъ городъ.
Женскими криками домъ наполнился. Быстро вскочили
Всѣ мы, и первый Тезей промолвилъ: „Какое безумство
Побуждаетъ тебя, Эвритъ, при моей еще жизни

на свадьбу свою съ Гипподаміей и угощалъ, согласно баснословной ихъ природѣ въ большой пещерѣ близь царскаго дома, тогда какъ остальные владыки (Гемонскіе) Ѳессалійскіе и прочіе гости (Несторъ) собрались во дворцѣ,—*къ столамъ* (см. 5, 40). 215 *Гименея*, пѣсню при приводѣ невѣсты.—*Огни дымятся* (см. 1, 483). 220 *Эвритъ* или Эвритіонъ, но не тотъ, о которомъ говорится въ 8, 311. 222 Пиръ прерывается грубымъ насиліемъ Центавровъ, опрокидывающихъ столы.

Pirithoum, violesque duos ignarus in uno?
[Neve ea magnanimus frustra memoraverit heros,
Summovet instantes raptamque furentibus aufert.]
Ille nihil contra. neque enim defendere verbis
Talia facta potest. sed vindicis ora protervis
Insequitur manibus, generosaque pectora pulsat.
Forte fuit iuxta signis exstantibus asper
Antiquus crater, quem vastum vastior ipse
Sustulit Aegides, adversaque misit in ora.
Sanguinis ille globos pariter cerebrumque merumque
Vulnere et ore vomens madida resupinus arena
Calcitrat. Ardescunt germani caede bimembres,
Certatimque omnes uno ore: Arma, arma, loquuntur.
Vina dabant animos. et prima pocula pugna
Missa volant, fragilesque cadi, curvique lebetes,
Res epulis quondam, nunc bello et caedibus aptae.
Primus Ophionides Amycus penetralia donis
Haud timuit spoliare suis, et primus ab aede
Lampadibus densum rapuit funale coruscis:
Elatumque alte, veluti qui candida tauri
Rumpere sacrifica molitur colla securi,
Illisit fronti Lapithae Celadontis, et ossa
Non agnoscendo confusa relinquit in ore.
Exsiluere oculi, disiectisque ossibus oris
Acta retro naris, medioque est fixa palato.
Hunc pede convulso mensae Pellaeus acernae
Stravit humi Pelates deiecto in pectora mento,
Cumque atro mixtos sputantem sanguine dentes
Vulnere Tartareas geminato misit ad umbras.
Proximus ut steterat, spectans altaria vultu
Fumida terribili: Cur non, ait, utimur istis?
Cumque suis Gryneus immanem sustulit aram

---

229 Тезей указываетъ на то, что Эвритъ, не знавши о тѣсной дружбѣ могучаго Тезея съ Пиритоемъ, дерзаетъ дразнить послѣдняго въ присутствіи перваго. 231 Стихи 230 и 231 удалены у Merkel и Haupt. Мы возстановляемъ ихъ по Jahn, Riese и Lörs, такъ какъ полагаемъ ихъ необходимыми для полноты картины. Они находятся во всѣхъ Heinsianii. 237 *Эгидъ*—сынъ Эгея, Тезей. 239 *лягаетъ* какъ

Пиритоя дразнить, и въ одномъ двухъ трогать не знавши?“
(И, чтобы это сказалъ не напрасно герой, веледушный
Гонитъ онъ ярыхъ, и ту, что похитили, вновь исторгаетъ).
Тотъ ничего не сказалъ; защищать подобное дѣло
Онъ словами не могъ; но защитнику лѣзетъ руками
Дерзко къ лицу и его въ благородную грудь онъ толкаетъ.
Подлѣ случайно была, высокимъ узоромъ колюча,
Древняя чаша; ее громаду самъ больше громадный
Поднялъ съ мѣста Эгидъ и швырнулъ въ лице супостата.
Тотъ печенями кровь и мозгъ съ виномъ изрыгая,
Изъ разбитаго рта, поверженный навзничь лягаетъ
Въ мокрый песокъ. Разожгла смерть брата души двутѣлыхъ,
Въ голосъ одинъ всѣ они восклицаютъ: „Къ оружью, къ оружью“.
Духу давало вино; и, брошены первыми въ битвѣ,
Хрупкія кружки летятъ и кубки вмѣстѣ съ тазами,
Вещи, когда то къ столамъ, а нынѣ къ убійствамъ пригодны.
Первый Офіонидъ Амикъ не смутился въ святынѣ
Грабить ея же дары, и въ храмѣ онъ первый межъ всѣми
Яркій подсвѣчникъ схватилъ, усѣянный тѣсно огнями,
И, поднявши его высоко, какъ тотъ, что сѣкирой
Жертвенной хочетъ быку разрубить его бѣлую шею,
Въ лобъ Лапиту швырнулъ Целадону, и смятыя кости
Въ неузнаваемомъ онъ лицѣ у него лишь оставилъ.
Выперло разомъ глаза и, въ разбитыя кости личныя
Носъ провалился во внутрь и въ самое нёбо вдавился.
Этого, ножку сломивъ у стола кленоваго, ринулъ
На земь изъ Пеллы Пелатъ и вбилъ ему въ грудь подбородокъ,
И какъ выплевывать сталъ онъ съ черною кровью и зубы,
Въ Тартаръ къ тѣнямъ отослалъ его повтореннымъ ударомъ.
Рядомъ стоявшій притомъ, на алтарь дымящійся страшнымъ
Взоромъ уставясь, сказалъ: „Его что не пустимъ мы въ дѣло“?
И со своими Гриней огромный алтарь и съ огнями

конь. 245 *въ святынѣ* penetralia—родъ шкафа или поставца близь алтаря, въ которомъ хранились приношенія домашнимъ Ларамъ. 255 Македонскій городъ Пелла, впослѣдствіи знаменитая родина Александра Македонскаго.

Ignibus, et medium Lapitharum iecit in agmen,
Depressitque duos, Brotean et Orion. Orio
Mater erat Mycale, quam deduxisse canendo
Saepe reluctanti constabat cornua lunae.
265 Non impune feres, teli modo copia detur!
Dixerat Exadius, telique habet instar, in alta
Quae fuerant pinu votivi cornua cervi.
Figitur hinc duplici Gryneus in lumina ramo,
Eruiturque oculos, quorum pars cornibus haeret,
270 Pars fluit in barbam concretaque sanguine pendet.
Ecce rapit mediis flagrantem Rhoetus ab aris
Pruniceum torrem, dextraque a parte Charaxi
Tempora perfringit fulvo protecta capillo.
Correpti rapida, veluti seges arida, flamma
275 Arserunt crines, et vulnere sanguis inustus
Terribilem stridore sonum dedit, ut dare ferrum
Igne rubens plerumque solet, quod forcipe curva
Cum faber eduxit, lacubus demittit. at illud
Stridet, et in tepida summersum sibilat unda.
280 Saucius hirsutis avidum de crinibus ignem
Excutit, inque humeros limen tellure revulsum
Tollit, onus plaustri. quod ne permittat in hostem,
Ipsa facit gravitas. Socium quoque saxea moles
Oppressit spatio stantem propiore Cometen.
285 Gaudia nec retinet Rhoetus. Sic, comprecor, inquit,
Cetera sit fortis castrorum turba tuorum!
Semicremoque novat repetitum stipite vulnus,
Terque quaterque gravi iuncturas verticis ictu
Rupit, et in liquido sederunt ossa cerebro.
290 Victor ad Euagrum Corythumque Dryantaque transit.
E quibus ut prima tectus lanugine malas
Procubuit Corythus: Puero quae gloria fuso
Parta tibi est? Euagros ait. Nec dicere Rhoetus
Plura sinit, rutilasque ferox in aperta loquentis
295 Condidit ora viri, perque os in pectora flammas.

---

267 Побоище распространилось уже и за предѣлами пещеры, и Эксадій схватилъ *оленьи рога по обѣту*, повѣшенные охотникомъ въ честь Діаны (см. 8, 746).

Поднялъ и прямо его швырнулъ въ середину Лапитовъ;
Двухъ раздавилъ онъ, Бротея и Оріона; Микала
Мать Оріона была; про нее говорили, что пѣньемъ
Часто насильно рога у луны она съ неба сводила.
„Даромъ тебѣ не пройдетъ, найти бы мнѣ только доспѣхи“,
Тутъ Эксадій сказалъ, и тотчасъ доспѣхи нашелъ онъ,
На высокой соснѣ оленьи рога, по обѣту.
Вѣтвію этой двойной въ глаза онъ ударилъ Гринея,
Вышибъ ему онъ глаза, на рогахъ осталася часть ихъ,
Часть къ бородѣ потекла и повисла съ запекшейся кровью.
Вотъ головню сливняка пылавшую Ретъ съ середины
Алтаря подхватилъ, и съ праваго боку Хараксу
Онъ високъ проломилъ, рыжеватыми скрытый кудрями.
Быстрымъ объяты огнемъ волоса, какъ жатва сухая,
Вспыхнули разомъ, и кровь издала, запеченная въ ранѣ,
Треска ужаснаго звукъ, какой обычно желѣзо,
Покраснѣвъ на огнѣ, издаетъ, какъ кривыми клещами
Вынетъ его кузнецъ и опуститъ въ кадку; оно же
Затрещитъ и шипитъ, погруженное въ теплую влагу.
Уязвленный стряхнулъ съ волосъ огонь ненасытный
И на плечи порогъ, изъ земли его вывернувъ, поднялъ,
Бремя лишь возу въ подъемъ. Долетѣть до врага не пустила
Самая тяжесть его. А тутъ же стоявшій товарищъ
Неподалеку Кометъ былъ каменной грудой раздавленъ.
Радости Ретъ не сдержалъ. „Вотъ такъ я желаю, вскричалъ онъ,
Чтобъ остальная была толпа въ твоемъ лагерѣ храброй!“
И не сгорѣвшей еще головней подновляетъ онъ раны,
И три раза или четыре ударивши, спивки
Черепа онъ раскололъ, въ мозгу лишь осколки засѣли.
Тутъ къ Эвагру, Кориту и Дрію спѣшитъ побѣдитель.
Только что первымъ изъ нихъ, съ пушкомъ покрывающимъ щеки,
Ринулся о земь Коритъ; „Какую ты славу, сразивши
Мальчика, можешь стяжать?“ Эвагръ воскликнулъ. Но дальше
Не далъ Ретъ говорить, и въ уста говорившаго мужа,
А чрезъ уста то и въ грудь погрузилъ онъ красное пламя.

Te quoque, saeve Drya, circum caput igne rotato
Insequitur. sed non in te quoque constitit idem
Exitus. assiduae successu caedis ovantem
Qua iuncta est humero cervix, sude figis obusta.
300 Ingemuit, duroque sudem vix osse revellit
Rhoetus, et ipse suo madefactus sanguine fugit.
Fugit et Orneus, Lycabasque, et saucius armo
Dexteriore Medon, et cum Pisenore Thaumas:
Quique pedum nuper certamine vicerat omnes
305 Mermeros, accepto tum vulnere tardius ibat:
Et Pholus, et Melaneus, et Abas praedator aprorum:
Quique suis frustra bellum dissuaserat, augur
Astylos. Ille etiam metuenti vulnera Nesso:
Ne fuge! ad Herculeos, inquit, servaberis arcus.
310 At non Eurynomus Lycidasque et Areos et Imbreus
Effugere necem. quos omnes dextra Dryantis
Perculit adversos. Adversum tu quoque, quamvis
Terga fugae dederas, vulnus, Crenaee, tulisti.
Nam grave, respiciens, inter duo lumina ferrum,
315 Qua naris fronti committitur, accipis, imae.
In tanto fremitu cunctis sine fine iacebat
Sopitus venis et inexperrectus Aphidas,
Languentique manu carchesia mixta tenebat,
Fusus in Ossaeae villosis pellibus ursae.
320 Quem procul ut vidit frustra nulla arma moventem,
Inserit amento digitos, Miscendaque dixit
Cum Styge vina bibas Phorbas. Nec plura moratus
In iuvenem torsit iaculum, ferrataque collo
Fraxinus, ut casu iacuit resupinus, adacta est.
325 Mors caruit sensu, plenoque e gutture fluxit
Inque toros inque ipsa niger carchesia sanguis.
Vidi ego Petraeum conantem evellere terra
Glandiferam quercum. quam dum complexibus ambit,
Et quatit huc illuc, labefactaque robora iactat,
330 Lancea Pirithoi costis immissa Petraei

---

321 Пальцы вправилъ Форбасъ (см. 7, 788).

И за тобою, Дріасъ свирѣпый, гнался онъ, махая
Пламенемъ вкругъ головы. Но съ тобою не тотъ же исходъ
былъ,
А ликующаго въ постоянной удачѣ убійства
Коломъ горячимъ попалъ ты по связкѣ шеи съ плечами.
300 Простоналъ, и изъ кости тугой колъ вырвалъ насилу
Ретъ, и, самъ убѣжалъ, обливаясь собственной кровью.
И Орней убѣжалъ и Ликабъ и Медонъ съ пораженнымъ
Правымъ плечомъ, и во слѣдъ Пизеноръ за ними съ Тавмасомъ:
И недавно ихъ всѣхъ быстротою ногъ побѣждавшій,
305 Рану теперь получа, гораздо шелъ медленнѣй Мермеръ;
Также и Фолъ, Меланей и Абасъ, охотникъ на вепрей,
И предвѣщатель Астилъ, напрасно своихъ увѣщавшій
Бросить вражду. Онъ сказалъ и Нессу, что ранъ убоялся,
Не убѣгай! Припасенъ ты для Геркулесова лука.
310 Ни Эвриномъ, ни съ нимъ Лицидасъ, ни Арій, ни Имбрій
Не избѣжали конца; ихъ всѣхъ десница Дріаса
Спереди била. И все жь, хотя обращаяся въ бѣгство,
Тылъ показалъ ты, Креней, но спереди рану воспринялъ.
Ибо желѣзо тебѣ, какъ ты оглянулся, попало
315 Между двухъ глазъ, гдѣ лобъ пониже смежается съ носомъ.
Въ гамѣ подобномъ лежалъ безпредѣльно жилами всѣми
Въ сонъ погруженный Афидъ, предаваясь ему непробудно,
И ослабѣвшей рукой держалъ налитую онъ чашу,
Развалясь на косматой шкурѣ медвѣдицы съ Оссы.
320 Издали видя, какъ тотъ напрасно въ бой не пускался,
Пальцы вправилъ Форбасъ въ ремень и молвилъ: „Такъ пей же
Ты со Стиксомъ вино“. И, не замедлясь ни мало,
Въ юношу бросилъ копье, и ясень насадкой желѣзной
Въ шею ему угодилъ, случайно лежавшему навзничь.
325 Смерти онъ не слыхалъ, изъ полнаго хлынула горла
Черная кровь на постель и даже въ самую чашу.
Видѣлъ я, какъ Петрей старался изъ земи вырвать
Дубъ въ желудяхъ и, пока, обхвативши его, онъ пытался
И туда и сюда раскачивать дубъ ослабѣлый,
330 Пиритоя копье, устремленное въ ребра Петрея,

Pectora cum duro luctantia robore fixit.
Pirithoi cecidisse Lycum virtute ferebant,
Pirithoi virtute Chromin. Sed uterque minorem
Victori titulum, quam Dictys Helopsque dederunt.
335 Fixus Helops iaculo, quod pervia tempora fecit,
Et missum a dextra laevam penetravit ad aurem.
Dictys ab incipiti delapsus acumine montis,
Dum fugit instantem trepidans Ixione natum,
Decidit in praeceps, et pondere corporis ornum
340 Ingentem fregit, suaque induit ilia fractae.
Ultor adest Aphareus, saxumque e monte revulsum
Mittere conatur. Mittentem stipite querno
Occupat Aegides, cubitique ingentia frangit
Ossa. nec ulterius dare corpus inutile leto
345 Aut vacat, aut curat. tergoque Bianoris alti
Insilit, haud solito quenquam portare, nisi ipsum:
Opposuitque genu costis, prensamque sinistra
Caesariem retinens, vultum minitantiaque ora
Robore nodoso praeduraque tempora fregit.
350 Robore Nedymnum, iaculatoremque Lycotan
Sternit, et immissa protectum pectora barba
Hippason, et summis exstantem Riphea silvis,
Thereaque, Haemoniis qui prensos montibus ursos
Ferre domum vivos indignantesque solebat.
355 Haud tulit utentem pugnae successibus ultra
Thesea Demoleon, solido divellere terra
Annosam pinum magno molimine tentat.
Quod quia non potuit, praefractam misit in hostem.
Sed procul a telo Theseus veniente recessit

---

352 *выше макушекъ*; поэты придавали Центаврамъ громадные размѣры и силу. 356 Стихъ этотъ дошелъ до насъ въ лучшихъ кодексахъ, въ искаженномъ переписчиками видѣ.—Тѣ, которыми пользовался Heinsius, имѣютъ: revellere v. divellere solidoque dumo, которое чтеніе на основаніи авторитета Heinsius и перешло почти во всѣ изданія до двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія, несмотря на крайнее затрудненіе сочетать понятіе dumus съ pinus annosa 357 ст. Въ виду этого и пользуясь разработкою Cod. Marcianus, придавшей авторитетъ извѣстнымъ уже прежде, но по причинѣ дурнаго сохраненія и частыхъ описокъ, пользовавшихся малымъ уваженіемъ спискамъ съ него (по apparatus criticorum знакъ M S), новѣйшіе комментаторы и издатели стали читать re—v. divellere solidoque trunco, которое чтеніе и оста-

Грудь пригвоздило его при ея напряженіи къ дубу.
Пиритоевой доблестью Ликъ былъ сраженъ, говорили,
Пиритоевой доблестью Хромъ. Но обѣ побѣды
Меньшую почесть ему чѣмъ Диктъ и Гелопсъ даровали.
Дротомъ Гелопсъ былъ убитъ, ему въ виски пролетѣвшимъ;
Пущенный справа, ему онъ до лѣваго уха проникнулъ.
Диктъ, сорвавшись съ двойной вершины горной, какъ въ страхѣ
Отъ напиравшаго онъ бѣжалъ Иксіонова сына,
Въ бездну упалъ и сломилъ тяжелымъ тѣломъ огромный
Ясень, и тутъ же свои черевья оставилъ на сломѣ.
Мститель предсталъ Афарей и камень, отринувши горный,
Думаетъ онъ запустить. Бросавшаго коломъ дубовымъ
Предупреждаетъ Эгидъ и дробитъ громадныя кости
Локтя; и смерти въ конецъ предавать безполезное тѣло
Нѣтъ ни охоты ему, ни времени; на спину скачетъ
Онъ къ Біанору, привычному только къ собственной ношѣ,
И колѣномъ нажавъ ему ребра, а волосы лѣвой
Захватя и держа, лице и уста съ ихъ угрозой,
Твердые также виски раздробилъ корявой дубиной,
И Ликота стрѣлка дубиной сразилъ и Недимна,
И Гиппазона, что грудь всю прикрылъ бородою висящей,
И Рифея стоящаго выше макушекъ древесныхъ,
И Терея, что въ домъ, въ Гемонскихъ лѣсахъ уловленныхъ
И сердитыхъ, живьемъ медвѣдей носить былъ привыченъ.
Долѣе не перенесъ успѣховъ Тезеевыхъ въ битвѣ
Демолеонъ, и сосну стародавнюю вырвать изъ крѣпкой
Онъ задумалъ земли, прилагая большое усилье.
Какъ того онъ не смогъ, во врага преломленную ринулъ.
Но далеко отдался Тезей отъ летѣвшей громады,

лось въ послѣднихъ нѣмецкихъ изданіяхъ Metamorphoseon. Одинъ Merkel имѣетъ, кажется, на основаніи гипотезы, которую нельзя назвать удачной, dudum. Но divellere или revellere solido trunco pinum annosam никакъ не вяжется съ ст. 358, въ которомъ Демолiонъ „quod quia non potuit“, удовольствуется надломленнымъ деревомъ: praefractam misit in hostem.—Тутъ очевидно противорѣчіе, передъ которымъ однако не остановились Haupt, Bach, Riese и др. Въ этомъ затрудненіи мы предпочли слѣдовать въ настоящемъ случаѣ устарѣлому нынѣ изданію Christian Jahn, который, опираясь на трехъ малоизвѣстныхъ спискахъ, а въ особенности на объясненіи Burmanus, прочелъ и напечаталъ: Solidaque revellere terra.

Pallados admonitu. credi sic ipse volebat.
Non tamen arbor iners cecidit. nam Crantoris alti
Abscidit iugulo pectusque humerumque sinistrum.
Armiger ille tui fuerat genitoris, Achille:
Quem Dolopum rector, bello superatus, Amyntor
Aeacidae dederat pacis pignusque fidemque.
Hunc procul ut foedo disiectum vulnere Peleus
Vidit: At inferias, iuvenum gratissime Crantor,
Accipe, ait, validoque in Demoleonta lacerto
Fraxineam misit, mentis quoque viribus, hastam,
Quae laterum cratem perrupit, et ossibus haerens
Intremuit. Trahit ille manu sine cuspide lignum:
Id quoque vix sequitur. cuspis pulmone retenta est.
Ipse dolor vires animo dabat. aeger in hostem
Erigitur, pedibusque virum proculcat equinis.
Excipit ille ictus galea clipeoque sonantes,
Defensatque humeros, praetentaque sustinet arma:
Perque armos uno duo pectora perforat ictu.
Ante tamen leto dederat Phlegraeon et Hylen
Eminus, Iphinoum collato Marte Claninque.
Additur his Dorylas, qui tempora tecta gerebat
Pelle lupi, saevique vicem praestantia teli
Cornua vara boum multo rubefacta cruore.
Huic ego, nam vires animus dabat: Aspice, dixi,
Quantum concedant nostro tua cornua ferro!
Et iaculum torsi. quod cum vitare nequiret,
Opposuit dextram passurae vulnera fronti.
Affixa est cum fronte manus. fit clamor. at illum
Haerentem Peleus et acerbo vulnere victum...
Stabat enim propior... mediam ferit ense sub alvum.
Prosiluit, terraque ferox sua viscera traxit,
Tractaque calcavit, calcataque rupit, et illis
Crura quoque impediit, et inani concidit alvo.
Nec te pugnantem tua, Cyllare, forma redemit,
Si modo naturae formam concedimus illi.

---

364 *Долоповъ князь* (см. 8, 307). Аминторъ, побѣжденный Пелеемъ, отдалъ вто-

Бывъ Палладой внушенъ; самъ въ этомъ увѣрить желалъ онъ.
Дерево пало межъ тѣмъ не напрасно; оно исполину
Крантору съ лѣвымъ плечомъ и грудь оторвало отъ шеи.
Оруженосцемъ отца твоего, Ахиллесъ, состоялъ онъ:
Этого Долоповъ князь въ войнѣ побѣжденный, Аминторъ,
Далъ Эакиду въ залогъ охраны надежнаго мира.
Какъ растерзаннаго увидалъ его издали только
Страшною раной Пелей, то воскликнулъ: „Прими же, милѣйшій
Юноша Кранторъ, поминъ“, и ринулъ мощной рукою
Въ Демолеона копье ясеневое, съ силою гнѣва;
Связь между реберъ оно проломивъ и въ кости засѣвши,
Задрожало. Извлекъ рукой безъ насадки онъ древко:
Вышло съ трудомъ и оно; насадка же въ легкихъ увязла.
Самая боль придала силы духу; ослабшій возсталъ онъ
На врага и лягать сталъ копытами конскими мужа.
Звонкіе шлемомъ тотъ и щитомъ встрѣчаетъ удары
И, защищая плеча, впередъ подымаетъ доспѣхи
И сквозь плечи однимъ ударомъ пронзаетъ двѣ груди.
Раньше предалъ межъ тѣмъ онъ смерти Флегрея и Гила
Издалека, Ифиноя съ Кланисомъ въ бою рукопашномъ.
Къ нимъ прибавленъ Дорилъ, на лбу для защиты носившій
Волчью кожу, притомъ замѣнявшіе страшную пику
Бычьи крутые рога, краснѣвшіе кровью обильной.
Этому такъ я сказалъ,... духъ придалъ мнѣ силы... „Гляди ка
Какъ ничтожны твои рога передъ нашимъ желѣзомъ!“
И запустилъ я копье; его избѣгнуть не въ силахъ,
Руку выставилъ онъ передъ лбомъ, угрожаемымъ раной.
Прихватило ко лбу руку. Онъ крикнулъ, но тотчасъ,
Къ пригвожденному и побѣжденному тяжкою раной,
Ближе стоявшій Пелей въ животъ ему мечъ погружаетъ.
Всталъ на дыбы, и свои кишки по землѣ поволокъ онъ,
И, волоча ихъ, топталъ и, топча, разрывалъ, и все ими
Спутывалъ ноги свои и упалъ съ опорожненнымъ брюхомъ.
Не искупила твоя красота, Цилларъ, тебя въ битвѣ,
Ежели мы красоту въ подобномъ созданьи признаемъ.

раго своего сына Кантора ему въ заложники, а Пелей взялъ его въ оруженосцы.
377 *двѣ груди*, т. е. конскую и человѣческую.

Barba erat incipiens, barbae color aureus, aurea
Ex humeris medios coma dependebat in armos.
Gratus in ore vigor. cervix humerique manusque
Pectoraque artificum laudatis proxima signis,
Et quacumque vir est. nec equi mendosa sub illo
Deteriorque viro facies. Da colla caputque,
Castore dignus erit. sic tergum sessile, sic stant
Pectora celsa toris. totus pice nigrior atra,
Candida cauda tamen, color est quoque cruribus albus.
Multae illum petiere sua de gente, sed una
Abstulit Hylonome, qua nulla decentior inter
Semiferos altis habitavit femina silvis.
Haec et blanditiis et amando et amare fatendo
Cyllaron una tenet. Cultus quoque, quantus in illis
Esse potest membris. ut sit coma pectine levis,
Ut modo rore maris, modo se violave rosave
Implicet, interdum canentia lilia gestet,
Bisque die lapsis Pagasaeae vertice silvae
Fontibus ora lavet, bis flumine corpora tinguat,
Nec nisi quae deceant, electarumque ferarum
Aut humero, aut lateri praetendat vellera laevo.
Par amor est illis. errant in montibus una:
Antra simul subeunt. Et tunc Lapitheia tecta
Intrarant pariter, pariter fera bella gerebant.
Auctor in incerto est, iaculum de parte sinistra
Venit, et inferius, quam collo pectora subsunt,
Cyllare, te fixit. parvo cor vulnere laesum
Corpore cum toto post tela educta refrixit.
Protinus Hylonome morientes excipit artus,
Impositaque manu vulnus fovet, oraque ad ora
Admovet, atque animae fugienti obsistere tentat.
Ut videt extinctum, dictis, quae clamor ad aures
Arcuit ire meas, telo, quod inhaeserat illi,
Incubuit, moriensque suum complexa maritum est.
Ante oculos stat et ille meos, qui sena leonum

---

413 *Пагазейскихъ* (см. 7, 1).

Чуть росла борода, къ бородѣ золотистой и волосъ
Золотистый спадалъ вкругъ плечъ до средины лопатокъ.
Милая свѣжесть въ лицѣ; голова и плечи и руки
Приближались, какъ грудь къ созданіямъ славнымъ искусства,
Всюду, гдѣ мужемъ онъ былъ; не хуже однако былъ мужа
Видъ безупречный коня. Дай голову только да шею,
Кастору былъ бы пригожъ; спина такъ удобна къ сидѣнью,
Грудь такъ отъ мышцъ высока, самъ весь онъ смоли чернѣе,
Хвостъ лишь бѣлый одинъ, да въ бѣлыхъ отмѣтинахъ ноги.
Многимъ въ породѣ своей онъ нравился дѣвамъ, сдался же
Онъ Гиломенѣ одной, которой милѣй между женщинъ
Полузвѣрей ни одной по нагорнымъ лѣсамъ не живало.
Эта плѣняетъ одна Циллара привѣтомъ, любовью
И признаньемъ въ любви. Убранство въ ней то, что возможно
Съ тѣломъ такимъ; волоса, чтобъ гребнемъ приглажены были,
Чтобъ розмариномъ себя, не то фіалкой иль розой
Принарядить, а не то красоваться и бѣлой лилеей,
Два раза въ день умывать лице изъ ключей, что стекаютъ
Съ горъ Пагазейскихъ лѣсовъ, два раза въ потокъ покружаться,
Изъ подходящихъ къ лицу лишь звѣрей, да самыхъ отборныхъ,
На плеча надѣвать мѣха иль съ лѣваго бока.
Та же въ обоихъ любовь, по горамъ они вмѣстѣ блуждаютъ;
Вмѣстѣ въ пещеру идутъ. И нынѣ въ жилище Лапита
Вмѣстѣ вступили они и сражались отчаянно вмѣстѣ.
Съ лѣвой тутъ стороны копье, виновникъ невѣдомъ,
Пронеслось и въ тебя, Цилларъ, попало пониже
Шеи, вступающей въ грудь; чуть раной затронуто, сердце
Вмѣстѣ съ тѣломъ, когда копье извлекли, охладѣло.
Гилонома сейчасъ обняла умиравшіе члены,
Рану рукой заложивъ, согрѣваетъ своими устами,
Льнетъ къ устамъ, задержать уходящую душу стараясь.
Видя, что онъ ужь угасъ, со словами, которымъ мнѣ въ уши
Шумъ не дозволилъ дойти, на пику, что въ немъ оставалась,
Бросилась и обняла, сама умиравшая, мужа.

Передъ глазами стоитъ у меня Феокомъ, что узлами

430 Vinxerat inter se connexis vellera nodis,
Phaeocomes, hominemque simul protectus equumque:
Caudice qui misso, quem vix iuga bina moverent
433 Tectaphon Oleniden a summo vertice fregit.
439 Ast ego, dum parat hic armis nudare iacentem,
440 Scit tuus hoc genitor, gladium spoliantis in ima
Ilia demisi. Chthonius quoque Telebousque
Ense iacent nostro. Ramum prior ille bifurcum
Gesserat, hic iaculum. Iaculo mihi vulnera fecit.
Signa vides. apparet adhuc vetus inde cicatrix.
445 Tunc ego debueram capienda ad Pergama mitti.
Tunc poteram magni, si non superare, morari
Hectoris arma meis. Illo sed tempore nullus,
Aut puer, Hector erat. Nunc me mea deficit aetas.
Quid tibi victorem gemini Periphanta Pyraethi,
450 Ampyca quid referam? qui quadrupedantis Oicli
Fixit in adverso cornum sine cuspide vultu.
Vecte Pelethronium Macareus in pectus adacto
Stravit Erigdupum. Memini et venabula condi
Inguine Nesseis manibus coniecta Cymeli.
455 Nec tu credideris tantum cecinisse futura
Ampyciden Mopsum. Mopso iaculante biformis
Procubuit frustraque loqui tentavit Hodites,
Ad mentum lingua, mentoque ad guttura fixo.
Quinque neci Caeneus dederat, Styphelumque Bromumque
460 Antimachumque Elymumque securiferumque Pyracmon.
Vulnera non memini, numerum nomenque notavi.
Provolat Emathii spoliis armatus Halaesi,

---

433 Новѣйшіе нѣмецкіе издатели, имѣя Merkel во главѣ, сочли необходимымъ вычеркнуть слѣдующіе пять стиховъ:

434 Fracta volubilitas capitis latissima, perque os
Perque cavas nares oculosque auresque cerebrum
Molle fluit, veluti concretum vimine querno
Lac solet, utve liquor rari sub pondere cribri
Manat et exprimitur par densa foramina spissus.

По недостатку мѣста и времени мы не будемъ разбирать многочисленныя разнорѣчивыя мнѣнія pro и contra подлинности этихъ стиховъ, среди нѣмецкихъ филологовъ; но такъ какъ такіе знатоки Овидія, какъ Heinsius, Burmanus и другіе въ

430 Между собою связалъ шесть львиныхъ кожъ во едино,
И какъ защитой покрылъ человѣка всего, да и лошадь.
Онъ, обрубокъ швырнувъ, подсильный бы еле двумъ парамъ,
433 Тектафона расшибъ Оленида отъ самой макушки.
439 Я жь, какъ оружіе снять съ лежащаго онъ собирался,
440 Знаетъ о томъ твой отецъ, свой мечъ обиравшему тѣло
Въ пахъ глубоко вонзилъ. Телебъ, равно какъ и Хтоній,
Нашимъ мечемъ сражены. Сукомъ послѣдній двурогимъ
Бился, рогатиной тотъ. Меня онъ рогатиной ранилъ,
Видишь знакъ. До сихъ поръ старинный рубецъ все замѣтенъ.
445 Вотъ тогда бы меня послать для взятья Пергама:
Вотъ тогда бы я могъ, хоть не превзойти, то оружьемъ
Гектора лишь задержать моимъ. Но не жилъ въ то время
Гекторъ, иль мальчикомъ былъ. Теперь я ослабленъ годами.
Что о побѣдѣ тебѣ надъ Пиретомъ двойнымъ Перифанта,
450 Что объ Ампикѣ сказать? Какъ прямо въ лице онъ Оиклу
Четвероногому корновый дротъ вонзилъ безъ насадки.
Прямо рычагъ Макарей Пелетронскій въ грудь направляя,
Эригдупа сразилъ. Я помню, какъ дротикъ воткнулся
Прямо Цимелу подъ пахъ, запущенный Несса руками.
455 И не думай ты, что единственно пѣлъ о грядущемъ
Мопсъ Ампицидъ. Копьемъ, направленнымъ Мопсомъ, поверженъ
Ницъ двуличный Годитъ, и вотще говорить порывался.
Къ подбородку языкъ, подбородокъ былъ къ горлу приколонъ.
Смерти предалъ Ценей пятерыхъ: Стифела и Брома,
460 Антимаха, Элима и Пиракмона съ сѣкирой.
Я не припомню ихъ ранъ, имена и число же замѣтилъ.
Мчится вооруженъ въ бронѣ Эматійца Галеза,

---

434 Въ плоскость расшиблена вся круглота головы, и сочится
Мягкій мозгъ изо рта, изъ глазъ и изъ полаго носа
И изъ ушей, какъ течетъ молоко, сгустясь, межъ дубовыхъ
Прутьевъ обычно, иль сокъ, рѣшетомъ придавленный рѣдкимъ,
Истекаетъ густой, выжимаемъ изъ дырочекъ частыхъ.

ней никогда не сомнѣвались и такъ какъ заподозрѣнные стихи прослѣжены Lörs во многихъ спискахъ, присоединяемся лично къ мнѣнію старика Jahn: Sed illa descriptio eventus sive effectus, quem ictus ille habet, exspectatur, et illa exaggeratio et imaginis foeditas plane Ovidiana. 452 *Пелетроній*—часть горной цѣпи Пеліона.

Quem dederat leto, membris et corpore Latreus
Maximus. Huic aetas inter iuvenemque senemque,
465 Vis iuvenilis erat. variabant tempora cani.
Qui clipeo gladioque Macedoniaque sarissa
Conspicuus faciemque obversus in agmen utrumque
Armaque concussit, certumque equitavit in orbem,
Verbaque tot fudit vacuas animosus in auras:
470 Et te, Caeni, feram? nam tu mihi femina semper,
Tu mihi Caenis eris. Nec te natalis origo
Commonuit, mentemque subit, quo praemia facto,
Quaque viri falsam speciem mercede pararis?
Vel quid nata, vide, vel quid sis passa. columque,
475 I, cape cum calathis, et stamina pollice torque:
Bella relinque viris. Iactanti talia Caeneus
Extentum cursu missa latus eruit hasta,
Qua vir equo commissus erat. Furit ille dolore,
Nudaque Phyllei iuvenis ferit ora sarissa.
480 Non secus haec resilit, quam tecti a culmine grando,
Aut siquis parvo feriat cava tympana saxo.
Cominus aggreditur, laterique recondere duro
Luctatur gladium. gladio loca pervia non sunt.
Haud tamen effugies! medio iugulaberis ense,
485 Quandoquidem mucro est hebes, inquit, et in latus ensem
Obliquat, longaque amplectitur ilia dextra.
Plaga facit gemitus, ceu corpore marmoris icti,
Fractaque dissiluit percusso lamina callo.
Ut satis illaesos miranti praebuit artus:
490 Nunc age, ait, Caeneus, nostro tua corpora ferro
Tentemus! capuloque tenus demisit in armos
Ensem fatiferum, caecamque in viscera movit
Versavitque manum, vulnusque in vulnere fecit.
Ecce ruunt vasto rabidi clamore bimembres,
495 Telaque in hunc omnes unum mittuntque feruntque.
Tela retusa cadunt, manet imperfossus ab omni
Inque cruentatus Caeneus Elateius ictu.

---

479 Ценею изъ Θессалійскаго города Филла.

Коего въ смерть онъ послалъ, Латрей всѣхъ складомъ и
тѣломъ
Большій. Лѣтами онъ былъ межъ юношей и между старцевъ,
465 Силой онъ юноша былъ; сѣдиною виски отливали.
Онъ щитомъ и мечемъ и своей Македонскою пикой
Былъ на виду и, лице обращая къ обоимъ отрядамъ,
Онъ оружьемъ гремѣлъ, скача по ровному кругу,
И такія слова испустилъ надменно на вѣтеръ:
470 „Знать и тебя мнѣ, Ценей, терпѣть? Ты вѣдь женщина вѣчно,
Вѣкъ Ценеида ты мнѣ. Неужели природа началомъ
Не извѣщаетъ тебя, и ты не поймешь, чѣмъ награду,
И какою цѣной видъ ложный ты мужа стяжала?
Чѣмъ рождена ты, взгляни, иль что претерпѣла; и къ прялкѣ
475 Да къ корзинкѣ ступай и пальцемъ засучивай нитки.
Войны мужамъ предоставь“. Ценей на такое бахвальство
Въ бѣгѣ растянутый бокъ копьемъ уязвляетъ въ то мѣсто,
Гдѣ человѣкъ смежался съ конемъ. Тотъ въ злобѣ отъ боли,
Юношѣ прямо въ лице Филлейскому пику кидаетъ.
480 Но отскочила она, какъ градъ отъ кровли домовой,
Или какъ ежели кто въ тимпанъ попадаетъ мелкимъ камнемъ.
Близко тогда онъ къ нему подступилъ и въ бокъ его твердый
Силится мечъ запустить; мечу нѣтъ мѣста для входа.
„Все жь отъ меня не уйдешь! Серединой меча ты погибнешь,
485 Коль затупился конецъ“, онъ вскричалъ, и вдоль всего бока
Мечъ опускаетъ и пахъ обнимаетъ, всю вытянувъ руку.
Звонъ производитъ ударъ, какъ изданный мраморнымъ тѣломъ,
И преломленный клинокъ разлетѣлся о твердую кожу.
Утомясь подставлять изумленному члены безвредно:
490 „Ну-ка, воскликнулъ Ценей, твое испытаемъ мы тѣло
Сталью своей!“ и губительный мечъ запустилъ онъ въ лопатку
По рукоятку его, и слѣпо рукою въ утробѣ
Двигать сталъ и вращать и раны выдѣлывалъ въ ранѣ,
Вотъ, разозлясь, понеслись двутѣлые съ крикомъ ужаснымъ,
495 На одного всѣ они оружье несутъ и подъемлютъ.
Копья, отброшены всѣ, упадаютъ, а самъ не проколонъ,
Не окровавленъ никѣмъ, остался Ценей Элатейскій.

Fecerat attonitos nova res. Heu dedecus ingens!
Monychus exclamat, populus superamur ab uno,
500 Vixque viro. Quanquam ille vir est. nos segnibus actis,
Quod fuit ille, sumus. Quid membra immania prosunt?
Quid geminae vires, et quod fortissima rerum
In nobis duplex natura animalia iunxit?
Nec nos matre dea, nec nos Ixione natos
505 Esse reor. qui tantus erat, Iunonis ut altae
Spem caperet. Nos semimari superamur ab hoste.
Saxa, trabesque super, totosque involvite montes,
Vivacemque animam missis elidite silvis!
Silva premat fauces, et erit pro vulnere pondus.
510 Dixit. et insani deiectam viribus austri
Forte trabem nactus, validum coniecit in hostem:
Exemplumque fuit. parvoque in tempore nudus
Arboris Othrys erat, nec habebat Pelion umbras.
Obrutus immani cumulo, sub pondere Caeneus
515 Aestuat arboreo, congestaque robora duris
Fert humeris. Sed enim postquam super ora caputque
Crevit onus, nec habet, quas ducat, spiritus auras,
Deficit interdum, modo se super aera frustra
Tollere conatur, iactasque evolvere silvas:
520 Interdumque movet. veluti, quam cernimus, ecce
Ardua si terrae quatiatur motibus Ide.
Exitus in dubio est. alii sub inania corpus
Tartara detrusum silvarum mole ferebant:
Abnuit Ampycides, medioque ex aggere fulvis
525 Vidit avem pennis liquidas exire sub auras,
Quae mihi tunc primum, tunc est conspecta supremum.
Hanc ubi lustrantem leni sua castra volatu
Mopsus et ingenti circum clangore sonantem
Aspexit, pariterque animo est oculisque secutus:
530 O salve, dixit, Lapitheae gloria gentis,
Maxime vir quondam, sed nunc avis unica, Caeneu!

---

524 *Ампицидъ* Мопсъ, о которомъ говорится выше ст. 456. 525 видѣлъ птицу, которую поэтъ не опредѣляетъ точнѣе, но такъ какъ невозможно, чтобы Несторъ тутъ въ первый и въ послѣдній разъ увидалъ орла, то нельзя счесть эту птицу

Изумило опять всѣхъ чудо. „О стыдъ необъятный!
Восклицаетъ Монихъ, народъ одному мы сдаемся,
Что и мущина едва. Все жь онъ мущина; а мы то,
Мямли, мы то, чѣмъ онъ былъ. Что пользы въ огромныхъ
нам членахъ?
Въ силахъ нашихъ двойныхъ и въ томъ, что двойная природа
Самыя сильныя въ насъ созданья на свѣтѣ связала?
Не богиня намъ мать, не Иксіонъ породилъ насъ,
Кажется мнѣ; вѣдь былъ онъ таковъ, что къ высокой Юнонѣ
Даже надежду питалъ. Насъ врагъ полумужъ побѣждаетъ.
Камней, деревъ на него навалите и цѣлыя горы
И, накидавши лѣсовъ, изгоните живучую душу!
Лѣсъ да зажметъ ему ротъ и тяжесть пусть раны замѣнитъ“.
Молвилъ, и вырванный стволъ безумнаго Австера силой,
Что случайно нашелъ, въ противника мощнаго кинулъ;
Этимъ онъ подалъ примѣръ; и въ краткій срокъ обнаженнымъ
Отрій сталъ отъ деревъ, и тѣнь съ Пеліона пропала.
Грудой большой заваленъ, отъ гнѣва подъ тяжестью лѣса
Задыхался Ценей, и несъ на плечахъ своихъ твердыхъ
Сброшенный ворохъ дубовъ. Но когда сверхъ лица эта тяжесть
И головы возрасла и исчезъ для дыханія воздухъ,
Онъ временами слабѣлъ, то снова напрасно на воздухъ
Приподняться хотѣлъ и лѣсъ, что накинули, сбросить:
Движется онъ между тѣмъ; какъ еслибы та, что мы видимъ,
Ида крутая была колеблема землетрясеньемъ.
Но подъ сомнѣньемъ исходъ; говорили иные, что тѣло
Тяжестью было лѣсной продавлено въ Тартаръ пустынный.
Ампицидъ то отвергъ, онъ видѣлъ, какъ изъ средины
Груды, на желтыхъ крылахъ, поднялась по воздуху птица,
Что я впервые лишь тутъ и тутъ же въ послѣднее видѣлъ.
Лишь увидалъ ее Мопсъ, какъ она озираетъ въ полетѣ
Медленномъ станъ ихъ, вокругъ испуская клектъ голосистый,
То и душою за ней и глазами слѣдя, онъ воскликнулъ:
„О привѣтъ нашъ тебѣ, ты слава народа Лапитовъ,
Мужъ великій Ценей, ты сталъ единственной птицей!“

орломъ, а надо предположить, что то былъ Фениксъ, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за тѣмъ Периклименъ превращается въ орла.

Credita res auctore suo est. Dolor addidit iram,
Oppressumque aegre tulimus tot ab hostibus unum:
Nec prius abstitimus ferro exercere dolorem,
Quam data pars leto, partem fuga noxque removit.

PERICLYMENUS.

Haec inter Lapithas et semihomines Centauros
Proelia, Tlepolemus, Pylio referente, dolorem
Praeteriti Alcidae tacito non pertulit ore,
Atque ait: Herculeae mirum est oblivia laudis
Acta tibi, senior. certe mihi saepe referre
Nubigenas domitos a se pater ipse solebat.
Tristis ad haec Pylius: Quid me meminisse malorum
Cogis, et obductos annis rescindere luctus,
Inque tuum genitorem odium offensasque fateri?
Ille quidem maiora fide quoque gessit, et orbem
Implevit meritis, quod mallem posse negare.
Sed neque Deiphobum, nec Polydamanta, nec ipsum
Hectora laudamus. Quis enim laudaverit hostem?
Ille tuus genitor Messenia moenia quondam
Stravit et immeritas urbes Elinque Pylonque
Diruit, inque meos ferrum flammamque penates
Impulit. Utque alios taceam, quos ille peremit,
Bis sex Nelidae fuimus, conspecta iuventus:
Bis sex Herculeis ceciderunt, me minus uno,
Viribus. Atque alios vinci potuisse ferendum est:
Mira Periclymeni mors est. cui posse figuras
Sumere quas vellet, rursusque reponere sumtas
Neptunus dederat, Nelei sanguinis auctor.
Hic ubi nequicquam est formas variatus in omnes,
Vertitur in faciem volucris, quae fulmina curvis

---

537 *Тлеполемъ*—сынъ Геркулеса, достигшій власти въ Родосѣ, откуда отправился помогать Грекамъ противъ Трои. 547 *Деифобъ*—сынъ Пріама, равно какъ и храбрый Троянецъ Полидамъ, причинили Грекамъ много вреда. 550 Отецъ Нестора Нелей, царь Пилосскій (см. 6, 418), равно какъ Мессена и Элисъ отказали Геркулесу въ просимомъ имъ очищеніи отъ убійства друга своего Иѳита, сына Эврита и брата

Вѣрятъ тому, кто вѣщалъ. Намъ скорбь прибавила гнѣва,
Не снесли мы, что столько враговъ одного одолѣли:
И не раньше служить отстали мы скорби желѣзомъ,
535 Чѣмъ перебили ихъ часть, часть скрылась въ ночи и въ побѣгѣ.

ПЕРИКЛИМЕНЪ.

Какъ разсказывалъ имъ Пиліецъ о битвѣ Лапитовъ
Съ полулюдьми Центаврами, то Тлеполемъ огорченья,
Что не помянутъ Алкидъ, не вынесъ въ молчаньи и молвилъ:
„Изумительно, что Геркулесову славу, о старецъ,
540 Предалъ забвенію ты; разсказывалъ самъ многократно
Мнѣ бывало отецъ, какъ онъ укротилъ тучеродныхъ“.
Грустно Пиліецъ на то: „Зачѣмъ ты меня вынуждаешь,
Бѣды припомня, взрывать годами смеженное горе,
И про злобу къ отцу твоему говорить за обиды?
545 Невѣроятнаго онъ совершилъ вѣдь много, и землю
Славой наполнилъ заслугъ, но я бы желалъ отрицать ихъ.
Ни Деифобу вѣдь мы, ни Полидаму, ни даже
Гектору не воздаемъ похвалъ. Врага кто же хвалитъ?
Онъ, отецъ твой, низвергъ когда то Мессенскія стѣны
550 И Элисъ и Пилосъ, города неповинные тоже
Разорилъ, и къ моимъ пенатамъ съ огнемъ и желѣзомъ
Вторгнулся. Хоть умолчу о другихъ, которыхъ сгубилъ онъ,
Было Нелидовъ насъ всѣхъ, молодежи завидной, двѣнадцать,
Всѣ двѣнадцать легли, Геркулесовой силой побиты,
555 Кромѣ меня. Что другихъ побѣдить онъ могъ, намъ понятно;
Перикліменова жь смерть изумительна; вѣдь же ему то
Видъ любой принимать и, принявъ, слагать воспріятый,
Волю Нептунъ даровалъ, основатель Нелеева рода.
Онъ какъ напрасно уже во всякіе виды мѣнялся,
560 Птицы образъ принялъ, которая молнію носитъ

Іолы во время насланнаго на него Юноною безумія (см. 9, 136), и за такой отказъ въ очищеніи (см. 11, 409). Геркулесъ разрушилъ поименованные города и перебилъ сыновей Нелея за исключеніемъ Нестора, бывшаго въ отлучкѣ. 558 Нептунъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, былъ отцемъ Нелея и даровалъ послѣднему его сыну, Периклимену, способность принимать всевозможные виды.

Ferre solet pedibus, divum gratissima regi.
Viribus usus avis, pennis rostroque redunco
Hamatisque viri laniaverat unguibus ora.
Tendit in hanc nimium certos Tirynthius arcus,
Atque inter nubes sublimia membra ferentem
Pendentemque ferit, lateri qua iungitur ala.
Nec grave vulnus erat. sed rupti vulnere nervi
Deficiunt, motumque negant viresque volandi.
Decidit in terram, non concipientibus auras
Infirmis pennis, et qua levis haeserat alae,
Corporis affixi pressa est gravitate sagitta,
Perque latus summum iugulo est exacta sinistro.
Num videor debere tui praeconia rebus
Herculis, o Rhodiae ductor pulcherrime classis?
Nec tamen ulterius, quam fortia facta silendo
Ulciscor fratres. solida est mihi gratia tecum.
Haec postquam dulci Neleius edidit ore,
A sermone senis repetito munere Bacchi
Surrexere toris. nox est data cetera somno.

ACHILLIS MORS.

At deus aequoreas qui cuspide temperat undas,
In volucrem corpus nati Stheneleida versum
Mente dolet patria. saevumque perosus Achillem
Exercet memores plus quam civiliter iras.
Iamque fere tracto duo per quinquennia bello,

---

581 Мы считали себя вправѣ отступить здѣсь отъ Phaethontida, которое со времени появленія Consensum Codicum BMλε замѣнилось во всѣхъ нѣмецкихъ изданіяхъ Овидія Steneleida, бывшимъ до тѣхъ поръ повсемѣстнымъ, на основаніи большинства старѣйшихъ списковъ. Въ Метармофозахъ встрѣчаются три превращенія людей въ лебедей: II. 367, VII. 371 и XII. 145. Поэтъ, описывая въ XII. 580 гореваніе Нептуна о превращеніи сына, хотя совершившемся по его велѣнію, въ лебедя, не называетъ птицу эту по имени, а употребляетъ перифразу и, ссылаясь на самого себя, указываетъ на II. 367, гдѣ впервые встрѣчается подобное превращеніе, въ той самой формѣ, въ которой описываетъ его и Виргилій Aen. X. 189, слѣдовательно, наиболѣе ходячей въ Римѣ. Но Цигнъ II. 367—380 можетъ быть названъ Phaetontus v. Phaetontis только по сближенію, а не по прямому происхожденію, на что должно указывать versum in volucrem Phaetondida въ новыхъ нѣмецкихъ изданіяхъ. Онъ

Въ лапахъ кривыхъ и сама владыкѣ безсмертныхъ пріятна.
Птицы оружіемъ онъ, крылами и согнутымъ клювомъ
Да крючками когтей терзать лице сталъ у мужа.
Слишкомъ вѣрный свой лукъ въ него натянулъ Тиринтіецъ,
565 И среди облаковъ высоко подъявшаго члены,
Онъ на лету поразилъ, гдѣ къ боку крыло прилегаетъ.
Рана была не тяжка; но раною порваны нервы,
Ослабѣвъ, не даютъ ни движенья, ни силы къ полету.
Онъ на землю упалъ, уже воздуха крылья больныя
570 Не могли захватить и стрѣла, что слегка лишь висѣла
На крылѣ, отъ давленья и вѣса гнетущаго тѣла,
До верху бокъ пронзивъ, показался влѣво у горла.
Или тебѣ я, о вождь прекрасный Родосскаго флота,
Все кажуся въ долгу похвалой твоему Геркулесу?
575 Но не далѣе я, чѣмъ о храбрыхъ дѣлахъ умолчаньемъ,
Стану за братьевъ отмщать; наша дружба съ тобою надежна".
Какъ изъ сладостныхъ устъ Нелидъ все это повѣдалъ,
Послѣ рѣчей старика и Вакха дары повторивши,
Съ мѣстъ повстали, и сну отдана была ночь остальная.

СМЕРТЬ АХИЛЛЕСА.

580 Все-же богъ, что волну морскую смиряетъ трезубцемъ,
Въ сердцѣ отцовскомъ своемъ жалѣетъ, что въ птицу Стенела
Тѣломъ былъ сынъ превращенъ; на грознаго злобясь Ахилла,
Гнѣвную память хранитъ онъ болѣе чѣмъ подобаетъ.
И, какъ десять ужь лѣтъ почти война протянулась,

былъ сынъ Стенела—proles Steneleia II. 367, и только близокъ къ Фаэтону какъ по дружбѣ, такъ и по родству жены Стенела съ матерью Фаэтона Клименою, II. 367—369. Слѣдовательно, родовое его прозваніе должно быть Stheneleius, а не Phaetontidus, и не было, намъ кажется, у Merkel, который это сдѣлалъ первый въ своемъ изданіи, достаточныхъ причинъ измѣнить первое на второе. 581 Изъ примѣчанія выше сказаннаго видно, что изъ двухъ Цигновъ одинъ былъ сынъ Стенела, а другой сынъ Нептуна, и оба были превращены въ лебедей; вотъ почему здѣсь лебедь названъ птицей Стенела. Про убійство Ахиллесомъ неуязвимаго Нептунова сына Цигна разсказано выше ст. 140—145. 585 По Троянскому городу Сминтѣ такъ назывался Аполлонъ, у котораго подъ этимъ именемъ на островѣ Тенедосѣ (см. выше 109), былъ знаменитый храмъ.

Talibus intonsum compellat Sminthea dictis:
O mihi de fratris longe gratissime natis,
Irrita qui mecum posuisti moenia Troiae,
Ecquid, ubi has iam iam casuras aspicis arces,
Ingemis? aut ecquid tot defendentia muros
Milia caesa doles? ecquid, ne persequar omnes,
Hectoris umbra subit circum sua Pergama tracti,
Cum tamen ille ferox belloque cruentior ipso
Vivit adhuc, operis nostri populator, Achilles?
Det mihi se: faxo, triplici quid cuspide possim,
Sentiat. At quoniam concurrere cominus hosti
Non datur, occulta necopinum perde sagitta!
Annuit, atque animo pariter patruoque suoque
Delius indulgens nebula velatus in agmen
Pervenit Iliacum, mediaque in caede virorum
Rara per ignotos spargentem cernit Achivos
Tela Parin. fassusque deum: Quid spicula perdis
Sanguine plebis? ait. si qua est tibi cura tuorum,
Vertere in Aeaciden, caesosque ulciscere fratres!
Dixit, et ostendens sternentem Troica ferro
Corpora Peliden, arcus obvertit in illum,
Certaque letifera direxit spicula dextra.
Quod Priamus gaudere senex post Hectora posset,
Hoc fuit. Ille igitur tantorum victor, Achille,
Vinceris es a timido Graiae raptore maritae!
At si femineo fuerat tibi marte cadendum,
Thermodontiaca malles cecidisse bipenni.
Iam timor ille Phrygum, decus et tutela Pelasgi
Nominis, Aeacides, caput insuperabile bello,
Arserat, armarat deus idem, idemque cremarat,
Iam cinis est. et de tam magno restat Achille
Nescio quid, parvam quod non bene compleat urnam.
At vivit, totum quae gloria compleat orbem.
Haec illi mensura viro respondet, et hac est

---

610 *въ войнѣ было женской*—съ такою бабою какъ Парисъ. 611 *Термодонтской* (см. 9, 189), въ войнѣ съ Амазонками. 614 Вулканъ, по просьбѣ матери Ахиллеса Ѳетиды, выковалъ ему новое оружіе и въ особенности знаменитый щитъ (см. 13,

585 Къ юношѣ Сминтію онъ съ такой обращается рѣчью:
„О, изъ братниныхъ всѣхъ дѣтей мнѣ самый милѣйшій,
Что напрасно со мной возводилъ Троянскія стѣны,
Неужель, увидавъ, что вотъ вотъ развалятся башни,
Ты не вздыхаешь? или о столькихъ тысячахъ падшихъ
590 Оберегателяхъ стѣнъ не грустишь? Всѣхъ прочихъ оставя,
Или же Гектора тѣнь, влекомаго около Трои,
Не возникнетъ, когда тотъ злой, что войны кровожаднѣй,
Все еще живъ Ахиллесъ, разрушитель нашей работы?
Пусть онъ ко мнѣ подойдетъ: почувствовать дамъ что трезубцемъ
595 Сдѣлать могу я. Но какъ не дозволено близко сходиться
Со врагомъ, то срази ты безпечнаго тайной стрѣлою!“
Прикивнулъ, и равно своимъ и дядинымъ мыслямъ
Слѣдуя, Делій вступилъ, укрытый тучей, послушно
Въ строй Иліонскій, и тамъ средь мужей убитыхъ увидѣлъ,
600 Какъ разсылаетъ нечастыя въ неизвѣстныхъ Ахеянъ
Стрѣлы Парисъ. Объявивъ, что онъ богъ: „Что стрѣлы теряешь
Чернь поражать? онъ сказалъ; коль ты озабоченъ своими,
То въ Эакида намѣть, за убитыхъ отмсти ему братьевъ!“
Молвилъ и, указавъ на Пелида, развившаго сталью
605 Рати Троянъ, на него онъ лукъ повернулъ, и рукою
Вѣрной направилъ въ него стрѣлу смертоносную прямо.
Чѣмъ лишь старецъ Пріамъ послѣ Гектора могъ быть утѣшенъ,
То совершилось. Такъ ты, Ахиллесъ, побѣдитель столь многихъ,
Побѣжденъ похитителемъ робкимъ супруги Гречанки!
610 Если жь тебѣ суждено въ войнѣ было женской погибнуть,
То ужь лучше бы ты Термондонтской сраженъ былъ сѣкирой.
Страхъ Фригійцевъ такой, краса и защита Пелазговъ
Тлился уже Эакидъ, глава непреклоннная въ битвахъ;
Тотъ же богъ, что его снаряжалъ и сжигалъ его тотъ же.
615 Онъ ужь зола; и теперь отъ Ахилла великаго цѣло
Что то не знаю, но чѣмъ не наполнишь и малую урну.
Все жь его слава жива, чтобъ кругъ земной наполняла.
Эта мѣра какъ разъ соотвѣтствуетъ мужу, и ей то

289—294), послѣ того какъ Ахиллесово оружіе было снято Гекторомъ съ Патрокла. Поэтому богъ огня, Вулканъ, сначала снаряжалъ, а потомъ и сожигалъ его. 618 *Эта мѣра*, т. е. весь кругъ земной.

Par sibi Pelides, nec inania Tartara sentit.
620 Ipse etiam, ut, cuius fuerit, cognoscere possis,
Bella movet clipeus, deque armis arma feruntur.
Non ea Tydides, non audet Oileos Aiax,
Non minor Atrides, non bello maior et aevo
Poscere, non alii. soli Telamone creato
625 Laertaque fuit tantae fiducia laudis.
A se Tantalides onus invidiamque removit,
Argolicosque duces mediis considere castris
Iussit, et arbitrium litis traiecit in omnes.

---

622 *Тидидъ*—Діомедъ, царь Аргосскій, Аяксъ. Оилеевъ меньшой по значенію въ сравненіи съ Аяксомъ, сыномъ Теламона. 623 *младшій Атридъ*—Менелай, а стар-

Равенъ Пелидъ по себѣ, и не чувствуетъ Тартара бездны.
Даже, чтобъ можно познать, чей былъ онъ, щитъ его самый
Возбуждаетъ войну, и оружье берутъ за оружье.
Не дерзаетъ его ни Тидидъ, ни Аяксъ Оилеевъ,
И не младшій Атридъ, ни старшій лѣтами и въ войскѣ
Требовать или иной; и лишь Теламономъ рожденный
Да Лаертомъ могли уповать на подобную почесть.
Отъ себя Танталидъ отклонилъ и бремя и зависть,
И Арголійскимъ вождямъ повелѣлъ возсѣсть среди стана,
И на общій ихъ судъ передалъ разбирательства спора.

шій Агамемнонъ. дѣти Атрея, царя Микенскаго. 626 *Танталидъ*—потомокъ Тантала, Агамемнонъ, отклонилъ отъ себя затрудненіе разбирательства притязаній.

LIBER TERTIUS DECIMUS.

INDEX.

1. Armorum iudicium. Aiax.
2. Hecuba.
3. Memnon.
4. Anius.
5. Scylla. Galathea et Acis. Polyphemus. Glaucus.

ARMORUM IUDICIUM. AIAX.

Consedere duces, et vulgi stante corona
Surgit ad hos clipei dominus septemplicis Aiax.
Utque erat impatiens irae, Sigeia torvo
Litora respexit classemque in litore vultu,
Intendensque manus: Agimus, pro Iuppiter! inquit,
Ante rates causam, et mecum confertur Ulixes!
At non Hectoreis dubitavit cedere flammis,
Quas ego sustinui, quas hac a classe fugavi.
Tutius est igitur fictis contendere verbis,
Quam pugnare manu. Sed nec mihi dicere promtum,
Nec facere est isti. quantumque ego marte feroci
Inque acie valeo, tantum valet iste loquendo.
Nec memoranda tamen vobis mea facta, Pelasgi,
Esse reor. vidistis enim. sua narret Ulixes,
Quae sine teste gerit, quorum nox conscia sola est.
Praemia magna peti fateor: sed demit honorem

---

2 *щитомъ семирядным* (см. 12, 96). 4 *Сигейскій* (см. 11, 193). 7 *отъ пламени Гектора*, когда тотъ бросился во главѣ Троянцевъ жечь Греческіе корабли,

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Споръ изъ за оружія. Аяксъ . . . . Ст. 1—398
2. Гекуба . . . . „ 399—575
3. Мемнонъ . . . . „ 576—622
4. Аній. . . . . „ 623—704
5. Сцилла. Галатея и Ацисъ. Полифемъ.
Главкъ . . . . „ 705—968

СПОРЪ ИЗЪ ЗА ОРУЖІЯ. АЯКСЪ.

Лишь разсѣлись вожди и народъ вѣнцомъ обступилъ ихъ,
Всталъ передъ ними Аяксъ, владѣвшій щитомъ семиряднымъ.
Какъ въ нетерпѣніи былъ онъ гнѣвенъ, то взоромъ суровымъ
Оглянувшись на брегъ Сигейскій и флотъ, что у брега,
Руки воздѣлъ и вскричалъ: „клянусь Юпитеромъ! споръ мы
Предъ кораблями ведемъ, и со мною Улиссъ сопоставленъ!
Не усомнился же онъ отъ пламени Гектора скрыться,
Я же его отражалъ и прогналъ отъ этого флота.
Безопаснѣе, знать, словами искусными спорить,
Чѣмъ сражаться рукой. Но ни мнѣ не легки разговоры,
Ни дѣла вотъ ему; и на сколько для битвы суровой
Я и для строя пригожъ, на столько пригожъ онъ для рѣчи.
Вамъ поминать о моихъ дѣяньяхъ не нужно, Пелазги,
Кажется; видѣли ихъ; Улиссъ свои пусть разскажетъ;
Имъ вѣдь свидѣтелей нѣтъ, о нихъ только вѣдомо ночи.
Многаго я, признаюсь, пожелалъ; но соперникъ всю почесть

какъ о томъ ниже говорится ст. 92, и только Аяксъ удержалъ его.

Aemulus. Aiaci non est tenuisse superbum,
Sit licet hoc ingens, quicquid speravit Ulixes.
Iste tulit pretium iam nunc certaminis huius:
Quo cum victus erit, mecum certasse feretur.
Atque ego, si virtus in me dubitabilis esset,
Nobilitate potens essem, Telamone creatus,
Moenia qui forti Troiana sub Hercule cepit,
Litoraque intravit Pagasaea Colcha carina.
Aeacus huic pater est, qui iura silentibus illic
Reddit, ubi Aeoliden saxum grave Sisyphon urget.
Aeacon agnoscit summus prolemque fatetur
Iuppiter esse suam. Sic ab Iove tertius Aiax.
Nec tamen haec series in causam prosit, Achivi,
Si mihi cum magno non est communis Achille.
Frater erat. fraterna peto. Quid sanguine cretus
Sisyphio, furtisque et fraude simillimus illi
Inserit Aeacidis alienae nomina gentis?
An quod in arma prior, nulloque sub indice veni,
Arma neganda mihi? potiorque videbitur ille,
Ultima qui cepit, detrectavitque furore
Militiam ficto, donec sollertior isto,
Sed sibi inutilior, timidi commenta retexit
Naupliades animi, vitataque traxit in arma?
Optima nunc sumat, quia sumere noluit ulla?
Nos inhonorati et donis patruelibus orbi,
Obtulimus quia nos ad prima pericula, simus?
Atque utinam aut verus furor ille, aut creditus esset,
Nec comes hic Phrygias unquam venisset ad arces

---

20 На сколько по словамъ Аякса состязаніе съ Улиссомъ роняетъ его, настолько возвыситъ Улисса одно то, что онъ состязался съ нимъ, Аяксомъ. 24 *Пагазскимъ* (см. 7, 1). 27 *Эака* (см. 6, 113 и примѣч. къ 7, 472). 31 Улиссъ, или Одиссей, рожденъ былъ дочерью Парнасскаго разбойника Автолика, Антиклеей (смѣшиваемой Цицерономъ съ его нянькой Эвриклеей). За кражу Автоликомъ быковъ у Эака, послѣдній, наказалъ отца обезчестивъ дочь его Антиклею, но во время выдалъ ее за владыку Итаки Лаэрта, который и слылъ отцомъ Улисса. 34 *безъ доказчика*. Улиссъ не хотѣлъ участвовать въ походѣ противъ Трои, такъ какъ оракулъ возвѣстилъ ему, что онъ только черезъ 20 лѣтъ вернется оттуда нагъ и босъ. Поэтому, когда Агамемнонъ, Менелай и Паламедъ, сынъ Эвбейскаго царя Навплія, лично прибыли въ Итаку, звать его, онъ прикинулся сумасшедшимъ, и въ странномъ одѣяніи на волѣ и ослѣ

Отнимаетъ. Достичь не можетъ быть славно Аяксу,
Будь и велико оно, чего Улиссъ домогался.
Самъ онъ теперь ужъ достигъ награды въ борьбѣ настоящей:
Хоть бы онъ былъ побѣжденъ, все скажутъ, онъ спорилъ со мною.
Я же, еслибъ во мнѣ была и сомнительна храбрость,
Былъ бы великъ своимъ благородствомъ, какъ сынъ Теламона,
Что Троянскія стѣны забралъ съ Геркулесомъ могучимъ
И Пагазскимъ килемъ проникнулъ въ берегъ Колхиды.
Былъ отцомъ у него Эакъ, что судитъ безмолвныхъ
Тамъ, гдѣ камень тѣснитъ тяжело Эолида Сизифа,
Сыномъ своимъ признаетъ и зоветъ Эака верховный
Самъ Юпитеръ. И такъ Аяксъ отъ Зевеса лишь третій.
Но и этотъ то рядъ да не будетъ мнѣ въ помощь, Ахейцы,
Ежели онъ у меня не общъ съ великимъ Ахилломъ.
Былъ онъ мнѣ братъ; я по брату ищу. Что жь крови Сизифа
Отпрыскъ, и схожій вполнѣ пронырствомъ съ нимъ и обманомъ,
Вводитъ онъ имена намъ чуждыя въ родъ Эакидовъ?
Иль, что къ оружію я безъ доказчика, первымъ явился,
Мнѣ откажутъ за то въ оружіи? И предпочтется,
Кто послѣднимъ взялся за него, и безумствомъ притворнымъ
Службы избѣгнуть искалъ, пока хитрѣйшій чѣмъ самъ онъ,
Но не во благо себѣ не раскрылъ всѣ выдумки труса
Навплія сынъ, и повлекъ уклонявшагося подъ оружье?
Лучшее тотъ ли возьметъ, что брать не хотѣлъ никакого?
Снесть ли безчестіе мнѣ безъ даровъ двоюроднаго брата
Изъ за того лишь, что я къ опасностямъ первымъ явился?
О, когда бы и впрямь онъ безумцемъ былъ иль считался,
И никогда бы сюда къ стѣнамъ не являлся Фригійскимъ,

пахалъ землю. Паламедъ, замѣтивъ притворство, положилъ ему передъ плугъ младенца сына его Телемаха. Улиссъ, чтобы не повредить ребенку, поднялъ плугъ и такимъ образомъ, выдавъ себя, долженъ былъ принять участіе въ походѣ. За это онъ мстилъ Паламеду. Овидій (ниже 59) разсказываетъ: будто Улиссъ тайно зарылъ золото въ ставкѣ Паламеда, затѣмъ онъ вручилъ плѣнному Троянцу письмо, въ которомъ Пріамъ благодаритъ Паламеда за обѣщаніе предать Грековъ и за то высылаетъ ему награду. Этого раба Улиссъ убилъ, такъ что по найденному на немъ письму, Паламедъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ. Улиссъ, какъ бы защищая Паламеда, предложилъ обыскать палатку послѣдняго, и тамъ найдено предварительно зарытое Улиссомъ золото, и Паламедъ былъ побитъ каменьями.

45 Hortator scelerum! non te, Poeantia proles,
Expositum Lemnos nostro cum crimine haberet:
Qui nunc, ut memorant, silvestribus abditus antris
Saxa moves gemitu, Laertiadaeque precaris
Quae meruit, quae, si di sunt, non vana precaris.
50 Et nunc ille eadem nobis iuratus in arma,
Heu! pars una ducum, quo successore sagittae
Herculis utuntur, fractus morboque fameque
Velaturque aliturque avibus, volucresque petendo
Debita Troianis exercet spicula fatis.
55 Ille tamen vivit, quia non comitavit Ulixen.
Mallet et infelix Palamedes esse relictus:
Viveret, aut certe letum sine crimine haberet.
Quem male convicti nimium memor iste furoris
Prodere rem Danaam finxit, fictumque probavit
60 Crimen, et ostendit, quod iam praefoderat, aurum.
Ergo aut exilio vires subduxit Achivis,
Aut nece. Sic pugnat, sic est metuendus Ulixes.
Qui licet eloquio fidum quoque Nestora vincat,
Haud tamen efficiet, desertum ut Nestora crimen
65 Esse rear nullum. qui cum imploraret Ulixen
Vulnere tardus equi fessusque senilibus annis,
Proditus a socio est. Non haec mihi crimina fingi
Scit bene Tydides, qui nomine saepe vocatum
Corripuit, trepidoque fugam exprobravit amico.
70 Aspiciunt oculis superi mortalia iustis:
En eget auxilio, qui non tulit. utque reliquit,
Sic linquendus erat. legem sibi dixerat ipse.
Conclamat socios. Assum, videoque trementem

---

45 *наслѣдникъ Пеанта*... Филоктетъ сынъ Пеанта, царь Мелибейскій у Ѳессалійской Оссы, другъ и сопутникъ Геркулеса, коему онъ поджогъ и костеръ, когда никто на это не рѣшился, получилъ за то въ наслѣдство лукъ, колчанъ и стрѣлы, безъ которыхъ Троя не могла быть взята (см. 9, 232). При переѣздѣ въ Азію Филоктетъ былъ на островѣ Лемносѣ или Тенедосѣ укушенъ въ ногу змѣею, а по другимъ неосторожно уронилъ одну изъ ядовитыхъ стрѣлъ Геркулеса себѣ на ногу, отчего произошла зловонная рана. По совѣту Улисса (см. ниже 316) для возстановленія здоровья онъ былъ отвезенъ и высаженъ на пустынный островъ Лемносъ. Какъ онъ тамъ томился, описываетъ Овидій: онъ проживалъ въ пещерѣ,

Этотъ внушитель злодѣйствъ! и ты бы, наслѣдникъ Пеанта,
Высаженъ не былъ, притомъ по нашей винѣ, на Лесбосѣ;
Ты, что теперь, говорятъ, въ лѣсныхъ скрываясь пещерахъ,
Трогаешь стономъ скалы, и дать Лаэртиду все молишь,
Что заслужилъ онъ, чего, будь боги, не тщетно ты молишь.
Нынѣ же тотъ, что какъ мы присягалъ тому же оружью,
Горе! одинъ изъ вождей и наслѣдниковъ стрѣлъ Геркулеса,
Удрученный болѣзнью и голодомъ, птицами только
Сытъ и одѣтъ, на одно стрѣлянiе птицъ обращаетъ
Стрѣлы, которымъ судьбу порѣшить предназначено Трои.
Онъ однако все живъ, потому что не шелъ за Улиссомъ.
Брошеннымъ быть Паламедъ несчастный тожъ предпочелъ бы,
Онъ бы былъ живъ иль хотя преступленья не принялъ со смертью.
Этотъ все помня еще о раскрытомъ некстати безумствѣ,
Взвелъ на него, будто онъ предатель Данаевъ, и въ ложномъ
Злѣ уличилъ, показавъ на самимъ же зарытое злато.
Такъ или ссылкою онъ отнималъ у Ахейцевъ ихъ силы,
Или убiйствомъ. Вотъ чѣмъ воюетъ Улиссъ и опасенъ.
Честнаго Нестора пусть краснорѣчiемъ онъ побѣждалъ бы,
Все не добьется того, чтобы Нестора въ битвѣ покинуть,
Я преступленьемъ не счелъ; когда умолялъ тотъ Улисса,
Раной замедленъ коня и слабый отъ лѣтъ престарѣлыхъ,
Предалъ товарищъ его. Что я не измыслилъ проступка,
Знаетъ Тидидъ хорошо, его онъ, по имени клича,
Много журилъ, и бранилъ дрожавшаго друга за бѣгство.
Но на смертныхъ глядятъ всевышнiе взоромъ правдивымъ:
Помощь вдругъ стала нужна ея не подавшему; должно бъ
Бросить того, кто бросалъ; приговоръ онъ изрекъ себѣ самъ же.
Кличетъ товарищей онъ. Я тутъ же и вижу, какъ блѣденъ,

питаясь птицами, которыхъ поражалъ стрѣлами Геркулеса и одѣвался ихъ перьями. Такъ провелъ онъ девять лѣтъ до тѣхъ поръ, пока за нимъ и за Геркулесовыми стрѣлами были посланы осаждающими Улиссъ съ Дiомедомъ. Это было при раздраженiи Филоктета дѣломъ рискованнымъ. Преданiе это сохранилось въ *Филоктетѣ* Софокла. 57 *преступленья* нарекательства (см. выше 45). 64 *Нестора въ битвѣ покинутъ* новое обвиненiе въ трусости. Однажды при бѣгствѣ Грековъ Несторъ остался одинъ, такъ какъ одинъ изъ его коней былъ раненъ Парисомъ въ голову. Улиссъ былъ невдалекѣ, но Дiомедъ напрасно издали кричалъ ему, чтобы онъ выручилъ Нестора.

Pallentemque metu et trepidantem morte futura.
Opposui molem clipei, texique iacentem,
Servavique animam... minimum est hoc laudis... inertem.
Si perstas certare, locum redeamus in illum:
Redde hostem, vulnusque tuum, solitumque timorem,
Post clipeumque late, et mecum contende sub illo.
At postquam eripui, cui standi vulnera vires
Non dederant, nullo tardatus vulnere fugit.
Hector adest, secumque deos in proelia ducit:
Quaque ruit, non tu tantum terreris, Ulixe,
Sed fortes etiam. tantum trahit ille timoris.
Hunc ego sanguineae successu caedis ovantem
Cominus ingenti resupinum pondere fudi:
Hunc ego poscentem, cum quo concurreret, unus
Sustinui. sortemque meam vovistis, Achivi,
Et vestrae valuere preces. Si quaeritis huius
Fortunam pugnae, non sum superatus ab illo.
Ecce ferunt Troes ferrumque ignemque Iovemque
In Danaas classes. ubi nunc facundus Ulixes?
Nempe ego mille meo protexi pectore puppes,
Spem vestri reditus. Date tot pro navibus arma.
Quod si vera licet mihi dicere, quaeritur istis,
Quam mihi, maior honos, coniunctaque gloria nostra est:
Atque Aiax armis, non Aiaci arma petuntur.
Conferat his Ithacus Rhesum, imbellemque Dolona,
Priamidenque Helenum rapta cum Pallade captum.
Luce nihil gestum, nihil est Diomedè remoto.
Si semel ista datis meritis tam vilibus arma,

---

96 *Больше ему*, т. е. оружію. 98 Пусть Улиссъ упомянетъ о своихъ подвигахъ и побѣжденныхъ имъ врагахъ. Ѳракійскій царь Резъ съ значительнымъ войскомъ прибылъ на помощь Пріаму и по позднему времени раскинулъ палатки передъ городомъ Улиссъ и Діомедъ, увѣдомленные объ этомъ Долономъ, напали ночью на лагерь и, перебивши множество Ѳракійцевъ вмѣстѣ съ ихъ царемъ, завладѣли между прочимъ дивными его конями, на которыхъ они какъ бы въ тріумфѣ возвратились въ лагерь (см. ниже 249); *труса Долона*, Долонъ, проворный Троянецъ, вызвался Гектору пробраться соглядатаемъ въ греческій лагерь, выпросивъ себѣ за это у Гектора коней и колесницу Ахиллеса. Къ его несчастію Улиссъ и Діомедъ съ той же цѣлью поднялись въ ту же ночь, открыли и взяли въ плѣнъ Троянца. Тотъ обѣщалъ имъ за себя дорогой выкупъ, и высказалъ все, что они желали узнать, между

Какъ онъ отъ страха дрожитъ и смерти грядущей трепещетъ.
Выставивъ щитъ какъ оплотъ, лежачаго имъ оградилъ я,
И сохранилъ... въ томъ мало хвалы... трусливую душу.
Если стоишь на борьбѣ, пойдемъ на то же мы мѣсто:
Рану свою ты верни и врага и страхъ твой привычный,
Спрячься при этомъ за щитъ, и со мною подъ нимъ состязайся.
Но когда защитилъ я того, кому его раны
Встать не давали, бѣжалъ, никакой не замедленный раной.
Гекторъ ужь тутъ, и боговъ съ собою приводитъ въ сраженье:
Лишь устремится куда, не ты лишь, Улиссъ, затрепещешь,
Но и отважные всѣ; такой нагоняетъ онъ ужасъ.
Тутъ ликующаго успѣхомъ кровавымъ убійства
Камнемъ увѣсистымъ я опрокинулъ немедленно навзничь;
Противъ него, вызывавшаго съ кѣмъ бы сразиться, одинъ лишь
Выступилъ я; вы жребія мнѣ молили, Ахейцы,
И услышаны ваши мольбы. Когда объ исходѣ
Спросите битвы, то я побѣжденъ передъ нимъ не остался.
Вотъ и мечъ и огонь и даже Зевеса Троянцы
Къ флоту Данаевъ несутъ; гдѣ жь велерѣчивый Улиссъ то?
Тысячи вѣдь кораблей, надежду вашу возврата,
Грудью я защитилъ; за суда всѣ дайте оружье.
Ежели правду сказать мнѣ можно, то почести нужно
Больше ему чѣмъ мнѣ, и слава у насъ не раздѣльна,
Нуженъ оружью Аяксъ, не оружіе нужно Аяксу.
Реза помянетъ пускай Итакіецъ да труса Долона,
И Пріамида Елена, что взятъ съ похищенной Палладой.
Не совершилъ ничего онъ ни днемъ, ни безъ Діомеда.
Если жь оружіе вы даете столь гнуснымъ заслугамъ,

прочимъ и о прибытіи Реза. Тѣмъ не менѣе онъ былъ убитъ Діомедомъ, хотя Улиссъ и хвастаетъ этимъ поступкомъ (см. ниже 243). 99 Одинъ изъ сыновей Пріама Еленъ, подобно сестрѣ своей Кассандрѣ, былъ любимцемъ Аполлона, и тоже получилъ даръ пророчества. Калхасъ сказалъ (см. 12, 18) Грекамъ, что только отъ Елена они могутъ узнать судьбу города. Въ то же самое время было извѣстно, что, покуда въ Троѣ сохраняется Палладіумъ, она останется подъ его защитой. Паладіумомъ называлась старинная деревянная статуя Паллады или Минервы. Она нѣкогда упала съ неба и поэтому считалась защитницею города. Вслѣдствіе этого нужно было Грекамъ до овладѣнія городомъ похитить какъ Паладіумъ, такъ и прорицателя Елена, и опять таки подвигъ этотъ совершенъ былъ ночью Улиссомъ вмѣстѣ съ Діомедомъ.

Dividite, et pars sit maior Diomedis in illis.
Quo tamen haec Ithaco, qui clam, qui semper inermis
Rem gerit et furtis incautum decipit hostem?
Ipse nitor galeae claro radiantis ab auro
Insidias prodet, manifestabitque latentem.
Sed neque Dulichius sub Achillis casside vertex
Pondera tanta feret, nec non onerosa gravisque
Pelias hasta potest imbellibus esse lacertis;
Nec clipeus, vasti caelatus imagine mundi,
Conveniet timidae nataeque ad furta sinistrae.
Debilitaturum quid te petis, improbe, munus?
Quod tibi si populi donaverit error Achivi,
Cur spolieris, erit, non cur metuaris ab hoste:
Et fuga, qua sola cunctos, timidissime, vincis,
Tarda futura tibi est gestamina tanta trahenti.
Adde quod iste tuus, tam raro proelia passus,
Integer est clipeus. nostro, qui tela ferendo
Mille patet plagis, novus est successor habendus.
Denique, quid verbis opus est? Spectemur agendo!
Arma viri fortis medios mittantur in hostes:
Inde iubete peti, et referentem ornate relatis.
Finierat Telamone satus. vulgique secutum
Ultima murmur erat. donec Laertius heros
Astitit, atque oculos paulum tellure moratos
Sustulit ad proceres exspectatoque resolvit
Ora sono. neque abest facundis gratia dictis.
Si mea cum vestris valuissent vota, Pelasgi,
Non foret ambiguus tanti certaminis heres,
Tuque tuis armis, nos te poteremur, Achille.
Quem quoniam non aequa mihi vobisque negarunt
Fata,.. manuque simul veluti lacrimantia tersit
Lumina... quis magno melius succedat Achilli,
Quam per quem magnus Danais successit Achilles?

---

107 *Дулихійца.* Такъ названъ Улиссъ отъ небольшаго острова Дулихія, принадлежавшаго къ его Итакѣ. 109 *съ Пеліона* (см. 12, 74). 110 *изваянный щитъ* (см. 12, 614 какъ и ниже 292). 135 Лишь бы при разбирательствѣ ему не пошла

То раздѣлите, и часть Діомеду вы большую дайте.
Что жь Итакійцу то въ немъ, который тайкомъ безъ оружья
Дѣло ведетъ и врага несмышленаго ловитъ обманомъ?
105 Самый шлема то блескъ, горящаго золотомъ яркимъ
Станетъ засады вскрывать и указывать, гдѣ онъ таится.
Но не снесетъ голова Дулихійца подъ каской Ахилла
Ноши такой, и не быть тяжелой и бременемъ лишнимъ
Для невоинственныхъ рукъ копье съ Пеліона не можетъ.
110 Также изваянный щитъ картиной пространнаго міра
Лѣвой рукѣ не присталъ, рожденной для робкихъ продѣлокъ.
Что же ты просишь, хвастунъ, на свое униженіе, дара?
Еслибъ ошибкой тебѣ народъ его отдалъ Ахейскій,
Сталъ бы добычей ты съ нимъ, но страха врагу не вселялъ бы;
115 Даже и бѣгство, о трусъ, въ которомъ ты всѣхъ побѣждаешь,
Будетъ труднѣе тебѣ, влачащему тяжесть такую.
Да прибавь, что и твой, столь рѣдко бывавшій въ сраженьяхъ,
Щитъ совсѣмъ невредимъ; моему же отъ частыхъ ударовъ,
Полному тысячью язвъ, и новый преемникъ потребенъ.
120 Впрочемъ къ чему тутъ слова? Посмотримъ лучше на дѣлѣ!
Пусть швырнутъ во враговъ оружье храбраго мужа;
Тамъ его шлите сыскать, и принесшаго имъ же украсьте“.
Сынъ Теламона замолкъ; раздался въ концѣ его рѣчи
Говоръ въ народѣ; пока герой Лаэртидъ не поднялся
125 И, продержавши немного къ землѣ преклоненными очи,
Ихъ не взвелъ на вождей, и затѣмъ для ожиданныхъ звуковъ
Устъ не раскрылъ; и была не безъ прелести рѣчь у витіи.
„Еслибъ молитвы мои и ваши сбылися, Пелазги,
Не былъ бы въ спорѣ такомъ сомнителенъ нынѣ наслѣдникъ,
130 Ты бы съ оружіемъ былъ, Ахиллъ, а мы бы съ тобою.
Но коль мнѣ въ немъ и вамъ неправо Судьбы отказали...
Тутъ какъ будто въ слезахъ отеръ глаза онъ рукою...
Кто жь за великимъ Ахилломъ наслѣдуетъ лучше того же,
Черезъ кого самъ Ахиллъ за Данаями слѣдовать началъ?

въ пользу его тупость, а мнѣ не повредилъ бы умъ, а краснорѣчіе не навлекло бы зависти; и затѣмъ иронически: нечего каждому изъ насъ отказываться отъ своего добраго, т. е. Аяксу отъ своей тупости.

135 Huic modo ne prosit, quod, uti est, hebes esse videtur:
Neve mihi noceat, quod vobis semper, Achivi,
Profuit ingenium. meaque haec facundia, si qua est,
Quae nunc pro domino, pro vobis saepe locuta est,
Invidia careat. bona nec sua quisque recuset.
140 Nam genus et proavos et quae non fecimus ipsi,
Vix ea nostra voco. Sed enim, quia rettulit Aiax
Esse Iovis pronepos, nostri quoque sanguinis auctor
Iuppiter est, totidemque gradus distamus ab illo.
Nam mihi Laertes pater est, Arcesius illi,
145 Iuppiter huic. neque in his quisquam damnatus et exsul.
Est quoque per matrem Cyllenius addita nobis
Altera nobilitas. Deus est in utroque parente.
Sed neque materno quod sum generosior ortu,
Nec mihi quod pater est fraterni sanguinis insons,
150 Proposita arma peto. Meritis expendite causam.
Dummodo quod fratres Telamon Peleusque fuerunt,
Aiacis meritum non sit, nec sanguinis ordo,
Sed virtutis honor spoliis quaeratur in istis.
Aut si proximitas primusque requiritur heres,
155 Est genitor Peleus, est Pyrrhus filius illi.
Quis locus Aiaci? Phthiam haec Scyronve ferantur.
Nec minus est isto Teucer patruelis Achilli.
Num petit ille tamen, num si petat, auferat arma?
Ergo operum quoniam nudum certamen habetur:
160 Plura quidem feci, quam quae comprendere dictis
In promtu mihi sit. rerum tamen ordine ducar.
Praescia venturi genitrix Nereia leti
Dissimulat cultu natum, et deceperat omnes,
In quibus Aiacem, sumtae fallacia vestis.
165 Arma ego femineis, animum motura virilem,

---

144 Хотя Арцезій, отецъ Лаэрта, и былъ по одному преданію сыномъ Кефала и Прокриды, бывшей сперва медвѣдицей, но по другому онъ сынъ самаго Юпитера. 145 *Никто тутъ судимый не изгнанъ* — злобный намекъ на убійство Пелеемъ и Теламономъ Фока, за что оба были изгнаны изъ отцовскаго дома (см. 11, 267)· 146 *Цилленій* (см. 1, 714). Отецъ Антиклеи (матери Одиссея) — разбойникъ Автоликъ (см ниже 31) былъ сынъ Меркурія (Цилленія). 156 *въ Скиросъ* — къ сыну

135 Лишь бы ему вотъ не въ прокъ тупымъ, какъ и есть онъ, казаться;
И не вредилъ бы мнѣ умъ, который всегда вамъ, Ахейцы,
Въ пользу бывалъ, и мое краснорѣчье, коль есть оно точно,
Что вотъ теперь за меня, а нерѣдко за васъ отвѣчаетъ,
Зависти не навлекло бъ; никто своимъ добрымъ не брезгай.
140 Ибо и предковъ и родъ и все, что не лично я сдѣлалъ,
Еле зову я своимъ. Но такъ какъ правнукомъ Зевса
Самъ назывался Аяксъ, то и нашей крови виновникъ
Тотъ же Зевесъ, и стоимъ отъ него на столько жь ступеней.
Ибо отецъ мнѣ Лаэртъ, ему самому же Арцезій,
145 А Юпитеръ тому. Никто тутъ судимый не изгнанъ.
И по матери намъ придаетъ благородства вторично
Самъ Целленій. Есть богъ у обоихъ родителей въ каждомъ.
Но не за то, что рожденъ по матери я благороднѣй,
Ни за то, что отецъ мой чистъ отъ братниной крови,
150 Здѣсь я оружья ищу. Заслугами взвѣсьте вы дѣло.
Лишь бы Аяксу того, что Пелей былъ братъ Теламону
Въ видѣ заслугъ не причли, и чтобъ не порядка по крови,
А лишь почета заслугъ искали для этихъ доспѣховъ.
Близости жь если искать и права прямаго наслѣдства,
155 Тотъ былъ Пелеемъ рожденъ, а Пирръ ему сынъ, какъ извѣстно.
Что жь тутъ Аяксъ? Это все въ Скиросъ и во Фтію отправьте.
Да не меньше его и Тевкръ въ родствѣ съ Ахиллесомъ.
Проситъ доспѣховъ ли онъ, а еслибъ просилъ, получилъ ли бъ?
Если жь о голыхъ дѣлахъ по этому споръ возникаетъ,
160 Болѣе я совершилъ, чѣмъ сколько обнять ихъ могу я
Словомъ своимъ. Но теперь придержусь порядка событій.
Сына предчувствуя смерть въ грядущемъ, мать Нереида
Скрыла нарядомъ его и подлинно всѣхъ обманула
Лживымъ видомъ одеждъ, а въ томъ числѣ и Аякса.
165 Къ женской утвари я подмѣшалъ оружіе, тронуть

Ахиллеса, Пиру, котораго онъ во время пребыванія у тамошняго царя Ликомеда прижилъ съ его дочерью на этомъ островѣ,—*во Фтію* къ отцу, Пелею (см. 7, 654).
157 *Тевкръ*—родной братъ Ахиллеса. 163 *Скрыла нарядомъ.* Въ домѣ царя Ликомеда богиня Ѳетида нарядила молодаго Ахилла въ женское платье.

Mercibus inserui. Neque adhuc proiecerat heros
Virgineos habitus, cum parmam hastamque tenenti:
Nata dea, dixi, tibi se peritura reservant
Pergama. Quid dubitas ingentem evertere Troiam?
170 Iniecique manum, fortemque ad fortia misi.
Ergo opera illius mea sunt. Ego Telephon hasta
Pugnantem domui, victum orantemque refeci.
Quod Thebae cecidere, meum est. Me credite Lesbon,
Me Tenedon Chrysenque et Cillan, Apollinis urbes,
175 Et Scyron cepisse. Mea concussa putate
Procubuisse solo Lyrnesia moenia dextra.
Utque alios taceam, qui saevum perdere posset
Hectora, nempe dedi. per me iacet inclitus Hector.
Illis haec armis, quibus est inventus Achilles,
180 Arma peto. vivo dederam, post fata reposco.
Ut dolor unius Danaos pervenit ad omnes,
Aulidaque Euboicam complerunt mille carinae,
Exspectata diu, nulla aut contraria classi
Flamina erant. duraeque iubent Agamemnona sortes
185 Immeritam saevae natam mactare Dianae.
Denegat hoc genitor, divisque irascitur ipsis,
Atque in rege tamen pater est. Ego mite parentis
Ingenium verbis ad publica commoda verti.
Nunc equidem fateor, fassoque ignoscat Atrides:
190 Difficilem tenui sub iniquo iudice causam.
Hunc tamen utilitas populi fraterque datique
Summa movet sceptri, laudem ut cum sanguine penset.
Mittor et ad matrem, quae non hortanda, sed astu
Decipienda fuit. Quo si Telamonius isset,
195 Orba suis essent etiam nunc lintea ventis.
Mittor et Iliacas audax orator ad arces,

---

168 Прелестно это *Nata dea дочь богини*, такъ какъ Улиссъ, догадавшійся по выбору оружія, что передъ нимъ герой, а не дѣвушка, не желаетъ прямо высказывать своей догадки. 170 *Manum injicere* — накладывать на кого либо руки при зовѣ на судъ или при покупкѣ раба означало пріуручить его себѣ. 171 Считая такимъ образомъ Ахиллеса своею собственностію, Улиссъ приписываетъ себѣ и всѣ его подвиги. *Я Телефа* (см. 12, 111). 177 *Ужъ о другихъ умолчу*, менѣе славныхъ, чѣмъ Гекторъ.

Сердце мужское. И вотъ герой не успѣлъ еще сбросить
Платья дѣвичьяго, какъ со щитомъ державшему пику:
„Дочь богини, сказалъ я, Пергамъ отъ тебя ожидаетъ
Гибели. Что жь сокрушить великую медлишь ты Трою?“
Руку кладя на него, послалъ я храбраго къ храбрымъ.
Подвиги значитъ его всѣ мои. Я Телефа прежде
Въ битвѣ копьемъ побѣдилъ, и молящаго имъ исцѣлилъ я.
Ѳивы разрушены мной. Считайте, что и Лесбосъ я
И Тенедосъ да и Скиллу и Хризъ, города Аполлона,
И Скиросъ я забралъ. Считайте, что разгромлены
Въ прахъ моею рукой Лирнесскія стѣны поверглись.
Ужь о другихъ умолчу, того вѣдь, кто въ силахъ сгубить былъ
Грознаго Гектора, далъ я; мной Гекторъ поверженъ преславный.
Я за оружіе то, которымъ открылъ Ахиллеса,
Этого требую; далъ живому, прошу по кончинѣ.
Какъ печаль одного на всѣхъ распростерлась Данаевъ,
И въ Авлиду Эвбейскую тысяча мачтъ набѣжала,
Тутъ давно вожделѣннаго не было вѣтра, иль встрѣчный
Флоту онъ дулъ; и жестокой судьбой Агамемнону было
Велѣно дочь заколоть неповинную грозной Діанѣ.
Это отвергнулъ отецъ, и на самыхъ боговъ раздражился,
Все же въ царѣ есть отецъ. Родителя мягкое сердце
Обратилъ своей я рѣчію къ общему благу.
Нынѣ я въ томъ признаюсь, и Атридъ да проститъ мнѣ признанье:
Въ трудномъ дѣлѣ я верхъ одержалъ предъ судьею пристрастнымъ.
Польза народа и братъ и скипетра даннаго важность,
Все склонило его пожертвовать кровью для чести.
Къ матери тоже, когда увѣщать ее было бы тщетно,
А пришлось обмануть, я посланъ былъ. А отправься
Теламонидъ, парусамъ бы понынѣ быть сирымъ безъ вѣтра.
Я къ Иліонскимъ стѣнамъ былъ посланъ какъ смѣлый витія,

---

190 *Предъ судьею пристрастнымъ* отцемъ, рѣшающимъ жизнь или смерть дочери.
196 Передъ началомъ военныхъ дѣйствій Менелай съ Улиссомъ были посланы въ Трою для мирныхъ переговоровъ о выдачѣ Елены и похищенныхъ сокровищъ.

Visaque et intrata est altae mihi curia Troiae:
Plenaque adhuc erat illa viris. Interritus egi
Quam mihi mandarat communis Graecia causam,
200 Accusoque Parin, praedamque Helenamque reposco,
Et moveo Priamum Priamoque Antenora iunctum.
At Paris et fratres et qui rapuere sub illo,
Vix tenuere manus... scis hoc, Menelae!.. nefandas,
Primaque lux nostri tecum fuit illa pericli.
205 Longa referre mora est, quae consilioque manuque
Utiliter feci spatiosi tempore belli.
Post acies primas urbis se moenibus hostes
Continuere diu, nec aperti copia Martis
Ulla fuit. decimo demum pugnavimus anno.
210 Quid facis interea, qui nil, nisi proelia, nosti?
Quis tuus usus erat? Nam si mea facta requiris,
Hostibus insidior, fossas munimine cingo,
Consolor socios, ut longi taedia belli
Mente ferant placida. doceo, quo simus alendi
215 Armandique modo. mittor, quo postulat usus.
Ecce Iovis monitu, deceptus imagine somni,
Rex iubet incoepti curam dimittere belli.
Ille potest auctore suam defendere vocem.
Non sinat hoc Aiax, delendaque Pergama poscat,
220 Quodque potest, pugnet! Cur non remoratur ituros?
Cur non arma capit? Dat, quod vaga turba sequatur?
Non erat hoc nimium nunquam nisi magna loquenti.
Quid quod et ipse fugit? Vidi, puduitque videre,
Cum tu terga dares, inhonestaque vela parares.
225 Nec mora: Quid facitis? quae vos dementia, dixi,
Concitat, o socii, captam dimittere Troiam?
Quidve domum fertis decimo, nisi dedecus, anno?
Talibus atque aliis, in quae dolor ipse disertum
Fecerat, aversos profuga de classe reduxi.
230 Convocat Atrides socios terrore paventes:
Nec Telamoniades etiam nunc hiscere quicquam
Audet. et ausus erat reges incessere dictis

Видѣлъ я и входилъ въ судилище гордое Трои,
Полное прежде мужей. Безстрашно тамъ дѣло повелъ я,
Что отъ Греціи всей на меня возложено было.
200 Обвиняю Париса, прошу возврата Елены,
И убѣждаю Пріама и друга его Антенора.
Но Парисъ, какъ и братья и всѣ, что съ нимъ похищали...
Знаешь о томъ, Менелай!... сдержали руки насилу.
Этотъ былъ первый нашъ день опасности общей съ тобою.
205 Много бы медлить пришлось, понимая, что пользы принесъ я
Въ долгое время войны совѣтомъ своимъ и рукою.
Послѣ вступительныхъ битвъ враги за градскими стѣнами
Долго держались, затѣмъ раздолья открытаго боя
Не было вовсе, и лишь на десятомъ году мы сразились.
210 Что же ты дѣлалъ межъ тѣмъ, ничего кромѣ битвы не зная?
Чѣмъ полезенъ ты былъ? Спроси жъ о моихъ ты дѣяньяхъ;
Ставлю засады врагамъ, защитами рвы окружаю,
Всѣхъ утѣшаю своихъ, чтобъ долгой войны они скуку
Смирной сносили душой, учу, какъ намъ пропитаться,
215 Вооружаться какъ намъ; иду, какъ нужда посылаетъ.
Вотъ, по совѣту Зевеса, обманутъ видѣніемъ соннымъ,
Царь о войнѣ начатой велитъ покинуть заботу.
Голосъ свой защитить онъ совѣтчика именемъ можетъ.
Воспротивься жъ, Аяксъ, разрушенія требуй Пергама,
220 Бейся, на сколько есть силъ! Чего жъ онъ не сдержитъ бѣгущихъ?
Что жъ не берется за мечъ? примѣръ ли онъ шаткому люду?
Въ этомъ чрезмѣрнаго нѣтъ для надменнаго вѣчно словами,
Что же, иль самъ онъ бѣжитъ? Я видѣлъ, и видѣть стыдился,
Какъ ты тылъ обращалъ, и къ безчестью готовилъ вѣтрила.
225 Тотчасъ я имъ сказалъ: Что, други, творите? Какое
Васъ безумство влечетъ покидать плѣненную Трою?
Что жъ, какъ не стыдъ, вы домой на десятый годъ понесете?
Этой рѣчью и всѣмъ, чему краснорѣчія горесть
Придавала, отвелъ бѣглецовъ я отъ бѣглаго флота.
230 Собираетъ Атридъ товарищей, блѣдныхъ отъ страха,
Теламонидъ же тогда не осмѣлился даже и пикнуть;
А дерзнулъ нападать на царей нахальною рѣчью

Thersites, etiam per me haud impune, protervis.
Erigor, et trepidos cives exhortor in hostem,
Amissamque mea virtutem voce reposco.
Tempore ab hoc, quodcunque potest fecisse videri
Fortiter iste, meum est, qui dantem terga retraxi.
Denique de Danais quis te laudatve petitve?
At sua Tydides mecum communicat acta,
Me probat, et socio semper confidit Ulixe.
Est aliquid, de tot Graiorum milibus unum
A Diomede legi. Nec me sors ire iubebat:
Sic tamen et spreto noctisque hostisque periclo
Ausum eadem, quae nos, Phrygia de gente Dolona
Interimo. non ante tamen, quam cuncta coegi
Prodere et edidici, quid perfida Troia pararet.
Omnia cognoram, nec, quod specularer, habebam:
Et iam promissa poteram cum laude reverti.
Haud contentus eo, petii tentoria Rhesi,
Inque suis ipsum castris comitesque peremi:
Atque ita captivo victor votisque potitus
Ingredior curru laetos imitante triumphos.
Cuius equos pretium pro nocte poposcerat hostis,
Arma negate mihi, fueritque benignior Aiax!
Quid Lycii referam Sarpedonis agmina ferro
Devastata meo? cum multo sanguine fudi
Coeranon Iphitiden et Alastoraque Chromiumque
Alcandrumque Haliumque Noemonaque Prytanimque,
Exitioque dedi cum Chersidamante Thoona,
Et Charopem, fatisque immitibus Ennomon actum,
Quique minus celebres nostra sub moenibus urbis
Procubuere manu. Sunt et mihi vulnera, cives,
Ipso pulchra loco. nec vanis credite verbis.

---

233 *Только Ѳерситъ*, про котораго въ Иліадѣ 2, 216 Гнѣдича:
«Мужъ безобразнѣйшій онъ межъ Данаевъ пришелъ къ Иліону:
Былъ косоглазъ, хромоногъ; совершенно горбатыя сзади
Плечи на персяхъ сходились; глава у него подымалась
Въ верхъ остріемъ, и была лишь рѣдкимъ усѣяна пухомъ».
Его то, злословившаго царя Агамемнона, Улиссъ ударомъ жезла заставилъ молчать.

Только Ѳерситъ, да и тотъ безнаказаннымъ мной не оставленъ.
Тутъ я встаю и дрожащихъ гражданъ на врага воздвигаю,
235 И возвращаетъ опять мой голосъ забытую доблесть.
Съ этихъ поръ, все, что онъ совершить могъ, храбраго съ виду,
Все мое, такъ какъ я задержалъ обратившаго тылъ свой.
Наконецъ, кто тебя изъ Данаевъ хвалитъ и ищетъ?
А меня самъ Тидидъ къ своимъ пріобщаетъ дѣяньямъ,
240 Онъ одобряетъ меня и довѣрчивъ къ другу Улиссу.
Стоитъ чего либо, быть Діомедомъ избраннымъ между
Столькихъ тысячей Грековъ. И не по жребію шелъ я.
Такъ однако презрѣвъ опасность ночи и вражью,
Дерзновеннаго въ томъ же, въ чемъ мы, Фригійца Долона
245 Я погубилъ, но не ранѣе все жъ, чѣмъ его я принудилъ
Все предать и сказать, что хитрая Троя готовитъ.
Все я узналъ и уже добиваться мнѣ нечего было;
И уже могъ я тогда возвратиться съ обѣщанной славой.
Но недовольный и тѣмъ, я въ лагерь отправился Реза,
250 И его погубилъ и товарищей въ ихъ же палаткахъ;
Да колесницу забравъ и, достигнувъ цѣли желанной,
Я возвращаюсь, какъ бы подражая восторгу тріумфа.
Чьихъ предлагали коней враги уплатою за ночь,
Мнѣ вы доспѣховъ того не даете; Аяксъ бы щедрѣй былъ!
255 Что же о ратяхъ скажу Сарпедона Ликійца, желѣзомъ
Мной истребленныхъ? повергъ я, кровь проливая обильно,
Ифитида Церана и Хромія и Аластора,
Галія тожь и Алкандра и Немона вмѣстѣ съ Пританомъ,
Смерти предалъ Тоона я вмѣстѣ съ Херсидамантомъ,
260 И Харопа и злой судьбы лишь жертву, Эннома,
И изъ меньше извѣстныхъ всѣхъ тѣхъ, что отъ рукъ моихъ тоже
Пали у стѣнъ городскихъ. У меня тоже раны, граждане,
Славныя мѣстомъ самимъ! словамъ пустымъ вы не вѣрьте,

---

244 *Долона* (см. выше ст. 98). 253 Коней Ахиллеса Долону (см. выше 98). 254 Аяксъ, предлагающій выше (102) раздѣлъ по заслугамъ, далъ бы Улиссу хоть какую либо часть добычи. 255 Нужно замѣтить, что это исполнено было Улиссомъ лишь тогда, когда унесли Сарпедона, пораженнаго копьемъ Тлеполема, и войска остались безъ предводителя. 257 Всѣ приведенныя здѣсь имена Овидій заимствовалъ изъ Иліады.

Aspicite en! vestemque manu deduxit et: Haec sunt
265 Pectora semper, ait, vestris exercita rebus.
At nil impendit per tot Telamonius annos
Sanguinis in socios, et habet sine vulnere corpus.
Quid tamen hoc refert, si se pro classe Pelasga
Arma tulisse refert contra Troasque, Iovemque?
270 Confiteorque, tulit. neque enim benefacta maligne
Detrectare meum est. sed ne communia solus
Occupet, atque aliquem vobis quoque reddat honorem.
Reppulit Actorides sub imagine tutus Achillis
Troas ab arsuris cum defensore carinis.
275 Ausum etiam Hectoreo solum concurrere Marti
Se putat, oblitus regisque ducisque meique,
Nonus in officio, et praelatus munere sortis.
Sed tamen eventus vestrae, fortissime, pugnae
Quis fuit? Hector abit violatus vulnere nullo.
280 Me miserum, quanto cogor meminisse dolore
Temporis illius, quo Graium murus, Achilles
Procubuit! nec me lacrimae luctusve timorve
Tardarunt, quin corpus humo sublime referrem.
His humeris, his, inquam, humeris ego corpus Achillis
285 Et simul arma tuli, quae nunc quoque ferre laboro.
Sunt mihi, quae valeant in talia pondera, vires.
Est animus certe vestros sensurus honores.
Scilicet iccirco pro gnato caerula mater
Ambitiosa suo fuit, ut coelestia dona,
290 Artis opus tantae, rudis et sine pectore miles
Indueret? neque enim clipei caelamina novit,
Oceanum et terras, cumque alto sidera coelo,
Pleiadasque Hyadasque immunemque aequoris Arcton,
[Diversasque urbes] nitidumque Orionis ensem.

---

273 Акторидомъ названъ сынъ Менетія, Патроклъ, по дѣду своему Актору; *огражденный подобьемъ Ахилла*, такъ какъ въ оружіи своего друга онъ принимаемъ былъ за самого Ахилла. 274 *сгорѣли бъ съ защитникомъ* злобный намекъ на то, что Аяксъ не былъ въ состояніи защитить флота. 292 *Землю и океанъ.* Всѣ упомянутыя здѣсь изображенія на щитѣ Ахиллеса прямо заимствованы изъ Иліады XVIII, 483. 294 Что касается до оскобленныхъ: *Разные тожъ города* (Diversasque urbes) то, хотя у Гомера на щитѣ и представлено два разнохарактерныхъ города, но они

Видите вотъ! и рукой стянулъ онъ одежду: Вотъ эта
265 Грудь, сказалъ онъ, всегда за ваше дѣло стояла.
Но за товарищей капли крови сынъ Теламона
Въ столько лѣтъ не пролилъ, и ранъ не имѣетъ на тѣлѣ.
Что жъ изъ того, что, какъ хвастаетъ самъ, изъ за флота Пелазговъ
На Троянъ подымалъ онъ оружіе и на Зевеса?
270 Поднялъ онъ, признаю; потому что дѣяній достойныхъ
Злобно чернить не привыкъ; но пусть онъ общаго дѣла
Не присвояетъ одинъ, и часть возвратитъ вамъ почета,
Акторидъ отразилъ, огражденный подобьемъ Ахилла,
Всѣхъ Троянъ отъ судовъ, что сгорѣли бъ съ защитникомъ вмѣстѣ.
275 Что дерзнулъ онъ одинъ состязаться съ Гекторской мощью,
Думаетъ онъ, и царя и вождя и меня забывая,
Въ дѣлѣ девятымъ стоя и жребьемъ только возвышенъ.
Но каковъ же исходъ, о храбрѣйшій, былъ вашего боя?
Гекторъ изъ битвы ушелъ, никакой не затронутый раной.
280 О я несчастный, со скорбью какой я вынужденъ вспомнить
Самое время, когда Ахиллесъ, всѣхъ Грековъ ограда,
Мертвымъ палъ! Мнѣ тогда ни слезы, ни страхъ, ни рыданья
Не помѣшали поднять съ земли и унесть его тѣло.
Вотъ на этихъ плечахъ,—на этихъ я тѣло Ахилла
285 Вмѣстѣ съ оружіемъ несъ, котораго вновь добиваюсь.
Сила есть у меня, къ такой подходящая ношѣ,
Есть и душа у меня оцѣнить, какъ должно, почетъ вашъ.
Ни для того ли уже изъ за сына мать голубая
Такъ усердна была, чтобъ подарокъ небесный, искусства
290 Дивнаго плодъ, возложилъ солдатъ суровый безъ сердца?
Даже насѣчки понять на самомъ щитѣ онъ не можетъ,
Землю и ѳкеанъ и звѣзды на небѣ высокомъ,
И Плеядъ и Гіадъ и Арктуса чуждаго морю,
Разные тожъ города и ясный мечъ Оріона.

стоятъ уже за описаніемъ созвѣздій, тогда какъ здѣсь города врываются между послѣдними. Правда въ Болонской рукописи стоитъ *diversosque orbes разные тоже круги*, но какіе? Если понимать параллельные и эклиптику, это далеко не живописные предметы, и поэтому слѣдуетъ отъ филологовъ ожидать тутъ разрѣшенія.

295 Postulat, ut capiat, quae non intelligit, arma.
Quid quod me, duri fugientem munera belli,
Arguit incoepto serum accessisse labori,
Nec se magnanimo maledicere sentit Achilli?
Si simulasse vocas crimen, simulavimus ambo.
300 Si mora pro culpa est, ego sum maturior illo.
Me pia detinuit coniux, pia mater Achillem:
Primaque sunt illis data tempora, cetera vobis.
Haud timeo, si iam nequeo defendere crimen
Cum tanto commune viro. Deprensus Ulixis
305 Ingenio tamen ille, at non Aiacis Ulixes.
Neve in me stolidae convicia fundere linguae
Admiremur eum, vobis quoque digna pudore
Obiicit. An falso Palameden crimine turpe est
Accusasse mihi, vobis damnasse decorum?
310 Sed neque Naupliades facinus defendere tantum
Tamque patens valuit, nec vos audistis in illo
Crimina. vidistis, pretioque obiecta patebant.
Nec Poeantiaden quod habet Vulcania Lemnos,
Esse reus merui. factum defendite vestrum:
315 Consensistis enim. Nec me suasisse negabo,
Ut se subtraheret bellique viaeque labori,
Tentaretque feros requie lenire dolores.
Paruit, et vivit. Non haec sententia tantum
Fida, sed et felix, cum sit satis, esse fidelem.
320 Quem quoniam vates delenda ad Pergama poscunt,
Ne mandate mihi. melius Telamonius ibit,
Eloquioque virum morbis iraque furentem
Molliet, aut aliqua producet callidus arte.
Ante retro Simois fluet, et sine frondibus Ide
325 Stabit, et auxilium promittet Achaia Troiae,
Quam, cessante meo pro vestris pectore rebus,
Aiacis stolidi Danais sollertia prosit.
Sis licet infestus sociis, regique, mihique,
Dure Philoctete; licet exsecrere, meumque

---

299 *мы оба* Ахиллесъ и я. 302 *Первое время мы имъ* — супругѣ и матери. 313 *Пеантіадъ* (см. выше 45).

Проситъ оружія онъ, въ которомъ смысла не знаетъ.
Если меня обвинялъ, бѣжавшаго службы военной,
Въ томъ онъ, что приступилъ я поздно къ начатому дѣлу,
Зналъ ли, что благороднаго тѣмъ порицаетъ Ахилла?
Если притворство зовешь ты виной, притворялись мы оба.
Ежели медлить вина, то раньше его я явился.
Милой супругой былъ я, Ахиллъ милой матерью сдержанъ;
Первое время мы имъ, остальное мы вамъ посвятили,
Я не боюсь, если я защищать проступка не въ силахъ
Общаго съ мужемъ такимъ. Уловленъ умомъ былъ Улисса
Тѣмъ не менѣе онъ, не Улиссъ догадкой Аякса.
Не удивительно намъ, что бранью глупыхъ реченій
Онъ кидаетъ въ меня, и васъ въ достойномъ позора
Онъ упрекаетъ. Или облыжно винить Паламеда
Гнусно лишь для меня, а для васъ осудить превосходно?
Но ни Навплія сынъ защищать такого проступка,
Явнаго слишкомъ, не могъ, ни вы про вину не слыхали.
Видѣли все, на лице обвиненьемъ являлась уплата.
Въ томъ, что Пеантіадъ живетъ на Лемносѣ Вулкана,
Тоже не я виноватъ; свое защищайте вы дѣло:
Дали согласіе вы. Совѣтовалъ я, не скрываю,
Чтобы избавиться могъ отъ труда онъ войны и похода,
И постарался смягчить покоемъ жестокія муки.
Онъ покорился и живъ. Такое рѣшенье не только
Честно, а въ пользу оно, когда быть честнымъ довольно.
Но какъ пророки его вызываютъ на гибель Пергама,
Не посылайте меня; пусть лучше пойдетъ Теламоній,
Пусть смягчитъ отъ болѣзни и гнѣва свирѣпаго мужа
Краснорѣчьемъ, или инымъ чѣмъ привлечь ухитрится.
Раньше вспять Симоисъ потечетъ, и безъ зелени Ида
Будетъ стоять, и помочь обѣщаетъ Ахаія Троѣ,
Чѣмъ, когда бы мой духъ ослабѣлъ для вашего дѣла,
Въ прокъ Данаямъ пошло глупца Аякса радѣнье.
Хоть въ упорствѣ своемъ на царя, на меня и соратныхъ
Злобствуй ты, Филоктетъ; хоть кляни мою безконечно

Devoveas sine fine caput, cupiasque dolenti
Me tibi forte dari, nostrumque haurire cruorem;
Utque tui mihi, sic fiat tibi copia nostri:
Te tamen aggrediar, mecumque reducere nitar:
Tamque tuis potiar, faveat Fortuna, sagittis,
Quam sum Dardanio, quem cepi, vate potitus:
Quam responsa deum Troianaque fata retexi:
Quam rapui Phrygiae signum penetrale Minervae
Hostibus e mediis. Et se mihi comparat Aiax?
Nempe capi Troiam prohibebant fata sine illis.
Fortis ubi est Aiax? ubi sunt ingentia magni
Verba viri? cur hic metuis? cur audet Ulixes
Ire per excubias, et se committere nocti?
Perque feros enses non tantum moenia Troum,
Verum etiam summas arces intrare, suaque
Eripere aede deam, raptamque afferre per hostes?
Quae nisi fecissem, frustra Telamone creatus
Gestasset laeva taurorum tergora septem.
Illa nocte mihi Troiae victoria parta est,
Pergama tunc vici, cum vinci posse coegi.
Desine Tydiden vultuque et murmure nobis
Ostentare meum. pars est sua laudis in illo.
Nec tu, cum socia clipeum pro classe tenebas,
Solus eras. tibi turba comes, mihi contigit unus.
Qui nisi pugnacem sciret sapiente minorem
Esse, nec indomitae deberi praemia dextrae,
Ipse quoque haec peteret, peteret moderatior Aiax,
Eurypylusque ferox claroque Andraemone natus;
Nec minus Idomeneus, patriaque creatus eadem
Meriones; peteret maioris frater Atridae.
Quippe manu fortes, nec sunt tibi Marte secundi,
Consiliis cessere meis. Tibi dextera bello

---

335 *Дарданскимъ предвѣщателемъ* — Еленомъ. Дарданами назывались Троянцы по родоначальнику ихъ царскаго рода Дардану, дѣду Троса. 336 *Какъ изреченья боговъ.... раскрылъ* черезъ поимку Елена. 350 *Брось....* Видно Аяксъ указывалъ глазами на Діомеда, какъ на главнаго совершителя этихъ подвиговъ. Поэтому Улиссъ, возражая ему, продолжаетъ дальнѣйшія нападки на Аякса. 356 *Аяксъ*,

330 Голову, гибель суля, хотя при мученьяхъ желай ты,
Чтобъ я попался тебѣ и кровь ты мою испустить могъ;
Чтобы какъ былъ у меня, такъ былъ у тебя я во власти:
Все же къ тебѣ подступлю и съ собою увесть постараюсь;
Тоже, при счастіи, я овладѣю твоими стрѣлами,
335 Какъ Дарданскимъ, схвативъ, овладѣлъ предвѣщателемъ лично,
Какъ изреченья боговъ и Трои раскрылъ я судьбину,
Какъ похитилъ я ликъ храмовой Фригійской Минервы
Изъ середины враговъ. Такъ со мной ли равняться Аяксу?
Вѣдь возбраняетъ судьба безъ нихъ и Трои быть взятой.
340 Гдѣ же храбрый Аяксъ? Гдѣ жь мужа великаго рѣчи
Пышныя? Чѣмъ же ты тутъ устрашенъ? Почему же дерзаетъ
Стражу Улиссъ проходить и ночи себя довѣряетъ?
И средь лютыхъ мечей не только въ Троянскія стѣны,
Но и въ чертоги войти высокіе, и изъ ея же
345 Храма богиню схватить и пронесть чрезъ враговъ похищенье?
Еслибы этого я не сдѣлалъ, то сынъ Теламона
Тщетно на лѣвой рукѣ семь шкуръ воловьихъ носилъ бы.
Въ эту ночь для меня родилась побѣда надъ Троей,
Тутъ побѣдилъ я Пергамъ, содѣлавъ его побѣдимымъ.
350 Брось указывать ты на Тидида ворчаньемъ и взоромъ
Мнѣ моего; и ему похвала на честь достается.
Видѣли мы, какъ свой щитъ за союзный ты флотъ подымая,
Былъ не одинъ; ты съ толпою стоялъ, а со мною одинъ былъ.
Еслибы онъ не зналъ, что боецъ мудрецу уступаетъ
355 И что награда должна не рукѣ всепобѣдной достаться,
Самъ бы того же просилъ, Аяксъ тотъ воздержный просилъ бы,
Грозный въ бою Эврипилъ и сынъ Андремона героя,
Также Идоменей и рожденный въ отечествѣ томъ же
Меріонъ, и Атрида старшаго братъ попросилъ бы:
360 Вотъ же и всѣ силачи; не уступятъ тебѣ они въ битвѣ,
Разумъ почтили во мнѣ. Полезна рука твоя въ битвѣ;

тотъ воздержный. Аяксъ — сынъ Оилея (см. 12, 622). 357 *Эврипилъ* — не сынъ Геркулеса, встрѣчающійся въ 7, 363, а Ѳессалійскій царь; *сынъ Андремона* (см. 8, 543). 358 У Критскаго царя Идоменея, знаменитаго по Гомеру копьевержца, былъ возницею Меріонъ, тоже славный боецъ. 359 *Атрида старшаго* (см. 12, 623).

Utilis. ingenium est, quod eget moderamine nostro.
Tu vires sine mente geris, mihi cura futuri.
Tu pugnare potes. pugnandi tempora mecum
365 Eligit Atrides. Tu tantum corpore prodes:
Nos animo. Quantoque ratem qui temperat, anteit
Remigis officium, quanto dux milite maior:
Tantum ego te supero. Nec non in corpore nostro
Pectora sunt potiora manu. vigor omnis in illis.
370 At vos, o proceres, vigili date praemia vestro:
Proque tot annorum cura, quibus anxius egi,
Hunc titulum meritis pensandum reddite nostris.
Iam labor in fine est. obstantia fata removi,
Altaque posse capi faciendo Pergama, cepi.
375 Per spes nunc socias, casuraque moenia Troum,
Perque deos oro, quos hosti nuper ademi,
Per siquid superest, quod sit sapienter agendum,
Si quid adhuc audax, ex praecipitique petendum est,
Si Troiae fatis aliquid restare putatis:
380 Este mei memores! aut si mihi non datis arma,
Huic date, et ostendit signum fatale Minervae.
Mota manus procerum est. et quid facundia posset,
Re patuit. fortisque viri tulit arma disertus.
Hectora qui solus, qui ferrum, ignemque, Iovemque
385 Sustinuit toties, unam non sustinet iram:
Invictumque virum vincit dolor. Arripit ensem,
Et: Meus hic certe est. An et hunc sibi poscit Ulixes?
Hoc, ait, utendum est in me mihi. quique cruore
Saepe Phrygum maduit, domini nunc caede madebit,
390 Ne quisquam Aiacem possit superare, nisi Aiax.
Dixit. et in pectus tum demum vulnera passum,
Qua patuit ferrum, letalem condidit ensem.
Nec valuere manus infixum educere telum:
Expulit ipse cruor. rubefactaque sanguine tellus
395 Purpureum viridi genuit de cespite florem,

---

381 *Дайте вотъ ей*, смыслъ рѣчи: если вы даже меня не удостоите доспѣховъ, то посвятите ихъ Минервѣ; но такъ какъ самъ Палладіумъ въ рукахъ Грековъ только по заслугамъ его же, Улисса, то и этимъ новымъ оборотомъ онъ усиливаетъ свои

Умъ то именно твой въ руководствѣ нуждается нашемъ.
Силенъ ты безъ ума, а я о грядущемъ забочусь.
Можешь сражаться лишь ты; но время сраженія со мною
365 Избираетъ Атридъ. Ты тѣломъ только полезенъ,
Мы же духомъ своимъ. И сколькимъ правящій судномъ
Выше занятій гребца и вождь превыше солдата,
Столькимъ я выше тебя. Не меньше и въ тѣлѣ то нашемъ
Сердце важнѣе руки; вся въ немъ содержится сила.
370 Вы же теперь, о князья, наградите вашего стража
И за столько мнѣ лѣтъ заботъ, пережитыхъ въ тревогѣ,
Этотъ воздайте почетъ, мои оцѣняя заслуги.
Трудъ ужь приходитъ къ концу; судьбы устранилъ я преграды,
Сдѣлавъ высокій Пергамъ доступнымъ, его покорилъ я.
375 Именемъ общихъ надеждъ и близкимъ паденіемъ Трои,
И богами молю, что взялъ у врага я недавно,
И всѣмъ тѣмъ, что еще умно совершить остается,
Ежели смѣло къ чему съ опасностью нужно стремиться,
Если по вашему есть что додѣлать для гибели Трои,
380 Вспомните вы обо мнѣ! коль мнѣ не дадите доспѣховъ,
Дайте вотъ ей“, и на ликъ роковой указалъ онъ Минервы.
Тронутъ былъ княжескій кругъ; и что краснорѣчіе можетъ,
Видно на дѣлѣ; понесъ оружье героя витія.
Тотъ, кто Гектору могъ, желѣзу, огню и Зевесу
385 Противостать въ одиночку не разъ, только гнѣва не вынесъ.
Непобѣдимаго мужа сразила печаль. Ухвативши
Мечъ, онъ вскричалъ: „этотъ мой несомнѣнно. Ужель и его то
Требовать станетъ Улиссъ? Его на себя обращу я;
Кровью Фригійской покрытъ, пусть кровью владѣльца упьется,
390 Чтобы Аякса никто не осилилъ кромѣ Аякса“.
Молвилъ, и въ грудь онъ свою, наконецъ то познавшую раны,
Въ мѣсто, желѣзу открытое, мечъ погрузилъ смертоносный.
И рука не смогла извлечь вонзившейся стали:
Вышибло кровью ее; земля же, окрашена кровью,
395 Пурпурный цвѣтъ родила, возставшій на дернѣ зеленомъ,

права на оружіе. 391 *Молвилъ, и въ грудь онъ свою,* такъ же, какъ и въ трагедіи Софокла, Аяксъ, помѣшавшійся вслѣдствіе отказа въ оружіи, закалывается. 395 *Пурпурный цвѣтъ* (см. 10, 207 и 216).

Qui prius Oebalio fuerat de vulnere natus.
Littera communis mediis pueroque viroque
Inscripta est foliis, haec nominis, illa querelae.

HECUBA.

Victor ad Hypsipyles patriam clarique Thoantis
Et veterum terras infames caede virorum
Vela dat, ut referat Tirynthia tela, sagittas.
Quae postquam ad Graios, domino comitante, revexit,
Imposita est sero tandem manus ultima bello.
Troia simul Priamusque cadunt: Priameia coniux
Perdidit infelix hominis post omnia formam,
Externasque novo latratu terruit auras.
Longus in augustum qua clauditur Hellespontus,
Ilion ardebat, neque adhuc consederat ignis,
Exiguumque senis Priami Iovis ara cruorem
Combiberat: tractata comis antistita Phoebi
Non profecturas tendebat ad aethera palmas.
Dardanidas matres patriorum signa deorum,
Dum licet, amplexas, succensaque templa tenentes
Invidiosa trahunt victores praemia Graii.
Mittitur Astyanax illis de turribus, unde
Pugnantem pro se proavitaque regna tuentem
Saepe videre patrem monstratum a matre solebat.
Iamque viam suadet boreas, flatuque secundo
Carbasa mota sonant. iubet uti navita ventis.
Troia, vale! rapimur, clamant, dant oscula terrae
Troades, et patriae fumantia tecta relinquunt.
Ultima conscendit classem, miserabile visu,
In mediis Hecabe natorum inventa sepulchris.

---

396 *У Эбалида* (см. 10, 162). 399 *Къ Гипсипиловой родинѣ* — Лемносу, гдѣ нѣкогда женщины, чтобы отмстить Венерѣ за оскорбленіе, нанесенное любодѣяніемъ съ Марсомъ (см. 4, 167.), совершенно прекратили жертвоприношеніе этой богинѣ; за что разгнѣванная Венера сообщила имъ такой дурной запахъ, что мужья обратились къ рабынямъ. Поэтому женщины истребили всѣхъ мужей и выбрали царицею Гипсипилу, дочь царя Тоаса, которая, впрочемъ, пощадивши отца, помогла ему бѣжать. Съ тѣмъ большимъ радушіемъ женщины Лемноса приняли впослѣдствіи

Тотъ, что когда то возникъ у Эбалида изъ раны.
Буквы начертаны въ немъ у отрока общія съ мужемъ
На лепесткахъ, и однѣ были именемъ, воплемъ другія.

ГЕКУБА.

Къ Гипсипиловой родинѣ въ землю владыки Тоаса,
400 Пресловутую въ старь убійствомъ мужей, побѣдитель
Отплываетъ, привезть Тиринтійца оружіе, стрѣлы.
Какъ онъ къ Грекамъ назадъ привезъ ихъ вмѣстѣ съ владѣльцемъ,
Къ поздней войнѣ наконецъ приложили впослѣднее руку.
Троя пала съ своимъ Пріамомъ; супруга Пріама
405 Бѣдная послѣ всего утратила ликъ человѣчій,
И неожиданнымъ лаемъ воздухъ сосѣдній пугала.
Тамъ, гдѣ вдаль Геллеспонтъ протянувшись, смыкается ближе,
Все горѣлъ Иліонъ и огонь все еще не осѣлся,
И Зевеса алтарь напился уже старца Пріама
410 Скудной крови; сама жь, влекомая за косу жрица
Феба, руки свои къ небесамъ воздѣвала напрасно.
Женъ Дарданскихъ, пока еще можно было, объявшихъ
Лики родимыхъ боговъ и льнувшихъ къ пылающимъ храмамъ,
Какъ завидный трофей влекутъ побѣдители Греки.
415 Съ башни Астіанаксъ свергается той же, откуда
Часто видалъ онъ отца, на котораго матерь казала,
Какъ въ бою защищалъ и его онъ и прадѣдовъ царство.
Въ путь зазываетъ уже Борей, паруса при попутномъ
Вѣтрѣ шумятъ и велитъ имъ воспользоваться корабельщикъ.
420 „Троя прощай! насъ влекутъ“, восклицаютъ Троянки, цѣлуя
Землю, и кровли въ дыму родныя свои покидаютъ.
Самой послѣдней взошла на корабль, какъ горестно видѣть,
Между гробницъ сыновей своихъ отыскавшись, Гекуба.

долго гостившихъ у нихъ Аргонавтовъ. 400 *Побѣдитель* въ спорѣ объ оружіи. 401 *Тиринтійца* (см. 9, 19). 406 *Неожиданнымъ лаемъ* (см. ниже 567). 410 *Жрица Феба* — Кассандра (см. выше 99). 412 *Объявшихъ Лики боговъ*, ища защиты у неприкосновенной святыни. 415 *Астіанаксъ*—младенецъ сынъ Гектора и Андромахи, сброшенный съ башни Улиссомъ, чтобы не уцѣлѣлъ никто изъ потомковъ Пріама, могущій возстановить Трою.

Prensantem tumulos, atque ossibus oscula dantem
Dulichiae traxere manus. Tamen unius hausit.
Inque sinu cineres secum tulit Hectoris haustos.
Hectoris in tumulo canum de vertice crinem,
Inferias inopes, crinem lacrimasque reliquit.
Est, ubi Troia fuit, Phrygiae contraria tellus
Bistoniis habitata viris. Polymestoris illic
Regia dives erat, cui te commisit alendum
Clam, Polydore, pater Phrygiisque removit ab armis:
Consilium sapiens, sceleris nisi praemia magnas
Adiecisset opes, animi irritamen avari.
Ut cecidit fortuna Phrygum, capit impius ensem
Rex Thracum, iuguloque sui defigit alumni:
Et tanquam tolli cum corpore crimina possent,
Exanimem e scopulo subiectas misit in undas.
Litore Threicio classem religarat Atrides,
Dum mare pacatum, dum ventus amicior esset.
Hic subito, quantus cum viveret esse solebat,
Exit humo late rupta, similisque minanti
Temporis illius vultum referebat Achilles,
Quo ferus iniusto petiit Agamemnona ferro:
Immemoresque mei disceditis, inquit, Achivi?
Obrutaque est mecum virtutis gratia nostrae?
Ne facite! utque meum non sit sine honore sepulchrum,
Placet Achilleos mactata Polyxena manes.
Dixit. et, immiti sociis parentibus umbrae,
Rapta sinu matris, quam iam prope sola fovebat,
Fortis et infelix et plus quam femina virgo
Ducitur ad tumulum, diroque fit hostia busto.
Quae memor ipsa sui, postquam crudelibus aris
Admota est, sensitque sibi fera sacra parari,

---

425 *Дулихійскія* (Улиссовы) по имени острова Дулихія, принадлежавшаго къ царству Итаки. 430 *Бистонійскихъ мужей* — Бистонцы были Ѳракійскій народъ вмѣстѣ съ Циконцами (см. 6, 710), и такъ же какъ они употребляются вмѣсто Ѳракійцевъ. 432 Желая спасти меньшаго сына своего Полидора отъ опасностей войны, Пріамъ послалъ его на воспитанье къ другу своему, Ѳракійскому царю Полимнестору, вручивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и большія деньги для передачи взрослому Полидору. Услыхавъ о разореніи Трои и гибели дома Пріама, алчный Полимнесторъ убилъ своего

Какъ могилы она обнимала и кости лобзала,
Дулихійскія руки ее повлекли. Одного лишь
Гектора прахъ подобравъ, на груди унесла она взятый.
Гектору бѣлыхъ своихъ съ макушки волосъ на могилѣ,
Скудную жертву, волосъ и слезъ она оставляетъ.
Тамъ, гдѣ Троя была, есть земля противъ Фригіи самой,
Бистонійскихъ мужей жилище. Чертогъ тамъ богатый
Полимнестора былъ, къ которому на воспитанье
Тайно тебя, Полидоръ, отецъ удалилъ отъ сраженій.
Мудрый замыслъ, когда бъ не прибавилъ большаго богатства
Онъ злодѣянью въ соблазнъ, въ искушеніе алчному духу.
Какъ совершилась судьба Фригійцевъ, схватилъ нечестивый
Царь Ѳракійцевъ свой мечъ и вонзилъ его въ горло питомца;
И какъ будто бы могъ удалить преступленье онъ съ тѣломъ,
Бездыханнаго свергъ со скалы подъ собою въ волненье.
Съ флотомъ своимъ приставалъ Атридъ ко Ѳракійскому брегу,
Выждать морской тишины и вѣтра еще благосклоннѣй.
Тутъ внезапно таковъ, какимъ бывалъ онъ при жизни,
Изъ разверзстой земли возникъ съ выраженьемъ угрозы
Той на лицѣ Ахиллесъ, съ какой въ минувшее время
Къ Агамемнону онъ подступалъ съ беззаконнымъ желѣзомъ.
„Вы, позабывши меня, онъ вскричалъ, бѣжите, Ахейцы?
Доблести видно моей со мною зарыта и память?
Такъ не дерзайте! и чтобъ не остался мой холмъ безъ почета,
Маны Ахилла пускай ублажитъ Поликсена какъ жертва“.
Рекъ. И покорными грозной тѣни друзьями отъ груди
Матери оторвана, хоть къ ней ужь одна припадала,
Силы и горя полна и больше чѣмъ женщина, дѣва
Возведена на курганъ, какъ жертва жестокой могилы.
Вспомнивъ сама, кто она, и поставлена передъ жестокимъ
Алтаремъ и, признавъ, что для ней готовятся къ жертвѣ,

воспитанника и бросилъ въ море. Гекуба, только что потерявшая послѣднюю дочь Поликсену, находитъ на берегу трупъ Полидора. 441 Греки, вынужденные выжидать на Ѳракійскомъ берегу попутнаго вѣтра, соорудили Ахиллесу въ знакъ особеннаго почитанія памятникъ, не взирая на то, что погребли его уже въ Троадѣ. Тѣнь Ахиллеса требуетъ особенной жертвы для освященія этого памятника. 444 Во время знаменитой распри изъ за Бризеиды.

455 Utque Neoptolemum stantem ferrumque tenentem
Inque suo vidit figentem lumina vultu:
Utere iamdudum generoso sanguine, dixit:
Nulla mora est. quin tu iugulo vel pectore telum
Conde meo! iugulumque simul pectusque retexit.
460 Scilicet aut ulli servire Polyxena vellem!
Aut per tale sacrum numen placabitis ullum!
Mors tantum vellem matrem mea fallere posset.
Mater obest, minuitque necis mihi gaudia. quamvis
Non mea mors illi, verum sua vita tremenda est.
465 Vos modo, ne Stygios adeam non libera manes,
Este procul, si iusta peto, tactuque viriles
Virgineo removete manus. Acceptior illi,
Quisquis is est, quem caede mea placare paratis,
Liber erit sanguis. Si quos tamen ultima nostri
470 Verba movent oris, Priami vos filia regis,
Non captiva rogat: genitrici corpus inemtum
Reddite, neve auro redimat ius triste sepulchri,
Sed lacrimis. tunc, cum poterat, redimebat et auro.
Dixerat. At populus lacrimas, ~~quas~~ illa tenebat,
475 Non tenet. Ipse etiam flens invitusque sacerdos
Praebita coniecto rupit praecordia ferro.
Illa, super terram defecto poplite labens,
Pertulit intrepidos ad fata novissima vultus.
Tunc quoque cura fuit partes velare tegendas,
480 Cum caderet, castique decus servare pudoris.
Troades excipiunt, deploratosque recensent
Priamidas, et quod dederit domus una cruoris,
Teque gemunt, virgo, teque, o modo regia coniux,
Regia dicta parens, Asiae florentis imago,
485 Nunc etiam praedae mala sors, quam victor Ulixes
Esse suam nollet, nisi quod tamen Hectora partu
Edideras. dominum matri vix repperit Hector.
Quae corpus complexa animae tam fortis inane,

---

455 *Неоптолема* — это прозвище собственно *юный ратникъ* было дано сыну Ахиллеса Пирру (см. выше 156), такъ какъ онъ еще мальчикомъ прибылъ подъ Трою. 460 Смыслъ этихъ двухъ стиховъ таковъ: Не придется ни мнѣ, царской

Какъ увидала она стоящаго Неоптолема,
Что съ желѣзомъ въ рукѣ съ лица ея взоровъ не сводитъ,
Молвила: „Пользуйся ты сейчасъ благородною кровью;
Нѣтъ препятствій тебѣ. Вонзай ты въ горло иль въ грудь мнѣ
Мечъ!“ И горло она и грудь при этомъ раскрыла.
„Или же рабство сносить пришлось бы мнѣ, Поликсенѣ!
Или вы жертвой такой божество ублажите какое!
Только желала бы я, чтобъ не вѣдала мать моей смерти;
Мать мнѣ мѣшаетъ, она уменьшаетъ радость мнѣ смерти;
Хоть ей не смерти моей, а своей бы жизни страшиться.
Вы же однако, чтобъ я свободною къ Стиксу сходила,
Стойте вдали, если я о должномъ молю; не касайтесь
Дѣвы руками мущинъ. Ему и угоднѣе будетъ,
Кто бы онъ ни былъ, кого ублажать моей смертью хотите,
Кровь свободной. Когда жъ изъ устъ моихъ тронуть инаго
Можетъ послѣдняя рѣчь, то дочь владыки Пріама,
А не плѣнница, васъ умоляетъ: Отдайте вы тѣло
Матери даромъ, чтобъ ей не златомъ купить погребенье,
А слезами; она, какъ могла, покупала и златомъ“.
Произнесла. А народъ тѣхъ слезъ, что она удержала,
Не удержалъ. Самъ жрецъ заплакалъ и противъ желанья
Предстоящую грудь пронзилъ устремленнымъ желѣзомъ.
Падая на земь, она, когда ослабѣли колѣна,
До послѣдней судьбы безстрашнымъ лице сохранила.
Только забота была укрыть со скромностью члены,
Какъ упадетъ, сохраняя стыда непорочнаго прелесть.
Принимаютъ ее Троянки и всѣхъ Пріамидовъ
Падшихъ, и сколько одинъ далъ крови домъ, исчисляютъ.
Дѣва, ихъ стонъ по тебѣ, по тебѣ жъ и царева супруга,
Царственныхъ матерь дѣтей, цвѣтущей Азіи образъ,
Нынѣ презрѣнная часть добычи, которой не взялъ бы
Побѣдитель Улиссъ, не роди ты Гектора только;
Господина едва для матери Гекторъ находитъ.
Тѣло, лишенное нынѣ столь мощнаго духа, объемля,

дочери, быть рабыней, ни вамъ ублажить какое либо божество подобною жертвой.

473 Намекъ на дорогой выкупъ тѣла Гектора.

Quas toties patriae dederat natisque viroque,
Huic quoque dat lacrimas. lacrimas in vulnera fundit,
Osculaque ore tegit, consuetaque pectora plangit,
Canitiemque suam concreto in sanguine verrens
Plura quidem, sed et haec laniato pectore dixit:
Nata, tuae... quid enim superest?.. dolor ultime matri,
Nata, iaces; videoque tuum, mea vulnera, vulnus.
Et ne perdiderim quenquam sine caede meorum,
Tu quoque vulnus habes. At te, quia femina, rebar
A ferro tutam: cecidisti et femina ferro:
Totque tuos idem fratres, te perdidit idem,
Exitium Troiae nostrique orbator, Achilles.
At postquam cecidit Paridis Phoebique sagittis,
Nunc certe, dixi, non est metuendus Achilles.
Nunc quoque mi metuendus erat. Cinis ipse sepulti
In genus hoc saevit: tumulo quoque sensimus hostem:
Aeacidae fecunda fui. Iacet Ilion ingens:
Eventuque gravi finita est publica clades,
Sed finita tamen. Soli mihi Pergama restant,
In cursuque meus dolor est. Modo maxima rerum,
Tot generis natisque potens nuribusque viroque,
Nunc trahor exul, inops, tumulis avulsa meorum,
Penelopae munus. quae me data pensa trahentem
Matribus ostendens Ithacis: Haec Hectoris illa est
Clara parens, haec est, dicet, Priameia coniux.
Postque tot amissos tu nunc, quae sola levabas
Maternos luctus, hostilia busta piasti.
Inferias hosti peperi. Quo ferrea resto?
Quidve moror? quo me servas, annosa senectus?
Quo, di crudeles, nisi quo nova funera cernam,
Vivacem differtis anum? Quis posse putaret
Felicem Priamum post diruta Pergama dici?
Felix morte sua est, nec te, mea nata, peremtam
Aspicit, et vitam pariter regnumque reliquit.
At, puto, funeribus dotabere, regia virgo,

---

505 *Я Эакиду была плодуща*—т. е. я въ жертву Ахиллесу народила много дѣтей.
523 Иронически.

Слезы, что столько лила надъ отчизной, дѣтьми и надъ мужемъ,
490 Льетъ она и надъ нимъ; обливаетъ рану слезами,
Крѣпко цѣлуетъ въ уста и въ привычную грудь ударяетъ,
И сѣдины свои влача по запекшейся крови,
Много сказала она, но и это изъ груди разбитой:
„Дочь, ты послѣдняя скорбь для матери... что же осталось?
495 Дочь, ты лежишь; и въ твоей я ранѣ вижу свою же.
И чтобы мнѣ никого изъ своихъ не терять безъ убійства,
Ранена также и ты. А тебя безопасной считала,
Женщину, я отъ меча; отъ меча ты и женщина пала.
Кто всѣхъ братьевъ твоихъ, и тебя погубилъ тотъ же самый
500 Трои губитель, Ахиллъ, и меня оставилъ онъ сирой.
Но когда онъ сраженъ стрѣлой былъ Париса и Феба,
Вѣрно, промолвила я, теперь Ахиллесъ ужъ не страшенъ.
Нынѣ жь мнѣ страшенъ онъ сталъ. И прахъ погребеннаго даже
Къ нашему роду жестокъ; въ могилѣ врага ощущаю;
505 Я Эакиду была плодуща. Иліонъ ниспроверженъ;
Страшнымъ исходомъ уже всеобщее кончилось горе,
Кончилось все же оно. Для меня лишь Пергамъ остается,
Горе мое все въ ходу. Недавно главу надо всѣми,
Въ множествѣ столькихъ зятьевъ, дѣтей и невѣстокъ при мужѣ,
510 Нынѣ меня повлекутъ, отъ кровныхъ могилъ оторвавши,
У Пенелопы служить; а та, какъ урокъ стану прясть я,
Женамъ Итаки меня укажетъ: вотъ Гектора это
Мать знаменитая, вотъ, промолвитъ, супруга Пріама.
Послѣ столькихъ утратъ, одна облегчавшая слезы
515 Матери, нынѣ и ты врага примирила могилу.
Тризну врагу родила я. На что же и жить мнѣ желѣзной?
Медлить чего? Что пользы въ тебѣ, многолѣтняя старость?
Боги жестокіе, иль чтобъ видѣть мнѣ снова могилы,
Длите вы старческій вѣкъ? Кто бъ только подумалъ, что послѣ
520 Падшей Трои считать Пріама возможно счастливымъ?
Счастливъ онъ смертью своей; тебя, моя дочь, пораженной
Онъ не видитъ, и жизнь заодно онъ съ царствомъ покинулъ.
Все жь похоронный почетъ воздадутъ тебѣ, царственной дѣвѣ,

Condeturque tuum monumentis corpus avitis.
525 Non haec est fortuna domus. Tibi munera matris
Contingent fletus peregrinaeque haustus arenae.
Omnia perdidimus. Superest, cur vivere tempus
In breve sustineam, proles gratissima matri,
Nunc solus, quondam minimus de stirpe virili,
530 Has datus Ismario regi Polydorus in oras.
Quid moror interea crudelia vulnera lymphis
Abluere, et sparsos immiti sanguine vultus?
Dixit, et ad litus passu processit anili,
Albentes lacerata comas. Date, Troades, urnam,
535 Dixerat infelix, liquidas hauriret ut undas:
Aspicit eiectum Polydori in litore corpus,
Factaque Threiciis ingentia vulnera telis.
Troades exclamant. obmutuit illa dolore,
Et pariter voces lacrimasque introrsus obortas
540 Devorat ipse dolor. duroque simillima saxo
Torpet, et adversa figit modo lumina terra,
Interdum torvos sustollit ad aethera vultus,
Nunc positi spectat vultum, nunc vulnera nati...
Vulnera praecipue, seque armat et instruit ira.
545 Qua simul exarsit, tanquam regina maneret,
Ulcisci statuit, poenaeque in imagine tota est.
Utque furit catulo lactente orbata leaena,
Signaque nacta pedum sequitur, quem non videt, hostem:
Sic Hecube, postquam cum luctu miscuit iram,
550 Non oblita animorum, annorum oblita suorum,
Vadit ad artificem dirae, Polymestora, caedis:
Colloquiumque petit. nam se monstrare relictum
Velle latens illi, quod nato redderet, aurum.
Credidit Odrysius, praedaeque assuetus amore
555 In secreta venit. tum blando callidus ore:
Tolle moras, Hecube, dixit, da munera nato.
Omne fore illius quod das, quod et ante dedisti,
Per superos iuro. Spectat truculenta loquentem

---

554 *Одризіевъ* (см. 6, 490).

Думаю, тѣло твое помѣстятъ въ усыпальницѣ предковъ.
Но не такая судьба нашего дома. Ты примешь
Матери слезы какъ даръ, да горсть песку на чужбинѣ.
Все утратила я. Остается, чтобъ жизнь сохранила
Я на краткій лишь срокъ, отрадное матери чадо,
Нынѣ единый, когда то меньшой изъ рода мужскаго,
Мой Полидоръ, что царю Измарскому отданъ сюда же.
Что же я медлю межъ тѣмъ водой жестокую рану
Ей обмыть и лице, окропленное кровью ужасной?“
Такъ сказавъ, побрела она къ берегу старческимъ шагомъ,
Съ сѣдиною своей растерзанной. „Дайте, Троянки,
Молвила, вы сосудъ, зачерпнуть имъ влаги прозрачной“.
Смотритъ, выкинуто Полидорово тѣло на берегъ,
И на немъ отъ меча Ѳракійца ужасныя раны.
Стали Троянки вопить; она жь онѣмѣла отъ горя,
Самый голосъ, равно какъ внутри закипѣвшія слезы,
Скорбь поглотила у ней; и твердому камню подобна,
Вся застыла она, и глаза то въ землю вперяетъ,
То свои къ небесамъ свирѣпые взоры подъемлетъ,
Или глядитъ на лице, иль на раны лежащаго сына...
Больше на раны глядитъ и гнѣвъ, собираясь, готовитъ.
Вся воспылавшая имъ, какъ будто оставшись царицей,
Мстить положила она и только мечтаетъ о казни.
Словно львица въ сердцахъ, при утратѣ сосущаго львенка,
Слѣдомъ идетъ по стопамъ врага, хоть его и не видитъ,
Такъ и Гекуба, когда и слезъ примѣшала ко гнѣву,
Силы души не забывъ, лѣта же свои забывая,
Тотчасъ прямо пошла къ Полимнестору, злому убійцѣ,
О совѣщаньи просить; потому что сокрытое ею,
Чтобы сыну отдать, указать она золото хочетъ.
Вѣритъ Одризіевъ царь и полонъ стремленій корыстныхъ,
На совѣщанье пришелъ; тутъ хитрый онъ ласковой рѣчью:
„Не замедляйся, сказалъ, Гекуба, даръ сыну давай мнѣ.
Все это будетъ его, что даешь, что дала мнѣ и прежде,
Въ томъ я богами клянусь. „На говорящаго это,

Falsaque iurantem, tumidaque exaestuat ira.
560 Atque ita correpto captivarum agmina matrum
Invocat, et digitos in perfida lumina condit,
Expilatque genis oculos,.. facit ira valentem...
Immergitque manus, foedataque sanguine sonti
Non lumen,.. neque enim superest... loca luminis haurit.
565 Clade sui Thracum gens irritata tyranni
Troada telorum lapidumque incessere iactu
Coepit. At haec missum rauco cum murmure saxum
Morsibus insequitur, rictuque in verba parato,
Latravit, conata loqui. Locus extat, et ex re
570 Nomen habet. veterumque diu memor illa malorum
Tum quoque Sithonios ululavit maesta per agros.
Illius Troasque suos hostesque Pelasgos,
Illius fortuna deos quoque moverat omnes:
Sic omnes, ut et ipsa Iovis coniuxque sororque
575 Eventus Hecubam meruisse negaverit illos.

MEMNON.

Non vacat Aurorae, quanquam isdem faverat armis,
Cladibus et casu Troiaeque Hecubaeque moveri.
Cura deam propior luctusque domesticus angit
Memnonis amissi: Phrygiis quem lutea campis
580 Vidit Achillea pereuntem cuspide mater.
Vidit, et ille color, quo matutina rubescunt
Tempora, palluerat; latuitque in nubibus aether.
At non impositos supremis ignibus artus
Sustinuit spectare parens. sed crine soluto,
585 Sicut erat, magni genibus procumbere non est
Dedignata Iovis, lacrimisque has addere voces:
Omnibus inferior, quas sustinet aureus aether,..
Nam mihi sunt totum rarissima templa per orbem...

---

570 Вѣроятно прозваніе собачьей могилы дало поводъ съ самому преданію. 571 *Ситонскихъ поляхъ* (см. 6, 587). 474 *сестра и супруга Зевеса* (Юнона) болѣе всѣхъ раздраженная противъ Трои за яблоко съ надписью: *наипрекраснѣйшей*, врученное Парисомъ не ей, а Венерѣ. 576 *Благосклонной все къ тѣмъ же доспѣхамъ* т. е.

Съ ложною клятвой притомъ, глядитъ она, злобой вскипая.
И схвативши его, толпу она плѣнныхъ Троянокъ
Кличетъ, и въ глаза запускаетъ предателю пальцы,
Тѣ вырывая изъ вѣкъ... придаетъ озлобленье ей силы.
Руки впускаетъ она, замаравъ ихъ преступника кровью
И не въ глазахъ... ихъ ужь нѣтъ... во впадинахъ роется глаза.
Злы за убійство царя своего Ѳракійцы, въ Троянку
Стали оружьемъ кидать и камнями, къ ней подступая.
Но кусаясь, она ужъ бѣжитъ за брошеннымъ камнемъ,
Хрипло рыча, и для словъ изготовивъ уста, только лаетъ,
Думая заговорить. Осталось то мѣсто, и случай
Имя ему сообщилъ; и долго о старыхъ несчастьяхъ
Помня, тоскливо она въ Ситонскихъ поляхъ завывала.
Жребій ея и Троянъ ей родныхъ и враждебныхъ Пелазговъ,
Этотъ жребій ея и безсмертныхъ боговъ даже трогалъ
Всѣхъ до того, что сама и сестра и супруга Зевеса
Отрицала, чтобы заслуженъ исходъ былъ Гекубой.

МЕМНОНЪ.

Только Аврорѣ, хотя благосклонной все къ тѣмъ же доспѣхамъ,
Не до заботъ о войнѣ и гибели Трои съ Гекубой.
Горе богиню томитъ свое, о Мемнонѣ погибшемъ
Плачъ домашній у ней: какъ онъ на Фригійской равнинѣ
Палъ отъ копья Ахиллеса, румяная мать увидала.
Лишь увидала, и цвѣтъ, которымъ раннее время
Озарено, поблѣднѣлъ; закрылся эѳиръ облаками.
Но на послѣдній огонь возложенными члены увидѣть
Мать не въ силахъ была. А сама въ волосахъ распущенныхъ
Такъ какъ была, не задумалась пасть къ колѣнамъ владыки
Зевса, и къ жаркимъ слезамъ прибавить такое воззванье:
„Даромъ что ниже я всѣхъ золотымъ носимыхъ эѳиромъ,
Ибо по цѣлой землѣ моихъ всѣхъ менѣе храмовъ...

къ сторонѣ Троянской, почему можно было бы ждать отъ нея полнаго участія. 578 *О Мемнонѣ* сынѣ своемъ отъ Тиѳона (см. 9, 421), царя Эѳіоповъ, который въ качествѣ родственника отправился на помощь къ Пріаму.

Diva tamen venio. non ut delubra diesque
Des mihi sacrificos, calliturasque ignibus aras.
Si tamen aspicias, quantum tibi femina praestem
Tum cum luce nova noctis confinia servo,
Praemia danda putes. Sed non ea cura, neque hic est
Nunc status Aurorae, meritos ut poscat honores.
Memnonis orba mei venio, qui fortia frustra
Pro patruo tulit arma suo, primisque sub annis
Occidit a forti... sic vos voluistis... Achille.
Da, precor, huic aliquem, solatia mortis, honorem,
Summe deum rector, maternaque vulnera leni.
Iuppiter annuerat. cum Memnonis arduus alto
Corruit igne rogus, nigrique volumina fumi
Infecere diem; veluti cum flumina natas
Exhalant nebulas, nec sol admittitur infra.
Atra favilla volat, glomerataque corpus in unum
Densetur, faciemque capit, sumitque calorem
Atque animam ex igni. levitas sua praebuit alas.
Et primo similis volucri, mox vera volucris
Insonuit pennis. pariter sonuere sorores
Innumerae, quibus est eadem natalis origo.
Terque rogum lustrant, et consonus exit in auras
Ter clangor; quarto seducunt castra volatu:
Tum duo diversa populi de parte feroces
Bella gerunt, rostrisque et aduncis unguibus iras
Exercent, alasque adversaque pectora lassant:
Inferiaeque cadunt cineri cognata sepulto
Corpora, seque viro forti meminere creatas.
Praepetibus subitis nomen facit auctor. ab illo
Memnonides dictae, cum sol duodena peregit
Signa, parentali moriturae Marte rebellant.
Ergo aliis latrasse Dymantida flebile visum:
Luctibus est Aurora suis intenta, piasque
Nunc quoque dat lacrimas, et toto rorat in orbe.

---

596 *за дядю*;—Мемнонъ былъ братъ Пріама. 620 *Димантиды* (см. 11, 761).

Все жь я богиней пришла; но не съ тѣмъ, чтобы жертвенныхъ дней мнѣ
590 Далъ ты, и храмовъ и въ нихъ алтарей огнями горящихъ.
Если жь подумаешь, какъ и женщина все я полезна
Тѣмъ, что у новаго дня охраняю ночи границы,
Дать мнѣ награду рѣшишь. Но не въ этомъ забота Авроры
И положенье не то, чтобъ просить по заслугамъ почета.
595 Я пришла, потерявъ своего Мемнона, что поднялъ
Храбро доспѣхи вотще за дядю и въ ранніе годы
Былъ могучимъ сраженъ... такъ вы же судили... Ахилломъ.
Дай, умоляю тебя, ему почесть, утѣху для смерти,
Вышній правитель боговъ, смягчи ты матери рану".
600 Ей Зевесъ прикивнулъ; когда завалился высокій,
Яркій огнями костеръ Мемнона, то чернаго дыма
День затмили клубы; подобно тому, какъ рожденный
Рѣчка пускаетъ туманъ и солнцу нѣтъ доступа ниже,
Черный пепелъ летитъ и, въ тѣло одно собираясь,
605 Ликъ принимаетъ сгустясь, тепло получаетъ и душу
Отъ огня, и его снабжаетъ крыльями легкость.
И подобье сперва лишь птицы, затѣмъ уже вправду
Птица крылами шумитъ, зашумѣли съ нею и сестры
Безъ числа, у которыхъ начало рожденія такое жь.
610 Трижды онѣ облетаютъ костеръ, и поднялся на воздухъ
Трижды ихъ крикъ; на кругу четвертомъ разносится стая.
Тутъ какъ будто бы два враждебныхъ народа заводятъ
Въ злобѣ сраженье онѣ, когтями кривыми и клювомъ
Гнѣвъ выражаютъ, и грудь и крылья врага утомляютъ.
615 Тутъ какъ тризны онѣ родныя уснувшему праху
Падаютъ, помня свое отъ храбраго мужа созданье.
Имя свое сообщилъ внезапнымъ крылатымъ творецъ ихъ,
Мемнонидами ихъ зовутъ, и какъ солнце двѣнадцать
Знаковъ пройдетъ, то на смерть надъ родителемъ вновь онѣ бьются.
620 Такъ что плачевенъ однимъ былъ лающей видъ Димантиды,
А своему предана Аврора плачу, понынѣ
Нѣжныя слезы все льетъ и росой окропляетъ всю землю.

ANIUS.

Non tamen eversam Troiae cum moenibus esse
Spem quoquo fata sinunt. Sacra et sacra altera, patrem
Fert humeris venerabile onus Cythereius heros.
De tantis opibus praedam pius eligit illam,
Ascaniumque suum. profugaque per aequora classe
Fertur ab Antandro, scelerataque limina Thracum
Et Polydoreo manantem sanguine terram
Linquit. et utilibus ventis aestuque secundo
Intrat Apollineam, sociis comitantibus, urbem.
Hunc Anius, quo rege homines, antistite Phoebus
Rite colebatur, temploque domoque recepit:
Urbemque ostendit, delubraque nota, duasque
Latona quondam stirpes pariente retentas.
Ture dato flammis, vinoque in tura profuso,
Caesarumque boum fibris de more crematis,
Regis tecta petunt, positisque tapetibus altis
Munera cum liquido capiunt Cerealia Baccho.
Tum pius Anchises: O Phoebi lecte sacerdos,
Fallor, an et natum, cum primum haec moenia vidi,
Bisque duas natas, quantum reminiscor, habebas?
Huic Anius niveis circumdata tempora vittis
Concutiens et tristis ait: Non falleris, heros
Maxime. vidisti natorum quinque parentem,
Quem nunc... tanta homines rerum inconstantia versat...
Paene vides orbum. Quod enim mihi filius absens
Auxilium? quem dicta suo de nomine tellus
Andros habet pro patre, locumque et regna tenentem.

---

624 *Съ святыней*—съ домашними богами. 625 *Анхизъ* происшедшій изъ боковой линіи Дарданскаго или Троянскаго царскаго рода, сынъ или внукъ Ассāрака, привлекъ своей красотою взоры Венеры—*Цитеры* (см. 4, 190 и 10, 529), и сталъ ея супругомъ, отъ котораго она родила Энея; и Эней, когда все погибло, по внушенію своей матери, спасъ изъ горящаго города домашнихъ боговъ. Взваливши съ ними на плеча и престарѣлаго отца и ведя за руку маленькаго сына Асканія или Іула, онъ въ сопровожденіи небольшаго числа соотечественниковъ бѣжитъ по морю изъ Мизійскаго города Антандра и послѣ долгихъ странствій и опасностей прибываетъ въ обѣщанную Ита-

АНІЙ.

Все же судьба не даетъ съ Троянскими вмѣстѣ стѣнами
Гибнуть надеждѣ самой. Съ святыней другую святыню,
Бремя отца на плечахъ герой Цитерійскій уноситъ.
Благочестивый избралъ изъ столькихъ богатствъ онъ вотъ это,
Да Асканія съ нимъ; съ убѣгающимъ по морю флотомъ
Онъ покидаетъ Антандръ, и берегъ преступный Ѳракійцевъ
И залитую еще Полидоровой кровію землю
Оставляетъ; а самъ съ попутнымъ теченьемъ и вѣтромъ,
Въ сопровожденьи друзей въ Аполлоновъ городъ вступаетъ.
Аній, что былъ у людей царемъ и служилъ по обряду
Фебу какъ жрецъ, тамъ его во храмѣ принялъ и въ домѣ
Городъ ему показалъ и храмъ знаменитый и оба
Дерева тѣ, что въ родахъ Латона когда то схватила.
Ладона кинувъ въ огонь, и вина возливши на ладонъ
И убитыхъ быковъ по обряду спаливши утробу,
Входятъ они во дворецъ; на коврахъ, возложенныхъ высоко,
Съ чистымъ Вакхомъ они даровъ Цереры вкушаютъ.
Тутъ правдивый Анхизъ сказалъ: „О, Феба избранный
Жрецъ, не видалъ ли я тутъ, впервой въ эти стѣны вступая,
Сына и съ нимъ четырехъ дочерей у тебя, сколько помню?“
Аній тряхнулъ головой, окруженною бѣлой повязкой
И печально сказалъ: „Ты, герой, не ошибся нимало:
Видѣлъ отца пятерыхъ ты дѣтей, котораго нынѣ,
Такъ играетъ людями непостоянство событій,
Сирымъ ты видишь почти. Какая жь мнѣ польза отъ сына
Нынѣ далекаго? Онъ, свое имя землѣ сообщая,
Мѣсто занялъ и власть и отцемъ слыветъ на Андросѣ.

лію, гдѣ становится родоначальникомъ длиннаго ряда царей, изъ котораго наконецъ происходятъ основатели Римскаго государства. 631 *Аполлоновъ городъ*—Делосъ на соименномъ островѣ (см. 6, 186). 635 *Дерева тѣ* — (см. 6, 335). 641 *Впервой въ эти стѣны вступая.* Еще до Троянской войны Анхизъ былъ здѣсь, чтобы вопросить оракула Аполлона. 643 *Бѣлой повязкой* (см. 11, 279). 649 Сынъ Анія, *Андросъ*, на безучастіе котораго онъ жалуется, отдѣлившись отъ отца, занялъ островъ, которому и сообщилъ свое имя.

650 Delius augurium dedit huic. dedit altera Liber
Femineae stirpi voto maiora fideque
Munera. nam tactu natarum cuncta mearum
In segetem, laticemque meri, baccamque Minervae
Transformabantur, divesque erat usus in illis.
655 Hoc ubi cognovit Troiae populator Atrides,
Ne non ex aliqua vestram sensisse procellam
Nos quoque parte putes, armorum viribus usus
Abstrahit invitas gremio genitoris, alantque
Imperat Argolicam coelesti munere classem.
660 Effugiunt quo quaeque potest. Euboea duabus,
Et totidem natis Andros fraterna petita est.
Miles adest, et, ni dedantur, bella minatur.
Victa metu pietas consortia pectora poenae
Dedidit. et timido posses ignoscere fratri.
665 Non hic Aeneas, non, qui defenderet Andron,
Hector erat, per quos decimum durastis in annum.
Iamque parabantur captivis vincla lacertis:
Illae tollentes etiamnum libera coelo
Brachia: Bacche pater, fer opem! dixere. tulitque
670 Muneris auctor opem, si miro perdere more
Ferre vocatur opem. Nec qua ratione figuram
Perdiderint, potui scire, aut nunc dicere possum.
Summa mali nota est. pennas sumsere, tuaeque
Coniugis in volucres, niveas abiere columbas.
675 Talibus atque aliis postquam convivia dictis
Implerunt, mensa somnum petiere remota.
Cumque die surgunt adeuntque oracula Phoebi:
Qui petere antiquam matrem cognataque iussit
Litora. Prosequitur rex, et dat munus ituris,
680 Anchisae sceptrum, chlamydem pharetramque nepoti,
Crateram Aeneae, quam quondam miserat illi
Hospes ab Aoniis Therses Ismenius oris.

---

655 Когда Атридъ Агамемнонъ, узналъ о дарѣ Вакха дочерямъ Анія, въ силу котораго онѣ могли превращать въ съѣстные припасы все, къ чему ни прикасались, то силой заставилъ ихъ продовольствовать Греческій флотъ. 662 Войско Агамемнона угрожало войною царю Андросу, если онъ не выдастъ своихъ сестеръ и, испугавшись угрозы, онъ ихъ выдалъ. 670 *Чудомъ сгубить непонятнымъ* т. е. прев-

Даръ пророчества далъ ему Делій; дары же другіе
Женщинамъ Либеръ послалъ превыше желаній и вѣры.
Прикосновеньемъ моихъ дочерей всѣ предметы не медля
Въ жатву, въ соки вина и въ плодъ любимый Минервой
Превращались, и въ нихъ была обильная польза.
Какъ объ этомъ Атридъ, рушитель Трои, провѣдалъ,
Чтобъ ты не думалъ, что мы не вѣдали тоже отчасти
Вашей бури, увлекъ, вооруженною силой
Ихъ изъ объятій отца противъ воли, и имъ повелѣлъ онъ,
Даромъ небеснымъ своимъ довольствовать флотъ Арголійскій.
Разбѣжались онѣ кто куда. И двѣ на Эвбею,
А другіе двѣ дочери къ брату въ Андросъ убѣжали.
Войско пришло и войной, коль не выдадутъ ихъ, угрожаетъ.
Страхъ всю любовь побѣдилъ и сердца родимыя выдалъ
Подъ наказанье; ты бъ могъ простить боязливому брату.
Чтобы Андросъ защитить, у нихъ не сыскалось Энея
Или Гектора; вы десять лѣтъ при нихъ продержались.
Уже для плѣнныхъ ихъ рукъ приготовлены были оковы;
Тутъ поднявъ къ небесамъ дотолѣ свободныя длани:
Вакхъ—отецъ, ниспошли ты помощь! сказали; и помощь
Ихъ одарившій послалъ, коль чудомъ сгубить непонятнымъ,
Помощь зовется послать. Какимъ утратили родомъ
Видъ свой онѣ, я не могъ узнать и сказать не умѣю.
Горя извѣстенъ исходъ; онѣ съ полученіемъ крыльевъ
Въ птицъ супруги твоей обратилися, въ бѣлыхъ голубокъ".
  Разговоромъ такимъ и иными наполнивъ трапезу,
Только столы унесли, они ко сну удалились.
Вмѣстѣ со свѣтомъ встаютъ и идутъ къ оракулу Феба;
Къ старой матери тотъ идти и къ родимому брегу
Имъ повелѣлъ. Провожаетъ ихъ царь и даритъ уходящимъ
Скипетръ Анхизу, затѣмъ колчанъ и мантію внуку,
Чашу Энею еще, которую гость ему прежній
Терзій Исменецъ прислалъ давно съ Аонійскаго брега.

ратить. 674 *супруги твоей* — эмблематической птицей богини любви считались голуби, поэтому Венера ѣздитъ то на лебедяхъ, то на голубяхъ. 678 По обыкновенію темный смыслъ изреченія оракула объяснится впослѣдствіи. 680 *Внуку* Анхиза, Асканію. 682 *Исменецъ.... Аонійскій* (см. 3, 170 и 339).

Miserat hanc illi Therses, fabricaverat Alcon
Hyleus, et longo caelaverat argumento.
685 Urbs erat, et septem posses ostendere portas:
Hae pro nomine erant, et quae foret illa, docebant.
Ante urbem exequiae tumulique ignesque rogique
Effusaeque comas et apertae pectora matres
Significant luctum. Nymphae quoque flere videntur,
690 Siccatosque queri fontes. Sine frondibus arbor
Nuda riget; rodunt arentia saxa capellae.
Ecce facit mediis natas Orione Thebis,
Hanc non femineum iugulo dare vulnus aperto,
Illam demisso per fortia pectora telo,
695 Pro populo cecidisse suo, pulchrisque per urbem
Funeribus ferri, celebrique in parte cremari.
Tum de virginea geminos exire favilla,
Ne genus intereat, iuvenes, quos fama Coronas
Nominat, et cineri materno ducere pompam.
700 Hactenus antiquo signis fulgentibus aere,
Summus inaurato crater erat asper acantho.
Nec leviora datis Troiani dona remittunt,
Dantque sacerdoti custodem turis acerram,
Dant pateram claramque auro gemmisque coronam.

GALATEA ET ACIS.

705 Inde recordati Teucros a sanguine Teucri
Ducere principium, Creton tenuere. Iocique
Ferre diu nequiere Iovem, centumque relictis

---

683 *Алконъ* — въ позднѣйшія времена былъ знаменитымъ именемъ по чеканной работѣ. Мила или Милы было именемъ двухъ городовъ, одного въ Ѳессаліи, а другаго въ Сициліи. 686 *Имя они замѣнивъ* — указывали на семивратныя Ѳивы въ Беотіи. 692 *Дочерей Оріона* (см. 8, 207). Вопрошенный по случаю чумы оракулъ возвѣстилъ, что гнѣвъ боговъ можетъ быть утоленъ только жертвоприношеніемъ двухъ дѣвицъ; и ради общаго блага пожертвовали собою двѣ дочери Оріона, Мениппа и Метіоха, изъ которыхъ одна была представлена на сосудѣ, какъ она подставляетъ подъ жертвенный ножъ свою обнаженную грудь, а другую уже съ вонзеннымъ въ нее ножемъ. 698 Близнецы названы *Коронами* въ честь славныхъ своихъ матерей;

Терзій его посылалъ, Альконъ же Милеецъ работалъ
И изваянье на немъ пространнымъ снабдилъ содержаньемъ.
Городъ тутъ былъ и на немъ ты семь бы воротъ указать могъ:
Имя они замѣнивъ, какой это городъ, вѣщали.
Похороны предъ стѣной и огни и костры и могилы,
Матери, грудь обнаживъ и свои волоса распустивши,
Изображаютъ печаль. И нимфы видимо плачутъ,
Жаль имъ изсохшихъ ключей. Торчитъ безъ листьевъ сухое
Дерево. Козы грызутъ обгорѣлые вовсе каменья.
Вотъ изваялъ посреди онъ Ѳивъ дочерей Оріона,
Эту не женски свою поставляющей шею подъ рану,
Ту съ вонзеннымъ уже въ отважную грудь ей желѣзомъ
За родимый народъ погибшей, и пышно чрезъ городъ
Въ похоронахъ проносимой и сожигаемой славно.
Тутъ, какъ изъ праха дѣвичьяго, чтобы ихъ родъ не погибнулъ,
Близнецы изошли, въ народѣ имъ имя Короны.
И они во главѣ похоронъ материнскаго праха.
Хоть дотуда чеканъ блисталъ старинною мѣдью,
Чаши вздувались края своимъ золоченымъ аканѳомъ.
Но не безцѣннѣй и имъ дары возвращаютъ Трояцы,
Ящикъ, чтобъ ладонъ хранить, они жрецу оставляютъ,
Чашу даютъ и вѣнецъ, блестящій камнями и златомъ.

ГАЛАТЕЯ И АЦИСЪ.

Вспомнивъ, что Тевкры свой родъ отъ Тевкровой крови выводятъ,
Въ Критъ оттуда они отправились; но не стерпѣли
На долго мѣстныхъ небесъ и, сто городовъ покидая,

ясно, что все это не могло помѣщаться на одной картинѣ, а покрывало сосудъ различными эпизодами. 700 Другими словами, до самыхъ краевъ вся чаша съ своими изображеніями была мѣдная, но выпуклые края ея завивались любимыми въ пластическихъ искусствахъ листьями аканѳа, къ тому же вызолоченными. 705 *Вспомнивъ* т. е. относя изреченіе оракула къ острову Криту, они отправились туда; такъ какъ Тевкръ (но не упоминаемый выше 157 сынъ Теламона) одинъ изъ древнѣйшихъ предковъ Троянскаго царскаго дома, по случаю голода выселился изъ Крита и, прибывши во Фригію, сталъ либо тестемъ, либо зятемъ Дардана (см. выше 335). По немъ Троянцы назывались также Тевкрами, напр., ниже 728. 707 *сто городовъ* (см. 7, 481).

Urbibus Ausonios optant contingere portus.
Saevit hiems, iactatque viros: Strophadumque receptos
710 Portubus infidis exterruit ales Aello.
Et iam Dulichios portus, Ithacamque, Samonque,
Neritiasque domos, regnum fallacis Ulixis,
Praeter erant vecti. certatam lite deorum
Ambraciam, versique vident sub imagine saxum
715 Iudicis, Actiaco quae nunc ab Apolline nota est,
Vocalemque sua terram Dodonida quercu,
Chaoniosque sinus, ubi nati rege Molosso
Impia subiectis fugere incendia pennis.
Proxima Phaeacum felicibus obsita pomis
720 Rura petunt. Epiros ab his, regnataque vati
Buthrotos Phrygio, simulataque Troia tenetur.
Inde futurorum certi, quae cuncta fideli
Priamides Helenus monitu praedixerat, intrant
Sicaniam. Tribus haec excurrit in aequora linguis:
725 E quibus imbriferos est versa Pachynos ad austros,
Mollibus expositum zephyris Lilybaeon, ad Arctos
Aequoris expertes spectat boreamque Peloros.
Hac subeunt Teucri, et remis aestuque secundo
Sub noctem potitur Zanclaea classis arena.
730 Scylla latus dextrum, laevum irrequieta Charybdis
Infestant. Vorat haec raptas revomitque carinas:
Illa feris atram canibus succingitur alvum,
Virginis ora gerens, et, si non omnia vates

---

708 На этотъ разъ оракулъ направилъ ихъ въ Авзонію т. е. въ Италію, получившую это названіе по южнымъ своимъ обитателямъ, Авзонамъ. 710 *Строфады*— были два на западномъ берегу Пелопонеса лежащихъ острова, куда Цетъ и Калай прогнали Гарпій, изъ которыхъ одна Аэлло, стоящая здѣсь вообще вмѣсто Гарпій, своими пріемами, описанными въ 7, 3, прогоняла пришельцевъ, почему самые Строфады названы *непривѣтными*. 712 *Неритъ* является здѣсь, какъ и у Виргилія, отдѣльнымъ островомъ, тогда какъ это только гора на островѣ Итакѣ. 713 *Амбрація* — городъ въ южномъ Эпирѣ, за обладаніе которымъ спорили нѣкогда Аполлонъ, Діана и Геркулесъ. Пастухъ Крагалей, почтенный по своему уму и справедливости, былъ избранъ судьею. Онъ рѣшилъ въ пользу Геркулеса и былъ за это превращенъ раздраженнымъ Аполлономъ въ скалу. 715 На близь лежащемъ Акціумскомъ мысѣ Августъ построилъ Аполлону въ память своей побѣды надъ Антоніемъ и Клеопатрой великолѣпный храмъ, близь котораго каждыя пять лѣтъ происходили торжественныя игры;

Захотѣли затѣмъ Авзонскихъ портовъ достигнуть.
Буря реветъ и мужей швыряетъ; а принятыхъ портомъ
Непривѣтныхъ Строфадъ прогнала ихъ птица Аэлла.
Уже Дулихія портъ они и Самосъ и Итаку
И Нерита дома, Улисса коварнаго царство
Проминовали; Амбрацію, спорную между богами,
Видятъ и камень, что ликъ судьи сохранилъ превращенный,
Славится нынѣ она своимъ Аполлономъ Актейскимъ,
И Додоны страну съ ея прорицающимъ дубомъ
И Хаонійскій заливъ, гдѣ царскія дѣти Молосса
Изъ пожара преступнаго, крылья пріявши, умчались.
Близъ Феакійскихъ полей, плодами роскошными пышныхъ,
Тоже проплыли они и Эпира достигли съ Бутротомъ,
Гдѣ Фригійскій пророкъ въ обновленной царствовалъ Троѣ.
Уже оттуда, увѣрены въ будущемъ, какъ несомнѣнно
Все Пріамидъ имъ Еленъ предсказалъ, въ Сиканію прямо
Входятъ они. Тремя языками бѣжитъ она въ море:
Обратился изъ нихъ Пахинъ къ дождливому югу,
Мягкимъ зефирамъ открытъ Лилибей, а къ Арктуру,
Чуждому волнъ, обращенъ Пелоръ и глядитъ на Борея.
Тевкры на веслахъ идутъ на него и съ попутнымъ теченьемъ,
И Занклейскихъ песковъ ихъ флотъ достигаетъ подъ вечеръ.
Сцилла справа грозитъ, Харибда безсонная слѣва,
Эта, схвативъ корабли, глотаетъ и вновь извергаетъ;
Та же, свой гнусный животъ опоясавъ свирѣпыми псами,
Дѣвы обликъ хранитъ, и если не все сочинили

такъ что поэтъ имѣлъ право сказать, что Амбрація славится своимъ Аполлономъ Актейскимъ. 716 *Додоны* (см. 7, 623). 717 Въ *Хаонійской* странѣ у царя Молоссовъ, Муниха, было много дѣтей. Однажды, при нападеніи разбойниковъ, они спаслись всѣ въ башнѣ, но когда разбойники подожгли и послѣднюю, боги превратили ихъ всѣхъ въ птицъ и они улетѣли. 719 *Близъ Феакійскихъ полей.* Феаки, обитатели острова Схеріи (позднѣе Корциры, нынѣшняго Корфу). Гомеръ восхваляетъ тамъ дивные сады царя Алкиноя. 720 *Бутротъ* — приморскій городъ въ Эпирѣ. 721 Здѣсь царствовалъ Троянскій прорицатель Еленъ, доставшійся по жребію Пирру (см. выше 155—157), который изъ благодарности за пользу, доставленную его предвѣдѣніемъ, утвердилъ его своимъ наслѣдникомъ, а тотъ старался устроить новую Трою. 723 Сиканію (см. 5, 464). 725 *Дождливому югу* (см. 5, 285). 729 *Занкла*, позднѣе прибывшими Мессенцами названная Мессаною, теперешняя Мессина (см. 6, 417). 730 *Сцилла.... Харибда* (см. 7, 63).

Ficta reliquerunt, aliquo quoque tempore virgo.
Hanc multi petiere proci. quibus illa repulsis
Ad pelagi nymphas, pelagi gratissima nymphis,
Ibat, et elusos iuvenum narrabat amores.
Cui dum pectendos praebet Galatea capillos,
Talibus alloquitur, repetens suspiria, dictis:
Te tamen, o virgo, genus haud immite virorum
Expetit. utque facis, potes his impune negare.
At mihi, cui pater est Nereus, quam caerula Doris
Enixa est, quae sum turba quoque tuta sororum,
Non nisi per luctus licuit Cyclopis amorem
Effugere. et lacrimae vocem impediere loquentis.
Quas ubi marmoreo detersit pollice virgo,
Et solata deam est: Refer, o carissima, dixit,
Neve tui causam tege... sum tibi fida... doloris.
Nereis his contra resecuta Crataeide natam est:
   Acis erat Fauno nymphaque Symaethide cretus,
Magna quidem patrisque sui matrisque voluptas,
Nostra tamen maior. nam me sibi iunxerat uni
Pulcher, et octonis iterum natalibus actis
Signarat dubia teneras lanugine malas.
Hunc ego, me Cyclops nulla cum fine petebat:
Nec, si quaesieris, odium Cyclopis, amorne
Acidis in nobis fuerit praesentior, edam:
Par utrumque fuit. Pro quanta potentia regni
Est, Venus alma, tui! nempe ille immitis et ipsis
Horrendus silvis, et visus ab hospite nullo
Impune, et magni cum dis contemtor Olympi,
Quid sit amor, sentit, nostrique cupidine captus
Uritur, oblitus pecorum antrorumque suorum.
Iamque tibi formae, iamque est tibi cura placendi,
Iam rigidos pectis rastris, Polypheme, capillos:
Iam libet hirsutam tibi falce recidere barbam

---

742 *Лазурной Доридой* (см. 2, 11 и 3, 342). 746 *Пальцемъ дѣва отерла* (см. 9, 395). 749 *Сцилла*, по мнѣнію нѣкоторыхъ, была дочерью Форка (см. 4, 774), и нимфы Кратеиды. 750 Когда рѣчь идетъ о Фавнѣ (см. 4, 25), то подразумѣвается или древне Италійскій богъ полей и лѣсовъ, чаще же Греческій богъ пасту-

Намъ пѣвцы, то была она дѣвою точно когда то.
Много искали ее жениховъ, но она ихъ отвергнувъ,
Къ нимфамъ моря пошла, морскимъ полюбившися нимфамъ,
И про юношей имъ, проведенныхъ въ любви, разсказала.
Ей Галатея, пока волоса чесать отдавала,
Стала такія слова говорить, нерѣдко вздыхая:
„Все же, о дѣва, тебя не свирѣпаго рода мущины
Ищутъ, и можешь ты имъ, какъ нынѣ, отказывать смѣло.
Мнѣ же, рожденной отцу Нерею лазурной Доридой,
Мнѣ, что даже толпой сестеръ безопасно хранима,
Кромѣ плача ничѣмъ любви избѣгнуть Циклопа
Было нельзя“; и отъ слезъ задержались слова говорившей.
Только что ихъ бѣломраморнымъ пальцемъ дѣва отерла,
Стала богиню она утѣшать, говоря: „Дорогая,
Сказывай и не скрывай,—я вѣрна,—мнѣ причину печали“.
Нереида на то Кратеидой рожденной сказала:
„Ацизъ отъ Фавна отца Симетидою нимфой рожденный,
И родителю былъ и матери сладкой утѣхой,
Но еще болѣе мнѣ; потому что красавецъ одну лишь
Выбралъ меня, и ему въ шестнадцать лѣтъ отъ рожденья
Очень сомнительный пухъ осѣнялъ впервые ланиты.
Я стремилась къ нему, а ко мнѣ Циклопъ безпредѣльно.
Если ты спросишь, сильнѣй ли во мнѣ отвращенье къ Циклопу
Было, иль къ Ацису страсть, тебѣ я сказать не съумѣю:
Были обѣ равны. Насколько могущество властно,
Мать Венера, твое! Вѣдь этотъ свирѣпый и страшный
Самымъ лѣсамъ и пришельцу каждому грозный при встрѣчѣ,
Тотъ, что высокій Олимпъ презираетъ со всѣми богами,
Чувствуетъ силу любви и ко мнѣ пылаетъ желаньемъ,
Забывая совсѣмъ свои стада и пещеры.
Вотъ уже внѣшностью ты озабоченъ и нравиться хочешь,
Уже граблями ты, Полифемъ, свои волосы чешешь;
Уже косматую радъ ты бороду выстричь косою,

ховъ *Панъ*, который въ Римской миѳологіи сливается съ Фавномъ. — Нимфа *Симетида* — дочь Сицилійскаго потока Симета. 765 Только желѣзными граблями, а не гребнемъ, можно было расчесывать волосы Полифема, равно какъ для его бороды недостаточно было бритвы.

Et spectare feros in aqua et componere vultus.
Caedis amor feritasque sitisque immensa cruoris
Cessant, et tutae veniuntque abeuntque carinae.
Telemus interea Siculam delatus ad Aetnen,
Telemus Eurymides, quem nulla fefellerat ales,
Terribilem Polyphemon adit, Lumenque, quod unum
Fronte geris media, rapiet tibi, dixit, Ulixes.
Risit, et: O vatum stolidissime, falleris, inquit:
Altera iam rapuit. Sic frustra vera monentem
Spernit, et aut gradiens ingenti litora passu
Degravat, aut fessus sub opaca revertitur antra.
Prominet in pontum cuneatus acumine longo
Collis; utrumque latus circumfluit aequoris unda.
Huc ferus ascendit Cyclops mediusque resedit.
Lanigerae pecudes, nullo ducente, secutae.
Cui postquam pinus, baculi quae praebuit usum,
Ante pedes posita est, antennis apta ferendis,
Sumtaque arundinibus compacta est fistula centum,
Senserunt toti pastoria sibila montes,
Senserunt undae. Latitans ego rupe meique
Acidis in gremio residens, procul auribus hausi
Talia dicta meis, auditaque mente notavi:
Candidior folio nivei, Galatea, ligustri,
Floridior pratis, longa procerior alno,
Splendidior vitro, tenero lascivior haedo,
Levior assiduo detritis aequore conchis,
Solibus hibernis, aestiva gratior umbra,
Nobilior palma, platano conspectior alta,
Lucidior glacie, matura dulcior uva,
Mollior et cygni plumis et lacte coacto,
Et, si non fugias, riguo formosior horto:
Saevior indomitis eadem Galatea iuvencis,
Durior annosa quercu, fallacior undis,

---

770 Сынъ Эврима *Телемъ* былъ знаменитый Авгуръ. Авгуры, главнымъ образомъ судили о будущемъ по полету птицъ и, конечно, наилучшимъ былъ тотъ, который никогда не былъ обманутъ птичьимъ полетомъ. 773 Улиссъ въ странствіяхъ своихъ попалъ и въ Сицилію и въ пещеру Циклопа; но когда дикарь Полифемъ поѣлъ часть его спутниковъ, Улиссъ напоилъ его и во время сна выкололъ ему единственный глазъ

И смотрѣться въ водѣ и ликъ укрощать свой свирѣпый.
Страсть къ убійству прошла и лютость и страшная жажда
Крови, и мирно уже корабли идутъ и уходятъ.
770 Между тѣмъ и Телемъ къ Сицилійской Этнѣ заброшенъ,
Тотъ Телемъ Эвримидъ, что обманутымъ птицею не былъ,
Подойдя къ Полифему ужасному молвилъ: „тотъ глазъ твой,
Что во лбу у тебя одинъ, будетъ отнятъ Улиссомъ“.
Тотъ, засмѣявшись, сказалъ: „О глупый пророкъ, ты ошибся,
775 Онъ уже отнятъ другой“. Такъ правду вѣщавшаго тщетно
Онъ отвергъ, и затѣмъ иль тяжкой стопой потрясаетъ
Берегъ, или, утомлясь, возвращается въ сумракъ пещеры.
Въ море выдался холмъ вершиною клинообразной;
Онъ съ обѣихъ сторонъ волной омываемъ морскою.
780 На него то Циклопъ взошелъ и сѣлъ на срединѣ.
Слѣдомъ за нимъ руноносное, безъ провожатаго, стадо.
Послѣ того, какъ сосну, что палку ему замѣняла,
Онъ къ ногамъ положилъ, ей реи держать только въ пору,
Да взялся за свирѣль, гдѣ подобрана сотня тростинокъ,
785 Горы немедленно всѣ пастушескій свистъ услыхали,
Слушали волны его. Въ скалѣ укрываясь и сидя
На колѣняхъ Ациса, внимала я собственнымъ слухомъ
Рѣчи такія, и все, что слышала, я удержала:
„Ты, Галатея, бѣлѣй лепестковъ бѣлоснѣжной крушины,
790 Ты цвѣтистѣй луговъ, ольхи величавой стройнѣе,
Ты свѣтлѣе стекла, игривѣй малютки козленка,
Глаже раковинъ всѣхъ, округляемыхъ вѣчно волною,
Зимняго солнца милѣй и тѣни отраднѣе лѣтней,
Ты благороднѣе пальмы, прекраснѣе видомъ платана,
795 Ты блистательнѣй льда и слаще созрѣвшаго грозда,
Пуха лебяжьяго ты и свѣжаго творога мягче,
И не бѣги ты, была бъ орошеннаго сада ты краше.
Та жь Галатея затѣмъ гораздо строптивѣй телицы,
Тверже чѣмъ дубъ вѣковой, обманчивѣй даже чѣмъ волны,

и такимъ образомъ спасся. 775 *Онъ уже отнятъ другой*—на языкѣ любви у Римлянъ глазъ былъ то же, что у насъ сердце. Полифемъ хочетъ сказать, что уже глазъ его похищенъ Галатеей. 783 *Реи держать*, такъ какъ она не палка, а цѣлая мачта. 797 *Орошеннаго сада* (см. 8, 649).

800 Lentior et salicis virgis et vitibus albis,
His immobilior scopulis, violentior amne,
Laudato pavone superbior, acrior igni,
Asperior tribulis, feta truculentior ursa,
Surdior aequoribus, calcato immitior hydro,
805 Et, quod praecipue vellem tibi demere possem,
Non tantum cervo claris latratibus acto,
Verum etiam ventis volucrique fugacior aura!
At, bene si noris, pigeat fugisse, morasque
Ipsa tuas damnes, et me retinere labores.
810 Sunt mihi, pars montis, vivo pendentia saxo
Antra, quibus nec sol medio sentitur in aestu,
Nec sentitur hiems. sunt poma gravantia ramos:
Sunt auro similes longis in vitibus uvae:
Sunt et purpureae. tibi et has servamus, et illas.
815 Ipsa tuis manibus silvestri nata sub umbra
Mollia fraga leges, ipsa autumnalia corna,
Prunaque, non solum nigro liventia succo,
Verum etiam generosa novasque imitantia ceras.
Nec tibi castaneae me coniuge, nec tibi deerunt
820 Arbutei fetus. omnis tibi serviet arbos.
Hoc pecus omne meum est. multae quoque vallibus errant,
Multas silva tegit, multae stabulantur in antris.
Nec, si forte roges, possim tibi dicere, quot sint.
Pauperis est numerare pecus. De laudibus harum
825 Nil mihi credideris. praesens potes ipsa videre,
Ut vix circumeant distentum cruribus uber.
Sunt, fetura minor, tepidis in ovilibus agni:
Sunt quoque, par aetas, aliis in ovilibus haedi.
Lac mihi semper adest niveum. Pars inde bibenda
830 Servatur, partem liquefacta coagula durant.
Nec tibi deliciae faciles vulgataque tantum
Munera contingent, damae, leporesque, caperque,
Parve columbarum, demtusve cacumine nidus:
Inveni geminos, qui tecum ludere possint,

---

818 *Желтымъ цвѣтомъ*, напоминающимъ воскъ.

Гибче ты ивовыхъ лозъ и плетей съ виноградомъ бѣлесымъ,
Неподвижнѣй тѣхъ скалъ и много неистовѣй рѣчки,
Пуще павлина горда хваленаго, пламени злобнѣй,
Тернія пуще колка́, сердитѣй медвѣдицы щенной,
Пуще пучины глуха, лютѣй растоптанной гидры;
И, что мнѣ бъ у тебя отнять наипаче хотѣлось,
Ты не лани уже, испуганной лаемъ звенящимъ,
Самаго вѣтра быстрѣй и легкихъ его дуновеній!
Но, еслибъ знала меня, то не стала бъ бѣжать; и сама бы
Свой осудила отпоръ, и меня удержать бы старалась.
Есть пещеры въ горахъ у меня, висящія въ цѣльномъ
Камнѣ, въ которыхъ ни въ зной не будешь ты чувствовать солнца,
Ни суровой зимы; плоды есть, гнетущіе сучья;
Есть на лозахъ витыхъ, подобные золоту, грозды,
Также пурпурные есть; сохраню тебѣ тѣ и другіе.
Ты руками сама, рожденной подъ тѣнью лѣсною,
Земляники сорвешь, а также осеннихъ черешенъ,
Сливъ, да не только однѣхъ, что синѣютъ отъ чернаго соку,
А благородныхъ къ тому жъ на подобіе свѣжаго воску.
Будетъ вдоволь, за мной, у тебя каштановъ и также
Вишенъ. Будетъ къ твоимъ услугамъ всякое древо.
Всѣ эти овцы мои; премногія бродятъ въ долинахъ,
Многихъ скрываютъ лѣса и много въ пещерахъ на стойлѣ.
Ежели спросишь меня число ихъ, сказать не умѣю.
Бѣдный считаетъ свой скотъ. Хваламъ касательно этихъ
Мнѣ ты нимало не вѣрь; воочію можешь увидѣть,
Какъ ногою едва онѣ полное вымя обходятъ.
Есть и младшій приплодъ, по теплымъ овчарнямъ ягнята.
Роста такаго же есть козлята въ другихъ лишь овчарняхъ.
Бѣлоснѣжное вѣкъ у меня молоко. И на пойло
Часть сберегаю, а часть, затворожена, послѣ твердѣетъ.
Но не мелкія лишь утѣхи тебя ожидаютъ,
И не простые дары, а лани и зайцы и козы,
Пара еще голубей иль гнѣздо съ вершины древесной.
Двойню я тоже нашелъ, съ тобой поиграть она можетъ.

Inter se similes, vix ut dignoscere possis,
Villosae catulos in summis montibus ursae:
Inveni et dixi: Dominae servabimus istos.
Iam modo caeruleo nitidum caput exsere ponto,
Iam, Galatea, veni, nec munera despice nostra.
Certe ego me novi, liquidaeque in imagine vidi
Nuper aquae, placuitque mihi mea forma videnti.
Aspice, sim quantus. Non est hoc corpore maior
Iupiter in coelo. nam vos narrare soletis
Nescio quem regnare Iovem. Coma plurima torvos
Prominet in vultus, humerosque, ut lucus, obumbrat.
Nec mea quod duris horrent densissima setis
Corpora, turpe puta. Turpis sine frontibus arbor:
Turpis equus, nisi colla iubae flaventia velent.
Pluma tegit volucres, ovibus sua lana decori est.
Barba viros hirtaeque decent in corpore setae.
Unum est in media lumen mihi fronte, sed instar
Ingentis clipei. Quid? non haec omnia magno
Sol videt e coelo? Solis tamen unicus orbis.
Adde, quod in vestro genitor meus aequore regnat.
Hunc tibi do socerum. Tantum miserere precesque
Supplicis exaudi. tibi enim succumbimus uni.
Quique Iovem et coelum sperno et penetrabile fulmen,
Nerei, te vereor. tua fulmine saevior ira est.
Atque ego contemtus essem patientior huius,
Si fugeres omnes. Sed cur Cyclope repulso
Acin amas, praefersque meis amplexibus Acin?
Ille tamen placeatque sibi, placeatque licebit,
Quod nollem, Galatea, tibi; modo copia detur,
Sentiet esse mihi tanto pro corpore vires.
Viscera viva traham, divulsaque membra per agros,
Perque tuas spargam... sic se tibi misceat!... undas.
Uror enim, laesusque exaestuat acrius ignis:
Cumque suis videor translatam viribus Aetnam
Pectore ferre meo. nec tu, Galatea, moveris.
Talia nequicquam questus... nam cuncta videbam...
Surgit, et ut taurus vacca furibundus ademta,

Такъ сходны межъ собой, что еле ихъ различаешь,
Отъ косматой медвѣдицы съ горныхъ вершинъ два дѣтенка.
Я ихъ нашелъ и сказалъ: Для милой своей сберегу ихъ.
Лишь прелестную выставь головку изъ синяго моря,
Лишь, Галатея, приди, не брезгай моими дарами.
Знаю себя хорошо, недавно свой ликъ увидалъ я
Въ ясной водѣ; и своимъ я видомъ остался доволенъ.
Глянь, каковъ я собой. Не больше вѣдь этого тѣла
Даже Зевесъ въ небесахъ; вѣдь вы говорите обычно,
Что какой то царитъ Зевесъ. Волоса налѣзаютъ
Густо на строгій мой ликъ и плечи, какъ лѣсъ, отѣняютъ.
И того, что торчитъ на тѣлѣ моемъ такъ щетина,
Ты дурнымъ не сочти. Безобразны безъ листьевъ деревья,
Безобразенъ и конь, коль гривы на свѣтлой нѣтъ шеѣ.
Перья одеждою птицъ, овцѣ ея шерсть украшенье,
А мущинамъ идетъ борода и на тѣлѣ щетина.
Глазъ одинъ у меня по срединѣ лба, только вродѣ
Онъ большаго щита. Но что жь? Иль съ вышняго неба
Солнце не видитъ всего? А кругъ то у солнца единый.
Ты прибавь, что у васъ родитель мой царствуетъ въ морѣ,
Дамъ его свекромъ тебѣ. Ты только сжалься, и просьбамъ
Внемли нижайшимъ моимъ; тебѣ лишь одной покоряюсь.
Я, презирающій Зевса и небо и молній удары,
Чту, Нереида, тебя; твой гнѣвъ мнѣ ужаснѣе молній.
Но и отверженный я, на все бы былъ терпѣливѣй,
Еслибъ бѣжала ты всѣхъ. Зачѣмъ же, отвергнувъ Циклопа,
Ациса любишь, его моимъ предпочла ты объятьямъ?
Пусть себѣ онъ и милъ, пусть будетъ, чего бъ не хотѣлъ я,
Милъ, Галатея, тебѣ, но только бы волю мнѣ дали!
Онъ бы почувствовалъ всѣ тѣ силы, что въ тѣлѣ подобномъ.
Заживо вырву кишки и, члены порвавъ, по полямъ ихъ
И по твоимъ размечу волнамъ... такъ смѣсись онъ съ тобою!...
Весь я горю, и бушуетъ сильнѣй раздраженное пламя,
Кажется мнѣ, что ношу я Этны перенесенной
Силы въ груди; а тебя, Галатея, не трогаетъ это“.
Такъ вотще простонавъ, онъ всталъ... я все увидала...
И какъ быкъ, раздраженный тѣмъ, что отняли корову,

Stare nequit, silvaque et notis saltibus errat:
Cum ferus ignaros, nec quicquam tale timentes
Me videt atque Acin, Videoque exclamat, et ista
Ultima sit, faciam, Veneris concordia vestrae.
Tantaque vox, quantam Cyclops iratus habere
Debuit, illa fuit. Clamore perhorruit Aetne.
Ast ego vicino pavefacta sub aequore mergor.
Terga fugae dederat conversa Symaethius heros,
Et: Fer opem, Galatea, precor, mihi! ferte parentes,
Dixerat, et vestris periturum admittite regnis.
Insequitur Cyclops, partemque e monte revulsam
Mittit. et extremus quamvis pervenit ad illum
Angulus is montis, totum tamen obruit Acin.
At nos, quod fieri solum per fata licebat,
Fecimus, ut vires assumeret Acis avitas.
Puniceus de mole cruor manabat, et intra
Temporis exiguum rubor evanescere coepit:
Fitque color primo turbati fluminis imbre,
Purgaturque mora. Tum moles fracta dehiscit,
Vivaque per rimas proceraque surgit arundo:
Osque cavum saxi sonat exsultantibus undis:
Miraque res, subito media tenus exstitit alvo
Incinctus iuvenis flexis nova cornua cannis,
Qui, nisi quod maior, quod toto caerulus ore,
Acis erat, sed sic quoque erat tamen Acis, in amnem
Versus. et antiquum tenuerunt flumina nomen.

GIAUCUS.

Desierat Galatea loqui. coetuque soluto
Discedunt, placidisque natant Nereides undis:
Scylla redit. neque enim medio se credere ponto
Audet. et aut bibula sine vestibus errat arena,
Aut, ubi lassata est, seductos nacta recessus
Gurgitis, inclusa sua membra refrigerat unda.

---

879 *Герой Симитійскій* — Ацисъ (см. выше 750). 894 *Рога молодые* — свойственные богамъ потоковъ. 895 *Рослый* (см. 4, 450).—*все лице голубое* (см. 9, 32).

Не устоялъ, и пошелъ онъ бродить по лѣсамъ и ущельямъ.
Какъ сердитый онъ насъ, врасплохъ и не вѣдавшихъ страха,
Съ Ацисомъ вдругъ увидалъ: „Я вижу, воскликнулъ, и будетъ
875 Это, я сдѣлаю, вамъ послѣдней отрадой любовной“.
Голосъ, какому и быть надлежитъ у Циклопа при гнѣвѣ,
Былъ притомъ у него. Отъ возгласа дрогнула Этна.
Я же, испуга полна, по близости въ море нырнула.
Тылъ обратя, уходить пустился герой Симетійскій
880 И: „Помоги, возопилъ, Галатея, ты мнѣ! Помогите
Мнѣ, родители, взявъ въ свое царство меня отъ напасти“.
Слѣдомъ несется Циклопъ и швырнулъ, отъ горы оторвавши
Часть и, хотя лишь концемъ та груда крайнимъ достала
До него, но всего она Ациса тутъ завалила.
885 Мы же только одно, что дѣлать было возможно,
Сдѣлали, чтобы набралъ наслѣдственной силы нашъ Ацисъ.
Кровь изъ камня текла пурпурная, и не въ далекомъ
Времени стала у ней краснота пропадать понемногу:
Цвѣтъ сначала пошелъ какъ въ рѣчкѣ дождемъ возмущенной,
890 Но затѣмъ посвѣтлѣлъ. Тутъ камень разинулся, треснувъ,
А изъ трещинъ тростникъ зеленый и стройный поднялся,
И изъ каменныхъ устъ зазвенѣли бѣгущія волны.
Чудное дѣло, изъ нихъ по самый поясъ возникнулъ
Юноша, всѣ тростникомъ рога молодые увившій,
895 И одно, что рослѣй и все лице голубое,
Ацисъ какъ есть, но хотя онъ Ацисъ, все таки въ рѣчку
Онъ превращенъ; и рѣка сохранила древнее имя.

ГЛАВКЪ.

Кончила рѣчи свои Галатея, прервавши собранье,
Всѣ разошлись, и плывутъ по тихимъ волнамъ Нереиды;
900 Сцилла вернулась; она открытому морю ввѣряться
Не дерзаетъ, и то вдоль влажныхъ песковъ безъ одежды
Бродитъ, не то, утомясь и скрытный заливъ отыскавши
Моря, члены свои, погружая, въ волнахъ освѣжаетъ,

---

900 *Открытому морю.* Сцилла, будучи земною или рѣчною нимфой, не дерзаетъ пускаться въ открытое море.

Ecce fretum scindens alti novus incola ponti,
Nuper in Euboica versis Anthedone membris,
Glaucus adest, visaeque cupidine virginis ardet:
Et quaecunque putat fugientem posse morari,
Verba refert. Fugit illa tamen, veloxque timore
Pervenit in summum positi prope litora montis.
Ante fretum est ingens, apicem collectus in unum,
Longa sub arboribus convexus ad aequora vertex.
Constitit hic. et tuta loco, monstrumne, deusne
Ille sit, ignorans, admiraturque colorem,
Caesariemque humeros subiectaque terga tegentem,
Ultimaque excipiat quod tortilis inguina piscis.
Sensit. et innitens, quae stabat proxima, moli:
Non ego prodigium, nec sum fera bellua, virgo,
Sed deus, inquit, aquae. nec maius in aequora Proteus
Ius habet et Triton Athamantiadesque Palaemon.
Ante tamen mortalis eram. sed scilicet altis
Deditus aequoribus, tantum exercebar in illis.
Nam modo ducebam ducentia retia pisces,
Nunc in mole sedens moderabar arundine linum.
Sunt viridi prato confinia litora, quorum
Altera pars undis, pars altera cingitur herbis:
Quas neque cornigerae morsu laesere iuvencae,
Nec placidae carpsistis oves, hirtaeve capellae.
Non apis inde tulit collectos sedula flores,
Non data sunt capiti genialia serta, neque unquam
Falciferae secuere manus. Ego primus in illo
Caespite consedi, dum lina madentia sicco.
Utque recenserem captivos ordine pisces,
Insuper exposui, quos aut in retia casus,
Aut sua credulitas in aduncos egerat hamos.
Res similis fictae. sed quid mihi fingere prodest?

---

904 Haupt, Riese и Merkel имѣютъ: Ecce freto stridens. Heinsius и старые, имъ руководствующіеся, издатели: Ecce fretum findens. Оба чтенія намъ кажутся неудовлетворительными по смыслу, и поэтому мы предпочли: Ecce fretum scindens, хотя оно встрѣчается только въ одномъ мало извѣстномъ Дрезденскомъ спискѣ (A), разработанномъ Lindemann, для его, впрочемъ справедливо, мало цѣнимаго, изданія 1856; это чтеніе принято также Lörs, — безъ указанія источника. 905 *Въ Антедонѣ* (см. 7, 232).

Вотъ, прорѣзавъ заливъ, пучины житель недавній,
Въ Антедонѣ Евбейскомъ, только на дняхъ превращенный,
Главкъ передъ ней, и горитъ при видѣ дѣвицы желаньемъ;
И все то говоритъ, чѣмъ думаетъ, можно замедлить
Бѣгство ея. Но она все жь бѣжитъ, и со страху проворна,
До вершины горы добралась, близъ моря стоящей.
Передъ моремъ стоитъ, собравшись въ одну оконечность,
Съ сѣнью древесной утесъ, и виснетъ надъ длиннымъ проливомъ.
Тутъ она стала; а все и на мѣстѣ надежномъ не знаетъ,
Чудище это иль богъ, и цвѣту его лишь дивится,
И его волосамъ, покрывающимъ плечи и спину,
Да что тѣло его кончается вьющейся рыбой.
Тотъ замѣтилъ; и самъ, опершись на камень ближайшій:
„Я не чудовище, и не звѣрь я свирѣпый, о дѣва,
Богъ я морской, онъ сказалъ, и не съ большею властью въ пучинѣ
Ни Протей, ни Тритонъ, ни сынъ Атаманта Палемонъ.
Прежде смертнымъ я былъ; но точно глубокому морю
Преданный, уже тогда я много надъ нимъ потрудился.
То я сѣти тянулъ и ими вытаскивалъ рыбу,
То, на камнѣ засѣвъ, водилъ тростинкою лесу.
Лугъ зеленый примкнулъ къ берегамъ, которые частью
Скрыты водою, а часть опоясана травами пышно:
Ни рогатыя ихъ не портятъ, хватая, коровы,
Ни благодушно не рветъ овца, ни косматыя козы,
Ни сбираетъ съ цвѣтовъ никогда тамъ прилежная пчелка,
Для головы никогда вѣнковъ тамъ не вьютъ, и косою
Ихъ не срѣзала рука. Разсѣлся я первый на этомъ
Дернѣ, покуда сушилъ свои намокшія сѣти.
И, чтобы пойманныхъ рыбъ я могъ разсмотрѣть по порядку,
Я ихъ выложилъ вонъ какъ тѣхъ, что попалися въ сѣти,
Такъ и тѣхъ, что къ крючку довѣрчивость ихъ приманила.
Выдумкой можно бы счесть; но что жь мнѣ выдумывать проку?

---

906 *Главкъ*—кто онъ такой, онъ ниже разсказываетъ самъ въ 920. 911 Haupt и Merkel имѣютъ longus ab aequoribus, хотя самъ Haupt признаетъ, что чтеніе это очень невѣроятное. Поэтому мы предпочли чтеніе Lörs, Riese и всѣхъ старыхъ изданій: longa sub arboribus. 919 *Ни Протей* (см. 8, 733).—*Тритонъ* (см. 2, 8).—Сынъ Атаманта—*Палемонъ* (см. 4, 542).

Gramine contacto coepit mea praeda moveri,
Et mutare latus, terraque ut in aequore niti.
Dumque moror mirorque simul, fugit omnis in undas
Turba suas, dominumque novum litusque relinquunt.
940 Obstupui, dubitoque diu, causamque requiro,
Num deus hoc aliquis, num succus fecerit herbae.
Quae tamen has, inquam, vires habet herba? manuque
Pabula decerpsi, decerptaque dente momordi.
Vix bene combiberant ignotos guttura succos,
945 Cum subito trepidare intus praecordia sensi,
Alteriusque rapi naturae pectus amore.
Nec potui restare diu, Repetendaque nunquam
Terra, vale! dixi, corpusque sub aequora mersi.
Di maris exceptum socio dignantur honore,
950 Utque mihi, quaecunque feram mortalia, demant,
Oceanum Tethynque rogant. Ego lustror ab illis,
Et purgante nefas novies mihi carmine dicto,
Pectora fluminibus iubeor supponere centum.
Nec mora, diversis lapsi de partibus amnes,
955 Totaque vertuntur supra caput aequora nostrum.
Hactenus acta tibi possum memoranda referre:
Hactenus et memini. nec mens mea cetera sensit.
Quae postquam rediit, alium me corpore toto,
Ac fueram nuper, neque eundem mente recepi.
960 Hanc ego tunc primum viridem ferrugine barbam
Caesariemque meam, quam longa per aequora verro,
Ingentesque humeros, et caerula brachia vidi,
Cruraque pinnigero curvata novissima pisce.
Quid tamen haec species, quid dis placuisse marinis,
965 Quid iuvat esse deum, si tu non tangeris istis?
Talia dicentem, dicturum plura, reliquit
Scylla deum. Furit ille, irritatusque repulsa,
Prodigiosa petit Titanidos atria Circes.

---

968 *Титаниды Цирцеи* въ слѣдующей книгѣ особенно стихъ 10.

Лишь коснулся травы, уловъ мой сталъ шевелиться,
Съ боку онъ на бокъ вертясь, на землѣ какъ въ водѣ утверждался.
Вотъ, пока я смотрю и дивлюсь, вся стая несется
Въ волны свои, берега и хозяина новаго бросивъ.
Я, изумившись, не зналъ долго, ища тутъ причины,
Богъ ли это какой, иль сокъ травы производитъ.
Что же за сила, вскричалъ я, въ этой травѣ? И рукою
Снѣдь срываю, и то, что сорвалъ, раскусилъ я зубами.
Но едва напилось чудодѣйнымъ сокомъ тѣмъ горло,
Какъ я почувствовалъ вдругъ, что внутренность вся задрожала,
И возникло въ груди стремленіе чуждой природы.
Дальше терпѣть я не могъ: Никогда мнѣ къ тебѣ не вернуться,
И прощай ужь, земля! воскликнулъ, и въ море нырнулъ я.
Боги морскіе, меня восприявъ, удостоили чести,
И отнять у меня все, чѣмъ одаренъ я какъ смертный,
Стали молить Океанъ и Теѳію. Меня очищаютъ,
И, когда девять разъ повторилъ я пѣснь очищенья,
Грудь подставить меня подъ сотню рѣкъ заставляютъ.
Тотчасъ рѣки, бѣгущія изъ различныхъ предѣловъ,
На голову у меня и цѣлое море стремятся.
Только досюда могу разсказать, что стоитъ упомнить.
Только и помню досель; другаго мой умъ не учуялъ.
Какъ онъ вернулся, себя инымъ, чѣмъ былъ я недавно,
Въ цѣломъ тѣлѣ нашелъ, и даже по духу не тѣмъ же.
Тутъ впервой увидалъ я бороду темнозеленой,
Какъ и свои волоса, которыми море мету я,
Плечъ исполинскій размѣръ, къ тому же и синія руки,
Также и голени, что изогнулись перистою рыбой.
Но къ чему этотъ видъ, и морскихъ боговъ благосклонность,
Богомъ отрадно ли быть, если ты не тронешься этимъ?"
Говорящаго и говорить готоваго бога
Бросила Сцилла. Взбѣшенъ и весь раздраженный отказомъ,
Онъ въ волшебный чертогъ спѣшитъ Титаниды Цирцеи.

LIBER QUARTUS DECIMUS.

INDEX.

1. Glaucus et Scylla.
2. Cercopes.
3. Achaemenides.
4. Picus.
5. Diomedis socii.
6. Pastor Appulus.
7. Aeneae naves.
8. Ardea.
9. Aeneas in Deum.
10. Pomona et Vertumnus.
11. Iphis et Anaxarete.
12. Romulus et Hersilia.

GLAUCUS ET SCYLLA.

Iamque Giganteis iniectam faucibus Aetnen,
Arvaque Cyclopum, quid rastra, quid usus aratri,
Nescia, nec quicquam iunctis debentia bobus,
Liquerat Euboicus tumidarum cultor aquarum:
5 Liquerat et Zanclen, adversaque moenia Rhegi,
Navifragumque fretum, gemino quod litore pressum
Ausoniae Siculaeque tenet confinia terrae.
Inde manu magna Tyrrhena per aequora lapsus
Herbiferos adiit colles atque atria Glaucus

---

1 *Наброшенную.... Этну* (см. 5, 346 и 321). 3 Не были одолжены никакими плодами земледѣлію. 5 *Занкла* (см. 13, 729), съ противолежащимъ по ту сторону

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Главкъ и Сцилла . . . . Ст. 1—74
2. Церкопы. . . . . „ 75—153
3. Ахемениды. . . . . „ 154—307
4. Пикъ . . . . „ 308—444
5. Спутники Діомеда. . . . . . . „ 445—511
6. Апулійскій пастухъ . . . . „ 512—526
7. Корабли Энея. . . . . „ 527—565
8. Ардея. . . . . „ 566—581
9. Обоженіе Энея. . . . . „ 582—608
10. Помона и Вертумнъ. . . . . . . „ 609—697
11. Ифисъ и Анаксарета . . . . . . „ 698—771
12. Ромулъ и Герсилія . . . . „ 772—851

ГЛАВКЪ И СЦИЛЛА.

Уже наброшенную сверхъ зѣва Гигантова Этну
И Циклоповъ поля, что ни граблей, ни плуга не знали,
И не бывали ничѣмъ въ долгу у воловъ запряженныхъ,
Покидалъ властелинъ бурливой пучины Эвбейской:
Занклу затѣмъ покидалъ и Регія стѣны напротивъ,
И опасный судамъ проливъ, что, стѣсненъ берегами,
Межъ Сикулійской прошелъ землей и между Авзонской.
Тутъ, могучей рукой разсѣкая Тирренскую влагу,
Главкъ до злачныхъ холмовъ добрался и до входа въ жилище,

Мессинскаго пролива Регіемъ.

10 Sole satae Circes, variarum plena ferarum.
Quam simul aspexit, dicta acceptaque salute:
Diva, dei miserere, precor! nam sola levare
Tu potes hunc, dixit, videar modo dignus, amorem.
Quanta sit herbarum, Titani, potentia, nulli
15 Quam mihi cognitius, qui sum mutatus ab illis.
Neve mei non nota tibi sit causa furoris:
Litore in Italico, Messania moenia contra,
Scylla mihi visa est. Pudor est promissa precesque
Blanditiasque meas contemtaque verba referre.
20 At tu, sive aliquod regnum est in carmine, carmen
Ore move sacro; sive expugnacior herba est,
Utere tentatis operosae viribus herbae.
Nec medeare mihi, sanesque haec vulnera mando,
Fineque nihil opus est. partem ferat illa caloris.
25 At Circe... neque enim flammis habet aptius ulla
Talibus ingenium, seu causa est huius in ipsa,
Seu Venus indicio facit hoc offensa paterno...
Talia verba refert: Melius sequerere volentem
Optantemque eadem, parilique cupidine captam.
30 Dignus eras ultro poteras certeque rogari:
Et, si spem dederis, mihi crede, rogaberis ultro.
Neu dubites absitque tuae fiducia formae:
En ego, cum dea sim, nitidi cum filia Solis,
Carmine cum tantum, tantum quoque gramine possim,
35 Ut tua sim, voveo. Spernentem sperne; sequenti
Redde vices; unoque duas ulciscere facto.
Talia tentanti: Prius, inquit, in aequore frondes,
Glaucus, et in summis nascentur montibus algae,
Sospite quam Scylla nostri mutentur amores.
40 Indignata dea est. et laedere quatenus ipsum

---

10 *Полное разныхъ звърей* объяснится ниже 255. *Дочери Солнца*, *Цирцеи*. Знаменитой въ древности прекрасной волшебницы дочери Титана Солнца (см. 1, 10), или бога Солнца (см. 4, 204.), сестры Колхійскаго царя Аэта и, слѣдовательно, тетки не менѣе знаменитой волшебницы Медеи (начало 7-ой книги). Цирцея проживала и царила на островѣ у западнаго Итальянскаго берега, куда отецъ ея на своей Солнечной колесницѣ перенесъ ее изъ Колхиды. 24 Fine nihil opus est. Эти слова

10 Полное разныхъ звѣрей у дочери Солнца Цирцеи.
Только ее увидалъ, и принялъ и отдалъ привѣты,
Молвилъ: „Прошу я тебя, надъ богомъ сжалься, богиня!
Можешь одна облегчить, коль стою, эту любовь ты.
Что за сила у травъ, никто, Титанида, не знаетъ
15 Лучше меня, потому что ими я самъ превращенъ былъ.
Но чтобы вѣдала ты моего безумства причину:
Противу стѣнъ Мессаны на берегу Италійскомъ
Сциллу я увидалъ. Мнѣ стыдно о просьбахъ, обѣтахъ
И о ласкахъ моихъ сообщать, отверженныхъ ею.
20 Ты жь, если нѣкая власть есть въ пѣснѣ, то пѣснь изъ священныхъ
Устъ своихъ испусти; но если трава есть сильнѣе,
То воспользуйся ты травы испытанной силой.
Но не меня исцѣлить, не прошу излѣчить эти раны,
И не нуждаюсь въ концѣ; часть пылу пусть ей достается“.
25 Но Цирцея, затѣмъ что никто къ подобному жару
Не былъ способнѣй ея, таилась ли въ ней та причина,
Иль, за отцовскій доносъ въ сердцахъ, такъ рѣшила Венера,
Эти слова говоритъ: „Ты лучше стремись къ благосклонной,
Полной стремленья, къ тому жь и страстью подобной объятой.
30 Былъ ты достоинъ и могъ предложенье бы вѣрно услышать;
И обнадежь только ты, повѣрь, предложенье услышишь.
Чтобъ безъ сомнѣнія ты въ своей красѣ былъ увѣренъ,
Вотъ хоть богиня сама и дочь блестящаго Солнца,
Столько я пѣсней своей и травами столько могуча,
35 Быть твоею клянусь. Презрѣвшую презри; за склонность
Равнымъ воздай, и двоимъ отомсти единымъ поступкомъ“.
На подобный соблазнъ ей Главкъ отвѣтилъ: „скорѣе
Въ морѣ родится листва и травы морскія на высяхъ
Горъ, чѣмъ Сциллѣ въ любви, при жизни ея, измѣню я“.
40 Въ злобу богиня пришла, но какъ повредить ему лично

разнообразно возстановляемыя критиками по разнымъ рукописямъ, тѣмъ не менѣе означаютъ: я не нуждаюсь въ концѣ страданій т. е. я готовъ продолжать страдать, лишь бы часть страданій досталась Сциллѣ. 27 Поэтъ не рѣшаетъ, побуждала ли Цирцею ея природная влюбчивость, или же Венера захотѣла въ лицѣ ея отмстить ея отцу, Солнцу, за доносъ его (см. 4, 172) по случаю ея собственныхъ похожденій съ Марсомъ.

Non poterat, nec vellet amans, irascitur illi,
Quae sibi praelata est. venerisque offensa repulsa,
Protinus horrendis infamia pabula succis
Conterit, et tritis Hecateia carmina miscet,
Caerulaque induitur velamina, perque ferarum
Agmen adulantum media procedit ab aula:
Oppositumque petens contra Zancleia saxa
Rhegion, ingreditur ferventes aestibus undas,
In quibus ut solida ponit vestigia terra,
Summaque decurrit pedibus super aequora siccis.
Parvus erat gurges, curvos sinuatus in arcus,
Grata quies Scyllae: quo se referebat ab aestu
Et maris et coeli, medio cum plurimus orbe
Sol erat, et minimas a vertice fecerat umbras.
Hunc dea praevitiat, portentificisque venenis
Inquinat. hic fusos latices radice nocenti
Spargit, et obscurum verborum ambage novorum
Ter novies carmen magico demurmurat ore.
Scylla venit, mediaque tenus descenderat alvo,
Cum sua foedari latrantibus inguina monstris
Aspicit. ac primo non credens corporis illas
Esse sui partes, refugitque abigitque timetque
Ora proterva canum. Sed quos fugit, attrahit una.
Et corpus quaerens femorum crurumque pedumque,
Cerbereos rictus pro partibus invenit illis.
Statque canum rabies, subiectaque terga ferarum
Inguinibus truncis uteroque extante coercet.
Flevit amans Glaucus, nimiumque hostiliter usae
Viribus herbarum fugit connubia Circes.
Scylla loco mansit. cumque est data copia, primum
In Circes odium sociis spoliavit Ulixen.
Mox eadem Teucras fuerat mersura carinas,

---

41 *Не могла* какъ божеству. 45 *Синій надѣла покровъ* въ качествѣ морской богини. 60 *Какъ, увидала она*, что началось извѣстное превращеніе, вслѣдствіе котораго у Сциллы нижняя половина тѣла состоитъ изъ лающихъ собакъ. 71 *Злясь на Цирцею*, которая при отъѣздѣ любимаго ею Улисса, хотя и предупреждала его

Не могла, и любя не желала, на ту разозлилась,
Что онъ ей предпочелъ; оскорбившись отвергнутой страстью,
Тотчасъ натерла она растеній, извѣстныхъ ужаснымъ
Сокомъ, и пѣла къ тому жъ, какъ терла ихъ, пѣсни Гекаты,
45 Синій надѣла покровъ и черезъ цѣлую стаю
Ласковыхъ съ нею звѣрей прошла посрединѣ преддверья;
Въ Регій стремясь, что стоитъ напротивъ Занклейскихъ утесовъ,
По кипящимъ она волнамъ у прибоя пустилась
И, на нихъ становясь какъ бы на твердую землю,
50 Вдоль поверхности водъ пронеслась съ сухими ногами.
Водоворотъ небольшой, углубившійся сводомъ отлогимъ,
Отдыхомъ Сциллѣ служилъ; туда спасалась отъ зноя
Моря она и небесъ, когда въ половинѣ дороги
Солнце стояло, и тѣнь кратчайшую сверху давало.
55 Портитъ богиня его, заражая чудовищнымъ ядомъ,
Льетъ она соку туда, изъ вреднаго тёкшаго корня,
И неясную пѣснь подъ покровами словъ небывалыхъ
Трижды она девять разъ волшебными шепчетъ устами.
Сцилла пришла и свое погрузила до пояса тѣло,
60 Какъ увидала она, что животъ отъ лающихъ чудищъ
Гнустенъ у ней, но сперва не сочтя частями ихъ тѣла
Собственнаго,—и бѣжитъ, и гонитъ ихъ прочь, и боится
Пастей сердитыхъ собакъ. Но спасаясь съ собой ихъ уноситъ.
Ищетъ тѣла она на ногахъ, на голеняхъ, ляжкахъ,
65 И лишь Церберовы на членахъ тѣхъ пасти находитъ.
Злоба окрѣпла собакъ, звѣрей приросшія спины
Воспринимаетъ она животомъ распухлымъ и лономъ.
Плакать сталъ любящій Главкъ и бѣжалъ отъ объятій Цирцеи,
Силы вредныя травъ примѣнившей слишкомъ враждебно.
70 Сцилла осталась стоять; и только представился случай,
Злясь на Цирцею, она провожатыхъ лишила Улисса.
Вслѣдъ затѣмъ потопить корабли собиралась и Тевкровъ,

насчетъ Сциллы, но онъ тѣмъ не менѣе прошелъ мимо послѣдней въ такомъ близкомъ разстояніи, что она выхватила у него съ корабля и пожрала шесть человѣкъ.
72 *Тевкровъ* (см. 13, 705).

Ni prius in scopulum, qui nunc quoque saxeus extat,
Transformata foret. scopulum quoque navita vitat.

CERCOPES.

Hanc ubi Troianae remis avidamque Charybdin
Evicere rates, cum iam prope litus adessent
Ausonium, Libycas vento referuntur ad oras.
Excipit Aenean illic animoque domoque,
Non bene discidium Phrygii latura mariti,
Sidonis. inque pyra sacri sub imagine facta
Incubuit ferro, deceptaque decipit omnes.
Rursus arenosae fugiens nova moenia terrae,
Ad sedemque Erycis fidumque relatus Acesten
Sacrificat, tumulumque sui genitoris honorat.
Quasque rates Iris Iunonia paene cremarat,
Solvit, et Hippotadae regnum, terrasque calenti
Sulphure fumantes, Acheloiadumque relinquit
Sirenum scopulos. orbataque praeside pinus
Inarimen Prochytenque legit, sterilique locatas
Colle Pithecusas, habitantum nomine dictas.
Quippe deum genitor fraudem et periuria quondam
Cercopum exosus gentisque admissa dolosae,
In deforme viros animal mutavit, ut idem

---

73 *Еслибы раньше въ утесъ* (см. 7, 63). 77 *Либія*—Африка. *Дидона*—дочь Тирскаго царя (поэтому Сидонка см. 3, 35) Бела (см. 4, 213), въ замужствѣ за богатымъ и знатнымъ жрецомъ Сихеемъ, по смерти супруга, убитаго восшедшимъ на престолъ властолюбивымъ и корыстнымъ братомъ своимъ, бѣжала съ толпою приверженцевъ и богатствами въ Африку и только что основала Карѳагенъ, какъ прибылъ туда съ флотомъ и Эней, занесенный бурею. Ища защиты отъ дикихъ сосѣдей у воинственныхъ Фригійцевъ (Троянцевъ), она считала уже Энея своимъ мужемъ; но послѣдній послѣ многократныхъ напоминаній Зевеса черезъ Меркурія, что судьба указала Энею на Авзонію (Италію), какъ на мѣсто для основанія новой Трои, поспѣшно бѣжалъ отъ прекрасной женщины. Влюбленная Дидона, притворяясь, что хочетъ принести Гекатѣ (см. 6, 139) особенную жертву, неожиданно для всѣхъ поверглась на забытый Энеемъ мечъ. 83 Городъ *Эрикъ* въ Сициліи на предгорьи того же имени (см. 5, 363) былъ построенъ сыномъ Венеры Эрикомъ. Тамъ присталъ Эней и, слѣдовательно, прибылъ во второй разъ въ Сицилію (см. 13, 729), а затѣмъ отправился въ Агесту или Сегесту къ царю Ацесту, давнишнему Троянскому выходцу, который какъ и въ первый разъ радушно принялъ Энея. При первомъ посѣщеніи Эней похоронилъ тамъ

Еслибы раньше въ утесъ, что стоитъ и понынѣ скалою,
Не превратилась она; и утеса пловецъ избѣгаетъ.

ЦЕРКОПЫ.

Какъ избѣжали ея на веслахъ и жадной Харибды
Тоже Троянъ корабли, и Авзонскаго ужъ достигали
Берега, вѣтромъ опять унесло ихъ къ Либійскимъ предѣламъ.
Тамъ Энея въ душѣ приняла и въ домѣ Сидонка,
Что потомъ не снесла отъѣзда Фригійскаго мужа,
И, воздвигнувъ костеръ какъ будто для жертвы, поверглась
Прямо на мечъ и сама, бывъ обманута, всѣхъ обманула.
Снова отъ стѣнъ убѣжавъ, на песчаной землѣ возникавшихъ,
И къ Эрику прибывъ и къ вѣрному другу Ацесту,
Жертву принесъ и почтилъ родителя холмъ онъ могильный.
Тутъ корабли, что едва не сожгла Ирида Юноны,
Выручилъ, и Гиппотадово царство и земли, что сѣрнымъ
Дымомъ горятъ, и скалы миновалъ Сиренъ, порожденныхъ
Ахелоемъ; и тутъ, за утратою кормчаго, судно
Мимо Прохиты прошло, Инарима, и высей безплодныхъ
Питекузъ, по своимъ обитателямъ имя пріявшихъ.
Ибо родитель боговъ, на обманъ и коварства Церкоповъ
И на всѣ ихъ дѣла неправыя нѣкогда гнѣвенъ,
Всѣхъ мужей превратилъ въ безобразныхъ животныхъ, чтобъ вмѣстѣ

отца своего Анхиза, а въ этотъ разъ справилъ по немъ поминки. 85 *едва не сожгла Ирида*. Юнона, исполненная ненависти ко всему Троянскому (см. 13, 574), противится по возможности основанію новой Трои въ Италіи; поэтому она воздвигла Эола къ бурѣ, занесшей Энея на Африканскій берегъ, гдѣ желала бы, чтобы онъ остался. Поэтому, при новой поѣздкѣ Энея въ Сицилію, она послала свою прислужницу Ириду, смутить остававшихся на корабляхъ женщинъ предстоящимъ имъ новымъ скитаніемъ и побудить ихъ сжечь корабли, вслѣдствіе чего Энею надо было спѣшить и выручить хоть часть несгорѣвшихъ еще кораблей и пуститься съ ними въ море. 86 *Гиппотадово царство* (см. 4, 663) было, по мнѣнію древнихъ, близь Сициліи на Эолійскихъ островахъ, наполненныхъ вулканическими пещерами, испускающими сѣрный дымъ. 87 *Сиренъ* (см. 5, 552). 88 *за утратою кормчаго* приводится здѣсь не какъ причина слѣдующаго, а только какъ горестное для Энея событіе, приводимое и Виргиліемъ. 89 *Прохита Процида... Инарима... Питекузы* (Исхія)—мелкіе острова противъ Мизенскаго предгорія въ Кампаніи. 90 Πίθηκος или πίθηξ — обезьяна. *Питекузы* собственно: страна или островъ обезьянъ. 91 *Церкопы* — Лидійскій народъ, знаменитый въ древности своею безнравственностью.

Dissimiles homini possent similesque videri:
Membraque contraxit, naresque a fronte remissas
Contudit, et rugis peraravit anilibus ora:
Totaque velatos flaventi corpora villo
Misit in has sedes. nec non prius abstulit usum
Verborum et natae dira in periuria linguae:
Posse queri tantum rauco stridore reliquit.
  Has ubi praeteriit, et Parthenopeia dextra
Moenia deseruit, laeva de parte canori
Aeolidae tumulum et loca feta palustribus undis,
Litora Cumarum vivacisque antra Sibyllae
Intrat, et ad manes adeat per Averna paternos,
Orat. At illa diu vultum tellure moratum
Erexit, tandemque deo furibunda recepto:
Magna petis, dixit, vir factis maxime, cuius
Dextera per ferrum, pietas spectata per ignes.
Pone tamen, Troiane, metum. potiere petitis,
Elysiasque domos et regna novissima mundi
Me duce cognosces simulacraque cara parentis.
Invia virtuti nulla est via. Dixit, et auro
Fulgentem ramum silva Iunonis Avernae
Monstravit, iussitque suo divellere trunco.
Paruit Aeneas, et formidabilis Orci
Vidit opes atavosque suos umbramque senilem
Magnanimi Anchisae. didicit quoque iura locorum,
Quaeque novis essent adeunda pericula bellis.
Inde ferens lassos adverso tramite passus,
Cum duce Cumaea mollit sermone laborem.
Dumque iter horrendum per opaca crepuscula carpit:

---

101 *Партенопейскія стѣны*—Неаполь, прозванный такъ по имени одной изъ сиренъ. 103 Предгоріе Мизенъ, названное такъ по имени сына Эола, состоявшаго трубачемъ (см. 3, 619) во флотѣ Энея. Дерзнувъ состязаться съ Тритономъ (см. 1, 333), онъ былъ убитъ послѣднимъ и погребенъ въ этомъ мѣстѣ Энеемъ. 104 Окрестности Кумъ по вулканическому свойству земли съ пещерами и сѣрными источниками, лѣсными болотами, сами напрашивались стать мѣстопребываніемъ пророческой Сивиллы и мѣстомъ схода въ подземное царство. Здѣсь проживала знаменитая Сивилла Куманская, оставившая царю Нумѣ знаменитыя Сивиллины книги. Вблизи ея пещеры находилось пресловутое своимъ мертвящимъ сѣрнымъ запахомъ Аверпское озеро, близь котораго былъ спускъ въ Тартаръ, куда Эней пожелалъ спуститься,

И не схожи съ людьми они казались и схожи.
95 Члены онъ ихъ сократилъ и, носъ ото лба отдѣливши,
Сплюснулъ у нихъ, и въ лице морщинъ стариковскихъ нарѣзалъ;
И, все тѣло одѣвъ рыжеватымъ волосомъ, въ это
Мѣсто отправилъ ихъ жить; сперва же отнялъ даръ слова
И языкъ, на одно лжесвидѣтельство злое рожденный;
100 Только жалобы имъ съ хрипливымъ ворчаньемъ оставилъ.
Тутъ какъ онъ мимо прошелъ и Партенопейскія стѣны
Съ правой оставилъ руки, то въ лѣвую руку къ могилѣ
Трубача Эолида, къ мѣстамъ съ болотистой влагой,
Къ Кумскимъ пришелъ берегамъ и въ гротъ долговѣчной Сивиллы
105 И попросилъ чрезъ Авернъ пропустить къ родительскимъ манамъ.
Долго въ землю она устремленные вскинула взоры,
И наконецъ, въ изступленіи отъ воспріятаго бога,
Молвила: „Многаго просишь, ты, мужъ величайшій дѣлами,
Чья десница мечемъ, благочестье огнемъ оправдалось;
110 Только страхъ свой забудь, Троянецъ; желаній достигнешь
И Элисейскій предѣлъ и послѣднее царство вселенной
Ты увидишь со мной и родителя тѣнь дорогую.
Доблесть не знаетъ путей недоступныхъ“. Сказала и вѣтку
Яркаго золота всю въ лѣсу Авернской Юноны
115 Указуя, сломить ее отъ ствола приказала.
Повиновался Эней, и страшное Орка богатство
Онъ увидалъ и предковъ своихъ и старца Анхиза
Великодушнаго тѣнь; тѣхъ мѣстъ позналъ онъ обычай
И какихъ ожидать опасностей въ будущихъ войнахъ.
120 Тутъ на возвратномъ пути оттуда шагая усталый,
Трудъ онъ свой облегчалъ разговорами съ дѣвой Куманской.
И когда проходилъ по страшнымъ сумрачнымъ тѣнямъ:

чтобы увидать дорогую тѣнь отца. 114 Въ качествѣ просящаго онъ долженъ появиться съ оливковою вѣтвію (см. 11, 279). Здѣсь она, какъ и самое дерево въ божественномъ лѣсу, золотая. *Авернскій* нерѣдко значитъ *подземный* и *Авернская Юнона*—Прозерпина. 116 *Орка богатство*—множество тѣней. 118 *обычай* Италійскихъ жителей.

Seu dea tu praesens, seu dis gratissima, dixit,
Numinis instar eris semper mihi. meque fatebor
Muneris esse tui, quae me loca mortis adire,
Quae loca me visae voluisti evadere mortis.
Pro quibus aerias meritis evectus ad auras
Templa tibi statuam, tribuam tibi turis honorem.
Respicit hunc vates, et suspiratibus haustis:
Nec dea sum, dixit, nec sacri turis honore
Humanum dignare caput. Neu nescius erres:
Lux aeterna mihi carituraque fine dabatur,
Si mea virginitas Phoebo patuisset amanti.
Dum tamen hanc sperat, dum praecorrumpere donis
Me cupit: Elige, ait, virgo Cumaea, quid optes:
Optatis potiere tuis. Ego pulveris hausti
Ostendens cumulum, quot haberet corpora pulvis,
Tot mihi natales contingere vana rogavi:
Excidit, ut peterem iuvenes quoque protinus annos.
Hos tamen ille mihi dabat aeternamque iuventam,
Si Venerem paterer. Contemto munere Phoebi
Innuba permaneo. Sed iam felicior aetas
Terga dedit, tremuloque gradu venit aegra senectus,
Quae patienda diu est. Nam iam mihi saecula septem
Acta vides. superest, numeros ut pulveris aequem,
Ter centum messes, ter centum musta videre.
Tempus erit, cum de tanto me corpore parvam
Longa dies faciet, consumtaque membra senecta
Ad minimum redigentur onus. Nec amata videbor,
Nec placuisse deo. Phoebus quoque forsitan ipse
Vel non cognoscet, vel dilexisse negabit.
Usque adeo mutata ferar. nullique videnda,
Voce tamen noscar. vocem mihi fata relinquent.

ACHAEMENIDES.

Talia convexum per iter memorante Sibylla,
Sedibus Euboicam Stygiis emergit in urbem

---

125 *Даромъ твоимъ* — такъ какъ ты мнѣ снова даровала жизнь. 155 *городъ*

„Ты сама ли богиня, сказалъ, иль богами любима,
Будешь всегда божествомъ для меня; и себя признаю я
125 Даромъ твоимъ, такъ какъ мнѣ въ жилище дозволила смерти
Ты низойти и изъ мѣста спастись, гдѣ смерть я увидѣлъ.
Эти заслуги почтить, какъ только выйду на воздухъ,
Храмъ поставлю тебѣ, воздамъ тебѣ ладономъ почесть“.
Вѣщая, взоръ на него обратя, сказала со вздохомъ:
130 „Я не богиня, и ты священнаго ладона чести
Смертной не воздавай. Но чтобъ ты не могъ ошибиться:
Вѣчная мнѣ бы была дарована жизнь безъ предѣла,
Еслибы дѣвство мое воспріяло влюбленнаго Феба.
Но какъ надѣялся онъ и меня старался дарами
135 Все подкупить: Выбирай, Куманская дѣва, желанье,
Молвилъ, получишь ты все. Я, пыли горсть зачерпнувши,
Показала ему, и сколько въ той пыли соринокъ,
Столько, безумная, лѣтъ я стала просить мнѣ дождаться;
Но изъ ума вонъ, чтобы я лѣтъ молодыхъ попросила.
140 Онъ однако и тѣ мнѣ сулилъ и вѣчную юность,
Если любви уступлю. Подарокъ Феба отвергнувъ,
Я безбрачна живу. Но уже счастливые годы
Кажутъ тылъ и, дрожа, приближается дряхлая старость;
Долго ее мнѣ терпѣть. Ты видишь, ужь семь я столѣтій
145 Пережила; и чтобъ мнѣ съ числомъ поровняться пылинокъ,
Сто мнѣ жатвъ увидать и сто осеней остается.
Время настанетъ, когда вотъ и тѣло такое вѣкъ долгій
Сдѣлаетъ малымъ, и всѣхъ отъ старости сморщенныхъ членовъ
Вѣсъ сойдетъ на ничто. Во мнѣ не признаютъ любимой,
150 Избранной богомъ самимъ. И Фебъ то, можетъ быть, даже
Иль не узнаетъ меня, иль прежней любви не признаетъ.
Такъ измѣнясь проживу; меня ужь никто не примѣтитъ,
Голосъ узнаетъ лишь мой. Судьба оставляетъ мнѣ голосъ“.

АХЕМЕНИДЫ.

На покатомъ пути при такомъ разсказѣ Сивиллы
155 Изъ Стигійскихъ жилищъ подымаясь, въ городъ Эвбейскій

Эвбейскій—Кумы, происходящій отъ Халкиды Эвбейской (сличи 13, 721 и ниже 512).

Troius Aeneas. sacrisque ex more litatis
Litora adit, nondum nutricis habentia nomen.
Hic quoque substiterat post taedia longa laborum
Neritius Macareus, comes experientis Ulixei,
Desertum quondam mediis in rupibus Aetnae
Noscit Achaemeniden, improvisoque repertum
Vivere miratus: Qui te casusve deusve
Servat, Achaemenide? cur, inquit, barbara Graium
Prora vehit? petitur vestra quae terra carina?
Talia quaerenti iam non hirsutus amictu,
Iam suus et spinis conserto tegmine nullis,
Fatur Achaemenides: Iterum Polyphemon et illos
Aspiciam fluidos humano sanguine rictus,
Hac mihi si potior domus est Ithaceque carina,
Si minus Aenean veneror genitore. nec unquam
Esse satis potero, praestem licet omnia, gratus.
Quod loquor et spiro coelumque et sidera solis
Respicio, possimne ingratus et immemor esse?
Ille dedit, quod non anima haec Cyclopis in ora
Venit, et ut iam nunc lumen vitale relinquam,
Aut tumulo aut certe non illa condar in alvo.
Quid mihi tunc animi.. nisi si timor abstulit omnem
Sensum animumque.. fuit, cum vos petere alta relictus
Aequora conspexi? Volui inclamare, sed hosti
Prodere me timui. vestrae quoque clamor Ulixis
Paene rati nocuit. Vidi, cum monte revulsum
Immanem scopulum medias permisit in undas:
Vidi iterum veluti tormenti viribus acta
Vasta giganteo iaculantem saxa lacerto,

---

157 Предгоріе Каэты, Гаэта, гдѣ вскорости затѣмъ умерла и погребена была кормилица Энея, даровавшая городу и мѣсту свое имя (см. ниже 441). 159 *Макарей Неретіецъ* (см. 13, 712). 161 *Ахеменидъ* одинъ изъ спутниковъ Улисса былъ въ торопяхъ во время бѣгства отъ Полифема (см. 13, 773) покинутъ въ Сициліи, такъ какъ случайно онъ былъ въ отсутствіи, но затѣмъ при новомъ проѣздѣ Энея взятъ на корабль и спасенъ, такъ что въ настоящее время прибылъ въ числѣ другихъ провожатыхъ въ Каэту; тутъ узнаетъ его прежній спутникъ Макарей, считавшій его давно пожраннымъ Циклопомъ, и удивляется, какъ онъ попалъ на Троянское судно. 165 *уже не въ лохматомъ покровѣ*, какъ нашелъ его Эней, а въ исправной одеждѣ. 181 Heinsius на основаніи codic. Neapolitanus и Strozzianus, имѣетъ здѣсь: cum monte revulso imma-

Вышелъ Троянскій Эней; и за жертвой обычною берегъ
Онъ посѣтилъ, что еще не носилъ кормилицы имя.
Тутъ же послѣ докукъ безконечныхъ трудовъ оставался
Макарей Неретіецъ, товарищъ пройдохи Улисса.
Онъ того, что въ скалахъ когда то покинули Этны,
Ахеменида призналъ, и самъ удивился, увидя,
Что онъ все еще живъ: „Какой сохранилъ тебя случай,
Ахеменидъ, или богъ? Какъ это, воскликнулъ онъ, Грека
Чуждое судно везетъ? И въ какую вы землю плывете?“
И вопрошавшему такъ, уже не въ лохматомъ покровѣ,
И въ одеждѣ уже не заколанной иглами терній,
Ахеменидъ отвѣчалъ: „Пусть вновь Полифема увижу
И изъ пасти его потокъ человѣческой крови,
Ежели этотъ корабль не милѣй мнѣ Итаки и дома,
Если я меньше отца почитаю Энея; не въ силахъ
Быть благодарнымъ ему достаточно, что я ни дѣлай.
Что я дышу, говорю и вижу небо и солнце,
Развѣ это могу, непризнательный вовсе, забыть я?
Онъ даровалъ, что моя вотъ эта душа не попала
Въ ротъ Циклопу и что, хоть и свѣтъ теперь я покину,
То въ могилу сойду, а не въ ту несомнѣнно утробу.
Что у меня на душѣ творилось... если сознанья
Страхъ всего не унесъ... когда я покинутый видѣлъ,
Какъ плывете вы въ даль? Хотѣлъ закричать, но врагу я
Выдать боялся себя; отъ возгласа даже Улисса
Чуть вашъ корабль не погибъ. Я видѣлъ, какъ глыбу громаду
Оторвавъ отъ горы, запустилъ онъ въ самыя волны;
Видѣлъ затѣмъ я, какъ онъ бросалъ огромные камни
Исполинской рукой, какъ станкомъ для метанья снарядовъ,

---

nem scopulum medias permisit in undas. Такъ какъ чтеніе это встрѣчается также въ cod. Marcianus, то Haupt и Merkel не задумались включить его и въ свои изданія, хотя оно явно неправильное и происходитъ только отъ ошибки переписчика; revulsum можетъ относиться только къ scopulum, а никакъ не къ monte. Bach, Ochsner, Jahn и Lörs, несмотря на ихъ почти неуклонное слѣдованіе изданіямъ Heinsius, не сочли возможнымъ принять это чтеніе и, ссылаясь на Ciofani, напечатали revulsum, которое однако изъ новѣйшихъ изданій имѣется только у Riese. Правдоподобность этого чтенія тѣмъ несомнѣннѣе, что у самого Овидія XIII. 883 мы находимъ: partemque e monte revulsam.

Et, ne deprimeret fluctusve lapisve carinam,
Pertimui, iam me non esse oblitus in illa.
Ut vero fuga vos ab acerba morte reduxit,
Ille quidem totam gemebundus obambulat Aetnam,
Praetentatque manu silvas, et luminis orbus
Rupibus incursat, foedataque brachia tabo
In mare protendens gentem exsecratur Achivam,
Atque ait: O si quis referat mihi casus Ulixen,
Aut aliquem ex sociis, in quem mea saeviat ira,
Viscera cuius edam, cuius viventia dextra
Membra mea laniem, cuius mihi sanguis inundet
Guttur, et elisi trepident sub dentibus artus!
Quam nullum, aut leve sit damnum mihi lucis ademtae!
Haec et plura ferox. Me luridus occupat horror
Spectantem vultus etiamnum caede madentes
Crudelesque manus et inanem luminis orbem,
Membraque et humano concretam sanguine barbam.
Mors erat ante oculos, minimum tamen illa malorum.
Et iam prensurum, iamiam mea viscera rebar
In sua mersurum. mentique haerebat imago
Temporis illius, quo vidi bina meorum
Ter quater affligi sociorum corpora terrae:
Quae super ipse iacens hirsuti more leonis
Visceraque et carnes cumque albis ossa medullis
Semianimesque artus avidam condebat in alvum.
Me tremor invasit. stabam sine sanguine maestus:
Mandentemque videns, eiectantemque cruentas
Ore dapes, et frusta mero glomerata vomentem,
Talia fingebam misero mihi fata parari.
Perque dies multos latitans, omnemque tremescens
Ad strepitum, mortemque timens, cupidusque moriri,
Glande famem pellens et mixta frondibus herba,
Solus, inops, exspes, leto poenaeque relictus,
Hanc procul aspexi longo post tempore navem:
Oravique fugam gestu, ad litusque cucurri,
Et movi: Graiumque ratis Troiana recepit.

И чтобы не былъ корабль волною затопленъ иль камнемъ,
Я убоялся, забывъ, что на немъ уже нѣтъ меня съ вами.
Но когда васъ побѣгъ отъ горестной смерти избавилъ,
Началъ, со злости стеня, по всей онъ Этнѣ носиться,
Лѣсъ отстраняя рукой и, зрѣнья лишенный, на скалы
Онъ набѣгалъ, и свои обагренныя кровію руки
Къ морю онъ простиралъ, народъ проклиная Ахейскій;
И говорилъ: „О когда бъ мнѣ случай доставилъ Улисса,
Или кого изъ его дружины, чтобъ гнѣвъ мнѣ потѣшить,
Съѣлъ бы его я кишки, вотъ этой рукой у живаго
Члены порвалъ бы, чтобъ мнѣ его кровь наполнила горло,
И чтобы члены его у меня на зубахъ трепетали!
Какъ ничто, иль легко я вынесъ бы зрѣнья утрату!“
Много свирѣпый еще говорилъ. Я, блѣднымъ объятый
Страхомъ, глядѣлъ на лице еще со слѣдами убійства,
На жестокія руки и кругъ глазной опустѣвшій,
И на станъ съ бородой, гдѣ кровь человѣчья настыла.
Смерть стояла въ глазахъ, изъ бѣдствій однакожь меньшое.
И ожидалъ я уже, что меня онъ ухватитъ и вотъ вотъ
Всю утробу мою въ свою погрузитъ; я картину
Вспомнилъ того, какъ при мнѣ моихъ двухъ спутниковъ трижды
Или четырежды онъ тѣла ударилъ о землю;
И какъ, лежа на ней, косматому льву уподобясь,
Мясо онъ самъ и кишки и кости съ бѣлымъ ихъ мозгомъ,
Съ полуживыми ихъ членами въ алчную пряталъ утробу.
Дрожь охватила меня; стоялъ я безкровный и грустный;
Видѣвши, какъ онъ жевалъ, какъ пищу выбрасывалъ зѣвомъ
Онъ кровавую вновь и съ виномъ его рвало кусками,
Я представлялъ, что меня несчастнаго та же ждетъ участь.
Много скрывался я дней и, дрожа при шорохѣ каждомъ,
Смерти страшился, межъ тѣмъ и смерти желалъ, утоляя
Желудьми и листвой въ перемѣжку съ травою свой голодъ,
Безнадеженъ, безпомощенъ и одинокъ, предоставленъ
Смерти и мести, корабль увидалъ я по времени долгомъ:
Бѣгства я знакомъ просилъ, прибѣжалъ на берегъ, и точно
Ихъ умолилъ: и корабль меня Грека принялъ Троянскій.

Tu quoque pande tuos, comitum gratissime, casus
Et ducis et turbae, quae tecum est credita ponto.
Aeolon ille refert Tusco regnare pro undo,
Aeolon Hippotaden, cohibentem carcere ventos:
Quos bovis inclusos tergo, memorabile munus,
Dulichium sumsisse ducem. flatuque secundo
Lucibus isse novem et terram aspexisse petitam:
Proxima post nonam cum sese aurora moveret,
Invidia socios praedaeque cupidine victos
Esse ratos aurum, demsisse ligamina ventis:
Cum quibus isse retro, per quas modo venerat undas,
Aeoliique ratem portus repetisse tyranni.
Inde Lami veterem Laestrygonis, inquit, in urbem
Venimus. Antiphates terra regnabat in illa.
Missus ad hunc ego sum, numero comitante duorum:
Vixque fuga quaesita salus comitique mihique:
Tertius e nobis Laestrygonis impia tinxit
Ora cruore suo. Fugientibus instat et agmen
Concitat Antiphates. Coeunt et saxa trabesque
Coniiciunt, merguntque viros, merguntque carinas.
Una tamen, quae nos ipsumque vehebat Ulixen,
Effugit. Amissa sociorum parte dolentes
Multaque conquesti terris allabimur illis,
Quas procul hinc cernis. Procul est, mihi crede, videnda
Insula, visa mihi. Tuque, o iustissime Troum,
Nate dea,.. neque enim finito Marte vocandus
Hostis es, Aenea,.. moneo, fuge litora Circes.
Nos quoque Circaeo religata in litore pinu,
Antiphatae memores immansuetique Cyclopis,
Ire negabamus et tecta ignota subire.
Sorte sumus lecti. sors me fidumque Politen
Eurylochumque simul, nimiique Elpenora vini,
Bisque novem socios Circaea ad moenia misit.
Quae simul attigimus, stetimusque in limine tecti,
Mille lupi mixtaeque lupis ursaeque leaeque

---

223 *Тусской пучинѣ* — Этрусской, Тосканской. 226 *Дулихія вождь* — Улиссъ
233 Италійскій народъ Лестригоны были, подобно Циклопамъ, людоѣдами, ихъ счи-

Ты же, что было съ тобой, повѣдай, милѣйшій товарищъ,
И съ вождемъ, что съ тобой и съ дружиной довѣрился морю“.
Тотъ разсказывать сталъ, что царствуетъ въ Тусской пучинѣ
Самъ Эолъ Гиппотадъ, запирающій вѣтры въ темницу;
Будто бы въ шкуру быка заключенныхъ, вотъ чудный подарокъ,
Ихъ Дулихія вождь получилъ, и съ попутнымъ дыханьемъ
Девять дней онъ проплылъ и желанную землю завидѣлъ;
Какъ Аврора потомъ за девятой ближайшая встала,
Спутники будто, когда одолѣла ихъ зависть и алчность,
Золото мысля найти, развязали у вѣтровъ завязки,
И по тѣмъ же волнамъ, по которымъ онъ прибылъ недавно,
Будто поплылъ ихъ корабль и вернулся къ владыкѣ Эолу.
Тутъ, онъ сказалъ, къ Лестригону мы Ламу прибыли въ древній
Городъ. Тамъ Антифатъ въ то время правилъ землею.
Я былъ посланъ къ нему и со мною товарищей двое;
Только въ бѣгствѣ нашли спасенье товарищъ и самъ я:
Третій изъ насъ обагрилъ нечестивую пасть Лестригонца
Кровью своею. Во слѣдъ за бѣгущими бросившись, войско
Поднялъ свое Антифатъ. Сбѣжались, и камни и бревна
Стали кидать; потопляютъ мужей и суда потопляютъ.
Но одно, что везло самаго же Улисса, спаслося
Съ нами. О части друзей погибшихъ скорбью исполнясь,
И настонавшись о нихъ, мы къ той землѣ привалили,
Что вонъ видишь вдали. Повѣрь мнѣ, издали нужно
Островъ видѣть, гдѣ былъ я. Но ты, честнѣйшій Троянецъ,
Сынъ богини,... врагомъ не долженъ съ войной прекращенной
Ты называться, Эней,... береговъ избѣгай ты Цирцеи.
Хоть и къ берегу свой у Цирцеи корабль привязали,
Антифата еще и Циклопа свирѣпаго помня,
Мы не хотѣли идти, и вступать подъ кровъ неизвѣстный
Жребій насъ выбиралъ; меня и друга Полита
И Эврилоха судьба и охотника пить Эльпенора
И осьмнадцать товарищей къ зданьямъ Цирцеи послала.
Какъ, достигнувъ до нихъ, на порогѣ мы стали жилища,
Тысячу насъ волковъ и съ волками и львицъ и медвѣдицъ,

таютъ, громаднаго роста, грубыми дѣтьми Нептуна, какимъ былъ и тогдашній царь ихъ Антифатъ, ровно какъ и основатель столицы *Формiи*, *Ламъ*.

Occursu fecere metum. sed nulla timenda,
Nullaque erat nostro factura in corpore vulnus
Quin etiam blandas movere per aera caudas,
Nostraque adulantes comitant vestigia, donec
Excipiunt famulae, perque atria marmore tecta
Ad dominam ducunt. Pulchro sedet illa recessu,
Sublimi solio, pallamque induta nitentem
Insuper aurato circumvelatur amictu.
Nereides nymphaeque simul, quae vellera motis
Nulla trahunt digitis, nec fila sequentia ducunt:
Gramina disponunt, sparsosque sine ordine flores
Secernunt calathis variasque coloribus herbas.
Ipsa, quod hae faciunt opus, exigit. ipsa, quis usus
Quoque sit in folio, quae sit concordia mixtis,
Novit, et advertens pensas examinat herbas.
Haec ubi nos vidit, dicta acceptaque salute,
Diffudit vultus et reddidit omina votis.
Nec mora. misceri tosti iubet hordea grani
Mellaque vimque meri cum lacte coagula passo,
Quique sub hac lateant furtim dulcedine, succos
Adiicit. Accipimus sacra data pocula dextra.
Quae simul arenti sitientes hausimus ore,
Et tetigit summos virga dea dira capillos,..
Et pudet, et referam... setis horrescere coepi,
Nec iam posse loqui, pro verbis edere raucum
Murmur, et in terram toto procumbere vultu:
Osque meum sensi pando occallescere rostro,
Colla tumere toris, et qua modo pocula parte
Sumta mihi fuerant, illa vestigia feci.
Cumque eadem passis... tantum medicamina possunt!..
Claudor hara. Solumque suis caruisse figura
Vidimus Eurylochum. solus data pocula fugit.
Quae nisi vitasset, pecoris pars una manerem
Nunc quoque setigeri. nec tantae cladis ab illo
Certior ad Circen ultor venisset Ulixes.
Pacifer huic dederat florem Cyllenius album,

---

291 *Цилленій*—Меркурій (см. 1, 670).

Бросившись, въ страхъ привели; но нечего было бояться,
И ни единый изъ нихъ не хотѣлъ поранить намъ тѣла:
Въ воздухѣ даже они любезно махали хвостами
И, ласкаясь, пошли за нами, пока не явились
260 Насъ служанки встрѣчать, и по устланнымъ мраморомъ сѣнямъ
Насъ не ввели къ госпожѣ. Сидитъ на высокомъ престолѣ
Въ горницѣ пышной она и, въ свѣтлое платье одѣта,
Сверхъ всего золотой она фатою покрыта.
Нереиды при ней и нимфы, но шерсти ихъ пальцы
265 Не прядутъ, шевелясь, и нитей вдаль не отводятъ;
А растенья берутъ, да цвѣты, что лежатъ въ безпорядкѣ,
По корзинамъ кладутъ съ разноцвѣтными травами тоже.
За работою ихъ она наблюдаетъ, сама же
Силу въ каждомъ листкѣ и что изъ смѣси ихъ выйдетъ,
270 Знаетъ, и свѣшанныхъ травъ значенье умомъ испытуетъ.
Насъ увидала она и, сказавши привѣтъ и принявши,
Стала лицемъ весела и добромъ отвѣчала на просьбы.
Тотчасъ зеренъ она ячменя намѣшать подожженныхъ,
Меду велитъ и вина съ молокомъ, что створожено было,
275 Также и соковъ тайкомъ, незамѣтныхъ въ сладости этой,
Подлила. И изъ рукъ священныхъ мы приняли кубки.
Только стали мы пить устами, томимыми жаждой,
Какъ сурово волосъ коснулась лозою богиня,—
Стыдно сказывать мнѣ... я сталъ покрываться щетиной,
280 Ужь не могу говорить, издаю вмѣсто словъ я глухое
Хрюканье и къ землѣ лицемъ совершенно склоняюсь;
Чувствую я, что мой ротъ въ понурое рыло твердѣетъ,
Шея раздулась кругомъ и членамъ, которыми только
Я свой кубокъ держалъ, слѣды пролагать приходилось.
285 И страданье дѣля съ другими... какъ зелья могучи!
Запертъ былъ я во хлѣвъ. Безъ вида свинаго остался
Только одинъ Эврилохъ; одинъ не принялъ онъ кубка.
Не избѣги онъ его, въ щетинѣ остался бы частью
Я понынѣ скота; и имъ о бѣдѣ извѣщенный,
290 Мстителемъ нашимъ Улиссъ къ Цирцеѣ бы самъ не явился.
Передалъ бѣлый цвѣтокъ ему миротворецъ Цилленій,

Moly vocant superi. nigra radice tenetur.
Tutus eo monitisque simul coelestibus intrat
Ille domum Circes. et ad insidiosa vocatus
295 Pocula, conantem virga mulcere capillos
Reppulit, et stricto pavidam deterruit ense.
Inde fides dextraeque datae. thalamoque receptus
Coniugii dotem sociorum corpora poscit.
Spargimur ignotae succis melioribus herbae,
300 Percutimurque caput conversae verbere virgae,
Verbaque dicuntur dictis contraria verbis.
Quo magis illa canit, magis hoc tellure levati
Erigimur, setaeque cadunt, bifidosque relinquit
Rima pedes, redeunt humeri et subiecta lacertis
305 Brachia sunt. Flentem flentes amplectimur ipsi,
Haeremusque ducis collo. nec verba locuti
Ulla priora sumus, quam nos testantia gratos.

PICUS.

Annua nos illic tenuit mora. multaque praesens
Tempore tam longo vidi, multa auribus hausi.
310 Hoc quoque cum multis, quod clam mihi rettulit una
Quattuor e famulis, ad talia sacra paratis.
Cum duce namque meo Circe dum sola moratur,
Illa mihi niveo factum de marmore signum
Ostendit iuvenile, gerens in vertice picum,
315 Aede sacra positum, multisque insigne coronis.
Quis foret, et quare sacra coleretur in aede,
Cur hanc ferret avem, quaerenti et scire volenti:
Accipe, ait, Macareu, dominaeque potentia quae sit,
Hinc quoque disce meae. tu dictis adiice mentem.
320 Picus in Ausoniis, proles Saturnia, terris
Rex fuit, utilium bello studiosus equorum.

---

311 *для такихъ обрядовъ*—колдовства, совершаемаго Цирцеей. 320 *Сатурнъ*—былъ древле — Италійскій богъ, покровитель посѣвовъ, на что указываетъ и самое имя. Въ декабрѣ съ особеннымъ изступленіемъ праздновалось годичное его торжество, именовавшееся Сатурналіями. Позднѣе онъ былъ смѣшанъ съ греческимъ Хроносомъ

Моли боги его называютъ; на корнѣ онъ черномъ.
Подъ защитой его и наставленъ богами, къ Цирцеѣ
Входитъ онъ въ домъ и, когда она, свой кубокъ коварный
295 Предложивъ, замышляла лозой его волосы тронуть,
Онъ ее оттолкнулъ и, выхвативъ мечъ, пригрозилъ ей.
Тутъ и руки и вѣрность даны; и принятый въ спальню,
Онъ приданымъ тѣла своихъ сотоварищей проситъ.
Лучшихъ невѣдомыхъ травъ она окропляетъ насъ сокомъ
300 Да лозу обратя, ударяетъ головы наши,
И слова говоритъ противныя сказаннымъ прежде.
Чѣмъ она больше поетъ, тѣмъ больше съ земли подымаясь,
Мы возстаемъ, щетина долой, исчезъ на копытахъ
Раздвоенныхъ прорѣзъ, возвращаются плечи, и руки
305 Снова идутъ отъ плеча. Къ рыдающему припадаемъ
Мы со слезами вождю, и раньше единаго слова
Мы не сказали, пока благодарности всей не явили.

ПИКЪ.

Намъ годичная тамъ была задержка; и много
Самъ за долгое время я видѣлъ и слухомъ воспринялъ.
310 Вотъ изъ многаго что тайкомъ мнѣ одна разсказала
Изъ четырехъ, для таинствъ такихъ готовыхъ служанокъ.
Какъ Цирцея съ моимъ вождемъ одна оставалась,
Та изъ бѣлаго мрамора юноши ликъ указала
Мнѣ, на самой своей макушкѣ державшаго дятла;
315 Въ зданьи святомъ онъ стоялъ и весь былъ убранъ вѣнками.
Кто онъ таковъ, и за что почитается въ мѣстѣ священномъ,
Птица на немъ почему, на мои такіе разспросы:
„Слушай, сказала она, Макарей, и узнай, что за сила
У моей госпожи; внемли моему ты разсказу.
320 Пикъ въ Авзонской землѣ, потомокъ Сатурна, когда то
Былъ царемъ и любилъ коней, для сраженій пригодныхъ.

и, въ качествѣ главы Титановъ, низверженъ въ Тартаръ (см. 1, 113), наконецъ онъ воображаемъ былъ земнымъ царемъ въ Лаціумѣ, при которомъ былъ золотой вѣкъ. Въ послѣднемъ значеніи онъ называется и здѣсь отцемъ Пика, Авзонскаго царя.

Forma viro, quam cernis, erat. Licet ipse decorem
Aspicias, fictaque probes ab imagine veram.
Par animus formae. nec adhuc spectasse per annos
325 Quinquennem poterat Graia quater Elide pugnam:
Ille suos dryadas Latiis in montibus ortas
Verterat in vultus, illum fontana petebant
Numina, naiades, quas Albula, quasque Numici,
Quas Anienis aquae, cursuque brevissimus Almo
330 Narve tulit praeceps et opacae Farfarus undae,
Quaeque colunt Scythicae stagnum nemorale Dianae
Finitimosque lacus. Spretis tamen omnibus unam
Ille colit nympham, quam quondam in colle Palati
Dicitur ancipiti peperisse Venilia Iano.
335 Haec ubi nubilibus primum maturuit annis,
Praeposito cunctis Laurenti tradita Pico est:
Rara quidem facie, sed rarior arte canendi,
Unde Canens dicta est. Silvas et saxa movere
Et mulcere feras et flumina longa morari
340 Ore suo, volucresque vagas retinere solebat.
Quae dum feminea modulatur carmina voce,
Exierat tecto Laurentes Picus in agros,
Indigenas fixurus apros, tergumque premebat
Acris equi, laevaque hastilia bina ferebat,
345 Puniceam fulvo chlamydem contractus ab auro.
Venerat in silvas et filia Solis easdem,
Utque novas legeret foecundis collibus herbas,
Nomine dicta suo Circaea reliquerat arva.

---

325 Близъ Греческаго города Элиды въ Олимпіи происходили каждыя пять лѣтъ знаменитыя Олимпійскія игры, состоявшія изъ состязаній всякаго рода, и это были столь важныя событія въ глазахъ Грековъ, что они измѣряли время пятилѣтними Олимпіадами. 328 *Альбула*—древнее названіе Тибра, въ который изливались всѣ поименованные здѣсь потоки, за исключеніемъ *Нумика* или *Нумиція*, самостоятельной, но незначительной рѣчки въ Лаціумѣ, упоминаемой также ниже 599. 331 *на заливахъ*—лѣснаго озера въ долинѣ Латинскаго города Ариціи, посвященнаго Діанѣ, у которой тамъ былъ храмъ близъ ключа Эгеріи. *Скиѳской* прозывается *Діана*, потому что все, лежащее на сѣверъ отъ Чернаго моря, у древнихъ называлось Скиѳіей, и весь обрядъ служенія Арицiйской Діанѣ былъ заимствованъ изъ Тавриды (см, 12, 32); ей будто бы приносили въ жертву рабовъ (см. 15, 489). 333 *Венилія*—исключительно Римской религіи присущій и Грекамъ совершенно неизвѣстный богъ

Внѣшность какъ видишь была. Въ его красотѣ убѣдиться
Можешь самъ и судить о подлинномъ ликѣ по снимку.
Равенъ былъ виду и духъ; еще по лѣтамъ онъ не могъ бы
Пятигодичныхъ боевъ четырежды видѣть въ Элидѣ
Грайской. Лицемъ онъ своимъ привлекалъ дріадъ, порожденныхъ
На Лаціумскихъ горахъ, къ нему божества устремлялись
Рѣчекъ, наяды, живущія на Альбулѣ, Нумикѣ,
На Аніенскихъ водахъ, на краткомъ теченіемъ Альмѣ,
Иль на стремительномъ Нарѣ и на Фарфарѣ тѣнистомъ,
Тѣ, что живутъ на лѣсныхъ заливахъ у Скиѳской Діаны
И у сосѣднихъ озеръ. Но всѣхъ презирая, одну онъ
Нимфу избралъ, что Венилія на холмѣ Палатинскомъ,
Какъ говорятъ, родила отъ двуликаго Януса раньше.
Та, какъ только еще къ замужеству еле созрѣла,
Милому болѣе всѣхъ, отдана Лаврентійскому Пику.
Рѣдкимъ владѣя лицемъ, но голосомъ болѣе рѣдкимъ,
Такъ и Пѣвуньей слыла. Лѣса подвигать и утесы,
И звѣрей укрощать и сдерживать рѣки большія
Пѣснью умѣла она и птицъ замедлять на полетѣ.
Разъ, какъ женскимъ она выводила голосомъ пѣсни,
Изъ дому вышелъ въ поля Лаврентійскій Пикъ на охоту,
Мѣстныхъ разить кабановъ; у лихаго коня возсѣдая
На хребтѣ, онъ держалъ два дротика лѣвой рукою,
Пурпуръ хламиды его застегнутъ былъ золотомъ яркимъ.
Въ тѣ же лѣса прибыла въ то самое время дочь Солнца
На плодоносныхъ холмахъ набрать себѣ новыхъ растеній,
Бросивъ поля, что по ней получили названье Цирцейскихъ.

Янусъ, былъ первоначально божествомъ входа и выхода (въ дверяхъ), благословлявшій входящихъ и выходящихъ, почему и представлялся двуликимъ; затѣмъ его стали призывать предъ началомъ всякаго предпріятія, особенно войны, при наступленіи которой символически растворяли его храмъ. Также призывали его передъ наступленіями различныхъ дѣленій времени, преимущественно годичнаго, когда особенно справляли его праздникъ взаимными подарками, его именемъ названъ и первый мѣсяцъ въ году; его храмы состояли, главнымъ образомъ, изъ воротъ (см. ниже 785). Какъ богу исхода и возврата, миѳологія придаетъ ему въ супруги *Венилію*, богиню *прибытія* по морю. Холмъ Палатинскій (см. 1, 176). 336 *Лаврентійскому Пику*. Городъ *Лаврентъ* въ Лаціи между Остіей и Лавиніемъ былъ резиденціей Пика. 345 золотою пряжкой. 346 *дочь Солнца*—Цирцея.

Quae simul ac iuvenem, virgultis abdita, vidit,
350 Obstupuit. cecidere manu, quas legerat herbas:
Flammaque per totas visa est errare medullas.
Ut primum valido mentem collegit ab aestu,
Quid cuperet, fassura fuit. Ne posset adire,
Cursus equi fecit circumfususque satelles.
355 Non, ait, effugies, vento rapiare licebit,
Si modo me novi, si non evanuit omnis
Herbarum virtus, nec me mea carmina fallunt.
Dixit, et effigiem nullo cum corpore falsi
Finxit apri, praeterque oculos transcurrere regis
360 Iussit, et in densum trabibus nemus ire videri,
Plurima qua silva est, et equo loca pervia non sunt.
Haud mora. continuo praedae petit inscius umbram
Picus, equique celer spumantia terga relinquit,
Spemque sequens vanam silva pedes errat in alta.
365 Concipit illa preces et verba venefica dicit,
Ignotosque deos ignoto carmine adorat,
Quo solet et niveae vultum confundere Lunae,
Et patrio capiti bibulas subtexere nubes.
Tunc quoque cantato densetur carmine coelum,
370 Et nebulas exhalat humus, caecisque vagantur
Limitibus comites, et abest custodia regi.
Nacta locum tempusque: Per o tua lumina, dixit,
Quae mea ceperunt, perque hanc, pulcherrime, formam,
Quae facit, ut supplex tibi sim dea, consule nostris
375 Ignibus, et socerum, qui pervidet omnia, Solem
Accipe, nec durus Titanida despice Circen.
Dixerat. Ille ferox ipsamque precesque repellit,
Et: Quaecunque es, ait, non sum tuus. altera captum
Me tenet, et teneat per longum, comprecor, aevum.
380 Nec venere externa socialia foedera laedam,
Dum mihi Ianigenam servabunt fata Canentem.
Saepe retentatis precibus Titania frustra:
Non impune feres: neque enim reddere Canenti:

---

367 *ликъ омрачать луны* (см. 4, 333). 368 *И чело у отца* (см. выше 10).

Юношу, скрыта въ кустахъ, какъ только она увидала,
То обомлѣла; изъ рукъ, что травъ набрала, уронила;
И по костямъ у нея пробѣжало ей слышное пламя.
Какъ только снова въ себя она пришла отъ волненья,
Высказать вздумалось ей желанье. Но ей не давали
Доступа конская прыть и самый кругъ провожатыхъ.
„Но не уйдешь, говоритъ, хоть вѣтромъ тебя бы помчало,
Если я знаю себя и если еще не исчезла
Сила вся травъ, и мои еще неизмѣнны напѣвы“.
Это сказавъ, создала она лживый обликъ безъ тѣла
Вепря, и мимо очей ему царскихъ бѣжать приказала,
И какъ будто бы въ лѣсъ направиться въ самую чащу,
Гдѣ потѣснѣе стволы и куда на конѣ нѣтъ дороги.
Безъ проволочки, сейчасъ за тѣнью добычи, въ незнаньи,
Пикъ погнался и спрыгнулъ съ коня, покрытаго пѣной.
Вслѣдъ за надеждой пустой блуждаетъ онъ по лѣсу пѣшій.
Та молитвы творитъ и зловредную рѣчь произноситъ,
И неизвѣстныхъ боговъ зоветъ неизвѣстною пѣсней,
Коею ликъ омрачать луны бѣлоснѣжной привыкла
И чело у отца сырыми скрывать облаками.
Да и теперь подъ напѣвъ ея омрачается небо
И испускаетъ земля туманы; по темнымъ тропинкамъ
Спутники всѣ разбрелись и царь остался безъ стражи.
Мѣсто и время избравъ, она говоритъ: „О, во имя
Ты своихъ же очей, увлекшихъ мои, и во имя
Дивной твоей красоты, что меня преклонила, богиню,
Мой огонь утоли и всезрящее Солнце какъ тестя
Ты прими и жестокъ не будь къ Титанидѣ Цирцеѣ“.
Молвила. Онъ же, озлясь, и ее и моленья отвергнулъ,
И: „Кто бы ты ни была, говоритъ, твоимъ я не буду;
Я другою плѣненъ и молю быть плѣннымъ надолго.
Я любовью иной не нарушу союза, покуда
Януса дочь для меня судьба сохраняетъ, Пѣвунью“.
Титанида не разъ повторивъ понапрасно моленья:
„Это тебѣ не пройдетъ, говоритъ: не вернешься къ Пѣвуньѣ;

Laesaque quid faciat, quid amans, quid femina, disces
Rebus, ait, sed amans et laesa et femina Circe!
Tum bis ad occasus, bis se convertit ad ortus:
Ter iuvenem baculo tetigit, tria carmina dixit.
Ille fugit, sed se solito velocius ipse
Currere miratur, pennas in corpore vidit:
Seque novam subito Latiis accedere silvis
Indignatus avem, duro fera robora rostro
Figit, et iratus longis dat vulnera ramis.
Purpureum chlamydis pennae traxere colorem:
Fibula quod fuerat vestemque momorderat aurum,
Pluma fit, et fulvo cervix praecingitur auro:
Nec quicquam antiqui Pico nisi nomina restat.
Interea comites, clamato saepe per agros
Nequicquam Pico nullaque in parte reperto,
Inveniunt Circen... nam iam tenuaverat auras,
Passaque erat nebulas ventis ac sole recludi...
Criminibusque premunt veris, regemque reposcunt,
Vimque ferunt, saevisque parant incessere telis.
Illa nocens spargit virus succosque veneni,
Et Noctem noctisque deos, Erebumque Chaosque,
Convocat, et longis Hecaten ululatibus orat.
Exsiluere loco... dictu mirabile... silvae,
Ingemuitque solum, vicinaque palluit arbor,
Sparsaque sanguineis rubuerunt pabula guttis,
Et lapides visi mugitus edere raucos,
Et latrare canes et humus serpentibus atris

---

404 Въ этомъ мѣстѣ всѣ новѣйшія изданія имѣютъ: Ereboque Chaoque, такъ какъ чтеніе это, находящееся у Heinsius, подтверждено въ cons. codic. BMλε. Тѣмъ не менѣе мы рѣшились ему не слѣдовать и предпочли ему чтеніе устарѣвшихъ нынѣ комментаторовъ Bach, Ochserle, Bothe и Jahn, которые имѣютъ Erebumque Chaos—v. Chaonque, полагая, что только оно соотвѣтствуетъ мысли Овидія, представляющаго Цирцею, вызывающей noctem et deos noctis—Ереба и Хаоса, а не боговъ изъ Ереба и Хаоса, какъ можно понять, принимая чтеніе новѣйшихъ изданій, — какъ дѣйствительно и переводятъ ошибочно это мѣсто многіе переводчики, между прочимъ, даже тотъ, котораго считаемъ лучшимъ, Reinhart Suchier. Встрѣчая подобныя спорныя мѣста, имѣющія вѣскіе авторитеты pro и contra, мы, въ нашемъ изданіи, старались руководствоваться аналогическою методою, пріискивая рѣшеніе спора у самого Овидія, или у тѣхъ современниковъ поэта, у которыхъ онъ, какъ это обстоятельно доказываетъ Zingerle—Ovidius in seinem Verhältnisse zu den Vorgängern und gleichzeitigen

Что при обидѣ влюбленная женщина можетъ, узнаешь,
385 А влюблена и обижена женщина я же Цирцея!“
Къ западу дважды она обратясь и дважды къ востоку,
Юношу трижды жезломъ притронула, трижды пропѣла.
Тотъ побѣжалъ, но и самъ удивленъ, что несется быстрѣе
Противъ обычнаго онъ и на тѣлѣ перья увидѣлъ.
390 И негодуя на то, что вдругъ онъ въ лѣса Лаціума
Птицею новой вступалъ, стволы онъ крѣпчайшіе твердымъ
Клювомъ долбитъ и въ сердцахъ уязвляетъ длинные сучья.
Перья пурпурный цвѣтъ получили отъ бывшей хламиды;
Пряжка, что прежде въ покровъ впивалась его,—золотая
395 Стала пухомъ, и всю опоясала золотомъ шею;
Имя только одно отъ прежняго Пика осталось.
Спутники тою порой, по полямъ восклицавшіе часто
И по всѣмъ сторонамъ нигдѣ не сыскавшіе Пика,
Вдругъ Цирцею нашли... она ужъ разчистила воздухъ
400 И дозволила гнать вѣтрамъ и солнцу туманы...
И обвиняя ее подѣломъ, царя съ нея ищутъ,
Силой идутъ на нее и оружіе даже готовятъ.
Сокомъ зловреднымъ кропя она и выжатымъ ядомъ,
Ночь и полночныхъ боговъ Эреба зоветъ и Хаоса,
405 И завываньемъ своимъ протяжнымъ манитъ Гекату.
Вдругъ, на диво сказать, лѣса подымаются съ мѣста,
Застонала земля, поблѣднѣло дерево рядомъ,
Пастбища стали краснѣть, забрызганы каплями крови,
И какъ будто бы ревъ глухой раздался изъ камней,
410 И залаяли псы и черными скрылась змѣями

Römichen Dichtern, такъ часто заимствовалъ не только мысли, выраженія, но даже буквально списывалъ ихъ. Такъ въ настоящемъ случаѣ намъ кажется весьма возможнымъ, что, обдумывая это мѣсто, Овидій имѣлъ на памяти стихъ Вергилія Aen. IV, 509: crines effusa sacerdos, ter centum tonat ore deos Erebumque Chaosque. *Ночь*—какъ божество. *Полночные боги*, царствующіе въ ночи или преисподней. Въ миѳологіи Хаосъ считался отцемъ Эреба и Ночи. 405 *Геката* — дочь Персея и Астеріи, сестра Латоны, покровительница волшебства, наговоровъ, смѣшиваемая часто съ Діаною, Луною и Прозерпиною и представляемая треглавою. 406 Слѣдуетъ описаніе всѣхъ ужасовъ, сопровождающихъ колдовство Цирцеи. 408 Здѣсь мы опять сочли себя вправѣ не слѣдовать новѣйшимъ нѣмецкимъ изданіямъ и, вмѣсто maduerunt, оставить, считающееся нынѣ устарѣлымъ, *rubuerunt*, выраженіе, которое, какъ вѣрно замѣтилъ Bach (прослѣдившій этотъ варіантъ въ 8-ми кодексахъ), въ формѣ antithetorum, прекрасно и картинно дополняетъ предъидущій стихъ: vicinaque *palluit* arbos.

Squalere et tenues animae volitare silentum.
Attonitum monstris vulgus pavet. Illa paventum
Ora venenata tetigit mirantia virga,
Cuius ab attactu variarum monstra ferarum
415 In iuvenes veniunt. nulli sua mansit imago.
Sparserat occiduus Tartessia litora Phoebus,
Et frustra coniux oculis animoque Canentis
Exspectatus erat. Famuli populusque per omnes
Discurrunt silvas, atque obvia lumina portant.
420 Nec satis est nymphae flere et lacerare capillos
Et dare plangorem, facit haec tamen omnia, seque
Proripit ac Latios errat vesana per agros.
Sex illam noctes, totidem redeuntia solis
Lumina viderunt inopem somnique cibique
425 Per iuga, per valles, qua fors ducebat, euntem.
Ultimus aspexit fessam luctuque viaque
Thybris et in gelida ponentem corpora ripa.
Illic cum lacrimis ipso modulata dolore
Verba sono tenui maerens fundebat, ut olim
430 Carmina iam moriens canit exsequialia cygnus.
Luctibus extremum tenues liquefacta medullas
Tabuit, inque leves paulatim evanuit auras.
Fama tamen signata loco est, quem rite Canentem
Nomine de nymphae veteres dixere Camenae.
435 Talia multa mihi longum narrata per annum
Visaque sunt. Resides et desuetudine tardi
Rursus inire fretum, rursus dare vela iubemur:
Ancipitesque vias et iter Titania vastum
Dixerat et saevi restare pericula ponti.
440 Pertimui, fateor, nactusque hoc litus adhaesi.
Finierat Macareus. urnaque Aeneia nutrix
Condita marmorea tumulo breve carmen habebat:
Hic me Caietam notae pietatis alumnus
Ereptam Argolico, quo debuit, igne cremavit.

---

416 Городъ *Тартессъ* на рѣкѣ Бетидѣ (Гвадалквивирѣ) въ Испаніи вмѣсто всей западной страны (Гесперіи). 438 *Титанида* — Цирцея. 444 *Изъ Аргомйскихъ*

Вся земля, и порхать пустились души усопшихъ.
Страхъ передъ чудомъ такимъ толпой овладѣлъ изумленной.
Таже раскрывшихъ уста лозою волшебной коснулась;
Съ прикосновеньемъ ея звѣрей различныя чуда
Въ юношей тотчасъ вошли. Ни на комъ не остался свой образъ.
Фебъ заходящій уже береговъ Тартессійскихъ достигнулъ,
А Пѣвунья вотще душой и глазами супруга
Все искала. Народъ и слуги по всѣмъ разбѣжались
Дебрямъ кругомъ и огней ему выносили навстрѣчу.
Нимфа не только въ слезахъ, а волосы рветъ, ударяетъ
Въ груди себя и, хоть все это дѣлаетъ, а непрестанно
Рвется впередъ, и въ поляхъ Латинскихъ безумная бродитъ.
Шесть ее видятъ ночей и столько жь встающаго солнца
Взоры лишенную сна и пищи, идущую прямо
По горамъ и доламъ, куда заводила случайность.
Видѣлъ въ истомѣ ее отъ слезъ и рыданій послѣдній
Тибръ, какъ тѣло она на холодный берегъ склонила.
Тутъ со слезами она, внушенныя самымъ страданьемъ,
Въ нѣжныхъ звукахъ слова печали своей изливала,
Какъ похоронную пѣснь поетъ умирающій лебедь.
Нѣжный мозгъ наконецъ въ костяхъ разрѣшивши слезами,
Таять она начала и въ воздухѣ легкомъ исчезла.
Мѣсто однако молвой обозначено, Пѣвчимъ какъ должно
Именемъ нимфы его старинныя звали, Камены“.
Много подобнаго мнѣ за долгій годъ разсказали,
Да и видѣлъ я самъ. Засидѣвшимся намъ и лѣнивымъ
По отвычкѣ велятъ вновь плыть и готовить вѣтрила;
Предвѣщала намъ путь Титанида долгій и сложный
И натерпѣться опасностей многихъ суроваго моря.
Струсилъ я, признаюсь, и, найдя этотъ берегъ, остался.
Кончилъ разсказъ Макарей; у кормилицы бывшей Энея,
Въ урнѣ сокрытой, была на мраморѣ краткая надпись:
Здѣсь Кайету меня, благочестьемъ извѣстный, питомецъ
Изъ Арголійскихъ огней спасенную, сжегъ по обряду.

огней—изъ зажженной Греками Трои.

DIOMEDIS SOCII.

Solvitur herboso religatus ab aggere funis,
Et procul insidias infamataeque relinquunt
Tecta deae, lucosque petunt, ubi nubilus umbra
In mare cum flava prorumpit Thybris arena.
Faunigenaeque domo potitur nataque Latini,
Non sine Marte tamen. Bellum cum gente feroci
Suscipitur, pactaque furit pro coniuge Turnus.
Concurrit Latio Tyrrhenia tota, diuque
Ardua sollicitis victoria quaeritur armis.
Auget uterque suas externo robore vires:
Et multi Rutulos, multi Troiana tuentur
Castra. Neque Aeneas Euandri ad limina frustra,
At Venulus frustra profugi Diomedis ad urbem
Venerat. Ille quidem sub Iapyge maxima Dauno
Moenia condiderat, dotaliaque arva tenebat.
Sed Venulus Turni postquam mandata peregit
Auxiliumque petit, vires Aetolius heros
Excusat. nec se aut soceri committere pugnae
Velle sui populos, aut quos e gente suorum
Armet, habere viros. Neve haec commenta putetis,
Admonitu quanquam luctus renoventur amari,
Perpetiar memorare tamen. Postquam alta cremata est
Ilion, et Danaas paverunt Pergama flammas,

---

446 *дворецъ*. Эней воспользовался предостереженіемъ Макарея (см. выше 247) и избѣжалъ острова Цирцеи. 449 *Домъ и дочь* Эней нашелъ у Латина, сына Фавна (см. 13, 750), родоначальника и царя Латиновъ, столь любезное гостепріимство, что Латинъ отдалъ за него дочь свою Лавинію. Но какъ Лавинія была уже раньше обѣщана Турну, царю Рутуловъ, у коихъ въ Лаціумѣ была столицей Ардея (ниже 573), то послѣдній взялся за оружіе, чтобы силою завладѣть и дочерью и царствомъ. 452 *вся Тирренія* — Этрурія (см. выше 8). 455 Часть Этрусковъ спѣшитъ помогать мѣстному народу Рутуловъ, а часть расположившимся лагеремъ Троянцамъ. 456 *Эвандръ* — выходецъ изъ Аркадіи въ Лаціумъ, гдѣ на Палатинскомъ холмѣ заложилъ городъ Паллантъ; къ нему обратился Эней за помощію, каковую и получилъ въ видѣ всадниковъ подъ предводительствомъ царскаго сына Палланта, павшаго отъ меча Турна. 457 *Венулъ* — посланецъ Турна. *Діомедъ* — царь Аргоса, въ приданое полученнаго отцемъ его Тидеемъ, сыномъ Этолійскаго царя Энея (см. 8, 270) — почему

СПУТНИКИ ДІОМЕДА.

445 Отъ заросшей травой плотины канатъ отвязали
И оставляютъ вдали дворецъ пресловутой богини
И коварство ея, и къ рощамъ спѣшатъ, гдѣ, покрытый
Тѣнью, выносится Тибръ съ пескомъ желтѣющимъ въ море.
Домъ и дочь онъ забралъ у рожденнаго Фавномъ Латина,
450 Но не безъ боя межъ тѣмъ. Война со свирѣпымъ народомъ
Возгорѣлась, и Турнъ за жену, что обѣщана, злится.
Въ Лаціумѣ сошлась вся Тирренія, и добиваться
Трудной побѣды пришлось оружіемъ съ долгимъ усильемъ.
Каждый силы свои подкрѣпляетъ сторонней подмогой:
455 Много за Рутуловъ станъ и много идутъ за Троянскій.
И не напрасно Эней приходитъ ко граду Эвандра,
Венулъ напрасно межъ тѣмъ ходилъ къ дворцу Діомеда
Изгнаннаго. При царѣ Япиговъ Давнѣ построилъ
Стѣны огромныя тотъ и приданою правилъ страною.
460 Но какъ, все передавъ порученіе Турново, Венулъ
Сталъ подмоги просить, извинился герой Этолійскій
Слабостью силы; онъ самъ народовъ тестя не хочетъ
Въ бой отпускать, изъ своихъ же людей соплеменныхъ
Некого вооружить. „Чтобъ этого вы не считали
465 Выдумкой, хоть и печаль возбуждается памятью горькой,
Все же, скрѣпясь, разскажу. Когда сожженъ ужъ высокій
Былъ Иліонъ, и Пергамъ насытилъ пламя Данаевъ,

Діомедъ (ниже 461) называется героемъ Этолійскимъ — отъ Адраста (см. 8, 316) въ приданое за дочерью; этотъ знаменитый герой, вернувшись изъ подъ Трои, долженъ былъ бѣжать изъ отечества и, послѣ многихъ приключеній, прибылъ въ нижнюю Италію — въ Апулію. Здѣсь онъ принятъ былъ Давномъ, царемъ Япигіи, страны близъ Тарентинскаго залива, названной такъ по Япигу, сыну Дедала (см. 8, 160 и 260). Діомедъ оказалъ значительныя услуги Давну въ войнѣ. За это благодарный царь отдалъ за него свою дочь съ извѣстной частію страны, гдѣ зять построилъ городъ, который въ честь своего знаменитаго конями Аргоса назвалъ *Аргосъ Гиппіонъ*, Конскій Аргосъ; отсюда объясняютъ старое названіе города Аргириппа, позднѣе городъ назывался Арпи и славился торговлей. Вотъ туда то Турнъ послалъ Венула, надѣясь получить отъ Діомеда, какъ Грека, помощь противъ Троянцевъ. 463 *соплеменныхъ* — Грековъ.

Naryciusque heros, a Virgine virgine rapta
Quam meruit poenam solus, digessit in omnes,
Spargimur, et ventis inimica per aequora rapti
Fulmina, noctem, imbres, iram coelique marisque
Perpetimur Danai, cumulumque Caphareа cladis.
Neve morer referens tristes ex ordine casus,
Graecia tunc potuit Priamo quoque flenda videri.
Me tamen armiferae servatum cura Minervae
Fluctibus eripuit. Patriis sed rursus ab agris
Pellor, et antiquo memores de vulnere poenas
Exigit alma Venus. tantosque per alta labores
Aequora sustinui, tantos terrestribus armis,
Ut mihi felices sint illi saepe vocati,
Quos communis hiems importunusque Caphareus
Mersit aquis. Vellemque horum pars una fuissem.
Ultima iam passi comites belloque fretoque
Deficiunt, finemque rogant erroris. At Acmon
Fervidus ingenio, tunc vero et cladibus asper:
Quid superest, quod iam patientia vestra recuset
Ferre, viri? dixit. Quid habet Cytherea, quod ultra,
Velle puta, faciat? nam dum peiora timentur,
Est in vota locus. sors autem ubi pessima rerum est,
Sub pedibus timor est securaque summa malorum.
Audiat ipsa, licet, et, quod facit, oderit omnes
Sub Diomede viros, odium tamen illius omnes
Spernimus. et magno stat magna potentia nobis.
Talibus iritans Venerem Pleuronius Acmon
Instimulat verbis, veteremque resuscitat iram.
Dicta placent paucis. Numeri maioris amici
Acmona corripimus. Cui respondere volenti

---

468 *Нарицiйскiй герой.* Меньшiй Аяксъ (см. 12, 622), царь Локрiйскаго города Нарицiи (см. 8, 312), во время грабежа Трои оторвалъ Кассандру (см. 13, 99) *дѣву* отъ статуи Минервы Дѣвы, которую Кассандра, какъ жрица, обняла, что по общимъ религiознымъ понятiямъ должно бы было ее защитить. Кромѣ того, Аяксъ и обезчестилъ ее въ самомъ святилищѣ. — Этимъ онъ всѣхъ Грековъ подвергнулъ карѣ богини, какую одинъ заслужилъ. 472 Мысъ *Капарей* на южной оконечности Эвбеи былъ знаменитъ подводными камнями и водоворотомъ. 477 *И за давнишнюю рану.* Однажды, когда Дiомедъ подъ Троей сильно тѣснилъ Энея, мать послѣдняго Венера

И Нариційскій герой, отъ Дѣвы похитивши дѣву,
Карѣ, какую одинъ заслужилъ, и всѣхъ онъ подвергнулъ,
470 Насъ разбросало, и мы Данаи, носимые вѣтромъ
По враждебнымъ зыбямъ, ночь, молніи, ливни и ярость
Терпимъ небесъ и морей съ вершиною бѣдъ Кафареемъ.
Длить разсказа о всѣхъ печаляхъ подрядъ я не стану,
Даже Пріамъ бы тогда могъ къ Греціи чувствовать жалость.
475 Только меня то изъ волнъ оруженосной Минервы
Милость спасла, но опять изгоняюсь изъ отчихъ предѣловъ,
И за давнишнюю рану подвергла царица Венера
Памятной карѣ меня; и столькихъ я мукъ натерпѣлся
На морѣ и на землѣ, ихъ столько вынесъ въ сраженьяхъ,
480 Что нерѣдко и тѣхъ почиталъ за счастливцевъ, которыхъ
Общая буря для всѣхъ и Кафарей безпощадный
Похоронили въ волнахъ. И быть хотѣлось бы съ ними.
Спутники, крайности всѣ претерпѣвъ на войнѣ и на морѣ,
Духъ утратя, конца пожелали мытарствамъ. Но Акмонъ,
485 По природѣ горячъ, еще и озлобленъ страданьемъ:
Что же осталось еще, говоритъ, что ваше терпѣнье
Снова должно пережить? И что сверхъ того Цитерея
Можетъ хотѣть совершить? Покуда вѣдь худшаго ждемъ мы,
Мѣсто все есть для молитвъ, но если до крайности худо,
490 То подъ ногами весь страхъ и бѣдствій вершина безспорна,
Пусть она слышитъ сама и пусть, какъ теперь, ненавидитъ
Всѣхъ Діомеда мужей, ея мы ненависть тоже
Всѣ презираемъ; большимъ обошлась намъ великая сила".
Рѣчью такой подстрекнулъ Акмонъ Плевронскій Венеру
495 Къ раздраженью, и гнѣвъ давнишній опять возбудилъ въ ней.
Рѣчью довольны не всѣ. Въ числѣ мы друзей наибольшемъ
Стали Акмона журить. Когда отвѣчать захотѣлъ онъ,

защитила своего сына, но должна была сама спасаться отъ Діомеда и ранена имъ въ руку. Этому старинному гнѣву Діомедъ приписываетъ, что при возвращеніи въ отечество онъ нашелъ супругу и царство во власти другаго и бѣжавшій долженъ былъ затѣмъ такъ много претерпѣть на морѣ и на сушѣ. 493 Мы перевели буквально это темное и спорное мѣсто въ согласіи съ истолкованіемъ Линдемана: мы дорого заплатили за свое мощное презрѣніе къ богинѣ. 494 *Плевронъ* — Этолійскій городъ (см. 7, 382).

Vox pariter vocisque via est tenuata, comaeque
In plumas abeunt. plumis nova colla teguntur
Pectoraque et tergum. maiores brachia pennas
Accipiunt, cubitique leves sinuantur in alas.
Magna pedum digitos pars occupat, oraque cornu
Indurata rigent, finemque in acumine ponunt.
Hunc Lycus, hunc Idas, et cum Rhexenore Nycteus,
Hunc miratur Abas. et dum mirantur, eandem
Accipiunt faciem. numerusque ex agmine maior
Subvolat, et remos plausis circumvolat alis.
Si volucrum quae sit subitarum forma, requiris,
Ut non cygnorum, sic albis proxima cygnis.
Vix equidem has sedes et Iapygis arida Dauni
Arva gener teneo minima cum parte meorum

PASTOR APPULUS.

Hactenus Oenides. Venulus Calydonia regna
Peucetiosque sinus Messapiaque arva relinquit.
In quibus antra videt, quae multa nubila silva
Et levibus guttis manantia semicaper Pan
Nunc tenet, at quodam tenuerunt tempore nymphae.
Appulus has illa pastor regione fugatas
Terruit, et primo subita formidine movit:
Mox, ubi mens rediit et contempsere sequentem,
Ad numerum motis pedibus duxere choreas.
Improbat has pastor, saltuque imitatus agresti
Addidit obscenis convicia rustica dictis:
Nec prius obticuit, quam guttura condidit arbor.
Arbor enim est. succo liceat cognoscere mores.
Quippe notam linguae baccis oleaster amaris
Exhibet. asperitas verborum cessit in illas.

---

512 *Калидонское царство*—подобно тому какъ самъ Діомедъ обозначенъ по своему дѣду, царю Калидонскому, и его новое царство названо Калидонскимъ, по обычаю Грековъ пореносить имена метрополій на поселенія. 513 *Пейцетія* и *Мессапія* были сосѣднія съ Давніей земли. 515 *полукозелъ Панъ.* Богъ пастбищъ и охоты—Панъ, лишь въ позднѣйшія времена сталъ изображаться съ козлиными ногами, рогами и бородою, со вздернутымъ носомъ и лукавымъ лицемъ. Такой видъ придавали ему час-

Съузился голосъ его и голоса путь, волоса же
Въ пухъ обращаться пошли; покрылась новая шея
500 Пухомъ и грудь и спина, а руки пріемлютъ крупнѣе
Перья, и локти его сгибаются въ легкія крылья;
Часть большую въ ногахъ занимаютъ пальцы, и рогомъ
Затвердѣли уста, остріемъ кончаяся тонкимъ.
Ликъ, Идасъ и Абантъ и Никтей съ Рексеноромъ дивятся
505 Виду его; и пока дивятся они, принимаютъ
Тотъ же видъ и они; и число наибольшее въ сонмѣ,
Подлетѣвъ и плеща крылами, кружится у веселъ.
Ежели спросишь, какой у птицъ внезапныхъ былъ обликъ,
Если не лебедей, то на лебедей бѣлыхъ похожій.
510 Съ городомъ этимъ поля изсохшія Давна Япиги
Еле, какъ зять, я храню и моихъ тутъ немного осталось“.

АПУЛІЙСКІЙ ПАСТУХЪ.

Этимъ закончилъ Энидъ. Калидонское царство тутъ Венулъ
И Певцетійскій заливъ и Мессапскія нивы покинулъ.
Здѣсь онъ пещеры узрѣлъ, гдѣ въ сумракѣ лѣса густаго
515 Легкія капли сквозятъ, и нынѣ полукозелъ Панъ
Тутъ царитъ, а во дни минувшіе нимфы царили.
Ихъ Апулійскій пастухъ, преслѣдуя въ этихъ предѣлахъ,
Въ трепетъ привелъ, и сперва нежданнымъ встревожилъ испугомъ;
Скоро, пришедши въ себя, презрѣли онѣ волокиту,
520 И завели, стяновясь ногами въ ладъ, хороводы.
Ихъ порицаетъ пастухъ и, въ грубыхъ скачкахъ подражая,
Придалъ къ безчиннымъ словамъ еще деревенскихъ ругательствъ;
Онъ не раньше умолкъ, чѣмъ деревомъ горло зажало.
Самъ онъ деревомъ сталъ; и нравъ распознаешь по соку.
525 Дикая маслина свой порокъ языку заявляетъ
Горькимъ вкусомъ плодовъ: рѣчей сообщилась имъ рѣзкость.

тію какъ богу, внушающему страхъ, который и понынѣ слыветъ паническимъ, частію ради его волокитствъ за нимфами. 520 *И завели.... хороводы* (сличи 8, 748). 525 *дикая маслина.* Это превращеніе обязано, вѣроятно, своимъ происхожденіемъ рѣзкому различію между дикой и благородной маслиной.

AENEAE NAVES.

Hinc ubi legati rediere, negata ferentes
Arma Aetola sibi, Rutuli sine viribus illis
Bella instructa gerunt. multumque ab utraque cruoris
530 Parte datur. Fert, ecce, avidas in pinea Turnus
Texta faces. ignesque timent, quibus unda pepercit.
Iamque picem et ceras alimentaque cetera flammae
Mulciber urebat, perque altum ad carbasa malum
Ibat, et incurvae fumabant transtra carinae:
535 Cum memor has pinus Idaeo vertice caesas
Sancta deum genitrix tinnitibus aera pulsi
Aeris et inflati complevit murmure buxi,
Perque leves domitis invecta leonibus auras:
Irrita sacrilega iactas incendia dextra,
540 Turne, ait. Eripiam, nec me patiente cremabit
Ignis edax nemorum partes et membra meorum.
Intonuit dicente dea. tonitrumque secuti
Cum saliente graves ceciderunt grandine nimbi:
Aeraque et tumidum subitis concursibus aequor
545 Astraei turbant et eunt in proelia fratres.
E quibus alma parens unius viribus usa,
Stuppea praerupit Phrygiae retinacula classis,
Fertque rates pronas, medioque sub aequore mergit.
Robore mollito, lignoque in corpora verso,
550 In capitum facies puppes mutantur aduncae,
In digitos abeunt et crura natantia remi,
Quodque sinus fuerat, latus est. mediisque carina
Subdita navigiis spinae mutatur in usum:
Lina comae molles, antennae brachia fiunt:
555 Caerulus, ut fuerat, color est. Quasque antè timebant,
Illas virgineis exercent lusibus undas
Naides aequoreae. durisque in montibus ortae

---

530 *въ сосновыя связи*—корабли Энея. 533 *Мульциберъ* (см. 2, 5). 536 *матерь боговъ священная* (см. 10, 104 и 4, 29). Фригійская или Троянская Ида, покрытая соснами, была особенно ею любима. 538 *на львахъ* (см. 10, 704). 545 *Братья*

КОРАБЛИ ЭНЕЯ.

Какъ отсюда послы вернулись съ извѣстьемъ, что войска
Этолійцы не шлютъ, то Рутулы и безъ подмоги
Стали войну продолжать; съ обѣихъ сторонъ проливаютъ
Много крови. Но вотъ въ сосновыя связи кидаетъ
Факелы Турнъ; и боятся огня пощаженныя влагой.
Уже и воскъ и смолу и другую для пламени пищу
Мульциберъ жегъ, и уже къ парусамъ пробирался по мачтѣ,
И скамейки гребцовъ на судахъ изогнутыхъ дымились;
Какъ припомня, что тѣ вѣдь сосны съ Идейской вершины
Срублены, матерь боговъ священная, звуками мѣди
Да трубящаго бука порывами воздухъ наполнивъ,
И промчавшися вдоль по эѳиру на львахъ укрощенныхъ,
Молвила: „Вносишь пожаръ ты тщетно рукою безбожной,
Турнъ! я спасу и никакъ не стерплю, чтобъ ѣдкое пламя
Пожирало моихъ лѣсовъ тутъ части и члены“.
Это богиня сказавъ, возгремѣла и слѣдомъ за громомъ
Сильный дождь пролился, перемѣшанъ со скачущимъ градомъ,
И, сшибаяся вдругъ, и воздухъ и вздутое море
Братья Астрейцы мутятъ и идутъ войной другъ на друга.
Силѣ могучая мать одного изъ нихъ довѣряясь,
Привязи всѣ изъ пеньки порвала у Фригійскаго флота,
Мчитъ стремглавъ корабли и топитъ ихъ въ самой пучинѣ.
При размягченьи деревъ ужь брусья въ тѣла измѣнялись,
Образъ головъ принимать кормы изогнутыя стали,
Въ пальцы и въ ноги, чтобъ гресть, перешли недавнія весла,
Что было выгибомъ, то стало бокомъ; и киль въ срединѣ
Подъ кораблемъ сталъ уже спины исполнять назначенье;
Въ волосъ пошли паруса, а реи стали руками;
Цвѣтъ какъ и былъ голубой. И въ тѣхъ же волнахъ, имъ недавно
Страшныхъ, ужь игры онѣ теперь затѣваютъ дѣвичьи,
Какъ наяды морей; на горахъ порожденныя твердыхъ,

Астрейцы — вѣтры, которые по древнему Греческому сказанію были дѣти Астрея (утренней звѣзды) и Эосъ (Авроры), при сближеніи которыхъ живѣе дыханіе вѣтровъ.

Molle fretum celebrant, nec eas sua tangit origo.
Non tamen oblitae, quam multa pericula saevo
Pertulerint pelago, iactatis saepe carinis
Supposuere manus, nisi siqua vehebat Achivos.
Cladis adhuc Phrygiae memores, odere Pelasgos:
Neritiaeque ratis viderunt fragmina laetis
Vultibus, et laetis videre rigescere puppim
Vultibus Alcinoi saxumque increscere ligno.

ARDEA.

Spes erat, in nymphas animata classe marinas
Posse metu monstri Rutulum desistere bello.
Perstat. habetque deos pars utraque, quodque deorum est
Instar, habent animos. Nec iam dotalia regna,
Nec sceptrum soceri, nec te, Lavinia virgo,
Sed vicisse petunt, deponendique pudore
Bella gerunt. Tandemque Venus victricia nati
Arma videt, Turnusque cadit. cadit Ardea, Turno
Sospite dicta potens. Quam postquam barbarus ignis
Abstulit, et tepida latuerunt tecta favilla,
Congerie e media tunc primum cognita praepes
Subvolat, et cineres plausis everberat alis.
Et sonus et macies et pallor et omnia, captam
Quae deceant urbem, nomen quoque mansit in illa
Urbis. et ipsa suis deplangitur Ardea pennis.

AENEAS IN DEUM.

Iamque deos omnes ipsamque Aeneia virtus
Iunonem veteres finire coegerat iras:

---

563 *Нeритскаго плота* — корабля Улисса (см. 13, 712), единственно убѣжавшаго изъ всего флота отъ Лестригоновъ (см. выше 241), но въ скорости разбитаго молніей Юпитера за проступокъ одного изъ спутниковъ, такъ что онъ совершенно одинъ прибылъ на островъ Огигію къ Калипсѣ. 565 *Альциноевъ корабль.* Когда Улиссъ, послѣ долговременнаго пребыванія у Калипсы, на изготовленномъ имъ самимъ плоту снова пустился въ путь, то снова, потерпѣвъ крушеніе, нагъ и босъ былъ выкинутъ на островъ Феаковъ (см. 13, 719), гдѣ царь Алциной любезно принялъ его, снабдилъ

Мягкую любятъ волну, не тронетъ ихъ мысль объ отчизнѣ.
Но не забывши еще, какъ много опасности сами
Вынесли въ морѣ, онѣ подъ корабль, кидаемый часто,
Руки готовы подвесть, но лишь бы не везъ онъ Ахейцевъ.
Фригіи помня разгромъ, онѣ ненавидятъ Пелазговъ:
И съ веселымъ лицемъ на крушенье Неритскаго плота,
И съ веселымъ лицемъ онѣ любовались, какъ твердость
Алциноевъ корабль принималъ и выросъ изъ дерева камень.

АРДЕЯ.

Ждали, что, послѣ того какъ флотъ сталъ нимфами моря,
Рутулъ, чудесъ устрашась, войну быть можетъ покинетъ.
Онъ не сдался. У сторонъ обѣихъ есть боги и съ ними
Равное мужество есть. Уже не скипетра тестя,
Не приданыхъ земель, не тебя, Лавинія дѣва,
А побѣды хотятъ и только, стыдясь отступиться,
Все продолжаютъ войну. Наконецъ то Венера въ побѣдномъ
Сына оружіи зритъ, и Турнъ пораженъ; и Ардея,
Мощной при Турновомъ счастіи слывшая, пала. Когда же
Снесъ ее вражій огонь и въ тлѣющемъ пеплѣ оставилъ,
Изъ середины костра впервые тутъ зримая птица
Кверху взлетѣла, золу отряхавшая хлопаньемъ крыльевъ.
Голосъ и блѣдность ея съ худобою и всѣмъ, что прилично
Плѣнному городу, въ ней и самое имя остались;
И по себѣ же въ тоскѣ ударяетъ крылами Ардея.

ОБОЖЕННЫЙ ЭНЕЙ.

Всѣхъ принуждала уже боговъ и даже Юнону
Доблесть Энеева гнѣвъ, давно хранимый, покинуть,

всѣмъ необходимымъ и наконецъ послалъ на кораблѣ въ Итаку. Этотъ корабль Алциноя, доставившій Улисса на родину, былъ, какъ говорятъ, превращенъ въ скалу. Къ такому преданію, вѣроятно, дало поводъ сходство скалы съ кораблемъ. 573 *Турнъ пораженъ* — Энеемъ въ единоборствѣ. *Ардея* (см. выше 449). 579 *и самое имя*; здѣсь опять имя послужило основаніемъ басни. *Ардея* — собственно цапля и звучные удары ея крыльевъ поэтъ объясняетъ знаками печали, состоявшими у древнихъ въ ударахъ руками въ грудь.

Cum, bene fundatis opibus crescentis Iuli,
Tempestivus erat coelo Cythereius heros.
Ambieratque Venus superos. colloque parentis
Circumfusa sui: Nunquam mihi, dixerat, ullo
Tempore dure pater, nunc sis mitissimus opto:
Aeneaeque meo, qui te de sanguine nostro
Fecit avum, quamvis parvum des, optime, numen,
Dum modo des aliquod. Satis est inamabile regnum
Aspexisse semel, Stygios semel isse per amnes.
Assensere dei. nec coniux regia vultus
Immotos tenuit, placatoque annuit ore.
Tum pater: Estis, ait, coelesti munere digni,
Quaeque petis, pro quoque petis. cape, nata, quod optas.
Fatus erat. Gaudet, gratesque agit illa parenti:
Perque leves auras iunctis invecta columbis
Litus adit Laurens, ubi tectus arundine serpit
In freta flumineis vicina Numicius undis.
Hunc iubet Aeneae quaecunque obnoxia morti
Abluere, et tacito deferre sub aequora cursu.
Corniger exsequitur Veneris mandata, suisque,
Quicquid in Aenea fuerat mortale, repurgat
Et respersit aquis. Pars optima restitit illi.
Lustratum genitrix divino corpus odore
Unxit, et ambrosia cum dulci nectare mixta
Contigit os, fecitque deum. quem turba Quirini
Nuncupat Indigetem, temploque arisque recepit.

POMONA ET VERTUMNUS.

Inde sub Ascanii dicione binominis Alba
Resque Latina fuit. succedit Silvius illi:

---

583 *молодаго Іула* (см. 13, 625). 585 *родителя шею* (см. 4, 532). 590 *немилое царство* — относится къ выше 116 стиху (сличи 15, 772). 593 съ примиреннымъ лицемъ (см. 13, 574 и выше 85). 597 *на голубиной запряжкѣ* (см. 13, 674). 598 *Лаврентійскій* (см. выше 336). 599 *Нумицій* (см. выше 328). 602 *Рогоносецъ* — богъ потока (см. 4, 19). 605 *мать умастила.* Она готовитъ его тѣло для неба, какъ обычно готовили къ погребенію. 606 *амврозія* (см. 4, 215). 607 При основаніи Рима, къ основному Латинскому племени присоединялись и сосѣднія колоніи Сабинцевъ и Этрусскoвъ. Всѣ они въ смыслѣ гражданъ того же города при-

Какъ, хорошо утвердивши дѣла молодаго Іула,
Уже для неба созрѣлъ вполнѣ герой, сынъ Цитеры.
585 Всѣхъ Венера боговъ обошла и, родителя шею
Своего охватя, сказала: „Ко мнѣ никогда ты
Не былъ суровымъ, отецъ, а нынѣ будь нѣженъ, молю я,
И даруй моему Энею, которому дѣдомъ
Сталъ ты по крови моей, божество, хотя небольшое,
590 Дай лишь какое нибудь. Довольно немилое царство
Видѣть однажды и разъ перейти чрезъ Стигійскія рѣки“.
Боги согласны на то; и ликъ у владычной супруги
Не неподвиженъ, она съ примиреннымъ лицемъ прикивнула.
Тутъ отецъ возгласилъ: „Достойны небеснаго дара
595 Ты, что просишь, и тотъ, за кого ты просишь; пріемли,
Дочь, чего молишь“. Она благодарна отцу съ восхищеньемъ;
И по легкому воздуху на голубиной запряжкѣ
Сходитъ на берегъ она Лаврентійскій, гдѣ скрытъ тростниками,
Въ ближнее море бѣжитъ Нумицій волнами рѣчными.
600 Повелѣваетъ она ему омыть у Энея
Все, что смертно, и снесть безмолвно подъ волны морскія.
Рогоносецъ приказъ исполняетъ Венеры и все, что
Смертнаго было дотоль въ Энеѣ, своими водами
Онъ, омывъ, оросилъ. Часть лучшая въ немъ лишь осталась.
605 Мать умастила ему ароматомъ божественнымъ тѣло
И, смѣшавши затѣмъ съ амврозіей сладостный нектаръ,
Устъ коснулась его, и содѣлала богомъ; Квириты
Мѣстнымъ считаютъ его, алтари созидая и храмы.

ПОМОНА И ВЕРТУМНЪ.

Подъ двуименнымъ затѣмъ Асканіемъ Альба стояла
610 Вмѣстѣ съ Латинской страной; ему унаслѣдовалъ Сильвій;

няли имя Квиритовъ отъ Сабинскаго слова *quiris*—копье, отъ того же слова происходитъ и Квиринъ—метатель копья, каковое имя Сабинцы придавали своему богу войны; позднѣе имя Квиринъ было перенесено на обоготвореннаго основателя Рима Ромула; Римскіе граждане назывались Квиритами. Словомъ *indiges*—*туземный*, *мѣстный*—обозначались прародители, преимущественно Эней, и ему въ небольшомъ храмѣ у рѣки Нумика приносились жертвы. *Indigetes*—назывались и другіе прародители, какъ Янусъ и Фавнъ.
609 Сынъ Энея Асканій или Іулъ (см. 13, 625), поэтому двуименный, основалъ городъ Альбу (Альбалонгу), столицу Латинскихъ царей, прародителей основателей Рима.

Quo satus antiquo tenuit repetita Latinus
Nomina cum sceptro. clarus subit Alba Latinum.
Epitus ex illo est. Post hunc Capetusque Capysque,
Sed Capys ante fuit. Regnum Tiberinus ab illis
Cepit, et in Tusci demersus fluminis undis
Nomina fecit aquae. De quo Remulusque feroxque
Acrota sunt geniti. Remulus maturior annis
Fulmineo periit, imitator fulminis, ictu.
Fratre suo sceptrum moderatior Acrota forti
Tradit Aventino. qui, quo regnarat, eodem
Monte iacet positus, tribuitque vocabula monti.
Iamque Palatinae summam Proca gentis habebat.
Rege sub hoc Pomona fuit, qua nulla Latinas
Inter hamadryadas coluit sollertius hortos,
Nec fuit arborei studiosior altera fetus:
Unde tenet nomen. Non silvas illa nec amnes,
Rus amat et ramos felicia poma ferentes.
Nec iaculo gravis est, sed adunca dextera falce,
Qua modo luxuriem premit et spatiantia passim
Brachia compescit, fissa modo cortice virgam
Inserit, et succos alieno praestat alumno.
Nec sentire sitim patitur, bibulaeque recurvas
Radicis fibras labentibus irrigat undis.
Hic amor, hoc studium. Veneris quoque nulla cupido est.
Vim tamen agrestum metuens, pomaria claudit
Intus, et accessus prohibet refugitque viriles.
Quid non et Satyri, saltatibus apta iuventus,
Fecere, et pinu praecincti cornua Panes,
Silvanusque, suis semper iuvenilior annis,
Quique deus fures vel falce, vel inguine terret,
Ut poterentur ea? Sed enim superabat amando

---

615 *Тосканскаго тока*—Тибра, дотолѣ именовавшагося Альбула (см. выше 328). 626 *Имя оттуда у ней.* Pomum по латыни древесный плодъ, яблоко. 635 *Но боговъ полевыхъ*, — пользовавшихся въ этомъ отношеніи плохою славой (см. 9, 347). 637 *Сатировъ* (см. 4, 25). 638 *и Паны*—какъ уже видно по головному убору (см. 1, 698), лѣсные пастушескіе боги, близко совпадающіе съ Сатирами и Фавнами, быть можетъ въ смыслѣ сыновей Пана. 639 *и Сильванъ* — первобытно богъ охра-

Имъ порожденный Латинъ со скипетромъ древнее имя
Принялъ; славный потомъ за Латиномъ послѣдовалъ Альба,
А за этимъ Эпитъ. За Эпитомъ Капетъ былъ съ Каписомъ,
Только Каписъ былъ сперва. Отъ нихъ Тиберинъ уже царство
615 Принялъ и, утонувъ въ волнахъ Этрусскаго тока,
Имя рѣкѣ даровалъ. Отъ него уродились и Ремулъ
И Акрота боецъ. Но Ремулъ, старшій лѣтами,
Молніей былъ пораженъ, на молнію самъ походившій.
Больше воздержный чѣмъ братъ, Акрота затѣмъ Авентину
620 Передалъ скипетръ; а тотъ на той же горѣ, гдѣ онъ правилъ,
Тамъ и лежитъ погребенъ и горѣ оставилъ прозванье.
Уже властвовалъ Прокъ надъ всѣмъ Палатинскимъ народомъ.
Подъ управленьемъ его жила Помона, и между
Гамадріадъ Лаціума не было больше искусной
625 Ни за садами смотрѣть, ни плоды древесные холить:
Имя оттуда у ней. Не лѣса ей милы и рѣки,
А поля и плодовъ благодатныхъ несущія вѣтви.
Не копье тяготитъ ей руку, а ножъ искривленный;
Имъ она пышность тѣснитъ, предѣлъ полагая бѣгущимъ
630 Порознь вѣтвямъ, а не то въ разрѣзъ коры приставляетъ
Отпрыскъ, и дерева сокъ предлагаетъ чужому питомцу.
Не дозволяетъ ему быть въ жаждѣ, и жаднаго корня
Мочки витыя она струей водяной поливаетъ.
Тутъ вся страсть, вся мечта; никакого къ любви въ ней влеченья.
635 Но боговъ полевыхъ насилья страшась, изъ средины
Садъ запирала она, и близость мущинъ устраняла.
Но чего молодежь Сатировъ, искусная въ пляскахъ,
Не творила, и Паны, рога увивши сосною,
И Сильванъ, при своихъ лѣтахъ молодящійся вѣчно,
640 Какъ и тотъ богъ, что воровъ косою пугаетъ и коломъ,
Ею бы лишь овладѣть? Но все же любовной ихъ силой

нитель лѣсовъ и деревьевъ, почему 1, 193 Сильваны названы горными жителями, такъ какъ лѣса преимущественно росли на горахъ, затѣмъ вообще охранитель земледѣлія, но въ то же время и шутъ, досаждающій людямъ своими выходками, подобно Пану (см. выше 515) и сверхъ того страстный волокита, хотя изображался старикомъ. 640 *Какъ и тотъ богъ*—Пріапъ (сличи выше 635).

Hos quoque Vertumnus. neque erat felicior illis.
O quoties habitu duri messoris aristas
Corbe tulit, verique fuit messoris imago!
645 Tempora saepe gerens foeno religata recenti,
Desectum poterat gramen versasse videri.
Saepe manu stimulos rigida portabat, ut illum
Iurares fessos modo disiunxisse iuvencos.
Falce data frondator erat vitisque putator:
650 Induerat scalas, lecturum poma putares.
Miles erat gladio, piscator arundine sumta.
Denique per multas aditum sibi saepe figuras
Repperit, ut caperet spectatae gaudia formae.
Ille etiam picta redimitus tempora mitra,
655 Innitens baculo, positis per tempora canis,
Assimulavit anum, cultosque intravit in hortos,
Pomaque mirata est, Tantoque potentior! inquit,
Paucaque laudatae dedit oscula, qualia nunquam
Vera dedisset anus. glebaque incurva resedit,
660 Suspiciens pandos autumni pondere ramos.
Ulmus erat contra speciosa nitentibus uvis:
Quam socia postquam pariter cum vite probavit:
At si staret, ait, caelebs sine palmite truncus,
Nil praeter frondes, quare peteretur, haberet.
665 Haec quoque, quae iuncta vitis requiescit in ulmo,
Si non nupta foret, terrae acclinata iaceret.
Tu tamen exemplo non tangeris arboris huius,
Concubitusque fugis, nec te coniungere curas.
Atque utinam velles! Helene non pluribus esset
670 Sollicitata procis, nec quae Lapitheia movit
Proelia, nec coniux timidi aut audacis Ulixei.
Nunc quoque, cum fugias averserisque petentes,
Mille viri cupiunt et semideique deique
Et quaecunque tenent Albanos numina montes.

---

642 *Вертумнъ* собственно измѣняющійся, превращающійся, подъ нимъ подразумѣвался годъ, склоняющійся къ плодоносной осени и онъ считался богомъ плодовъ, подобно Помонѣ. Онъ изображается юношею въ вѣнкѣ изъ колосьевъ или листьевъ, съ садовымъ ножемъ или рогомъ изобилія въ рукахъ. Овидій пользуется его именемъ для но-

Превосходилъ всѣхъ Вертумнъ, но не былъ межъ ними счастливѣй.
О какъ часто одѣтъ суровымъ жнецомъ, онъ колосья
Несъ въ кошницѣ, и былъ жнеца онъ истымъ подобьемъ!
645 Часто виски повязавъ недавно накошеннымъ сѣномъ,
Могъ онъ казаться, что вотъ ворочалъ скошенную траву.
Часто въ шершавой рукѣ держалъ онъ стрекало, и могъ бы
Ты поклясться, сейчасъ отпрегъ онъ воловъ утомленныхъ.
Шелъ ли съ ножемъ, то кусты подчищать и обрѣзывать лозы;
650 Лѣстницу ли надѣвалъ, брать хочетъ плоды онъ, казалось.
Воиномъ былъ онъ съ мечемъ, и съ удочкой былъ рыболовомъ.
Такъ что доступъ себѣ устроивши множествомъ видовъ,
Могъ онъ радость вкушать, ея красотою любуясь.
Даже затѣмъ на виски надѣвъ съ узоромъ повязку,
655 И, опершись на клюку и украсивъ виски сѣдинами,
Принялъ старухи онъ видъ и въ садъ проникнулъ уборный;
И изумился плодамъ. „Какое богатство!“ Вскричалъ онъ,
И похвалы заключилъ такимъ поцѣлуемъ, какого
Вѣрно старуха не дастъ. И на земь онъ сгорбясь присѣвши,
660 Сталъ на вѣтви смотрѣть, преклоненныя ношей осенней.
Вязъ напротивъ стоялъ въ красѣ сверкающихъ гроздей;
Онъ, сначала его похваливъ съ подругой лозою:
„А вотъ, стой, говоритъ, онъ одинъ безъ лозы какъ обрубокъ,
То съ него ничего спросить кромѣ листьевъ нельзя бы.
665 Да и эта лоза, что на вязъ опирается дружный,
Будь не связана съ нимъ, на землѣ бъ распростерта лежала.
Дерево это тебя все тронуть не можетъ примѣромъ,
Ты и объятій бѣжишь и не помыслишь о бракѣ.
А захоти только ты! У Елены бы не было больше
670 Преданныхъ ей жениховъ, ни у той, что воздвигла Лапитовъ
Къ битвѣ, ни у жены отважнаго труса Улисса.
Нынѣ даже, когда ты бѣжишь, отвергая молящихъ,
Тысячи ищутъ тебя мужей и боговъ и героевъ,
И какія лишь есть божества на вершинахъ Албанскихъ.

выхъ превращеній. 644 *несъ въ кошницѣ* (см. 1, 492). 647 *стрекало* (см. 2, 127). 670 *воздвигла Лапитовъ* (см. 12, 210). 671 *Улисса*, Пенелопа. 674 *божества на вершинахъ Албанскихъ* - низшіе боги (см. 4, 25). Албанскія горы на югъ отъ Рима.

Sed tu si sapies, si te bene iungere anumque
Hanc audire voles, quae te plus omnibus illis,
Plus quam credis, amo, vulgares reiice taedas,
Vertumnumque tori socium tibi selige. pro quo
Me quoque pignus habe. neque enim sibi notior ille est
Quam mihi. Nec toto passim vagus errat in orbe,
Nec loca magna colit. Nec, uti pars magna procorum,
Quas modo vidit, amat. tu primus et ultimus illi
Ardor eris, solique suos tibi devovet annos.
Adde, quod est iuvenis, quod naturale decoris
Munus habet, formasque apte fingetur in omnes,
Et quod erit iussus, iubeas licet omnia, fiet.
Quid, quod amatis idem? quod, quae tibi poma coluntur,
Primus habet, laetaque tenet tua munera dextra?
Sed neque iam fetus desiderat arbore demtos,
Nec, quas hortus alit, cum succis mitibus herbas,
Nec quicquam, nisi te. Miserere ardentis, et ipsum,
Quod petit, ore meo praesentem crede precari:
Ultoresque deos et pectora dura perosam
Idalien memoremque time Rhamnusidis iram.
Quoque magis timeas... etenim mihi multa vetustas
Scire dedit... referam tota notissima Cypro
Facta, quibus flecti facile et mitescere possis.

IPHIS ET ANAXARETE.

Viderat a veteris generosam sanguine Teucri
Iphis Anaxareten humili de stirpe creatus:
Viderat, et totis perceperat ossibus aestum.
Luctatusque diu, postquam ratione furorem
Vincere non potuit, supplex ad limina venit:
Et modo nutrici miserum confessus amorem,
Ne sibi dura foret, per spes oravit alumnae:

---

681 *Мѣстъ онъ не пашетъ большихъ*—въ качествѣ садовника, и потому далеко не отлучается отъ супруги. 693 *Идалія*—имя Венеры отъ Идалія — горы, рощи и города на островѣ Кипрѣ (см. 10, 220). 694 *Рамнузія* (см. 3, 406). 699 *Тевкра*; здѣсь идетъ рѣчь не объ упоминаемомъ въ 13, 705, и о выше упоминаемомъ въ 13, 157 Тевкрѣ, который, вернувшись изъ Трои, за то что онъ не отомстилъ за брата

675 Но если хочешь умно сочетаться и выслушать можешь
Вотъ старуху, тебя я изъ всѣхъ ихъ больше гораздо,
Больше, чѣмъ думаешь ты, люблю, отвергни всѣ браки
Пошлые, и избери Вертумна товарищемъ ложа;
Я за него поручусь; себя онъ не болѣе знаетъ,
680 Чѣмъ я его. По всему не бродитъ онъ свѣту безъ толку,
Мѣстъ онъ не пашетъ большихъ; не то что женихъ заурядный,
Какъ увидалъ, полюбилъ; для него будешь первою страстью
И послѣднею ты, лишь тебѣ посвятитъ онъ всѣ годы.
Ты прибавь, что онъ юнъ, что онъ отъ природы дарами
685 Надѣленъ красоты, что всякіе виды пріемлетъ
И что станетъ онъ всѣмъ, чѣмъ быть ему только прикажешь.
Что жь если вкусъ у васъ общъ? Что если плоды, что ты холишь,
Первые есть у него, и въ рукѣ онъ ихъ весело держитъ?
Но не желаетъ уже плодовъ онъ съ дерева снятыхъ,
690 Ни растеній, что садъ умягчающимъ сокомъ питаетъ,
И ничего, лишь тебя. Надъ пламеннымъ сжалься и вѣрь ты,
Будто онъ самъ на лице умоляетъ моими устами.
Мщенья побойся боговъ, равно какъ Идаліи грозной
Для жестокихъ сердецъ; побойся Рамнузіи гнѣва.
695 Чтобъ ты боялась сильнѣй... вѣдь старость дала мнѣ извѣдать
Многое... я разскажу всему извѣстное Кипру
Дѣло, тебя преклонить способное кроткимъ внушеньемъ.

ИФИСЪ И АНАКСАРЕТА.

Анаксарету, изъ крови почетной исшедшую Тевкра,
Ифисъ, родившійся самъ изъ низкаго рода, увидѣлъ.
700 Какъ увидалъ, то по всѣмъ костямъ почувствовалъ пламень.
Долгой борьбой утомленъ, когда не осилилъ безумства
Разумомъ препобѣдить, явился онъ съ просьбой къ порогу
И предъ кормилицей всю несчастную страсть излагая,
Быть не жестокой къ нему заклиналъ всѣмъ милымъ питомкѣ;

своего Аякса и даже не привезъ его костей, отцемъ своимъ Теламономъ не былъ принятъ, и отправился въ Кипръ, гдѣ онъ по имени прежняго отечества основалъ городъ Саламинъ.

Et modo de multis blanditus cuique ministris
Sollicita petiit propensum voce favorem:
Saepe ferenda dedit blandis sua verba tabellis:
Interdum madidas lacrimarum rore coronas
Postibus intendit, posuitque in limine duro
Molle latus, tristisque serae convicia fecit.
Saevior illa freto surgente, cadentibus Haedis,
Durior et ferro, quod Noricus excoquit ignis,
Et saxo, quod adhuc vivum radice tenetur,
Spernit, et irridet. factisque immitibus addit
Verba superba ferox, et spe quoque fraudat amantem.
Non tulit impatiens longi tormenta doloris
Iphis, et ante fores haec verba novissima dixit:
Vincis, Anaxarete, neque erunt tibi taedia tandem
Ulla ferenda mei. Laetos molire triumphos,
Et Paeana voca, nitidaque incingere lauro.
Vincis enim, moriorque libens. age, ferrea, gaude.
Certe, aliquid laudare mei cogeris, eritque,
Quo tibi sim gratus, meritumque fatebere nostrum.
Non tamen ante tui curam excessisse memento,
Quam vitam. geminaque simul mihi luce carendum.
Nec tibi fama mei ventura est nuntia leti:
Ipse ego, ne dubites, adero, praesensque videbor,
Corpore ut exanimi crudelia lumina pascas.
Si tamen, o superi, mortalia facta videtis,
Este mei memores... nihil ultra lingua precari
Sustinet... et longo facite ut narremur in aevo:
Et, quae demsistis vitae, date tempora famae.
Dixit. et ad postes ornatos saepe coronis
Humentes oculos et pallida brachia tollens,
Cum foribus laquei religaret vincula summis:
Haec tibi serta placent, crudelis et impia? dixit,
Inseruitque caput, sed tum quoque versus ad illam,
Atque onus infelix elisa fauce pependit.

---

710 Продѣлывалъ обычные пріемы древнихъ влюбленныхъ и поносилъ замокъ, запиравшій для него дверь. 711 *Козлята* — двѣ звѣзды на рукахъ возницы (см. 10, 446), при захожденіи коихъ (въ концѣ Сентября) возникаютъ сильныя бури.

И средь многихъ потомъ служанокъ, со всякой любезенъ,
Голосомъ кроткимъ просилъ ему оказать благосклонность;
Часто свои онъ слова довѣрялъ любовнымъ табличкамъ;
А между тѣмъ и вѣнковъ, окропляемыхъ слезной росою,
Вѣшалъ у притолокъ онъ, и на жесткомъ порогѣ склонялся
Нѣжнымъ бокомъ своимъ, и замокъ поносилъ ненавистный.
Моря сердитѣй она, что, съ закатомъ Козлятъ, свирѣпѣетъ,
Жестче желѣза того, что Норикъ въ огнѣ закаляетъ,
Даже и камня, что все живымъ еще держится корнемъ,
Лишь презираетъ его и смѣется надъ нимъ; прибавляя
Къ жесткости гордую рѣчь, надежды влюбленнаго губитъ.
Долгихъ страданій такихъ въ нетерпѣніи Ифисъ не вынесъ,
И вотъ эти сказалъ предъ дверями послѣднія рѣчи:
„Анаксарета, твой верхъ; моей тебѣ больше докуки
Не выноситъ никакой. Веселымъ украсься тріумфомъ,
И пеаны воспой и лавромъ пресвѣтлымъ вѣнчайся.
Ты побѣдила, я радъ умереть; ты, желѣзная, празднуй.
Все жь поневолѣ во мнѣ ты нѣчто похвалишь, чѣмъ буду
Я и пріятенъ тебѣ, и въ чемъ ты признаешь заслугу.
Помни однако, что мысль о тебѣ я покинулъ не раньше,
Чѣмъ и самую жизнь; заразъ мнѣ двухъ свѣтовъ лишиться,
И не молвой тебѣ вѣсть о смерти моей сообщится;
Не сомнѣвайся, я самъ появлюсь и меня ты увидишь,
Чтобы жестокій твой взоръ бездыханнымъ насытился тѣломъ.
Если же смертныхъ дѣла вы видите сами, о боги,
То помяните меня... ни о чемъ васъ не молитъ языкъ мой
Большемъ... и дайте, чтобъ рѣчь обо мнѣ сохранилась надолго:
Что у жизни моей вы отняли, къ славѣ прибавьте“.
Рекъ; и къ двери, что самъ не разъ убиралъ онъ вѣнками,
Влажные взоры свои и блѣдныя руки подъемля,
Какъ привязывать сталъ къ перекладинѣ самой онъ петлю,
Молвилъ: „вотъ этимъ вѣнкамъ ты рада ль, суровая, злая?“
Голову всунувъ свою и все еще къ ней обратившись,
Тутъ несчастный повисъ съ затянутой шеей какъ бремя.

---

712 *Норикъ* — страна между Дунаемъ, Инномъ и Альпами была издревле знаменита своимъ желѣзомъ и желѣзными издѣліями.

Icta pedum motu trepidantem et multa timentem
Visa dedisse sonum est, adapertaque ianua factum
Prodidit. exclamant famuli, frustraque levatum...
Nam pater occiderat... referunt ad limina matris.
Accipit illa sinu, complexaque frigida nati
Membra sui postquam miserorum verba parentum
Edidit, et matrum miserarum facta peregit,
Funera ducebat mediam lacrimosa per urbem,
Luridaque arsuro portabat membra feretro.
Forte viae vicina domus, qua flebilis ibat
Pompa, fuit, duraeque sonus plangoris ad aures
Venit Anaxaretes, quam iam deus ultor agebat.
Mota tamen: Videamus, ait, miserabile funus,
Et patulis iniit tectum sublime fenestris.
Vixque bene impositum lecto prospexerat Iphin:
Deriguere oculi, calidusque e corpore sanguis
Inducto pallore fugit. conataque retro
Ferre pedes, haesit. conata avertere vultus,
Hoc quoque non potuit. paulatimque occupat artus,
Quod fuit in duro iam pridem pectore saxum.
    Neve ea ficta putes, dominae sub imagine signum
Servat adhuc Salamis, Veneris quoque nomine templum
Prospicientis habet. Quorum memor, o mea, lentos
Pone, precor, fastus, et amanti iungere, nympha.
Sic tibi nec vernum nascentia frigus adurat
Poma, nec excutiant rapidi florentia venti!
Haec ubi nequicquam formas deus aptus in omnes
Edidit, in iuvenem rediit, et anilia demit
Instrumenta sibi, talisque apparuit illi,
Qualis ubi oppositas nitidissima solis imago
Evicit nubes, nullaque obstante reluxit.
Vimque parat. sed vi non est opus, inque figura
Capta dei nymphe est, et mutua vulnera sensit.

---

742 *отецъ* Ифиса.   760 *Венеры всезрящей*; такъ мы рѣшились перевести prospi-

Словно въ испугѣ большомъ, подъ ударами ногъ издавая
Звуки дрожащіе, дверь при отворѣ все дѣло открыла.
Слуги воскликнули всѣ и, его отцѣпивъ безуспѣшно...
Такъ какъ ужъ умеръ отецъ... на порогъ отнесли материнскій.
Жметъ его эта къ груди и, холодные члены обнявши
Сына, когда уже всѣ родителей горькихъ сказала
Рѣчи, и сдѣлала все, что слѣдуетъ матери горькой,
Черезъ городъ пошла съ похороннымъ обрядомъ въ рыданьи,
И на носилкахъ къ костру понесла поблѣднѣвшіе члены.
Близко случайно былъ домъ къ пути, по которому грустный
Шествовалъ ходъ, и достигъ звукъ плача до слуха жестокой
Анаксареты,—ее уже мстительный богъ безпокоилъ.
Все же волнуясь, она сказала: „Посмотримъ на грустный
Этотъ обрядъ“, и взошла подъ кровлю къ раскрытымъ окошкамъ.
Какъ увидала она, что Ифисъ лежитъ на носилкахъ,
Оцѣпенѣли у ней глаза, и у блѣднаго тѣла
Жаркая кровь отлила; отступить собираясь ногами,
Вдругъ прилипла она; лице отвернуть собираясь,
Этого тожь не смогла; понемногу объемлетъ ей члены
Тотъ, что прежде уже въ груди жестокой былъ камень.
Сказкою словъ не сочти, и поднесь Саламинъ сохраняетъ
Камень съ лицемъ госпожи, и во имя Венеры всезрящей
Тамъ же и храмъ. Не забудь про это и брось, умоляю,
Хладную спѣсь и вступи съ влюбленнымъ въ союзъ, моя нимфа.
Тутъ при зачаткѣ плодовъ не сожжетъ тебѣ вешнимъ морозомъ,
И разцвѣта у нихъ ни осыплютъ проворные вѣтры!“
Какъ сказалъ это богъ, мѣнять безуспѣшно всѣ виды
Ловкій, вновь юношей сталъ, и съ себя старушечьи сбросилъ
Всѣ приборы, и самъ такимъ передъ нею явился,
Какъ изъ надвинутыхъ тучъ лице пресвѣтлое солнца,
Вдругъ вырываясь, блеститъ, преградъ никакихъ не встрѣчая.
Думалъ онъ силою взять, но силы не нужно, ужь нимфа
Бога плѣнилась красой и чувствуетъ общую рану.

---

cientis, предвидящей будущее въ интересахъ покровительствуемыхъ влюбленныхъ.

ROMULUS ET HERSILIA.

Proximus Ausonias iniusti miles Amuli
Rexit opes: Numitorque senex amissa nepotum
Munere regna capit. festisque Palilibus urbis
775 Moenia conduntur: Tatiusque patresque Sabini
Bella gerunt. arcisque via Tarpeia reclusa
Dignam animam poena congestis exuit armis.
Inde sati Curibus tacitorum more luporum
Ore premunt voces, et corpora victa sopore
780 Invadunt, portasque petunt, quas obiice firmo
Clauserat Iliades. Unam tamen ipsa reclusit,
Nec strepitum verso Saturnia cardine fecit.
Sola Venus portae cecidisse repagula sensit:
Et clausura fuit, nisi quod rescindere nunquam
785 Dis licet acta deum. Iano loca iuncta tenebant
Naides Ausoniae gelido rorantia fonte.
Has rogat auxilium. nec nymphae iusta petentem
Sustinuere deam, venasque et flumina fontis
Elicuere sui. Nondum tamen invia Iani
790 Ora patentis erant, neque iter praecluserat unda.
Lurida supponunt fecundo sulphura fonti,
Incenduntque cavas fumante bitumine venas.
Viribus his aliisque vapor penetravit ad ima
Fontis. et Alpino modo quae certare rigori
795 Audebatis aquae, non ceditis ignibus ipsis.
Flammifera gemini fumant aspergine postes:
Portaque, nequicquam rigidis promissa Sabinis,

---

774 *праздникъ Палилій*. *Палиліи* былъ сельскій праздникъ пастуховъ 13-го Апрѣля, слѣдовательно, въ началѣ весны, когда у матокъ въ стадѣ появлялся приплодъ. Отсюда самое имя отъ *pario*—рождаю, слѣдовательно, собственно *Париліи* и для легкости произношенія *Палиліи*. Въ позднѣйшее время, не зная, какое собственно божество почитается этимъ праздникомъ, Римляне сочинили *Pales*, не будучи твердо увѣрены, богъ ли это или богиня Палеса. Въ тотъ же день праздновали день рожденія и основанія Рима, быть можетъ связывая имя рожденія съ пастушескимъ происхожденіемъ самого Рима. 776 *Тарпея*. Тарпей былъ начальникомъ Римской крѣпости, почему Капитолійская гора названа Тарпейскою. Дочь его Тарпея, идя

РОМУЛЪ И ГЕРСИЛИЯ.

За нечестивымъ Амуліемъ воинъ ближайшій Авзонской
Правилъ страной; и опять по милости внуковъ воспринялъ
Царство старикъ Нумиторъ; на праздникъ Палилій закладку
Начали стѣнъ городскихъ; и Тацій со знатью Сабинцевъ
Идутъ войною; и, путь раскрывшая въ крѣпость, Тарпея,
Казни достойная, духъ подъ грудой щитовъ испускаетъ.
Тутъ то жители Куръ, подобно волкамъ молчаливымъ,
Голосъ въ устахъ затая, нападаютъ на стражей, объятыхъ
Сномъ, и ищутъ воротъ, которыя крѣпкимъ засовомъ
Иліи сынъ затворилъ. Но одни сама отомкнула
И не скрипнула даже Сатурнія въ крючьяхъ вращая.
Только Венера одна паденье засововъ признала
И заперла бы ихъ вновь, когда бы богамъ дозволялось
Божьи дѣла разрушать. Близь Януса мѣстомъ владѣли
Бьющія хладнымъ ключемъ Наяды Авзонскія тутъ же.
Ихъ она проситъ помочь; и нимфы съ богинею въ просьбѣ
Правой на споръ не пошли, и всѣ водотоки и жилы
Вскрыли ключа своего. Но Януса все же ворота
Также доступны еще, волна къ нимъ пути не пресѣкла.
Желтой сѣры онѣ мѣшаютъ въ обильный источникъ
И горячей смолой разжигаютъ широкія жилы.
Силою ихъ и иныхъ теплота проникаетъ въ источникъ
Въ глубь, и вòды, вы тѣ, что съ Альпійскою стужей недавно
Спорить могли бы, теперь огнямъ не уступите самымъ.
Орошены горячо, дымятся вереи обѣ,
И воротà, что обѣщаны грубымъ Сабинцамъ напрасно,

за водою для жервоприношенія (см. 1, 371 и 15, 130), попалась въ руки Сабинцевъ и, прельщенная обѣщаніемъ золотаго ожерелья, она ночью (780) указала дорогу въ крѣпость. Достигнувши цѣли, Сабинцы закидали предательницу своими щитами. 778 *Куры*—главный городъ Сабинцевъ. 781 *Иліи сынъ*—Ромулъ. 782 *Сатурнія*—Юнона продолжала ненавидѣть Троянское отродье. 784 *когда бы богамъ дозволялось Божьи дѣла разрушать* (см. 3, 336). 785 Самыя ворота, какъ говорено выше 333, были въ то же время храмомъ Януса или самимъ Янусомъ. 791 *обильный источникъ.* У воротъ Януса былъ горячій ключъ, происхожденіе котораго поэтъ старается объяснить миѳологически.

Fonte fuit praestructa novo, dum Martius arma
Indueret miles. Quae postquam Romulus ultro
Obtulit, et strata est tellus Romana Sabinis
Corporibus, strata estque suis, generique cruorem
Sanguine cum soceri permiscuit impius ensis;
Pace tamen sisti bellum, nec in ultima ferro
Decertare placet, Tatiumque accedere regno.
Occiderat Tatius, populisque aequata duobus,
Romule, iura dabas. posita cum casside Mavors
Talibus affatur divumque hominumque parentem:
Tempus adest, genitor, quoniam fundamine magno
Res Romana valet et praeside pendet ab uno,
Praemia, quae promissa mihi dignoque nepoti,
Solvere, et ablatum terris imponere coelo.
Tu mihi concilio quondam praesente deorum...
Nam memoro, memorique animo pia verba notavi...
Unus erit, quem tu tolles in caerula coeli,
Dixisti. rata sit verborum summa tuorum.
Annuit omnipotens, et nubibus aera caecis
Occuluit, tonitruque et fulgure terruit orbem.
Quae sibi promissae sensit data signa rapinae,
Innixusque hastae pressos temone cruento
Impavidus conscendit equos Gradivus, et ictu
Verberis increpuit, pronusque per aera lapsus
Constitit in summo nemorosi colle Palati:
Reddentemque suo iam regia iura Quiriti
Abstulit Iliaden. Corpus mortale per auras
Dilapsum tenues, ut lata plumbea funda
Missa solet medio glans intabescere coelo.
Pulchra subit facies et pulvinaribus altis
Dignior, est qualis trabeati forma Quirini.

---

798 *воины Марса* — Римскіе солдаты, по родоначальнику Ромулу отъ Марса (см. 810) и Иліи. 802 *Зятнину кровь*; — недостатокъ въ женщинахъ повлекъ за собою извѣстное похищеніе Сабинокъ, бывшее причиной войны, о которой здѣсь идетъ рѣчь, но жены примирили враждующихъ и Сабинскій царь Тацій раздѣлилъ съ Ромуломъ верховную власть 819 *Опершись на копье* свою эмблему, — *Градивъ* собственно прилагательное *шествующій*, превратившееся въ прозваніе Марса. 825 *свинцовая*

Ключъ небывалый прикрылъ, покуда воины Марса
Вооружались. Когда жь на встрѣчу ихъ Ромулъ направилъ
И по Римской землѣ тѣла распростерлись Сабинцевъ,
И распростерлись тѣла и своихъ, и мечъ нечестивый
Зятнину кровь заодно смѣшалъ и съ тестевой кровью;
Миромъ покончить войну однако рѣшили, чтобъ дольше
Имъ не сражаться мечемъ, и Тацій участвовалъ въ царствѣ.
Тацій скончался, и ты изрекалъ обоимъ народамъ,
Ромулъ, свой судъ наравнѣ; тутъ Марсъ, снявъ каску, такія
Рѣчи сталъ говорить отцу и безсмертныхъ и смертныхъ:
„Время, родитель, теперь, когда на могучихъ основахъ
Римское царство стоитъ, завися отъ власти единой,
Уже награду воздать, что мнѣ и достойному внуку
Ты обѣщалъ и, поднявъ съ земли, водворить его въ небѣ.
Ты мнѣ когда то сказалъ передъ божескимъ цѣлымъ собраньемъ...
Ибо я помню, и рѣчь сохраняю въ душѣ благодарной...
Будетъ одинъ на землѣ, котораго въ синее небо
Ты вознесешь. Утверди исполненіемъ данное слово“.
Тутъ всемогущій кивнулъ и темными скрылъ облаками
Воздухъ и въ трепетъ привелъ громами и молніей землю.
Въ этомъ почувствовавъ знакъ, что дозволено стало восхитить,
Опершись на копье, Градивъ возсѣлъ на тѣснимыхъ
Дышломъ кровавымъ коней и звонко бичемъ ихъ ударилъ,
И съ воздушныхъ высотъ на нихъ спустившися круто,
На вершинѣ холма лѣсистаго сталъ Палатина;
И Квиритамъ уже изрекавшаго царственный судъ свой
Иліи сына вознесъ. На воздухѣ смертное тѣло
Все разрѣшилось, какъ бы свинцовая пуля, что часто
Изъ пращи излетѣвъ, въ движеньи по воздуху таетъ.
Стало прекраснѣй лице и высокаго ложа достойнѣй
Станомъ подходитъ теперь онъ къ одѣтому въ пурпуръ Квирину.

пуля. У древнихъ, малознакомыхъ съ физическими явленіями, существовало понятіе о томъ, будто бы свинецъ, брошенный пращею или баллистою, накаляется и таетъ по мѣрѣ приближенія къ солнцу. 827 *высокаго ложа достойнѣй.* Въ торжественныхъ случаяхъ богамъ разстилались въ храмахъ высокія подстилки съ дорогими коврами, на которые ихъ изображенія клались вокругъ пышныхъ трапезъ. 828 *одѣтому въ пурпуръ Квирину* обоженному Ромулу.

Flebat ut amissum coniux. cum regia Iuno
830 Irin ad Hersiliam descendere limite curvo
Imperat, et vacuae sua sic mandata referre:
O et de Latia, o et de gente Sabina
Praecipuum, matrona, decus, dignissima tanti
Ante fuisse viri, coniux nunc esse Quirini,
835 Siste tuos fletus. et si tibi cura videndi
Coniugis est, duce me lucum pete, colle Quirini
Qui viret et templum Romani regis obumbrat.
Paret, et in terram pictos delapsa per arcus,
Hersiliam iussis compellat vocibus Iris.
840 Illa verecundo vix tollens lumina vultu:
O dea,.. namque mihi nec quae sis dicere promtum est,
Et liquet esse deam... duc, o duc, inquit, et offer
Coniugis ora mihi. quae si modo posse videre
Fata semel dederint, coelum accepisse fatebor.
845 Nec mora, Romuleos cum virgine Thaumantea
Ingreditur colles. Ibi sidus ab aethere lapsum
Decidit in terras. a cuius lumine flagrans
Herciliae crinis cum sidere cessit in auras.
Hanc manibus notis Romanae conditor urbis
850 Excipit, et priscum pariter cum corpore nomen
Mutat, Horamque vocat, quae nunc dea iuncta Quirino est.

---

845 Дочь Тавманта — Ирида. 851 *Гора—Hora*, — т. е. *Hera*, госпожа, повелительница, въ этомъ смыслѣ она кажется, подобно Фортунѣ, призывалась вмѣстѣ съ

Плакала какъ о погибшемъ супруга; Царица жь Юнона
Тотчасъ Иридѣ велитъ къ Герзиліи прямо спуститься
Дугообразной стезей, и вдовѣ передать по приказу:
„О и Латинской страны и вмѣстѣ Сабинскаго рода
Главная ты же краса, о женщина, прежде такого
Мужа достойна вполнѣ, а нынѣ супруга Квирина,
Слезы уйми ты свои; и если желаешь супруга
Видѣть, въ рощу ступай за мною на холмъ ты Квирина,
Что зеленѣетъ, и храмъ осѣняетъ властителя Рима“.
Ей послушна, спѣшитъ на землю стезей разноцвѣтной
И Герзиліи все говоритъ по приказу Ирида.
Та, подъемля едва глаза со взоромъ пугливымъ:
„О, богиня, рекла... хоть сказать не могу я какая,
Все же богиня... веди, о веди ты меня, и супруга
Мнѣ лице покажи; хоть разъ бы его увидать мнѣ
Дали судьбы, я тогда сказала бы, что я на небѣ“.
Тотчасъ на Ромуловъ холмъ она съ Тавмантіей дѣвой
Всходитъ. Съ эѳира скатяся, звѣзда тамъ упала на землю,
И отъ ея то огня волоса Герзиліи вспыхнувъ,
Вмѣстѣ съ той же звѣздой поднялись по эѳиру на небо.
Тутъ знакомой рукой строитель города Рима
Принялъ ее и у ней измѣнилъ и тѣло и имя;
Онъ ее Гóрой назвалъ, богиню въ союзѣ съ Квириномъ.

Квириномъ. Впрочемъ имя ея не имѣетъ ничего общаго ни съ Горами или Орами—часами, ни съ Герою—Юноной.

LIBER QUINTUS DECIMUS.

INDEX.

1. Myscelus.
2. Pythagoras.
3. Numa et Egeria. Hippolytus.
4. Tages. Romuli hasta. Cipus.
5. Aesculapius
6. Iulius Caesar.

MYSCELUS.

Quaeritur interea, quis tantae pondera molis
Sustineat, tantoque queat succedere regi.
Destinat imperio clarum praenuntia veri
Fama Numam. Non ille satis cognosse Sabinae
Gentis habet ritus. animo maiora capaci
Concipit, et quae sit rerum natura requirit.
Huius amor curae patria Curibusque relictis
Fecit ut Herculei penetraret ad hospitis urbem.
Graia quis Italicis auctor posuisset in oris
Moenia, quaerenti sic e senioribus unus
Rettulit indigenis, veteris non inscius aevi:
Dives ab oceano bobus Iove natus Iberis
Litora felici tenuisse Lacinia cursu
Fertur, et armento teneras errante per herbas

---

8 *Куры родныя* (см. 14, 778). 9 *спросилъ онъ*—Нума. 10 *Греческихъ стѣнъ*—города, основаннаго Греками, такъ какъ Нижняя Италія была покрыта Греческими поселеніями и потому называлась *Великою Греціей*. 12 *Иберійскихъ быковъ*—Испан-

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Мисцелъ. . . . . Ст. 1—59
2. Пиѳагоръ . . . . „ 60—478
3. Нума и Эгерія. Ипполитъ . . . . „ 479—546
4. Тагъ. Копье Ромула. Ципъ . . . . „ 547—621
5. Эскулапій . . . . „ 622—744
6. Юлій Цезарь. . . . . „ 745—870

МИСЦЕЛЪ.

Ищутъ межъ тѣмъ, кто бы былъ подобной тяжести бремя
Взять на себя, и царю такому наслѣдовать въ силахъ.
Предназначаетъ молва въ своемъ предчувстіи правды
Славнаго Нуму. И онъ не только что знаетъ обряды
Всѣ у Сабинцевъ; умомъ обширнымъ онъ больше объемлетъ,
И природу вещей познать прилагаетъ старанье.
Къ этому дѣлу любовъ его побудила, покинувъ
Куры родныя, во градъ Геркулесова друга пробраться.
Какъ спросилъ онъ, кто былъ строитель въ землѣ Италійской
Греческихъ стѣнъ, то одинъ ему изъ самыхъ старѣйшихъ
Мѣстныхъ людей сообщилъ, не безъ знанія древняго вѣка:
„Отъ океана, набравъ Иберійскихъ быковъ, сынъ Зевеса
На счастливомъ пути береговъ Лацинійскихъ достигнулъ,
Какъ говорятъ, и, пустивъ скотину по нѣжному корму,

скихъ быковъ Геріона (см. 9, 184), *сынъ Зевеса*—Геркулесъ. 13 *Лациній*—мысъ въ южной Италіи (Великой Греціи) близъ Кротоны со славнымъ храмомъ Юноны.

Ipse domum magni nec inhospita tecta Crotonis
Intrasse, et requie longum relevasse laborem:
Atque ita discedens: Aevo, dixisse, nepotum
Hic locus urbis erit. promissaque vera fuerunt.
Nam fuit Argolico generatus Alemone quidam
Myscelus, illius dis acceptissimus aevi.
Hunc super incumbens pressum gravitate soporis
Claviger alloquitur: Patrias, age, desere sedes,
I, pete diversi lapidosas Aesaris undas
Et, nisi paruerit, multa ac metuenda minatur.
Post ea discedunt pariter somnusque deusque.
Surgit Alemonides, tacitaque recentia mente
Visa refert, pugnatque diu sententia secum.
Numen abire iubet. prohibent discedere leges,
Poenaque mors posita est patriam mutare volenti.
Candidus oceano nitidum caput abdiderat Sol,
Et caput extulerat densissima sidereum nox:
Visus adesse idem deus est eademque monere,
Et, nisi paruerit, plura et graviora minari.
Pertimuit. patriumque simul transferre parabat
In sedes penetrale novas. Fit murmur in urbe,
Spretarumque agitur legum reus. Utque peracta est
Causa prior, crimenque patet sine teste probatum,
Squalidus ad superos tollens reus ora manusque:
O cui ius coeli bis sex fecere labores,
Fer precor, inquit, opem. nam tu mihi criminis auctor.
Mos erat antiquus niveis atrisque lapillis,
His damnare reos, illis absolvere culpa.
Tunc quoque sic lata est sententia tristis. et omnis
Calculus immitem demittitur ater in urnam.
Quae simul effudit numerandos versa lapillos,
Omnibus e nigro color est mutatus in album,
Candidaque Herculeo sententia numine facta
Solvit Alemoniden. Grates agit ille parenti

---

15 Этотъ Кротонъ совершенно неизвѣстенъ. 22 *Палиценосецъ* — Геркулесъ. 23 *Эзаръ* — рѣка, на которой стояла Кротона. 28 По законамъ Ликурга частное выселеніе наказывалось въ Спартѣ смертью. По болѣе снисходительнымъ законамъ

Самъ отправился въ домъ подъ привѣтную кровлю Кротона
И покоемъ себя облегчилъ отъ долгихъ усилій;
А когда уходилъ, то сказалъ: „Ко времени внуковъ
Мѣсто тутъ городу быть“; и вправду сбылись обѣщанья.
Ибо затѣмъ порожденъ Арголійцемъ Алемономъ нѣкій
Былъ Мисцелъ, въ тѣ года богами отмѣнно любимый.
Вотъ къ нему то склонясь, погруженному въ сонъ глубочайшій,
Палиценосецъ сказалъ: „Покинь мѣста ты родныя,
Тотчасъ иди къ берегамъ каменистымъ и дальнимъ Эзара“,
И бѣдами грозитъ ему, если не будетъ послушенъ.
Вслѣдъ за этимъ и сонъ и богъ въ то же время исчезли.
Алемонидъ поднялся и въ умѣ озираетъ безмолвно
Все, что сейчасъ увидалъ, и съ собою онъ борется долго.
Богъ велитъ уходить; выселяться законъ воспрещаетъ,
Смертною казнью грозя за желанье покинуть отчизну.
Скрыло уже въ океанъ главу блестящую солнце,
Ночь подняла ужь главу въ звѣздахъ, насѣянныхъ часто,
Тотъ же является богъ и въ томъ же его убѣждаетъ,
И большею бѣдой грозитъ, коль не будетъ послушенъ.
Тотъ испугался, и тутъ помышляетъ родную святыню
Въ новое мѣсто отнесть. Возникаетъ въ городѣ ропотъ,
Обвиняется онъ въ нарушеньи законовъ. И послѣ
Первой улики, когда безъ свидѣтелей замыслъ сталъ явенъ,
Обвиненный къ богамъ подъемля и взоры и руки:
„О, чрезъ двѣнадцать трудовъ достигнувшій права на небо,
Мнѣ, возопилъ, помоги; вѣдь ты жь преступленья виновникъ“.
Древній обычай велѣлъ брать камешковъ бѣлыхъ и черныхъ,
Этихъ чтобы осудить, а тѣхъ заявить оправданье.
Такъ и тогда приговоръ состоялся печальный, и каждый
Камешекъ чернымъ былъ опущенъ въ непреклонную урну.
Какъ для камешковъ счета она опрокинулась разомъ,
То оказался ихъ цвѣтъ измѣненнымъ изъ чернаго въ бѣлый,
И божествомъ Геркулеса рѣшеніе ставъ благосклоннымъ,
Алемонида спасло. Отцу Амфитріониду,

Солоновымъ оно дозволялось отдѣльнымъ лицамъ въ Аѳинахъ. 39 *О, чрезъ двѣнадцать трудовъ*—обращеніе къ Геркулесу.

Amphitryoniadae, ventisque faventibus aequor
50 Navigat Ionium, Lacedaemoniumque Tarentum
Praeterit, et Sybarin, Sallentinumque Neretum,
Thurinosque sinus, Crimisanque et Iapygis arva.
Vixque pererratis, quae spectant litora, terris,
Invenit Aesarei fatalia fluminis ora,
55 Nec procul hinc tumulum, sub quo sacrata Crotonis
Ossa tegebat humus. iussaque ibi moenia terra
Condidit, et nomen tumulati traxit in urbem.
Talia constabat certa primordia fama
Esse loci positaeque Italis in finibus urbis.

PYTHAGORAS.

60 Vir fuit hic, ortu Samius. sed fugerat una
Et Samon et dominos, odioque tyrannidis exsul
Sponte erat. isque, licet coeli regione remotus,
Mente deos adiit, et quae natura negabat
Visibus humanis, oculis ea pectoris hausit.
65 Cumque animo et vigili perspexerat omnia cura,
In medium discenda dabat. coetusque silentum
Dictaque mirantum magni primordia mundi
Et rerum causas et quid natura, docebat:
Quid deus, unde nives, quae fulminis esset origo,
70 Iuppiter an venti discussa nube tonarent,
Quid quateret terras, qua sidera lege mearent,
Et quodcunque latet. primusque animalia mensis
Arguit imponi. primus quoque talibus ora
Docta quidem solvit, sed non et credita, verbis:

---

50 *Торентъ*, основанный Спартанцами. 51 Здѣсь упоминается и Сибарисъ, на развалинахъ котораго Аѳинскими поселенцами построенъ городъ Турій. *Неретъ* былъ городъ Саллентинцевъ, прибрежнаго народа въ нижней Италіи. *Кримизъ* или *Кримисъ* рѣка въ южной Сициліи. 57 *Онъ*—Мисцеллъ, давши городу названіе Кротоны, исполнилъ обѣщаніе Геркулеса. 60 *Мужъ изъ Самоса тутъ жилъ* — Пиѳагоръ, проживавшій въ 6 вѣкѣ до Р. Х. Изъ любознанія онъ покинулъ отечество, проѣхалъ по Египту и Персіи, чтобы научиться мудрости у ихъ жрецовъ. Когда по возвращеніи въ отечество онъ нашелъ его угнетеннымъ Поликратомъ, то отправился въ Кротону. Здѣсь въ свободномъ городѣ онъ открыто выступилъ съ ученіемъ о мірѣ, природѣ и божествѣ, и пріобрѣлъ многихъ послѣдователей. Вліяніе его на учени-

Онъ благодарность воздалъ, и при вѣтрѣ попутномъ пустился
По Іонійскимъ волнамъ, миновалъ Тарентъ онъ Лаконскій,
Слѣдомъ затѣмъ Сибарисъ и также Неретъ Саллентинскій,
И Туринскій заливъ и Кримизу и земли Япиги.
Только успѣлъ миновать тѣ земли, что на берегъ смотрятъ,
То по обѣту нашелъ онъ устье потока Эзара;
Холмъ недалеко отъ нихъ, подъ коимъ священныя кости
Скрыты Кротона въ землѣ; въ странѣ заповѣданной стѣны
Онъ построилъ, и свелъ съ погребеннаго имя на городъ".
По достовѣрной молвѣ, такое то было начало
Мѣста и города, что построенъ въ землѣ Италійской.

ПИѲАГОРЪ.

Мужъ изъ Самоса тутъ жилъ; но бѣжалъ заодно и Самоса
И властителей онъ и, не любя тираніи,
Самъ въ изгнанье пошелъ; и хоть небомъ отъ нихъ отдаленный,
Духомъ всходилъ до боговъ, и въ то, что природа сокрыла
Отъ человѣческихъ глазъ, вникалъ онъ внутреннимъ взоромъ.
И что духомъ своимъ съ неусыпной заботой вскрывалъ онъ,
Всѣмъ къ изученью давалъ, и большое собранье безмолвныхъ
И изумляемыхъ имъ о началѣ великаго міра,
О причинахъ вещей и значеньи природы училъ онъ:
Что есть богъ, и откуда снѣга, что причиною молній,
И гремитъ ли Зевесъ или вѣтръ, разрывающій тучи,
Чѣмъ трясется земля, законы въ чемъ звѣздныхъ движеній,
Все, что скрыто отъ насъ; воспретилъ онъ первый животныхъ
На столахъ подавать; и первый, уста отверзая,
Мудрыя рѣчи сказалъ, хотя не внушившія вѣры:

ковъ было такъ велико, что въ подтвержденіе высказанныхъ мнѣній они вмѣсто доводовъ повторяли: *самъ такъ сказалъ.* У Овидія излагается та часть его ученія, которая наиболѣе соприкасается съ превращеніями. 62 Не смотря на Heinsius и новѣйшихъ нѣмецкихъ издателей, мы придерживаемся чтенія Bach, Jahn, Lörs, Freund и другихъ, имѣющаго кромѣ того за себя бо̀льшое число кодексовъ remotus, и относимъ это прилагательное къ is, а не къ deos; Овидій говоритъ почти то же въ Trist. III. 4. 73: sate tamen quamvis longa regione remotus. 66 *собранье безмолвныхъ.* Молчаніе было первымъ закономъ для его учениковъ; поэтому *Пиѳагорское молчаніе* стало поговоркой. 74 *не внушившія вѣры*, такъ какъ люди продолжаютъ ѣсть мясное.

75 Parcite, mortales, dapibus temerare nefandis
Corpora! Sunt fruges, sunt deducentia ramos
Pondere poma suo, tumidaeque in vitibus uvae:
Sunt herbae dulces, sunt quae mitescere flamma
Mollirique queant. nec vobis lacteus humor
80 Eripitur, nec mella thymi redolentia flore.
Prodiga divitias alimentaque mitia tellus
Suggerit, atque epulas sine caede et sanguine praebet.
Carne ferae sedant ieiunia, nec tamen omnes.
Quippe equus et pecudes armentaque gramine vivunt.
85 At quibus ingenium est immansuetumque ferumque,
Armeniae tigres iracundique leones,
Cumque lupis ursi, dapibus cum sanguine gaudent.
Heu quantum scelus est in viscera condi,
Congestoque avidum pinguescere corpore corpus,
90 Alteriusque animantem animantis vivere leto!
Scilicet in tantis opibus, quas optima matrum
Terra creat, nil te nisi tristia mandere saevo
Vulnera dente iuvat, ritusque referre Cyclopum?
Nec, nisi perdideris alium, placare voracis
95 Et male morati poteris ieiunia ventris?
At vetus illa aetas, cui fecimus aurea nomen,
Fetibus arboreis et quas humus educat herbis
Fortunata fuit, nec polluit ora cruore.
Tunc et aves tutae movere per aera pennas,
100 Et lepus impavidus mediis erravit in arvis,
Nec sua credulitas piscem suspenderat hamo:
Cuncta sine insidiis nullamque timentia fraudem
Plenaque pacis erant. Postquam non utilis auctor
Victibus invidit, quisquis fuit ille, deorum,
105 Corporeasque dapes avidam demersit in alvum,

---

80 *Тминъ* какъ растеніе, снабжающее пчелъ превосходнымъ воскомъ, часто упоминается у древнихъ поэтовъ; имъ славился Аттическій (см. 7, 702) и Гиблейскій (Гибла—гора въ Сициліи) медъ. 104 Разногласіе въ отношеніи этого стиха между новѣйшими издателями: Merkel—priorum, Haupt—leonum, Gierig—virorum, Riese—piorum (причемъ, кромѣ *ego*, онъ другаго авторитета не приводитъ!), Naderman—ferrarum, даетъ намъ право отвергнуть всѣ эти варіанты и избрать устарѣлое, и

„Смертные, бойтесь тѣла осквернять непотребною пищей!
Есть на это зерно и плоды, что собственнымъ вѣсомъ
Вѣтви склоняютъ, и есть со вздутыми гроздьями лозы;
Сладкія травы затѣмъ, которымъ пламя и нѣжность,
Вмѣстѣ и мягкость даетъ; отъ васъ ни молочная влага
Не отнята, ни соты, духовитые цвѣтомъ тимьяна;
Расточая дары, земля намъ кроткую пищу
Производитъ, и яствъ безъ убійства и крови подноситъ.
Звѣри, однако не всѣ, укрощаютъ голодъ свой мясомъ.
Ибо и конь и овца и коровы живутъ лишь травою;
Тѣ же однако, чей нравъ необузданъ и дикъ совершенно,
Какъ свирѣпые львы, армянскіе тигры и волки
Съ медвѣдями, вотъ тѣ кровавую любятъ трапезу.
О, что за ужасъ во внутрь чужую внутренность прятать,
И, глотая тѣла, утучнять ненасытное тѣло,
И животному жить другаго животнаго смертью!
Или средь столькихъ богатствъ, что добрѣйшая намъ порождаетъ
Матерь земля, для тебя ничего нѣтъ отраднѣй, чѣмъ зубомъ
Яростнымъ раны кусать, возвращаясь ко нравамъ Циклоповъ?
Неужель, не губя другаго, унять ты не можешь
Голода брюха съ его воспитаннымъ дурно обжорствомъ?
А вѣдь древній тотъ вѣкъ, что мы золотымъ называемъ,
Только плодами древесъ да почвой рожденной травою,
Былъ совершенно блаженъ и устъ своихъ кровью не пачкалъ.
Безопасны тогда летали по воздуху птицы,
И блуждалъ средь полей повсюду безтрепетный заяцъ,
А легковѣрность ея на крючекъ не вѣшала рыбу:
Всѣ безо всякихъ засадъ, никакихъ не страшася обмановъ,
Мирно живали они. Но когда непотребства виновникъ,
Кто бы онъ ни былъ таковъ, отказался отъ божеской пищи,
И утробу свою наполнилъ тѣлесною снѣдью,

нынѣ въ Германіи совершенно оставленное, чтеніе, предложенное первымъ Jahn (разработавшаго 26 кодексовъ для своего изданія, 1828—32 г.)—deorum. Аргументъ противъ этого Boissonade, что именно мясная пища и есть пища боговъ, такъ какъ она подносилась имъ на жертвенникахъ, насъ не убѣждаетъ въ ошибочности этого чтенія, которое находится также у Bach, Boothe, Ochsner и Lörs.

Fecit iter sceleri. Primoque e caede ferarum
Incaluisse putes maculatum sanguine ferrum.
Idque satis fuerat. nostrumque petentia letum
Corpora missa neci salva pietate fatemur.
Sed quam danda neci, tam non epulanda fuerunt.
Longius inde nefas abiit, et prima putatur
Hostia sus meruisse mori, quia semina pando
Eruerat rostro, spemque interceperit anni.
Vite caper morsa Bacchi mactandus ad aras
Ducitur ultoris. Nocuit sua culpa duobus.
Quid meruistis, oves, placidum pecus inque tuendos
Natum homines, pleno quae fertis in ubere nectar,
Mollia quae nobis vestras velamina lanas
Praebetis, vitaque magis, quam morte iuvatis?
Quid meruere boves, animal sine fraude dolisque,
Innocuum, simplex, natum tolerare labores?
Immemor est demum, nec frugum munere dignus,
Qui potuit curvi demto modo pondere aratri
Ruricolam mactare suum, qui trita labore
Illa, quibus toties durum renovaverat arvum,
Tot dederat messes, percussit colla securi.
Nec satis est, quod tale nefas committitur, ipsos
Inscripsere deos sceleri, numenque supernum
Caede laboriferi credunt gaudere iuvenci.
Victima labe carens et praestantissima forma..
Nam placuisse nocet.. vittis praesignis et auro
Sistitur ante aras, auditque ignara precantem,
Imponique suae videt inter cornua fronti
Quas coluit, fruges, percussaque sanguine cultros
Inficit in liquida praevisos forsitan unda.
Protinus ereptas viventi pectore fibras
Inspiciunt, mentesque deum scrutantur in illis.
Unde fames homini vetitorum tanta ciborum est?
Audetis vesci, genus o mortale? Quod, oro,
Ne facite, et monitis animos advertite nostris,

---

131 *и злата* — съ золочеными рогами (см. 7, 162). 132 *непонятную* — для нея (см. 1, 658). 135 *тотъ, что раньше въ водѣ увидала.* При осѣненіи ножемъ, жертва

Злу онъ дорогу открылъ. Сперва накалилось желѣзо,
Надо думать, въ крови убитыхъ звѣрей запятнавшись.
Было бъ довольно того, что въ смерть посылаемъ мы нашей
Смерти хотящихъ звѣрей, не смущаясь душой признаемся.
Но на сколько ихъ бить, настолько не ѣсть было нужно.
Дальше оттуда пошло безчинство, и думаютъ первой
Жертвою, смерть свою свинья заслужила, взрывая
Рыломъ наклоннымъ посѣвъ и губя годовую надежду.
За огладанье лозы къ алтарю былъ мстящаго Вакха
Жертвой козелъ приведенъ. Повредила вина ихъ обоимъ.
Въ чемъ ты виновна овца, рожденная людямъ на пользу,
Мирная тварь, что несешь въ сосцахъ переполненныхъ нектаръ,
Мягкія въ шерсти своей ты намъ предлагаешь одежды,
И полезнѣе ты своею жизнью, чѣмъ смертью?
Чѣмъ провинился и волъ, обмановъ и хитростей чуждый,
Вовсе безвредный, простой, труды выносить порожденный?
Неблагодаренъ вполнѣ и хлѣбныхъ даровъ недостоинъ,
Кто въ состояньи сейчасъ, снявъ грузъ искривленнаго плуга;
Пахаря тутъ же убить своего, кто стертую шею,
Ту, которой не разъ тотъ взмётывалъ твердое поле,
Столько и жатвъ даровалъ, ударитъ смертельной сѣкирой.
Мало того, что творятъ такое безчинство, злодѣйство
Приписали самимъ богамъ, и вѣрятъ, что силы
Неба убійству быка то трудолюбиваго рады.
Жертва безъ всякихъ отмѣтъ и самая дивная видомъ...
Нравиться вѣдь же вредитъ... въ убранствѣ повязокъ и злата
Ставится предъ алтаремъ и, мольбу непонятную слыша,
Видитъ, что между роговъ у нея на лобъ возлагаютъ
Ею добытыхъ плодовъ, и пронзенная ножъ обливаетъ
Кровію, можетъ быть тотъ, что раньше въ водѣ увидала.
Тотчасъ изъ груди живой исторгнувши внутренность, смотрятъ
И стараются въ нихъ разыскать боговъ изволенье.
Но у людей то позывъ откуда къ запретной имъ пищѣ?
Смѣете ль ѣсть вы ее, о смертные? Я умоляю,
Не предавайтесь тому и моимъ увѣщаньямъ внемлите.

видѣла въ водѣ его отраженіе (Fasti 1, 327).

Cumque boum dabitis caesorum membra palato,
Mandere vos vestros scite et sentite colonos.
Et quoniam deus ora movet, sequar ora moventem
Rite deum, Delphosque meos ipsumque recludam
Aethera et augustae reserabo oracula mentis.
Magna nec ingeniis investigata priorum,
Quaeque diu latuere, canam. Iuvat ire per alta
Astra, iuvat terris et inerti sede relicta
Nube vehi, validique humeris insistere Atlantis:
Palantesque homines passim ac rationis egentes
Despectare procul, trepidosque obitumque timentes
Sic exhortari, seriemque evolvere fati.
O genus attonitum gelidae formidine mortis!
Quid Styga, quid tenebras et nomina vana timetis,
Materiem vatum, falsique pericula mundi?
Corpora sive rogus flamma, seu tabe vetustas
Abstulerit, mala posse pati non ulla putetis.
Morte carent animae, semperque priore relicta
Sede novis domibus vivunt habitantque receptae.
Ipse ego.. nam memini... Troiani tempore belli
Panthoides Euphorbus eram, cui pectore quondam
Haesit in adverso gravis hasta minoris Atridae.
Cognovi clipeum, laevae gestamina nostrae,
Nuper Abanteis templo Iunonis in Argis.
Omnia mutantur. nihil interit. Errat, et illinc
Huc venit, hinc illuc, et quoslibet occupat artus
Spiritus, eque feris humana in corpora transit,
Inque feras noster, nec tempore deperit ullo.
Utque novis facilis signatur cera figuris,
Nec manet ut fuerat, nec formas servat easdem,
Sed tamen ipsa eadem est: animam sic semper eandem
Esse, sed in varias doceo migrare figuras.
Ergo ne pietas sit victa cupidine ventris,

---

144 *Дельфы свои.* Свою, высшимъ прозрѣнiемъ проникнутую, грудь онъ называетъ своими Дельфами. 149 *на могучихъ плечахъ у Атланта* (см. 4, 657). Мысль та, что насколько радостно самому возноситься надъ толпою, неспособною отдавать себѣ отчета во внутренной связи своихъ дѣйствiй, настолько же отрадно объяснять ей эту связь. 160 *Самъ я...* Въ доказательство переселенiя души, Пиѳагоръ разска-

И какъ члены быковъ убитыхъ вы въ ротъ понесете,
Знайте и чувствуйте, что жуете своихъ вы рабочихъ.
Разъ что богъ мнѣ разверзъ уста, я внушенію бога
Слѣдую, какъ надлежитъ, и Дельфы свои да и небо
Самое вскрою для васъ и оракулъ священнаго духа.
Я великое вамъ, недоступное генію прежнихъ,
Скрытое всѣмъ, возвѣщу. Какъ радостно по небу мчаться
Надъ звѣздами, и радостно землю недвижную бросивъ,
Плыть на тучѣ и стать на могучихъ плечахъ у Атланта,
И бродящихъ въ разбродъ людей, лишенныхъ разсудка
Видѣть далеко внизу, и въ трепетѣ ждущихъ кончины,
Такъ и ихъ поучать и судьбы развивать имъ теченье.
О запуганный родъ передъ ужасомъ смерти холодной!
Что же вы Стикса, ночей и пустыхъ названій боитесь,
Лишь поэтическихъ грезъ и опасностей лживаго міра?
Хоть бы тѣло костеръ огнями иль плѣсенью ветхость
Уничтожили, все не считайте, что вредъ ему выйдетъ.
Смерти не знаетъ душа, и всегда первобытный покинувъ
Домъ, избираетъ иной и, въ немъ водворясь, проживаетъ.
Самъ я... того не забылъ... во время Троянской осады
Панѳоидомъ уже былъ Эвфорбомъ, которому древле
Въ грудь жестоко впилось копье меньшаго Атрида.
Щитъ недавно призналъ, что лѣвой носилъ я рукою,
Самъ въ Абантейской землѣ, въ Аргосѣ, во храмѣ Юноны.
Все измѣняется, но ничто не гибнетъ. Блуждаетъ
То оттуда сюда, то туда отсюда, и въ тѣло
Входитъ ближайшее духъ, въ людское тѣло изъ звѣря,
Въ звѣря обратно и нашъ, никогда онъ исчезнуть не можетъ.
Какъ податливый воскъ, все новые знаки пріемля,
Не остается какъ былъ, и форму не ту жь сохраняетъ,
Но все тотъ же межъ тѣмъ; такъ и я поучаю, что той же
Все пребываетъ душа, но въ разные образы входитъ.
Такъ чтобъ не быть добротѣ побѣжденною алчностью брюха,

зываетъ, какъ подъ Троей онъ, будучи въ то время сыномъ Панѳоя Эвфорбомъ, былъ убитъ Менелаемъ, который въ землѣ Абанта, въ Аргосѣ повѣсилъ во храмѣ Юноны снятый съ Эвфорба щитъ и, когда черезъ 500 лѣтъ затѣмъ признанный Пиѳагоромъ щитъ былъ снятъ со стѣны, то на оборотѣ его прочли имя Эвфорба.

Parcite, vaticinor, cognatas caede nefanda
Exturbare animas, nec sanguine sanguis alatur.
Et quoniam magno feror aequore plenaque ventis
Vela dedi: nihil est, toto quod perstet in orbe.
Cuncta fluunt, omnisque vagans formatur imago.
Ipsa quoque assiduo labuntur tempora motu,
Non secus ac flumen. Neque enim consistere flumen,
Nec levis hora potest. sed ut unda impellitur unda,
Urgeturque eadem veniens urgetque priorem:
Tempora sic fugiunt pariter, pariterque sequuntur:
Et nova sunt semper. nam quod fuit ante, relictum est,
Fitque, quod haud fuerat, momentaque cuncta novantur.
Cernis et emensas in lucem tendere noctes,
Et iubar hoc nitidum nigrae succedere nocti.
Nec color est idem coelo, cum lassa quiete
Cuncta iacent media, cumque albo Lucifer exit
Clarus equo. rursusque alius, cum praevia lucis
Tradendum Phoebo Pallantias inficit orbem.
Ipse dei clipeus, terra cum tollitur ima,
Mane rubet, terraque rubet cum conditur ima:
Candidus in summo est, melior natura quod illic
Aetheris est terraeque procul contagia fugit.
Nec par aut eadem nocturnae forma Dianae
Esse potest unquam. semperque hodierna sequente,
Si crescit, minor est, maior, si contrahit orbem.
Quid? non in species succedere quattuor annum
Aspicis, aetatis peragentem imitamina nostrae?
Nam tener et lactens puerique simillimus aevo
Vere novo est. tunc herba recens et roboris expers
Turget, et insolida est, et spe delectat agrestes.
Omnia tunc florent, florumque coloribus almus
Ludit ager, neque adhuc virtus in frondibus ulla est.
Transit in aestatem post ver robustior annus,
Fitque valens iuvenis. neque enim robustior aetas
Ulla, nec uberior, nec quae magis ardeat ulla est.

---

176 *пустился въ море* — пошелъ по этому направленію. 191 *Паллантида* (см. 9, 421). 192 *божескій щитъ*—Солнце, названное такъ ради круглаго вида. По той

Бойтесь, вѣщаю я вамъ, изгонять родимыя души
Злобнымъ убійствомъ, и кровь да не будетъ кровью питаться.
И если разъ уже я пустился въ море, и вѣтрамъ
Всѣ развернулъ паруса: ничего нѣтъ стойкаго въ мірѣ.
Все лишь течетъ и въ движеніи каждый слагается образъ.
Самое время впередъ идетъ въ непрестанномъ движеньи,
Словно какая рѣка. Остановиться не можетъ
Ни рѣка и ни часъ; какъ волна волну подгоняетъ
И, тѣснима сама, тѣснитъ набѣжавшую раньше,
Также бѣгутъ времена, и также слѣдятъ другъ за другомъ.
Вѣчно новы они, ибо все, что ужъ было, отстало,
Что не бывало, встаетъ, и въ каждое ново мгновенье.
Видишь возникшія ты и къ свѣту идущія ночи
И блестящій тотъ свѣтъ, за сумракомъ ночи идущій,
Да не тотъ же и цвѣтъ у неба, когда все уставши
Въ полномъ покоѣ лежитъ, и когда выѣзжаетъ на бѣломъ
Люциферъ ясный конѣ; и другой, коль предвѣстница свѣта
Міръ, чтобы Фебу его передать, Паллантида окраситъ.
Даже и божескій щитъ, когда подымается съ земи,
Красенъ съ утра, и когда подъ землю уходитъ, онъ красенъ;
Чистъ онъ на самомъ верху, потому что природа эѳира
Лучше тамъ, и бѣжитъ отъ заразы земной удалиться.
Равной иль тою же быть никогда и полночной Діаны
Форма не можетъ; всегда сегодня, коль дѣло на прибыль,
Меньше чѣмъ завтра объемъ; и больше, коль кругъ на ущербѣ.
Что же? не видишь ли ты, какъ годъ, проходя чрезъ четыре
Вида, проводитъ и самъ подражаніе нашему вѣку?
Ибо съ возрастомъ нѣжнымъ младенца сосущаго сходства
Много сперва у весны; трава тутъ, еще не окрѣпнувъ,
Только ботѣетъ, слаба и радуетъ духъ селянина.
Все въ то время цвѣтетъ, играетъ кормилица нива
Красками всякихъ цвѣтовъ, и въ вѣткахъ покуда нѣтъ мощи.
Вслѣдъ за весной возмужавъ, уже годъ переходитъ на лѣто,
Мощнымъ онъ юношей сталъ; нѣтъ возраста съ большею силой,
Нѣтъ и роскошнѣй его и нѣтъ, чтобъ пылалъ еще больше.

же причинѣ Циклопъ Полифемъ сравниваетъ единственный глазъ свой съ большимъ щитомъ (см. 13, 852).

Excipit autumnus, posito fervore iuventae
Maturus mitisque, inter iuvenemque senemque
Temperie medius, sparsus quoque tempora canis.
Inde senilis hiems tremulo venit horrida passu,
Aut spoliata suos, aut, quos habet, alba capillos.
Nostra quoque ipsorum semper requieque sine ulla
Corpora vertuntur. nec quod fuimusve sumusve,
Cras erimus. Fuit illa dies, qua semina tantum
Spesque hominum prima materna habitavimus alvo.
Artifices natura manus admovit, et angi
Corpora visceribus distentae condita matris
Noluit, eque domo vacuas emisit in auras.
Editus in lucem iacuit sine viribus infans:
Mox quadrupes, rituque tulit sua membra ferarum:
Paulatimque tremens et nondum poplite firmo
Constitit, adiutis aliquo conamine nervis.
Inde valens veloxque fuit, spatiumque iuventae
Transit, et emeritis medii quoque temporis annis,
Labitur occiduae per iter declive senectae.
Subruit haec aevi demoliturque prioris
Robora. fletque Milon senior, cum spectat inanes
Illos, qui fuerant solidorum mole tororum
Herculeis similes, fluidos pendere lacertos.
Flet quoque, ut in speculo rugas aspexit aniles,
Tyndaris, et secum, cur sit bis rapta, requirit.
Tempus edax rerum, tuque invidiosa vetustas,
Omnia destruitis, vitiataque dentibus aevi
Paulatim lenta consumitis omnia morte.
  Haec quoque non perstant, quae nos elementa vocamus:
Quasque vices peragant,.. animos adhibete!.. docebo.
Quattuor aeternus genitalia corpora mundus
Continet. ex illis duo sunt onerosa, suoque

---

229 *Милонъ*—Кротонскій, не только современникъ, но согражданинъ и другъ Пиѳагора, былъ знаменитый своею силою въ древности атлетъ. Приводимое здѣсь разсказано и въ статьѣ Цицерона о старости (гл. 9): „Когда Милонъ сталъ старикомъ и увидалъ борцовъ, упражняющихся въ палестрѣ, то взглянулъ на свои руки и сказалъ, проливая слезы. „Но эти (руки) вотъ уже умерли". 232 *Тиндара дочь* —

Слѣдуетъ осень затѣмъ и, пылъ молодой покидая,
210 Зрѣлую кротость несетъ, между юношей ставши и старцемъ,
Держитъ средину она, осыпая виски сѣдинами.
Старческая тутъ зима на ногахъ дрожащихъ подходитъ,
Или утративъ свои волоса, иль, хоть есть они, въ бѣлыхъ.
Да и у насъ то самихъ тѣла безъ отдыха вѣчно
215 Переходятъ; и мы не тѣмъ, чѣмъ были, и есть мы,
Будемъ и завтра. Былъ день, когда мы единое сѣмя,
На человѣка намекъ, проживали у матери въ чревѣ.
Тутъ природа свои приложила искусныя руки,
И чтобы тѣлу не дать въ глубинѣ материнской утробы
220 Задохнуться, его на воздухъ открытый пустила.
Выпущенъ только на свѣтъ лежалъ безсильный ребенокъ;
На четверенькахъ затѣмъ какъ звѣрь онъ членами двигалъ;
А понемногу дрожа и еще на нетвердыхъ колѣнахъ
Всталъ онъ, силамъ своимъ въ чемъ нибудь избирая опору.
225 Сталъ онъ тутъ силенъ и быстръ, прошелъ и юности поле
И, отбывши уже и средняго времени годы,
Онъ наклоннымъ путемъ нисходитъ къ старости дряхлой.
Эта, подкапывая, разрушаетъ прежняго вѣка
Силы; и плачетъ Милонъ, состарясь, при видѣ, что руки
230 Тѣ, что силою мышцъ упругихъ были подобны
Геркулесовскимъ, ужь безсильны висятъ, размягчившись.
Плачетъ и Тиндара дочь, глядя на морщины старухи
Въ зеркалѣ, и не пойметъ, за что похищена дважды.
Ненасытное время и ты, ненавистная старость,
235 Вы разрушаете все, и зубами вѣка попортя,
Мало по малу вы все поглощаете медленной смертью.
Не пребываетъ и то, что стихіями мы называемъ:
О перемѣнахъ и въ нихъ,... склоните вы слухъ!... возвѣщу я.
Производительныхъ тѣлъ содержится въ мірѣ четыре;
240 Два изъ нихъ тяжелы и собственной тяжестью оба,

Елена (см. 6, 109), до того измѣнилась, по словамъ поэта, что не можетъ понять, зачѣмъ видимую ею въ зеркалѣ старуху похищали два раза, такъ какъ кромѣ похищенія Парисомъ она въ первый разъ еще дѣвочкой была похищена Тезеемъ изъ храма Діаны въ Спартѣ и увезена въ Аттику, въ Афидну; но возвращена оттуда братьями Касторомъ и Поллукомъ.

Pondere in inferius, tellus atque unda, feruntur:
Et totidem gravitate carent, nulloque premente
Alta petunt, aer atque aere purior ignis.
Quae quanquam spatio distant, tamen omnia fiunt
Ex ipsis, et in ipsa cadunt. resolutaque tellus
In liquidas rarescit aquas, tenuatus in auras
Aeraque humor abit, demto quoque pondere rursus
In superos aer tenuissimus emicat ignes.
Inde retro redeunt, idemque retexitur ordo.
Ignis enim densum spissatus in aera transit,
Hinc in aquas, tellus glomerata cogitur unda.
Nec species sua cuique manet. rerumque novatrix
Ex aliis alias reparat natura figuras.
Nec perit in toto quicquam, mihi credite, mundo,
Sed variat faciemque novat. nascique vocatur
Incipere esse aliud, quam quod fuit ante. morique,
Desinere illud idem. cum sint huc forsitan illa,
Haec translata illuc, summa tamen omnia constant.
Nil equidem durare diu sub imagine eadem
Crediderim. Sic ad ferrum venistis ab auro,
Saecula. sic toties versa est fortuna locorum.
Vidi ego, quod fuerat quondam solidissima tellus,
Esse fretum. vidi factas ex aequore terras,
Et procul a pelago conchae iacuere marinae,
Et vetus inventa est in montibus ancora summis:
Quodque fuit campus, vallem decursus aquarum
Fecit. et eluvie mons est deductus in aequor:
Eque paludosa siccis humus aret arenis,
Quaeque sitim tulerant, stagnata paludibus hument.
Hinc fontes natura novos emisit, at illic
Clausit et aut imis commota tremoribus orbis
Flumina prosiliunt, aut excaecata residunt.
Sic ubi terreno Lycus est epotus hiatu,
Exsistit procul hinc alioque renascitur ore.

---

260 *Изъ золота.* Время золотаго вѣка, перейдя въ серебрянный, дошло до желѣзнаго. 265 *нападали на якорь старинный* едва ли? такъ какъ глубокая древность не знала якорей (см. 8, 102). 273 *Ликъ* — рѣка въ Великой Фригiи, которая на

И земля и вода, спуститься къ низу стремятся;
Сколько жъ безъ тяжести ихъ, они безъ давленья несутся
Вверхъ, какъ воздухъ, затѣмъ и огонь, что воздуха чище.
Хоть и пространствомъ они разрознены, только изъ нихъ то
245 Все возникаетъ и падаетъ въ нихъ; земля разрѣшившись
Жидкой выходитъ водой, въ пары утонченная влага
Въ воздухъ уходитъ затѣмъ и, съизнова вѣса лишенный,
Воздухъ тончайшій спѣшитъ въ огонь высочайшій умчаться.
Такъ переходятъ они и обратно и въ томъ же порядкѣ.
250 Ибо сгущенный огонь переходитъ въ воздухъ плотнѣйшій,
Тотъ уже въ воду, земля изъ сгущенной воды возникаетъ.
Виду никто своего не хранитъ; возрождая всѣ вещи,
Формы однѣ изъ другихъ же возстановляетъ природа.
И не гибнетъ ничто, повѣрьте вы мнѣ, въ цѣломъ мірѣ,
255 Лишь измѣняетъ свой ликъ. Родиться, начать означаетъ
Становиться инымъ, чѣмъ былъ до того; умереть же,
Этимъ же быть перестать; хоть это бы перемѣстилось
Вонъ туда, а это сюда, но то же въ итогѣ.
Также не можетъ ничто надолго остаться въ томъ самомъ
260 Видѣ, такъ думаю я. И съ золота такъ на желѣзо
Вы, вѣка, перешли; такъ мѣстностей жребій мѣнялся.
Самъ я видѣлъ, какъ то, что было прочнѣйшей землею,
Сдѣлалось моремъ; изъ волнъ возникшія земли я видѣлъ,
Какъ отъ моря вдали морскія лежали улитки,
265 И на высокихъ горахъ нападали на якорь старинный;
Что было полемъ, то въ долъ паденіе водъ превратило;
И разливами водъ гора превращалась въ равнину;
Изъ подъ болота земля горитъ сухими песками,
Знавшая жажду одну, стоячимъ сырѣетъ болотомъ.
270 Здѣсь небывалыхъ ключей испустила природа, а тутъ вотъ
Заперла; иль изъ безднъ изринуты землетрясеньемъ,
Рѣки бѣгутъ на просторъ, или изсушенныя сякнутъ.
Такъ, гдѣ выходитъ и Ликъ, поглощенный разверстой землею,
Въ отдаленьи оттоль возродясь изъ устья другаго.

нѣкоторомъ разстояніи исчезаетъ подъ землею и потомъ вновь появляется; равнымъ образомъ и Эразинъ въ Арголидѣ, превращенный поэтомъ въ мощную рѣку.

Sic modo combibitur, modo tecto gurgite lapsus
Redditur Argolicis ingens Erasinus in arvis.
Et Mysum capitisque sui ripaeque prioris
Poenituisse ferunt, alia nunc ire, Caicum.
Nec non Sicanias volvens Amenanus arenas
Nunc fluit, interdum suppressis fontibus aret.
Ante bibebatur, nunc quas contingere nolis,
Fundit Anigros aquas, postquam, nisi vatibus omnis
Eripienda fides, illic lavere bimembres
Vulnera, clavigeri quae fecerat Herculis arcus.
Quid? non et Scythicis Hypanis de montibus ortus,
Qui fuerat dulcis, salibus vitiatur amaris?
Fluctibus ambitae fuerant Antissa Pharosque
Et Phoenissa Tyros. quarum nunc insula nulla est.
Leucada continuam veteres habuere coloni:
Nunc freta circumeunt. Zancle quoque iuncta fuisse
Dicitur Italiae, donec confinia pontus
Abstulit et media tellurem reppulit unda.
Si quaeras Helicen et Burin, Achaidas urbes,
Invenies sub aquis. et adhuc ostendere nautae
Inclinata solent cum moenibus oppida mersis.
Est prope Pittheam tumulus Troezena, sine ullis
Arduus arboribus, quondam planissima campi
Area, nunc tumulus. nam... res horrenda relatu...
Vis fera ventorum, caecis inclusa cavernis,
Exspirare aliqua cupiens, luctataque frustra

---

277 *Каикъ Мизійскій*—недовольный своимъ русломъ, проложилъ другое (см. 2, 243 и 12, 111). 279 *пески Сиканскіе* — Сицилійскіе (см. 5, 464), близь Катаны. 280 *Аменанъ*, — о которомъ говорятъ, что онъ отъ засоренія ключей высыхаетъ иногда на нѣсколько лѣтъ, и вдругъ вырывается съ силою, приносящей городу наводненіе. 282 *Рѣка Анигръ*—въ Аркадіи по миѳическому преданію стала зловонной и непригодной для питья послѣ того, какъ въ ней *двоеликіе* (Центавры) омывали раны, причиненныя имъ отравленными стрѣлами *палиценосца* Геркулеса. 285 *Гипанъ*—рѣка Бугъ будто бы недалеко отъ своего впаденія въ море изъ небольшаго притока получаетъ столь горькую воду, что изъ прѣснаго становится совершенно горькимъ. 287 *Фаросъ* — островъ со знаменитымъ маякомъ въ устьяхъ Нила. По Гомеру онъ былъ отдаленъ отъ твердой Египетской земли на цѣлый денной переѣздъ корабля, но вслѣдствіе постоянннаго наноса земли изъ Нила придвинулся къ ней такъ близко, что могъ быть при Птоломеяхъ соединенъ мостомъ съ материкомъ. *Антисса*—городъ

275 Также, то поглощенъ, то выйдя изъ пропасти скрытной,
Мощный спѣшитъ Эразинъ явиться въ поляхъ Арголійскихъ.
И говорятъ, что Каикъ Мизійскій, сперва недовольный
И истокомъ и берегомъ, нынѣ иными проходитъ.
Такъ то вращая пески Сиканскіе, нынѣ несется
280 И Аменанъ, но порой онъ сухъ отъ ключей истощенныхъ.
Нѣкогда пили струи, которыхъ ты нынѣ не тронешь,
Что изливаетъ Анигръ ужь послѣ того, если вѣру
Можно поэтамъ давать, какъ въ нихъ двоеликіе мыли
Раны, что лукъ причинилъ Иракла имъ палиценосца.
285 Что жь? А развѣ Гипанъ, на Скиѳскихъ горахъ порожденный,
Бывшій прѣснымъ сперва, отъ горькихъ солей не испорченъ?
Были же окружены волнами Фаросъ и Антисса,
Какъ Финикійскій и Тиръ, но изъ нихъ ни одинъ ужь не островъ.
Жители знали еще встарину сплошную Левкаду,
290 Нынѣ ужь море кругомъ. Говорятъ, что съ Италіей Занкла
Связана тоже была, пока не расторгло границы
Море, и землю волна не откинула прочь въ серединѣ.
Спросишь о Геликѣ и о Бурисѣ, ты, градахъ Ахейскихъ,
Ихъ подъ водою найдешь; и кажутъ еще мореходцы
295 У исчезнувшихъ тѣхъ городовъ затопленныя стѣны.
Близъ Трезены Питтейской есть холмъ, безо всякихъ деревьевъ
Высится онъ, и сперва совершенно лишь гладкое поле
Нынѣ онъ холмъ; потому что... даже разсказывать страшно...
Злобная сила вѣтровъ, сокрытая въ темныхъ пещерахъ,
300 Силясь исходъ для себя отыскать, и стремясь понапрасну—

въ южной части Лесбоса. 288 Новый *Финикійскій Тиръ*, построенный на островѣ, былъ взятъ Александромъ съ твердой земли посредствомъ исполинскаго мола. Странно однако, что Овидій, преслѣдуя свою мысль, заставляетъ намекать на послѣднее обстоятельство Пиѳагора, жившаго за 200 лѣтъ до Александра. 289 *съ Левкадой*, Левкадіей произошло противоположное: Она была сплошнымъ полуостровомъ Акарнаніи, но прорѣзана впослѣдствіи Коринѳянами глубокимъ каналомъ, размытымъ моремъ въ проливъ. 290 *Занкла* (см. 13, 729). Мессина стоитъ здѣсь вмѣсто Сициліи, отторгнутой будто бы отъ Итали необычайнымъ явленіемъ природы. 293 *Гелика* и *Бурисъ* или *Бура* Ахейскіе города на сѣверномъ берегу Пелопонеса были, по свидѣтельству Плинія, во время сильнаго землетрясенія поглощены Коринѳскимъ заливомъ, такъ что даже въ позднѣйшія времена обломки стѣнъ торчали изъ моря. 296 *Близъ Трезены Питтейской* (см. 6, 418). Здѣсь описывается происхожденіе этого холма изъ гладкаго поля.

Liberiore frui coelo, cum carcere rima
Nulla foret toto, nec pervia flatibus esset,
Extentam tumefecit humum, ceu spiritus oris
Tendere vesicam solet, aut direpta bicornis
305 Terga capri. tumor ille loci permansit, et alti
Collis habet speciem longoque induruit aevo.
Plurima cum subeant audita et cognita nobis,
Pauca super referam. Quid? non et lympha figuras
Datque capitque novas? Medio tua, corniger Ammon,
310 Unda die gelida est, ortuque obituque calescit.
Admotis Athamanis aquis accendere lignum
Narratur, minimos cum luna recessit in orbes.
Flumen habent Cicones, quod potum saxea reddit
Viscera, quod tactis inducit marmora rebus.
315 Crathis et hinc Sybaris nostris conterminus arvis
Electro similes faciunt auroque capillos.
Quodque magis mirum, sunt qui non corpora tantum,
Verum animos etiam valeant mutare liquores.
Cui non audita est obscenae Salmacis undae
320 Aethiopesque lacus? quos siquis faucibus hausit,
Aut furit, aut patitur mirum gravitate soporem.
Clitorio quicunque sitim de fonte levarit,
Vina fugit, gaudetque meris abstemius undis:
Seu vis est in aqua calido contraria vino,
325 Sive, quod indigenae memorant, Amythaone natus,

---

304 *козла двурогаго.* Эпитетъ двурогаго только для наглядности. Дѣло въ томъ, что на праздникахъ Вакха, ради забавы, надували козій мѣхъ, вымазывали его масломъ и перескакивали черезъ него на одной ножкѣ. 309 *Аммонъ рогоносный* (см. 5, 17 и 327), храмъ его находился въ рощѣ, близь ключа на оазисѣ въ Либійской пустынѣ, о чудномъ измѣненіи температуры котораго повѣствуетъ Курцій, прибавляя притомъ, что вода въ полночь закипаетъ. 311 *къ водамъ Атаманскимъ.* Плиній разсказываетъ, что въ Додонѣ (см. 7, 623), былъ священный Юпитера ключъ, коего вода, хотя и холодная и тушила погружаемые въ нее факелы, т. е. куски дерева, но потухшіе при новомъ ихъ приближеніи къ водѣ воспламеняла; этотъ то ключъ вѣроятно поэтъ имѣлъ въ виду. Атаманы будто бы были племенемъ, проживающимъ въ окрестностяхъ Додоны. При сомнительныхъ объясненіяхъ слова *Athamanis* мы воздерживаемся отъ дальнѣйшаго его толкованія. 313 *у Циконовъ* (см. 6, 710). И въ Карлсбадской водѣ вещи каменѣютъ, но со внутренностями этого не происходитъ. 315 *Рѣка Кратидъ* при выше поименованномъ городѣ Туріи. *Сибарисъ* (см. выше 51), на которомъ стоялъ городъ Кротона. Подобные слухи передавались не

Небомъ свободно вздохнуть, когда въ тюрьмѣ не сыскала
Трещины ужь ни одной, чтобъ дать дыханію пропускъ,
Вспучила землю кругомъ, какъ рта дуновенье обычно
Пучитъ пузырь, иль козла двурогаго снятую шкуру;
Опухоль эта на томъ же мѣстѣ осталась и съ виду
Холмъ высокій она и отъ долгихъ вѣковъ затвердѣла.
Хоть и многое я, что слыхалъ или видывалъ, помню,
Малость прибавлю къ тому. Что жь? развѣ вода новыхъ видовъ
Дать и принять не сильна? вѣдь въ полдень, Аммонъ рогоносный,
Волны твои холодны, а утромъ и вечеромъ жгучи.
Дерево, какъ говорятъ, прикасаясь къ водамъ Атаманскимъ,
Возгорается въ день, какъ луна занимаетъ кругъ меньшій.
Есть у Циконовъ рѣка, что въ камень нутро превращаетъ,
Если испить изъ нея, а вещи, коснувшись ихъ, въ мраморъ.
И Кратидъ и вотъ здѣсь Сибарисъ, нашихъ нивъ пограничный,
Придаютъ волосамъ съ янтаремъ или съ золотомъ сходство.
Что страннѣе еще, есть воды, которыя могутъ
Измѣнять не одно только тѣло, а даже и души.
Кто не слыхалъ о волнахъ Салмациды, вселяющихъ похоть,
Объ озерахъ Эѳіопскихъ? изъ коихъ воды кто проглотитъ,
Иль разъярится, иль въ сонъ погрузится тяжелый и странный.
Всякій, кто утолитъ изъ ключа Клиторскаго жажду,
Прочь отъ вина, и водой, въ воздержаніи, чистой доволенъ.
Сила ли есть въ той водѣ противная винному пылу,
Иль, что туземцы гласятъ, Амитаономъ рожденный,

только поэтами, но и географами; такъ Плиній передаетъ, что Кратидъ сообщаетъ скоту бѣлый, а Сибарисъ черный цвѣтъ. 319 *Салмациды* (см. 4, 285 и 385). 320 Неизвѣстная Эѳіопія была удобнѣйшимъ источникомъ баснословныхъ разсказовъ. 322 *изъ ключа Клиторскаго*, близъ города Клиторія въ Аркадіи. 325 *Амитаономъ рожденный*. Амитаонъ, братъ Нелея (см. 2, 689). Сынъ Амитаона Мелампъ въ то время, какъ слуги перебили гнѣздившихся на старомъ дубу по близости его сельскаго дома змѣй, сохранилъ и воспиталъ молодыхъ. Однажды, проснувшись, онъ увидалъ, что змѣи вылизываютъ ему уши и тотчасъ почувствовалъ, что сталъ понимать языкъ птицъ и животныхъ вообще. Такимъ образомъ онъ сталъ извѣстнымъ прорицателемъ и врачемъ. Однажды, когда дочери Прэта (см. 5, 236). Вакхомъ или Юноною за непочтеніе ихъ жертвами были ввергнуты въ сумасшествіе, въ которомъ онѣ считали себя коровами. онъ исцѣлилъ ихъ посредствомъ черной чемерки, названной его именемъ *Melampodium nigrum*.

Proetidas attonitas postquam per carmen et herbas
Eripuit furiis, purgamina mentis in illas
Misit aquas, odiumque meri permansit in undis.
Huic fluit effectu dispar Lyncestius amnis,
Quem quicunque parum moderato gutture traxit,
Haud aliter titubat, quam si mera vina bibisset.
Est lacus Arcadiae, Pheneon dixere priores,
Ambiguis suspectus aquis, quas nocte timeto:
Nocte nocent potae. sine noxa luce bibuntur.
Sic alias aliasque lacus et flumina vires
Concipiunt. Tempusque fuit, quo navit in undis,
Nunc sedet Ortygie. Timuit concursibus Argo
Undarum sparsas Symplegadas elisarum,
Quae nunc immotae perstant ventisque resistunt.
Nec quae sulphureis ardet fornacibus Aetne
Ignea semper erit. neque enim fuit ignea semper.
Nam sive est animal tellus et vivit habetque
Spiramenta locis flammam exhalantia multis,
Spirandi mutare vias, quotiesque movetur,
Has finire potest, illas aperire cavernas:
Sive leves imis venti cohibentur in antris,
Saxaque cum saxis et habentem semina flammae
Materiam iactant, ea concipit ictibus ignem;
Antra relinquentur sedatis frigida ventis:
Sive bitumineae rapiunt incendia vires,
Luteave exiguis ardescunt sulphura fumis:
Nempe ubi terra cibos alimentaque pinguia flammae
Non dabit absumtis per longum viribus aevum,
Naturaeque suum nutrimen deerit edaci,
Non feret illa famem, desertaque deseret ignes.

---

329 *Линцестиы*—народъ въ юговосточной Македоніи. Плиній говоритъ, что вода этого источника, кисловатая на вкусъ, охмѣляетъ, подобно вину. 332 озеро *Феней* впослѣдствіи называлось Нонакрійскимъ по горѣ и городу Нонакру (см. 1, 690 и 8, 317). А близъ этого города съ крутой скалы сочилась вода, называвшаяся Стигійскою, которая въ извѣстныя времена была смертоносна и разрывала сосуды. 336 *Ортигія* (см. 6, 108 и 186). 337 *Боялася Арго* (см. 7, 63). 340 *Да и Этна.* Гомеръ, жившій за 1000 лѣтъ до Р. Х., ничего не знаетъ объ огнедышущей Этнѣ, а извѣстно,

Какъ сумасшедшихъ Прэтидъ и пѣснями да и травами
Изъ безумства извлекъ, очистки ихъ духа въ тѣ воды
Онъ опустилъ, и къ вину отвращенье въ волнахъ тѣхъ осталось.
Розный по дѣйствію съ нимъ Линцесскій потокъ протекаетъ.
Ибо, кто лишь изъ него потянулъ невоздержной гортанью,
Также ногами плететъ, какъ цѣльное пилъ бы вино онъ.
Есть въ Аркадіи озеро, древніе звали Фенеемъ,
Двойственность водъ у него сомнительна, ночью ихъ бойся.
Пить ихъ вредно въ ночи; но днемъ ихъ напиться безвредно.
Такъ все разныя, разныя какъ озера, такъ и рѣки
Силы пріемлютъ. Ортигія плавала въ прежнее время,
Нынѣ засѣла она. Боялася Арго набѣгомъ
Расторгающихъ волнъ Симплегадъ раскинутыхъ порознь,
Тѣхъ, что нынѣ стоятъ неподвижны и съ вѣтрами спорятъ.
Да и Этна, горящая сѣрными нынѣ горнами,
Вѣчно не будетъ съ огнемъ, какъ съ огнемъ не была она вѣчно.
Ибо, хотя бы земля и была животнымъ и съ жизнью
Въ многихъ имѣла мѣстахъ бы дышащія пламенемъ пасти;
Все же дыханья пути измѣняетъ при каждомъ трясеньи,
Здѣсь она можетъ закрыть, тамъ вскрыть иныя пещеры;
Пусть и буйные вѣтры на днѣ подземелій тѣснятся,
Камень за камнемъ вослѣдъ съ веществомъ, заключающимъ сѣмя
Пламени, мечутъ, а то воспріемлетъ огонь отъ удара;
Все какъ не станетъ вѣтровъ, охладѣютъ, оставшись, пещеры;
Хоть и охватитъ пожаръ смолы ископаемой силы
И съ дымкомъ небольшимъ закипитъ желтоватая сѣра,
Все же какъ пищи не дастъ земля и жирныхъ питаній
Пламени, силы свои утратя за долгіе вѣки,
И у природы прожорливой уже не станетъ питанья,
Голоду сдастся она и, брошена, броситъ и пламень.

что первое изверженіе Везувія было въ 75 г. по Р. Х. 342 Здѣсь излагаются мнѣнія о происхожденіи огнедышущихъ горъ, преимущественно согласно ученію стоиковъ: или земля — животное, произвольно направляющее свое дыханіе, или скопившіеся вѣтры, сталкивая подземные камни и, воспламеняя ихъ, прорываютъ себѣ путь, или же горючія вещества воспламеняются подъ землею; во всякомъ случаѣ по истощеніи причинъ прекратится и слѣдствіе.

Esse viros fama est in Hyperborea Pallene,
Qui soleant levibus velari corpora plumis,
Cum Tritoniacam novies subiere paludem.
Haud equidem credo, sparsae quoque membra veneno
360 Exercere artes Scythides memorantur easdem.
Si qua fides rebus tamen est addenda probatis,
Nonne vides, quaecunque mora fluidove calore
Corpora tabuerint, in parva animalia verti?
I quoque, delectos mactatos obrue tauros,..
365 Cognita res usu.. de putri viscere passim
Florilegae nascuntur apes, quae more parentum
Rura colunt, operique favent, in spemque laborant.
Pressus humo bellator equus crabronis origo est.
Concava litoreo si demas brachia cancro,
370 Cetera supponas terrae, de parte sepulta
Scorpius exibit, caudaque minabitur unca.
Quaeque solent canis frondes intexere filis
Agrestes tineae.. res observata colonis...
Ferali mutant cum papilione figuram.
375 Semina limus habet virides generantia ranas,
Et generat truncas pedibus, mox apta natando
Crura dat, utque eadem sint longis saltibus apta,
Posterior partes superat mensura priores.
Nec catulus, partu quem reddidit ursa recenti,
380 Sed male viva caro est. lambendo mater in artus
Fingit, et in formam, quantam capit ipsa, reducit.
Nonne vides quos cera tegit sexangula fetus
Melliferarum apium, sine membris corpora nasci,

---

356 *въ Гиперборейской Палленѣ* — Македонскомъ полуостровѣ, вдающимся въ Эгейское море вмѣстѣ съ городомъ того же имени. Хотя положеніе города и не слишкомъ сѣверно, поэтъ въ дальнѣйшихъ видахъ разсказа называетъ его лежащимъ по ту сторону Борея и, принимая падающій въ Скиѳскихъ предѣлахъ снѣгъ за летающій по воздуху пухъ, разсказываетъ, что тамъ у людей тѣла покрываются пухомъ (по нашему снѣгомъ). Тритонское озеро находилось близь города Паллены. 363 Древніе не знали, что насѣкомые зарождаются въ разлагающихся трупахъ отъ попавшихъ туда яицъ, а придавали самимъ трупамъ способность производить этихъ насѣкомыхъ, даже пчелъ, хотя пчелы завѣдомо избѣгаютъ мертвечины. 364 Не совсѣмъ эвфоническое сочетаніе delectos mactatos obrue, дало поводъ Merkel и Haupt измѣнить это мѣсто на in scrobe Deoos mactatos obrue и in scrobe m. o., но такъ

Люди есть, говорятъ, въ Гиперборейской Палленѣ,
У которыхъ тѣла покрываются пухомъ легчайшимъ,
Стоитъ въ Тритонское озеро девять имъ разъ окунуться.
Также не вѣрю я, какъ говорятъ, что обрызгавши члены
Зельемъ, такія жъ творятъ продѣлки и Скиѳскія жены.
Но если можно давать дѣламъ ужь доказаннымъ вѣру,
Какъ не видать, что тѣла отъ времени, жару и влаги
Лишь начнутъ истлѣвать, превращаются въ мелкихъ животныхъ?
Вотъ ты ступай и убей отборныхъ быковъ и зарой ихъ,...
Опытъ уже доказалъ... кругомъ изъ согнившей утробы
Цвѣтоносныя пчелы родятся, и, въ нравахъ отцовскихъ,
Любятъ поля, и въ дѣлѣ споры, и трудятся съ надеждой.
Распростертъ на землѣ конь воинъ есть шершней источникъ.
Если кривыя клешни оторвать у прибрежнаго рака,
А остальное зарыть въ землѣ, изъ части зарытой
Выйдетъ потомъ скорпіонъ, хвостомъ грозящій загнутымъ.
Тѣ, что обычно прядутъ по вѣткамъ бѣлыя нити,
Червяки полевые... извѣстная вещь поселянамъ...
Съ мотылькомъ мертвецомъ мѣняются далѣе видомъ.
Тина хранитъ сѣмена размноженья зеленыхъ лягушекъ
И родитъ ихъ безъ ногъ, но вскорѣ, чтобъ плавать удобнѣй,
Голени имъ придаетъ и, къ широкимъ прыжкамъ примѣняясь,
Задніе члены у нихъ размѣрами больше переднихъ.
Не медвѣженокъ и тотъ, что у матери только родился,
Мяса комокъ лишь живой, лизаньемъ мать образуетъ
Члены ему, и тотъ видъ, что у ней у самой, созидаетъ.
Развѣ не видишь, что въ воскѣ шестиугольномъ закрыты
Пчелъ медоносныхъ тѣла, родятся покуда безъ членовъ,

какъ это только гипотезы названныхъ ученыхъ, то мы имъ не слѣдуемъ и рѣшаемся оставить прежнее, еще Heinsius установленное: I quoque delectos mactatos obrue tauros, изъ новѣйшихъ принятое только Riese, Lindemann и Freund, изданія которыхъ не пользуются въ Германіи такимъ авторитетомъ, какъ Haupt и Merkel. 368 *конь воинъ* для противоположности благороднаго животнаго съ унизительнымъ положеніемъ его трупа. 369 *прибрежнаго рака* (см. 10, 127). 373 Червяки — названы полевыми только для указанія, что ихъ мѣсто не въ городѣ. 375 Не о лягушечьей икрѣ, хранящейся въ тинѣ, здѣсь рѣчь, а о томъ, что тина сама производитъ сѣмена лягушекъ. 379 По Плинію невозможно признать новорожденнаго медвѣженка дѣтенышемъ медвѣдицы, такъ какъ онъ представляетъ бѣлый безформенный комокъ мяса, и только лизаніе матери придаетъ ему надлежащій видъ.

Et serosque pedes serasque assumere pennas?
385 Iunonis volucrem, quae cauda sidera portat,
Armigerumque Iovis, Cythereiadasque columbas,
Et genus omne avium mediis e partibus ovi,
Ni sciret fieri, quis nasci posse putaret?
Sunt qui cum clauso putrefacta est spina sepulchro,
390 Mutari credant humanas angue medullas.
Haec tamen ex aliis generis primordia ducunt:
Una est, quae reparet seque ipsa reseminet, ales:
Assyrii phoenica vocant. Non fruge neque herbis,
Sed turis lacrimis et succo vivit amomi.
395 Haec ubi quinque suae complevit saecula vitae,
[Ilicet] in ramis tremulaeque cacumine palmae
Unguibus et puro nidum sibi construit ore.
Quo simul ac casias et nardi lenis aristas
Quassaque cum fulva substravit cinnama myrrha,
400 Se super imponit, finitque in odoribus aevum.
Inde ferunt, totidem qui vivere debeat annos,
Corpore de patrio parvum phoenica renasci.
Cum dedit huic aetas vires, onerique ferendo est,
Ponderibus nidi ramos levat arboris altae,
405 Fertque pius cunasque suas patriumque sepulchrum,
Perque leves auras Hyperionis urbe potitus,
Ante fores sacras Hyperionis aede reponit.
Si tamen est aliquid mirae novitatis in istis,
Alternare vices et, quae modo femina tergo
410 Passa marem est, nunc esse marem miremur hyaenam.
Id quoque, quod ventis animal nutritur et aura,
Protinus assimulat, tetigit quoscunque colores.
Victa racemifero lyncas dedit India Baccho:
E quibus, ut memorant, quicquid vesica remisit,
415 Vertitur in lapides, et congelat aere tacto.
Sic et curalium, quo primum contigit auras

---

390 *въ змѣю обратится* не происходитъ ли это повѣрье изъ нѣкотораго сходства человѣческаго хребта со змѣею. 394 *а слезами онъ ладона*, *сокомъ Амома* (см. 10, 307). 398 *кассія*—дикая корица; Индѣйскій *нардъ*—благовонная трава съ колосистыми цвѣтами. 399 *Мгрра*—благовонное дерево (см. 10, 309). 406 *Гиперіонова*

И получаютъ позднѣй лишь ноги, позднѣе и крылья?
Птицѣ Юноны, что хвостъ звѣздами украшенный носитъ,
Оруженосцу Зевеса и голубямъ Цитереи,
Птичьему роду всему изъ части яйца серединной,
Кто, не знавши, бы могъ подумать, что можно родиться?
Вѣрятъ иные, что если хребетъ сотлѣетъ въ могилѣ
Тѣсной, то мозгъ костяной человѣка въ змѣю обратится.
Эти однако свой родъ отъ другихъ существъ производятъ,
Есть только птица одна, что себя исправляетъ и сѣетъ;
Ассирійцы зовутъ ее фениксомъ. Живъ не травами
Или зерномъ, а слезами онъ ладона, сокомъ Амома.
Какъ онъ жизни своей всѣ пять столѣтій исполнилъ,
Тотчасъ же на вѣтвяхъ и въ вершинѣ трепещущей пальмы
Чистымъ клювомъ себѣ и когтями гнѣздо устрояетъ.
Только что кассіи онъ и колосьевъ нѣжнаго нарда
И обрывковъ корицы подстелетъ съ желтою муррой,
То садится на нихъ и кончаетъ свой вѣкъ въ благовоньяхъ.
И затѣмъ, говорятъ, чтобъ прожить такіе же годы,
Изъ отцовскаго тѣла рождается фениксъ малютка.
Какъ по возрастѣ онъ окрѣпнетъ и въ силахъ несть тяжесть,
Ношу гнѣзда онъ съ вѣтвей высокаго древа снимаетъ,
И въ благочестьи несетъ колыбель и могилу родную,
И, достигнувъ по воздуху Гиперіонова града,
Къ Гиперіону во храмъ къ священнымъ вратамъ полагаетъ.
Но если въ этихъ дѣлахъ удивленія нѣчто достойно,
Это, какъ видъ превратя и только что снесши спиною
Самки самца своего, дивитъ какъ самецъ насъ гіена.
Тотъ же звѣрокъ, что однимъ сытъ воздухомъ только и вѣтромъ,
Всѣ принимаетъ цвѣта того, къ чему прикоснется.
Даръ гроздоносному Вакху отъ Индіи забранной—рыси;
И у нихъ, говорятъ, все то, что пузырь испускаетъ,
Камнями станетъ сейчасъ и, касаяся воздуха, стынетъ.
Такъ и кораллъ, что сейчасъ, лишь воздухъ къ нему прикоснется,

---

града—знаменитаго Египетскаго Она, по гречески Геліополя (Солнечнаго города) (см. 1, 10). 411 Хамелеонъ. 415 У древнихъ драгоцѣнный камень гіацинтъ считался затвердѣвшею мочею рыси *lynx* и самый камень поэтому назывался lyncurion или lyncurium. 416 *Такъ и кораллъ* (см. 4, 750).

Tempore, durescit; mollis fuit herba sub undis.
Desinet ante dies, et in alto Phoebus anhelos
Aequore tinguet equos, quam consequar omnia verbis
420 In species translata novas. Sic omnia verti
Cernimus, atque illas assumere robora gentes,
Concidere has. Sic magna fuit censuque virisque,
Perque decem potuit tantum dare sanguinis annos,
Nunc humilis veteres tantummodo Troia ruinas
425 Et pro divitiis tumulos ostendit avorum.
Clara fuit Sparte. magnae viguere Mycenae:
Nec non Cecropiae, nec non Amphionis arces.
Vile solum Sparte est, altae cecidere Mycenae:
Oedipodioniae quid sunt, nisi fabula, Thebae?
430 Quid Pandioniae restant, nisi nomen, Athenae?
Nunc quoque Dardaniam fama est consurgere Romam,
Appenninigenae quae proxima Thybridis undis
Mole sub ingenti rerum fundamina ponit.
Haec igitur formam crescendo mutat, et olim
435 Immensi caput orbis erit. Sic dicere vates
Faticinasque ferunt sortes. quantumque recordor,
Dixerat Aeneae, cum res Troiana labaret,
Priamides Helenus flenti dubioque salutis:
Nate dea, si nota satis praesagia nostrae
440 Mentis habes, non tota cadet te sospite Troia.
Flamma tibi ferrumque dabunt iter. Ibis, et una
Pergama rapta feres, donec Troiaeque tibique
Externum patrio contingat amicius arvum.
Urbem etiam cerno Phrygios debere nepotes,
445 Quanta nec est, nec erit, nec visa prioribus annis.
Hanc alii proceres per saecula longa potentem,
Sed dominam rerum de sanguine natus Iuli
Efficiet. quo cum tellus erit usa, fruentur
Aetheriae sedes, coelumque erit exitus illi.
450 Haec Helenum cecinisse penatigero Aeneae

---

430 *Пандіонъ* (см. 6, 426). Если поэтъ причисляетъ къ падшимъ городамъ и Аѳины, то въ свое время онъ могъ говорить это только о политическомъ ихъ значеніи. 447 *отъ крови Іула рожденный* (см. 13, 624 и 625). Октавіанъ по

Разомъ твердѣетъ; а былъ подъ волнами растеніемъ мягкимъ.
Прежде прошелъ бы весь день, и Фебъ въ глубокое море
Погрузилъ бы коней запалившихся, чѣмъ разсказалъ бы
420 Я словами про все, что свой видъ измѣнило. Такъ видимъ
Мы перемѣну во всемъ; тѣ въ силу вступаютъ народы,
Эти же падаютъ. Такъ велика и людьми и богатствомъ,
И пролить въ десять лѣтъ возмогшая крови такъ много,
Нынѣ смиренная Троя развалины ветхія только,
425 Да на мѣсто богатствъ выставляетъ могили лишь предковъ
Славною Спарта была, великими были Микены,
Да не меньше и Кекропса и Амфіона чертоги;
Бѣдная Спарта страна, высокія пали Микены;
Что отъ Эдиповыхъ Ѳивъ теперь кромѣ сказки осталось?
430 Что коль не имя одно теперь у Аѳинъ Пандіона?
Нынѣ, какъ слава гласитъ, Дарданскій ужь Римъ возникаетъ,
Тотъ, что по близости волнъ Аппениномъ рожденнаго Тибра
Подъ громадой своей кладетъ основаніе власти.
Онъ поэтому видъ, выростая, мѣняетъ, и будетъ
435 Нѣкогда свѣта главой необъятнаго. Такъ сообщаютъ,
Будто пророки гласятъ и вѣщанье судебъ; сколько помню,
Уже Энею сказалъ, при дѣлахъ пошатнувшихся Трои,
Сынъ Пріама Еленъ, какъ, отчаясь въ спасеньи, тотъ плакалъ:
„Сынъ богини, когда сохранишь ты мои предсказанья
440 Вѣрно въ душѣ, не совсѣмъ, коль спасешься ты, Троя погибнетъ.
Пламя дорогу тебѣ и желѣзо дадутъ. И пойдешь ты,
Трою съ собою неся, пока для себя и для Трои
Не достигнешь вдали страны благосклоннѣй отчизны.
Вижу Фригійскихъ я внуковъ, обязанныхъ выстроить городъ,
445 Нѣтъ какого теперь, не будетъ и не было прежде.
Мощь иные вожди создадутъ въ немъ на долгіе вѣки,
Но владыкой земли, отъ крови Іула рожденный
Дастъ ему быть; и когда земля усладится имъ, область
Высшая взлюбитъ его, и исходъ его будетъ на небо".
450 Что Еленъ такъ вѣщалъ Энею, какъ несъ онъ пенатовъ,

почетному прозванію, превратившемуся въ имя собственное Августъ (Высочайшій), усыновленный Юліемъ Цезаремъ, производившимъ свой родъ отъ Іула, сына Энея

Mente memor refero, cognataque moenia laetor
Crescere, et utiliter Phrygibus vicisse Pelasgos.
Ne tamen oblitis ad metam tendere longe
Exspatiemur equis, coelum et quodcunque sub illo est,
Immutat formas, tellusque et quicquid in illa est.
Nos quoque, pars mundi, quoniam non corpora solum,
Verum etiam volucres animae sumus, inque ferinas
Possumus ire domos, pecudumque in corpora condi:
Corpora quae possint animas habuisse parentum,
Aut fratrum, aut aliquo iunctorum foedere nobis,
Aut hominum certe, tuta esse et honesta sinamus,
Neve Thyesteis cumulemus viscera mensis.
Quam male consuescit, quam se parat ille cruori
Impius humano, vituli qui guttura ferro
Rumpit, et immotas praebet mugitibus aures!
Aut qui vagitus similes puerilibus haedum
Edentem iugulare potest. aut alite vesci,
Cui dedit ipse cibos! Quantum est, quod desit in istis
Ad plenum facinus? quo transitus inde paratur?
Bos aret, aut mortem senioribus imputet annis:
Horriferum contra borean ovis arma ministret:
Ubera dent saturae manibus pressanda capellae.
Retia cum pedicis, laqueos artesque dolosas
Tollite. nec volucrem viscata fallite virga:
Nec formidatis cervos includite pennis:
Nec celate cibis uncos fallacibus hamos.
Perdite, siqua nocent, verum haec quoque perdite tantum:
Ora vacent epulis, alimentaque mitia carpant.

NUMA ET EGERIA. HIPPOLYTUS.

Talibus atque aliis instructo pectore dictis
In patriam remeasse ferunt, ultroque petitum
Accepisse Numam populi Latialis habenas:

---

453 *Но чтобы намъ на коняхъ* подобно тому, какъ выше стихъ 176 Пиѳагоръ сравниваетъ свое стремленіе съ кораблемъ, такъ здѣсь онъ сравниваетъ его съ конями на ристалищѣ и направляетъ это сравненіе къ переходу къ главной своей

Въ памяти я сохранилъ, и доволенъ, что родственный городъ
Все растетъ, и къ добру Фригійцевъ въ побѣдѣ Пелазги.
Но чтобы намъ на коняхъ, забывшихъ къ цѣли стремиться,
Не отклоняться съ пути, такъ небо и все, что подъ нимъ есть,
Видъ измѣняетъ, равно и земля со всѣмъ, что и въ ней есть.
Мы же, части вселенной, затѣмъ что не только тѣла мы,
Но окрыленныя то жь и души, и можемъ въ жилища
Самыхъ животныхъ войти и въ тѣла скотовъ заключиться;
То тѣла, что хранить въ себѣ души родителей могутъ
Или братьевъ, или по иному союзу намъ близкихъ,
Или хотя бы людей, мы оставимъ въ покоѣ и въ чести,
А утробу себѣ не наполнимъ трапезой Тіеста.
Какъ навыкаетъ во злѣ, какъ тотъ къ человѣческой крови
Приготовляется злой, который теленку желѣзо
Въ горло вонзаетъ, а самъ не ведетъ на мычанья и ухомъ!
Или кто можетъ козла, издающаго крикъ столько схожій
Съ дѣтскимъ, рѣзать; или питаться той самою птицей,
Что онъ самъ же кормилъ! На сколько все это отстало
Отъ злодѣйства вполнѣ? Къ чему переходъ тутъ готовятъ?
Волъ пусть пашетъ, или обвиняетъ въ смерти лишь старость;
Пусть овца подаетъ намъ орудіе противъ Борея;
Пусть у сытой козы сосцы поддаются доенью,
Сѣти вы всѣ и силки и петли съ ихъ хитрымъ искусствомъ
Бросьте; обманывать птицъ оставьте вы клейкой лозою;
Страшными стрѣлами тоже не загоняйте оленей;
И обманчивой пищей крючковъ не скрывайте согнутыхъ.
Бейте вы тѣхъ, что вредятъ, но и этихъ вы только что бейте;
Пусть ихъ не тронутъ уста, а питаются кроткою пищей.

НУМА И ЭГЕРІЯ. ИППОЛИТЪ.

Этими какъ и другими ученьями грудь переполнивъ,
Нума, какъ говорятъ, вернулся въ отчизну и, волей
Взысканный общей, пріялъ бразды у народа Латиновъ;

мысли. 462 *трапезой Тіеста.* Тіестъ, сынъ Пелопса. 471 *противъ Борея*— одежду противъ сѣвернаго вѣтра.

Coniuge qui felix nympha ducibusque Camenis
Sacrificos docuit ritus, gentemque feroci
Assuetam bello pacis traduxit ad artes.
Qui postquam senior regnumque aevumque peregit,
Extinctum Latiaeque nurus populusque Patresque
Deflevere Numam. Nam coniux urbe relicta
Vallis Aricinae densis latet abdita silvis,
Sacraque Oresteae gemitu questuque Dianae
Impedit. Ah, quoties nymphae nemorisque lacusque,
Ne faceret, monuere, et consolantia verba
Dixerunt! quoties flenti Theseius heros:
Siste modum, dixit, neque enim fortuna querenda
Sola tua est. similes aliorum respice casus:
Mitius ista feres. Utinamque exempla dolentem
Non mea te possent relevare! sed et mea possunt.
Fando aliquem Hippolytum vestras si contigit aures
Credulitate patris, sceleratae fraude novercae
Occubuisse neci... mirabere, vixque probabo:
Sed tamen ille ego sum. Me Pasiphaeia quondam,
Tentatum frustra, patrium temerare cubile,
Quod voluit, voluisse infelix crimine verso...
Indiciine metu magis, offensane repulsae?
Arguit. immeritumque pater proiecit ab urbe,
Hostilique caput prece detestatur euntis.
Pittheam profugo curru Troezena petebam,
Iamque Corinthiaci carpebam litora ponti,
Cum mare surrexit, cumulusque immanis aquarum
In montis speciem curvari et crescere visus
Et dare mugitus summoque cacumine findi.
Corniger hinc taurus ruptis expellitur undis,

---

482 *Нимфой супругой.* Сказаніе, что супруга Нумы Эгерія была нимфой, вѣроятно произошло отъ соименнаго ей ключа близь Ариціи (см. 14, 331 и ниже стихъ 549). 489 *И предъ Діаной Ореста* поименованной выше 14, 331 *Скиѳской Діаной.* Когда Орестъ, сынъ Агамемнона, отмщая за смерть отца, убилъ мать свою Клитемнестру, то не взирая на то, что убійство матери было повелѣно ему оракуломъ, онъ подпалъ подъ преслѣдованіе фурій. Чтобы получить очищеніе, онъ долженъ былъ по новому совѣту оракула отправиться къ Таврической Діанѣ. Прибывши туда съ другомъ своимъ Пиладомъ, онъ мѣстнымъ царемъ Тоасомъ былъ переданъ жрицѣ богини,

Нимфой супругой блаженъ и Каменъ наставленьямъ послушенъ,
Жертвеннымъ онъ научилъ обрядамъ, и, къ битвамъ жестокимъ
Лишь привычный, народъ склонилъ къ занятіямъ мирнымъ.
485 А когда, устарѣвъ, покончилъ онъ съ жизнью и царствомъ,
Лація жены, народъ и отцы о Нумѣ усопшемъ
Плакали. Ибо его супруга, покинувши городъ
Въ Арицинскомъ долу, скрывается въ лѣсѣ дремучемъ,
И предъ Діаной Ореста своимъ рыданьемъ мѣшаетъ
490 Жертвамъ. О, сколько разъ ужь озера нимфы и лѣса
Умоляли ее перестать, и слова утѣшенья
Ей говорили! Не разъ герой Тезеидъ ей рыдавшей:
„Плакать оставь, говорилъ, потому что жребій плачевенъ
Не у тебя лишь одной; оглянись ты на то же у прочихъ;
495 Легче ты станешь терпѣть. Когда бъ твое горе примѣры,
Не мои хоть, могли бъ облегчить! Но мои также могутъ.
Если о нѣкоемъ слухъ до тебя доходилъ Ипполитѣ,
Что легковѣрьемъ отца при обманѣ мачихи злобной
На смерть былъ осужденъ... изумишься, но тотчасъ раскрою:
500 Все же я самъ онъ и есть. Когда то дочь Пазифаи,
Тщетно склоняя меня, обнесла, что отцовское ложе,
Какъ ей хотѣлось, хотѣлъ осквернить я... такъ все извратила
Въ страхѣ ль доноса несчастная или въ обидѣ отказа?
И изъ города тутъ отецъ неповиннаго выгналъ,
505 И заклялъ отходящаго голову словомъ враждебнымъ.
На колесницѣ бѣжалъ я прочь къ Питтейской Трезенѣ
И до берега ужь добрался Коринѳскаго моря,
Какъ пучина взросла, и холмъ водяной преогромный
На подобье горы округлился и видимо выросъ,
510 И на самомъ верху раздвинулся, ревъ издавая.
Быкъ рогатый затѣмъ изъ волнъ разверстыхъ возникнулъ,

чтобы въ качествѣ иностранца быть принесеннымъ въ жертву. Жрицей оказалась родная сестра Ореста Ифигенія (см. 12, 32). Узнавъ другъ друга, они сговорились бѣжать, захвативъ съ собою и статую богини, и Орестъ избавился отъ Фурій. Въ этомъ смыслѣ Таврическая Діана названа Діаной Ореста. 500 *Дочь Пазифаи* (см. 8, 132), по имени Федра, и была *мачихою* Ипполита, будучи второю супругою Тезея, по смерти первой, родной матери Ипполита, Амазонки Ипполиты (см. 9, 189). 506 *Питтейской Трезенѣ* (см. выше 296).

Pectoribusque tenus molles erectus in auras,
Naribus et patulo partem maris evomit ore.
Corda pavent comitum. mihi mens interrita mansit,
Exiliis contenta suis. cum colla feroces
Ad freta convertunt, arrectisque auribus horrent
Quadrupedes, monstrique metu turbantur, et altis
Praecipitant currum scopulis. Ego ducere vana
Frena manu spumis albentibus oblita luctor,
Et retro lentas tendo resupinus habenas.
Nec tamen has vires rabies superasset equorum,
Ni rota, perpetuum qua circumvolvitur axem,
Stipitis occursu fracta ac disiecta fuisset.
Excutior curru. lorisque tenentibus artus
Viscera viva trahi, nervos in stirpe teneri,
Membra rapi partim, partim reprensa relinqui,
Ossa gravem dare fracta sonum, fessamque videres
Exhalari animam, nullasque in corpore partes,
Noscere quas posses. unumque erat omnia vulnus.
Num potes, aut audes cladi componere nostrae,
Nympha, tuam? Vidi quoque luce carentia regna,
Et lacerum fovi Phlegethontide corpus in unda.
Nec, nisi Apollineae valido medicamine prolis,
Reddita vita foret. Quam postquam fortibus herbis
Atque ope Paeonia, Dite indignante, recepi,
Tum mihi, ne praesens augerem muneris huius
Invidiam, densas obiecit Cynthia nubes:
Utque forem tutus, possemque impune videri,
Addidit aetatem, nec cognoscenda reliquit
Ora mihi: Cretenque diu dubitavit habendam
Traderet, an Delon. Delo Cretaque relictis
Hic posuit, nomenque simul, quod possit equorum
Admonuisse, iubet deponere, Quique fuisti

---

532 *Флегетона* (см. 5, 539 и стих. 544). 533 *Аполлонова сына* — Эскулапа (см. 2, 542 и въ особенности 629). Теперь исполнилось надъ нимъ предсказаніе Оцирои (см. 2, 645). Юпитеръ убилъ его молніей, такъ что онъ во второй уже разъ не могъ воскресить мертваго. 535 *И искусства Пеонскаго*, дарованнаго

И по самую грудь на воздухъ мягкій поднявшись,
Моря струи извергалъ изъ ноздрей и пасти широкой.
Спутниковъ страхъ обуялъ; я духомъ остался безстрашенъ,
Занятъ изгнаньемъ своимъ; тутъ шеи къ волнамъ обратили
Четвероногіе пылкіе, да, насторожившѝ уши,
Дрогнули, и понесли, пугаясь чудовища, прямо
Въ круть колесницу со скалъ. Напрасно я силюсь рукою
Сдерживать ихъ удила, покрытыя бѣлою пѣной,
И тяну на себя, откинувшись, гибкія возжи.
Все таки силы такой не сломило бы бѣшенство коней,
Ежели бы колесо, гдѣ вѣчно вкругъ оси вертится,
Не зацѣпилось за пень и на части бы не разлетѣлось.
Я съ колесницы лечу; руками запутавшись въ возжи,
Заживо я кишки поволокъ, сухожильемъ прихваченъ,
Часть я членовъ тащилъ, а часть оставилъ на мѣстѣ;
Кости съ трескомъ большимъ ломались, могла бы ты видѣть,
Какъ утомленный я духъ испускалъ, и на тѣлѣ не стало
Мѣста, чтобъ можно узнать. Все раною было одною.
Можешь, дерзаешь ли ты къ моему приравнивать горю,
Нимфа, свое? Увидалъ я царство, лишенное свѣта,
И увѣчное тѣло согрѣлъ въ волнахъ Флегетона.
Никогда бъ безъ лекарствъ Аполлонова сына всесильныхъ
Жизнь не вернулась ко мнѣ. Когда послѣ травъ я могучихъ
И искусства Пеонскаго, Дису на зло, къ ней вернулся,
То меня, чтобы я, предстоя, недовольства подобнымъ
Даромъ не множилъ, густою тучею Цинтія скрыла:
Чтобъ безопасенъ я былъ и былъ безнаказанно видимъ,
Лѣтъ мнѣ она придала и съ узнаваемымъ ликомъ
Не допустила мнѣ быть; и долго потомъ сомнѣвалась,
Критъ ли мнѣ дать, иль Делосъ. Делосъ и Критъ отвергая,
Здѣсь утвердила, велѣвъ одновременно имя покинуть,
Напоминать лошадей могущее. „Ты Ипполитомъ

Пеономъ или Пеаномъ, Аполлономъ (см. 1, 566), т. е. *врачебнаго*, *Дису на зло* (см. 4, 511), у котораго насильно отнимаютъ усопшаго. 537 *Цинтія*—Діана, Феба и даже Геката.

Hippolytus, dixit, nunc idem Virbius esto.
Hoc nemus inde colo, de disque minoribus unus
Numine sub dominae lateo atque accenseor illi.
Non tamen Egeriae luctus aliena levare
Damna valent. montisque iacens radicibus imis
Liquitur in lacrimas, donec pietate dolentis
Mota soror Phoebi gelidum de corpore fontem
Fecit, et aeternas artus tenuavit in undas.

TAGES. ROMULI HASTA. CIPUS.

At nymphas tetigit nova res, et Amazone natus
Haud aliter stupuit, quam cum Tyrrhenus arator
Fatalem glebam mediis aspexit in arvis
Sponte sua primum nulloque agitante moveri,
Sumere mox hominis, terraeque amittere formam,
Oraque venturis aperire recentia fatis:
Indigenae dixere Tagen, qui primus Etruscam
Edocuit gentem casus aperire futuros:...
Utve Palatinis haerentem collibus olim
Cum subito vidit frondescere Romulus hastam,
Quae radice nova, non ferro stabat adacto,
Et iam non telum, sed lenti viminis arbor
Non exspectatas dabat admirantibus umbras:...
Aut sua fluminea cum vidit Cipus in unda
Cornua. vidit enim, falsamque in imagine credens
Esse fidem, digitis ad frontem saepe relatis,
Quae vidit, tetigit. nec iam sua lumina damnans
Restitit, ut victor domito remeabat ab hoste,

---

544 *Вирбій* — Съ Арицйской Діаной соединялся второстепенный богъ по имени Вирбій, котораго имя производили отъ словъ *vir*—человѣкъ и *bis*—дважды, слѣдовательно, бывшій два раза человѣкомъ. И здѣсь имя, очевидно, было поводомъ къ баснѣ. Въ подобномъ подчиненномъ отношеніи, какъ Вирбій къ Діанѣ, состоялъ Эрихтоній къ Минервѣ (см. 2, 553), Аттисъ къ Цибелѣ (см. 10, 104) и Адонисъ къ Венерѣ (см. 10, 726). 550 Арицйская Діана, тронутая слезами проживавшей близъ храма ея въ уединеніи, жены Нумы, Эгеріи, превратила послѣднюю въ соименный ей ключъ. 552 *сынъ Амозонки* — Ипполитъ. 553 Овидій пользуется случаемъ, ввести новое превращеніе. *Тирренскій оратай.* Тиренцы или Этруски были извѣстны искусствомъ гаданія по птицамъ и внутренностямъ жертвъ, которое при-

Бывшій, сказала она, да будешь ты Вирбіемъ нынѣ“.
545 Въ этой рощѣ съ тѣхъ поръ одинъ изъ боговъ невеликихъ
Подъ покровомъ живу я владычицы, къ ней сопричисленъ.
Плача Эгеріи все жъ утишить чужія невзгоды
Не въ состояньи; она, къ подошвамъ горы припадая,
Вся разливалась въ слезахъ, покуда любовью скорбящей
550 Тронута, Феба сестра не превратила въ холодный
Ключъ ея тѣла, разливъ вѣковѣчными члены струями.

ТАГЪ. КОПЬЕ РОМУЛА. ЦИПЪ.

Чудо однако же нимфъ изумило, и сынъ Амазонки
Также былъ пораженъ, какъ и Тирренскій оратай,
Какъ посрединѣ полей роковую онъ глыбу увидѣлъ,
555 Что сама по себѣ, недвижима никѣмъ, шевелилась,
Тотчасъ и образъ людской приняла, земляной покидая,
И раскрыла уста возвѣстить о судьбинѣ грядущей:
Тагомъ назвали его туземцы, онъ первый Этрурскій
Людъ научилъ раскрывать, что въ будущемъ должно случиться...
560 Какъ въ Палатинскомъ холмѣ когда-то копье увязивши,
Ромулъ вдругъ увидалъ, что оно пустило отростки,
И на новыхъ стоитъ корняхъ, не на остромъ желѣзѣ,
И ужъ само не копье, а дерево въ мягкихъ побѣгахъ,
Что изумленнымъ свою нежданную тѣнь предлагаетъ...
565 Или какъ Ципъ, что въ струяхъ рѣчныхъ увидалъ свои роги;
Точно, онъ ихъ увидалъ, и въ мысляхъ, что въ образѣ этомъ
Есть обманъ, онъ ко лбу не разъ персты подымая,
Щупалъ, что видитъ; и ужъ, не виня своихъ глазъ понапрасну,
Остановился, когда отъ врага возвращался съ побѣдой,

несли и въ Римъ (см. ниже 577). 560 Въ новомъ сравненіи приводится новое превращеніе, въ которомъ Ромулъ, бросивъ съ Авентинскаго холма копье въ кабана, бывшаго на Палатинскомъ холмѣ, увидалъ, что копье его, воткнувшись въ землю, пустило корни и зазеленѣло деревомъ. 565 Еще въ новомъ сравненіи Ципъ нежданно видитъ себя рогатымъ. Нѣкогда съ Римскимъ преторомъ Ципомъ, выходившимъ изъ города во главѣ войска на врага, случилось здѣсь описанное. Благополучно окончивъ походъ, онъ, принося жертву, проситъ гадателя растолковать ему чудо. Но когда гадатель предсказалъ ему, что онъ будетъ Римскимъ царемъ, Ципъ отказался вступить въ городъ и ушелъ добровольно въ изгнаніе.

Ad coelumque oculos et eodem brachia tollens:
Quicquid, ait, superi, monstro portenditur isto,
Seu laetum est, patriae laetum populoque Quirini:
Sive minax, mihi sit. viridique e caespite factas
Placat odoratis herbosas ignibus aras,
Vinaque dat pateris, mactatarumque bidentum,
Quid sibi significent, trepidantia consulit exta.
Quae simul aspexit Tyrrhenae gentis aruspex,
Magna quidem rerum molimina vidit in illis,
Non manifesta tamen. Cum vero sustulit acre
A pecudis fibris ad Cipi cornua lumen:
Rex, ait, o salve! Tibi enim, tibi, Cipe, tuisque
Hic locus et Latiae parebunt cornibus arces.
Tu modo rumpe moras, portasque intrare patentes
Appropera. sic fata iubent. Namque urbe receptus
Rex eris, et sceptro tutus potiere perenni.
Rettulit ille pedem, torvamque a moenibus urbis
Avertens faciem: Procul, ah! procul omina, dixit,
Talia di pellant. multoque ego iustius aevum
Exul agam, quam me videant Capitolia regem.
Dixit. et extemplo populumque gravemque Senatum
Convocat. ante tamen pacali cornua lauro
Velat, et aggeribus factis a milite forti
Insistit, priscoque deos e more precatus:
Est, ait, hic unus, quem vos nisi pellitis urbe,
Rex erit. Is qui sit, signo, non nomine dicam.
Cornua fronte gerit. Quem nobis indicat augur,
Si Romam intrarit, famularia iura daturum.
Ille quidem potuit portas irrumpere apertas:
Sed nos obstitimus, quamvis coniunctior illo
Nemo mihi est. Vos urbe virum prohibete, Quirites:
Vel, si dignus erit, gravibus vincite catenis:
Aut finite metum fatalis morte tyranni.
Qualia succinctis, ubi trux insibilat eurus,
Murmura pinetis fiunt, aut qualia fluctus
Aequorei faciunt, si quis procul audiat illos:

И глаза къ небесамъ, а вмѣстѣ и руки подъемля:
„Что же, о боги, сказалъ, возвѣщается чудомъ подобнымъ,
Ежели радость, то пусть отчизнѣ и роду Квирина,
Если бѣда, такъ ужъ мнѣ“; и алтарь изъ зеленаго дерна
Возведенный въ травѣ благовонными чтитъ онъ огнями,
Въ чаши вливаетъ вино, и у овецъ приносимыхъ,
Что возвѣщаетъ ему, вопрошаетъ дрожащую печень.
Но лишь въ нее заглянулъ Тирренскаго люда гадатель,
Тотчасъ въ ней увидалъ онъ дѣлъ великихъ усилья,
Хоть и неясно еще. Когда же онъ взоръ прозорливый
Съ внутреннихъ мышцевъ скота приподнялъ на Циповы роги:
„Здравствуй, о царь! онъ сказалъ, тебѣ то Ципъ и твоимъ вотъ
Подчинится рогамъ это мѣсто и Лація крѣпость.
Ты же не медли теперь, и войти во врата отпертыя
Поторопись; такъ велѣли судьбы. Вѣдь въ городъ вступивши,
Станешь царемъ и владѣть будешь мирно скипетромъ прочнымъ“.
Тотъ назадъ отступилъ и, взоръ отвращая суровый,
Отъ стѣны городской: „прочь, молвилъ, прочь всѣ предсказанья
Боги пускай отвратятъ; гораздо достойнѣй въ изгнаньи
Вѣкъ мнѣ провесть, чѣмъ меня царемъ Капитолію видѣть“.
Молвилъ, и тотчасъ народъ и важный Сенатъ онъ сзываетъ,
Только рога передъ тѣмъ обвиваетъ мирнымъ онъ лавромъ,
И вступаетъ на валъ, насыпанный воинствомъ храбрымъ,
И, помолившись богамъ, какъ требовалъ древній обычай:
„Есть, сказалъ, тутъ одинъ, что если не будетъ онъ изгнанъ,
Будетъ царемъ. Кто таковъ, обозначу его, не назвавши.
Носитъ рога онъ на лбу. На него то Авгуръ указуетъ,
Ежели въ Римъ онъ войдетъ, то дастъ онъ намъ рабства законы.
Онъ бы ужъ могъ во врата отверстыя прямо ворваться,
Но воспротивился я, хотя никто съ нимъ не связанъ
Ближе меня. Вы его не пускайте же въ городъ, Квириты;
Иль, коль заслужитъ того, тяжелыми скуйте цѣпями,
Или покончите страхъ роковаго тиранна вы смертью“.
Какъ свирѣпѣющій Эвръ среди подбористыхъ сосенъ
Шумъ подъемлетъ, или какой подымаютъ морскія
Волны, когда кто нибудь внимаетъ имъ въ отдаленьи,

Tale sonat populus. Sed per confusa frementis
Verba tamen vulgi vox eminet una: Quis ille est?
Et spectant frontes, praedictaque cornua quaerunt.
Rursus ad hos Cipus: Quem poscitis, inquit, habetis:
610 Et capiti demta, populo prohibente, corona
Exhibuit gemino praesignia tempora cornu.
Demisere oculos omnes gemitumque dedere,
Atque illud meritis clarum.. quis credere possit?..
Inviti videre caput. nec honore carere
615 Ulterius passi, festam imposuere coronam.
At proceres, quoniam muros intrare vetaris,
Ruris honorati tantum tibi, Cipe, dedere,
Quantum depresso subiectis bobus aratro
Complecti posses ad finem lucis ab ortu.
620 Cornuaque aeratis miram referentia formam
Postibus insculpunt, longum mansura per aevum.

AESCULAPIUS.

Pandite nunc, Musae, praesentia numina vatum,..
Scitis enim, nec vos fallit spatiosa vetustas...
Unde Coroniden circumflua Thybridis alti
625 Insula Romuleae sacris asciverit urbis.
Dira lues quondam Latias vitiaverat auras,
Pallidaque exsangui squalebant corpora tabo.
Funeribus fessi postquam mortalia cernunt
Tentamenta nihil, nihil artes posse medentum,
630 Auxilium coeleste petunt. mediamque tenentes
Orbis humum Delphos adeunt, oracula Phoebi,
Utque salutifera miseris succurrere rebus
Sorte velit, tantaeque urbis mala finiat, orant.
Et locus et laurus et, quas habet ipse, pharetrae

---

610 *вопреки и народу* не желавшему, чтобы доблестный воинъ въ свою очередь обнажалъ свою голову, такъ какъ и безъ того никто его не подозрѣвалъ. 618 *запряжкой быковъ.* Въ первобытныя времена земледѣльческаго Рима было высочайшимъ вознагражденіемъ всяческой государственной заслуги, получить такое количество земли, которое можно въ одинъ день вспахать плугомъ. 620 Вал. Максимъ свидѣтельствуетъ, что на одихъ вратахъ, называемыхъ мѣдными, по старинному

Такъ зашумѣлъ и народъ. Но черезъ смѣшанный говоръ
Шумной толпы поднялся одинъ тутъ голосъ: „Да кто жь онъ?“
И на лбы всѣ глядятъ и роговъ имъ заявленныхъ ищутъ.
Снова имъ Ципъ прокричалъ: „Кого вы ищите,—съ вами“;
610 И съ головы онъ вѣнокъ, вопреки и народу, снимая,
Всѣмъ выставляетъ виски, роговъ носящіе пару.
Всѣ склонили тогда свой взоръ и вздохъ испустили.
И на заслугами славную.... кто въ состояньи повѣрить?...
Голову злобно глядятъ; а всежъ не дозволили долѣ
615 Ей пребывать не въ чести, и вѣнокъ торжества возложили.
Знатные жь, такъ какъ тебѣ входить воспрещалось за стѣны,
Ципъ, почетной земли тебѣ предоставили столько,
Сколько запряжкой быковъ глубоко забирающимъ плугомъ
Ты бы могъ захватить съ появленія дня до заката.
620 И рога, чтобъ они говорили о дивномъ явленьи,
Рѣжутъ на мѣдныхъ вратахъ вѣкамъ отдаленнымъ на память.

ЭСКУЛАПІЙ.

Разгласите теперь, поэтовъ заступницы, Музы...
Вамъ вѣдь извѣстно, и васъ не обманетъ глубокая древность...
Какъ Коронида волной глубокаго Тибра омытый
625 Островъ между святынь былъ города Ромула принятъ.
Злая когда то чума въ Лаціумѣ испортила воздухъ,
И поблѣднѣвши тѣла въ мертвящей коснѣли заразѣ.
Отъ похоронъ истомясь, когда уже смертные видятъ,
Что ни къ чему всѣ труды, ни къ чему лѣкарей все искусство,
630 Помощи просятъ они съ небесъ, и идутъ ужь въ Дельфы,
Что занимаютъ средину земли, тамъ оракула Феба
Просятъ, чтобы въ бѣдѣ спасительнымъ онъ изреченьемъ
Помощь явилъ и пресѣкъ обширной столицы страданья.
Мѣсто и лавръ и колчанъ, которымъ самъ онъ владѣетъ,

выраженію, porta raudusculana, была изображена голова Ципа съ рогами. 622 Вопреки переводу Любекера: *Асклепій*, мы удержали по прекрасному словарю Лебединскаго *Эскулапій*. 624 *Коронидъ*—сынъ Корониды (см. 2, 542), Эскулапъ. Здѣсь разсказывается, особенно ниже 740, какъ островъ на Тибрѣ принялъ Эскулапа въ число Римскихъ божествъ. 625 По Heinsius.—Haupt и Merkel acciderit; Riese даже adiecerit безъ должнаго основанія.

635 Intremuere simul. cortinaque reddidit imo
Hanc adyto vocem, pavefactaque pectora movit:
Quod petis hinc, propiore loco, Romane, petisses:
Et pete nunc propiore loco. nec Apolline vobis,
Qui minuat luctus, opus est, sed Apolline nato.
640 Ite bonis avibus, prolemque arcessite nostram.
Iussa dei prudens postquam accepere Senatus,
Quam colat explorant iuvenis Phoebeius urbem,
Quique petant ventis Epidauria litora, mittunt.
Quae postquam curva missi tetigere carina,
645 Concilium Graiosque patres adiere, darentque
Oravere deum, qui praesens funera gentis
Finiat Ausoniae. certas ita dicere sortes.
Dissidet et variat sententia. parsque negandum
Non putat auxilium. multi retinere suamque
650 Non emittere opem, nec numina tradere suadent.
Dum dubitant, seram pepulere crepuscula lucem,
Umbraque telluris tenebras induxerat orbi:
Cum deus in somnis opifer consistere visus
Ante tuum, Romane, torum, sed qualis in aede
655 Esse solet, baculumque tenens agreste sinistra
Caesariem longae dextra deducere barbae,
Et placido tales emittere pectore voces:
Pone metus, veniam, simulacraque nostra relinquam.
Hunc modo serpentem, baculum qui nexibus ambit,
660 Perspice, et usque nota visu, ut cognoscere possis.
Vertar in hunc. sed maior ero, tantusque videbor,
In quantum debent coelestia corpora verti.
Extemplo cum voce deus, cum voce deoque
Somnus abit. somnique fugam lux alma secuta est.
665 Postera sidereos aurora fugaverat ignes:
Incerti, quid agant, proceres ad templa petiti
Conveniunt operosa dei, quaque ipse morari
Sede velit, signis coelestibus indicet, orant.
Vix bene desierant, cum cristis aureus altis

---

643 *Эпидавръ*—городъ въ Арголидѣ, при Саронскомъ заливѣ съ храмомъ Эскулапія.

Дрогнули разомъ; и вотъ изъ глуби святыни треножникъ
Эти слова произнесъ и сердца наполнилъ испугомъ:
„То, чего ищешь ты здѣсь, нашелъ бы ты, Римлянинъ, ближе;
И въ ближайшемъ ищи его мѣстѣ: не Аполлона
Нужно вамъ, плачъ вашъ унять, а лишь Аполлонова сына.
Добрыхъ увидѣвши птицъ, вы нашего сына зовите“.
Какъ разумный Сенатъ воспринялъ велѣнія бога,
И про городъ узналъ, гдѣ Фебова сына жилище,
Съ вѣтромъ плыть къ берегамъ Эпидавра своихъ посылаетъ.
Какъ на согнутыхъ судахъ до нихъ достигли посланцы,
То въ собранье они пришли и къ старѣйшимъ у Грековъ,
Дать имъ бога, прося, который, явясь, прекратилъ бы
Смертность Авзонскихъ людей; такъ вѣрно судьбы предвѣщали.
Мнѣнье двоится на споръ: считаютъ одни, что отказа
Въ помощи быть не должно; совѣтуютъ многіе, мощи
Собственной не высылать, и никакъ не сдавать имъ святыни.
Все сомнѣвались, а сумерки свѣтъ запоздалый прогнали,
И на кругъ весь земной темноту уже тѣнь наводила,
Какъ во снѣ увидалъ ты, будто бы богъ исцѣлитель
Сталъ предъ постелью твоей, о Римлянинъ, какъ онъ бываетъ
Въ храмѣ, и лѣвой рукой держащій палку простую,
Правою длинной своей бороды оправляющій волосъ,
И изъ мирной груди испустилъ будто эти онъ рѣчи:
„Страхъ свой оставь, я приду и покину теперешній образъ.
Вотъ на змѣя взгляни, что узлами вкругъ палки обвился,
Да хорошенько вглядись, чтобъ могъ ты признать его снова.
Я въ него превращусь; но буду я больше, такого
Стану я роста, въ какой превращаться небеснымъ прилично“.
Тотчасъ за словомъ и богъ, за словомъ и богомъ и самый
Сонъ исчезъ; за исчезнувшимъ сномъ день выступилъ красный.
Прогоняла огни небесные слѣдомъ Аврора:
Какъ поступить не рѣша, сошлись передъ храмомъ богатымъ
Бога молить старшины, чтобъ небесными знаками самъ онъ
Имъ указалъ, на какомъ пребывать онъ мѣстѣ желаетъ.
Еле окончили рѣчь, какъ богъ со вздымавшимся гребнемъ

In serpente deus praenuntia sibila misit,
Adventuque suo signumque arasque foresque
Marmoreumque solum fastigiaque aurea movit,
Pectoribusque tenus media sublimis in aede
Constitit, atque oculos circumtulit igne micantes.
Territa turba pavet. cognovit numina castos,
Evinctus vitta crines albente, sacerdos,
Et: Deus en, deus est! animis linguisque favete,
Quisquis ades! dixit. Sis, o pulcherrime, visus
Utiliter, populosque iuves tua sacra colentes.
Quisquis adest, iussum veneratur numen, et omnes
Verba sacerdotis referunt geminata, piumque
Aeneadae praestant et mente et voce favorem.
Annuit his, motisque deus rata pignora cristis
Ter repetita dedit vibrata sibila lingua.
Tum gradibus nitidis delabitur, oraque retro
Flectit, et antiquas abiturus respicit aras,
Assuetasque domos habitataque templa salutat.
Inde per iniectis adopertam floribus ingens
Serpit humum, flectitque sinus, mediamque per urbem
Tendit ad incurvo munitos aggere portus.
Restitit hic, agmenque suum turbaeque sequentis
Officium placido visus dimittere vultu,
Corpus in Ausonia posuit rate. Numinis illa
Sensit onus, pressa estque dei gravitate carina
Aeneadae gaudent, caesoque in litore tauro,
Torta coronatae solvunt retinacula navis.
Impulerat levis aura ratem. Deus eminet alte,
Impositaque premens puppim cervice recurvam,
Caeruleas despectat aquas. modicisque per aequor
Ionium zephyris sexto Pallantidos ortu
Italiam tenuit, praeterque Lacinia templa,

---

682 *Энеады* — потомки Энея, Римляне. 684 Вопреки всѣмъ новѣйшимъ нѣмецкимъ изданіямъ, имѣющимъ вмѣсто ter—et, мы помѣщаемъ первое чтеніе, хотя оно опирается только на четырехъ спискахъ; но уже Heinsius далъ ему предпочтеніе. такъ какъ число три имѣло у римлянъ особое мистическое значеніе, что видно у самого Овидія: Metarmoph. X. 279, у Виргилія Georg. IV. 384 и у многихъ другихъ писателей Августовской эпохи. Это чтеніе принято также въ изданіяхъ Bach, Jahn

670 Самъ золотистый въ змѣѣ шипѣніе вѣщее издалъ,
И приходомъ своимъ и ликъ и алтарь и ворота,
Мраморный также помостъ и кровлю потрясъ золотую,
И по самую грудь посреди поднявшися храма,
Сталъ, и глазами, огнемъ сверкавшими, всюду окинулъ.
675 Страхъ толпу обуялъ; призналъ тутъ бога, честные
Волоса свои жрецъ повязкою бѣлой увившій
И воскликнулъ: „Вотъ богъ, это богъ! языками и духомъ
Всѣ вы молитесь, кто тутъ! О, дивный, да будешь во благо
Зримъ ты, и помощь подай тебя ублажающимъ людямъ“.
680 Всякъ кто присутствовалъ тутъ, предъ указаннымъ богомъ склонился;
Всѣ двукратно слова жреца повторяютъ, и кажутъ
Энеады свое благочестье устами и сердцемъ.
Богъ благосклонно кивнулъ и, гребень подъемля, какъ вѣрный
Знакъ тройное пустилъ языкомъ задрожавшимъ шипѣнье.
685 Съ гладкихъ ступеней затѣмъ онъ скатился и, ликъ обращая
Свой назадъ, посмотрѣлъ предъ уходомъ на жертвенникъ древній
И распростился съ жильемъ привычнымъ и храмомъ, гдѣ прожилъ.
Тутъ огромный поползъ по землѣ онъ закрытой цвѣтами,
Что накидали и, грудь извивая, черезъ городъ направилъ
690 Къ пристани путь, что была снабжена загнутой плотиной.
Здѣсь онъ сталъ и, когда казалось, толпу и служащихъ,
Провожавшихъ его отпустилъ съ благодушьемъ во взорѣ,
То на Авзонскій корабль перенесъ свое тѣло. Тотъ бремя
Бога призналъ, Энеады жь ликуютъ, что тяжестью бога
695 Гнетъ ихъ корабль и они, быка на прибрежьи убивши,
Съ увѣнчаннаго судна снимаютъ витыя причала,
Легкимъ вѣтромъ корабль понесло. Богъ высясь замѣтно
И, кривую корму своимъ надавивши затылкомъ,
Въ синее море глядитъ; и съ благосклоннымъ Зефиромъ
700 По Іонійскимъ волнамъ при шестомъ Паллантиды восходѣ
Прибылъ къ Италіи онъ, и мимо Лацiйскаго храма,

и Lörs. 700 *Паллантиды* — играя именами божествъ, Овидій здѣсь Аврору называетъ Паллантидой, хотя Паллантъ былъ только братомъ Титана Гиперіона 701 *Лацiйскаго* (см. выше 13).

Nobilitata dea, Scylaceaque litora fertur.
Linquit Iapygiam, laevisque Amphissia remis
Saxa fugit, dextra praerupta Celennia parte,
Romethiumque legit, Caulonaque, Naryciamque,
Evincitque fretum Siculique angusta Pelori,
Hippotadaeque domos regis, Temesesque metalla,
Leucosiamque petit, tepidique rosaria Paesti.
Inde legit Capreas, promontoriumque Minervae,
Et Surrentino generosos palmite colles,
Herculeamque urbem, Stabiasque, et in otia natam
Parthenopen, et ab hac Cumaeae templa Sibyllae.
Hinc calidi fontes lentisciferumque tenetur
Linternum, multamque trahens sub gurgite arenam
Vulturnus, niveisque frequens Sinuessa columbis,
Minturnaeque graves, et quam tumulavit alumnus,
Antiphataeque domus, Trachasque obsessa palude,
Et tellus Circaea, et spissi litoris Antium.
Huc ubi veliferam nautae advertere carinam...
Asper enim iam pontus erat... deus explicat orbes,
Perque sinus crebros et magna volumina labens
Templa parentis init flavum tangentia litus.
Aequore pacato patrias Epidaurius aras
Linquit, et hospitio iuncti sibi numinis usus
Litoream tractu squamae crepitantis arenam
Sulcat, et innixus moderamine navis in alta
Puppe caput posuit, donec Castrumque sacrasque

---

702 Тамъ же въ южной Италіи приморскій городъ Сцилацей. 703 *Япигія* (см. 14, 457).—*Амфизскихъ Камней.* Амфисса былъ городъ въ Локридѣ, въ Греціи; но оттуда въ нижнюю Италію перешла колонія и считаютъ, что Овидій обозвалъ Амфизскими камнями предгоріе Зефирій. Но такъ какъ даже такое объясненіе приводитъ къ географическому извращенію здѣсь описаннаго пути, то совершенно удовлетворительнаго объясненія надо еще ожидать. 704 *Целеннскія кручи* представляютъ не меньшее затрудненіе, такъ какъ объ упоминаемомъ Виргиліемъ Кампанскомъ городѣ Целеннѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. 705 Также необъяснимъ и Рометій. — *Кавлонъ* или *Кавлонія* на восточномъ берегу Калабріи и тамъ же весьма значительный городъ Локры, Греческой колоніи изъ Локрійскаго города Нариціи (см. 8, 312). 706 *И заливъ одолѣлъ* — избѣжавъ, опасныхъ для кораблей, Сциллы и Харибды.—*Пелоръ* (см. 5, 346). 707 *И дворецъ Гиппотада* (см. 14, 86), *и руды Темесы* (см. 7, 207). 708 *Левкозія* — островъ или скорѣе скала въ заливѣ Пестума, знаменитаго понынѣ двукратнымъ цвѣтеніемъ розъ въ Маѣ и Сентябрѣ.

Славнаго по божеству, поплылъ къ берегамъ Сцилацейскимъ.
И Япигію онъ миновалъ и Камней Амфизскихъ
Слѣва гребя избѣжалъ, а справа кручей Целеннскихъ,
Онъ и Рометій прошелъ, и Кавлонъ и Нарицію тоже
И заливъ одолѣлъ Сикулійскій съ тѣсниной Пелора,
И дворецъ Гиппотада царя и руды Темесы,
И поплылъ на Левкозію, теплаго Пестума къ розамъ.
Мимо Капреи затѣмъ онъ плыветъ и предгорья Минервы
И холмовъ, что своей Суррентинской лозою извѣстны,
Близъ Геркулесова города, Стабія и Партенопы,
Порожденной для нѣгъ, и ко храму Кумской Сивиллы.
Правитъ оттуда къ ключамъ горячимъ, къ Линтерну, мастикой
Славному и къ Вультурну, песку уносящему много
Омутомъ, и Синуэссѣ, странѣ голубей бѣлоснѣжныхъ,
И къ Минтурнамъ сырымъ и къ той, что зарыта питомцемъ,
Къ Антифáта жилью, къ Траханту, кругомъ на болотахъ,
И къ Цирцейской землѣ и тѣснымъ брегамъ Анціума.
Какъ повернули пловцы сюда корабль окрыленный...
Ибо море уже разъярилось... богъ кольца расправилъ
И на изгибахъ частя и віясь большими дугами,
Въ храмъ отцовскій вошелъ, стоявшій на желтомъ прибрежьи.
Какъ успокоилась хлябь, Эпидаврянинъ снова покинулъ
Отчій алтарь и, въ гостяхъ побывавши у бога роднаго,
Онъ прибрежный песокъ бороздитъ чешуи шелестящей
Слѣдомъ, и по рулю взойдя корабельному, легъ онъ
На кормѣ головой, покуда къ Кастру, къ священнымъ

---

709 Островъ въ Тирренскомъ морѣ противъ мыса Минервы на берегу Кампаніи, гдѣ находился знаменитый своимъ виномъ Суррентъ. 711 *Геркулесовъ городъ*—Геркуланумъ и *Стабія* близъ Партенопы (Неаполя), любимаго мѣстопребыванія богатыхъ Римлянъ (см. 14, 101). 713 *къ ключамъ горячимъ* надо подразумѣвать знаменитыя Баи близъ Неаполя. Близъ Линтерна во множествѣ росли мастиковыя деревья. 714 ***Вультурнъ*** — рѣка въ Кампаніи. 715 Городъ *Синуэсса* въ той же области, знаменитый своими голубями. 716 *Минтурны* — городъ въ Лаціи на границѣ Кампаніи, при устьяхъ Лириса, въ болотистой мѣстности,—*и къ той*—Каэтѣ, кормилицѣ Энея, которая, будучи зарыта (похоронена) своимъ питомцемъ, сообщила свое имя городу. 717 *Къ Антифата жилью* (см. 14, 233).—*Трахантъ* позднѣйшая Террацина близъ Помптинскихъ болотъ. 718 *И къ Цирцейской землѣ* (см. 14, 10). 722 ***Въ храмъ отцовскій.*** О храмѣ Аполлона въ Анціумѣ ничего неизвѣстно, но тамъ былъ храмъ Эскулапія. 727 *къ Кастру*—городу въ странѣ Рутуловъ.

Lavini sedes Tiberinaque ad ostia venit.
Huc omnes populi passim matrumque patrumque
730 Obvia turba ruit, quaeque ignes, Troica, servant,
Vesta, tuos, laetoque deum clamore salutant.
Quaque per adversas navis cita ducitur undas,
Tura super ripas aris ex ordine factis
Parte ab utraque sonant, et odorant aera fumis:
735 Ictaque coniectos incalfacit hostia cultros.
Iamque caput rerum, Romanam intraverat urbem:
Erigitur serpens, summoque acclinia malo
Colla movet, sedesque sibi circumspicit aptas.
Scinditur in geminas partes circumfluus amnis:
740 Insula nomen habet. laterumque e parte duorum
Porrigit aequales media tellure lacertos.
Huc se de Latia pinu Phoebeius anguis
Contulit, et finem specie coeleste resumta
Luctibus imposuit, venitque salutifer urbi.

IULIUS CAESAR.

745 Hic tamen accessit delubris advena nostris:
Caesar in urbe sua deus est. quem Marte togaque
Praecipuum non bella magis finita triumphis
Resque domi gestae properataque gloria rerum
In sidus vertere novum stellamque comantem,
750 Quam sua progenies. Neque enim de Caesaris actis
Ullum maius opus, quam quod pater exstitit huius.
Scilicet aequoreos plus est domuisse Britannos,

---

728 *Кровлямъ Лавинскимъ* — города Лавинія, основаннаго Энеемъ и названнаго по имени своей супруги (см. 14, 449 и 570), гдѣ онъ, выстроивъ храмъ Паллады, сложилъ привезенную имъ изъ Трои святыню. 731 *Веста Троянская*, возникшая изъ Греческой Гестіи, богиня домашняго, какъ и городскаго и государственнаго очага пользовалась въ Римѣ особымъ почетомъ. Священный огонь ея, привезенный будто бы Энеемъ вмѣстѣ съ нею изъ Трои, долженъ былъ вѣчно горѣть въ ея храмѣ. Но если онъ во время государственныхъ бѣдствій какъ нибудь погасалъ (см. ниже 778), то онъ могъ быть добываемъ вновь лишь треніемъ вырѣзковъ изъ священныхъ деревьевъ или посредствомъ зажигательнаго стекла отъ солнца. Непорочныя дѣвы, ***Весталки***, охраняли этотъ огонь подъ строгой отвѣтственностію. Если онъ потухалъ по небре-

Кровлямъ Лавинскимъ уже и къ устьямъ Тибра не прибылъ.
Тутъ весь разомъ народъ, отцы и матери, вмѣстѣ
730 Прямо навстрѣчу валятъ и тѣ, что огонь сохраняютъ,
Веста Троянская, твой, и привѣтствуютъ радостно бога.
Какъ проворно корабль возводятъ навстрѣчу теченью,
Ладонъ поверхъ береговъ съ алтарей устроенныхъ рядомъ
Съ каждой кипитъ стороны съ благовоннымъ по воздуху дымомъ;
735 И нагрѣваетъ ножи вонзенные павшая жертва.
Вотъ ужь города Рима, главы онъ вселенной достигнулъ;
Подымается змѣй и—съ мачты высокой склоняясь,
Шеей вертитъ, и себѣ поудобнѣе смотритъ жилища.
На двѣ части рѣка, закругляяся, тутъ раздѣлилась.
740 Островомъ мѣсто слыветъ; а она съ двухъ сторонъ простираетъ
По серединѣ земли рукава одинакихъ размѣровъ.
Вотъ сюда съ корабля Латинскаго перемѣстился
Фебовъ змѣй, и опять свой образъ пріявши небесный,
Плачу конецъ положилъ и цѣлителемъ вышелъ столицы.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

745 Этотъ однако же храмовъ у насъ достигъ какъ пришелецъ;
Цезарь богъ у себя въ столицѣ; великаго въ полѣ
Какъ и въ тогѣ, его не больше, кончаясь тріумфомъ,
Войны и дома дѣла и быстрая слава дѣяній
Новымъ созвѣздьемъ содѣлали и звѣздой волосатой,
750 Чѣмъ порожденье его. Потому что у Цезаря выше
Нѣтъ дѣяній того, что отцемъ онъ явился такого.
Неужели важнѣй покорить заморскихъ Британновъ,

женію Весталки, то ее пороли розгами, если же она нарушала цѣломудріе, то ее хоронили живую. 744 *Плачу*—по причинѣ чумы. 745 *Этотъ*—богъ, т. е. Эскулапій, пришлый, но въ столицѣ свой богъ—Цезарь. 747 *Тога*—широкая, бѣлая, круглая мантія, ловко безъ всякихъ искусственныхъ застежекъ набрасываемая на плеча, была національной одеждою Римскаго гражданина и только снималась въ военное время, замѣняясь военною мантіею, почему съ нею связывается понятіе мира. 749 *звѣздой волосатой*—кометой. 750 *Чѣмъ порожденье его*—необыкновенно смѣлый оборотъ. Во первыхъ, говорится, что Юлій Цезарь достигъ божественности не болѣе своими подвигами, чѣмъ доблестями своего сына, а во вторыхъ, Августъ, только усыновленный Цезаремъ, прямо названъ его порожденіемъ—progenies.

Perque papyriferi septemflua flumina Nili
Victrices egisse rates, Numidasque rebelles
Cinyphiumque Iubam, Mithridateisque tumentem
Nominibus Pontum populo adiecisse Quirini,
Et multos meruisse, aliquos egisse triumphos,
Quam tantum genuisse virum, quo praeside rerum
Humano generi, superi, favistis abunde.
Ne foret hic igitur mortali semine cretus,
Ille deus faciendus erat. Quod ut aurea vidit
Aeneae genitrix, vidit quoque triste parari
Pontifici letum et coniurata arma moveri,
Palluit et cunctis, ut cuique erat obvia, divis:
Aspice, dicebat, quanta mihi mole parentur
Insidiae, quantaque caput cum fraude petatur,
Quod de Dardanio solum mihi restat Iulo.
Solane semper ero iustis exercita curis?
Quam modo Tydidae Calydonia vulneret hasta,
Nunc male defensae confundant moenia Troiae:
Quae videam natum longis erroribus actum
Iactarique freto sedesque intrare silentum,
Bellaque cum Turno gerere, aut, si vera fatemur,
Cum Iunone magis? Quid nunc antiqua recordor
Damna mei generis? Timor hic meminisse priorum
Non sinit. in me acui sceleratos cernitis enses.
Quos prohibete, precor, facinusque repellite! neve
Caede sacerdotis flammas extinguite Vestae.
  Talia nequicquam toto Venus anxia coelo
Verba iacit, superosque movet. qui rumpere quanquam
Ferrea non possunt veterum decreta sororum,
Signa tamen luctus dant haud incerta futuri.

---

753 *по семи рукавамъ* (см. 1, 422). По свидѣтельству Плинія въ болотистыхъ низминахъ и заводяхъ Нила произросталъ тростникъ папируса. 754 *и возстававшихъ Нумидовъ*—Мавританскій народъ при рѣкѣ Цинипсѣ или Цинифѣ (см. 5, 124), часто свергавшій Римское иго, пока Юлій Цезарь при Тапсѣ не разбилъ и не покорилъ окончательно царя ихъ Юбу. 755 *Понтъ.* Понтомъ (моремъ по гречески) преимущественно называлось Черное море, а затѣмъ и лежащая на берегу его страна между Виѳиніей и Арменіей, оказывавшая подъ державою фамиліи Митридатовъ, изъ коихъ одинъ знаменитъ какъ Великій, упорное сопротивленіе Риму. 756 *народу Квирина*

И по семи рукавамъ папиромъ богатаго Нила
Въ славѣ ввести корабли, и возстававшихъ Нумидовъ
И Цинифійскаго Юбу и Понтъ, именами столь гордый
Митридатовъ, успѣть пріобщить къ народу Квирина,
Много разъ заслужить, а иныхъ и дождаться тріумфовъ,
Чѣмъ подобнаго мужа родить, чьимъ правленіемъ боги
Роду людскому свою благодать вы явили обильно.
Чтобы вотъ этотъ рожденъ отъ смертнаго сѣмени не былъ,
Богомъ тотъ долженъ былъ стать. Когда золотая узрѣла
Это Энеева мать и узрѣла, что грустную прочатъ
Первосвященнику смерть и кишатъ заговора доспѣхи,
Поблѣднѣла, и всѣмъ богамъ, съ какими встрѣчалась,
Говорила: „взгляни, съ какимъ напряженьемъ готовятъ
Мнѣ засады, съ какимъ головѣ угрожаютъ коварствомъ
Той, что одна у меня отъ Дарданца Іула осталась.
Или одной мнѣ всегда справедливой терзаться заботой?
То Тидида меня копье Калидонское ранитъ,
То защитой плохой смущаютъ Троянскія стѣны,
То я вижу, какъ сынъ находится въ долгомъ скитаньи,
Носится вдоль по морямъ и входитъ въ жилища безмолвныхъ,
Съ Турномъ вступаетъ въ войну, иль, ежели высказать правду,
Даже съ Юноной скорѣй? Но что жь мнѣ былыя утраты
Рода считать своего? Страхъ этотъ мнѣ помнить о прежнихъ
Не позволяетъ; мечи на меня, вы видите, точатъ.
Ихъ удержите, молю, отклоните злодѣйство! Убійствомъ
Первосвященника вы не гасите пламени Весты“.
Эти въ волненьи слова Венера по цѣлому небу
Разносила вотще, чтобъ тронуть боговъ; хоть расторгнуть
Имъ вѣковѣчныхъ сестеръ нельзя приговоровъ желѣзныхъ,
Все жь они знаки даютъ несомнѣнные скорби грядущей.

(см. 14, 607). 760 *Этотъ* — Августъ; *тотъ* — Юлій Цезарь. 761 *золотая Энеева мать* (см. 10, 277). 763 *Первосвященнику*. Не за долго до состоявшагося противъ Юлія Цезаря заговора онъ былъ избранъ Великимъ первосвященникомъ, блюстителемъ священныхъ религіозныхъ обрядовъ. 772 Эней, спускающійся въ Оркъ (см. 14, 116). 774 *Даже съ Юноной скорѣй* (см. 14, 85). 777 *Ихъ удержите* (заговорщиковъ) (см. выше 731 и 763). 781 *вѣковѣчныхъ сестеръ* — Парокъ. 782 Далѣе исчисляются всякаго рода необычайныя явленія, предвѣщавшія убійство Цезаря.

Arma ferunt inter nigras crepitantia nubes
Terribilesque tubas auditaque cornua coelo
Praemonuisse nefas. Solis quoque tristis imago
Lurida sollicitis praebebat lumina terris.
Saepe faces visae mediis ardere sub astris:
Saepe inter nimbos guttae cecidere cruentae.
Caerulus et vultum ferrugine Lucifer atra
Sparsus erat, sparsi lunares sanguine currus.
Tristia mille locis Stygius dedit omina bubo:
Mille locis lacrimavit ebur, cantusque feruntur
Auditi sanctis et verba minantia lucis.
Victima nulla litat, magnosque instare tumultus
Fibra monet, caesumque caput reperitur in extis.
Inque foro circumque domos et templa deorum
Nocturnos ululasse canes, umbrasque silentum
Erravisse ferunt, motamque tremoribus urbem.
Non tamen insidias venturaque vincere fata
Praemonitus potuere deum. strictique feruntur
In templum gladii. neque enim locus ullus in urbe
Ad facinus diramque placet, nisi curia, caedem.
Tum vero Cytherea manu percussit utraque
Pectus. et Aeneaden molitur condere nube,
Qua prius infesto Paris est ereptus Atridae,
Et Diomedeos Aeneas fugerat enses.
Talibus hanc genitor: Sola insuperabile fatum,
Nata, movere paras? intres licet ipsa sororum
Tecta trium! cernes illic molimine vasto
Ex aere et solido rerum tabularia ferro,
Quae neque concussum coeli, neque fulminis iram,
Nec metuunt ullas tuta atque aeterna ruinas.
Invenies illic incisa adamante perenni
Fata tui generis. legi ipse animoque notavi

---

791 *Грустно во многихъ мѣстахъ*—филинъ (см. 5, 550 и 3, 76). 792 *слоновая кость* на лицахъ статуй боговъ могла отъ сырости покрываться каплями. 795 Римляне называли лопасть на печени головою, связывая съ нею судьбу главы государства. 801 *кромѣ Куріи* (ратуши Помпея) которая была освящена и почитаема какъ храмъ, въ ней то при полномъ засѣданіи сената Цазарь былъ пораженъ 23 ударами кинжа-

Звонъ оружія, какъ говорятъ, въ омрачившихся тучахъ,
Страшные трубы и звукъ роговъ раздававшійся съ неба
Предвѣщали бѣду. И ликъ печальнаго солнца
Желтоватый лишь свѣтъ посылалъ на тревожную землю.
Часто видали, что факелы между звѣздами пылали;
Часто вмѣстѣ съ дождемъ кровавыя падали капли.
Синій былъ и съ лицемъ забрызганнымъ ржавчиной черной
Люциферъ самъ, и луны колесница обрызгана кровью.
Грустно во многихъ мѣстахъ Стигійскій предсказывалъ филинъ.
Плакала въ многихъ мѣстахъ слоновая кость и неслися
Пѣсни и рѣчи угрозъ раздаваясь, по рощамъ священнымъ.
Въ жертвахъ спасенія нѣтъ, на сильное кажетъ смятенье
Внутренность, печень раскрывъ въ ней голову видятъ съ надрывомъ.
И на форумѣ, и вкругъ домовъ и божескихъ храмовъ
Выли полночные псы, и тѣни скитались усопшихъ,
Какъ говорятъ, и тряслась столица, охвачена дрожью.
Но коварныхъ засадъ и грядущихъ судебъ не сразили
Всѣ предвѣщанья боговъ; и мечи обнаженные вносятъ
Въ храмъ; ибо въ городѣ нѣтъ кромѣ куріи мѣста такого,
Чтобъ преступленье оно потерпѣло и злое убійство.
Тутъ Цитерея себя обѣими разомъ руками
Въ грудь поразила; и въ той Энеида вздумала тучѣ
Скрыть, въ которой Парисъ былъ вырванъ у злаго Атрида
Нѣкогда, да и Эней убѣжалъ отъ меча Діомеда.
Ей родитель сказалъ: „Иль одна, ты дочь, замышляешь
Непреклонность судьбы измѣнить? Войди ко сама-то
Въ домъ трехъ сестеръ! И ты тамъ въ громадномъ строеньи увидишь
На мѣди и на твердомъ желѣзѣ таблицы событій,
Что не боясь ни небесъ сотрясеній, ни молніи гнѣва,
Ни другихъ никакихъ разрушеній, сохранны и вѣчны.
Тамъ изсѣченными ты найдешь на стали вѣковѣчной
Рода судьбы своего; я самъ ихъ прочелъ и запомнилъ

ловъ. 805 Во время единоборства Париса съ Менелаемъ Венера спасла своего любимца отъ угрожающей опасности, скрывши его въ облакѣ. 806 *да и Эней убѣжалъ* (см. 14, 477). 809 *Въ домъ трехъ сестеръ* (см. выше 781).

Et referam, ne sis etiamnum ignara futuri.
Hic sua complevit, pro quo, Cytherea, laboras,
Tempora perfectis, quos terrae debuit, annis.
Ut deus accedat coelo templisque locetur,
Tu facies natusque suus. qui nominis haeres
Impositum feret unus onus, caedisque parentis
Nos in bella suos fortissimus ultor habebit.
Illius auspiciis obsessae moenia pacem
Victa petent Mutinae: Pharsalia sentiet illum:
Emathiaque iterum madefient caede Philippi:
Et magnum Siculis nomen superabitur undis:
Romanique ducis coniux Aegyptia taedae
Non bene fisa cadet. frustraque erit illa minata,
Servitura suo Capitolia nostra Canopo.
Quid tibi barbariem gentesque ab utroque iacentes
Oceano numerem? Quodcunque habitabile tellus
Sustinet, huius erit. pontus quoque serviet illi.
Pace data terris animum ad civilia vertet
Iura suum, legesque feret iustissimus auctor:
Exemploque suo mores reget, inque futuri
Temporis aetatem venturorumque nepotum
Prospiciens prolem sancta de coniuge natam
Ferre simul nomenque suum curasque iubebit:
Nec nisi cum senior [Pylios] aequaverit annos,
Aetherias sedes cognataque sidera tanget.

---

815 Здѣсь вкратцѣ исчисляются главные подвиги и побѣды Августа, преимущественно по смерти Юлія Цезаря. 822 Когда Антоній, отправившійся противъ Цизальпинской Мутины (Модены), въ которой держался одинъ изъ убійцъ Цезаря, Децимъ Брутъ, не захотѣлъ снять осады города, то противъ него отправленъ былъ молодой Октавіанъ (Августъ), который заставилъ Антонія бѣжать, а Мутинѣ даровалъ просимое освобожденіе. 824 *Фарсалъ ощутитъ его силу* надо смиренной прозой понимать: Эматія (Македонія), уже разъ потрясенная Цезаремъ при Фарсалѣ, ощутитъ силу Октавіана, когда Филиппы увлажатся кровью. 825 Секстъ Помпей — сынъ Великаго Помпея былъ со флотомъ своимъ разбитъ близь Сициліи начальникомъ флота Октавіана Агриппою. 826 *Египтянка супруга.* Маркъ Антоній, другъ Юлія Цезаря и мститель его смерти, поэтому союзникъ Октавіана, по уничтоженіи всѣхъ противниковъ, сталъ, въ свою очередь, соперникомъ Октавіана; оттолкнувши жену свою Октавію, сестру Августа, онъ соединился съ Египетской царицей Клеопатрой, которая, *не кстати вѣруя въ факелъ* (брачнаго союза), расчитывала на подчиненіе Рима Египту. Соединенный Египетскій флотъ былъ разбитъ при Акціумѣ (см. 13, 715). Антоній бросился на свой мечъ, а Клеопатра приложила аспида къ груди (см. 9,

И сообщу, чтобы ты не была о грядущемъ безвѣстна.
Тотъ исполнилъ свое, о комъ, Цитерея, хлопочешь,
Время, года переживъ, которые долженъ землѣ онъ.
Чтобъ онъ на небо взошелъ и помѣстился во храмахъ,
Сдѣлаешь ты и его же сынъ; одинъ какъ наслѣдникъ
Имени онъ понесетъ возложенное бремя, и храбрый
Мститель убійства отца и насъ въ своихъ войнахъ обрящетъ.
Подъ повелѣньемъ его осажденныя стѣны Мутины
Мира запросятъ, смирясь; Фарсалъ ощутитъ его силу
И увлажатся вновь Эматійскіе кровью Филиппы,
И побѣдится въ волнахъ Сикулійскихъ великое имя;
Римскаго тоже вождя Египтянка супруга, некстати
Вѣруя въ факелъ, падетъ; напрасно она пригрозится,
Что Канопу ея нашъ будетъ служить Капитолій.
Что же варварскій край и съ обѣихъ сторонъ океана
Всѣхъ мнѣ народовъ считать? Что есть земли заселенной,
Все это будетъ его; ему же послужитъ и море.
Миръ предоставя землѣ, къ правамъ гражданскимъ склонитъ онъ
Духъ свой и проведетъ, владыка правдивый, законы,
Нравы управитъ своимъ примѣромъ и, прозирая
Въ годы грядущихъ временъ и ожидаемыхъ внуковъ,
Отъ священной своей супруги рожденному сыну
Онъ прикажетъ принять и имя свое и заботы.
И лишь когда старикомъ онъ съ Пилійцемъ лѣтами сравнится,
То въ пространствѣ небесъ къ роднымъ пріобщится свѣтиламъ.

---

694). 828 *Канопу ея*. Египетскій городъ Канопъ въ устьяхъ Нила былъ мѣстопребываніемъ высокаго Египетскаго божества, и названъ здѣсь какъ средоточіе Египетскаго богопочитанія, подобно тому, какъ Капитолій былъ для Римскаго. 829 *варварскій край*;—весь сѣверъ къ Дунаю, Рейну и т. д., коего обитатели преимущественно назывались варварами; народы *съ обѣихъ сторонъ океана* подразумѣваются живущіе на востокѣ и западѣ Средиземнаго моря. 836 *отъ священной своей супруги*; своему пасынку Тиверію, сыну второй жены Ливіи, котораго Августъ предназначилъ своимъ наслѣдникомъ. Конечно, слово *священной* или *непорочной*—sancta какъ поэтическое преувеличеніе менѣе всего идетъ къ безнравственной Ливіи. 838 Мы перевели по тексту, исправленному согласно догадкѣ Геніуса, замѣнившему слово similes словомъ *Pylios*, такъ какъ similes, относимое къ Юлію Цезарю, павшему 56 лѣтъ, да къ тому же насильственною смертію, въ устахъ тонкаго Овидія совершенно невозможно, тогда какъ сравненіе съ трехсотлѣтнимъ мудрымъ Несторомъ и прилично и красиво.

Hanc animam interea caeso de corpore raptam
Fac iubar, ut semper Capitolia nostra forumque
Divus ab excelsa prospectet Iulius aede.
 Vix ea fatus erat, media cum sede senatus
Constitit alma Venus, nulli cernenda, suique
Caesaris eripuit membris nec in aera solvi
Passa recentem animam coelestibus intulit astris.
Dumque tulit, lumen capere atque ignescere sensit,
Emisitque sinu. Luna volat altius illa,
Flammiferumque trahens spatioso limite crinem
Stella micat, natique videns benefacta fatetur
Esse suis maiora, et vinci gaudet ab illo.
Hic sua praeferri quanquam vetat acta paternis,
Libera fama tamen nullisque obnoxia iussis
Invitum praefert unaque in parte repugnat.
Sic magni cedit titulis Agamemnonis Atreus:
Aegea sic Theseus, sic Pelea vincit Achilles.
Denique, ut exemplis ipsos aequantibus utar,
Sic et Saturnus minor est Iove. Iuppiter arces
Temperat aetherias et mundi regna triformis:
Terra sub Augusto est. pater est et rector uterque.
 Di, precor, Aeneae comites, quibus ensis et ignis
Cesserunt, dique Indigetes, genitorque Quirine
Urbis, et invicti genitor Gradive Quirini,
Vestaque Caesareos inter sacrata penates,
Et cum Caesarea tu, Phoebe domestice, Vesta,
Quique tenes altus Tarpeias Iuppiter arces,
Quosque alios vati fas appellare piumque est:
Tarda sit illa dies et nostro serior aevo,
Qua caput Augustum, quem temperat, orbe relicto
Accedat coelo faveatque precantibus absens.
 Iamque opus exegi, quod nec Iovis ira nec ignis
Nec poterit ferrum nec edax abolere vetustas.

---

840 *Эту душу* — Юлія Цезаря. 849 Впродолженіе семи вечеровъ на игрищахъ, устроенныхъ Октавіономъ въ честь Цезаря, сіяла на сѣверѣ яркая комета, которую народъ считалъ душою Цезаря, вознесенною въ сонмъ боговъ (см. 1, 72), 859 *трояккаго міра владѣньемъ*. Хотя Нептунъ владѣетъ моремъ, а Плутонъ подзем-

Эту душу межъ тѣмъ изъ убитаго тѣла исхитивъ,
Преврати ты въ звѣзду, чтобъ вѣчно на нашъ Капитолій
И на форумъ взиралъ съ высоты божественный Юлій“.
Только онъ это изрекъ, какъ свѣтлая тотчасъ Венера
Средь засѣданья сената, никѣмъ незримая, стала,
И своего она Цезаря новую душу изъ тѣла
Выхвативъ и, не пустивъ испариться, къ звѣздамъ поспѣшила.
Какъ несла, ощутила, что та, засвѣтясь, загорѣлась,
И отпустила съ груди. Та выше луны возлетаетъ,
И, влача за собой волоса огневые въ пространствѣ,
Возсіяла звѣздой и, видя дѣянія сына,
Выше сочла ихъ своихъ, и рада имъ быть побѣжденной.
Этотъ свои хоть дѣла запрещаетъ чтить выше отцовскихъ,
Но свобода молвы, никакимъ не сдаваясь велѣньямъ,
Ставитъ все жъ выше его и въ одномъ непокорна лишь этомъ.
Честь такъ Атрей уступилъ великому Агамемнону,
Такъ Эгея Тезей и Пелея Ахиллъ побѣждаетъ.
И наконецъ чтобы къ нимъ подходящіе выбрать примѣры,
Такъ и Сатурнъ Зевеса слабѣй. Юпитеръ твердыней
Правитъ воздушной и всѣмъ троякаго міра владѣньемъ;
Августъ владѣетъ землей; и оба отцы и владыки.
Боги, Энеевы спутники, вы, передъ кѣмъ отступили
Мечъ и огонь, туземные боги, Квиринъ прародитель
Города, ты о Градивъ, владыки Квирина родитель
Также священная ты средь пенатовъ Цезарскихъ Веста,
Съ Цезарской Вестой и ты, о Фебъ, покровитель домашній,
И Тарпейскихъ жилищъ высокій владыка Юпитеръ
И всѣ вы, что назвать и почтить подобаетъ поэту:
Медленъ да будетъ тотъ день и насъ не застанетъ, въ который
Голова Августѣйшая, міръ ей покорный покинувъ,
Къ небу взойдетъ и молящимся издали милость заявитъ.
Вотъ я и трудъ завершилъ; его ни гнѣвный Юпитеръ,
Ни желѣзо, ни огнь, ни давность изгладить не могутъ.

нымъ міромъ, но оба эти міра тѣмъ не менѣе подчинены Юпитеру. 861 *Энеевы спутники*—пенаты. 862 *Квиринъ* (см. 14, 607). 863 *Градивъ* (см. 14, 819). 864 *Веста* (см. выше 731). 865 *о Фебъ, покровитель домашній*. На Палатинѣ, близь своего дворца, Августъ построилъ Фебу храмъ и библіотеку.

Cum volet, illa dies, quae nil nisi corporis huius
Ius habet, incerti spatium mihi finiat aevi:
875 Parte tamen meliore mei super alta perennis
Astra ferar, nomenque erit indelebile nostrum.
Quaque patet domitis Romana potentia terris,
Ore legar populi, perque omnia saecula fama,
Si quid habent veri vatum praesagia, vivam.

---

873 ничѣмъ кромѣ этого тѣла, а не духомъ и его твореніями.

Пусть какъ захочетъ, тотъ день, что ничѣмъ кромѣ этого тѣла
Правъ не имѣетъ владѣть, мой вѣкъ неизвѣстный окончитъ:
875 Лучшею частью своей безсмертенъ я вознесуся
Выше звѣздъ, и мое нетлѣнно останется имя.
Всюду, гдѣ Римская власть разлилась по землѣ покоренной,
Буду въ народныхъ устахъ, и чрезъ всѣ столѣтія въ славѣ,
Если правдивое есть въ предсказаньяхъ поэтовъ, пребуду.

ОПЕЧАТКИ:

Стр.	*Книга.*	*Стихъ.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
53	II.	12	сидя на камнѣ осушаетъ свой волосъ зеленый.	На камнѣ сидя зеленые волосы сушитъ.
97	II.	704	квоарный	коварный
111	III.	25	и неизвѣстнымъ горамъ и нивамъ привѣтъ посылаетъ.	И обращаетъ привѣтъ къ горамъ неизвѣстнымъ и нивамъ
181	IV.	396	недавно бывшія нитки	только что бывшія нитки
185	IV.	465	Иксіома	Иксіона
215	V.	108	наручнемъ побѣждался	наручнемъ мечъ побѣждался.
217	V.	128	Миналей	Меналей
221	V.	193	что раскрывшись, разверсты	что раскрывшись
—	V.	200	лишь тѣмъ наказаны	межъ тѣмъ наказаны
—	V.	203	Астіадъ	Астіагъ
245	V.	567	сколько проводитъ она	сколько она
279	VI.	380	а животъ,	животъ,
—	VI.	384	Тамъ	Томъ
281	VI.	401	сейчасъ, какъ народъ	сейчасъ народъ
299	VI.	685	то въ гнѣвѣ	то во гнѣвѣ
355	VII.	801	ложе	ложа
419	IX.	5	Передалъ по порядку.	Передамъ по порядку
427	IX.	112	она и его потока	она и его и потока
449	IX.	434	мною судьбы правятъ	мною судьбы управляютъ
453	IX.	499	Теѳису	Теѳію
555	IX.	547	ты возлюбленную	ты влюбленную
459	IX.	626	чтобы я срама	чтобъ я срама
505	X.	486	все меня	вы меня
571	XI.	784	Теѳиса	Теѳія
629	XIII.	205	понимая	поминая
639	XIII.	364	но время сраженія	но время сраженья
641	XIII.	400	въ старь	встарь
643	XIII.	442	изъ разверзстои	изъ разверстой

6 НОЯ 1946

2010513665